НАУЧНО-ИСТОРИЧЕСКАЯ БИБЛІОТЕКА.

I.

ФЮСТЕЛЬ де-КУЛАНЖЪ.

ИСТОРІЯ ОБЩЕСТВЕННАГО СТРОЯ ДРЕВНЕЙ ФРАНЦІИ.

ПЕРЕВОДЪ
О. П. Захарьиной,
ПОДЪ РЕДАКЦІЕЮ
проф. И. М. Гревса.

ТОМЪ ШЕСТОЙ.

ПЕРЕРОЖДЕНІЕ КОРОЛЕВСКОЙ ВЛАСТИ ВЪ КАРОЛИНГСКУЮ ЭПОХУ.

ПЕТРОГРАДЪ.
1916.

4734

Петроградъ. Дозволено военной цензурой 18 іюля 1916 г.

ПЕРЕРОЖДЕНІЕ КОРОЛЕВСКОЙ ВЛАСТИ ВЪ КАРОЛИНГСКУЮ ЭПОХУ.

Оглавленіе.

ПРЕДИСЛОВІЕ

редактора русскаго перевода.

Послѣдній томъ русскаго перевода главнаго труда жизни Фюстель де-Куланжа появляется у насъ въ свѣтъ вскорѣ послѣ исполненія пятидесятилѣтія съ того времени, когда авторъ, неся профессорское служеніе въ французскомъ тогда Страссбургѣ, закончилъ и опубликовалъ свое первое знаменитое сочиненіе, составившее ему славу,—«La cité antique». Одною изъ кардинальныхъ идей, положенныхъ въ основаніе его исторической концепціи, было убѣжденіе, что не матеріальная и физическая сила управляетъ созданіемъ и развитіемъ человѣческихъ обществъ, [1] что они являются плодомъ работы духа. Нѣсколько лѣтъ послѣ выхода удивительной книги автору выпала горькая судьба вмѣстѣ со всею Франціею въ 1871 г. оплакивать отторженіе оружіемъ отъ живого тѣла націи, съ которой она сроднилась, страны, крѣпко привязавшей къ себѣ и его сердце въ годы ранней, почти юношеской профессорской дѣятельности. Фюстель де-Ку-

[1] См. *Fustel de Coulanges*, La cité antique, p. 48, 95, 143, 207, 241 etc. (éd. 1912). Ср. статью ученика его *C. Jullian*, Le cinquantenaire de la Cité antique, въ «Revue de Paris» 1916, 15 fevrier.

ланжъ тогда же горячо протестовалъ противъ политики «крови и желѣза» и въ отвѣтъ на грубое націоналистическое выступленіе знаменитаго историка Моммзена противъ Франціи, защищая начало свободы народовъ, воодушевленно доказывалъ: спросите у альзасцевъ, кто они? и если они скажутъ, хотя бы и на нѣмецкомъ нарѣчіи, что они — французы, это будетъ правда, и ихъ право — по такой правдѣ жить [1].

Въ нынѣ переживаемые міромъ грозные годы, когда пишутся эти строки послѣдняго предисловія къ русскому переводу второго капитальнаго сочиненія Фюстель де-Куланжа, тою же торжествующею Германіею вновь поднято знамя насилія для проведенія націоналистическихъ интересовъ вопреки благу, свободѣ и праву другихъ народовъ; по почину ея льются небывалые потоки крови, и тутъ съ радостнымъ утѣшеніемъ вспоминается благородный голосъ французскаго ученаго и мыслителя, ярко и торжественно выростаетъ передъ духовнымъ взоромъ его прекрасная фигура. Когда Фюстель де-Куланжъ въ первыхъ томахъ настоящаго сочиненія высоко оцѣниваетъ положительную роль римской имперіи въ исторіи человѣчества, онъ кладетъ въ основу своего сужденія взглядъ, что римская міровая держава, построенная войною, создала населенію многочисленныхъ странъ, ею объединенныхъ, условія, среди которыхъ безъ сравненія шире, чѣмъ до ея образованія, развивались и насаждались миръ и культура. Подъ тѣми же знаками — *pax* и *civilitas*—росъ и крѣпъ человѣческій идеалъ Фюстель де-Куланжа, дополняясь девизами новыхъ временъ — *liberté* и *fraternité*, свобода для личности, братство между націями. Пусть же восторжествуютъ въ ближайшемъ будущемъ въ жизни человѣчества эти великія начала, которыя онъ начерталъ на своемъ знамени, и за которыя, вѣримъ, борется въ настоящіе страшные дни союзъ народовъ, видящій въ своихъ рядахъ сыновъ и нашей, и его родной земли!..

[1] См. статью Фюстель де-Куланжа «L'Alsace est-elle allemande ou française?» въ сборникѣ его этюдовъ—«Questions Historiques».

Редакторомъ французскаго текста шестого тома «*Исторіи общественнаго строя древней Франціи*» достаточно объяснено мѣсто, которое онъ занимаетъ во всемъ обширномъ замыслѣ Фюстель де-Куланжа, оставшемся неоконченнымъ къ большому горю для науки. Потому нѣтъ надобности особо здѣсь объ этомъ говорить. Данный томъ является важнымъ объединяющимъ заключеніемъ для выполненной части всего плана и цѣннымъ матеріаломъ для уясненія теоріи автора о «происхожденіи феодальнаго строя» [1]. Его идеи, какъ ни измѣнились за послѣднюю четверть вѣка взгляды историковъ на природу и развитіе средневѣкового общества, сослужили великую службу изслѣдованію и истолкованію проблемы первостепенной важности; трудъ Фюстель де-Куланжа не только крупный историографическій этапъ въ познаніи древнѣйшей культуры новыхъ народовъ Европы, но и неразрушимый основной камень въ ея построенномъ зданіи. Имя же автора—имя одного изъ героевъ исторической науки. Справедливость требуетъ принести издателямъ русскаго перевода «Исторіи общественнаго строя древней Франціи» глубокую благодарность за то, что они среди многочисленныхъ и тяжелыхъ затрудненій, въ которыхъ находится теперь книжное дѣло, твердо

[1] Приходится сожалѣть, что текстъ его не получилъ окончательной обработки рукою самого историка. Онъ составленъ изъ ряда отдѣльныхъ его работъ и большихъ отрывковъ подготовленной ихъ переработки. Но полнаго равновѣсія между частями и послѣдняго ихъ редактированія самаго изложенія авторъ дать не успѣлъ. Редактору-ученику приходилось смыкать части и пополнять пробѣлы вставками, сдѣланными на основаніи найденныхъ замѣтокъ Фюстель де Куланжа. Онъ тщательно обозначилъ всѣ такія дополненія прямыми скобками [ ]. Въ русскомъ переводѣ, чтобы избѣжать пестроты текста, скобки повторены лишь въ наиболѣе важныхъ мѣстахъ.

довели предпринятое до конца, возложивъ на себя серьезныя жертвы.

Пишущій эти строки горячо радуется, что удалось дать въ руки русскому читателю, любящему исторію, все, что сдѣлано Фюстель де-Куланжемъ для выполненія взятой имъ на себя громадной задачи[1]. И онъ будетъ счастливъ, если наше юношество сумѣетъ почуять добраго учителя въ ученомъ, который находилъ въ историческомъ трудѣ не одинъ высокій мотивъ духовнаго творчества и личной радости, но и могучее побужденіе къ исканію правды и добра.

Проф. Ив. Гревсъ.

Петроградъ, 4 мая 1916 г.

---

[1] И онъ, и переводчица прилагали всѣ силы къ наилучшему, доступному для нихъ, достиженію цѣли перевоплощенія на нашъ родной языкъ превосходнаго подлинника; но они ясно представляютъ себѣ несовершенство результата, утѣшаясь лишь надеждой, что сдѣлали то, что могли, и что не исказили сущности мысли, точности ея передачи и вѣрности тона.

ПРЕДИСЛОВІЕ

(французскаго редактора).

Въ настоящемъ томѣ нами собраны всѣ главы, написанныя Фюстель де-Куланжемъ о паденіи Меровинговъ (I книга), возвышеніи новой династіи (II книга), правленіи первыхъ Каролинговъ (III книга) и окончательномъ торжествѣ феодальнаго строя (IV книга). Какъ видно изъ первыхъ строкъ труда, эти главы должны были непосредственно слѣдовать за предыдущимъ томомъ—о бенефиціи.

Раздѣленіе на книги, распредѣленіе матеріала, заглавія большинства изъ главъ были установлены самимъ авторомъ; ему же принадлежитъ окончательная обработка почти всего тома. Намъ показалось полезнымъ вмѣшаться въ редактированіе текста лишь въ слѣдующемъ смыслѣ.

Нами выбрано было заглавіе даннаго тома. «Перерожденіе королевской власти въ каролингскую эпоху»; оно показалось намъ наиболѣе соотвѣтствующимъ исторической системѣ Фюстель де-Куланжа. Авторъ изображаетъ сначала королевскую

власть Меровинговъ — всемогущую по праву, постепенно однако теряющую подати, войско, подданныхъ, переходившихъ въ руки высшей — свѣтской и духовной — аристократіи, которая, группируясь подъ главенствомъ палатнаго мэра, образуетъ общество, уже похожее на феодальное (кн. I);—затѣмъ авторъ выдвигаетъ вождя этой аристократіи, фактическаго правителя государства, который, управляя вѣрными и руководя епископами, становится королемъ и основываетъ новую династію (кн. II);—далѣе разсматривается королевская власть Каролинговъ, которые опираясь на церковь и на феодальныя связи, вновь ставятъ франкскаго короля владыкою государства, церкви и всѣхъ вѣрныхъ и стремятся возстановить монархическую власть (кн. III);—наконецъ выводятся послѣдніе короли этой династіи, которые подобно королямъ предшествующей, допустивъ ослабленіе и наконецъ утрату своей власти, обрекаютъ себя на роль простыхъ вождей вѣрныхъ (кн. IV). Такимъ образомъ перерождалась королевская власть, проникаясь мало по малу выросшимъ внѣ и помимо ея принципомъ феодальной вѣрности, который одинъ управляетъ людьми въ концѣ каролингской эпохи.

Въ первой книгѣ мы устранили довольно большое количество примѣчаній, заключавшихъ тексты, уже цитированные въ «Франкской Монархіи» и въ книгѣ о «Началахъ феодальнаго строя»; мы прямо отсылаемъ иногда читателя къ этимъ томамъ, чтобы настоящій не сталъ безмѣрно великъ.

Нѣкоторымъ главамъ первыхъ двухъ книгъ были даны авторомъ только хронологическія обозначенія мы озаглавили ихъ соотвѣтственно природѣ ихъ содержанія и авторской мысли; въ этихъ двухъ и слѣдующихъ книгахъ мы дали особыя заглавія также значительному числу подотдѣловъ, обозначенныхъ въ рукописи только номерами по порядку.

Что касается 3-й книги этого тома, то Фюстель де-Куланжемъ не были окончательно обработаны ни отдѣлы о податяхъ, о судѣ и о законодательствѣ каролингской эпохи, ни объ отношеніи королей къ церкви. Главы, которыя мы помѣстили по этимъ вопросамъ (гл. 12, гл. 13, § 1, гл. 14), взяты почти всѣ изъ его спеціальной статьи: «Политическій строй эпохи Карла Великаго» [1], которая представляетъ первоначальный набросокъ 3-й книги настоящаго тома. Глава о законодательной власти (гл. 11) не что иное, какъ статья, написанная въ 1877 году подъ заглавіемъ: «О составленіи законовъ въ каролингскую эпоху» [2], въ которой мы сдѣлали самыя незначительныя измѣненія. Заключеніе главы объ «общихъ собра-

[1] «Les institutions politiques au temps de Charlemagne»; см. *Académie des Sciences morales*, Compte rendu, 1876, т. CV, стр. 460 и 612; т. CVI, стр. 605.—«Le gouvernement de Charlemagne» въ *Revue des deux Mondes*, январь 1876 г. Эта статья—только варіантъ предыдущей. Намъ не казалось необходимымъ пользоваться для этого или для предыдущаго тома статьею: «Etude sur les origines du système feodal», напечатанной въ *Académie des Sciences morales*, Compte rendu 1874 и 1875 гг. т. CII, стр. 493 и т. CIII, стр. 59 и 360. Взглядъ Фюстель де-Куланжа съ тѣхъ поръ окончательно измѣнился. Такъ въ послѣднихъ замѣткахъ автора я не нашелъ ничего по вопросу, которому посвящена вторая часть этой статьи (опытъ системы свободныхъ учрежденій въ меровингскую эпоху). Очевидно, онъ не думалъ болѣе объ этомъ вопросѣ и вычеркнулъ его изъ своихъ изслѣдованій и изъ своей мысли.

[2] *Revue historique*, 2-й годъ, т. III, январь-февраль 1877 г.

ніяхъ» въ рукописи, оставленной авторомъ, было слишкомъ кратко, но мы могли его дополнить при помощи вышеупомянутой работы.

Первая, вторая и третья книги были окончательно обработаны авторомъ между 1884 и 1886 гг., т.-е. почти одновременно съ предыдущимъ томомъ.

Четвертая же книга окончательно обработана была частью въ 1874—1876 гг. (гл. 1, 7, 8, 9, 10),—частью въ 1878—1880 гг. (гл. 4, 5, 6). Въ ней матеріалъ изслѣдованъ гораздо менѣе детально, чѣмъ въ первыхъ трехъ; примѣчанія не такъ многочисленны и сокращена аргументація. Ясно, что авторъ долго бы еще продолжалъ усовершенствовать свой трудъ; быть можетъ, эта книга послужила бы ему матеріаломъ для цѣлаго тома. Но несмотря на это, мы не хотѣли ни выпускать, ни передѣлывать эти главы и сочли лучшимъ перепечатать ихъ въ первоначальной ихъ формѣ. Мы ограничились прибавленіемъ 2-й и 3-й главъ для восполненія явнаго пробѣла. Но и онѣ являются лишь краткимъ изложеніемъ трехъ первыхъ книгъ и, чаще всего, составлены въ выраженіяхъ, взятыхъ у самого автора. Въ примѣчаніяхъ мы видоизмѣнили кое-какія цитаты, чтобы придать общій видъ всѣмъ ссылкамъ.— Замѣтимъ еще, что двѣ главы въ этой книгѣ (гл. 1 и 8-я) являются, собственно, воспроизведеніемъ статьи, появившейся въ 1874 г. въ *Revue des Deux Mondes* [1]; въ рукописи, предназначенной для настоящаго труда, авторъ ограничился нѣкоторымъ развитіемъ текста и дополнилъ примѣчанія.

[1] Les origines du système féodal: II, Le patronage et la fidélité т. IV, 1874 г. стр. 564—572; стр. 573—579.

Четвертая книга, обработанная на 10 лѣтъ раньше первыхъ трехъ, представляется на первый взглядъ нѣсколько расходящеюся съ ними. Не въ нашемъ правѣ было уничтожать эти различія или скрывать ихъ, но внимательный читатель скоро замѣтитъ, что они всѣ лишь формальныя и заключаются скорѣе въ нѣкоторыхъ деталяхъ изложенія, нежели въ сущности идеи.

Чтобы придать труду больше единства и связности необходимо было добавить нѣсколько замѣчаній и вставить нѣсколько переходныхъ предложеній, которыя и отмѣчены скобками.

Мы воздержались отъ прибавленія библіографическихъ указаній, что было бы легко сдѣлать, благодаря успѣхамъ, достигнутымъ послѣдніе годы въ изученіи текстовъ каролингской эпохи; но не думаемъ, чтобы это соотвѣтствовало намѣреніямъ автора; да и идея и теоріи Фюстель де-Куланжа ничего не выиграли бы отъ такого пріумноженія свѣдѣній, а читателю важна именно сама идея. Нужно думать, что заключеніе относится къ 1874 или 1876 году; несмотря на дату своего написанія, оно находится въ рѣдкой гармоніи съ планомъ и общей редакціей «Исторіи общественнаго строя», въ томъ видѣ, въ какомъ авторъ возобновилъ ее въ послѣдніе годы своей жизни, и является замѣчательнымъ по силѣ и сжатости выводомъ изъ всѣхъ шести томовъ этой «Исторіи».

Эти шесть томовъ охватываютъ «Исторію общественнаго строя древней Франціи» съ самаго начала до утвержденія феодализма; они образуютъ единое цѣлое, говорятъ объ одномъ и томъ же историческомъ періодѣ; изъ нихъ слагается единая система.

Ничто не можетъ быть опубликовано изъ оста-

вленныхъ Фюстель де-Куланжемъ матеріаловъ по другимъ эпохамъ, ибо изложеніе ихъ дано авторомъ очень давно и неполно. Конечно, всѣ будутъ глубоко сожалѣть о томъ, что такъ обстоитъ дѣло, и что великій историкъ не могъ довести своего труда до 1789 года. Но если онъ самъ и мечталъ объ этомъ, то надеждъ на исполненіе замысла онъ питалъ немного; онъ говорилъ, что такая задача превосходитъ предѣлы, поставленные труду одного человѣка, и, кажется, хотѣлъ въ концѣ своей жизни ограничиться изученіемъ основъ феодальнаго строя [1]. Печаль наша облегчается сознаніемъ, что плодомъ этого изученія мы обладаемъ, что у насъ въ рукахъ 6 томовъ,—трудъ цѣлый и законченный, именно такой, какимъ его задумалъ и за исключеніемъ, можетъ быть, нѣсколькихъ строкъ написалъ Фюстель де-Куланжъ.

Да будетъ намъ позволено сказать здѣсь еще два слова о самомъ вдохновеніи труда Ф. де-Куланжа, чтобы объяснить желаніе семьи и друзей автора опубликовать его цѣликомъ.

Въ нашей исторической литературѣ есть труды болѣе обширные, болѣе колоритные и по внѣшности болѣе ученые, но нѣтъ ни одного, который бы представлялъ подобное соединеніе величія и простоты; онъ весь можетъ быть формулированъ въ нѣсколькихъ строкахъ,—и одна и та же главная мысль даетъ единство всему труду—и каждому тому, и каждой отдѣльной главѣ.

Передъ нами—произведеніе искусства и въ то же время первоклассный научный трудъ. Ему посвятилъ

[1] На это достаточнымъ образомъ указываетъ заключеніе того тома; ср. слѣдующее примѣчаніе.

авторъ послѣднія двадцать пять лѣтъ своей жизни; онъ трижды перерабатывалъ его въ видѣ университетскаго курса; онъ перечиталъ, съ перомъ въ рукѣ, всѣ безъ исключенія памятники, оставленные античностью и средневѣковьемъ и не одинъ разъ углублялся въ главнѣйшіе изъ нихъ. Онъ принадлежалъ къ школѣ «великихъ текстočитателей», какъ онъ любилъ называть Тильмона, Годефруа, Герара, Пардессю и под.

Съ такою же тщательностью изучалъ Фюстель де-Куланжъ труды новыхъ ученыхъ—Дюбо, Герара, Вайтца и Рота, политическіе трактаты XVIII вѣка и нѣмецкія монографіи нашего времени. Въ бумагахъ его находится порядочная пачка критическихъ замѣтокъ объ историкахъ, трактовавшихъ о феодализмѣ и о варварскихъ вторженіяхъ; онъ предполагалъ коснуться ихъ всѣхъ въ особомъ большомъ предисловіи къ своему основному труду [1].

Онъ не пренебрегалъ ни самыми темными, ни наименѣе учеными: началъ съ Григорія Турскаго, чтобы

[1] Вотъ вводныя слова къ этому предисловію: «Уже много лѣтъ тому назадъ я поставилъ своей задачей чисто научное разысканіе началъ феодальнаго строя. Этотъ вопросъ, какъ и всѣ, ему подобные, могъ быть рѣшенъ только при помощи чтенія первоисточниковъ и внимательнаго изслѣдованія фактовъ. Однако раньше, чѣмъ погрузиться въ изученіе источниковъ и фактовъ, я счелъ разумнымъ спросить себя сначала, что думали историки и люди науки всѣхъ временъ по этому вопросу. Я обратился къ ихъ трудамъ, прочелъ ихъ и сравнилъ ихъ между собою раньше, чѣмъ приступить къ своимъ изысканіямъ. При этомъ я дѣлалъ замѣтки, излагая кратко мнѣнія авторовъ, но дѣлалъ ихъ для памяти, только для себя, не предназначая къ печати; полагаю однако, что онѣ небезинтересны для любознательнаго ума. Небезполезно

закончить Леопольдомъ Делилемъ. Сколько разъ однако ему дѣлали странный укоръ въ томъ, будто онъ подчеркиваетъ свое игнорированіе трудовъ своихъ предшественниковъ. Это былъ первый упрекъ, брошенный ему въ его научной дѣятельности, который оскорбилъ его больше всего; отъ него онъ страдалъ всю жизнь, и по трудамъ его можно угадать, что этимъ упрекомъ отравлены были часто радости, которыя ему приносило его творчество.

Чтобы показать, что онъ не пренебрегалъ своими предшественниками, Фюстель де-Куланжъ, не переставая, боролся съ ними; отсюда проистекаетъ и съ каждымъ днемъ усиливавшійся полемическій характеръ его книгъ; въ нихъ нѣтъ того спокойствія, которымъ обладаютъ историческія произведенія предшествующаго поколѣнія. Его произведенія столько же продуктъ борьбы, сколько и науки, и часто легко, прочтя страницу, назвать имя автора, противъ котораго она направлена.

Почти всегда это авторы, имена которыхъ прославлены въ исторической нашей литературѣ: Тьерри, Мишле, рѣже Гизо и Анри Мартэнъ. Съ самаго начала трудъ Ф. де-Куланжа былъ реакціей противъ способа пониманія исторіи Франціи, который господствовалъ въ годы между 1820 и 1850-мъ, противъ историческаго теченія эпохи реставраціи. Въ послѣдніе годы своей жизни, онъ съ большой живостью нападалъ на ученыхъ конца нашего вѣка, но главнымъ образомъ онъ сражался съ великими историками, которые ему предшествовали, и которые создали исторію литературную, съ блестящими обобщеніями и образнымъ изложеніемъ.

найти отчетъ обо всемъ, или почти всемъ, что было высказано по важному вопросу, представленный въ сжатой формѣ. Что же касается меня, то эти замѣтки объясняютъ, почему я полагалъ, что остается еще многое, что надо бы изслѣдовать и послѣ столькихъ трудовъ».

Это поколѣніе историковъ воспитало, если не сформировало Фюстель де-Куланжа; оно царило еще въ 1850 году, когда онъ задумывалъ свой основной трудъ. Въ этомъ направленіи безпокоила Фюстель де-Куланжа одна черта, которая оскорбляла его безкорыстную и суровую любовь къ наукѣ: самые крупные писатели и самые великіе художники этой эпохи позволили,— такъ онъ думалъ по крайней мѣрѣ,—современнымъ идеямъ побѣдить себя. Ему казалось, что они слишкомъ жили жизнью своего времени, чтобы достаточно полюбить и хорошо понять прошлое. Событія и страсти своего времени шли они искать въ мірѣ прошлаго, и это раздражало больше всего Фюстель де-Куланжа.

Одни особенно напирали на антагонизмъ расъ. Судя по ихъ трудамъ, кельты и римляне, галлы и германцы вели вѣчную борьбу между собою на протяженіи цѣлаго ряда вѣковъ. Вторженіе германцевъ было для этихъ писателей завоеваніемъ, «грубымъ насиліемъ», и въ ихъ книгахъ можно услышать, какъ «бьется въ глубинѣ взволнованное сердце, возмущенное тяжелымъ рокомъ завоеванія»; то было будто бы грубое торжество «надъ душою націи и ея правомъ на свободу». Восшествіе Каролинговъ было въ ихъ глазахъ вторымъ тріумфомъ воинствующей Германіи и «полнымъ возстановленіемъ древне-германскихъ обычаевъ». Они становились на сторону Верцингеторикса противъ Цезаря и даже иногда протестовали за Арми-

нія противъ Вара. Подъ вліяніемъ романтизма увлеклись кельтами и ихъ друидами; ихъ прошлое вообразили себѣ исполненнымъ патріотизма и поэзіи. Заставили сражаться между собою въ далекомъ прошломъ націи современныя, а позже воскресили даже націи далекаго прошлаго, чтобы заставить ихъ вступить въ бой теперь. Эти историческія фантазіи пришли на помощь интересамъ политическимъ въ годы, слѣдовавшіе за 1848 годомъ, и мы знаемъ какая роль была навязана патріотизму Арминія и генію латинскихъ расъ. Противъ этой то теоріи расоваго антагонизма и возставалъ Фюстель де-Куланжъ; онъ горячо нападалъ на нее и страдалъ отъ этого столько же какъ патріотъ, сколько какъ историкъ. Историковъ поколѣнія іюльской революціи наполняло еще одно стремленіе. Они присутствовали при утвержденіи парламентарнаго строя, и они глубоко вѣрили въ окончательную его побѣду. На него они смотрѣли, какъ на спасеніе и свѣтлое будущее Франціи; отсюда явилась потребность отвести начала его далеко вглубь вѣковъ и дать ему историческую санкцію. Нѣмецкіе современные историки любятъ изображать свое отечество шествующимъ въ теченіе 15 вѣковъ по пути, начертанному провидѣніемъ вплоть до достиженія прусской гегемоніи и коронаціи 1871 года. Французскіе историки лѣтъ 60 тому назадъ поступали также относительно своей родины; въ ихъ произведеніяхъ отражались великія радости и «широкія надежды» ихъ времени. Одни, думая о нежданномъ союзѣ монархіи съ представительнымъ правленіемъ, считали, что этотъ союзъ есть провиденціальный законъ нашихъ судебъ; другіе полагали въ блестящее утро іюля, что три знаменитыхъ дня и торжество народа—являются завершеніемъ нашей исторіи и окончаніемъ вѣчной вражды между свободой и деспотизмомъ. Революція 1830 года была и для историковъ, и для поэтовъ моментомъ апоѳеоза національной жизни и миссіи Франціи въ мірѣ. Трудъ Мишле, наилучшее произведеніе нашей исторической литературы, «былъ зачатъ въ одно мгновеніе отъ молніи іюльскихъ дней; въ эти памятные дни просіялъ великій свѣтъ, и онъ увидѣлъ Францію!» Анри Мартэнъ, мистическая вѣра котораго пережила столько его надеждъ, уже давно «любовался тѣмъ прогрессивнымъ развитіемъ національнаго единства, которое создало учредительное собраніе, провозгласивъ представительное правленіе и равенство всѣхъ французовъ передъ закономъ». Гизо, болѣе практичный и менѣе безкорыстный, искалъ въ исторіи «новыхъ путей цивилизаціи», т.-е. поддержки тому правленію, которое ему нравилось и какъ бы подготовки его министерскаго портфеля; онъ тщательно изучалъ тотъ германскій элементъ, который «снабдилъ современную цивилизацію въ самомъ началѣ ея воспоминаніями о національныхъ собраніяхъ». Событія средины XIX вѣка явились поистинѣ катастрофой для этихъ, сохранившихъ свою юность душъ. Наиболѣе популярный изъ упомянутыхъ историковъ Тьерри на минуту пересталъ даже понимать исторію своей страны. «Конституціонный строй 1814 и 1830 годовъ какъ бы вновь скрѣпилъ цѣпь временъ и идей, возобновилъ въ новыхъ формахъ попытку 1789 года—объединенія національныхъ традицій и началъ свободы. На эту точку зрѣнія, данную мнѣ самимъ ходомъ вещей, я и сталъ въ своемъ трудѣ, держась того, что мнѣ казалось пу-

темъ, ведущимъ въ будущее, и полагая, что передъ моими глазами находится указанное провидѣніемъ завершеніе работы всѣхъ вѣковъ, протекшихъ послѣ XII-го. Но вдругъ разразилась февральская катастрофа 1848 года, и я почувствовалъ ударъ ея съ двухъ сторонъ: сначала какъ гражданинъ, а затѣмъ какъ историкъ. Вся исторія Франціи казалась мнѣ потрясенною этой новой революціей столько же, какъ и сама Франція».

Фюстель де-Куланжъ принимался за работу именно въ моментъ появленія этихъ строкъ, и кажется, что ихъ онъ имѣетъ въ виду постоянно, полемизируя съ «систематическимъ разумомъ современности». Дѣйствительно, эти строки—наиболѣе ясное и наиболѣе наивное выраженіе чаяній того поколѣнія, которое вдохновлялось современнымъ положеніемъ вещей для объясненія строя жизни давно минувшихъ временъ. Фюстель де-Куланжъ реагировалъ на это выше мѣры, желая только одного, такъ отвлечься отъ своей эпохи, чтобы объясненія для прошлаго найти въ немъ самомъ. Жизнь его была полна однимъ пламеннымъ желаніемъ быть точнымъ «начетчикомъ текстовъ», забыть современность, погрузиться въ первоисточники и въ нихъ обрѣсти истину. Историческая наука была для него всепоглощающей, абсолютной и воинствующей религіей.

И однако труды его, съ ихъ громаднымъ научнымъ значеніемъ, — являются цѣннымъ памятникомъ для исторіи нашей эпохи, литературы и французскаго настроенія именно нашего времени. Фюстель де-Куланжъ сдѣлалъ для исторіи то, что сдѣлали его современники для литературы: онъ любилъ науку для нея самой,—какъ вокругъ него любили искусство для искусства. Тѣмъ самымъ, что онъ замыкался въ минувшемъ,—онъ принадлежалъ своему времени, когда его поколѣніе, остывшее отъ своего энтузіазма 1830 года, черпало мужество и свѣтлыя надежды — единственно въ исканіи правды и красоты.

Не прекращая борьбы противъ предшествующей ему школы, Фюстель де-Куланжъ примыкалъ къ ней двумя сторонами: отъ нея онъ получилъ заботливость, чисто литературную, о стилѣ и красотѣ самого сочиненія; отъ нея же перешелъ къ нему культъ труда, который былъ для него,—менѣе восторженнаго и болѣе суроваго, обладающаго болѣе вѣрою, чѣмъ надеждами, вмѣстѣ съ любовью къ нему его семьи,—истиннымъ счастьемъ жизни. Этотъ культъ труда Фюстель де-Куланжъ передалъ своимъ ученикамъ вмѣстѣ съ внушенною любовью къ чтенію первоисточниковъ. Онъ хотѣлъ въ своихъ трудахъ забыть настоящее и тѣмъ не менѣе своими книгами, лекціями и примѣромъ онъ послужилъ именно теперешней Франціи; воспользуюсь выраженіемъ автора, противъ котораго Фюстель де-Куланжъ наиболѣе возставалъ, но на котораго и наиболѣе походилъ, и скажу, что онъ далъ своей странѣ «все то, что даетъ ей изувѣченный на полѣ битвы воинъ».

Камиллъ Жюлліанъ.

Бордо, 1 ноября 1891 г.

Перерожденіе королевской власти въ каролингскую эпоху.

КНИГА ПЕРВАЯ.

Ослабленіе государственной власти (при послѣднихъ Меровингахъ).

Въ предыдущемъ томѣ мы изучили прекарій, бенефицій и патронатъ или вѣрность. Эти три института явились предъ нами, какъ важные элементы феодальнаго строя. Они его подготовили, но не сразу создали его. Они уже пріобрѣли силу въ VI вѣкѣ; однако, феодализмъ въ VI вѣкѣ еще не пріобрѣлъ господства. Дѣло въ томъ, что тогда эти теченія открывались лишь въ видѣ частноправовой практики, а не въ видѣ политическихъ учрежденій. Прекаріемъ, бенефиціемъ и патронатомъ пользовались частныя лица; если ихъ примѣняли кромѣ того церкви и короли, то также въ качествѣ частныхъ лицъ, а не духовной или свѣт-

ской власти. Никто еще не думалъ о перенесеніи этихъ обычаевъ въ сферу государственную или о томъ, чтобы построить на нихъ систему управленія.

Требовалось еще много времени, требовалось согласное дѣйствіе многихъ силъ для того, чтобы эти институты, по существу своему уже феодальные, вышли изъ круга частноправовыхъ отношеній и превратились въ политическій порядокъ. Требовалось прежде всего, чтобы раньше установившійся строй государства исчезъ и уступилъ имъ мѣсто.

Мы изучали раньше политическій строй франкскаго государства въ томъ видѣ, какъ оно было организовано Хлодовехомъ. Мы видѣли тамъ наслѣдственную королевскую власть, передававшуюся отъ отца къ сыну и дѣлившуюся между братьями, какъ аллодіальная (вотчинная) земля.

Рядомъ съ королевской властью мы не нашли никакого народнаго собранія. Король имѣлъ право издавать законы „съ своими вельможами", то-есть, съ высшими сановниками своего „дворца". Онъ обладалъ правомъ войны и мира, собиралъ войско, когда хотѣлъ, и велъ его, куда хотѣлъ.

Мы показали различные органы монархической власти: въ центрѣ—дворецъ, заключавшій въ себѣ іерархію чиновниковъ и канцелярій; мы обнаружили въ провинціяхъ—герцоговъ и графовъ, служилыхъ людей короля, имъ назначавшихся и имъ отставлявшихся. Налоги продолжали взиматься по римской системѣ и по оставленнымъ имперіей росписямъ. Правосудіе отправлялось въ областяхъ королевскими чиновниками, въ центрѣ—королемъ

или его уполномоченными. Однимъ словомъ, разсмотрѣнное нами меровингское государство, населенное римлянами и франками, было по природѣ монархическимъ. Въ немъ не существовало ни демократическихъ учрежденій, ни феодальныхъ порядковъ.

Два вѣка спустя, престолъ занимаютъ еще Меровинги, но власть ихъ почти утрачена и правленіе принимаетъ совсѣмъ иной характеръ. Надлежитъ разсмотрѣть, какъ совершилась эта перемѣна.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Въ франкскомъ государствѣ не обнаружилось ни народнаго движенія, ни сопротивленія знати королевской власти.

Прежде всего, мы должны поставить вопросъ, не возстаніе ли населенія послужило причиною упадка монархическаго строя? Произошло ли возстаніе галло-римлянъ или могучее сопротивленіе было оказано франкскимъ племенемъ? Встрѣтилась ли монархія съ сильнымъ народнымъ движеніемъ или съ внушительнымъ усиліемъ аристократіи? Вотъ, что должны мы изслѣдовать въ глубинѣ фактовъ. Теоретическія соображенія, которыми такъ много злоупотребляли въ данномъ вопросѣ новѣйшіе историки, не имѣютъ никакой цѣны. Надо всматриваться исключительно въ факты и надо ихъ видѣть такими, какими ихъ намъ показываютъ документы.

Въ царствованіе Хлодовеха мы не замѣчаемъ со стороны франковъ никакого сопротивленія ко-

ролю. Акты собора 511 года открываютъ намъ настроеніе руководителей и представителей римскаго населенія: и оно ясно признаетъ установившуюся власть [1].

По смерти Хлодовеха его четыре сына „принимаютъ во владѣніе его королевство и дѣлятъ его между собою на равныя доли" [2]. Ни римляне, ни франки не дѣлаютъ на это никакихъ возраженій [3].

Подъ 531 годомъ Григорій Турскій разсказываетъ слѣдующее: „Франки, которые были вѣрны королю Теодериху (Тьерри) [4], сказали ему: Твои братья ведутъ своихъ воиновъ въ Бургундію; если ты не поведешь и насъ туда, мы оставимъ тебя и пойдемъ съ твоими братьями. Теодерихъ отвѣчалъ имъ: Я не поведу васъ въ Бургундію, но поведу васъ въ Арвернію, гдѣ вы найдете золото, серебро, стада, ткани, рабовъ и все это можете захватить съ собою въ изобиліи. Они, довольные такимъ обѣщаніемъ, повиновались его волѣ".—Ясно, что король имѣетъ здѣсь дѣло не съ народомъ, а только

[1] См. оба предисловія актовъ 511 года, *Sirmond*, I, 177—179.

[2] *Gregor. Turon.* III, 1: «Regnum eius accipiunt et inter se aequa lance dividunt».

[3] Возстаніе въ Оверни 530-го года не слѣдуетъ толковать какъ движеніе въ пользу народной независимости. Григорій Турскій просто говоритъ, что возставшіе предпочли повиноваться Хильдеберту, а не Теодериху (III, 9).

[4] *Gregor. Turon.* III, 11: «Franci qui ad Theudoricum aspiciebant».—Выраженіе *adspicere* или *sperare ad aliquem* всегда относится къ тѣмъ, кто находился въ отношеніи *militum*, то-есть, личной вѣрности къ кому-нибудь.

съ войскомъ, и что эти воины требуютъ отъ него не народныхъ вольностей, а добычи [1].

Вотъ другой фактъ, нѣсколько болѣе похожій на возстаніе. Въ 556 году Хлотаръ повелъ свое войско на саксовъ; но когда тѣ стали молить о мирѣ и предложили отдать все свое имущество и половину земель, король хотѣлъ принять предложеніе и не вступать въ бой. „Тогда франки, разъяренные на Хлотара, бросились на него, разодрали его палатку, осыпали его оскорбленіями и угрожали убить его, если онъ не пойдетъ съ ними на враговъ". Это былъ серьезный актъ неповиновенія и нарушенія дисциплины [2]. И всетаки надо замѣтить, что существуетъ большая разница между войскомъ, которое возстаетъ, требуя, чтобы его вели сражаться, и народомъ, который поднимается, чтобы требовать свободъ. Нѣкоторые новѣйшіе историки придали большое значеніе этому военному бунту. Они особенно подчеркнули его, какъ будто онъ являлся самъ по себѣ признакомъ обычнаго настроенія франкскихъ войскъ и даже показателемъ публичнаго права франковъ. Дѣлать общее заключеніе изъ единичнаго факта очень

[1] *Ibidem*: «Cunctam regionis praedam cum hominibus in suas regiones transferri permittit».

[2] *Ibidem*, IV, 14. Беру разсказъ Григорія, какъ онъ есть, не подвергая его разбору. Быть можетъ, слѣдовало бы поставить вопросъ, какъ онъ могъ быть освѣдомленъ о подробностяхъ событій и даже о словахъ, произнесенныхъ въ саксонской землѣ. Въ его повѣствованіи достовѣрны двѣ вещи: что Хлотаръ былъ побѣжденъ, и что онъ добился мира у саксовъ, выставляя на видъ, что сражался вопреки желанію. Остальной части разсказа можно вѣрить и не вѣрить.

опасно. Этому возстанію войска слѣдовало бы противопоставить болѣе сорока примѣровъ, изъ которыхъ видно, что франкскія войска собирались по приказу короля, покорно ему повиновались и шли, куда онъ ихъ велъ [1]. Есть даже рядъ примѣровъ, когда франкское войско сражается безъ всякой иной побудительной причины кромѣ личнаго интереса своего короля. Ни въ какую другую эпоху исторіи между народами не возникало такъ много войнъ изъ за прихотей королей, какъ именно въ изучаемое время.

Вотъ еще другое возмущеніе, которое разразилось на этотъ разъ среди римскаго населенія. Когда одинъ франкскій король увеличилъ подати, населеніе города Лиможа сбѣжалось, умертвило королевскаго чиновника и сожгло податные списки [2]. Этотъ бунтъ чисто мѣстнаго характера, происшедшій по совершенно частному поводу, не позволяетъ дѣлать вывода, что римское населеніе пыталось ограничить королевскую власть. Подобныя же возстанія франковъ, какъ напримѣръ, то, въ

[1] См. въ одной III-й книгѣ у Григорія Турскаго главы 4, 6, 11, 28, 29 и 32. Ср. еще IV, 20, 23, 29, 42, 49, 50, 51; V, 2, 13, 26; VI, 12, 31; VII, 24; VIII, 28, 30; IX, 12, 18, 25, 29, 31; X, 3, 9.—Фредегарій, Chronicon, 5, 10, 14, 17, 20, 27 (въ послѣднемъ примѣрѣ франкское войско отказывается сражаться съ другимъ франкскимъ войскомъ, но примѣръ этотъ единственный), 37, 38, 40.—Воззваніе короля въ книгѣ III, 7 не должно заставлять насъ думать, чтобы было правиломъ совѣщаться съ воинами о предстоящей войнѣ. Вожди обращались съ рѣчами къ войску передъ походомъ во всѣ времена.

[2] *Gregor. Turon.* V, 28.

которомъ погибъ Партеній [1], или то, въ которомъ „мелкій людъ“ поднялъ ропотъ противъ Эгидія „и герцоговъ короля“ и намѣревался ихъ убить [2], вовсе не носятъ характера народныхъ движеній противъ королевской власти. „Мелкій людъ“ думалъ, наоборотъ, что правители измѣняютъ королю, и изъ-за этого возсталъ [3]. Предполагать, что у римлянъ или у франковъ было враждебное отношеніе къ королевской власти, значитъ предполагать то, чего Григорій Турскій не утверждаетъ, и чего онъ, какъ кажется, и не усматривалъ.

Встрѣчаемся еще съ случаемъ, когда Гундебальдъ бургундскій, пытался завладѣть частью франкскаго королевства [4]. Но намъ кажется, что нынѣшніе историки сильно преувеличили значеніе этого предпріятія. Они дѣлаютъ Гундебальда какъ бы представителемъ желаній римлянъ. Гундебальдъ принадлежалъ къ меровингскому роду; если онъ жилъ нѣкоторое время въ Константинополѣ, если даже императорскій дворъ поощрялъ и поддерживалъ его, то это не доказываетъ ни того, чтобы онъ думалъ объ установленіи новаго порядка, ни того, чтобы римское населеніе возлагало на него какія-нибудь надежды на освобожденіе. Такія по-

[1] *Ibidem*, II, 36.

[2] *Gregor. Turon.* VI, 31: «Magnum murmur contra Egidium episcopum et ducibus regis minor populus elevavit... ut adprehensis episcopo vel senioribus, vi opprimerent, verberibus adficerent».

[3] *Ibidem:* «Coepit vociferare et proclamare: Tollantur a facie regis qui regnum eius venundant, civitates illius dominationi alteri subdunt».

[4] *Ibidem*, VI, 24.

нятія были даже совсѣмъ чужды людямъ того времени. Предпріятіе Гундебальда, какъ разсказываетъ о немъ Григорій Турскій, было лишь однимъ изъ многочисленныхъ эпизодовъ среди постоянно возрождавшихся между членами царствующей династіи раздоровъ [1].

Если королевская власть никогда не встрѣчала сопротивленія со стороны франковъ или возстанія со стороны галловъ, то она — полагали совре-

[1] Вотъ подробности хода событій. Гундебальдъ, чтобы пріобрѣсти власть, называетъ себя сыномъ Хлотара I и отпускаетъ длинные волосы (VI, 24); Харибертъ принимаетъ его, какъ брата, Сигибертъ объявляетъ себя его противникомъ. Немного позднѣе онъ возвращается въ Галлію; епископъ Марсельскій высказывается за него; герцогъ Гунтрамнъ обвиняетъ епископа за то, «что тотъ вводитъ въ Галлію чужеземца и хочетъ подчинить королевство франковъ власти императора» (VI, 24). Но тяжесть этого обвиненія, которое не признается Григоріемъ Турскимъ, ослабляется тѣмъ, что король Хильдебертъ призывалъ Гундебальда въ Галлію; епископъ Марсельскій могъ бы показать письмо короля, предписывавшее ему оказать Гундебальду хорошій пріемъ (VI, 24); король Гунтрамнъ, бывшій въ этомъ дѣлѣ судьею, не нашелъ причины къ обвиненію епископа. Немного спустя (VII, 10, 14), мы видимъ, что Гундебальда поддерживаетъ не народъ, а сановники Хильдеберта австразійскаго, особенно Гунтрамнъ Бозонъ (VII, 32) и Муммолъ; послѣдній также оставилъ Гунтрамна, чтобы передаться Хильдеберту. Проходя черезъ часть южныхъ провинцій, Гундебальдъ дѣйствительно «принималъ присягу муниципіевъ отъ имени Хильдеберта» (VII, 26); онъ воевалъ только съ Гунтрамномъ. Перигё отказался принять его, Тулуза открыта была только силою; часть жителей Тура послѣдовала за нимъ лишь «ради добычи» (VII, 26, 27, 28). Онъ былъ хорошо принятъ въ Бордо епископомъ Бертраномъ. Гражданская война продолжалась довольно долго, но тотчасъ послѣ примиренія Хильдеберта съ Гунтрамномъ, австразійцы покинули Гундебальда, предали его и убили (VII, 33 и 38).

менные намъ историки, — должна была уже рано выдерживать борьбу съ аристократіей. Согласно этому мнѣнію, лейды образовали собою силу, сплоченную враждою къ королевской власти. Анделотскій договоръ 587 года явился будто-бы первою вырванною ими у королевской власти уступкою. Достаточно прочитать текстъ этого договора, чтобы увидѣть, что онъ не содержитъ ни единой строки, которая оправдывала-бы такое мнѣніе [1]. Анделотскій договоръ не представляетъ соглашенія между королемъ и знатью; это соглашеніе между двумя королями. Притомъ ни одно слово въ немъ не указываетъ на вмѣшательство аристократіи или народа, чтобы принудить королей къ его заключенію.

Проходитъ еще двадцать семь лѣтъ, наполненныхъ междоусобными войнами. Но это не была борьба королевской власти съ народомъ или съ аристократіей. То были лишь войны между королями. Прочитайте разсказъ о нихъ въ хроникѣ Фредегарія [2], вы не найдете ни одного слова, которое позволяло-бы предположить, что дѣло шло здѣсь объ интересахъ населенія, франкскаго или римскаго. То были войны исключительно изъ за личныхъ честолюбій, изъ за алчности и ненависти. Новѣйшие ученые, имѣющие склонность къ построенію широкихъ теорій, усматривали въ этихъ войнахъ борьбу Нейстріи съ Австразіей, борьбу двухъ расъ, двухъ темпераментовъ, двухъ

[1] *Greg. Tur.* IX, 20. Въ «Франкской монархіи» выясненъ подробно характеръ этого договора.

[2] Главы 14, 17, 20, 26, 27, 37, 40.

политическихъ укладовъ. Ничего подобнаго въ документахъ нѣтъ.

Хлотаръ, Теодерихъ и Теодебертъ воюютъ между собою потому, что каждый изъ нихъ хочетъ расширить свое королевство. Сначала Хлотаръ нападаетъ на двухъ другихъ и побѣждаетъ ихъ въ 596 году, потомъ въ 600 году онъ побѣжденъ ими. Затѣмъ Теодерихъ нападаетъ на Теодеберта, наноситъ ему рѣшительное пораженіе и отбираетъ у него королевство. Потомъ онъ нападаетъ на Хлотара, но его постигаетъ смерть. Хлотаръ въ свою очередь вторгается въ государство Теодериха, не встрѣчаетъ тамъ никакого сопротивленія, заводитъ связи съ крупными сановниками дворца и черезъ нихъ захватываетъ всю власть. Брунгильду, взятую въ плѣнъ вмѣстѣ съ ея внуками, предаютъ вмѣстѣ съ ними смерти. Но не франкскій народъ, не судъ франковъ произноситъ смертный приговоръ, дѣйствуетъ самъ Хлотаръ единолично. Онъ осуждаетъ Брунгильду не за политику, которой она придерживалась, и не за нарушеніе законовъ какого-нибудь естественнаго права, а за то, что она „убила или повелѣла убить десять королей“. Не право, а ненависть диктуетъ этотъ приговоръ.

Единство франкскаго королевства возстановлено. Хлотаръ II правитъ всею Галліею. Уже въ слѣдующемъ 614 году онъ издаетъ указъ, предназначенный къ дѣйствію во всей странѣ.

Ни въ документахъ, ни въ событіяхъ мы не встрѣчали до сихъ поръ ни одного указанія на попытки ограниченія монархической власти. По мнѣнію новѣйшихъ историковъ, признакомъ ослабленія королевской власти и доказательствомъ перваго ея большого пораженія служитъ указъ 614 года. [Мы тщательно изучили этотъ указъ, статью за статьею, и не нашли въ немъ ничего новаго. Въ немъ нѣтъ никакого указанія на переворотъ. Хлотаръ II говоритъ въ 614 году, какъ говорили короли-Меровинги въ VI вѣкѣ. Королевская власть нисколько не рисуется по этому указу ослабленной; наоборотъ, именно въ царствованія Хлотара II и Дагоберта франкскими государями сдѣлано всего больше внѣшнихъ завоеваній, и всего больше проявлялась ихъ сила внутри государства [1]].

Въ 622 году Хлотаръ II сдѣлалъ своего сына королемъ Австразіи, не созывая ни народа, ни знатныхъ [2]. Въ 628 году онъ умеръ. Въ Австразіи, гдѣ уже царствовалъ Дагобертъ, не произошло при этомъ ничего новаго. Вопросъ былъ въ томъ, чтобы опредѣлить, кто будетъ королемъ Нейстріи и Бургундіи. Хроникеръ не говоритъ, что „народъ“ былъ призванъ его рѣшить. Вотъ какъ онъ выражается: „Дагобертъ послалъ своихъ миссовъ въ Бургундію и въ Нейстрію, чтобы добиться предпочтенія власти его власти его брата [3]. Потомъ, когда онъ прибылъ въ Реймсъ, а оттуда въ Суас-

[1] Франкская монархія, стр. 771 и слѣд.

[2] *Fredegarii*, Chronicon, 47 (Франкская монархія, стр. 788).

[3] С. 56: «Ut suum deberent regimen eligere».—Перевожу *eligere* буквально: предпочесть. Что касается выраженія *deberent*, то, какъ извѣстно, въ языкѣ того времени это просто былъ вспомогательный глаголъ. Отмѣтимъ, впрочемъ, что первою заботою Дагоберта было собрать австразійское войско.

сонъ, всѣ епископы и лейды королевства Бургундіи перешли на его сторону; равно просило его быть королемъ большинство епископовъ и и знати нейстрійской. Братъ его, Харибертъ, дѣлалъ попытки получить королевскую власть, но по простотѣ своей не достигъ этого". Въ данномъ разсказѣ нѣтъ указаній на правильное и народное избраніе короля; заслуживаетъ здѣсь вниманія лишь то, что знатныя лица, духовныя или свѣтскія, рѣшаютъ, кому они будутъ повиноваться. [Впрочемъ, и тутъ дѣло идетъ только о личномъ предпочтеніи тому или другому государю, лишенномъ всякой политической подкладки] [1].

Въ 632 году Дагобертъ сдѣлалъ сына своего, Сигиберта, королемъ Австразіи. Это былъ трехлѣтній ребенокъ. Выбирали-ли его австразійцы? Звали-ли они его? Хроникеръ этого не говоритъ: „Когда Дагобертъ пришелъ въ Метцъ, онъ посовѣтовался съ епископами и знатью и, получивъ согласіе вельможъ своего королевства, возвелъ сына своего, Сигиберта, въ короли Австразіи и разрѣшилъ ему пребывать въ Метцѣ".—Въ то же время Дагобертъ опредѣлилъ, какія лица будутъ дѣйствительными носителями власти во время несовершеннолѣтія его сына, и указалъ на епископа Хуниберта и герцога Адальгизила. Хроникеръ даетъ понять, что австразійцы были довольны получить отдѣльнаго короля, но изъ другого отрывка хроники видно, будто часть австразійскихъ герцоговъ продолжала повиноваться Дагоберту [2].

[1] См. Франкскую монархію, стр. 60 сл.
[2] *Fredegar.* c. 75, 85.

Годъ спустя у Дагоберта родился второй сынъ. „Сейчасъ же собрались знатные, епископы и другіе лейды Нейстріи, Бургундіи и Австразіи, и составленъ былъ подтвержденный клятвами договоръ, въ силу котораго Нейстрія и Бургундія по смерти отца должны были принадлежать Хлодовеху II, а Австразія съ равнымъ количествомъ населенія и территоріи Сигиберту". Первая фраза хроникера наводитъ сначала на мысль, что иниціатива раздѣла франкскаго государства принадлежала знати; но слѣдующая фраза позволяетъ сомнѣваться въ такомъ пониманіи словъ хроникера, такъ какъ онъ замѣчаетъ, что границы обоихъ государствъ опредѣлилъ Дагобертъ, потребовавшій, чтобы герцогство дантленское принадлежало Хлодовеху. Австразійцы, говоритъ хроникеръ, „волей-неволей", должны были принять эти условія [1].—Вижу здѣсь не что иное, какъ раздѣлъ, произведенный отцомъ между двумя сыновьями; Дагобертъ заранѣе принимаетъ мѣры къ тому, чтобы со вторымъ его сыномъ не поступили такъ, какъ онъ самъ поступилъ съ Харибертомъ [2].

Когда Дагобертъ умеръ, Хлодовехъ II, несмотря на свою раннюю молодость, „принялъ королев-

[1] «Vellint nollint», c. 76.
[2] Такъ и былъ понятъ этотъ фактъ авторомъ жизнеописанія Пиппина Ланденскаго, жившаго, правда, на столѣтіе позднѣе. По смерти Дагоберта Сигибертъ могъ бы взять все королевство (какъ сдѣлалъ Дагобертъ), «nisi prius facta descriptione totius regni, pater cum Sigiberto pactum formasset, ut ipse Austria contentus iuniori fratri Chlodoveo Franciam permitteret» (c. 3). См. «Франкская монархія» стр. 59 сл.

ство"[1]. Церемонія восшествія на престолъ произошла позднѣе въ Мелэ (Meslay) близъ Санса, и всѣ лейды Нейстріи и Бургундіи признали его королемъ[2].

Королевская власть, повидимому, остается такою же сильною, какъ въ прошломъ, и сохраняетъ тѣ же прерогативы. Какъ въ VI вѣкѣ, король—верховный судья и пользуется правомъ жизни и смерти надъ подданными. Хлотаръ II объѣзжаетъ Альзасъ, „возстановляя порядокъ и поражая мечомъ многихъ виновныхъ"[3]. Дагобертъ проходитъ черезъ всю Бургундію, „наводя ужасъ на епископовъ, вельможъ и всѣхъ лейдовъ страны", „творя судъ надъ знатными и незнатными", „такъ что никто не ушелъ отъ его лица безъ правосудія". Право суда, осуществляемое лично, безъ посредниковъ, показываетъ, что государственныя учрежденія еще крѣпки, по крайней мѣрѣ тогда, когда они находятся въ рукахъ сильнаго государя.

Короли пользуются также неограниченной военной властью. Если они хотятъ вести войну, то отдаютъ приказъ созвать все воинское населеніе одной изъ провинцій или всего государства[4].

[1] C. 79: «Regnum adscivit».

[2] *Ibidem:* «Omnes leudis de Neuster et Burgundia eum Masolaco villa sublimant in regno» [Изд. Krusch; ср. *Longnon*, Atlas historique, текстъ, стр. 64]. Въ *Gesta Dagoberti* слово *leudes* замѣнены словомъ *duces*.

[3] *Fredegar.* c. 43.

[4] Такъ въ 628 году Дагобертъ «iobet universis leudibus quos regebat in Auster promovere in exercito» (*Fredegar.* 56 ed. Krusch).—Въ 631 году «iubet de universum regnum Austrasiorum contra Winidis movere exercitum» (*ibidem*, 68).—Въ 636 году «de universum regnum Burgundiae exercitum promovere iobet», и онъ посылаетъ это войско противъ Васконовъ (*ibidem*, 78).—Въ 641 году по приказу молодого короля Сигиберта «omnis leudis Austrasiorum in exercitum gradiendum banniti sunt», чтобы идти въ Тюрингію (*ibidem*, 87).

Мы видимъ передъ собою могущественную королевскую власть. Самые выдающіеся люди того времени, Арнульфъ, Амандъ, Эгидій, Дезидерій, Хунибертъ, Пиппинъ,—состоятъ при ней и служатъ ей. Въ хроникѣ бросается въ глаза чувство страха, внушаемое всѣмъ Дагобертомъ. Когда любовь къ нему населенія пропала, уваженіе все же осталось.

Надобно еще замѣтить, что то была пора крупныхъ внѣшнихъ завоеваній, а завоеванія никогда не осуществляются безъ сильнаго правительства[1]. Дагобертъ оставилъ по себѣ большую память; это доказываетъ, что онъ былъ сильнымъ до конца, такъ какъ народъ уважаетъ послѣ смерти только тѣхъ, кто былъ могущественъ до послѣдняго дня жизни.

Отъ времени до времени мы видимъ большіе съѣзды людей, но они не носятъ характера народныхъ или національныхъ собраній. Въ нихъ нѣтъ ничего правильно установленнаго, они собираются тогда, когда ихъ созываетъ король, и состоятъ они только изъ епископовъ и изъ знатныхъ.

Эти съѣзды имѣли, конечно, крупное значеніе, впослѣдствіи еще болѣе возросшее; но было-бы ошибочно усматривать въ нихъ правильныя со-

[1] Побѣда надъ саксами, *Vita Sigiberti*, 1; большія войны отъ Пиреней до Эльбы; за исключеніемъ пораженія въ странѣ славянъ, описываются сплошныя побѣды.

бранія, основанныя на народномъ правѣ. Въ источникахъ они никогда не обнаруживаются съ такою именно природою, и мы видимъ, что никакой свободный институтъ не выросъ изъ этихъ собраній. Пересмотрите ихъ всѣ, одно за другимъ: вы не найдете ни одного такого, которое бы издало какой-нибудь постоянный законъ въ пользу общественной свободы. Въ современныхъ документахъ никогда не говорится о свободѣ; это слово даже не встрѣчается въ нихъ [1].

[Стремленіе къ политической свободѣ и національной независимости настолько отсутствуетъ, что знатные никогда не пользуются несовершеннолѣтіемъ королей, чтобы требовать новыхъ правъ. Когда Хлодовехъ II принялъ королевскую власть], никто даже не оспаривалъ у королевы Нантильды опеки надъ ребенкомъ и регентства въ королевствѣ, и ни одно царствованіе не было болѣе мирнымъ, чѣмъ это царствованіе ребенка. Ни хроникеры, ни агіографы не отмѣчаютъ на протяженіи протекшихъ здѣсь восемнадцати лѣтъ никакого безпорядка, никакой попытки къ гражданской войнѣ.

Въ Австразіи царствовалъ другой ребенокъ, Сигибертъ III. Признаковъ волненій или столкновеній и тамъ не замѣтно. Сигибертъ оставилъ послѣ себя совсѣмъ малолѣтняго сына. Честолюбивый мэръ Гримоальдъ устранилъ ребенка и сдѣлалъ королемъ собственнаго сына [1]. Но франки не

[1] Характеръ и судьбы этихъ собраній отъ 616 до 687 г. пространно изучены въ Франкской монархіи, глава 16.

[2] *Gesta* [*Liber Historiae Francorum*, Krusch], 43: «Grimoaldus

захотѣли признать узурпатора; „взволнованные и негодующіе", они схватили Гримоальда, выдали его королю Нейстріи; они видѣли, какъ его предали смерти, „чего онъ заслужилъ за совершенное имъ противъ своего господина преступленіе", и снова взяли короля изъ меровингскаго дома [1].

Приведенные факты и самый характеръ ихъ описанія указываютъ на то, что королевская династія продолжала пользоваться уваженіемъ даже тогда, когда ея представителями были дѣти. Ни у одного хроникера нельзя замѣтить, чтобы существовала партія, желавшая свергнуть эту династію и замѣнить ее другою, еще менѣе того, установить новый порядокъ.

Правда, при необезпеченности наслѣдованія, подданные устраивали нѣчто въ родѣ выборовъ между несовершеннолѣтними королями. При этомъ, прежде всего, въ умахъ укоренилась справедливая мысль, что королевство больше не должно дѣлиться на части по числу сыновей. Хлодовехъ II оставилъ трехъ сыновей; только старшій сдѣлался королемъ. Быть можетъ, инициативу нововведенія слѣдуетъ приписать королевѣ Батильдѣ, но все же оказалось необходимымъ согласіе подданныхъ, на что и указываетъ хроникеръ [2]. Но значитъ ли

filium eius parvolum totundit... et in Scocia direxit, filium suum in regno constituens».

[1] *Ibidem:* «Franci (commoti atque vehementer) indignantes Grimoaldo insidias praeparant, eumque exementes ad condempnandum rege Francorum Chlodoveo deferunt... et ut erat morte dignus (propter scelus) quod in dominum exercuit, morte vitam finivit».—Cp. *Chronic. Moissac.* a. 656.

[2] Продолжатель Фредегарія, 91 [1, изд. Krusch]: «Franci

это, что королевская власть стала избирательной? Никто, повидимому, не думалъ, о такомъ новомъ принципѣ государственнаго права. Хроникеры не говорятъ здѣсь ни о народномъ собраніи, ни объ обсужденіи, ни о правильномъ избраніи. Это просто былъ фактическій выборъ. Изъ трехъ дѣтей одинъ былъ провозглашенъ королемъ. Королева-мать сдѣлалась опекуншей и регентшей. Она управляла дворцомъ и королевствомъ [1].

Во всемъ указанномъ не появляется новаго принципа. Позднѣе увидимъ, что подданные раздѣляются между двумя королями — одни стоятъ за Хильдериха II, другіе за Теодериха III. Еще позднѣе увидимъ сверженіе одного короля и замѣщеніе его другимъ Меровингомъ. Это было результатомъ партійныхъ несогласій, мы вскорѣ ихъ разъяснимъ. Теперь же достаточно сказать, что ни въ одномъ изъ описанныхъ случаевъ мы не усматриваемъ ссылки на право избранія, не усматриваемъ нигдѣ также и того, чтобы съ каждымъ изъ этихъ выборовъ была связана какая-нибудь политическая идея, чтобы одинъ изъ королей

Chlotarium filium Chlodovei maiorem in regno statuunt».—*Gesta*, 44: «Franci Chlotarium seniorem puerum ex tribus regem sibi statuunt».

[1] *Ibidem*, 91 [1]: «Chlotarium in regno statuunt cum prefata regina matre».—*Gesta*, 44: «Chlotarium regem statuunt cum ipsa matre regnaturum».—*Vita S. Balthildis*, 6—10.—Въ *Acta Sanctorum ordinis S. Benedicti*, II, 776 [и въ *Scriptores Germaniae Merovingici*, t. II].—*Vita S. Bertilanae*, 4—7: «Balthildis regnum gubernabat Francorum et ab omnibus pontificibus vel proceribus cunctoque populo diligebatur... viriliter gubernabat palatium» (*Acta Sanctorum ordinis S. Benedicti*, III, 23).

являлся представителемъ одного принципа, другой—другого.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Моральный принципъ государственной власти слабѣетъ.

Если королевская власть ослабѣла среди населенія, вполнѣ расположеннаго къ покорности, если государственный авторитетъ палъ безъ всякаго возстанія противъ него, то вина въ томъ лежитъ прежде всего на царствующей династіи. Монархическое правленіе, какъ всякое правленіе, носитъ трудности въ себѣ самомъ, независимо отъ внѣшняго противодѣйствія. Для осуществленія монархической власти Меровинги не обладали ни достаточно правою совѣстью, ни достаточно высокимъ умомъ.

Преступленія ихъ извѣстны. Хлодовехъ погубилъ одного за другимъ всѣхъ своихъ родичей. Хлотаръ и Хильдебертъ зарѣзали двухъ дѣтей, своихъ племянниковъ собственными руками. Теодерихъ пытался убить Хлотара [1] и умертвилъ короля Тюринговъ. Жена Теодеберта извела собственную дочь, Хильперихъ—свою жену, Теодебертъ II также [2]. Сигибертъ былъ убитъ, Гунтрамну десять разъ угрожало убійство. Два брата, Теодебертъ и Теодерихъ, старались уничтожить другъ друга [3].

[1] *Gregor. Turon.* III, 7.

[2] *Fredegar.* Chronicon, c. 37.

[3] Позднѣе Дагоберта стали еще упрекать въ томъ, что онъ приказалъ убить своего племянника, Хильпериха. *Fredegar.* 67.

Такую массу убійствъ объясняли избыткомъ силъ пылкой и дикой натуры; то была, говорили, запальчивость первобытнаго человѣка: простыя и прямыя души ихъ были въ то же время яростны и неукротимы. Совсѣмъ наоборотъ, всмотритесь во всѣ разсказы объ убійствахъ: то были акты коварства, а не страсти, самой низкой алчности, а не открытаго гнѣва. Посмотрите на частные нравы этихъ людей: въ нихъ полное отсутствіе уваженія къ узамъ семьи и брака; у нихъ несчетное количество наложницъ [1]. Это былъ безстыдный развратъ. Сыновья возставали противъ отца, когда онъ заставлялъ ихъ долго ждать королевской власти. Дочери ссорились съ матерью, чтобы получить свою долю золота и драгоцѣнностей. Среди братьевъ царила ненависть. Если братьевъ было трое, то двое изъ нихъ всегда вступали въ заговоръ противъ третьяго. Хильдебертъ и Хлотаръ соединялись противъ Теодеберта, потомъ Хильдебертъ и Теодебертъ—противъ Хлотара [2]. Въ слѣдующемъ поколѣніи Хильперихъ и Хильдебертъ III вступали въ соглашеніе, „чтобы изгнать Гунтрамна изъ его королевства", а позднѣе Гунтрамнъ съ Теодебертомъ соединялись противъ Хильпериха.

[1] См. у Григорія, каковы были нравы Теодериха I (III, 22, 26, 27), Теодеберта I (III, 20, 22, 27), Хлотара I (IV, 3), Хариберта (IV, 26), Гунтрамна (IV, 25), Хильпериха (IV, 28) Теодериха II, и т. д. (*Fredegar.* Chronicon, 24, 29, 30, 36).—Еще позже выставлялись нравы Дагоберта: «Luxoriam super modum deditus, tres habebat reginas et pluremas concupinas» (*Fredegar.* 60).—Сигибертъ I и Сигибертъ II являлись, повидимому, исключеніемъ.

[2] *Gregor. Turon.* III, 23, 28.

Такіе союзы безпрестанно возникали и распадались, хотя каждый разъ они закрѣплялись писанными договорами, подписями, клятвами [1].

Меровинги заняли мѣсто римскихъ императоровъ, но, хотя и послѣдніе отличались далеко не образцовою частной жизнью, Меровинги были много хуже ихъ. Справедливость требуетъ добавить, что другія королевскія династіи оказывались не лучше. Легко вспомнить преступленія бургундскихъ королей [2], королей остготскихъ, вестготскихъ, тюрингскихъ [3], королей лонгобардовъ [4]. Графъ бретонскій, Конанъ, умертвилъ своихъ трехъ братьевъ [5]. Ни въ какую другую эпоху исторіи правители не были болѣе испорчены, чѣмъ въ ту, какую мы изучаемъ.

Уровень нравственности замѣтно понизился. Въ царствующей династіи именно такое пониженіе оказалось причиной слабости королевской власти. Уваженіе къ ней стало невозможно. Не знаю, возникало ли въ сознаніяхъ подданныхъ чувство осужденія. Но тонъ описанія этихъ преступленій у самого Григорія Турскаго позволяетъ думать, что современники не испытывали по отношенію къ нимъ чувства отвращенія. Всѣ эти преступленія не внушали ихъ свидѣтелямъ мужественной ненависти. Люди къ нимъ привыкли, не считали

[1] *Ibidem*, VI, 3.

[2] *Ibidem*, II, 28—32; III, 5.

[3] *Ibidem*, III, 4.

[4] *Fredegar.* 70.

[5] *Greg. Tur.* IV, 4.

себя въ правѣ ихъ судить; они, напротивъ, ихъ одобряли, подражали имъ. Не думаю, чтобы въ какую-нибудь другую эпоху была написана книга, болѣе наполненная преступленіями, чѣмъ сочиненіе Григорія Турскаго. Между тѣмъ у него все такъ спокойно развертывается: какъ будто рѣка течетъ и разливаетъ свои воды. Преступленія царятъ повсюду. Франки и римляне не различаются въ нихъ другъ отъ друга, и духовные не многимъ лучше мірянъ. Сами ничего не подозрѣвая, эти поколѣнія людей утратили нравственное чутье. А съ нимъ вмѣстѣ исчезло то, что составляетъ самую крѣпкую связь общества. При Меровингахъ наблюдается непрерывный ростъ двухъ явленій: во-первыхъ, растлѣнія индивидуальной совѣсти, во-вторыхъ, соціальной недисциплинированности. Люди становились все хуже и хуже, управленіе ими все менѣе и менѣе возможнымъ.

Повидимому, основнымъ порокомъ династіи была чрезмѣрная привязанность къ матерьяльнымъ благамъ. Обратите вниманіе, каковы характерныя черты въ разсказѣ хроникъ о дѣяніяхъ и преступленіяхъ этихъ королей; есть одна, которую вы будете встрѣчать постоянно: это алчность. Каждый изъ королей непремѣнно собираетъ казну, и всѣ его дѣйствія клонятся къ ея увеличенію. Васъ озадачиваетъ мѣсто, занимаемое казной, королевскимъ сокровищемъ во всей исторіи Меровинговъ. Хлодовехъ „захватываетъ королевство Сигиберта и его богатства“ [1]. Онъ убиваетъ Харариха, завладѣ-

[1] *Gregor. Turon.* II, 40.

ваетъ „его королевствомъ, его сокровищами и его народомъ“ [1]. Хильдебертъ I умираетъ и братъ его „беретъ его королевство и его богатства“ [2]. Гунтрамнъ также хочетъ получить „королевство Хариберта и его сокровища“ [3]. Самымъ очевиднымъ результатомъ войны 613 года было „подчиненіе Хлотару II всего королевства франковъ и захватъ всѣхъ сокровищъ“ [4]. При извѣстіи о смерти отца, Дагобертъ I „спѣшитъ завладѣть его сокровищами“ [5]. Тотъ же государь, узнавъ о смерти Хариберта, велитъ принести къ себѣ „его сокровища“ [6]. Онъ умираетъ, и хроникеръ подробно разсказываетъ, какъ о самомъ важномъ дѣлѣ этого года, о томъ, какъ были распредѣлены его сокровища между его двумя сыновьями [7]. Позднѣе, побѣдитель при Тестри, Пиппинъ, „захватываетъ короля Теодериха и его сокровища“.

Сундуки, наполненные монетами и драгоцѣнностями, какъ будто единственно занимали людей того времени. Надо видѣть, съ какой наивною гордостью показывали короли эти сундуки посѣтителямъ. Хильперихъ показываетъ Григорію Турскому присланныя ему константинопольскимъ императоромъ красивыя золотыя монеты, заставляетъ его любоваться ихъ вѣсомъ и хорошо выграви-

[1] *Ibidem*, II, 41.
[2] *Ibidem*, IV, 20.
[3] *Ibidem*, VII, 6.
[4] *Fredegar.* Chronicon, 42.
[5] *Ibidem*, 57.
[6] *Ibidem*, 67.
[7] *Ibidem*, 85.

рованными на нихъ надписями. Онъ ставитъ передъ его глазами большое золотое блюдо, въ пятьдесятъ фунтовъ вѣсомъ и говоритъ: „Это я его велѣлъ сдѣлать, чтобы почтить франкское племя и, если Богъ продлитъ мнѣ жизни, я закажу еще много другихъ“ [1]. Таковы ихъ великія намѣренія. Въ самомъ дѣлѣ, можно сказать, что приращеніе казны было высшею цѣлью ихъ дѣятельности [2]?

Когда король умираетъ, каждый изъ его братьевъ или сыновей спѣшитъ первымъ наложить руку на его казну. „По смерти Хильдеберта, Хлотаръ завладѣлъ его королевствомъ и сокровищами; что касается жены и дочерей, онъ ихъ отправилъ въ изгнаніе“. Хлотаръ умираетъ и тотчасъ, не дожидаясь братьевъ, Хильперихъ спѣшитъ въ Брэнъ, гдѣ находятся сундуки умирающаго короля. Умираетъ Харибертъ, Гунтрамнъ поручаетъ сказать его женѣ: „Приди ко мнѣ съ сокровищами твоего мужа, я женюсь на тебѣ“; жена Хариберта явилась къ нему, но король удержалъ лишь сокровища [3].

Что заставляетъ франкскихъ королей воевать другъ съ другомъ? Новѣйшимъ историкамъ показалось удобнымъ перенести на далекія поколѣнія людей общія идеи, господствующія среди насъ. Они разсуждали такъ: только чрезвычайная при-

[1] *Gregor. Turon.* VI, 2.

[2] Въ алчности упрекаетъ хроникеръ и Дагоберта I: «Cupiditates instincto super rebus ecclesiarum et leudibus, vellit omnibus undique expoliis novos implere thinsauros» (*Fredegar.* Chronicon, 60). «Dagobertus, ut erat cupidus» (*ibidem*, 73).

[3] *Gregor. Turon.* IV, 20; IV, 22; IV, 26.

чина могла вызывать столь частыя и продолжительныя междоусобныя войны. Такой причиной долженъ былъ быть расовый антагонизмъ. Правда, всѣ короли принадлежали къ одной династіи, но такъ какъ они царствовали одинъ на востокѣ, другой на западѣ, то, несомнѣнно, подъ именемъ двухъ королей сражались другъ съ другомъ двѣ страны: или, вѣрнѣе, подъ именемъ двухъ странъ бились два вражескихъ племени. Писателямъ того времени совершенно чужды такія разсужденія. Ни въ одной изъ хроникъ вы не найдете ни одного указанія на антагонизмъ расъ. Хроникеры никогда не говорятъ: „Нейстрія и Австразія ведутъ войну“; они говорятъ: „Такой-то король воюетъ съ такимъ-то.“ Всмотритесь кромѣ того въ подробности положенія Галліи: станетъ ясно, что такого правильнаго дѣленія на Востокъ и Западъ, какое предполагаютъ новѣйшіе историки, въ Галліи не было. Существовало еще третье королевство, Бургундія, и вотъ устраивались союзы то Бургундіи и Австразіи противъ Нейстріи, то Австразіи и Нейстріи противъ Бургундіи. Надо бы также доказать, что Нейстрія, къ которой принадлежали Турнэ и Камбрэ, была болѣе римскою, чѣмъ Австразія, которой принадлежала Шампань [1]. Войдите еще глубже въ подробности фактовъ, прочитайте у Григорія Турскаго или Фредегарія разсказы объ этихъ войнахъ; вы увидите, что австразійская область Ту-

[1] Если царствовавшіе на Востокѣ короли легче могли вербовать германскихъ наемниковъ, и если они никогда не упускали случая это дѣлать, то это вовсе не доказываетъ, что Австразію вооружала племенная вражда.

ренъ храбро борется съ принадлежавшимъ къ Нейстріи Пуату [1]. Всѣ теоріи, выставленныя для объясненія этихъ войнъ учеными новаго времени, должны быть отброшены. Хроники повѣствуютъ о нихъ, никогда не выводя ихъ изъ какой-нибудь общей причины. Единственная, неизмѣнная причина, безпрестанно ими указываемая, — алчность королей. Каждый изъ нихъ хочетъ увеличить свою долю земель и сокровищъ. Когда они оспариваютъ другъ у друга города и области, они оспариваютъ приносимые ими сборы, или входившія въ ихъ предѣлы помѣстья [2].

То же самое можно сказать о раздѣлахъ, которые короли производятъ между собою. Они дѣлятъ государство, не обращая вниманія на населеніе, на языки, на географическія основанія вообще. Въ самомъ дѣлѣ, мы видимъ, что Провансъ и Туренъ долго входили въ составъ австразійскаго королевства, а Альзасъ составлялъ нѣкоторое время часть бургундскаго [3]. Изслѣдуя, что могло быть причиною такихъ странныхъ раздѣловъ, вы не найдете ничего другого, кромѣ того, что велся разсчетъ налоговъ, земель, всѣхъ доходовъ, которые должны были получаться въ каждой части. Повидимому, эти раздѣлы производились не по картѣ, а по списку провинцій. Чтобы достигнуть самаго полнаго экономическаго

[1] Примѣры у Григорія Турскаго, VI, 31; VII, 12, 13, 24 и т. д.

[2] *Gregor. Turon.* VI, 22: «Chilpericus, pervasis civitatibus fratris sui, cuncta iubet sibi urbium tributa deferri».

[3] *Fredegar.* Chronicon, 37.

равенства, городъ дѣлили иногда пополамъ или на три части. И мы видимъ, какъ короли съ необычайной настойчивостью оспаривали другъ у друга половины или трети округовъ. Идея племени или расы не при чемъ въ такихъ дѣйствіяхъ [1].

Что побуждало королей вести внѣшнія войны? Они совершали много походовъ въ Германію. Думали ли они цивилизовать страну или обратить ее въ христіанство, или, по крайней мѣрѣ, дать ей внутреннюю организацію? Въ документахъ не находится никакихъ слѣдовъ подобной мысли. Хлотаръ I ведетъ войну съ тюрингами для удовлетворенія стараго недовольства франковъ. Онъ ведетъ войну съ саксами, потому что тѣ отказались платить ему дань. Хильдебертъ идетъ воевать въ Испанію ради добычи. Если, позднѣе, франкскіе короли предпринимаютъ походъ на лонгобардовъ, то потому, что имъ за это платятъ константинопольскіе императоры; случалось и такъ, что если императоры платили впередъ, они сохраняли золото и не предпринимали походовъ [2].

Общее впечатлѣніе, выводимое изъ фактовъ, таково, что королямъ Меровингамъ были чужды какія бы то ни было общеполитическія соображенія. Правда, утверждать это вполнѣ категорически нельзя. Нѣкоторыя исключенія могутъ ускользнуть отъ насъ. Возможно, что у Хлодовеха были какія-

[1] Раздѣлы VII вѣка представляютъ нѣсколько менѣе пестроты; но къ тому времени по истеченіи ста двадцати лѣтъ племенныя различія какъ разъ успѣли поблѣднѣть.

[2] *Gregor. Turon.* III, 7; IV, 14; III, 29; VIII, 18; VI, 42.

нибудь высокія и справедливыя цѣли, хотя хроникеры не говорятъ о нихъ; возможно, что имъ основаны и созданы были какія-нибудь прочныя учрежденія, хотя ни одинъ документъ не позволяетъ намъ ихъ обнаружить.

Нѣсколько новѣйшихъ историковъ приписывали королевѣ Брунгильдѣ широкіе замыслы, но ни одинъ изъ современныхъ ей писателей не подозрѣваетъ, повидимому, что она ихъ питала. Ни Григорій, ни Фредегарій не говорятъ о ея политикѣ. Нигдѣ не высказана мысль, что она старалась установить извѣстную систему управленія. Нѣсколько построенныхъ ею церквей, нѣсколько починенныхъ, быть можетъ, дорогъ не доказываютъ, чтобы она обладала административнымъ геніемъ.

Ученые новаго времени предполагаютъ, что Меровинги дѣлали похвальныя усилія къ постепенному установленію правильнаго управленія, но потерпѣли неудачу. Вѣрнѣе противоположное. Правильное управленіе еще существовало, когда они пришли въ Галлію, имъ оставалось только принять его, и никакая народность не противилась тому, чтобы они его приняли. Они должны были прилагать усилія не для устройства управленія, а для его сохраненія. Но они оказались неспособны даже на это. Если бы они заботились объ общемъ благѣ, то прежде всего менѣе часто стали бы вести войны изъ личной алчности. Они не допустили бы разложенія системы налоговъ, правосудія, правильной администраціи, въ чемъ мы сейчасъ убѣдимся. Затѣмъ они старались бы основать постоянныя и прочныя учрежденія.

Признакъ, по которому узнаются государственные люди въ монархическомъ строѣ, заключается именно въ стремленіи установить твердые органы власти около короля, для обезпеченія самой монархіи отъ капризовъ монарха. Меровинги не подумали объ этомъ. Они были деспотичны, насколько это было возможно, но скорѣе по склонности и по инстинкту, чѣмъ въ цѣляхъ государственныхъ. Они болѣе хотѣли быть богатыми и сильными королями, чѣмъ создать прочную и благодѣтельную королевскую власть.

Мнѣ кажется, Григорій Турскій даетъ довольно вѣрное понятіе о задачахъ, какія преслѣдовали эти короли. Въ минуту раскаянія Фредегонда говоритъ своему мужу: „Мы копимъ деньги, а къ чему это намъ послужитъ? Дѣтей у насъ нѣтъ. Зачѣмъ продолжать это дѣлать? Развѣ недостаточно вина въ нашихъ погребахъ, недостаточно хлѣба въ амбарахъ, золота и серебра въ сундукахъ“ [1]. Не знаю, подлинныя ли это слова Фредегонды, но въ нихъ выражены всѣ мысли, вся политика, какія приписываются Григоріемъ Фредегондѣ и Хильпериху, которыхъ онъ лично зналъ.

Въ другомъ мѣстѣ историкъ въ формѣ ораторской жалобы представляетъ свои соображенія объ общей политикѣ франкскихъ королей: „Мнѣ тяжело разсказывать о междоусобныхъ войнахъ; о, короли, что такое вы дѣлаете? Какова ваша цѣль? Чего вамъ не хватаетъ? Дома ваши изобилуютъ всякаго рода богатствами. Вино, хлѣбъ,

[1] *Gregor. Turon.* V, 34.

масло, всѣмъ переполнены ваши амбары; сундуки ваши набиты золотомъ и серебромъ; зачѣмъ же вы стараетесь обирать другъ друга"?[1] Говорящій такъ писатель не далекій отъ жизни человѣкъ. Это епископъ, духовное лицо, стоявшее не только во главѣ отдѣльной церкви, но правившее большою епархіею; онъ привыкъ къ дѣламъ, онъ ежедневно сносится съ королями, не разъ въ своей жизни былъ посредникомъ между ними. Онъ знаетъ дворъ, вельможъ, чиновниковъ, канцеляріи, ничто не ускользаетъ отъ него. Невѣроятно, чтобы въ политикѣ для него было много тайнъ. И если именно такою онъ самъ представляетъ всю политику, не думаю, чтобы франкскіе короли имѣли о ней болѣе высокое понятіе.

Можно даже спросить себя, проникла ли въ ихъ голову абстрактная идея королевской власти. Ихъ пышное словоупотребленіе не должно вводить насъ въ заблужденіе. Унаслѣдованныя ими отъ Римской Имперіи канцеляріи сохраняли римскія формулы. Потому-то въ заголовкахъ оффиціальныхъ актовъ продолжали восхвалять королевское величество, его обязанности, его добродѣтели и благодѣянія. Отъ имени короля Хлотара писали, напримѣръ, такъ: „Милосердію государя присуще съ внимательной заботливостью блюсти о потребностяхъ провинцій и о нуждахъ подданныхъ и принимать въ интересахъ ихъ покоя всѣ согласующіяся съ справедливостью мѣры". Но такія чисто римскія фразы представляли лишь канцелярскую традицію; онѣ не свидѣтельствуютъ объ

[1] *Ibidem*, V, prooem.

особой заботливости королей. На практикѣ, если вглядѣться въ акты Меровинговъ, не видно, чтобы они смотрѣли на королевскую власть, какъ на обязанность, установленную для общей пользы. Нѣсколько мѣропріятій изъ области полиціи безопасности, нѣсколько фактовъ судебной бдительности [1] не обнаруживаютъ послѣдовательной системы поведенія. Соборами епископовъ имъ было продиктовано нѣсколько мудрыхъ законовъ, но сомнительно, чтобы эти законы приводились въ исполненіе.

Повидимому, почти всѣ Меровинги смотрѣли на королевскую власть какъ на частное имущество, а не какъ на общественную обязанность. Вотъ почему они дѣлили ее между собою, какъ собственность. Они высчитывали земли, налоги, драгоцѣнности. Они отдавали цѣлые округа какъ приданое дочерямъ, какъ вдовью часть женамъ. По анделотскому договору, одному изъ самыхъ торжественныхъ актовъ VI-го вѣка, одни округа поступаютъ въ собственность Брунгильдѣ, другіе — въ удѣлъ дочери Гунтрамна. По этому договору, два короля устанавливаютъ наслѣдованіе королевства въ такихъ же выраженіяхъ, какъ два частныхъ лица распредѣляли бы наслѣдованіе имущества. Въ этомъ длинномъ текстѣ нельзя найти никакого проблеска общей идеи, никакого принципа, который выходилъ бы за предѣлы частныхъ интересовъ нѣсколькихъ людей. Съ франкскимъ народомъ не только не совѣщались, о немъ даже не подумали договаривающіяся стороны.

[1] *Fredegar*. Chron. 54, 57, 58.

Вотъ къ чему сводится дѣло: одинъ бездѣтный король завѣщаетъ свое королевство племяннику для того, чтобы лучше пользоваться имъ при жизни. Но и то онъ ограничиваетъ тутъ же рѣшеніе, и мы слышимъ такія слова: „Я оставлю также гдѣ-нибудь два или три округа Хлотару, чтобы не совсѣмъ лишить его наслѣдства“ [1].—Сорокъ лѣтъ спустя Дагобертъ I объединяетъ оба королевства, но мы не видимъ, чтобы какой-нибудь высшій принципъ являлся при этомъ двигателемъ воли подданныхъ или самого Дагоберта: хроникеръ разсказываетъ, что онъ очень спѣшитъ, приходитъ первымъ и накладываетъ руку на королевства и на сокровища. „Однако, движимый милосердіемъ, онъ оставляетъ Хариберту всю территорію между Луарой и Пиренеями“ [2]. Алчность или милость—но всегда чувства совершенно частнаго характера внушаютъ королямъ политическіе акты. Такъ, ихъ пожалованія диктуются желаніемъ угодить Богу, или „спасти душу“. Ими всегда руководятъ личные интересы, хороши послѣдніе или дурны.

Здѣсь естественно напрашивается одно сравненіе. Въ Римской Имперіи можетъ быть насчитано нѣсколько отвратительныхъ государей, и всетаки, отъ начала до конца, даже при самыхъ дурныхъ между ними, можно услѣдить постоянную заботу объ общихъ интересахъ. Всѣ императоры считали себя представителями народа (*populus*). Въ ихъ умѣ, а также въ образѣ мыслей ихъ современниковъ,

[1] *Gregor. Turon.* IX, 20, in fine.—Франкская монархія, стр. 659 и слѣд.

[2] *Fredegar.* 56, 57.

имперія вовсе не была личною властью, еще менѣе того, вотчиною или наслѣдствомъ. Имперія была совокупностью интересовъ всѣхъ, управляемыхъ однимъ человѣкомъ. Ее называли *respublica*. Не будемъ думать, что это было пустое слово, иллюзія, ложь; подъ этимъ словомъ скрывался совершенно опредѣленный образъ, цѣлая концепція. Кто изучалъ документы императорской эпохи, тотъ знаетъ, какъ часто встрѣчалось это выраженіе. Оно употреблялось не только классическими писателями; имъ пользовались и въ обыкновенномъ языкѣ, а также въ языкѣ оффиціальномъ. Оно находится въ законахъ и надписяхъ. Слово *respublica* вовсе не было оппозиціоннымъ терминомъ; его употребляли, говоря съ императорами, его употребляли сами императоры. То былъ такой же оффиціальный терминъ, какъ *imperium* [1]. Оба они обозначали одно и то же государственное устройство, но съ двухъ различныхъ сторонъ. Власть принадлежала одному, но правленіе было „общимъ дѣломъ“. Это не значило, что всѣ имѣли право управлять, но подъ этимъ подразумѣвалось, что правительство существовало лишь для пользы всѣхъ. Такое представленіе оставалось всесильнымъ на протяженіи пяти вѣковъ имперіи. Потому то и слово, и понятіе *respublica* повторяются въ документахъ изъ поколѣнія въ поколѣніе.

При Меровингахъ слово *respublica* исчезаетъ. Если мы еще иногда находимъ его, то лишь для обозначенія Римской Имперіи, столица которой

[1] См. въ соотвѣтствующихъ главахъ перваго и второго тома настоящаго сочиненія.

была въ Константинополѣ. Оно никогда не примѣняется къ франкскому государству [1].

Въ такомъ исчезновеніи слова открывается симптомъ, которымъ не долженъ пренебрегать историкъ. Если слово выходитъ изъ употребленія, не будучи замѣнено другимъ, равнозначащимъ, это значитъ, что выходитъ изъ круга идей обозначавшееся имъ понятіе. Правленіе перестало казаться людямъ общимъ дѣломъ. Изгладилось представленіе объ общихъ интересахъ. Король остается, какъ могущественное лицо, внушающее страхъ, повиновеніе; но уже утратился высшій принципъ, который соединялся съ монархическою властью; государственный интересъ съ ней не отожествляется. Люди VI и VII вѣковъ замѣтно усвоили болѣе узкое понятіе о правленіи. Государственная власть измѣняетъ характеръ, ослабѣваетъ, падаетъ въ представленіяхъ королей и подданныхъ.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Какъ исчезли налоги.

Меровинги унаслѣдовали отъ Римской Имперіи цѣлую систему земельныхъ налоговъ съ расцѣночными описями (кадастрами) для ихъ сбора, и цѣлую таможенную систему съ комплектомъ служащихъ въ канцеляріяхъ и заставахъ. Этихъ источ-

[1] Слово *respublica* встрѣчается, правда, въ *Vita S. Eligii*, I, 32: «Censum qui reipublicae salvebatur». Но замѣтьте, что, какъ доказываютъ слова *usque hodie*, оно читается въ главѣ болѣе поздней редакціи. А при Каролингахъ слово *respublica* снова вошло въ употребленіе, какъ увидимъ дальше.

никовъ дохода было достаточно для того, чтобы сдѣлать королевскую власть богатою и удовлетворить всѣмъ расходамъ по управленію [1]. Однако, переходя ко второй половинѣ меровингскаго періода, мы замѣчаемъ, что королевская власть оскудѣла; чѣмъ дальше, тѣмъ она становится бѣднѣе; наконецъ, у нея не хватаетъ матерьяльныхъ средствъ на управленіе. Слѣдовательно, она потеряла налоги. Выяснить, какъ она ихъ потеряла—это составляетъ предметъ любопытнаго историческаго изслѣдованія.

Прежде всего, мы должны замѣтить, что Меровинги никогда не думали добровольно упразднять налоги. Хлотаръ I ихъ повысилъ; онъ поднялъ высоту земельнаго налога до третьей части дохода [2]. Теодебертъ I подчинилъ налогамъ франковъ [3]. Хильперихъ также увеличилъ налоги, сначала тѣмъ, что отмѣнилъ изъятіе отъ нихъ многихъ франковъ; потомъ онъ приказалъ пересмотрѣть кадастръ. При Хильдебертѣ II также былъ составленъ новый кадастръ, но, повидимому, для нѣкотораго пониженія налоговъ [4].

Мы должны дальше засвидѣтельствовать, что народъ не возставалъ противъ налоговъ. Было, конечно, нѣсколько возмущеній, какъ, напримѣръ, въ Лиможѣ или какъ волненіе франковъ въ Метцѣ [5]. Но не видно, чтобы народъ законно протестовалъ

[1] Франкская монархія, гл. XI.
[2] *Gregor. Turon.* IV, 2.
[3] *Ibidem.* III, 36.
[4] *Ibidem*, VII, 15; V, 28; X, 7.
[5] *Ibidem*, V, 28; III, 36.

противъ налоговъ, или чтобы онъ дружно поднимался весь для освобожденія себя отъ нихъ.

Хлотаръ II не отмѣнилъ ихъ въ 614 году. Его указъ гласитъ лишь слѣдующее: „Повсюду, гдѣ какой-либо новый налогъ былъ установленъ беззаконно, и гдѣ будетъ жаловаться населеніе, надобно произвести справедливое разслѣдованіе, и злоупотребленіе должно быть милостиво исправлено“. Это не значитъ отмѣнить налоги; король отмѣняетъ лишь нѣкоторыя несправедливыя отягченія. Къ тому же эта статья указа направлена королемъ не противъ собственныхъ его распоряженій; онъ имѣетъ въ виду злоупотребленіе властью нѣкоторыхъ сановниковъ, установившихъ на нѣкоторыхъ территоріяхъ произвольные налоги; онъ обѣщаетъ самъ назначить дознаніе и уничтожить злоупотребленія.

Въ 9-й статьѣ того же указа король упраздняетъ также нѣкоторыя новыя дорожныя пошлины; но онъ опредѣленно сохраняетъ старыя. Здѣсь также онъ имѣетъ, повидимому, въ виду чиновниковъ и откупщиковъ таможенъ, безъ всякаго права создавшихъ новыя дорожныя пошлины [1].

Земельный налогъ и таможенныя пошлины существуютъ и послѣ Хлотара II. Ихъ можно прослѣдить при Дагобертѣ I и дальше, изъ царствованія въ царствованіе. Грамоты обнаруживаютъ ихъ изъ поколѣнія въ поколѣніе. Ихъ можно еще найти при Карлѣ Великомъ. Итакъ, налоги исчезли не въ силу упразднившаго ихъ королевскаго указа и не благодаря насильственно уничтожи-

[1] См. «Франкская монархія», стр. 235 и др.

вшему ихъ народному возстанію. Они были утрачены иначе.

Посмотримъ сначала въ разсказахъ Григорія Турскаго, какого понятія о налогахъ держались франкскіе короли. Историкъ говоритъ сначала объ увеличеніи Хильперихомъ поборовъ, [1] затѣмъ онъ отмѣчаетъ эпидемію и смерть королевскаго сына [2]. Онъ не высказываетъ опредѣленно, что эти бѣдствія были карою небесъ, но такова его внутренняя мысль; таково, въ особенности, мнѣніе короля и королевы. Хильперихъ и Фредегонда дѣйствительно были охвачены внезапнымъ раскаяніемъ [3]. Можно подумать, что они желаютъ искупить свои преступленія, но Григорій говоритъ не то. Въ его описаніи у нихъ нѣтъ укоровъ совѣсти ни за убійство Галесвинты, ни за убійство Сигиберта, или еще другихъ. Поступокъ, въ которомъ они раскаяваются—сборъ налоговъ. „Мы копимъ деньги, говоритъ Фредегонда, а между тѣмъ теряемъ нашихъ сыновей“. Въ этихъ деньгахъ она видитъ „слезы бѣдныхъ, вздохи вдовъ и сиротъ“. Пріобрѣтенныя такимъ образомъ богатства — это „куча награбленнаго, проклятаго добра.“ „Сожжемъ податные списки, эти несправедливые списки“, говоритъ она въ заключеніе и велитъ принести себѣ роспись лично ей принадлежавшихъ городскихъ сборовъ. Она бросаетъ ее въ огонь, потомъ говоритъ мужу: „Поступи и ты, какъ я, чтобы намъ

[1] *Gregor. Turon.* V, 29, [28, изд. Arndt].
[2] *Ibidem,* V, 35 [34].
[3] *Ibidem,* V, 35 [34]: «Mater sero poenitens... Rex conpunctus corde».

избѣгнуть, по крайней мѣрѣ, мукъ ада, если уже умершіе сыновья наши не могутъ быть намъ возвращены.“ И сокрушенный сердцемъ король сжегъ всѣ росписи налоговъ.

Несомнѣнно, этотъ разсказъ епископа турскаго достовѣренъ лишь относительно. Онъ не присутствовалъ при самой сценѣ. Но вполнѣ ошибиться онъ не могъ, такъ какъ знакомъ былъ съ обоими дѣйствующими лицами. Быть можетъ, въ этотъ самый моментъ онъ былъ при ихъ дворѣ; онъ навѣрно тамъ находился за нѣсколько дней до описываемаго случая [1]. Достойно вниманія здѣсь понятіе, какое высказываютъ о налогахъ короли. Въ ихъ глазахъ налогъ не является уже, какъ во время Римской Имперіи, необходимою тягостью населенія для общихъ нуждъ государства и для собственной пользы. Налогъ не болѣе, какъ средство обогащенія королей, способствующее имъ „копить деньги“. Идея государственнаго интереса отдѣляется отъ идеи налога. Съ тѣхъ поръ ничто его больше не оправдываетъ. Это „грабежъ.“ Это „слезы бѣдныхъ“. Каждая доставленная имъ золотая монета несетъ „проклятіе.“ Такой налогъ кажется имъ самимъ беззаконнымъ и проклятымъ Богомъ.

Если такъ груба идея о налогѣ у королей, то, конечно, она не выше и у плательщиковъ. Самъ Григорій, римлянинъ, епископъ, человѣкъ, близко стоявшій къ государственнымъ дѣламъ, держится такого же мнѣнія о налогѣ, какъ Хильперихъ. Отнять у налога признакъ, дѣлающій его закон-

[1] См. V, 19 и слѣд.

нымъ въ глазахъ людей, это значитъ сильно его ослабить, даже уничтожить его.

Съ тѣхъ поръ избавиться отъ налоговъ стало повсемѣстнымъ и постоянно повторявшимся усиліемъ населенія. Нѣкоторые историки новаго времени высказывали предположеніе, что галло-римляне подчинялись налогамъ по привычкѣ платить, а франки, по врожденной гордости, отказались нести эту тягость. Документы не обнаруживаютъ ничего подобнаго. Если придерживаться документовъ, то не франки, а епископы подали сигналъ къ сопротивленію налогамъ. Оппозиція франковъ—это только вѣроятное предположеніе; оппозиція епископовъ—достовѣрный фактъ. У насъ есть очень характерные разсказы, открывающіе, что христіанская церковь вела въ VI и VII вѣкахъ борьбу съ государственнымъ налогомъ.

„Король Хлотаръ II постановилъ, что всѣ церкви его королевства будутъ платить казнѣ треть земельныхъ доходовъ. Его указъ былъ представленъ всѣмъ епископамъ, которые изъявили на него согласіе и дали подпись. Всѣ дали подпись, принужденные къ тому и приневоленные. Но епископъ турскій, Иньюріозъ, болѣе мужественный, чѣмъ другіе, отказался дать подпись. Явясь къ королю, онъ говорилъ ему: „Ты хочешь отнять принадлежащее Богу имущество, но Богъ скоро отниметъ у тебя твое богатство, ибо несправедливо, чтобы твои амбары наполнялись лептой бѣдныхъ въ то время, какъ скорѣе ты долженъ былъ бы кормить бѣдныхъ хлѣбомъ изъ твоихъ амбаровъ“. Сказавъ это, епископъ ушелъ, не давъ ко-

ролю своего благословенія. Взволнованный и боясь силы святого Мартина, патрона епископа, король велѣлъ его догнать, послалъ ему подарки, просилъ у него прощенія и взялъ свой указъ обратно, прося лишь епископа вымолить для него милость святого“ [1]. Мы опять находимъ здѣсь ту же мысль, что и раньше: налоги несправедливы, это—кража у бѣдныхъ въ личную пользу короля; налоги осуждены Богомъ и святыми. Слѣдствіемъ такого пониманія было то, что оказалось достаточно нѣкоторой смѣлости епископа для отмѣны налоговъ въ цѣлой области.

Подобный же случай повторился въ Лиможѣ. „Короли обложили новымъ сборомъ податей всѣ области Галліи. Но аббатъ Аридій отправился къ королю и ходатайствовалъ за свою область. Онъ добился, чего хотѣлъ. Король отдалъ въ руки аббата податную роспись и Аридій сжегъ ее передъ многочисленной толпой“ [2].

Григорій Турскій разсказываетъ, какъ онъ поступилъ самъ, когда король захотѣлъ возстановить налоги въ его области. „Чиновники, уполномоченные собирать подати, прибыли въ Туръ, говоря, что у нихъ имѣется роспись, въ которой указано, сколько уплачивалось каждымъ въ предшествующія царствованія. Но я сказалъ имъ: „Правда, при Хлотарѣ I былъ составленъ податной списокъ для турской области, и этотъ списокъ былъ врученъ королю, но изъ страха передъ святымъ

[1] *Gregor. Turon.* IV, 2.
[2] *Vita S. Aridii*, Bouquet, III, p. 413.

Мартиномъ король сжегъ списокъ. Потомъ, послѣ смерти Хлотара населеніе Тура поклялось въ вѣрности Хариберту, и король также поклялся, что не будетъ облагать народъ никакимъ новымъ налогомъ. Позднѣе графъ Гэзонъ захотѣлъ собирать подати, но епископъ Евфроній воспротивился, и графъ Гэзонъ возвратился къ королю. Область принадлежала затѣмъ Сигиберту, въ теченіе всего царствованія не собиравшему никакихъ податей. А теперь вотъ уже четырнадцать лѣтъ, какъ нами правитъ Хильдебертъ II, и онъ не требовалъ никакой подати. Вы же хотите возстановить ихъ. Сила на то у васъ есть, но берегитесь навлечь на нашего короля какое-нибудь большое бѣдствіе дѣйствуя наперекоръ клятвѣ“. Они отвѣтили мнѣ: „Вотъ въ нашихъ рукахъ списокъ, указывающій, каковы подати этой области“. Я возразилъ имъ: „Имѣющійся у васъ списокъ исходитъ не изъ дворцовыхъ канцелярій; этотъ списокъ не имѣетъ значенія: онъ найденъ въ домѣ какого-нибудь частнаго лица и предъявленъ врагомъ нашихъ согражданъ; но Богъ накажетъ этого нечестивца.“ Въ самомъ дѣлѣ, человѣка, выдавшаго этотъ списокъ, звали Авдиномъ; сынъ его заболѣлъ горячкой и въ три дня умеръ. Я же отправилъ къ королю посланцовъ и просилъ его разсудить насъ съ его чиновниками. Посланцы привезли мнѣ въ скоромъ времени королевское постановленіе, которымъ въ честь святого Мартина турскаго область навсегда была избавлена отъ платежа податей“ [1].

[1] *Gregor. Turon.* IX, 30.

Вотъ другая легенда, относящаяся къ слѣдующему поколѣнію. Буржскимъ епископомъ былъ Австрагизилъ. Разъ пришла вѣсть, что уполномоченный дворца, по имени Гарнерій прибудетъ въ графство Буржъ для сбора податей, чтобы затѣмъ вручить королю полученныя деньги. Тогда весь народъ бросился къ епископу и просилъ его защиты „отъ этого нововведенія и насилія". Когда Гарнерій приближался къ городу, епископъ вышелъ къ нему навстрѣчу и, преграждая путь, сталъ предъ нимъ, какъ стѣна, твердо рѣшившись бороться на смерть въ защиту ввѣреннаго ему Богомъ народа. „Что ты идешь дѣлать, беззаконный человѣкъ? вскричалъ онъ. Богъ осуждаетъ твои несправедливыя намѣренія. Онъ не разрѣшитъ тебѣ ни вступить въ эту область, ни собирать въ ней налоги". И напрасно гнѣвался посланный, онъ не могъ справиться съ волей епископа. Онъ возвратился ко дворцу и доложилъ королю, что епископъ воспротивился исполненію его повелѣній"[1].

Дагобертъ I былъ самымъ сильнымъ изъ меровингскихъ королей; онъ пользовался наибольшимъ почтеніемъ. Однако и онъ не смогъ собрать налоговъ тамъ, гдѣ епископъ этого не допускалъ. Надо всмотрѣться, какъ сопротивлялся епископъ Сульпицій. Надо даже отмѣтить, какъ объ этомъ

[1] «Miracula Austregisili» въ *Acta Sanctorum ordinis S. Benedicti*, II, p. 99.—Нѣсколько лѣтъ спустя, правительство опять попыталось собрать налоги и еще разъ потерпѣло неудачу; агіографъ, писавшій въ VIII вѣкѣ, добавляетъ, что съ тѣхъ поръ и до его времени «ни одинъ изъ королевскихъ чиновниковъ не осмѣлился обложить налогомъ городъ Буржъ», *ibidem*, p. 100.

выражается агіографъ. Возстановить постоянныя сборы, по его мнѣнію, хочетъ не самъ король, какъ государь; это дьяволъ, Сатана внушаетъ королю мысль подвергнуть населеніе Буржа платежу налоговъ. Такія выраженія указываютъ на понятія людей и позволяютъ измѣрить, насколько система государственныхъ налоговъ потеряла почву въ Галліи со временъ Имперіи. Сборщики приближаются къ городу; тогда весь народъ бросается къ епископу и говоритъ ему: „Добрый пастырь, приди на помощь твоему стаду, защити насъ отъ зубовъ волка-грабителя". Епископъ пытается прежде всего убѣдить уполномоченныхъ короля, что они не должны исполнять „несправедливаго предписанія". Тѣ стоятъ на своемъ. Тогда онъ посылаетъ къ королю увѣщанія съ обвиненіемъ „въ жестокости" и грозитъ ему близостью смерти, „если онъ не раскается и не исправится въ своемъ поведеніи". Короля охватываетъ страхъ и, „признавъ свою вину" онъ соглашается на все, чего желаетъ епископъ Такимъ образомъ, налогъ оказывается отмѣненъ и роспись разорвана. Королевская грамота объявила городъ Буржъ навсегда свободнымъ отъ налоговъ[1].

Итакъ, вѣрно, что духовенство и епископы вели борьбу съ государственнымъ налогомъ; они внушали, что послѣдній несправедливъ и противенъ христіанству; они пріучили народъ проклинать налоги и стали во главѣ народнаго сопротивленія; они уничтожили подати въ нѣкоторыхъ

[1] Vita S. Sulpicii Bituricensis episcopi, c. 25—27 въ *Acta Sanctorum ordinis S. Benedicti*, II, p. 535; ср. у Болландистовъ, стр. 539, 17 января.

провинціяхъ, подорвали ихъ, сдѣлали ненавистными въ остальныхъ.

Разстройству финансоваго управленія Галліи способствовала еще практика иммунитетовъ. Епископъ являлся къ королю и просилъ его, чтобы земли его церкви были освобождены отъ налоговъ. Король соглашался. Тотчасъ же составлялась грамота, въ которой указывалось, „что никто изъ правительственныхъ органовъ не имѣлъ больше права вступать на принадлежащія этому епископу земли для сбора какихъ-либо налоговъ“ [1]. Такъ же поступали аббаты по отношенію къ владѣніямъ своихъ монастырей. Каждая иммунитетная грамота была уничтоженіемъ государственнаго налога на извѣстномъ числѣ помѣстій. Если въ одно изъ этихъ помѣстій появлялся сборщикъ, ему представляли королевскую грамоту, которая воспрещала ему въ самыхъ формальнымъ выраженіяхъ собирать какія бы то не было деньги по какому бы то не было основанію. Указъ короля Хлотара напоминаетъ государственнымъ агентамъ, что отъ получившихъ иммунитетъ церквей или духовныхъ лицъ они не должны требовать никакихъ налоговъ.

Подобнаго рода иммунитеты жаловались и свѣтскимъ лицамъ. Одинъ современникъ разсказываетъ что Элигій (Saint Eloi) раньше, чѣмъ сдѣлался епископомъ, когда былъ еще однимъ изъ чиновниковъ дворца, попросилъ короля пожаловать ему помѣстье Солиньякъ въ Лимузенѣ. Король сдѣлалъ

[1] *Marculf.* I, 3; 4. См. особую главу объ иммунитетахъ въ V т. наст. соч.

ему это пожалованье, скрѣпивъ его грамотою. По всей вѣроятности, онъ забылъ приказать внести въ ея текстъ, что это помѣстье будетъ освобождено отъ налога. Нѣсколько дней спустя, Элигій долженъ былъ заплатить сколько-то золотыхъ, какъ и другіе владѣльцы края. Но тогда Богъ чудомъ далъ понять, что это ему не угодно, и пришлось вернуть Элигію уплаченное имъ золото [1]. Изъ этого разсказа выясняется, что когда король дѣлалъ земельное пожалованіе даже свѣтскому лицу, онъ почти всегда въ силу установившагося обычая приводился къ необходимости отмѣнять на этой землѣ налогъ. Если онъ пытался сохранить налогъ, какъ поступилъ въ данномъ случаѣ Дагобертъ, то очень скоро возбуждалось такое настоятельное ходатайство, а въ случаѣ надобности совершалось такое поразительное чудо, что королевская воля принуждалась къ уступкѣ. Сохранилась формула, по которой писались дипломы королевскихъ пожалованій въ пользу мірянъ или епископовъ. И въ тѣхъ, и въ другихъ говорится, что земля даруется „въ полную собственность“; это значитъ, что ни одинъ чиновникъ фиска не могъ туда вступать для сбора налоговъ. Если же мы

[1] *Vita S. Eligii,* I, 15. Разсказчикъ Авдоэнъ (святой Уанъ) былъ современникомъ и другомъ святого Элуа, былъ, какъ и онъ, человѣкомъ придворнымъ, хорошо знакомымъ съ жизнью эпохи. Отмѣтимъ себѣ, что въ моментъ совершенія пожалованія Элигій былъ міряниномъ, и лишь нѣкоторое время спустя Солиньякъ становится монастырской землей. Значитъ, иммунитетъ былъ сначала полученъ на свѣтской землѣ, собственности друга короля-мірянина.

подумаемъ, что при Меровингахъ, которые практиковали съ одинаковою чрезмѣрностью, какъ конфискаціи, такъ и пожалованія, безчисленное количество помѣстій перешло такимъ путемъ въ руки королей, чтобы вскорѣ затѣмъ попасть въ руки ихъ придворныхъ или епископовъ, то мы замѣтимъ, что государственный налогъ исчезъ при этомъ на безчисленномъ количествѣ помѣстій, къ тому же самыхъ крупныхъ изъ нихъ. Нигдѣ не видно въ данной области, чтобы существовала общая привилегія, которая принадлежала бы франкской націи, но вездѣ обнаруживается въ грамотахъ спеціальная привилегія такого-то крупнаго владѣльца, свѣтскаго или духовнаго, безразлично франкскаго или римскаго происхожденія.

Почти такъ же обстояло дѣло съ косвенными налогами. Таможенныя пошлины не были отмѣнены. Существовалъ цѣлый контингентъ лицъ, заинтересованныхъ въ ихъ сохраненіи. Откупщики таможенъ и заставъ, telonarii, сохраняли свои конторы и прололжали собирать пошлины. Повидимому, они пытались даже создать новыя провозныя пошлины и обложить налогами новые товары. По крайней мѣрѣ, это вытекаетъ, какъ кажется, изъ одной статьи указа 614 года [1]. Но въ тоже время короли даровали привилегіи освобожденія отъ косвенныхъ налоговъ. Имъ казалось несправедливымъ, почти нечестивымъ, чтобы монастырь платилъ пошлины за провозимые имъ товары. Въ силу этого рядъ королевскихъ гра-

[1] Ср. «Франкская монархія», стр. 322.

мотъ объявлялъ, напримѣръ, что монастырь Сенъ Дени „будетъ имѣть шесть свободныхъ отъ пошлинъ возовъ на таможняхъ въ Марсели, Валенсіи, Фоссѣ, Ліонѣ и другихъ мѣстахъ“ [1]. Потомъ свободными были объявлены всѣ подводы и всѣ товары [2]. „Монахи корбійскаго монастыря не должны платить никакой пошлины, никакого сбора на мостахъ и дорогахъ, никакого налога“ [3], говоритъ Хлотаръ III. И освобождены были такимъ образомъ не только монахи лично, но и „ихъ посланные, ихъ служащіе, ихъ уполномоченные“ [4]. Монастырь могъ, стало быть, перевозить свои припасы съ одного конца государства на другой. Больше того, онъ могъ покупать ихъ въ Марсели и продавать въ Парижѣ. Онъ могъ, слѣдовательно, вести торговлю, или отъ его имени ее могли вести купцы.

Вотъ какъ были утрачены меровингскими королями налоги. Они никогда не были отмѣнены общимъ мѣропріятіемъ. Ихъ уничтоженія не требовало никакое народное движеніе. Но каждый въ отдѣльности городъ, церковь, монастырь, каждый придворный короля, просили иммунитетной привилегіи, и короли не умѣли отказать. Иммунитеты распространялись все больше и больше, и незамѣтно произошло, что, хотя налоги и не

[1] *Gesta Dagoberti*, 18: «Tam in ipsa Massilia quam Valentia, Fossas, et Lugdunum vel quocumque per reliqua loca transitus erat, omne telonum de sex plaustris esset indultum».

[2] *Dilpomata*, t. II. p. 188: «De quantacumque carra...»

[3] *Diplomata*, 660 anno, № 337.

[4] *Ibidem*: « Ne... a monachis aut missis vel discursoribus ipsius monasterii».

были отмѣнены, но почти никто не вносилъ ихъ. Налоги по закону существовали, но исчезли ихъ плательщики.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

Какъ потеряли меровингскіе короли судебную власть.

Мы показали выше, что въ монархическомъ государствѣ, какимъ его устроилъ или какимъ получилъ по традиціи отъ Римской Имперіи Хлодовехъ, судебная власть принадлежала королю. Въ провинціяхъ ея функціи несли должностныя лица короля, во дворцѣ самъ король[1]. Надо изслѣдовать, сохранили ли ее меровингскіе короли, или по какимъ причинамъ утратили.

Посмотримъ сначала, какъ они примѣняли юстицію. Конечно, намъ очень трудно съ увѣренностью опредѣлить, хорошъ или дуренъ былъ ихъ судъ. Съ одной стороны, хроника Фредегарія дважды отзывается о немъ съ одобреніемъ. „Хлотаръ II объѣхалъ Альзасъ и, устанавливая тамъ миръ и порядокъ, поразилъ мечомъ многихъ виновныхъ". Дагобертъ I проѣхалъ Бургундію, воздвигая свой трибуналъ то въ одномъ городѣ, то въ другомъ; „онъ судилъ всѣхъ людей, маленькихъ и большихъ, съ изумительной справедливостью, не принимая никакихъ даровъ, безъ всякаго лицепріятія; онъ не давалъ себѣ отдыха,

[1] Ср. «Франкская монархія», гл. 13, къ которой и надо обращаться для подробностей.

заботясь о томъ, чтобы никто не ушелъ отъ него, не дождавшись правосудія"[1].

Но наряду съ этими двумя похвалами, надо признать, что много свидѣтелей отъ VI и VII вѣковъ изображаютъ королевское правосудіе въ менѣе благопріятномъ свѣтѣ. Прежде всего, поражаетъ огромное количество обвиненій въ оскорбленіи величества. Правда, не франкскіе короли придумали этотъ родъ преступленій; они заимствовали его отъ римскихъ императоровъ, а тѣ отъ римской республики; но они не пожелали отказаться отъ него, даже злоупотребляли подобными обвиненіями, одинаково примѣняя ихъ, какъ къ франкамъ, такъ и къ римлянамъ. „Бурсоленъ и Додонъ были обвинены въ оскорбленіи величества и приговорены къ смерти; первый былъ тотчасъ же казненъ солдатами; второй, которому удалось бѣжать, оказался пойманъ; ему отсѣкли ноги и руки и умертвили его". Историкъ добавляетъ, что король конфисковалъ всѣ ихъ имущества. Таковъ былъ римскій порядокъ. Короли не отказались отъ конфискацій, какъ не отказались и отъ смертной казни[2].

Особаго вниманія заслуживаетъ процедура, которой придерживались въ этихъ судахъ короли. Почти никогда не видимъ мы, чтобы собирался коллегіальный трибуналъ. Родныхъ подсудимаго не опрашиваютъ. Король постановляетъ приговоръ, осуждаетъ, отдаетъ приказъ казнить едино-

[1] *Fredegar.* c. 43; 58.
[2] *Gregor. Turon.* V, 25.

лично. Нѣкто Дакконъ, сынъ Дагариха, покинулъ королевскую службу; ему не вмѣнялось никакое другое преступленіе. Между тѣмъ, герцогъ короля, арестуетъ его, приводитъ къ королю съ кандалами на ногахъ, и король велитъ предать его смерти. Изъ подробнаго разсказа Григорія видно, что этому человѣку не пришлось предстать ни передъ какимъ судомъ [1].

„Магновальдъ былъ казненъ по приказанію короля, не извѣстно за что". Изъ этого замѣчанія уже видно, что никакого публичнаго суда тутъ не происходило, но историкъ опредѣляетъ еще точнѣе. Вотъ какъ было дѣло. Король находился во дворцѣ своемъ въ Метцѣ и присутствовалъ на играхъ. Онъ призываетъ Магновальда; послѣдній является, не зная, зачѣмъ его требуютъ; онъ также смотритъ на игры и развлекается вмѣстѣ съ другими. Въ это время по приказу короля одинъ человѣкъ ударомъ топора отсѣкаетъ ему голову" [2]. Замѣтьте, что это вовсе не убійство, подобное тѣмъ, какія совершали нерѣдко Меровинги. Это присужденіе къ смерти. Казнь совершается публично, передъ всѣми знатными, и никто изъ нихъ не протестуетъ.

Въ другомъ мѣстѣ ударомъ меча пораженъ по приказанію короля Боантъ „за то, что былъ невѣренъ ему"; все его имущество конфискуется [3]. Король Гунтрамнъ велитъ казнить двухъ сыновей Магнахарія, „такъ какъ ими были произне-

[1] *Ibidem*, V, 25.
[2] *Gregor. Turon.* VIII, 36.
[3] *Ibidem*, VIII, 11.

сены гнусныя слова противъ королевы Австрехильды" [1], и имущество ихъ было конфисковано. Точно такъ же Суннегизилъ преданъ пыткѣ [2]. Бывшій кубикуларій Хундонъ казненъ по повелѣнію короля Гунтрамна; единственнымъ его преступленіемъ было то, что онъ охотился въ королевскомъ лѣсу. Но изъ подробнаго разсказа историка видно, что это не было актомъ гнѣва, а настоящимъ судебнымъ приговоромъ послѣ довольно продолжительной процедуры; рѣшеніе постановляется королемъ единолично; онъ произноситъ его открыто, но безъ вмѣшательства какой-нибудь коллегіи присяжныхъ изъ франкскаго народа. Франки не имѣли никакой законной гарантіи противъ королевскаго суда.

Весьма возможно, что герцогъ Раухингъ былъ сѣятелемъ интригъ и заговорщикомъ. Но посмотрите, каковъ оказался судъ надъ нимъ. Хильдебертъ одинъ производитъ слѣдствіе о донесенныхъ ему фактахъ; „признавъ ихъ вѣрными" [3], онъ требуетъ Раухинга во дворецъ, даетъ ему аудіенцію, „говоритъ съ нимъ о томъ и о другомъ" и отпускаетъ его [4]. Въ моментъ, когда Раухингъ выходитъ изъ комнаты, придверники хватаютъ его за ноги и бросаютъ на полъ, а солдаты отрубаютъ голову. Всѣ его помѣстья кон-

[1] *Ibidem*, V, 17.
[2] *Gregor. Turon.* X, 19.
[3] *Gregor. Turon.* IX, 9: «Childebertus diligenter inquirens quae ei nuntiata fuerant, veraque esse cognoscens...»
[4] Iussit eum in cubiculum intromitti, locutusque cum eo alia ex aliis, egredi iterum de cubiculo iubet».

фискуются, всѣ драгоцѣнности приносятся къ королю [1]. Мы не можемъ перечислить всѣ случаи совершенныхъ казней, казни Гаилена, Гриндіона, Ціуцилона, о которыхъ разсказываетъ Григорій Турскій [2],—Алетея, Година, Бозона, Бродульфа, о которыхъ разсказываетъ Фредегарій [3]. Достаточно ясно, что королевскій судъ былъ произволенъ и жестокъ.

Другимъ его недостаткомъ была продажность. Во многихъ изъ своихъ разсказовъ Григорій Турскій даетъ понять что никто не являлся на королевскій судъ „безъ большихъ приношеній". „Нонникій былъ обвиненъ передъ королемъ, но такъ какъ онъ предложилъ много цѣнныхъ даровъ, то его простили [4]. Въ другомъ мѣстѣ авторъ разсказываетъ о случаѣ, происшедшемъ съ однимъ человѣкомъ, который, будучи вызванъ на судъ, не преминулъ запастись „многочисленными подарками", но на пути былъ ограбленъ; такимъ образомъ, онъ прибылъ съ пустыми руками и былъ осужденъ [5]. Григорій утверждаетъ, что многіе изъ главныхъ приговоровъ короля Хильпериха не имѣли даже иныхъ мотивовъ, кромѣ желанія конфисковать имущество осужденныхъ [6].

[1] «Datis litteris et pueris destinatis qui res eius per loca singula deberent capere.. Multum cum eo (apud eum) auri repertum est».

[2] *Ibidem*, V, 19 [alias 18].

[3] *Fredegar*. 44, 54, 58.

[4] *Gregor. Turon*. VIII, 43.—*Ibidem*, X, 21.

[5] *Ibidem*, V, 26 [alias 25].

[6] *Gregor. Turon*. VI, 46: «Persaepe homines pro facultatibus eorum iniuste punivit».

Приблизительно то же говоритъ Фредегарій о Брунгильдѣ: „Эгила былъ казненъ королемъ Теодерихомъ по внушенію Брунгильды; онъ не совершилъ никакого преступленія; было лишь желаніе конфисковать его имущество" [1].

Писатели того времени не даютъ намъ лучшаго мнѣнія о судѣ графовъ. Вотъ Альбинъ, разбирая тяжбу, „встаетъ съ своего мѣста, набрасывается съ кулаками на одного изъ тяжущихся, котораго не любитъ", и, что̀ особенно интересно, присуждаетъ его къ огромному штрафу, треть котораго идетъ въ его пользу [2]. Графъ Лейдастъ „сѣетъ тяжбы и умножаетъ число обвиненій, чтобы увеличить свои богатства [3]. „Засѣдая на судѣ, среди ассессоровъ, первыхъ лицъ изъ духовенства и мірянъ" [4], „онъ приходилъ въ ярость, изрыгалъ ругательства на гражданъ, приказывалъ заковывать въ цѣпи священниковъ, сѣчь розгами воиновъ" [5]. Графъ Антестій соглашается оставить обвиняемаго свободнымъ на порукахъ лишь подъ условіемъ полученія отъ него дарственной записи на одно изъ его помѣстій [6].

[1] *Fredegar*. Chronicon, 21: «Aegyla patricius, nullis culpis extantibus, instigante Brunechilde, legatus interficitur, nisi (sed) tantum cupiditatis instincto ut facultatem eius fiscus adsumerit».

[2] *Gregor. Turon*. IV, 44 [alias 43].

[3] *Ibidem*, V, 49 [alias 48]: «Seminando discordias et inferendo calumnias non modicos thesauros adgregavit».

[4] *Ibidem*: «In iudicio cum senioribus vel laicis vel clericis».

[5] *Gregor. Turon*. Ibidem: «Agebatur in furias, ructabat convicia in civibus, presbiteros manicis iubebat extrahi, milites fustibus verberari».

[6] *Ibidem*, VIII, 43.

Изъ всѣхъ этихъ частныхъ фактовъ получается общее впечатлѣніе, что судъ короля и его чиновниковъ былъ дурнымъ судомъ. Повидимому, люди не имѣли въ тѣ времена того высокаго мнѣнія о королевскомъ судѣ, какое появилось шесть вѣковъ позднѣе, при Капетингахъ. Этотъ судъ могъ наводить ужасъ, довѣрія же къ нему, повидимому, никто не имѣлъ, и надеждъ на него никто не возлагалъ. Намъ встрѣтятся даже факты, которые покажутъ, что населеніе дѣлало попытки избѣгать этого суда и замѣнять его другими юрисдикціями.

Въ теченіе всей эпохи церковь вела непрерывную борьбу съ государственнымъ судомъ. Вдохновляло ее на борьбу не честолюбіе, а скорѣе духъ снисхожденія и терпимость. Императорскій судъ былъ очень строгимъ, и эта строгость перешла въ меровингскій судъ; смертная казнь примѣнялась очень широко, способы ея осуществленія были ужасно жестоки, даже лишеніе свободы, заключеніе въ темную, подземную тюрьму,—являлось тяжкимъ наказаніемъ. Христіанская церковь противодѣйствовала этимъ жестокостямъ, она даже доводила снисходительность до крайности. Смертную казнь и другія тѣлесныя наказанія она старалась замѣнить штрафами, еще больше того, моральными карами, покаяніемъ [1].

Церковь не могла измѣнить гражданскаго закона, но ей удалось, по крайней мѣрѣ, установить правило, что если убійца укрывался въ храмѣ

[1] См. соборныя постановленія, приведенныя въ Франкской монархіи, стр. 607 сл.

или другомъ священномъ мѣстѣ, то ему сохранялась жизнь. Судъ уже не могъ приговорить его къ смерти. Церковь настояла на внесеніи этого закона въ различные, составлявшіеся съ V вѣка своды.

Духовенство сдѣлало больше того. Читая разсказы того времени, нельзя не замѣтить, что епископы, священники и монахи постоянно ходатайствовали о спасеніи жизни осужденныхъ.

Нѣтъ добраго дѣла, которое прославлялось бы современными агіографами охотнѣе, чѣмъ спасеніе приговоренныхъ отъ казни. Сначала можетъ казаться, что, болѣе просвѣщенная, чѣмъ свѣтское общество, церковь главнымъ образомъ старалась защитить отъ жестокости и насилій невинныхъ. Но это не такъ. Церковь не дѣлаетъ различій между невинными или виновными; ей важно спасти приговоренныхъ къ смерти вообще. Составитель житія святого Элигія опредѣленно говоритъ, что святой одинаково спасалъ, какъ невинныхъ, такъ и виновныхъ. Это обстоятельство выясняется изъ массы разсказовъ. Григорій Турскій говоритъ, что аббатъ Епархій бросался къ судьямъ послѣ каждаго смертнаго приговора, „моля ихъ и даже приказывая имъ простить виновныхъ“. Епископъ Анжерскій, Лициній, спасалъ „разбойниковъ, убійцъ и прелюбодѣевъ“ [1].

Всмотритесь въ чудеса того времени: половина изъ нихъ имѣетъ предметомъ избавленіе отъ висѣлицы или отъ тюрьмы осужденныхъ. Свя-

[1] *Vita Licinii*; Acta Sanctorum, февраль, II, 681, гл. 25.

той Епархій видитъ человѣка, заключеннаго въ тюрьму въ ожиданіи казни; онъ обращаетъ къ Богу горячую молитву, и „двери тюрьмы открываются сами“ [1]. Святой Альбинъ, проходя мимо тюрьмы, слышитъ крики приговоренныхъ къ смерти, онъ сейчасъ же бѣжитъ къ графу и во имя любви къ Богу проситъ освободить этихъ людей. Графъ „остается глухимъ“; тогда святой епископъ обращается къ Богу, и въ самый моментъ его молитвы „изъ стѣны тюрьмы выпадаетъ большой камень, и узники выходятъ“ [2].

Святой Германъ Парижскій молился разъ у воротъ тюрьмы; эта молитва была, очевидно, очень дѣйствительна, такъ какъ при наступленіи ночи узникамъ привидѣлся епископъ, который далъ имъ совѣтъ вырыть подземный ходъ для бѣгства; они такъ сдѣлали, и всѣ бѣжали [3]. Реймсская тюрьма открылась однажды „силою святого Мартина“, и „всѣ заключенные оказались на свободѣ“ [4]; король Хильдебертъ такъ повѣрилъ чуду, что избавилъ ихъ даже отъ штрафа. Другой святой поступилъ еще лучше: онъ появился сразу въ тюрьмахъ семи городовъ; всѣ узники были освобождены, графы тщетно преслѣдовали ихъ; „никого изъ нихъ не удалось снова захватить“ [5]. Во всѣхъ

[1] *Vita Eparchii*, c. 8; *Acta Sanctorum ordinis S. Benedicti*, I, p. 268.

[2] *Vita S. Albini*, написанная Фортунатомъ, c. 16; *Acta Sanctorum ordinis S. Benedicti*, I, p. 111 [edit. Leo, p. 31].

[3] *Vita S. Germani*, написан. Фортунатомъ, c. 67; *Acta Sanctorum ordinis Benedicti*, I, p. 243 [edit. Leo, p. 25].

[4] *Gregor. Turon.* De virtutibus S. Martini, IV, 26.

[5] *Gregor. Turon.* Vita Patrum, VIII. 8.

этихъ разсказахъ вскрывается фактъ, въ которомъ нельзя сомнѣваться: это—побѣги, которымъ покровительствовала христіанская терпимость церкви, поощряя и облегчая ихъ.

Святой Колумбанъ освобождалъ всѣхъ приговоренныхъ къ смерти подъ единственнымъ условіемъ ихъ обѣщанія исправиться и покаяться [1]. Святой Лициній осѣняетъ двери тюрьмы крестнымъ знаменіемъ, и двери раскрываются, узники выходятъ; святой епископъ принимаетъ ихъ „съ почестью“; они же обѣщаютъ ему не совершать больше ни разбоевъ, ни смертоубійствъ [2].

Святой Фаронъ, епископъ въ Мо, случайно шелъ мимо тюрьмы; узники кричатъ ему, что они просятъ принять отъ нихъ покаяніе въ ихъ преступленіяхъ; божій человѣкъ говоритъ имъ: „Выходите, вы свободны, потому что раскаиваетесь“, и цѣпи ихъ тотчасъ пали [3]. Такихъ разсказовъ безчисленное множество [4]. Они показываютъ, ка-

[1] *Vita S. Columbani*, c. 34.

[2] *Vita S. Licinii Andegavensis episcopi*, 25; *Acta Sanctorum*, февраль, II, 681: «Signaculum crucis super ostium carceris iniecit; ostium nutu divino ultro apertum est; vincti de carcere prosiliunt, et honorati a pontifice pollicitique ne ultra furtum, rapinam, homicidium, adulterium facerent, gavisi remeant ad propria».

[3] *Vita S. Faronis*, c. 104; *Acta Sanctorum ordinis S. Benedicti*, II, 619.

[4] См. также *Vita Mederici* въ «Acta Sanctorum ordinis Benedicti», III.—Ср. *Gregor. Turon.* Vitae Patrum, VIII, 10: «Quanti per hunc sanctum carcerali ergastulo revincti absoluti sunt, quantorum conpeditorum catenae sive conpedes confracti, testis est hodie moles illa ferri quae in basilica eius aspicitur de supradictis suppliciis adgregata».—Ср. *ibidem*, Historia Francorum, IV, 19.

ково было мнѣніе наиболѣе честныхъ людей о виновности и наказуемости. Они показываютъ также безсиліе государственной власти приводить въ исполненіе судебные приговоры. Съ королевскимъ судомъ велась благочестивая борьба; онъ обезсиливался, сводился на нѣтъ.

Въ то же время епископскій судъ разростался за счетъ королевскаго.

Прежде всего, епископы добились исключительной подсудности имъ духовенства (клириковъ). Это защищало духовенство отъ мірянъ; это обезпечивало въ то же время власть каждаго епископа надъ своимъ духовенствомъ [1]. Clerici составляли довольно многочисленное сословіе, ускользавшее такимъ образомъ изъ-подъ свѣтской юрисдикціи.

Даже въ чисто свѣтскомъ судѣ духовные принимали большое участіе. Они являлись членами судовъ, [и мы знаемъ, что они очень дорожили этой прерогативой. Епископъ засѣдалъ рядомъ съ графомъ, и его власть здѣсь оказывалась иногда преобладающей].

Мало-по-малу епископъ добился учрежденія собственнаго трибунала на ряду съ графскимъ. Въ области тогда оказалось два сановныхъ представителя власти: графъ, который служилъ органомъ короля и обладалъ военной силой, и епископъ, который служилъ воплощеніемъ религіи и, вмѣстѣ съ моральной силой, обладалъ народною любовью.

Хлотаръ II поэтому сказалъ, что если графъ судитъ плохо, его исправитъ епископъ [2]. Это неясное постановленіе, дающее почву для всякихъ споровъ; такія столкновенія послужатъ на пользу сильнѣйшему изъ двухъ; а таковымъ, несомнѣнно, былъ епископъ.

[1] Ср. «Франкская монархія», стр. 735.

[2] *Praeceptio*, c. 6.

Съ тѣхъ поръ, какъ рѣшеніе графа могло поступать на пересмотръ епископу, судъ графа, то-есть, государственный судъ долженъ былъ потерять престижъ и власть.

Съ судомъ произошло, въ концѣ концовъ, то же самое, что съ налогами. Тѣ же лица, епископы, аббаты, крупные собственники, одинъ за другимъ просившіе у короля милости не платить больше налоговъ, просили также привилегіи не быть подсудными государственнымъ судьямъ.

И король соглашался. Онъ давалъ каждому формальную грамоту, въ которой говорилось, что королевскій чиновникъ не имѣлъ больше права судить этого епископа, этого аббата или крупнаго собственника. Хотя такое изъятіе отъ суда испрашивалось каждымъ лично, оно даровалось не лицу, а его землѣ. Въ результатѣ оно распространялось на всѣхъ людей, живущихъ на земляхъ епископа, аббата или крупнаго помѣщика.

Каждая изъ такихъ иммунитетныхъ грамотъ отнимала, значитъ, у государственнаго суда рядъ территорій со всѣмъ ихъ населеніемъ. Подобныхъ грамотъ давалось безчисленое множество. Государственный судъ потерялъ такимъ образомъ почти всѣхъ подсудныхъ ему людей [1].

Подведемъ итоги разсмотрѣнныхъ нами разно-

[1] Ср. «Начала феодальнаго строя», гл. 16

образныхъ фактовъ. 1) Короли и ихъ чиновники употребляютъ свою судебную власть во зло; это первая причина потери авторитета и ослабленія королевскаго суда.—2) Духъ времени, христіанскія понятія, борются со строгостями государственнаго суда борются въ то же время съ самымъ судомъ, препятствуютъ исполненію его приговоровъ, уничтожаютъ его дѣйствіе; такова вторая причина ослабленія.—3) Епископы расширяютъ свою юрисдикцію, судятъ своихъ клириковъ, судятъ даже мірянъ, становятся рядомъ съ государственными судами и надъ ними; это третья причина паденія.—4) Наконецъ, королевская власть безчисленнымъ рядомъ личныхъ милостей, въ которыхъ она не умѣетъ отказать сильнымъ, обезоруживаетъ собственныхъ агентовъ и запрещаетъ имъ дѣйствовать; это приводитъ къ паденію графскаго суда.

Благодаря всѣмъ указаннымъ причинамъ, отправленіе судебной власти, не исчезнувшей оффиціально, прекращается; она ускользаетъ изъ рукъ королей, таетъ такъ же, какъ и налоги.

Судебная власть утрачивается не въ пользу общественныхъ вольностей или народнаго суда, котораго не было въ концѣ меровингскаго періода, какъ не было въ его началѣ; она теряется въ пользу юрисдикціи епископовъ, аббатовъ и крупныхъ собственниковъ. Судебная власть пропадаетъ, чтобы уступить мѣсто подобію феодальнаго суда.

ГЛАВА ПЯТАЯ.

Какъ утратили франкскіе короли монархическій порядокъ администраціи. Какъ меровингскіе короли выпустили изъ рукъ администрацію.

Мы видѣли въ своемъ мѣстѣ [1], что франкскіе короли съ перваго же дня усвоили заимствованную отъ Римской Имперіи систему управленія. Имперія установила цѣлую сѣть должностныхъ лицъ, управлявшихъ каждою областью отъ имени государя. Франкскіе короли, не колеблясь ни минуты, сохранили эту систему. Они даже способствовали ея дальнѣйшему развитію, замѣнивъ крупныя области, носившія названія провинцій, болѣе мелкими, которыя назывались городскими округами (*civitates*), и увеличивъ такимъ, образомъ, число королевскихъ намѣстниковъ. Въ каждой области королевская власть помѣстила своего агента, носившаго римское названіе *comes* или германское—графъ. Иногда эти областные начальники именовались ректорами, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ патриціями и герцогами (*duces*). Подъ графомъ, округъ котораго совпадалъ территоріально съ епархіею, стояли низшіе чиновники, именовавшіеся викаріями, трибунами или сотниками. Всѣ они составляли сѣть, покрывавшую все королевство и дѣлавшую королевскую власть какъ бы вездѣ присутствующею. Мы будемъ изслѣдовать, какъ эта администрація ослабѣла, какъ она перестала служить.

[1] Франкская монархія, гл. 10.

Обязанности областного правителя прекрасно обозначены въ грамотѣ, получавшейся каждымъ отъ короля: „Королевская благость достигаетъ совершенства, когда она ищетъ бдительности въ людяхъ, какими пользуется; а потому мы не легко жалуемъ должности. Только зная твою вѣрность и твое мужество, мы ввѣряемъ тебѣ управленіе такимъ-то графствомъ, дабы все живущее тамъ населеніе, франки, римляне, бургунды или другіе люди жили въ мирѣ. Веди этихъ дюдей правою дорогою. Пусть вдовы и сироты находятъ въ тебѣ защитника... Пусть справедливо руководимый тобою и довольный народъ спокойно живетъ подъ твоимъ управленіемъ“ [1]. Вѣроятно, не франки придумали эту прекрасную и достойную формулу съ чисто латинскимъ языкомъ, со стилемъ императорской канцеляріи. Въ Имперіи установился обычай заготовлять въ государственныхъ канцеляріяхъ серію примѣрныхъ грамотъ для назначенія всякаго рода должностныхъ лицъ. Почти полный сборникъ такихъ дипломовъ сохраненъ для Итали Кассіодоромъ. Для Галліи въ сборникѣ формулъ Маркульфа не находимъ другой грамоты назначенія кромѣ назначенія графа или герцога. Но эта грамота принадлежитъ также, видимо, къ разряду императорскихъ.

Эта оффиціальная формула, много тысячъ разъ писавшаяся въ канцеляріяхъ франкскихъ королей, не совсѣмъ соотвѣтствовала дѣйствительности. На практикѣ часто случалось, что получавшій эту

[1] *Marculf.* I, 8.

грамоту графъ покупалъ свое назначеніе. Ницетій, говоритъ Григорій Турскій, просилъ у короля герцогства, осыпая его для этого несмѣтными дарами; такъ онъ сдѣлался герцогомъ [1]. Въ другомъ случаѣ, графъ Оксеррскій, Пеоній, время службы котораго истекало, пожелалъ возобновить свое назначеніе; онъ поручилъ сыну отвезти королю подарки; сынъ представилъ подарки отъ собственнаго имени и получилъ графство для себя лично [2]. Такимъ образомъ, по крайней мѣрѣ, въ большинствѣ случаевъ, административныя должности какъ бы покупались.

Должностныя лица не получали отъ государства содержанія. Въ документахъ не упоминается, по крайней мѣрѣ, ничего подобнаго. Въ Римской Имперіи установленъ былъ обычай опредѣленнаго жалованья, чтобы должностныя лица не имѣли никакого основанія обогащаться за счетъ находившихся подъ ихъ управленіемъ людей. Это полезное правило исчезло, повидимому, при первыхъ Меровингахъ; во всякомъ случаѣ, не находимъ никакихъ признаковъ его примѣненія. Предполагаютъ, что нѣкоторыя земли поступали въ пользованіе герцоговъ и графовъ, и извлекаемые изъ этихъ земель доходы замѣняли имъ окладъ жалованья. Въ этой гипотезѣ много вѣроятнаго, но все же это только гипотеза. Ни въ одномъ меро-

[1] *Gregor. Turon.* VIII, 18: «Ducatum a rege expetiit, datis pro eo immensis muneribus».

[2] *Ibidem*, IV, 42: «Datis rebus paternis, comitatum patris ambivit subplantavitque genetorem».

вингскомъ памятникѣ не отмѣчается связанныхъ съ должностями земель [1].

Будемъ исходить изъ этихъ двухъ фактовъ, что правитель покупалъ свою должность, и что онъ не получалъ отъ государства содержанія. Отсюда вытекало, что сама должность должна была давать ему средства сначала вернуть затраченное, затѣмъ жить и содержать около себя многочисленный составъ служащихъ, наконецъ, если можно было, обогащаться. Хозяйственная эксплуатація должности являлась почти необходимостью, и совѣсть людей того времени не могла наложить на нее запретъ.

Главнымъ источникомъ доходовъ правителя былъ судъ.

Въ Бургундской Правдѣ, составленной въ V вѣкѣ и не допускающей системы композицій (виры), есть статья, воспрещающая судьямъ, то-есть, графамъ, замѣнять своею властью наказаніе вирой, ради собственнаго обогащенія. Такой запретъ позволяетъ усмотрѣть склонность судей, какъ можно меньше прибѣгать къ смертной казни, изъ которой они не могли извлечь никакой выгоды. Это позволяетъ также догадаться, что изъ денежной сдѣлки, путемъ которой богатый человѣкъ избѣгалъ наказанія, судьи извлекали какую-то выгоду [2].

Такое же замѣчаніе можно сдѣлать относительно франкскихъ законовъ. Есть приписываемый Хильде-

[1] См. «Франкская монархія», стр. 268 и Начала феодальнаго строя, стр. 230.

[2] Ср. «Франкская монархія», стр. 605.

берту I указъ, который караетъ за воровство смертной казнью, но позволяетъ вору выкупить себя; онъ ставитъ лишь условіемъ, что мировая сдѣлка должна происходить въ присутствіи графа и съ его разрѣшенія [1]. Другой указъ, изданный Хильдебертомъ II, болѣе опредѣленно высказывается за смертную казнь и объявляетъ, что графъ, отпустившій на свободу вора, разрѣшивъ ему, вѣроятно, уплатить виру, подлежитъ смертной казни самъ [2]. Такимъ образомъ, франкскій король опасается, повидимому, злоупотребленій, какія графъ можетъ допускать при мировой сдѣлкѣ.

Тѣмъ не менѣе обычай замѣнять наказаніе вирою одержалъ верхъ; его заставила одержать верхъ не исключительно выгода графовъ; тому способствовали и другія, болѣе общія причины Мы находимъ систему виръ въ полной силѣ въ Рипуарской Правдѣ, записанной въ VII вѣкѣ, и въ Салической Правдѣ, наличный текстъ которой неизвѣстно, когда составленъ. Въ то же время установилось другое правило: одна треть суммы во всякой мировой сдѣлкѣ поступала подъ названіемъ *fredum* королю. Fredum взималось отъ имени короля графомъ, сохранявшимъ часть этой суммы для себя. Это были его судебные доходы [3].

Установленію послѣдняго обычая, быть можетъ, слѣдуетъ отчасти приписать злоупотребленіе денежными штрафами и особенно высокій размѣръ, какого они достигали. Всякое преступленіе прино-

[1] *Pactus*, 2, 3, p. 5 (edit. Boretius).

[2] *Decretio Childeberti*, 7, p. 17.

[3] Франкская монархія, стр. 603 сл.

сило графу деньги. Всякая тяжба была для него выгодою. Можно даже замѣтить, что такіе акты, какъ наложеніе рукъ на имущество должника, требовали вмѣшательства графа и приносили ему довольно значительный доходъ [1]. Повидимому, эта послѣдняя функція представляла для графа такой сильный соблазнъ, что пришлось угрожать смертной казнью тому, кто наложитъ руку на имущество болѣе значительное, чѣмъ сумма взыскиваемаго долга [2].

Судъ представлялъ для графовъ такой источникъ прибыли, что нельзя удивляться отзыву Григорія Турскаго объ одномъ изъ нихъ: „Сѣя тяжбы и увеличивая число обвиненій, онъ собралъ большія богатства“ [3].

Одно постановленіе короля Гунтрамна свидѣтельствуетъ о характерѣ правосудія многихъ графовъ: „Всѣ наши судьи да озаботятся о томъ, чтобы творить правый судъ, говоритъ онъ, иначе мы покараемъ ихъ сами“. Какъ извѣстно, графъ часто замѣнялъ себя замѣстителемъ или уполномоченнымъ. Эти подчиненные графа внушали не больше довѣрія, чѣмъ онъ самъ: „Наши графы да имѣютъ заботу о томъ, чтобы хорошо выбирать своихъ замѣстителей и всѣхъ, посылаемыхъ ими въ различныя части своей области лицъ, добавляетъ король Гунтрамнъ; да не избираютъ они людей, своею продажностью поддерживающихъ дурныя дѣла или обогащающихся несправедливыми поборами“ [1]. Отсюда видно, что у судей было два способа обогащаться: продавая безнаказанность виновнымъ и вытягивая деньги у невинныхъ.

[1] *Lex Salica*, L.

[2] *Ibidem* LI, 2 [3].

[3] «Seminando discordias et inferendo calumnias, non modicos thesauros adgregavit», *Gregor. Turon.* V, 49 [alias 48].

Кромѣ суда, королевскія должностныя лица въ областяхъ несли еще двѣ другія обязанности: сборъ податей и наборъ войска. Здѣсь также при всемогуществѣ графа и при отсутствіи всякаго контроля надъ нимъ легки были злоупотребленія, но у насъ недостаетъ документовъ чтобы судить о нихъ [2].

Въ нѣкоторыхъ текстахъ отмѣчается еще болѣе странное злоупотребленіе. Въ королевскихъ грамотахъ или въ формулахъ грамотъ воспрещается судьямъ „что-либо отнимать“ [3], „захватывать землю другого“ [4]. Это сказано не объ одномъ какомъ-нибудь чиновникѣ, а обо всѣхъ вообще, какъ будто такое преступленіе было присуще имъ всѣмъ: „Ни одинъ графъ не долженъ позволять себѣ захватывать въ цѣляхъ присвоенія что-либо изъ монастырскаго имущества“ [5]. Григорій Турскій въ

[1] *Guntramni edictum*, Boretius, p. 12.

[2] У Григорія Турскаго есть, однако, мѣсто, позволяющее получить понятіе о выгодѣ, какую могли извлекать графы изъ обязательной для всѣхъ военной службы (VII, 42): «Edictum a iudicibus datum est ut qui in hac expeditione tardi fuerant, damnarentur... Pretia dissolvitis».

[3] «Ut nulli iudicum licentia sit aliquid defraudare» (*Diplomata*, № 270).

[4] «Nullus iudicum audeat... sibimet usurpare» (*ibidem*, № 341; ср. № 372; 531).

[5] *Marculf.* I, 2: «Nulli iudicum licentia sit de rebus monasterii aliquid defraudare vel suis usibus usurpare».

самомъ дѣлѣ, разсказываетъ объ актахъ насилія графовъ, о похищеніяхъ, захватахъ недвижимости. Стоявшій во главѣ Арверніи Сигибальдъ [1] „дѣлалъ много зла въ странѣ; онъ забиралъ имущество многихъ людей; его слуги безпрерывно совершали грабежи и убійства, и никто не смѣлъ сказать ни слова; онъ самъ завладѣлъ однимъ помѣстьемъ, „villa Bulgiatensis“ [2]. Въ другой области графъ Палладій, наложилъ свою руку на церковную землю и обиралъ людей, подчиненныхъ этой церкви [3]. Тотъ же историкъ обвиняетъ графа Лейдаста въ захватѣ земель своей церкви [4].

Несмотря на недостатки администраціи, не видно, чтобы населеніе, римское или германское возставало противъ нея. Отмѣчаютъ, правда, нѣсколько мятежей, но это были мѣстныя случайныя, легко подавлявшіяся волненія. Населеніе прогоняетъ герцога Винтріона [5], но скоро оно успокаивается, и Винтріонъ возвращается къ своей должности. Графъ Теодульфъ изгоняется жителями Анжера, но его возвращаетъ въ городъ другой королевскій намѣстникъ, и онъ вновь водворяется въ управленіи своимъ графствомъ [6].

[1] *Gregor. Turon.* III, 13, in fine.

[2] *Ibidem*, III, 16.

[3] *Ibidem*, IV, 40 [alias 39]: «Pervadens res ecclesiae, spolians homines eius».

[4] *Gregor. Turon.* V, 50 [alias 49].—Въ *Vita Eligii*, I, 17, Дагобертъ говоритъ: «Duces mei et domestici spatiosas suscipiunt villas». Правда, эти слова ему вкладываетъ въ уста агіографъ.

[5] *Ibidem*, VIII, 18: «Wintrio dux a pagensibus suis depulsus, ducatum caruit; sed postea, pacato populo ducatum recepit».

[6] *Gregor. Turon.* VIII, 18: «Theodulfus introductus in urbe a civibus et praesertim a Domigisilo repulsus ut... A Sigulfo duce intromissus, comitatum urbis rexit».

Такія возстанія, являлись по большой части, дѣломъ какого-нибудь соперника даннаго должностного лица; анжерскимъ возмущеніемъ руководилъ человѣкъ, по имени Домегизилъ, бывшій чиновникъ, не вносившій въ этотъ конфликтъ, разумѣется, никакой идеи народной свободы [1]. Устраненнымъ соперникомъ, котораго звали Герпономъ, былъ даже убитъ другой графъ Гундебальдъ [2]. Въ хроникѣ Фредегарія сказано, что герцогъ Герпонъ былъ убитъ въ одномъ изъ округовъ Бургундіи „ab ipsis pagensibus“, то-есть, жителями этого округа; но и здѣсь не было народнаго возстанія; въ хроникѣ добавляется, что убійство совершено по наущенію какой-то враждебной группы, состоявшей изъ патриція Алетея, епископа Лейдемунда и графа Герпина [3]. Нигдѣ не видно общаго возстанія въ цѣляхъ сверженія установленнаго порядка управленія или полученія какихъ-либо гарантій противъ администраціи.

Впрочемъ, общее нерасположеніе населенія къ властямъ обнаруживается изъ всѣхъ памятниковъ, отражающихъ мысли и чувства людей того времени. Показателемъ его служитъ, напримѣръ, одно письмо, дошедшее до насъ отъ начала VII вѣка. Епископъ неверскій пишетъ епископу кагорскому поручая его попеченію помѣстье, которымъ церковь неверская владѣла въ кагорской епархіи.

[1] О Домегизилѣ ср. VI, 18; VI, 45; VIII, 42.

[2] *Gregor. Turon.* VIII, 18, in fine.

[3] *Fredegar.* Chronicon, 43.

„Поручаю вамъ эту землю, пишетъ онъ, и живущихъ на ней людей; я желаю всего больше, чтобы имъ не пришлось страдать ни отъ какого насилія королевскихъ чиновниковъ, и чтобы они могли жить спокойно“ [1]. Шалонскій соборъ 644 года требовалъ, чтобы на *iudices publici*, то-есть, королевскихъ чиновниковъ, наложенъ былъ запретъ вступать въ монастыри или въ зданія церквей безъ спеціальнаго приглашенія [2].

Этотъ именно страхъ передъ королевскими должностными лицами, стремленіе создать обезпеченіе противъ ихъ вымогательствъ и вызвали практику иммунитетовъ; они же хорошо объясняютъ ихъ происхожденіе.

Иммунитетная грамота, какъ мы видѣли въ другомъ мѣстѣ [3], воспрещаетъ королевскому чиновнику отправлять правосудіе, собирать налоги, несомнѣнно, также и рекрутировать войско на освобожденномъ помѣстьѣ. Болѣе того: она запрещаетъ ему переступать межу этого помѣстья, запрещаетъ показываться на его территоріи. Иммунитетныхъ грамотъ было выдано безчисленное множество со времени первыхъ и до времени послѣднихъ Меровинговъ. Во всемъ королевствѣ въ каждой провинціи, въ каждомъ округѣ существовали помѣстья, изъятыя изъ вѣдѣнія администраціи, помѣстья, у границъ которыхъ графъ долженъ былъ останавливаться. На каждомъ изъ этихъ помѣстій

[1] *Epistola Ruricii episcopi ad Desiderium episcopum*, у Bouquet, IV, 44: «Ut de iudicum infestatione liceat eis vivere cum quiete».
[2] *Sirmond*, т. I, стр. 489.
[3] Ср. «Начала феодальнаго строя», гл. 16.

изъ подъ власти представителя государства ускользалъ не только помѣщикъ, но и все жившее на нихъ населеніе.

Итакъ, королевская власть Меровинговъ не упразднила заимствованнаго ею отъ Римской Имперіи административнаго устройства. Однако, не задаваясь этой цѣлью, она повсюду уничтожила или затормозила его дѣйствія. Прежнее устройство продолжало существовать оффиціально; остается все то же число герцоговъ, графовъ, викаріевъ или сотниковъ; но, понемногу, исчезла главная масса подвѣдомственнаго ихъ власти населенія.

ГЛАВА ШЕСТАЯ.

Родъ феодальной знати въ VII вѣкѣ.

I.

Вельможи дворца образуютъ аристократію.

Тексты и факты VII вѣка не обнаружили намъ ни борьбы политическихъ партій, ни борьбы племенъ или народностей. Но что обнаружили документы, и что было присуще изучаемой эпохѣ,—это образованіе аристократіи. „Знатные“ наполняютъ тогда всю исторію. „Вельможи“ опредѣляютъ событія, свергаютъ или возводятъ королей. Намъ надобно изслѣдовать, какова настоящая природа этой аристократіи.

Хроникеры обозначаютъ ее словами *optimates*, *proceres*, *primates* [1]. Они прибѣгаютъ къ которому-нибудь изъ этихъ терминовъ, когда говорятъ о знатныхъ вообще, когда, напримѣръ, указываютъ на ихъ собранія; тѣ же термины одинаково употребляются и въ оффиціальныхъ актахъ. Тѣхъ же людей называютъ иногда *viri illustres* [2].

Терминъ *leudes* не попадается ни въ франкскихъ законахъ, ни въ хартіяхъ; не употребляется онъ также въ житіяхъ святыхъ; но онъ довольно часто встрѣчается въ хроникахъ. Этотъ терминъ не смѣшивается съ обозначеніемъ proceres или optimates, о которыхъ мы говорили выше, и не подразумѣваетъ спеціально аристократіи. Онъ можетъ примѣняться ко всѣмъ свободнымъ людямъ, подданнымъ короля, обязаннымъ нести воинскую службу. Настоящіе знатные, магнаты, вельможи, это именно тѣ, которые въ хартіяхъ и хроникахъ называются optimates или proceres.

Нужно вспомнить, что послѣдніе термины примѣнялись со времени Римской Имперіи къ людямъ, которые были знатны по милости государя, или благодаря обязанностямъ, какія они несли при немъ [3]. То же значеніе сохраняютъ они и въ VII вѣкѣ. Это видно изъ разсмотрѣнія памятниковъ. Въ нихъ обнаруживаются намъ *optimates regis*, *proceres palatii;* памятники никогда не вскрываютъ

[1] См. тексты въ примѣчаніяхъ во Франкской монархіи, гл. 4.

[2] Ср. *Nouvelles Recherches*, стр. 234 и 235.

[3] Это подробно показано въ тѣхъ частяхъ предшествующихъ томовъ, гдѣ рѣчь идетъ о римскомъ обществѣ.

людей, которые назывались бы optimates или proceres, не будучи приближенными и подчиненными короля. Классъ оптиматовъ или знатныхъ существуетъ лишь во дворцѣ.

Частое употребленіе эпитета *nobilis* заставляетъ сначала предположить существованіе благороднаго сословія. Но надо, прежде всего, обратить вниманіе, что въ оффиціальныхъ актахъ выраженіе это не встрѣчается. Оно попадается иногда въ хроникахъ, чаще въ житіяхъ святыхъ, языкъ которыхъ не точенъ. Агіографы того времени любятъ превозносить высокое происхожденіе святыхъ; они любятъ говорить, что то были люди изъ знатной семьи, изъ высокаго рода. Присмотрѣвшись, однако, ближе къ многочисленнымъ лицамъ, которыхъ называютъ „знатными", вы замѣчаете, что агіографъ никогда не можетъ прослѣдить линію дальше отца, что онъ никогда не говоритъ, къ какому именно знатному роду принадлежатъ эти люди. Для восьмидесяти или ста лицъ, о которыхъ идетъ здѣсь рѣчь, вы ни разу даже не можете возстановить рода, который бы поднимался на полвѣка. Итакъ, частое употребленіе слова „знатный" не должно вводить въ заблужденіе. Ни въ одномъ изъ многочисленныхъ памятниковъ нѣтъ никакого указанія на старую родовую аристократію. У франковъ нѣтъ древнихъ знатныхъ родовъ, знатныхъ по наслѣдственному праву, подобно тѣмъ какіе существовали у баваровъ. Франкскія Правды цѣнятъ выше не того, чья родословная восходитъ къ болѣе древнему времени, а того, кто находится на службѣ у короля [1].

[1] Ср. «Франкская монархія», стр. 105.

Въ житіяхъ святыхъ обратите еще вниманіе на каждаго изъ лицъ, называемыхъ знатными. Приблизительно о четвертой части изъ нихъ нѣтъ никакихъ свѣдѣній; что касается тѣхъ, о которыхъ агіографъ даетъ какія-нибудь указанія, мы видимъ, что „знатный"—это служащій во дворцѣ или королевскій чиновникъ. Приведемъ нѣсколько примѣровъ. Въ VI вѣкѣ агіографъ представляетъ намъ человѣка, по имени Флора, котораго онъ называетъ clarissimus и nobilissimus [1]; мы видимъ, что Флоръ въ то же время былъ „primus inter primos proceres", что онъ не только состоялъ при дворцѣ, но „управлялъ дворцомъ" [2], что онъ „приближенный короля" [3]; указывается еще болѣе знаменательная подробность, что онъ носилъ эмблему королевской службы, *cingulum* [4].—Другой агіографъ говоритъ о „знатномъ Рицимерѣ", а дальше мы видимъ, что это былъ чиновникъ короля, приводившій въ исполненіе его предписанія [5].—Вотъ въ другомъ мѣстѣ „знатнѣйшій" Маурontъ; онъ „одинъ изъ proceres дворца [6]."—Бургундофара и братъ его Фаронъ, говорится, благороднаго рож-

[1] *Vita Mauri*, c. 40; 41, въ Acta Sanctorum ordinis S. Benedicti, I, 290.

[2] *Ibidem*, c. 39: «Palatina disponens moderamina».—Думаю, что агіографъ, немного преувеличиваетъ; Флоръ не былъ ни *maior*, ни *comes palatii*, но онъ, несомнѣнно, занималъ какую-нибудь высокую должность во дворцѣ.

[3] *Ibidem*, 40: « Familiaris et carissimus regi».

[4] *Ibidem*, 53.

[5] *Vita Rusticolae* въ Acta Sanctorum ordinis S. Benedicti, II, 143.

[6] *Vita Walarici*, 26; ibidem, II, p. 85: «Cuiusdam nobilissimi Mauronti qui inter proceres palatii praecellebat».

денія; ихъ отецъ Гагнерихъ, „одинъ изъ королевскихъ совѣтниковъ," „одинъ изъ вельможъ короля" [1].—Ромарихъ также знатный, и онъ „знатный дворца" [2].—Въ житіи святого Вандрегизила описанъ очень богатый землею человѣкъ, по имени Ванингъ; онъ обозначенъ „vir inluster" [3]; званіе это давалось до того времени лишь королевскимъ должностнымъ лицамъ; а изъ другихъ источниковъ мы знаемъ, что Ванингъ дѣйствительно былъ „изъ первыхъ во дворцѣ" [4]. У насъ есть даже грамота, гдѣ онъ фигурируетъ въ качествѣ дворцоваго графа [5].—Магноальдъ „очень знатенъ", и въ то же время онъ „въ числѣ оптиматовъ дворца" [6]. Точно также Базонъ, названный знатнымъ, живетъ во дворцѣ [7]. „Знатный" Лантхарій — графъ лиможскій [8]. Говорится, что святой Ансбертъ былъ „рожденъ въ благородной семьѣ": его отецъ непрерывно находился на службѣ у трехъ королей [9].

Въ противовѣсъ этимъ примѣрамъ и много другихъ подобныхъ, мы ни разу не открываемъ такого человѣка, о которомъ бы говорилось, что онъ знат-

[1] *Vita Faronis*, 11; ibidem, p. 612: «Hagnericus inter proceres regis, consiliis regalibus gratus».

[2] «Romaricus vir nobilis erat in palatio» (*Vita Amati*, 14, ibidem, II, p. 132; *Vita Romarici*, ibidem, p. 416).

[3] *Vita Wandregisili*, 16; ibidem, II, p. 541.

[4] *Vita Waningi*, 1; ibidem, p. 972.

[5] *Diplomata*, edit. Pardessus, № 334.

[6] *Vita Agili*, 1; «Acta Sanctorum ordinis S. Benedicti», II, p. 316.

[7] *Vita Salabergae*, c. 8; ibidem, II, p. 425.

[8] *Vita Pardulfi*, 4; ibidem, III, p. 573.

[9] *Vita Ansberti*, ibidem, II, p. 1049: «Eius genitor Siwinus sub praedictis regibus militavit».

ный и не несетъ государственной службы. „Знатные" VII-го вѣка, не кто иные, какъ вельможи дворца и высокіе сановники короля. Существуетъ дворцовая аристократія, другой не видно. Одинъ агіографъ опредѣленно высказывается, что знатность есть родство съ придворными вельможами [1].

Умѣстно сдѣлать замѣчаніе, что члены дворца легко обогащаются. Нельзя съ увѣренностью сказать, что опредѣленное содержаніе соединялось съ ихъ обязанностями, но нѣтъ сомнѣнія, что золото короля широко распредѣлялось между ними [2], и короли щедро надѣляли ихъ своими помѣстьями. Земельныя пожалованія въ полную собственность часто упоминаются въ источникахъ. Элигій, пока былъ еще міряниномъ и сановникомъ короля, очень легко выпросилъ себѣ прекрасное королевское помѣстье Солиньякъ. Раньше, чѣмъ стать епископомъ кагорскимъ, Дезидерій получилъ отъ короля въ полную собственность нѣсколько прекрасныхъ помѣстій [3]. Изъ завѣщанія Бертрамна также видно, что его преданность Хлотару II была вознаграждена пожалованіемъ хорошихъ земель.

Самые богатые люди VII-го вѣка почти всѣ—члены дворца. Въ жизнеописаніи Лауномара говорится о богатомъ Рагносвинтѣ; онъ въ то же время именуется vir illuster [4]. Богачъ Ингомаръ,

[1] *Vita Theodulfi*, 2; ibidem, I, p. 346: «Nobilitas, propinquitas aulicorum optimatum».

[2] См. завѣщаніе Дезидерія, *Diplomata*, № 323: «Aurum vel argentum quod in aula regia elaboravi et mecum detuli».

[3] *Vita Desiderii Caturcensis*, 17.

[4] *Vita Launomari*, 17.

упоминаемый въ житіи Элигія, какъ владѣлецъ многочисленныхъ помѣстій, былъ графомъ въ одной изъ областей [1]. Геремаръ, „владѣвшій многочисленными помѣстьями," большую часть жизни провелъ во дворцѣ [2]. Богачъ Генезій—графъ въ Оверни [3].

Разсмотримъ грамоты меровингскаго времени, чтобы опредѣлить, кто такіе были тѣ владѣльцы, которые оказывались достаточно богаты, чтобы приносить въ даръ церкви большія помѣстья. Изъ 39 хартій о пожалованіяхъ, составленныхъ мірянами [4], мы находимъ 33 такихъ, въ которыхъ жертвователи были слугами королевской власти; только о шестерыхъ не указано никакого званія, такъ что нельзя рѣшить, кто они были [5].

[1] *Vita Eligii*, II, p. 42.

[2] *Vita Geremari*, 7; Acta Sanctorum ordinis S. Benedicti, II, p. 477.

[3] *Vita Praeiecti*, 1; ibidem, II, p. 640.

[4] Оставляемъ, конечно, въ сторонѣ пожалованія епископовъ, аббатовъ и аббатиссъ; опускаемъ также незначительныя пожалованія, ибо жалователи здѣсь не могутъ считаться богатыми.

[5] Упомянутые 33 жалователя въ *Diplomata* Pardessus слѣдующіе: № 108, Гарегарій, названный въ № 117 vir illuster; № 140, Ансемундъ, названный dux въ *Vita Desiderii;* № 186, Годинъ, о которомъ Григорій Турскій говоритъ, какъ о приближенномъ двухъ королей подрядъ (V, 3); № 230, Бертрамнъ, который до того, какъ стать епископомъ, находился на службѣ у Хлотара II; № 254, Элигій, также сановникъ дворца; № 256, Эрменбертъ, именуемый «illuster vir»; № 312, Адроальдъ, названный такъ же въ концѣ акта; № 316, Гримоальдъ, дворцовый мэръ; № 348, Амальгарій «illuster vir», о которомъ сказано, что онъ въ то же время былъ герцогомъ: «Tempore ducatus sui dona-

Итакъ всѣ документы позволяютъ думать, что въ VII вѣкѣ: 1) „знатные" (вельможи) были лишь высшими должностными лицами или сановниками дворца; 2) благородными" были тѣ же самые люди; „благородство" зависѣло отъ занимаемой должности; 3) „богатыми" именуются если не всѣ, то, по большей части, опять тѣ же люди; обогащены они были или должностями, или земельными пожалованіями королей. Высота положенія, благородство, богатство все это принадлежало вообще той категоріи людей, которая служила королямъ.

Между VI и VII вѣками намѣчается разница.

vit»; № 375, Вольфаудъ, графъ; № 404, Амальфридъ, «illuster vir»; № 409, Пиппинъ, дворцовый мэръ; № 414, Пиппинъ; № 416, Годефридъ, «dux et filius ducis Drogonis»; № 458, Геденъ, «vir illuster et dux»; № 461, Ангильбальдъ, «vir illuster»; № 469, Арнульфъ, dux; № 472, Годефридъ, «vir illuster, dux»; № 475, Вульфоальдъ, «vir illuster»; № 500, Геденъ; № 502, Арнульфъ; № 503, Карлъ Мартеллъ; № 511, Одилія, дочь герцога Адальриха; № 519, Эброинъ, comes; № 524, Адальбертъ, dux; № 525, Ліутфридъ и Эброгардъ, одинъ dux, другой domesticus, оба сыновья герцога Адальберта; № 529, Гаихонъ, двоюродный братъ вышеназванныхъ; № 536, Боронъ, изъ той же фамиліи; № 539, Рогингъ, vir illuster; № 544, Эбергардъ, дѣятельность котораго намъ неизвѣстна, сынъ герцога Адальберта; № 547, Вадемеръ, inluster vir; № 548, Гальтерій, дарящій четыре помѣстья, одинъ изъ proceres regis; № 549, Петтонъ, положеніе котораго намъ неизвѣстно, но у котораго два брата были графами; № 550, Эброхардъ, comes; № 559, Аббонъ, очень богатый владѣлецъ, называющій себя ректоромъ въ Мауріеннѣ и Сузѣ въ актѣ 726 года (*Dipolomata*, т. II, стр. 479) и, если довѣрять хроникѣ Новализа, сдѣлавшійся позднѣе патриціемъ. — Шесть жертвователей, о которыхъ мы не нашли никакихъ свѣдѣній, слѣдующіе: Герардъ, № 196; Ницецій, № 393; Вандемиръ, № 412 (заголовокъ текста не сохранился); Гаммонъ, № 442; Дармундъ, № 470; Ангельбертъ, № 474.

Въ VI вѣкѣ еще существовала (римская) „сенаторская аристократія", унаслѣдовавшая знатность отъ предковъ и богатая родовыми помѣстьями. Въ VII вѣкѣ эта аристократія исчезаетъ [1] и замѣняется исключительно аристократіей королевскихъ сановниковъ или аристократіей дворца. Знатенъ тотъ, кто носитъ высокій санъ въ іерархіи должностей. Отъ знатнаго отца рожденъ тотъ, чей отецъ обладалъ такимъ высокимъ саномъ. Рагнебертъ былъ высокаго происхожденія, говоритъ агіографъ: отецъ его Ратбертъ былъ герцогомъ [2].

Рядомъ со знатными мы всегда находимъ епископовъ. Созываетъ ли король собраніе, оно всегда состоитъ изъ „святителей церкви и изъ знатныхъ [3]. Творитъ ли онъ судъ, королевскій трибуналъ состоитъ изъ епископовъ и изъ служащихъ во дворцѣ. Изъ разсѣянныхъ въ житіяхъ святыхъ сотенъ разсказовъ видно, что, входя во дворецъ, тамъ всегда

[1] Слова *genus senatorium* встрѣчаются еще у нѣкоторыхъ агіографовъ; такъ, составитель житія святого Германа, аббатъ Гранвальскій, говоритъ, что онъ былъ «ex genere senatorum genitus» (*Acta Sanctorum ordinis S. Benedicti*, II, p. 511); составитель житія Рустиколы говоритъ, что она была «clarissimis orta natalibus Valeriano et Clementia Romanis» (*ibidem*, II, 140). Но это исключенія, которыя нельзя сравнить съ тѣмъ, какъ о *genus senatorium* говорилъ Григорій Турскій.—«Sanctus Bonitus progenie Arvernicae urbis oriundus, cuius pater Theodatus, mater Syagria, e senatu duntaxat Romano, nobili prosapia» (*Vita Boniti*, 1, Acta Sanctorum ordinis S. Benedicti, III, p. 90; Bouquet, III, 622).

[2] *Vita Ragneberti*, Bouquet, III, 619: «Ex praecelso Francorum genere ortus, nobilissimi ducis Ratberti filius».

[3] «Pontifices et proceres» (*Fredegar.* 56).—«Pontifices et primates ad se venire praecepit» (*ibidem*, 89). — «Collectis pontificibus [pontefecis въ рук.] et ducibus» (*ibidem*, 90).

можно было найти нѣсколькихъ епископовъ. Нельзя назвать ни одного случая, гдѣ бы въ средѣ приближенныхъ короля не было епископовъ. Епископы—необходимый элементъ во дворцѣ короля Меровинга.

Епископы VII вѣка, если судить по тѣмъ, описаніе жизни которыхъ мы сохранили, рѣдко выходили изъ рядовъ духовенства путемъ каноническаго избранія. Чаще всего они выходили изъ дворца. Святой Дезидерій, епископъ кагорскій, святой Элигій, епископъ нуайонскій, святой Аудоэнъ, епископъ руанскій, провели часть жизни на дворцовой службѣ раньше, чѣмъ король далъ имъ санъ епископа. Основатели трехъ аббатствъ: Вандрегизилъ, Ромарихъ и Геремаръ, находились сначала на службѣ у королей. „Одинъ изъ вельможъ дворца“ Ремаклъ сдѣланъ епископомъ. Фаронъ, послѣ долгой службы въ администраціи и войскѣ, сталъ сразу епископомъ въ городѣ Мо. Ансбертъ сдѣлался архіепископомъ руанскимъ лишь послѣ того, какъ прошелъ черезъ почти всѣ дворцовыя должности. Такихъ примѣровъ много. Нѣкоторые изъ такихъ людей, разъ сдѣлавшись епископами, прощались съ дворцомъ и посвящали себя обязанностямъ пастырскаго сана; другіе часто возвращались во дворецъ, а иные жили тамъ даже больше, чѣмъ въ своей епархіи [1]. Дворецъ создавалъ епи-

[1] Примѣры: святой Уанъ руанскій (*Vita Balthildis; Vita Geremari*, 8 и-10), Хронобертъ парижскій (*ibidem*), Кунибертъ метцскій, Леодегарій отенскій и всѣ тѣ, которые названы въ королевскихъ дипломахъ. — То же самое въ монастыряхъ. Настоятелями монастырей почти всегда оказываются вельможи дворца. «Sanctus Usmarus monasterium Laubiense» (Лобъ, въ камбрейской епархіи) suscepit regendum per Hedulphi interventum qui erat unus ex principibus regis» (*Vita Usmari*, Acta Sanctorum ordinis S. Benedicti, III, p. 255). Ср. «Франкская монархія», стр. 703.

скоповъ, и епископы продолжали составлять часть дворца.

Подъ дворцомъ мы должны разумѣть всю совокупность людей, свѣтскихъ или духовныхъ, которые окружали короля или были его уполномоченными въ провинціяхъ. Въ рукахъ дворца находились всѣ административныя функціи и почти всѣ епархіи. Онъ владѣлъ государствомъ и церковью.

Дворецъ [1] естественно распадался на двѣ части: центральную, состоявшую изъ тѣхъ, кто оставался при королѣ, и внѣшнюю, распредѣлявшуюся по провинціямъ для управленія ими.

Центральная часть состояла изъ мэра, дворцоваго графа, сенешаловъ, референдаріевъ, кубикуларіевъ, конюшаго графа, хранителя печати, казначеевъ и цѣлаго ряда оптиматовъ. Ниже располагалось еще много писцовъ и всякаго рода чиновниковъ. Рядомъ съ ними стояло нѣсколько епископовъ, духовенство королевской капеллы и спеціальный капелланъ, на котораго было возложено храненіе всегда сопровождавшихъ короля мощей. Эта центральная часть дворца пребывала вмѣстѣ съ королями, никогда ихъ не оставляла, слѣдовала за ними при ихъ перемѣщеніяхъ. Если надо было творить судъ, она составляла королевскій трибуналъ; если—издавать законъ, король издавалъ его

[1] «Франкская монархія», гл. 8.

не иначе, какъ посовѣтовавшись съ этими людьми; требовалось ли принять какое-нибудь важное рѣшеніе,—король „спрашивалъ совѣта епископовъ и оптиматовъ". Всѣ эти люди были „его совѣтниками"; „онъ совѣщался съ ними и согласно съ ихъ мнѣніемъ правилъ государствомъ". Ничто не совершалось безъ нихъ. На простыхъ актахъ королевскаго пожалованія считалось умѣстнымъ ставить подписи ихъ всѣхъ.

Центральной части дворца придавало особенное значеніе то обстоятельство, что она служила источникомъ назначеній и милостей. Въ принципѣ герцоги и графы назначались однимъ королемъ; на практикѣ ихъ назначалъ глава дворца, мэръ, и сомнѣнія нѣтъ, что непосредственные приближенные короля оказывали большое вліяніе на всякія назначенія, даже на выборъ епископовъ. Біографъ святого Леодегарія, его современникъ, говоритъ, что святой былъ намѣченъ въ епископы вельможами дворца [1]. Святой Ламбертъ также былъ назначенъ епископомъ утрехтскимъ по распоряженію короля Хильдериха и подъ вліяніемъ его оптиматовъ [2].

[1] *Vita Leodegarii ab Ursino*, 3: «In palatio... rex et regina, plerique pontifices et proceres... quia cum videbant dignum ad suscipiendum honorem, cunctorum consensu, praecipui Francorum ad honorem pontificalem eum esse idoneum proclamaverunt».—Лишь послѣ этого избранія во дворцѣ произошла пустая формальность избранія въ городѣ Отенѣ.

[2] *Vita Lantberti*, 3 (Acta Sanctorum ordinis S. Benedicti, III, p. 70): «Ergo optimates viri qui eo tempore rectores palatii videbantur, Childerico regi famam Lantberti innotuerunt, testimonium perhibentes quod dignus erat sacerdotio».—*Vita Ansberti*, 18, ibidem, p. 1051: «Rex Theodoricus et princeps Pippinus cum proceribus palatii salubre agentes consilium, eum constituerunt antistitem».

Внѣшняя (областная) часть дворца состояла изъ герцоговъ, патриціевъ, ректоровъ, графовъ, то-есть, изъ всѣхъ провинціальныхъ намѣстниковъ. Сюда надо добавить *domestici*, управителей королевскихъ имѣній, и всѣхъ, кто пользовался землями фиска въ качествѣ бенефиція. Можемъ еще сюда добавить, по крайней мѣрѣ, въ извѣстномъ смыслѣ, епископовъ, особенно тѣхъ, чья жизнь дѣлилась между епархіей и дворцомъ.

2.

Эта аристократія становится независимой отъ королевской власти.

Герцоги и графы VII-го вѣка продолжали быть королевскими чиновниками, которые управляли народомъ и творили судъ надъ нимъ отъ имени назначавшаго ихъ короля. Та же формула назначенія, какую приводитъ Маркульфъ, несомнѣнно, примѣнялась еще въ VII-мъ вѣкѣ. Но нѣсколько встрѣчаемыхъ въ хроникахъ фактовъ позволяютъ думать, что въ этомъ вѣкѣ королевскіе чиновники стали гораздо независимѣе, чѣмъ въ предшествующую эпоху. Короли, сохранявшіе право отставлять ихъ, не могли уже этого дѣлать съ той легкостью, какъ дѣлали раньше Хильперихъ или Гунтрамнъ. Когда Хлотаръ II пожелалъ въ 613 году назначить Герпона на мѣсто Евдилы герцогомъ за-юрской области, то противъ вновь прибывшаго герцога вскорѣ былъ составленъ заговоръ; зачинщиками

его были два высшихъ сановника области,—патрицій Алетей и графъ Герпинъ, къ которымъ присоединился епископъ Лейдемундъ. Новый герцогъ оказался убитымъ [1].

Вотъ другой фактъ, дающій, мнѣ кажется, косвенныя указанія на независимыя привычки высокихъ сановниковъ. Хроникеръ разсказываетъ, какъ объ одномъ изъ главныхъ событій 629 года, что „Дагобертъ объѣхалъ Бургундію, творя судъ, и что онъ навелъ ужасъ на епископовъ и на вельможъ" [2]. Значитъ, злоупотребленія были велики; для ихъ подавленія понадобилась вся энергія, весь престижъ Дагоберта. А такъ какъ его преемники не обладали его силой, то можно думать, что злоупотребленія возобновились.

Съ удивленіемъ вижу, что герцоги собираютъ воинскіе отряды въ такихъ случаяхъ, когда король, очевидно, не давалъ имъ приказа. Эти отряды не идутъ на образованіе королевскаго войска; каждый изъ нихъ сражается лишь за своего начальника. Такъ въ 627 году видимъ, что на одномъ съѣздѣ знатныхъ въ королевской виллѣ Клиши, герцоги Эгина и Бродульфъ прибыли каждый съ военными силами, которыми они, распоряжались [3]; ихъ отряды сами пришли бы въ столкновеніе другъ съ другомъ, еслибы ихъ не раздѣлилъ третій отрядъ бургундскихъ воиновъ. Пятнадцать лѣтъ спустя, видимъ, что патрицій Виллибадъ, вызванный на

[1] *Fredegar*. 43.
[2] *Ibidem*, 57.
[3] *Ibidem*, 55.

собраніе, является туда съ настоящимъ войскомъ, „которое онъ собралъ въ предѣлахъ своего патриціата" [1]. Герцоги и графы всегда были могущественными главарями населенія; ихъ зависимость отъ короля тотчасъ же ослабѣвала, если король оказывался вялымъ или малолѣтнимъ.

Они стремились сдѣлать свои должности несмѣняемыми. Хроникеръ не говоритъ намъ, чего они требовали отъ Хлотара II на собраніи 616 года, и что король имъ „разрѣшилъ, отвѣчая на ихъ законныя просьбы" [2]; но мы знаемъ, что въ 641 году мэръ Флаохатъ обязался отъ имени Хлодовеха II „оставлять каждаго изъ вельможъ въ его должности и санѣ"; это обязательство онъ принялъ письменно и даже скрѣпилъ его священной клятвою. Такъ появилась несмѣняемость должностей [3].

Перейдемъ къ 650 году. Передъ нашими глазами открывается франкское королевство, во многомъ уже похожее на то, чѣмъ будетъ каролингская монархія послѣ Карла Лысаго.

Наверху королевская власть, представленная двумя несовершеннолѣтними королями, Сигибертомъ III и Хлодовехомъ II, послѣ которыхъ появилось еще нѣсколько королей-дѣтей. Короли все еще пользуются уваженіемъ, и никто не думаетъ отъ нихъ освобождаться; но фактически они не отправляютъ власти.

[1] *Fredeg*. 90.
[2] *Ibidem*, 44: «Cunctis illorum iustis peticionibus annuens, preceptionibus roboravit».
[3] *Ibidem*, 89: «Per epistolas et sacramentis firmavit unicuique gradum honoris et dignitatem conservavit».

Подъ королевскою властью располагается іерархія изъ нѣсколькихъ сотъ могущественныхъ людей, герцоговъ, графовъ, епископовъ, аббатовъ монастырей, въ принципѣ зависящихъ отъ нея, но на дѣлѣ независимыхъ, настоящихъ правителей народа. Узы, соединяющія съ королемъ герцоговъ и графовъ, не называются еще сюзеренитетомъ, но онѣ уже не болѣе тѣсны, чѣмъ то, что будетъ носить это названіе. Каждый изъ герцоговъ имѣетъ самъ своихъ подданныхъ, которыхъ называетъ своими вѣрными, своими друзьями, которые слѣдуютъ за нимъ и лично съ нимъ связаны. Посмотрите на патриція Виллибада: король вызываетъ его въ Шалонъ; но такъ какъ онъ знаетъ, что король золъ на него, и, вѣроятно, его отставитъ, то выѣзжаетъ изъ своей области въ сопровожденіи всѣхъ своихъ вѣрныхъ, которые являлись какъ бы его вассалами [1]. Это епископы и графы [2]. За каждымъ изъ нихъ слѣдуетъ отрядъ слугъ и вооруженныхъ людей, „благородныхъ и мужественныхъ [3]. Все это образуетъ настоящее войско. Такъ является Виллибадъ къ королю. Между этимъ непокорнымъ феодаломъ и другими, стоящими за короля, завязывается кровавый бой [4].

[1] *Fredegar.* 90: «Chlodoveus Willibadum patricium ad se venire precepit. Willibadus cernens iniquum consilium Flaochado: colligens secum plurimam multetudinem de patriciatus sui termenum...»

[2] *Ibidem*: «Pontifices seu nobiles».—Хроникеръ называетъ въ ихъ числѣ епископа валенсскаго Эгилульфа [Ailulfus] и графа Гизона.

[3] *Ibidem*: «Nobiles et fortes».—Хроникеръ называетъ бургунда Манульфа. Самъ Виллибадъ былъ «genere Burgundionum» (с. 78).

[4] *Fredegar.* 90: «Falangis uterque in congressione certamenes iungent ad prilium». Кромѣ мэра Флаохата за короля были дворцовый графъ Бертхарій, герцоги Амальгарій, Вандельбертъ и Храмнеленъ изъ Бургундіи; что касается герцоговъ Нейстріи, то они отказались напасть на Виллибада, «котораго должны бы были обойти», и остались съ своими войсками только зрителями сраженія, «ожидая событій». Когда они увидѣли, что Виллибадъ убитъ, а его войско обратилось въ бѣгство, они разграбили его станъ.

Тридцать лѣтъ спустя, другой современный хроникеръ говоритъ намъ, что герцоги и графы враждовали другъ съ другомъ. „Люди, которые должны были мирно управлять провинціями, находились въ вѣчныхъ между собой раздорахъ; каждый дѣлалъ, что ему заблагоразсудится, будто королевской власти и не существовало“ [1].

Епископы также съ своей стороны становились властелинами народа. Благодаря системѣ иммунитетовъ, епископъ почти никогда не зависѣлъ отъ герцога или отъ графа данной области. Иммунитетныя привилегіи въ каждомъ округѣ передали половину силъ отъ графа епископу или аббату. Послѣдніе были настоящими государями въ своихъ городахъ и на обширныхъ владѣніяхъ своей церкви. Городъ, даже область иногда и не знали другой власти. Архивы города Реймса свидѣтельствуютъ, что со времени Меровинговъ архіепископъ пользовался въ этомъ городѣ высшимъ могу-

[1] *Vita Leodegarii ab Anonymo*, 7: «Hi vero qui rectores regionum esse debuerant, continuis odiis se invicem coeperunt lacessere, et quum rex tunc non erat stabilitus in culmine, quod unicuique rectum videbatur in propria voluntate, hoc agebat sine formidine disciplinae».

ществомъ [1]. Біографъ святого Дезидерія, епископа кагорскаго, восхваляетъ его за всегдашнее вниманіе къ поддержанію стѣнъ города и ихъ перестройкѣ; а это—дѣло правителя города [2]. У агіографовъ эпохи можно замѣтить, что, говоря о епископахъ, они часто пользуются выраженіями, обозначающими политическую власть и управленіе [3]. Святой Леодегарій, въ біографіи, начертанной его современниками, является единственнымъ политическимъ главою города Отена. Подъ его управленіемъ находится „весь ввѣренный ему Богомъ народъ“ [4]. Онъ—его защитникъ отъ внѣшнихъ враговъ. Онъ повелѣваетъ и весь народъ ему повинуется. Когда на него нападаетъ Эброинъ, послѣдній идетъ войной не на одного епископа, а на весь городъ. Святой Леодегарій руководитъ сопротивленіемъ осажденныхъ, предписываетъ вылазки. Немного позднѣе архіепископъ реймсскій Ригобертъ закрываетъ также ворота города передъ непріятелемъ и защищаетъ отъ нападенія „ввѣренный ему

[1] *Flodoard.* Historia Remensis ecclesiae, II, 12. *Varin*, Archives administratives de Reims, t. I, p. 26.

[2] *Vita Desiderii Caturcensis*, c. 17 (Migne, LXXVII, col. 235): «Quam singulari studio omni tempore moenia urbis suo labore struxerit».

Нѣсколько примѣровъ. *Gregor. Turon.* De gloria martyrum I, 3 «Bertramnus tunc episcopatu urbem regebat».—*Vita Leodegarii ab Ursino*, c. 7: «Leodegarius... gubernator civitatis».—*Vita Arnulfi*, 7: «Urbem ad gubernandum suscepit».

[4] *Vita Leodegarii ab Anonymo*, 9: «Leodegarius cum ad *suam plebem* restaurandam resideret in *urbe sua*... Dominum precabatur ut *plebem sibi creditam* non permitteret captivari».

Богомъ городъ“ [1]. Епископъ сансскій видитъ, что къ стѣнамъ подходитъ непріятель; онъ велитъ идти въ наступленіе, лично имъ командуетъ и отражаетъ нападающихъ [2].

Такъ поднималось на поверхности всего франкскаго королевства нѣсколько сотъ мелкихъ суверенитетовъ, свѣтскихъ и духовныхъ. Они стали между королевской властью и народомъ. Они должны были повиноваться королевской власти, народъ долженъ былъ повиноваться только имъ. Общество уже представляло изъ себя родъ феодальной лѣстницы.

Выясняется также до нѣкоторой степени еще другое явленіе: образуются фамиліи, отъ отца къ сыну составляющія часть дворца, занимающія должности, пользующіяся привилегіями власти. Это видно при ближайшемъ разсмотрѣніи многихъ именъ, упоминаемыхъ въ хроникахъ или въ житіяхъ святыхъ. Вотъ, напримѣръ, Геремаръ; онъ „одинъ изъ вельможъ дворца“; біографъ упоминаетъ отца его Ригоберта, не говоря, былъ ли онъ уже во дворцѣ, но указываетъ, что тамъ находились многіе изъ родственниковъ Геремара [3]. Когда, закончивъ свою карьеру, Геремаръ удалился въ монастырь, „онъ оставилъ во дворцѣ сына своего Амальберта“ послѣ того, какъ достигъ отъ короля согласія предоставить ему все, чѣмъ самъ владѣлъ [4].

[1] *Flodoard.* Historia Remensis ecclesiae, II, 12.

[2] *Chronicon auctoris incerti*, Bouquet, III, p. 315.

[3] *Vita Geremari*, c. 7; Acta sanctorum ordinis S. Benedicti. II, 477: «Erant ei parentes plurimi in palatio regis Dagoberti».

[4] *Vita Geremari*, c. 7; Acta Sanctorum ordinis S. Benedicti, II,

Вотъ другой человѣкъ, по имени Гагнерихъ. Онъ одинъ изъ *proceres palatii* [1]; у него четыре сына, Фаронъ, Хагнульфъ, Хагноальдъ и Вальбертъ. Фаронъ, какъ и его отецъ, вступаетъ „на службу дворца" [2]. Онъ начинаетъ служить при Теодебертѣ II; Хлотаръ II возводитъ его въ степень *procer* [3]. Другой сынъ, Хагнульфъ, идетъ тою же дорогою и дѣлается графомъ [4], а два остальныхъ вступаютъ на духовное поприще; Хагноальдъ вскорѣ назначенъ епископомъ ланскимъ [5]. Вальбертъ также быстро дѣлается аббатомъ люксейльскимъ [6] и епископомъ въ Мо [7]; наконецъ, когда Вальбертъ умираетъ, братъ его Фаронъ, „утомленный долгой службой во дворцѣ" [1], въ свою очередь занимаетъ его епархію, и это такъ мало удивляетъ хроникера, что онъ добавляетъ: „Фаронъ былъ преемникомъ Вальберта въ силу своего родства и какъ бы по наслѣдственному праву" [2]. Вотъ какъ распредѣлялись въ одномъ родѣ должности и званія, какими располагалъ дворецъ. Мы видимъ также, что Гундоинъ, бывшій при Хильдерихѣ II герцогомъ, оставляетъ сына, который въ свою очередь дѣлается однимъ изъ вельможъ и кончаетъ жизнь въ епископскомъ санѣ [3]. Сивинъ былъ высокимъ сановникомъ, „служившимъ" при короляхъ Хлотарѣ III, Хильдерихѣ II, Теодерихѣ III; его сынъ Ансбертъ помѣщенъ имъ на дворцовыя должности и впослѣдствіи получаетъ руанскую епархію [4].

Святой Леодегарій принадлежалъ къ одной изъ фамилій, надѣлявшихся должностями и епархіями. Біографы не говорятъ, кто былъ его отецъ [5];

p. 477: «Adiens regem petiit ab eo ut filio suo Amalberto cuncta quae sui iuris erant traderet»; c. 18: «Filium suum Amalbertum in palatio reliquerat».

[1] *Vita Faronis*, c. 12 (Acta Sanctorum ordinis S. Benedicti, II, p. 612): «Hagnericus... inter proceres palatii, consiliis regalibus gratus».

[2] *Ibidem*, c. 21: «In aula regis Theodeberti miles». Cp. c. 83.

[3] *Ibidem*, c. 32, p. 613: «Sublimatus inter proceres regis». Вѣроятно, это то же лицо, которое мы увидимъ при Дагобертѣ I референдаріемъ (*Diplomata*, Pardessus, № 245).

[4] *Diplomata*, № 226, in fine.

[5] *Vita Eustasii*, c. 5 (Acta Sanctorum ordinis S. Benedicti, II, p. 118). *Vita Columbani*, c. 30; ibidem, p. 17. *Vita Faronis*, c. 38; ibidem, p. 614.

[6] *Vita Frodoberti*, ibidem, p. 629.

[7] Такъ, по крайней мѣрѣ, говорится въ житіи святого Фарона; это повторяется дважды (гл. 60 и гл. 102 стр. 614 и 616).— Епископство Вальберта въ Мо подвергалось сомнѣнію; см. *Mabillon*, Acta Sanctorum, II, p. 503; но надо замѣтить, что, если составитель житія святого Фарона жилъ лишь въ IX вѣкѣ, то, съ другой стороны, онъ самъ былъ епископомъ въ Мо и долженъ былъ имѣть точныя свѣдѣнія о рядѣ предшествовавшихъ ему епископовъ; въ этомъ рядѣ епископовъ онъ считаетъ Вальберта 19-мъ.

[1] *Vita Faronis*, 83: «Remisso remige a curis rerum palatii».

[2] *Ibidem*, c. 102, p. 619: «Lege consanguinitatis quasi iure hereditatis fraternam successionem pontificatus meretur».

[3] *Vita Salabergae*, c. 5. Acta Sanctorum ordinis S. Benedicti, II, p. 423: «Gundoinus vir illustrissimus rebus aulicis aptus».— Мы находимъ Гундоина въ званіи *dux* въ одномъ изъ дипломовъ Хильдериха II, № 359. У него есть сынъ, по имени Бодонъ, въ свою очередь становящійся *vir illuster, potens* и, наконецъ, епископомъ тульскимъ, *ibidem*, c. 17.

[4] *Vita Ansberti*, c. 2; Acta Sanctorum ordinis S. Benedicti, II, p. 1049.

[5] Согласно *Testamentum Leodegarii* (Pardessus, p. 173) материнскій родъ его обладалъ помѣстьями въ дижонской области.

но дядя его Дидонъ былъ епископомъ пуатьескимъ, близко стоявшимъ къ дѣламъ и даже соучастникомъ различныхъ интригъ, такъ какъ Гримоальдъ пользовался имъ въ своемъ замыслѣ захватить Австразію. Другой его родичъ Ансоальдъ былъ епископомъ въ томъ же городѣ послѣ Дидона. Братъ Леодегарія, по имени Геринъ, былъ однимъ изъ вельможъ при дворѣ Хлотара III [1] и Хильдериха II [2]. Самъ Леодегарій жилъ нѣсколько лѣтъ во дворцѣ; потомъ по выбору дворца онъ былъ назначенъ епископомъ отенскимъ; будучи, наконецъ, епископомъ, онъ продолжалъ состоять при королѣ и являлся однимъ изъ политическихъ вождей королевства [3].

Позднѣе, сравнивая нѣсколько дипломовъ, мы видимъ, что нѣкій Адальбертъ — герцогъ, а изъ двухъ его сыновей—одинъ *domesticus*, другой также герцогъ [4]. Эрхиноальдъ — палатный мэръ; сынъ его, Лейдезій — мэръ послѣ него [5], а внукъ его, Адальрихъ—герцогъ [6]. Самый законченный типъ такихъ династій вельможъ представляетъ собою родъ Арнульфа, кончившій захватомъ королевской власти.

Въ VII вѣкѣ мы не видимъ патримоніальности должностей, которая установится два вѣка спустя; но видимъ фамиліи, отъ отца къ сыну фактически

[1] *Vita Baboleni*, Bouquet, III, p. 571.
[2] *Vita Lantberti*, ibidem, II, p. 585.
[3] См. ниже, гл. 7.
[4] *Diplomata*, №№ 525 и 544.
[5] Продолжатель Фредегарія, 95; *Gesta*, 45.
[6] *Fragmenta auctoris incerti*, Bouquet, II, p. 693.

остающіяся во дворцѣ и раздѣляющія между собой его должности и связанныя съ послѣдними доходы [1].

Дворецъ представляетъ родъ обширной ассоціаціи. Вотъ подробность, очень характерная. Когда одинъ изъ вельможъ хочетъ жениться, онъ испрашиваетъ разрѣшенія короля „и другихъ вельможъ“ [2]. Изъ многихъ примѣровъ мы замѣчаемъ, что эти фамиліи охотно заключали браки между собою [3].

Видимо, пожалованіе фискальной земли могло совершаться королемъ не иначе, какъ въ присутствіи знатныхъ вельможъ. Если это не было закономъ, то, по крайней мѣрѣ, какъ кажется, обычаемъ [4]. Основаніемъ для этого служило то, что

[1] Есть даже въ средѣ епископовъ стремленіе къ преемственности. Въ Метцѣ Хлодульфъ наслѣдуетъ своему отцу Арнульфу; Въ Пуатье Ансоальдъ наслѣдуетъ своему родственнику Дидону; Въ Сансѣ преемникомъ Герика оказывается его племянникъ Эббонъ *Vita Ebbonis*, 6; Acta Sanctorum ordinis S. Benedicti, III, p. 649; Bouquet, III, p. 650.

[2] *Vita Geremari*, 7; Acta Sanctorum ordinis S. Benedicti, II, p. 476: «Cum consensu regis ceterorumque Francorum sociavit sibi puellam in coniugium nomine Dommam».—*Vita Anstrudis*, 1; ibidem, p. 976: «Vir nobilis Baso, consilio Francorum procerum, uxorem duxit Salabergam filiam generosi viri Gunduini».

[3] *Vita Ansberti*, ibidem, p. 1049. Точно также Лейдезій женится на племянницѣ Леодегарія (Bouquet, II, p. 693).

[4] *Tardif*, № 2: «Nos Childebertus rex, una cum consensu et voluntate Francorum et Neustrasiorum... donamus».—*Ibidem*, № 16, см. подписи. — *Ibidem*, № 25: «Una cum consilio pontificum vel optimatum nostrorum... Villam de fisco nostro concedimus». То же наблюдается даже при простомъ утвержденіи наслѣдованія фамильныхъ земель: «Geremarus regem adiens petiit ab eo ut coram cunctis praesentibus Francis traderet» (*Vita Geremari*, 10, Acta Sanctorum ordinis S. Benedicti, II, p. 477).

королевскіе домены, равно какъ управленіе и должности составляли какъ бы общее достояніе дворца.

Такова знать VII-го вѣка. Она представляетъ не что иное, какъ іерархію должностныхъ лицъ вмѣстѣ съ епископами. Она составляла въ совокупности дворецъ. Каждый членъ ея въ отдѣльности былъ богатъ землею, носилъ высокое званіе, былъ могущественъ въ силу своего положенія, являлся абсолютнымъ главою извѣстной территоріи и части населенія. Всѣ вмѣстѣ они составляли крѣпко организованное вокругъ королевской власти тѣло, болѣе сильное, чѣмъ сама королевская власть.

2.

Дворецъ беретъ въ опеку королевскую власть.

Въ меровингской фамиліи сталъ появляться рядъ несовершеннолѣтнихъ королей. Преемниками Дагоберта I были—въ Австразіи восьмилѣтній Сигибертъ, въ Нейстріи четырехлѣтній Хлодовехъ II. Сигибертъ оставилъ только одного сына, совсѣмъ малолѣтняго. Хлодовехъ II оставилъ троихъ, изъ которыхъ старшему было семь лѣтъ. Потомъ видимъ, что въ Австразіи царствуетъ Хильдерихъ II, которому только шесть лѣтъ. Теодерихъ III начинаетъ свое царствованіе шестнадцатилѣтнимъ юношей и живетъ до тридцати семи лѣтъ; его преемникъ Хлодовехъ III былъ при вступленіи десятилѣтнимъ ребенкомъ и умеръ четырнадцати лѣтъ. Положеніе дворца по отношенію къ королевской власти, благодаря этому, измѣнилось: вмѣсто того,

чтобы оставаться органомъ, подвластнымъ королямъ, онъ сталъ ихъ опекуномъ.

Съ должностью дворцоваго мэра также произошла перемѣна. Мы видѣли, что въ принципѣ мэръ былъ главнымъ начальникомъ, котораго король ставилъ надъ своимъ „домомъ", то-есть, надъ всѣмъ тѣломъ служащихъ во дворцѣ. Въ VI вѣкѣ, мы видимъ, этотъ начальникъ всегда избирался королемъ. Въ VII вѣкѣ ужъ наблюдается не совсѣмъ тотъ же порядокъ.

Хлотаръ II и его сынъ еще избираютъ своихъ мэровъ; но, съ одной стороны, они какъ бы считаютъ себя обязанными брать ихъ изъ среды магнатовъ дворца; они назначаютъ даже прямо тѣхъ, кто выдалъ имъ Брунгильду съ ея двумя королевствами. Такъ, почти по необходимости, они возводятъ въ санъ мэровъ Варнахарія въ Бургундіи, Арнульфа [1] и Пиппина въ Австразіи. Затѣмъ, если они иногда и назначаютъ еще мэровъ, то совсѣмъ безсильны ихъ смѣщать. Хлотаръ II клятвенно обязался никогда не отставлять Варнахарія [2]. Съ этого времени мы можемъ замѣтить, что ни одинъ мэръ не былъ отставленъ королями; Эга, Флаохатъ, Гундоальдъ, Эрхиноальдъ [3] и Эброинъ умираютъ дворцовыми мэрами и, если Эброинъ долженъ былъ оставить на время должность мэра, то увидимъ,

[1] Павелъ Діаконъ, констатируетъ, что Арнульфъ былъ мэромъ; см. *Historia Longobardorum*, VI, 16.

[2] *Fredegar*. 42: «Sacramento a Chlotarium acceptum ne umquam degradaretur».

[3] *Gesta*, 42: «Defuncto Gundoaldo maiorum domo, Dagobertus rex Erchinoaldum...»

что это случилось не по волѣ короля. Пиппинъ Ланденскій попалъ въ немилость къ Дагоберту; [1] тѣмъ не менѣе онъ остался мэромъ дворца; Гримоальдъ былъ свергнутъ, но также не королемъ.

Дальше настало время, когда короли уже оказались не въ силахъ и назначать мэровъ. Короли часто были несовершеннолѣтніе. Флаохатъ назначенъ былъ мэромъ по приказу королевы Нантхильды, но „послѣ выбора епископовъ и всѣхъ герцоговъ; [2] онъ добился, быть можетъ, избранія лишь путемъ обѣщанія имъ несмѣняемости другихъ дворцовыхъ должностей. Такимъ образомъ, дворецъ самъ назначилъ себѣ главу. Немного позднѣе хроникеры опредѣленно говорятъ, что по смерти Эрхиноальда преемника ему искали „франки"; и „послѣ долгихъ колебаній" должность дворцоваго мэра была дана ими Эброину [3]. То же самое имѣло, безъ сомнѣія, мѣсто въ Австразіи; изъ того, какъ разсказывается о назначеніи Вульфоальда мэромъ Австразіи, ясно, что онъ былъ назначенъ не королемъ, а другими лицами [4].

[1] *Fredegar*. 61.

[2] *Fredegar*. 89.

[3] Продолжатель Фредегарія, 92 [2]: «Franci in incerto vacellantes, accepto consilio, Ebroino huius honoris cura ac dignitate statuunt».— *Gesta*, 45: «Franci in incertum vacillantes, prefinito consilio, Ebroino huius honoris altitudine maiorum domo in aula regis statuunt».

[4] Онъ сдѣлался мэромъ въ тотъ день, когда королемъ былъ выбранъ маленькій Хильдерихъ. Въ *Gesta* ясно указано, что оба избранія произошли одновременно, с. 45: «Childericus in Auster una cum Vulfoaldo duce regnum (suscipere dirigit)». Къ тому же Хлодовехъ II только что умеръ; королями оставались малолѣтнія дѣти.

Въ разсказѣ хроникера попадается выраженіе, на которомъ мы должны остановиться. Эброинъ былъ возведенъ въ мэры „франками", говоритъ онъ. Очевидно, подъ словомъ *Franci* не подразумѣвается все франкское населеніе. Въ разсказѣ хроникера ничто не позволяетъ предположить, чтобы для назначенія мэра собирался франкскій народъ. „Франки", о которыхъ онъ говоритъ, это—только люди, окружавшіе короля въ моментъ смерти Эрхиноальда. Люди эти волнуются по случаю смерти своего начальника, колеблются, спорятъ и кончаютъ рѣшеніемъ въ пользу выбора Эброина; они-то и названы у хроникера словомъ *Franci*. Надо, въ самомъ дѣлѣ, замѣтить, что, начиная съ VII-го вѣка, слово *francus* принимаетъ особый смыслъ, а именно обозначаетъ знатнаго вельможу. Часто человѣкъ, названный въ документахъ *francus*, оказывается оптиматомъ или, по крайней мѣрѣ, служащимъ во дворцѣ.

Къ этому же времени относится установленіе *conventus*, общаго собранія (*placitum generale*) или Марсова поля. [1] Надо, дѣйствительно, отмѣтить, что мы находимъ эти собранія въ документахъ VII-го, а не VI-го вѣка. Притомъ они упоминаются довольно часто и описаны достаточно подробно, такъ что мы можемъ судить объ истинномъ ихъ характерѣ.

Это не простые смотры войска, какъ Марсово поле Хлодовеха. Но это также и не народныя собранія:

[1] Это учрежденіе было изслѣдовано болѣе подробно и съ точки зрѣнія его политической организаціи въ гл. 16-й Франкской монархіи.

они не обладаютъ ни одною изъ чертъ, отличающихъ послѣднія. Будемъ остерегаться переносить наши демократическія идеи XIX-го вѣка въ эпоху, когда не существовало даже понятія о демократіи или о равенствѣ. Не будемъ себѣ представлять здѣсь массы гражданъ и свободныхъ людей, стекающихся въ правильно установленное мѣсто съѣзда, въ какую-нибудь освященную закономъ или традиціей равнину. Не будемъ также представлять себѣ избранныхъ населеніемъ представителей: никто не имѣлъ въ то время понятія о представительномъ правленіи. Общественные нравы и понятія той эпохи не знали ни гражданъ, ни націи, ни представительства.

Созывался не народъ непосредственно, а епископы и знатные. Правда, каждый изъ этихъ высокихъ сановниковъ пріѣзжалъ не одинъ. У каждаго была свита, часто вооруженная. Но эта свита не представляла народъ, и она никогда не допускалась къ голосованію. Она располагалась обыкновенно лагеремъ подъ открытымъ небомъ, а каждый епископъ или герцогъ входилъ во дворецъ короля. Ясно, что настоящее собраніе состояло лишь изъ знатныхъ вельможъ.

Знатными же были, мы убѣдились, тѣ королевскіе чиновники, о которыхъ говорилось выше. Вельможи и епископы—это и былъ „дворецъ". Мы говорили, что „дворецъ" являлся обширною сѣтью, раскинутою по всей странѣ отъ особы короля до крайнихъ предѣловъ королевства. Но мы тамъ же добавили, что дворецъ естественно дѣлился на двѣ части, центральную, непосредственно окружавшую короля, и внѣшнюю, распредѣлявшуюся по всему королевству. Центральная часть составляла почти каждодневный совѣтъ короля и его трибуналъ; самыя же серьезныя дѣла требовали собранія всего дворца, то-есть, епископовъ, герцоговъ, графовъ со всего королевства. Когда собрана одна центральная часть—это *concilium*; когда созывается весь дворецъ—это *conventus generalis*.

Въ принципѣ такого рода собранія не представляютъ стоящаго какъ бы противъ королевской власти народа; это люди, окружавшіе королевскую власть и какъ бы распространявшіе ее внизъ, это—совокупность слугъ, призванныхъ королевскою властью, чтобы давать ей совѣты или получать отъ нея приказанія; они призываются „для служенія королю и для блага страны", говоритъ хроникеръ.

Въ дѣйствительности же мы не видимъ, какіе вопросы предлагались этому собранію, какъ оно ихъ обсуждало, какъ голосовало, даже голосовало ли; видимъ только, что, составляясь изъ всѣхъ сильныхъ и независимыхъ людей королевства, оно могло высказывать свои желанія, даже подчинять королей своей волѣ. Никакая конституція, ни писанная, ни основанная на традиціи, не устанавливала правъ этихъ собраній. Но такъ какъ они сосредоточивали въ себѣ всѣ силы общества, то фактически могли дѣлать, что хотѣли.

Короли созывали съѣзды по своему усмотрѣнію; но установилось правило созывать ихъ особенно въ началѣ каждаго новаго царствованія. Хроникеръ замѣчаетъ, что когда Эброинъ сдѣ-

лалъ королемъ Теодериха III, то, согласно обычаю, онъ долженъ бы былъ созвать всѣхъ знатныхъ королевства для церемоніи торжественнаго возведенія короля [1]. Это не указываетъ, что собранію принадлежало опредѣленно право избранія. Не видно, какимъ образомъ, съ одной стороны, епископы, съ другой, королевскіе чиновники могли бы обладать правомъ избранія королей [2]. Тѣмъ не менѣе достовѣрно, что ни одинъ король не могъ царствовать безъ согласія этихъ вельможъ [3]; были даже такіе случаи, когда собраніе считало себя въ правѣ выбрать одного короля вмѣсто другого [4].

Итакъ, у франкскаго народа не было собраній; они осуществлялись персоналомъ дворца, и отсюда могла назрѣть опасность для королевской власти.

Мы знаемъ особенно два случая, когда эти собранія, повидимому, предписали королямъ свои условія. Благодаря неясному языку хроникеровъ,

[1] *Vita Leodegarii ab Anonymo*, 3: «Cum Ebroinus Theodoricum convocatis optimatibus solemniter (ut mos est) debuisset sublimare in regnum... eos noluit convocare».

[2] Въ приведенномъ выше отрывкѣ хроникера нѣтъ вопроса объ избраніи; знатные говорятъ лишь, что они имѣютъ право «sublimare in regnum», то-есть, совершать торжественное возведеніе короля въ санъ. Доказательствомъ, что такова мысль автора, служитъ слѣдующая фраза, гдѣ онъ говоритъ о знатныхъ, которые бросились всѣ «ad regis novi occursum»; значитъ, они не будутъ избирать короля; они знаютъ, что Теодерихъ уже король; и лишь впослѣдствіи, когда Эброинъ запретилъ имъ приближаться, они рѣшаются оставить его и выбрать Хильдериха. Весь отрывокъ надобно разсмотрѣть въ контекстѣ.

[3] См. примѣръ въ 633 году, *Fredegar.* c. 75.

[4] Такъ въ 670 году собраніе знатныхъ выбрало Хильдериха II вмѣсто Теодериха (ср. ниже).

утверждать этого съ полной увѣренностью нельзя, но это представляется вполнѣ вѣроятнымъ. Собраніе въ Боннейлѣ 616 года обратилось, навѣрно, съ требованіями къ королю Хлотару, и Хлотаръ издалъ „указы, установившіе то, чего по справедливости у него просили“. Къ несчастью, хроникеръ не говоритъ ни того, какія это были просьбы, ни того, каковы были королевскіе распоряженія [1]. Позднѣе, около 670 года, всѣ знатные „просили Хильпериха издать указы“ [2], содержаніе которыхъ они ему продиктовали. Мы будемъ ихъ разбирать въ слѣдующей главѣ и увидимъ, какъ дворцовая іерархія пытается образовать тогда при номинальной королевской власти родъ аристократической республики. Эта попытка не удастся. Черезъ три года пришлось отъ нея отказаться.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ.

Борьба между союзами вельможъ.

Около средины VII-го вѣка, то-есть, въ то самое время, когда образуется только-что разсмотрѣнный нами родъ аристократіи, мы видимъ также, что начинается рядъ междоусобныхъ войнъ. Онѣ приведутъ къ паденію меровингской династіи. Мы должны изслѣдовать, какова была ихъ природа.

[1] Ср. «Франкская монархія», стр. 803.

[2] *Vita Leodegarii ab Anonymo*, 4: «Interea Hilderico regi expetunt universi ut alia daret decreta per tria quae obtinuerat regna...»

I.

Междоусобныя войны VII вѣка не были ни классовой, ни партійной, ни племенной, ни территоріальной борьбой.

Открывается-ли здѣсь, выяснимъ прежде всего, борьба между партіями или классами? Если мы изслѣдуемъ документы, прочитаемъ хроники, житія святыхъ, всѣ вообще письменные памятники, отражающіе нравы и интересы тѣхъ поколѣній людей, мы никогда не встрѣтимъ въ нихъ упоминанія о какихъ-нибудь сталкивавшихся политическихъ партіяхъ. Ни одинъ текстъ не указываетъ, чтобы въ то время существовали хотя бы два различные взгляда на вопросъ, какъ надо править людьми. Мы увидимъ, въ самомъ дѣлѣ, долгую борьбу, но надо, прежде всего, констатировать, что никогда, даже намекомъ, не указуется существованіе различныхъ политическихъ партій. Было бы большою ошибкою переносить на тѣ вѣка, столь отличные отъ нашего времени, теперешнія идеи и чувства. На двухъ, примѣрно, тысячахъ страницъ документовъ VII-го вѣка ни одного раза не встрѣчаются даже самыя названія аристократіи, демократіи и монархіи для обозначенія различныхъ формъ правленія.

Ни въ одной строкѣ нѣтъ также намека на племенную вражду. Нигдѣ не видно, чтобы римляне враждовали съ германцами. Мы не только никогда не встрѣчаемъ антагонизма между обѣими расами, но самыя эти имена не встрѣчаются въ текстахъ во множественномъ числѣ, въ смыслѣ обозначенія двухъ противоположныхъ другъ другу

категорій людей [1]. Національная вражда сдѣлалась столь всеобщимъ чувствомъ въ XIX вѣкѣ, что это побуждаетъ приписывать то же чувство людямъ прошлыхъ вѣковъ. Историкъ не можетъ поддаваться такимъ настроеніямъ. Если вы будете искать признака расовой вражды, вы не найдете его ни въ сочиненіяхъ Григорія Турскаго, такъ хорошо изображающаго душу своихъ героевъ, ни въ хроникѣ Фредегарія, который любитъ отмѣчать намѣренія людей, ни у агіографовъ, которые умѣютъ описывать человѣческое сердце, ни въ одномъ текстѣ, ни въ одной хартіи. Борьбы между римлянами и франками не замѣтно нигдѣ. Вы встрѣчаете много междоусобій; но обѣ враждующія стороны писателями всегда именуются франками.

Что касается антагонизма между двумя соціальными классами, то онъ также въ текстахъ не обнаруживается. Можно, конечно, думать, что низшіе классы, особенно классъ мелкихъ владѣльцевъ, сильно страдали отъ упадка, въ который они приходили; но чтобы они жаловались, чтобы коллективно протестовали и дѣлали усиліе избѣгнуть разоренія,—ставить такое предположеніе тексты не позволяютъ, и, конечно, въ борьбу, о которой мы будемъ говорить, низшіе классы не вмѣшивались.

Безспорно, документы того времени, хроники

[1] Они встрѣчаются иногда въ единственномъ числѣ, а потому въ примѣненіи къ отдѣльнымъ лицамъ; *Fredegar*. 24, 29, 78 [ср. *Nouvelles Recherches*, cinquième mémoire, 4 partie]. Но самые примѣры эти служатъ, наоборотъ, доказательствомъ именно отсутствія расовой вражды, ибо они показываютъ намъ, что римляне дѣлили должности съ франками.

или житія святыхъ, часто написаны безъ большого разумѣнія. Недопустимо однако, чтобы составители ихъ не знали того, что дѣлалось вокругъ нихъ. Монахи не жили внѣ міра. Продолжатели Фредегарія, составители житій святого Леодегарія, святой Батильды, Арнульфа, святого Элигія достаточно сносились съ людьми своего времени, чтобы знать причину и характеръ большихъ столкновеній, которыя тогда происходили. Они даже близко стояли къ этимъ раздорамъ; въ смутахъ были замѣшаны и ихъ интересы; а по тону, какимъ они передаютъ событія, видно даже, что нерѣдко возбуждались ихъ страсти. Если-бы то была борьба политическихъ партій, борьба расовая или классовая, они объ этомъ знали и сказали бы.

Долгія междоусобныя войны эпохи объясняли еще какъ естественный конфликтъ между двумя географическими частями франкскаго государства—Австразіей и Нейстріей [1]. Тексты сначала какъ

[1] Слова Нейстрія и Австразія, неизвѣстныя въ римскую эпоху, появляются въ концѣ VI вѣка. Они уже читаются у Григорія Турскаго (*Historia Francor.* V, 14, in fine; V, 18, in fine; *De virtutibus S. Martini*, IV, 29); они часто встрѣчаются въ *Epitomata*, въ хроникѣ, называемой хроникой Фредегарія, въ *Gesta*, въ житіяхъ святыхъ.—То были, видимо, два географическихъ названія. Но такъ какъ оба края почти всегда имѣли особыхъ королей, то эти термины стали вскорѣ обозначать два королевства, два различныхъ народа: «Regnum Austrasiorum, regnum Neustrasiorum»—выраженія, довольно часто встрѣчающіяся (см. у продолжателя Фредегарія, 136 [53]; *Vita Walarici*, etc.) Точно также слова *Austrasii* и *Neustrasii* употребляются для обозначенія какъ бы двухъ народовъ.

будто подтверждаютъ такое объясненіе. Хроникеры дѣйствительно часто говорятъ о битвахъ „между австразійскими и нейстрійскими франками“. Получается впечатлѣніе, будто существовала постоянная антипатія между двумя областями, восточною и западною, и понятной становится теорія новѣйшихъ историковъ, принимающихъ эти факты за борьбу двухъ враждебныхъ національностей, борьбу, которая закончилась торжествомъ австразійской династіи надъ династіей, которая мало-помалу превратилась въ нейстрійскую.

Но при сколько-нибудь внимательномъ разсмотрѣніи текстовъ будетъ видно, что мнѣніе это неправильно. Передавая о битвахъ между австразійцами и нейстрійцами, хроникеры никогда не говорятъ, чтобы причиною ихъ была національная вражда. Когда Григорій Турскій повѣствуетъ о войнахъ между королями Австразіи и Нейстріи, въ разсказахъ его нѣтъ ни одного слова, которое указывало бы на вражду между двумя народностями, и самъ онъ въ этихъ событіяхъ видитъ только личную борьбу двухъ братьевъ или двухъ королевъ. Письмо святого Германа, епископа парижскаго, показываетъ, что и онъ также приписывалъ эти войны только личной враждѣ [1]. Посмотримъ, какъ выражаются хроникеры. „Фредегунда послала войско противъ двухъ сыновей Хильдеберта“ [2]. Четыре года спустя, „сыновья Хильдеберта повели войско на Хлотара“ [3]. Хроникеръ

[1] *Bouquet*, IV, 80.
[2] *Fredegar.* 17.
[3] *Ibidem*, c. 20.

говоритъ не о народностяхъ, а о короляхъ, которые ведутъ войну.

А вотъ, что еще болѣе знаменательно. Въ 613 году король Австразіи созываетъ войско и ведетъ его противъ короля Нейстріи; внезапно онъ умираетъ, и австразійцы сейчасъ же отказываются сражаться съ нейстрійцами; они возвращаются въ свою страну [1]. Проходитъ нѣсколько мѣсяцевъ, и австразійцы свергаютъ своего короля Сигиберта, чтобы подчиниться королю Нейстріи [2].

Можно ли въ этомъ видѣть вражду двухъ народностей? Не будемъ забывать, что обѣ области одинаково носили названіе *Francia*, а оба населенія *Franci* [3]. Не сомнѣваемся, что населеніе Австразіи

[1] *Ibidem*, c. 39.

[2] *Ibidem*, 40—42.

[3] У продолжателя Фредегарія, 96 [169, 11, edit. Krusch] *in Francia* означаетъ Нейстрію. Въ *Vita Pippini* (Bouquet, II, p. 604) можно даже замѣтить, что агіографъ примѣняетъ слово *Francia* спеціально къ Нейстріи и противополагаетъ его слову *Austria*. Точно также въ *Gesta*, 43, австразійскіе франки выдаютъ Гримоальда «Chlodoveo regi Francorum»; здѣсь *rex Francorum* значитъ король Нейстріи. «Neustriam sive Franciam», говоритъ составитель житія святого Ригомера, *Bouquet*, III, p. 426.—Другіе примѣры спеціальнаго примѣненія слова *Franci* къ нейстрійцамъ см. у Фредегарія, 104, 101 [8 и 6].—Ср. *Annales S. Amandi* a. 687: «Pippinus superavit Francos». *Annales Moissac.* a. 715: «Franci super Austrasios irruunt».—*Vita S. Balthildis*, 5 (Migne, LXXXVII, col. 869 [p. 487, edit. Krusch]): *Franci*—это здѣсь значитъ нейстрійцы въ противоположность австразійцамъ и бургундамъ. Продолжатель Фредегарія, 92, 94, 95; *ibidem*, 101 [6]: «Grimoaldus maior domus super Francos electus est (id est super Neustrasios)». Въ *fragmentum auctoris incerti* (Bouquet, II, p. 692) три части королевства обозначены словами «tria regna Burgundionum, Austrasiorum et superiorum Francorum».—*Gesta Francorum*, 40: «Burgundiones et Austrasii cum Francis pace facta».—Едва ли надо говорить, что въ оффиціальныхъ своихъ актахъ царствовавшіе въ Нейстріи короли никогда не именовали себя «rex Neustriae», а «rex Francorum».

было болѣе германскимъ, чѣмъ населеніе Нейстріи. Но мы принуждены засвидѣтельствовать, что это различіе населенія не отмѣчено хроникерами и писателями той эпохи. Если жъ современники не замѣчали такого различія, если они не отдавали себѣ въ немъ отчета, не находили его настолько бросающимся въ глаза, чтобы отмѣчать его, значитъ, такое различіе населенія, по всей вѣроятности, мало отражалось на чувствахъ людей, на ихъ поступкахъ и на событіяхъ.

Послѣ смерти Хлотара II Нейстрія могла выбрать себѣ отдѣльнаго короля; но она пожелала принять того же, который царствовалъ въ Австразіи [1]. Сдѣлавшись властелиномъ всего франкскаго государства, Дагобертъ предпочиталъ жить въ Нейстріи [2]. Сына своего Сигиберта онъ сдѣлалъ королемъ послѣдней, но документы не говорятъ намъ, чтобы австразійцы стали требовать и для себя отдѣльнаго короля [3]. Когда Сигибертъ умеръ,

[1] Это ясно видно изъ разсказа Фредегарія, c. 56: «Et Neustrasiae pontifices et proceres plurima pars regnum Dagoberti visi sunt expetisse». У Хариберта было очень мало сторонниковъ.

[2] *Fredegar.* c. 60: «Revertens in Neptreco, sedem patris sui diligens, adsiduæ resedire disponens».

[3] *Ibidem*, c. 75.—Авторъ лишь говоритъ: «Omnes primatis regni sui consencientebus».—Въ *Gesta* ни слова не говорится при этомъ объ австразійцахъ, c. 42: «Rex Dagobertus filium suum in Auster direxit in regno statuto».—Въ *Gesta Dagoberti*, 31 сказано, какъ у Фредегарія.

около 656 года, австразійцы предпочли повиноваться королю Нейстріи, а не австразійскому дому [1]. Позднѣе, послѣ смерти своего короля, Хлотара III, нейстрійцы добровольно признали королемъ Хильдериха II, царствовавшаго въ Австразіи [2]. Начиная съ этого времени, обѣ страны почти всегда были объединены, если не однимъ королемъ, то, по крайней мѣрѣ, однимъ мэромъ, и мы никогда не видимъ, чтобы населеніе на это жаловалось.

Представлять Австразію вполнѣ германскимъ государствомъ по нравамъ и понятіямъ—значитъ

[1] *Gesta*, 43: «Franci indignantes... Grimoaldum ad condempnandum regi Francorum Chlodoveo deferunt... Parisius civitate...» Такъ же выражается хроника Муассакская.—Послѣ смерти Хлодовеха II королева Батильда сдѣлала второго своего сына Хильдериха королемъ Австразіи, *Vita Balthildis*, 5 (Acta Sanctorum ordinis S. Benedicti, II, p. 779, 487 въ изд. Krusch): «Austrasii ordinante domna Balthilde, per consilium quidem seniorum, receperunt Childericum regem». Согласно хроникѣ Сигиберта Гамблусскаго самъ Хлодовехъ II сдѣлалъ сына своего королемъ Австразіи.

[2] Продолжатель Фредегарія, 94: «Childericum in Auster legacionem mittunt...»—*Gesta*, 45, 5.—*Vita Leodegarii ab Ursino*, 2.—Послѣ смерти Хильдериха австразійцы взяли Дагоберта II, сына ихъ прежняго короля Сигиберта; это опредѣленно сказано авторомъ *Vita Wilfridi* (Bouquet, III, p. 601), современникомъ, который былъ, впрочемъ, британскимъ монахомъ. Это подтверждается грамотою Дагоберта, сына Сигиберта, который не можетъ быть никѣмъ другимъ, какъ Дагобертомъ II, закрѣпляющею пожалованіе одной земли ставлотскому монастырю; но странно, что ни одинъ франкскій хроникеръ не назвалъ этого государя. Въ житіи Салаберги (c. 13) говорится, однако, что въ 677 году шла война между королями Теодерихомъ и Дагобертомъ (*Bouquet*, III, p. 607). Думаютъ поэтому, что онъ умеръ въ 678 году жертвой заговора знатныхъ: «Per dolum ducum et consensu episcoporum insidiose occisus» (*Vita Wilfridi*, 31).

рисовать себѣ неправильную картину о ней. Забываютъ, что большая часть Аквитаніи входила въ составъ королевства Австразіи. Забываютъ, главное, что въ ту эпоху люди легко перемѣщались, а племена смѣшивались. Вчитавшись въ житія святыхъ, вы будете удивлены множествомъ поселившихся въ Австразіи аквитанцевъ [1]. Вельможи Гоаръ и Базолъ, бывшіе тамъ крупными сановниками, Рагнегизилъ, епископъ труасскій, Гадалинъ, Берхарій, Ремаклъ, епископъ местрихтскій,—всѣ они были аквитанцы [2]. Святой Амандъ, родившійся въ Аквитаніи въ римской семьѣ, „пользовался въ Австразіи большимъ почетомъ“ [3]. Въ VI и VII вѣкахъ происходили, повидимому, постоянныя переселенія изъ Аквитаніи въ Австразію. Итакъ, это королевство не было чисто сѣвернымъ государствомъ: въ немъ сочетались сѣверъ съ югомъ [4].

Утверждали, что каролингская династія явля-

[1] Вопросъ этотъ снова будетъ затронутъ при изученіи происхожденія каролингской династіи, кн. II, гл. 2.

[2] *Vita S. Goaris* (Acta Sanctorum ordinis S. Benedicti, II, 276): «Goar homo Aquitanicus cuius pater vocabatur Georgius et mater Valeria».—*Vita Basoli* (ibidem, 65). *Vita Frodoberti* (ibidem, 629). *Vita Bercharii* (ibidem, 832). *Vita Remacli* (ibidem, 490). *Vita Hadalini* (ibidem, 1013).

[3] *Vita Pippini*, ibidem, t. II, p. 606.

[4] Въ срединѣ VII-го вѣка въ его составъ входила еще Овернь (въ войскѣ Сигиберта II Фредегарій упоминаетъ герцога Овернскаго Бабона; *Fredeg.* 87), точно также Провансъ (*Vita S. Boniti*, Болландисты, 15 января, стр. 352) и Кагоръ (см. посланіе Сигиберта II, воспрещавшее епископу Дезидерію созывъ собора, *Pardessus*, II, 82).

лась представительницей германскаго духа въ борьбѣ съ римскимъ.

Посмотрите, однако, на Арнульфа и на Пиппина, которые были оба родоначальниками этой династіи. Арнульфъ—ученикъ аквитанца, по имени Гундульфа, принадлежавшаго къ римскому сенаторскому роду и родственника Григорія Турскаго [1]. Пиппинъ Старый женился на аквитанкѣ „изъ знатнаго рода“, которая принесла ему въ приданое много помѣстій [2].

Итакъ, нельзя утверждать, что Австразія была болѣе германскою, болѣе варварскою, болѣе враждебною римскимъ традиціямъ страной, чѣмъ Нейстрія. Не будемъ предполагать и того, что она отличалась большею храбростью или обладала болѣе воинственнымъ населеніемъ. Все это предвзятые взгляды, часто опровергаемые фактами. Мы видимъ у Григорія Турскаго, что Сигибертъ не могъ бороться съ Хильперихомъ, имѣя при себѣ однихъ австразійцевъ; онъ напалъ на Нейстрію съ навербованными въ Германіи войсками наемниковъ [1]. Въ 596 году австразійцы были побѣждены при Латофао нейстрійскимъ войскомъ; они въ свою очередь сдѣлались побѣдителями при Дормели. Въ 612 году они опять были разбиты, а страна ихъ завоевана бургундами [2]. Въ 613 году король Нейстріи вступилъ въ Австразію и съ изумительною легкостью побѣдоносно прошелъ ее [3]. Позднѣе, въ 631 году большое австразійское войско было побѣждено тюрингами [4]. Въ слѣдующемъ году, идя на чужестраннаго врага во главѣ австразійскаго войска, Дагобертъ предусмотрительно держалъ при себѣ отборный отрядъ нейстрійскихъ воиновъ [5]. Еще восемь лѣтъ спустя, австразійское войско было опять побѣждено тюрингами [6]. Всѣ эти факты не позволяютъ представлять себѣ Австразію болѣе мужественною страною, откуда продолжались завоеванія и набѣги.

Такимъ образомъ, междоусобныя войны, которыя мы сейчасъ будемъ разсматривать, не вызы-

[1] *Vita Arnulfi*, c. 4 [alias 3] въ Acta Sanctorum ordinis S. Benedicti II, p. 150 [edit. Krusch, 1889, p. 443]: «Arnulfus... Gundulfo subregulo seu etiam rectori palatii exercitandus in bonis artibus traditur» (между 590 и 600 годами).—Гундульфъ началъ съ того, что былъ *domesticus* (*Gregor. Turon.* Historia Francorum, VI, 11), затѣмъ *dux* (ibidem) въ 581 году. Въ 595 году онъ занимаетъ во дворцѣ первое мѣсто, хотя агіографъ, конечно, ошибочно называетъ его *rector palatii*.—Гундульфъ происходилъ *de genere senatorio* и былъ дядей Григорія Турскаго (*Gregor.* VI, 11). См. ниже, кн. II, гл. 3.

[2] *Vita Pippini* (Bouquet, II, 606): «Uxor eius Itta ex clarissima nobilitate Aquitaniae oriunda fuit, sicut ex possessionum traditione ad monasterium facta indubitate cognoscimus».

[1] *Gregor. Turon.* Historia Francorum, IV, 50, edit. Arndt, c. 49: «Sigibertus gentes illas quae ultra Renum habentur commovit (какъ извѣстно, *commovere* было обычнымъ выраженіемъ для обозначенія сбора войска) et bellum civile ordiens contra fratrem suum Chilpericum ire destinat». Историкъ разсказываетъ дальше объ опустошеніяхъ этихъ варваровъ, надъ которыми Сигибертъ не имѣлъ никакого авторитета.

[2] *Fredegar.* c. 38.

[3] *Ibidem*, c. 40.

[4] *Ibidem*, c. 68.

[5] *Ibidem*, 74: «Scaram de electis viris de Neuster et Burgundia cum ducebus et grafionebus secum habens».

[6] *Ibidem*, c. 87.

вались какъ причиною ни столкновеніями между различными политическими взглядами, ни племенною ненавистью, ни враждою Нейстріи и Австразіи. Но нельзя также приписать ихъ, какъ было въ VI вѣкѣ [1], враждѣ или личному честолюбію королей, ибо короли были почти всегда малолѣтніе, часто даже въ обѣихъ странахъ царствовалъ одинъ король. Причина теперь лежитъ въ другомъ. Мы найдемъ ее, изучивъ подробности событій и тонъ, какимъ современники повѣствуютъ о нихъ.

2.

Междоусобныя войны между Эброиномъ и святымъ Леодегаріемъ.

Первая серія междоусобныхъ войнъ наполнена именами святого Леодегарія и Эброина. Главныя черты этихъ войнъ мы знаемъ изъ двухъ хроникъ [2], характерныя подробности—изъ нѣсколькихъ житій святыхъ, написанныхъ современниками [3].

[1] Ср. выше, гл. 1.

[2] Продолжатель Фредегарія, гл. 94 и слѣд. *Gesta regum Francorum*, с. 45 и слѣд.

[3] См. *Vita Leodegarii ab Ursino*, написанную по приказанію епископа Ансоальда, родственника святого Леодегарія, и скоро послѣ его смерти.—*Vita Leodegarii ab Anonymo* написана монахомъ изъ Отена по приказанію епископа Ерменарія, непосредственнаго преемника святого Леодегарія на отенской каѳедрѣ. Эти двѣ біографіи находятся въ *Acta Sanctorum ordinis S. Benedicti*, II, 680 и слѣд. у Bouquet, II, у Migne, LXXXVI.—[Ожидается появленіе этихъ двухъ житій въ критическомъ изданіи Круша; см. его изслѣдованіе. *Neues Archiv*, 1891]. Можно также обратиться къ *Vita Praeiecti*, враждебной святому Леодегарію («Acta Sanctorum ordinis S. Benedicti», II, 644); *Vita Filiberti*, c. 22 (ibidem), *Vita Waningi* (ibidem, 873, 874); *Vita Anstrudis* (ibidem, 879).

Леодегарій (святой Лежэ) принадлежалъ къ одному изъ знатныхъ родовъ, отъ отца къ сыну занимавшихъ высокія должности во дворцѣ или высокія церковныя званія [1]. Съ дѣтскихъ лѣтъ онъ воспитывался во дворцѣ и былъ „коммендированъ королю Хлотару“ [2], равно какъ и братъ его Геринъ. Родители предназначали Герина къ государственной карьерѣ, а Леодегарія къ духовной. И вотъ Леодегарій, совсѣмъ еще молодымъ, оставилъ съ королевскаго разрѣшенія дворецъ, чтобы заботами своего дяди, епископа Пуатьесскаго, получить духовное образованіе [3].

Онъ сдѣлался архидіакономъ той же епархіи [4], и въ качествѣ архидіакона несъ функціи судьи; „одинаково хорошо зная гражданскіе законы, какъ церковные“, онъ судилъ даже мірянъ [5]. Онъ показалъ себя строгимъ судьей, говорятъ его біографы [6]. Какъ аббатъ, онъ въ теченіе шести лѣтъ

[1] *Vita Leodegarii ab Ursino*: «Ex progenie celsa Francorum ac nobilissima exortus».

[2] *Ibidem*, 1: «A primaevae aetatis infantia a parentibus in palatio Hlotario regi traditus».—Рѣчь идетъ о Хлотарѣ II. Предполагаютъ, что Леодегарій родился въ 616 году.

[3] *Ibidem*: «Ab eodem rege non post multum tempus Didoni praesuli Pictavensis urbis avunculo suo ad imbuendum litterarum studiis datus est».

[4] *Vita Leodegarii ab Ursino*, 2: «Archidiaconus effectus, cura sub pontifice omnibus ecclesiis ipsius dioecesis est praelatus».—*Vita Leodegarii ab Anonymo*, 1: «In eadem urbe (Pictavis) ad archidiaconatum est electus».

[5] *Vita Leodegarii ab Anonymo*, 1: «Cum mundanae legis censuram non ignoraret, saecularium terribilis iudex fuit».

[6] *Ursinus*, 2: «Magnam pacem tradidit Pictavensi solo».—*Anonymus*, 1: «Erat in disciplina delinquentium vividus».

управлялъ монастыремъ Св. Мексента. Затѣмъ мы видимъ, что онъ возвращается во дворецъ. Согласно его біографамъ, онъ былъ туда призванъ обратно [1], какъ бы имѣя на то право по своему рожденію и по первоначальной *commendatio*. Онъ прожилъ тамъ нѣкоторое время, въ какой должности, не знаемъ, но, вѣроятно, среди клириковъ капеллы и, конечно, въ высокомъ санѣ [2]. Онъ близко узналъ тамъ Эброина, который въ то время былъ палатнымъ мэромъ.

Между тѣмъ освободилась отенская епархія. Ее оспаривали другъ у друга два кандидата и „бились до кровопролитія“. Одинъ изъ двухъ кандидатовъ былъ убитъ въ борьбѣ, другой по суду изгнанъ, какъ убійца [3]. Тогда королевская власть озаботилась назначеніемъ епископа, избирая его въ самомъ дворцѣ. Выборъ королевы-регентши и вельможъ палъ на Леодегарія [4].

[1] *Ursinus*, 3: «Lotharius rex cum Balthechilde matre... cupientes eum secum habere in aula regis, petierunt pontificem ut ei daret licentiam secum inhabitare palatium; qui statim iussa complens...»

[2] *Ibidem*: «Quem rex atque regina honorifice susceperunt... in tantum ut rex atque regina, plerique pontifices et proceres, supra omnes eum in amore susciperent».

[3] *Vita Leodegarii ab Anonymo*, 1: «Inter duos contentio de episcopatu orta fuerat et usque ad sanguinis effusionem certatum. Cumque unus ibidem occubuisset in morte, et alter perpetrato scelere datus fuisset in exsilii extrusionem...»—Безпорядки продолжались два года.

[4] *Ibidem*, 1: «Tunc Balthildis regina... ad memoratam urbem hunc strenuum direxit virum ibidem esse episcopum».—*Ursinus*, 3: «Et quia eum videbant dignum ad suscipiendum honorem, cunctorum consensu praecipui Francorum ad honorem ponteficalem eum esse idoneum proclamaverunt. Quem ad hoc omnes electum Augustoduni creaverunt pontificem».

Въ то время, какъ указано, палатнымъ мэромъ былъ Эброинъ. Сами вельможи, то-есть, члены дворца выбрали его [1]. Первый разъ онъ занималъ эту должность въ теченіе всего царствованія Хлотара III [2], то-есть, въ продолженіе приблизительно тринадцати лѣтъ.

Нѣкоторые новѣйшіе историки приписываютъ ему цѣлую политическую систему: они представляютъ его монархическимъ и демократическимъ министромъ вродѣ Ришльё. Ни хроникеры, ни современные агіографы не рисуютъ его въ такихъ чертахъ [3]. У одного только, значительно позднѣйшаго и враждебнаго Эброину агіографа читаемъ слѣдущее сужденіе: „Самъ низкаго происхожденія, онъ недоброжелательно относился ко всѣмъ, кто происходилъ изъ высокаго рода во франкской знати; онъ старался предавать такихъ смерти или изгонять ихъ, а высокія ихъ должности поручать людямъ, которые по своей слабости, неспособности или низкому своему происхожденію были настолько связаны съ нимъ, что никогда не осмѣливались противиться его волѣ“ [4]. Изслѣдователи, переносящіе на VII-й вѣкъ идеи XVII-го или XIX-го, усматриваютъ въ этой фразѣ под-

[1] Продолжатель Фредегарія, 92; *Gesta*, 45.

[2] *Vita Leodegarii ab Anonymo*, 2: «Erat in illis temporibus Hebroinus maior domus qui sub rege Clotario regebat palatium».

[3] См. даже *Vita Drausii*, *Vita S. Praeiecti* довольно благосклонныя къ нему (*Bouquet*, II, 610; Acta sanctorum ordinis S. Benedicti, II, 644).

[4] *Vita Ragneberti* у Bouquet, III, 619.

твержденіе того, будто Эброинъ постоянно работалъ надъ поставленной имъ себѣ цѣлью ослабленія аристократіи. У агіографа нѣтъ этой мысли. Онъ говоритъ только, что вмѣсто людей старыхъ фамилій Эброинъ любилъ замѣщать высокія должности людьми новыми и дѣлалъ это съ единственной цѣлью имѣть должностныхъ лицъ, лично ему болѣе преданныхъ. Въ сущности, агіографъ, восхваляющій герцога Рагнеберта, хочетъ лишь объяснить, почему онъ былъ отставленъ Эброиномъ. Рагнебертъ происходилъ изъ рода, съ давнихъ поръ служившаго во дворцѣ, ибо отецъ его Ратбертъ былъ уже герцогомъ самаго высокаго ранга [1]. Эброинъ осмѣлился его отставить и отдать его мѣсто другому лицу, происходившему изъ новаго рода.

Про Эброина можно лишь сказать, что, съ одной стороны, онъ ничего не измѣнилъ въ системѣ управленія, сохранилъ организацію дворца и его всемогущество, но, съ другой стороны, онъ рѣшался смѣщать дворцовыхъ должностныхъ лицъ и преслѣдовалъ особенно тѣ фамиліи, которыя хотѣли сохранять во дворцѣ свои званія наслѣдственно. Онъ боролся съ наслѣдственностью должностей въ дворцовыхъ фамиліяхъ.

Это вызвало вражду и ненависть. У Эброина были какъ преданные ему друзья, такъ и враги. Первыми являлись тѣ, кого онъ возвышалъ на должности, или кому ихъ обѣщалъ. Вторыми—тѣ, кого онъ отставлялъ, кто опасался низложенія, кому

[1] *Vita Ragneberti*, c. 2; Bouquet, III, 619.

онъ отказывалъ въ повышеніи на службѣ, или кто не достигалъ того положенія, которое занималъ его отецъ [1]. Эброинъ обновлялъ составъ дворца и пріобрѣталъ столько же враговъ, сколько друзей [2]. Леодегарій и братъ его Геринъ принадлежали къ древнему дворцовому роду и были въ числѣ его противниковъ [3].

Вскорѣ послѣ смерти Хлотара III представился случай свергнуть Эброина. Онъ тотчасъ же провозгласилъ королемъ Теодериха, сохраняя свою должность мэра; но противная партія возвела другого короля, Хильдериха II [4], именно для того, чтобы свергнуть Эброина.

Хроникеръ, видѣвшій событія и передавшій ихъ лишь въ главныхъ чертахъ, говоритъ только, что

[1] Агіографы часто упоминаютъ преданныхъ Эброину знатныхъ. Урсинъ называетъ Диддона и Ваимера (гл. 8),Ванинга (гл. 13), Хродоберта (гл 15); авторъ житія св. Рагнеберта называетъ Теодефрида, Бадона и Гуискауда, которые были *proceres palatii*.

[2] Обвиненія противъ Эброина неясны и походятъ на всѣ обвиненія, какія диктуются ненавистью и завистью противъ человѣка, стоящаго на верху славы и власти. Согласно враждебнымъ ему агіографамъ онъ былъ алченъ и, главное, жестокъ.

[3] Отенскій анонимный писатель, почитатель св. Леодегарія, не высказываетъ опредѣленно, чтобы святой Леодегарій былъ противникомъ Эброина; онъ выражается иначе: «Люди, завидовавшіе епископу, обвинили его передъ Эброиномъ во враждебномъ къ нему отношеніи и неповиновеніи его приказаніямъ» (гл. 2), и дальше: «Святой Леодегарій былъ у Эброина въ подозрѣніи» (гл. 3).

[4] Краткое царствованіе Теодериха, опускаемое нѣсколькими хроникерами, засвидѣтельствовано продолжателемъ Фредегарія (гл. 93), и также въ *Breve Chronicon* (Bouquet, III, 365).

франки, желая свергнуть Эброина, возстали противъ Теодериха и низложили его [1]. Одинъ агіографъ, желающій объяснить этотъ переворотъ и, главное, его оправдать, прибавляетъ важныя подробности. Во-первыхъ, неясный терминъ „франки" онъ замѣняетъ двумя словами, *optimates* и *nobiles* [2], достаточно указывающими на то, что этотъ переворотъ былъ совершенъ знатными, то-есть, принадлежавшими къ меровингскому дворцу людьми. Во-вторыхъ, онъ указываетъ предлогъ, которымъ воспользовались совершившіе этотъ актъ люди. Когда Эброинъ возвелъ Теодериха на престолъ, онъ не созвалъ знатныхъ королевства, что, собственно, долженъ былъ сдѣлать ради церемоніи торжественнаго провозглашенія новаго короля [3]. Когда вельможи собрались въ путь самовольно, чтобы, согласно обычаю, предстать передъ новымъ королемъ, Эброинъ повелѣлъ имъ воздержаться отъ этого путешествія [4]. По такой подробности мы можемъ судить о подлинномъ характерѣ событія. Описывая меровингскій дворецъ, мы различали въ

[1] Продолжатель Фредегарія, 94 [2]: «Eo tempore, Franci adversus Ebroinum insidias praeparant, contra Theudoricum consurgunt eumque a regno deiciunt».—Ср. *Gesta Francorum*, 45.

[2] Отенскій анонимный писатель, гл. 3: «Optimatibus... Cum multitudo nobilium». Общій смыслъ фразы не оставляетъ сомнѣній, что это тѣ *optimates* и *nobiles*, которые возвели въ короли Хильдериха вмѣсто Теодериха.

[3] *Ibidem*: «Cum Ebroinus Theodoricum convocatis optimatibus solemniter, ut mos est, debuisset sublimare in regnum, eos noluit convocare».

[4] «Cum multitudo nobilium qui ad regis novi properabant occursum, mandante Ebroino, itineris accepissent repudium».

немъ центральную часть, остававшуюся при королѣ, и внѣшнюю, которая занимала герцогства, графства, епископства въ странѣ. Согласно обычаю, обѣ категоріи вельможъ въ началѣ каждаго царствованія должны были съѣзжаться на торжественное собраніе. На этотъ разъ Эброинъ и самые приближенные его вельможи возвели въ короли Теодериха и созвали провинціальныхъ вельможъ. Послѣдніе протестовали противъ своего исключенія. Нетрудно и угадать, въ чемъ они были заинтересованы, но агіографъ самъ ясно это указываетъ: „Они боялись, чтобы Эброинъ, удерживая новаго короля въ своей власти, не пріобрѣлъ силы причинять своимъ противникамъ всякое зло, какое захочетъ" [1]. Это означаетъ, что интересы или права людей, по должности находившихся вдали отъ дворца, теряли всякую гарантію, если за ними не сохранялось право собираться иногда во дворцѣ.

Вмѣсто того, чтобы возвратиться къ себѣ, какъ приказывалъ Эброинъ, они съѣхались ко дворцу, объявили, что не хотятъ имѣть королемъ Теодериха и выбрали Хильдериха II [2]. Леодегарій и Геринъ были главными зачинщиками этого переворота [3]. Онъ не былъ направленъ противъ ко-

[1] Отенскій анонимный писатель, гл. 3: «Coeperunt metuere quod regem... post se retineret pro nomine cui malum cupierat ille audenter valeret auferre».

[2] *Ibidem*: «Inito in commune consilio, relicto eo, omnes expetunt Childericum eius fratrem».

[3] *Ursinus* (c. 4) упоминаетъ только о присутствіи Леодегарія при этихъ событіяхъ и сейчасъ же говоритъ о его вліяніи на новаго короля.—Позже въ *Chronicon Centulense* Гаріульфъ говоритъ: «Childericus in regno sublimatus est procurante id ipsum Leo-

ролевской власти: короля мѣняли для того, чтобы перемѣнить мэра. Эброинъ пересталъ быть мэромъ; его властью сталъ пользоваться вмѣсто него Леодегарій, не принимая самаго званія [1].

Имѣлъ ли Леодегарій, бывшій въ одно время духовнымъ сановикомъ и правителемъ государства, свои особые политическіе взгляды, Монахи, составившіе его жизнеописаніе, не освѣдомляютъ насъ объ этомъ. Достовѣрно извѣстно, что Леодегарій, Геринъ и ихъ сторонники заставили Хильпериха II подписать три декрета [2]. Но незамѣтно, чтобы эти декреты походили на хартію свободы или на конституцію.—Первый изъ нихъ—единственный, которому можно еще приписать общее значеніе, но и онъ довольно неясенъ. „Каждая область, должна сохранять свои законы и обычаи“ [3]. Говорится ли здѣсь о частномъ правѣ, или о публичномъ, сказать трудно; желательно было бы получить болѣе опредѣленное указаніе на смыслъ этой формулы.—Что касается двухъ другихъ постановленій, то они относятся лишь къ классу сановниковъ и членовъ дворца. Однимъ изъ нихъ возстановлялось введенное уже Хлотаромъ правило, по которому высшія должностныя лица, герцоги и графы, не могли быть переводимы изъ одной области въ другую [1]. Этимъ достигались двѣ цѣли: прежде всего, воспрепятствовать новому королю, происходившему изъ Австразіи, назначать австразійцевъ на графства или герцогства въ Нейстріи, а также посылать нейстрійцевъ должностными лицами въ Бургундію; такимъ образомъ, люди, имѣвшіе должности въ одномъ изъ трехъ королевствъ, получали увѣренность, что не лишатся ихъ изъ-за пришлыхъ людей. Кромѣ того этотъ довольно неясный актъ могъ имѣть еще другое значеніе. Воспрещеніе назначать въ область чужеземныхъ чиновниковъ было почти равносильно обезпеченію не-

degario qui tunc inte. regni magnates egregius habebatur».—Ср. у Гуго Флавиньисскаго (*Bouquet*, III, 361): «Leodegarius Childerico favebat».

[1] Согласно Урсину, онъ носилъ даже званіе мэра. *Ursinus*, c. 4: «Childericus vero Leodegarium pontificem super omnem domum suam sublimavit et maiorem domus in omnibus constituit».—Отенскій анонимъ (гл. 4) лишь говоритъ: «Rex Leodegarium, eo quod cognoverat prae omnibus sapientiae luce esse perspicuum, suum assidue retinebat in palatio».—Продолжатель Фредегарія не говоритъ, что святой Леодегарій былъ палатнымъ мэромъ; скорѣе, повидимому, мэра не было въ Нейстріи и Бургундіи и святой Леодегарій пользовался только его властью. Это говоритъ Гуго Флавиньисскій (Bouquet, III, 361): «Leodegarius sub Childerico bene et utiliter disponebat regni moderamina».

[2] *Vita Leodegarii ab Anonymo*, c. 4: «Interea Hilderico regi expetunt universi ut talia daret decreta».

[3] *Ibidem*: «Ut uniuscuiusque patriae legem vel consuetudinem observaret, sicut antiqui iudices conservavere».

[1] *Vita Leodegarii ab Anonymo*, c. 4: «Ne de una provincia rectores in aliam introirent». Языкъ монаха страдаетъ здѣсь неясностью. Слово *rectores* означаетъ, конечно, правителей герцогствъ и графствъ. *Introire* въ буквальномъ смыслѣ значитъ—войти, вступить, но рѣчь идетъ, конечно, не о запрещеніи графу личнаго вступленія въ другое графство хотя бы во время путешествія. Монахъ подразумѣваетъ, думаю, что человѣкъ, принадлежащій къ одной *provincia*, не можетъ быть должностнымъ лицомъ въ другой. Что касается слова *provincia*, то не думаю, чтобы и здѣсь, какъ въ указѣ 614 года, оно означало графство или герцогство оно имѣетъ, кажется, болѣе широкое значеніе области, большого края.

смѣняемости правительственныхъ мѣстъ и всѣхъ высшихъ должностей за фамиліями, въ данный моментъ ихъ занимавшими. Послѣдствіемъ этого указа могло быть установленіе не того, что позднѣе называлось наслѣдственностью фьефовъ, а патримоніальности государственныхъ должностей.

Третьимъ указомъ упразднялась должность палатнаго мэра [1]. Полезно отмѣтить, что упраздненія этой должности просили лишь бургунды и нейстрійцы; Вульфоальдъ остался палатнымъ мэромъ Австразіи [2]. Партія Леодегарія не хотѣла больше, „чтобы какой-нибудь человѣкъ обладалъ этой тираннической властью"; они не хотѣли, чтобы кто-нибудь „смотрѣлъ на равныхъ ему товарищей, какъ на низшихъ" [3]. Они желали, наконецъ, поочереди смѣнять другъ друга въ пользованіи властью мэра, „чтобы никто не становился выше другихъ" [4]. Отмѣна должности мэра не послужила къ усиленію королевской власти. До тѣхъ поръ

[1] *Vita Leodegarii ab Anonymo*, c. 4: «Neque ullus ad instar Ebroini tyrannidem assumeret».

[2] Это видно изъ Фредегарія, гл. 95 и 97. Ср. *Gesta*, 45.

[3] *Ibidem*: «Neque ullus postmodum contubernales suos despiceret».

[4] *Ibidem*: «Dum mutua sibi successione culminis habere cognoscerent, nullus se alii anteferre auderet».—Вся эта реформа пропущена у Урсина. Монахъ, который пишетъ, или епископъ, для котораго онъ пишетъ, остороженъ. Такъ какъ реформа не удалась, то говорить о ней могло быть не благоразумно. Агіографъ только сдержанно намекаетъ на нее; онъ не рѣшается даже приписать реформы своему герою: это былъ, наоборотъ, для него какъ бы возвратъ къ старымъ порядкамъ: «Quidquid adversus leges antiquorum regum ac magnorum procerum reperit ineptum, ad pristinum reduxit statum».

никто не видѣлъ въ мэрахъ враговъ королевской власти. Къ тому же самый текстъ хроникера показываетъ, что власть мэра не была упразднена, но что ею по очереди должны были пользоваться вельможи дворца. Сущность реформы сводилась къ тому, что дворецъ долженъ былъ образовать отнынѣ родъ аристократической республики, съ почти полнымъ равноправнымъ ея членомъ около безсильныхъ королей и надъ угнетеннымъ населеніемъ.

Но реформа продержалась лишь три года [1]. По причинамъ, которыя хроникеры не высказываютъ, Леодегарій, настоящій глава новаго дворца [2], попалъ въ немилость. Вѣроятно, Хильдерихъ II, достигшій въ то время совершеннолѣтія, пожелалъ самъ царствовать и управлять [3]. Между королемъ и Леодегаріемъ возникла непримиримая ссора. Кончилось тѣмъ, что Леодегарій былъ исключенъ изъ дворца, лишенъ своего епископства и заключенъ въ люксейльскій монастырь [4]. Любопытно, что

[1] *Ursinus*, 5: «Cum haec paene annis tribus agerentur».

[2] Несомнѣнно, поэтому его біографъ называетъ его *maior domus* и *rector palatii*, хотя именно святой Леодегарій упразднилъ званіе мэра.—Въ *Vita Lantberti* (Bouquet, III, 585) мы видимъ, что Леодегарій и Геринъ подписываютъ съ королемъ дипломы.

[3] Монахи, которые опредѣленно предубѣждены въ пользу святого Леодегарія, вслѣдствіе факта его мученичества, обвиняютъ Хильдериха. Продолжатель Фредегарія, 95: «Erat Childericus rex levis atque citatus nimis, gentem Francorum in sedicionem mittens in scandalum ac derisum, donec odium non modicum inter ipsos crevit usque ad scandalum et ruinam».—Отенскій анонимъ говоритъ, что завистники обвинили святого Леодегарія передъ королемъ; по его словамъ, король хотѣлъ убить епископа.

[4] Согласно Урсину, Леодегарій снялъ съ себя санъ добро-

кара, постигшая Леодегарія, была приговоромъ правильнаго суда, произнесеннымъ вельможами дворца. Король Хильдерихъ совѣщался съ „вельможами и епископами“; тѣ, которые были „первыми во дворцѣ“, рѣшили „согласно съ нѣсколькими епископами“, что Леодегарій долженъ быть „пожизненно заточенъ въ Люксейль [1]. Такимъ образомъ, на протяженіи трехъ лѣтъ среди приближенныхъ короля произошла полная перемѣна и образовалась новая партія, которая боролась съ Леодегаріемъ, какъ онъ самъ боролся съ Эброиномъ.

Освобожденный отъ преобладающаго вліянія Леодегарія, Хильперихъ сталъ распоряжаться властью, повидимому, самостоятельно. Другого мэра, кромѣ мэра Австразіи, Вульфоальда, мы не видимъ. Но дальше возникли новыя неудовольствія, однако, не среди народа, а среди вельможъ дворца [2]. Они составили заговоръ [3], и одинъ изъ нихъ Бодилонъ убилъ Хильдериха [1]. Тогда королемъ выбрали Теодериха III, того самаго, котораго когда-то изгнали. Должность палатнаго мэра была возстановлена.

Но тотчасъ же изъ-за нея начались соперничества. Это понятно. Мэръ долженъ былъ быть главою всего дворца; онъ именно назначалъ на мѣста, распредѣлялъ намѣстничества. Выше разсказанные нами факты уже обнаружили, что существовало нѣсколько, по меньшей мѣрѣ, два союза вельможъ, соперничавшихъ изъ-за должностей и почестей. Дальше это станетъ еще виднѣе.

Друзья Леодегарія, съ одной стороны, друзья Эброина, съ другой, одновременно направились къ Люксейлю, чтобы освободить ихъ [2]. Они вышли оба изъ монастыря, каждый въ сопровожденіи многочисленныхъ кліентовъ, слугъ, друзей и „союзниковъ“ [3].

вольно: «Relicto rege et omnium potestatum sublimitate, ad Luxovii coenobium...»

[1] *Vita Leodegarii ab Anonymo*, c. 6: «Per consilium optimatum vel (et) episcoporum, Leodegarius iubetur duci Luxovio monasterio donec in commune consulerent. Interea cum hi qui videbantur esse primi palatii, cum simul ab Hilderico fuissent conquisiti quod iudicium de sancto viro decernerent, hoc consona voce responderunt ut, si ei vitam concederet, sub perpetuo exsilio eum in Luxovio permanere iuberet. Confirmans rex hoc decretum iudicum, episcopis aliquibus consentientibus...»

[2] *Vita Leodegarii ab Anonymo*, c. 7: «Eius dissoluta conversatio omnibus increverat palatinis optimatibus».—Продолжатель Фредегарія, 95: «Odium non modicum inter ipsos crevit».

[3] *Ibidem*: «Ingobertus videlicet et Amalbertus vel reliqui maiores natu Francorum seditionem contra Childericum concitaverunt».—*Gesta*, 45. Ср. Муассакскую хронику.—Это можетъ быть тотъ Амальбертъ, который былъ въ 659 году seniscalcus (*Diplomata*, № 334). Въ *Vita Lantberti*, c. 5, Ингольбертъ и Амальбертъ названы «satellites regis» (Bouquet, III, 585).—*Auctor incertus* (Bouquet, II, 693) говоритъ, что Хильдерихъ убитъ «a conspiratoribus in aula».

[1] Продолжатель Фредегарія (95), называетъ Бодилона «francus nobilis»; отенскій анонимъ (гл. 7): «unus ex palatinis optimatibus»; *Vita Lantberti*: «satelles regis».

[2] *Ursinus*, 7: «Hilderico rege defuncto... haec audientes utriusque amici... pergentes de utrisque partibus ad monasterium, cogebant eos procedere et ad eorum domos remeare».

[3] Свита Эброина особенно хорошо описана отенскимъ анонимомъ; она состоитъ главнымъ образомъ изъ прежнихъ друзей Эброина, подъ вліяніемъ святого Леодегарія лишен-

Который же изъ двухъ долженъ былъ захватить должность мэра? Леодегарій, предупрежденный, вѣроятно, первымъ заставилъ назначить мэромъ Лейдезія сына Эрхиноальда [1]. Онъ могъ, вѣрно, разсчитывать на Лейдезія, сынъ котораго былъ женатъ на его племянницѣ [2]. Лейдезій долженъ былъ, конечно, поддерживать союзъ, главарями котораго были Леодегарій и Геринъ [3]. Но Эброинъ во главѣ своего войска, состоявшаго изъ „друзей" [4],

ныхъ Хильперихомъ имущества и изгнанныхъ (изъ дворца); всѣ эти люди, скрывавшіеся послѣдніе годы, появились «какъ ядовитые гады послѣ зимы», (гл. 7): «Cum Hilderici mors nuntiata fuisset, tunc hi qui ob eius iussionem exsilio fuerant condemnati, tanquam post hiemem serpentes venenati... reversi sunt».—*Ibidem*, c. 8: «Praedicti exsules Ebroini expetunt obsequium... cum ipse amicorum quam famulorum constiparetur subito comitatu...» — Продолжатель Фредегарія указываетъ, что свита Эброина, по своей численности составляла какъ бы настоящее войско: «Ebroinus, convocatis in ausilium sociis, personis quam plurimis cum multo comitatu exercituum... in Francia regreditur».—Ср. *Gesta*, 45.

[1] Продолжатель Фредегарія, 95: «Franci Erchinoaldi Leudesium filium in maiorum domatum (dignitatem) statuunt per consilium Leodegarii et consociorum eius». — *Gesta*, 45: «Franci Leudesio in maiorum domato palacii elegunt; eratque in hoc consilio Leudegarius et Gaerinus frater eius».—Это произошло до отбытія изъ Люксейля.—*Fragmentum auctoris incerti* (Bouquet, II, 692): «Leudesius... consilium Leodegarii maior domus palatii constituitur».

[2] *Fragmentum auctoris incerti* (Bouquet, II, 693).

[3] Герина никогда не слѣдуетъ отдѣлять отъ Леодегарія.—*Auctor incertus* (Bouquet, II, 693) говоритъ, что Лейдезій былъ сдѣланъ мэромъ «suffragantibus sibi Didone Pictavensi episcopo, Leodegario et Gerino Pictavensi comite».

[4] Можно допустить, что большинство «друзей» или кліентовъ Эброина были нейстрійцы; но все-таки Урсинъ говоритъ, что съ нимъ было много австразійцевъ: «Cum Austrasiis, quos

быстро подошелъ къ мѣсту, гдѣ находился новый король, захватилъ его самого и королевскую казну, умертвилъ Лейдезія и сдѣлался палатнымъ мэромъ (между 673 и 675 годами) [1].

Побѣда Эброина не произвела, повидимому, никакой перемѣны въ политикѣ, не установила новой системы управленія; она сопровождалась только большимъ перемѣщеніемъ въ должностяхъ и высшихъ чинахъ. Это, по крайней мѣрѣ, единственное, о чемъ упоминаютъ тексты, на чемъ они

aliquando habuerat adversarios, se sociavit ut amicis». Также и анонимъ (гл. 8): «Noviento villa ubi Theodoricus residebat, venit Ebroinus cum Austrasiis». Дѣйствительно, двое изъ «друзей», имена которыхъ только намъ и извѣстны, оба австразійцы— Диддонъ и Ваимеръ; они шли за Эброиномъ, чтобы искать счастья (*Anonym.* c. 10). Ср. хронику св. Вааста, стр. 383: «Ebroinus Austrasios sibi verbis blandis allexit, muneribus corrupit, sicque ad regem ire contendit».

[1] Продолжатель Фредегарія, 96: «Leudesium interficit regem Theudericum in regno restituit, ipse suum principatum sagaciter restauravit».—*Gesta*, 45: «Leudesium interficit, ipse principatum sagaciter recepit».—*Ursinus*, 7: «Theodorici regis se praesentavit obtutui et ab eodem rege restitutus est in priore gradu»; c. 8: «Et cum maior domus effectus esset...» Согласно анониму, факты сложились нѣсколько иначе. Будто бы Эброинъ и его друзья прежде всего выбрали въ короли ребенка, не желая, безъ сомнѣнія, имѣть королемъ того, кто былъ возведенъ друзьями Леодегарія; они провозгласили Хлодовеха III, котораго будто считали сыномъ Хлотара III. Въ теченіе нѣкотораго времени они требовали присяги отъ имени Хлодовеха и будто бы потому, что Леодегарій отказался нарушить присягу Теодериху, сторонники Эброина подвергли его заключенію (*Vita Leodegarii ab Anonymo*, 8—13). Во всякомъ случаѣ, Эброинъ не замедлилъ отвергнуть Хлодовеха и возстановить Теодериха III подъ условіемъ, что онъ будетъ мэромъ.

настаиваютъ. Эброинъ началъ съ того, что отнялъ отенскую епархію у Леодегарія и отдалъ ее одному изъ своихъ сторонниковъ, который самъ былъ лишенъ епархіи при прежнемъ правительствѣ [1]. Также въ другой части королевства епископъ утрехтскій святой Ламбертъ, „назначенный Хильдерихомъ и его вельможами“ и оставшійся однимъ изъ прелатовъ дворца, былъ согнанъ со своей каѳедры, которая была передана одному изъ друзей новаго мэра [2]. Весьма вѣроятно, что съ тѣмъ бо̀льшимъ основаніемъ у сторонниковъ Леодегарія отнимались свѣтскія должности и передавались сторонникамъ Эброина. Геринъ былъ приговоренъ къ смерти, и графство пуатьесское стало вакантнымъ. Было намѣреніе передать также и бургундскій патриціатъ герцогу Адальриху, но противодѣйствіе ліонскаго архіепископа Генесія помѣшало этому дѣлу [3]. Въ общемъ всѣ, кто принадлежалъ къ союзу, во главѣ котораго стояли Леодегарій и Геринъ,

[1] *Vita Leodegarii ab Anonymo*, 10: «Boboni, qui nuper fuerat de episcopatu Valentiae deiectus, Augustodunum assignaverunt in dominium».

[2] *Vita Lantberti*, Acta Sanctorum ordinis S. Benedicti, III, 70—71.— Ламбертъ происходилъ изъ знатнаго рода сановниковъ, «ex parentibus inter praesides venerandis». Раньше, чѣмъ сдѣлаться епископомъ, онъ жилъ *in aula regia*: «in domo regia militavit». Онъ оставался однимъ изъ совѣтниковъ короля Хильдериха: «rex diligebat eum super omnes pontifices et optimates suos, apud regem summum tenebat locum». Какъ только Эброинъ снова сталъ мэромъ, онъ наложилъ руку на его епархію: «deposuerunt eum de sede sua sine causa et privatus est honore suo absque culpa; Faramundum in cathedra illius substituerunt».

[3] Отенскій анонимъ, 11.

„были изгнаны; однимъ пришлось бѣжать далеко, другихъ посадили въ заточеніе, и они больше не появились“ [1]. „Тѣ, кто были раньше вельможами, подверглись всевозможнымъ преслѣдованіямъ; однихъ онъ предалъ смерти, другихъ принудилъ бѣжать на чужую сторону и конфисковалъ ихъ имущества“ [2]. Вельможи (оптиматы), непосредственно приближенные къ королю, были замѣнены другими. Доказательствомъ тому служитъ фактъ, что новый королевскій трибуналъ приговорилъ Леодегарія къ смерти [3].

Мы видимъ, что побѣда Эброина надъ святымъ Леодегаріемъ не была торжествомъ какого-нибудь

[1] Продолжатель Фредегарія, 96 [2]: «Reliqui viri Franci eorum socii per fugam lapsi, Ligere transgressi, usque Wascones confugerunt; plurimi vero in exsilio (какъ извѣстно *exsilium* означаетъ на этомъ языкѣ заключеніе) damnati, ultra non comparuerunt».

[2] Отенскій анонимъ, 12: «Priores optimates coepit instanter persequi; quos comprehendere valuit, aut gladii interfectione prostravit, aut ad gentes extraneas ablatis facultatibus effugavit».—*Annales Fuldenses:* «Qui sibi in primi principatus amissione adversarii fuerant, ita persecutus est ut nonnullos vita, libertate plurimos ac facultatibus spoliaret».

[3] Надо, въ самомъ дѣлѣ, замѣтить, что Леодегарій (Léodger, saint Léger) былъ преданъ смерти по суду согласно всѣмъ установленнымъ формамъ. Это видно изъ отенскаго анонима гл. 14. Видно также, что святой Леодегарій былъ приведенъ во дворецъ, *ad palatium*, по приказанію Эброина, что въ качествѣ епископа онъ былъ судимъ синодомъ епископовъ, противъ него было вынесено обвиненіе за участіе въ убійствѣ Хильдериха II, «ut de Hilderici morte confiteretur se esse conscium», синодъ объявилъ его лишеннымъ епископскаго сана, онъ былъ временно заключенъ, а черезъ нѣсколько дней постановленъ дворцомъ смертный приговоръ, «a palatio sententia mandatur decreti Leodegarium diutius vivere non debere».

принципа или опредѣленной политики; то была побѣда одной кучки оптиматовъ, герцоговъ, и епископовъ надъ другимъ союзомъ герцоговъ, епископовъ и оптиматовъ. Современникъ добавляетъ подробность, что при расправѣ не остались въ покоѣ и женскіе монастыри: нѣсколько знатнаго рода аббатиссъ оказались изгнаны, чтобы уступить мѣсто другимъ [1].

Монахи, являющіеся составителями нашихъ памятниковъ, не настаиваютъ на томъ, что свергались систематически свѣтскіе сановники; но они ясно указываютъ, что установился обычай лишать сана неугодныхъ епископовъ. Епископатъ былъ настолько обновленъ Эброиномъ, что по истеченіи двухъ лѣтъ онъ могъ созвать соборъ [2] и добиться отъ него отозванія, даже смерти нѣсколькихъ епископовъ, на которыхъ онъ указалъ [3]. Епископатъ такъ давно уже пополнялся почти изъ тѣхъ же элементовъ, какъ составъ свѣтскихъ вельможъ,

[1] Отенскій анонимъ 12: «Feminarum nobilium monasteria destruxit, earumque religionis primarias in exsilium direxit».—Въ *Vita Anstrudi* 13, (Acta Sanctorum ordinis S. Benedicti, II, 976), разсказано, какъ Эброинъ хотѣлъ изгнать святую Анструду изъ ея монастыря и былъ остановленъ только чудомъ.

[2] Отенскій анонимъ, 14: «Eo tempore Theodoricus et Ebroinus synodum convocaverunt ad quamdam villam regiam...» Ср. *Tardif* № 21.

[3] *Ibidem*: «Diddonem segregant a sancta congregatione; exsilio condemnatus morteque secuta poena capitis exsolvit... Alii vero episcopi a rege per Ebroinum in ipsa synodo paene similem poenam sortiti, perpetuo exsilio sunt deportati... Waimerus qui in episcopatus gradu fuerat sublimatus, in offensam Ebroini decidens, laqueo fuit suspensus, morte turpissima condemnatus».

что и тѣ, и другіе безъ различія вовлекались въ тѣ же раздоры и тѣ же перевороты [1].

Три года спустя, Эброинъ былъ убитъ. Должны ли мы думать, что онъ палъ подъ ударами опредѣленной политической партіи? Его убійцей былъ вельможа, который, назначенный на должность по финансовой части, не могъ дать отчета о своихъ дѣйствіяхъ [2].

Всего больше поражаетъ насъ въ этихъ событіяхъ отсутствіе политическихъ идей у руководителей общества. Никогда на сцену не выдвигаютъ общіе интересы, принципы управленія. Никогда нѣтъ рѣчи о народныхъ правахъ. Никогда не выступаетъ народъ. Передъ нами дѣйствуютъ лишь вельможи дворца и очень похожіе на нихъ епископы. Борьба происходитъ единственно изъ-за того, что эта категорія людей раздѣлилась на союзы, которые, группируясь около различныхъ вождей, оспаривали другъ у друга мѣста, положеніе, власть [3].

[1] Отенскій анонимъ (8, in fine) обвиняетъ епископовъ «qui magis terrenis desideriis vel lucris temporalibus augenda pecunia vigilant...»

[2] Это видно изъ разсказа отенскаго анонима, разумѣется, обвиняющаго Эброина и почти оправдывающаго вельможу (гл. 17): «Cuidam optimati qui tunc fiscalem functionem ministravit, eo usque intulit spolium donec paene auferret omne eius praedium: minabatur etiam mortis periculum. Vir ille... gladio eum percussit in capite».—Ср. съ Урсиномъ, 19, съ продолжателемъ Фредегарія, 98.—*Gesta*, 47.

[3] Въ документахъ Эброину никогда не приписывается никакой политической тенденціи. Въ нихъ не говорится, чтобы онъ хотѣлъ возвысить монархію или образовать народную партію противъ ари-

[Скоро потомъ верховная власть перейдетъ въ Нейстріи въ руки Пиппина Геристальскаго, стоявшаго уже у власти въ Австразіи [1]. Палатный мэръ, какъ и Эброинъ, какъ Леодегарій, происходившій изъ придворной палатинской фамиліи, Пиппинъ, болѣе счастливый, чѣмъ они оба, долженъ былъ удержать въ своемъ родѣ могущество верховнаго управленія. Меньше, чѣмъ черезъ сто лѣтъ, этотъ родъ завладѣетъ королевской властью: должность палатнаго мэра послужила ему ступенью къ монархіи.

стократи. Документы, почти всѣ написанные монахами, по большей части, враждебны Эброину. Они ставятъ ему въ вину «его жестокость» (*Vita Filiberti*, Bouquet, III, 599), то, что онъ «заставилъ погибнуть отъ меча многихъ епископовъ и *proceres*, чтобы отмстить имъ (*Vita Leodegarii ab Anonymo*, c. 17), что онъ «не прощалъ своимъ врагамъ и изъ мести создалъ нѣсколько мучениковъ» (*Ursinus*, c. 19), что онъ «притѣснялъ *Francos*» (продолжатель Фредегарія, 98), «причинялъ много бѣдствій и совершалъ разореніе за разореніемъ» (*Vita Amandi*, Bouquet, III, 536), что онъ «устранилъ самыхъ высокихъ сановниковъ, чтобы не имѣть соперника» (*Vita Ragneberti*, Bouquet, III 619). Но отсюда не слѣдуетъ, чтобы Эброинъ былъ врагомъ церкви и духовенства. Составители житій святого Драузія, и святого Прейекта относятся къ нему благосклонно. Даже анонимъ изъ Отена представляетъ его человѣкомъ благочестивымъ (гл. 16, in fine): «Processurus erat ad matutinarum solemnia». Какъ и всѣ сановники его времени, онъ дѣлалъ пожалованія монастырямъ (Bouquet, III, 610—611). Въ числѣ его приверженцевъ было много епископовъ; это признаетъ отенскій анонимъ (гл. 8, in fine). Эброинъ не былъ врагомъ и герцогамъ; онъ имѣлъ на своей сторонѣ многихъ изъ нихъ; если онъ отставлялъ ихъ, то для того, чтобы выдвигать другихъ. Его окружали знатные; и если многіе изъ нихъ оказывались противъ него, то онъ находилъ другихъ, которые были ему преданы.

[1] Продолженіе событій см. ниже, въ кн. II, гл. 5, § 1.

Династія, называемая каролингскою, выросшая во дворцѣ и стоявшая раньше во главѣ дворца, представляетъ собою въ послѣднихъ междоусобіяхъ меровингскаго упадка вассальное начало и какъ бы феодальный элементъ; она долго правила въ силу вѣрности и патроната. Благодаря этому началу, она повелѣвала людьми и сдѣлалась сильнѣе самой королевской власти; ея вступленіе на престолъ обнаружится, по существу дѣла, какъ торжество главы той самой аристократіи, образованіе которой мы объяснили, и которую представляли собою вельможи дворца въ противовѣсъ старой ослабѣвшей королевской власти.

При послѣднихъ Меровингахъ королевская власть пала такъ низко, какъ только можно было. Каролинги сначала поднимутъ ее. Они даже усилятъ ее при помощи началъ патроната и вѣрности, создавшихъ величіе ихъ династіи и обезпечившихъ ея побѣду. Они поставятъ ихъ какъ основаніе для управленія государствомъ. Изъ того, что было лишь частноправовой практикой, они создадутъ политическія учрежденія. Они закончатъ также то перерожденіе королевской власти, начало котораго мы только-что указали.

Чтобы понять характеръ этой перемѣны династіи и тѣхъ принциповъ, при помощи которыхъ новая франкская монархія будетъ управлять, надо возвратиться немного назадъ и изслѣдовать происхожденіе и стремленія каролингскаго дома].

КНИГА ВТОРАЯ.

Возвышеніе Каролинговъ.

Переходимъ къ другой эпохѣ и принимаемся за изученіе каролингскаго общества. Подъ этимъ наименованіемъ мы разумѣемъ семь или восемь поколѣній людей, жившихъ въ Галліи во время царствованія династіи Карла Великаго. Мы задаемся цѣлью опредѣлить, какъ управлялись эти поколѣнія, каково было ихъ соціальное положеніе, и почему внутри этого общества одержали верхъ феодальные порядки.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Источники для каролингской эпохи.

Подходя къ новой эпохѣ, надобно, прежде всего, поставить себѣ вопросъ, есть ли средства ее познать. Такъ какъ исторія—наука, и эта наука стоитъ въ зависимости отъ сохраненія памятниковъ, то по поводу каждой эпохи надобно первоначально спросить, имѣются ли научныя условія, чтобы открыть истину о ней.

Для VII-го и IX-го вѣковъ у насъ есть цѣлый рядъ аннал ъ, дающихъ указанія о совершавшихся тогда событіяхъ. Какъ увидимъ, эти хроники составлены современниками. Написанныя на латинскомъ языкѣ, онѣ никогда не носятъ имени автора и кажутся безличными трудами. Можно однако констатировать, что большинство изъ нихъ написано по приказанію каролингскихъ государей или, по крайней мѣрѣ, подъ ихъ внушеніемъ. Въ самомъ дѣлѣ, первая черта отличія этой династіи по сравненію съ предшествующей выражалась именно въ такой заботѣ о начертаніи ея исторіи.

Изъ этихъ лѣтописей первою по времени является та, которую принято называть продолженіемъ Фредегарія.[1] Она сохраняется въ нѣсколькихъ рукописяхъ десятаго вѣка, особенно въ одной ватиканской.[2] Она захватываетъ годы отъ 736-го по 768-й, заключая въ себѣ дѣянія Карла Мартелла и Пиппина. Подъ 752-мъ годомъ авторъ на минуту останавливается для сообщенія, что „до этого времени имъ руководилъ въ его трудѣ лѣтописателя дядя короля Пиппина, графъ Гильдебрандъ, отнынѣ же руководителемъ его будетъ

[1] Выраженіе, очевидно, неточное. Помимо того, что самое имя Фредегарія является уже условнымъ названіемъ для хроники, о которой мы говорили выше, настоящій памятникъ никоимъ образомъ не является продолженіемъ этой хроники.

[2] Онѣ изданы у *dom Bouquet*, II, 456 и слѣд. V, 1—9 и въ *Monumenta Germaniae* подъ ред. Круша. 1889.

двоюродный братъ того же короля графъ Нибелунгъ“ [1].

Затѣмъ идутъ Лоршскіе анналы. Если имъ дано это названіе, то не потому, что они навѣрно написаны были въ этомъ монастырѣ, а лишь потому, что тамъ найдена главная рукопись [2]. Она

[1] «Usque nunc inluster vir Childebrandus comes, avunculus rege predicto Pippino, hanc historiam vel Gesta Francorum diligentissime scribere procuravit. Abhinc ab inlustre viro Nibelungo filium ipsius Childebrando, itemque comite, succedat auctoritas».—Эта фраза, прерывающая хронику, была выпущена переписчиками; она сохраняется лишь въ одной ватиканской рукописи (*Bouquet*, II, 460; *Waitz*, Neues Archiv, II, 330; *Wattenbach*, 4 Ausg. I, 106 [Krusch, 8].

[2] *Annales Laurissenses* (Pertz, Scriptores, I, 134 и слѣд.)—Эта лѣтопись называлась сначала *Annales Loiseliani* и подъ этимъ именемъ издана у Bouquet, V, 32—62.—Новѣйшіе ученые умаляютъ часто значеніе анналъ, написанныхъ въ монастыряхъ. Это зависитъ отъ склонности новѣйшихъ ученыхъ судить о томъ, что было прежде, сообразно съ теперешними понятіями. Аббатовъ того времени и ихъ монаховъ они представляютъ похожими на монаховъ нашего времени, то-есть, отшельниками, не знающими и не желающими знать міра и говорящими о немъ, не имѣя о немъ свѣдѣній. Такіе субъективные взгляды, проникшіе нынче въ критику, могутъ заставить науку пойти назадъ. На самомъ дѣлѣ, монахи часто были людьми, прямо вышедшими изъ міра и прекрасно его знавшими. Больше того, они продолжали оставаться въ постоянныхъ сношеніяхъ съ свѣтскимъ обществомъ. Вы найдете, напримѣръ, въ хроникѣ муассакской, подъ 617 годомъ очень подробное повѣствованіе о съѣздѣ, имѣвшемъ мѣсто въ Ахенѣ. Скажете ли вы, что хроникеръ говоритъ, не имѣя возможности знать, что тамъ дѣлалось? Но его аббатъ былъ тамъ. Онъ присутствовалъ на съѣздѣ съ нѣсколькими изъ своихъ монаховъ, быть можетъ, съ самимъ хроникеромъ, со свитой людей. Онъ принадлежалъ къ числу тѣхъ, съ которыми совѣщались власти, которые высказывали свое мнѣніе, вѣроятно, къ числу тѣхъ, которые подписывали акты и, навѣрно, къ числу тѣхъ, которые клялись соблюдать принятыя постановленія.

начинается съ 741-го года, то-есть, съ момента, когда Пиппинъ Старшій получилъ власть, и доведена до 829-го года. Одинъ ученый различилъ на ней руку трехъ слѣдовавшихъ одинъ за другимъ авторовъ; каждый изъ нихъ былъ современникомъ того промежутка времени, о которомъ повѣствовалъ [1].—Рядомъ съ этими анналами надо поставить другіе, извѣстные подъ именемъ Эйнгарда. Послѣдняя лѣтопись очень походитъ на лоршскую. Если она и не принадлежитъ перу Эйнгарда, то во всякомъ случаѣ написана человѣкомъ, хорошо знавшимъ то, что происходило при дворѣ Карла Великаго и Людовика Благочестиваго [2].

У насъ есть еще другіе лѣтописные памятники: *Annales Petaviani*, отъ 687 до 804; *Annales Tiliani*, отъ 708 до 807 года [3]; *Annales Nazariani*, найденные въ монастырѣ св. Назарія или въ Лоршѣ (708—791) [4]; *Annales Fuldenses*, найденные въ фульдскомъ монастырѣ и простирающіеся отъ 680-го до 901-го года [5]; *Annales Mettenses*, написанные подъ

[1] Первый писалъ до 788-го года, второй до 796-го, третій до 829-го (Pertz; ср. Ebert, 112-я стр. перевода).

[2] *Annales Einhardi*, édit. de la Société de l'Histoire de France, I; Pertz, Scriptores, I, 135—218; Bouquet, V, 196 и слѣд.

[3] *Dom Bouquet*, V, 13—26; *Pertz*, I.

[4] *Bouquet*, II, 639; V, 10; *Pertz*, I, 6—12.—Добавьте сюда *Annales S. Amandi*, довольно похожіе и очень краткіе отъ 687-го по 791-й годъ, *Pertz*, ibidem и II, 184.

[5] *Bouquet*, II, 673; V, 326 и слѣд. *Pertz*, I, 343—415. Добавьте *Annales Xantenses* (640—873).

явнымъ вліяніемъ дома Карла Великаго [1], анналы фонтенельскаго монастыря, основаннаго этою династіей [2]; хроника монастыря муассакскаго; наконецъ, анналы, которые принято называть сенъбертинскими, такъ какъ они были найдены въ монастырѣ этого имени; но они написаны не монахами; двумя главными ихъ редакторами были епископъ труасскій Пруденцій, и Гинкмаръ реймсскій, оба хорошо знакомые съ фактами и принимавшіе участіе въ выдающихся событіяхъ времени [3].

Всѣ эти анналы даютъ перечень событій, не объясняя ихъ и, главное, не отражая идей и чувствъ современниковъ. Но наряду съ ними у насъ имѣются біографіи.—Эйнгардъ изобразилъ жизнь Карла Великаго, котораго зналъ и любилъ [4]. Теганъ составилъ біографію Людовика Благочестиваго, къ которому былъ привязанъ, и мы можемъ въ ней усмотрѣть чувства, даже страсти со-

[1] *Ibidem*, II, 676 и слѣд. V, 335 и слѣд. *Pertz*, I, 316—335. Они идутъ отъ начала франкскаго королевства до 904 года; все, что разсказывается о событіяхъ раньше 687-го года, есть лишь повтореніе другихъ хроникъ, какія у насъ имѣются.

[2] *Annales Fontanellenses*, Bouquet, II, 657; V, 314; Pertz, II 270—301.

[3] *Annales Bertiniani*, édit. Dehaisnes, 1871; Pertz, I, 419 и слѣд. Аббатъ Лебефъ установилъ, а за нимъ признали Пертцъ и Ваттенбахъ, что въ нихъ надо различать три части: отъ 830-го до 835-го года, авторъ не извѣстенъ; отъ 835-го по 861-й, авторъ Пруденцій епископъ труасскій, воспитанный во дворцѣ Людовика Лѣниваго; отъ 861-го до 882-го, авторъ Гинкмаръ.—Добавьте *Annales Vedastini*, 874—900.

[4] *Einhardi*, Vita Caroli Magni, édit. Teulet, 1840; Pertz, Scriptores, II, 426—463 [Waitz, 4 Aufl. in-8, 1880].

временника [1]. Жизнь того же императора была еще описана авторомъ, имя котораго намъ не извѣстно [2]; мы знаемъ лишь, что онъ близко наблюдалъ Людовика Благочестиваго, находился на его службѣ и „принималъ участіе въ дѣлахъ государства“ [3]. Нитгардъ, принадлежавшій самъ къ дому Карла Великаго, разсказалъ о междоусобіяхъ сыновей Людовика Благочестиваго [4]. Ратбертъ изложилъ жизнь Адальгарда и Валы, двухъ очень вліятельныхъ въ ту эпоху лицъ [5].

Остаются отъ того времени еще историческія произведенія въ стихахъ, почти эпическія поэмы историческаго содержанія. Эрмольдъ написалъ въ такой формѣ біографію Людовика Благочестиваго [6]. Анонимный писатель, о которомъ намъ извѣстно только одно, что онъ былъ родомъ саксъ, подробно изобразилъ въ латинскихъ стихахъ жизнь Карла Великаго [7]. Наконецъ нѣкій сенгалленскій

[1] *Bouquet*, VI; *Pertz*, II, 585—603. Теганъ пишетъ послѣ смерти Людовика Благочестиваго, въ 835 году (это видно изъ главы 58).

[2] Это тотъ, кого называютъ Астрономомъ, благодаря одному мѣсту въ главѣ 58, гдѣ онъ говоритъ, что король совѣщался съ нимъ относительно появленія кометы, «quia huius rei scientiam habere credebar»; Bouquet, VI; Pertz, II, 604—648.

[3] Онъ говоритъ о самомъ себѣ: «Rebus interfui palatinis». Въ трудѣ Астронома есть первая часть, заимствованная, повидимому, изъ утраченнаго нынѣ сочиненія Адемара.

[4] *Bouquet*, VI, *Pertz*, II, 649—672.

[5] *Vita Adalhardi* у Pertz, II, 524—532; Bouquet, VI, 276. *Vita Walae*, Pertz, II, 533—569; Bouquet, VI, 279 и слѣд.

[6] *Ermoldus Nigellus*, Pertz, II, 464—523; Bouquet, VI. Онъ былъ другомъ и совѣтникомъ короля Пиппина, сына Людовика.

[7] *Poeta Saxo* у Bouquet, V, 136—184; Pertz, Scriptores, I,

монахъ въ цѣлой сѣти ребяческихъ анекдотовъ даетъ намъ нѣкоторые факты и нѣкоторыя черты изъ современныхъ нравовъ [1].

Всѣ эти писанія или умышленно тенденціозны, или полны наивнаго поклоненія. У насъ, впрочемъ, есть и болѣе надежные документы. Отъ каролингской эпохи до насъ дошло значительное количество писемъ.

1. Письма, писанныя королями или адресованныя къ королямъ.—Дворецъ короля, заключавшій въ себѣ то, что мы назвали бы теперь министерствами, былъ центромъ очень дѣятельной переписки. Король и его министры посылали провинціальнымъ должностнымъ лицамъ свои наказы;

225—279. Jaffe, «Monumenta Carolina», 542—627.—Добавьте еще *Angilberti*, Carmen de Carolo Magno, Pertz, II, 391—403, и отрывки въ стихахъ нѣкоего *Hibernicus exsul*, ср. Ebert, 69—73. Присоедините еще нѣсколько полезныхъ для историка поэтическихъ произведеній: поэму клирика изъ королевской капеллы, прозваннаго Назономъ (Овидіемъ), полную намековъ на Карла Великаго; нѣсколько стихотвореній Теодульфа, одно изъ которыхъ представляетъ подробную картину придворной жизни; поэму Валафрида Страбона, подъ заглавіемъ *Strabus et Scintilla*, гдѣ онъ прославляетъ Людовика Благочестиваго и набрасываетъ картину каролингскаго двора, и еще нѣсколько стихотворныхъ посланій того же автора, адресованныхъ къ императору или къ вельможамъ; поэму діакона Флора «Querela de divisione imperii»; нѣсколько поэмъ Седулія Скотта, адресованныхъ къ Карлу Лысому или Лотару и сочиненіе въ прозѣ «De rectoribus christianis».—См. *Dümmler und Traube*, Poetae latini aevi Carolini, въ «Monumenta Germaniae» (in-4).

[1] *Monachus Sangallensis*, De Carolo Magno. Это небольшое сочиненіе было написано только около 887-го года. Оно издано у dom Bouquet, V, 106—135; ср. Pertz, II, 726—763; Jaffe, Monumenta Carolina, 628—700; Migne, t. XCVIII.

должностныя лица изъ областей посылали королю или его министрамъ доклады и отчеты. Вся эта корреспонденція для насъ утрачена. Всѣ дворцовые архивы погибли. Но косвенно до насъ дошли нѣкоторые наказы, адресованные королемъ къ его уполномоченнымъ; ихъ можно найти въ нѣкоторыхъ рукописяхъ среди капитуляріевъ [1]. Донесенія миссовъ, герцоговъ, графовъ также не сохранились [2]. Нельзя считать оффиціальнымъ докладомъ разсказъ о его путешествіи, изложенный въ латинскихъ стихахъ посланцомъ (missus), епископомъ Теодульфомъ; но изъ него все же можно извлечь нѣкоторыя полезныя указанія [3]. Кромѣ того мы имѣемъ нѣкоторое число писемъ самого Карла Великаго, Людовика Благочестиваго, Карла Лысаго и болѣе значительное количество писемъ, адресованнымъ къ нимъ.

2. Письма папъ.—Между каролингскими королями и святымъ престоломъ всегда шла дѣятельная переписка. Подлинники всѣхъ этихъ писемъ, начертанныхъ на папирусѣ, до насъ не дошли. Но

[1] См. одинъ наказъ Карла Великаго къ *missi*, посланный имъ въ Римъ (Jaffe, стр. 341—342); наказъ о преподаваніи въ монастырскихъ школахъ (Jaffe, стр. 343; Boretius, 79); наказъ Ангильберту, посланный въ Римъ (Jaffe, стр. 353); наказъ двухъ missi, посланный ими графу относительно обязанностей, какія онъ долженъ выполнить (Jaffe, стр. 417).

[2] Не говоримъ о не имѣющемъ значенія отрывкѣ у Tardif, № 86; Jaffe, стр. 346.

[3] *Theodulfi*, Carmina, 7, In iudices, см. Migne, t. CV [Dümmler, I, 493]. Епископъ трирскій Амаларій также описалъ въ стихахъ свое посольство въ Константинополь (Jaffe, 426—428; Dümmler, I, 246).

въ 791 году Карлъ Великій, озабочиваясь ихъ сохраненіемъ, приказалъ сдѣлать нѣсколько копій на пергаментѣ. Одна изъ такихъ копій, впрочемъ, очень не полная, дошла до насъ. Это такъ называемый *Liber Carolinus* [1]. Онъ содержитъ 98 посланій Григорія III, Захарія, Стефана III, Павла I, Адріана I, адресованныхъ къ Карлу Мартеллу, Пиппину, Карлу Великому, затѣмъ 10 посланій Льва III къ императору. Они чаще всего касаются интересовъ папъ, иногда интересовъ франкскихъ государей. Это документы, несомнѣнно, подлинные и, безспорно, ясные.

Мы имѣемъ еще другія серіи писемъ. Есть сборникъ около 300 писемъ Алькуина, писанныхъ изо дня въ день и адресованныхъ къ Карлу Великому или къ сыну его Пиппину, къ папамъ Адріану I-му и Льву III-му, къ епископамъ, герцогамъ или графамъ, къ простымъ частнымъ лицамъ, къ друзьямъ [2]. Есть сборникъ писемъ Эйнгарда въ количествѣ 71, по большей части, дѣловыхъ, адресованныхъ къ императорамъ Людовику Благочестивому и Лотару или къ вельможамъ дворца [3]. Есть еще письма Фротарія, епископа тульскаго, 130 писемъ Лупа феррьерскаго.

Рядомъ съ письмами, высокой цѣнности памятниками являются еще нѣкоторые небольшие трак-

[1] Рукопись находится въ императорской библіотекѣ, въ Вѣнѣ. Лучшее изданіе *Jaffe* (Берлинъ, 1867).

[2] *Migne*, Patrologia latina, t. C; CI.

[3] Письма Эйнгарда сохранились въ парижской рукописи № 11379 отъ IX вѣка; они были изданы (послѣ Duchesne) въ 1843 году Teulet, t. II и въ 1867 году Jaffe, Monumenta Carolina.

таты или разсужденія, посвященные современнымъ вопросамъ. Архіепископъ Агобардъ оставилъ одинъ трактатъ о примѣненіи Бургундской Правды, другой о раздѣлѣ имперіи и родъ памфлета въ защиту сыновей Людовика, возставшихъ противъ отца [1]. Отъ архіепископа Гинкмара имѣемъ трактатъ объ императорской власти „De Regis Persona et Regio Ministerio“, записку къ вельможамъ дворца „Ad Proceres Palatii“, въ честь короля Карломана и, наконецъ, книгу „De Ordine Palatii“, объ устройствѣ того, что называлось дворцомъ [2].

Благодаря такому количеству и такому характеру документовъ можно близко изучить правленіе Каролинговъ. Но это еще не всѣ памятники. Ознакомленіе съ политическими институтами не составляетъ единственной задачи исторіи. Она должна проникнуть глубже. Она стремится познать соціальные факты, то-есть, законы, правила или обычаи, руководящіе жизнью людей. Для этого у насъ есть другіе источники, прежде всего, законы, затѣмъ грамоты.

Государи каролингской династіи, начиная отъ Пиппина и до Карла Лысаго, обнародовали много различнаго рода законодательныхъ актовъ. До насъ дошла значительная ихъ часть подъ названіемъ капитуларіевъ [3]. Отъ Пиппина и Карломана мы имѣемъ ихъ 7. Отъ Карла Великаго можно насчитать 46, отъ Людовика Благочестиваго 20, отъ

[1] *Agobardi opera*, edit. Baluze (1666); Migne, t. CIV.

[2] *De Ordine Palatii*, изданіе Prou [1885].

[3] Edit. Baluze, Pertz, Boretius-Krause [t. I, 1883, Boretius, t. II 1890, Krause].

Карла Лысаго 41 [1]. Изъ капитуляріевъ выясняются въ большой отчетливости, съ одной стороны, дѣйствіе правительства на населеніе, съ другой, состояніе частнаго права и положеніе различныхъ классовъ общества. Къ изученію капитуляріевъ слѣдуетъ всегда присоединять изученіе постановленій церковныхъ соборовъ.

Отъ каролингской эпохи до насъ дошло 160 грамотъ или хартій, считая одни оригиналы: это—документы несомнѣнной подлинности, которымъ можно вполнѣ довѣрять. Къ нимъ слѣдуетъ прибавить нѣсколько сотъ другихъ дипломовъ, которые у насъ имѣются лишь въ копіяхъ или сохранены въ хартуляріяхъ [2].

Королевскія грамоты распадаются на слѣдующія категоріи: 1) акты пожалованія земель церквамъ или монастырямъ; 2) судебные акты, то-есть, приговоры, постановленные королевскимъ трибуналомъ, съ упоминаніемъ существа тяжбы и выполненной процедуры; 3) акты иммунитетовъ, дарованныхъ епископамъ, монастырямъ, корпораціямъ или частнымъ лицамъ.—Частныя грамоты имѣются слѣдующихъ видовъ: 1) завѣщанія; 2) дарственныя записи и акты продажи; 3) освобожденія рабовъ; 4) композиціи (мировыя сдѣлки).

[1] Цифры могутъ видоизмѣняться, смотря по тому, считать или нѣтъ законодательными актами нѣкоторые капитуляріи.

[2] Оригинальные дипломы и десятка два копій, хранящихся въ нашихъ архивахъ, изданы Жюлемъ Тардифъ. Ср. каталоги, тщательно составленные Зиккелемъ, Acta regum Karolinorum (1867), и Бемеромъ, Regesta Imperii, edit. Mühlbacher, 1880—1883.

Каждый изъ такихъ актовъ полезенъ историку не только по самому предмету, составляющему его содержаніе, но и по заключающимся въ немъ подробностямъ. Въ нихъ часто можно найти признаки, какъ бы свидѣтельствующіе о состояніи обычаевъ, нравовъ, о положеніи права и особенно о его практикованіи. Изъ этихъ актовъ мы узнаемъ порядокъ собственности, правила наслѣдованія, природу аллода и бенефиція, состояніе различныхъ классовъ людей. Есть институты, извѣстные намъ только по грамотамъ; безъ нихъ мы бы не знали, какъ отправлялось правосудіе; есть даже налоги, о существованіи которыхъ мы знаемъ лишь изъ грамотъ.

Формулы актовъ столь же поучительны, какъ самые акты. У насъ есть сборникъ изъ 56 формулъ, примѣнявшихся въ канцеляріи Людовика Благочестиваго. Есть другіе сборники формулъ, употреблявшихся въ Бургундіи, въ Парижѣ, въ Альзасѣ, въ Аламанніи [1].

Есть еще полиптихи, писцовыя книги, въ которыхъ крупные собственники вели реестры своихъ земель и людей; есть хартуляріи, куда монастыри помѣщали дарственныя грамоты, или другія относящіяся къ нимъ хартіи [2].

Наконецъ мы имѣемъ рядъ житій святыхъ, рисующихъ намъ прежде всего картину моральнаго

[1] См. изданіе *Zeumer*, in fine, 1882.

[2] См. главнымъ образомъ полиптихъ аббатства Сенъ-Жерменъ дэ-Прэ, составленный по приказанію аббатта Ирминона въ царствованіе Карла Великаго, изданный Гераромъ съ учеными комментаріями въ 1844 году (потомъ переизданъ *Longnon*).

состоянія общества и его вѣрованій, затѣмъ содержащихъ много разсказовъ изъ монастырской жизни, изъ области судебной и пр. [1]. Добавимъ, что для освѣщенія умственной жизни мы имѣемъ произведенія Алькуина, Теодульфа и Гинкмара.

Въ итогѣ, наши памятники о каролингской эпохѣ, по крайней мѣрѣ, до конца царствованія Карла Лысаго, многочисленны; они современны эпохѣ, и, по большей части, подлинны. Благодаря разнообразію ихъ природы, они могутъ служить для всѣхъ частей нашего изслѣдованія. По этимъ памятникамъ мы можемъ довольно точно возстановить государственное устройство, его органы, администрацію, судъ, положеніе различныхъ классовъ общества, порядокъ собственности и владѣнія.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Происхожденіе каролингской династіи. Она не является представительницей германской крови и германскаго духа.

Раньше, чѣмъ изслѣдовать правленіе Каролинговъ, полезно изучить самый ихъ родъ [2].

[1] См. *Vita Libuini*, Pertz, II; *Vita Bonifacii*, ibidem; *Vita Sturmii*, ibidem и Migne, t. CV; *Vita Eligii*, ibidem; житія святого Григорія утрехтскаго, святого Вольберта, святого Максимина и др.

[2] Мы употребляемъ слово Каролинги; понятно, что это условное наименованіе. Люди данной фамиліи никогда не носили общаго имени. Фамильныя имена тогда не существовали.—Нѣкоторые нѣмецкіе ученые предпочитали названіе Пиппинидовъ, потому что въ этой династіи было нѣсколько Пиппиновъ, и названіе

О событіи 753 года, когда Пиппинъ Короткій смѣнилъ Меровинговъ, сложились сложныя и громкія теоріи. Одни предполагали, что тутъ произошелъ политическій переворотъ, то-есть, побѣда опредѣленнаго класса общества надъ королевской властью и установленіе новыхъ порядковъ. Другіе представляли воцареніе Каролинговъ, какъ результатъ новаго германскаго вторженія. Согласно послѣднему мнѣнію, теперь очень распространенному, въ VIII-мъ вѣкѣ произошло второе германское нашествіе, и Карлъ Мартеллъ былъ главнымъ его вождемъ. Меровингская династія устранена, какъ ставшая черезчуръ римскою; Каролинги возведены на престолъ, чтобы дать перевѣсъ германскимъ тенденціямъ, германскому духу и крови. Итакъ, по мнѣнію однихъ, воцареніе Каролинговъ—революція; по мнѣнію другихъ—нашествіе.

Мы должны расслѣдовать, согласны ли такія мнѣнія съ истиной. Но вести расслѣдованіе мы будемъ путемъ простого наблюденія надъ фактами, а не путемъ разсужденій и умозрѣній. Необходимо, прежде всего, выяснить происхожденіе каролингскаго дома и его первыя выступленія. Такое изысканіе будетъ надежнѣйшимъ средствомъ

Арнульфинговъ, по имени предка Карла Великаго Арнульфа. Ни въ одномъ документѣ не употребляются эти имена.—Такъ какъ надо принять какой-нибудь условный терминъ, то можно придерживаться и наименованія Каролинги, которое ясно само по себѣ.

[1] Въ совсѣмъ новой книгѣ [руководствѣ по средней исторіи] *Bémond* и *Monod* пишутъ: «Воцареніе Каролинговъ будетъ завоеваніемъ Галліи германцами».

для того, чтобы составить правильное понятіе объ актѣ 753 года.

I.

Каролинги принадлежали къ аристократіи меровингской эпохи.

Прежде всего, надо установить тотъ фактъ, что каролингскій домъ не сразу поднялся на историческої сценѣ. Онъ не появился въ VIII вѣкѣ внезапно, чтобы захватить королевскую власть. Каролинги не вышли въ тотъ моментъ изъ Германіи, не были принесены на почву Галліи новымъ потокомъ германцевъ. Въ продолженіе двухъ вѣковъ семья ихъ была уже богата и могущественна. Она принадлежала къ меровингской аристократіи. Она вышла изъ меровингскаго общества, коренилась въ его почвѣ.

Прослѣдимъ всю филіацію ея вверхъ. Раньше Пиппина Короткаго видимъ отца его Карла Мартелла, раньше Карла Мартелла его отца Пиппина прозваннаго Геристальскимъ. Тутъ линія раздваивается. Пиппинъ былъ сыномъ Ансегиза и Бегги; Ансегизъ — сыномъ Арнульфа, Бегга — дочерью Старшаго Пиппина, который самъ былъ сыномъ нѣкоего Карломана [1]. Арнульфъ и Карломанъ

[1] Бракъ Бегги съ Ансегизомъ отмѣченъ въ *Vita Pippini* (Bouquet, II, 608), въ *Vita Sigiberti*, 10, кромѣ того у Сигиберта Гемблускаго (ibidem, II, 600), въ *Fragmentum auctoris incerti* (ibidem, II, 692), въ *Genealogia* (ibidem, II, 698), въ *Annales Mettenses S. Arnulfi*.— Всѣ эти документы, конечно, болѣе поздняго времени. Не думаю, впрочемъ, чтобы это было достаточнымъ основаніемъ для отрицанія факта этого брака. Естественно, что Фредегарій или его продолжатель не упоминаютъ о немъ; ни *Gesta Francorum*, ни анналы не должны были его касаться. Этотъ бракъ не относился также къ области того, что долженъ былъ указать авторъ житія святого Арнульфа.—Если имя Бегги сохранилось только у авторовъ X-го вѣка, изъ этого не слѣдуетъ непремѣнно, что эти авторы его измыслили. Впрочемъ, она упоминается уже въ житіи св. Гертруды.—Мы увидимъ тѣсную связь Арнульфа и Пиппина въ политической дѣятельности.

являются двумя родоначальниками дома Каролинговъ. Оба они люди VI вѣка, и Каролинги представляютъ сліяніе двухъ фамилій.

Разсмотримъ немного ближе возстановленную генеалогію. О первомъ Карломанѣ намъ извѣстно лишь его имя [1]. Обыкновенно полагаютъ, что онъ былъ герцогомъ, то-есть, высокимъ сановникомъ короля Австразіи. Самъ онъ былъ австразіецъ. Вполнѣ вѣроятно, что онъ былъ франкомъ по происхожденію и чистокровнымъ германцемъ.

[1] Въ *Vita Pippini ducis* сказано только: «Fuit Pippinus Carolomanni filius» (Bouquet, II, 603).—На этой фигурѣ построена однако цѣлая система. *Gérard* въ своей «Histoire des Francs d'Austrasie» (I, 429) изображаетъ Карломана «могущественнымъ герцогомъ, управлявшимъ всею областью между Угольнымъ лѣсомъ (Silva Carbonnaria), Маасомъ и страною фризовъ». Онъ ошибается. Онъ смѣшиваетъ Карломана съ его сыномъ Пиппиномъ. Онъ цитируетъ фразу изъ метцскихъ анналъ (Pertz, I, 316; Bouquet, II, 677): «Qui populum inter Carbonariam silvam usque ad Frisionum fines gubernabat». Онъ не обращаетъ вниманія на то, что въ текстѣ фраза относится къ Пиппину, а не къ Карломану, который даже не названъ. — Вотъ эта фраза: «Begga filia Pippini praecelentissimi principis qui populum inter Carbonariam», etc. — Эта фраза воспроизведена въ *Chronicum Vedastinum*, 386 (édit. Dehaisnes). — Она повторяется также въ *Historia Sanctae Gertrudis* (Bonnell, 176, примѣчаніе).

Весьма вѣроятно также, что его сынъ, Пиппинъ, былъ чисто франкскаго происхожденія. Но тутъ выступаетъ обстоятельство, пренебрегать которымъ не слѣдуетъ: Пиппинъ вступилъ въ бракъ съ женщиною изъ южной Галліи, богатой собственницей изъ Аквитаніи.

Объ этомъ фактѣ свидѣтельствуетъ его біографъ: „Жена Пиппина, почтенная Итта, происходила изъ свѣтлѣйшаго рода аквитанской знати“[1], говоритъ онъ. А этотъ біографъ, хотя и былъ только монахомъ, особенно хорошо освѣдомленъ въ данномъ вопросѣ, такъ какъ его монастырь владѣлъ хартіей о пожалованіи помѣстій, сдѣланномъ этой женщиною въ его пользу [2]. Вѣроятно, вмѣстѣ съ именемъ Итты на этой хартіи стояло имя ея отца и нѣсколько указаній о ея родѣ. Монахъ могъ, слѣдовательно, „достовѣрно знать“, что она происходила „изъ свѣтлѣйшаго рода аквитанской знати“.

Но населеніе Аквитаніи не было германскимъ. Вестготы не остались тамъ, а франки не поселились. Аквитанія повиновалась франкскимъ королямъ и королевскимъ чиновникамъ, которые чаще были римлянами, чѣмъ франками. Выше мы даже установили, что тамъ осталось довольно много богатыхъ фамилій изъ имперской аристократіи.

[1] *Vita Pippini ducis* (Болландисты, 21 февраля; Bouquet, 605): «Uxor eius venerabilis Itta ex clarissima nobilitate Aquitaniae oriunda fuit».

[2] *Vita Pippini ducis* (Болландисты, 21 февраля, Bouquet, II, 605): «Sicut ex possessionum traditione ad nos facta indubitate cognoscimus».

Употребляемое біографомъ выраженіе *clarissima nobilitas* было именно выраженіемъ, служившимъ для обозначенія тѣхъ римскихъ знатныхъ родовъ, въ которыхъ званіе *clarissimus*, или сенаторское, являлось наслѣдственнымъ [1]. Примѣняетъ ли онъ его сознательно, нашелъ ли онъ его въ грамотѣ Итты? Этого мы не знаемъ; но выраженіе тѣмъ не менѣе знаменательно. Что касается брака между германцемъ изъ сѣверной Галліи и римлянкой изъ южной, то въ немъ нѣтъ ничего удивительнаго. Подобные союзы происходили часто. Мы знаемъ къ тому же, что Аквитанія составляла часть того же королевства, какъ и Австразія. Сношенія между обѣими территоріями были непрерывныя. Смѣшеніе расъ, особенно путемъ брака между германцами и богатыми римскими наслѣдницами, составляетъ одинъ изъ самыхъ безспорныхъ фактовъ меровингскаго времени. Отъ подобнаго брака родилась и Бегга, оказавшаяся такимъ образомъ дочерью германца и римлянки.

Разсмотримъ теперь другую линію, линію Арнульфа. У насъ есть двѣ его біографіи [2]. Оба автора восхваляютъ его высокое рожденіе, его знатность. Первый выражается такъ: „Онъ былъ рожденъ въ знатной франкской фамиліи, благород-

[1] Ср. т. II настоящаго труда—Германское вторженіе, кн. I, гл. 10, § 3.

[2] У Мабильона дается лишь первая: *Vita S. Arnulfi* въ «Acta Sanctorum ordinis S. Benedicti», II, 150 [точно такъ же у Круша «Scriptores rerum Merovingicarum», II, 426, находится только первая].—Но обѣ напечатаны у Болландистовъ, 18 іюля; іюль, т. IV, стр. 439—445.

ный по своему рожденію, онъ былъ еще благороднѣе по вѣрѣ во Христа" [1]. Онъ не прибавляетъ ничего больше, не называетъ имени его отца и оставляетъ насъ въ невѣдѣніи о томъ, какая это была „знатная франкская фамилія". Но тутъ-то мы наталкиваемся на затрудненіе. Въ VI вѣкѣ у франковъ не было знатныхъ фамилій. Благороднаго класса у нихъ не существовало. Въ памятникахъ эпохи никогда не упоминается ни объ одной франкской фамиліи, которая бы обладала наслѣдственной знатностью. Вчитайтесь въ Григорія Турскаго, такъ хорошо изображающаго нравы этого вѣка; во многихъ мѣстахъ вы увидите римскую аристократію, которую онъ называетъ сенаторской знатью, но ни разу не встрѣтите франкской знати, хотя Григорій очень хорошо зналъ самыхъ высокихъ франкскихъ вельможъ [2].

Что же хочетъ сказать авторъ житья святого Арнульфа словами *prosapia Francorum*? Надо замѣтить, что большинство житій святыхъ этой эпохи начинаются съ прославленія благородства святого. Они при этомъ пользуются вообще такими выраженіями: *nobilis genere*, *nobilibus parentibus ortus*, *ortus nobili progenie*, *ortus inclyta prosapia* [3]. Но иногда эти выраженія замѣняются слѣдующимъ: *Ex nobili Francorum prosapia genitus* [1]. Однако если сравнимъ другъ съ другомъ житія святыхъ, въ которыхъ встрѣчаются эти различныя выраженія, то увидимъ, что никакое спеціальное понятіе не связывалось ни съ однимъ изъ нихъ, что въ высокопарномъ языкѣ агіографовъ они являлись синонимами. Всѣ они одинаково и съ одинаковой неопредѣленностью указывали, что святой не былъ низкаго происхожденія. Но ни одинъ изъ агіографовъ опредѣленно не думалъ о франкской или о римской расѣ. Въ самомъ дѣлѣ, во множествѣ житій святыхъ мы ни разу не видимъ, чтобы авторъ противополагалъ одну расу другой, или даже имѣлъ понятіе о двухъ расахъ.

Чтобы понять слова *prosapia Francorum*, употребляемыя шестью или семью агіографами, и то лишь съ VII-го вѣка, надобно знать, что слово *Franci* не имѣло этническаго значенія, что оно обозначало всѣхъ подданныхъ королевства франкскаго. Нельзя представить себѣ, чтобы при чтеніи текстовъ это не бросилось въ глаза. Слова *rex Francorum* не означали, что король царствовалъ лишь надъ прирожденными франками; если бы слово *Fran-*

[1] *Vita S. Arnulfi*: «Arnulfus, prosapia genitus Francorum, nobilis parentibus, nobilior in fide Christi».—Въ текстѣ, который даютъ Мабильонъ и Болландисты, стоитъ *genitus*, а не *gentis*, какъ въ изданіи Патрологіи, [во всѣхъ рукописяхъ находимъ *genitus*].

[2] «Франкская монархія», гл. 4.

[3] Ср. Франкская монархія, стр. 106.

[1] Нахожу шесть такихъ примѣровъ, но всѣ относятся только къ VII-му вѣку. «Landelinus ex progenie celsa Francorum oriundus» (*Vita Landelini*, 1; Mabillon, II, 873).—«Trudo nobilissima Francorum prosapia ortus» (*Vita Trudonis*, 1; ibidem, II, 1072).—«Viro Francorum orto natalibus» (*Vita Salabergae*, 6; ibidem, III, 605).—«Blandinus ex Sicambrorum prosapia spectabili ortus» (*Vita Salabergae*, 9; ibidem, 606).—«Autharius ex praeclara Francorum progenie» (*Vita Agili*, 14; Bouquet, III, 512).—«Eurardus et Popita claram de stirpe Francorum originem duxere» (*Vita Humberti*, 1; ibidem, II, 801).

corum имѣло здѣсь этническое значеніе, меровингскій король, значитъ, не имѣлъ титула, который бы указывалъ на его власть надъ людьми римской расы. Мы очень часто встрѣчаемъ выраженіе *palatium Francorum* или *proceres Franci*[1]; а изъ многочисленныхъ примѣровъ намъ извѣстно, что много людей римской расы стояли на самыхъ высокихъ ступеняхъ дворца, именно среди *proceres*. Выраженіе *exercitus Francorum* встрѣчается сотни разъ; но мы знаемъ, что, по крайнній мѣрѣ въ Нейстріи, въ войскахъ было больше римлянъ, чѣмъ франковъ; мы знаемъ также, что военная служба была обязательна для всѣхъ безъ различія, и римляне находились даже среди начальствовавшихъ надъ войсками. Войско представляло, стало быть, смѣшеніе расъ, между тѣмъ оно всегда называлось *exercitus Francorum*; это означало не что иное, какъ войско, принадлежавшее странѣ или королевству франковъ. Въ подобныхъ выраженіяхъ, какъ и во многихъ другихъ, слово *Francus* потеряло свое этническое значеніе. Человѣкъ становился *Francus* съ тѣхъ поръ, какъ являлся членомъ франкскаго государства: *Francorum* было синонимомъ *Franciae*.

Итакъ, когда авторъ житія святого Арнульфа говоритъ, что послѣдній происходилъ изъ знатной франкской фамиліи, то вовсе еще не ясно, что онъ подразумѣваетъ здѣсь принадлежность Арнульфа къ франкской расѣ, или утверждаетъ, что тотъ,

[1] Въ меровингскомъ языкѣ дѣйствительно можно замѣтить частое употребленіе названія народа вмѣсто названія страны. Напримѣръ, въ хроникѣ Фредегарія слово *Austrasii* часто употребляется вмѣсто *Austrasia*, *Franci* вмѣсто *Francia*.

былъ потомкомъ какого-нибудь спутника или сподвижника Хлодовеха. По всей вѣроятности, онъ пользуется очень общимъ выраженіемъ и не думаетъ доискиваться, былъ ли его герой франкомъ или римляниномъ. Авторъ не говоритъ намъ, кто былъ его отецъ[1].

Вскорѣ затѣмъ Павелъ Діаконъ упоминаетъ объ Арнульфѣ въ своемъ каталогѣ метцскихъ епископовъ и говоритъ о немъ, какъ и предшествующій авторъ, не поднимаясь до его отца[2].

2.

Каролинги могутъ быть связаны съ римскою аристократіею.

Другой агіографъ пишетъ жизнеописаніе святого Хлодульфа сына Арнульфа и думаетъ установить генеалогію каролингскаго рода[3]. Арнульфъ

[1] Замѣтимъ, что авторъ *Vita S. Arnulfi*—монахъ изъ Ремирмона. Онъ зналъ Арнульфа, но лишь въ концѣ его жизни уже монахомъ, жившимъ въ полномъ уединеніи. Понятно, что онъ не представлялъ себѣ его генеалогіи.

[2] *Paul. Warnefrid.* Libellus de ordine episcoporum Mettensium (Patrologia, t. XCV, 704): «Arnulfus ex nobilissimo fortissimoque Francorum stemmate ortus».—Павелъ Діаконъ настолько не связываетъ со словомъ *Francorum* понятія германской расы, что считаетъ франковъ пришедшими изъ Труа, то-есть, изъ центра Галліи (ibidem, *Migne*, 718).

[3] *Vita S. Clodulfi*, Acta Sanctorum ordinis S. Benedicti, II, 1044; Болландисты, 8 іюня.—Мнѣ кажется, что это жизнеописаніе составлено при Пиппинѣ Короткомъ. Оно не относится къ болѣе раннему времени, такъ какъ въ немъ говорится о Пиппинѣ, и не къ болѣе позднему, такъ какъ въ немъ не говорится о Карлѣ Великомъ. Авторъ не преминулъ бы упомянуть о вели-

происходилъ „изъ стараго сенаторскаго рода“—говоритъ онъ [1]. Терминъ сенаторскій заслуживаетъ здѣсь вниманія. Это слово часто встрѣчается у Григорія Турскаго Но оно всегда примѣняется къ римлянамъ, никогда къ франкамъ. Оно обозначаетъ фамиліи старой имперской аристократіи, въ которыхъ званіе сенатора было наслѣдственнымъ во время Имперіи, и осталось таковымъ же при Меровингахъ или, по крайней мѣрѣ, до конца VI-го вѣка [2]. Такъ Григорій Турскій сообщаетъ

комъ императорѣ въ той главѣ, гдѣ онъ распространяется о знатности предковъ Арнульфа. Если онъ не упоминаетъ въ этомъ мѣстѣ о Карлѣ Великомъ, значитъ, Карлъ Великій не царствовалъ въ то время, когда онъ писалъ.—Пертцъ говоритъ, однако, что житіе было написано въ 840 году, но въ подтвержденіе своего мнѣнія не приводитъ никакого доказательства. Онъ упоминаетъ только, что авторъ цитируетъ *Gesta Mettensium pontificum* и, предполагая, что это—*Gesta*, написанныя Павломъ Діакономъ, онъ помѣщаетъ его хронологически послѣ этого писателя. Однако, авторъ могъ имѣть въ рукахъ *Gesta* метцской церкви, не принадлежавшія Павлу Діакону.

[1] *Vitæ Clodulfi*, 2: «Quis vel unde fuerit Clodulfus necesse erit intimemus. Prosapia nobilis, inclyta... Arnulfus genitor eius est. Qui ex antiquo senatorum genere procreatus, Franciam omnem imo totam Galliam nobilitate superavit».

[2] Нахожу въ подтвержденіе этого двадцать четыре примѣра. См. *Gregor. Turon.* In gloria confessorum, 5: «Senatores urbis Arvernae qui nobilitatis Romanae stimmate refulgebant».—Historia Francorum, X. 31, § 18: «Eufronius ex genere illo quod senatores nuncupavimus». — II, 2: «Puella nobilitate senatoria florens». — Vitae Patrum, VI, praefatio: «Celsitudo senatorii ordinis (говорится о галлѣ, который былъ римляниномъ изъ Оверни).—*Ibidem*, VI, 1: «Georgius et Leocadia ab stirpe Vetti Epagati, ita de primoribus senatoribus fuerunt ut in Gallis nihil inveniatur nobilius».—Ibidem, VII, praefatio: «Gregorius de excelsa senatorii ordinis potentia».—

намъ, что нѣкій Гундульфъ, герцогъ австразійскій, былъ сенаторскаго рода, „ex genere senatorio“; и мы въ самомъ дѣлѣ видимъ, что Гундульфъ принадлежалъ къ чисто римской фамиліи Флоренціевъ Георгіевъ.

Нѣтъ ничего удивительнаго, если кто-нибудь изъ сыновъ рода Флоренціевъ носилъ имя Гундульфа. Многіе римляне принимали германскія имена, особенно, когда должны были поступать на королевскую службу. Имена не были наслѣдственны, а германскія формы вошли въ моду.

Итакъ, по словамъ агіографа, Арнульфъ происходилъ изъ стараго сенаторскаго рода. Отца его звали Арноальдъ или Ансоальдъ, а отца послѣдняго Ансбертъ [1]. Объ Ансбертѣ говорили не-

Historia Francorum, VI, 39: «Sulpicius est de primis senatoribus Galliarum».—VIII, 39: «Verus de senatoribus».—X, 1: «Gregorius de senatoribus».—X, 31, § 12: «Ommatius de senatoribus».—Vitae Patrum, IV, 3: «Hortensius unus ex senatoribus».—Ibidem, VI, 4: «Evodius quidam ex senatoribus».—Ibidem, VIII, 1: «Florentius quidam ex senatoribus».—In gloria confessorum, 41: «Hilarius ex senatoribus».—Ibidem, 90: «Lusor filius Leucadii senatoris». Vitae Patrum, XIV, 3: «Florentius filius Georgii senatoris».—Historia Francorum, VI, 7: «Marcellus filius Felicis senatoris».—Ibidem, V, 45: «Agricola episcopus fuit genere senatorio».—VI, 11: «Gundulfus de genere senatorio».—X, 31, § 5: «Eustochius episcopus ex genere senatorio».—X, 31, § 7: «Volusianus ex genere senatorio».—Vitae Patrum, VII, 1: «Gregorius coniugem habens de genere senatorio Armentariam».—XX, 1: «Leobardus, genere non senatorio, ingenuo tamen».—In gloria martyrum, 86: «Epachius presbyter cum esset ex genere senatorio et nullus haberetur nobilior».—Нѣтъ ни одного примѣра, въ которомъ это слово примѣнялось бы къ франкамъ.

[1] *Vita Clodulfi*: «Patre Arnoaldo. Arnoaldus patrem habuit Ansbertum qui ditatus non solum rerum opulentia, verum fratrum dignitate, fulsit».

много; но его братьевъ, которые были почти всѣ епископами, очень восхваляли. Ихъ звали Деотарій, Фирминъ, Агіульфъ, Гамардъ, отецъ Гоэриха, и наконецъ Рагенфридъ, отецъ патриція Муммола и патриція Гектора. Въ такой смѣси римскихъ и германскихъ именъ среди братьевъ въ одной семьѣ не было ничего, что вызывало бы тогда удивленіе [1].

Свѣдѣнія, получаемыя изъ житія святого Хлодульфа, подтверждаются другими памятниками. Въ нѣсколькихъ рукописяхъ X-го и XI-го вѣковъ можно найти генеалогическія таблицы каролингской династіи. Къ этимъ генеалогическимъ таблицамъ можно относиться безъ абсолютнаго довѣрія. Но надо все-таки вспомнить, что въ меровингскую эпоху у знатныхъ фамилій существовали свои архивы. Мы въ своемъ мѣстѣ доказали это при помощи грамотъ и формулъ [2]. Стало быть, нельзя утверждать, что всякая таблица непремѣнно была измышленіемъ. Каждая фамилія хранила свою родословную. Потому именно, что не существовало

[1] Замѣтимъ при этомъ, что въ то время было довольно распространено, чтобы каждый человѣкъ носилъ два имени. Гамарда звали еще Бабономъ (*Pertz*, 310) Что касается Рагенфрида, то у него было два сына съ вполнѣ римскими именами, Муммолъ и Гекторъ: «Ragenfridus genuit Mummolo patricio et Hectore» (*Pertz*, 310).—Патриції Муммолъ былъ однимъ изъ самыхъ знатныхъ вельможъ VI-го вѣка; онъ командовалъ войсками, одерживалъ побѣды. Григорій Турскій говоритъ (IV, 42), что отца патриція Муммола звали Пеоніемъ. Выходитъ, что Пеоній, и Рагенфридъ были двумя именами одного лица.

[2] Ср. «Франкская монархія», стр. 25.

наслѣдственныхъ именъ, каждая фамилія заботилась о сохраненіи письменныхъ доказательствъ своей филіаціи.

Въ пяти рукописяхъ сохраняется родословная каролингской династіи [1]; въ шестой находимъ поэму въ стихахъ [2], посвященную той же родословной [3]. Указанныя шесть рукописей между собой несходны по тексту. Значитъ, онѣ не происходятъ отъ единаго корня. Но онѣ совершенно согласуются по содержанію. Всѣ онѣ подтверждаютъ данныя житія святого Хлодульфа. Всѣ устанавливаютъ ту же филіацію: Ансбертъ, Арноальдъ, Арнульфъ. Всѣ упоминаютъ тѣхъ же братьевъ Ансберта и спеціально Фирмина. Всѣ, наконецъ, отмѣчаютъ изучаемый родъ, какъ сенаторскій [4], а нѣкоторыя опредѣленно добавляютъ, что онъ былъ римскимъ [5].

Житіе святого Гоэриха, даже помимо желанія

[1] Эти рукописи слѣдующія: Paris 5294, Paris—St. Germain 440; остальныя въ Британскомъ музеѣ, въ Мюнхенѣ, въ Вѣнѣ.

[2] Paris 8303 [*Dümmler*, II, 141]. Кромѣ того есть родословная, напечатанная по рукописи Питу у *Duchesne*, Historiae Francorum Scriptores, II, 1—2, и у *Bouquet*, II, 699.

[3] Эти тексты изданы Пертцемъ, *Scriptores*, II, 308—312. Одна изъ родословныхъ у *Bouquet*, II, 698 и III, 677.

[4] «Ansbertus qui fuit ex genere senatorum habuit fratres Deotarium, Firminum, Gamardum, et Agilulfum» (*Pertz*, II, 310).—«Ansbertus qui fuit ex genere senatorum praeclarus atque nobilis vir» (*ibidem*, 308).—«Isti sunt ex genere nobilium senatorum, Ansbertus, Firminus», (*ibidem*, 310—311).

[5] По этому вопросу см. главнымъ образомъ небольшую поэму объ Ансбертѣ, *De origine gentis Carolinae*.—Родословная начинается словами: «Aurea cum totum regnaret Roma per orbem».

автора, подтверждаетъ эту родословную [1]. Мы узнаемъ изъ него, что Гоэрихъ, второе имя котораго было Аббонъ [2], происходилъ изъ Аквитаніи и принадлежалъ къ знатному роду, что онъ былъ родственникомъ Арнульфа [3]. А въ родословныхъ мы дѣйствительно видимъ Гоэриха, сына Гамарда, которому Арнульфъ приходился двоюроднымъ братомъ по отцу.

Все, что мы узнаемъ изъ разсматриваемыхъ родословныхъ объ Ансбертѣ, и особенно о его братьяхъ, ясно указываетъ, что ихъ родъ жилъ въ Аквитаніи [4]. А второе житіе святого Арнульфа, написанное, впрочемъ, лишь въ IX-мъ вѣкѣ [5], въ самомъ дѣлѣ, сообщаетъ, что отецъ Арнульфа былъ

[1] *Vita S. Goerici*, Болландисты, 19 сентября, VI, 47 и слѣд. Существуетъ два житія.

[2] Ср. *Paul. Warnefrid.* Gesta episcoporum Mettensium: «Goericus qui et Abbo vocitatus est» (*Vita Arnulfi*, 19).

[3] *Vita S. Goerici*, Vita prior, с. 2: «Arnulfus propinquus.»—Vita altera, с. 8: «Carne et sanguine propinquus». — Гоэрихъ былъ раньше «egregius miles, saeculi actibus serviens» и исправлялъ въ Аквитаніи такія высокія должности, что одинъ изъ агіографовъ называетъ его *rex* (онъ хочетъ сказать *rector*) края; состарившись, онъ подумалъ объ епископатѣ, и двоюродный братъ его Арнульфъ передалъ ему метцскую каѳедру.

[4] Дезидерій жилъ и умеръ епископомъ аризитскимъ; Фирминъ—епископъ узезскій; Гамардъ—отецъ Гоэриха, долго жившаго въ Аквитаніи; Рагенфридъ—отецъ Муммола и Гектора, жившихъ на югѣ. Тарсиція живетъ и умираетъ въ Родезѣ.

[5] *Vita altera S. Arnulfi* у Болландистовъ, іюль, IV, 441. Ср. Mabillon, Acta Sanctorum ordinis S. Benedicti, II, 149. Въ гл. 9 есть, по-моему, указаніе на то, что она была написана при Людовикѣ Благочестивомъ. [Къ такому же заключенію, пришелъ и *Krusch*, 428, не опубликовавшій, впрочемъ, этого текста].

аквитанцемъ [1]. Это также согласно съ родословными, ибо, говоря такъ, агіографъ, несомнѣнно, представлялъ въ умѣ чисто аквитанскій родъ Ансберта и его братьевъ. И онъ также упоминаетъ Гоэриха, котораго называетъ двоюроднымъ братомъ Арнульфа [2], и который изъ Аквитаніи переселился въ Метцъ [3].

Всѣ родословныя останавливаются на Ансбертѣ, жившемъ около 500-го года. Ни одна изъ нихъ не поднимается до его отца. Ни одна не объясняетъ, какимъ образомъ человѣкъ, носившій имя Ансберта, принадлежалъ „къ сенаторскому роду". Но случилось, что одинъ изъ братьевъ, Фирминъ, сдѣлался епископомъ, сталъ святымъ и потому нашелъ біографа [4]. Этотъ авторъ говоритъ намъ, кто былъ отецъ Фирмина, а значитъ и Ансберта; его звали Ферреолъ; онъ былъ однимъ изъ вельможъ нарбоннской области: онъ былъ потомкомъ рода Ферреоловъ, одного изъ знатнѣйшихъ сенаторскихъ родовъ Галліи.

Житіе Фирмина заслуживаетъ особаго внима-

[1] *Vita altera S. Arnulfi*: «Natus est beatus Arnulfus Aquitanico patre, Sueva matre».

[2] Житіе Арнульфа содержитъ въ одной изъ рукописей *exordium*, въ которомъ передается все происхожденіе Ансберта (Болландисты, 434); но это exordium извѣстно лишь Виньe, который сообщилъ его Доминиси, и къ нему можно относиться съ нѣкоторымъ недовѣріемъ.

[3] *Vita altera Arnulfi*, с. 19, р. 444: «Contigerat illis in diebus ut vir illustris nomine Goericus, filius Gamardi uti fratris avi paterni huius beati Arnulfi, ab Aquitania» Mettim devenisset.

[4] *Vita Firmini episcopi Usetiensis*, у Болландистовъ, октябрь, V, 640 [Ср. *Auctarium*, стр. 70 и слѣд.].

нія. Нельзя заподозрѣть, чтобы авторъ писалъ съ цѣлью восхваленія Каролинговъ; онъ, повидимому, ихъ не зналъ [1]. Не изъ собственной головы взялъ онъ имя Ферреола и не съ какой-нибудь предвзятой точки зрѣнія называетъ его. Въ первой главѣ онъ ограничивается неопредѣленными словами *vir quidam*. Но дальше, вѣроятно, согласно какому-нибудь источнику или какому-нибудь болѣе старому преданію, разсказываетъ, какъ Фирминъ въ ранней молодости явился къ епископу Рорицію, чтобы добиться поступленія въ духовный санъ; авторъ передаетъ разговоръ, происшедшій по этому поводу. „Кто ты?" спрашиваетъ епископъ.—„Я родился въ Нарбоннѣ, моего отца зовутъ Ферреоломъ, а мать Индустріей",—отвѣчаетъ отрокъ [2].

Именно по этой наивно вставленной въ разсказъ агіографа черточкѣ мы знаемъ о происхожденіи Фирмина и Ансберта. Это извѣстіе изъ *Vita Firmini* подтверждается еще одной подробностью, которая почерпается изъ родословныхъ: у Ансберта былъ сынъ, который тоже носилъ имя Ферреола [1]. Извѣстно, что знатныя римскія фамиліи любили передавать имя отца сыну, или, по крайней мѣрѣ, имя дѣда внуку, хотя наслѣдственность именъ и не была у нихъ правиломъ. Родословныя, дающія намъ имя Ферреола-внука, совпадаютъ, значитъ, съ Vita Firmini, которая даетъ то же имя дѣду.

Родъ Ферреоловъ, одинъ изъ самыхъ знатныхъ въ Галліи, поставлявшій Имперіи префектовъ преторія въ V-мъ вѣкѣ [2]; онъ оставался, повидимому, въ тѣни во время владычества вестготовъ. Его высокое положеніе при франкскихъ короляхъ находитъ объясненіе, если обратить вниманіе на нѣкоторыя обстоятельства. Въ самомъ дѣлѣ, надо вспомнить, что нарбоннскій округъ, къ которому принадлежали Ферреолы [3], продолжалъ, даже послѣ битвы при Вугле составлять часть королевства вестготовъ въ теченіе всего VI-го вѣка; но мы видимъ, что члены этого дома покидаютъ

[1] Крушъ сообщаетъ важныя выдержки изъ житія Фирмина, данныя Болландистами въ ихъ каталогѣ агіографическихъ рукописей, II, 95 и слѣд. Отрывки, какъ кажется, составлены около 800-го года.

[2] *Vita Firmini*, c. 2.—Я спрашивалъ себя, тотъ ли это самый Фирминъ, о которомъ говорятъ каролингскія родословныя и житіе святого Хлодульфа. Не можетъ быть сомнѣнія, что это такъ. Въ родословныхъ и въ житіи святого Хлодульфа говорится, что братъ Ансберта Фирминъ былъ епископомъ узезскимъ. Фирминъ изъ *Vita S. Firmini* также былъ епископомъ узезскимъ. Но въ Узезѣ былъ только одинъ епископъ, носившій имя Фирмина. Время также совершенно совпадаетъ. Добавьте еще, что хотя Ансбертъ не названъ, но въ *Vita S. Firmini* сказано, что у Фирмина былъ братъ, котораго звали Ферреолъ; а у Ансберта дѣйствительно былъ сынъ, носившій это имя.

[1] «Ansbertus habuit tres filios... secundus habuit nomen Feriolus» (*Pertz*, II, 308). — «Ansbertus genuit... Feriolum» (*Ibidem*, 310).—Родословныя добавляютъ, что Ферреолъ сдѣлался епископомъ узезскимъ; въ *Vita Firmini* также говорится, что этотъ племянникъ Фирмина сдѣлался послѣ него епископомъ узезскимъ. Совпаденіе полное. Григорій Турскій упоминаетъ о смерти послѣдняго Ферреола въ 581 году (*Historia Francorum*, VI, 7).—Болландисты издали *Vita Ferreoli* въ приложеніи къ 4 января послѣ выдержекъ, цитированныхъ выше.

[2] О *Ferreoli* см. у Сидонія, VII, 12 и далѣе.

[3] «Fuit vir quidam (Ферреолъ) in civitate Narbona».—«Narbona civitate sum ortus» (*Vita Firmini*, 1; 2. Болландисты, октябрь, V, 640).

Нарбонну. Это совпадаетъ съ походомъ австразійскаго короля Теодеберта (533), завоевавшаго у готовъ не Нарбонну, а сосѣднія города Узезъ и Алэ. Мы замѣчаемъ, что въ скоромъ времени узезская епархія передается члену этого рода, по имени Рорицію [1], потомъ сыну Ферреола Фирмину, и наконецъ сыну Ансберта Ферреолу. Мы знаемъ, что въ то время короли свободно распоряжались епархіями. Что касается Алэ, тогда называвшагося Arisitum [2], то завладѣвшіе имъ австразійскіе короли сдѣлали изъ него независимую отъ нимскаго округа область [3] и водворили тамъ сына Ферреола Деотарія, потомъ сына Ансберта Модериха. Въ то же время Агіульфъ, сынъ Ферреола, а, можетъ быть, Ансберта [4], былъ въ такой милости у короля Австразіи, что получилъ епископскую каѳедру въ Метцѣ. Всѣ эти обстоятельства позволяютъ намъ представлять,

[1] Родство Рориція съ Ферреоломъ отмѣчено въ *Vita S. Firmini*, 3. Фирминъ сказалъ, что онъ былъ сынъ Ферреола изъ Нарбонны: «Roricius cognovit quod esset ex progenie sua ortus». Согласно *Gallia christiana* (VI, 611), Рорицій былъ сыномъ нѣкоего Тонанція Ферреола.

[2] *Longnon*, 5.—По мнѣнію этого ученаго, Аризитъ—это Алэ. По мнѣнію другихъ, это Арзатъ, нынѣ несуществующій городъ, въ Руергѣ близъ Milhau. Было высказано много и другихъ гипотезъ, которыя намъ незачѣмъ здѣсь перечислять.

[3] *Ibidem*, 55; 538.

[4] Агіульфа мы находимъ въ родословныхъ, какъ брата Ансберта; но епископомъ метцскимъ онъ сдѣлался лишь въ 578 году. Одна строка у Павла Діакона, не называющаго его отца, но выдающаго его за сына женщины изъ меровингскаго дома, позволяетъ предположить, что Павелъ Діаконъ считалъ его сыномъ Ансберта.

что этотъ родъ оставилъ Нарбонну и королевство готовъ около 533 года, чтобы связать свою судьбу съ судьбою франковъ.

Ферреолы оказали королямъ, должно быть, очень большія услуги, такъ какъ получили въ награду три епархіи. Несъ ли Ансбертъ воинскую, дипломатическую или административную службу [1], не знаемъ; но усердіе его казалось настолько великимъ, а поддержка знатнаго рода, пришедшаго съ юга, настолько цѣнной, что меровингскій король отдалъ за него одну изъ своихъ дочерей. Объ этомъ фактѣ свидѣтельствуютъ разнаго рода документы, и мы не въ правѣ его отвергать [2]. Къ

[1] Ансберта называютъ *illuster vir* (Bouquet, II, 598).

[2] *Vita Arnulfi ab Umnone* (Mabillon, II, 149): «Chlotarii filiam Blithildem in matrimonium accepit Ansbertus». Ср. въ генеалогіи (Pertz, 308): «Ansbertus accepit filiam Chlotarii regis Francorum ad coniugem, nomine Blithildem, et habuit ex ea filios tres». [«Chlotharius habuit... Blitchildim, quem accepit Ansbertus nobilissimus genuitque ex ea Arnoldum» (примѣчаніе на поляхъ одной рукописи X-го вѣка, въ *Gesta*, 285), edit. Krusch.]. Хлотаръ—это, вѣроятно, Хлотаръ I, владѣвшій Аквитаніей отъ 553 до 561 года. Но авторы родословныхъ, согласные относительно имени Блитгильды, не согласны относительно имени короля, ея отца. Одинъ изъ нихъ называетъ ее дочерью Хлотара II и сестрой Дагоберта I, чего не можетъ быть, такъ какъ внукъ ея Арнульфъ былъ старше Хлотара II. Павелъ Діаконъ въ своемъ каталогѣ епископовъ метцскихъ, думаетъ, повидимому, что рѣчь идетъ о дочери Хлодовеха. Авторъ небольшой поэмы, о которой говорилось выше, болѣе ясенъ и указываетъ, что рѣчь идетъ о дочери Хлотара I.—Всѣ эти разномыслія не устраняютъ, по-моему, главнаго факта, а именно брака женщины изъ меровингскаго дома съ представителемъ рода Ферреоловъ. Если идея этого союза была вымышлена въ эпоху Каролинговъ и внушена людямъ изъ политическихъ соображеній, то всѣ авторы были бы согласны другъ съ другомъ. Здѣсь же нѣтъ никакого уговора.

тому же, въ немъ нѣтъ ничего неправдоподобнаго. Онъ вполнѣ согласуется, наоборотъ, съ тѣмъ благоволеніемъ, которымъ въ VI вѣкѣ пользовалась со стороны королей эта семья.

Итакъ, изъ всего предыдущаго вытекаетъ, что чрезъ Арнульфа и Ансберта каролингская фамилія связывалась родствомъ съ родомъ Ферреоловъ, и что въ ней, такимъ образомъ, хотя бы отчасти, текла римская кровь.

Но заслуживаютъ ли разсмотрѣнные документы полнаго довѣрія?

Наше рѣшеніе не должно быть здѣсь продиктовано соображеніями кажущагося чистаго правдоподобія или базироваться на субъективныхъ доводахъ. Несомнѣнно, люди, a priori представляющіе себѣ, что римское населеніе должно было быть раздавлено варварами, что оно должно было быть лишено собственности, утѣснено, уничтожено,—отвергнутъ эту генеалогію, какъ басню. Ихъ умъ не вмѣститъ ни богатства Ансберта, ни, особенно, его брака съ дочерью Меровинга. Но людей, свободныхъ отъ предвзятыхъ взглядовъ, людей, знающихъ, что римляне остались богатыми, что они служили королямъ, достигали самыхъ высокихъ должностей, что, подчиняясь новому обычаю, многіе изъ нихъ принимали германскія имена, что, наконецъ, браки между обѣими

Авторы знаютъ, что былъ бракъ; только многіе ошибаются во времени. Понятно, что одинъ представляетъ Блитгильду дочерью, другой сестрою Хлотара. Историческая критика иногда должна признать, что бываютъ разногласія, которыя служатъ знаками правды, равно какъ совпаденія, указывающія на ложь.

расами были безконечно часты,—такихъ людей не остановятъ соображенія о будто бы неправдоподобіи такой картины [1]. Изучаемая родословная не должна оцѣниваться на основаніи различныхъ предвзятыхъ мыслей, вліяющихъ на наше сужденіе. [2]. Критическій умъ долженъ смотрѣть только на достоинство памятниковъ.

Съ одной стороны, въ ихъ пользу говоритъ то обстоятельство, что ихъ много. Житіе святого Хлодульфа, три родословныя таблицы разнаго происхожденія и въ то же время согласныя между собою, посвященная Ансберту краткая поэма, второе житіе святого Арнульфа, житіе святого Гоэриха, наконецъ житіе святого Фирмина — получается сумма изъ восьми текстовъ. Восемь текстовъ для одного факта—это очень много. Ихъ цѣнность увеличивается тѣмъ, что различные авторы, видимо, не сговаривались между собою, не списывали другъ у друга и не заимствовали отъ общаго образца. Въ житіи святого Хлодульфа и житіи

[1] См. послѣднія главы Германскаго вторженія.

[2] См. разборъ у *Pertz*, II, 307, и уже у Болландистовъ, іюль, IV, 426.—*Gérard*, I, 334. Ср. *Bonnell*, Die Anfänge des Karolingischen Hauses, 10; онъ не признаетъ этой родословной.—Я больше повѣрилъ бы *Dominicy*, Ansberti familia rediviva (1648), если бы у этого южанина не проглядывало слишкомъ ясно предвзятое желаніе завладѣть всѣмъ родомъ Карла Великаго въ пользу юга.—Я бы съ большимъ довѣріемъ отнесся къ Пертцу и къ Боннеллю, если бы у нихъ не сквозило чересчуръ явно пристрастное желаніе сохранить каролингскую династію за сѣверными областями. Мнѣніемъ ученыхъ всегда руководили въ данномъ вопросѣ предубѣжденія, романистскія или германистскія. Потому-то нѣмецкая наука старается подорвать цѣнность приведенныхъ нами многочисленныхъ документовъ.

святого Фирмина нѣтъ ничего общаго. Первое игнорируетъ все, что касается Фирмина; второе— все, что касается Ансберта и Каролинговъ; но мы узнаемъ изъ другихъ документовъ, что Фирминъ и Ансбертъ принадлежали къ одному роду, и потому ихъ біографіи можно поставить въ связь. Никакія правила критики не позволяютъ отвергать такіе тексты и вытекающій изъ ихъ сопоставленія согласный результатъ [1].

Но, съ другой стороны, ни одинъ изъ этихъ текстовъ не отличается большею древностью. Житіе святого Хлодульфа, по-моему, относится ко времени царствованія Пиппина Короткаго. Одна изъ родословныхъ принадлежитъ къ тому же царствованію [2], другія—ко времени Карла Великаго или его сыновей, такъ какъ въ нихъ встрѣчается имя Карла Великаго, даже Людовика Благочестиваго и Лотара [3]. Краткая поэма объ Ансбертѣ

[1] Надо отмѣтить, что къ этимъ документамъ можно бы было прибавить Павла Діакона. Приводя списокъ епископовъ метцскихъ, онъ говоритъ, что Агіульфъ по отцу происходилъ изъ знатнаго сенаторскаго рода, а по матери—отъ дочери Хлодовеха. Это вполнѣ совпадаетъ съ родословными, такъ какъ и Павелъ Діаконъ прибавляетъ, что Арноальдъ былъ племянникомъ Агіульфа (Migne, XCV, 704). Онъ расходится съ ними лишь въ томъ, что превращаетъ Блитгильду въ сестру Хлотара I вмѣсто того, чтобы называть ее дочерью его.—Добавьте еще *Chronicon Vedastinum*, отъ X-го или XI вѣка (édit. Dehaisnes, 385—386) и хронику Сигиберта Гемблусскаго подъ 619 г.

[2] Это именно та, которая издана у *Duchesne*, Historiae Francorum Scriptores, II, 1—2 и у *Bouquet*, II, 699, подъ заглавіемъ *Libellus de maioribus domus regiae*.

[3] *Pertz*, 309: «Hludovicus ex Iudith imperatrice genuit Karolum gloriosum regem». Одна родословная доходитъ даже до римскаго императора Отона.

была посвящена Карлу Лысому. Житіе святого Фирмина и святого Гоэриха написаны, неизвѣстно когда. Итакъ, документы, въ которыхъ упоминается Ансбертъ и тѣмъ болѣе Ферреолъ, люди VI-го и даже V-го вѣка,далеко не современны имъ.

Главный доводъ противъ изучаемой генеалогіи заключается не въ томъ, что памятники, въ которыхъ она помѣщена, относятся лишь къ VIII вѣку, ибо мы знаемъ, что у богатыхъ фамилій хранились тогда домашніе архивы [1], и потому не слишкомъ трудно было возстановить рядъ изъ шести восходящихъ предковъ для какого-нибудь виднаго человѣка. Самое серьезное сомнѣніе вызывается, тѣмъ, что документы, въ которыхъ она сохранилась, составлены въ эпоху правленія Каролинговъ и, быть можетъ, съ цѣлью ихъ восхваленія [2]. Во всякомъ случаѣ достовѣрно одно, что разсмотрѣнныя родословныя таблицы возникли въ VIII вѣкѣ. А были ли онѣ составлены по документамъ и актамъ изъ архива рода Арнульфа, или являются чистымъ вымысломъ, это остается вопросомъ.

Вопросъ не можетъ быть разрѣшенъ строго научно. Допускать то или другое предположеніе

[1] Объ этихъ архивахъ см. анжуйскія формулы, №№ 31, 32, 33; турскую, № 28; формулу Маркульфа, I, 34.

[2] Высказывавшееся въ наукѣ предположеніе, что родословная была вымышлена аквитанцами при Людовикѣ Благочестивомъ, по моему, имѣетъ мало силы. Житіе святого Хлодульфа и одна изъ родословныхъ написаны до Людовика Благочестиваго.

остается въ доброй волѣ каждаго историка. Въ эту родословную можно вѣрить или ее можно отвергать.

Но если ее отвергнутъ, какъ поддѣлку, то надо будетъ спросить, чтò могло побудить Карла Великаго или его современниковъ выдумать и фальсифицировать родословную, которая производила его не отъ германцевъ, а связывала его съ римскимъ родомъ [1].

Одно изъ двухъ: или родословная подлинна, и тогда Карлъ Великій происходилъ отчасти отъ знатнаго рода изъ римской аристократіи, или родословная поддѣлана, и тогда Карлъ Великій желалъ для себя такого происхожденія или вѣрилъ въ него [2]. Въ первомъ случаѣ вскрывается любопытный дѣйствительный фактъ; во второмъ—обнаруживается мнѣніе, стремленіе, концепція еще болѣе любопытныя, чѣмъ самый фактъ, и еще болѣе важныя [1].

[1] Сдѣлаемъ еще одно замѣчаніе. При внимательномъ чтеніи родословныхъ не получается впечатлѣнія, чтобы онѣ были продиктованы или внушены государемъ. Прежде всего, онѣ не похожи одна на другую, оффиціальнаго текста не существовало. Кромѣ того, житіе святого Хлодульфа и особенно житіе святого Фирмина написаны совершенно внѣ каролингскаго вліянія. А именно изъ одного только житія Фирмина мы и знаемъ о связи Каролинговъ съ родомъ Ферреоловъ. Ни одна изъ родословныхъ такъ далеко не поднималась.

[2] Можно даже замѣтить, что въ родословныхъ, составленныхъ въ IX вѣкѣ, упоминается лишь отцовская линія, со стороны Арнульфа и Ансберта; онѣ совершенно пренебрегаютъ материнской линіей, со стороны Карломана и стараго Пиппина, которая была наиболѣе германскою.—Но, я думаю, это зависитъ единственно отъ того, что въ линіи Ансберта было больше епископовъ и святыхъ.

Съ нашей стороны, мы не хотѣли пренебречь этими документами, какъ поступили нѣмецкіе ученые. Не думаемъ, чтобы на нихъ слѣдовало строить новую теорію. Но они должны насъ предостерегать отъ теоріи, уже сложившейся. Когда говорятъ, что каролингская династія была носительницею германскаго духа и германской крови, утверждаютъ положеніе, опровергаемое этими документами и не подтверждаемое никакими другими.

Изъ изученныхъ документовъ мы не дѣлаемъ вывода, что родъ Карла Великаго былъ римскій; но еще меньше права имѣютъ утверждать, что онъ исключительно германскій. Если пожелаемъ, непремѣнно, поднять здѣсь вопросъ о расахъ, то надо будетъ признать, что эта династія представляетъ смѣшеніе расъ. А самое лучшее будетъ исключить изъ нашего изслѣдованія вопросъ о расахъ, о которомъ не думали въ то время ни короли, ни народы.

Отмѣтимъ, что если мы допустимъ происхожденіе Карла Великаго отъ Ансберта и отъ рода Ферреоловъ, то это еще не дастъ намъ права заключать, что его родъ черезъ семь поколѣній остался римскимъ по крови и по духу. Этотъ родъ

[1] Наиболѣе образованные люди IX вѣка вѣрили въ правдивость этой родословной. Гинкмаръ объявилъ публично и въ торжественномъ случаѣ, что Карлъ Лысый и его предки происходили по святому Арнульфу отъ Хлодовеха. Значитъ, онъ вѣрилъ въ бракъ Ансберта съ Блитгильдой (*Annales Bertiniani,* 869, édit. Dehaisnes, 195—196).

жилъ все время на сѣверѣ и на востокѣ. Путемъ браковъ онъ смѣшался съ германскими фамиліями. Его интересы постоянно были связаны съ интересами королей Австразіи, такъ какъ его члены служили имъ и, благодаря имъ, возвышались. Мы должны еще допустить, что Каролинги прилагали даже нѣсколько преувеличенное стараніе къ тому, чтобы смѣшаться съ франками, такъ какъ, начиная съ Ансберта, его члены носили имена, по формѣ германскія. Если Каролинги происходятъ отъ римскаго рода, то отъ такого, который, благодаря честолюбію или ловкости, сумѣлъ подвергнуться „франкизаціи". Они оставили въ сторонѣ свое римское происхожденіе и сдѣлались одною изъ самыхъ видныхъ франкскихъ фамилій.

3.

Каролинги—фамилія епископовъ и святыхъ.

Отклонивъ теорію о расахъ, мы должны однако подмѣтить въ родословной нѣсколько данныхъ которыя необходимо изъ нея выдѣлить и освѣтить.

Общество, являющееся предметомъ нашего изслѣдованія, отличается двумя характерными чертами: въ духовной жизни обнаруживается въ немъ крайнее благочестіе, при томъ скорѣе передъ святыми, чѣмъ передъ Богомъ; въ матерьяльной жизни раскрывается большое вліяніе на его судьбы земельнаго богатства. Изъ родословной Каролинговъ вытекаютъ именно два обстоятельства: изъ всѣхъ галльскихъ фамилій наибольшее число святыхъ насчитывала въ своихъ нѣдрахъ именно каролингская фамилія; она же обладала наибольшимъ количествомъ земель.

Что касается святыхъ, то въ первомъ поколѣніи, въ числѣ братьевъ Ансберта находимъ: Деотарія, бывшаго епископомъ въ Алэ и послѣ смерти ставшаго святымъ [1]; Фирмина который былъ епископомъ въ Узезѣ и также сталъ однимъ изъ наиболѣе чтимыхъ святыхъ [2]; Агіульфа, который былъ епископомъ въ Метцѣ; Гамарда, который не былъ самъ епископомъ, но оказался отцомъ епископа и святого Гоэриха [3].

Во второмъ поколѣніи сыновьями Ансберта были: Арноальдъ, который, проведя жизнь въ свѣтскихъ должностяхъ [4], окончилъ ее на епископской каѳедрѣ въ Метцѣ [5]; Ферреолъ, двадцать восемь лѣтъ бывшій епископомъ узезскимъ и почитавшійся тамъ послѣ смерти, какъ святой; Модерихъ, умершій епископомъ въ Алэ, „на могилѣ кото-

[1] *Genealogia* (Pertz, II, 310): «Deotarius construxit vicum Arisidum ubi confessor Christi requiescit».

[2] *Vita S. Firmini*, Болландисты, октябрь, V, 640.—*Genealogia*: «Firminus pontificatum tenuit Ucecia civitate ubi confessor Christi requiescit».

[3] *Vita S. Chlodulfi*, 2: «Gamardus, sancti Goerici praesulis genitor».

[4] Мюнхенская рукопись генеалогіи называетъ его *illuster vir* (Pertz, 309). Кромѣ того извѣстно, что онъ сдѣлался епископомъ въ 599 году послѣ того, какъ помѣстилъ своего сына на службу во дворецъ Теодеберта II.

[5] *Paul. Warnefrid.* Liber de Mettensibus episcopis: «Post istum exstitit nepos ipsius (Agiulfi) nomine Arnoaldus».—Согласно *Gallia christiana*, XIII, 690, этотъ Арноальдъ былъ не племянникомъ Агіульфа а только носилъ одно имя съ нимъ.

раго Богъ творилъ много чудесъ" [1]; наконецъ сестра ихъ Тарсиція, которая также стала святой: „благодаря ея заслугамъ ежедневно проявлялась сила Христа, говорятъ даже, что она воскресила мертваго" [2].

Въ третьемъ поколѣніи выдвигается Арнульфъ, сдѣлавшійся епископомъ въ Метцѣ послѣ того какъ раньше онъ былъ крупнымъ вельможей при дворѣ австразійскомъ; потомъ онъ сталъ монахомъ въ Ремирмонѣ, что увеличивало въ глазахъ людей престижъ его имени. Его прославили выдающимся святымъ. Сынъ его Хлодульфъ сдѣлался епископомъ въ Метцѣ; епископства Узезъ и Алэ на югѣ и Метцъ на сѣверѣ составили какъ бы родовую собственность этой фамиліи. Послѣ смерти и онъ сталъ святымъ [3].

Въ общемъ находимъ девять епископовъ, семь святыхъ и одну святую въ исторіи дома Каролинговъ. Пиппинъ Короткій и Карлъ Великій происходили отъ епископовъ и отъ святыхъ. Если вникнуть въ понятія людей того времени, можно судить,

[1] *Genealogia* (Pertz, II, 309): «Modericus in Arisido episcopus... ibi pro meritis eius multa miracula Deus operatur».

[2] *Ibidem*: «Tarsitia in virginitate perseverans in Rodinis civitate requiescit, pro cuius merito virtus Christi quotidie ostenditur, quae etiam fertur mortua mortuum suscitasse».

[3] Первый Пиппинъ также былъ чтимъ, какъ святой, хотя онъ и не былъ епископомъ; точно такъ же жена его Итта и дочь Гертруда (см. *Vita Pippini* и *Vita Gertrudis*, Mabillon, II, 464); но это святость, мнѣ кажется, немного позднѣйшаго происхожденія, и, я думаю, лучше въ соображеніе ее не принимать. [Только святость Гертруды хорошо доказана ея житіемъ, справедливо относимымъ новѣйшимъ издателемъ Крушемъ къ VII вѣку].

какою большою силою являлась возможность насчитывать въ числѣ своихъ предковъ людей, творившихъ чудеса. Долго еще спустя послѣ Карла Великаго, люди вѣрили, что эти святые продолжали бдительно покровительствовать своимъ потомкамъ [1].

4.

Каролинги—фамилія крупныхъ собственниковъ.

Каролинги были въ то же время самою богатою семьею среди аристократіи во франкской Галліи. Первый Карломанъ былъ крупнымъ собственникомъ въ льежской области [2]; сынъ его, Пиппинъ Ланденскій, богатый самъ по себѣ, женился въ Аквитаніи на богатой наслѣдницѣ, принесшей ему еще много помѣстій [3]. Съ другой стороны, авторы родословныхъ говорятъ, что Ансбертъ былъ очень богатъ [4]. Это — подробность, которой они не забываютъ. Біографъ свя-

[1] Такъ о святомъ Арнульфѣ *Poeta Saxo* говоритъ: «Nunc ovat in caelis praebens miracula terris... Stirpem nempe suam protegit atque fovet» (V, 131—134, ed. Jaffe, p. 609).

[2] Перваго Карломана представляютъ обыкновенно могущественнымъ герцогомъ, главою всей области долины Мааса, но доказательствъ для этого нѣтъ.—Адріэнъ Валуа, *Rerum francicarum*, III, 27, только говоритъ: «Carlomannus in Hasbania multas possessiones habuisse credo, principem Hasbaniae fuisse non credo».

[3] *Vita Pippini*: «Sicut ex possessionum eius traditione cognoscimus». Ничто не заставляетъ насъ думать, что Итта принесла въ даръ всѣ свои помѣстья.

[4] «Ansbertus ex genere senatorum, in multis divitiis pollens» (*Pertz*, 308).—«Ansbertus praepotens divitiis» (*Vita Arnulfi ab Umnone*)

того Арнульфа также начинаетъ со словъ, что „земныя блага были у него въ избыткѣ“ [1]. Бракъ соединилъ родъ Пиппина съ родомъ Арнульфа, и Пиппинъ Геристальскій сталъ обладателемъ обоихъ состояній.

Ни одинъ документъ не даетъ намъ списка или числа принадлежавшихъ этому роду имѣній [2]. Но, пожалуй, можно судить о его владѣніяхъ по числу земельныхъ пожалованій, какія, мы видимъ, члены его дѣлали. Въ Арденнахъ ему принадлежалъ castrum Ambra, принесенный ими въ даръ, около Реймса—вилла Жерминьи [3]; церкви метцской родъ Карла Великаго принесъ въ даръ виллу Нугаретъ, расположенную въ верденской епархіи [4]. Монастырямъ, основаннымъ святымъ Ремакломъ, онъ жалуетъ одно помѣстье въ Гасбенѣ, другое въ Арденнахъ [5], монастырю св. Трудона пожаловано два помѣстья, [6], монастырю лоб-

[1] *Vita S. Arnulfi*, 2 [1, Krusch]: «Opulentissimus in rebus saeculi».

[2] Мы знаемъ, что ему принадлежали Ланденъ, Геристаль, Нивелла (*Vita Gertrudis*, Pertz, I, 316): «In loco qui vocatur Nivella in hereditate propria».

[3] *Diplomata*, № 409; № 316.

[4] *Ibidem*, № 414: «Villam proprietatis nomine vocabulo Nugaretum».—Сынъ Арнульфа Хлодульфъ даритъ метлахскому монастырю виллу Обланью (*Pardessus*, II, 84), толейскому монастырю виллу Мерцевиллу (*ibidem*, II, 93).

[5] *Vita S. Remacli*, 21; Bouquet, III, 527: «Duas ex fiscis suis villas in usum mensae servorum Dei, unam in Hasbanio, alteram in Arduenna, pro S. Remacli amore attribuit».

[6] *Vita S. Trudonis*, 22; Acta Sanctorum ordinis S. Benedecti, II, 1083; Bouquet, III, 636.—Одно изъ помѣстій называлось Охинсала, другое Гамъ.

скому—большой лѣсъ, находившійся въ бассейнѣ Самбры [1]. Мы знаемъ кромѣ того, что въ области верденской Каролингамъ принадлежали Парруа и Коминьеръ [2]; въ долинѣ Мозеля помѣстье подъ названіемъ Палаціолъ [3]; въ трирской епархіи вилла Болумвилла или Болумдорфъ [4]; два другихъ помѣстья въ области Местрихта [5]; въ льежской епархіи два большихъ помѣстья, каждое изъ которыхъ было центромъ нѣсколькихъ другихъ [6]; въ Арденнахъ помѣстье Летерно, которое стояло во главѣ четырехъ другихъ [7]. Итта пожаловала нѣсколько своихъ земель на югѣ. Мы видимъ, что въ Нейстріи каролингская фамилія принесла въ даръ фонтенельскому аббатству восемь помѣстій, находившихся въ Вексенѣ и въ Бовези [8]. Восемнадцать или двадцать помѣстій—не очень много. Но надо принять въ разсчетъ, что, во-первыхъ, у насъ имѣется далеко не полный списокъ приписанныхъ Каролингамъ даровъ; во-вторыхъ, такіе подарки

[1] *Diplomata*, № 443. Хартія, повидимому, подложная, то-есть, возстановлена позднѣе взамѣнъ сгорѣвшаго или потеряннаго подлинника; пожалованіе тѣмъ не менѣе было дѣйствительное, такъ какъ возстановившіе хартію монахи еще владѣли лѣсомъ.

[2] Грамотой 702 года (*Diplomata*, № 454) Пиппинъ приноситъ въ даръ епископу верденскому помѣстье Парруа и беретъ назадъ Коминьеръ, раньше ему подаренный.

[3] *Testamentum Adelae*, Bouquet, III, 653.

[4] *Diplomata*, № 503.

[5] *Diplomata*, № 521.

[6] *Ibidem*, № 587.

[7] *Ibidem*, № 591.

[8] *Annales Fontanellenses*, Bouquet, II, 658 и слѣд. Эти помѣстья назывались: Флоріакъ, Тарицинъ, Вальмо, Люциніакъ, Мала, Гамапій, Экклезіола и Фонтанидъ.

не обѣднили фамилію и составляли лишь незначительную часть ея состоянія [1]. Самое большее то было десятою частью ея земельнаго богатства. А это было время, когда земельное богатство составляло всю силу семействъ. Оно доставляло имъ слугъ, друзей и воиновъ. Оно давало независимость, оно позволяло повелѣвать.

Итакъ, въ родѣ Каролинговъ, съ одной стороны, былъ длинный рядъ епископовъ, святыхъ, ходатаевъ передъ Богомъ и чудотворцевъ; съ другой — въ ихъ рукахъ скопилось огромное число помѣстій, разсѣянныхъ по всей Галліи, особенно на сѣверо-востокѣ. Вотъ—двоякое происхожденіе каролингскаго величія. Зачѣмъ воображать, что эта фамилія воплощала аппетиты одной расы и руководила вторженіемъ, если документы ничего объ этомъ не говорятъ? Въ дѣйствительности, родъ Каролинговъ былъ богаче всѣхъ святыми и богаче всѣхъ землями. Мы увидимъ, что это доставило имъ должность палатнаго мэра, какъ фамильную привилегію, а черезъ нее впослѣдствіи и королевскую власть.

[1] Родъ Каролинговъ пріобрѣлъ много помѣстій во время междоусобныхъ войнъ, путемъ конфискацій. См. *Diplomata*, № 537; Карлъ даритъ: «Villam iuris nostri quantumcunque ibi habuit vel possedit Everhardus dum ipse infidelis regi apparuit etc. et propter hoc omnes res suae in fisco regali fuerunt redactae quas rex Hildebertus genitori nostro Pippino de suo fisco et ex largitatis suae munere concessit, mihique genitor Pippinus iure hereditario in proprietatem concessit...»

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Выступленіе каролингской фамиліи. Она не воплощаетъ традицій, враждебныхъ меровингской монархіи.

Надобно близко разсмотрѣть предковъ Карла Великаго. Такъ какъ намъ придется поставить вопросъ, является ли воцареніе Каролинговъ признакомъ перемѣны политическихъ или соціальныхъ порядковъ, то необходимо сначала изучить прецеденты ихъ дѣятельности, чтобы увидѣть, могло ли быть въ ихъ традиціяхъ или интересахъ что-нибудь противное строю предшествующей эпохи.

I.

Арнульфъ, вельможа дворца.

Войдемъ, насколько окажется возможно, въ подробности жизни этихъ людей. Познакомимся сначала съ Арнульфомъ, самымъ великимъ предкомъ, котораго династія чтила, какъ главнаго своего создателя. У насъ есть его біографія. Она была написана немного лѣтъ спустя послѣ его смерти. Авторъ ея—монахъ, но монахъ, знавшій Арнульфа и близко его видѣвшій, когда тотъ также ушелъ въ монастырь [1].

[1] Агіографъ говоритъ: «Facta quae gessit Arnulfus, nonnulla ego a familiaribus eius narrantibus, pleraque per memetipsum cognovi».—Какъ видно изъ заключительныхъ словъ, трудъ его былъ посвященъ Хлодульфу: «Ecce reverentissime domine Chlodulfe pon-

Агіографъ говоритъ сначала о дѣтствѣ Арнульфа—оно протекало около 580 года [1]—и его воспитаніи. „Арнульфъ хорошо выучился грамотѣ и литературѣ и былъ переданъ спеціальному наставнику; онъ выдѣлялся среди своихъ молодыхъ товарищей быстротой ума и силой памяти“ [2]. Такимъ образомъ, молодой человѣкъ получилъ грамматическое и риторическое образованіе, то-есть, римское образованіе, которое давалось въ знатныхъ фамиліяхъ VI вѣка [3]. Добавимъ, что своимъ

tifex, habeto conscriptam quam poposcisti vitam genitoris tui». [Крушъ полагаетъ, что эта *clausula* добавлена позднѣе «a nebulone quodam»]. Хлодульфъ былъ епископомъ метцскимъ съ 650 года.

[1] Ни одинъ біографъ не даетъ точной даты. Авторъ *Vita altera* говоритъ (гл. 2), что онъ родился въ виллѣ Layum, въ родовомъ помѣстьѣ, «in comitatu Calvomontensi» (вѣроятно, Лэй около Нанси); его рожденіе авторъ относитъ «ко времени императора Маврикія». А Маврикій воцарился лишь въ 582 году. Но Болландисты предполагаютъ съ большимъ вѣроятіемъ, что это рожденіе надо перенести на два года назадъ.

[2] *Vita S. Arnulfi*, c. 3: «Litterarum studiis imbuendus datur; mox traditus praeceptori, inter ceteros contubernales suos sagax ingenio et memoriae capax fulsit». *Vita altera*, c. 2: «Cum esset disciplinis scholaribus sufficienter imbutus».

[3] Объ образованіи, дававшемся дѣтямъ въ VI вѣкѣ, см. у Григорія Турскаго, *Historia Francorum*, IV, 47 [alias 46]: «Studia litterarum... operibus Virgilii, legis Theodosianae libris artemque calculi est eruditus».—Ср. *Vita S. Maximi*, c. 4—5 (Болландисты, январь, I, 91): «Fuit ibi Maximus decem annis ad eruditionem grammatici».—*Vita S. Aredii* [Gregorio attributa], 2: «Tradunt litteris ad erudiendum».—Можно еще назвать другіе памятники. *Vita S. Martini Vertavensis*, 2.—*Vita S. Beharii Carnotensis*, 3.—*Vita S. Landelini*, 1.—*Vita S. Desiderii Caturcensis*, 1.—*Vita S. Wandregisili*, 2.—*Vita S. Wifridi* (Mabillon, Acta, IV, 679), 6.—*Vita S. Drausii*, 5.—*Vita S. Agili*, 4.—*Vita S. Germani*, 2.—Не думаемъ, чтобы образованіе давалось широкое; но надобно признать, что нѣкоторое образованіе дѣти VI вѣка все же получали.

сыновьямъ онъ далъ такое же образованіе. „Хлодульфъ былъ отданъ сначала въ руки учителей, какъ принято для дѣтей знатныхъ, говоритъ агіографъ, и его обучили наукамъ и литературѣ“ [1]. Все это надо отмѣтить хотя бы для того, чтобы не представлять себѣ родъ Каролинговъ родомъ профессіональныхъ воиновъ.

По окончаніи перваго образованія Арнульфъ вступилъ во дворецъ [2]. Тамъ начиналось второе образованіе. Во дворецъ люди вступали изъ честолюбиваго желанія служить королю и пройти карьеру королевскихъ должностей. Они добивались мѣстъ правителя провинціи, завѣдующаго помѣстьями, начальника войска или референдарія. Эти различныя должности можно было занимать одну послѣ другой. Значитъ, надо было научиться командовать войсками, управлять виллами, завѣдывать доменами, вести счеты, отправлять правосудіе, составлять приговоры и указы. Сложился обычай проходить такую подготовку подъ руководствомъ какого-нибудь стараго, опытнаго придворнаго, который долженъ былъ служить учителемъ и въ то же время покровителемъ молодого ученика. Такъ и Арнульфъ „былъ ввѣренъ въ руки Гундульфа, перваго лица при королѣ, главы дворца и совѣт-

[1] *Vita S. Chlodulfi*, 3 (Mabillon, Acta, II, 1044): «Scholis traditur, ut nobilium filiis fieri solet, et liberalibus litteris docendus exhibetur humanis divinisque studiis bene adultus».

[2] Вѣроятно, отецъ его Арноальдъ находился еще тамъ, ибо епископомъ метцскимъ онъ сталъ лишь въ 599 году.

ника короля, чтобы научиться отъ него всему, что полезно"[1]. Гундульфъ долженъ былъ преподавать ему теорію и практику управленія[2].

Не безполезно узнать, кто такой былъ Гундульфъ, ученикомъ котораго сдѣлался предокъ Карла Великаго. Дѣло происходило въ 595 году. Изъ Григорія Турскаго мы знаемъ Гундульфа, проходившаго служебную карьеру при австразійскомъ дворцѣ. Въ 580 году онъ былъ *domesticus*; въ 581-мъ онъ пріобрѣлъ санъ *dux*[3] и получилъ важное и щекотливое порученіе на югѣ Галліи: значитъ, онъ зналъ языкъ, зналъ нравы и интересы этой части королевства. Вѣроятно, того же Гундульфа мы находимъ четырнадцать лѣтъ спустя въ томъ же австразійскомъ дворцѣ, но въ еще болѣе высокомъ рангѣ „совѣтника короля", „главы дворца", почти „вице-короля", *subregulus*[4].

[1] *Vita S. Arnulfi*, 4 [alias 3]: «Gundulfo subregulo, seu etiam rectori palatii vel consiliario regis, exercitandus in bonis actibus traditur».—*Vita altera*, 2: «Sub huius tempore, Gundulphus exstitit praetor, maior domus, et comes palatinus; ei quasi patrono atque doctori adolescens Arnulfus commendatur».

[2] *Vita altera*: «Ut, qui praefulgebat proavorum nobilitate, nequaquam inferior ipsis esset in regali administratione».

[3] *Gregor. Turon.* Historia Francorum, VI, 11: «Gundulfum ex domestico duce facto».

[4] Жераръ утверждалъ, что Гундульфъ былъ епископомъ въ Мастрихтѣ. Правда, отъ 597-го по 604-й годъ тамъ обнаруживается епископъ съ такимъ именемъ. Но слова обоихъ агіографовъ очень ясны, и изъ нихъ не выходитъ, чтобы Арнульфъ былъ отданъ въ руки епископа. — Нѣсколько бельгійскихъ писателей на Гундульфѣ изъ Мастрихта построили цѣлую теорію; они превратили его въ дядю Арнульфа. У насъ есть двѣ біографіи Гундульфа изъ Мастрихта; онѣ находятся у Болландистовъ, іюль, IV, 164 и слѣд. Ни въ одной, ни въ другой не указано, чтобы это лицо жило во дворцѣ; во второмъ житіи говорится, наоборотъ, что онъ былъ «вскормленъ» въ Мастрихтѣ. Ни въ одной біографіи не упоминается о родствѣ его съ Арнульфомъ или о воспитаніи Арнульфа. Въ одной только рукописи, нынѣ утраченной, провѣрить которую, стало быть, нельзя, находилась, какъ кажется, родословная Гундульфа, и она показываетъ его сыномъ Мундериха, братомъ Бодегизила, дядей Арнульфа (надобно только замѣтить, что въ текстѣ говорится «Арнульфъ», а не «святой Арнульфъ»); но это не родословная Каролинговъ. Надо, впрочемъ, сказать, что построенная на этомъ текстѣ теорія падаетъ оттого, что онъ безусловно не подлинный, какъ ясно показываютъ Болландисты, 161—162. См. *Guesquière*, Acta Sanctorum Belgii selecta, II, 251 и *Bonnell*, Die Anfänge, стр. 140.

Такъ вотъ, этотъ Гундульфъ не былъ франкомъ по происхожденію; онъ принадлежалъ къ римскому роду изъ Оверни, даже къ сенаторскому роду. Это утверждаетъ Григорій Турскій, знавшій его, бывшій даже его племянникомъ[1]. Сынъ Флорентина и Артеміи, братъ епископа Ницетія[2], дядя епископа Григорія,—Гундульфъ служилъ австразійскимъ королямъ и, подобно многимъ другимъ римлянамъ, дослужился во дворцѣ въ Австразіи до перваго мѣста. Этотъ римлянинъ былъ учителемъ Арнульфа. Отъ него онъ научился искусству управленія.

„Послѣ того, какъ Гундульфъ хорошо образовалъ и испыталъ его, молодой человѣкъ былъ допущенъ на службу къ королю Теодберту"[3].

[1] *Gregor. Turon.* VI, 11: «Gundulfum de genere senatorio... quem recognosco matris meae avunculum».

[2] *Gregor. Turon.* Vitae Patrum, VIII, 1; Historia Francorum, V, 5; VI, 11.

[3] *Vita S. Arnulfi*, 4 [alias 3]: «Hunc (Arnulfum) ille (Gundul-

Онъ служилъ ему иногда, какъ воинъ [1], но чаще, какъ гражданскій чиновникъ. Онъ исполнялъ должность *domesticus*, то-есть, управителя имѣньями. Несомнѣнно, что въ своей служебной карьерѣ онъ достигъ высокаго положенія, ибо „завѣдывалъ помѣстьями въ шести провинціяхъ" [2].

Къ несчастью для насъ, агіографъ, спѣшившій дойти до занятія Арнульфомъ епископской каѳедры, не даётъ никакихъ указаній на гражданскія обязанности, какія онъ исполнялъ въ теченіе двѣнадцати лѣтъ. Одинъ позднѣйшій писатель говоритъ намъ, что онъ сталъ палатнымъ мэромъ [3]. Мало вѣроятія, чтобы онъ носилъ это званіе, но несомнѣнно, что онъ занималъ видную должность [4]. Другой писатель говоритъ, что онъ былъ самымъ близкимъ

fus) cum accepisset, per multa deinceps experimenta probatum, iam Teutberti regis ministerio dignum aptavit».—*Vita altera*, 2: «Quem cum is suscepisset, per multa probatum experimenta, dispensationi regalium constituit non indignum».

[1] *Ibidem*, 4: «Virtutem belli gerendi seu potentiam illius in armis quis enarrare queat, quum saepe phalangas adversarum gencium suo abigisset mucrone».—Въ этой фразѣ монаха есть, конечно, нѣкоторое преувеличеніе. Побѣды Теодберта, совершенныя имъ, будто бы, «покоренія враждебныхъ народовъ» намъ неизвѣстны.

[2] *Ibidem*: «Ita ut sex provinciae quas ex tunc et nunc totidem agunt domestici, sub illius ministratione solius regerentur arbitrio».

[3] *Paul. Warnefrid.* De episcopis Mettensibus: «Ita ut et palatii moderator sub honore maiordomatus existeret».—*Ibidem*, Historia Longobardorum, VI, 16: «Fuit maior domus in regio palatio Arnulfus».—Это сказано также въ *Vita Pippini*, 1.

[4] Быть можетъ, то была должность *comes palatii*; по крайней мѣрѣ, такъ говоритъ авторъ *Vita altera*, 3: «Clotarius Arnulfum comitem palatii constituit».—Кромѣ того онъ добавляетъ, въ гл. 4, что Арнульфъ сдѣлался *maior domus* (См. *Pertz*, X, 539).

изъ довѣренныхъ лицъ короля и самымъ вліятельнымъ изъ его совѣтниковъ [1].

Въ 611 году освободилась метцская епархія. Въ то время облеченіе саномъ епископа свѣтскихъ лицъ, даже женатыхъ, было довольно обычно. Постоянно также повторялось, что, при соблюденіи внѣшней формы избранія духовенствомъ и народомъ, епископовъ назначалъ на самомъ дѣлѣ король, и онъ выбиралъ ихъ среди вельможъ своего дворца. Такимъ образомъ, епископомъ метцскимъ сталъ Арнульфъ, „такъ какъ онъ былъ въ большой милости у короля" [2].

Послѣ назначенія епископомъ не было необходимости оставлять дворецъ. При меровингскомъ королѣ всегда находилось нѣсколько прелатовъ. Заодно съ нѣсколькими свѣтскими сановниками они были каждодневными совѣтниками короля. Они засѣдали съ нимъ или съ его мэромъ въ королевскомъ трибуналѣ. Они подписывали его акты. Они обсуждали съ нимъ правительственныя мѣропріятія или законы. Арнульфъ былъ однимъ изъ та-

[1] *Vita S. Chlodulfi*, 5: «Arnulfus... diversis in palatio honoribus fulsit». *Ibidem*, 4: «Inter amicos amicissimus, palatii rector, audiendorum reddendorumque consiliorum primus auditor et sapientissimus redditor».

[2] «Quia principi acceptissimus haberetur» (*Vita S. Arnulfi*, 8). [Крушъ считаетъ эту фразу вставкой]. Агіографъ не преминулъ, впрочемъ, сказать, что «народъ просилъ его единогласно», «una vox populorum Arnulfum adclamavit».—Арнульфъ названъ епископомъ метцскимъ въ завѣщаніи Бертрамна, *Pardessus*, I, 210—211.—[Относительно времени ученые расходятся: многіе опредѣляютъ 610 годъ, другіе называютъ болѣе поздніе—612, 613, 614.]—Ср. «Франкская монархія», гл. 15, § 4.

кихъ епископовъ, которые обыкновенно жили во дворцѣ и продолжали управлять государствомъ [1].

То, что умалчивается агіографомъ, мы знаемъ отъ хроникера: Арнульфъ принималъ большое участіе въ переворотѣ 613 года, которымъ была свергнута Брунгильда. Онъ былъ однимъ изъ тѣхъ, которые присоединились къ королю Нейстріи, Хлотару II [2]. Онъ былъ однимъ изъ главныхъ совѣтниковъ этого короля [3], потомъ сына его Дагоберта [4]. Около 626 года онъ сразу оставилъ придворную жизнь, управленіе дѣлами и санъ епископа [5] и заперся въ монастырѣ. Но выходя изъ дворца, онъ оставилъ тамъ послѣ себя двухъ своихъ

[1] *Vita S. Arnulfi*, 8: «Sic deinceps episcopales infulas gestavit ut etiam domesticatus sollicitudinem atque primatum palatii teneret».—4: «Cum in palatio esset».—Изъ главы 12-й видимъ, что онъ слѣдуетъ за королемъ на походѣ въ Тюрингію.—Дальше агіографъ предполагаетъ, что Арнульфъ хочетъ оставить дворецъ, но «rex non modicis repletur angoribus si Arnulfus a frequencia palacii cessasset».—*Paul. Warnefrid.* De episcopis Mettensibus: «Ita Dei ecclesiae praefuit ut et palatii moderator existeret».—Авторъ *Vita altera*, 11, говоритъ также, что «in eo statu (in episcopatu) palatinis, quamvis nolens, dignitatibus consulebat».—Онъ цитируется Фредегаріемъ, 53.

[2] *Fredegarii* Chronicon, 40: «Chlotarius factione Arnulfi [*Arnulfo* mss.] Auster ingreditur».—*Factione* означаетъ «благодаря», «по наущенію».

[3] *Vita S. Arnulfi*, 16.

[4] *Fredegar.* Chronicon, 52, 53, 58. *Vita Arnulfi*, 17.

[5] Согласно автору *Vita altera*, онъ былъ епископомъ метцскимъ въ продолженіе пятнадцати лѣтъ; согласно тому же автору, онъ отказался отъ епископства, передавъ его своему родственнику Гоэриху (гл. 24).—[Ср. *Vita*, 19. Его отреченіе относятъ обыкновенно къ 629 или 630 году].

сыновей Хлодульфа и Ансегиза [1]. Хлодульфъ, прослуживъ во дворцѣ въ теченіе двадцати лѣтъ [2], въ свою очередь сдѣлался епископомъ метцскимъ. Ансегизъ достигъ самыхъ высокихъ должностей и былъ убитъ [3].

Такова жизнь Арнульфа. Замѣтимъ, что она не представляетъ ничего особеннаго или исключительнаго. Она походитъ на жизнь Дезидерія, Элигія, Авдоэна и многихъ другихъ. Это жизнь придворнаго, то-есть, слуги короля, вельможи, долгое время сильнаго и стоящаго во главѣ дѣлъ, который, какъ и вышеназванныя лица, становится епископомъ, а умереть стремится въ монастырѣ. Арнульфъ вовсе не начинаетъ новой традиціи, то-есть, оппозиціи существующему строю. Онъ истый и чистый меровингскій чиновникъ VII вѣка.

[1] Хлодульфъ [ошибочно печатаютъ *Flodulfus*] и Ансегизъ упоминаются какъ «domestici» въ актѣ Сигиберта II, въ 648 году (*Pardessus*, № 313).

[2] *Vita S. Clodulfi*, 9.—Епископомъ метцскимъ онъ сдѣлался лишь въ 656 году (*Bonnell*, 188).

[3] *Paul. Warnefrid.* Historia Longobardorum, VI, 23: «Anchis filius Arnulphi sub nomine maioris domus gerebat principatum». Это говорится также въ *Vita Chlodulfi*, 7.—Намъ однако хорошо извѣстенъ весь списокъ мэровъ, и мы не находимъ въ немъ мѣста для Ансегиза.—«Dagobertus Sigybertum regem sublimavit; Chunibertum pontevecem et Adalgyselum ducem (но Ансегизъ ли это? въ 633 году) palacium et regnum gobernandum instetuit» (Фредегарій, 75).—Онъ названъ въ дипломѣ Сигиберта (*Pardessus*, II, 89).—Согласно *Annales Xantenses*, Pertz, II, 685», Ансегизъ былъ убитъ лишь въ 685 году: «Anchesus dux premitur et Pippinus filius eius succedit».

2.

Пиппинъ Ланденскій, палатный мэръ.

Рядомъ съ нимъ стоялъ Пиппинъ, въ отличіе отъ предшественниковъ прозванный новѣйшими учеными Пиппиномъ Ланденскимъ [1]. Онъ также родился въ австразійскомъ королевствѣ, и очень много вѣроятія, что по рожденію и по племени онъ былъ франкъ. Но вступилъ онъ въ бракъ съ женщиною изъ Аквитаніи. Несомнѣнно, что онъ былъ очень богатъ.

Начало его служебной карьеры намъ не извѣстно. Занималъ ли онъ какую-либо должность, былъ ли герцогомъ, графомъ, референдаріемъ? Писатели ничего не говорятъ о началѣ его дѣятельности [2]. Они называютъ его въ первый разъ въ 613 году, чтобы сказать намъ, что этотъ австразіецъ побуждалъ короля Нейстріи захватить Австразію [3]. Вмѣстѣ съ Арнульфомъ онъ былъ однимъ изъ

[1] Ланденъ—такъ называлась одна изъ его «villae». Ясно, что Пиппинъ никогда не назывался Пиппиномъ Ланденскимъ; никто не думалъ въ то время брать имя отъ помѣстья. Ни одинъ современникъ, ни одинъ изъ писателей трехъ слѣдующихъ вѣковъ не даетъ ему этого имени.

[2] Въ *Annales Mettenses* (Pertz, I, 316; Bouquet, II, 677) говорится, что Пиппинъ былъ прекрасный правитель и руководилъ населеніемъ, которое жило между Угольнымъ лѣсомъ, Маасомъ и страной фризовъ. Но лѣтописецъ не говоритъ, когда это было, и какую онъ занималъ должность. Возможно, что такими неясными и напыщенными словами онъ хочетъ указать должность палатнаго мэра, которую занималъ Пиппинъ.

[3] *Fredegar*. Chronicon, 40: «Chlotarius factione Pippino Auster ingreditur».

главарей заговора, составленнаго въ 613 году противъ австразійской вѣтви Меровинговъ въ цѣляхъ присоединенія Австразіи къ Нейстріи. Если бы эта попытка не удалась, Арнульфъ и Пиппинъ погрузились бы въ неизвѣстность; но она удалась, и они вошли въ большую милость, пользовались властью при Хлотарѣ II.

Люди, представляющіе себѣ каролингскую фамилію какъ бы воплощеніемъ ненависти Австразіи къ Нейстріи, должны обратить вниманіе, что первымъ актомъ этой фамиліи былъ союзъ съ королемъ Нейстріи, и этому именно акту она обязана своимъ большимъ политическимъ успѣхомъ.

Хлотаръ долженъ былъ вознаградить Пиппина. Пожаловалъ ли онъ ему земли и помѣстья? Вѣроятно, да [1]. Конечно, онъ предоставилъ ему должности, создалъ для него видное положеніе. Какъ только освободилась должность палатнаго мэра въ Австразіи, онъ могъ ее вручить только Пиппину [2].

Кто сталъ бы представлять дворецъ просто жилищемъ короля, тотъ не понялъ бы значенія палатныхъ мэровъ. Оба слова—*palatium* и *domus*—были терминами оффиціальнаго языка римской имперіи, обозначавшими всѣхъ, кто окружалъ государя, и все, что было въ зависимости отъ его особы. Эти термины сохранились въ меровингскую эпоху, какъ почти всѣ слова политическаго языка, и сохранили прежнее значеніе. *Palatium* или *domus*,

[1] Ср. данныя имъ Бертрамну «villae» (*Testamentum Bertramni*, passim).

[2] До него нѣкоторое время мэромъ былъ Радо. *Fredegar*. Chronic. 42.

это было нѣчто большее, чѣмъ жилище человѣка и даже значительно большее, чѣмъ то, что называлось впослѣдствіи дворомъ. *Palatium* былъ совокупностью большого количества скорѣе даже должностныхъ лицъ, чѣмъ придворныхъ. Въ ихъ числѣ были высшіе сановники государства, министры. Тамъ находились также канцеляріи, тамъ сосредоточивалась вся масса писцовъ, изготовлявшихъ по всякаго рода дѣламъ безчисленное количество грамотъ. Судьи и референдаріи встрѣчались тамъ съ воинами, воины сталкивались съ королевскимъ духовенствомъ. Дворецъ былъ центромъ, откуда отправлялись правители провинцій, и куда они возвращались съ административными донесеніями или съ собранными въ видѣ налоговъ суммами. Дворецъ былъ также высшимъ судилищемъ, куда поступали всѣ апелляціонныя жалобы и многія тяжбы со всего королевста. Онъ сосредоточивалъ въ себѣ всю власть и всѣ должности. Представьте себѣ нынѣшнія наши министерства, сгруппированныя въ нѣчто единое около главы государства и его двора, и вы составите понятіе о меровингскомъ дворцѣ.

Во всѣхъ отдѣльныхъ вѣдомствахъ служба строилась и двигалась іерархически, а надъ всѣмъ сложнымъ цѣлымъ стоялъ особый верховный начальникъ. Этотъ начальникъ назывался *maior*; онъ былъ „больше" всѣхъ другихъ, то-есть, больше всѣхъ. Его называли иногда *rector palatii*, но выраженіе *maior domus* являлось, повидимому, болѣе употребительнымъ. Палатный мэръ не былъ управляющимъ частнымъ домомъ короля [1], какъ утверждали

[1] Такая ошибка произошла оттого, что въ то же время существовали *maiores domus reginae*, которые были въ самомъ дѣлѣ настоящими домоправителями.

нѣкоторые: онъ былъ главою администраціи, главою правительства. Если дворецъ походитъ на то, что представляетъ теперь совокупность министерствъ, то мэръ дворца подобенъ первому министру. Мы показали въ другомъ мѣстѣ, что правленіе Меровинговъ было весьма централизованнымъ. Дворецъ управлялъ страною; мэръ управлялъ дворцомъ.

Онъ управлялъ имъ отъ имени короля. Многіе новѣйшіе историки представляли себѣ мэра главою искусной аристократіи; онъ былъ скорѣе главою чиновниковъ [1]. Говорилось, что онъ выбирался знатными, чтобы составлять противовѣсъ королевской власти. Правда, иногда мы видимъ, что мэра выбираетъ не король, но это происходитъ лишь въ тѣхъ случаяхъ, когда король былъ малолѣтній, то-есть, не могъ самъ назначать [2]. Отмѣтимъ еще, что въ такихъ случаяхъ мэръ выбирался не аристократическимъ классомъ, независимымъ слоемъ населенія, а первыми должностными лицами дворца, то-есть, высшими слугами короля, дѣйствовавшими, безъ всякаго сомнѣнія, отъ его имени. Выборъ мэра въ принципѣ всегда

[1] «Франкская монархія», гл. 8 и выше кн. I, гл. 6.

[2] *Historia epitomata*, 58, показываетъ выбраннаго мэра; но выборъ совершился «in infancia Sigyberti», говоритъ хроникеръ. Хроникеръ ошибается: вступая на престолъ, Сигибертъ былъ совершеннолѣтнимъ. Вѣроятно, онъ хочетъ сказать «Childeberti» [см. изд. Круша, 109]. Авторъ, во всякомъ случаѣ, хотѣлъ, повидимому, показать, что избраніе мэра происходило только «in infantia regis».

принадлежалъ королю, на практикѣ почти всегда[1]. Мэръ вовсе не долженъ былъ являться представителемъ аристократіи какъ бы въ противовѣсъ королю, онъ былъ первымъ изъ королевскихъ слугъ. Такъ понимали свои обязанности всѣ палатные мэры, имена которыхъ переданы традиціею. Они могли властвовать подъ именемъ короля, какъ Ришлье властвовалъ при Людовикѣ XIII; но они никогда не враждовали съ королемъ. Нѣкоторые изъ нихъ ставили одного короля на мѣсто другого; но документы никогда не свидѣтельствуютъ, чтобы мэръ становился королю соперникомъ.

Если по отношенію къ королю мэръ являлся не кѣмъ инымъ, какъ служилымъ человѣкомъ и главнымъ министромъ, то по отношенію къ персоналу дворца онъ былъ абсолютнымъ главою. Это зависѣло отъ трехъ причинъ, которыя надо различать.

Во-первыхъ, ему принадлежала оффиціальная и законная власть. По сути своей должности и въ силу королевской грамоты онъ имѣлъ право надзора надъ всѣми чинами въ *palatium*'ѣ. Это подразумѣвало не только тѣхъ, кто жилъ въ королевскомъ домѣ, но и всѣхъ, кто отъ имени короля несъ службу въ областяхъ. *Comites* или областные намѣстники и *domestici* или завѣдующіе королевскими домами были ему подчинены. Всѣ должны были отдавать ему отчетъ въ своихъ дѣйствіяхъ. Онъ обладалъ принудительною властью надъ самыми крупными вельможами[1]. Въ хроникахъ находимъ много случаевъ, что по приговору палатнаго мэра должностныя лица наказывались заключеніемъ, конфискаціей имущества, даже смертью. Мэръ представлялъ абсолютную власть короля надъ всѣми его служилыми людьми.

[1] Однако Эйнгардъ (*Vita Caroli*, 2) хочетъ, какъ кажется, сказать, что мэры выбирались народомъ: «Qui honor non aliis a populo dari consueverat quam his qui et claritate generis et opum amplitudine ceteris eminebant».—Это утвержденіе, на видъ такое ясное, съ фактами не согласуется, ибо документы ни разу не обнаруживаютъ, чтобы «populus» собирался для избранія мэра.

Во-вторыхъ, палатный мэръ входилъ къ королю съ предложеніями о назначеніяхъ должностныхъ лицъ, или, если король былъ малолѣтній, либо находился въ отсутствіи, производилъ самостоятельныя назначенія. Не слѣдуетъ забывать, что при Меровингахъ число чиновниковъ было велико, а число искавшихъ должностей еще больше. И вотъ мэръ, если и не обладалъ всѣмъ могуществомъ, то все же оказывалъ рѣшающее вліяніе на назначеніе герцоговъ, графовъ, ректоровъ, *domestici*, всякаго ранга вельможъ. Онъ могъ также отъ имени короля смѣщать людей всѣхъ чиновъ. Благодаря мэру, получался доступъ во дворецъ, благодаря мэру люди исключались изъ дворца, благодаря мэру повышались по ступенямъ должностей. Мэръ распоряжался мѣстами, и всѣ, кто занималъ или хотѣлъ занять мѣсто, находились въ его рукахъ. Онъ былъ источникомъ милостей[2]. Онъ создавалъ и разрушалъ карьеру тѣхъ, которые назывались знатными.

[1] Это видно изъ того, что говорится въ *Historia epitomata*, 58, по поводу Хродина. Отсюда ясно, что мэръ имѣетъ право *facere disciplinam* и *interficere* не только внутри дворца, но *in toto Auster*.

[2] *Einhardus*, Vita Caroli, 1: «Ad palatii praefectos qui maiores

Вскрывается еще третья причина возрастанія силы мэровъ. Мы разсмотрѣли выше обычай коммендаціи, въ силу которой одинъ человѣкъ добровольно отдавалъ себя подъ личное покровительство другого. Покровительства короля люди въ VI вѣкѣ добивались всего болѣе. Еще въ VII-мъ мы не видимъ власти, которая могла бы соперничать съ властью короля и его мэра. Самые знатные люди просили королевскаго покровительства хотя бы ради полученія должностей и земель, какими располагалъ король. Спеціальнаго покровительства просили даже епископы, ради освобожденія отъ вмѣшательства графовъ въ ихъ дѣла. Путемъ королевскаго патроната въ самомъ дѣлѣ заключался съ королемъ тѣсный личный союзъ, который являлся уже родомъ вассалитета; но зато достигалось и освобожденіе отъ всякой законной мѣстной ближайшей власти. Все это мы уже разсмотрѣли подробно въ своемъ мѣстѣ; здѣсь надобно добавить лишь указаніе, что личное свое покровительство король осуществлялъ чрезъ посредство своего палатнаго мэра [1].

Эта важная особенность выясняется изъ двухъ документовъ. По одной хроникѣ мы видимъ, что при назначеніи новаго мэра было въ обычаѣ, чтобы вельможи дворца совершали нѣчто вродѣ церемоніи изъявленія ему покорности. Вельможи дворца, сановники или должностныя лица—это были люди, которые коммендировались королю и, казалось, должны были повиноваться ему одному. Актъ подчиненія они совершали однако передъ мэромъ. Церемонія состояла въ томъ, что каждый лично являлся къ мэру, произносилъ, можетъ быть, установленную формулу, которой хроникеръ не приводитъ, но во всякомъ случаѣ, склонялся передъ мэромъ настолько низко, что тотъ могъ положить руку на его шею [2]. Это былъ знакъ подчиненія,

domus dicebantur summa imperii pertinebat».—Дворецъ долженъ былъ не только распредѣлять должности и званія; онъ владѣлъ также отъ имени короля значительнымъ количествомъ казенныхъ земель. Онѣ служили источникомъ милостей. Иногда ихъ раздавали въ собственность, какъ награду за службу, иногда въ качествѣ бенефиція подъ условіемъ службы. Нѣкоторые новѣйшіе ученые утверждали, что меровингскіе короли утратили свои земли и потому пали. Это удобный и простой способъ объяснять ихъ паденіе. Къ несчастію, такое объясненіе построено на заблужденіи. Казенныхъ земель было еще очень много въ концѣ царствованія Меровинговъ; доказательствомъ служитъ фактъ, что тѣ же самыя земли перешли въ руки каролингской династіи. Меровинги погибли не отъ утраты своихъ земель. Ясно только, что земельныя пожалованія производились отъ имени короля мэромъ, и что всѣмъ очень значительнымъ королевскимъ фондомъ завѣдывалъ именно мэръ.

[1] Ср. «Начала феодальнаго строя», главу о патронатѣ.

[2] *Historia epitomata*, 59: «Chrodinus perrexit ad eius mansionem (въ домъ палатнаго мэра) ad menisterium, bracile Gogone in collum tenens, quod reliquis ecuntur exemplum».—Аймоинъ (III, 4), вѣроятно, по заимствованію изъ предыдущей хроники или изъ общаго источника выражается такъ: «Chrodinus ad domum Gogonis cum quibusdam palatii primatibus properat, et brachium eius collo superponens suo, signum futurae dominationis dedit; huius exemplum ceteri proceres secuti».—Относительно «brachium ponere in collo» ср. одну формулу (*Bignonianae*, 27; Zeumer, 237): «Brachium (vestrum) in collum (meum) posui».—Возможно, что «bracile» въ *Historia epitomata* стоитъ не вмѣсто «brachium», и Аймоинъ плохо понялъ слово. Слово «bracile» или «brachile» встрѣчается нѣсколько разъ въ смыслѣ пояса. Въ такомъ случаѣ церемонія состояла въ томъ, что мэръ возлагалъ свой «cingulum»,

которымъ человѣкъ обязывалъ себя безъ ограниченія. Въ принципѣ онъ долженъ былъ быть связанъ только съ королемъ. Въ дѣйствительности, онъ подчинялъ себя мэру и связывалъ себя съ нимъ.

Это подтверждается одной формулой VII-го вѣка. Извѣстно, что когда кто-нибудь ходатайствовалъ о покровительствѣ короля и получалъ его, то король вручалъ этому человѣку грамоту или дипломъ. При этомъ король выражался такъ: „Мы приняли такого-то человѣка подъ наше покровительство, такъ что отнынѣ онъ будетъ подъ рукою и защитою нашего палатнаго мэра“ [1]. Такимъ образомъ, покровительство короля влекло за собою покровительство мэра; одно изъ нихъ было номинальное, другое фактическое. Въ королевской грамотѣ добавлялось, что тяжбы и процессы покровительствуемаго будутъ разбираться мэромъ [2]. Итакъ, когда какой-нибудь человѣкъ, слабый или сильный, духовный или свѣтскій, вступалъ подъ покровительство короля, то дѣйствительнымъ его покровителемъ, судьей, начальникомъ и, такъ сказать, сеніоромъ становился мэръ. Мэръ былъ какъ бы связующимъ звеномъ, которое соединяло цѣпь вѣрныхъ съ королевской властью.

Не слѣдуетъ забывать, что въ теченіе этихъ

символъ начальствованія, на шею каждаго «коммендирующагося». Форма тогда оказывается иная, но сущность остается та же

[1] *Marculfi*, I, 24; Rozière, № 9: «Sub sermonem tuicionis nostre visi fuimus recipisse, ut sub mundeburde vel defensione inlustris vero [viri] illius, maiores domi nostri, dibeat resedere».

[2] *Ibidem*: «Et sub ipso viro illo inlustri causas ipsius...»

трехъ вѣковъ сосуществовали двѣ системы учрежденій: съ одной стороны, учрежденія государственныя, съ другой, институтъ личной вѣрности или вассалитетъ. Мэръ оказался центромъ, къ которому сходились обѣ системы. Съ одной стороны, если король дѣйствовалъ, какъ глава государства, если, напримѣръ, онъ назначалъ государственныхъ должностныхъ лицъ, онъ дѣйствовалъ черезъ мэра. Если онъ выступалъ въ качествѣ вождя „трусты“ (дружины) или патрона людей, лично ему вѣрныхъ, онъ опять же осуществлялъ этотъ новый видъ власти чрезъ посредство мэра. Итакъ, мэръ былъ главою всего монархическаго управленія и въ то же время главою всего феодальнаго вассалитета.

Отсюда рождалось явленіе, бросающееся въ глаза при изученіи исторіи палатныхъ мэровъ. За каждымъ изъ нихъ, носилъ ли онъ имя Пиппина или Флаохата, Эброина или Леодегарія, стоитъ длинный рядъ связанныхъ съ его особой кліентовъ. Извѣстно, что съ судьбою мэра связывало свою судьбу много людей, даже самыхъ знатныхъ. Сверженіе мэра довольно часто влекло за собою, или могло за собою повлечь смѣщеніе назначенныхъ имъ герцоговъ, графовъ, доместиковъ; всѣмъ, кто получилъ отъ него казенныя земли, также угрожала опасность ихъ потерять. Всѣ эти люди оказывались, по крайней мѣрѣ, въ той же степени вѣрными мэра, какъ вѣрными короля.

Первый Пиппинъ въ продолженіе четверти вѣка пользовался такою большою властью въ Австразіи (615—639). Онъ всегда осуществлялъ ее отъ имени короля, но осуществлялъ одинъ, такъ ска-

зать, безъ короля. Разсмотримъ даты. Отъ 615 до 622 года королемъ былъ Хлотаръ II, почти всегда жившій въ Нейстріи. Отъ 622 по 628 королемъ былъ Дагобертъ, но это былъ ребенокъ, при которомъ Пиппинъ являлся даже скорѣе опекуномъ, чѣмъ министромъ [1]. Съ 628 по 632 годъ Дагобертъ всегда жилъ въ Нейстріи [2]. Наконецъ съ 632 по 639 годъ королемъ былъ опять ребенокъ—Сигибертъ II [3]. Слѣдовательно, почти все время дѣйствительнымъ властелиномъ являлся Пиппинъ. Несомнѣнно, административные и судебные акты писались отъ имени каждаго изъ этихъ королей; но управлялъ Пиппинъ.

Держался ли онъ какой-нибудь личной политики, хроникеры ничего объ этомъ не говорятъ. Они приписываютъ его дѣятельности только одну черту: „Онъ управлялъ лейдами Австразіи съ осторожностью, мягкостью и добротой и привязалъ ихъ всѣхъ къ себѣ узами дружбы“ [4].

[1] *Vita Pippini* (Bouquet, II, 603): «Cum Chlotarius proposuisset filium suum Dagobertum (in Austrasia) regem ordinare, sed in infirmis annis, immaturis sensibus parum fiderit, hunc virum (Pippinum) credidit quem tenerae aetatis rectorem statueret».—*Erchemberti fragmentum* (Bouquet, II, 690): «Chlotarius Pippinum in Austris cum filio suo Dagoberto misit, ipsum ei in maiorem domus ac paedagogum constituens».

[2] *Diplomata*, Pardessus, № 247, Compendio; № 252, Parisius; № 255, Clipiaco; № 250 явно подложенъ. Въ хроникѣ Фредегарія отмѣчено путешествіе въ Австразію въ 629 году; потомъ добавлено (гл. 60): «Revertens in Neptreco, sedem patris sui Chlotarii diligens, adsidue resedire disponens».

[3] *Fredegarii* Chronicon, 75. Сигибертъ родился въ 630 году.

[4] *Fredegarii* Chronicon, 85: «Pippinus cum Chuniberto (epis-

Пиппинъ не былъ революціонеромъ. Незамѣтно, чтобы онъ внесъ перемѣны въ систему управленія. Онъ не ввелъ ничего новаго. Не онъ создалъ должность мэра. Онъ принялъ существующій институтъ. Если еще дальше онъ выросъ въ его рукахъ, то совершенно естественно и вовсе не въ силу борьбы. Онъ обладалъ могуществомъ не вопреки меровингскому строю, а благодаря этому строю.

Должность мэра была не болѣе наслѣдственною, чѣмъ другія дворцовыя должности. Но сынъ Пиппина Гримоальдъ являлся самымъ богатымъ человѣкомъ, главою самой многочисленной кліентелы. Напрасно пытались выдвинуть въ мэры другое лицо. Черезъ нѣкоторое время естественно и почти необходимо оказалось возвести въ этотъ санъ Гримоальда [1]. Причиною было то, „что онъ

copo)... omnes leudis Austrasiorum prudenter, cum dulcedene adtragentes, eos benigne gobernantes, eorum amiciciam constringent».

[1] Невѣрно, какъ часто говорятъ, что Гримоальдъ былъ непосредственнымъ преемникомъ Пиппина. Тексты немного сбивчивы, но изъ документовъ выясняется одно изъ двухъ: или должность мэра оставалась нѣкоторое время вакантной и изъ-за нея велась борьба, или она была сначала замѣщена нѣкимъ Оттономъ. Вотъ тексты.—*Fredegarius*, 86: «Otto, filius Uronis domestici, qui baiolos Sigiberto ab adoliscenciam fuerat, contra Grimoaldo superbe tomens... Grimoaldus ceperat cogitare quo ordine Otto de palatio aegiceretur et gradum patris Grimoaldus adsumeret»; 88: «Otto qui adversus Grimoaldo tomebat, faccionem Grimoaldo a Leuthario interficetur; gradus honoris maiorem domi in palacio Sigiberto in mano Grimoaldo confirmatus est».—Изъ приведенныхъ отрывковъ видно, что если Гримоальдъ хотѣлъ быть мэромъ сейчасъ послѣ смерти Пиппина, то въ дѣйствительности онъ сталъ имъ лишь послѣ смерти Оттона. Однако въ *Gesta regum Francorum* объ Оттонѣ не говорится (гл. 43): «Sighibertus rex, Pippino defuncto, Gri-

многими былъ любимъ“ [1]. Вѣроятно, онъ достигъ должности мэра благодаря той цѣпи вѣрныхъ, которая образовалась около его отца и которая связала себя съ судьбою этой фамиліи. Онъ управлялъ и былъ мэромъ шестнадцать лѣтъ [2].

По смерти Сигиберта Гримоальдъ попытался сдѣлать королемъ собственнаго сына; за сто лѣтъ до Пиппина Короткаго онъ пытался устранить Меровинговъ. Это ему не удалось. Тѣ же люди, которые хотѣли повиноваться ему, какъ мэру, и готовы были повиноваться ему одному, стояли за сохраненіе старой королевской династіи. Къ ней привязано было традиціонное уваженіе. Неуспѣхъ Гримоальда показалъ, что „мэрія“ дворца могла

moaldo filio eius in maiorem domato instituit». Согласно *Vita Pippini*, Гримоальдъ былъ сразу назначенъ мэромъ, но чувствовалъ необходимость избавиться отъ Оттона и добиться его смерти.— Сигибертъ Гемблусскій добавляетъ очень правдоподобную вещь, что Оттонъ имѣлъ во дворцѣ свою партію, «traductis ad se procerum aliquorum». Согласно муассакской хроникѣ, Оттонъ дѣйствительно былъ сдѣланъ мэромъ и лишь послѣ его смерти преемникомъ его сталъ Гримоальдъ; рѣчь хроникера ясна: «Eo anno Pippinus moritur; Otto, qui baiulus Sigeberti fuerat, in eius loco substituitur; Otto a Leuthario interficitur; gradum honoris maioris domus in manum Grimoaldi confirmatum est».

[1] *Fredegarii* Chronicon, 85: «Grimoaldus ad instar patris diligeretur a plurimis». Эти слова надо сравнить съ тѣмъ, что было сказано выше: «Eorum amicitiam constringit», и вспомнить объ особомъ смыслѣ, какой имѣло въ то время слово «amicitia». Ср. «Начала феодальнаго строя», 248, 284.

[2] Мы имѣемъ нѣсколько актовъ отъ правленія Гримоальда: грамота, которою онъ воспрещаетъ епископу кагорскому созвать соборъ безъ королевскаго разрѣшенія (*Pardessus*, № 308, II, 83); акты королевскаго пожалованія (№ 309, № 313). Дезидерій епископъ кагорскій пишетъ ему какъ старшему (*Bouquet*, IV, 37).

быть всемогущей лишь подъ условіемъ оставленія надъ нею королевской власти Меровинговъ [1].

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

Правленіе Пиппина II въ Австразіи. Пиппинъ главнымъ образомъ опирается на вассалитетъ.

I.

Характеръ власти Пиппина.

Когда Гримоальдъ умеръ и должность мэра была утрачена, счастье каролингской фамиліи, однако, не оказалось разбито. Оставался Ансегизъ, сынъ Арнульфа и зять Пиппина. Онъ продолжалъ занимать высокія должности въ австразійскомъ дворцѣ до того дня, пока былъ убитъ [2].

За нимъ шелъ сынъ его Пиппинъ прозванный въ просторѣчіи Пиппиномъ Геристальскимъ [3], хотя этимъ именемъ его не называетъ ни одинъ изъ древнихъ писателей [4]. Этотъ второй Пиппинъ, сынъ

[1] Не могу однако освободиться отъ нѣкотораго сомнѣнія по поводу исторіи Гримоальда. Она описана лишь въ *Gesta Francorum*, сочиненіи нейстрійца, въ муассакской хроникѣ, да еще въ одномъ неопредѣленномъ отрывкѣ (Bouquet, II, 692) Авторъ *Vita S. Remacli*, написанной, правда, въ X вѣкѣ, говоритъ, что Гримоальдъ былъ завлеченъ въ Нейстрію Хлодовехомъ II «sub praetextu munerum accipiendorum» и задержанъ. Значитъ, свергли его не австразійцы (Bouquet, III, 547).

[2] Согласно нѣкоторымъ писателямъ, Ансегизъ былъ даже палатнымъ мэромъ.

[3] *Vita Pippini*, Bouquet, II, 608, даетъ ему лишь званіе герцога.—Метцскіе анналы именуютъ его «nobilissimus princeps».

[4] Въ *Gesta* онъ называется—Pippinus iunior (c. 46).

Ансегиза и Бегги,—былъ въ то же время внукомъ Арнульфа и перваго Пиппина. Онъ соединилъ въ своемъ лицѣ два могущественные дома.

Начало его жизни намъ плохо извѣстно. Большинство хроникеровъ ограничивается словами, что въ 679 или 680 году „онъ былъ повелителемъ Австразіи“ [1]. Важно бы знать, какъ и въ качествѣ кого онъ сталъ такимъ повелителемъ. Только одинъ анналистъ говоритъ объ этомъ и разсказываетъ о началѣ его карьеры въ характерныхъ подробностяхъ [2]. По его словамъ „началомъ удачи

[1] *Gesta*, 46: «Eo tempore, decedente Vulfoaldo... Pippinus filius Anseghiselo [Ansegisi] dominabatur in Austria».—*Continuator Fredegar.* 97 [3]: «In Auster, mortuo Vulfoaldo duce... Pippinus filius Anseghisilo dominabatur.»—*Paul. Warnefrid.* Historia Longobardorum, VI, 37: «Apud regnum Francorum tunc temporis Pipinus obtinebat principatum».—*Annales Francorum* (Bouquet, II, 645): «Pippinus dux Francorum, filius Anschisi, post mortem Wulfoaldi ducis partem Austriae regebat».—*Chronicon Moissiacense*, a. 679: «Eo tempore, decedente Walfardo, Pippinus et Martinus, decedentibus regibus, dominabantur in Auster».—Согласно одной родословной (Pertz, II, 309) Мартинъ, былъ сыномъ Хлодульфа.

[2] Это авторъ—*Annales Mettenses S. Arnulfi*; но такъ какъ данная хроника написана, видимо, лишь въ X-мъ вѣкѣ, то какъ же, спрашивается, онъ зналъ событія, о которыхъ разсказываетъ, притомъ разсказываетъ одинъ. Если немного ближе разсмотрѣть эти анналы, можно установить, что авторъ ихъ былъ только компиляторомъ. Онъ начинаетъ съ того, что дословно списываетъ такъ называемую хронику Фредегарія. Затѣмъ онъ списываетъ его продолжателя, потомъ лоршскіе аналы, *Vita Caroli* Эйнгарда, затѣмъ Тегана и даже Регинона. Онъ вездѣ кого-нибудь списываетъ, такъ что отрывки его разсказовъ всѣ дословно встрѣчаются въ различныхъ другихъ источникахъ. Есть у него только двѣ или три такихъ страницы, которыхъ не находимъ нигдѣ: это тѣ, которыя касаются начала дѣятельности Пиппина II. Скажемъ ли мы

Пиппина было то, что онъ отмстилъ за убійство отца своего Ансегиза, собственноручно умертвивъ убійцу“ [1]. Дальше хроникеръ прибавляетъ слѣдующую подробность: „Пиппинъ умертвилъ убійцу при помощи приближенныхъ, и, завладѣвъ его имуществомъ, раздѣлилъ его между собственными вѣрными“ [2]. Мы узнаемъ отсюда, что происходила борьба не только между двумя лицами, даже не только между двумя фамиліями, изъ которыхъ одна стремилась отмстить другой, но между двумя сеніорами, которые стали каждый во главѣ особаго союза вѣрныхъ, а за каждымъ стояла группа вооруженныхъ вассаловъ. Таковъ былъ уже сохранившійся въ тѣ времена обычай. Группировка по

что онъ ихъ выдумалъ? Это мало вѣроятно для человѣка, являющагося во всѣхъ остальныхъ мѣстахъ компиляторомъ. Попадаются къ тому же подробности, которыя не могли быть вымышлены писателемъ такого рода. Гораздо вѣроятнѣе, что и эти три страницы онъ заимствовалъ изъ какой-нибудь нынѣ утраченной хроники.—Пертцъ и нѣмецкіе ученые не считаются съ метцскими анналами. Не думаю, чтобы это было правильно. Адріэнъ Валуа былъ болѣе правъ, когда говорилъ, что эти анналы надо очень принимать въ разсчетъ. Многочисленныя ошибки и безтолковость анналовъ не достаточное основаніе, чтобы отвергнуть сообщаемые ими факты и подробности. Добавлю, что документъ, который онъ имѣлъ передъ собою, былъ, повидимому, восторженнымъ панегирикомъ Пиппина.

[1] *Annales S. Arnulfi Mettenses*, Pertz, I, 316; Bouquet, II, 676: «Principium insignis victoriae fuit quod adhuc in pueritiae flore positus indebitam gloriosi genitoris sui necem ultus est, auctorem infandi facinoris subita inruptione interimens. . interempto crudelissimo tyranno, nomine Gundowino».

[2] *Annales S. Arnulfi Mettenses*, Pertz, I, 316; Bouquet, II, 676: «Interempto Gundowino cum satellitibus suis, opibusque ipsius suis fidelibus distributis».

средствомъ *commendatio* и мундебурда была уже въ полной силѣ. Хроники разсказываютъ и о другихъ фактахъ, подобныхъ этой борьбѣ между сеніорами, каждый изъ которыхъ велъ за собою вооруженныхъ „вѣрныхъ“ [1].

Послѣдствіе и плодъ побѣды ясно указаны анналистомъ. Прежде всего, побѣдитель Пиппинъ завладѣваетъ имуществомъ побѣжденнаго Годвина. Подъ имуществомъ мы не должны подразумѣвать только оружіе или золото, какое побѣжденный могъ носить на себѣ; ясно, что рѣчь идетъ о другомъ: это — земли, какими владѣлъ Годвинъ; сюда же надо, если не ошибаемся, включить также должности и званія, какими онъ былъ облеченъ. Все это переходитъ отъ побѣжденнаго къ побѣдителю. Во-вторыхъ, Пиппинъ „раздаетъ имущество свое собственнымъ вѣрнымъ“; въ союзѣ „вѣрности“ всякая услуга должна быть вознаграждена. Пиппинъ жалуетъ всевозможныя блага; онъ даетъ вѣрнымъ должности и мѣста, какими можетъ распоряжаться; онъ надѣляетъ ихъ также землей, вѣроятно, въ формѣ бенефиція и подъ условіемъ сохраненія ихъ вѣрности.

Лѣтописецъ добавляетъ: „Тогда распространилась слава Пиппина“. Въ одинаковой мѣрѣ прославляли, конечно, его храбрость и его щедрость; таково двойное достоинство человѣка для привлеченія къ нему новыхъ вѣрныхъ. „Вскорѣ герцоги и графы, которыхъ имѣлъ подъ своей рукой его

[1] См. два подобныхъ примѣра въ хроникѣ Фредегарія, 55 и 95 [ср. «Франкская монархія», 794].

славный родитель, и которыхъ онъ возвелъ въ высокія должности, радостно поспѣшили къ сыну его Пиппину; они отдались ему, ввѣряя ему въ то же время стоявшихъ за каждымъ изъ нихъ людей“ [1].

Отмѣтимъ характерную особенность разсказа. Въ отличіе отъ всѣхъ вельможъ, исторія которыхъ намъ извѣстна отъ меровингской эпохи, Пиппинъ не начинаетъ своей карьеры съ дворцовыхъ должностей. Онъ не былъ съ самаго начала служилымъ человѣкомъ короля, и не какъ таковой заставляетъ онъ затѣмъ людей ему повиноваться. Онъ идетъ обратнымъ путемъ. Онъ прежде всего является главаремъ вѣрныхъ и послѣ этого вступаетъ во дворецъ. Его возвышеніе отличается, значитъ, совсѣмъ личнымъ, независимымъ отъ традиціи характеромъ, который не походитъ на карьеру котораго-нибудь изъ вельможъ раньше него.

[1] *Annales Mettenses S. Arnulfi:* «Pippini virtus longe lateque vulgabatur. Interea duces et optimates Francorum, quos gloriosus genitor eius nutriverat (мы видѣли выше въ предшествующемъ томѣ, что «nutrire, nutritor, nutritus»—слова изъ языка вассалитета и они обозначаютъ понятіе мундебурда) magnisque olim honoribus exaltaverant (*honores*—должности; Ансегизъ, бывшій однимъ изъ дворцовыхъ вельможъ, могъ раздавать много должностей своимъ вѣрнымъ) immenso repleti gaudio (при извѣстіи о смерти Годвина и побѣдѣ Пиппина) ad Pippinum properant seque cum omnibus quos gubernabant suae ditioni mancipant».—Отмѣтимъ, какъ сильно это сказано: «они отдаются на полное усмотрѣніе Пиппина»; эти слова означаютъ нѣчто иное, чѣмъ повиновеніе должностному лицу или государственной власти; они подразумѣваютъ личное подданство, подчиненіе всего существа, вассалитетъ; эти люди становятся людьми Пиппина.

Сразу ли онъ сталъ мэромъ? Не знаемъ [1]. Назначилъ ли его мэромъ король? Не сумѣемъ сказать. Всѣ документы хранятъ объ этомъ молчаніе, и самое такое молчаніе знаменательно. Вѣроятно, Пиппинъ сдѣлался мэромъ по собственной волѣ. Никто не могъ у него оспаривать этого званія, такъ какъ онъ былъ самымъ богатымъ и самымъ сильнымъ человѣкомъ въ Австразіи, особенно потому, что большинство знатныхъ „отдались ему", соединили свою судьбу съ его судьбою. Онъ сдѣлался мэромъ совершенно естественно, потому что его „вѣрные" хотѣли, чтобы онъ сталъ имъ, и они были въ томъ заинтересованы.

Характеръ его власти хорошо опредѣленъ лѣтописцемъ. „Къ его двору стекались всѣ знатные страны франковъ; онъ сдѣлался защитникомъ знатныхъ отъ возможныхъ противниковъ и въ то же время справедливымъ судьей ихъ поведенія" [2]. Мы должны замѣтить, что все это термины, именно принадлежавшіе къ языку вассалитета. „Защита" то же, что мундебундъ. Обязанностью сеніора было защищать отъ всѣхъ своего покровительствуемаго. Итакъ, Пиппинъ—„защитникъ знатныхъ" „отъ всѣхъ соперниковъ", то-есть, отъ всякаго, кто сталъ бы у нихъ оспаривать земли, должности, званія, какими они были надѣлены. Но „защита" подразумѣваетъ власть. Слѣдовательно, Пиппинъ—ихъ начальникъ, ихъ судья; онъ судья не только въ ихъ тяжбахъ или ихъ преступленіяхъ, но и „надъ всѣмъ ихъ поведеніемъ и нравами". Это — личная и неограниченная власть сеніора-покровителя надъ вассаломъ-покровительствуемымъ.

Въ прежнее время палатный мэръ управлялъ королевскою трустою отъ имени короля. Теперь онъ стоитъ во главѣ собственной личной трусты. Вассалитетъ перемѣстился отъ короля къ мэру.

Отмѣтимъ, что хроникеры очень рѣдко называютъ мэрами Пиппина II и его преемниковъ. Чаще ихъ обозначаютъ „герцогами франковъ" или „князьями франковъ". Достоинство мэра или перваго королевскаго слуги уже не представляло теперь въ ихъ власти и государственномъ положеніи того, что особенно бросалось въ глаза ихъ современникамъ. Гораздо болѣе выдѣляется ихъ роль вождей цѣлыхъ союзовъ вассаловъ, и такому новому представленію соотвѣтствуетъ, вѣроятно, это званіе герцога франковъ. Они были неограниченными повелителями, не столько благодаря власти, соединенной съ званіемъ мэра, сколько благодаря обязанностямъ вѣрности, которая связываетъ съ ихъ особою всѣхъ знатныхъ.

[1] Документы всѣ даютъ ему сначала званіе *dux* или *princeps*. Кромѣ того, онъ раздѣлялъ, кажется, сначала власть съ Мартиномъ; *Gesta*, 46: «Martinus et Pippinus dominabantur»; *Continuator Fredegarii*, 97: «Martinus dux et Pippinus dominabantur».—Но нѣтъ никакого указанія на характеръ такого раздѣленія власти или союза. Мартинъ считался сыномъ Хлодульфа, значитъ, былъ двоюроднымъ братомъ Пиппина; это видно изъ грамоты № 321, которая, впрочемъ, подложна. Онъ умеръ въ 680 году, и Пиппинъ остался одинъ.

[2] *Annales Mettenses S. Arnulfi*: «Confluebant ad aulam ipsius universi optimates Francorum, et factus est illis contra omnes aemulos defensor, et iustissimus in corregendis molibus dominator».

2.

Королевская власть Меровинговъ въ Австразіи.

Во что превратилась тогда королевская власть? Новѣйшіе историки говорятъ, что она была упразднена въ Австразіи [1] и сохранилась только въ Нейстріи. Это не совсѣмъ правильно. Меровингскіе короли, Теодерихъ III, Хлодовехъ III, Хильдебертъ III не „короли Нейстріи"; они — „короли франковъ"; они царствовали надъ всѣмъ франкскимъ государствомъ, надъ Австразіей въ томъ числѣ. Сомнѣнія нѣтъ, что Пиппинъ признавалъ ихъ королями австразійскими такъ же какъ и нейстрійскими. Это становится очевидно изъ дипломовъ и изъ хартій.

Въ 680 году въ одной хартіи, подписанной въ сенъ-галленскомъ монастырѣ, упоминается, что дѣло происходитъ въ царствованіе короля Теодериха III [2]. Въ 681 году Теодерихъ III выдалъ грамоту, въ силу которой жаловалъ сенъ-денисскому аббатству освобожденіе отъ таможенной пошлины (*teloneum, tonlieu*) „въ трехъ своихъ королевствахъ, Нейстріи, Бургундіи и Австразіи" [3]. Въ 698 году одна женщина, по имени Ирмина, въ хартіи, написанной въ Трирѣ, заявляетъ, что она пишетъ

[1] *Henri Martin*, Histoire de France, II, 160.

[2] *Diplomata*, Pardessus, № 396: «Actum in monasterio Sancti Gallonis... sub Theodorico rege».

[3] *Archives nationales*, K, 2, № 14, Tardif, № 23; Pardessus, № 397: «Tam in Niustreco quam in Austrea... per rigna Deo propicio nostro, tam in Niustreco quam in Austrea vel in Burgundia».

„въ четвертый годъ царствованія повелителя нашего, короля Хильдеберта" [1]. Епископъ трирскій въ 706 году, епископъ метцскій въ 708, владѣлецъ изъ верденской области въ 709, всѣ эти лица жили въ центрѣ Австразіи, и они говорятъ „о своемъ повелителѣ, королѣ Хильдебертѣ" [2]. Въ актахъ, составленныхъ въ Авенгеймѣ брейсгаускомъ, въ Шлештадтѣ, Страсбургѣ, Эбергеймѣ, отъ 723 до 728 года, встрѣчаются упоминанія о царствованіи „господина нашего" короля Теодериха IV [3]. Такимъ образомъ имена меровингскихъ королей постоянно фигурируютъ въ австразійскихъ хартіяхъ.

Самъ Пиппинъ, издавая какую-нибудь грамоту, пишетъ отъ имени „господина своего короля"

[1] *Pardessus*, № 448: «Actum Treveris sub die kalend. novembris, anno quarto domini nostri Childeberti regis».—Какъ извѣстно, слова «domini nostri» всегда означаютъ царствующаго, то-есть, живого короля, котораго пишущій признаетъ таковымъ.

[2] *Ibidem*, №№ 464, 475, 471: «Actum Novo Exsarto villa Sancti Stephani, anno quarto decimo regni domini nostri Childeberti regis».—Можно назвать еще одну хартію, написанную въ суестрскомъ монастырѣ, «in pago Mosariorum», «въ первый годъ царствованія Дагоберта III» (№ 481).—Мы не говоримъ, понятно, о хартіяхъ, составленныхъ въ Нейстріи.

[3] *Pardessus*, №№ 513, 529, 536, 543: «Actum Stratburgo civitate... anno octavo regnum domini nostri Theoderico rege».—Аббонъ въ своемъ завѣщаніи отъ 739 года отмѣчаетъ время не годами царствованія короля, а годами мэра Карла (*Pardessus*, № 559); такъ же въ двухъ другихъ актахъ (№№ 562 и 563); но это зависитъ отъ того, что между Теодерихомъ IV и Хильдерихомъ III было около четырехъ лѣтъ междуцарствія. Рядъ дипломовъ съ именами королей, даже въ Австразіи, возобновляется (не безъ нѣкоторыхъ исключеній) въ 744 году: №№ 578, 586, 588, 589, 591, 592, 595, 597, то-есть, до 748 года.

Теодериха или Хильдеберта [1]. Сынъ его Карлъ Мартеллъ поступаетъ такъ же и пишетъ: „Въ царствованіе славнаго господина Теодериха IV“ [2]. То же самое повторяется въ судебныхъ актахъ; Карлъ Мартеллъ самъ постановляетъ приговоръ, но добавляетъ: „въ царствованіе короля Теодериха“; а этотъ актъ составленъ въ Австразіи [3]. До 747 года въ судебныхъ приговорахъ, произнесенныхъ Карломаномъ, въ Австразіи ставилось имя короля Хильдериха [4]. Еще болѣе знаменательно, что встрѣчаются и прямые королевскіе дипломы въ пользу австразійцевъ и по отношенію къ землямъ, расположеннымъ въ Австразіи. Въ 681 году Теодерихъ III утверждаетъ пожалованіе въ пользу ставлотскаго монастыря [5]. Въ 724 году Теодерихъ IV даетъ въ Метцѣ иммунитетную грамоту мармюнстерскому монастырю въ Альзасѣ и

[1] Актъ 691 года, *Pardessus*, № 414: «Ego Pippinus dux et uxor mea dedimus... Actum villa Nielsio» (въ Австразіи, въ «pagus Mettensis») sub die decimo kal. martii, anno duodecimo regni domini nostri Theodorici regis». — Актъ 702 года, *Pardessus*, № 454: «Anno septimo regni domno nostro Childeberto regis». — Актъ 714 года, № 490: «Actum Bagoloso villa (въ Австразіи) anno quarto regni domni nostri Dagoberti regis».

[2] Актъ 722 года, № 521: «Ego Carolus maior domus... Actum Herestallio, villa publica, ipso die kalend. ianuarii, anno secundo regnante glorioso domino Thedorico rege». — Точно также въ актѣ отъ 726 года, № 537: «Actum Tulpiaco castro publico, anno sexto regnante glorioso rege Francorum Theodorico».

[3] Судебный актъ отъ 719 года, № 509: «Cum resedisset inluster vir Carolus... Glamanvilla... regnante Theoderico rege».

[4] *Pardessus*, № 591.

[5] *Ibidem*, № 399. — Есть еще дипломъ, помѣченный Майнцемъ, но онъ, навѣрно, не подлинный (№ 465).

объявляетъ, что беретъ его „подъ свою защиту“ [1]. Тотъ же король, проживая въ Гондревиллѣ въ Австразіи, пишетъ грамоту въ пользу морбахскаго монастыря [2].

Все это не доказываетъ, что названные короли лично управляли Австразіей, но заставляетъ думать, что они были тамъ признаны, какъ короли. Конечно, они не жили въ Австразіи. Они рѣдко туда пріѣзжали. Правда, существуютъ два диплома, подписанные въ Метцѣ и въ Гондревиллѣ, но зато находимъ до сорока другихъ, которые изданы въ Компьенѣ, Парижѣ, Сенъ-Клу, Суассонѣ, Кьерси, Валансіеннѣ, слѣдовательно, въ Нейстріи. Если же австразійскія хартіи носятъ ихъ имена, то послѣднія выставлены лишь для обозначенія времени выпуска хартій. Въ то время не было еще въ обычаѣ вести лѣтосчисленіе отъ начала христіанской эры; согласно римскому обычаю, оно велось по годамъ царствованія каждаго короля [3]. Король былъ, по меньшей мѣрѣ, эпонимомъ для тѣхъ, кто составлялъ хартіи. Это обстоятельство не лишено значенія. Хартіи отражали интересы людей; поэтому законъ

[1] *Ibidem*, № 531. — Подлинность этой грамоты сомнительна. Она была возстановлена послѣ пожара 828 года по памяти.

[2] *Ibidem*, № 542. — Есть также грамота Хильдериха III [№ 575] въ пользу Ставлота; но она очень спорная.

[3] Иногда монахи считаютъ въ своихъ хроникахъ время по годамъ царствованія константинопольскихъ императоровъ. «Pippinus moritur anno secundo Anastasii imperatoris» (*Annales Laurissenses minores;* Pertz, I, 114). *Vita altera S. Arnulfi*: «Natus est imperatoris Mauritii temporibus» (Болландисты, іюль, IV, 441). — Но въ актахъ время всегда опредѣлялось именемъ мѣстныхъ королей; это продолженіе стараго правила «die et consule».

требовалъ, чтобы онѣ датировались. Если бы не было короля, какимъ образомъ стали бы опредѣлять время? Нельзя ли было бы тогда опасаться, что безъ имени короля хартія не будетъ имѣть силы? Надо вспомнить о такихъ понятіяхъ и легко уразумѣть, что никто не думалъ объ уничтоженіи монархіи, даже въ Австразіи.

Впрочемъ, не трудно замѣтить, что реально у королей не было никакой власти. Это говорятъ всѣ хроникеры. Это доказываютъ факты. Изъ дипломовъ видно, что судебныя функціи королей осуществляются теперь мэромъ, постановляющимъ приговоры отъ своего имени [1]. Мэръ назначаетъ областныхъ намѣстниковъ; онъ раздаетъ герцогства и графства. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что онъ раздаетъ по своему усмотрѣнію государственныя земли. Мэръ командуетъ войскомъ, ведетъ его, куда хочетъ, объявляетъ войну или миръ. Мэръ подчиняетъ баваровъ, фризовъ, саксовъ.

Пиппинъ пользовался, стало быть, такою властью, какъ если бы королей не было. Власть его въ Австразіи никѣмъ не оспаривалась. Не обнаруживается ни момента анархіи, ни возмущенія, ни отказа въ повиновеніи. Воины слѣдуютъ за нимъ, куда онъ хочетъ. Покорность господствуетъ абсолютная и болѣе постоянная, чѣмъ когда бы то ни было въ меровингскую эпоху. Такъ было потому, что одинъ и тотъ же человѣкъ, палатный мэръ и въ то же время герцогъ франковъ, соединялъ въ себѣ всѣ роды власти. Онъ не только былъ представителемъ монархическаго начала, онъ также являлся главаремъ трусты (дружины), въ которой лично тѣсно были связаны съ нимъ всѣ знатные. А такъ какъ малый людъ въ свою очередь былъ подчиненъ въ силу такого же рода зависимости которому-нибудь изъ магнатовъ, то все населеніе представляло большую ассоціацію „вѣрныхъ", сгруппированныхъ вокругъ одного человѣка. Если вспомнить еще, что тотъ же человѣкъ располагалъ всею старою монархическою властью, цѣлою сѣтью должностей и службъ, неисчислимымъ количествомъ фискальныхъ земель, мы поймемъ, что все населеніе должно было попасть подъ его руку.

[1] *Pardessus*, №№ 509, 591.

ГЛАВА ПЯТАЯ.

Правленіе Каролинговъ, какъ палатныхъ мэровъ.—Вассалитетъ преобладаетъ во всей Галліи.

I.

Побѣда Австразіи надъ Нейстріей.

Лишь только австразійское общество организовалось, какъ было описано, оно вступило въ борьбу съ Нейстріей.

Нельзя утверждать съ увѣренностью, что естественная антипатія раздѣляла населеніе обѣихъ областей. Но нейстрійское общество конституировалось нѣсколько иначе, чѣмъ австразійское. Правда, институты вѣрности и патроната практиковались и тамъ въ кругу людей римскаго происхожденія такъ же, какъ и въ кругу людей франкской расы;

но тамъ не поднялось ни одной семьи, которая оказалась бы достаточно могущественной, чтобы сгруппировать подъ собою всѣхъ въ единый союзъ „вѣрности“. Мэры въ Нейстріи не слѣдовали другъ за другомъ изъ одной семьи отъ отца къ сыну. Ни одинъ изъ нихъ не сплотилъ въ своихъ рукахъ очень крупнаго земельнаго богатства. Все, что мы знаемъ объ Эгѣ, Эрхиноальдѣ, Эброинѣ [1], Варатонѣ и Бертхаріи, показываетъ ихъ совсѣмъ въ другомъ свѣтѣ, чѣмъ преемниковъ Арнульфа и Пиппина. Эти люди никогда не обладали личною силою, достаточною, чтобы тѣсно сплотить около себя знатныхъ и народъ. Они могли быть лишь министрами королевской власти и первыми должностными лицами страны. Не только нейстрійскіе палатные мэры не вступили въ союзъ съ мэрами австразійскими и не дѣйствовали, какъ они, но даже сами боролись въ пользу королевской власти.

Сначала военное счастье было противно австразійцамъ. Они потерпѣли пораженіе, первый разъ при Лукофаѣ (680) [2], второй — близъ Намюра

[1] Хроникеръ представляетъ Эгу какъ «opes habundans sed avariciae deditus» (*Fredegar.* 80). Эрхиноальдъ былъ «rebus mensurate ditatus» (*Fredegar.* 84; *Gesta Dagoberti*, 48).—Что касается Эброина, то, согласно одному автору, онъ былъ «ex infimo genere ortus» (*Acta Ragneberti*, 2; Bouquet, III, 619), а впослѣдствіи «in ambitione pecuniae deditus». Такова причина неизлѣчимой слабости Эброина, несмотря на его таланты.

[2] *Continuator Fredegarii*, 97 [3]: «Commissis invicem principibus, Ebroino, Martino adque Pippino... commoto exercitu, ad locum cui vocabulum est Lucofao (*Gesta*: «Lucofao» или «Lucofaco») proelium iniunt... Devicti cum sociis Martinus atque Pippinus in fugam lapsi sunt».—Мѣстонахожденіе Лукофая или Лугофага опредѣлить

(683) [1]. Но дѣло было въ томъ, что многіе нейстрійцы сами желали побѣды Австразіи.

Не будемъ, впрочемъ, предполагать, что этихъ людей воодушевляла какая-нибудь политическая доктрина или чистая идея; личный интересъ, даже алчность двигали каждаго изъ нихъ. Прослѣдимъ внимательно за словами хроникеровъ. „Въ это время“, говоритъ одинъ изъ нихъ, многіе знатные Нейстріи изъ-за жестокаго обращенія Эброина перешли изъ Нейстріи въ Австразію и укрылись около Пиппина“ [2]. Не сомнѣваемся, что эти „знатные“ были отставленные графы, лишенные бенефицієвъ. Недовольные мэромъ и королемъ, они шли искать счастья въ другомъ мѣстѣ. Годъ спустя, Эброинъ былъ убитъ однимъ высокимъ сановникомъ, благороднымъ Эрменфридомъ, имущество котораго было конфисковано, и которому угрожало преданіе королевскому суду, такъ какъ онъ не смогъ дать отчетъ въ своемъ управленіи и расходованіи

трудно, но продолженіе разсказа ясно обнаруживаетъ, что это было близъ Лана.—Мартинъ былъ зарѣзанъ при выходѣ изъ Лана. Эброинъ заставилъ его оттуда выйти, поклявшись, что ему будетъ сохранена жизнь; но «такъ какъ онъ клялся надъ пустою ракою», то клятва не имѣла никакого значенія, и никто не винилъ его за то, что онъ погубилъ Мартина (*Continuator Fredegar.* 97; *Gesta*, 47).

[1] *Ibidem*, 98 [4]: «Fuerunt inter Pippino et Ghislemaro (новый мэръ Нейстріи) bella civilia plurima; ad castro Namuco Gislemarus contra hostem Pippini («hostis» значитъ войско) consurgens, plurimos eorum nobilis viris occidit».

[2] *Annales Mettenses*: «Ea tempestate (681) plurimi nobilium Francorum (видимо, изъ Нейстріи) ob saevitiam tyranni Ebroini, Neustriam relinquentes, in Austrasiam ad Pippinum confugiunt».

зенныхъ средствъ [1]. Убійца бѣжалъ въ Австразію и искалъ убѣжища подъ могуществомъ Пиппина [2]. Онъ былъ хорошо принятъ, ему оказана была честь, и онъ присоединился въ свитѣ Пиппина къ другимъ нейстрійскимъ выходцамъ [3]. Такая эмиграція нейстрійцевъ возобновилась и въ слѣдующіе годы. „Нѣсколько знатныхъ Нейстріи, какъ Аудерамнъ, Реолъ и много другихъ, не пользуясь милостью новаго мэра Бертхарія, покинули Бертхарія и присоединились къ Пиппину; они заключили съ нимъ союзъ дружбы" [4], то-есть, вѣрности. Изъ Нейстріи стекались къ Пиппину не только свѣтскія лица, но также и священники, аббаты, епископы,—всѣ, кто былъ лишенъ каѳедры мэромъ Нейстріи, или у кого отняты были земли [5]. Пиппинъ принималъ

[1] *Vita Leodegarii ab Anonymo*, 17: «Cuidam optimati qui tunc fiscalem functionem ministravit eo usque intulit spatium donec paene auferret omne eius praedium; minabatur etiam mortis periculum. Vir ille gladio eum percussit in capite».—*Continuator Fredegarii*, 98: «Ebroinus Ermfredo Franco minas parat, rebus propriis tollere disponit».—*Gesta*, 47.—*Annales Mettenses*, 681 годъ.

[2] *Continuator Fredegarii*. 98: «Ad Pippinum ducem in Auster cum muneribus suis pervenit».—*Gesta*, 47: «Ermenfredus ad Pippinum in Auster fugiens evasit».

[3] *Annales Mettenses*: «A Pippino solita pietate suscipitur et ceteris profugis cum honore sociatur».

[4] *Continuator Fredegarii*, 99 [5]: «Haec indignantes (quod) Bertharius eorum amicitiam atque consilia saepe contemneret) Franci Audoramnus, Reolus, et alii multi, relinquentes Bertharium [alias Bercharium], ad Pippinum per obsides coniungunt, amicitias copulant...»

[5] Эта подробность выясняется изъ того, что говорятъ въ слѣдующей главѣ метцскіе анналы, вкладывая эти слова въ уста Пиппина: «Excitor querelis sacerdotum et servorum Dei qui me saepius adierunt pro sublatis iniuste patrimoniis ecclesiarum».

всѣхъ. Система вѣрности не различала ни племенъ, ни территорій. Такимъ образомъ, въ большую ассоціацію вѣрныхъ, главою которой былъ Пиппинъ, входило много нейстрійцевъ.

Согласно хроникерамъ, эти именно нейстрійцы и побуждали его всего болѣе идти войною противъ Нейстріи. „Они подстрекали его противъ мэра Бертхарія и противъ другой части франкскаго государства", говоритъ одинъ изъ хроникеровъ [1]. Другой авторъ пишетъ: „Бѣглецы, которыхъ онъ принялъ подъ свое покровительство, постоянно жаловались ему и молили его исправить причиненное имъ зло" [2]. Пиппину надлежало, значитъ, возвратить своимъ нейстрійскимъ друзьямъ и вѣрнымъ отобранныя у нихъ имущества, должности и земли. Добавимъ, что, вѣроятно, многіе австразійцы надѣялись получить свою долю въ должностяхъ или бенефиціяхъ Нейстріи. За Пиппиномъ шло,

[1] *Continuator Fredegarii*, ibidem: «Pippinum super Bercharium vel reliqua parte Francorum concitant».—Ср. Хронику св. Васта, изданіе Dehaisnes, 388.

[2] *Annales Mettenses* (Bouquet, II, 678): «Profugi quos Pippinus in sua misericordia susceperat, frequentibus cum querimoniis appetebant obsecrantes ut iniurias suas ulcisceretur». — Анналистъ развиваетъ дальше эту мысль въ пространныхъ словахъ. Пиппинъ отправилъ посольство къ королю Теодериху «suggerens ut profugis quos Ebroinus pro sua cupiditate proprio solo expulerat propriisque facultatibus spoliaverat, patrimoniis restitutis ipsos reverti iuberet».—Послѣ отказа короля Пиппинъ созвалъ знатныхъ на совѣтъ: «Lacrimas profugorum et supplicationes, qui in fidem suam sese crediderant, manifestat»; онъ произнесъ рѣчь: «Nobilium Francorum ad nostram fidem confugientium lacrymae et gemitus...»

слѣдовательно, и австразійское, и нейстрійское войско. Онъ одержалъ побѣду при Тестри (687)[1].

Послѣдствіе этого успѣха ясно указано хроникеромъ. Предавъ смерти мэра Бертхарія, Пиппинъ II „завладѣлъ особой короля, королевской казной и должностью палатнаго мэра“[2]. Это, собственно, не есть завоеваніе страны; это просто завоеваніе должности палатнаго мэра данной страны; но, благодаря маіордомату, въ рукахъ Пиппина оказались всѣ должности, всѣ мѣста, всѣ казенныя земли, даже епископства и аббатства. Посредствомъ всего этого онъ могъ оплачивать своихъ вѣрныхъ, а благодаря вѣрнымъ, онъ становился неограниченнымъ повелителемъ.

2.

Что надо думать о „лѣнивыхъ“ короляхъ.

Королевская власть сохранилась. По смерти каждаго короля Пиппинъ добросовѣстно замѣщалъ его другимъ, согласно обычному порядку наслѣдованія[3]. Надо попытаться составить правильное

[1] *Continuator Fredegarii*, 100 [6].

[2] *Ibidem*: «Pippinus Theuderico rege accipiens cum thesauris et domum palatii».

[3] *Continuator Fredegarii*, 101: «Chlodovecho filio eius parvulo elegerunt in regnum».—*Gesta*, 49: «Chlodoveus puer regalem sedem suscepit».—Замѣтимъ, что въ документахъ не упоминается ни одно народное собраніе, которое было бы созвано для избранія короля; слово «elegerunt» не означаетъ у продолжателя Фредегарія ничего другого, какъ «сдѣлали королемъ»; но Хлодовехъ III былъ старшимъ изъ сыновей умершаго короля. Послѣ него королемъ взяли Хильдеберта III, который былъ слѣдующимъ

понятіе объ этихъ короляхъ, которые были прозваны „лѣнивыми“. О нихъ сложилось представленіе, будто они выѣзжали изъ своихъ жилищъ не иначе, какъ на повозкахъ или колесницахъ, запряженныхъ быками, будто появлялись предъ народомъ лишь для того, чтобы показывать „свои длинные волосы и свою большую бороду“, причемъ они обладали только однимъ помѣстьемъ и всего лишь нѣсколькими слугами и были бы обречены умирать съ голоду, если бы мэръ не обезпечилъ имъ пропитанія. Но историкъ долженъ засвидѣтельствовать, что такое изображеніе сложилось довольно долго спустя послѣ того, какъ послѣдніе Меровинги исчезли со сцены; всѣ документы, въ которыхъ оно встрѣчается, относятся лишь къ IX вѣку. Кромѣ того, въ этомъ описаніи есть фактическія черты, указывающія на его неправдоподобность: такъ „длинная борода“ является явно лишней, ибо большая часть этихъ королей были дѣтьми. Не болѣе вѣрно также, что они были ограничены обладаніемъ однимъ лишь помѣстьемъ, ибо мы видимъ изъ дипломовъ, что они жили попеременно въ Компьенѣ[1],

сыномъ, потомъ Дагоберта III, единственнаго и послѣдняго сына. Видимъ, что если происходитъ избраніе, оно состоитъ въ соблюденіи естественнаго порядка. Впрочемъ, нѣтъ сомнѣнія, что каждый изъ этихъ королей назначался королемъ лишь съ согласія и по волѣ Пиппина. Именно это высказываютъ метцскіе анналы: «Chlodoveus parvulus a Pippino ordinatur... Pippinus Childebertum regem constituit. Pippinus Dagobertum in regem ordinavit».

[1] *Tardif*, № 25: «Datum Compendio in Dei nomine feliciter». То же самое №№ 34, 35, 38, 46, 47, 48, 50.

Шату [1], Сенъ-Клу [2], Люзаршѣ [3], Валансьенѣ [4], Кьерси [5], Монмакѣ [6], Парижѣ [7]. Многія хартіи показываютъ, что они продолжали распоряжаться государственными землями: Теодерихъ III жалуетъ землю Ланьи [8]; Хильдебертъ III производитъ земельные обмѣны [9]; Хильдебертъ III жалуетъ помѣстье Нассиньи въ Берри [10] и Хильперихъ II дѣлаетъ пожалованіе лѣса въ Руврэ [11].

Не будемъ также думать, что эти короли оставались совершенно въ сторонѣ отъ правленія. Цѣлый рядъ дипломовъ показываетъ, что они предсѣдательствовали въ верховномъ судѣ; приговоры писались отъ ихъ имени, будто бы они были настоящими ихъ авторами; это доказываетъ, что, по крайней мѣрѣ въ теоріи, они оставались во главѣ юстиціи [12]. Они совершали также административные

[1] *Tardif*, № 28: «Datum anno primo regni nostri Captunucio». То же № 36.

[2] *Ibidem*, № 31: «Datum Novonto feliciter». То же, № 37.

[3] *Ibidem*, № 32: «Cum nos in Dei nomine Luzarca in palacio nostro».

[4] *Ibidem*, № 33: «Cum nos Valentianis in palatio nostro».

[5] *Ibidem*, № 43, актъ 709 года: „Cum nos Crisciaco in palatio nostro".

[6] *Ibidem*, № 44: «Cum in nostra praesentia, Mamacas, in palatio nostro». То же, № 45.

[7] *Ibidem*, № 51.

[8] *Ibidem*, № 25.

[9] *Ibidem*, № 39.

[10] *Ibidem*, № 34.

[11] *Ibidem*, № 50.— Ср. *Pardessus*, №№ 417, 501, 505, 506, 507, 551.

[12] Эти судебные приговоры находимъ у *Tardif*, №№ 28 (691), 30 (692), 32 (692), 33 (693), 35 (695), 38 (697), 42 (703), 43 (709), 44 (710), 48 (716). Лишь при Хильдерихѣ III имя Пиппина ставится въ заголовкѣ судебныхъ постановленій, №№ 53 и 54.

акты; дипломы Хлодовеха III, Хильдеберта III, Хильпериха II касаются государственныхъ налоговъ, таможенныхъ пошлинъ [1]. Изъ другихъ грамотъ мы видимъ, что тѣ же короли, дѣйствуя какъ монархи, даруютъ государственный иммунитетъ [2]. Они, по крайней мѣрѣ, номинально, вмѣшиваются въ назначенія епископовъ. Современный агіографъ свидѣтельствуютъ въ одномъ изъ своихъ разсказовъ, что въ случаѣ вакантности епископской каѳедры, духовенство и народъ продолжали обращаться съ своимъ *consensus* въ формѣ *petitio* къ королю и епископъ назначался лишь въ силу королевскаго указа и по *praeceptum* [3], подписанному имъ. У насъ нѣтъ такихъ документовъ, которые отвѣтили бы намъ, продолжали ли подписываться королемъ грамоты назначеній герцоговъ и графовъ; но можно предполагать, что подобно грамотамъ назначеній епископовъ и на нихъ также ставились королевскія надписи.

Все это не доказываетъ, что короли обладали дѣйствительной властью. Но имъ принадлежала еще видимость власти, и это не лишено было значенія. Они сохраняли свою функцію въ правленіи, по

[1] *Tardif*, №№ 31, 31, 47.

[2] *Ibidem*, №№ 37, 41, 46.

[3] *Vita S. Boniti* (Mabillon, III, pars prior, p. 91, c. 6): «Cum... relationem pro adipiscenda auctoritate regia direxisset, et illi petitionem sibi commissam perorassent, ita meruerunt ut ex regio iussu eiusque praecepto idem roboraretur consensus».—Дѣло происходитъ при Теодерихѣ III, но, какъ показываетъ предыдущая фраза, послѣ битвы при Тестри.

крайней мѣрѣ, обязанность подписывать акты. Безъ нихъ не могли, повидимому, обходиться въ этомъ случаѣ. А видимость много значитъ въ такихъ дѣлахъ. Люди, непосредственно окружавшіе короля, конечно, знали, что воля короля была въ этихъ актахъ не при чемъ; но знало ли это населеніе королевства? Король, пассивное орудіе для нѣкоторыхъ, продолжалъ еще оставаться государемъ для большинства людей.

У насъ есть грамота одного изъ этихъ королей, въ которой мы видимъ, что одинъ богатый собственникъ, принося въ даръ нѣсколько помѣстій, счелъ полезнымъ закрѣпить свой актъ королевской грамотой [1]. Люди придавали, слѣдовательно, еще большое значеніе меровингскому королю и цѣнили его подпись. Въ эпоху, когда собственность часто оказывалась въ опасности, они обезпечивали свои права королевскими грамотами. Если бы королевская власть исчезла, документы, подтверждающіе собственность многихъ фамилій, утратили бы большую часть ихъ цѣны.

Не лишенъ также значенія обычай отмѣчать время годами царствованія каждаго короля. Безъ даты актъ не имѣлъ силы. Въ глазахъ простого человѣка имя короля обезпечивало акту его силу. Уничтоженіе королевской власти внесло бы смуту въ привычки, даже въ интересы.

Охотно допускаю, что лично короли ничего не

[1] *Tardif*, № 51, актъ 722 года.—Теодерихъ IV называетъ себя здѣсь «rex Franchorum». Онъ гарантируетъ и утверждаетъ пожалованіе земли Монтрейль и нѣсколькихъ другихъ, сдѣланное графомъ Ратмундомъ монастырю Saint-Maur-des-Fossés.

дѣлали; тѣмъ не менѣе они высоко стояли въ мнѣніи людей. Они занимали опредѣленное мѣсто въ ихъ мысляхъ, потому и нельзя было обходиться безъ королей и долго оказывалось невозможно захватить ихъ мѣсто.

3.

Пиппинъ II.

Рядомъ съ этими королями стоялъ мэръ, очень дѣятельный и всевластный. Въ одной изъ грамотъ, гдѣ, по видимостямъ, говоритъ и отдаетъ приказаніе король, читаемъ, что актъ былъ совершенъ по приказу палатнаго мэра, Пиппина" [1]. Видно, что мэръ всемогущъ. Во внѣшнихъ дѣлахъ онъ предводительствуетъ военными походами, внутри управляетъ и властвуетъ [2]. Одинъ агіографъ даетъ намъ примѣръ такого всемогущества, даже по отношенію къ духовнымъ лицамъ: архіепископъ руанскій, виновный въ томъ, „что питалъ противные

[1] *Archives nationales*, Tardif, № 34: «Childebertus rex Francorum... Taliter praecipimus ut... Childebertus rex subscripsi, Vulfoacus obtulit, ordinante Pippino maiore domus».—Эта формула не была нововведеніемъ въ Нейстріи; мы находимъ (№ 25) «ordinante Berthario maiore domus».—Въ актѣ 697 года (*ibidem*, № 38) палатный мэръ Пиппинъ помѣщенъ въ заголовкѣ списка свѣтскихъ членовъ королевскаго суда.

[2] *Continuator Fredegarii*, 100: «Omnia peragens». — *Gesta*, 48: «Pippinus... coepit esse princeps regiminis ac maior domus» [въ рукописяхъ «principale regimine maiorum domus»]. *Annales Mettenses*: «Theodoricum recipiens, nomen illi regis reservavit, ipse vero totius regni gubernacula thesaurosque regios et universi exercitus dominationem disponenda retinuit».—Ср. Муассакскую хронику, 687 г.

Пиппину замыслы", былъ лишенъ каѳедры и заточенъ въ монастырѣ [1].

Въ другомъ мѣстѣ лѣтописецъ утверждаетъ, что мэръ возстановилъ давно нарушенный въ нейстрійскомъ обществѣ порядокъ. Особенно же онъ подавилъ злоупотребленія должностныхъ лицъ, герцоговъ и графовъ, и принудилъ ихъ быть справедливыми къ населенію [2]. Онъ будто вернулъ даже порядокъ въ церковь, находившуюся, благодаря вмѣшательству ея въ междоусобныя войны, въ состояніи неурядицы не меньшемъ, чѣмъ свѣтское общество. Подобно тому, какъ поступилъ впослѣдствіи Карлъ Великій, онъ созвалъ соборъ епископовъ и заставилъ его принять полезныя постановленія „въ интересахъ церквей и сиротъ" [3].

Надо] замѣтить, что Пиппинъ II не думалъ о соединеніи двухъ дворцовъ Нейстріи и Австразіи въ одинъ, двухъ администрацій въ одну и двухъ организацій знатныхъ въ одно цѣлое. А такъ какъ онъ не могъ находиться въ обоихъ дворцахъ, то вмѣсто себя делегировалъ во дворецъ нейстрійскій, состоять при королѣ нѣкоего Норберта, „одного изъ своихъ" [4]. Послѣ его смерти онъ

[1] *Vita S. Ansberti*, 31 (Mabillon, Acta Sanctorum, II, 1058; Bouquet, III, 629): «Pippino principi suggerunt virum sanctum adversus eum contraria tractasse consilia; accusatus apud ipsum principem, iussu eiusdem exsilio deportatur... nullo exstante crimine».

[2] *Annales Mettenses*: «Correctis omnibus pravitatibus quae in illis partibus per cupiditatem et iniquitatem principum per multos annos adoleverant, cunctam patriam pacatissimam reddidit».

[3] *Ibidem*: «Synodum adunare praecepit in qua utilitatibus ecclesiarum, orphanorum, viduarum consideratis...»

[4] *Gesta*, c. 48: «Nordebertum quondam de suis cum rege relictum, ipse in Austria remeavit».—*Chronicon Moissaciense*, 637: «Nordeberto quodam de suis cum rege relicto».—Согласно Адону Вьенскому и *Libellus de maioribus domus* (Bouquet, II, 670 и 699) онъ далъ Нортберту даже званіе палатнаго мэра.—Въ дипломахъ (*Tardif*, №№ 32, 33) Нортбертъ называется просто оптиматомъ; онъ не имѣетъ званія мэра.

назначилъ палатнымъ мэромъ Нейстріи собственнаго сына, по имени Гримоальда [1]. А когда Гримоальдъ умеръ, онъ замѣстилъ его въ 711 году еще разъ своимъ малолѣтнимъ внукомъ Теодоальдомъ [2]. И король, и мэръ были дѣтьми; реально правилъ Пиппинъ. Онъ умеръ послѣ двадцатисемилѣтняго управленія государствомъ франковъ; такъ говорятъ хроникеры [3].

[1] *Gesta*, 49: «Eo tempore» (695 или 696) Nordebertus mortuus est; Grimoaldus Pippini filius iunior in aula regis Childeberti maior domus effecius est». — *Continuator Fredegarii*, 101 [6]: «Grimoaldus iunior cum Childeberto rege maior domus palatii electus est».—*Annales Mettenses*: «Pippinus iuniorem filium suum Grimoaldum maiorem domus cum Hildeberto rege constituit».

[2] *Continuator Fredegarii*, 104 [7]: «Theudoaldo filio Grimoaldi parvulo in loco ipsius maiorum domato palatii accepit».—*Gesta*, 50: «Theodoaldum filium Grimoaldi, iubente Pippino avo, in aula regis honore patris sublimem statuunt».—*Annales Mettenses*: «In locum Grimoaldi filium eius parvulum Theodoaldum maiorem domus constituit».

[3] *Continuator Fredegarii*, 104 [8]: «Pippinus mortuus est; rexit populum Francorum annos XXVII».—*Gesta*, 51: «Pippinus defunctus est, obtinuit principatum XXVII annos».—Муассакская хроника: «Obtinuerat principatum annos XXVII».—*Annales Fuldenses*, a. 714: «Obtinuit regnum Francorum per annos XXVII cum regibus Hludovico, Childeberto et Dagoberto».—*Annales Laurissenses minores* (Pertz, I, 114): «Pippinus dux Francorum... obtinuit regnum Francorum per annos XXVII cum regibus sibi subiectis Hludovico, Hildeberto et Dagoberto».

4.

Карлъ Мартеллъ.

Карлу Мартеллу [1] пришлось начинать дѣло сначала и возобновлять войну съ Нейстріей. Это произошло оттого, что Пиппинъ II, двое сыновей котораго умерли раньше него [2], оставилъ лишь двухъ малолѣтнихъ внуковъ. Власть казалась настолько упроченной, что поступили такъ, какъ дѣлается въ королевскихъ фамиліяхъ: они сдѣлались мэрами подъ опекой и, такъ сказать, подъ регентствомъ Плектруды [3]. Австразія приняла, повидимому, такое правленіе безпрекословно. Оно было отвергнуто не всею Нейстріей, а одною частью высшаго общества въ Нейстріи [4]. Образовался союзъ „противъ Теодоальда и противъ тѣхъ, кто

[1] Карлъ Мартеллъ былъ сыномъ Пиппина II отъ наложницы его Альпаиды.

[2] То были Дрогонъ и Гримоальдъ. Дрогонъ оставилъ сына, по имени Гуго, Гримоальдъ—Теодоальда.

[3] *Continuator Fredegarii*, 104 [8]: «Post obitum Pippini, Plectrudis matrona suo consilio atque regimine cuncta agebat».—*Gesta*, 51: «Plectrudis cum nepotibus suis vel rege cuncta gubernabat sub discreto regimine».—Муассакская хроника: «Plectrudis cum nepote suo Theodoaldo vel Dagoberto rege cuncta gubernabat».—Нельзя сказать навѣрно что Гуго былъ провозглашенъ мэромъ, но это вытекаетъ, повидимому, изъ *Gesta*.

[4] Такъ говоритъ продолжатель Фредегарія, 104: «Franci (это слово обозначаетъ здѣсь спеціально нейстрійцевъ) mutuo in sedicionem versi». Такія выраженія, нѣсколько разъ встрѣчаемыя у Фредегарія, всегда обозначаютъ раздоры: «Нейстрійцы не соглашались между собой».

были лейдами Пиппина и Гримоальда“ [1]. Близъ Гизы произошло сраженіе не между нейстрійцами и австразійцами, а между двумя нейстрійскими партіями [2]. Партія Теодоальда была побѣждена, а другая назначила другого мэра, Рагенфрида [3]. „Въ то время въ королевствѣ франковъ происходили большія гоненія“, говорится въ хроникахъ [4]. Подъ этими словами мы должны понимать, что всѣ вѣрные Пиппина II, получившіе въ Нейстріи должности или земли, были изгнаны изъ нея. Напримѣръ, другъ Пиппина, по имени Бенигнъ, былъ поставленъ во главѣ богатаго фонтенельскаго аббатства; Рагенфридъ прогналъ его оттуда и замѣстилъ своимъ ставленникомъ, по имени Вандономъ [5]. Графства, епархіи и аббатства были заняты друзьями новаго мэра.

Не будемъ себѣ представлять, что Австразія напала тогда на Нейстрію и тѣмъ возобновились древнія вторженія. Нападающей стороной была Нейстрія, и она оказалась сначала болѣе сильной.

[1] *Continuator Fredegarii*, 104: «Contra Theudoaldum et leudis Pippino quondam atque Grimoaldo».

[2] Это ясно видно изъ повѣствованія *Gesta*, 51: «Franci (нейстрійцы) in Francos invicem inruunt (in) Cocia silva ac sese mutuo dirissima cede prosternunt».—Въ разсказѣ продолжателя Фредегарія и также въ *Annales Mettenses* не говорится объ австразійцахъ. Не вмѣшиваются ни Гуго, ни Плектруда.

[3] *Continuator Fredegarii*, 105. *Gesta*, 51. *Annales Mettenses*.

[4] *Ibidem*, 104: «Magna et valida perturbatio et persecutio extitit apud gentem Francorum».—*Gesta*, 51: «Fuit illo tempore valida persequutio».

[5] Фонтенельская хроника, Bouquet, II, 659.

Карлъ былъ побѣжденъ [1]. Войско Хильпериха и Рагенфрида побѣдоносно прошло по всей Австразіи до Рейна. Но годъ спустя Карлу удалось собрать новое войско, и онъ сдѣлался побѣдителемъ при Венси. Дезорганизованная однимъ этимъ пораженіемъ, Нейстрія попала въ руки Карла Мартелла.

Послѣдствіе было таково: какъ мэръ Рагенфридъ отобралъ всѣ мѣста у вѣрныхъ Пиппина, такъ и Карлъ отобралъ ихъ у друзей Рагенфрида. Фонтенельская хроника говоритъ, что аббатъ Бенигнъ сражался въ войскѣ Карла, а аббатъ Вандонъ въ войскѣ Рагенфрида; такъ какъ побѣдителемъ остался Карлъ, то Вандонъ лишился своего аббатства, которое было возвращено Бенигну [2]. Въ другомъ мѣстѣ видимъ, что Карлъ лишаетъ архіепископа Ригоберта реймсской каѳедры за то, что онъ выказалъ себя сторонникомъ Рагенфрида [3]. Агіографъ прибавляетъ, что „такъ же поступилъ Карлъ съ другими епископами; онъ отдалъ ихъ каѳедры тѣмъ, кто принадлежалъ къ его партіи“ [4]. Епархіи были розданы побѣдителямъ. Одинъ воинъ,

[1] *Continuator Fredegarii*, 105 и 106 [8 и 9]: «Commoto exercitu usque Mosam fluvium properant, cuncta vastantes... Iterato tempore, commoto exercito, contra Carlum dirigunt... Carlus lesum cernens exercitum terga vertit... Chilpericus vel Raganfredus Arduennam silvam transeunt, Coloniam urbem super Renum pervenerunt... Munera multa et thesauros a Plectrude acceptum revertus est». — Въ *Gesta* говорится то же самое.

[2] Фонтенельская хроника, Bouquet, II, 659.

[3] *Vita S. Rigoberti*, c. 2; Bouquet, III, 657.

[4] *Vita S. Rigoberti*, c. 4: «Et aliis similiter fecit, et iis qui suis partibus faverant dedit».

по имени Милонъ, сражавшійся за Карла, получилъ на свою долю двѣ епархіи, реймсскую и трирскую [1]. Племянникъ Карла получилъ ихъ три— Парижъ, Байэ и Руанъ, не считая двухъ богатыхъ аббатствъ, фонтенельскаго и жюмьежскаго [2]. По житіямъ святыхъ и по монастырскимъ хроникамъ, упоминающимъ только о епископствахъ и аббатствахъ, мы можемъ судить, какъ было поступлено съ герцогствами и графствами. Будучи палатнымъ мэромъ, Карлъ распоряжался всѣми мѣстами.

Не будемъ говорить, что это было вторженіе германскаго племени, пришедшаго лишній разъ для ограбленія галловъ. Надо остерегаться современныхъ понятій, не высказанныхъ ни въ одномъ документѣ той эпохи. Между вѣрными Рагенфрида и вѣрными Карла шла борьба, а ставкой было все то, что могли дать мэры: званія, должности, мѣста, епархіи, земли фиска. Если одинъ человѣкъ грабитъ другого, то не потому, что одинъ изъ нихъ германецъ, а другой галлъ, а потому, что одинъ находится въ дружинѣ побѣдителя, другой въ дружинѣ побѣжденнаго. Не раса опредѣляла принадлежность къ обездоленнымъ или надѣленнымъ.—То, что въ 717 тоду Карлъ сдѣлалъ съ Нейстріей, въ 733-мъ онъ сдѣлалъ съ Бургундіей: онъ отдалъ

[1] *De gestis episcoporum*, Bouquet, III, 649: «Milo cum Carolo ad bellum profectus est... et post victoriam episcopatibus Trevirorum et Remensium ab eodem Carolo donatus est».—Милонъ былъ, впрочемъ, сыномъ и племянникомъ епископовъ трирскихъ (*Vita S. Basini*, Bouquet, III, 591).

[2] Фонтенельская хроника, Bouquet, II, 660.

епископства и графства „своимъ лейдамъ, своимъ вѣрнымъ“ [1].

Онъ управлялъ, какъ отецъ. Онъ и не думалъ объ упраздненіи королевской власти. Чтобы легально стать палатнымъ мэромъ, необходимъ былъ король. На другой же день послѣ побѣды, такъ какъ онъ не держалъ въ рукахъ короля Хильпериха, то поспѣшилъ возвести на престолъ Хлотара IV [2]. Быть можетъ, онъ не далъ ему подписать никакого другого акта кромѣ грамоты, назначавшей его мэромъ. Когда Хлотаръ умеръ, Карлъ снова взялъ въ короли Хильпериха, а послѣ него сдѣлалъ королемъ Теодериха IV [3].

Карлъ управлялъ, нося званіе палатнаго мэра. Въ оставшихся отъ него грамотахъ онъ не называетъ себя иначе [4]. Однако хроникеры, не стѣсняющіе себя оффиціальной точностью, чаще даютъ

[1] *Continuator Fredegarii*, 109 [14]: «Carlus regionem Burgundie penetravit, fines regni illius leudibus suis probatissimis statuit... Lugdono suis fidelibus tradidit».—*Annales Metenses*: «Karolus regnum Burgundiae cum valida manu penetravit, finesque regni illius fidelibus suis ducibus probatissimis ad regendum dedit».

[2] *Continuator Fredegarii*, 107: «Regem sibi constituit nomine Chlotarium».—*Gesta*, 53: «Regem sibi statuit Chlotharium».

[3] Перерывъ въ королевской власти былъ лишь между Теодерихомъ IV и Хильдерихомъ III, отъ 737 до 742 года.—Всѣ эти короли пишутъ еще, или считается, что они пишутъ грамоты; *Pardessus*, №№ 515, 518, 527, 531, 535 и потомъ №№ 570, 571, 575 до 744 года.

[4] Актъ 722 года: «Ego in Dei nomine illuster vir Carolus maior domus... Actum Heristallio. Signum illustris viri Karoli maioris domus» (*Diplomata*, édit. Pardessus, № 521).—Посланіе 724 года: «Episcopis, ducibus, comitibus, illustris vir Carolus maior domus» (*ibidem*, № 532).—Ср. №№ 509, 537, 563.

ему названіе „*princeps*“, вѣроятно, потому, что видятъ въ немъ настоящаго главу государства [1]. Въ самомъ дѣлѣ онъ былъ таковымъ. Если взять судебныя функціи королевской власти, онѣ лежали на немъ; мы видимъ, что онъ засѣдалъ въ королевскомъ судѣ и постановлялъ приговоры отъ собственнаго имени [2]. Онъ же назначалъ герцоговъ и графовъ, управлявшихъ провинціями, отдавалъ должности, кому хотѣлъ [3]. Онъ созывалъ знатныхъ, предсѣдательствовалъ на ихъ собраніяхъ, ставилъ имъ вопросы [4]. Знатные не были даже, какъ прежде, „знатными короля“, а были „знатными Карла“ [5]. Онъ назначалъ также епископовъ и многихъ настоятелей аббатствъ; онъ отрѣшалъ тѣхъ, чья вѣрность не казалась ему достаточно прочной [6]. Онъ по своему усмотрѣнію

[1] *Continuator Fredegarii*, c. 109, 110, et passim. — *Gesta regum Francorum*, c. 47, 49, 50. *Paul. Diacon.* Historia Longobardorum, VI, 53.

[2] *Diplomata*, № 509, судебный актъ 719 года: «Cum resedisset inluster vir Carolus maior domus cum pluribus personis Glamanvilla ad universorum causas audiendas vel recta iudicia terminanda»...

[3] *Continuator Fredegarii*, 109.

[4] *Ibidem*, 109 [15]: «Carlus inito consilio procerum». 110 [23]: «Consilio optimatum». *Annales Mettenses*: «Congregatis in unum omnibus optimatibus».

[5] *Continuator Fredegarii*, 109: «Carlus, inito consilio procerum suorum». 110: «Optimatum suorum».—*Annales Mettenses*: «Congregatis optimatibus suis» (Bouquet, II, 685).

[6] Какъ напримѣръ, Евхерія епископа орлеанскаго, изгнаннаго имъ изъ его епархіи и заточеннаго въ одинъ австразійскій монастырь (*Vita S. Eucherii*, Болландисты, 20 февраля; Bouquet, III, 346, 656). См. также въ фонтенельской хроникѣ, гл. 11; Bouquet, II, 662.

распоряжался церковными землями, будто онѣ принадлежали фиску [1]. Наконецъ, важнѣе всего, онъ рѣшалъ вопросъ о войнахъ; онъ назначалъ наборъ войска, когда хотѣлъ, и велъ войска, куда хотѣлъ. Неограниченный и всѣми признанный повелитель, соединявшій въ своихъ рукахъ всю власть, онъ возстановилъ внутреннее единство франкскаго королевства, уничтожилъ мелкія мѣстныя тиранніи, укрѣпилъ централизацію [2]; извнѣ онъ остановилъ мусульманское вторженіе, подчинилъ фризовъ, баваровъ, саксовъ, сдѣлалъ, наконецъ, франкское государство великой державою Запада.

5.

Палатные мэры Пиппинъ III и Карломанъ.

Нелегко себѣ уяснить, какъ могъ Карлъ Мартеллъ завѣщать свою власть сыновьямъ. Должность мэра не была наслѣдственной и, такъ какъ она была именно должностью, то непонятно, по какому праву могла она быть передаваема. Анналисты, нѣсколькими очень краткими штрихами намекаютъ, какъ происходило дѣло. Они разсказываютъ, что

[1] *Adrevald*. Miracula S. Benedicti, I, 14, p. 35—36: «Rebus bellicis operosissime insistens... ob eam rem plurima iuri ecclesiastico praedia detrahens fisco associavit ac deinde militibus propriis distribuere studiit».—Мы будемъ говорить въ другомъ мѣстѣ о вопросѣ церковныхъ прекаріевъ, стоящемъ въ связи съ этими фактами. [Ср. Nouvelles Recherches, 289, 302].

[2] Таковъ смыслъ слѣдующихъ словъ историка: «Carolus tyrannos per totam Franciam dominatum sibi vindicantes oppressit» (*Einhard*. Vita Caroli, 2). Ср. *Continuator Fredegar*. 109.

въ 741 году Карлъ, думая, что ему остается лишь нѣсколько недѣль жизни, „созвалъ знатныхъ и, собравъ ихъ около себя, раздѣлилъ земли, какими управлялъ, между своими двумя сыновьями“ [1]. Изъ этого можно сдѣлать два замѣчанія: 1) Пиппинъ и Карломанъ не сами по себѣ сдѣлались преемниками отца послѣ его смерти; власть была имъ передана отцомъ при жизни; 2) Карлъ передалъ свою власть въ присутствіи знатныхъ, то-есть, съ ихъ согласія. Правда, рѣчь идетъ о „его знатныхъ“, то-есть, людяхъ, обязанныхъ ему своимъ положеніемъ, которые были въ то же время связаны съ нимъ, какъ его вѣрные. Помимо нравственнаго обязательства, лежавшаго на нихъ въ силу вѣрности, эти люди были явно заинтересованы въ томъ, чтобы должностью мэра не завладѣлъ новый родъ. Соглашеніе между мэромъ и между знатными было легко достижимо: непрерывность власти въ родѣ Карла обезпечивала имъ сохраненіе ихъ положенія.

[1] *Continuator Fredegarii*, 110: «Princeps Carolus, consilio obtimatum suorum expetito, filiis suis regna dividit: primogenito suo Carlomanno Auster, Suavia, quae nunc Alamannia dicetur, atque Toringia sublimavit, Pippino vero Burgundiam, Neuster et Provintiam praemisit».—То же повторяетъ *Appendix* къ *Gesta*.—*Chronicon Fontanellense*, Bouquet, II, 662: «Carolus filiis suis principatum suum aequa lance divisit».—*Annales Mettenses*: «Congregatis in unum omnibus optimatibus suis, principatum suum inter filios suos aequa lance divisit».—Карлъ оставилъ и третьяго, но побочнаго сына, по имени Гриппона, которому хотѣлъ дать небольшую долю между Нейстріей и Австразіей; но Гриппону не удалось вступить во владѣніе этой землей. *Einhard*. Annales, ann. 741; *Annales Mettenses*, Bouquet, II, 686.

Итакъ, въ 741 году Пиппинъ и Карломанъ получили по смерти отца его власть безъ всякаго сопротивленія, каждый въ назначенной имъ отцомъ области. Они получили званіе палатныхъ мэровъ [1].

Тутъ мы встрѣчаемъ не лишенную значенія подробность. Когда Пиппинъ и Карломанъ получили власть, короля не было. Теодерихъ IV уже умеръ въ 737 году, съ тѣхъ поръ Карлъ Мартеллъ не далъ ему замѣстителя [2]. Казалось даже, что Меровинги больше не существовали. Не извѣстенъ былъ никто изъ представителей дома, будто династія угасла. Любопытно, однако, что при всемъ своемъ могуществѣ Карлъ Мартеллъ не осмѣлился принять титулъ короля; Пиппинъ и Карломанъ также не рѣшились на это. Междуцарствіе длилось

[1] *Annales Fuldenses*: «Carlomannus et Pippinus sub obtentu maioris domatus, totius Franciae regnum suscipiunt».—Продолжатель Фредегарія, 111; *Gesta*, Appendix (Bouquet, 573). Метцская хроника называетъ Пиппина и Карломана *principes*.

[2] Смерть Теодериха IV даже не отмѣчена въ хроникахъ. Но мы знаемъ о ней, и время ея намъ открывается изъ одной грамоты Карла Мартелла (*Pardessus*, № 563), навѣрно, составленной въ 741 году, такъ какъ она относится къ пожалованію виллы Клиши, сдѣланному имъ передъ самою смертью (*Gesta*, Appendix, Bouquet, II, 573), и помѣченному въ Кьерси, гдѣ, какъ извѣстно, онъ дѣйствительно умеръ. Эта грамота датирована такъ: «Mensis september... annum quintum post defunctum Theodoricum regem». Значитъ, Теодерихъ IV умеръ раньше сентября 737 года. У насъ есть лишь копія этой хартіи, но Фелибьенъ и Мабилльонъ увѣряютъ, что видѣли подлинникъ (*Mabillon*, De re diplomatica, 189).—См. также *Geneologia regum Francorum*, у Bouquet, II, 695, Pertz, II, 308: «Theudoricus regnavit annos XVII. Carolus sine alio rege imperavit annos VII».

около шести лѣтъ. Быть можетъ, тогда производилась попытка обойтись безъ королевской власти.

Но она оказалась возстановлена въ 743 году и возстановлена въ пользу послѣдняго Меровинга. Ни одинъ анналистъ не отмѣтилъ и не объяснилъ этого факта [1]. Мы можемъ дѣлать лишь предположенія о причинахъ, заставившихъ Пиппина и Карломана возстановить королевскую власть. Не желая или не имѣя возможности получить ее для себя, они стали искать Меровинга. Въ одномъ монастырѣ, говорятъ, отыскалось лицо, происхожденіе котораго не было вполнѣ установлено. Они посадили его на престолъ, давъ ему имя Хильдериха III [2].

Перечисленныя мелкія подробности очень важны. Онѣ доказываютъ, что родъ Пиппиновъ не рисуется враждебнымъ старой монархіи. Наоборотъ, въ теченіе семидесяти лѣтъ этотъ родъ поддерживалъ и сохранялъ королевскую власть въ рукахъ Меровинговъ. Старая династія пала бы сама по себѣ,

[1] Что Хильдерихъ III возведенъ на престолъ въ 743 или, самое раннее, въ 742 году, это видно изъ *Genealogia regum Francorum* (Bouquet, II, 693; Pertz, II, 308), гдѣ говорится: «Childericus regnavit annos X» (отъ 743 до 753) и изъ *Chronicon brevissimum*, гдѣ отмѣчено, что Хильдерихъ III царствовалъ лишь девять полныхъ лѣтъ (Bouquet, II, 691).—Хроника Адемара, согласно которой Хильдерихъ III слѣдуетъ за Теодерихомъ безъ перерыва (Bouquet, II, 575), написана въ XI вѣкѣ и довѣрія не заслуживаетъ.—По этому вопросу дѣйствительно не вполнѣ выясненному, см. примѣчаніе у *Pardessus*, Diplomata, II, 370.

[2] Есть грамота (Pardessus, № 575) съ такимъ заглавіемъ: «Hildericus, rex Francorum, viro inclito Karlomanno maiore domus qui nobis (nos) in solium regni instituit». Только можно ли имѣть полное довѣріе къ этой грамотѣ?

если бы новая не прилагала стараній къ ея сохраненію.

Съ 743 по 753 годъ грамоты носятъ имя меровингскаго короля [1]. Почти всѣ хартіи частныхъ лицъ, даже хартіи Пиппина и Карломана, помѣчены годами его царствованія [2]. Видно, что этотъ король фактически не правилъ. Перечисляющія событія хроники никогда не примѣшиваютъ къ нимъ его имени. Если дѣло идетъ о войнѣ, ее рѣшаютъ Пиппинъ или Карломанъ; они созываютъ войско и ведутъ его, куда хотятъ. Они не только военные вожди, они управляютъ внутренними дѣлами. Они осуществляютъ принадлежавшія королямъ судебныя функціи; мы имѣемъ грамоты, изъ которыхъ видимъ, что они предсѣдательствовали въ королевскомъ трибуналѣ и постановляли приговоры [3]. Они издавали законы. Отъ ихъ времени до насъ дошло лишь три капитулярія: имя короля не вписано ни въ одномъ изъ трехъ; рѣшаетъ, декретируетъ, законодательствуетъ самостоятельно одинъ Пиппинъ, или одинъ Карломанъ [4]. Они выражаются, какъ древніе короли, говорятъ: „повелѣваемъ", „постановляемъ", „предписываемъ". Соборы должны были созываться верховною властью; ихъ созывали Пиппинъ или Карломанъ. По приказанію перваго собрался

[1] *Pardessus*, №№ 569, 570, 571, 575.

[2] *Ibidem*, №№ 578, 584, 585, 587, 588, 589, 591; даже въ Австразіи, №№ 592, 594, 595, 596, 597, 603, 604.—Исключенія составляютъ №№ 576, 577.

[3] *Archives nationales*, Tardif, №№ 53, 54.

[4] *Boretius*, p. 24—30.

суассонскій соборъ; по приказанію второго—лептинскій [1]. У насъ есть нѣсколько папскихъ посланій, касающихся церковныхъ интересовъ въ Галліи или Германіи; они адресованы къ Пиппину или къ Карломану, а не къ королю Хильдериху [2].

Надо отмѣтить, что Карлъ Мартеллъ не думалъ о сохраненіи послѣ себя съ такимъ трудомъ достигнутаго единства франкскаго государства или даже единства каролингскаго рода. Онъ произвелъ раздѣлъ между своими двумя сыновьями, оставивъ такимъ образомъ послѣ смерти два ясно отдѣленныя другъ отъ друга государства. Неожиданный случай возстановилъ единство. Въ 747 году Карломанъ постригся въ монахи и удалился въ Италію, не обезпечивъ достаточнымъ образомъ за сыномъ своимъ Дрогономъ своей части королевства. Пиппинъ сдѣлался единственнымъ повелителемъ всего государства [3].

[1] *Sirmond*, I, 543 и слѣд.

[2] *Tardif*, № 52. — *Liber Carolinus*, edit. Jaffe, №№ 1, 3. Папа Захарій называетъ Пиппина «maior domus», а власть его обозначаетъ терминомъ «principatus». Въ письмѣ къ святому Бонифацію онъ называетъ Пиппина и Карломана «principes Galliarum», *Jaffe*, Monumenta Moguntiana, 134.

[3] Это странное рѣшеніе хроникеры приписываютъ одной набожности Карломана. *Continuator Fredegarii*, c. 116 [30]: «Carlomannus devotionis causa inextinctu succensus, regnum una cum filio suo Drohone manibus germano suo Pippino committens, ad limina Apostolorum Romam advenit».—Такъ же выражается Appendix къ *Gesta*.—*Annales Mettenses*: «Karlomannus regnum suum derelinquens ad limina Beati Petri cum plurimis optimatibus suis pervenit, capitisque coma deposita...» *Annales Moissacienses*: «Desiderio caelestis patriae compunctus, sponte regnum reliquit».—Эйнгардъ выражается менѣе опредѣленно; *Vita Caroli*, 2: «Karlomannus, incertum

Ему недоставало лишь титула короля. Въ теченіе пяти лѣтъ еще власть и титулъ оставались раздѣленными, власть находилась въ однѣхъ рукахъ, титулъ съ еще окружавшимъ его престижемъ—въ другихъ.

ГЛАВА ШЕСТАЯ.

Какъ Пиппинъ сдѣлался королемъ?

Все предыдущее достаточно намъ уясняетъ, что родъ Пиппиновъ пріобрѣлъ уже власть. Онъ усиливался въ теченіе двухъ вѣковъ. Можно также замѣтить, что ни одинъ царствующій домъ не употребилъ столько времени на достиженіе власти, не было династіи, которая бы возвысилась при помощи болѣе медленныхъ, но вѣрныхъ средствъ. Съ самаго начала этотъ родъ обладалъ уже большими земельными богатствами и располагалъ другою безмѣрною въ глазахъ людей силою; онъ насчитывалъ въ числѣ предковъ рядъ епископовъ, святыхъ, чудотворцевъ. Потомъ онъ достигъ государственныхъ должностей во дворцѣ. Онъ пріобрѣлъ первую изъ нихъ, должность палатнаго мэра, и такимъ образомъ могъ назначать всѣхъ должностныхъ лицъ королевства, герцоговъ, графовъ, доместиковъ, даже епископовъ. Въ то же время и тѣмъ же путемъ онъ привязалъ къ себѣ всѣхъ

quibus de causis, tamen videtur quod amore conversationis contemplativae succensus». Было ли удаленіе добровольнымъ, объ этомъ можно питать сомнѣнія, особенно, если подумать объ участи, постигшей Дрогона.—Адрewальдъ (с. 14) приписываетъ рѣшеніе Карломана вліянію Бонифація и Евхерія.

знатныхъ узами мундебурдаи ли вѣрности, а черезъ знатныхъ—все остальное населеніе. Такимъ образомъ, родъ Пиппиновъ пріобрѣлъ господство надъ обществомъ, отчасти благодаря обладанію должностью палатнаго мэра, соединявшей въ его рукахъ всѣ нити старой монархической администраціи, отчасти благодаря мундебурду, отдававшему къ его услугамъ новые институты и феодальные обычаи. Родъ „палатиновъ“ и епископовъ, Каролинги оказались первыми и въ церкви и въ государствѣ. Они соединяли въ себѣ все, что сообщало силу: землю, безъ которой человѣкъ былъ ничѣмъ, престижъ какъ бы прирожденной святости, посредствомъ котораго они властвовали надъ другими, традицію административныхъ обычаевъ, ревность новыхъ чувствъ вассалитета. Этотъ родъ сдѣлался наслѣдникомъ стараго строя; въ то же время онъ сталъ во главѣ новаго.

Въ VIII вѣкѣ можно было сомнѣваться не въ томъ, будетъ ли этотъ родъ править, а въ томъ, пріобрѣтетъ ли онъ королевскій титулъ. Это одно и составляло вопросъ. Возможно было, что онъ продолжалъ бы управлять людьми, оставляя рядомъ номинальную королевскую власть. Но Каролинги предпочли соединить то, что въ теченіе семидесяти лѣтъ было раздѣлено: власть и титулъ.

Надо прослѣдить, какъ сдѣлался королемъ Пиппинъ. Произошло это не путемъ рѣзкаго насилія и не хитростью. Перемѣна правящей династіи совершилась на глазахъ всѣхъ, медленно, въ нѣсколько мѣсяцевъ, черезъ посредство трехъ слѣдовавшихъ одинъ за другимъ отдѣльныхъ актовъ.

1) Во-первыхъ, Пиппинъ вполнѣ открыто поставилъ на рѣшеніе вопросъ: „Который изъ двухъ домовъ долженъ царствовать?“ Замѣтимъ, однако, что онъ поставилъ его не передъ франкскимъ народомъ, а въ Римѣ. Его разрѣшенія онъ просилъ у папы.

Въ 752 году „епископъ Бурхардъ и капелланъ Фульрадъ были посланы Пиппиномъ къ папѣ Захарію съ порученіемъ спросить его мнѣнія относительно королей, какіе существовали во Франціи, не осуществляя королевской власти, спросить, хорошо это или дурно“ [1]. Они должны были „посовѣтоваться съ папою относительно королей“ [2] и спросить у него, „кого изъ двухъ справедливо называть титуломъ короля, Меровинга ли, который жилъ въ своемъ дворцѣ, ничего не дѣлая, или того, на комъ лежали всѣ заботы правленія, вся тяжесть дѣлъ“ [3].

[1] *Annales Laurissenses:* «Burchardus episcopus et Fulradus capellanus missi sunt ad Zachariam papam interrogando de regibus in Francia, qui in his temporibus (erant) non habentes regalem potestatem, si bene fuisset an non».— Хроникеръ говоритъ «regibus» во множественномъ числѣ; онъ называетъ такъ Хильдериха III и его сына Теодериха; относительно Теодериха см. фонтенельскую хронику у Bouquet, II, 663.

[2] *Einhardus*, Annales: «Burchardus et Fulradus missi sunt Romam ad Zachariam papam ut consulerent pontificem de causa regum qui nomen tantum regis, sed nullam potestatem regiam habebant».

[3] *Annales Fuldenses* (Bouquet, V, 326): «Pippinus, missa legatione, Zachariam papam interrogat de regibus Francorum ex antiqua Merowingorum stirpe descendentium, qui reges quidem dicebantur, sed potestas regni tota apud maiorem domus habebatur... quis eorum iuste rex debeat dici et esse, is qui securus domi sedeat, an ille, qui curam totius regni et omnium negotiorum molestias ferat».

Итакъ, вопросъ о династіи былъ поставленъ въ Римѣ [1]. Если онъ обсуждался, то не франкскимъ народомъ, а папою и его совѣтниками. Папа отвѣтилъ, „что лучше и полезнѣе называть королемъ того, кому уже принадлежитъ верховная власть“ [2], что „это болѣе обезпечитъ порядокъ“ [3]. Согласно показаніямъ всѣхъ анналистовъ, отвѣтъ былъ не только словесный. Папа написалъ письмо, даже болѣе, чѣмъ простое письмо—грамоту, повелительный мандатъ, то, что на языкѣ того времени называлось „auctoritas“, то-есть, родъ указа [4].

[1] Согласно хроникѣ Адемара (Bouquet, II, 576) до отправленія посольства въ Римъ была сдѣлана первая попытка «франковъ» въ пользу Пиппина. «Franci... voluerunt elevare in regem Pippinum, qui noluit adquiescere; sed adunatis cunctis primoribus Francorum, ex parte eorum misit Romam Burchardum episcopum et Fulradum capellanum suum... qui ex parte Francorum interrogaverunt de regibus qui... si bene fuisset an non».

[2] *Einhard.* Annales: «Per quos pontifex mandavit melius esse illum vocari regem apud quem summa potestatis consisteret».—*Annales Mettenses* (Bouquet, II, 647): «Papa ad interrogationem eorum respondit melius atque utilius sibi videri ut ille rex nominaretur et esset qui potestatem in regno habebat, quam ille qui falso rex appellabatur».—*Annales Laurissenses:* «Mandavit Pippino ut melius esset illum regem vocari qui potestatem haberet quam illum qui sine regali potestate manebat».

[3] «Ut non conturbaretur ordo» (*Annales Laurissenses*).

[4] *Einhard.* Annales: «Data auctoritate sua». У всѣхъ хроникеровъ то же слово—«auctoritas» обозначаетъ врученный папой посланцамъ Пиппина актъ. *Continuator Fredegarii:* «Auctoritate percepta». *Annales Laurissenses:* «Per auctoritatem apostolicam iussit». Анналисты фульдскій и метцскій, повидимому, плохо поняли это слово и искажаютъ его такъ: «Ex auctoritate S. Petri, secundum auctoritatem apostolicam».—Смыслъ слова *auctoritas* въ VII и VIII вѣкахъ виденъ изъ очень многихъ примѣровъ. Вотъ нѣко-

Надо замѣтить, что это знаменитое посланіе папы не дошло до насъ, тогда какъ сохранились менѣе важныя письма. Когда Карлъ Великій озаботился составленіемъ сборника писемъ, адресованныхъ папами къ его предшественникамъ и къ нему, этого письма не оказалось. Но всѣ хроникеры солидарны въ упоминаніи о немъ. Двое изъ нихъ говорятъ даже, что оно было адресовано не лично къ Пиппину, а ко всему франкскому народу [1]. Всѣ они, наконецъ, единодушно утверждаютъ, что папское посланіе носило повелительный характеръ: что онъ „приказывалъ, чтобы королемъ былъ Пиппинъ“ [2]. Всѣ добавляютъ также, что изъ палатнаго мэра Пиппинъ сдѣлался королемъ по повелѣ-

торые изъ нихъ: «Ut haec auctoritas perpetuis temporibus debeat perdurare, manu nostra decrevimus roborari» (актъ 628 года, Tardif, № 6; ср. Tardif, №№ 8, 11, 20, 21, 41, 46 etc. *Marculf*. I, 3, 4, 12, 13, etc.). *Gregor. Turon.* IX, 41: «Childebertus directa auctoritate praecepit».—*Chonicon Fontanellense*, 1: «Edita est iussu regis auctoritas».—Слово «auctoritas» имѣло то же значеніе въ Италіи и на языкѣ папъ. *Liber pontificalis*, in Liberio: «Missa auctoritate». In Hormisda: «Hic papa misit auctoritatem ad Iustinum».

[1] *Annales Fuldenses*: «Mandat populo Francorum». *Annales Mettenses*: «Mandavit pontifex Pippino et populo Francorum». Согласно хроникѣ Адемара, посланіе было адресовано къ франкамъ: «Mandavit Francis ut melius esset vocari regem illum qui... Et iussit per auctoritatem apostolicam Pippinum fieri regem».

[2] *Annales Laurissenses:* «Per auctoritatem apostolicam iussit Pippinum regem fieri».—*Einhard*. Annales: «Data auctotitate sua, iussit Pippinum regem constitui».—*Annales Fuldenses*: Pontifex... mandat populo Francorum ut Pippinus regia dignitate frueretur».—*Annales Mettenses*: «Mandavit Pippino et populo Francorum ut Pippinus rex appellaretur et in sede regali constitueretur».—*Annales Tiliani*, Bouquet, II, 643: «Mandavit ut Pippinus in regem levaretur»

нію папы [1], и въ силу того же приказа послѣдніе Меровинги были удалены въ монастырь, чтобы тѣмъ оказалось обезпечено пресѣченіе ихъ рода [2].

Итакъ, совокупность одиннадцати документовъ приписываетъ папѣ первое и главное участіе въ перемѣнѣ династіи. Заслуживаютъ ли эти тексты полнаго довѣрія? По первому впечатлѣнію ихъ значеніе уменьшается оттого, что почти всѣ они написаны монахами; легко заподозрѣть, что монахи, естественно связанные съ святымъ престоломъ, старались преувеличить его вліяніе. Но, не говоря о томъ, что не всѣ авторы этихъ анналовъ

[1] *Continuator Fredegarii*, 117 [33]: «Pippinus, missa relatione ad sede apostolica, auctoritate praecepta... sublimatur in regno».—*Vita Caroli ab Einhardo*, 3: «Pippinus per auctoritatem romani pontificis ex praefecto palatii rex constitutus».—*Chonicon Moissaciense:* «Pippinus, per auctoritatem pontificis ex praefecto palatii rex constitutus».—*Dom Bouquet*, V, 9, приводитъ замѣчаніе, сдѣланное въ одной современной рукописи, помѣченное 767 годомъ, авторъ котораго четырнадцать лѣтъ спустя послѣ этого событія, говоритъ: «Pippinus rex per auctoritatem et imperium Zachariae papae».—*Vita Pippini ducis* (Bouquet, II, 608): «Pippinus iudicio et auctoritate papae Zachariae regum nomen obtinuit».—*Chronicon Fontanellense* (Bouquet, II, 662): «Pippinus ex consultu Zachariae papae rex constituitur Francorum».—*Annales Mettenses*: «Ex consultu Zachariae papae».—*Adrevald*. Miracula S. Benedicti, I, 15: «Pippinus, regni Francorum assecutus summam iussu Stephani».—*Hariulf*. Chronicon Centulense: «Iussu Stephani».—*Vita Burchardi*, Bouquet, III, 670.

[2] *Einhard*. Vita Caroli, 1: «Hildericum regem qui iussu Stephani romani pontificis, depositus ac detonsus atque in monasterium trusus est».—Анналисты соединяютъ Стефана II и Захарія; одинъ смѣнилъ другого въ то время, когда происходили эти событія; одинъ подтвердилъ то, что сдѣлалъ другой.

были монахами [1], надо представить себѣ, что мнѣнія монаховъ не отличались въ то время отъ взглядовъ свѣтскаго общества. Основываясь на единодушномъ показаніи хроникеровъ, не рѣшаюсь опредѣленно заключить, что папа навѣрно послалъ повелѣніе возвести Пиппина въ короли; но не сомнѣваюсь, что современники вѣрили въ существованіе такого указа. Современники, и духовенство, и міряне, безъ различія, думали, что приказъ сдѣлать королемъ Пиппина и устранить Меровинга исходилъ отъ святого престола. Если таковъ не былъ матерьяльный, положительный фактъ, то таково было общественное мнѣніе. Если перемѣна династіи не была на дѣлѣ предписана папою, то во всякомъ случаѣ всѣ были убѣждены, что онъ высказался въ такомъ смыслѣ. Документы, единодушно отмѣчающіе этотъ фактъ, не позволяютъ думать, что онъ кого-либо удивилъ и, еще того менѣе, что кто-либо оказалъ ему сопротивленіе. Сохраненіе или устраненіе Меровинговъ представлялось вопросомъ чисто духовнаго порядка и, согласно понятіямъ той эпохи, всѣмъ рисовалось, что этотъ вопросъ должна была разрѣшить церковная власть. Искусство Пиппина заключалось въ томъ, что онъ воспользовался понятіями, господствовавшими въ умахъ людей [2].

[1] Эйнгардъ, дважды упоминающій объ этомъ событіи—въ анналахъ и въ *Vita Caroli*, былъ міряниномъ, хотя обладалъ нѣсколькими аббатствами.

[2] Нельзя пройти безъ вниманія указанную однимъ греческимъ писателемъ подробность. Согласно Θеофану, Пиппинъ нуждался въ папѣ, чтобы освободиться отъ данной имъ Хильдериху клятвы: «Στεφάνου λύσαντος αὐτὸν τῆς ἐπιορκίας τῆς πρὸς τὸν ῥῆγα» (*Theophan.* Chronographia, у Bouquet, V, 187). Понятно, что ни одинъ франкскій анналистъ не отмѣтилъ этого факта. Въ немъ нѣтъ ничего неправдоподобнаго, и это, безъ сомнѣнія, было старымъ правиломъ, что мэръ приносилъ присягу королю, подобно тому, какъ другіе приносили присягу мэру.

2. Осуществилось ли рядомъ съ этимъ избраніе Пиппина франкскимъ народомъ? Нѣсколько словъ въ нѣкоторыхъ хроникахъ позволяютъ это предположить. Но надо ближе разсмотрѣть дѣло.

Продолжатель Фредегарія говоритъ, что Пиппинъ, „получивъ посланіе отъ папскаго престола, былъ возведенъ на тронъ путемъ избранія всей Франціей, съ посвященіемъ епископовъ и изъявленіемъ повиновенія знатныхъ“ [1]. Въ лоршскихъ анналахъ даже говорится, „что послѣ того, какъ папа повелѣлъ, чтобы Пиппинъ былъ сдѣланъ королемъ, Пиппина избрали въ короли согласно обычаю франковъ“ [2]. Для всякаго внима-

[1] *Continuator Fredegarii*, 117: «Missa relatione ad sede apostolica, auctoritate praecepta, Pippinus electione totius Franciae [alias Francorum] in sedem regni cum consecratione episcoporum et subiectione principum, una cum regina Bertrada, ut antiquitus ordo deposcit, sublimatur in regno».

[2] «Pontifex iussit Pippinum regem fieri... Pippinus secundum morem Francorum electus est ad regem».—Въ *Clausula de Pippini consecratione* говорится такъ: «Per electionem omnium Franchorum» (Bouquet, V, 9). Не безполезно замѣтить, что въ латинскомъ языкѣ какъ въ старой латыни, такъ и въ меровингской, слова «eligere» и «electio» не содержатъ того понятія, которое мы теперь соединяемъ со словомъ «избраніе», и не подразумѣваютъ ни обсужденія, ни подачи голосовъ. Возможно, что хроникеры хотѣли лишь сказать, что Пиппинъ былъ сдѣланъ королемъ по выбору и по волѣ всѣхъ франковъ, не желая говорить, что ихъ выборъ и воля выразились въ формальномъ и правильномъ актѣ.

тельнаго изслѣдователя значеніе этихъ словъ нѣсколько ослабляется тѣмъ обстоятельствомъ, что ни одинъ изъ повѣствовавшихъ о событіяхъ одиннадцати анналистовъ не говоритъ, чтобы въ тотъ годъ происходило какое-нибудь народное собраніе. Франкскій народъ, то-есть, совокупность всѣхъ свободныхъ людей, жившихъ на территоріи между Луарою и Рейномъ, составилъ бы огромное собраніе, и невозможно себѣ представить, гдѣ бы оно могло собраться, или какъ бы оно могло совѣщаться и подавать голоса. Къ тому же надо замѣтить, что оба анналиста, у которыхъ встрѣчаются слова „elegere“ и „electio“, говорятъ объ этомъ послѣ разсказа о повелѣніи папъ, и если разсмотримъ всю фразу цѣликомъ, то увидимъ, что они не имѣли въ мысли, будто франкскій народъ дѣйствовалъ путемъ свободнаго и правильнаго избранія. Потому-то другіе лѣтописцы выражаются иначе. По словамъ Эйнгарда, „согласно повелѣнію папы, Пиппинъ былъ названъ королемъ и послѣ того, какъ его помазалъ на царство святой Бонифацій, онъ былъ возведенъ на престолъ въ городѣ Суассонѣ“ [1]. Тутъ авторъ не употребляетъ ни одного слова, которое заключало бы въ себѣ понятіе о настоящемъ избраніи: онъ говоритъ лишь

[1] *Annales Einhardi:* «Hoc anno (слѣдующій годъ, 753; значитъ, между полученіемъ папскаго письма и принятіемъ королевской власти наблюдается нѣкоторый промежутокъ времени) secundum romani pontificis sanctionem Pippinus rex Francorum appellatus est, et ad huius dignitatem honoris... unctus manu Bonifacii... et more Francorum elevatus in solium regni in civitate Suessona».

о церемоніи возведенія на престолъ, которая въ теченіе трехъ столѣтій практиковалась въ странѣ, какъ распространенный обычай. Ни муассакская, ни фульдская, ни фонтенельская, ни метцская хроники, да и никакой другой документъ не описываютъ избранія [1].

Мы, въ самомъ дѣлѣ, и не думаемъ, чтобы происходило избраніе въ томъ смыслѣ, какой связываютъ съ этимъ словомъ люди новаго времени. Народнаго голосованія не было, ибо этотъ обычай не существовалъ. Не было также собранія представителей страны, такъ какъ представительныхъ учрежденій не знали. Но, безъ сомнѣнія, имѣло мѣсто такого рода собраніе, какія были въ обычаяхъ людей того времени: собраніе знатныхъ или оптиматовъ, графовъ, епископовъ, каждаго изъ которыхъ сопровождалъ отрядъ изъ его людей. Знатныхъ оповѣстили о томъ, что писалъ папа [2],

[1] Въ фульдскихъ анналахъ просто говорится: «Zacharias mandat ut Pippinus nominis (regii) dignitate frueretur. Ita Hildericus rex depositus et in monasterium missus est. Pippinus vero in civitate Suessionum a Bonifacio in regem unctus regni honore sublimatus est» (Bouquet, II, 676).—Муассакская хроника ограничивается словами: «Pippinus per auctoritatem romani pontificis ex praefecto palatii rex constitutus» (Bouquet, V, 67). То же самое въ *Fragmentum auctoris incerti* (Bouquet, II, 694).—Адревальдъ такъ же не говоритъ ни о какомъ избраніи.

[2] Это говоритъ авторъ одного житія (правда, позднѣйшаго)—*Vita S. Burchardi*; Mabillon, III, pars prior, p. 704: «Zacharias papa consultus remandavit per Burchardum et Folradum melius esse vocari illum regem apud quem summa potestas consisteret; dataque auctoritate sua Pippinum iussit constitui. Qua legatione peracta, Pippinus, per auctoritatem apostolicam quam tam probabiles viri *in audientia primatum* scriptis ac dictis deferebant, more Francorum

спросили ихъ согласія. Вѣроятно, согласіе было получено безъ труда, такъ какъ всѣ знатные были уже вѣрными Пиппина, отъ него держали свои должности, бенефиціи, даже епископскія мѣста. Никакой интересъ не связывалъ ихъ съ Хильдерихомъ III, наоборотъ, всѣ интересы соединяли ихъ съ Пиппиномъ. Къ тому же, если у нихъ оставались колебанія, папское посланіе устранило ихъ. Нѣтъ никакого признака, чтобы было оказано какое-либо сопротивленіе. Собраніе знатныхъ осуществило возведеніе новаго короля на престолъ, согласно обычаю. Собраніе происходило въ Суассонѣ. Одинъ изъ епископовъ помазалъ короля [1]. Міряне совершили передъ нимъ формальный актъ „подчиненія" [2].

Таковъ былъ характеръ вмѣшательства въ это дѣло франкскаго народа. Имѣло мѣсто нѣчто меньшее чѣмъ то, что мы подразумѣваемъ подъ избраніемъ теперь; но гораздо большее, чѣмъ то, что имѣло бы мѣсто при вполнѣ деспотическомъ строѣ. Можно сказать, что знатные свободно дали свое согласіе, а черезъ знатныхъ и всѣ тѣ, кто отъ нихъ зависѣлъ, то-есть, все населеніе.

3. Однако, Пиппинъ и его совѣтники пожелали чего то еще бо́льшаго. Для новой царствующей династіи былъ установленъ новый обычай—церковное помазаніе. Мы не знаемъ, пришла ли первая мысль о немъ королю, папѣ или епископамъ.

electus ad regnum, per manus Bonifacii elevatus in solium in Suessionum civitate».

[1] «Cum consecratione episcoporum».

[2] «Cum subiectione principum» (*Continuator Fredegarii*, c. 117).

Но достовѣрно, что рядомъ со старой франкской церемоніей, посредствомъ которой короля возводило на престолъ свѣтское общество, появилась еще другая: архіепископъ совершилъ помазаніе новаго короля священнымъ елеемъ. Это было нѣчто совершенно новое. Ни одинъ изъ Меровинговъ не былъ помазанъ. Тѣмъ самымъ каролингская династія сразу становилась въ уваженіи людей выше, чѣмъ старая династія, которую она замѣняла.

Мы безъ труда усматриваемъ, какую идею выразила въ глазахъ людей эта церемонія. Съ общей точки зрѣнія новый король становился чѣмъ то инымъ, чѣмъ военный вождь, больше даже, чѣмъ главою государства: онъ становился особою высшей, сверхчеловѣческой, священной природы. Съ болѣе спеціальной точки зрѣнія, епископы, помазывая его руками одного изъ своей среды, то-есть, сообщая ему священный и священническій характеръ, какъ бы признавали его однимъ изъ своихъ, даже какъ бы первымъ изъ нихъ. Помазаніе извѣстною своею стороною было актомъ согласія и подчиненія со стороны епископовъ [1]. Король становился главою и церкви.

[1] Эта мысль вытекаетъ, по-моему, изъ слѣдующей фразы продолжателя Фредегарія: «Cum consecratione episcoporum et subiectione principum sublimatur in regno».—*Consecratio episcoporum* и *subiectio principum* два аналогичныхъ акта, которые проявляются при помощи двойной церемоніи.—Въ *Clausula de Pippini consecratione* (Bouquet, V, 9) сказано: «Per unctionem sancti chrismatis per manus beatorum sacerdotum Galliarum». Такимъ образомъ, два ближайшихъ къ событію текста приписываютъ первое помазаніе совокупности епископовъ; святой Бонифацій былъ въ этомъ случаѣ лишь представителемъ епископства.

Помазаніе Пиппина было совершено самымъ почитаемымъ во франкскомъ государствѣ архіепископомъ, святымъ Бонифаціемъ. Но и это казалось недостаточнымъ; усматривалась, пожалуй, возможность будущихъ затрудненій. Но во всякомъ случаѣ въ слѣдующемъ году Пиппинъ пожелалъ, чтобы помазаніе было повторено папою. Стефанъ II прибылъ во Францію просить помощи короля франковъ противъ лонгобардовъ. Его пребываніемъ воспользовались. „Послѣ того, какъ онъ получилъ отъ Пиппина письменное обѣщаніе защищать римскую церковь, онъ посвятилъ его въ короли посредствомъ святого помазанія“ [1]. Этотъ разъ помазаніе было дано источникомъ болѣе высокимъ, и исходило отъ власти далекой, находившейся въ ту эпоху за предѣлами франкскаго государства. Такъ, король былъ объявленъ, какъ бы самымъ святымъ изъ епископовъ, первымъ среди духовенства; такъ онъ даже въ духовной области становился, нѣкоторымъ образомъ, по крайней мѣрѣ, послѣ римскаго папы, какъ бы безпорнымъ главою франкской церкви.

Дальновидность Пиппина простиралась и дальше: папа тогда же помазалъ, по его настоянію, двухъ его сыновей, которые были еще дѣтьми [2]. Такимъ

[1] *Annales Einhardi*: «Stephanus papa postquam a rege Pippino ecclesiae romanae defensionis firmitatem accepit, ipsum sacra unctione ad regiae dignitatis honorem consecravit».—*Annales Laurissenses*, anno 754: «Stephanus confirmavit Pippinum unctione sacra in regem».

[2] *Annales Einhardi*: «Et cumeo duos filios eius Karolum et Karlomannum».—*Annales Laurissenses*: «Et cumeo eo inunxit duos filios eius, domnum Carolum et Carlomannum in regibus».—*Clausula de*

путемъ священническій и священный характеръ распространялся на весь его домъ [1].

Способъ установленія новой королевской власти объясняетъ способъ всего ея правленія, продолжавшагося цѣлый вѣкъ. [Она наслѣдовала меровингской монархіи, но вышла изъ дворцовой аристократіи и была санкціонирована духовною властью. Каролинги въ одно и то же время будутъ и королями, и главами знатныхъ и епископовъ; ихъ власть будетъ и монархической, и сеніорьяльной, и священной].

Pippini consecratione: «Postea per manus Stephani pontificis die uno (въ сенъ-денисской церкви) in regem... cum filiis Carolo et Carlomanno in nomine Sanctae Trinitatis unctus et benedictus est».—То же повторяется въ муассакской и фульдской хроникахъ, въ *Vita Pippini ducis*, въ *Genealogiae*.—Ср. еще *Liber pontificalis*, in Stephano (Bouquet, V, 436; édit. Duchesne, 448).—Наконецъ, фактъ этотъ ясно указанъ въ посланіи Павла I, написанномъ въ 765 году: «Dominus Deus mittens apostolum suum Beatum Petrum per eius vicarium, et oleo sancto vos unguens celestibus replevit benedictionibus...» (Jaffe, 118).

[1] *Clausula de Pippini consecratione* (Bouquet, V, 10): «Et (pontifex) tali omnes interdictu et excommunicatione constrinxit ut nunquam de alterius lumbis regem in aevo praesumant eligere, sed ex ipsorum quos et divina pietas exaltare dignata est, et Sanctorum Apostolorum intercessionibus per manus vicarii ipsorum confirmare et consecrare disposuit».—Эту мысль, принадлежавшую, конечно, современникамъ, повторяетъ Сигибертъ Гемблусскій: «Pippinus a Stephano cum filiis suis in regem ungitur, et per eos generatio eorum in hereditatem regalis successionis in perpetuum benedicitur, et omnis alienigena ab eius invasione apostolico anathemate interdicitur» (Bouquet, V, 375).

КНИГА ТРЕТЬЯ.

Монархическія учрежденія во время правленія Каролинговъ.

ПРЕДВАРИТЕЛЬНОЕ ЗАМѢЧАНІЕ.

Разнообразіе учрежденій въ каролингскую эпоху.

Раньше чѣмъ входить въ подробности каролингскихъ учрежденій, необходимо сдѣлать одно общее замѣчаніе.

Когда прочитаемъ всѣ документы эпохи, прежде всего бросится въ глаза и удивитъ одно, а именно, что они не находятся въ разногласіи другъ съ другомъ. Исходятъ ли они изъ канцеляріи королей, или отъ ихъ подданныхъ, они всегда, въ тысячѣ формъ, рисуютъ однородную общую картину. Сравните капитуляріи королей, посланія папъ и епископовъ, хроники, переписку частныхъ лицъ, даже стихотворенія,—вы не найдете никакого противорѣчія въ этихъ столь разныхъ по природѣ произведеніяхъ. Они дополняютъ другъ друга, а не противорѣчатъ одни другимъ, Однѣ хроники

были написаны на сѣверѣ, другія на югѣ; однѣ составлены, повидимому, германцами, другія нейстрійцами, аквитанцами или итальянцами. Вы не встрѣтите существенныхъ различій между ними. Онѣ не только одинаково повѣтствуютъ объ однѣхъ войнахъ и прославляютъ однѣ побѣды, но и даютъ одинаковое изображеніе общества, учрежденій, нравовъ. Люди, писавшіе ихъ, имѣли одинаковыя понятія, и, какъ кажется, тѣ, для кого они писали, жили также одинаковыми чувствами. Сравните съ фонтенельской и муассакской хрониками, съ произведеніями Алькуина и Павла Діакона фульдскіе или лоршскіе анналы; вы не замѣтите въ нихъ иного способа пониманія или оцѣнки фактовъ. И тамъ, и здѣсь—тѣ же представленія, тотъ же ходъ мыслей.

Чтобы объяснить это, не достаточно сказать, что лѣтописцы сообщали иногда другъ другу свои писанія и дѣлали другъ у друга заимствованія. Если на сѣверѣ и на югѣ, въ Германіи и въ Галліи исторія изображалась одинаково, должно быть, существовала и общая причина, приводившая къ такому результату. Чтобы всѣ части такого обширнаго государства понимали событія одинаково и видѣли ихъ въ одномъ свѣтѣ, требовалась наличность естественнаго согласія умовъ и большого духовнаго единства. Утверждать, что на сѣверѣ и на югѣ люди были совершенно сходны, что идеи и нравы были вездѣ одинаковые, это значило бы идти слишкомъ далеко. Но можно утверждать одно, что документы не отмѣчаютъ никакой существенной разницы между различными

частями государства, ни въ институтахъ, ни въ способѣ ихъ пониманія людьми.

Не вскрывается также никакого различія между расами. Начиная съ Пиппина Короткаго, нельзя уловить никакого указанія на естественную вражду между населеніемъ Нейстріи и Австразіи. Въ Аквитаніи видимъ, правда, одну фамилію, которая въ теченіе двадцати пяти лѣтъ ведетъ борьбу за обладаніе страною, но нельзя утверждать съ увѣренностью, что она представляла національную партію. Бавары и лонгобарды были подчинены довольно скоро и вѣрно служили государству. Только саксы долго вели борьбу и оставались чужими. Въ предѣлахъ франкскаго государства племена смѣшивались и жили въ согласіи. Въ документахъ нѣтъ слѣдовъ вражды между ними. Если каждое изъ нихъ сохраняло свое гражданское право и нѣкоторые обычаи, то не видно ни одного, которое бы обладало особою системою политическихъ или соціальныхъ учрежденій. Всѣ признаютъ ту же королевскую власть, ту же администрацію, за небольшими различіями, тотъ же способъ суда; у всѣхъ тотъ же строй собственности, тѣ же виды земельныхъ держаній, тѣ же соціальныя неравенства.

Однако внимательное изслѣдованіе заставитъ насъ подмѣтить большія несходства и особенныя противорѣчія. Когда рѣчь идетъ о средневѣковьѣ, будемъ остерегаться искать слишкомъ строгаго единства. За послѣднія три столѣтія умъ новаго человѣка выработалъ пристрастіе къ тому, что систематически построено и упорядочено; онъ

любитъ, чтобы институты были правильно приложены другъ къ другу и представляли для глаза симметрію искусно возведеннаго зданія. Съ такимъ именно предвзятымъ взглядомъ подходили обыкновенно къ оцѣнкѣ царствованія Карла Великаго. Преувеличили совершенство его порядка, какъ преувеличили и безпорядокъ послѣдующихъ царствованій. И та, и другая ошибка происходятъ отъ примѣненія чисто современной концепціи. Средневѣковыя поколѣнія не заботились объ абсолютной стройности. Они не требовали, чтобы ихъ законы всегда были въ полномъ согласіи между собою. Два какія-нибудь института или порядка, которые мы считали бы несовмѣстимыми, у нихъ одинаково принимались и уживались, причемъ противорѣчивость ихъ оставалась незамѣченною. Потому объ этой эпохѣ не слѣдуетъ судить согласно нашей современной логикѣ и по нашимъ идеямъ, а единственно лишь согласно наблюденію надъ оставленными ею документами.

Если же изучать документы каролингской эпохи безъ предвзятаго взгляда, нельзя не поразиться нѣкоторыми обличаемыми ими аномаліями. Сравните какія-нибудь двѣ области въ каролингской имперіи: онѣ одинаково управлялись и въ нихъ господствовалъ однородный складъ воззрѣній по всѣмъ основнымъ вопросамъ; но въ той или другой области возьмите какой-нибудь небольшой округъ: вы найдете несходства внутри каждой такой тѣсной группы. Церковная земля не во всемъ походитъ на землю мірянина; мелкая собственность на крупную; два живущихъ рядомъ человѣка под-

чиняются не однимъ и тѣмъ же законамъ. Больше того, у одного и того же человѣка, въ одной душѣ, вы можете уловить два ряда различныхъ понятій и политическихъ взглядовъ.

Дѣло въ томъ, что вездѣ господствуютъ двѣ категоріи порядковъ и институтовъ, хотя современники, быть можетъ, не отдаютъ себѣ въ томъ отчета. Оба ряда противоположны другъ другу и, казалось бы, должны были вступать въ борьбу. Но они еще не борются, они на нѣкоторое время остаются въ согласіи.

Изъ этихъ институтовъ одни — монархическіе, другіе—феодальные. Среди людей, одни повинуются королю, другіе сеньору; нѣкоторые повинуются королю и въ то же время сеньору, хотя такіе два вида подчиненія кажутся намъ непримиримыми. Иногда бываетъ, что одинъ и тотъ же человѣкъ повинуется королю, не зная хорошенько самъ, повинуется ли ему, какъ королю, или какъ сеньору. Однако оба вида подчиненія существенно различны, и налагавшіяся ими обязательства были не одинаковы.

Такимъ образомъ, нѣтъ несходства между большими провинціями имперіи; его нѣтъ между племенами; но оно раскрывается въ порядкахъ, среди которыхъ живетъ одинъ и тотъ же небольшой округъ или земля; оно обнаруживается въ законахъ, управляющихъ однимъ и тѣмъ же лицомъ.

Такое непрекращающееся противорѣчіе, эта смѣсь монархіи съ феодализмомъ именно характеризуетъ каролингскую эпоху, начиная съ Карла Великаго. Отсюда и трудности ея изслѣдованія.

Говорить объ установленномъ Карломъ Великимъ строгомъ административномъ порядкѣ, не рисуя картины того, что въ немъ было уже феодальнаго, показывать полное повиновеніе людей, не отмѣчая въ то же время всюду проглядывавшей безсознательной, почти невольной борьбы, это значило бы дать неполное и неправильное понятіе о тѣхъ временахъ. Самые несовмѣстимые факты уживались нѣкоторое время и сливались вмѣстѣ при Карлѣ Великомъ.

Если хотимъ ихъ хорошо понять, мы должны ихъ расчленить, ибо только анализомъ можетъ орудовать человѣческая наука. Итакъ, мы будемъ различать неодинаковые институты, управлявшіе людьми VIII-го и IX-го вѣковъ. Сначала изучимъ монархическіе институты, потомъ тѣ [1], которые были уже феодальными.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Королевская власть.

Сначала надо спросить себя, былъ ли вызванъ переворотъ, свергнувшій Меровинговъ съ престола, стремленіемъ общества ослабить королевскую власть. Нѣкоторымъ новѣйшимъ историкамъ дѣйствительно казалось, что перемѣна династіи была послѣднимъ актомъ долгой борьбы аристократіи съ королями и означала побѣду аристократіи. Иногда даже добавляли, что меровингская династія была снесена силою „германизма“, германцы опро-

[1] См. дальше кн. IV и, спеціально, гл. 4 и слѣд.

кинули ее потому, что она слишкомъ далеко послѣдовала за монархическими традиціями римской имперіи.

Такая мысль не проявляется никогда въ документахъ. Въ нихъ нѣтъ признака того, чтобы этотъ переворотъ отвѣчалъ спеціально германскимъ понятіямъ. Въ нихъ нельзя прочитать того, что люди хотѣли замѣнить слишкомъ абсолютную и слишкомъ римскую королевскую власть болѣе германскою и болѣе ограниченною. Самые термины эти, которыми мы принуждены здѣсь пользоваться, никогда не встрѣчаются въ текстахъ. Въ нихъ нигдѣ нельзя найти выраженія этого чисто современнаго противоположенія между германскимъ и римскимъ духомъ, между абсолютною и ограниченною королевскою властью.

I.

Актъ 753 года былъ не ослабленіемъ, а скорѣе возвышеніемъ королевской власти.

Родъ Пиппиновъ никогда не велъ борьбы съ королевской властью. За тѣ полтораста лѣтъ его исторіи, которые уже нами разсмотрѣны, мы не нашли ни одного указанія на враждебное отношеніе его членовъ къ монархической власти. Не встрѣчается ни одного такого акта, слѣдствіемъ котораго было бы ослабленіе этой власти. Люди, представляющіе себѣ каролингскую фамилію вышедшею изъ рядовъ аристократіи, враждебной королевской власти, высказываютъ гипотезу, противорѣчащую текстамъ и всѣмъ извѣстнымъ фактамъ. Родъ Каролинговъ раньше, чѣмъ стать королевскимъ, былъ родомъ королевскихъ служилыхъ людей. Арнульфъ, первый Карломанъ, первый Пиппинъ, Хлодульфъ и Ансегизъ всѣ были сановниками меровичгскаго дворца. Родъ Каролинговъ родился во дворцѣ и выросъ въ немъ. Члены этого рода сдѣлались палатными мэрами (маіордомами), то-есть, первыми сановниками короля, начальниками іерархіи королевскихъ должностныхъ лицъ, въ теоріи исполнителями воли монархіи, на практикѣ—сами монархами, словомъ, они являются полною противоположностью того, чѣмъ были бы противники королевской власти.

Въ 753 году они стали королями. Новая королевская власть не отличается отъ предшествующей; во всякомъ случаѣ она нисколько не ослаблена. Каролинги приняли въ руки власть Меровинговъ, ничего не отрѣзая отъ нея, ничего не утрачивая. Они скорѣе усилили ее.

Характеръ переворота 753 года ясно очерченъ всѣми повѣствующими о немъ лѣтописцами. Они называютъ его причину и всѣ солидарны въ указаніи одной и той же причины. Меровинги лишены королевской власти потому, говорятъ они, что не осуществляли королевской власти „съ достаточною силою“, съ „достаточнымъ могуществомъ“.

Обратите вниманіе на формулировку поставленнаго папѣ вопроса: въ немъ подчеркивается слово „сила“ или „власть“. Спрашиваютъ, „надо ли сохранять королей, не обладающихъ подобающею королямъ властью“. Папа отвѣчаетъ, что „лучше имѣть королемъ того, у кого есть сила, чѣмъ того, у кого ея нѣтъ“. Можетъ быть, скажутъ, что то

могла быть личная мысль папы? Но франки, собравшіеся потомъ для того, чтобы признать и провозгласить новаго короля, приняли рѣшеніе согласно отвѣту папы. Онъ былъ предъявленъ имъ, и они не сдѣлали на него возраженій. Перемѣна династіи произведена согласно съ такой формулой.

Въ началѣ своей біографіи Карла Великаго Эйнгардъ выясняетъ причину паденія Меровинговъ. Ставитъ ли онъ имъ въ упрекъ, что они были абсолютными государями, или что они усвоили римскія идеи? Онъ упрекаетъ ихъ единственно въ томъ, что они не имѣли достаточно силы, не достаточно самостоятельно царствовали. Посмотрите на презрительное изображеніе этихъ королей, какое даетъ Эйнгардъ, а съ нимъ и всѣ лѣтописцы. Повидимому, народъ краснѣлъ за нихъ потому, что они очень слабо давали чувствовать свою руку.

Скажутъ, что такое безсиліе было результатомъ недисциплинированности знатныхъ. Отчасти это вѣрно. Но природѣ человѣческой свойственно, чтобы одни и тѣ же люди безсознательно ослабляли власть, а потомъ ставили ей въ упрекъ то, что она слишкомъ немощна. Во всякомъ случаѣ, люди VIII вѣка жаловались, повидимому, на то, что короли у нихъ были безъ власти, и свергли ихъ, чтобы получить правительство болѣе сильное, болѣе способное заставить себѣ повиноваться. Идеаломъ этихъ людей, видимо, было возвышеніе королевской власти. Лѣтописецъ позднѣйшаго времени выражаетъ эту мысль, когда говоритъ, что „франки пожелали возвести на престолъ Пиппина, опечаленные тѣмъ, что такъ долго терпѣли ничтожныхъ королей“ [1]. Другой выражается еще яснѣе; онъ говоритъ: „Фамилія Арнульфа подняла честь королевскаго достоинства, загубленную меровингскими королями“ [2].

Итакъ, актъ 753 года совершенъ не для ослабленія, а для усиленія королевской власти. Послѣдовательность дальнѣйшихъ фактовъ покажетъ двѣ вещи: во-первыхъ, то, что новая династія главное свое усиліе прилагала къ тому, чтобы возвысить и усилить королевскій авторитетъ; во вторыхъ, что населеніе не оказывало такой политикѣ своихъ королей никакого сопротивленія.

2.

Каролингскія грамоты — продолженіе меровингскихъ.

Что каролингская династія унаслѣдовала меровингской, это ясно изъ простого взгляда, брошеннаго на грамоты или дипломы. Сравнивъ грамоты, дошедшія до насъ отъ меровингсхихъ королей, съ грамотами Пиппина, Карла Великаго и Людовика, увидимъ прежде всего, что тѣ и другія касаются однихъ предметовъ. Отъ Меровинговъ мы имѣемъ акты земельныхъ пожалованій или утвержденія

[1] *Appendix ad Gesta Francorum ex Chronico Ademari*, Bouquet, II, 576: «Tunc dolentes Franci quia... iam per multos annos sustinuerant de regali prole insipientes viros, voluerunt elevare in regem Pippinum».

[2] *Vita S. Sigeberti regis a Sigeberto Gemblacensi*, c. 10; Bouquet, II, 600: «Regiae dignitatis decus quod penitus deperierat per regum Francorum inauditam desediam, per suam reparavit prosapiam».

частныхъ пожалованій, дарованія иммунитета, судебныя постановленія, формулы освобожденія, формулы назначенія епископовъ. Точно такъ же и каролингскіе государи дѣлаютъ пожалованія или утверждаютъ частныя пожалованія, даруютъ иммунитетъ, отпускаютъ на свободу, постановляютъ судебные приговоры, назначаютъ епископовъ, созываютъ соборы.

Меровинги издавали законы, которые ими назывались *edicta, decreta, praeceptiones*; Пиппинъ и Карлъ Великій также издаютъ законы, которые предпочитаютъ называть *capitularia*, но которые по существу не отличаются отъ законодательныхъ актовъ Меровинговъ; подобно предшественникамъ, они одинаково издавали законы для церкви, какъ и для государства. Равнымъ образомъ они говорятъ: „Мы желаемъ", „мы повелѣваемъ".

Каролингскій король не только совершаетъ всѣ тѣ же акты, что меровингскій, но совершаетъ ихъ въ тѣхъ же формахъ. Дипломы Пиппина начинаются словами: „Pippinus rex Francorum vir inluster". „Rex Francorum"—старый оффиціальный титулъ Меровинговъ; новая династія приняла его и всегда сохраняла, даже послѣ того, какъ присоединила къ нему титулъ императора. „Vir inluster" просто было почетнымъ эпитетомъ, на который короли имѣли такое же право, какъ ихъ сановники; Пиппинъ принялъ его, примѣнялъ его не совсѣмъ такъ, какъ примѣнялъ, будучи палатнымъ мэромъ, но совершенно такъ же, какъ меровингскіе короли [1].

[1] Будучи мэромъ, онъ писалъ—«inluster vir Pippinus maior domus» (см. *Tardif*, №№ 53 и 54). Какъ король, онъ пишетъ «Pippinus rex Francorum vir inluster». Онъ въ точности, стало быть усваиваетъ формулу меровингской подписи.—[Ср. *Nouvelles Recherches*, 157—260].

Какъ и тѣ, онъ адресуетъ грамоты своимъ герцогамъ, графамъ и другимъ уполномоченнымъ королевской власти. Онъ пишетъ тѣ же вступленія. Одинаковые предметы онъ обозначаетъ одинаковыми терминами. Подписываясь, онъ, какъ Меровинги, пользуется эпитетомъ „gloriosissimus" и опредѣляетъ время по ихъ способу датированія.

Можно даже замѣтить, что многія грамоты Пиппина, Карла Великаго и Людовика—не болѣе, какъ переписанныя и возобновленныя меровингскія грамоты. Утверждать при каждомъ новомъ царствованіи пожалованія или иммунитеты предшествующихъ было старымъ обычаемъ. Каролингскіе короли много разъ объявляютъ, что такой-то предъявилъ имъ старую грамоту, и они утверждаютъ то же пожалованіе или тотъ же иммунитетъ. Такъ многіе изъ актовъ ихъ, собственно говоря, не что иное, какъ акты Дагоберта или Хлодовеха II. И Каролинги признаютъ это сами: „Мы разрѣшаемъ то, что разрѣшали наши предшественники", пишетъ Пиппинъ [1]. Людовикъ Благочестивый пишетъ, что „онъ слѣдуетъ обычаю предшествующихъ ко-

[1] *Tardif*, № 61: «Iuxta quod anteriores reges per eorum auctoritates praestiterunt».—*Bouquet*, № 14, 706: «Per praeceptionem anteriorum regum».—*Bouquet*, № 19, 710: «Sicut anteriores reges confirmaverunt nos denuo renovare debemus».—Дипломъ Карломана, 770 года (*Martène*, Amplissima collectio, r. I, col. 32): «Quod antecessores quondam nostri, a Deo instituti reges...»—Дипломъ Карломана 770 года (*Migne*, XCVI, col. 1578): «Praedecessorum nostrorum constituta firmantes».

ролей“ и потому возобновляетъ актъ Дагоберта [1]. Подобныхъ примѣровъ много. Что касается судебныхъ приговоровъ и иммунитетныхъ пожалованій, то они писались совершенно въ тѣхъ же выраженіяхъ, какъ въ предшествующую эпоху.

Сходство актовъ королевской канцеляріи не доказываетъ того, что характеръ правленія былъ одинаковый. Но такая преемственность грамотъ, сходныхъ по содержанію и по формѣ, касающихся однихъ и тѣхъ же предметовъ, обнаруживающихъ одинаковую сущность, а также одинаковое построеніе рѣчи, доказываетъ, по крайней мѣрѣ, что въ 753 году не произошло переворота въ политическомъ строѣ, особенно переворота въ смыслѣ ослабленія королевской власти; это ясно подтверждаетъ, что новая династія сдѣлалась преемницей предшествующей, не порывая съ прошлымъ.

3.

О формулѣ „Gratia Dei“.

Въ каролингскихъ грамотахъ мы замѣчаемъ выраженіе *«Gratia Dei rex Francorum»*. Оно содержится въ одной грамотѣ Пиппина и почти во всѣхъ грамотахъ Карла Великаго [2]. Въ грамотахъ же, до-

[1] *Tardif*, № 107: «Morem praedecessorum regum sequentes».

[2] «Pippinus gratia Dei rex Francorum vir inluster», актъ Пиппина 768 года; подлинный текстъ въ Archives (*Tardif* № 62).—Pippinus gratia Dei rex Francorum vir inluster» (*Boretius*, Capitularia, p. 42).—«Carolus gratia Dei rex Francorum» (*Tardif*, №№ 63, 70, 71, 72, 75, 76, 77, 81, 82, 83, 89, 96). Словъ «gratia Dei» нѣтъ въ № 69.—«Carlomannus gratia Dei rex Francorum» (*Tardif*, № 66).

шедшихъ до насъ отъ Меровинговъ, оно, наоборотъ, не встрѣчается [1]. Но надо спросить, каковъ же былъ характеръ нововведенія, и изслѣдовать значеніе словъ „Gratia Dei“.

Часто случается, что одно и то же выраженіе или формула отражаетъ извѣстное представленіе ума въ одну эпоху и совершенно другое въ другую. Въ настоящее время и вотъ ужъ три или четыре столѣтія слова „король Божьей милостью“ означаютъ, что власть не исходитъ отъ народа; они противополагаются „волѣ народа“ и выражаютъ идею сверхчеловѣческой гордости. Такъ теперь понимаютъ формулу, если не короли, то народъ. Но въ VIII вѣкѣ всѣ понимали ее иначе. Слово „gratia“ означало актъ благости, милость; оно выражало идею дара, полученнаго не по заслугамъ [2]. Въ ту эпоху, когда въ сердцахъ такъ

[1] Правда, въ сборникѣ *Pardessus* есть восемь меровингскихъ грамотъ, въ которыхъ стоятъ слова «gratia Dei» рядомъ съ «rex Francorum»; см. №№ 91, 252, 289, 306, 321, 395, 462, 548; но это мало достовѣрныя копіи. А среди подлинниковъ, каковыхъ сохраняется въ архивахъ двадцать семь, не считая тѣхъ, у которыхъ исчезли заголовки, или которыя неразборчивы, нѣтъ ни одной грамоты, въ которой бы стояло «gratia Dei». Въ нѣкоторыхъ формулахъ есть «gratia Dei»; но онѣ, повидимому, относятся къ каролингской эпохѣ; *Rozière*, 57, *Zeumer*, p. 119, 120, 121, 124, 125. Можно, слѣдовательно, признать, что это выраженіе не было принято у Меровинговъ.

[2] Сравните выраженія: «Si gratiam nostram optatis habere» (*Marculf*. I, 11; *Senonicae*, 18, Rozière, 436; ibidem, 25). «Cum Dei et nostra gratia» (*Marculf*. I, 12; *Senonicae*, 19, Rozière, 38, *Salicae Bignonianae*, 1, Rozière, 56). «Nos plena gratia visi fuimus concessisse» (*Marculf*. I, 13). «Si gratiam Dei vel nostram vultis habere» (Rozière, 432, Zeumer, 120).

сильно билось религіозное чувство, люди вѣрили, что все доброе проистекало отъ милости Божьей; а при томъ смиреніи, какое было особенно привычно въ тонѣ рѣчи, любили говорить, что какимъ-нибудь благомъ люди обязаны не собственнымъ заслугамъ, а милосердію и снисхожденію Бога.

Разбираемое выраженіе было, прежде всего, усвоено духовенствомъ. Въ формулахъ меровингскаго времени мы видимъ, что епископъ называлъ себя „gratia dei episcopus“, „епископомъ милостью Божіею“ [1]. Въ грамотѣ 632 года епископъ кельнскій подписываетъ: „Cunibertus gratia Dei Coloniensis episcopus“ [2]; въ 652 году епископъ Ландерихъ называетъ себя „епископомъ парижскимъ по благости Божіей“ [3]; въ другомъ мѣстѣ въ 728 году мы видимъ „Видигерна, по милости Божіей епископа страсбургскаго“ [4]. Аббаты также могли себя называть „аббатами по милости Бога“ [5]. Въ 745 году

[1] *Marculf*. II, 40: «Ille gratia Dei episcopus».—*Formulae Bituricenses*, 8; Zeumer, 171; Rozière, № 92: «In Dei nomine, ille etsi peccator, gratia Dei episcopus».—*Formulae Salicae Bignonianae*, 26; Zeumer, S. 237; Rozière, № 857: «Ille, quamvis peccator, dono Dei episcopus».

[2] *Pardessus*, № 258.

[3] *Ibidem*, № 320: «Divina largiente gratia Landericus Parisiorum ecclesiae episcopus».

[4] *Ibidem*, № 543: «Widigernus gratia Dei ecclesieque Sancte Marie in Stradburgo civitate vocatus episcopus». Ср. *ibidem*, p. 353: «Widegernus Dei gratia Argentinensis episcopus».

[5] *Formulae Salicae Merkelianae*, 54, Zeumer, S. 260; Rozière, № 553: «Ego gratia Dei abbas».—*Formulae Salicae Bignonianae*, 26; Rozière, № 857: «Illo gratia Dei abbate».—Грамота 772 года (Migne, № 11, t. I, col. 924): «Venerabilis vir Faribertus dono Dei abbas».

простой священникъ римской церкви святого Марка называетъ себя въ актахъ одного собора „Stephanus gratia Dei presbyter“ [1]. Такъ удостовѣряется, что это выраженіе раньше употреблялось духовенствомъ, чѣмъ каролингскимъ королемъ.

Но у духовенства это выраженіе не являлось признакомъ гордости. Оно не означало, что епископъ или аббатъ объявлялъ свою власть данною ему только Богомъ. Употреблявшій это выраженіе прелатъ не хотѣлъ тѣмъ сказать, что онъ не былъ назначенъ королемъ послѣ избранія или подобія избранія народомъ. Онъ хотѣлъ лишь сказать, что положеніемъ своимъ онъ обязанъ не заслугамъ, а снисхожденію Божію. А потому слова „gratia Dei“ замѣнялись иногда словами „misericordia Dei,“ означавшими одно и то же [2].

Смыслъ такихъ выраженій станетъ особенно ясенъ, если вспомнимъ, что при подписаніи акта епископы имѣли обыкновеніе называть себя такъ: „епископы, хотя и недостойные“ или „хотя и грѣшники“; подобныя слова встрѣчаются всюду. Выраженіе „по милости Божіей“ означало то же самое или было развитіемъ той же мысли· Такъ иногда читаемъ: „Такой-то, хотя и грѣшникъ, по милости Божіей епископъ“ [3], или: „Такой то, хотя и не-

[1] Акты римскаго собора 745 года въ *Monumenta Moguntina*, edit. Jaffe, p. 146: «Stephanus gratia Dei presbiter sanctae Romanae ecclesiae tituli Sancti Marci».

[2] «Richolfus misericordia Dei archiepiscopus» (*Jaffe*, Monumenta Carolina, p. 392, anno 810).

[3] *Formulae Bituricenses*, 8: «Ille, etsi peccator, gratia Dei episcopus».—*Bignonianae*, 26: «Quamvis peccator dono Dei episcopus».—Хартія 778 года: «Ego Remigius etsi peccator, gratia Dei Argen-

достойный, но по милости Божіей епископъ"[1]. Во всѣхъ такихъ случаяхъ „gratia Dei"—просто выраженіе смиренія, даже уничиженія; оно служитъ для того, чтобы приписать благости и милосердію Бога всѣ почести, какими люди незаслуженно пользуются. Такъ Бонифацій около 720 года называетъ себя „gratia Dei episcopus"[2] и говоритъ это въ письмѣ къ папѣ, который его сдѣлалъ епископомъ. Называя себя „gratia Dei episcopus" въ началѣ письма, онъ не хочетъ сказать ничего другого, какъ то, что говоритъ въ концѣ его, называя себя „exiguus episcopus".

Пиппинъ и Карлъ Великій заимствовали это выраженіе у епископовъ съ тѣмъ понятіемъ, какое тѣ вкладывали въ него. Когда Пиппинъ называетъ себя „королемъ Божьей милостью", онъ не стремится тѣмъ отрицать всякое участіе франкскаго народа въ дарованіи ему власти; онъ хочетъ лишь при-

tinensis episcopus» (*Testamentum Remigii* у Grandidier и у Migne XCVI, col. 1582).

[1] *Rozière*, № 744: «Ille, quamvis indignus, tamen gratia Dei episcopus».—Слова *gratia Dei* не являются здѣсь выраженіемъ гордости; епископъ не хочетъ сказать, что онъ выше короля, или независимъ отъ него, такъ какъ это письмо адресуется имъ къ капеллану дворца съ ходатайствомъ о милости короля.—Теллонъ, епископъ коирскій, пишетъ въ своемъ завѣщаніи: «Deus qui me indignum, non meis meritis sed sua clementia inter praesules suae ecclesiae dignatus est collocare» (*Testamentum Tellonis*, 766 года, Migne, t. XCVI, col. 1555).

[2] *Jaffe*, Monumenta Moguntina, p. 76. Также въ цитированныхъ выше Актахъ римскаго собора 745 года слова «gratia Dei presbiter» замѣняютъ формулу «humilis presbyter» или «indignus presbyter», которую встрѣчаемъ у другихъ въ подобныхъ же случаяхъ (*Monumenta Moguntina*, p. 146, 147).

знать оказанную ему милость и благость Божію[1]. Карлъ Великій употребляетъ тѣ же слова въ томъ же значеніи. Онъ не обращаетъ ихъ въ формулу, характеризующую верховную власть. Онъ позволяетъ и епископамъ продолжать пользоваться ими. Даже графамъ не запрещаетъ онъ употреблять тѣ же выраженія. Графъ, назначенный имъ самимъ, котораго онъ имѣетъ силу отставить, изъ благочестія можетъ называть себя „графомъ Божьею милостью"[2].

Иногда выраженіе видоизмѣняется, и Карлъ Великій называетъ себя „королемъ франковъ по милосердію Божію"[3]. Или онъ еще пишетъ: „Королевство, данное Богомъ мнѣ, хотя и недостойному"[4]. Людовикъ Благочестивый любитъ замѣнять „gratia

[1] Въ такомъ смыслѣ говоритъ Пиппинъ въ грамотѣ 768 года: «Quia per Dei misericordiam regna terrae gubernare videmur» (*Migne*, t. XCVI, col. 1570).

[2] Имѣется актъ, въ которомъ нѣкій Вильгельмъ, современникъ Карла Великаго, называетъ себя «Willelmus gratia Dei comes». *Bibliothèque de l'Ecole des Chartes*, II, p. 179.

[3] «Karolus... per misericordiam Dei rex Francorum» (*Capitularia*, Boretius, p. 126, 168, 169, 211, 241, 246, 397).—Въ одномъ письмѣ, написанномъ въ 809 году, Карлъ Великій говоритъ о себѣ: «Karolus... per misericordiam Dei rex Francorum et Longobardorum» (*Monumenta Carolina*, Jaffe, 401).—Въ другомъ мѣстѣ читаемъ: «Karolus Dei fretus auxilio rex Francorum et Longobardorum» (Boretius, 80; Jaffe, 369).—Въ другомъ мѣстѣ онъ соединяетъ оба выраженія, «gratia» и «misericordia»: «Carolus gratia Dei eiusque misericordia donante rex».

[4] *Vita Alcuini*, c. 10 (Bouquet, V. 446; Бенедиктинцы, IV, 153); авторъ, который былъ современникомъ, вкладываетъ это слово въ уста Карла Великаго: «Honor iste (id est regnum) quem quanquam indigno dedit mihi Deus».

Dei" словами „divina ordinante providentia", „misericordia Dei", „divina clementia" [1]. Иногда онъ выражается еще яснѣе: „Если я царствую, говоритъ онъ, то лишь по милости Божіей; его благость, а не наши заслуги, возвели меня на эту высоту" [2]. Подъ всѣми такими формами скрывается одна и та же мысль: это—просто выраженіе благочестія.

Та же мысль не была чужда и меровингскимъ королямъ. Она входила ужъ въ стиль ихъ канцеляріи. Если они не выражали ея словами „gratia Dei", то прибѣгали къ очень сходнымъ выраженіямъ. Хлотаръ II подписывался: „Chlotarius in Christi nomine rex" [3]. Онъ говорилъ „о королевствѣ, которымъ обязанъ благости Божіей" [4]; послѣдняя формула была принята у Меровинговъ. Мы находимъ ее еще въ грамотѣ Теодериха III [5]. Всѣ эти формулы, равно какъ и выраженіе „gratia Dei", не что иное, какъ дань уваженія божественному могуществу. Всѣ онѣ лишь означаютъ, что безъ

[1] «Divina ordinante providentia» (*Tardif*, №№ 104, 107, 108, 109, 112, 113, etc. *Boretius*, p. 261, 263, 273, 350, 355, etc.).—«Misericordia Dei» (*Boretius*, p. 355).—«Divina propitiante clementia» (*Tardif*, № 129).—Людовикъ Косноязычный также называетъ себя «rex misericordia Dei» (*Annales Bertiniani*, a. 877, p. 267).

[2] Капитулярій 818 года (Boretius, 274, 11 и 25-я строки): «Eius est muneris quod regnamus... cum nos nullis existentibus meritis divina pietas ad huius imperii culmen provexisset».

[3] Указъ 614 года, Boretius, 23.

[4] *Ibidem*, 20: «In regno, Deo propicio, nostro».

[5] *Archives nationales* (актъ 681 года, Tardif, № 23): «Per regna, Deo propitio, nostra».—Встрѣчается также: «Divina disponente gratia, divina praeveniente clementia», но въ копіяхъ сомнительной достовѣрности (*Pardessus*, №№ 167 и 191).

воли Бога, ничто не совершается; говоря, что короли царствуютъ по волѣ Бога, люди выражали ту же мысль [1],

Но унаслѣдовавъ всѣ особенности королевской власти Меровинговъ, королевская власть Каролинговъ представляетъ и новыя черты, изученіемъ которыхъ мы сейчасъ займемся.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Посвященіе королей.

Посвященіе, помазаніе королей было нововведеніемъ, появившимся со времени Каролинговъ. Оно не примѣнялось раньше франкскими и вообще варварскими королями. Но оно не было также передано отъ римскихъ императоровъ. Сложилось оно исключительно подъ церковно-религіозными вліяніями.

Посвященіе было по существу актомъ религіознымъ, даже церковнымъ, присущимъ духовнымъ лицамъ. Оно сообщалось путемъ помазанія священнымъ елеемъ, и такое мистическое помазаніе отмѣчало, что данный человѣкъ, выдѣляясь изъ числа остальныхъ людей, становился существомъ священнымъ. Обрядъ сообщалъ человѣку „благо-

[1] «Deus omnipotens per quem reges regnant et principes imperant, sua vos protegat gratia». Это—письмо Стефана IV къ Карлу Великому, (Jaffe, 167). Та же мысль выражена въ воспроизводимомъ Гинкмаромъ отрывкѣ святого Августина: «Nihil fit nisi quod aut Deus facit aut fieri permittit» (*Hincmar*. De regis persona, c. 1; Migne, I, col. 834).

словеніе Божіе", въ силу котораго онъ могъ въ свою очередь „благословлять" другихъ [1].

Источникомъ такого христіанскаго акта былъ Ветхій Завѣтъ, данный евреямъ. Въ книгѣ „Левитъ" церковь читала, что когда надо было учредить священниковъ, Богъ сказалъ Моисею: „Помажь Аарона и сыновей его священнымъ елеемъ"; и Моисей возлилъ елей помазанія на голову Аарона и „посвятилъ его" [2]. Церковь, значитъ, сохранила это установленіе для своего духовенства, которое хотѣла глубоко отдѣлить отъ остальныхъ вѣрныхъ. При посвященіи въ санъ священника и особенно въ санъ епископа, посвящающій возливалъ святой елей на голову и руки избранника [3]. Онъ произносилъ въ то же время такую формулу: „Господь, пожелавшій, чтобы ты былъ возведенъ въ санъ епископа, да пропитаетъ тебя елеемъ, мистическою влагою, да исполнитъ тебя своимъ благословеніемъ, дабы освящалось все, что ты будешь освящать, и возложеніе священной твоей руки было для всѣхъ спасительно" [4].

[1] *Corpus iuris canonici*, парижское изданіе, 1687, 2-я часть, стр. 38—39.

[2] Левитъ, VIII, 2 и 12: «Ἐπέχεε Μωϋσῆς ἀπὸ τοῦ ἐλαίου τῆς χρίσεως ἐπὶ τὴν κεφαλὴν Ἀαρών, καὶ ἔχρισεν αὐτὸν καὶ ἡγίασεν αὐτόν».

[3] О посвященіи въ санъ священника см. у *Martène*, De antiquis ecclesiae ritibus, 1773, in folio, t. II, p. 50, 64, 111, 128, 180.— О посвященіи въ епископы, 90, 113, 130, 149, 160, 182, 201.

[4] *Formulae*, edit. Rozière, № 523, p. 643: «Deus... qui te ad pontificalem sublimari voluit dignitatem, ipse te chrismate et mysticae delibutionis liquore perfundat, et spiritualis benedictionis ubertate faecundet, ut quidquid sanctificaveris sanctificetur, et consecratae manus istius vel pollicis impositio cunctis proficiat ad salutem».— Были другія подобныя формулы, какъ, напримѣръ: «Unguatur et consecretur caput tuum caelesti benedictione in ordine pontificali. Unguantur manus istae et consecrentur de oleo sanctificato, sicut unxit Samuel David in regem prophetam». *Martène*, De antiquis ecclesiae ritibus, II, 90, 130, 182.

Въ Ветхомъ Завѣтѣ церковь нашла то же священное помазаніе въ примѣненіи къ царямъ. Когда Самуилъ создалъ царскую власть у евреевъ, онъ возлилъ святой елей на голову Саула и сказалъ ему: „Богъ избралъ тебя для того, чтобы ты царствовалъ надъ его народомъ и спасъ его отъ руки враговъ; въ знакъ чего онъ помазалъ тебя, какъ своего избранника" [1]. Впослѣдствіи, когда тотъ же Самуилъ отвергъ Саула и избралъ Давида, Богъ повелѣлъ ему помазать на царство новаго царя. Такимъ образомъ Давидъ получилъ святое помазаніе, и „съ того дня духъ Божій почилъ на немъ" [2].

Вотъ что читала церковь въ Библіи. Она не подумала о примѣненіи помазанія къ римскимъ императорамъ. Императоры, даже христіанскіе, не нуждались въ священническомъ помазаніи. Церковь не примѣняла его и къ франкскимъ королямъ, вопреки мнѣнію будто Хлодовехъ былъ помазанъ [3]. У испанскихъ вестготовъ обычай помазанія появляется въ VII вѣкѣ. Когда вестготы приняли католичество,

[1] Книга царствъ, I, 10, стихъ 11: «Καὶ τοῦτό σοι τὸ σημεῖον, ὅτε ἔχρισέ σε Κύριος ἐπὶ κληρονομίαν αὐτοῦ εἰς ἄρχοντα».

[2] Книга царствъ, I, 16, стихъ 1, 3, 12, 13.

[3] Это мнѣніе высказано уже Гинкмаромъ, въ качествѣ архіепископа реймсскаго, который, правда, былъ заинтересованъ, въ томъ, чтобы оно распространилось. См. у Гинкмара *Coronatio Caroli Calvi*, edit. Migne, t. I, col. 806.

епископатъ тотчасъ же вошелъ у нихъ въ большую силу. Съ могуществомъ епископата появилось установленіе помазанія королей [1]. Во Франціи оно установилось лишь въ слѣдующемъ вѣкѣ. Оно возникло вмѣстѣ съ каролингской династіей.

Невозможно установить, пришла ли первая мысль о томъ новому королю или церкви. Пиппинъ разсчитывалъ, быть можетъ, что помазаніе обезпечитъ за его династіей уваженіе людей, а потому и ихъ повиновеніе. Папы и епископы разсчитывали, быть можетъ, что помазанный ихъ руками король будетъ болѣе связанъ съ ними, болѣе послушенъ. Но такіе разсчеты не представляются необходимыми; очень возможно, что они и не имѣлись въ виду. Восшествіе на престолъ Каролинговъ совпадало съ подъемомъ религіознаго чувства; благодаря одному такому совпаденію, естественно было придать новой королевской власти религіозной характеръ. Все установленіе помазанія носитъ печать духа времени, въ какое оно возникло. Когда какое-нибудь учрежденіе существуетъ на протяженіи ряда вѣковъ, какъ то было съ королевскою властью, оно послѣдовательно принимаетъ отпечатокъ духа этихъ смѣняющихъ другъ друга вѣковъ. Такъ и старая королевская власть, не утрачивая ни одного изъ свойствъ, привитыхъ ей предшествующими столѣтіями, приняла въ добавленіе къ нимъ еще одну спеціальную особенность отъ настроенія умовъ поколѣній VIII-го вѣка, именно повысившуюся религіозность.

[1] См. 6-й толедскій соборъ 638 года. Ср. также исторію Вамбы, написанную Юліаномъ Толедскимъ (Bouquet, II, 707).

Пиппинъ сдѣлался королемъ лишь послѣ того, какъ былъ помазанъ. Всѣ лѣтописцы представляютъ эту церемонію какъ совершенную раньше самаго оффиціальнаго провозглашенія королемъ [1]. Слѣдуетъ замѣтить, что это первое помазаніе было совершено рукою епископовъ, именно, святымъ Бонифаціемъ въ присутствіи и отъ имени епископовъ Галліи. Два писателя, ближайшихъ къ событію, высказываются о немъ очень ясно. Одинъ изъ нихъ, писавшій въ то самое время, говоритъ, что Пиппинъ получилъ „посвященіе епископовъ“ [2]. Другой, писавшій на пятнадцать лѣтъ позднѣе, говоритъ, „что онъ получилъ помазаніе святымъ елеемъ отъ рукъ епископовъ Галліи“ [3]. Значитъ, помазаніе Пиппина было, повидимому, коллективнымъ актомъ епископата, представтелемъ котораго являлся святой Бонифацій. Папа прибылъ для его повторенія только два года спустя.

Кажется, первые Каролинги спеціально желали правильно замѣнить помазаніе епископами пома-

[1] То и другое произошло почти одновременно, но всѣ лѣтописцы ставятъ помазаніе раньше церемоніи возведенія на престолъ.—*Continuator Fredegarii*: «Cum consecratione episcoporum... sublimatur in regno».—*Annales Einhardi*: «Unctus sacra unctione et elevatus in solium regni».—*Annales Fuldenses*: «In regem unctus, regni honore sublimatus est».—*Annales Fontanellenses*: «A Bonifacio unctus, rex constituitur».—*Annales Laurissenses*: «Unctus per manus Bonifacii et elevatus a Francis in regno».

[2] *Continuator Fredegarii*, c. 117: «Cum consecratione episcoporum».—Тѣ же выраженія въ *appendix* къ *Gesta regum Francorum*, Bouquet, II, p. 574.

[3] *Clausula de Pippini unctione*, Bouquet, V, 9—10: «Per unctionem sancti chrismatis per manus sacerdotum Galliarum».

заніемъ папою, что объясняется политическимъ разсчетомъ. Стефанъ II помазалъ Карла Великаго королемъ франковъ. Левъ III помазалъ его императоромъ. Въ 781 году Адріанъ I помазалъ Людовика Благочестиваго въ Римѣ королемъ, затѣмъ въ 816 году Стефанъ IV—императоромъ [1]. Но позже совершеніе обряда помазанія вернулось къ національному епископату [2]. Карлъ Лысый былъ помазанъ епископомъ санскимъ въ Орлеанѣ [3], по-

[1] *Thegan*. c. 17.—*Chron. Mossiacense*, a. 846: «Stephanus benedixit eum in imperatorem, et imposuit illi coronam auream» (Bouquet, VI, 171).

[2] Въ документахъ не видимъ, чтобы Карлъ Лысый былъ помазанъ въ 840 году, когда сдѣлался королемъ западной Франціи. Это вещь вѣроятная, но ни одинъ лѣтописецъ прямо объ этомъ не говоритъ.—Согласно лиможской хроникѣ и хроникѣ Адемара онъ былъ коронованъ въ 855 году въ Лиможѣ архіепископомъ буржскимъ въ присутствіи многочисленныхъ прелатовъ; это фактъ сомнительный, такъ какъ онъ указанъ лишь въ двухъ значительно позднѣйшихъ хроникахъ (хроника св. Марціала лиможскаго, стр. 2; ср. стр. 37; хроника Адемара, называемаго шабанскимъ, Bouquet, VII, 227).—Эти хроники смѣшиваютъ, повидимому, данный фактъ съ помазаніемъ молодого Карла, сына Карла Лысаго, на самомъ дѣлѣ коронованнаго въ 855 году королемъ Аквитаніи (Бертинскіе анналы, стр. 87—88). Карлъ Лысый устроилъ помазаніе сына раньше, чѣмъ сдѣлалъ его королемъ Аквитаніи; вѣроятно, и самъ онъ былъ помазанъ раньше, чѣмъ сталъ царствовать во Франціи; но упоминаніе объ этомъ помазаніи исчезло изъ хроникъ.—Въ 848 году Карлъ Лысый сдѣлался королемъ Аквитаніи слѣдующимъ образомъ: «Aquitani, inertia Pippini coacti, Karolum petunt, atque in urbe Aurelianorum pene omnes nobiliores cum episcopis et abbatibus in regem eligunt, sacroque chrismate delibutum et benedictione episcopali solemniter consecrant». *Annales Bertiniani*, 68.

[3] См. *Walter*, III, p. 107, c. 3.

томъ другою группою епископовъ въ Метцѣ [1]; Людовикъ Косноязычный былъ помазанъ въ Компьени [2]; его два преемника въ Феррьерѣ [3]. Впослѣдствіи установился обычай, чтобы церемонія помазанія происходила въ Реймсѣ.

Документы той эпохи хорошо обнаруживаютъ, какія понятія соединялись у людей съ помазаніемъ, и каковы были различныя послѣдствія этого установленія. Помазаніе не было одною формальностью, служившею для возвышенія блеска престола. Люди усматривали въ немъ дѣйствительное посвященіе особы короля, въ настоящемъ смыслѣ. Они понимали его такъ, какъ находили въ Библіи и какъ видѣли его въ примѣненіи къ епископамъ. Въ публично произносимыхъ формулахъ говорилось, что посредствомъ святого помазанія король „посвящался Богу“ [4], что онъ являлся „освященнымъ“. Епископъ возливалъ на главу короля святой елей [5] и говорилъ ему: „Господь въ своемъ милосердіи да увѣнчаетъ тебя вѣнцомъ славы, да прольетъ на тебя елей милости Духа своего Свя-

[1] Помазаніе совершено въ 869 году послѣ того, какъ Карлъ Лысый сдѣлался королемъ Лотарингіи, какъ разъ въ то время, когда онъ принималъ правленіе въ новомъ королевствѣ (Бертинскіе анналы).

[2] *Annales Bertiniani*, édit. Dehaisnes, p. 261.

[3] *Ibidem*, 282.

[4] «Sacra unctione Domino consecretur». См. рѣчь, произнесенную Гинкмаромъ на короновании 869 года, *Migne*, col. 806.

[5] «Inunxit eum Hincmarus archiepiscopus de chrismate ad dexteram auriculam et in fronte usque ad sinistram auriculam et in capite» (*Hincmar*. ibidem, col. 807).

того, какъ проливалъ его на священниковъ, царей, пророковъ и мучениковъ" [1].

Итакъ, путемъ помазанія король оказывался облеченъ религіознымъ, почти священническимъ характеромъ. Посвященный Богу, какъ епископъ, онъ становился какъ бы епископомъ. При посвященіи въ санъ епископа и помазаніи короля наблюдалась лишь незначительная разница въ формулѣ. Въ существѣ дѣла, актъ былъ одинъ и тотъ же. Передъ Богомъ и передъ людьми король былъ такъ же святъ, какъ епископъ. Помазаніе безусловно отдѣляло его отъ мірянъ и ставило въ ряды духовныхъ. Съ этого момента онъ поднимался надъ мірянами на ту высоту, какая отдѣляла, по понятіямъ эпохи посвященнаго Богу человѣка отъ толпы остальныхъ. Папа пишетъ въ 769 году, что Каролинги — „священная династія", что они несутъ „королевское священнослуженіе" [2].

Вслѣдствіе этого сама королевская власть принимала новый характеръ. Она не оставалась больше исключительно военачальствомъ, какъ у германскихъ племенъ; она не ограничивалась совмѣщеніемъ военной и гражданской власти, какъ при римскихъ императорахъ и при Меровингахъ: она становилась сверхъ того христіанскимъ служеніемъ. Мы видимъ, что съ тѣхъ поръ короли обозначаютъ свою власть терминомъ *ministerium*; этимъ словомъ, буквально означающимъ службу, короли хотятъ сказать, что на самомъ дѣлѣ несутъ службу по отношенію къ высшей власти, то-есть, къ Богу. Они, какъ сами себя называютъ, его слуги, его уполномоченные,какъ бы его должностныя лица, исполнители его воли здѣсь на землѣ [1].

Такая концепція вручала королямъ высокія права. Ясно, что такой король будетъ засѣдать на соборахъ епископовъ, предсѣдательствовать на нихъ, держать рѣчь, даже обсуждать вопросы догматовъ. Онъ будетъ также издавать постановленія для церкви, по отношенію къ ея внутреннему распорядку, даже по вѣроученію. Онъ пріобрѣтетъ надзоръ за духовенствомъ и епископатомъ не только въ качествѣ главы государства или изъ соображеній политическихъ, но и съ точки зрѣнія морали, культа, просвѣщенія, обрядовъ. Все, что касается религіи, окажется въ его вѣдѣніи. Это прекрасно объясняетъ намъ, почему половина законодательныхъ актовъ Карла Вели-

[1] *Hincmar*, ibidem: «Coronet te Dominus corona gloriae in misericordia et miserationibus suis, et ungat te in regni regimine oleo gratiae spiritus sancti sui, unde unxit sacerdotes, reges, prophetas et martyres».—*Ibidem*, Coronatio Ludovici, col. 810: «Oleo gratiae spiritus sancti tui perunge eum, unde unxisti sacerdotes». О различныхъ церемоніяхъ при помазаніи см. *Martène*, De antiquis ecclesiae ritibus, t. II, p. 594.

[2] «Vos gens sancta estis atque regale estis sacerdotium». Это извѣстное посланіе Стефана III къ Карлу и Карломану; см. у *Jaffe* p. 160.

[1] «Perfectio ministerii vestri», говорятъ въ 820 году епископы Людовику Благочестивому (*Boretius*, p. 367, c. 8).—Настанетъ день, когда епископы низложатъ Людовика Благочестиваго, ссылаясь на то, что онъ «ministerium sibi comissum satis indigne tractavit» (*Acta exauctorationis Ludovici*, Bouquet, VI, 244).—«Ut sit imperator et rex suo mancipatus officio, nec aliena gerat, sed ea quae sui iuris competunt propria, neque praetermittat ea quia pro his omnibus adducet eum Deus in iudicio».—Это изъ рѣчи Валы на conventus въ присутствіи Людовика. См. *Vita Walae*, II, 2; Bouquet, VI, 280.

каго и его перваго преемника относится къ просвѣщенію, къ нравамъ, къ вѣрѣ духовенства. Благодаря помазанію, онъ пріобщился къ церкви. Онъ вступилъ въ нее, какъ ея глава; онъ столько же былъ главою церкви, сколько главою государства.

Новое положеніе налагало, съ другой стороны, также новыя обязанности. Короли должны управлять въ интересахъ Бога. На нихъ лежитъ долгъ защищать церковь, обогащать ее, улучшать ея нравы. Такъ какъ помазаніе вводитъ ихъ въ ряды избранниковъ Божіихъ, то они часто должны дѣйствовать и говорить, какъ священнослужители.

Эта сверхчеловѣческая власть становилась тяжкимъ бременемъ. Сомнѣваюсь, чтобы она облегчала дѣло управленія обществомъ. Каролинги были подавлены высокимъ понятіемъ о своей власти. Повелѣвать отъ имени Бога, желать царствовать чрезъ него и для него, будучи только человѣкомъ, это значитъ—опутать себя сѣтью непреодолимыхъ трудностей. Идеализмъ всегда опасенъ въ политикѣ. Осложнять сверхчеловѣческими теоріями руководительство человѣческими интересами, — значитъ, сдѣлать правленіе почти невозможнымъ.

На практикѣ помазаніе подчиняло королей епископату. Обратимъ вниманіе на нѣкоторыя подробности церемоніи. Король долженъ быть помазанъ епископами; очевидно, онъ не можетъ ихъ заставить помазать его вопреки ихъ желанію. Церемонія можетъ происходить лишь публично. Ее совершаетъ не одинъ епископъ, а всѣ епископы, или, по крайней мѣрѣ, тотъ, кто помазываетъ,

дѣлаетъ это отъ лица всѣхъ, съ ихъ совѣта и единодушнаго, громко высказаннаго согласія. Такое основное правило видно изъ дошедшихъ до насъ протоколовъ церемоній помазанія IX вѣка. Посмотримъ на помазаніе Карла Лысаго въ 869 году.

Карлъ прибылъ въ Лотарингію, чтобы стать ея королемъ. Онъ не принялъ еще этого титула. Оффиціально онъ не заявлялъ еще притязаній ни на какія права, и никакія права не были за нимъ оффиціально признаны [1]. Онъ пріѣхалъ въ Метцъ и отправился въ церковь святого Стефана, гдѣ собрались всѣ епископы края [2].

Одинъ епископъ обращается съ поученіемъ къ другимъ и къ присутствующимъ въ церкви [3]. Мы читаемъ въ ея текстѣ слѣдующее: „...Потерявъ прежняго нашего короля, постомъ и молитвами призывали мы на помощь того, кому принадлежитъ всякое царство, и кто можетъ отдать власть, кому захочетъ; мы взывали къ благости Божіей, чтобы онъ избралъ намъ угоднаго ему государя, такого государя, который со справедливостью и попеченіемъ охранялъ бы и защищалъ насъ, чтобы онъ едино-

[1] Оставляю въ сторонѣ подробности о состояніи и настроеніи различныхъ группъ; это не относится къ трактуемому въ данной главѣ предмету.

[2] Отмѣтимъ, что нѣсколько особый характеръ акту 869 года придаетъ то обстоятельство, что король Лотаръ II умеръ бездѣтнымъ, не назначилъ передъ смертью преемника и не передалъ власти.

[3] «Haec quae sequuntur capitula Adventius episcopus, coram rege et episcopis qui adfuerunt, publice populo scripto et verbis denuntiavit». См. *Hincmar*. Annales Bertinenses, edit. Dehaisnes p. 191.

душно склонилъ наши сердца къ королю, избранному и предназначенному имъ для нашего спасенія и нашей пользы [1]. Воля Божія, явленная въ единодушномъ нашемъ согласіи, указала намъ законнымъ наслѣдникомъ этого государства здѣсь присутствующаго господина нашего Карла; мы добровольно отдаемся ему, какъ нашему королю и государю, чтобы онъ повелѣвалъ нами и защищалъ насъ" [2]. Эти слова служатъ выраженіемъ новой идеи. Епископатъ, у котораго король испрашиваетъ помазаніе, начинаетъ думать что, благодаря этому, располагаетъ королевской властью. Епископы объявляютъ, что тотъ, кого они помажутъ королемъ, ни самъ по себѣ, ни по своему рожденію не имѣетъ на то никакого права; онъ лишь избранъ Богомъ и выборъ Бога проявленъ въ согласіи епископовъ. Король будетъ держать свою власть отъ избранія, но именно избранія епископовъ.

[1] «Rege nostro destituti, salubre consilium nobis omnibus esse consideravimus ut ieiuniis et orationibus ad Eum nos converteremus qui est adiutor in opportunitatibus, cuius est regnum, et, ut scriptum est, «cui voluerit dabit illud»... Deprecantes ipsius misericordiam ut daret nobis regem ac principem secundum cor suum, qui in iudicio et in iustitia nos regeret, salvaret, atque defenderet iuxta voluntatem eius, et corda omnium nostrorum unanimiter ad eum declinaret atque uniret, quem ad salutem et profectum nostrum praescitum et electum atque praedestinatum habebat». *Hincmar*. Annales Bertinenses, 191—192 или Patrol. Lat., т. I сочиненій Гинкмара, col. 803.

[2] «Quia voluntatem Dei in concordi unanimitate nostra videmus hunc regni huius heredem esse legitimum, cui nos sponte commisimus, dominum videlicet praesentem regem ac principem nostrum Karolum, ut nobis praesit et prosit».

Епископъ продолжаетъ свою рѣчь не для того, чтобы объявить, что будетъ приступлено къ помазанію, но чтобы поставить вопросъ присутствующимъ, другимъ епископамъ и всѣмъ остальнымъ людямъ слѣдуетъ ли къ нему приступать. Таковъ смыслъ фразы: „Намъ кажется умѣстнымъ, если таково и ваше мнѣніе, послѣ выслушанныхъ нами словъ здѣсь присутствующаго Карла, при помощи безспорнаго символа (то-есть, именно помазанія) показать, что онъ избранъ и данъ намъ Богомъ" [1]. Раньше, чѣмъ присутствующіе выскажутъ свое мнѣніе, онъ проситъ короля сказать свое слово, иначе говоря, требуетъ отъ него публичнаго обѣщанія и какъ бы исповѣданія его вѣры. „Намъ кажется говоритъ епископъ, что государю подобаетъ произнести и намъ необходимо выслушать изъ его устъ то, что должно узнать вѣрному народу отъ христіаннѣйшаго короля" [2].

Тогда держитъ рѣчь король: „Такъ какъ почитаемые епископы, говорящіе устами одного изъ нихъ, единодушіемъ своимъ показали, что Богъ избралъ меня для того, чтобы васъ защищать и вами управлять, то знайте, что я буду поддерживать славу Божію, служеніе ему и уваженіе къ святымъ его церквамъ, буду охранять каждаго

[1] «Videtur nobis, si placet vobis, ut, sicut post illius verba vobis manifestabimus, signo certissimo demonstremus quia illum a Deo electum et nobis datum principem credimus» (*Annales Bertiniani*, 192; Patrologia, col. 804).

[2] *Ibidem*: «Et si illi placet, dignum ipsi et necessarium nobis fore videtur ut ex eius ore audiamus quod a christianissimo rege fideli et unanimi in servitio illius populo convenit audire».

изъ васъ и почитать каждаго согласно его положенію всею силою моего разумѣнія и моей власти, буду соблюдать принадлежащіе каждому изъ васъ духовные или гражданскіе законы; подъ этимъ условіемъ каждый будетъ оказывать мнѣ почтеніе и повиновеніе, подобающія мнѣ какъ королю" [1].

Другой епископъ произноситъ еще одну рѣчь, въ которой напоминаетъ, что въ томъ воля Божья, чтобы Карлъ сталъ королемъ и всѣ принимаютъ его власть добровольно [2]; онъ кончаетъ заявленіемъ что приступитъ къ помазанію, „если присутствующіе единодушны въ рѣшеніи, чтобы оно было въ самомъ дѣлѣ совершено" [3]. Собраніе отвѣчаетъ простыми возгласами одобренія [4]; но каждый изъ

[1] *Annales Bertinenses*: «Post haec Karolus rex haec quae sequuntur per se in eadem ecclesia cunctis qui adfuerunt denuntiavit: Quia, sicut isti venerabiles episcopi unius ex ipsis voce dixerunt, et certis indiciis ex vestra unanimitate monstraverunt, et vos acclamastis, me Dei electione ad vestram salvationem et profectum atque gubernationem huc advenisse, sciatis me honorem et cultum Dei atque sanctorum ecclesiarum Domino adiuvante conservare et unumquemque vestrum et secundum sui ordinis dignitatem et personam, iuxta meum scire posse, honorare et salvare et honorabiliter salvatum tenere velle, et unicuique in suo ordine secundum sibi competentes leges, tam ecclesiasticas quam mundanas, legem et iustitiam conservare, in hoc ut honor regius et potestas ac debita obedientia mihi exhibeatur».

[2] «Voluntatem Dei esse ut praesens domnus et rex noster ad hunc locum Domino ducente pervenerit... et ipsi vos sponte commendastis» (edit. Dehaisnes, p. 195; Patrologia, col. 805).

[3] «Non incongruum videtur venerabilibus episcopis, si vestrae unanimitati placet, ut in obtentum regni sacra unctione Deo consecretur. Quod si vobis placet, propriis vocibus consonate».

[4] «In hoc conclamantibus omnibus».

епископовъ поочередно высказываетъ громогласно въ формѣ мольбы къ Богу свою опредѣленную волю, чтобы король былъ помазанъ [1]. Тогда только приступаютъ къ помазанію. Епископъ возливаетъ елей на чело и на главу короля, произнося опредѣляющія христіанское значеніе этого акта формулы [2]. По совершеніи такого обряда, епископы надѣваютъ ему на голову корону [3], наконецъ влагаютъ ему въ руку скипетръ, „которымъ онъ долженъ прежде всего управлять самимъ собою, потомъ защищать святую церковь и, наконецъ, направлять добрыхъ на путь спасенія, а злыхъ исправлять" [4].

Разсмотрите весь рядъ описанныхъ актовъ; порядокъ, въ которомъ они слѣдуютъ другъ за другомъ, не случайный: врученіе скипетра и короны происходитъ послѣ святого помазанія; помазаніе— послѣ единогласно высказаннаго желанія епископовъ; послѣднее въ свою очередь только послѣ даннаго королемъ обѣщанія. Въ сущности, помазаніе есть формальный договоръ между каждымъ королемъ и епископами. Король связанъ своимъ помазаніемъ [5].

[1] *Coronatio Caroli Calvi* въ сочиненіяхъ Гинкмара, изд. Патрологіи, I, 806.

[2] *Ibidem*, 807.

[3] *Ibidem*, 808: «Miserunt illi episcopi coronam in capite... Dederunt illi palmam et sceptrum».

[4] *Ibidem*, 810.

[5] Мы пользовались здѣсь протоколомъ помазанія 869 года. Въ сочиненіяхъ Гинкмара находимъ также протоколъ помазанія Людовика II въ 877 году, въ немъ повторяются тѣ же основныя черты, особенно же обѣщанія новаго короля (Патрологія, col. 809—811; Бертинскіе анналы, стр. 201—264).

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Клятва въ вѣрности королю.

Среди институтовъ, относящихся къ королевской власти Каролинговъ и ее характеризующихъ, есть одинъ, о которомъ много разъ и довольно ясно упоминаютъ современные документы: это приносимая королю присяга. Историкъ не долженъ оставлять ее безъ вниманія; она любопытна сама по себѣ, такъ какъ мы усмотримъ изъ нея природу и предѣлы зависимости подданныхъ; она любопытна также по своимъ послѣдствіямъ, такъ какъ можно задать себѣ вопросъ, не отъ нея ли происходитъ феодальная клятва.

Прежде всего, надобно замѣтить, что клятва королю не представляетъ нововведенія каролингской эпохи. Мы уже видѣли и изучали ее при Меровингахъ, а раньше въ римской имперіи. Во время Каролинговъ она пріобрѣтаетъ большую опредѣленность и въ то же время большее значеніе.

I.

Клятва знатныхъ.

Разсмотримъ прежде всего клятву, приносившуюся знатными при восшествіи на престолъ каждаго новаго короля. Для этого намъ надо перебрать послѣдовательно все, что говорится въ

документахъ о началѣ каждаго царствованія. Съ большей или меньшей отчетливостью всѣ описываютъ церемонію, обозначаемую обыкновенно словами *sublimari* или *elevari in solio*. Намъ надо изслѣдовать, въ чемъ состояла эта церемонія, каково было ея значеніе и природа.

Анонимный писатель, котораго принято называть продолжателемъ Фредегарія, разсказывая о восшествіи Пиппина, говоритъ, „что онъ былъ возведенъ на престолъ съ посвященіемъ епископовъ и подчиненіемъ знатныхъ“ [1]. Изъ этихъ краткихъ словъ мы усматриваемъ, что лѣтописецъ имѣетъ ввиду два акта: съ одной стороны, епископы совершаютъ посвященіе, *consecratio*; съ другой—знатные совершаютъ актъ подчиненія, *subiectio;* совокупность этихъ двухъ актовъ и есть возведеніе на престолъ, *sublimatio in regno*. Лѣтописецъ не объясняетъ, что такое этотъ актъ подчиненія, въ чемъ онъ состоялъ [2].

Говоря о восшествіи Карла и Карломана въ 768 году, онъ употребляетъ еще болѣе неопредѣленныя выраженія. „Они были возведены на престолъ своими знатными и посвященіемъ еписко-

[1] *Continuator Fredegarii*, c. 117 [33]; Bouquet, II, 460: «Pippinus cum consecratione episcoporum et subiectione principum sublimatur in regno».

[2] Въ *Clausula de Pippini consecratione* (Bouquet, V, 9) читаемъ: «Per manus sacerdotum Galliarum et electionem omnium Francorum in regni solio sublimatus est». Здѣсь то же различіе двухъ актовъ: «per manus sacerdotum» есть «consecratio»; то, что продолжателемъ Фредегарія называлось «subiectio», копистъ называетъ «electio».

повъ“ [1]. Въ этихъ словахъ мы опять различаемъ два акта, но на одинъ изъ нихъ сдѣланъ лишь самый туманный намекъ.

Три года спустя, Карломанъ умираетъ и Карлъ Великій становится королемъ новаго государства. Нѣкоторые лѣтописцы и въ данномъ случаѣ выражаются очень кратко, ограничиваясь указаніемъ на то, что имѣла мѣсто церемонія, въ силу которой Карлъ „поставленъ былъ королемъ съ согласія франковъ“ [2]. Другіе распространяются больше и сообщаютъ нѣсколько важныхъ подробностей. Они изображаютъ, какъ Карлъ вступилъ въ новое королевство и остановился въ виллѣ Карбонакъ [3]. Тамъ „къ нему явились епископы и аббаты, герцоги и графы, служившіе его брату, и онъ принялъ ихъ“ [4]. Тутъ замѣчаемъ двѣ вещи. Прежде всего, всѣ знатные люди королевства должны были явиться къ новому королю; на важность этого обязательства указываетъ то, что „немногіе знатные“, отказавшіеся ему подчиниться, принуждены были бѣжать въ Италію [5]. Далѣе говорится, что новый король

[1] *Continuator Fredegarii*, 137 [54]; Bouquet, V, 9: «A proceribus eorum et consecratione sacerdotum sublimati sunt in regno».

[2] Муассакская хроника: «Consensu Francorum rex constituitur».—*Vita Caroli*, 3: «Consensu omnium Francorum rex constituitur».

[3] «Carbonacum villam venit». Согласно объясненію *Teulet* (Annales d'Eginhard, p. 155)—это Корбени въ ланскомъ краю.

[4] *Einhard*. Annalles (anno 771): «Ad se venientes suscepit».—*Annales Laurissenses*, *Annales Fuldenses*, *Annales Mettenses*.—*Annales Tiliani*, Bouquet, V, 18.

[5] *Annales Fuldenses*: «Exceptis paucis qui cum uxore Carlomanni (in Italiam) perrexerunt».—*Annales Mettenses*.—*Annales Einhardi*.

принялъ ихъ, *suscepit*; но слово *suscipere* означаетъ на языкѣ того времени „принять въ подданство“, или принять подъ свою власть; оно соотвѣтствуетъ выраженію *se commendare*, означающему „отдаться подъ руку другого“. Такимъ образомъ, изъ употребленныхъ лѣтописцами терминовъ обнаруживается мысль, что по смерти Карломана всѣ „принадлежавшіе ему“ знатные должны были явиться къ новому королю и совершить по отношенію къ нему актъ подчиненія [1].

Съ IX вѣка исторія пишется уже пространнѣе и толковѣе; потому наши свѣдѣнія объ актѣ, который мы хотимъ изучить, становятся болѣе точными. Въ 806 году Карлъ Великій производитъ раздѣлъ своего государства между тремя своими сыновьями; онъ созываетъ знатныхъ [2], объявляетъ имъ свою волю, устанавливаетъ, въ какихъ областяхъ будетъ царствовать каждый изъ сыновей; затѣмъ, добавляетъ лѣтописецъ, „онъ велитъ изготовить писанный актъ этого раздѣла и скрѣпляетъ его клятвой знатныхъ“ [3]. Къ чему такая клятва? Для многихъ королевскихъ актовъ требо-

[1] Такъ понялъ этотъ фактъ *Poeta Saxo*; онъ слѣдующимъ образомъ переводитъ Анналы [I, ст. 10 и слѣд.]:

...Summos proceres omnesque potentes
Fraternae quondam partis susceperat illic,
Haud retractantes domino *se subdere* tali.

[2] *Einhard*. Annales: «Conventum habuit cum primoribus et optimatibus Francorum, de divisione regni facienda in partes tres».

[3] *Ibidem*: «De hac partitione testamentum factum et iureurando ab optimatibus confirmatum».—Въ лоршскихъ анналахъ повторено то же самое.

вались подписи нѣкоторыхъ знатныхъ, но требовать отъ нихъ клятвы не было въ обычаѣ. Дѣло въ томъ, что здѣсь идетъ вопросъ о вступленіи на престолъ трехъ королей. Карлъ Великій хочетъ рѣшить, которому изъ трехъ долженъ будетъ повиноваться каждый изъ знатныхъ; было, значитъ, умѣстно, чтобы принесли клятву всѣ.

Въ 814 году Карлъ Великій умираетъ; Людовикъ Благочестивый, единственный пережившій его законный сынъ, принимаетъ власть надъ всѣмъ государствомъ. Современный историкъ разсказываетъ, что въ то время, когда онъ изъ Аквитаніи отправлялся въ Ахенъ, много знатныхъ спѣшило ему на встрѣчу, чтобы признать его королемъ. Опасались, что Вала, одинъ изъ важнѣйшихъ сановниковъ дворца Карла Великаго, выступитъ противъ Людовика; впрочемъ, это оказалось невѣрно: Вала одинъ изъ первыхъ направился къ новому государю и совершилъ актъ подчиненія; „онъ коммендировалъ себя и, согласно обычаю франковъ, въ смиренной покорности отдалъ себя на волю Людовика“ [1]. Въ этихъ словахъ скрывается большая сила выразительности и, главное, они отличаются чрезвычайною точностью. Они указываютъ на положеніе каждаго изъ знатныхъ по отношенію къ новому королю; каждый, объявляя себя его подданнымъ, отдаетъ ему себя, подчиняетъ себя его волѣ, „*se eius nutui subdit*“. То, что историкъ говоритъ о Валѣ, повторилъ каждый изъ знатныхъ. Большинство „наперерывъ спѣшило къ новому государю“. Тѣ, кто не могъ присоединиться къ нему на пути, ожидали его въ столицѣ, въ Ахенѣ, и тамъ „всѣ, бывшіе подъ властью его отца, обѣщали быть вѣрными ему и добровольно принесли ему свое подчиненіе“ [1].

Три года спустя, въ 817 году, Людовикъ Благочестивый регулируетъ наслѣдованіе послѣ него и устраиваетъ раздѣлъ государства. Этотъ актъ извѣстенъ намъ въ большихъ подробностяхъ, благодаря двумъ современнымъ историкамъ и еще лучше по одному письму, въ которомъ присутствовавшій при этомъ актѣ архіепископъ ліонскій, напомнилъ впослѣдствіи Людовику Благочестивому, что имъ было совершено. Воспроизведя императору его слова, тогда объявленныя знатнымъ, о ихъ обязанности повиноваться въ будущемъ Лотару, авторъ добавляетъ: „Потомъ вы приказали записать ваше рѣшеніе и повелѣли, чтобы всѣ приложили свою подпись и поклялись, что будутъ соблюдать выборъ и раздѣлъ, какіе вы совершили“ [2]. Это именно была присяга на пови-

[1] *Vita Ludovici ab Anonymo*, c. 21: «Humillima subiectione se eius nutui, secundum consuetudinem Francorum, commendans subdidit».

[1] *Thegan.* 16: «Ex omnibus provinciis... omnes qui sub ditione erant patris sui... fidem erga eum observare et spontaneum obsequium obtulerunt». Въ этой фразѣ надо отмѣтить одновременное употребленіе словъ *fides* и *obsequium*.

[2] *Agobardi archiepiscopi epistolae*, Bouquet, VI, 367: «Deinde gesta scribere mandastis, scripta signare et iurare omnes iussistis ut talem electionem et divisionem sequerentur ac servarent».—Надо замѣтить, что архіепископъ напоминаетъ эти факты лишь для того, чтобы убѣдить императора не уничтожать перваго раздѣла.

новеніе государю; слѣдовательно, это—клятва на подданничество.

Такая же клятва повторена была въ 821 году. Людовикъ Благочестивый „пересмотрѣлъ актъ предыдущаго раздѣла“ [1]; онъ собралъ на *conventus* въ Нимвегенѣ часть графовъ имперіи [2], чтобы заставить этихъ графовъ и своихъ оптиматовъ „гарантировать клятвами“ новый актъ [3]. Для тѣхъ, кто не присутствовалъ на этомъ собраніи, онъ созвалъ другое въ Тіонвилѣ, и тамъ „всѣми остальными была принесена та же клятва, какая была принесена частью знатныхъ въ Нимвегенѣ“ [4].

Въ 832 году Карлъ Лысый становится королемъ Аквитаніи, и тотчасъ же „правители страны клянутся ему въ повиновеніи“ [5]. Въ 837 году онъ становится королемъ Нейстріи; „сенъ-денисскій аббатъ, графъ парижскій и другіе, жившіе въ той же странѣ, образовали *conventus* и клятвою закрѣпили свою вѣрность“ [6]. Въ слѣдующемъ году происходитъ новый раздѣлъ между четырьмя братьями;

[1] *Einhard.* Annales, anno 821: «Consitutam annis superioribus atque conscriptam inter filios suos regni partitionem recensuit».

[2] *Ibidem*: «Conventus Noviomagi condictus est, comitesque qui illuc venirent deputati».

[3] *Ibidem*: «Ac iuramentis optimatum qui tunc adesse potuerunt, confirmavit».

[4] *Einhard.* Annales, anno 821, in fine: «Sacramento, quod apud Noviomagum pars optimatum iuraverat, generaliter consummato».

[5] *Nithard.* I, 4: «In eius obsequio primatus populi... iurat».

[6] *Ibidem*, I, 6: «Hilduinus abbas S. Dionysii, Gerardus comes Parisius civitatis, ceterique omnes praedictos fines inhabitantes, convenerunt fidemque sacramento Karolo firmaverunt».

Людовикъ Благочестивый на conventus въ Кьерси назначаетъ Карлу еще Нейстрію; „знатные Нейстріи, находившіеся на собраніи, вложили свои руки въ руки Карла и клятвою связали свою вѣрность; тѣ, кто не присутствовалъ, принесли впослѣдствіи такую же клятву“ [1].

При восшествіи на престолъ сына Карла Лысаго мы всего яснѣе видимъ, каковы были соблюдавшіяся въ такомъ случаѣ правила, ибо повѣствующій о событіяхъ историкъ былъ человѣкомъ, видѣвшимъ ихъ и принимавшимъ въ нихъ участіе. Гинкмаръ намъ говоритъ, что въ то же время, какъ Людовикъ Косноязычный „былъ посвященъ и коронованъ королемъ“, епископы „коммендировались ему со своими церквами, обязавшись быть вѣрными ему въ совѣтѣ и помощи по мѣрѣ своего разумѣнія и своихъ силъ“ [2]. Аббаты поступили какъ епископы. Въ свою очередь и „знатные королевства и вассалы короля ввѣрили себя ему посредствомъ *commendatio* и, согласно обычаю, клятвенно обѣщали вѣрность“ [3].

[1] *Astronom.* c. 59: «Neustriam ei attribuit; et praesentes Neustriae primores Karolo manus dederunt et fidelitatem sacramento obstrinxerunt. Absentium autem quisque postea idem fecit».—Такъ же въ 839 году Людовикъ беретъ съ собою сына Карла въ Аквитанію, «ibique fideles suos filio suo Karolo cum solitis sacramentis commendari fecit. Quidam fidelitatam denegarunt» (*ibidem*, c. 61).

[2] *Annales Bertinenses* ab Hincmaro, anno 877, edit. Dehaisnes, 261: «Consecratus et coronatus est in regem Ludovicus ab Hincmaro, et episcopi se suasque ecclesias illi... commendaverunt, profitentes secundum suum scire et posse, iuxta suum ministerium, consilio et auxilio illi fideles fore».

[3] *Ibidem*: «Abbates autem et regni primores ac vassali regii se

Этотъ обычай достаточно ясно обозначенъ, если не ошибаемся, въ рядѣ фактовъ, перечисленныхъ нами и располагающихся между 753 и 877 годами. При вступленіи на престолъ каждаго новаго короля со стороны знатныхъ совершается актъ подчиненія. Современные писатели именуютъ этотъ актъ различными выраженіями; продолжатель Фредегарія называетъ его *subiectio principum*; анонимный историкъ Людовика Благочестиваго обозначаетъ его разными словами, среди которыхъ мы находимъ: *se commendare* и еще *se subdere nutui*; онъ прибавляетъ, что это подчиненіе униженное — *humillima subiectio*, и дальше то же подчиненіе обозначено у него терминомъ *fidelitas* [1]. Теганъ называетъ это *fides* и въ то же время *obsequium*, „вѣрность и послушаніе". Нитгардъ въ трехъ мѣстахъ, относящихся къ тому же предмету, пользуется терминами *obsequium*, *fides* и *commendatio* [2]. Гинкмаръ одновременно или поочередно употребляетъ слова *commendatio* и *fidelitas*. Значеніе всѣхъ этихъ терминовъ одно и то же: говорится о личномъ подчиненіи каждаго изъ знатныхъ, каждаго епископа, каждаго аббата, каждаго дворцоваго сановника, каждаго герцога или графа. Подчиненіе скрѣпляется и гарантируется клятвой, приносимой новому королю каждымъ изъ этихъ людей.

illi commendaverunt, et sacramentis secundum morem fidelitatem promiserunt».

[1] «Fidelitatem sacramentis obstrinxerunt» (c. 59).

[2] *Nithard*. I, 4, въ началѣ: «In eius obsequio iurat». I, 6, въ серединѣ: «Fidem sacramento firmaverunt». I, 6, въ концѣ: «Fidem sacramento commendati firmaverunt».

До насъ дошли формулы этой клятвы. Въ одной изъ нихъ епископъ говоритъ: „По мѣрѣ моего разумѣнія и моихъ силъ, съ благословенія Бога, совѣтомъ и помощью буду я вѣренъ вамъ, буду вамъ содѣйствовать держать и сохранять данное вамъ Богомъ государство, во исполненіе его воли и къ славѣ святой церкви, на вашу королевскую славу и безопасность, на безопасность всѣхъ тѣхъ, кто будетъ вѣренъ вамъ" [1].

2.

Клятва частныхъ лицъ.

Обязанность приносить клятву въ вѣрности не ограничивалась знатными. Клятва на подданничество, приносившаяся прежде всего приближенными короля, повторялась затѣмъ во всемъ государствѣ.

Вотъ какъ выражается Карлъ Великій въ одномъ изъ капитуляріевъ 789 года: „Что касается присяги, которая должна приноситься намъ и нашимъ сыновьямъ, то она должна быть дана въ слѣдующихъ выраженіяхъ: Симъ я, такой-то, обѣщаю господину моему, королю Карлу и сыновьямъ его, что я вѣренъ ему и пребуду ему

[1] *Formulae*, Rozière, № 6; Pertz, Monumenta, t. XIII, 518: «Quantum sciero et potuero, adiuvante Domino, consilio et auxilio secundum meum ministerium fidelis vobis adiutor ero, ut regnum quod vobis Deus donavit vel donaverit, ad ipsius voluntatem et sanctae ecclesiae ac debitum regium honorem vestrum et vestram fideliumque vestrorum salvationem habere et continere possitis». — У насъ есть формула клятвы, принесенной архіепископомъ Гинкмаромъ, въ его сочиненіяхъ, *Migne*, I, col. 1125.

вѣрнымъ во всѣ дни моей жизни безъ обмана или лукавства" [1]. Замѣтимъ себѣ, что Карлъ Великій не осуществляетъ здѣсь какое-нибудь нововведеніе; онъ не устанавливаетъ присяги; этотъ капитулярій не что иное, какъ инструкція посылаемымъ въ провинціи должностнымъ лицамъ [2]; государь напоминаетъ, каковы ихъ обязанности: требовать клятвы отъ имени короля являлось одною изъ нихъ. Клятва должна была произноситься въ опредѣленныхъ выраженіемъ, и *missi* обязывались наблюдать за точнымъ выполненіемъ оффиціалной формулы.

Дѣло считалось настолько важнымъ, что сборникъ капитуляріевъ содержитъ на этотъ счетъ много другихъ инструкцій королевскимъ чиновникамъ. Клятва должна была приноситься всѣми. Въ капитуляріи 792 года Карлъ Великій перечисляетъ всѣ категоріи обязанныхъ ею людей. Онъ называетъ епископовъ, аббатовъ, архидіаконовъ, канониковъ, приходскихъ священниковъ, всѣхъ клириковъ и всѣхъ монаховъ. Онъ называетъ графовъ, королевскихъ вассаловъ, викаріевъ, сотниковъ и, наконецъ, „всѣхъ людей вообще". Дѣти должны приносить клятву съ двѣнадцатилѣтняго возраста. Государь прибавляетъ еще, что всѣ жители каждаго округа должны приносить клятву, и

[1] Капитулярій 789 года, Boretius, 63, art. 18: «De sacramentis fidelitatis causa, quod nobis et filiis nostris iurare debent, quod his verbis contestari debet: Sic promitto ego ille partibus domini mei Caroli regis et filiorum eius, quia fidelis sum et ero diebus vitae meae sine fraude et malo ingenio».

[2] Это *legationis edictum*, данный отправляющимся въ объѣздъ *missi*.

поочереди называетъ „людей епископскихъ", „людей графскихъ", „людей прочихъ лицъ", то-есть, зависимыхъ отъ крупныхъ владѣльцевъ; такимъ образомъ зависимое населеніе, свободное лишь по имени и подчиненное сеніорамъ, не избавлено отъ клятвы королю. Даже колоны короля, колоны крупныхъ владѣльцевъ, церковные колоны, сервы, по крайней мѣрѣ, тѣ изъ нихъ, которые находились въ болѣе независимомъ состояніи, управляющіе помѣстьями или тѣ, кому господинъ дозволялъ носить оружіе, всѣ должны были приносить клятву: „omnes iurent". Слѣдовательно, то была всеобщая клятва.

Карлъ Великій нѣсколько разъ возвращается къ этому вопросу. Если въ его положеніи, какъ монарха, происходитъ какая-нибудь перемѣна, когда, напримѣръ, къ его титулу короля присоединяется титулъ императора, то на всемъ протяженіи государства всѣ люди возобновляютъ присягу [1]. Въ 805 году чиновникамъ напоминается, что есть много людей, не присягавшихъ въ предыдущіе годы потому, что они были еще дѣтьми; ихъ надо призвать и заставить принести клятву [2]. Въ 806 году Карлъ Великій измѣнилъ положеніе своихъ трехъ сыновей, и только изъ-за этого клятва опять повсемѣстно возобновляется [3].

[1] Капитулярій 802 года ст. 2; Boretius, 92: «Praecepit, ut omnis homo in toto regno suo... nunc ipsum promissum nominis Cesaris faciat».

[2] *Capitularia*, Boretius, p. 124, c. 9: «Et infantis, qui antea non potuerunt propter iuvenalem aetatem iurare, modo fidelitatem nobis repromittant».

[3] *Boretius*, 131: «Omnes denuo repromittant».

Надо замѣтить, что присяга не являлась обычаемъ, спеціально присущимъ какому-нибудь данному классу людей, какому-нибудь племени или области. Если встрѣчаемъ ее въ мѣстностяхъ, гдѣ могла преобладать франкская или германская кровь, то она попадается также въ Аквитаніи. Людовикъ Благочестивый въ 839 году хочетъ отдать эту страну сыну своему Карлу; онъ созываетъ аквитанцевъ и заставляетъ ихъ „коммендировать себя Карлу и клятвою гарантировать свою вѣрность“ [1]. Мы находимъ практику присяги даже среди населенія города Рима. Въ 816 году папа Стефанъ „повелѣлъ, чтобы весь народъ римскій клятвенно обѣщалъ вѣрность императору Людовику“ [2].

Для осуществленія этихъ милліоновъ клятвъ установился обычай, чтобы представитель короля, *missus* или графъ, по мѣрѣ того, какъ объѣзжалъ свою область, созывалъ населеніе каждаго города или каждаго округа [3]. Каждый клялся, называя свое имя. Всѣ имена вносились въ списки, а списки посылались во дворецъ [4].

До насъ дошло два такихъ списка. Въ одномъ фигурируетъ сто восемьдесятъ именъ; въ другомъ — шестьдесятъ четыре [1]. Это все имена простыхъ свободныхъ людей. Среди нѣкоторыхъ встрѣчаемыхъ тамъ указаній на званія нѣтъ совсѣмъ ни герцоговъ, ни графовъ или королевскихъ „vassi“, ни епископовъ или священниковъ. Клятву въ вѣрности королю здѣсь принесли, видимо, люди низкаго происхожденія. Очевидно также, что общество не имѣло еще поистинѣ феодальнаго устройства; всѣ люди остаются подданными общаго государя.

У насъ сохранилось нѣсколько формулъ такой клятвы. Одна изъ нихъ слѣдующая: „Отнынѣ впередъ я объявляю себя вѣрнымъ господина Карла, чистосердечно, безъ обмана или лукавства противъ него съ моей стороны и во славу его государства, какъ по праву подобаетъ человѣку быть вѣрнымъ своему господину [2]. Подъ этимъ условіемъ да

[1] *Nithard*. I, 8: «Ut illi se commendarent suasit, iussit; qui omnes commendati eidem sacramento fidem firmaverunt».— *Annales Bertin*. a. 839.

[2] *Thegan*. c. 16: «Stephanus papa iussit omnem populum romanum fidelitatem cum iuramento promittere Ludovico».—См. формулу клятвы императору римскаго духовенства и народа у *Bouquet*, VI, 173.

[3] Капитулярій 792 года, ст. 4; Boretius, 67: «Ipsi missi... et comites similiter de singulis centenis».

[4] *Ibidem*: «Et nomina vel (et) numerum de ipsis qui iuraverunt ipsi missi in brevem secum adportent, et comites similiter...»

[1] Первый не датированъ; повидимому, онъ относится къ послѣднимъ годамъ царствованія Карла Великаго; этотъ списокъ можно найти у *Boretius*, 377. Второй относится въ 854 году, этотъ списокъ можно найти у *Baluze*, II, 71 [и у *Pertz*, 429].—Первый составленъ, повидимому, въ какой-нибудь итальянской области подчиненной Карлу Великому: въ немъ упомянуты два «gastaldi», два «scabini», три «notarii»; въ немъ насчитывается пятьдесятъ четыре имени латинскаго начертанія. Второй списокъ содержитъ имена людей, принесшихъ клятву «in mallo Remis»; единственное наименованіе должности или службы, которое здѣсь встрѣчается, это наименованіе «decanus», примѣненное къ десяти изъ этихъ людей (есть ли «decanus» — «iudex» въ «decania», или это сервъ, прикащикъ въ помѣстьѣ?). Здѣсь всѣ имена, за исключеніемъ четырехъ, носятъ германскую форму.

[2] *Boretius*, 101: «Sacramentale qualiter repromitto ego quod ab isto die in antea fidelis sum domno Karolo piissimo imperatori, filio Pippini regis et Berthanae reginae, pura mente absque fraude et

поможетъ мнѣ Богъ и святые, благодатныя мощи которыхъ здѣсь находятся; ибо во всѣ дни моей жизни свою волю и, поскольку Богъ дастъ мнѣ, весь разумъ я буду посвящать вѣрности и чистосердечно придерживаться ея“ [1].

Нѣсколько словъ въ данной формулѣ показываютъ намъ, что клятва произносилась надъ мощами [2]. То была религіозная присяга. Богъ и святой, надъ мощами котораго ее приносили, были въ ней поручителями.

Употребленный въ ней терминъ „fidelis“ ну-

malo ingenio de mea parte ad suam partem, et ad honorem regni sui, sicut per directum debet esse homo domino suo».—Эта формула примѣнялась въ 802 году, когда все населеніе должно было возобновить клятву, «repromittere».—Другая формула содержится въ капитуляріи 860 года, *Baluze*, II, 146: «Firmitas quam ab hominibus missi nostri debent recipere, ista est: De ista die in ante Karoli regnum illi non forconsiliabo neque werribo. Sic me Deus adiuvet et istae sanctae reliquiae».

[1] Формула изъ капитулярія 860 года, *Baluze*, II, 146: «Si (sic) me Deus adiuvet et ista sanctorum patrocinia quae in hoc loco sunt, quia diebus vitae meae per meam voluntatem, in quantum mihi Deus intellectum dederit, sic attendam et consentiam».—Другая подобная формула у *Boretius*, 102; *Rozière*, №№ 3 и 3 bis. Капитулярій 789 года содержитъ формулу, болѣе краткую, чѣмъ цитированная нами выше.—Клятва, принесенная населеніемъ Карлу Лысому, была формулирована такъ: «Ego ille Karolo Hludowici et Iudithtae filio ab ista die in ante fidelis ero secundum meum savirum, sicut francus homo per rectum esse debet suo regi» (15-й капитулярій Карла Лысаго 854 года, статья 13).

[2] *Boretius*: «Ista sanctorum patrocinia quae in hoc loco sunt».—Клятва, принесенная Карлу Лысому, кончается такъ: «Sic me Deus adiuvet et istae reliquiae».—Римскій народъ также клянется «per Deum omnipotentem et per ista sacra Evangelia et per corpus beatissimi Petri» (*Bouquet*, VI, 173).

ждается въ поясненіи. Этотъ условный, неопредѣленный самъ по себѣ терминъ имѣлъ значеніе, съ теченіемъ времени измѣнявшееся. Въ одномъ капитуляріи Карлъ Великій самъ объяснилъ понятіе, которое онъ соединялъ съ словомъ вѣрность, и вытекавшее отсюда значеніе клятвы. „Надобно, чтобы всѣ люди понимали, какъ велики и многочисленны обнимаемыя этой клятвой обязательства“, говоритъ онъ [1]. Дѣло не ограничивается здѣсь обязанностью сохраненія вѣрности государю императору въ томъ, чтобы не посягать на его жизнь и не вводить въ его государство непріятелей, какъ думали многіе до сихъ поръ. Всѣ должны знать, что клятва въ вѣрности обнимаетъ все то, что будетъ нами ниже указано [2]:

„Во-первыхъ, каждый долженъ лично сохранять себя въ служеніи Богу и соблюденіи его заповѣдей всѣмъ своимъ разумомъ и всѣми силами, ибо государь императоръ не можетъ одинъ нести на себѣ надзоръ за каждымъ изъ своихъ подданныхъ и его исправленіе [3].

[1] Капитулярій 802 года, ст. 2; Boretius, 92: «Qualiter unusquisque intellegere posset quam magna in isto sacramento et quam multa conprehensa sunt».

[2] «Non, ut multi usque nunc existimaverunt, tantum fidelitate domno imperatori usque in vita ipsius et ne aliquem inimicum in suum regnum inducat, et ne alicui infidelitate illius consentiant... sed ut sciant omnes istam in se rationem hoc sacramentum habere».

[3] Ст. 3: «Primum ut unusquisque et persona propria se in sancto Dei servitio secundum Dei preceptum et secundum sponsionem suam pleniter conservare studeat secundum intellectum et vires suas, quia ipse domnus imperator non omnibus singulariter necessariam potest exhibere curam et disciplinam».

„Во-вторыхъ, никто не долженъ ни вѣроломствомъ, ни хитростью, ни обманомъ, ни соблазномъ, ни цѣною денегъ завладѣвать сервомъ государя императора, или захватывать его землю, или брать, что-либо принадлежащее ему; если бѣжитъ кто-нибудь изъ колоновъ фиска, никто да не осмѣлится привлекать его къ себѣ или скрывать его у себя [1].

„Никто не долженъ совершать обмана, грабежа или наносить какую-либо обиду святымъ божьимъ церквамъ, вдовамъ, сиротамъ, путникамъ, по той причинѣ, что государь императоръ поставленъ ради покровительства имъ и ихъ защиты [2].

„Никто, держащій отъ государя императора бенефицій, не долженъ разорять или истощать эту землю его или обращать ее въ свою личную собственность [3].

„Никто не долженъ осмѣливаться противиться воинскому призыву государя императора, то-есть,

[1] Ст. 4: «Secundo, ut nullus homo neque cum periuri neque alli ullo ingenio vel fraude per nullius umquam adolationem vel praemium, neque servum domni imperatoris neque terminum neque terram nihilque quod iure potestativo permaneat, nullatenus contradicat neque abstrahere audeat... Ut nemo fugitivos fiscales suos celare neque abstrahere presumat».

[2] Ст. 5: «Ut sanctis ecclesiis Dei neque viduis neque orphanis neque peregrinis fraudem vel rapinam vel aliquit iniuriae quis facere presumat, quia ipse domnus imperator... eorum et protector et defensor esse constitutus est».

[3] Ст. 6: «Ut beneficium domni imperatoris desertare nemo audeat, propriam suam exinde construere».—*Desertare* означаетъ здѣсь, кажется, лишать землю колоновъ, скота, то-есть, дѣлать помѣстье бездоходнымъ.

каждый обязанъ вооружаться и итти на войну при всякомъ требованіи государя [1].

„Никто не смѣетъ ослушаться никакого призыва или приказа государя императора, или противиться его службѣ, или итти наперекоръ его волѣ и его приказаніямъ [2]. Никто не долженъ осмѣлиться не платить ему налога или чего бы то ни было, что должно ему“ [3].

Все что перечислено здѣсь, составляетъ весьма разнообразныя и очень обширныя обязанности. Всѣ онѣ входятъ въ кругъ того, что̀ называлось тогда вѣрностью государю [4]. Всѣ подданные, приносившіе присягу на вѣрность, тѣмъ самымъ клялись ихъ исполнять. Чтобы никто не ошибся въ томъ, на что онъ обязывался, королевскій чиновникъ раньше, чѣмъ требовать клятвы, произносилъ передъ собравшейся толпой рѣчь, въ которой объяснялъ присутствующимъ подданнымъ все значеніе и весь объемъ этой клятвы [5].

[1] Ст. 7: «Ut ostie bannum domni imperatori nemo pretermittere presumat...»

[2] Ст. 8: «Ut nullum bannum vel preceptum domni imperatori nullus omnino in nullo marrire praesumat, neque opus eius tricare vel inpedire vel minuere vel in alia contrarius fierit voluntati vel praeceptis eius».

[3] «Ut nemo debitum suum vel censum marrire ausus sit».—Дальше слѣдуютъ другія предписанія относительно обязанностей въ области правосудія; мы къ нимъ вернемся.

[4] «Hec omnia supradicta imperiali sacramento observari debetur».

[5] Таковъ смыслъ слѣдующихъ словъ статьи 2-й: «Precipit imperator... ut omnes (omnibus) traderetur publice qualiter unusquisque intellegere posset...» Обычай произнесенія рѣчи государственнымъ чиновникомъ, на котораго было возложено объясненіе

3.

Послѣдствія клятвы: подданные становятся вѣрными.

Посмотримъ теперь, каковы оказались послѣдствія описаннаго обычая. Прежде всего бросается въ глаза, что подданные превращаются въ вѣрныхъ. Это вытекало изъ самыхъ выраженій ихъ клятвы. Надо также обратить вниманіе, что слово „вѣрный“ на языкѣ VIII и IX вѣковъ не имѣло еще феодальнаго значенія, какое соединится съ нимъ впослѣдствіи: оно примѣнялось ко всѣмъ людямъ и указывало на ихъ обязанности по отношенію къ королю. Король адресуетъ иногда свои законодательные акты „всѣмъ своимъ вѣрнымъ, настоящимъ и будущимъ“ [1]. Но въ ту же эпоху

смысла клятвы, еще лучше выраженъ въ капитуляріи 792 года (*Boretius*, 66) ст. 1: «Quam ob rem ista sacramenta sunt necessaria per ordine ex antiqua consuetudine (missi nostri) explicare faciant»;— ст. 5: «Explicare debent ipsi missi...» См. также капитулярій 811 года, *Boretius*, 117, art. 13: «Ut missi nostri... aperiant et interpretentur illis hominibus qualiter ipsum sacramentum et fidelitatem erga nos servare debeant».

[1] «Carolus... omnibus fidelibus nostris tam praesentibus quam futuris» (актъ 775 года, у *Tardif*, № 72). Также *Tardif*, №№ 66, 63, 108, 112: «Notum esse volumus omnibus fidelibus praesentibus atque futuris» (*ibidem*, № 124). «Notum esse universis nostris fidelibus credimus» (*ibidem*, № 89). Замѣтимъ, однако, что иногда слово *fideles* спеціально примѣняется, повидимому, къ королевскимъ чиновникамъ, когда, напримѣръ, Карлъ Великій говоритъ: «Notum sit omnium fidelium nostrorum magnitudini» (*Tardif*, № 76); титулъ «magnitudo» можетъ относиться лишь къ графамъ или къ должностнымъ лицамъ того же разряда.

слово „вѣрные“ означало также вѣровавшихъ во Христа, то-есть, христіанъ [1]. Послѣдствіемъ этого было сліяніе обоихъ выраженій: король адресовалъ свои грамоты „всѣмъ вѣрнымъ святой церкви и нашимъ“. Такая формула, въ которой вѣрность Богу смѣшивалась съ вѣрностью королю, сдѣлалась господствующей до конца царствованія Карла Лысаго [2].

Подобно тому, какъ всѣ подданные были вѣрными, *fideles*, до тѣхъ поръ, пока исполняли всѣ обязательства своей клятвы, такъ тотъ, кто не исполнялъ одного изъ этихъ обязательствъ, становился „невѣрнымъ“, *infidelis*. Такъ какъ кромѣ того въ стилѣ того времени и въ понятіяхъ людей король и Богъ всегда ассоціировались, то онъ становился „невѣрнымъ Богу и королю“ [3]. Невѣрность могла выразиться въ различныхъ формахъ. Невѣрнымъ былъ тотъ, кто составилъ заговоръ противъ жизни

[1] Примѣръ: «Ut omnes fideles communicent» (*Baluze*, I, 457).

[2] Актъ Пиппина, 755 годъ: «Cognoscat omnium fidelium Dei et nostrorum, tam praesentium, quam futurorum, sagacitas» (*Tardif*, № 56, подлинникъ).—Актъ Карломана 770 года: «Noverit omnium fidelium Dei et nostrorum sagacitas» (*Migne*, t. XCVI, col. 1578).—Актъ 814 года: «Cunctis fidelibus sanctae Dei ecclesiae et nostris iubemus» (*Tardif*, № 104; также №№ 107, 109). «Praeceptum pro Hispanis», 815 года, ст. 7; *Boretius*, 262.—«Dei ac nostros fideles», въ мерсенскомъ договорѣ 851 года.—Бертинская хроника, стр. 75.—«Notum sit omnium fidelibus sanctae Dei ecclesiae et nostris», въ актахъ Карла Лысаго, *Tardif*, №№ 155, 162, 165, 166, 167, 168, 171 и въ пистскомъ указѣ 864 года, ст. 34.

[3] Актъ Пиппина: «Non habetur incognitum qualiter, suadente diabolo, Pippinus filius noster (рѣчь идетъ о возставшемъ въ 791 году Пиппинѣ Побочномъ) cum aliquibus Dei infidelibus ac nostris in vita et regno conatus est tractare...» (*Tardif*, № 96).

короля, но также и тотъ, кто лишь захватилъ принадлежавшую королю землю [1]. Невѣрнымъ королю былъ всякій, причинившій какое-нибудь зло церкви, вдовѣ или бѣдному. Невѣрнымъ королю былъ всякій, кто не повиновался какому-либо изъ его указовъ.

Преступленіе „невѣрности" влекло за собою самую тяжкую кару. Рипуарская Правда, примѣнявшаяся при каролингскихъ государяхъ, постановляла, что „невѣрный" государю человѣкъ наказывался смертью, и имущество его конфисковалось [2]. Людовикъ Благочестивый постановляетъ въ одномъ капитуляріи, что человѣкъ, захватившій принадлежащую королю землю, долженъ считаться невѣрнымъ, такъ какъ нарушилъ клятву вѣрности, и долженъ быть наказанъ „по волѣ государя" [3].

Въ итогѣ, клятва обязывала всѣхъ людей къ строгому повиновенію. Она требовала съ ихъ стороны неограниченной покорности: и то было не одно лишь отрицательное подчиненіе, какое принимаютъ современныя общества, и которое состоитъ въ ненарушеніи законовъ страны, то было активное подчиненіе, выражавшееся въ слѣдованіи всѣмъ повелѣніямъ государя: подчиненіе души почти въ той же мѣрѣ, какъ тѣла, совѣсти, какъ дѣйствій.

[1] «Si quis proprium nostrum... adquirere temptaverit, pro infidele teneatur, quia sacramentum fidelitatis quod nobis promisit irritum fecit, et ideo secundum nostram voluntatem et potestatem diiudicandus est» (капитулярій 819 года, гл. 20; *Boretius*, стр. 285).

[2] *Lex Ripuaria*, LXIX: «Si quis homo regi infidelis exsteterit, de vita conponat et omnes res suas fisco censeantur».

[3] См. примѣчаніе 1-е.

Согласно выраженію современника, каждый обѣщалъ вполнѣ подчиниться волѣ государя, *se principis nutui subdere*, буквально, „мановенію его головы".

Вотъ, чего требовали каролингскіе короли, въ чемъ при началѣ каждаго новаго царствованія они получали обѣщаніе. Значитъ ли это, что ихъ подданные дѣйствительно такъ безгранично имъ повиновались?

Обычай личной клятвы носилъ въ себѣ то первое неудобство, что человѣкъ, сумѣвшій уклониться отъ ея произнесенія, считалъ себя тѣмъ самымъ избавленнымъ отъ всякаго повиновенія. Такое мнѣніе высказано самимъ Карломъ Великимъ въ одномъ изъ капитуляріевъ: „Въ прошломъ году, говоритъ онъ, нѣсколько невѣрныхъ возмутили государство и составили заговоръ на жизнь короля; на допросѣ въ оправданіе свое они отвѣтили, что никогда не клялись въ вѣрности королю" [1].

Вторымъ неудобствомъ было то, что при частой смѣнѣ королей, само правительство вынуждало людей часто возобновлять клятву, а это значило колебать ее. Это рѣзко бросается въ глаза въ царствованіе Людовика Благочестиваго, который нѣсколько разъ уничтожалъ и переправлялъ раздѣлъ своего государства, а также въ царствованіе его сыновей, спорившихъ изъ за королевствъ. Клятвы, которыя такъ легко давались и упразднялись, установили повсюду перемежающуюся вѣрность, то-есть, безпорядокъ.

[1] Капитулярій 792 года, ст. 1 (Boretius, p. 66): «Isti infideles homines magnum conturbium... voluerint terminare... quod fideletatem ei non iurassent».

Въ третьихъ, обычай личной клятвы давалъ людямъ поводъ ставить королю условія. Они стали требовать при клятвѣ различныхъ обѣщаній. Это особенно относится къ знатнымъ. Они соглашались приносить клятву, выпрашивая за это отъ короля должностей, земель и удостовѣреній, что онѣ будутъ оставлены за ними [1]. Такимъ образомъ клятва превращалась въ договоръ.

Притязаніе на слишкомъ большое повиновеніе часто кладетъ начало неповиновенію; исторія Каролинговъ это показываетъ. Государи думали навсегда связать людей религіозною клятвою. Между тѣмъ, при нихъ-то и ослабѣли узы подданства.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

Передача королевской власти.

Надо теперь изслѣдовать, была ли королевская власть Каролинговъ наслѣдственною или избирательною? Зависѣло ли наслѣдованіе престола отъ выбора народа или отъ выбора аристократіи? Былъ ли установленъ абсолютный законъ наслѣдованія? Или же, такъ какъ въ человѣческихъ учрежденіяхъ отсутствуетъ что-либо строго абсолютное, передачей власти управляли заразъ различные принципы?

[1] Это особенно замѣтно при восшествіи на престолъ Людовика Косноязычнаго. См. Бертинскіе анналы, 877 годъ.

I.

Противорѣчія въ документахъ.

Этотъ вопросъ менѣе простъ, чѣмъ кажется. Прежде всего надо сдѣлать замѣчаніе, что въ ту эпоху не было выработано писанной конституціи, которая могла бы дать намъ точный отвѣтъ. Это не значитъ, что въ то время не было множества писанныхъ законовъ; существовали законы всякаго рода и очень различнаго происхожденія: были свѣтскія и духовныя законодательства, римскіе и германскіе своды. Но ни одинъ изъ многочисленныхъ современныхъ кодексовъ не касался государственнаго устройства; ни одинъ не устанавливалъ прерогативъ королевской власти, ни одинъ не дѣлалъ ни малѣйшаго намека на права народа.

Не въ законахъ, стало быть, а у писателей должны мы искать указаній. Но и здѣсь встрѣчается особое затрудненіе. Писатели противорѣчатъ другъ другу.

Съ одной стороны, они употребляютъ выраженія, указывающія на избраніе. Эйнгардъ говоритъ, напримѣръ, что по смерти Пиппина „оба его сына сдѣланы королями съ согласія всѣхъ франковъ“ [1]; онъ говоритъ еще, что въ то время „франки, собравшись на общій *conventus*, поставили надъ собою королями двухъ сыновей Пиппина“ [2].

[1] *Einhard.* Annales, anno 7680: «Filii eius Carolus et Carlomannus consensu omnium Francorum reges creati».

[2] *Ibidem*, Vita Caroli, 3: «Franci, facto sollempniter generali conventu, ambos sibi reges constituunt».

Метцскіе анналы о томъ же событіи сообщаютъ, что оба сына „были возведены на престолъ путемъ избранія всѣхъ знатныхъ“ [1], отступая отъ лѣтописи Эйнгарда лишь въ томъ, что вмѣсто народнаго избранія указуютъ на избраніе знати. Еще болѣе удивительно, что въ самыхъ капитуляріяхъ мы встрѣчаемъ выраженія, какъ бы утверждающія народное избраніе. Въ 806 году Карлъ Великій говоритъ „о королѣ, какого захочетъ избрать народъ“ [2], а Людовикъ Благочестивый предвидитъ въ 817 году случай, когда по смерти короля, оставившаго нѣсколько прямыхъ наслѣдниковъ, „народъ долженъ будетъ собраться для избранія одного изъ нихъ“ [3]. Такъ передъ нами обнаруживается, по крайней мѣрѣ, по первому впечатлѣнію избраніе королей.

Но съ другой стороны, мы всегда видимъ, что сыновья наслѣдуютъ послѣ отца, братья производятъ между собою раздѣлы; система свободнаго избранія не могла бы породить такихъ фактовъ. Было бы удивительно, если бы избраніе неизмѣнно возводило на престолъ именно тѣхъ, кого опредѣляло наслѣдованіе. Затѣмъ еще замѣчательно, что въ исторіи того времени, довольно подробно

[1] *Annales Mettenses*, anno 768: «Carolus rex in Noviomo, Karolomannus in Suessione .. per electionem omnium optimatum in regni solium elevati sunt».

[2] «Quem populus eligere velit». *Divisio imperii*, a. 806, c. 5 (Boretius, стр. 128).

[3] «Si aliquis illorum legitimos filios reliquerit... populus conveniens unum ex eis eligat». *Divisio imperii*, a. 817, c. 14 (Boretius, p. 272).

намъ извѣстной, не видимъ, чтобы собирался весь народъ на совѣщаніе, производилъ выборъ, обсуждалъ его, подсчитывалъ голоса. У современныхъ историковъ никогда не упоминается о столкновеніяхъ, которыя всегда возникаютъ при подобныхъ выборахъ. Наконецъ, въ тѣхъ же документахъ, въ которыхъ мы встрѣтили приведенныя выше фразы, отыскиваются и другія, совершенно противорѣчащія имъ. Напримѣръ, Эйнгардъ, сообщающій, что „франки поставили надъ собой королями сыновей Пиппина“, одной строкой выше говоритъ, что „наслѣдованіе престола доставалось имъ по волѣ Божіей“ [1]. Обѣ фразы, въ которыхъ Карлъ Великій и Людовикъ Благочестивый упоминаютъ объ „избирающемъ короля народѣ“, находятся въ двухъ капитуляріяхъ, которые въ цѣломъ рисуютъ порядокъ, противоположный избирательной системѣ. Замѣтимъ еще одно: тѣ же короли ни въ законахъ, ни въ простыхъ грамотахъ никогда не упоминаютъ, что они правятъ въ силу избранія.

Итакъ, встрѣчаемые въ документахъ термины противорѣчивы. Быть можетъ, это лишь кажущееся противорѣчіе. Оно, возможно, заключается не столько въ самихъ выраженіяхъ, какими пользуются документы, сколько въ нашемъ пониманіи этихъ выраженій. Когда переводимъ слово „*eligere*“ французскимъ словомъ „*élire*“, „избирать“, вполнѣ ли мы увѣрены, что для людей IX вѣка этотъ терминъ имѣлъ то же значеніе, что для насъ послѣднее слово? Когда тѣ люди говорили „per electionem

[1] «Ad quos successio regni nutu divino pervenerat» (*Vita Caroli*, 3).

omnium Francorum", вызывали ли эти слова въ ихъ умѣ то же представленіе, какое вызываютъ въ нашемъ умѣ слова „народное избраніе" или „плебиситъ"? Ихъ языкъ былъ нѣсколько неопредѣлененъ, такъ какъ для обозначенія новыхъ, современныхъ предметовъ или явленій они пользовались старыми словами. Кромѣ того, ихъ умъ не привыкъ, особенно въ политической области, къ тѣмъ точнымъ и рѣзкимъ различіямъ, къ какимъ послѣднее столѣтіе пріучило нашъ умъ. Вотъ почему о франкскихъ учрежденіяхъ мы не должны судить легко по нѣкоторымъ употребляемымъ писателями словамъ.

Итакъ, затронутый нами вопросъ—вопросъ трудный. Самымъ вѣрнымъ средствомъ для его разрѣшенія будетъ наблюденіе всѣхъ фактовъ въ подробностяхъ. Разсмотримъ, что происходило при восшествіи на престолъ каждаго короля, изслѣдуемъ, какъ получилъ престолъ каждый изъ королей. Изъ такихъ послѣдовательныхъ наблюденій мы сможемъ вывести общія правила.

2.

Сыновья Пиппина помазаны папою; королевское достоинство нераздѣльно съ его домомъ.

Намъ незачѣмъ здѣсь повторять, какъ сдѣлался королемъ Пиппинъ въ 753 году; но слѣдуетъ отмѣтить одно мѣропріятіе, принятое имъ въ слѣдующемъ. Папа Стефанъ II прибылъ во Францію и посвятилъ его; онъ помазалъ въ то же время двухъ его сыновей, Карла и Карломана, которые

были еще дѣтьми [1]. Лѣтописцы высказываются объ этомъ единодушно и очень ясно: „Одновременно съ Пиппиномъ папа посвятилъ въ короли двухъ его сыновей" [2]. За этимъ актомъ скрывается мысль, что папа не считалъ необходимымъ избраніе. Онъ заранѣе, не ожидая никакого избранія, помазалъ этихъ двухъ дѣтей. Онъ признавалъ, что по смерти отца оба они будутъ королями; онъ ужъ давалъ имъ титулъ королей и сообщилъ имъ священный характеръ королевскаго достоинства.

У насъ есть письма папы Павла I къ Пиппину Короткому; онъ никогда не называетъ въ нихъ двухъ его сыновей иначе, какъ именуя ихъ королями [3]. Онъ иногда пишетъ самимъ этимъ юношамъ и адресуетъ посланія такъ: „Государямъ моимъ, прекраснѣйшимъ моимъ сыновьямъ, Карлу и Карломану, королямъ франковъ" [4]. Онъ напоминаетъ

[1] Старшему, Карлу (Великому), было тогда около двѣнадцати лѣтъ.

[2] *Einhard*. Annales: «Ad regiae dignitatis honorem consecravit cum eo duos filios eius».—*Annales Laurissenses*: «Et cum eo inunxit duos filios eius in regibus».—*Annales Fuldenses*: «Duos filios eius unxit in reges» (754 годъ).—*Annales Xantenses* (Pertz, II, 222): «Unguntur in reges Francorum Pippinus et duo filii eius».

[3] Письмо Павла I, 759 года (Jaffe, стр. 85): «Cum dulcissima coniuge regina et eximiis natis idem regibus».—Письмо 760 года (стр. 88): «Cum natis idem praecelsis regibus».—Ср. еще письмо 761 года (стр. 95), гдѣ папа называетъ ихъ титуломъ королей и еще римскихъ патрицiевъ; то же самое см. въ письмѣ 763 года (стр. 107).

[4] Письмо папы Павла I, написанное въ 763 году (Jaffe, стр. 103): «Dominis excellentissimis filiis Carolum er Carlomannum regibus Francorum... Paulus papa».—То же самое въ другомъ письмѣ, написанномъ между 761 и 766 годами (Jaffe, 117).

имъ, что „Богъ избралъ ихъ и посвятилъ королями“ [1]. Онъ имъ говоритъ при жизни Пиппина, что „Богъ поставилъ ихъ королями и своимъ посвященіемъ исполнилъ ихъ небеснаго благословенія“ [2].

Изъ этихъ писемъ очевидно, что папа смотрѣлъ на Карла и Карломана, какъ на королей, и не сомнѣвался, что послѣ смерти отца они дѣйствительно будутъ королями. Изъ нихъ вытекаетъ также, что тѣ, кому были адресованы эти письма,—Пиппинъ и его сыновья,—думали, какъ папа. Можемъ ли мы предположить, чтобы мнѣніе папы было абсолютно противоположно мнѣнію свободныхъ людей франкской націи? Но если у франковъ существовалъ законъ избранія, то папа не могъ не знать его или дѣлать видъ, что не знаетъ. Въ то время папство не было еще тою великою силою, какою оно стало впослѣдствіи. Папа былъ тогда простымъ подданнымъ восточнаго императора, епископомъ, которому угрожали лонгобарды, который обладалъ только своею епархіею, былъ болѣе бѣденъ, чѣмъ нѣкоторые епископы во Франціи и не привыкъ еще диктовать свои идеи народамъ Европы. Если бы у франкскаго народа существовало право избирать своихъ королей, папа Павелъ I не имѣлъ бы ни силы, ни смѣлости такъ открыто

[1] Письмо папы Павла I, написанное въ 763 году (Jaffe, стр. 104): «Vos Dominus elegit... et in reges ungui dignatus est».

[2] Письмо Павла I, написанное между 761 и 766 гг. (Jaffe, 118): «Sic enim, praecellentissimi filii, a Deo instituti, Deus in utero matris vos sanctificans ad regale pervexit culmen, et oleo sacro vos unguens celestibus replevit benedictionibus».

противорѣчить этому праву; это было бы даже не искусно съ его стороны.

Вотъ однако другой документъ, трактующій о томъ же фактѣ. Въ одной рукописи Григорія Турскаго,—нынѣ находящейся въ Брюсселѣ,—на послѣдней страницѣ есть примѣчаніе, добавленное переписчикомъ для свѣдѣнія, въ какомъ году она была имъ переписана [1]: „Если ты хочешь знать, читатель, въ какомъ году переписана настоящая рукопись, то знай, что въ 767 году по воплощеніи нашего Господа, во время царствованія блаженнѣйшаго, миролюбивѣйшаго и католическаго короля франковъ, Пиппина, и сыновей его, Карла и Карломана, также королей франковъ“ [2]. Такъ переписчикъ безъ колебанія даетъ титулъ королей двумъ сыновьямъ въ 767 году, въ то время, когда царствовалъ еще отецъ. Онъ поступаетъ такъ потому, „что эти два ребенка получили отъ папы помазаніе въ королевскій санъ священнымъ

[1] См. Григорія Турскаго въ изданіи Arndt и Krusch, въ началѣ 2-й части, стр. 465 и 466. Издатель относитъ эту рукопись къ X вѣку; значитъ, новый переписчикъ по недосмотру переписалъ примѣчаніе переписчика 767 года.—Во всякомъ случаѣ, это примѣчаніе привлекало уже вниманіе ученыхъ; *Mabillon* цитируетъ его въ De re diplomatica, стр. 384.

[2] «Si nosse vis, lector, quibus hic libellus temporibus videatur esse conscriptus... invenies anno ab incarnatione Domini septingentesimo sexagesimo septimo (эта дата подтверждается ниже словами: «Dionisii aecclesia ubi Folradus abbas esse cognoscitur». Фульрадъ дѣйствительно былъ аббатомъ Сенъ-Денисскаго монастыря въ 767 году; она поддерживается также словами: «indictione quinta...») temporibus felicissimi atque tranquillissimi et catholici Pippini regis Francorum et patricii Romanorum... et filiorum eius eorundemque regum Francorum Caroli et Carlomanni».

елеемъ въ то же время, какъ ихъ отецъ"[1]. Переписчикъ добавляетъ даже, что въ тотъ день, когда папа помазалъ ихъ, „онъ обязалъ интердиктомъ и подъ угрозой отлученія весь народъ не избирать впослѣдствіи времени короля изъ другого рода, а всегда избирать потомковъ этихъ королей"[2]. Вотъ что̀ было написано тринадцать лѣтъ спустя послѣ изучаемаго событія. Правда, пишетъ простой неизвѣстный переписчикъ[3], и можно спросить, заслуживаетъ ли онъ довѣрія? Присутствовалъ ли онъ на церемоніи? Слышалъ ли постановленіе папы? Зналъ ли, по крайней мѣрѣ, людей, которые присутствовали и слышали это? Не извѣстно. Мы нѣсколько сомнѣваемся, чтобы мысль папы была выражена въ такихъ опредѣленныхъ словахъ. Изъ примѣчанія переписчика мы хотимъ сдѣлать лишь одинъ выводъ, что онъ самъ, а вмѣстѣ съ нимъ, вѣроятно, и многіе изъ его современниковъ, вѣрили, что папа постановилъ такой опредѣленный интердиктъ. Въ мысляхъ папы помазаніе не имѣло, можетъ быть, такого значенія; но люди думали именно такъ.

Повидимому, все средневѣковье усвоило это мнѣніе. Оно находитъ яркое выраженіе у Сиг-

[1] «Nam ipse Pippinus rex... in regem una cum predictis filiis unctus et benedictus est».

[2] «Et tali omnes interdictu et excommunicationis lege constrinxit ut numquam de alterius lumbis regem in aevo presumant eligere, sed ex ipsorum...»

[3] Повидимому, онъ былъ монахомъ Сенъ-Денисскаго монастыря; это видно изъ настойчивости, съ какой онъ указываетъ, что помазаніе происходило именно въ Сенъ-Дени, «въ церкви святыхъ мучениковъ».

берта Гемблусскаго. „Пиппинъ посвященъ королемъ и сыновья его вмѣстѣ съ нимъ; а черезъ нихъ и всѣ тѣ, которые родятся отъ нихъ, благословлены навѣки и предназначены къ королевскому наслѣдованію; отнынѣ папской анаѳемой престолъ воспрещенъ всякому, кто не принадлежитъ къ этому роду"[1]. Такимъ образомъ, если не папскимъ декретомъ, то вѣрою людей въ существованіе такого декрета было установлено, что съ тѣхъ поръ королевское достоинство должно оставаться закрѣпленнымъ за каролингскою семьею.

Конечно, это не было еще абсолютнымъ наслѣдственнымъ правомъ. Самые термины, которыми, какъ полагали, пользовался папа, указываютъ, что народъ имѣлъ нѣкоторое право избирать своихъ королей. Папа запретилъ избирать королей внѣ каролингскаго рода, но не запретилъ избирать ихъ внутри этого рода.

Итакъ, королевская власть не была наслѣдственною въ полномъ смыслѣ. Такого опредѣленнаго, строгаго закона не существовало. Если сынъ наслѣдовалъ отцу, то это не значитъ, что онъ наслѣдовалъ естественно, по полному праву, какъ при обыкновенномъ наслѣдованіи. Чтобы сынъ царствовалъ, было не достаточно факта смерти отца. Абсолютное наслѣдственное право установится лишь нѣсколько вѣковъ спустя. Во времена Каролинговъ сынъ не вступалъ еще на мѣсто отца

[1] *Sigeberti Chronicon*, Bouquet, V, 375: «Pippinus in regem ungitur cum filliis suis, et per eos generatio eorum in hereditatem regalis successionis in perpetuum benedicitur, et omnis alienigena ab eius invasione apostolico anathemate interdicitur».

подобно тому, какъ впослѣдствіи Людовикъ XIII занялъ мѣсто Генриха IV, а Людовикъ XIV—мѣсто Людовика XIII. Передача власти являлась тогда актомъ болѣе сложной и тонкой природы.

3.

Какъ сдѣлался королемъ Карлъ Великій; согласіе знатныхъ.

Посмотримъ, какъ сдѣлался королемъ Карлъ Великій. Пиппинъ умеръ въ 768 году. Онъ оставилъ двухъ сыновей. Приступаетъ ли франкскій народъ къ избранію, производитъ ли выборъ, подаетъ ли голоса за одного изъ двухъ, или, если происходитъ раздѣлъ, рѣшаетъ ли каждая область, въ чью часть она войдетъ?

Вотъ какъ повѣствуетъ о событіяхъ лѣтописецъ, который былъ его современникомъ. „Передъ своей смертью Пиппинъ повелѣлъ явиться къ нему всѣмъ его знатнымъ, герцогамъ и графамъ, епископамъ и прелатамъ“ [1]. Это было собраніе, но не народное или національное собраніе, а собраніе по преимуществу знатныхъ короля, то-есть, его должностныхъ лицъ. „Тамъ съ согласія всѣхъ *Franci* и всѣхъ знатныхъ или епископовъ Пиппинъ раздѣлилъ государство на равныя части между своими сыновьями [2]. Старшаго, Карла, онъ сдѣлалъ королемъ Австразіи; младшему далъ Бургундію, Провансъ, Септиманію, Альзасъ и Аламаннію; Аквитанію раздѣлилъ на двѣ части“ [1].

[1] *Continuator Fredegarii*, c. 136 [53]; Bouquet, V, 9: «Cernens quod vite periculum evadere non potuisset, omnes proceres suos, ducibus vel comitibus Francorum, tam episcopis quam sacerdotibus, ad se venire precepit».

[2] *Ibidem*: «Ibique, cum consensu Francorum et procerum suorum seu et episcoporum, regnum Francorum equali sorte inter filiis suis, dum adhuc viveret, divisit».

Изъ этого разсказа видно, что передача власти произведена Пиппиномъ. Правда, онъ собралъ знатныхъ, но не они рѣшили, кто будетъ королемъ. Вопросъ о королевской власти даже не поднимался; подразумѣвалось, какъ нѣчто безспорное, что королями будутъ оба брата; обсуждался лишь раздѣлъ между ними провинцій. Раздѣлъ производитъ Пиппинъ: *Pippinus divisit*. Онъ не спрашиваетъ у австразійцевъ, котораго изъ братьевъ они хотятъ имѣть; онъ самъ „назначаетъ королемъ австразійцевъ“ старшаго изъ своихъ сыновей, а Бургундію и Аламаннію „даетъ“ Карломану. Правда, слѣдуетъ обратить вниманіе, что къ раздѣлу онъ приступаетъ „съ согласія“, *cum consensu*, знатныхъ, которыхъ къ себѣ призвалъ.

Проходитъ нѣсколько дней, и Пиппинъ умираетъ. „Тогда, говоритъ лѣтописецъ, Карлъ и Карломанъ, каждый изъ нихъ съ тѣми, кто отъ нихъ зависѣлъ, отправились въ свой главный городъ, Карлъ въ Нуайонъ, Карломанъ въ Суассонъ; тамъ, назначивъ съѣздъ и посовѣщавшись съ своими знатными, и тотъ и другой, оба въ тотъ же день были возведены на престолъ своими вельможами съ со-

[1] *Ibidem*: «Austrasiorum regnum Carlo seniore filio regem instituit; Carlomanno iuniore filio regnum Burgundia, Provintia et Gotia, Alexacis et Alamania tradidit, Aquitania inter eos divisit».

гласія епископовъ“ [1]. При самомъ тщательномъ изслѣдованіи, въ этомъ разсказѣ нельзя найти ни одного слова, которое бы указывало на избраніе. Рѣчь идетъ о церемоніи возведенія на престолъ. Лѣтописецъ намъ раньше сказалъ, что Карлъ и Карломанъ были уже королями, что ихъ части были уже установлены; имъ слѣдовало лишь совершить публичный обрядъ, требовалось, чтобы они были возведены на престолъ „своими знатными“ и епископами. Этотъ именно актъ, безъ сомнѣнія, очень важный въ глазахъ людей, они и осуществили черезъ двѣ недѣли послѣ смерти отца.

Если хотимъ, можемъ выслушать другой разсказъ о тѣхъ же событіяхъ? Эйнгардъ опредѣлённо различаетъ два акта: во-первыхъ, „наслѣдованіе престола досталось двумъ сыновьямъ“ [2]; во-вторыхъ, „франки, собравшись на торжественный *conventus*, поставили ихъ надъ собой королями“ [3].

[1] *Continuator Fredegarii*, c. 137: «His transactis (послѣ погребенія Пиппина) praedicti reges Carlus et Carlomannus, inusquisque cum leodibus suis, ad propriam sedem regni eorum venientes instituto placito, initoque consilio cum proceribus eorum, Carlus ad Novionem urbem et Carlomannus ad Saxonis civitate, pariter uno die a proceribus eorum et consecrationem sacerdotum sublimati sunt in regno».

[2] *Vita Caroli*, 3: «Pippinus diem obiit, superstitibus liberis Karlo et Karlomanno ad quos successio regni divino nutu pervenerat».

[3] *Ibidem*: «Franci, facto sollempniter generali conventu, ambos sibi reges constituunt».—Дальше слѣдуетъ фраза, получившая неправильное толкованіе: «Ea conditione praemissa ut totum regni corpus ex aequo partirentur». Ее переводятъ такъ, будто по смерти Пиппина франки требовали раздѣла; но это противорѣчило бы тому что такъ опредѣленно сказалъ продолжатель Фредегарія. Надо переводить дословно: «Франки устанавливаютъ (и возводятъ на престолъ) двухъ королей, согласно предварительно поставленному (Пиппиномъ) условію, чтобы королевство было раздѣлено на равныя части».

Послѣдними словами онъ указываетъ на церемонію возведенія на престолъ. Авторъ лучше описываетъ ее въ другомъ своемъ сочиненіи, когда разсказываетъ, что Карлъ въ Нуайонѣ, а Карломанъ въ Суассонѣ „приняли знаки королевскаго достоинства“ [1]. Существовалъ дѣйствительно старый обычай, чтобы принятіе знаковъ королевскаго достоинства происходило съ большой торжественностью и въ присутствіи знатныхъ королевства.

Тѣ же факты въ болѣе краткихъ словахъ передаются другими лѣтописцами. Ни у одного изъ нихъ не встрѣчается ни слова, которое указывало бы настоящее избраніе [2]. Изъ совокупности всѣхъ документовъ ясно вытекаетъ, что вступленіе на

[1] *Einhardus*, Annales, anno 768: «Karolus in Noviomo civitate, Karlomannus in Suessona insignia regni susceperunt».—Авторъ говорилъ раньше о «consensus».

[2] *Annales Fuldenses*: «Pippinus diem obiit, filique eius Carlus et Carlomannus infulas regni suscipiunt» (Bouquet, V, стр. 327). *Annales Moissiacenses*: «Pippinus diem obiit, regnumque illius filii sui Karolus et Karlomannus inter se dividunt».—Метцскіе анналы повторяютъ продолжателя Фредегарія съ нѣкоторыми измѣненіями въ словахъ, указывающими, какъ второй лѣтописецъ понялъ перваго. Онъ замѣняетъ слово «proceres» словомъ «optimates»; вмѣсто «regnum divisit» онъ пишетъ «regnum *paterno iure* divisit»; вмѣсто «quisque cum leudibus suis» онъ ставитъ «cum proceribus et optimatibus suis»; онъ замѣняетъ, наконецъ, «a proceribus suis sublimati» словами «per electionem optimatum in solium elevati», видимо, употребляя слово «electionem» въ неопредѣленномъ смыслѣ. Лоршскіе анналы (Bouquet, V, стр. 36; Pertz, I, стр. 146) говорятъ лишь о церемоніи возведенія на престолъ, «elevati in regnum», и указываютъ точное время: это было 7 октября,

престолъ обоихъ королей не обсуждалось, что не происходило даже никакого народнаго или представительнаго собранія, что оба государя считались уже королями со времени ихъ помазанія, что они дѣйствительно сдѣлались королями путемъ передачи имъ власти Пиппиномъ передъ его смертью „съ согласія знатныхъ", и что, наконецъ, этими самыми знатными они были торжественно признаны королями.

Три года спустя, одинъ изъ нихъ умеръ. Карломанъ оставилъ сыновей, но они не царствовали послѣ него, и это ясно указываетъ, что порядокъ наслѣдственной передачи власти не былъ еще установленъ съ абсолютною точностью. Съ другой стороны, мы не видимъ, чтобы народъ собирался для выбора между сыновьями и братомъ Карломана, и чтобы сыновья были устранены народнымъ голосованіемъ; значитъ, не былъ также въ силѣ и законъ избранія. Сыновья Карломана не имѣли, повидимому, никакихъ опредѣленныхъ правъ, такъ какъ отецъ ихъ умеръ, оффиціально не передавъ имъ власти. Такимъ образомъ, былъ моментъ колебанія и замѣшательства. Лѣтописцы не говорятъ намъ, что дѣлало населеніе королевства Карломана; вѣроятно, оно оставалось безразличнымъ и инертнымъ. Они говорятъ о вельможахъ, то-есть, о главахъ церквей или о правителяхъ провинцій: „Епископы и аббаты, герцоги и графы, которые были подданными Карломана, отправились къ Карлу, и

а Пиппинъ умеръ 24 сентября; та же дата—7 октября—указана въ *Annales Tiliani* (Bouquet, V, стр. 18).

онъ принялъ ихъ, какъ подданыхъ; но нѣкоторые изъ знатныхъ высказались за сыновей Карломана и, чувствуя себя слишкомъ слабыми, бѣжали въ Италію" [1]. Итакъ, Карлъ Великій сдѣлался королемъ и въ данной части франкскаго государства; при отсутствіи правильной передачи власти заранѣе, это произошло здѣсь путемъ добровольнаго согласія епископовъ и высшихъ сановниковъ.

4.

Вступленіе Людовика Благочестиваго; назначеніе преемника царствующимъ королемъ.

Попытаемся теперь разсмотрѣть, какъ наслѣдовалъ Карлу Великому Людовикъ Благочестивый;

[1] *Annales Fuldenses*: «Carlomannus decessit II nonas decembris in villa Salmuntiaco; uxor eius et filii in Italiam pergunt, Carlus, habita synodo in Valentianas, Carbonacum venit, ubi omnes episcopi, abbates, comites et duces, qui fuerant patris sui, ad se venientes suscepit, exceptis paucis qui cum uxore Carlomanni (et filiis in Italiam) perrexerunt».—По первому впечатлѣнію можно бы предположить, что цѣлью *conventus* въ Валансьенѣ было отдать престолъ Карлу Великому; но это было бы ошибкой: анналы Эйнгарда, при ближайшемъ изслѣдованіи дальнѣйшихъ событій, показываютъ, что *conventus* имѣлъ мѣсто до смерти Карломана, и нѣтъ указаній на то, чтобы собраніе трактовало о наслѣдованіи престола.—*Einhardus*, Annales, anno 771: «Peracto conventu ad Valentianas, Karolus ad hiemandum proficiscitur; cumque ibi aliquandiu moraretur, Karlomannus frater ante diem secundas nonas decembris decessit. Et rex ad capiendum ex integro regnum animum intendens, Carbonacum villam venit. Ibi Walharium episcopum et Folradum presbyterum et alios plures sacerdotes, comites etiam atque primates fratris sui ad se venientes suscepit. Uxor eius et filii cum parte optimatum in Italiam profecti sunt». Ср. *Annales Tiliani* (Bou-

посмотримъ, главнымъ образомъ, какъ подготовилъ и узаконилъ это наслѣдованіе самъ Карлъ Великій.

Уже въ 781 году Карлъ Великій, находившійся тогда въ Италіи, заставилъ папу посвятить въ короли двухъ сыновей, изъ которыхъ одному было пять лѣтъ, другому три; во время этой церемоніи папа возложилъ имъ на голову корону [1]. Карлъ Великій сдѣлалъ ихъ въ то же время королями, одного— въ Ломбардіи, другого — въ Аквитаніи [2]. Такимъ образомъ Карлъ Великій создалъ двухъ королей безъ всякаго избранія, безъ совѣщанія съ народомъ. Съ того времени оба юноши стали дѣйствительно королями [3] и дѣйствовали, какъ короли: они имѣли дворъ, подписывали грамоты, издавали законы, начальствовали надъ войсками [4].

Двадцать пять лѣтъ спустя, Карлъ Великій пожелалъ сдѣлать новыя распоряженія. У него

quet, V, стр. 18).—Муассакская лѣтопись высказываетъ то же самое въ неопредѣленныхъ выраженіяхъ: «Carolus, consensu omnium Francorum, rex constituitur».

[1] *Einhardus*, Annales, anno 781: «Romam veniens ab Hadriano papa honorifice susceptus est... Pontifex baptizavit filium eius Pippinum, unxitque eum in regem. Unxit etiam et Hludovicum fratrem eius, quibus et coronam imposuit».—*Annales Laurissenses*: «Duo filii Caroli regis inuncti sunt in reges a pontifice».—*Annales Fuldenses*: «Pippinus et frater eius Ludovicus uncti sunt in reges».

[2] *Einhardus*, Annales, ibidem: «Quorum maior, id est Pippinus, in Langobardia, minor vero Hludovicus in Aquitania rex constitutus est».—*Annales Laurissenses*: «Uncti sunt in reges, Pippinus rex in Italiam, et Hludovicus rex in Aquitaniam».

[3] Едва ли надо добавлять, что Карлъ Великій сохранилъ за собою верховную власть даже въ Ломбардіи и въ Аквитаніи.

[4] Астрономъ, гл. 4, Bouquet, VI, стр. 89.

было три сына, онъ становился старъ и нашелъ правильнымъ установить порядокъ наслѣдованія послѣ его смерти. „Онъ созвалъ собраніе знатныхъ и оптиматовъ, чтобы обезпечить миръ между своими сыновьями, и чтобы каждый заранѣе зналъ, какой частью онъ будетъ управлять“ [1]. Эйнгардъ, передающій здѣсь то, что самъ видѣлъ, не говоритъ, что народъ приступилъ къ избранію, не говоритъ даже, что происходило совѣщаніе со „знатными и съ оптиматами“ [2]. Онъ утверждаетъ только, что былъ составленъ писанный актъ раздѣла, и оптиматы подписали его, поклявшись его соблюдать“ [3]. Подписи и клятвы не означали, что знатные были сами какъ бы авторами этого акта; онѣ свидѣтельствуютъ, наоборотъ, о принятіи ими обязательства ему повиноваться. Карлъ Великій пожелалъ даже имѣть подпись папы, и актъ раздѣла былъ посланъ Льву III, который его и подписалъ [4].

Постановленіе, изданное Карломъ Великимъ, сохранилось. Оно не содержитъ въ себѣ упоми-

[1] *Einhardus*, Annales, anno 806: «Conventum habuit imperator cum primoribus et optimatibus Francorum de pace constituenda et conservanda inter filios suos et divisione regni facienda in tres partes, ut sciret unusquisque illorum quam partem tueri et regere debuisset».—То же самое въ лоршскихъ анналахъ.

[2] Фульдская хроника не говоритъ даже о присутствіи знатныхъ: «Partitio regni Francorum ab imperatore facta inter filios suos ut sciret unusquisque eorum quam partem tueri et regere debuisset, si pater eum superstitem relinqueret».

[3] *Einhardus*, Annales: «De hac partitione testamentum factum et iureiurando ab optimatibus Francorum confirmatum».

[4] Письмо доставилъ въ Римъ Эйнгардъ: «Haec omnia litteris mandata sunt et Leoni papae, ut his sua manu subscriberet, per Einhardum missa».

нанія о народномъ избраніи. Императоръ, обращаясь къ своимъ подданнымъ, выражается такъ: „Всѣмъ вамъ извѣстно, что по милости Божіей намъ дано три сына; намъ угодно, чтобы вы знали и о томъ, что мы рѣшаемъ ихъ пріобщить къ данной намъ Богомъ власти и оставить ихъ послѣ себя наслѣдниками нашей имперіи и нашего государства, если есть на то воля Божія [1]. Во избѣжаніе всякаго спора мы раздѣлили все государство на три части и повелѣли записать и опредѣлить границы частей, которыя каждый изъ троихъ долженъ будетъ защищать, и которыми будетъ управлять, дабы каждый изъ нихъ, довольный назначенною ему по повелѣнію нашему долею, защищалъ свои границы, не захватывая предѣловъ своихъ братьевъ“ [2].

Это слова неограниченнаго властелина. Онъ рѣшаетъ, онъ повелѣваетъ. Установленіе наслѣдованія власти и раздѣлъ государства—дѣло его

[1] *Divisio regnorum*, 6 февраля 806 года въ капитуляріяхъ, Baluze, I, 439, Boretius, 126: «Karolus serenissimus augustus, a Deo coronatus, rex Francorum atque Langobardorum, omnibus fidelibus sanctae Dei ecclesiae ac nostris. Sicut omnibus vobis notum esse credimus quomodo nos divina clementia tres nobis dando filios benedictionis suae ditavit munere... ita et hoc vobis notum fieri volumus quod eosdem per Dei gratiam filios nostros regni a Deo nobis concessi consortes habere, et post nostrum discessum imperii vel regni nostri heredes relinquere, si ita divina maiestas adnuerit, optamus».—«Optare» не значитъ желать, а выбирать, слѣдовательно, рѣшать.

[2] «Non ut confuse... litis controversiam eis relinquamus, sed trina portione regni totum corpus dividentes, quam quisque illorum tueri vel regere debeat porcionem describere et designare fecimus... ut sua quisque portione contentus iuxta ordinationem nostram etc.».

рукъ [1]. Онъ не считаетъ даже нужнымъ дѣлить его на равныя части: старшему сыну Карлу онъ опредѣляетъ болѣе значительную часть [2].

Распоряженія, сдѣланныя въ 806 году, остались не осуществленными, благодаря смерти двоихъ изъ трехъ сыновей. Въ 813 году Карлу не приходилось больше производить раздѣла, но чувствуя близость своего конца [3], онъ долженъ былъ совершить передачу власти. „Онъ призвалъ къ себѣ сына своего Людовика, царствовавшаго въ Аквитаніи, и созвавъ на торжественное собраніе знатныхъ со всего королевства, посовѣтовавшись со всѣми, назначилъ его участникомъ своей власти и наслѣдникомъ императорскаго достоинства и возложилъ ему на голову вѣнецъ“ [4]. Въ то же время ему угодно было, чтобы внукъ его Бернардъ сталъ королемъ; „онъ поставилъ его во главѣ Ита-

[1] Правда, въ статьѣ 5 онъ, повидимому, признаетъ за населеніемъ теоретическое право избранія: «Si talis filius cuilibet istorum trium fratrum natus fuerit quem populus eligere velit ut patri suo in regni hereditate succedat, volumus ut hoc consentiant patrui ipsius».—Замѣтимъ однако, что «eligere» не имѣетъ здѣсь, собственно, значенія «избирать». Слова эти означаютъ: если населеніе одного изъ трехъ королевствъ по смерти короля предпочтетъ, чтобы королевское достоинство унаслѣдовалъ сынъ покойнаго, вмѣсто того, чтобы имѣть королемъ одного изъ его дядей, то и т. д.

[2] Статья 3-я предоставляетъ Карлу Нейстрію, Австразію, часть Бургундіи, почти всю Аламаннію, часть Баваріи, Тюрингію, Саксонію, Фрисландію.

[3] *Vita Caroli*, 30: «Cum iam et morbo et senectute premeretur».

[4] *Einhardus*, Vita Caroli, 30: «Vocatum ad se Hludoicum, congregatis sollempniter de toto regno Francorum primoribus, cunctorum consilio, consortem sibi totius regni et imperialis nominis here-

ліи и повелѣлъ называть его королемъ“ [1], показывая тѣмъ, по мнѣнію Эйнгарда [2], яркое доказательство своей доброты. Изъ всего этого очевидно, что царствующій государь дѣлаетъ все, что хочетъ; наслѣдованіе опредѣляется волею отца.

Однако, государь совершаетъ этотъ актъ не иначе, какъ „предъ собравшимися знатными государства“ [3]. Знатные не постановляютъ рѣшенія, но необходимо, по крайней мѣрѣ, чтобы они присоединились къ нему. „Рѣшенія императора приняты всѣми собравшимися очень благосклонно; они казались всѣмъ внушенными ему Богомъ на благо государства“ [4]. Нѣсколько недѣль спустя, Карлъ Великій скончался и Людовикъ „унаслѣдовалъ своему отцу при согласіи и благоволеніи всѣхъ франковъ“ [5].

Эйнгардъ разсказалъ лишь главное. Теганъ, также бывшій современникомъ, при томъ хорошо

dem constituit, impositoque capiti eius diademate, imperatorem et augustum iussit appellari».

[1] *Eginhard*. Annales: «Bernardum nepotem suum, filium Pippini, Italiae praefecit et regem appellari iussit».—То же самое находимъ въ лоршскихъ и фульдскихъ анналахъ и въ Муассакской хроникѣ.

[2] *Vita Caroli*, 19: «Rex pietatis suae (pietas—доброта) praecipuum documentum ostendit cum, filio (Pippino) defuncto, nepotem patri succedere fecisset».

[3] «Congregatis de toto regno primoribus».

[4] *Vita Caroli*, 30: «Susceptum est hoc eius consilium ab omnibus qui aderant magno cum favore; nam divinitus ei propter regni utilitatem videbatur inspiratum».

[5] *Einhardus*, Annales, anno 814: «Summo omnium Francorum consensu et favore patri successit».

освѣдомленнымъ [1], добавляетъ подробности, которыя позволятъ намъ лучше проникнуть въ самые факты.

„Карлъ (Великій), чувствуя близость своего конца, ибо онъ очень состарѣлся, призвалъ къ себѣ сына своего Людовика; онъ созвалъ также общій *conventus* [2], епископовъ, аббатовъ, герцоговъ, графовъ и ихъ замѣстителей“ [3]. То было, какъ

[1] Теганъ былъ духовнымъ лицомъ, хорепископомъ трирской области, но онъ принадлежалъ къ знатному роду (гл. 20 и 50) и хорошо зналъ міръ и дворецъ.

[2] Перевожу такъ «cum omni exercitu»; это объяснится, когда мы опишемъ ниже «conventus». Сравните, впрочемъ, событіе 813 года въ описаніи Тегана и у всѣхъ другихъ лѣтописцевъ: вы замѣтите, что всѣ называютъ словами «conventus generalis» то, что Теганъ обозначаетъ словами «omnis exercitus». *Annales Laurissenses*: «Generali conventu». *Einhardus*, Annales: «Generali conventu». *Chronicon Moissiacense*: «Habuit conventum magnum populi de omni regno et convenerunt episcopi, abbates, et comites et senatus Francorum». *Annales Mettenses:* «Habito generali conventu».

[3] *Thegan*. Vita Ludovici, 6: «Cum intellexit appropinquare diem obitus sui, senuerat enim valde, vocavit filium suum Hludovicum ad se cum omni exercitu, episcopis, abbatibus, ducibus, comitibus, locopositis».—На языкѣ того времени предлогъ *cum* не обозначалъ присоединеніе чего-нибудь, онъ указывалъ лишь различныя части, на какія распадалось какое-нибудь цѣлое; такъ мы сотни разъ читаемъ—«villa cum domibus, campis, vineis», вилла, состоящая изъ домовъ, полей и виноградниковъ. Итакъ, мы не будемъ переводить: «Онъ созвалъ весь *conventus* и кромѣ того епископовъ, аббатовъ, герцоговъ и графовъ». Мы переведемъ: «Онъ созвалъ весь *conventus*, состоявшій изъ епископовъ, аббатовъ, герцоговъ, графовъ и ихъ замѣстителей». Муассакская хроника высказываетъ то же самое въ нѣсколько иной формѣ: Карлъ созвалъ «conventus populi»; «et convenerunt episcopi, abbates, comites et senatus».

видно, собраніе, хотя и многочисленное, но его далеко нельзя назвать народнымъ.

„Во дворцѣ своемъ, въ Ахенѣ, онъ велъ съ ними бесѣду, *colloquium* [1]; съ мягкостью и благородствомъ держалъ онъ имъ рѣчь [2], предупреждая ихъ, что они должны будутъ проявить свою вѣрность его сыну [3]. Потомъ онъ спросилъ ихъ всѣхъ, одного за другимъ, отъ самаго большого, до самаго меньшого, угодно ли имъ, чтобы онъ передалъ достоинство императора сыну своему Людовику" [4].—Можно хорошо представлять себѣ эту сцену. Передъ Карломъ Великимъ находятся всѣ знатные его имперіи, но это знатные, зависящіе отъ него: одни изъ нихъ—епископы или аббаты, имъ самимъ назначенные и въ большей или меньшей степени оставшіеся его придворными; другіе—его герцоги, графы и ихъ замѣстители, должностныя лица короля и подчиненные его особѣ. При такомъ-то составѣ собранія Карлъ Великій сказалъ свое слово, или изложилъ свою волю. Ни обсужденіе, ни голосованіе не имѣли здѣсь мѣста.

Кончивъ говорить, Карлъ Великій немедленно обращается къ каждому отдѣльно, предлагаетъ ему вопросъ и вопрошаемый долженъ отвѣтить тотчасъ же. „Всѣ поспѣшно отвѣчали, что по-

[1] «Habuit generale colloquium cum eis Aquisgrani palatio».

[2] «Pacifice et honeste ammonens».—Мы возвратимся позднѣе къ каролингскому обычаю держать рѣчь на conventus.

[3] «Ammonens ut fidem erga filium suum ostenderent».

[4] «Interrogans omnes a maximo usque ad minimum, si eis placuisset ut nomen suum, id est imperatoris, filio suo Hludovico tradidisset».

ступить такъ, какъ сказалъ государь, — воля Божія [1].

Будемъ остерегаться вкладывать въ эти факты наши современныя понятія о парламентарномъ строѣ и свободномъ обсужденіи. Карлъ Великій не спрашивалъ рѣшенія собранія; онъ требовалъ у каждаго согласія на выраженную имъ волю; а это вовсе не одно и то же; онъ пожелалъ, чтобы такое согласіе было высказано во всеуслышаніе и публично. Въ сущности, оно являлось обязательствомъ, котораго онъ потребовалъ отъ всѣхъ знатныхъ.

По совершеніи описаннаго акта, нѣсколько дней спустя, въ воскресенье, въ царскомъ одѣяніи онъ отправился съ сыномъ въ церковь. Тамъ, выслушавъ богослуженіе, онъ снова сталъ держать рѣчь, обращаясь на этотъ разъ къ сыну, передъ собраніемъ внимавшихъ ему епископовъ и знатныхъ [2]. Онъ объявилъ ему, что тотъ долженъ любить Бога, и бояться его, повиноваться его заповѣдямъ, управлять божьими церквами и защищать ихъ отъ враговъ, почитать епископовъ, какъ сынъ почитаетъ отца, любить свой народъ, какъ отецъ любитъ

[1] «Illi omnes exultanto responderunt Dei ammonitionem esse illius rei». — Въ жизнеописаніи Людовика анонимный авторъ сокращаетъ всю эту длинную сцену, передавая лишь общій ея смыслъ: «Carolus filium ab Aquitania evocavit et rerum summam penes eum futuram esse innotuit» (гл. 20; Bouquet, VI, 96).

[2] «In proxima die dominica ornavit se cultu regio et coronam capiti suo imposuit... Perrexit ad ecclesiam... ante altare... Postquam diu oraverunt, locutus est ad filium suum coram omni multitudine pontificum et optimatum suorum».

дѣтей [1], назначать только неподкупныхъ должностныхъ лицъ и никого не смѣщать безъ справедливой причины [2]. Высказавшись въ такомъ смыслѣ, онъ спросилъ сына, хочетъ ли тотъ сообразоваться съ преподанными ему наставленіями. Людовикъ отвѣчалъ, что отъ всей души съ помощью Божьею будетъ соблюдать завѣты отца [3]. Тогда Карлъ Великій повелѣлъ ему взять корону, бывшую на алтарѣ, и возложить ее на свою голову. По совершеніи этого акта была прослушана литургія, и затѣмъ всѣ возвратились во дворецъ.

Съ того дня Людовикъ Благочестивый сталъ королемъ и императоромъ. Но лишь нѣсколько мѣсяцевъ спустя, по смерти своего отца, онъ началъ осуществлять власть. Онъ оставался въ Аквитаніи, а тогда вернулся въ Ахенъ. „Во время пути всѣ знатные на перебой спѣшили къ нему навстрѣчу“ [4], и каждый изъявлялъ ему покорность, „смиренно выражая подчиненіе, согласно обычаю франковъ“ [5]. Такъ онъ прибылъ въ Ахенъ. Тамъ онъ

[1] «Ammonens eum imprimis Deum diligere ac timere, eius praecepta servare in omnibus, ecclesias Dei gubernare et defendere a pravis hominibus... sacerdotes honorare ut patres, populum diligere ut filios».

[2] «Fideles ministros et Deum timentes constitueret qui munera iniusta odio haberent; nullum ab honore suo sine causa discretionis eiecisset».

[3] «Interrogavit eum si obediens voluisset esse praeceptis suis. At ille respondit libenter obedire et cum Dei adiutorio omnia praecepta quae mandaverat ei pater custodire».

[4] *Vita Ludovici ab Anonymo*, c. 21: «Proceres certatim gregatimque ei obviam ire certabant».

[5] *Ibidem*: «Humillima subiectione se eius nutui, secundum con-

нашелъ въ сборѣ всѣхъ членовъ своей семьи „и нѣсколько тысячъ франковъ“; онъ былъ принятъ всѣми „съ большой радостью и вторично провозглашенъ императоромъ“ [1]. Теперь состоялась церемонія торжественнаго возведенія на престолъ. Самый обычай былъ старый; онъ принадлежалъ эпохѣ Меровинговъ; онъ принадлежалъ также традиціи римской имперіи. Новый государь, выступая въ первый разъ, какъ монархъ, долженъ былъ показаться публично во всемъ блескѣ власти, а толпа, состоявшая главнымъ образомъ изъ вельможъ и придворныхъ, издавали возгласы почитанія, привѣтствуя государя всѣми его титулами.

suetudinem Francorum, commendans subdidit».—Авторъ говоритъ это о Валѣ, но ясно, что такъ поступали всѣ; онъ потому лишь упоминаетъ спеціально Валу, что отъ того именно всего меньше ожидали покорности. Нитгардъ сообщаетъ относительно восшествія на престолъ Людовика Благочестиваго только слѣдующее: «Ab Aquitania protinus Aquis venit, quo undique ad se venientem populum absque quolibet impedimento suae ditioni addixit» (*Nithard.* I, 2).

[1] *Vita Ludovici ab Anonymo*, 22: «Venit Aquis palatium, et a propinquis atque multis Francorum millibus cum multo est favore receptus, imperatorque secundo declaratus».—Мы видимъ, что, говоря о восшествіи, оба біографа Людовика, Теганъ и анонимъ, дополняютъ одинъ другого. Теганъ не упомянулъ о церемоніи вступленія во власть, анонимный же писатель опредѣленно сообщаетъ, что она не была упущена. Точно такъ же говоря о передачѣ власти въ 813 году, анонимный писатель не упоминаетъ о присутствіи знатныхъ, какъ будто видитъ одного Карла Великаго; Теганъ же показываетъ намъ собраніе знатныхъ передъ Карломъ Великимъ, которымъ онъ держитъ рѣчь, и которыхъ поочередно опрашиваетъ. Всѣ приводимыя подробности мы считаемъ одинаково вѣрными, но каждый изъ двухъ историковъ передавалъ лишь тѣ, которыя всего больше его поразили.

Эта церемонія, толпа, восклицанія имѣли, конечно, большое значеніе въ глазахъ людей. Можетъ быть, помимо ея совершенія, они бы сомнѣвались, что король — дѣйствительно король. Быть можетъ, пока не раздались клики почитанія, они бы сомнѣвались, что обязаны ему повиноваться.

Представьте себѣ государя, очень не любезнаго населенію, государя, не соотвѣтствующаго понятію о королевской власти, съ иными, чѣмъ у его современниковъ, вѣрованіями или чувствами; если бы всѣ подданные не захотѣли такого короля, они имѣли бы случай его отвергнуть только на этой церемоніи. Ясно также, что въ привѣтственныхъ возгласахъ толпы, состоявшей изъ свободныхъ людей, подразумѣвалось добровольное согласіе подданныхъ признать новаго государя. Но усматривать въ этомъ нѣчто сходное съ избраніемъ было бы большою ошибкою. Въ дѣйствительности эта церемонія была лишь внѣшнимъ актомъ, которымъ народъ признавалъ своего главу и обязывался ему повиноваться.

Изъ всѣхъ разсмотрѣнныхъ фактовъ вытекаетъ, съ одной стороны, что королевская власть не была избирательною, особенно въ томъ смыслѣ, какой соединяется съ этимъ словомъ въ нашемъ современномъ языкѣ: народъ не выбиралъ и не ставилъ новаго короля. Но, съ другой стороны, изъ нихъ вытекаетъ также, что королевская власть не была въ точномъ смыслѣ и наслѣдственною; смерти отца было недостаточно для того, чтобы королемъ тѣмъ самымъ становился сынъ; онъ не дѣлался королемъ по непосредственному праву;

надо было, чтобы прежній король при жизни передалъ ему свою власть, а вельможи дворца и даже извѣстное подобіе народа согласились принять обязанность ему повиноваться.

5.

Раздѣлъ 817 года; фикція народнаго избранія.

Тѣ же правила находимъ и при сыновьяхъ Людовика Благочестиваго; но они примѣняются съ большимъ колебаніемъ, особенно же съ большею подвижностью. Наслѣдованіе все еще опредѣляетъ царствующій король и дѣлитъ его по своему усмотрѣнію; но совершаетъ онъ это, непремѣнно, публично и съ согласія, искренно или притворно выражаемаго, нѣкоторой совокупности приближенныхъ, дѣйствовавшихъ, повидимому, въ качествѣ будто бы представителей страны. Ограничимся изученіемъ только перваго изъ многочисленныхъ актовъ, издававшихся королемъ Людовикомъ для опредѣленія своего наслѣдства.

Біографъ Людовика разсказываетъ, что въ 817 году „на общемъ собраніи, *placitum generale*, онъ изъявлялъ волю, чтобы старшій сынъ его, Лотаръ, былъ впредь императоромъ вмѣстѣ съ нимъ и именовался этимъ титуломъ, а двухъ другихъ своихъ сыновей, Пиппина и Людовика, онъ послалъ королями въ Аквитанію и въ Баварію, желая, чтобы такимъ образомъ народъ зналъ, какому государю онъ долженъ отнынѣ повиноваться“ [1]. Почти такъ

[1] *Vita Ludovici ab Anonymo*, c. 29: «Imperator in eodem pla-

же высказывается Эйнгардъ: „Людовикъ собралъ въ Ахенѣ общій *conventus*, на которомъ короновалъ сына своего, Лотара, и пріобщилъ его къ своему титулу и къ своей власти; двумъ другимъ сыновьямъ онъ далъ титулъ королей и поставилъ ихъ во главѣ Аквитаніи и Баваріи" [1]. Нитгардъ также говоритъ, что Людовикъ по собственной волѣ раздѣлилъ свое государство и опредѣлилъ части каждаго, какъ захотѣлъ [2].—Согласно еще другому современному біографу, Людовикъ также назначилъ сына своего, Лотара, для принятія послѣ его смерти власти во всемъ государствѣ, данномъ ему Богомъ, черезъ руку отца" [3]. Въ письмѣ, написанномъ впослѣдствіи Эйнгардомъ Лотару, авторъ напоминаетъ, что государь-отецъ „пріобщилъ его къ своему титулу и къ своей власти съ согласія всего

cito filium primogenitum Lotharium imperatorem appellari et esse voluit, et Pippinum in Aquitaniam, Ludovicum in Bajoariam misit, ut scilicet sciret populus cui deberet potestate parere».

[1] *Thegan*, c. 21: «Denominavit Lotharium ut post obitum suum omnia regna, quae ei tradidit Deus per manus patris sui, susciperet, atque haberet nomen et imperium patris».—Фульдскіе анналы и продолжатель Павла Діакона (Bouquet, VI, 173) говорятъ то же, что Эйнгардъ.

[2] *Einhard*. Annales, anno 817: «Generalem populi sui conventum Aquisgrani more solito habuit, in quo filium suum primogenitum Hlotarium coronavit et nominis atque imperii sui socium constituit, ceteros reges appellatos unum Aquitaniae, alterum Baioariae praefecit».

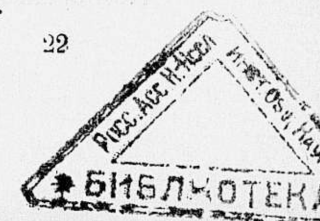
[3] *Nithard*. I, 2: «Filios suos iusto matrimonio iunxit, et universum imperium inter eos ita divisit ut Pippinus Aquitaniam, Ludovicus Baoariam, Lotharius vero post discessum eius universum imperium haberet».

народа, назначивъ ему самого Эйнгарда главнымъ совѣтникомъ и руководителемъ" [1].

Муассакская хроника, совпадающая относительно существа дѣла со всѣмъ выше указаннымъ, входитъ въ болѣе подробное изложеніе событія. „Въ 817 году Людовикъ повелѣлъ, чтобы въ Ахенѣ собрался *conventus* всего народа его государствъ, то-есть, епископы, аббаты, графы и наиболѣе знатные изъ франковъ. Тамъ онъ открылъ свое державшееся имъ до тѣхъ поръ втайнѣ намѣреніе сдѣлать одного изъ своихъ сыновей императоромъ. Весь народъ одобрилъ это. Тогда (не объявляя еще, котораго изъ сыновей онъ выберетъ) Людовикъ предписалъ трехдневный постъ. По истеченіи этого времени онъ выбралъ императоромъ старшаго своего сына, Лотара, и посредствомъ золотой короны сообщилъ ему императорское достоинство при кликахъ народа, возглашавшаго: да здравствуетъ императоръ Лотаръ" [2].—Въ смыслѣ этого

[1] Письма Эйнгарда (изд. Jaffe, № 7; стр. 445; Teulet, № 34) «Cum vos in societatem nominis et regni, consensu totius populi sui, adsumpsit, Meaeque Parvitati praecepit ut vestri curam gererem et vos de moribus corrigendis sedulo commonerem».

[2] *Chronicon Moissiacense*, Bouquet, VI, 171—172: «Ludovicus imperator... iussit esse ibi conventum populi de omni regno vel imperio suo, apud Aquis... id est episcopos, abbates, sive comites et maiores natu Francorum. Et manifestavit eis mysterium consilii sui, quod cogitaverat, ut constitueret unum de filiis suis imperatorem... Tunc omni populo placuit, ut ipse, se vivente, constitueret unum ex filiis suis imperare, sicut Karolus pater eius fecerat ipsum. Tunc tribus diebus ieiunatum est ab omni populo, ac letaniae factae. Post hoc iam dictus imperator Clotarium, qui erat maior natu, imperatorem elegit, ac per coronam auream tradidit ei imperium, populis acclamantibus et dicentibus: Vivat imperator Clotarius».

разсказа ошибиться нельзя. Людовикъ собралъ „*conventus* народа, то-есть, епископовъ и знатныхъ"; этому собранію онъ объявилъ свое рѣшеніе назначить единаго императора; собраніе отвѣтило согласіемъ. Онъ не предоставилъ собранію опредѣлить, кто будетъ императоромъ; по прошествіи трехъ дней онъ объявилъ свой выборъ самостоятельно; собраніе отвѣтило на выборъ одобрительными возгласами.

У насъ есть одинъ еще болѣе цѣнный памятникъ. Епископъ Агобардъ, присутствовавшій при всѣхъ описываемыхъ актахъ, вызываетъ ихъ въ памяти Людовика Благочестиваго въ одномъ письмѣ, посланномъ ему шестнадцать лѣтъ спустя [1]: „Когда вы озаботились о томъ, чтобы сдѣлать вашего сына участникомъ въ вашемъ императорскомъ титулѣ, вы начали съ того, что публично спросили мнѣнія вашихъ вѣрныхъ; вопросъ вашъ былъ слѣдующій: надо или нѣтъ откладывать то, что касается устойчивости государства и силы управленія? [2] Всѣ отвѣтили, что не должно откладывать того, что полезно и необходимо. Тогда вы объявили всѣмъ принятое вами съ очень небольшимъ числомъ совѣтниковъ рѣшеніе [3]; вы сказали именно, что хотите передать титулъ императора одному изъ ва-

[1] *Agobardi Lugdunensis archiepiscopi epistolae*, № 8, Bouquet, VI, 367—368.

[2] «In illo tempore quando filium vestrum participem nominis vestri facere curastis, ita in publicum vestros interrogando hoc inchoastis, dicentes: Quod ad stabilimentum regni pertinet et ad robur regiminis, debet homo diferre an non».

[3] «Cumque omnes respondissent quod utile et necessarium est non esse differendum, statim vos, quod cum paucissimis tractaveratis, omnibus aperuistis».

шихъ трехъ сыновей, тому, кого вамъ укажетъ воля Божья [1]. Вы предписали трехдневный постъ, молитвы и подаянія, дабы всемогущій Богъ открылъ вашему сердцу свою волю [2]. Вы сдѣлали, наконецъ, все, что слѣдовало для того, чтобы никто изъ насъ не сомнѣвался, что ваше рѣшеніе внушено вамъ Богомъ и вложено имъ въ вашу душу [3]. Тогда вы рѣшили, что двое изъ вашихъ сыновей, Людовикъ и Пиппинъ, получатъ двѣ части вашего государства, и что Лотаръ одинъ унаслѣдуетъ все государство въ цѣломъ, потому вы и дали ему участье въ вашемъ титулѣ [4]. Далѣе, вы повелѣли изготовить писанный актъ; вы скрѣпили его подписями; вы предписали, наконецъ, всѣмъ принести клятву, что они будутъ помнить и соблюдать вашъ выборъ и сдѣланный вами раздѣлъ; и всѣ поклялись изъ любви къ миру и согласію" [5].

[1] «Dixistis vos velle... nomen imperatoris uni ex tribus filiis vestris imponeretis, in quo voluntatem Dei quoquomodo cognoscere potuissetis».

[2] «Propter quam (voluntatem Dei) cognoscendam iniunxistis ut facerent omnes ieiunium triduanum, offerrent sacerdotes sacrificia... fieret quoque ab omnibus eleemosyna largior, ut omnipotens Deus infunderet in corde vestro voluntatem suam, et non sineret super alium inclinari voluntatem vestram nisi super eum qui sibi placuisset».

[3] «Perfecistis omnia quae in tali re facienda erant ut hoc a Deo vobis infusum et inspiratum nemo dubitaret».

[4] «Ceteris filiis vestris designastis partes regni vestri, sed ut unum regnum esset, non tria, praetulistis eum illis quem participem nominis vestri fecistis».

[5] «Ac deinde gesta scribere mandastis, scripta signare et roborare... ac iurare omnes iussistis ut talem electionem et divisionem cuncti sequerentur ac servarent. Quod iuramentum nemini visum est spernendum, sed potius opportunum atque legitimum eo quod ad pacem et concordiam pertinere videretur».

Этотъ писанный актъ, этотъ настоящій основной законъ государства дошелъ до насъ. Онъ находится въ сборникѣ капитуляріевъ [1]. Мы видимъ здѣсь въ формѣ и выраженіяхъ, обычныхъ для такого рода актовъ, то же самое, что уже знаемъ отъ Агобарда и современныхъ историковъ, а именно, что Людовикъ Благочестивый распоряжался своимъ государствомъ сообразно одной своей волѣ.

Императоръ начинаетъ указаніемъ, „что во дворцѣ своемъ, въ Ахенѣ, онъ собралъ *conventus* и всю совокупность своего народа",то-есть, знатныхъ и епископовъ [2]. „Наши вѣрные, говоритъ онъ дальше, дали намъ совѣтъ распредѣлить государство по примѣру родителей нашихъ между нашими сыновьями; но хотя совѣтъ этотъ исходилъ и отъ вѣрныхъ и преданныхъ сердецъ, намъ не показалось нужнымъ изъ любви къ нашимъ сыновьямъ нарушить единство данной намъ Богомъ имперіи" [3].

[1] *Capitularia*, edit. Boretius, p. 270.

[2] «Cum nos Aquisgrani palatio nostro more solito sacrum conventum et generalitatem populi nostri congregassemus». — Какъ извѣстно, эпитетъ *sacer* уже нѣсколько вѣковъ примѣнялся ко всему, что касалось государя; говорилось «sacrum palatium». Не думаемъ, чтобы и «sacrum conventum» означало что-либо иное, чѣмъ «regalem conventum» или «nostrum conventum».—«Generalitas populi nostri»: эти слова объяснены въ муассакской хроникѣ, которая говоритъ о томъ же собраніи: «Id est episcopos, abbates, sive comites et maiores natu Francorum». Никто, конечно, не подумаетъ, чтобы во дворцѣ собирался весь народъ. На языкѣ IX-го вѣка слово «populus» не означало того, что въ нашемъ языкѣ означаетъ слово «peuple».

[3] «Actum est ut nos fideles nostri ammonerent quatenus de statu totius regni et de filiorum nostrorum causa, more parentum nostrorum, tractaremus. Sed quamvis haec admonitio devote ac fideliter fieret, nequaquam nobis visum fuit ut amore filiorum unitas imperii Deo nobis conservati divisione humana scinderetur».

Мы находимъ здѣсь подробность, которой нѣтъ въ другихъ документахъ: большинство *conventus* было того мнѣнія, чтобы императоръ произвелъ равный раздѣлъ между своими тремя сыновьями, а императоръ поступилъ противоположно желанію большинства. Съ нѣкоторыми болѣе мудрыми совѣтниками" [1] онъ рѣшаетъ, что доли каждаго не будутъ равными, что въ дѣйствительности у него будетъ лишь одинъ преемникъ.

„А потому мы сочли необходимымъ предписать постъ, молитвы и подаянія, дабы милость Божія внушила намъ то, чего не могла рѣшить наша слабость" [2].—Это значитъ, что раньше, чѣмъ произнести рѣшеніе, государь принимаетъ мѣры къ тому, „чтобы никто не усомнился, какъ говорилъ Агобардъ, что это рѣшеніе внушено ему Богомъ".

„Послѣ трехдневнаго поста и молитвы по волѣ Божіей желаніе наше сошлось съ желаніемъ всего нашего народа на выборѣ старшаго сына нашего, Лотара (будущимъ главой государства)" [3]. По правиламъ оффиціальнаго языка король и народъ поставлены здѣсь на одну доску; но мы знаемъ отъ

[1] «Nobis et his qui sanum sapiunt visum fuit». Таковы именно тѣ «paucissimi», о которыхъ говоритъ Агобардъ: «Id quod cum paucissimis tractaveratis».

[2] «Idcirco necessarium duximus ut ieiuniis et orationibus et elemosinarum largitionibus apud illum (scilicet Deum) obtineremus quod nostra infirmitas non praesumebat».

[3] «Quibus rite per triduum celebratis, nutu Dei actum est ut et nostra et totius populi nostri in primogeniti nostri Hlutarii electione vota concurrerent».

Агобарда и отъ другихъ историковъ, что волю свою высказалъ одинъ государь; со стороны же „народа“ или знатныхъ было лишь присоединеніе къ ней.

Дальше идутъ восемнадцать параграфовъ, въ которыхъ государь выражается языкомъ законодателя; онъ говоритъ: *volumus*, *iubemus*, *praecipiendum nobis videtur*; таковъ обычный языкъ государей. Онъ опредѣляетъ части младшихъ сыновей и устанавливаетъ для нихъ обязанность подчиненія старшему. Воля государя, или, пожалуй, воля нѣсколькихъ совѣтниковъ, дѣлаетъ здѣсь законъ.

Однако въ двухъ статьяхъ императоръ говоритъ о какомъ-то „народѣ“, который долженъ будетъ выбрать себѣ короля. Если одинъ изъ сыновей оставитъ послѣ себя нѣсколькихъ дѣтей, то раздѣла быть не должно, а „народъ, собравшись, долженъ выбрать того, кого пожелаетъ Богъ“ [1]. Если одинъ изъ младшихъ сыновей, Пиппинъ или Людовикъ, умретъ, не оставивъ потомства, то удѣлъ его, рѣшаетъ императоръ, получитъ Лотаръ. Если бездѣтнымъ умретъ Лотаръ, то и тогда онъ запрещаетъ раздѣлъ и хочетъ, чтобы „народъ выбралъ одного изъ двухъ другихъ“ [2].

По первому впечатлѣнію кажется, что здѣсь идетъ рѣчь объ осуществленіи народнаго права.

[1] Ст. 14: «Si aliquis illorum decedens legitimos filios reliquerit non inter eos potestas ipsa dividatur; sed potius populus pariter conveniens unum ex eis, quem Dominus voluerit, eligat».

[2] Ст. 18: «Monemus totius populi nostri devotionem ut, si is filius noster absque legitimis liberis excesserit, propter imperii unitatem in elegendo uno ex liberis nostris eam quam in illius electione fecimus conditionem imitentur».

Но надо отмѣтить два обстоятельства: во-первыхъ, Людовикъ Благочестивый говоритъ о вмѣшательствѣ народа лишь въ двухъ особенныхъ случаяхъ и оставляетъ въ сторонѣ всѣ другіе; во-вторыхъ, въ тѣхъ даже случаяхъ, когда онъ, повидимому, признаетъ за народомъ право избранія, онъ заранѣе предписываетъ „народу“, какое тотъ долженъ принять рѣшеніе. Въ самомъ дѣлѣ, если будетъ два сына, онъ повелѣваетъ, выбрать лишь одного изъ нихъ, не раздѣляясь между ними; если умретъ Пиппинъ и Людовикъ, народу незачѣмъ будетъ выступать, королевство умершаго должно перейти прямо къ старшему брату; и лишь въ случаѣ, если не оставивъ дѣтей, умретъ Лотаръ и два другихъ брата переживутъ его, „народъ“ не долженъ раздѣляться между ними или выбирать другого короля, а долженъ выбрать одного изъ двухъ. Итакъ, тѣ же самыя статьи, въ которыхъ Людовикъ Благочестивый, признаетъ, какъ кажется, право народнаго избранія, въ дѣйствительности имѣютъ цѣлью дать народу извѣстныя предписанія. Не такъ, конечно, говорилъ бы король съ народомъ, который бы обладалъ абсолютнымъ правомъ выбирать своихъ государей и осуществлялъ бы такое право.

Прочитавъ указанныя статьи съ нѣкоторымъ вниманіемъ, мы ясно увидимъ, что монархъ имѣлъ въ виду не народное избраніе, хотя эти два слова и стоятъ въ текстѣ, а воспрещеніе новыхъ раздѣловъ. Объ этомъ одномъ онъ и думаетъ. Надобно понять, что тутъ вскрывается попытка важнаго нововведенія: Людовикъ Благочестивый нарушилъ

соблюдавшійся до тѣхъ поръ порядокъ раздѣловъ. Нововведеніе было смѣлое, ибо онъ заявилъ притязаніе навязать свою волю будущимъ поколѣніямъ. Вотъ почему онъ выводилъ „народъ" и его воображаемое право избранія. Этимъ онъ пытался связать своихъ сыновей и внуковъ. Но историкъ впалъ бы въ ошибку, если бы, выхвативъ эти нѣсколько словъ изъ всего контекста, онъ сдѣлалъ выводъ, что народъ обладалъ правомъ и усвоилъ привычку выбирать своихъ государей. Пусть вспомнитъ, что 18 статей этого законодательнаго акта являются отрицаніемъ такого права.

Употребляемые государемъ термины являются терминами канцелярскими. Они принадлежатъ къ стилю оффиціальныхъ актовъ, и именно такихъ, которые всего дальше отступаютъ отъ того, что выражаютъ будто бы термины. Самое большее, если въ нихъ отражается извѣстное теоретическое понятіе, или легальная фикція; но реальнаго и дѣйственнаго права они не обозначаютъ.

6.

Вступленіе Людовика Заики.

Различныя правила, установившіяся, какъ мы видѣли, при передачѣ королевской власти, всѣ ярко предстанутъ передъ нами въ извѣстьяхъ о вступленіи Людовика Заики. Одинъ современный историкъ точно описалъ, какъ именно перешла власть отъ Карла Лысаго къ его сыну.

Если бы монархія являлась тогда вполнѣ на-

слѣдственною, Людовикъ сталъ бы королемъ въ силу самаго факта кончины отца. Еслибы она была избирательною, мы бы увидѣли, какъ собирался народъ, чтобы рѣшить, признать ли имъ Людовика или какого-нибудь другого Каролинга. Однако, на дѣлѣ не произошло ни то, ни другое.

Карлъ Лысый умеръ 6 октября 877 года. Не лишнимъ будетъ напомнить, что за нѣсколько мѣсяцевъ передъ тѣмъ, 14 іюня, готовясь къ отправленію въ Италію, онъ собралъ *conventus* въ Кьерси. Тамъ, согласно выработавшемуся обычаю, который дальше будетъ изслѣдованъ нами, онъ поставилъ рядъ вопросовъ, и на каждый изъ нихъ *conventus* обязанъ былъ отвѣтить. Четвертый его вопросъ именно касался его сына. Отвѣтъ знатныхъ на данный вопросъ особенно знаменателенъ въ томъ отношеніи, что они, оказывается, не смотрѣли на Людовика, какъ на короля по праву, но и не говорили также, что должны будутъ избрать его. Они говорятъ, что Людовикъ будетъ королемъ „по милости Божіей и по волѣ его отца" [1]. Онъ будетъ королемъ, „если Богъ и царствующій король возведутъ его на престолъ" [2]. Онъ будетъ королемъ „въ назначенной его отцомъ части королевства" [3].

[1] Кьерсійскій указъ 877 года, ст. 4: «Per Dei gratiam et vestram dispositionem».—Такъ высказываются знатные, и они обращаются къ Карлу Лысому; значитъ «vestra dispositio»—приказъ, который будетъ отданъ королемъ Карломъ.

[2] *Ibidem*: «Si Deus et vos in regni regimine sublimaveritis».

[3] *Ibidem*: «In parte denominata illum designaveritis». Эти слова объясняются предположеніемъ, что вновь вступившій въ

Знатные обѣщаютъ, что „если Богъ и отецъ его сдѣлаютъ Людовика королемъ", то они будутъ преданно ему повиноваться. О правѣ избранія не сказано ни слова.

Карлъ Лысый отбылъ въ Италію, не опредѣливъ престолонаслѣдованія. Онъ не возвратился изъ Италіи. Одинъ лѣтописецъ, именно Гинкмаръ, бывшій личнымъ свидѣтелемъ происходившаго, разсказываетъ, что было дальше [1]. Узнавъ о смерти своего отца, Людовикъ не принимаетъ сразу королевскаго титула, и Гинкмаръ еще не называетъ его этимъ именемъ. Людовикъ ограничивается тѣмъ, что собираетъ вооруженную группу друзей [2], готовясь принять королевскую власть, какъ только это станетъ возможнымъ. Въ то самое время жена Карла Лысаго Рихильда возвращается изъ Италіи; 30 ноября она присоединяется въ Компьени къ Людовику Заикѣ и „вручаетъ ему королевскую грамоту, по которой Карлъ Лысый раньше, чѣмъ умереть, передалъ власть своему сыну" [3]. Людовикъ Заика ждалъ этой необходимой для него грамоты въ теченіе нѣсколькихъ недѣль. Королева передала ему въ то же время „мечъ, прозванный

бракъ Карлъ будетъ имѣть второго сына. Такъ говорятъ знатные (ст. 4): «si Deus vobis adhuc alterum filium dederit».

[1] Бертинская лѣтопись, 877 годъ, изд. Dehaisnes, стр. 259.

[2] *Ibidem*: «Hludovicus, accepto nuntio in Audriaca villa de morte patris sui, quos potuit conciliavit sibi».

[3] *Ibidem*: «Richildis Compendium ad Hludovicum veniens in missa S. Andreae (30 ноября) attulit ei praeceptum (какъ извѣстно, «praeceptum» или «praeceptio» — это имѣющій силу закона актъ государей) per quod pater suus illi regnum ante mortem suam tradiderat».

мечомъ св. Петра, посредствомъ котораго умирающій король какъ-бы облекалъ его королевской властью, а равно и скипетръ, корону, королевскія одѣянія" [1].

Итакъ, произошла правильная передача власти: Людовикъ сталъ наконецъ королемъ по волѣ умершаго короля. Но это было не все. Ему нужно было получить признаніе людей, именуемыхъ на оффиціальномъ языкѣ „народомъ", то-есть, знатныхъ. Необходимо было принятіе королевской власти на публичной церемоніи и съ согласія присутствующихъ. Людовикъ отложилъ эту церемонію на нѣсколько дней и употребилъ ихъ на то, чтобы обезпечить себѣ согласіе знатныхъ. „Между королемъ и знатными произошелъ обмѣнъ посланій, говоритъ Гинкмаръ. Пришли къ соглашенію относительно должностей, званій, графствъ и епископствъ, какія будутъ розданы имъ" [2]. Тогда, увѣренный въ ихъ согласіи, Людовикъ приступилъ къ публичной церемоніи и 7 декабря „съ согласія всѣхъ, то-есть, епископовъ и аббатовъ, вельможъ государства и всѣхъ присутствующихъ, былъ коронованъ королемъ" [3].

[1] *Ibidem*: «Et spatam quae vocatur sancti Petri per quam eum de regno revestiret, et regium vestimentum et coronam ac fustem ex auro».

[2] Бертинская лѣтопись, 877 годъ: «Discurrentibus legatis, inter Ludovicum et regni primores, et pactis honoribus singulis quos petierunt».

[3] *Ibidem*: «VI idus decembris, consensu omnium, tam episcoporum et abbatum quam regnis primorum ceterorumque qui adfuerunt... coronatus est in regem Ludovicus».—Также и въ 879 году Людовикъ Заика «sentiens se mortem evadere non posse, per

7.

Заключеніе.

Намъ кажется, что послѣ внимательнаго разсмотрѣнія изученнаго ряда фактовъ, мы можемъ сдѣлать одинъ выводъ.

Королевская власть Каролинговъ не была въ полномъ смыслѣ наслѣдственной; сынъ не наслѣдовалъ отцу по праву.

Эта власть не была и избирательною. Народъ не собирался для выбора себѣ государя; если знатные съѣзжались, то не для обсужденія или голосованія выбора своего главы.

Правила наслѣдованія были таковы:

1. Царствующій король при жизни долженъ былъ передать свою власть актомъ изъявленія своей воли; если у него было нѣсколько сыновей, то на его обязанности лежало произвести между ними раздѣлъ.

2. Кромѣ того король долженъ былъ получить публичное признаніе на торжественной церемоніи. Эта церемонія должна была совершаться въ присутствіи знатныхъ, то-есть, прелатовъ, съ одной стороны, вельможъ и государственныхъ должностныхъ лицъ, съ другой; всѣ присутствующіе обязаны были изъявить свое согласіе на новое царствованіе.

Odonem episcopum et Albuinum comitem coronam et spatam ac reliquum regium apparatum filio suo Hludovico misit, mandans illis qui cum eo erant ut eum in regem sacrari ac coronari facerent». Ср. Бертинскую лѣтопись, 879 годъ, стр. 278.

ГЛАВА ПЯТАЯ.

Титулъ императора.

Къ королевскому званію Каролинги присоединили титулъ императора. Надо посмотрѣть, какъ они пріобрѣли этотъ титулъ. Надо, главное, изслѣдовать, каково было его истинное значеніе, какова сила, опредѣлить, внесъ ли онъ глубокую перемѣну въ общія учрежденія франкскаго государства, или нѣтъ.

Будемъ, прежде всего, остерегаться широкихъ теорій и неопредѣленныхъ обобщеній. Одни считаютъ, что императорство Карла Великаго указываетъ на рѣшительную побѣду германской расы надъ расами галло-итальянскими, что это конецъ древняго міра и выступленіе на сцену новаго. Другимъ представляется, наоборотъ, что, благодаря папѣ, на время одержала побѣду римская традиція, одолѣвшая германскую стихію въ самомъ разгарѣ ея торжества. Всѣ эти обобщенія одинаково неправильны: они не опираются ни на какое доказательство; ни тексты, ни факты не подтверждаютъ ихъ. Эти обобщенія—плодъ современнаго образа мыслей; они никоимъ образомъ не отвѣчаютъ кругу понятій людей VIII вѣка. Ни въ писаніяхъ Карла Великаго, ни въ письмахъ папъ, ни у современныхъ историковъ не находимъ отпечатка такихъ идей.

I.

Продолженіе римской имперіи на западѣ.

Коронованіе Карла Великаго императоромъ, совершившееся въ Римѣ 25 декабря 800 года, не должно рисоваться отдѣльно стоящимъ актомъ; оно связано со многими предшествующими, возвѣщавшими и подготовлявшими его, актами. Первое замѣчаніе, какое надобно здѣсь сдѣлать, заключается въ томъ, что пріобрѣтенію званія императора предшествовало пріобрѣтеніе званія патриція. Раньше, чѣмъ именоваться *imperator*, Карлъ Великій въ своихъ дипломахъ и законодательныхъ актахъ принялъ званіе *patricius Romanorum* [1]. Здѣсь открывается извѣстная филіація фактовъ, которую слѣдуетъ прослѣдить.

Будемъ, прежде всего, исходить изъ факта, что римская имперія, *imperium Romanum*, не погибла. Въ 476 году римскій сенатъ послалъ въ Константинополь императорскія инсигніи съ посланіемъ, въ которомъ говорилось, что съ этихъ поръ на будущее время для имперіи достаточно одного императора [2]. Дѣло въ томъ, что до тѣхъ поръ римская имперія, сохраняя единство, имѣла двѣ столицы и двухъ императоровъ. Оффиціальный

[1] Начиная съ 755 года; *Tardif*, №№ 76 и слѣд.

[2] Ср. Германское Вторженіе, кн. II. По вопросу объ отношеніяхъ франковъ къ имперіи интересно прочитать прекрасную книгу *Gasquet*, L'Empire byzantin et la monarchie franque (P. 1888).

шагъ, сдѣланный въ 476 году римскимъ сенатомъ, означалъ, что отнынѣ Римъ будетъ повиноваться императору, царствующему въ Константинополѣ.

Этотъ императоръ назывался императоромъ римлянъ, *imperator Romanorum*, Βαβιλεὺς τῶν Ῥωμαίων, то-есть, былъ главою всего древняго римскаго государства и всего населенія имперіи. Онъ былъ продолжателемъ древней имперіи; Юстиніанъ, Ираклій, Левъ Исаврійскій продолжали рядъ августовъ.

Обитатели Галліи не перестали называть римской имперіей государство, столицей котораго былъ Константинополь. Выраженія „imperium romanum" или „respublica romana" часто встрѣчаются у меровингскихъ писателей; они находятся у Григорія Турскаго, у Фредегарія, у Марія Авентійскаго, у агіографовъ; они всегда относятся именно къ восточной имперіи. Продолжатель Фредегарія, писавшій около 768 года, называетъ еще словомъ „respublica" имперію, столицей которой былъ Константинополь [1]. Эти писатели не знаютъ греческой или византійской имперіи; они знаютъ лишь имперію римскую. Франкскіе короли часто пишутъ царствующимъ въ Константинополѣ государямъ; они всегда называютъ ихъ римскими императорами. Даже въ эпоху Карла Великаго у самого Эйнгарда титуломъ romani imperatores именовались царствующіе въ Константинополѣ государи [2].

[1] *Continuatio Fredegarii*, c. 120: «Quod Aistulfus nequiter contra rempublicam et sedem romanam admiserat».

[2] *Einhardus*, Vita Caroli, 28: «Romanis imperatoribus» (рѣчь идетъ объ Иринѣ и о Никифорѣ).—Въ 803 году въ лоршской

Съ тѣмъ большимъ основаніемъ поддерживалось это въ Италіи. Говоря imperium romanum, итальянецъ подразумѣвалъ имперію, столицей которой былъ Константинополь [1]. Большая часть Италіи продолжала составлять часть этой имперіи. Равенна, Римъ, Неаполь оставались городами „римской имперіи". Римъ больше не былъ столицей. Онъ признавалъ столицей Константинополь. Когда римлянинъ VII или VIII вѣка говорилъ „urbs regia", онъ думалъ не о Римѣ, а о Константинополѣ [2].

Для управленія итальянскими провинціями у императоровъ былъ особый контингентъ должностныхъ лицъ. Высшимъ представителемъ императоровъ въ Италіи былъ экзархъ, *exarchus Italiae*; подъ ними стояли герцоги, дуки—δοῦκες [3]. Былъ герцогъ венеціанскій, герцогъ неаполитанскій, герцогъ римскій. Этимъ должностнымъ лицамъ принадлежала юрисдикція, начальствованіе надъ войсками, взиманіе налоговъ.

Въ Римъ, какъ и въ другіе большіе города, каждый новый императоръ посылалъ „свое священное изображеніе", и населеніе должно было „ему

лѣтописи говорится о Никифорѣ такъ: «Nicephorus imperator qui tunc rempublicam gubernabat».

[1] *Liber pontificalis*, 407: «Fides imperii romani»; 431: «Ad partem reipublicae restituit», онъ возвратилъ имперіи; 442: «Reipublicae dominio loca usurpata restitueret».

[2] «Regia urbs» — въ *Liber pontificalis*, ed. Duchesne, p. 343, 350, 354, 366, 373, 396, 431, 432, 442 и въ сотнѣ другихъ мѣстъ. На страницахъ 332 и 333 словами «sacerdos regiae urbis» названъ константинопольскій патріархъ.

[3] О равеннскомъ экзархатѣ см. книгу *Ch. Diehl*, l'Exarchat de Ravenne (P. 1888).

поклоняться" въ знакъ согласія на новое царствованіе. Изображеніе помѣщалось въ церкви [1]. Имя государя должно было включаться въ одну изъ молитвъ на литургіи. Лѣтосчисленіе велось по годамъ царствованія каждаго императора; даже папы обозначали въ своихъ письмахъ время такимъ же способомъ [2]. Монеты, чеканенныя въ Римѣ, носили изображеніе константинопольскаго монарха.

Папа былъ епископомъ римской имперіи и потому подданнымъ императора. Онъ былъ избираемъ такъ же, какъ и другіе епископы въ имперіи,—духовенствомъ и народомъ; но избраніе было дѣйствительно лишь послѣ признанія его императоромъ [3]. Протоколъ избранія поступалъ къ экзарху Италіи, передававшему его въ Константинополь. Избранный принималъ санъ епископа лишь по полученіи утверждавшаго его избраніе императорскаго отвѣта [4]. Таково же было правило для другихъ епископовъ Греціи или Азіи.

[1] *Liber pontificalis*, Vita Constantini, p. 392: «Imperatoris effigies in ecclesia introducta».

[2] Письмо Пелагія II, у Bouquet, IV, 82; Письмо Захарія, ibidem, 95 и 97. — Письмо къ Августину Григорія Великаго, «data die decima kalendarum augustarum, imperante domino nostro Mauritio Tiberio piissimo augusto anno decimo quarto» (*Vita Augustini*, 7; ср. 29 въ *Patrologia*, LXXX, col. 55)—Извѣстно, что авторъ *Liber Carolinus* опустилъ даты папскихъ посланій.

[3] Въ *Liber pontificalis*, изд. Duchesne, стр. 309, отмѣчено, какъ исключеніе, что Пелагій II былъ поставленъ безъ приказа императора, «такъ какъ Римъ былъ въ то время осажденъ лонгобардами».—См. особенно *Liber diurnus*, №№ 58; 59.

[4] *Liber pontificalis*, 343, 355.—Изъ одного мѣста житія Бенедикта II какъ будто вытекаетъ, что избранный былъ избавленъ

По закону папа не имѣлъ въ Римѣ никакой политической власти. Рядомъ съ нимъ стоялъ имперскій „дукъ“ [1], а надъ нимъ экзархъ. Императоръ могъ предписать папѣ явиться въ Константинополь [2], чтобы засѣдать на соборѣ, или чтобы отдать ему отчетъ въ своихъ дѣйствіяхъ, даже въ своей вѣрѣ. Въ 653 году за неповиновеніе императорскимъ повелѣніямъ въ церкви экзархомъ былъ задержанъ папа Мартинъ I; отвезенный въ Константинополь, онъ былъ затѣмъ сосланъ въ Херсонесъ [3].

Подчиненіе Италіи и Рима восточной имперіи продолжалось до VIII вѣка. Оно долго не вызывало протеста, казалось естественнымъ и законнымъ. Надо прибавить, что подъ этой отдаленной и вялой властью возросли богатство и независимость итальянскихъ епископовъ, особенно римскаго. При ослабленіи политической власти, при паденіи муниципальнаго строя великими и сильными оставались только епископы, особенно епископъ города Рима. Римъ утратилъ преимущества столицы, но папа много выигралъ отъ того, что около него не было императора. Сильная власть святого престола пустила корни именно въ эти три вѣка, когда онъ повиновался только константинопольскому императору.

отъ императорскаго утвержденія. *Liber pontificalis*, 363: «Divales iussiones Constantini principis suscepit per quas concessit ut persona qui electus fuerit in sedem apostolicam e vestigio absque tarditate pontifex ordinetur». Но, согласно замѣчанію ученаго издателя, это значитъ лишь, что императоръ возлагалъ утвержденіе избранія на экзарха. Онъ сокращаетъ слишкомъ длинные промежутки между избраніемъ и утвержденіемъ, делегируя право утвержденія своему представителю въ Италіи.

[1] Герцогъ (dux) римскій не упоминается въ *Liber pontificalis* до 712 года, но это не доказываетъ, что онъ не существовалъ раньше (*Liber pontificalis*, 392 и 403).

[2] *Ibidem*, 389: «Hisdem temporibus imperator ad pontificem misit sacram per quam iussit eum ad regiam ascenderet urbem. (Pontifex) iussis imperatoris obtemperans etc.».

[3] *Liber pontificalis*, 338.

2.

Папа вступаетъ въ союзъ съ королемъ франковъ.

Въ VIII вѣкѣ однако возникло нѣсколько препятствій для дальнѣйшаго сохраненія такого порядка. Прежде всего, папа становился слишкомъ крупнымъ лицомъ, чтобы оставаться и дальше въ подчиненномъ положеніи. Если ему еще не доставало политической власти, то онъ обладалъ огромнымъ земельнымъ богатствомъ. Его fundi и его massae были разсѣяны по всей Италіи, въ Сициліи, Сардиніи, даже въ Галліи; такъ какъ къ каждому изъ его помѣстій было привязано населеніе изъ сервовъ или колоновъ, то у папы, какъ помѣщика, набирался милліонъ или два подданныхъ.

Къ этому присоединялся большой его престижъ у народовъ запада. На востокѣ было нѣсколько патріарховъ, но папа былъ единственнымъ патріархомъ на западѣ. Италія и Галлія, не колеблясь, видѣли въ немъ верховнаго главу вселенской церкви. Онъ находился въ постоянныхъ сношеніяхъ съ галльскими епископами и признавался ими за владыку. Папы обратили въ христіанство англо-саксовъ и до извѣстной степени подчинили ихъ себѣ. Въ

VIII вѣкѣ они обратили Германію и какъ бы завоевали эту страну при помощи своего уполномоченнаго апостола, святого Бонифація. Трудно было, чтобы такая богатая, могущественная, морально такая сильная власть оставалась въ подчиненіи у константинопольскаго императора.

Другія еще причины отдѣляли папъ отъ имперіи, столица которой находилась въ Греціи. Въ Константинополѣ папы встрѣчали соперничество патріарха, имѣвшаго возможность пріобрѣсти церковное главенство, благодаря своему преимуществу нахожденія около престола императоровъ. Важнѣе еще было то, что господствовавшая на востокѣ религіозность отличалась нѣсколько иною природою, чѣмъ религіозность римская. Греческій геній былъ искусенъ въ области теологическихъ споровъ и наклоненъ, по меньшей мѣрѣ, столько же къ философствованію, сколько къ вѣрѣ; на востокѣ легко возникали утонченныя разномыслія и ереси. Совершенно инымъ былъ римскій геній, постоянный и стойкій въ области вѣры, враждебно настроенный къ тонкостямъ изслѣдованія и робкій въ нововведеніяхъ. Было почти невозможно, чтобы Римъ и Константинополь остались согласны въ дѣлѣ вѣры. Если даже они признавали тѣ же догматы, это еще не значитъ, что они вѣрили въ нихъ одинаково.

Съ середины VII вѣка между святымъ престоломъ, съ одной стороны, патріархомъ и императоромъ, съ другой, начался очень острый разладъ изъ-за монофелитской ереси[1]. Онъ возобновился въ на-

[1] *Liber pontificalis,* жизнь Мартина I, édit. Duchesne, 336—338.

чалѣ VIII вѣка. Въ 712 году въ Римѣ стало извѣстно, что новый императоръ Филиппикъ былъ монофелитомъ. Историкъ папъ говоритъ, что сейчасъ же „римскій народъ рѣшилъ не принимать ни имени, ни грамотъ императора-еретика, не помѣщать въ церквахъ его изображенія, не произносить во время обрядовъ литургіи его имени“ [1]. Быть можетъ, съ этого момента Римъ началъ бы стараться отдѣлить себя отъ имперіи, если бы смерть императора-еретика не устранила причины несогласія.

Немного лѣтъ спустя, борьба возобновилась по одному поводу болѣе матеріальнаго характера; мы видимъ, что папа Григорій II воспретилъ сборъ налоговъ въ пользу имперіи [2]; быть можетъ, рѣчь шла главнымъ образомъ о тѣхъ налогахъ, какими имперское правительство хотѣло обложить церковныя земли [3].

Наконецъ, поднялось великое движеніе иконоборства. Императоръ Левъ Исаврянинъ не только воспретилъ почитаніе иконъ, но приказалъ уничтожать всѣ иконы въ церквахъ [4]. Императорское посланіе, принесшее въ Римъ этотъ указъ, угрожало папѣ низложеніемъ, если онъ не будетъ слѣдовать ему. Григорій II отказался повиноваться, и вся Италія возстала противъ императорскихъ чинов-

[1] *Ibidem*, Constantinus, 392.

[2] *Liber pontificalis,* Григорій II, стр. 403.—*Theophan.* Chronic. a. 6217 (715 г.).

[3] Это видно изъ слѣдующихъ словъ *Liber pontificalis*, ibidem: «Ex suis opibus ecclesias denudari».—Быть можетъ, вопросъ шелъ объ увеличеніи *census*.

[4] *Ibidem*, p. 404, 409.

никовъ. Любопытно, что ни народъ, ни папа не думали еще объ отдѣленіи отъ имперіи. „Вся Италія рѣшила выбрать другого императора и везти его въ Константинополь", говоритъ римскій біографъ папъ [1]. Къ перемѣнѣ императора сводились всѣ желанія. Но папа даже это намѣреніе находилъ слишкомъ смѣлымъ [2]. Онъ думалъ о лонгобардахъ, воспользовавшихся какъ разъ въ это время волненіями въ Италіи и завладѣвшихъ нѣсколькими областями [3]. Это явилось серьезнымъ основаніемъ не отдѣляться отъ имперіи. Потому папа побуждалъ населеніе „не переставать быть преданнымъ и вѣрнымъ римской имперіи" [4].

Григорій III, ставшій въ 731 году его преемникомъ, продолжалъ борьбу въ томъ же направленіи. Императоры Левъ и Константинъ преслѣдовали, воспрещали иконы [5]. Новый папа написалъ императору письмо съ протестомъ; затѣмъ, собравъ соборъ изъ итальянскихъ епископовъ, онъ угрожалъ отлученіемъ всякому, кто будетъ уничтожать иконы, значитъ, всякому, кто будетъ послушенъ императору [6]. Это было настоящимъ возстаніемъ,

[1] *Ibidem*: «Cognita imperatoris nequitia, omnis Italia consilium iniit ut sibi eligerent imperatorem et ducerent Constantinopolim».

[2] *Ibidem*: «Conpescuit tale consilium pontifex, sperans conversionem principis.

[3] *Liber pontificalis*, Григорій II, стр. 405 и 407.

[4] *Ibidem*: «Ne desisterent ab amore vel fide Romani imperii ammonebat».

[5] *Ibidem*, стр. 415: «Fuit temporibus Leoni et Constantini imperatoribus, ea persecutione crassante... ad destructionem sacrarum imaginum Iesu Christi et genetricis omniumque sanctorum».

[6] *Ibidem*, 416.

и все таки мы не видимъ, чтобы папа тутъ совершилъ актъ отдѣленія отъ имперіи [1].

Его страшили лонгобарды. Они охотно становились его союзниками противъ имперіи, но, видимо, сами хотѣли захватить всю Италію и самый Римъ. Противъ имперскихъ войскъ и противъ лонгобардовъ папа искалъ поддержки на западѣ у военнаго вождя франковъ, Карла Мартелла. Здѣсь остается одинъ темный пунктъ. Невозможно сказать, какова была природа союза, который папа хотѣлъ заключить съ франкскимъ вождемъ. Мы знаемъ, что папа писалъ ему, такъ какъ два его письма дошли до насъ [2]; но въ этихъ письмахъ онъ проситъ лишь поддержки противъ лонгобардовъ, не говоря ни слова за или противъ имперіи. Послы, отправленные имъ въ 741 году во франкское королевство, получили, быть можетъ, болѣе опредѣленныя инструкціи; но въ Liber pontificalis говорится лишь одно, что онъ послалъ Карлу Мартеллу ключи отъ гробницы святого Петра и просилъ „освободить его отъ притѣсненій лонгобардовъ" [3].

[1] Изъ *Liber pontificalis* вытекаетъ, наоборотъ, что въ самый разгаръ борьбы Григорій III не переставалъ писать императору посланія (стр. 417), чтобы добиться отмѣны его указовъ.

[2] *Liber Carolinus*, edit. Jaffe, №№ 1; 2; отъ 739 и 740 гг.

[3] *Liber pontificalis*, 420: «Concussa est provincia Romanae ditionis subiecta (это значитъ—подчиненныя имперіи провинціи) a nefandis Langobardis et rege Liutprando. Veniensque Romam in campo Neronis tentoria tetendit, depraedataque campania... Pro quo dolore constrictus sacras claves ex confessione beatri Petri accipiens, partibus Franciae Carolo per missos suos direxit... postulandum ut eos a tanta oppressione Langobardorum liberaret». — Аббатъ Дюшенъ (комментаторъ памятника) считаетъ все это мѣсто позд-

Ключи святого Петра вовсе не были знакомъ верховной власти надъ Римомъ, какъ полагали нѣкоторые. Въ VIII вѣкѣ никто и не думалъ смотрѣть на нихъ, какъ на символъ власти надъ городомъ. Съ давнихъ поръ папы имѣли обычай дарить ключи отъ гроба св. Петра и частицы его цѣпей. Папа Григорій Великій принесъ этотъ даръ болѣе чѣмъ двадцати лицамъ, франкскому королю Хильдеберту [1], королю вестготской Испаніи Рекареду [2], императорскому патрицію Асклепіодоту [3], дуку Андрею [4], епископу Колумбу [5], врачу Теодору [6], многимъ другимъ, даже нѣсколькимъ женщинамъ [7]. Никто не связывалъ съ этимъ актомъ мысли, что ключи были символомъ политической власти [8].

нѣйшей вставкой; но если, какъ онъ думаетъ, оно вписано при Стефанѣ II, то-есть, одиннадцать или двѣнадцать лѣтъ спустя, то оно все же имѣетъ большое значеніе.

[1] Григорій Великій, Письма, VI, 6. Итакъ, продолжатель Фредегарія и всѣ, кто списывали съ него, ошибаются, говоря, что Карлъ первый получилъ ключи св. Петра.

[2] *Ibidem*, XII, 7.

[3] *Ibidem*, XI, 14.

[4] *Ibidem*, I, 30.

[5] *Ibidem*, XII, 7.

[6] *Ibidem*, VII, 28.

[7] *Ibidem*, XII, 7.

[8] Однако нѣмецкіе историки утверждали это, ссылаясь на письмо Григорія III, будто бы писавшаго Карлу: «Sacratissimas claves quas vobis ad regnum direximus»; но въ настоящемъ текстѣ стоитъ «ad rogum», а не «ad regnum». См. *Jaffe*, Liber Carolinus, p. 17.—Яффе объясняетъ «quas tibi ad rogum direximus» какъ «ad rogationem tuam». Я нѣсколько сомнѣваюсь въ такомъ объясненіи: roga, rogum значило на языкѣ того времени—даръ, награда. См. напримѣръ: «Rogam clero suo ampliavit» (*Liber pontificalis*, Левъ III, § 359).

Ключи эти были не чѣмъ инымъ, какъ своего рода знакомъ отличія, которое могло повторяться безконечное число разъ и служило лишь показателемъ дружбы папы [1]. Ключи играли еще роль амулета, такъ какъ исходили отъ гроба святого. У Григорія Турскаго можно видѣть не разъ, что камень, покрывавшій тѣло святого, даже пыль отъ этого камня считались предметами священными и признавались средствомъ противъ многихъ болѣзней. Таковъ же былъ взглядъ и на ключи отъ гроба св. Петра, тѣмъ болѣе, что къ нимъ прибавлялись частицы цѣпей, сковывавшихъ члены святого. Эти ключи носились на шеѣ [2]. Вѣрили въ ихъ силу поддерживать человѣка противъ искушеній и грѣха и въ то же время предохранять его отъ болѣзней, избавлять отъ опасности въ сраженіяхъ [3].

[1] Они обозначались словами «claves sepulcri» (см. у «Продолжателя Фредегарія», гл. 110), а чаще «claves confessionis sancti Petri» или «claves ex confessione»; какъ извѣстно, словомъ «confessio» въ то время называлась въ Италіи могила святого. Иногда папа употребляетъ выраженіе «clavem a sacratissimo corpore». Часто прибавляютъ: «Claves in quibus de vinculis eius inclusum est», или «clavem in qua ferrum de catenis eius clausum est».

[2] Письмо Григорія Великаго Хильдеберту: «Claves sancti Petri vobis direximus, quae collo vestro suspensae a malis vos omnibus tueantur».—Его же письмо къ патрицію Асклепіодоту: «Clavem... quae vestro collo suspensa...»

[3] *Greg. Magn.* Epist. VII, 28: «Ut quod sancti Petri collum ligavit, vestrum ab omnibus peccatis solvat».—*Ibidem*, IX, 52: «Ut a maligno defensus permaneas».—*Ibidem*, I, 30: «Eaedem catenae quae illa sancta colla tenuerunt, suspensae colla vestra sanctificent».—VI, 6: «A malis vos omnibus tueantur».—XI, 14: «Contra omnia adversa vos muniat».

Таковъ былъ даръ, полученный Карломъ Мартелломъ. Онъ не означалъ, конечно, нисколько, что Римъ отдавался ему. А просьба о защитѣ отъ лонгобардовъ также не значила, что въ Римѣ задумали уже тогда отдѣлиться отъ имперіи.

Одинъ франкскій лѣтописецъ говоритъ, какъ кажется, нѣчто большее и какъ бы указываетъ, что между предводителемъ франковъ и папой заключенъ былъ формальный договоръ. Но для насъ поистинѣ непонятны его слова, потому ли, что они искажены переписчиками, или потому, что самъ ея авторъ не уразумѣлъ того, что было ему сказано [1]. Позднѣйшіе лѣтописцы отмѣчаютъ, что былъ заключенъ союзъ, въ силу котораго „римскій народъ отдѣлялся отъ греческаго императора и отдавался подъ покровительство франкскаго государя“ [2]. Можно сомнѣваться, чтобы папа дѣлалъ

[1] Вотъ эти слова: «Eo pacto patrato ut a partibus imperatoris recederet, et romanum consulatum principi Carolo sanciret».—Если бы *pactum* означало условіе, договоръ, соглашеніе, то каждая изъ двухъ частей фразы должна была бы относиться къ одной изъ двухъ договаривающихся сторонъ; въ такомъ случаѣ для *recederet* подлежащимъ было бы *Carolus*, для *sanciret—pontifex*. Но тогда фраза не представляла бы никакого смысла, ибо Карлу Мартеллу нечего было отлаляться отъ императора, союзникомъ котораго онъ не былъ; до тѣхъ поръ онъ былъ, наоборотъ, союзникомъ лонгобардскаго короля. Съ другой стороны, не ясно, при чемъ здѣсь консулатъ; это ужъ не эпоха Хлодовеха, когда существовали еще консулы. Выраженіе «consulatum sancire» непонятно (въ текстѣ, принятомъ изданіемъ Круша, основанномъ на главныхъ рукописяхъ, слова,— «romano consulto» не болѣе понятны).—У позднѣйшихъ лѣтописцевъ не было иного источника, кромѣ этого же отрывка; ясно, что они не сумѣли его понять.

[2] *Chronicon Moissiacense*, a. 741 (Bouquet, II, 656): «Quo pacto patrato sese populus romanus, relicto imperatore Graecorum et dominatione, ad praedicti principis defensionem et invictam eius clementiam convertere cum voluissent».—Фонтенельская лѣтопись упоминаетъ о папскомъ посольствѣ, но не высказываетъ притязанія на знакомство съ тайнымъ договоромъ, который могъ быть тогда заключенъ. Фульдская лѣтопись не говоритъ о немъ. Метцская выражается какъ муассакская.

такія смѣлыя предложенія чужеземному государю, о тѣсномъ союзѣ котораго съ лонгобардами онъ зналъ [1]. Впрочемъ, изъ разсказа тѣхъ же лѣтописцевъ выясняется, что Карлъ Мартеллъ не заключалъ никакого договора и ограничился отправленіемъ папѣ посольства. Наконецъ, предположивъ даже, что союзъ, о которомъ говорятъ франкскіе лѣтописцы, и былъ бы заключенъ, остается несомнѣннымъ, что онъ не имѣлъ бы никакихъ послѣдствій, такъ какъ нѣсколько недѣль спустя, умеръ и глава франковъ, и папа [2].

[1] Ліутпрандъ послалъ Карлу Мартеллу вспомогательныя войска въ моментъ вторженія сарацинъ, *Paul. Diac.* VI, 54) и, быть можетъ, именно вступленію лонгобардскаго войска въ Провансъ обязанъ онъ побѣдой при Пуатье.—Тотъ же Ліутпрандъ усыновилъ Пиппина. *Paul. Diac.* VI, 53; *Adrevald.* 36; *Chronicon Centulense*, Bouquet, III, 252).

[2] По всему этому вопросу см. весьма вѣрныя замѣчанія *Bayet*, Voyage d'Etienne III en France, въ «Revue historique», 1882.—Въ своемъ изслѣдованіи о лонгобардскомъ королевствѣ, «Revue historique», январь 1887, стр. 79, *Gasquet* склоненъ думать, что соглашеніе было заключено противъ имперіи. Онъ возвращается къ этому вопросу въ своемъ трудѣ «l'Empire byzantin et la monarchie franque».—Достовѣрно, что въ слѣдующемъ поколѣніи, когда дѣйствительно договоръ состоялся, стали думать, что впервые онъ былъ заключенъ при Карлѣ Мартеллѣ. Таково было мнѣніе Карла Великаго; см. капитулярій 806 года, ст. 15, Boretius, стр. 128.

Григорій III не отдѣлился отъ имперіи. Преемникъ его, Захарій, также остался вѣренъ ей. По рожденію онъ самъ былъ грекомъ [1] и находилъ болѣе выгоды быть подданнымъ константинопольскаго императора, чѣмъ короля лонгобардовъ. Онъ былъ въ дружескихъ отношеніяхъ съ императоромъ [2]. Римъ оставался имперскимъ городомъ и мѣстопребываніемъ имперскаго дука [3]. Надо однако отмѣтить, что съ этого времени римскій дукъ становится вѣрнымъ союзникомъ святого престола [4]: онъ повинуется его приказамъ; онъ какъ бы подчиненъ ему [5]. Папа ведетъ переговоры съ лонгобардами и съ экзархомъ [6]; папа управляетъ Римомъ, а „*dux*" какъ бы оказывается только его уполномоченнымъ [7]. Тутъ произошла, вѣроятно, перемѣна, на которую папскій біографъ лишь намекаетъ намъ. Не отдѣляясь еще отъ Константинополя, Римъ становился почти свободнымъ государствомъ въ рукахъ своего епископа.

Дальше слѣдовалъ Стефанъ II (752—757) [8]. Подобно своимъ предшественникамъ, и онъ не отдѣлялся отъ имперіи формально. Видя, что лонгобарды хотятъ захватить Римъ, онъ, прежде всего, обратился за помощью къ императору [1]. Не получая помощи, онъ попытался самъ поладить съ лонгобардами, потомъ обратился къ королю франковъ [2]. Онъ отправился къ нему, провелъ зиму во франкскомъ государствѣ и заключилъ съ Пиппиномъ договоръ.

У насъ нѣтъ текста этого договора; мы знаемъ лишь, что, по крайней мѣрѣ, со стороны франкскаго короля былъ составленъ писанный актъ [3]. Извѣстны два пункта соглашенія: съ одной стороны, Пиппинъ получитъ отъ папы посвященіе королемъ; съ другой, онъ долженъ будетъ предпринять въ Италію походъ противъ лонгобардовъ. Другіе пункты менѣе ясны. Нѣтъ ни малѣйшаго указанія, чтобы папа просилъ у франкскаго короля поддержки про-

[1] *Liber pontificalis*, 426.

[2] Онъ даже добился отъ него полученія двухъ помѣстій имперскаго фиска въ римской Кампаньѣ.

[3] *Liber pontificalis*, Захарій, гл. 2, стр. 426.

[4] *Ibidem*, гл. 2, 4, 12, стр. 426, 429.

[5] Прибавьте то мѣсто изъ біографіи Стефана II, гл. 19, откуда видно, что «militiae optimates» повинуются папѣ (стр. 445).

[6] *Liber pontificalis*, Захарій, гл. V и слѣд. гл. 12.

[7] Это видно изъ одной фразы въ *Liber pontificalis*. Говоря, что папа покидаетъ Римъ, чтобы отправиться вести переговоры съ Ліутпрандомъ, біографъ прибавляетъ: «Relicta romana urbe Stephano duci ad gubernandum». Значитъ, дукъ представитель папы въ его отсутствіи.

[8] Его часто называютъ Стефаномъ III. Мы считаемъ такъ, какъ *Liber pontificalis*.—Единственнымъ основаніемъ называть его Стефаномъ III, послужило то обстоятельство, что въ 752 году былъ избранъ другой Стефанъ, умершій черезъ четыре дня послѣ избранія, не получивъ ни рукоположенія, ни посвященія; поэтому *Liber pontificalis* и не считаетъ его за папу (см. *Liber pontificalis*, Стефанъ II, гл. 2 и примѣчаніе 3 страницы 456).

[1] *Liber pontificalis*, Стефанъ II, гл. 9, стр. 442: «Misit regiam urbem deprecans imperialem clementiam ut modis omnibus adveniret et Romanam hanc urbem vel cunctam Italiam provinciam liberaret».

[2] *Ibidem*, гл. 15, стр. 444: «Cernens ab imperiale potentia nullum esse subveniendi auxilium, tunc quemadmodum praedecessores eius... ita clam per quemdam peregrinum suas misit litteras Pippino regi».

[3] Это напоминаетъ Стефанъ II въ письмѣ отъ слѣдующаго года, гдѣ говоритъ о «promissio manu firmata» (*Jaffe*, 36).

тивъ грековъ. Нѣтъ также указанія, чтобы онъ выразилъ желаніе отдѣлиться отъ имперіи [1].

Изъ текстовъ однако замѣтно, что предметомъ соглашенія между папой и королемъ было нѣчто болѣе общее, что оно касалось чего-то большаго, чѣмъ временное вмѣшательство противъ лонгобардовъ. Въ самомъ дѣлѣ, въ письмахъ папъ отъ отъ послѣдующихъ лѣтъ указывается на постоянное покровительство, оказываемое королями римской церкви, какъ на главный предметъ соглашенія. „Мы коммендировали въ ваши руки интересы нашей церкви, говорятъ королю папы, и вы обѣщали озаботиться ея защитой [2]. Это договоръ не на одинъ день и не на годъ, такъ какъ онъ заключенъ какъ бы впередъ будущими преемниками Пиппина: „Мы поручили тебѣ и твоимъ сыновьямъ покровительство нашей церкви и нашего римскаго народа“, пишетъ папа [3]. Полвѣка спустя Карлъ Великій напоми-

[1] Согласно *Liber pontificalis*, гл. 26, папа просилъ «ut causam beati Petri et reipublicae Romanorum (Pippinus) disponeret».—Въ 754 году слова «respublica Romanorum» означали еще имперію: лишь въ послѣдующіе годы по легко понятному недоразумѣнію ихъ стали употреблять для обозначенія подчиненной папѣ римской области.

[2] Письмо Стефана II къ Пиппину, въ 755 году, *Jaffe*, стр. 38: «Omnes causas principis apostolorum in vestris manibus commendavimus... et vos polliciti estis defensionem ecclesiae procurare».—Другое письмо, стр. 36: «Nos omnes causas sanctae Dei ecclesiae in vestro gremio commendavimus».

[3] Письмо 756 года, *Liber Carolinus*, Jaffe, стр. 53—54: «Tibi et filiis tuis sanctam Dei ecclesiam et nostrum Romanorum populum commisimus protegendum».—Во многихъ посланіяхъ папы называютъ Пиппина или Карла Великаго «noster defensor, noster auxiliator».

налъ главный пунктъ соглашенія 754 года, говоря: „Прежде всего мы хотимъ, чтобы сыновья наши взяли на себя защиту римской церкви, какъ взялъ ее на себя отецъ нашъ, Пиппинъ, а послѣ него мы“ [1]. Итакъ, Пиппинъ и его сыновья приняли миссію общей и вѣчной „защиты“ [2].

По той же, видимо, причинѣ папа далъ имъ, отцу и одновременно сыновьямъ, постоянный и безсмѣнный титулъ, титулъ патриціевъ. Этотъ пунктъ заслуживаетъ того, чтобы на немъ остановиться.

3.

Король франковъ, патрицій римлянъ.

О полученіи Пиппиномъ изъ рукъ папы титула патриція удостовѣряетъ человѣкъ, несомнѣнно, бывшій современникомъ, а, быть можетъ, и личнымъ тому свидѣтелемъ [3]. Что это званіе было

[1] Капитулярій 806 года, *Divisio imperii*, 15, Boretius, p. 129: «Super omnia iubemus ut ipsi tres fratres curam et defensionem ecclesiae sancti Petri suscipiant simul, sicut quondam... a genitore nostro Pippino rege et a nobis postea suscepta est».—Карлъ Великій считаетъ даже возможнымъ прибавить, что дѣдъ его, Карлъ Мартеллъ, принялъ уже миссію защиты.

[2] Договоръ ясно указанъ въ *Liber Carolinus*, Jaffe, p. 160—161.

[3] Это анонимный авторъ *Clausula de Pippini consecratione*, о которомъ говорилось выше. Онъ писалъ черезъ тринадцать лѣтъ послѣ коронованія; думаютъ, что онъ былъ монахомъ сенъ-денисскаго монастыря, гдѣ происходилъ обрядъ. Авторъ выражается такъ: «Per manus Stephani pontificis in regem et patricium una cum praedictis filiis Carolo et Carlomanno unctus et benedictus est» (Bouquet, V, 10; Cfr. *Greg. Tur.* ed. Arndt—Krusch, p. 465).

пріобрѣтено Пиппиномъ зимою 754 года, то-есть, во время пребыванія папы въ предѣлахъ франкскаго государства, это видно еще изъ того, что съ того времени всѣ папскія посланія адресованы „къ Пиппину, патрицію римлянъ“ [1], въ тѣхъ же письмахъ двумъ сыновьямъ Пиппина, еще находившимся въ дѣтскомъ возрастѣ дается также званіе патриціевъ [2].

Званіе патриція было высокимъ титуломъ римскаго императорскаго двора. Въ теченіе послѣднихъ четырехъ сотъ лѣтъ патриціи были высшими сановниками имперіи [3]; специфическимъ атрибутомъ патриціата была несмѣняемость [4]. Можно замѣтить, что почти всѣ экзархи, управлявшіе Италіей отъ имени императора, были патриціями. Въ *Liber pontificalis* каждый изъ нихъ именуется „patricius et exarchus Italiae“ [5]. Итакъ, въ Римѣ привыкли по-

Можетъ быть, слова автора не слѣдуетъ понимать буквально и вѣрить въ посвященіе Пиппина какъ патриція.

[1] *Liber Carolinus*, edit. Jaffe, 1867. Первыя письма, написанныя до 754 года, адресованы «Pippino regi Francorum». Начиная съ 755 года, въ письмахъ ставится «Pippino regi Francorum et patricio Romanorum».

[2] *Ibidem*, № 6, письмо 755 года: «Carolo et Carlomanno regibus et patritiis Romanorum». То же, №№ 7, 8.

[3] См. *Cod. Theod.* VI, 6 и примѣчаніе 2 Готфреда, т. II, стр. 72. — «Honor patriciatus» (новеллы Валентиніана III, гл. XI, ed. Haenel, 164.—*Cod. Just.* XII, 2, 3, 5, законы Зенона и Юстиніана.

[4] См. дипломъ назначенія патриція у Кассіодора, Var. VI, 2.—Въ *Liber de caerimoniis* Константина Порфиророднаго гл. 48, ed. Bonn, p. 244, можно видѣть церемоніалъ, соблюдавшійся въ Константинополѣ при производствѣ въ патриціи.

[5] Стр. 312, 328, 332, 372, 383, 403.

виноваться патрицію. Въ глазахъ Рима патрицій былъ высшимъ сановникомъ, стоявшимъ между папою и императоромъ. Это званіе и было дано папою Стефаномъ II Пиппину [1].

[1] Тутъ есть нѣкоторая неясность. Если патриціатъ былъ имперскимъ саномъ, который давался лишь императоромъ, то какъ же онъ могъ быть данъ папой? Это противорѣчіе усматриваетъ *Bayet*, которому принадлежатъ прекрасные труды по этой эпохѣ. Въ своемъ изслѣдованіи о путешествіи во Францію Стефана III онъ ясно показываетъ, что папа не находился тогда въ раздорѣ съ имперіей; отсюда авторъ дѣлаетъ выводъ, что папа безспорно не могъ имѣть въ мысли лично даровать званіе, которое въ правѣ былъ давать одинъ императоръ; ему кажется вѣроятнымъ, что папа дѣйствовалъ въ этомъ случаѣ съ согласія императора и былъ лишь передатчикомъ императорской грамоты въ пользу Пиппина.—Весь трудъ Байэ кажется мнѣ очень убѣдительнымъ и вѣрнымъ, за исключеніемъ именно послѣдняго пункта, относительно котораго у меня возникаетъ нѣсколько возраженій. 1) Въ текстахъ не говорится объ императорской грамотѣ, и въ *Liber Carolinus* нѣтъ намека на вмѣшательство императора. 2) Еслибы Пиппина сдѣлалъ патриціемъ императоръ, то нѣкоторымъ образомъ тотъ сталъ бы подчиненнымъ императора, и это въ чемъ-нибудь бы проявилось; между тѣмъ, наоборотъ, продолжатель Фредегарія упоминаетъ въ 757 году объ обмѣнѣ посольствъ между Пиппиномъ и императоромъ, что нисколько не напоминаетъ отношенія, какія могли быть между патриціемъ и императоромъ; Пиппинъ, видимо, дѣйствуетъ какъ король, а не какъ патрицій. Сомнѣваюсь даже, чтобы императоры признали за Пиппиномъ званіе патриція, между тѣмъ какъ они могли бы извлечь изъ факта большую выгоду, если бы дали ему это званіе сами. 3) Надо замѣтить, что званіе, носившееся Пиппиномъ, было не совсѣмъ то, какое было принято въ имперіи: онъ всегда именовался «patricius Romanorum»; эти два слова всегда безъ исключенія употребляются имъ вмѣстѣ; имперскіе же патриціи были только «patricii». 4) Есть еще другое отличіе: несомнѣнно, оба сына Пиппина возведены въ патриціи тогда же, когда и онъ; а это противно всѣмъ правиламъ имперскаго двора; нельзя допустить, чтобы въ Кон-

Въ сущности, найти для него другое званіе папа не могъ. Онъ не могъ назвать его императоромъ, ибо не думалъ объ отдѣленіи отъ Константинополя. Онъ не могъ ему повиноваться, какъ королю, такъ какъ не хотѣлъ быть подданнымъ короля франковъ въ той же мѣрѣ, какъ короля лонгобардовъ. Единственное возможное званіе было званіе патриція, достаточно высокое, чтобы его могъ принять франкскій король, и притомъ сохранявшее неприкосновенною власть императора.

Мысль папы ясна. Онъ будетъ продолжать подчиняться царствующему въ Константинополѣ императору, и у него будетъ въ то же время патрицій, правящій въ Ахенѣ: такъ онъ будетъ имѣть дѣло съ двумя властями, одною чисто номинальною, другою болѣе реальною; но обѣ останутся далекими; находясь между ними, Римъ на самомъ дѣлѣ будетъ управляться своимъ епископомъ. Такая комбинація обезпечивала, казалось, независимость святого престола.

Такъ Пиппинъ и Карлъ Великій стали патриціями, съ тѣмъ ограниченіемъ, что они лишь „патриціи римлянъ“ [1]. По отношенію къ Риму и къ зависѣвшимъ отъ него территоріямъ у нихъ получились обязанности и права, которыя находились раньше въ рукахъ посылавшихся изъ Константинополя въ Италію патриціевъ. Они имѣютъ право и обязанность защищать Римъ; до нѣкоторой степени они имѣютъ также право и обязанность блюсти за его управленіемъ. Римъ подчиненъ имъ, какъ былъ подчиненъ старымъ патриціямъ. Правда, власть ихъ далекая, почетная, прерывающаяся. Она главнымъ образомъ осуществляется въ формѣ пожалованій. Если Пиппинъ отнимаетъ у лонгобардовъ экзархатъ и Пентаполь, то не для того, чтобы возвратить ихъ императору, а чтобы вручить святому престолу.

Проходитъ около полувѣка, въ теченіе котораго папа остается подданнымъ константинопольскаго императора и въ то же время подчиненнымъ франкскаго патриція. Сношенія его съ Константинополемъ рѣдки [1]; за промежутокъ въ сорокъ шесть лѣтъ намъ извѣстно лишь три посланія, написанныхъ имъ императору [2]. Съ франкскими королями сношенія, наоборотъ, постоянныя; отъ 755 по 791 годъ до насъ дошло девяносто одно письмо, написанное па-

стантинополѣ установленъ былъ въ пользу франкскихъ королей наслѣдственный патриціатъ.—Итакъ, я не склоненъ допустить, чтобы существовала грамота императора о патриціатѣ Пиппина. Возможно, что папа заявилъ о своемъ согласіи съ императоромъ, и обѣ стороны вѣрили или дѣлали видъ, что вѣрили, будто получили его.

[1] Пиппинъ, повидимому, не ввелъ въ своихъ актахъ квалификаціи себя какъ патриція, за исключеніемъ развѣ тѣхъ, какіе относились къ Италіи и не сохранились до насъ. Карлъ Великій, наоборотъ, съ 775 года во всѣхъ своихъ актахъ упоминаетъ титулъ патриція римлянъ, который онъ присоединилъ къ титулу короля франковъ и короля лонгобардовъ (*Tardif*, № 76 и слѣд.).

[1] Нѣтъ указанія, чтобы избраніе папъ было подчинено императорамъ или экзархамъ.—Послѣ 743 года мы не видимъ больше въ Константинополѣ папскаго посла (*Thomassin*, Discipline de l'Eglise, 2-e édit. t. I, p. 137).

[2] Они упомянуты въ *Liber pontificalis*, Павелъ, гл. 3; Адріанъ, гл. 15 и 88, стр. 464, 490, 512.—Всѣ три касаются вопроса о культѣ иконъ.

пами Пиппину или Карлу Великому [1]. Они столько же касаются экономическихъ или административныхъ вопросовъ, сколько религіозныхъ. Хотя чаще всего дѣлами завѣдывали королевскіе missi, но отъ времени до времени изъ писемъ можно усмотрѣть, что и папы получали приказанія и исполняли ихъ [2]. Когда пріѣзжаетъ въ Римъ Карлъ Великій, его принимаютъ, какъ патриція, то-есть, какъ начальника, со всѣмъ церемоніаломъ, практиковавшимся раньше для патриціевъ и экзарховъ [3]. Онъ появляется и въ одеждѣ имперскаго патриція [4].

Власть Карла Великаго въ Римѣ возрастаетъ послѣ завоеванія имъ королевства лонгобардскаго. Около 777 года Павелъ Діаконъ писалъ, что побѣдитель лонгобардовъ, Карлъ, принялъ также власть надъ Римомъ и „присоединилъ его къ своему скипетру“ [5]. Когда папой былъ избранъ въ 795 году Левъ III, онъ поспѣшилъ послать Карлу Великому

[1] Сборникъ писемъ Адріана останавливается на 791 году; письма Льва III имѣются только послѣ 808 года.

[2] Напримѣръ, въ № 94 изъ *Liber Carolinus* (Jaffe, стр. 276) видно, что папа получилъ приказъ изгнать венеціанскихъ купцовъ изъ территоріи Равенны и Пентаполя.—Въ національныхъ архивахъ (*Tardif*, 87) находимъ письма Адріана I, спрашивавшаго инструкцій и приказаній.

[3] *Liber pontificalis*, Adrianus, c. 36. p. 497: «Sicut mos est exarchum aut patricium suscipere».

[4] *Einhardus*, Vita Caroli, 23: «Romae semel, Adriano pontifice petente, longa tunica et chlamide amictus, calceis quoque romano more formatis induebatur».

[5] *Pauli Warnefridi*, Libellus de episcopis Mettensibus, edit. Patrologiae, p. 706: «Longobardorum gentem suae subdidit ditioni; Romanos praeterea ipsamque urbem Romuleam suis addidit sceptris».

„ключи отъ гроба святого Петра и знамя города“ [1]. Ключи были даромъ, не имѣвшимъ реальныхъ послѣдствій, а знамя означало, повидимому, подчиненіе. Еще болѣе знаменательно было, что папа просилъ короля или, скорѣе, патриція прислать въ Римъ уполномоченнаго для принятія присяги отъ римскаго народа [2]. Карлъ дѣйствительно послалъ въ Римъ аббата Ангильберта, и во врученномъ ему

[1] *Einhard*. Annales, anno 796: «Leo pontificatum suscepit (избраніе происходило 26 декабря 795 года новаго стиля; Левъ III былъ помазанъ на другой день) et mox per legatos suos claves confessionis sancti Petri ac vexillum Romanae urbis regi misit».

[2] *Einhard*. Annales, anno 796: «Rogavitque ut aliquem de suis optimatibus Romam mitteret qui populum romanum ad suam fidem atque subiectionem per sacramenta firmaret».—Въ этомъ текстѣ есть неясности. Я не увѣренъ, что слова «ad suam fidem et subiectionem» означаютъ «въ вѣрности и подчиненіи Карлу Великому». Грамматически они могли бы также значить «въ вѣрности и подчиненіи папѣ». Колебаться въ допущеніе обычнаго толкованія еще больше заставляетъ меня тотъ фактъ, что я не вижу здѣсь надобности принесенія римскимъ народомъ клятвы въ вѣрности королю, потому что избранъ былъ новый епископъ. Остаюсь въ сомнѣніи, но говорю, что при обоихъ толкованіяхъ отмѣчается характерное обстоятельство: одно изъ двухъ, или народъ приноситъ присягу патрицію, или же, принося присягу папѣ, онъ можетъ это совершить лишь въ присутствіи делегата отъ патриція.—Вспоминаю по этому поводу, что какъ только былъ избранъ папа Павелъ I, онъ написалъ Пиппину, что задержалъ въ Римѣ королевскаго *missus* для того, чтобы тотъ присутствовалъ при его посвященіи, «и чтобы былъ свидѣтелемъ любви римскаго народа» къ патрицію (*Liber Carolinus*, Jaffe, 68); добавимъ, что, получивъ извѣстіе объ избраніи Павла I, Пиппинъ направилъ римскому народу *ammonitio*, предписавъ «быть вѣрными» новому папѣ (*ibidem*, 70). Возможно, что это было старое правило принесенія римскимъ народомъ клятвы епископу въ присутствіи представителя гражданской власти.

письмѣ, которое до насъ дошло, онъ начерталъ ему инструкціи, чтобы тотъ зналъ, въ какомъ смыслѣ говорить съ папою. Карлъ пишетъ тономъ государя, обращающагося къ одному изъ епископовъ своего государства [1]. Въ то же время онъ отправилъ папѣ полное почтенія письмо, но сумѣлъ въ немъ отмѣтить функцію обѣихъ властей: „Намъ надлежитъ защищать церковь христову отъ нападковъ язычниковъ, отъ враговъ внѣшнихъ и укрѣплять внутри въ истинной вѣрѣ, а вамъ воздымать руки къ Господу, подобно Моисею, дабы молитвы ваши обезпечивали нашу побѣду“ [2].

Въ 800 году Карлъ замѣнилъ титулъ патриція титуломъ императора. Если довѣрять Эйнгарду, императорская корона была ему поднесена неожиданно и вопреки его желанію [3]. Подробное разсмотрѣніе фактовъ покажетъ намъ, что сцена коронованія была подготовлена заранѣе.

Ни въ одномъ документѣ не утверждается, чтобы у Карла Великаго было стремленіе стать императоромъ, но это весьма правдоподобно. На западѣ всѣмъ было извѣстно значеніе этого титула. Алькуинъ въ 799 году писалъ Карлу Великому, что званіе императора выше званія короля [1]. Но нужна была поддержка папы, а до тѣхъ поръ папы считали нужнымъ оставаться подданными константинопольскаго императора. Первые годы понтификата Льва III были очень бурные. Враждебная партія изгнала папу и чуть не убила его [2]. Франкскій герцогъ, находившійся въ Римѣ, спасъ папу и отвезъ его къ Карлу Великому. Левъ III все лѣто прожилъ въ Германіи около короля. Что происходило на ихъ бесѣдахъ, то знали очень немногіе, и никто этого не разсказалъ [3]. Черезъ семьдесятъ лѣтъ одинъ итальянскій лѣтописецъ писалъ, что папа обязался короновать Карла императорской короной въ случаѣ, если тотъ вернетъ его въ Римъ и освободитъ отъ враговъ [4]. Король франковъ

[1] Это письмо находится въ *Liber Carolinus*, Jaffe, 353: «Ammoneas eum de omni honestate vitae suae, de sanctorum observatione canonum... De simoniaca heresi diligentissime suadeas illi».

[2] Письмо Карла Великаго къ Льву III у Jaffe, 356: «Nostrum est sanctam ubique Christi ecclesiam ab incursu paganorum et ab infidelium devastatione armis defendere foris, et intus catholicae fidei cognitione munire. Vestrum est, elevatis ad Deum cum Moise manibus, nostram adiuvare militiam quatenus, vobis intercedentibus, Deo ductore et datore, populus christianus habeat victoriam».

[3] *Vita Caroli*, 28: «Imperatoris et augusti nomen accepit, quod primo in tantum aversatus est ut affirmaret se eo die ecclesiam non intraturum si pontificis consilium praescire potuisset».

[1] *Monumenta Alcuiniana*, 464: «Tres personae in mundo altissimae... Apostolica sublimitas... Imperialis dignitas... Tertia est regalis dignitas, in qua vos etc.».

[2] Документы не позволяютъ намъ съ увѣренностью сказать, каковы были стремленія этой группы. См. трудъ *Bayet*, Léon III et la révolte des Romains en 799, въ «Annuaire de la Faculté des lettres de Lyon», 1883.

[3] Алькуинъ этого не зналъ; правда, его тамъ не было, но вообще онъ былъ освѣдомленъ обо всѣхъ дѣлахъ. Въ письмѣ отъ сентября 799 года онъ жалуется, что ничего не знаетъ (*Monumenta Alcuiniana*, p. 491).

[4] *Iohannes Diaconus*, Chronicon episcoporum Neapolitanae ecclesiae, у *Muratori*, Rerum italicarum scriptores, т. I, ч. 2-я, стр. 312, или у *Waitz*, Scriptores rerum italicarum, 428: «Leo fugiens ad Carolum regem spopondit ei, si de suis illum liberaret inimicis, augustali eum diademate coronaret».— Лѣтописецъ добавляетъ: «Carolum opta-

дѣйствительно тотчасъ же снарядилъ войско проводить папу въ его городъ, а на слѣдующій годъ отправился въ Римъ самъ.

Видимо, онъ вступилъ въ Римъ, какъ повелитель, такъ какъ лишь благодаря его поддержкѣ папа занималъ тамъ престолъ. Онъ сейчасъ же проявилъ свою власть; разбирая распрю папы съ его противниками [1], онъ заставилъ самого папу явиться передъ нимъ и передъ его свѣтскими приближенными, причемъ за отсутствіемъ доказательствъ тотъ былъ принужденъ оправдаться путемъ судебной присяги [2]: это актъ важный, неслыханный и, какъ будто, унизительный для папы [1]. Все это достаточно показываетъ, что уже, какъ патрицій, Карлъ держалъ Римъ и папу въ своей власти. Сравнивая силу короля со слабостью папы, не приходится сомнѣваться въ томъ, что папа долженъ былъ исполнять все, чего хотѣлъ король. Черезъ два дня послѣ суда, король заставилъ того же папу короновать его императоромъ.

tam audiens promissionem, e vestigio cum magno apparatu hostium proficiscens urbemque capiens, illum in suam revocavit sedem. At ille statim Carolum coronavit et dignam ultionem in suos exercuit inimicos». Это сочиненіе было написано въ послѣдней четверти IX вѣка. Авторъ ея, неаполитанецъ, не имѣлъ тѣхъ основаній скрывать истину, какія удерживали авторовъ *Liber pontificalis* или франкскія лѣтописи. Можно это сравнить съ тѣмъ, что пишетъ Θеофанъ (Боннское изданіе, стр. 732): «Πάλιν ἀποκατέστησεν αὐτὸν (папу) εἰς τὸν ἴδιον θρόνον, γενομένης τῆς Ῥώμης ἀπ' ἐκείνου τοῦ καιροῦ ὑπὸ τὴν ἐξουσίαν τῶν Φράγκων».

[1] Папа обвинялся противниками въ нѣсколькихъ преступленіяхъ, а именно, въ прелюбодѣяніи и нарушеніи клятвы (письмо Алькуина въ «Monumenta Alcuiniana», 489), и король франковъ поручилъ своему уполномоченному произвести слѣдствіе, оказавшееся, повидимому, неблагопріятнымъ для Льва III (*ibidem*, 511). Эйнгардъ говоритъ, что путешествіе Карла Великаго въ Римъ имѣло главной цѣлью «de investigandis quae pontifici obiiciebantur criminibus».

[2] *Einhard*. Annales: «Qui (pontifex) postquam nullus eorumdem criminum probator esse voluit, coram omni populo, in basilica S. Petri, Evangelium ferens, ambonem conscendit, invocatoque Sanctae Trinitatis nomine, de obiectis se criminibus iureiurando purgavit».—То же самое въ лорпской хроникѣ и въ *Liber pontificalis*.—Сохранился письменный текстъ клятвы папы; онъ находится въ *Liber Carolinus*, изд. Jaffe, стр. 378).

4.

Король франкскій становится императоромъ римскимъ; характеръ этого акта.

Чтобы хорошо понять этотъ актъ и правильно оцѣнить его значеніе, надобно разсмотрѣть въ немъ одну за другою три особенности.

1. Со стороны папы коронованіе Карла императоромъ являлось разрывомъ съ Константинополемъ. Это первое, что вытекаетъ изъ текстовъ. Мы видимъ въ нихъ даже, что въ Римѣ старались найти поводъ къ разрыву, и поводомъ послужило то, что

[1] Чтобы понять, насколько необходимость принести подобную клятву была унизительна для папы, надо обратиться къ письму, написанному ему Алькуиномъ въ предыдущемъ году, въ которомъ авторъ отговаривалъ папу отъ принесенія такой клятвы и даже отъ того, чтобы тотъ подвергался какому-либо судебному процессу, «ибо апостольскій престолъ судитъ, но судимъ быть не можетъ». Еще лучше видно это изъ того, что въ клятвѣ своей папа не преминулъ сказать, что не смотритъ на себя, какъ на подсудимаго, и добавилъ, что на эту противную канонамъ клятву никогда не должны ссылаться, какъ на прецедентъ противъ его преемниковъ (*Jaffe*, 379).

императорскій престолъ могъ казаться вакантнымъ, такъ какъ его занимала въ то время женщина, императрица Ирина. Вотъ, что говорится въ лоршскихъ анналахъ: „Такъ какъ со стороны грековъ императорская власть была упразднена, ибо носительницей ея была женщина, то папа Левъ счелъ умѣстнымъ... сдѣлать императоромъ короля франковъ, Карла, подъ властью коего уже былъ Римъ, гдѣ имѣли обычай занимать престолъ древніе цезари“ [1]. Тотъ же взглядъ высказываетъ муассакская хроника: „Въ то время, какъ Карлъ находился въ Римѣ, къ нему пришли послы, возвѣстившіе, что у грековъ званіе императора было вакантно, такъ какъ оно принадлежало женщинѣ. Тогда рѣшили провозгласить императоромъ Карла, который уже владѣлъ Римомъ, бывшимъ матерью имперіи“ [2]. Тотъ же порядокъ мыслей повторяется у позднѣйшихъ лѣтописцевъ. Епископъ бременскій Ансхарій пишетъ черезъ шестьдесятъ лѣтъ послѣ этого событія: „Со времени августа Константина императорская власть имѣла пребываніе въ Константинополѣ; но такъ какъ ею была облечена женщина... то рѣшили перенести эту власть на ко-

[1] *Annales Laureshamenses*, Pertz, I, 38: «Et quia iam tunc cessabat a parte Graecorum nomen imperatoris, et femineum imperium apud se habebant, tunc visum est Leoni ut Carolum imperatorem nominare debuisset, qui ipsam Romam tenebat, ubi semper Caesares edere soliti erant».

[2] *Bouquet*, V, 78: «Cum apud Romam moraretur rex Karolus, nuntii delati sunt ad eum, dicentes quod apud Graecos nomen imperatoris cessasset et femineum imperium apud se haberent. Tunc visum est... ut Karolum imperatorem nominare debuisset, quia ipsam Romam matrem imperii tenebat».

роля франковъ, потому что онъ владѣлъ Римомъ, истинной столицей этой имперіи“ [1]. Позднѣе очень правильное пониманіе событія высказываетъ Ордерикъ Виталь: „Со времени Константина Великаго и до Ирины римской имперіей управлялъ константинопольскій императоръ, и Италія находилась подъ его властью; но папа Левъ и епископы рѣшили сбросить съ своей шеи иго константинопольскаго императора и возвести на императорскій престолъ Карла франкскаго“ [2].

2.—Итакъ, первой отличительной чертой изучаемаго факта было то, что современники усматривали въ немъ разрывъ съ Константинопо-

[1] *Vita S. Willehadi, auctore Anschario* (Mabillon, Acta, t. III, p. 2, 406; Bouquet, V, 451): «Imperialis potestas quae post Constantinum augustum apud Graecos in Constantinopolitana sede hactenus regnaverat, cum, deficientibus viris regalis prosapiae, feminea directione res administraretur publica, per electionem romani populi... ad Francorum translata est dominium; quoniam et ipse eamdem quae caput imperii fuerat videbatur tenere, ob quod et iure dignus esset caesarea appellatione».—То же говоритъ позднѣе Сигибертъ изъ Гемблу (Bouquet, V, 378): «Romani qui ab imperatore Constantinopolitano iamdiu animo desciverent (споръ объ иконахъ) nunc accepta occasionis opportunitate quia mulier eis imperabat (Сигибертъ допускаетъ, значитъ, что жители Рима были еще подчинены Иринѣ), uno omnium consensu Karolo regi imperatorias laudes acclamant atque per manum Leonis papae coronant».

[2] *Order. Vital.* I, 24 (édit. Le Prévost, I, 156): «A tempore Constantini Magni utique ad tempus Constanini Irenae filii, Constantinopolitanus imperator romanum imperium rexit, et Italiae praefuit. Sed quia plures ex imperatoribus heretici fuerunt... iugum Constantinopolitani principis a suo collo abiecerunt et regem Francorum Karolum elegerunt et romano imponere fastigio decreverunt».—То же сказано грекомъ, Константиномъ Манассесомъ; см. Bouquet, V, 398.

лемъ [1]. Вторая—выражается въ слѣдующемъ. Согласно лѣтописцамъ, рѣшеніе было принято не однимъ папой. Въ лоршской лѣтописи читаемъ: „Папа Левъ, собравшіеся на собраніе почтенные епископы и весь христіанскій народъ нашли нужнымъ объявить Карла императоромъ“ [2]. Въ муассакской хроникѣ говорится, что рѣшеніе было принято „папой, всѣмъ собраніемъ епископовъ и всѣми знатными, франками и римлянами“ [3]. Согласно Ансхарію, Карлъ сдѣлался императоромъ „по избранію римскаго народа“. Въ Liber pontificalis, который, какъ документъ оффиціальный, выражается болѣе сдержанно, все же отмѣчено присутствіе и дѣйствіе „всѣхъ вѣрныхъ римлянъ“ [4]. Изъ этихъ текстовъ не слѣдуетъ дѣлать вывода, что происходило дѣйствительное обсужденіе, голосованіе, плебисцитъ; но можно заключить, что совершилось нѣкоторое подобіе этого: какіе-то переговоры предшествовали коронованію, которое оказалось до извѣстной степени актомъ коллективнымъ.

[1] А потому оскорбленнымъ оказался и протестовалъ лишь константинопольскій дворъ. *Vita Caroli*, 28. Константинопольскіе государи не признавали сначала за франкскими государями титула римскаго императора и хотѣли сохранить этотъ титулъ за собою.

[2] «Visum est apostolico Leoni et universis sanctis patribus qui in ipso concilio aderant, seu reliquo christiano populo ut...»

[3] *Bouquet*, V, 79: «Leo papa cum consilio omnium episcoporum seu senatu Francorum necnon et Romanorum». И дальше: «Leo papa et omnis conventus episcoporum et sacerdotum et senatus Francorum et maiores natu Romanorum cum reliquo christiano populo consilium habuerunt ut Carolum imperatorem nominare deberent».

[4] *Anschar*. p. 313, № 3.—*Orderic. Vital.* «Leo Papa et conventus senatorum populique romani convenerunt et de statu reipublicae tractaverunt, iugumque...»

3.—Разсмотримъ теперь самую церемонію и отмѣтимъ ея характеръ. Беру описаніе изъ *Liber pontificalis* [1]: „Когда насталъ день Рождества, всѣ снова собрались въ базиликѣ св. Петра. Тогда папа собственноручно возложилъ на голову Карла драгоцѣнную корону. Въ эту минуту всѣ вѣрные римляне единодушно и однимъ голосомъ воскликнули по внушенію Бога и св. Петра: „Да здравствуетъ Карлъ, благочестивѣйшій августъ, Богомъ вѣнчанный, великій и миротворный императоръ!“ Возгласъ былъ повторенъ трижды, и такъ Карлъ былъ всѣми поставленъ императоромъ римлянъ“.—Эйнгардъ говоритъ то же самое: „Папа Левъ возложилъ корону на голову Карла, и весь римскій народъ провозгласилъ: „Да здравствуетъ августъ Карлъ, Богомъ вѣнчанный, великій и миролюбивый императоръ“ [2].

Всѣ перечисленные титулы были чисто римскими; *augustus*—императорскій титулъ по преимуществу; „благочестивѣйшій, вѣнчанный Богомъ, великій, миролюбивый“—это эпитеты, охотно принимавшіеся восточными императорами. Существуетъ сочиненіе, спеціально касающееся государственныхъ и религіозныхъ церемоній, составленое въ Константинополѣ; въ одной изъ главъ его подробно описанъ

[1] *Liber pontificalis*, Bouquet, V, 466 [édit. Duchesne, II, 7].

[2] *Einhardus*, Annales, a. 801. То же самое въ фульдской лѣтописи, Bouquet, V, 332. То же у *Poeta Saxo*: «Post laudes... praesul adoravit, sicut mos debitus olim pripcipibus fuit antiquis» (IV, 21).

церемоніалъ, сопровождавшій коронованіе императоровъ [1]. Мы видимъ, что оно происходило въ главной церкви, корону возлагалъ патріархъ, народъ издавалъ въ ту минуту возгласы: „Долголѣтіе августу, императору римлянъ; долголѣтіе тебѣ, коронованному Богомъ," и другіе подобные. Если сравнить это описаніе Константина Порфиророднаго съ описаніемъ Эйнгарда, то надо признать, что Карлъ Великій былъ коронованъ императоромъ согласно принятому въ Константинополѣ церемоніалу. Эйнгардъ добавляетъ слѣдующую подробность: „Послѣ привѣтственныхъ криковъ папа распростерся передъ Карломъ (*adoravit*), согласно установленному въ эпоху древнихъ императоровъ ритуалу" [2].

Итакъ, характеръ акта 800 года очень ясенъ [3]. „Римскій императоръ" поставленъ „римскимъ народомъ", руками его епископа. Это полная противоположность того, что произошло въ 476 году. Тогда подобіе римскаго сената отослало императорскія инсигніи и написало, что не желаетъ имѣть другого императора, кромѣ того, который пребывалъ въ Константинополѣ. Въ 800 году подобіе сената и римскаго народа съ своимъ епископомъ, игравшимъ роль патріарха, объявило, что вмѣсто

[1] Константинъ Порфирородный, De Caerimoniis aulae Bysantinae, боннское изданіе, гл. 38, 40, 43, стр. 191—224.

[2] «Ab eodem pontifice more antiquorum principum adoratus est».

[3] Мы называемъ 800 годъ; большинство лѣтописцевъ ставятъ 801, потому что начинаютъ годъ съ Рождества. По этому способу исчисленія коронованіе происходило въ первый день 801 года.

поставленнаго въ Константинополѣ римскаго императора они хотятъ римскаго императора, который былъ бы поставленъ въ Римѣ и пребывалъ бы на западѣ.

Ни у кого не было мысли о франкской или германской имперіи. Отмѣтимъ же, что не франкская королевская власть превращалась въ императорскую. Вопросъ шелъ о римской императорской власти; она была только вручена франкскому королю. Карлъ Великій сдѣлалъ то, на что не рѣшился ни одинъ изъ германскихъ королей V-го вѣка. Но сдѣлаться франкскимъ императоромъ онъ бы не рѣшился никогда [1].

Достаточно посмотрѣть на его дипломы, чтобы увидѣть, что онъ въ самомъ дѣлѣ не перемѣнилъ титулъ короля франковъ на императорскій. Онъ остается королемъ франковъ, королемъ лонгобардовъ, но въ то же время становится императоромъ римскимъ [2]. Послѣдній титулъ, какъ высшій,

[1] Титулъ императора замѣнилъ здѣсь титулъ патриція, а не титулъ короля. Эйнгардъ подъ 801 годомъ: «Ac deinde, omisso patricii nomine, imperator et augustus est appellatus».—Называть Карла Великаго «imperator Francorum» попытались греческіе императоры (Bouquet, VI, 366), и понятно почему. Императоръ Людовикъ II, отвѣчая въ 871 году греческому императору, спросившему его, почему онъ называетъ себя императоромъ римлянъ, а не императоромъ франковъ, говоритъ ему: «Miraris quod non Francorum sed Romanorum imperator appelemur, sed scire te convenit quia nisi Romanorum imperator essemus, utique nec Francorum, a Romanis enim hoc nomen et dignitatem assumpsimus» (*Epistola Ludovici imperatoris*, Bouquet, VII, 574).

[2] Капитуларій 806 года (Boretius, № 45, стр. 126; Tardif, № 145).

только выступилъ впередъ. Въ его глазахъ — это титулъ вполнѣ римскій. Онъ именуетъ себя „свѣтлѣйшимъ августомъ, вѣнчаннымъ Богомъ императоромъ, великимъ, миролюбивымъ". Когда ему пишутъ или обращаются къ нему, его называютъ именемъ *augustus*. Его называютъ также Цезаремъ, какъ и Людовика Благочестиваго [1]. Когда Карлъ Великій или Карлъ Лысый хотятъ появиться публично въ качествѣ императоровъ, они облачаются въ римскую одежду.

Исходя изъ этого, можно было бы предположить, что нося два титула, они были королями для франковъ и императорами для римлянъ. Но это было бы ошибкою. Они были императорами для всѣхъ своихъ государствъ и для всѣхъ подданныхъ. Это доказываютъ дипломы Карла [2]; еще

[1] Левъ III пишетъ Карлу Великому: «Domino piissimo et serenissimo victori ac triumphatori Karolo augusto» (*Jaffe*, Liber Carolinus, 308).—Бенедиктъ Левита называетъ титуломъ Цезаря Карла Великаго, Людовика и Лотара; *Praefatio capitulariorum*, Bouquet, VII, 309. Одинъ дарственный актъ 811 года (подлинникъ см. *Tardif*, № 101) былъ датированъ такъ: «Anno undecimo imperii domni nostri Karoli gloriosi augusti».—Фонтенельская лѣтопись, Bouquet, VI, 174: «Iussu augustorum».—Бертинская лѣтопись, стр. 31: «Augusti».—Авторъ чудесъ св. Гоара называетъ императора «augustus» (Bouquet, V, 453).—Титулъ «цезарь» нѣсколько менѣе употребителенъ, чѣмъ титулъ «augustus»; все же находимъ его въ капитуляріи 802 года, «de sacramento», въ формулѣ у Розьера, № 140, у Эрмольда и т. д. Сенъ-галленскій монахъ, II, 21: «Caesare ad ecclesiam procedente».—Императрицу всегда называютъ «augusta»: см. въ метцской лѣтописи, 829 годъ (Bouquet, VI, 212).

[2] Титулъ «imperator Romanorum» замѣняется иногда словами: «Romanum gubernans imperium».

лучше доказывается это тѣмъ, что въ 802 году онъ поручилъ своимъ *missi*, посланнымъ во всѣ его государства, требовать „чтобы всякій человѣкъ, духовный или свѣтскій, приносившій ему присягу, какъ королю, возобновилъ ее, какъ цезарю" [1].

Это любопытный и полный значенія фактъ, что титулъ „императора римлянъ", августа, и цезаря былъ принятъ всѣми. Очевидно, слово „римлянинъ" бралось въ самомъ широкомъ смыслѣ; оно не означало жителей Рима, а употреблялось такъ, какъ употребляли его въ V вѣкѣ Галлы, когда сами называли себя „римлянами". Не видно, чтобы какой-нибудь житель Галліи, хотя бы и франкской расы, жаловался на то, что повелитель его называется цезаремъ, величаетъ себя императоромъ римлянъ; такимъ образомъ франки сами считали его какъ бы римляниномъ.

Идея римской имперіи, обнимающей весь западъ, сохранялась во всѣ прошлые вѣка. Въ Галліи не переставали признавать въ теоріи римскаго императора; не повинуясь ни мало царствующимъ въ Константинополѣ государямъ, жители ея очень точно знали о вступленіи на престолъ каждаго изъ нихъ, знали и главныя черты царствованія каждаго. Начиная съ 800-го года римскій императоръ появился въ самой Галліи, и онъ былъ въ то же время ея королемъ. Называться императоромъ римлянъ значило заявлять себя главою древней имперіи для всего запада.

4.—Остается спросить, много ли измѣнился ха-

[1] Капитулярій 802 года, *Boretius*, 92; *Pertz*, Leges, I, 91; *Baluze*, I, 363 и 378.

рактеръ монархической власти во франкской державѣ въ силу принятаго императорскаго титула. На этотъ счетъ ученые нѣсколько заблуждались. Кто увѣренъ въ противоположности между германскими и римскими понятіями и въ совершеніи долгой борьбы между этими двумя теченіями, тѣ представляютъ себѣ, что титулъ императора явился признакомъ установленія новыхъ формъ управленія. На дѣлѣ это вовсе не такъ. Франкская королевская власть была уже настоящею монархіею, и примѣненіе римскихъ пріемовъ управленія значительно предшествуетъ коронованію Карла Великаго. Когда дальнѣйшій ходъ нашихъ изслѣдованій покажетъ различныя учрежденія, дворецъ, администрацію, общія собранія, судоустройство, мы не замѣтимъ, чтобы которое-нибудь изъ нихъ подверглось измѣненію въ 800 году. Мы установимъ, наоборотъ, что каждое осталось послѣ этого событія такимъ же, какимъ было до него. Какъ императоръ, Карлъ Великій управлялъ не иначе, чѣмъ управлялъ, какъ король [1].

Измѣнились лишь титулы и нѣкоторыя внѣшнія формы. Имя монарха стало болѣе почетнымъ и высокимъ. Имперская фразеологія, сохранившаяся при Меровингахъ, теперь расширилась и развилась, приблизилась къ византійскому стилю. Обращаясь къ народу, императоръ больше, чѣмъ когда-либо, охотно распространялся о своихъ правахъ и обязанностяхъ.

[1] Можно замѣтить, что онъ не измѣнилъ даже своего двора, не ввелъ въ него церемоніалъ или должности, существовавшія въ Константинополѣ. Его дворъ, какъ и его администрація, сохранили меровингскіе обычаи.

Особенно замѣтно расширилось употребленіе термина *respublica*. Меровинги употребляли его иногда, въ устахъ императоровъ онъ начинаетъ повторяться очень часто. Съ этимъ терминомъ связывалось понятіе, что управленіе—дѣло всѣхъ людей, но этимъ общимъ дѣломъ завѣдуетъ одинъ императоръ. Императоръ долженъ заботиться о благѣ всѣхъ; онъ отвѣтственъ за безопасность, благосостояніе, порядокъ, даже за вѣру и поведеніе всѣхъ. Императоры безпрестанно употребляютъ въ своихъ актахъ слово *respublica* [1], его любятъ примѣнять писатели, Эйнгардъ, Нитгардъ [2],

[1] Людовикъ Благочестивый говоритъ въ одномъ дипломѣ: «Quidam antecessorum nostrorum qui rempublicam tunc gubernabat» (*Tardif*, № 135).—«Omnibus rempulicam administrantibus» (дипломъ Людовика Благочестиваго, Bouquet, VI, 464).—«Regiam vel reipublicae potestatem» (капитулярій 860 года, 6, Walter, 112).—«Ministros reipublicae» (2-й мерсенскій договоръ, 851, ст. 5, Walter, III, 36).—«Constituite comites et ministros reipublicae qui...» (такъ говорятъ Карлу Лысому епископы въ 858 г. Walter, 90).—«A ministris reipublicae» (пистскій указъ, 864 годъ, ст. 25).—«Tam comites quam ceteri omnes ministri reipublicae» (тамъ же, 864, ст. 24).—«(Vos) cui respublica ad gubernandum commissa est», пишетъ Агобардъ Людовику Благочестивому, (Bouquet, VI, 367).—«In ecclesiasticis negotiis sive in statu reipublicae» (говоритъ Людовикъ Благочестивый, Boretius, 274).—«Nihil credimus minui ab rei publicae iure» (подлинный актъ 833 года; Bouquet, VI, 588; Tardif, № 126).

[2] Нитгардъ въ сочиненіи, состоящемъ, примѣрно, изъ сорока страницъ, употребляетъ слово «respublica» тридцать разъ.—Гинкмаръ, Epistola ad Carolum (Migne, I, 49): «Pro reipublicae negotiis».—«Status reipublicae» (*Vita Walae*, II, 2, Bouquet, VI, 280).—Выраженіе «ob beneficium reipublicae», «на пользу общественную», встрѣчается въ *Vita S. Adalardi*, написанной ученикомъ его Ратбертомъ (гл. 30, Bouquet, VI, 277).—«Accidit rempu-

Теганъ. Королевскіе чиновники называются *ministri reipublicae*. Слово это останется во французскомъ языкѣ и сохранится изъ вѣка въ вѣкъ, означая правленіе всѣхъ черезъ посредство монарха, до того дня, когда рѣзкая перемѣна въ образѣ мыслей людей внезапно придастъ этому слову другое значеніе.

Итакъ, повидимому, королевская власть до нѣкоторой степени усилилась, а, главное, по характеру своему и по языку, какъ будто, поднялась на болѣе высокій уровень. Быть можетъ, въ самомъ дѣлѣ немногіе идеологи монархіи надѣялись установить болѣе высокую власть, болѣе покровительственную, а главное, болѣе прочную, чѣмъ королевская власть германская, такую власть, которая оградила бы міръ отъ раздѣловъ, отъ неурядицъ, отъ болѣзней соціальнаго организма.

Въ общемъ же эти слова и титулы имѣли мало вліянія на дѣйствительное управленіе людьми. Титулъ императора не привелъ къ тому, что подданные стали лучше повиноваться Каролингамъ. Если бы возстановленіе имперіи оказало дѣйствительное вліяніе, оно вызвало бы два послѣдствія: во-первыхъ, сохранило бы единство на западѣ; во-вторыхъ, воспрепятствовало бы расцвѣту феодализма. На дѣлѣ не случилось ни того, ни другого. Уже въ слѣдующемъ поколѣніи разразились междоусобныя войны, произошло непоправимое распаденіе. Если торжество феодализма и задержалось, то весьма

blicam eiusdem regni affligi» (*Miracula S. Benedicti*, 27). Даже королевскій домэнъ называется «respublica» (*Walter*, II, 119, въ концѣ).

ненадолго. Такъ какъ имперія ничего не мѣняла въ соціальномъ строѣ, во внутренней структурѣ общества, то она не могла оказать продолжительнаго вліянія и на политическое устройство. Коронованіе Карла Великаго, несомнѣнно, было однимъ изъ событій, наиболѣе поразившихъ современниковъ; но оно мало подѣйствовало на развитіе общихъ учрежденій страны.

ГЛАВА ШЕСТАЯ.

Дворецъ.

[Послѣ того, какъ мы разсмотрѣли различныя особенности королевской власти при Каролингахъ, слѣдуетъ изучить учрежденія, связанныя непосредственно съ нею, дворецъ, знать, совѣтъ и собранія, окружавшія короля и помогавшія ему управлять, словомъ, главные органы политической жизни и центральнаго управленія].

Дворецъ, какой мы видѣли при Меровингахъ, сохранился и при новой династіи. Дворецъ—это не жилище, а извѣстная совокупность людей, персоналъ приближенныхъ, окружавшихъ короля и при его перемѣщеніяхъ перемѣщавшихся вмѣстѣ съ нимъ [1].

[1] «Palatium regis dicitur... propter homines inhabitantes, non propter parietes». См. «Франкская монархія», гл. 8.

I.

Устройство дворца.

Онъ назывался *palatium regis* [1], *aula regis* [2], *domus regis* [3], *regis comitatus* [4]. Это все слова, со времени

[1] «Disciplina palatii» (капитулярій 820 года, *Boretius*, 297). *Hincmar*. De ordine palatii: «Volumus ut palatium nostrum Dei cultu et regali honore et unanimitatis concordia atque pacis ordine stabiliatur» (*Capitul.* a. 882 г. Baluze, II, 285).—Выраженіе «ad palatium venire» (примѣръ, *capitulare Pippini*, Boretius, p. 32, c. 7) не значитъ «явиться въ тотъ или другой принадлежащій королю дворецъ», а «явиться туда, гдѣ король».—«Palatium» означаетъ также въ капитуляріяхъ королевскую казну (*Boretius*, 123, 216 и дипломы, passim).—«Palatium» говорится о самой королевской власти: «Partibus palatii nostri fideliter deservire» (дипломъ Людовика Благочестиваго, № 33, Bouquet, VI, 650).

[2] «Aula regia» (*Vita S. Benedicti Anianensis*, c. 41).

[3] Сенъ-галленскій монахъ, I, 31 (Jaffe, 662): «Praepositus domus suae nomine Liutfridus».—*Hincmar*. De ordine, 1: «Dispositionem domus regiae».—*Vita S. Willelmi ducis*, 18 (у Mabillon, IV, 1, стр. 80): «Tum subito tota domus regia consurgit, adest repente non parva procerum frequentia, nobilium Francorum militia».

[4] *Einhardus*, Annales, a. 787: «Cum uxorem suam Fastradam filiosque ac filias et omnem comitatum Wormaciae convenisset».—*Ibidem*, a. 793: «Karolus cum omni comitatu ad locum venit».—*Ibidem*, a. 797: «Constituit ut in ipsa regione hiemaret, sumpto igitur secum comitatu suo, Saxoniam petiit».—*Vita Caroli*, 14: «Aquasgrani ubi regis comitatus erat».—*Einhardus*, Historia translationis Marcellini, c. 22: «Postquam ad comitatum veneram, secundum consuetudinem aulicorum»; c. 56: «Cum me quaedam necessitas comitatum regis adire compelleret...»—*Nithard*. II, 8: «Neque Karolus neque quilibet in suo comitatu».—Сенъ-галленскій монахъ, I, 5: «Erat quidam clericus in comitatu regis».—*Ibidem*, I, 33: «Habuit Karolus quemdam in comitatu clericum».—*Vita Walae*, II, 1 (Bouquet, VI, 280): «Ad comitatum rediens, omnia coram augusto proposuit».

римской имперіи служившія для обозначенія приближенныхъ государя. Появляется и новый терминъ—*curia regis* [1].

Какъ и въ эпоху римской имперіи, его называли священнымъ дворцомъ, *sacrum palatium* [2], а принадлежавшихъ къ нему людей—*palatini* [3], или *aulici* [4]. „Находиться во дворцѣ", значило находиться на службѣ короля; на языкѣ эпохи такая служба обозначалась словами *servire* или *militare in palatio* [5].

Чтобы познакомиться съ каролингскимъ двор-

[1] Онъ встрѣчается у сенъ-галленскаго монаха, II, 21.

[2] *Leidradi ad Karolum epistola*, въ Liber Carolinus (edit. Jaffe, 420): «Secundum ritum sacri palatii».—*Epistola* 23 (Migne, II, 154): «Hilduinus abbas clericorum sacri palatii...»—*Hincmar*. De ordine palatii, 1: «In sacro palatio».

[3] Сенъ-галленскій монахъ, I, 25: «Karolus misit duos de palatinis».—Говорили также: «proceres palatini» (Астрономъ, гл. 21 и 63) и «exigui palatini, indigentes palatini» (Сенъ-галленскій монахъ, гл. 31, Jaffe, стр. 745 и 746).

[4] «Quaesivit si aliquid novi de palatio audisset; cui ille: Nil, inquit, apud aulicos tam celebre est quam...» (*Einhardus*, De translatione, IV, 8).—*Einhardus*, Annales, a. 778: «Plerique aulicorum»; a. 785: «Amalvinus unus aulicorum».—*Einhardus*, Historia translationis Marcellini, 22: «Secundum consuetudinem aulicorum».—*Vita S. Willelmi ducis*, 4 (Mabillon, IV, 74): «Commendatus est regi a parentibus ut regi semper adstaret et in palatio militaret».

[5] *Einhardus*, Annales, a. 796: «Aulicos ceterosque in palatio suo militantes».—*Capitul.* 3 (Boretius, a. 820, c. 298): «De his qui nobis in nostro palatio deserviunt». *Ibidem*, c. 1: «Unusquisque ministerialis palatinus».—Говорили также: «Aulae regiae milites» (*Vita Benedicti*, 41, Mabillon, IV, 1, 207); «Viri regales» (*Vita Walpurgis*, 3; Mabillon, III, 2, 293).—«Cum in palatio positus... principi militarem» (*Einhardus*, De translatione, I, 1).—«Militare principi» говорится такъ же какъ «militare Deo».

цомъ, у насъ есть нѣсколько важныхъ документовъ: трактатъ, составленный Адальгардомъ въ эпоху Карла Великаго, краткое изложеніе котораго сохранилось у Гинкмара; капитулярій 820 года о внутреннемъ распорядкѣ дворца; нѣсколько писемъ Эйнгарда и поэма Теодульфа. Повидимому, хорошее устройство дворца было однимъ изъ главныхъ предметовъ заботъ Карла. Управлять дворцомъ было такъ же важно и, быть можетъ, такъ же трудно, какъ управлять государствомъ [1]. Быть можетъ, надо даже признать, что великое превосходство Пиппина и Карла Великаго больше сказалось въ управленіи именно дворцомъ, чѣмъ государствомъ или обществомъ.

При Меровингахъ дворецъ имѣлъ единаго главу, палатнаго мэра. Благодаря тому, что Пиппины занимали эту должность, они достигли всеобщаго повиновенія и пріобрѣли такимъ образомъ силу свергнуть старую династію. Когда они перемѣнили титулъ мэра на титулъ короля, они воздержались отъ назначенія новыхъ мэровъ. Они упразднили самую должность.

Прежній дворцовый графъ—*comes palatii* сдѣлался тогда первымъ въ іерархіи центральнаго управленія. Мы видимъ, что этотъ сановникъ несъ, какъ и прежде,

[1] Отмѣтимъ слѣдующее выраженіе Агобарда (Opera, II, 67): «Ut acciperet coniugem quae, ei possit esse adiutrix in regimine et gubernatione palatii et regni».—Адальгардъ высказываетъ ту же мысль: «In libello *de ordine palatii* continetur duabus principaliter divisionibus totius regni statum constare: primam videlicet divisionem esse qua regis palatium regebatur et ordinabatur; alteram vero qua totius regni status servabatur» (*Hincmar*. De ord. pal. 12).

судебныя функціи [1]; но сверхъ того, въ видѣ нововведенія, на него былъ возложенъ надзоръ за всѣмъ дворцомъ и управленіе имъ [2]. Онъ—первый среди вельможъ. Замѣчаемъ еще ту особенность, что въ каролингскую эпоху назначалось нѣсколько дворцовыхъ графовъ одновременно [3]. Не знаемъ, впрочемъ, раздѣляли ли они между собою управленіе дворцомъ, или оно ложилось цѣликомъ на каждаго изъ нихъ поочереди.

Подъ начальствованіемъ дворцовыхъ графовъ дворецъ дѣлился на нѣсколько группъ или службъ, называвшихся, какъ во время римской имперіи, *officia* или *ministeria* [4]. Каждая группа имѣла осо-

[1] *Tardif*, № 65, актъ 753 года; № 75, актъ 755 года; № 108, актъ 812 года. *Einhard*. Annales, a. 782. *Hincmar*. De ord. pal. 21.

[2] *Capitul*. a. 820 (Boretius, 298): «Comites palatini omnem diligentiam adhibeant ut..»—Сенъ-галленскій монахъ показываетъ въ одномъ изъ своихъ разсказовъ (II, 6, Jaffe, 672) «comitem palatii in medio procerum concionantem».

[3] Письма Эйнгарда (Изд. Jaffe, № 31, стр. 463, Teulet, № 11): «Einhartus Rotberto glorioso comiti... qualiter a vobis causa inquisita est simul cum Adalhardo et Gebuino comitibus palatii». Изъ этого текста видно, что было, по крайней мѣрѣ, три дворцовыхъ графа заразъ.—Капитулярій 820 года, цитированный выше, говоритъ о *comites palatini*.—Одинъ дипломъ 818 года написанъ Людовикомъ Благочестивымъ въ присутствіи пятнадцати лицъ, названныхъ «comites palatii nostri» (дипломъ, приведенный въ «Histoire du Languedoc», изд. 1875 г. II, документы, стр. 122, по сборнику Дюпюи. *Sickel*, Acta Ludovici, spuria, 392).—Надо, впрочемъ, замѣтить, что *comes palatii* упоминается обыкновенно въ единственномъ числѣ (примѣръ, *Boretius*, p. 302, c. 2.), и Гинкмаръ (гл. 19 и 21) говоритъ лишь объ одномъ графѣ.—Ср. *magistratus palatii* у Агобарда (Opera, I, 101).

[4] *Hincmar*. 28: «Per singula ministeria»; c. 23: «De suo quisque ministerio». Сенъ-галленскій монахъ, I, 11, (Jaffe, 642):

баго начальника, *magister*, подчиненными котораго были *ministri* или *iuniores* [1].

Прежде всего, мы находимъ отдѣленія домовой службы, а именно завѣдываніе столомъ, конюшней, покоями короля.

1. Начальникъ службы по королевскому столу назывался сенешаломъ. Это слово германскаго происхожденія. Оно существуетъ уже при Меровингахъ, равно какъ должность, имъ обозначавшаяся [2]. Мы снова находимъ его при Карлѣ Великомъ и при Карлѣ Лысомъ [3]. На сенешалѣ лежала забота о столѣ короля и его приближенныхъ [4]. А потому

«Omnium officiorum magistri».—Члены дворца также часто называются «ministeriales»: «Unusquisque ministerialis palatinus» (капитулярій 820 года, *Boretius*, 298).—Ихъ называютъ также «officiales» (*Vita Walae*, II, 8: «Officiales palatii»).

[1] Сенъ-галленскій монахъ, I, 11: «Officiorum magistri deinde ministri, deinde ministrorum ministri». *Hincmar*. 28: «Per singula ministeria... magistro suo singuli adhaerentes». *Ibidem*, 17: «Quorumcunque ex eis iuniores». Лишнее и прибавлять, что начальники службы назывались сами «ministri», т.-е. слугами, когда разсматривались по отношенію къ королю. «Accitis tribus ministris suis» (Эйнгардъ, 782 годъ). Ср. *Epistola episcoporum*, 858 годъ (Walter, III, 90): «Constituite ministros palatii qui maximam curam gerant». *Hincmar*. 16: «Sacrum palatium per hos ministros disponebatur».

[2] *Lex Alamannorum*, LXXIX. *Marculf*. 25.—Pardessus, № 332.

[3] *Capitulare de villis*, 16. См. еще въ лоршской лѣтописи, 786 годъ.—Фульдская лѣтопись, 786 годъ. Гинкмаръ, гл. 23.—Дипломъ 831 года (Boehmer, 419; Sickel, 292).

[4] *Hincmar*. 23: «Maxima cura ad senescalcum respiciebat eo quod omnia cetera, praeter potus, et victus caballorum, ad eum respiceret». Ср. гл. 22, гдѣ говорится о *camerarius*: «Omnia absque cibo et potu vel equis ad camerarium pertinebant». *Cibus* означаетъ

на латинскомъ языкѣ онъ назывался *praepositus regiae mensae*, *magister regiae mensae*, а также *dapifer* [1]. Послѣднее названіе, рѣдко встрѣчаемое при Каролингахъ, сдѣлается общеупотребительнымъ при Капетингахъ. Отъ него зависѣли королевская кухня и булочная [2].

2.—Люди, завѣдывавшіе королевскими напитками, назывались *pincernae*, кравчіе, а начальникъ ихъ *magister pincernarum*. Теодульфъ отзывается объ этомъ лицѣ, какъ о высокомъ сановникѣ [3]. Его называли также *buticularius*, и названіе это сохранится при Капетингахъ [4].

3.—Начальникъ королевской конюшни сохра-

здѣсь особую службу сенешала.—Теодульфъ рисуетъ сенешала несущимъ блюда къ королевскому столу.

[1] *Einhardus*, Vita Caroli, 9: «Eggihardus regiae mensae praepositus».—Аудольфъ, называемый въ лоршской лѣтописи, въ 786 году, «senescalcus» (Bouquet, V, 44; Pertz, I, 169), именуется подъ тѣмъ же годомъ въ лѣтописи Эйнгарда «regiae mensae praepositus».—Сенъ-галленскій монахъ, II, 6 (Jaffe, 750): «Magister mensae regiae».—Насколько мнѣ извѣстно, званіе «dapifer» существуетъ лишь въ дипломѣ Карломана отъ 878 года у Муратори, Antiquitates Italicae, I, 929.

[2] «Princeps coquorum» см. Эрмольдъ, (IV, 461).—Описывая функціи сенешала, Теодульфъ представляетъ его «vallatus cuneis pistorum atque coquorum».—Алькуинъ также говоритъ о сенешалѣ, что онъ надзиралъ за поварами и наказывалъ ихъ (*Monumenta*, p. 246 или *Migne*, II, 781).

[3] *Vita Benedicti*, 4: «Pincernae sortitur officium».— *Theodulfi*, Carmina, 1: «Adveniat pincerna potens Eppinus et ipse Pulchraque vina manu vinaque grata vehat».—Лоршская лѣтопись, 781 годъ: «Magister pincernarum».—Ср. *Ermold*. IV, 465.

[4] *Hincmar*. 23: «Buticularium»; et c. 16. *Capitulare de villis*, гл. 16: «Buticularius».

нилъ прежнее наименованіе *comes stabuli* [1]. Подъ нимъ стояли *marescalci* [2].

4.—Королевская казна называлась *camera*; это было хранилище денегъ въ монетахъ; сюда поступали всѣ суммы, какія должны были вноситься королю [3]; отсюда же исходили и тѣ, какія король платилъ [4]. Въ эту же *camera* поступали дары подданныхъ, подарки, привозимые чужестранными послами [5]. Тутъ складывались императорскія украшенія, драгоцѣнности, дорогое оружіе, красивыя ткани, золотая посуда, даже книги [6]. Начальникъ королевской *camera* былъ очень важнымъ сановникомъ; онъ назывался *camerarius* [7].

[1] Гинкмаръ, гл. 16: «Comitem stabuli»; гл. 23: «Ad comitem stabuli pertinebat.... victus caballorum».—Эйнгардъ, Annales, 782 годъ; *ibidem*, 807 годъ.—Астрономъ, 49.—*Traditiones. Wissemburgenses*, Zeuss, № 69.—Форма «comistabilis» или «conestabulus» встрѣчается у Эмоина и у Регинона.—Сенъ-галленскій монахъ рисуетъ «comitem stabuli in medio subiectorum suorum consistentem» (II, 6, стр. 671).

[2] Капитуляріи 801—803, гл. 10, Boretius, p. 171: «Marscalci regis». Ср. *Lex Alamannorum*, LXXIX.

[3] *Gesta Dagoberti*, 33: «Telonea quemadmodum ad cameram suam deservire videbantur».—Это слово употреблялось даже въ переносномъ значеніи: «Parafreda et carra ad nostram cameram deportanda» (*Muratori*, Antiquitates Italicae, II, 62). «Hubae ad cameram nostram pertinentes» (*Monumenta Boica*, XXXI, 168)—Говорили также «arca publica» (Астрономъ, 23), а также «sacellum regis» (капитулярій Пиппина у Boretius, 32, ст. 3 и 4).

[4] Пистскій указъ 864 года, ст. 14: «Ut de camera nostra accipiant libras quinque argenti».

[5] *Hincmar*. 22: «Et de donis annuis militum... et de donis diversarum legationum ad camerarium aspiciebat».

[6] *Vita Caroli*, 33.—*Astronom*. 63. Ср. *Thegan*. 8.

[7] *Hincmar*. 22: «Ad camerarium pertinebat».—Эйнгардъ, Annales, 782 годъ; 817 годъ. Бертинская лѣтопись, 830 годъ. Фульдская лѣтопись, 829 годъ: «Camerarius constitutus». Астрономъ, 29 и 43.—Алькуинъ называетъ этого чиновника «regalis palatii arcarius» (*Epistolae*, 69 стр. 318). — Встрѣчаемъ также терминъ «sacellarius», представляющій изъ себя, быть можетъ, синонимъ «camerarius»; въ самомъ дѣлѣ, одно и то же лицо, по имени Танкульфъ, названо одновременно «sacellarius» (*Einhard*. Annales, 826 годъ), «sacrorum scriniorum praelatus» (*Astronom*. гл. 40, 826 годъ) и «camerarius» (*Vita Benedicti Anianensis*, гл. 57, 821 годъ); но у Гинкмара (гл. 17) подъ «sacellarius», повидимому, разумѣется подчиненный камерарія.

5.— Въ личныхъ покояхъ короля, *cubiculum*, служили другія должностныя лица, камергеры, *cubicularii* [1]. Надо также упомянуть придверниковъ, *ostiarii* [2], егермейстеровъ, *venatores* [3], тѣлохранителей, *satellites* [4], сокольничихъ и, главное, начальника надъ королевскимъ жилищемъ *mansionarius*, на которомъ лежали важныя и трудныя обязанности, такъ какъ онъ долженъ былъ размѣщать

[1] Относительно «cubiculum» см. у Сенъ-галленскаго монаха, II, 12 (изд. Jaffe, стр. 684); у Эйнгарда, Translatio Marcellini, с. 22: «Hildricum ante fores regii cubiculi sedentem et egressum principis operientem».—*Cubicularii* упоминаются сень-галленскимъ монахомъ, II, 17 (стр. 695), гдѣ они несутъ чисто личную службу, и отмѣченъ «magister cubiculariorum» (*ibidem*, II, 6, стр. 672): «Cubicularios imperatoris circa magistrum suum».

[2] *Liber carolinus* (изд. Jaffe, стр. 256). *Astronom*. 35. *Einhard*. Annales (822 годъ).—Ср. еще въ описаніи чудесъ св. Гоара (Bouquet, VI, 309).—Письмо Фротхара, Bouquet, VI, 386, 387.—Бертинская лѣтопись, 868 годъ.

[3] *Hincmar*, гл. 16. *Capitulare de villis*, гл. 47. *Einhardi*, Epist. (Jaffe, № 25). *Astronom*. 56; *ibidem*, 20. *Concilium Ticinense*, a. 850, 4.

[4] *Annales Fuldenses*, 866, 877, 880, 884, 886 г. г. *Hincmar*. 27. *Mon. S. Gallens*. I, 11; I, 26; I, 30. *Vita Caroli*, 22.

дворъ и громадный персоналъ служащихъ, которые часто передвигались [1].

На ряду съ домовыми и личными службами, во дворцѣ были еще службы, которыя можно назвать государственными, хотя обычаи эпохи не отличали однихъ отъ другихъ. Именно въ тѣхъ же рамкахъ можно было найти то, что по теперешнему, именуется канцеляріями или департаментами по различнымъ вѣдомствамъ; на тогдашнемъ языкѣ они назывались *scrinia*.

6.—Во дворцѣ каролингскихъ государей велось очень дѣятельное и изобильное письменное дѣлопроизводство. Кромѣ законовъ и указовъ, кромѣ инструкцій чиновникамъ, приходилось писать несчетное число грамотъ, иммунитетныя или дарственныя грамоты, утвержденія хартій частныхъ лицъ; шла также постоянная переписка съ епископами, съ папами, съ императорами. Необходимъ былъ многочисленный персоналъ составителей и переписчиковъ, цѣлая канцелярія. Гинкмаръ и говоритъ, что существовалъ контингентъ „мудрыхъ, толковыхъ и вѣрныхъ людей для писанія королевскихъ грамотъ", людей, отъ которыхъ требовалось два качества, „безкорыстіе и скромность" [2]. Эти люди назывались обыкновенно *notarii* [3], и въ ихъ числѣ

[1] Ср. *Hincmar*. 23: «Inter quos et mansionarius intererat... propter mansionum praeparationem...»—*Capitular*. a. 820, 2 (Boretius, стр. 298): «Mansionarius faciat simili modo cum suis iunioribus per mansiones episcoporum, et comitum, et vassorum nostrorum».

[2] *Hincmar*. 16: «Prudentes et intelligentes et fideles viri qui praecepta regia absque immoderata cupiditatis venalitate scriberent et secreta fideliter custodirent».

[3] *Codex Laureshamensis*, I, 48, № 20: «Ego Hirmimarus diaconus

находились *scribae* [1]. Широко употреблявшійся при Меровингахъ терминъ „референдарій" при новой династіи больше не встрѣчается. Начальникъ этихъ „канцелярій" назывался протонотаріемъ или канцлеромъ [2]. Гинкмаръ замѣчаетъ, что онъ занялъ мѣсто того, кто въ древнемъ императорскомъ дворцѣ назывался *a secretis* [3]. Это именно лицо, отвѣтственное за составленіе королевскихъ актовъ, которое въ большинствѣ случаевъ и подписывало ихъ [4]. Такъ мы знаемъ имена канцлеровъ Гитерія, Радона, Эркамбальда, Элисахара, Фредегиза, Теотона, Гуго, аббата Людовика, Гозлина [5].

7.—Къ канцеляріямъ, въ которыхъ писались акты, присоединяются другія, въ которыхъ они

et notarius imperialis scripsi et subscripsi». *Hincmar*. De praedestinatione, II, 7, *Einhard*. Annales, 801 годъ.—Актъ 827 года, *Tardif*, № 119. Какъ извѣстно, званіе «notarius» не было спеціально присуще дворцу. У епископовъ были тоже свои «notarii»; они были даже у богатыхъ свѣтскихъ собственниковъ. Эйнгардъ посылаетъ въ Римъ «suum notarium» (De translatione, I, 2).

[1] Сенъ-галленскій монахъ говоритъ о «dictatores» и «scriptores», I, 4, стр. 633.—Лупъ Феррьерскій (Bouquet, VII, 481) говоритъ о нѣкомъ «Luduicus epistolare officium in palatio gerens».

[2] *Hincmar*. a. 16: «Summus cancellarius, erantque illi subiecti qui praecepta regia scriberent..»—Иногда его называютъ «archinotarius» (актъ 835 года, см. хартулярій бертинскаго монастыря, стр. 82).

[3] *Ibidem*: «Summus cancellarius qui olim a secretis appellabatur».—Это названіе не встрѣчается въ меровингскихъ документахъ.

[4] Начиная съ Людовика Благочестиваго, подписываетъ часто его подчиненный, простой notarius, ad vicem канцлера.

[5] *Sickel*, Acta regum et imperatorum Karolinorum, I, 103—105.

сохранялись. Это было то, что и тогда спеціально называлось архивомъ, *archivum palatii* [1]. Существовалъ обычай изготовлять каждый королевскій актъ въ нѣсколькихъ экземплярахъ; одинъ изъ нихъ оставался въ архивѣ [2]. Даже дипломы частнаго характера, каковы пожалованія, изготовлялись въ двухъ экземплярахъ; одинъ изъ нихъ вручался заинтересованному лицу, другой сохранялся въ дворцовомъ архивѣ [3]. Всѣ эти департаменты находились подъ управленіемъ канцлера [4].

[1] *Einhard*. Annales, 813 годъ: «In archivo palatii exemplaria rarum constitutionum habentur». См. *Mühlbacher*, акты Людовика, стр. 471, 487, 578; и *Mansi*, XIV, 637. *Tardif*, № 124, стр. 188: «Archivo nostri palatii».—Говорили также «archivum publicum». Въ капитуляріяхъ (у Boretius) можно видѣть, что «in archivo publico» (275 стр.) употребляется какъ синонимъ съ «in archivo palatii nostri» (стр. 264).—Говорили также «armarium palatii», «nostrum armarium». Актъ 816 года у Bouquet, VI, 333: «Cuius exemplar in armario palatii nostri recondi fecimus». Это выраженіе, однозначащее съ «in publico archivo recondere» капитуляріяхъ, см. стр. 275). Въ одномъ актѣ Людовика встрѣчается еще такая фраза: «Imperialis aulae reconditorio palatinis salvetur excubiis» (*Mühlbacher*, 578).—Иногда же просто говорится «scrinium» (*Mühlbacher*, 577; капитулярій 853 года, Walter, III, 53).

[2] Такъ въ 794 году, когда Карлъ Великій рѣшаетъ участь Тассилона (*Boretius*, p. 74), онъ велитъ сдѣлать три экземпляра приговора о немъ, «tres breves ex hoc capitulo uno tenore conscriptos fieri praecepit, unum in palatio retinendum».—Того же порядка держались при редактированіи капитуляріевъ. См. капитулярій 808 года, гл. 8 (Boretius, стр. 138). Указъ Людовика Благочестиваго 832 года (Tardif, № 124 стр. 89).—*Epistola Ludovici Pii ad archiepiscopum Senonensem*.—«*Praeceptum*» Людовика Благочестиваго, 815 года, «*pro Hispanis*», гл. 7.

[3] *Tardif*, № 123, стр. 84, хартія 832 года.

[4] Отсюда выраженія: «Quartum exemplar (рѣчь идетъ о капитуляріи, спеціально написанномъ въ четырехъ экземплярахъ) habeat cancellarius noster» (капитулярій 808 года, ст. 8, Boretius, стр. 138); «capitula avi et patris nostri qui non habuerint et eis indiguerint, de scrinio nostro vel a cancellario nostro accipiant» (капитулярій 853 года, ст. 11, Walter, III, 53, Pertz, I, 425); «quae in nostro palatio apud cancellarium retineatur» (кьерсійскій указъ 861, Walter, III, 120, Pertz, I, 471).—Тѣ же различныя отдѣленія въ управленіи канцлера выдавали копіи съ актовъ (капитулярій 825 года, ст. 26; Boretius, стр. 307; капитулярій 853 года, ст. 11; Pertz, I, 425).

8.—Очень важною частью каролингскаго дворца была капелла. Каждый большой частный домъ во франкскомъ государствѣ имѣлъ свою молельню. Не могъ не имѣть ея, тѣмъ болѣе, королевскій дворецъ. Названіе капеллы, данное дворцовой молельнѣ, происходило отъ *cappa* или мантіи святого Мартина, сохранявшейся тамъ, какъ драгоцѣнная реликвія [1], въ числѣ многихъ еще другихъ священныхъ предметовъ [2]. Значеніе мощей оцѣнивалось

[1] Сенъ-галленскій монахъ, I, 4: «In capellam suam... quo nomine Francorum reges propter cappam sancti Martini, quam secum propter sui tuitionem et hostium appressionem ad bella portabant, sancta sua appellare solebant».—«Cappa»—мантія, «capella»—небольшая мантія (*Vita S. Walarici*, Acta Sanctorum, апрѣль, т. I, стр. 22). Мантія св. Мартина находилась уже въ королевской молельнѣ со времени Меровинговъ. *Marculf*. I, 38: «Debeat coniugare in palatio nostro super capellam domni Martini». Ср. судебный приговоръ Теодериха III, *Tardif*, № 22.

[2] *Walafrid. Strabo*, De exordiis ecclesiae, 33: «Dicti sunt capellani a cappa beati Martini quam reges Francorum in adiutorium victoriae in praeliis solebant habere secum, quam ferentes et custodientes cum ceteris sanctorum reliquiis clerici capellani coeperunt vocari».—Капитулярій 769 года, ст. 1 (Boretius, стр. 45): «(Presbyteris) in exercitum pergere prohibemus, nisi illi tantummodo qui propter divinum ministerium, missarum solemnia adimplenda, et *sanctorum*

высоко: онѣ охраняли государя и его приближенныхъ въ мирное время, слѣдовали за нимъ на войнѣ и приносили ему побѣду. При распространенности обычая судебной присяги безъ мощей не могло бы отправляться правосудіе. Хранитель мощей назывался капелланомъ или архикапелланомъ, позднѣе апокрисіаріемъ [1]. Его рѣдко избирали изъ числа епископовъ; по большей части, то былъ аббатъ большого монастыря [2]. Это было важное лицо [3], которому под-

patrocinia portanda, ad hoc electi sunt... Id est unum vel duos episcopos cum capellanis presbyteris princeps secum habeat».

[1] Дипломъ 768 года, Tardif, № 60. Эйнгардъ, Annales, 750 годъ.—Астрономъ, 26.—Дипломъ 819 года, Tardif, № 112.—Дипломъ 827 года, Tardif, № 119. Алькуинъ, Письма, 128, стр. 515. Гинкмаръ, гл. 13; гл. 16: «Apocrisiarius quem nostrates cappellanum vel palatii custodem appelant».—*Translatio S. Austremonii*, Bouquet, V, 433.—Выраженіе «palatii custos» или «capellae custos» было, повидимому, очень употребительно (Гинкмаръ, гл. 16; ibidem, гл. 32; дипломъ 858 года, Bouquet, VIII, 406; Neugart, стр. 422); ср. *Monumenta Boica*, XI, 435: «Custos noster»; *Ducange*, II, 127: «Custodes clericos». На современномъ языкѣ «custos» значило хранитель мощей, «custos palatii»—хранитель дворцовыхъ мощей.—Это лицо называется «summus abbas clericorum palatii» (*Mabillon*, Annales, 2-е изд. стр. 212), «antistes palatii» (Агобардъ, I, 192), «magister ecclesiasticorum» (*Lup. Ferr.* Epist. 110, p. 162).

[2] *Hincmar*. 13: «Per diaconos vel presbyteros magis quam per episcopos hoc officium exercitum exstitit, quia episcopi non debent diutius, secundum sacros canones, a suis abesse parochiis».—Чтобы Ангельрамнъ, а послѣ него Гильдебольдъ, бывшіе епископами, слѣлались архикапелланами и могли постоянно жить во дворцѣ, Карлъ Великій счелъ нужнымъ спросить разрѣшенія епископовъ и папы (Капитуляріи, Boretius, p. 78).

[3] «Summae sanctaeque palatinae dignitatis archicapellanus» (*Vita*

чинялся многочисленный составъ клириковъ и пѣвчихъ [1].

9.—Къ капеллѣ причислялась школа, о которой подробно разсказали современники [2].

2

Управленіе государствомъ посредствомъ дворца.

Итакъ, каролингскій дворецъ былъ очень сложнымъ организмомъ. Онъ представлялъ самъ по себѣ небольшое государство, съ своими кадрами и своею жизнью. Но, несмотря на кажущееся разнообразіе его службъ, онъ обладалъ удивительной сплоченностью, полнымъ единствомъ, и персоналъ его, какъ ни былъ онъ многочисленъ, одушевлялся единымъ духомъ. Надобно, въ самомъ дѣлѣ, замѣтить двѣ вещи, которыя помогутъ намъ понять характеръ каролингскаго управленія: зависимость каждаго изъ „палатиновъ" отъ короля и солидарность ихъ между собою.

Никто не принадлежалъ ко дворцу иначе, какъ съ допущенія короля. Ни рожденіе, ни богатство, ни церковное званіе не давали права принадле-

Anskarii, c. 12).—«Qui noverunt cuius gloriae apocrisiarii sit dignitas», *Vita Chrodegangi*, c. 9).

[1] Капитулярій 769 года, Boretius, 45.—Парижскій соборъ 829 года, гл. 12. Гинкмаръ, гл. 16. Лоршская лѣтопись, 800 годъ.—*Vita Walae*, II, 5.—Лупъ Феррьерскій, письмо 25.—Бертинская лѣтопись, 864 годъ, стр. 141.

[2] А именно см. въ сочиненіяхъ Алькуина, письмо 78, стр. 347; 112, стр. 459; 111, стр. 455.—Бертинская лѣтопись, стр. 31; *Vita Adalardi*, Mabillon, IV, 310; *Vita Walae*, 6; Эйнгардъ, De translatione, IV, 8.

жать къ нему. Чтобы быть допущеннымъ во дворецъ, существовало правило или обычай коммендироваться королю [1]. [Чиновники дворца назывались его „вѣрными" или его „вассалами" (вассами) [2]. Во дворецъ вступали, чтобы служить королю скорѣе, какъ сеньору, который „кормитъ" и оказываетъ покровительство, чѣмъ какъ властелину, который повелѣваетъ].

[Точно также и выходить оттуда можно было не иначе какъ съ разрѣшенія короля. И когда] Эйнгардъ, старый и больной [хочетъ быть освобожденнымъ отъ мірскихъ заботъ, онъ проситъ освобожденія у императора. Ни одинъ „придворный" по своей волѣ не можетъ порвать соединяющія его съ королемъ узы вѣрности] [3].

[1] *Vita Willelmi ducis*, Mabillon, IV, 74: «Commendatus est regi a parentibus, ut regi semper adstaret et in palatio militaret».—*Gesta Aldrici*, c. 1; Bouquet, VI, 299: «Duodecim annos habens, a patre suo ad palatium deductus est, et Karolo Francorum regi commendatus, et ab eo est decenter susceptus».—*Translatio sancti Alexandri*, c. 4; Pertz, II, 476: «Quem pater eius in adolescentia sua regi Hlotario commendavit, ut palatinorum consortius ministerium regis impleret».—*Thegan*. 12: «Bernardus ad Ludovicum venit et tradidit se ei in procerem et fidelitatem ei cum iuramento promisit».—Ср. *Vita Benedicti*, c. 4; Mabillon, I, 1, 194; Bouquet, V, 456.

[2] Капитулярій 821 года, гл. 4: «De vassis nostris qui nobis assidue in palatio nostro deserviunt».—Лоршская лѣтопись, 802 годъ: «Noluit de infra palatio pauperiores vassos suos transmittere».—См. также выраженіе «milites». *Vita Willelmi*, c. 14, Mabillon, p. 78.—*Vita Benedicti*, c. 41, ibidem, 207.—«Regales viri» (*Vita Walpurgis*, c. 3, ibidem, III, 2, p. 293).

[3] Письмо Эйнгарда, у Jaffe, № 14, стр. 453. Онъ проситъ императора «a curis saecularibus absolutum et liberum fieri».—Ср. *Gesta Aldrici*, Bouquet, VI, стр. 299; *Vita Willelmi*, ibidem, V, p. 473—474; *Vita Othgeri*, ibidem, 468; *Vita Angelberti*, c. 4, ibidem, 477.

[Союзъ вѣрныхъ дворца съ ихъ королемъ настолько тѣсенъ, что одного повиновенія съ ихъ стороны было недостаточно: они должны были принадлежать ему тѣломъ и душой; между его и ихъ волей должно было царить полное согласіе, *unanimitas* [1].

[Господствовавшее при каролингскомъ дворѣ мистическое и религіозное настроеніе требовало еще бо̀льшаго. „Воины дворца" должны были жить другъ съ другомъ въ такомъ же полномъ единеніи, въ какомъ находились со своимъ королемъ. Они должны были быть связаны другъ съ другомъ узами любви и братства [2]. Въ сущности они составляли родъ товарищества, и государь былъ для нихъ въ такой же мѣрѣ старшимъ и отцомъ, какъ повелителемъ и сеньоромъ. Они были какъ бы членами одного тѣла, душой котораго являлся король].

[При помощи этой корпораціи палатиновъ король управлялъ государствомъ]. Перечисленныя выше званія домовыхъ службъ не должны насъ вводить въ заблужденіе. Функціи ихъ были домовыми лишь одной стороной.

Въ самомъ дѣлѣ, документы безпрестанно показываютъ, что люди, которыхъ называютъ крав-

[1] *Vita Willelmi*, c. 14, Mabillon, IV, 1, стр. 78: Вилельмъ говоритъ королю: «Mi domine, mi pater, tu ipse nosti quam verax, fidelis, quamque unanimis tibi semper extiterim, quantus erga te mihi fuerit dilectionis affectus, ut te vita gratiorem haberem».—Ср. мерсенскій договоръ, 851, ст. 6. Бертинская лѣтопись, стр. 75, 76, 77.

[2] Ср. Парижскій соборъ 829 года, *Mansi*, XIV, p 582: «Hi autem qui palatinis honoribus fulciuntur, sive clerici sint sive laici, dignum est ut vinculo caritatis connectantur».

чими, виночерпіями, сенешалами, спальниками, конюшими, часто исполняли совсѣмъ иного рода обязанности. Въ 782 году, когда Карлъ Великій посылаетъ въ страну саксовъ три войска, онъ ставитъ въ ихъ главѣ эконома Адальгиза, конюшаго Гейлона, дворцоваго графа Ворада [1]. Въ 781 году онъ даетъ важное порученіе въ Баваріи діакону своей капеллы и своему главному кравчему [2]. Въ 786 году главному стольнику или сенешалу поручено воевать съ бриттами [3]. Въ 791 году во главѣ войска стоитъ экономъ Мегенфридъ. Въ 807 году начальникъ конюшенъ Бурхардъ командуетъ флотомъ [4].

На одного привратника, *ostiarius*, возложена миссія къ папѣ Адріану I [5]. Начальникъ ихъ поставленъ разъ Людовикомъ Благочестивымъ при сынѣ его Лотарѣ въ качествѣ совѣтника и главы управленія [6]. Нотарій исполняетъ важную миссію при папѣ [7]. Другой нотарій или канцлеръ Элизахаръ командуетъ войскомъ въ 824 году и управляетъ самою трудною изъ пограничныхъ провинцій въ 829 году.

Такъ обнаруживается смѣшеніе личной королевской домовой службы и государственныхъ обязанностей. Не надо, стало быть, удивляться, когда

[1] Эйнгардъ, Annales, 782 годъ.—«Plerique aulicorum quos rex copiis praefecerat» (Эйнгардъ, Annales, 778 годъ).

[2] *Ibidem*, 781 годъ.

[3] *Ibidem*, 786 годъ.—Упоминается о другомъ завѣдующемъ столомъ, убитомъ въ сраженіи. *Vita Caroli*, 9.

[4] См. хронику Эйнгарда и лоршскую.

[5] Письмо Адріана, 788, Jaffe, стр. 256.

[6] Эйнгардъ, Annales, 822 годъ, изд. Teulet, стр. 354.

[7] Письмо Стефана II.

впослѣдствіи коннетабль и маршалъ обратятся въ военноначальниковъ, камерарій въ министра финансовъ, кравчій и завѣдующій столомъ (dapifer) въ настоящихъ министровъ государства.

Со времени Карла Великаго дворцовыя канцеляріи нѣсколько походятъ на то, что будетъ впослѣдствіи называться министерствами.

Архикапелланъ не только священникъ королевской молельни. Онъ судья во всѣхъ спорахъ, возникающихъ среди духовенства. Онъ рѣшаетъ всѣ вопросы, касающіеся религіи, церковной дисциплины, интересовъ и обязанностей епископовъ, канониковъ, монаховъ [1]. Всѣ епископы имперіи обращались къ нему по дѣламъ своей епархіи, и онъ дѣлалъ свои постановленія [2]. Его должность являлась настоящимъ министерствомъ по духовнымъ дѣламъ [3].

Дворцовый графъ былъ главою юстиціи; онъ предсѣдательствовалъ на верховномъ судѣ королевства [4], и Гинкмаръ добавляетъ, что то была

[1] *Hincmar*. c. 20: «Apocrisiarius de omni ecclesiastica religione vel ordine necnon de canonica vel monastica altercatione seu quaecumque palatium adibant pro ecclesiasticis necessitatibus sollicitudinem haberent» c. 19:—«Apocrisiarius qui vocatur apud nos capellanus, vel palatii custos, de omnibus negotiis ecclesiasticis vel ministris ecclesiae curam habebat».

[2] *Ibidem*, c. 13: «Apocrisiarium, id est responsalem negotiorum ecclesiasticorum».

[3] Лупъ Феррьерскій, письмо 110: «Magister ecclesiasticorum».—*Mansi*, XIV, 634: «Archicapellanum... totius ecclesiae istius imperii locum principem gerentem».—*Translatio S. Sebastiani*, Mabillon, IV, 387: «Cum in tantum extulit ut archicapellanum in omni imperio suo constitueret».

[4] *Hincmar*. c. 19: «Comes palatii de omnibus saecularibus causis

лишь одна изъ безчисленныхъ его обязанностей. У него сосредоточивалось все управленіе государствомъ. Онъ былъ первымъ министромъ короля по дѣламъ свѣтскаго общества, какъ архикапелланъ по дѣламъ духовнаго.

Дворецъ былъ не только дворомъ; онъ являлся центральной администраціей и главнымъ орудіемъ управленія. [Чиновники, его составлявшіе, были въ одно и то же время слугами и вѣрными короля и вельможами государства. Понятно, что со временемъ въ феодальной системѣ самые крупные сеньоры государства по своимъ титуламъ окажутся связанными съ личною службою сюзерену].

ГЛАВА СЕДЬМАЯ.

Оптиматы.

Рядамъ съ королями документы отмѣчаютъ людей, которыхъ называютъ знатными, *optimates* или *proceres*[1]. Это не новые термины. Каролингская эпоха получила ихъ отъ предшествующей, меровингской, которой они также достались отъ болѣе ранняго времени.

vel iudiciis suscipiendi curam habebat».—*Ibidem*, c. 21: «Comitis palatii, inter cetera pene innumerabilia, in hoc maxime sollicitudo erat ut omnes contentiones legales quae alibi ortae palatium aggrediebantur, iuste determinaret, seu perversa iudicata ad aequitatis tramitem reduceret».

[1] Нельзя установить разницы между обоими выраженіями. Вмѣсто нихъ употребляются еще «primates» или «regni primores», повидимому, тождественныя.

Вельможи, окружавшіе Карла Великаго, Людовика Благочестиваго, Карла Лысаго, отличаются тѣмъ же общимъ характеромъ, какой обнаруживали тѣ же люди при Меровингахъ[1]. Они по существу своему „вельможи короля“[2], „вельможи дворца или двора“[3]. Короли говорятъ: „наши вельможи“[4]. Ихъ называютъ „вельможами королевской власти“[5].

Они походятъ на *optimates*, которыхъ показываетъ намъ въ то же время при дворѣ папъ *Liber pontificalis*[6], а также на тѣхъ, которые наполняли дворецъ константинопольскихъ императоровъ[7].

[1] «Франкская монархія», гл. 4.

[2] *Archives nationales*, Tardif, № 60: «Pippinus rex... proceribus nostris».—«Pippinus misit aliquos ex suis optimatibus» (*Liber pontificalis*, Stephan. II).—«Carolus prospexit cum optimatibus suis» (лоршская лѣтопись, 787 годъ).—«Imperatori sive optimatibus illius» (*Acta exauctorationis Ludovici*, 833 годъ, Bouquet, VI, 243) ut Lotharius cum suis primatibus veniret» (*ibidem*, p. 144).—«Quidam procerum regis» (Бертинская лѣтопись, 857 годъ, стр. 92).

[3] «Aulici optimates» (*Vita Theodulfi*, 2. Mabillon, I, 346).—«Palatii optimates» (*Translatio S. Sebastiani*, Mabillon, IV, 398).—«Proceres palatini» (*Astronom.* 21).—«Primi palatii ex utroque ordine» (*Vita Walae*, II, 8, Bouquet, VI, 282).

[4] «Fidelibus optimatibus nostris», говоритъ Людовикъ Благочестивый въ 818 году, *Boretius*, 274.

[5] «Pippinus congregans cunctos proceres regiae suae potestatis» (*Liber pontificalis*, Stephan. II, 448).

[6] Такъ, папа Павелъ I пишетъ въ письмѣ къ Карлу Великому въ 757 году: «Una cum nostris optimatibus» (*Liber Carolinus*, изд. Jaffe, 68).

[7] Эйнгардъ, Annales, 821 годъ: «Allatum est de morte Leonis imperatoris quod conspiratione quorumdam optimatum suorum et praecipue Michaelis comitis domesticorum in palatio sit interemptus».

Въ документахъ никогда не видно знатнаго, который бы не состоялъ при дворцѣ; въ нихъ не обнаруживается знатнаго, который бы не принадлежалъ королю [1]. Знатные — это приближенные короля [2].

Они не составляли замкнутаго сословія; оптиматами люди не дѣлались ни по праву рожденія, ни благодаря исключительному преимуществу большого состоянія; оптиматомъ дѣлала воля короля и то лишь подъ условіемъ болѣе строгаго повиновенія ему.

Одинъ историкъ того времени пишетъ: „Бернардъ отдался въ руки императора, чтобы быть однимъ изъ его знатныхъ, и поклялся ему въ вѣрности" [3]. Быть знатнымъ короля значило находиться въ числѣ первыхъ среди его вѣрныхъ.

Званіе знатнаго, не обозначавшее ни сословія, ни класса, было просто именованіемъ сана; это званіе, признакъ высокаго положенія и въ то же время зависимости, давалось государемъ. Эйнгардъ пишетъ

[1] Эйнгардъ, напримѣръ, говоритъ, что въ одномъ сраженіи погибло двое изъ *proceres*; это два герцога, Эрихъ, герцогъ фріульскій, и Герольдъ, герцогъ баварскій (*Vita Caroli*, 13).— «Regni primores tam abbates quam comites» (бертинская хроника, 877 годъ, стр. 260).—«Rex cum quibusdam primoribus consiliariis suis» (бертинская хроника, 878 годъ, стр. 272).

[2] «Cum augusto et cum proceribus locutus est» (*Vita Walae*, II, 8).

[3] Теганъ, гл. 12: «Venit Bernardus et tradidit se ei in procerem, et fidelitatem ei cum iuramento promisit».—И тутъ ясно отмѣчена обязательность *commendatio*. Въ 880 году Людовикъ III и Карломанъ «regnum paternum inter se diviserunt», и необходимо было, «ut quique de proceribus in cuius divisione honores haberet illi se commendarent» (Бертинская хроника 880, стр. 284).

лицамъ, которыхъ называетъ славными оптиматами [1]. Очевидно, это оффиціальное званіе и люди, носящіе его,—придворные [2].

При каролингскомъ дворѣ, какъ кажется, различается еще званіе „друга государева". Этотъ терминъ повторяется такъ часто и въ такомъ стилѣ, что его нельзя объяснить одной лишь вольностью писателей [3]. Быть можетъ, при Карлѣ Великомъ возродилось это старое имперское званіе.

Эпитетъ „благородный" встрѣчается также довольно часто. Онъ распространяется, повидимому, на нѣсколько большій кругъ лицъ, чѣмъ званіе „оптиматъ". Но онъ не примѣняется къ какому-нибудь независимому сословію. Всѣ, кто называется въ документахъ *nobiles*,—королевскія должностныя лица или чиновники. По понятіямъ того времени, благороденъ былъ тотъ, кто принадлежалъ къ фамиліи, съ давнихъ поръ служившей во дворцѣ. Одинъ біографъ поясняетъ это. „Ангильбертъ былъ

[1] *Einhard*. Epist. Jaffe, № 12, Teulet, № 45: «Einhardus G. glorioso comiti atque optimati». *Ibidem*, Jaffe, № 49, Teulet, № 49: «Einhartus N. glorioso optimati».—Содержаніе обоихъ писемъ показываетъ, что оба лица проживали во дворцѣ.

[2] Если довѣрять Эрмольду (IV, 425), у знатныхъ была парадная одежда, при которой они надѣвали будто бы на голову діадему, съ эпохи Людовика Благочестиваго.

[3] Астрономъ, 29: «Eggideo regalium primus amicorum. Piccopinus de amicis regis defunctus est» (*Bouquet*, V, 170).—«Biego de amicis regis defunctus est» (*Chronicon Saxonicum*, Bouquet, VI, 219).—*Amici* допускались, повидимому, къ вставанію короля: «Cum calciaretur et amiciretur, non tantum amicos admittebat, verum etiam...» (*Vita Caroli*, 24); они приглашались также въ баню вмѣстѣ съ королемъ: «Karolus non solum filios ad balneum, verum optimates et amicos, aliquando etiam satellitum turbam invitavit» (*Vita Caroli*, 82).

отмѣнно знатенъ, говоритъ онъ, такъ какъ всѣ члены его фамиліи находились на частной службѣ королей франкскихъ; его предки занимали первыя должности или были родными тѣхъ, кто ихъ занималъ [1]. Итакъ, знатность зависѣла лишь отъ связи съ королемъ.

Независимой знати до конца IX вѣка не видно нигдѣ [2].

ГЛАВА ВОСЬМАЯ.

Совѣтъ короля.

Король-Каролингъ никогда не выступаетъ одинокимъ. Мы уже видѣли, что его окружалъ дворецъ, то-есть, сложный міръ, составлявшійся изъ блестящаго двора, канцелярій, въ которыхъ происходила административная работа, и совѣта, какъбы наставлявшаго короля. Если королю предстояло начать войну, заключить договоръ, или издать законодательный актъ, онъ спрашивалъ совѣта у ряда людей. Онъ принималъ рѣшеніе лишь послѣ того, какъ выслушивалъ ихъ мнѣніе.

[1] *Vita S. Angilberti*, Bouquet, V, 475: «Erat insigni nobilitate: nam omnes de eius prosapia Francorum regibus familiares semper habiti sunt; avi eius atque proavi aut in dignitatibus primi aut dignitatum magnatibus affines fuerunt et propinqui».

[2] «Proceres pagi» встрѣчаются у Астронома, 50; но надо обратить вниманіе на контекстъ. Авторъ говоритъ, что, когда Лотаръ прибылъ въ Парижъ (въ 834 году), онъ призвалъ къ себѣ «cunctos fideles» изъ окрестностей; тогда Эггебардъ «et alii alius pagi proceres» явились къ нему. Рѣчь идетъ все о тѣхъ же знатныхъ короля, о знатныхъ парижскаго *pagus* и другого *pagus*, вѣроятно, о графахъ, *vicarii* и *vassi* обоихъ *pagi*.

Документы подтверждаютъ этотъ фактъ изъ царствованія въ царствованіе. Возьмемъ царствованіе Пиппина Короткаго. Современный лѣтописецъ говоритъ намъ, что въ 754 году, когда папа просилъ короля предпринять походъ въ Италію, король рѣшился на это „лишь послѣ того, какъ посовѣщался со своими вельможами“ [1]. По окончаніи войны онъ даровалъ миръ лонгобардскому королю по совѣту и просьбѣ „своихъ знатныхъ“ [2]. Когда лонгобардскій король умеръ, Пиппинъ и „совѣтъ его знатныхъ“ назначили ему преемника [3]. Позднѣе Пиппинъ Короткій идетъ противъ Аквитаніи; онъ получаетъ отъ Ваифера предложенія мира, но отвергаетъ ихъ „по совѣту своихъ знатныхъ“ [4]. Въ своихъ капитуляріяхъ Пиппинъ Короткій и Карломанъ объявляютъ, что дѣйствуютъ „согласно совѣту епископовъ и своихъ оптиматовъ“ [5].

[1] *Continuator Fredegarii*, c. 120, Bouquet, V, 2: «Inito consilio cum proceribus suis».

[2] *Ibidem*, c. 121. Bouquet, V, 4: «Rex Pippinus, ad petitionem optimatum suorum, Aistulpho vitam et regnum concessit».— Условія мира были опредѣлены «per iudicium Francorum vel sacerdotum» (*ibidem*).

[3] *Contin. Fredeg.* 122: «Langobardi una cum consensu regis Pippini et consilio procerum suorum Desiderium in sedem regni instituunt».—Не думаемъ, чтобы *procerum suorum* могло означать знатныхъ лонгобардскихъ: такое пониманіе не соотвѣтствовало бы обычнымъ формамъ тогдашняго языка.

[4] *Ibidem*, c. 130: «Waiferus legationem mittens... sed hoc rex per consilium Francorum et procerum suorum facere contempsit».— C. 132: «Inito consilio cum proceribus suis».

[5] Капитулярій 742 года, Boretius, стр. 24 «Ego Karlomannus, cum consilio servorum Dei et optimatum meorum, episcopos

Изъ этихъ примѣровъ видно, что помимо епископовъ совѣтъ состоялъ лишь изъ знатныхъ короля, то-есть, изъ тѣхъ, кто въ званіи *proceres* или *optimates* занималъ первое мѣсто въ дворцовой іерархіи. Въ самыхъ важныхъ своихъ предпріятіяхъ Пиппинъ совѣщался не съ народомъ, не съ представителями народа, а лишь съ нѣкоторыми людьми, съ тѣми, кто по милости его были сдѣланы „его оптиматами".

Это не значитъ, что совѣтъ былъ лишенъ независимости. Эйнгардъ разсказываетъ, какъ о сохранившемся во дворцѣ воспоминаніи, что въ 754 году одно изъ засѣданій совѣта было очень бурнымъ. Папа просилъ короля начать войну съ лонгобардами, и король, видимо, склонялся къ этому; „но нѣкоторые изъ знатныхъ и изъ тѣхъ, кто имѣлъ обыкновеніе давать совѣты, рѣшительно возстали противъ его воли и дошли до громкаго заявленія, что они оставятъ королевскую службу и возвратятся въ свои дома" [1]. Послѣднія слова

in synodum congregavi... ut mihi consilium dedissent quomodo etc. Per consilium sacerdotum et optimatum meorum ordinavimus per civitates episcopos».—*Capitulare Suessionense*, a. 744, Boretius, p. 29, c. 2: «Una cum consensu episcoporum et optimatum meorum consilio decrevimus»; c. 3: «Constituimus per consilio sacerdotum et optimatum meorum».—Если не находимъ той же формы въ четырехъ другихъ оставшихся отъ Пиппина капитуляріяхъ, вѣроятно, это зависитъ отъ того, что ни въ одномъ изъ нихъ нѣтъ вступленія.

[1] *Einhardus*, Vita Caroli, 6: «Quod cum magna difficultate susceptum; quia quidam e primoribus Francorum cum quibus consultare solebat, adeo voluntati eius renisi sunt ut se regem deserturos domumque redituros libera voce proclamarent».—Адревальдъ

надо понимать въ томъ смыслѣ, что эти сановники скорѣе готовы были оставить дворецъ, отказаться отъ чиновъ и должностей и вернуться къ частной жизни, чѣмъ подать совѣтъ воевать съ Италіей [1]. Такая горячность станетъ понятною, если вспомнимъ, что со времени Карла Мартелла между франкскимъ и лонгобардскимъ государствами существовалъ союзъ; нѣсколько совѣтниковъ короля противились нарушенію этого союза въ интересахъ папы. Историкъ, повѣствующій объ этомъ разногласіи, не говоритъ, что большинство совѣта было такого мнѣнія. Извѣстно, что тотчасъ послѣ засѣданія королемъ была объявлена война, войско получило приказаніе выступить въ походъ, и не видно, чтобы было оказано какое-нибудь сопротивленіе. Протестъ, свободно проявленный въ совѣтѣ, не проявился въ войскѣ [2].

Карлъ Великій сохранилъ обычай совѣщаться со своимъ совѣтомъ. Въ 773 году онъ объявилъ войну лонгобардскому королю лишь послѣ того,

(Miracula S. Benedicti, I, 18) повторяетъ это самое въ такихъ же выраженіяхъ.

[1] Слова эти вовсе не означаютъ, что они хотѣли отказаться отъ повиновенія королю, отказаться отъ обязанностей подданныхъ. «Regem deserere» должно пониматься только въ смыслѣ оставить дворецъ, оставить службу. Эти люди, бывшіе чиновниками, предлагали скорѣе уйти въ отставку, какъ говорятъ теперь на нашемъ языкѣ, чѣмъ дать Пиппину совѣтъ, который они считали пагубнымъ. Писатель не говоритъ, что они ушли на самомъ дѣлѣ.

[2] См. объ этомъ продолжателя Фредегарія, гл. 120. Если онъ и зналъ тайны этого совѣщанія, то не счелъ нужнымъ говорить о нихъ.

какъ „спросилъ совѣта у своихъ знатныхъ“ [1]. Лѣтописцы, которые упоминаютъ именно объ этомъ фактѣ, указываютъ также, что совѣтъ не смѣшивался съ общимъ собраніемъ, такъ какъ они говорятъ, что этотъ совѣтъ, *consilium*, имѣлъ мѣсто въ Тіонвилѣ зимой, тогда какъ *conventus* собрался весной въ Женевѣ [2]. Одинъ лѣтописецъ говоритъ также, что походъ противъ аваровъ былъ предпринятъ королемъ Карломъ „по совѣту его знатныхъ“ [3]. Въ 787 году Карлъ Великій находится

[1] *Annales Tiliani*, 773 годъ, Bouquet, V, 19: «Rex ad Theodonivilla... sumpto consilio iussit ut sicut Hadrianus postulaverat, ita fieret».—*Chronicon Moissiacense*, 773 годъ, Bouquet, V. 69: «Erat tunc rex in villa quae dicitur Thedonis villa... Per consilium optimatum suorum, voluntatem domni apostolici se adimpleturum esse spopondit».—*Annales Mettenses*, 773 годъ, Bouquet, V, 341.—Лоршская лѣтопись сообщаетъ то же самое въ нѣсколько иныхъ выраженіяхъ, Bouquet, V, 37—38: «Rex consiliavit una cum Francis, et sumpto consilio iussit ut sicut pontifex postulaverat, ita fieret».—Тутъ надо отмѣтить выраженіе «cum Francis», передающее то, что у другихъ лѣтописцевъ выражено словами «consilio optimatum». Одно изъ значеній слова «Franci» было, какъ мы видѣли, тождественно съ «optimates».—«Consiliare cum Francis» или «consilium agere cum Francis» было оффиціальнымъ выраженіемъ; мы опять его встрѣчаемъ въ тѣхъ же лѣтописяхъ въ 760 году; также и «inito consilio cum Francis» (784 годъ).

[2] *Annales Tiliani*, ibidem: «Rex autem synodum tenuit ad Genua». *Chronicon Moissiacense*, ibidem. *Annales Mettenses*, ibidem. *Annales Laureshamenses*.—Понятно, что рѣчь идетъ о Женевѣ, какъ ясно указано въ лѣтописи Эйнгарда въ томъ же году.

[3] *Annales Mettenses*, anno 791: «Cum consilio optimatum regni disposuit ire in Avarorum regnum».—Лѣтописцы рѣдко даютъ себѣ трудъ говорить объ этомъ почти каждодневномъ совѣтѣ и охотнѣе говорятъ о ежегодномъ *conventus*, собраніе котораго бросается всѣмъ въ глаза. И все же довольно часто встрѣчаются упоминанія о совѣтѣ; такъ въ лоршской лѣтописи, 780 годъ: «sumpto consilio»; 791 годъ: «consilio peracto»; 798 годъ: «facto consilio».

въ Италіи; лонгобардскій герцогъ беневентскій дѣлаетъ ему предложенія о мирѣ, но „они не понравились папѣ и знатнымъ короля, говоритъ лѣтописецъ; послѣдніе держали совѣтъ и рѣшили, чтобы король шелъ на Беневентъ, что онъ и сдѣлалъ“ [1]. Нѣсколько дней спустя, „король Карлъ снова совѣщался съ епископомъ и со своими оптиматами“, и рѣшено было заключить миръ [2].

Эти лица назывались совѣтниками короля, *consiliarii regis* [3]. Папа въ письмѣ къ Пиппину говоритъ ему о „его совѣтникѣ“ Фульрадѣ [4]. Гинкмаръ зналъ въ молодости Адальгарда, который былъ „первымъ изъ совѣтниковъ Карла Великаго“ [5]. Этотъ государь имѣлъ въ своемъ дворцѣ „чиновниковъ и совѣтниковъ, и какъ только умиралъ кто-

[1] Лоршская лѣтопись, 787 годъ, Bouquet, V, 44, Pertz, I, 169: «Sed hoc apostolicus minime credebat neque optimates Francorum; et consilium fecerunt cum Carolo rege ut partibus Beneventanis advenisset, quod ita factum est».

[2] *Ibidem*: «Tunc rex Carolus prospexit cum sacerdotibus vel ceteris optimatibus suis».

[3] Капитулярій 789 года, стр. 53: «Considerans una cum sacerdotibus et consiliariis nostris».—Гинкмаръ, De ordine palatii, 31: «Consiliarii tales eligebantur».—Алькуинъ, Письма, № 126, Jaffe, стр. 509, говоритъ также о «consiliarii» Карла Великаго.

[4] *Liber Carolinus*, ed. Jaffe, № 6: «Fulradus vester consiliarius»; № 7: «Vester consiliarius presbyter et abbas Fulradus».—Извѣстно, что Фульрадъ, аббатъ Сенъ-Денисскаго монастыря, дѣйствительно былъ однимъ изъ наиболѣе вліятельныхъ совѣтниковъ Пиппина.

[5] *Hincmar*. De ordine palatii, c. 12: «Adalhardum inter primos consiliarios primum, in adolescentia mea vidi».

нибудь изъ тѣхъ или другихъ, онъ заботился объ избраніи ему надлежащаго преемника"[1].

Изъ житія святого Виллельма можно видѣть, что такое былъ этотъ совѣтъ, и какъ въ него вступали. „Сначала въ своей молодости Виллельмъ былъ коммендированъ своимъ отцомъ королю Карлу и съ тѣхъ поръ жилъ у него на глазахъ, во дворцѣ. Потомъ онъ сдѣлался графомъ и командовалъ войсками во время похода; наконецъ, онъ былъ допущенъ въ совѣтъ короля и обсуждалъ съ нимъ всѣ дѣла государства"[2]. Однажды во дворцѣ узнали, что испанскіе мусульмане вторглись въ Аквитанію. „При этомъ извѣстіи, говоритъ біографъ, король призвалъ, согласно обычаю, первыхъ сановниковъ своего дворца и своихъ совѣтниковъ; онъ спросилъ ихъ мнѣніе о томъ, что надо дѣлать; онъ долго совѣщался съ ними; совѣтъ высказалъ мнѣніе, что надо послать войско въ Аквитанію и поручить командованіе Виллельму; король присоединился къ этому мнѣнію и поручилъ командованіе Виллельму"[3].

[1] *Hincmar*. c. 26: «Si aliquis ex ministerialibus vel consiliariis decedebat, loco eius congruus et utilis restituebatur».

[2] *Vita S. Willelmi*, c. 4 (*Mabillon*, Acta Sanctorum, IV, 73—74): «Commendatus regi a patre, stat ante regis conspectum, suscipit nomen consulis (извѣстно, что агіографы IX и X вѣковъ употребляютъ иногда слово «consul» вмѣсто «comes») et in rebus bellicis primae cohortis sortitur principatum. Regiis adhibetur consiliis, tractat cum rege de regni negotiis, de militia et armis».

[3] *Ibidem*, c. 5: «In diebus illis Sarraceni... Rex audito nuntio, principes et consiliarios more regio convocat, et quid facto opus sit eos consulit et ipse cum eis attente et sollicite tractat. Omnes in unam concordant sententiam ut comes Willelmus ad hoc opus eligatur et contra barbaros dirigatur... Non differt Carolus consilii effectum».

Ошибочно было бы предполагать, что совѣтъ Карла Великаго былъ строго организованъ, какъ пять вѣковъ спустя королевскій совѣтъ капетингской династіи. Совѣтъ Карла Великаго не былъ точно установленнымъ учрежденіемъ. Онъ не имѣлъ постояннаго самостоятельнаго существованія. Не приходится видѣть, надо замѣтить, чтобы онъ собирался внѣ присутствія короля, безъ опредѣленнаго его приказанія. Можно сказать, что онъ существовалъ лишь при королѣ и чрезъ короля. Онъ не состоялъ даже изъ постоянныхъ членовъ. Каждый день, по каждому дѣлу король призывалъ къ себѣ тѣхъ, кого хотѣлъ, и лица, призванныя имъ, оказывались въ тотъ день совѣтниками. Онъ совѣщался съ ними, онъ хотѣлъ, чтобы они высказали свое мнѣніе по данному дѣлу. Всякій вельможа, пользовавшійся довѣріемъ короля, могъ попадать такимъ образомъ въ совѣтники, но никто не вступалъ въ совѣтъ по праву. Никто не засѣдалъ въ совѣтѣ, не будучи туда призваннымъ[1].

Въ обыкновенное время, когда не поднималось никакого важнаго дѣла, совѣтъ собирался въ очень небольшомъ числѣ. Вотъ какъ описываетъ Гинк-

[1] Это объясняетъ фактъ, что папа Левъ III въ конфиденціальной части своего письма, адресованнаго Карлу Великому въ 808 году, совѣтуетъ ему не призывать больше въ свой тайный совѣтъ Фульрада, «neque ad secretum consilium provocandus» (*Liber Carolinus*, ed. Jaffe, p. 314).—Ср. *Flodoard*. Historia Remensis ecclesiae, II, 20 (Bouquet, VI, 215): «Ebo, Remensis episcopus, a consilio imperatoris eiectus».

маръ каждодневный совѣтъ Карла Великаго: „Онъ всегда старался имѣть при себѣ троихъ изъ лучшихъ своихъ совѣтниковъ, для чего они по очереди смѣняли другъ друга во дворцѣ; и такъ какъ ему часто случалось по ночамъ размышлять о дѣлахъ церковныхъ или государственныхъ, то онъ заносилъ свои размышленія на таблицы, а на слѣдующій день рѣшалъ ихъ съ тремя совѣтниками“ [1].

Изъ одного разсказа, сохранившагося въ хартуляріи лоршскаго аббатства, видимъ, что однажды утромъ Карлъ Великій собралъ всѣхъ находившихся налицо совѣтниковъ, изложилъ имъ дѣло, далъ высказать каждому свое мнѣніе и принялъ подъ конецъ рѣшеніе, наперекоръ данному ему совѣту [2].

[1] *Capitula in synodo apud S. Macram*, c. 8, въ сочиненіяхъ Гинкмара, изд. Migne, I, 1084—1085: «Carolus Magnus imperator nullo unquam tempore sine tribus de sapientioribus et eminentioribus consiliariis suis esse patiebatur, sed vicissim per successiones, ut eis possibile foret, secum habebat; et at capitium lecti sui tabulas cum graphio habebat, et quae de utilitate ecclesiae et de profectu regni meditabatur in eisdem tabulis adnotabat et cum eisdem consiliariis quos secum habebat, inde tractabat».

[2] См. *Codex Laureshamensis*, 1768, I; 42—43. Дѣло шло о любовной связи Эйнгарда съ Иммой. Этотъ случай, можетъ быть, и недостовѣрный, упоминается лишь въ лоршскомъ хартуляріи, составленномъ только въ XII вѣкѣ. Сильно сомнѣваюсь въ подлинности похожденій Иммы; но часто болѣе правдивыми, чѣмъ самый разсказъ, являются подробности, которыми его обставляетъ разсказчикъ; онѣ выражаютъ обычаи времени. Въ разсказѣ, сохранившемся среди воспоминаній лоршскихъ монаховъ, центръ тяжести не въ любви Иммы, а именно въ засѣданіи совѣта. «Rex consiliarios primosque sui regni et ceteros quosque sibi familiares passim evocatos convenire iussit... Ita exorsus est... consilium eorum et sententiam super hoc expostulans... Diversi diversa sentientes varias dedere sententias... alii... alii... Rex inter diversorum sententias expendit, sic eos allocutus est».

При Людовикѣ Благочестивомъ мы снова находимъ тотъ же обычай государя совѣщаться о каждомъ дѣлѣ съ приближенными ему вельможами. Такъ въ 822 году видимъ, что государь принимаетъ рѣшеніе „послѣ того, какъ держалъ совѣтъ съ епископами и со знатными“ [1]. Въ 826 году Людовикъ получаетъ извѣстіе о вторженіяхъ въ имперію испанскихъ мусульманъ; духъ его былъ очень встревоженъ; но онъ воздержался принять поспѣшное рѣшеніе и предпочелъ дождаться мнѣнія своихъ совѣтниковъ о томъ, что надо дѣлать“ [2]. Совѣтъ этотъ нельзя смѣшивать съ *conventus*. Въ 832 году Людовикъ созвалъ своихъ совѣтниковъ и результатомъ совѣщанія было собраніе нѣсколько дней спустя въ Орлеанѣ общаго *placitum* [3]. Въ 834 году, наоборотъ, черезъ нѣкоторое время послѣ засѣданія *conventus* Людовикъ „созвалъ своихъ совѣтниковъ и находившихся въ окрестностяхъ оптима-

[1] *Einhardus*, Annales, 822 годъ: «Consilio cum episcopis et optimatibus suis habito».—Это не *conventus*, такъ какъ дальше лѣтописецъ говоритъ, что *conventus* происходилъ нѣсколько недѣль потомъ.

[2] *Vita Ludovici ab Anonymo*, c. 40: «Quae quidem imperatoris animum commoverunt et ad vindictam instigaverunt; nihil tamen propere gerendum ratus, consiliariorum suorum sententiam quid tali facto opus esset statuit opperiri».

[3] Сенъ-Бертинская лѣтопись, 832 годъ: «Convocatis undique consiliariis habitoque cum eis consilio quid de his agendum esset, statutum est ut suum generale placitum in Aurelianis habendum denuntiaretur».

товъ и обсуждалъ съ ними способъ для сближенія съ сыномъ своимъ, Лотаромъ“ [1].

У насъ есть письмо, написанное Людовикомъ Благочестивымъ въ отвѣтъ одному изъ его чиновниковъ, обратившемуся къ нему съ четырьмя вопросами. На первые три, въ которыхъ идетъ рѣчь объ исполненіи прежнихъ рѣшеній, онъ отвѣчаетъ опредѣленно, даетъ разрѣшеніе; но четвертый представлялъ, вѣроятно, какое-нибудь затрудненіе, такъ какъ Людовикъ ограничивается словами: „Что касается четвертаго пункта, то мы рѣшили дождаться, пока соберется къ намъ болѣе значительное число нашихъ вѣрныхъ, чтобы обсудить его“ [2].

Было въ обычаѣ, чтобы въ издаваемыхъ королемъ законодательныхъ актахъ онъ упоминалъ объ обсужденіи ихъ на совѣтѣ. Конечно, онъ не хотѣлъ, чтобы его указъ, повиновенія которому онъ требовалъ, представлялся дѣломъ одной только

[1] *Ibidem*, anno 834, p. 14: «Convocavit suos consiliarios atque optimates qui in circuitu erant, et cum eis tractare studuit qualiter filium suum Lotharium ad se vocare posset».

[2] *Responsa imperatoris* въ Капитуляріяхъ, изд. Boretius, 297: «De quarto capitulo expectandum censuimus donec cum plurioribus fidelibus nostris inde consideremus».—Тѣ изъ современныхъ писателей, которые претендовали на красивый языкъ и любили говорить на старой классической латыни, называли этотъ совѣтъ «senatus». Такъ *Poeta Saxo*, I, 179: «Illuc Francorum proceres totumque senatus convocat».—Авторъ житія Адальгарда пишетъ (гл. 32, Bouquet, VI, 277), что Вала былъ «in senatu clarior cunctis in militia fortior universis». Авторъ житія Валы (II, 1) рисуетъ императора «una cum suis senatoribus». Ср. *Flodoardus*, De Stephano papa (Bouquet, V, 441): «Tum rex cum regni satrapis claroque senatu». Однако мы видѣли, что этотъ совѣтъ не походилъ на римскій сенатъ.

его воли. Онъ любилъ говорить, что рѣшеніе было обсуждено на совѣтѣ и епископы со знатными раздѣлили его мнѣніе. Наиболѣе обычнымъ выраженіемъ для обозначенія такого сотрудничества было „*cum consilio episcoporum et optimatum*“. Его не слѣдуетъ переводить такъ, будто бы рѣчь шла обо всѣхъ епископахъ и о всѣхъ оптиматахъ. Призывались далеко не всѣ епископы. На совѣтѣ засѣдали лишь три или четыре епископа или, если дѣло было очень важное, то немного больше, съ двумя или тремя аббатами. Никому не приходила въ голову мысль, что всѣ епископы имѣли право присутствовать на немъ. Король звалъ туда тѣхъ, кого хотѣлъ. Они являлись не столько въ качествѣ начальниковъ епархій, какъ въ качествѣ друзей и вѣрныхъ короля.

Совѣтъ всегда состоялъ изъ духовнаго и свѣтскаго элементовъ [1]. Въ 787 году, когда Карлъ Великій былъ въ Италіи среди своего войска, онъ заключилъ миръ „по совѣту епископовъ и знатныхъ“ [2]. Въ 819 году Людовикъ Благочестивый издалъ длинный капитулярій по дѣламъ церкви и о монастырской дисциплинѣ; въ своемъ вступленіи онъ объявляетъ, „что призывалъ къ себѣ нѣсколько епископовъ и аббатовъ и вѣрныхъ своихъ оптиматовъ и съ ними совѣщался“ [3]. Затѣмъ онъ пу-

[1] «Nos, cum fidelibus nostris tam spiritalibus quam saecularibus tractantes» (капитулярій 807 года, стр. 245).—«Consiliarii tam clerici quam laici» (*Hincmar*. De ordine palatii, c. 31).

[2] Лоршская лѣтопись, 787 годъ.

[3] *Capitulare ecclesiasticum*, a. 819 proem. Boretius, 274, § 2: «Quinto anno imperii nostri, accersitis nonnullis episcopis, abba-

бликуетъ двадцать восемь статей и прибавляетъ: „Намъ осталось еще составить другія статьи по разнымъ предметамъ; мы ихъ выпустимъ позднѣе, пользуясь совѣтомъ нашихъ вѣрныхъ“ [1].

При Карлѣ Лысомъ продолжается та же традиція. Подобно Людовику Благочестивому, и онъ также всегда сопровождается „совѣтниками“ [2]. Мы видимъ его окруженнымъ группою вѣрныхъ: епископами, могущественными аббатами или свѣтскими оптиматами. Мы видимъ, что онъ всегда дѣйствуетъ, „посовѣщавшись съ епископами и знатными“ [3], или „согласно совѣту своихъ вѣрныхъ“ [4]. Если онъ примиряется со своимъ братомъ Людовикомъ, или съ племянникомъ своимъ Лотаромъ, то по совѣту вѣрныхъ [5]. Другой разъ нѣсколько графовъ

tibus, canonicis et monachis, et fidelibus optimatibus nostris, studuimus eorum consultu...»

[1] *Ibidem*, c. 29, p. 279: «Nonnulla vero capitula... quae pro temporis brevitate efficere nequivimus, differendum iudicavimus donec, Domine favente, consultu fidelium facultas nobis id efficiendi ab eo tribuatur».

[2] Дипломы Людовика Благочестиваго, 838 года: «Adalbertus comes et consiliarius noster»; 839 года: «Agbertus comes et ostiarius et consiliarius noster» (Bouquet, VI, 618 и 627).—Бертинская лѣтопись, 868 годъ, стр. 183: «Engelramnum camerarium et ostiariorum magistrum atque a secretis consiliarium suum misit».—Гинкмаръ, Ad Teudulfum comitem (Migne, II, 265): «Comes et honoratus regi consiliarius».—«Consiliarii aulici» (Астрономъ, гл. 59).

[3] «Episcopos et ceteros regni sui primores consulens» (Бертинская лѣтопись, 861 годъ).

[4] «Cum consilio fidelium suorum», *ibidem*, 863 годъ.

[5] Капитулярій 862 года, Walter, III, 131: «Nos invicem communi fidelium nostrorum consilio reconciliavimus». Слово «communi» означаетъ, что собрались вѣрные двухъ королей.—То же и въ 860 году, *ibidem*, стр. 113: «Misimus super hoc episcopos et ceteros fideles nostros ut illi hoc invenirent qualiter nos adunaremus... Fideles nostri communiter consenserunt... et nos cum illorum consilio consentimus».

спросили его совѣта по одному вопросу административнаго права; „онъ обсудилъ его съ епископами и вѣрными“ и сообразно ихъ совѣту издалъ указъ [1].

Одинъ изъ его сыновей возсталъ противъ него, потомъ изъявилъ ему покорность; раньше, чѣмъ рѣшить, дать ли ему прощеніе, онъ ожидаетъ, чтобы собрался совѣтъ вѣрныхъ и „послѣ того, какъ онъ посовѣщался со своими совѣтниками, согласно ихъ совѣту, онъ рѣшилъ держать его въ заключеніи“ [2]. Даже въ дѣлахъ, которыя касаются королевской фамиліи, онъ считаетъ полезнымъ и необходимымъ выслушивать совѣтъ вельможъ. Дочь его, Юдифь, была добровольно похищена графомъ Балдуиномъ. Карлъ Лысый „спрашиваетъ епископовъ и знатныхъ“ о наказаніи, какое онъ долженъ

[1] Пистскій указъ 864 года, ст. 34, Walter, III, 154: «Comites nostri nos consuluerunt de illis francis hominibus qui censum regium... Cum episcopis et ceteris Dei ac nostris fidelibus tractavimus quid nobis esset agendum; et quod cum eis invenimus, praesenti edicto decrevimus».

[2] Бертинская лѣтопись, 871 годъ; ср. два отрывка, изд. Dehaisnes, стр. 224 и стр. 226.—1) стр. 224: «Karlomannus ad patrem pervenit... quem pater recepit et secum manere praecepit usque dum ad suos fideles ad Belgicam iret et eorum consilio inveniret qualiter eum honorare debeat»; 2) нѣсколько недѣль спустя, стр. 226: «Carolus ad Silvacum venit, quo placitum cum suis consiliariis habuit et eorum consilio Karlomannum iterum Silvanectis custodiae mancipavit».

наложить на обоихъ виновныхъ [1], потомъ, въ слѣдующемъ году, онъ опять „по совѣту вѣрныхъ" рѣшается простить ихъ и разрѣшить бракъ [2].

Мы не имѣемъ точныхъ цифръ о числѣ совѣтниковъ. Видно, что число это очень мѣнялось. Ничто не позволяетъ думать, чтобы оно когда-либо было очень высоко. Когда Карлъ Лысый и Людовикъ Германскій собрались для переговоровъ въ Мерсенѣ, то каждый изъ нихъ имѣлъ при себѣ лишь по четыре епископа и по десяти свѣтскихъ совѣтниковъ [3]. Въ 860 году Карломъ Лысымъ былъ заключенъ договоръ съ братомъ его Людовикомъ и племянникомъ Лотаромъ; договоръ этотъ былъ заготовленъ и заранѣе составленъ соединенными совѣтами трехъ королей, и всѣ совѣтники приложили къ нему подписи; насчитываемъ одиннадцать епископовъ, двухъ аббатовъ и тридцать три свѣтскихъ лица [4]. Таково было въ тотъ день общее число совѣтниковъ трехъ королей.

Въ приведенныхъ нами примѣрахъ можно было

[1] Бертинская лѣтопись, 862 годъ: «Rex Karolus consulens episcopos et ceteros regni sui primores».

[2] *Ibidem*, a. 863, p. 126: «Filiam suam Iudith consilio fidelium suorum Balduino quem secuta fuerat, legaliter coniugio sociari permisit».

[3] *Ibidem*, a. 870, p. 205: «Unusquisque eorum quatuor episcopos et decem consiliarios et inter ministeriales et vassos triginta tandummodo ad idem colloquium haberent».

[4] Капитуляріи Карла Лысаго, гл. 31 (изд. Walter, т. III, стр. 110): «Haec sunt nomina episcoporum que in secretario basilicae Sancti Castoris consideraverunt cum nobilibus ac fidelibus laicis firmitatem quam gloriosi reges nostri Ludovicus et Karolus atque Lotharius inter se fecerunt... Haec sunt nomina laicorum».

замѣтить, что, начиная съ эпохи Людовика Благочестиваго, совѣтъ обыкновенно называется совѣтомъ вѣрныхъ [1]. Слово *fideles* (вѣрные) взято здѣсь въ тѣсномъ смыслѣ и замѣняетъ слово „вельможи" или „оптиматы", съ которыми иногда еще чередуется [2].

Вѣрные—это люди, лично связанные съ королемъ. Среди нихъ одни—епископы и аббаты, получившие отъ него епархіи и богатые монастыри, другіе—вельможи, получившие отъ него должности, у которыхъ онъ можетъ взять ихъ обратно. Всѣ они связаны съ королемъ тѣсной связью *commendatio* [3]. Они были его первыми и самыми преданными слугами. Совсѣмъ нельзя утверждать, что одни изъ нихъ были представителями церкви, другіе представителями народа. Король совѣщался съ ними исключительно какъ съ собственными вѣрными.

[1] «Cum fidelibus nostris consideremus» (*Boretius*, p. 297).—«Consultu fidelium» (*ibidem*, 280).—«Fideles nostri consenserunt et nos» (*Walter*, III, 113).—«Fidelium nostrorum consilio» (*Walter*, III, 131).—«Cum nostris fidelibus tractavimus» (*ibidem*, III, 154).—«Consilio fidelium» (Бертинская лѣтопись, 863 годъ).

[2] «Optimates» (*ibidem*, 834 годъ). «Primores» (*ibidem*, 862 годъ).—Иногда оба термина «fideles» и «optimates» соединяются; капитулярій 819 года, стр. 274: «Accersitis nonnullis... fidelibus optimatibus nostris».—«Procerum suorum consilio» (Бертинская лѣтопись, стр. 73).

[3] Даже епископы, по крайней мѣрѣ, тѣ, которыхъ часто видимъ на совѣтахъ, — люди, коммендировавшіеся королю, часто даже раньше, чѣмъ они стали епископами. Вотъ, напримѣръ, Гинкмаръ и Венилонъ, архіепископъ санскій. Послѣдній началъ съ того, что коммендировался королю, даже сталъ его слугою: «Weniloni clerico meo mihi servienti, qui se mihi commendaverat» (капитулярій 859 года, Walter, III, 106).

Я склоненъ даже думать, что давать совѣтъ не столько было для нихъ правомъ, сколько обязанностью. Документы послѣдующихъ эпохъ покажутъ, что всякій вассалъ долженъ давать совѣтъ своему сюзерену, всякій крупный феодальный князь,— давать помощь и совѣтъ королю. Такой порядокъ, который опредѣленно обнаружится впослѣдствіи, начинаетъ уже просвѣчивать здѣсь, еще смутно, но уже достаточно для того, чтобы внимательный историкъ отмѣтилъ его. Мы, въ самомъ дѣлѣ, видимъ у лѣтописцевъ частое употребленіе слѣдующей формы рѣчи: „Король призвалъ знатныхъ, чтобы посовѣтоваться съ ними". Это говорится въ такой связи, изъ которой ясно, что призывъ относился къ людямъ, болѣе или менѣе далеко жившимъ отъ дворца [1]. Король „отдаетъ имъ приказъ прибыть къ нему" [2] и, повидимому, они не могутъ не повиноваться этому приказу [3]. Бросивъ

[1] *Codex Laureshamensis*, I, 42: «Consiliarios *passim evocatos* convenire iussit». Бертинская лѣтопись, 832 годъ: «*Convocatis* undique consiliariis».—Капитулярій 819 года: «*Accersitis* nonnullis episcopis et fidelibus». — Приведенная выше фраза Людовика Благочестиваго—«expectandum donec cum plurioribus fidelibus consideremus» показываетъ, что большинство совѣтниковъ находится очень далеко, и что надо заранѣе созывать ихъ.

[2] «Rex quoscunque potuit de vicinis consiliariis ad se venire praecepit» (Бертинская лѣтопись, 875 годъ, стр. 240).

[3] См. любопытное письмо Лупа, епископа феррьерскаго, № 32, Bouquet, VII, 490. Онъ повѣряетъ своему другу состояніе крайняго стѣсненія, въ которомъ въ то время находится; онъ опасается, что король призоветъ его во дворецъ и даетъ понять, что не будетъ имѣть необходимыхъ средствъ для путешествія.—Такъ и авторъ житія св. Ремберта (гл. 21) говоритъ, что его часто требовали во дворецъ, и это могло быть нужно

всѣ дѣла, на свой счетъ [1] они должны ѣхать по приказу короля, издалека спѣшить во дворецъ, гдѣ у нихъ однако спрашивали только совѣта. Посмотрите въ капитуляріи 877 года, какъ Карлъ Лысый опредѣляетъ составъ людей, которые войдутъ въ совѣтъ его сына [2]; тѣмъ самымъ онъ не даетъ имъ права, а налагаетъ обязанность. А вотъ свидѣтельство еще болѣе ясное. Въ 859 году Карлъ Лысый напоминаетъ, что нѣсколько епископовъ измѣнило ему. „Они клялись мнѣ въ вѣрности, говоритъ онъ, а потому должны бы давать мнѣ совѣтъ и помощь (*consilium et auxilium*)" [3]. Гинкмаръ употребляетъ тѣ же термины, *consilium et auxilium*, для обозначенія вѣрности, которую епископы и совѣтники должны являть королю [4].

лишь для того, чтобы дать совѣтъ или засѣдать на судѣ. Онъ, дѣйствительно, былъ однимъ изъ совѣтниковъ государя «inter consiliarios collocari obtinuit» (гл. 21).

[1] Лупъ феррьерскій въ вышеупомянутомъ письмѣ заявляетъ, что если король потребуетъ его во дворецъ, у него нѣтъ достаточно припасовъ, чтобы взять съ собою на восемь дней; онъ хочетъ, чтобы его не призывали раньше будущей жатвы, «donec novae fruges referant facultatem».

[2] С. 15 [ср. *Nouvelles Recherches*, стр. 430 и слѣд.].

[3] Капитулярій 859 года, ст. 9, Walter, III, 108: «Episcopi qui mihi fidei promissae debitores erant, et consilium atque auxilium manu propria confirmatum ferre debuerant».

[4] *Hincmar*. Ad episcopos et proceres provinciae Remensis, c. 3, Migne, I, 963: «Cum consilio et auxilio episcoporum et ceterorum consiliiariorum suorum»; c. 4: «Nobis episcopis satis agendum est ne in consilio... et ne de auxilio abscedamus».—Тотъ же Гинкмаръ говоритъ въ другомъ мѣстѣ, что онъ отправился на собраніе въ Гондревиль «in obsequio domini regis, cum plurimis episcopis et ceteris fidelibus suis» (Migne, Op. Hincm. II, 290).

[Тѣмъ не менѣе, въ эпоху каролингскаго упадка, особенно въ царствованіе Карла Лысаго совѣтъ долженъ былъ пріобрѣсти большое значеніе и принять болѣе близкое участіе въ дѣлахъ правленія. Но съ самаго начала и въ принципѣ совѣтники королей, какъ и совѣтники римскихъ императоровъ, были лишь опорою королевской власти, можно сказать, орудіями ихъ освѣдомленія. Отвѣчая королю, который съ ними совѣщался, они исполняли долгъ, присущій ихъ должностямъ или ихъ положенію вѣрныхъ. Они не осуществляли права, не пользовались привилегіей].

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ.

Общія собранія.

[Рядомъ съ совѣтомъ стоитъ общее собраніе, *conventus generalis*, частью котораго онъ былъ]. Совѣтъ мы часто видимъ внѣ *conventus*; но всякій разъ, когда созывается *conventus*, дѣйствуетъ въ то же время и совѣтъ.

Изслѣдованіе общихъ собраній очень трудно. Это зависитъ не отъ недостатка документовъ. Ихъ, наоборотъ, очень много. Собранія отмѣчались лѣтописцами съ наибольшей тщательностью. На протяженіи ста двадцати лѣтъ, отъ Пиппина Короткаго до конца царствованія Карла Лысаго, мы знаемъ около двадцати пяти собраній, упомянутыхъ въ современныхъ сочиненіяхъ съ указаніемъ, если не всего, то, по крайней мѣрѣ, главнаго, что дѣлалось на каждомъ изъ нихъ. Причина трудности не въ отсутствіи документовъ, а въ томъ, какъ они изучаются современными учеными. Наша привычка жить среди опредѣленныхъ и ясныхъ учрежденій заставляетъ предполагать, что таковъ же былъ характеръ институтовъ IX-го вѣка. Но общія собранія той эпохи далеко не были строго и опредѣленно выработавшимся учрежденіемъ.

Надо прежде всего замѣтить, что въ языкѣ не существовало спеціальнаго термина для его обозначенія. Его называли тремя терминами, которые принадлежатъ всѣ три къ латинскому языку: *conventus, placitum, synodus*. Эти три слова употреблялись безразлично, какъ однозначащія. Всѣ три были сами по себѣ не ясны, такъ какъ они примѣнялись ко всякаго рода собраніямъ, большимъ или малымъ, каковъ бы ни былъ ихъ предметъ, и мы дѣйствительно много разъ находимъ ихъ въ примѣненіи къ собраніямъ, ни въ чемъ не походившимъ на общія. Что касается оффиціальнаго обозначенія, мы напрасно стали бы искать таковаго въ языкѣ того времени. Его не было, ни латинскаго, ни германскаго. Сами короли употребляли въ своихъ законодательныхъ актахъ попеременно тотъ или другой изъ трехъ упомянутыхъ выше терминовъ.

Итакъ, общія собранія не имѣли точнаго и опредѣленнаго имени, которое могло бы намъ пролить нѣкоторый свѣтъ на ихъ природу. Чтобы составить о нихъ правильное понятіе, мы должны будемъ перебрать всѣ тексты, въ которыхъ о нихъ говорится. Особенно внимательно слѣдуетъ разсмотрѣть, что говорится о самомъ проис-

ходившемъ на каждомъ изъ собраній. Когда примемся за эту работу, придется убѣдиться въ очень большомъ разнообразіи практики. Не только характеръ и составъ собраній мѣняются изъ царствованія въ царствованіе, но и въ одно и то же царствованіе, а иногда въ одинъ и тотъ же годъ два собранія могутъ совершенно отличаться одно отъ другого по природѣ и по предмету. Институтъ общихъ собраній былъ очень измѣнчивъ, очень неустойчивъ, а главное, очень сложенъ.

Въ *placita generalia* каролингской эпохи раскрываются три совершенно различныя стороны: они являлись собраніемъ и военнымъ, и судебнымъ, и политическимъ. Мы изучимъ эти три вида одинъ за другимъ.

I.

Военныя собранія на мартовскомъ полѣ.

Начинаемъ съ царствованія Пиппина и беремъ первое общее собраніе этого царствованія. Современная хроника говоритъ, что въ 754 году послѣ того, какъ папа просилъ Пиппина начать войну противъ лонгобардовъ, „въ мартовскія календы [1] король Пиппинъ повелѣлъ всѣмъ франкамъ, согласно закону страны, явиться къ нему въ королевскую виллу Брэнъ; тамъ, когда король получилъ совѣтъ отъ своихъ знатныхъ, въ то время года, когда короли имѣютъ обыкновеніе выступать на войну, войско франковъ и всѣхъ подчиненныхъ народовъ двинулось противъ страны лонгобардовъ.“ — Разберемъ это мѣсто: 1) прежде всего, видимъ приказъ короля, *praecepit*; 2) этотъ приказъ содержалъ требованіе явиться къ королю, *venire ad se*; мѣстомъ встрѣчи назначается королевское обиталище; 3) приказъ относится ко всѣмъ франкамъ, *omnes Francos*, то-есть, согласно словоупотребленію языка того времени, ко всѣмъ свободнымъ людямъ франкскаго государства. Какъ указано въ слѣдующей строкѣ, сюда надо прибавить и людей изъ покоренныхъ народовъ, то-есть, баваровъ, аламанновъ, фризовъ, быть можетъ, и аквитанцевъ; 4) по прибытіи всѣхъ этихъ людей къ назначенному мѣсту съѣзда, король держалъ совѣтъ не со всѣми ими, а со „своими знатными“, то-есть, съ одними совѣтниками; 5) онъ отдалъ приказъ итти на лонгобардовъ, и войско тотчасъ выступило въ походъ. Изъ всего ясно видно, что весною 754 года было общее собраніе, но что это собраніе было не чѣмъ инымъ, какъ войскомъ. Надо замѣтить, что въ первой части фразы хроникеръ говоритъ *omnes Francos*, во второй—*Francorum agmina*, называя обоими выраженіями однихъ и тѣхъ же людей.— Другой лѣтописецъ выражается нѣсколько иначе: „Король Пиппинъ держалъ *placitum* въ мартовскія иды согласно обычаю въ виллѣ Брэнъ и, посовѣтовавшись со своими знатными, онъ рѣшилъ, что выступитъ въ Италію“ [1]. Основныя черты перваго

[1] *Continuator Fredegarii*, 120: [37, Krusch], Bouquet, V, 2: «Ad kalendas martias omnes Francos, sicut mos Francorum est, Bernaco villa publica ad se venire praecepit; initoque consilio cum proceribus suis, eo tempore quo solent reges ad bella procedere, vel reliquas nationes qui (quae) in suo regno commorabantur et Francorum agmina ad partes Langobardie pervenerunt».

[1] *Annales Mettenses*, 754 годъ, Bouquet, V, 335: «Pippinus rex

разсказа повторяются и здѣсь. То, что названо однимъ лѣтописцемъ *omnes Franci*, другой называетъ *placitum*; король совѣщается лишь со знатными; когда король принялъ рѣшеніе, войско идетъ въ Италію. Въ тотъ годъ *placitum* было не чѣмъ инымъ, какъ мѣстомъ сбора войска со всего государства. Эти люди собрались лишь для того, чтобы получить отъ короля военный приказъ.

Въ 761 году лѣтописецъ дважды отмѣчаетъ *placitum* на небольшомъ промежуткѣ времени. Онъ говоритъ, съ одной стороны: „Король, назначивъ *placitum*, повелѣлъ всѣмъ знатнымъ франкскаго государства явиться къ нему въ Дюренъ на майское поле, чтобы обсудить о благѣ страны и объ интересахъ франковъ“ [1]. Видно, что въ этомъ первомъ отрывкѣ лѣтописецъ описываетъ не военное собраніе. Рѣчь идетъ объ одномъ изъ собраній политическаго характера, какія мы будемъ изслѣдовать ниже. На немъ, впрочемъ, находятся только „всѣ знатные“.—Но затѣмъ лѣтописецъ добавляетъ,

placitum habuit secundum consuetudinem kalendis martiis Brennaco villa publica; accepto inde consilio optimatum suorum, partibus Italiae se profecturum indixit».

[1] *Continuator Fredegarii*, c. 125 [42]: «Pippinus omnes obtimates Francorum ad Dura ad campo madio pro salutem patrie et utilitatem Francorum tractandum, placito instituto, ad se venire praecepit».—*Annales Mettenses*: «Pippinus conventum habuit in Duria villa publica et de utilitate regni Francorum tractans suos ibi optimates adunavit».—*Annales Tiliani*, 761 годъ: «Rex synodum tenuit ad Duriam». Замѣтьте, что три лѣтописца для обозначенія одной и той же вещи употребляютъ три слова—*placitum*, *conventus*, *synodus*. Въ лоршской лѣтописи употребляется терминъ *synodus*; въ лѣтописи Эйнгарда то же собраніе названо *generalis conventus*.

что при извѣстіи о возстаніи Ваифера „разсерженный король, назначивъ другое *placitum*, повелѣлъ всѣмъ франкамъ явиться въ воинскомъ вооруженіи на Луару; потомъ войско двинулось, король прошелъ черезъ Труа, Оксерръ, Неверъ, перешелъ Луару и осадилъ замокъ Бурбонъ“ [1]. Итакъ, въ этомъ году на разстояніи нѣсколькихъ недѣль было два собранія, одно собраніе „знатныхъ“ въ Дюренѣ для обсужденія общихъ вопросовъ, другое, собраніе „всѣхъ“ на Луарѣ, чтобы начать походъ. Лѣтописецъ обозначаетъ словомъ *placitum* оба собранія; они однако ни въ чемъ не сходны между собою [2].

[1] *Continuator Fredegarii*, 125: «Ira commotus iubet omnes Francos ut hostiliter, placito instituto, ad Ligerem venissent. Commotoque exercito cum omne multitudine, ad Trecas accessit, inde per Autisioderum ad Nevernum urbis veniens, Ligeris transmeato, ad castro Burbone pervenit». О значеніи слова «hostiliter» ср. капитулярій 813 года, ст. 10, стр. 171: «Ut unusquisque hostiliter sit paratus» —Въ лоршской лѣтописи и въ *Annales Tiliani*, говорится только такъ: «Pippinus cum exercitu iter peragens». Въ метцской: «Cum exercitu ad Ligerim venit». Лѣтопись Эйнгарда также говоритъ лишь о войскѣ: «Coactis undique auxiliis, cum magno belli apparatu».

[2] Мы могли бы привести еще *conventus* 763 года, какъ собраніе военнаго характера; *Einhardus*, Annales: «Conventu in Nivernis habito et contractis undique copiis, Pippinus Aquitaniam petiit... inde cum integro exercitu in Franciam regreditur».—Здѣсь ясно видно, что «conventus» первой части фразы и «exercitus» второй—одно и то же, и что здѣсь открывается не что иное, какъ походъ. Вотъ какъ выражается о томъ же фактѣ продолжатель Фредегарія, гл. 130 [47]: «Commoto omni exercito Francorum, ad Nevernum urbem cum omni exercito veniens, ibique cum Francis et proceribus suis placitum suum campo madio tenens, postea Ligere transacto Aquitania pergens». Лоршская лѣто-

Въ 767 году видимъ собраніе, которое лѣтописецъ называетъ „майскимъ полемъ", *campus madius* [1]. „Предписавъ собрать всеобщее ополченіе франковъ [2], черезъ Труа и Оксерръ онъ дошелъ до Буржа; тамъ имѣло мѣсто по его приказу обычное майское поле; тамъ держалъ онъ совѣтъ со своими знатными и рѣшилъ, что королева съ частью графовъ останется въ Буржѣ, а самъ онъ съ остальными франками пойдетъ на Ваифера" [3].—Видно, что „майское поле" не что иное, какъ сборъ войска. Мы увидимъ дальше, что во франкскомъ государствѣ не было постояннаго войска; всякій разъ, какъ начиналась война, или когда она предвидѣлась, король посылалъ во всѣ провинціи приказъ общаго ополченія, и всѣ свободные люди, собственники какого-нибудь имущества, должны были

пись (подъ тѣмъ же годомъ): «Habuit placitum suum in Nivernis, et quartum iter faciens in Aquitaniam... usque ad Cadurcum pervenit».—Наконецъ, метцская лѣтопись называетъ это же собраніе «placitum generale Francorum», причемъ говоритъ только о военномъ походѣ.

[1] Продолжатель Фредегарія, гл. 132 [49] Bouquet, 7, V.

[2] «Commoto omni exercito Francorum» —Выраженіе *commovere* или *promovere exercitum* значитъ предписать военное ополченіе; *commovere omnem exercitum*—предписать поголовное ополченіе.

[3] *Continuator Fredegarii*, ibidem: «Commoto omni exercito Francorum, per pago Trecasino, inde ad urbem Autisiodero veniens ad castro qui vocatur Gordonis, cum regina sua Bertradane Ligere transito ad Bitoricas accessit. Iterum campo madio, sicut mos erat, ibidem tenere iubet initoque consilio cum proceris suis, regina Bertradane cum reliquis Francis ac comitibus fidelibus suis in Betoricas dimisit, ipse cum reliquis Francis et obtimatis suis ad persequendum Waiofarium perrexit... Cum omni exercito reversus est».

являться вооруженными въ назначенное королемъ мѣсто. Когда лѣтописецъ говоритъ: король повелѣлъ, чтобы майское поле собралось въ Буржѣ, это все равно, какъ бы онъ сказалъ: въ тотъ годъ Буржъ назначается королемъ какъ мѣсто для сбора всѣхъ вооруженныхъ людей. Майское поле, по крайней мѣрѣ въ данномъ случаѣ, было въ самомъ дѣлѣ именно мѣстомъ сосредоточенія арміи. Мы дѣйствительно видимъ, что войско ничего не обсуждаетъ; король совѣщается съ одними знатными, и по его приказу войско выступаетъ въ походъ [1].

Переходя къ царствованію Карла Великаго, находимъ въ предѣлахъ его нѣсколько собраній того же характера. Въ 773 году король созываетъ въ Женевѣ, какъ говорятъ лѣтописцы, „общее собраніе франковъ" [2].—Но это вовсе не собраніе,

[1] Собраніе 767 года въ тѣхъ же чертахъ описано другими лѣтописцами. Въ лѣтописи Эйнгарда оно названо «conventus in campo» и не говорится ни о чемъ иномъ, какъ о войнѣ: «Ad reliquias belli profectus est et ad Bituricum veniens, conventum more francico in campo egit; indeque ad Garonnam fluvium accedens castella multa cepit». Метцскіе анналы называютъ это собраніе «conventus Francorum in campo magii» и не указываютъ, чтобы дѣло шло о чемъ-либо иномъ, какъ о военномъ походѣ. Лоршская лѣтопись называетъ его *synodus in campo*: «In mense augusto Bituricam usque venit; ibidem synodum fecit cum omnibus Francis solito more in campo; et inde iter pergens, Garonnam pervenit».—Такъ же выражаются *Annales Tiliani*.—Надо замѣтить, что Эйнгардъ, лоршская лѣтопись и *Tiliani* говорятъ, что собраніе происходило въ августѣ, и это не мѣшаетъ называть его «campus madius».

[2] Лоршскіе анналы, 773 годъ: «Rex synodum tenuit generaliter cum Francis apud Ienuam civitatem».—*Annales Tiliani*: «Synodum

обсуждающее политическіе вопросы. Собирается только войско. За нѣсколько дней передъ тѣмъ король держалъ въ Тіонвилѣ совѣтъ со своими знатными и рѣшилъ начать войну съ лонгобардами. Мѣстомъ общаго сбора войска онъ назначилъ Женеву у подножія Альпъ и отправился туда самъ. Разсказъ лѣтописцевъ прямо обнаруживаетъ, что это было только военное собраніе. Король не занимался тамъ государственными дѣлами; онъ только раздѣлилъ „это войско" на двѣ части и повелѣлъ ему перейти Альпы одновременно черезъ Монсенисъ и Сенъ-Бернаръ [1].

Эйнгардъ пишетъ въ 775 году: „Король рѣшилъ итти войной на саксовъ и послѣ общаго собранія въ Дюренѣ перешелъ черезъ Рейнъ со всѣми силами королевства" [2]. Изъ описанія видно, что это общее собраніе, *conventus generalis*, и здѣсь не что

habuit in Genua».—*Annales Guelferbytani et Nazariani*, Pertz, I, 40: «Magi campus ad Genua».—*Annales Mettenses*: «Synodum tenuit in Ienua civitate, in quo conventu...»—*Chronicon Moissiacense*: «Synodum tenuit... in quo conventu...» Въ лѣтописи Эйнгарда оно просто названо *exercitus*: «Bellum suscipiendum ratus, cum toto Francorum exercitu Genuam, Burgundiae civitatem, iuxta Rhodanum sitam, venit».

[1] *Annales Laureshamenses*: «Ibique exercitum dividens perrexit per montem Cenisium et misit Bernardum per montem Iovis».—*Einhardus*, Annales: «Copias divisit, et unam partem per montem Iovis ire iussit, alteram ipse ducens per montem Cinisium».—*Chronicon Moissiacense*: «In quo conventu exercitum divisit». *Annales Tiliani*: «Ibique exercitum dividens».

[2] *Einhardus*, Annales a. 775: «Cum rex in villa Carisiaco hiemaret, consilium iniit ut perfidam Saxonum gentem bello aggrederetur. Habitoque apud Duriam villam generali conventu, Rheno transmisso, cum totis regni viribus Saxoniam petiit».

иное, какъ собраніе войска. Разсмотрите всю фразу историка, и замѣтите, что *conventus generalis* означаетъ то же, что *totis regni viribus*. Собраніе названо *generalis* потому, что оно состояло изъ вооруженныхъ людей отъ всѣхъ областей государства. Поэтому въ слѣдующей строкѣ историкъ говоритъ: „всѣ силы государства" [1].

Въ 777 году возобновляется война съ саксами, и въ странѣ саксовъ назначено на этотъ годъ „общее собраніе". „Видя, что нельзя довѣрять обѣщаніямъ саксовъ, говоритъ Эйнгардъ, король от-

[1] Другія лѣтописи также не говорятъ ни о чемъ другомъ, какъ о войнѣ. Лоршская лѣтопись: «Rex habuit synodum in villa Duria et inde iter peragens partibus Saxoniae...» То же самое въ *Annales Tiliani*.—Муассакская хроника: «Abiit Karolus rex hostiliter in Saxonia». Метцская хроника: «Karolus synodum habuit in villa Duria dehinc perrexit in Saxoniam».—Я склоненъ думать, что *placitum* 776 года также не что иное, какъ собраніе войска; въ лоршской лѣтописи дѣйствительно говорится, что Карлъ, узнавъ о возстаніи саксовъ «coniunxit synodum ad civitatem Wormatiam et ibi placitum publicum tenens, concilio facto, sub celeritate et nimia festinatione, Saxonum casas seu firmitates introivit».—Эйнгардъ говоритъ почти то же: «Haec (возстаніе саксовъ) cum regi allata fuissent, conventu apud Wormatiam habito, Saxoniam sine mora statuit cum exercitu esse petendam».—Правда, саксы, не оказывая сопротивленія, изъявили покорность, и нѣсколько лѣтописцевъ повторяетъ по этому случаю: «Eo anno magi campus ad Wormatia et inde in Saxonia, iam sine bello» (*Annales Guelferbytani et Nazariani*); но тѣмъ не менѣе цѣль собранія была военная,—«майское поле» было и здѣсь сборомъ войска. *Poeta Saxo*, I, 179—202, повѣствующій о событіяхъ болѣе подробно и лучше различающій неодинаковые акты, пишетъ, что сначала въ Кьерси происходилъ совѣтъ «proceres», на которомъ Карлъ Великій постановилъ войну; потомъ въ Дюренѣ состоялся «conventus populi», то-есть, сборъ войска.

былъ изъ Нимвегена, чтобы созвать общее собраніе своего народа въ мѣстѣ, называемомъ Падерборнъ, и съ большимъ войскомъ пошелъ на Саксонію" [1]. Въ этомъ любопытномъ текстѣ надо отмѣтить двѣ вещи. Во-первыхъ, Падерборнъ, не бывшій еще городомъ [2], находился за предѣлами франкскаго государства, въ Саксоніи, значитъ, въ странѣ вражеской; политическое собраніе естественно было созвать не тамъ. Во-вторыхъ, въ этой самой фразѣ лѣтописца *conventus* и *exercitus*, видимо, одно и то же; такъ какъ постоянной арміи въ ту эпоху не было, то войско, вступившее въ Саксонію, не могло быть ничѣмъ инымъ, какъ этимъ множествомъ, которое собралось около Карла Великаго. Лѣтописецъ написалъ: „общее собраніе его народа", *generalem populi sui conventum*. Если мы освѣдомлены въ словарѣ языка того времени, то вспомнимъ, что *populus* часто говорится о войскѣ [3]. Такъ какъ

[1] *Einhardus*, Annales, a. 777: «Rex Noviomagum profectus est, et post celebratam Paschalis festi celebritatem, propter fraudulentas Saxonum promissiones quibus fidem habere non poterat, ad locum qui Padrabrun vocatur generalem populi sui conventum in eo habiturus, cum ingenti exercitu in Saxoniam profectus est».

[2] *Padrabrunna* это значитъ источникъ или ключъ *Padra* или *Pader*.

[3] Мы видѣли выше примѣры такого значенія слова «populus» въ меровингскомъ языкѣ [ср. «Франкская монархія», стр. 368]. Прибавимъ нѣсколько примѣровъ отъ IX вѣка. Муассакскіе анналы говорятъ, что въ 812 году Карлъ Великій послалъ «tres scaras», три корпуса войска, въ страну славянъ вильцовъ. Когда тѣ изъявили покорность, войско возвратилось, «reversus est populus ad propria». Прочтите у Астронома, гл. 48, о событіяхъ на «полѣ лжи» въ 833 году; видно, что разныя войска одновременно называются «copiae», «valida manus», «acies» и «populus». Въ бертинской лѣтописи (834 годъ, стр. 13 и 14) можно замѣтить, что войско Пиппина сначала называется «exercitus» (стр. 13), потомъ «populus» (стр. 14), а войско Людовика германскаго, идущее на Францію, названо «populi multitudo» (стр. 14). Тотъ же хроникеръ (въ 854 году, стр. 84), говоря о войскѣ Карла Лысаго, которое опустошаетъ Аквитанію, называетъ это войско «eius populus». У Нитгарда (III, 4—7) наблюдается, что оба войска, войско Карла и войско Людовика, называются «exercitus», «plebs», и «populus».

войска отдѣльнаго отъ народа не существовало, такъ какъ войско было лишь совокупностью призванныхъ королемъ свободныхъ людей, то понятно, что въ языкѣ могли смѣшаться слова—народъ и войско [1].

Двѣ изъ лѣтописей каролингской эпохи называютъ то же общее собраніе 777 года „майскимъ полемъ" [2].—Это названіе, замѣнившее прежнее—„мартовское поле" [3], выражаетъ идею войска, со-

[1] Впрочемъ, саксы не оказали сопротивленія, и, вѣроятно, испуганные приходомъ массы воиновъ, всѣ покорились. Естественнымъ слѣдствіемъ этого было то, что *conventus* войны обратился въ *conventus* мира, на которомъ саксы совершили актъ подчиненія. *Einhardus*, Annales: «Totum perfidae gentis populum, quem ad se venire iusserat, sibi devotum invenit; cuncti ad eum venerunt... et se regis potestati permiserunt».—*Annales Laureshamenses* (eodem anno): «Habuit Carlus conventum Francorum ad Padrebrunnen, et ibi Saxonum multitudo baptizata est». То же въ муассакской лѣтописи.—Ср. *Annales Fuldenses*: «Saxones Francorum ditioni subduntur et conventus in Saxonia habitus, ibi Saxones baptizati».

[2] *Annales Laureshamenses*, (Pertz, I, 31) a. 777: «Habuit Carlus conventum Francorum, id est magis campum in Saxonia ad Padresbrunnon».—*Chronicon Moissiacense*, (eodem anno): «Habuit rex conventum maximum Francorum, id est magii campum, in Saxonia ad Partesbrunnia».—Мы видѣли выше, въ 776 году, въ *Annales Nazariani*: «Eo anno magii campus ad Wormatia et inde in Saxonia».

[3] *Annales Petaviani* (Bouquet, V, 13): «Eo anno (755) mutave-

бирающагося передъ началомъ похода. Дѣйствительно, надо замѣтить, что всякій разъ, какъ лѣтописцы употребляютъ выраженіе *campus maii* или *campus madius,* они или ставятъ рядомъ такія слова, какъ *exercitus*, либо *castra*, или же говорятъ о военномъ предпріятіи. Наоборотъ, они ни разу не упоминаютъ о политическихъ совѣщаніяхъ на такихъ собраніяхъ. „Майское поле" было не чѣмъ инымъ, какъ сосредоточеніемъ всѣхъ вооруженныхъ людей, прибывавшихъ со всѣхъ провинцій, чтобы сойтись на какой-нибудь назначенной равнинѣ [1]. Употребленіе даннаго слова въ такомъ смыслѣ находитъ, впрочемъ, объясненіе, если подумаемъ, что слово *campus* вызывало само по себѣ представленіе о войскѣ, раскидывающемъ свои палатки [2]. Говорили *campus* въ томъ смыслѣ, какъ мы говоримъ—лагерь, „*un camp*"; послѣднее французское слово происходитъ оттуда. Съ нимъ соединялась прямо идея войны: словомъ *campus* часто называли встрѣчу двухъ войскъ или правильный поединокъ двухъ бойцовъ [3]. Надо

runt martis campum in campo maio».—*Vita S. Remigii ab Hincmaro*, c. 31 (Migne, I, 1156): «Campum martium... sic conventum illum vocabant a Marte quem pagani deum belli credebant a quo martium mensem et diem Martis appellaverunt, quem conventum posteriores Franci maii campum, quando reges ad bella solent procedere, vocari instituerunt».

[1] Оттуда французское слово «camp», одно изъ значеній слова «campagne», а также слово «champion».

[2] Мы замѣчаемъ это уже въ старо-латинскомъ языкѣ; *Sidon. Apoll.* Carmina, V, Panegyricus Maioriano, v. 439.—Ср. «Saxones preparaverunt bellum in campo» (лоршскіе анналы, 783 годъ).

[3] Григорій Турскій, X, 10: «Rex campum diiudicat».—Капитулярій 806 года, De divisione imperii, гл. 14: «Pugna vel campus».—Капитулярій 819 года, ст. 10, Boretius, стр. 283:

замѣтить, что, наоборотъ, со словомъ *campus* никогда не связывалось понятіе о совѣщаніи или о политическомъ собраніи.

Къ числу чисто военныхъ собраній, безъ сомнѣнія, можно отнести и собраніе 779 года, о которомъ одинъ лѣтописецъ говоритъ только слѣдующее: „Собраніе произошло въ Дюренѣ и оттуда двинулось въ страну Саксонію" [1]; другой же говоритъ: „Майское поле въ Дюренѣ и походъ франковъ на Саксоніи" [2].—Чисто военнымъ было также собраніе, имѣвшее мѣсто въ Саксонію въ 780 году, и слѣдствіемъ котораго было „новое подчиненіе саксовъ" [3].—Таковъ же характеръ собранія 782 года,

«In campo decertent».—Капитулярій 803 года, additum Legi Ripuariae, ст. 7, стр. 118: «Campo vel cruce contendatur».

[1] *Annales Tiliani*, 780 годъ (779): «Fuit synodus ad Duriam et inde peractus partibus Saxoniae».

[2] *Annales Nazariani*, 779 годъ: «Mai campus ad Dura, et Franci cum rege in Saxoniam». Лоршская лѣтопись говоритъ лишь одно: «Iter peractus est partibus Saxoniae».—Муассакская лѣтопись: «Perrexit in Saxonia». Эйнгардъ называетъ это собраніе *conventus generalis* и показываетъ, что оно—не болѣе, какъ *exercitus*: «Animo ad Saxonicam expeditionem intento, Duriam venit, habitoque iuxta morem generali conventu, Rhenum cum exercitu traiecit».

[3] *Annales Fuldenses*, a. 780: «Carolus, habito conventu in Saxonia, iterum eam subigit».—*Annales Nazariani*: «Franci in Saxonia».—*Annales Petaviani*: «Rex Carolus cum exercitu venit in Saxoniam».—*Annales Tiliani*: «Ubi Lippia consurgit, ibi synodum tenuit».—*Einhardus*, eodem anno: «Cum magno exercitu Saxoniam profectus est, ad fontem Lippiae venit, ubi castra metatus».—*Annales Laureshamenses*: «Ubi Lippia consurgit, ibi synodum tenens, inde iter peragens partibus Albiae fluvii...» *Chronicon Moissiacense*: «Congregans exercitum ingressus est iterum in Saxonia».—*Annales Mettenses*: «Rex Saxoniam ingressus... ad locum ubi Lippia consurgit, ibi sy-

опредѣленно называемаго въ муассакской лѣтописи „собраніемъ войска“, *conventum exercitus* [1].— Таково же собраніе 795 года: одни называютъ его *placitum*, другіе—*exercitus*; единственнымъ его результатомъ было опустошеніе страны саксовъ [2].

Въ капитуляріяхъ ясно указанъ характеръ этого рода съѣздовъ. Они называютъ такое собраніе *placitum*, но прибавляютъ иногда эпитетъ *exercitale* и, главное, описываютъ его, какъ чисто военный сборъ. Напримѣръ, въ 802 году разсказывается, что когда ко-

nodum tenuit, inde progressus ad Albiam venit».—При сравненіи различныхъ способовъ обозначенія лѣтописцами одного и того же факта можно замѣтить, что трое изъ нихъ словомъ «exercitus» называютъ то, что другіе называютъ «synodus»; а выраженіе «synodum tenere» лоршской хроники соотвѣтствуетъ «castra metari» у Эйнгарда.

[1] *Chronicon Moissiacense*, a. 782: «Habuit conventum magnum exercitus sui in Saxonia ad Lippebrunen».—*Annales Petaviani*: «Cum exercitu venit in Saxoniam».—*Annales Tiliani*: «Synodum tenuit ubi Lippia consurgit».—Эйнгардъ здѣсь еще разъ сближаетъ «conventus» съ «exercitus»; см. *Annales*: «Aestatis initio, cum propter pabuli copiam exercitus duci poterat, in Saxoniam eundum et ibi generalem conventum habendum censuit; traiectoque Rheno cum omni Francorum exercitu ad fontem Lippiae venit, et ibi castris positis etc.».— Саксы, правда, не сопротивляются, вслѣдствіе чего происходитъ, что «conventu completo» Карлъ возвращается въ Галлію.

[2] *Annales Petaviani*, a. 795: «Rex commoto exercitu venit in Saxoniam omnemque terram illam vastavit».—*Annales Tiliani*: «Venit rex ad Cufstagnum et tenuit ibi placitum suum et Saxoniam ingressus est».—*Annales Laureshamenses*: «Rex venit ad Cufinstang et tenuit ibi placitum suum... et cum exercitu in Saxoniam ingressus est».—*Einhardus*, Annales: «Rex Saxonum perfidiae non immemor, conventum generalem trans Rhenum in villa Cuffestein more solemni habuit atque inde cum exercitu Saxoniam ingressus».—*Annales Mettenses*: «Rex tenuit placitum suum in villa Cufsistein... cum exercitu Saxoniam intravit».

ролемъ назначено было военное *placitum*, неявившійся долженъ былъ платить пеню въ 60 солидовъ [1]. Въ 807 году говорится, что „всѣ должны являться на собраніе (*placitum*) короля хорошо вооруженными и въ военной амуниціи“ [2]. Въ другомъ капитуляріи, спеціально относящемся къ сбору ополченія, читаемъ, что каждый долженъ явиться въ указанное собраніе „ad condictum placitum“ [3]. Это выраженіе, часто повторяющееся въ языкѣ той эпохи, означаетъ именно сборъ, назначенный въ опредѣленный день и въ опредѣленномъ мѣстѣ для всѣхъ вооруженныхъ свободныхъ людей. Карлъ Великій разъ пишетъ: „Что касается собранія, назначеннаго (въ этомъ году) на границѣ, для всѣхъ обязательно съѣхаться тамъ согласно нашему приказу“ [4]. Онъ прибавляетъ: „Графы должны имѣть попеченіе о томъ, чтобы всѣ люди ихъ графства подъ страхомъ наказанія пеней въ 60 солидовъ явились въ назначенный день на собраніе въ указанное нами мѣсто, каждый съ копьемъ, щитомъ,

[1] *Capitulare missorum*, 802 года, ст. 18, Boretius, стр. 101: «De exercitali placito instituto, ut hi qui istum inrumperint bannum dominicum conponant». Ср. другой капитулярій 802 года, ст. 7, Boretius, стр. 93, гдѣ «exercitale placitum» замѣнено словами «hostile bannum», причемъ оба выраженія означаютъ одно и то же.

[2] *Capitularia*, изд. Boretius, стр. 136, ст. 3: «Omnes generaliter ad placitum nostrum veniant bene praeparati... et sic ad condictum placitum hostiliter veniant».

[3] *Capitulare de exercitu praeparando* 807 года, Boretius, стр. 134, 135; ст. 1: «Omnes in hostem venient»; ст. 3: «Ad condictum placitum veniant».

[4] *Capitulare incerti anni*, Boretius, стр. 206, ст. 4: «De placito condicto ad marcam, necesse est ut omnimodis ex omni parte, sicut ordinatum fuerit, unusquisque conveniat».

лукомъ и стрѣлами... Чтобы они аккуратно явились къ назначенному дню собранія, и чтобы войскамъ ихъ былъ произведенъ смотръ" [1]. Капитулярій 811 года налагаетъ наказаніе на опоздавшихъ: „Если призываемый къ оружію въ назначенное собраніе не явился, то за каждый день промедленія онъ будетъ присужденъ къ лишенію на одинъ день мяса и вина" [2].

У насъ сохранилась одна изъ формулъ для созыва собранія. Она гласитъ: „Карлъ, свѣтлѣйшій августъ, императоръ и король франковъ, аббату Фульраду [3]. Мы объявляемъ тебѣ, что назначили общее наше собраніе на текущій годъ въ восточной части Саксоніи, въ мѣстѣ подъ названіемъ Старасфуртъ. А посему повелѣваемъ теперь же тебѣ,

[1] *Capitulare Aquisgranense*, anni incerti, c. 9. Boretius, c. 171: «De hoste pergendi, ut comes in suo comitatu per bannum unumquemque hominem per LX solidos in hostem pergere bannire studeat, ut ad placitum denuntiatum ad locum ubi iubetur veniant. Et comes praevideat quomodo sint parati, id est lanceam, scutum, arcum... Ad diem denuntiati placiti veniant et ibi ostendant quomodo sint parati».

[2] Капитулярій 811 года, ст. 3, Boretius, стр. 166: «Quicumque homo nostros honores habens in ostem bannitus fuerit, et ad condictum placitum non venerit, quod diebus post placitum condictum venisse comprobatus fuerit, tot diebus abstineat a carne et vino».

[3] *Karoli ad Fulradum abbatem epistola*, у Jaffe, «Liber carolinus» стр. 387, или въ капитуляріяхъ, Boretius, стр. 168. Можно допустить, что письмо, адресованное Фульраду, представляетъ отдѣльный экземпляръ общаго окружнаго письма, разосланнаго къ епископамъ, аббатамъ и графамъ.—Фульрадъ былъ аббатомъ Сенъ-Кантенскаго монастыря. Письмо было написано между 804 и 811 г.г.

чтобы ты явился въ это мѣсто въ день 17 іюня со всѣми твоими людьми, хорошо вооруженными и снаряженными [1]. Твои люди должны быть снаряжены такъ, чтобы по приказу нашему ты могъ выступить изъ этого мѣста на войну. Итакъ, они должны имѣть оружіе, съѣстные припасы, одежду, утварь и все необходимое для похода" [2].

Существовало, значитъ, военное собраніе [3]. Это учрежденіе установилось, какъ кажется, довольно правильно, ибо на протяженіи полувѣка капитуляріи упоминаютъ его пять разъ, а лѣтописцы болѣе двадцати. Вѣроятнѣе всего, военный сборъ происходилъ ежегодно, такъ какъ почти каждый годъ происходила или, по крайней мѣрѣ, ожидалась война. Такой сборъ былъ настолько установленъ и обыченъ, что лѣтописцы часто говорятъ: *ut mos erat*, „согласно порядку въ государствѣ" или *secundum consuetudinem*, „согласно обычаю". Его называли „майскимъ полемъ" потому, что слово *campus* вызывало представленіе о войнѣ.

[1] «Notum sit tibi quia placitum nostrum generale anno presenti condictum habemus infra Saxoniam in orientali parte, in loco qui dicitur Starasfurt (недалеко отъ Магдебурга). Quapropter precipimus tibi ut pleniter cum hominibus tuis bene armatis ac preparatis ad predictum locum venire debens XV kalendas iulias».

[2] *Ibidem*: «Ita preparatus cum hominibus tuis ad predictum locum venies ut inde, in quamcunque partem nostra fuerit iussio, exercitaliter ire possis; id est cum armis atque utensilibus et cetero instrumento bellico, in victualibus et vestimentis».

[3] Съ письмомъ Фульрада можно сравнить письмо Лупа феррьерскаго, написанное въ 851 году, № 113: «Homines mei, frequentibus exhausti expeditionibus, audita profectione domni regis versus Britanniam, et *denuntiati olim placiti* aliquam sperantes dilationem poposcerunt ut...»

Его называли также „сборомъ“, *conventus, synodus*, или „собраніемъ короля“, *placitum nostrum*. Въ сущности, это былъ созывъ всѣхъ тѣхъ, кто долженъ былъ нести воинскую службу [1].

Изъ приведенныхъ выше фактовъ вытекаетъ еще одно замѣчаніе: при всякомъ собраніи войска мы видимъ, что съ нимъ о войнѣ не совѣщались. Этотъ вопросъ ни разу не ставился ему, ни разу оно не обсуждало и не высказывало своего желанія. Война всегда рѣшалась заранѣе однимъ королемъ или королемъ на совѣтѣ. Войско, собранное въ указанный для всѣхъ день и въ указанномъ мѣстѣ, дѣлаетъ одно: идетъ, куда его ведетъ король или назначенные имъ начальники. Призывъ былъ формулированъ такъ: „Явясь на мѣсто сбора, ты пойдешь на войну въ указанную повелѣніемъ нашимъ сторону“ [2].

2.

Происходившіе на общихъ собраніяхъ суды.

Предметомъ большихъ собраній не всегда бывала только война. Короли созывали ихъ и въ такіе годы,

[1] Мы взяли примѣры изъ эпохи Пиппина и Карла Великаго; есть еще и другіе, правда, менѣе многочисленные, изъ эпохи Людовика Благочестиваго и Карла Лысаго. Въ бертинской лѣтописи, въ 832 году, стр. 7, упоминается «placitum», видимо, бывшее не чѣмъ инымъ, какъ созывомъ войска; на стр. 8, король назначаетъ «placitum generale», куда всѣ должны явиться въ военномъ снаряженіи, «hostiliter».—Та же лѣтопись, 867 годъ, стр. 106: «Generaliter per omne regnum suum hoste denuntiata, placitum suum kalendis augusti in Carnutum civitate condixit, in Britanniam super Salomonem perrecturus».

[2] «In quamcunque partem nostra fuerit iussio» (*Boretius*, p. 168).

когда не имѣлось въ виду никакой войны. Такъ, много разъ читаемъ у лѣтописцевъ подобнаго рода сообщенія: „Этотъ годъ прошелъ безъ войны; франки лишь сошлись въ Вормсѣ на собраніе“ [1].

Въ числѣ актовъ, совершавшихся на такихъ собраніяхъ, назовемъ сначала судебныя разбирательства. Можемъ привести восемь примѣровъ судебныхъ приговоровъ, постановленныхъ на собраніяхъ (*conventus*). На большомъ майскомъ полѣ въ Валансьенѣ, по всей вѣроятности въ 771 году, въ то время, какъ войско расположилось лагеремъ около государя, одинъ герцогъ былъ обвиненъ въ томъ, что тотъ лишилъ двумя его сестрами въ томъ, что тотъ лишилъ ихъ наслѣдства; его судили и онъ былъ осужденъ [2].

[1] 781 годъ: «Sine hoste fuit hic annus, nisi tantum Wormatia venerunt Franci ad placitum» (*Annales Petaviani*, Bouquet, V, 15).—764 годъ: «Habuit placitum suum in Wormatia et nihil aliud fecit nisi in Francia resedit» (*Annales Laureshamenses*).—790 годъ: «Hic annus absque hoste fuit; rex habuit ad Wormatia magnum conventum vel placitum una cum Francis» (*Annales Petaviani*, Bouquet, V, 16).—790 годъ: «Habuit rex conventum in Wormatia, non tamen magis campum, et ipse annus transiit sine hoste» (*Annales Laureshamenses*).

[2] *Vita S. Salvii*, c. 17 (Болландисты, 26 іюня, стр. 203; Bouquet, III, 647).—Время этого *conventus* установить трудно. Имя «Carolus» часто встрѣчается въ разсказѣ, но оно сопровождается то титуломъ «dux», то титуломъ «rex». Рѣчь идетъ, значитъ, о Карлѣ Мартеллѣ или о Карлѣ Великомъ. *Dom Bouquet* утверждаетъ, что рѣчь идетъ о Карлѣ Мартеллѣ, что собраніе происходило въ неопредѣленное время между 717 и 742 годами. Папеброкъ, издатель этого житія у Болландистовъ, благодаря слову «rex», склоняется къ тому, что это Карлъ Великій. Dom Bouquet возражаетъ, что «rex» стоитъ вмѣсто «dux», и эта ошибка встрѣчается у тѣхъ, кто говоритъ о Карлѣ Мартеллѣ; кромѣ того одной строкой выше авторъ написалъ «ubi dux resi-

Въ 782 году на военномъ собраніи, происходившемъ у истоковъ Липпе, предстали одинъ епископъ и одинъ аббатъ для разрѣшенія спора между ними касательно владѣнія монастыремъ; на *conventus*, происходившемъ во вражеской странѣ, тяжба эта была разсмотрѣна и рѣшена [1]. Въ 786 году

debat».—Послѣ внимательнаго чтенія этого житія думаемъ, что самъ агіографъ смѣшалъ оба лица. Изъ Карла, герцога франковъ, и Карла, короля франковъ, онъ дѣлаетъ одного человѣка; это особенно замѣтно въ главахъ 12, 13, 14, въ которыхъ онъ одновременно называетъ его обоими титулами. Мнѣ кажется, что Карлъ въ началѣ разсказа—это Карлъ Мартеллъ, при которомъ начиналась дѣятельность святого (гл. 2 и слѣд.). Потомъ, когда святой погибъ отъ руки Генарда и Винегарда, Карлъ, наказывающій убійцъ, можетъ быть, еще Карлъ Мартеллъ, а можетъ, быть это уже Карлъ Великій; тутъ я остаюсь въ сомнѣніи. Позднѣе же, въ главахъ 16 и 17, то-есть, въ моментъ собранія, о которомъ мы говорили, полагаю, что это можетъ быть только Карлъ Великій. Собраніе происходило въ Валансьенѣ, такъ какъ говорится о клятвѣ, принесенной на могилѣ святого, а могила Сальвія была на территоріи Валансьена. Карлъ Великій дѣйствительно держалъ въ Валансьенѣ собраніе въ 771 году (*Annales Laureshamenses*, *Tiliani*, *Fuldenses*, *Mettenses*, подъ тѣмъ же годомъ), и я не знаю другого собранія, которое происходило бы въ этомъ мѣстѣ раньше собранія 853 года, при Карлѣ Лысомъ.—Можно было бы съ большею увѣренностью говорить о времени, если бы знать годъ смерти святого; но писатель не дѣлаетъ никакого указанія на этотъ счетъ. Если довѣрять Сигиберту изъ Гемблу, Сальвій умеръ лишь въ 801 году (Bouquet, V, 378); но ученые считаютъ это невозможнымъ, благодаря первымъ главамъ житія святого, гдѣ, видимо, говорится о Карлѣ Мартеллѣ.—Итакъ, несмотря на авторитетъ Dom Bouquet, я склоненъ отнести судъ, о которомъ будетъ итти рѣчь, къ собранію въ Валансьенѣ въ 771 году.

[1] *Miracula S. Goaris*, c. 4, Mabillon, Acta Sanctorum, II, 291, Bouquet, V, 454.

нѣсколько графовъ и сановниковъ изъ Австразіи, составившихъ заговоръ противъ Карла Великаго, были судимы на *conventus* въ Вормсѣ [1]. Въ 788 году баварскій герцогъ Тассилонъ былъ обвиненъ и судимъ на большомъ собраніи въ Ингельгеймѣ [2]. На *conventus* въ Регенсбургѣ, въ 792 году, Пиппинъ, возставшій противъ Карла Великаго, былъ признанъ виновнымъ и приговоренъ къ смерти [3]. Въ 818 году Бернардъ, король Италіи и племянникъ императора, былъ судимъ на *conventus* въ Ахенѣ [4]. Въ 820 году видимъ, что на собраніи въ Ахенѣ судили графа барцелонскаго, по имени Бэру [5]. Наконецъ въ 828 году, послѣ неудачнаго похода въ Аквитанію, видимъ, что на *conventus publicus*, опять же въ Ахенѣ, были преданы суду предводители похода [6].

Если опираться на одни эти указанія, можно бы было предположить, что общія собранія франкскаго народа были облечены судебною властью, что эта большая масса свободныхъ людей пред-

[1] *Einhardi Annales*, 785 годъ, in fine.—*Annales Laureshamenses*, a. 781, Pertz, I, 32, Bouquet V, 27. *Annales Moissiacenses*, a. 786, Bouquet, V, 72.

[2] *Einhardi Annales*, 788 годъ. — *Annales Laureshamensenses*, тотъ же годъ, Bouquet, V, 46.

[3] Муассакская лѣтопись, 792 годъ, Bouquet, V, 73.—*Einhardi Annales*.—*Annales Laurissenses*, *Annales Fuldenses*, *Annales Tiliani*, подъ тѣмъ же годомъ.

[4] Муассакская лѣтопись, 817 годъ, Bouquet, VI, 172; Теганъ, гл. 22. Ср. съ Эйнгардомъ, (818 годъ), который не говоритъ о собраніи.

[5] *Einhardi Annales*, 820 годъ.—*Astronom.* c. 33.

[6] *Einhardi Annales*, 828 годъ.—*Astronom.* c. 42.

ставляла собою огромный трибуналъ, что ей принадлежала высшая юрисдикція. Но надо ближе разсмотрѣть каждый изъ разсказовъ лѣтописцевъ, чтобы увидѣть, какова была въ каждомъ случаѣ истинная роль собранія.

Судъ, происходившій на собраніи въ Валансьенѣ, описанъ такъ: „Карлъ назначилъ собраніе большого майскаго поля, согласно обычаю франковъ [1]. Туда явились всѣ знатные, всѣ начальники провинцій, весь народъ и расположились вокругъ лагеремъ [2]. Когда всѣ были въ сборѣ, среди нихъ оказался одинъ герцогъ, особенно близкій королю [3]. Но двѣ сестры герцога пришли къ королю съ жалобой, говоря ему: Преславный король, сжалься надъ нами, сиротами, и повели нашему брату отдать намъ нашу долю наслѣдства [4]. Карлъ тотчасъ вызвалъ брата и тщательно разслѣдовалъ дѣло, допрашивалъ его, имѣлъ ли онъ какое-нибудь право владѣть долей сестеръ. Онъ повелѣлъ ему отдать имъ наслѣдство [5]. А такъ

[1] *Vita S. Salvii*, c. 17: «Eo tempore iussit Carolus campum magnum parari, sicut mos erat Francorum».—Мы думаемъ, что «campus» имѣетъ здѣсь тотъ же смыслъ, какъ выраженіе «campus martius» или «campus madius».

[2] «Venerunt optimates et magistratus omnisque populus et castra metati sunt in circuitu».

[3] «Congregatis omnibus, adfuit inter eos unus et ducibus quem valde rex diligebat».

[4] «Clamare vero coeperunt sorores eius adversus eum coram rege dicente: Gloriosissime rex, misereri dignare nobis famulabus tuis orphanis, ut iubeas fratrem nostrum reddere partem hereditatis nostrae...»

[5] «Accersivit eum et diligenter inquisivit ab eo utrum eorum portionem iniuste possideret an non. Dixitque ad eum: Redde hereditatem sororibus tuis debitam».

какъ братъ отказывался сдѣлать это, то Карлъ рѣшилъ, что онъ долженъ будетъ принести клятву надъ могилой святого; во время клятвы тотъ умеръ“ [1].—Изъ разсказа, очень яснаго и живого, мы видимъ, что происходило большое собраніе; но судило не оно. Истицы принесли жалобу не собранію, а королю. Онѣ обратились только къ нему: „*O, rex gloriosissime, iubeas*“? Онъ одинъ вызвалъ отвѣтчика, *accersivit*, одинъ допрашивалъ его, *inquisivit*, одинъ приговорилъ его къ возвращенію наслѣдства, одинъ наложилъ на него обязанность судебной присяги, которая по тогдашнимъ понятіямъ должна была привести его къ смерти. Во всемъ этомъ собраніе не играло никакой роли. Мы не знаемъ даже, присутствовало ли оно на судѣ, и не судилъ ли король въ своей палаткѣ, или въ домѣ, или въ сосѣднемъ своемъ дворцѣ въ Валансьенѣ.

На общемъ собраніи 782 года находимъ разбирательство тяжбы между епископомъ и аббатомъ. Писатель выражается такъ: „Во время общаго собранія, происходившаго въ Саксоніи у истоковъ

[1] «Noluit acquiescere consilio eius, sed coepit magis ac magis contradicere... Ad haec rex respondit: Vade et da sacramentum super sanctum sepulcrum eius... Tunc infelix ille... iuravit dicens... et peracto iuramento statim medius crepuit».—Замѣтимъ, что все это было согласно съ обычной процедурой. Потребовать присяги значило произнести настоящій приговоръ въ томъ смыслѣ, что по понятіямъ того времени за ложную клятву виновный платился жизнью, а, отказываясь отъ присяги, онъ признавалъ свою виновность.

Липпе, король Карлъ (Великій) взялъ на себя разсмотрѣніе тяжбы въ присутствіи знатныхъ почти всего королевства и первыхъ лицъ свѣтскаго и духовнаго сословія; съ согласія всѣхъ тѣхъ, кто принялъ участіе въ судѣ, рѣшено было, что судебную присягу принесетъ представитель аббата; когда послѣдній выдержалъ испытаніе, король, съ согласія своихъ, присудилъ предметъ спора въ пользу аббата“ [1].—Изъ этого разсказа обнаруживается, что судъ происходилъ во время общаго собранія, но видно еще и то, что приговоръ былъ постановленъ не общимъ собраніемъ. Писатель замѣчаетъ даже, что тяжба разбиралась лишь „въ присутствіи знатныхъ королевства, графовъ и епископовъ“; такимъ образомъ онъ формально устанавливаетъ различіе между всѣмъ народомъ, расположившимся лагеремъ у истоковъ Липпе, и значительно менѣе многочисленнымъ и болѣе аристократическимъ собраніемъ, принимавшимъ участіе въ судѣ. Это собраніе знатныхъ засѣдало съ королемъ, перенесшимъ дѣло на свой судъ; король разобралъ дѣло среди своихъ знатныхъ; тѣ высказались единодушно, и король постановилъ рѣшеніе. Нельзя не замѣтить, что та-

[1] *Miracula S. Goaris*, c. 46 (Mabillon, Acta Sanctorum ordinis S. Benedicti, II, 291; Bouquet, V, 454): «Princeps, habito in Saxonia super fontem qui Lippia dicitur generali conventu, sub praesentia totius prope regni primatum et utriusque ordinis clarissimorum virorum, rem per se examinandam suscepit, omniumque qui tum adfuere iudicio iurisiurandi conditio causidico monasterii est constituta, qua ille postea cum duodecim aliis firmavit possessionem (т.-е. предметъ спора, монастырь св. Гоара) non ecclesiae Trevirorum sed dominio regis competere. Hoc ergo modo re definita, rex cum suorum consensu cellam S. Goaris monasterio Prumiae tradidit.»

кова была обычная процедура королевскаго суда. Король судитъ на истокахъ Липпе, какъ бы судилъ во дворцѣ своемъ, въ Ахенѣ или въ Аттиньи.

Тотъ же характеръ носитъ судоговоренье въ 786 году на собраніи въ Вормсѣ. „Карлъ Великій, пишетъ лѣтописецъ, узнавъ, что нѣсколько графовъ Австразіи составили заговоръ, повелѣлъ этимъ людямъ явиться къ нему. Былъ августъ мѣсяцъ. Императоръ созвалъ въ Вормсѣ собраніе епископовъ и большой *conventus*; тамъ онъ постановилъ наиболѣе причастныхъ къ заговору отставить отъ должностей и выколоть имъ глаза; менѣе виновныхъ онъ помиловалъ“ [1].—Здѣсь также видно, что судитъ король. Онъ одинъ названъ источникомъ правосудія и милости. Не дѣлаю отсюда вывода, что онъ судитъ одинъ: существовалъ обычай, чтобы король окружалъ себя совѣтомъ. Нѣкоторые изъ епископовъ, о которыхъ говоритъ лѣтописецъ, несомнѣнно, засѣдали на судѣ, равно какъ и значительное число знатныхъ. Но видно, что общее собраніе, то-есть, весь народъ, не принимало

[1] *Annales Laureshamenses*, Pertz, I, 32; Bouquet, V, 27: «Quo comperto, Carlus iussit eos ad se venire. In mense augusto, apud Wormatiam synodum episcoporum ac conventum magnificum coire fecit, ubi decrevit quod hi qui potissimum in hac coniuratione devicti sunt, honoribus simul ac luminibus privarentur atque exsilio damnarentur, eos vero qui innoxii in hac coniuratione seducti sunt clementer absolvit».—Муассакская хроника, 786 годъ, Bouquet, V, 72, высказывается въ тѣхъ же выраженіяхъ.—Лѣтопись Эйнгарда говоритъ о возмущеніи и о карѣ, но не упоминаетъ даже о собраніи. Другіе лѣтописцы совсѣмъ ничего не говорятъ объ этомъ.

участія въ обсужденіи, въ совѣщаніи, въ постановленіи рѣшенія.

Относительно собранія 788 года выраженія лѣтописцевъ наводятъ на нѣкоторыя сомнѣнія. Правда, то былъ особо важный случай: обвиняемымъ являлся герцогъ баваровъ Тассилонъ, то-есть, глава цѣлаго племени, почти самостоятельный государь. Возможно, что процедура была иная, чѣмъ та, какая примѣнялась по отношенію къ человѣку изъ франкскаго государства, къ подданному, къ простому частному лицу. Вотъ, прежде всего, какъ выражается Эйнгардъ: „Король постановилъ, чтобы общее собраніе его народа было созвано въ королевскую виллу Ингельгеймъ, и онъ повелѣлъ Тассилону, равно какъ и всѣмъ другимъ вассаламъ явиться туда [1]. Тассилонъ повиновался и предсталъ передъ королемъ [2]. Нѣкоторые бавары обвинили его въ оскорбленіи величества. Отрицать факта онъ не могъ. Признанный виновнымъ, онъ былъ приговоренъ съ общаго согласія къ смертной казни, какъ уличенный въ оскорбленіи величества. Но милосердіе короля даровало ему жизнь, и онъ былъ заточенъ въ монастырь" [3].— Здѣсь ясно различаемъ, что судилъ не одинъ

[1] *Einhardi* Annales, a. 778: «Cum in eadem villa generalem populi sui rex conventum fieri decrevisset, ac Tassilonem ducem, sicut et ceteros vassos suos, in eodem conventu adesse iussisset».

[2] «Atque ille, ut fuerat ei imperatum, ad regis praesentiam pervenisset».—Слѣдуетъ замѣтить, что выраженіе «ad regis praesentiam» служило обыкновенно для обозначенія королевскаго суда.

[3] «Crimine maiestatis a Baioariis accusatus est... Noxa convictus, uno omnium assensu ut maiestatis reus capitali sententia damnatus est. Sed clementia regis licet morti addictum liberare curavit. Mutato habitu in monasterium missus est».

король, но и другія лица, такъ какъ всѣ постановили смертную казнь, а король смягчилъ наказаніе. Но Эйнгардъ опредѣленно не говоритъ, чтобы первый приговоръ былъ постановленъ именно общимъ собраніемъ народа. Если вспомнимъ одну довольно распространенную формулу, то поймемъ, что „единодушное мнѣніе", о которомъ здѣсь идетъ рѣчь, означаетъ, можетъ быть, именно не что иное, какъ согласіе только всѣхъ засѣдавшихъ въ королевсков судѣ. Вѣроятно, этотъ судъ высказалъ самъ мнѣніе, что виновный заслуживаетъ смерти, король же смягчилъ приговоръ.

Но лоршская лѣтопись выражается иначе: „Карлъ Великій созвалъ собраніе въ виллѣ Ингельгеймъ, и Тассилонъ явился туда по повелѣнію короля, какъ и всѣ другіе вассалы. Вѣрные (королю Карлу) бавары обвинили его въ нарушеніи обѣщанной вѣрности. Онъ не могъ отпереться и былъ обличенъ. Тогда франки и бавары, лонгобарды и саксы и всѣ, кто былъ призванъ на это собраніе изъ всѣхъ провинцій, рѣшили, что онъ достоинъ смерти. Но въ то время, какъ всѣ единогласно провозгласили, что онъ заслужилъ смертную казнь, Карлъ Великій, движимый состраданіемъ, сдержалъ строгость своихъ вѣрныхъ и не далъ ему умереть, а заточилъ его въ монастырь" [1]. — Въ

[1] *Annales Laurissenses*, Pertz, I, 172; Bouquet. V, 46: «Rex congregans synodum ad villam Ingelheim, ibique veniens Tassilo ex iussione domni regis, sicut et ceteri eius vassi. Coeperunt fideles Baioarii dicere quod Tassilo fidem suam salvam non haberet... De his omnibus comprobatus, Franci et Baioarii, Langobardi et Saxones,

этомъ новомъ разсказѣ мы видимъ не народъ (ибо о народѣ не упомянуто) а собраніе „вассаловъ“ и „вѣрныхъ“. Бросающеюся въ глаза чертою разсказа является присутствіе на данномъ собраніи лонгобардовъ, саксовъ, баваровъ; присутствіе это понятно; оно объясняется тѣмъ, что судить приходилось не франка. Его судятъ „вассалы“, потому что узы, связывавшія его съ Карломъ Великимъ, не обычное подданство, а вассалитетъ, и потому, что преступленіе, въ которомъ онъ обвиняется, есть „нарушеніе вѣрности“. Писатель прибавляетъ, что „всѣ“ осудили его, но „всѣ“ не значитъ въ этомъ случаѣ—народъ; это значитъ всѣ вассалы и вѣрные, созванные на собраніе со всѣхъ частей имперіи. Можно думать, что судъ былъ исключительно многолюденъ въ тотъ день и состоялъ изъ другихъ элементовъ, чѣмъ обычный королевскій судъ. Но въ разсказѣ лѣтописца нѣтъ опредѣленнаго указанія, которое позволило бы предположить, что судило общее собраніе франкскаго народа [1].

vel omnes ex aliis provinciis qui ad eamdem synodum congregati fuerint... visi sunt iudicasse Tassilonem ad mortem. Sed dum omnes una voce acclamarent capitali eum ferire sententia, rex motus misericordia continuit ab ipsis Dei et suis fidelibus ut non moriretur... et in monasterio missus».

[1] *Annales Tiliani*, болѣе краткіе, согласны съ *Laurissenses* и главнымъ образомъ рисуютъ это собраніе собраніемъ *fideles*.— Муассакская лѣтопись подчеркиваетъ особенно подробность, что тамъ присутствовали люди, чуждые франкскому государству, лонгобарды, саксы, бавары; хроникеръ не хотѣлъ этимъ сказать, что всѣ эти народы пришли въ Ингельгеймъ, доказательствомъ чему служитъ его добавленіе, что послѣ этого Карлъ Великій отправился въ Баварію, въ Регенсбургъ, «et ibi venerunt Baguarii et dati sunt ei obsides».

Въ 792 году, когда побочный сынъ короля, по имени Пиппинъ, составилъ противъ него заговоръ, судъ надъ нимъ происходилъ на *conventus* въ Регенсбургѣ. Одна хроника говоритъ объ этомъ въ такихъ выраженіяхъ, которыя съ перваго разу вызываютъ представленіе о народномъ судѣ: „Когда Карлъ узналъ о заговорѣ Пиппина и его сторонниковъ, онъ созвалъ собраніе франковъ и другихъ вѣрныхъ въ Регенсбургѣ; тамъ весь бывшій съ королемъ народъ рѣшилъ, что Пиппинъ и его соучастники заслуживаютъ конфискаціи имущества и смерти; но король не хотѣлъ смерти своего сына, и франки рѣшили, что онъ будетъ посвященъ служенію Бога; король заключилъ его въ монастырь“ [1].—Значеніе этого разсказа ослабляетъ то обстоятельство, что ни въ одной изъ другихъ лѣтописей не встрѣчается ничего подобнаго. Въ нихъ говорится о судѣ, о наказаніи Пиппина и его соучастниковъ, но не упоминается ни о какомъ собраніи [2]. При ближайшемъ разсмотрѣніи видно,

[1] *Annales Laureshamenses*, Pertz, I, 35: «Rex coadunavit conventum Francorum et aliorum fidelium suorum ad Reganesburg, ibique universus christianus populus qui cum rege aderat iudicaverunt Pippinum et eos qui consentanei eius erant ut simul hereditate et vita privarentur; et ita de aliquibus adimpletum est. Nam de Pippino filio quia noluit rex ut occideretur, iudicaverunt Franci ut ad servitium Dei inclinare debuisset».—Муассакская лѣтопись высказывается буквально въ тѣхъ же выраженіяхъ; одинъ изъ двухъ лѣтописцевъ списалъ съ другого, или оба списали съ общаго источника. Оба текста имѣютъ значеніе только одного свидѣтельства.

[2] *Einhardi*, Annales, a. 792: «Facta est contra regem coniuratio a Pippino et quibusdam Francis. Auctores coniurationis ut rei maiestatis partim gladio caesi, partim patibulis suspensi».—Въ *Annales Laurissenses minores* также ни слова не говорится о собраніи

что и этотъ авторъ не сказалъ, что тутъ было общее собраніе: онъ не употребилъ эпитета *generalis*. Онъ пользуется, правда, терминомъ *populus*, но нельзя не замѣтить, что этотъ терминъ употребляется у даннаго писателя съ удивительно неяснымъ значеніемъ, такъ какъ шестью строками ниже онъ снова пользуется имъ для обозначенія собранія вѣрныхъ, которымъ Карлъ Великій раздаетъ дары [1]. Изучая тексты, надо принимать во вниманіе особенности языка писателей и значеніе, придаваемое ими словамъ.

При Людовикѣ Благочестивомъ въ 818 году происходилъ судъ надъ Бернардомъ,—фактъ важный, такъ какъ Бернардъ былъ внукомъ Карла Великаго и получилъ отъ него итальянское королевство. О томъ, какъ производился судъ, мы знаемъ изъ описаній пяти лѣтописцевъ и изъ грамоты Людовика Благочестиваго. Надо сравнить эти документы и извлечь изъ нихъ истину.—Эйнгардъ лишь говоритъ: „Короля Бернарда и составителей заговора

(*Pertz*, 119): «Quo conperto, rex Pippinum iussit tonsorari et eius consentaneos diversis mortibus interfici». Замѣтимъ, что текста, изданнаго *Bouquet* (V, 48, 2-й столбецъ), въ рукописномъ видѣ не сохранилось; поэтому Пертцъ и не призналъ его.—Ни слова о собраніи нѣтъ также въ *Annales Petaviani*, *Tiliani*, *Fuldenses*, *Mettenses*.

[1] *Annales Laureshamenses*, Pertz, I, 35: «Cum cognovisset fideles suos episcopos, abbates et comites, et reliquum populum fidelem, qui cum Pippino in consilio pessimo non erant, eos multipliciter honoravit in auro, et argento, et sirico, et donis plurimis». Муассакская лѣтопись повторяетъ ту же фразу слово въ слово. Нельзя, конечно, предположить что «populus» означаетъ въ этой фразѣ весь народъ; Карлъ Великій не былъ настолько богатъ, чтобы осыпать всѣхъ свободныхъ людей золотомъ, серебромъ, шелковыми тканями и всякаго рода дарами.

судъ франковъ (*iudicium Francorum*) приговорилъ къ смертной казни, а императоръ, даровавъ имъ жизнь, повелѣлъ лишь выколоть имъ глаза“ [1]. Онъ не говоритъ о *conventus*. Выраженіе *iudicium Francorum* было однимъ изъ терминовъ, служившихъ, какъ мы видѣли выше, для обозначенія суда дворцовыхъ вельможъ.—Анонимный авторъ жизнеописанія Людовика Благочестиваго и фульдская лѣтопись выражаются приблизительно такъ же; они упоминаютъ не общее собраніе, а *iudicium Francorum*, то-есть, судъ королевскихъ вельможъ [2]. Теганъ называетъ *conventus*, но не говоритъ, чтобы *conventus* творилъ судъ: „Императоръ созвалъ большое собраніе изъ подчиненныхъ ему народовъ и произвелъ слѣдствіе о заговорѣ; всѣ, кого признали виновными, были приговорены къ смерти, за исключеніемъ епископовъ, которые только были лишены сана. Но императоръ отказался утвердить смертный приговоръ, и его совѣтники приказали лишь выколоть Бернарду и его соучастникамъ глаза“ [3]. Муассакская хроника указываетъ *con*-

[1] *Einhardus*, Annales, a. 818: «Imperator Aquisgrani revertitur, et paucis post Pascha diebus, coniurationis auctores et Bernhardum regem iudicio Francorum capitali sententia damnatos, luminibus tantum iussit orbari».

[2] *Vita Ludovici*, c. 29: «Bernhardum regem eiusque fautores, cum lege iudicioque Francorum deberent capitali invectione feriri, luminibus orbari consensit, licet multis obnitentibus et animadverti in eos tota severitate legali cupientibus».—*Annales Fuldenses*, a. 818: «Bernhardus Francorum iudicio excaecatus moritur».

[3] *Thegan*. c. 22: «Post Pascha habuit magnum conventum populorum, et omnes investigavit conspirationes huius rei. Inventi sunt nonnuli in hac seductione lapsi... qui omnes iudicati sunt ad

ventus, и даетъ ему названіе *generalis*. Главное же, она отмѣчаетъ, что такъ какъ среди обвиняемыхъ были и свѣтскія лица, и епископы, то наряжено было также два суда; одинъ она называетъ собраніемъ франковъ, другой собраніемъ епископовъ и аббатовъ. О первомъ хроника высказывается такъ: „Императоръ созвалъ собраніе франковъ и передалъ имъ разборъ дѣла, желая видѣть, къ чему присудятъ Бернарда и его соучастниковъ; его вѣрные всѣ единогласно признали ихъ достойными смерти; но императоръ даровалъ имъ жизнь“ [1].—Въ этой фразѣ надо замѣтить, что выраженіе *conventus Francorum* и выраженіе *fideles sui* относятся къ однимъ и тѣмъ же людямъ. Лица, составлявшія это собраніе, были лишь особо „вѣрными“ короля, то-есть, его вельможами. Императоръ представилъ имъ дѣло и „пожелалъ видѣть, что они присудятъ“, то-есть, каково ихъ мнѣніе. Но онъ вовсе не связанъ былъ ихъ мнѣніемъ и назначилъ самъ другое наказаніе. Такова обычная процедура королевскаго суда. Можно думать, что судъ былъ въ этотъ день болѣе многочисленнымъ, чѣмъ обыкновенно, но онъ не отличался иною природою.—Особенно хорошо, наконецъ, разрѣшаетъ вопросъ и ясно указываетъ, какъ надо понимать языкъ лѣтописцевъ одна грамота, вышедшая изъ канцеляріи Людовика Благочестиваго, въ которой читаемъ: „Ни для кого не тайна, что король Италіи, Бернардъ, и нѣкоторые изъ нашихъ подданныхъ нарушили вѣрность намъ; за эту невѣрность они по суду нашихъ знатныхъ подверглись заслуженной ими карѣ“ [1]. Въ этомъ оффиціальномъ актѣ не упоминается о народномъ собраніи. Упоминаемое тамъ *iudicium procerum nostrorum*—то же самое, что *iudicium Francorum*, о которомъ говорятъ Эйнгардъ и Астрономъ, то самое, что и упоминаемое въ муассакской хроникѣ *iudicium fidelium*. Это судъ знатныхъ короля, то-есть, многочисленнаго трибунала, состоявшаго изъ графовъ и изъ вассаловъ.

О двухъ судебныхъ приговорахъ 820 и 828 г. скажемъ немного. Эйнгардъ говоритъ о томъ и о другомъ, что они произнесены были на *conventus*; но въ обоихъ его разсказахъ нѣтъ ни единаго слова, изъ котораго можно было бы сдѣлать выводъ, что общее собраніе судило [2].

mortem, praeter episcopos qui postmodum depositi facti sunt. Illud iudicium mortale imperator exercere noluit, sed consiliarii Bernhardum luminibus privarunt et exhortatores suos».

[1] *Chonicon Moissiacense*, a. 817, Bouquet, V, 172: «Imperator fecit conventum Francorum, et retulit eis hanc causam, ut viderent quid iudicarent fideles sui de eo vel de iis qui consenserant. Tunc pariter iudicaverunt eos dignos ad mortem. Sed imperator pepercit vitae illorum».

[1] *Formulae imperiales*, edit. Zeumer, № 8, p. 293, Rozière, № 40; Sickel, *Acta Ludovici*, № 171: «Pro qua infidelitate, iuxta procerum nostrorum seu cunctae nobilitatis Francorum generale iudicium, dignam subierunt sententiam».—Слова «cunctae nobilitatis Francorum»—лишь развитіе словъ «procerum nostrorum»; вельможи короля и франкская знать—это въ ту эпоху одно и то же.

[2] *Einhardi Annales*, a. 820: «Mense iannuario conventus Aquisgrani habitus. In eo conventu Bera, comes Barcinonae, qui iamdiu fraudis et infidelitatis a vicinis suis (то-есть, вѣроятно, сосѣдними графами) insimulabatur, cum accusatore suo equestri pugna confligere conatus, vincitur; cumque ut reus maiestatis capitali sententia damnaretur, parsum est ei misericordia imperatoris et Ratumagum

Итакъ, нами разсмотрѣно восемь судебныхъ актовъ, довольно хорошо описанныхъ въ документахъ. Въ двухъ изъ нихъ, отъ 781 и отъ 786 годовъ, король является единымъ судьей, изъ чего не слѣдуетъ дѣлать вывода, что онъ не имѣлъ при себѣ своего совѣта и своего трибунала. Въ третьемъ, отъ 782 года, указано, что приговоръ постановленъ совѣтомъ знатныхъ и епископовъ, весьма отличнымъ отъ *conventus generalis*. Судебные акты 788 и 792 годовъ совершены вассалами и вѣрными короля; приговоръ 818 года— постановленіе „суда франковъ", или, что то же, „суда знатныхъ короля". Судебные акты 820 и 828 годовъ, несмотря на неясность терминовъ у лѣтописцевъ, совершены, повидимому, при тѣхъ же условіяхъ. Наконецъ, дѣйствительное и окончательное рѣшеніе постановлено въ этихъ восьми актахъ однимъ королемъ, и оно часто не сходилось съ мнѣніемъ высказаннымъ судомъ.

Если можно сдѣлать научный выводъ изъ произведенныхъ подробныхъ наблюденій, то онъ будетъ слѣдующій: народное собраніе никогда не рисуется писателями, какъ осуществлявшее судебную власть. Восемь судебныхъ приговоровъ, о которыхъ мы сейчасъ говорили, постановлены во время общаго собранія (*conventus*), но не общимъ

exilio deportatus est». — *Ibidem*, a. 828: «Conventus Aquasgrani mense februario factus est, in quo de his quae in marca hispanica contigerunt ratio habita et legati qui exercitui praeerant culpabiles inventi et iuxta merita sua honorum amissione multati sunt».— Также и Астрономъ, въ главѣ 42-й, упоминаетъ «conventus publicus», но не говоритъ, что «conventus» творилъ судъ.

собраніемъ. Кромѣ того, они сходны съ приговорами, постановлявшимися королемъ почти во всѣ дни года внѣ общаго собранія. Единственная разница въ томъ, что трибуналъ короля оказывался болѣе многочисленнымъ; это зависѣло отъ того, что общее собраніе соединяло около короля всѣхъ графовъ, всѣхъ вассаловъ, всѣхъ епископовъ. Вотъ почему особо важныя дѣла, какъ дѣло Пиппина и Бернарда, откладывались государемъ до времени созыва *conventus*, но ничто не позволяетъ думать, чтобы государь откладывалъ ихъ въ силу подчиненія какому-нибудь верховному праву франкскаго народа или общаго собранія.

3.

Собранія политическія или административныя.

Необходимо пересмотрѣть всѣ отмѣченныя въ документахъ собранія. Мы будемъ наблюдать, что происходило на каждомъ изъ нихъ, и лишь послѣ систематическаго и точнаго изслѣдованія сможемъ построить общіе выводы. Мы уже видѣли четырнадцать собраній, бывшихъ просто сборами войска; мы видѣли восемь собраній, на которыхъ постановлялись судебные приговоры. Остается изучить тѣ, на которыхъ обсуждались политическія или административныя дѣла.

Прежде всего возьмемъ собраніе 761 года [1]. Король Пиппинъ „назначилъ собраніе (*placitum*) въ Дю-

[1] Мы говорили выше о собраніи 754 года въ Брэнѣ. Извѣстно, что другое происходило въ 757 году въ Компьени (*Annales Tiliani*, *Einhardi*, *Mettenses*).

ренѣ" [1], говоритъ хроникеръ; „онъ созвалъ общее собраніе въ Дюренѣ", говоритъ другой [2]. Собраніе состоялось по его приказу. „Онъ повелѣлъ всѣмъ явиться къ нему" [3]. Цѣлью собранія было „подумать о благѣ страны и объ интересахъ королевства франковъ" [4]. Но хроникеръ, который такъ выражается, не говоритъ, чтобы дѣла обсуждалъ народъ; онъ упоминаетъ, наоборотъ, лишь знатныхъ [5]. Мы должны, правда, понимать, что каждый епископъ или графъ привелъ съ собой свиту,

[1] *Continuator Fredegarii*, с. 125: «Pippinus... ad Dura... placito instituto».

[2] *Einhardi*, Annales, anno 761: «Pippino regi generalem conventum agenti in villa Duria».

[3] *Continuator Fredegarii*, ibidem: «Ad se venire praecepit».

[4] *Ibidem*: «Pro salutem patrie et utilitatem Francorum tractandum». Слова эти, встрѣчаемыя въ текстахъ довольно часто, не слѣдуетъ переводить, какъ «спасеніе родины». Во-первыхъ, слово «patria» не имѣло въ языкѣ эпохи того значенія, которое послѣдніе четыре вѣка соединяется со словомъ «родина» (patrie), или которое связывали съ нимъ римляне; оно значило «страна». Затѣмъ достовѣрно, что въ 761 году дѣло не шло о спасеніи отечества; прочтите главу у Фредегарія, и увидите, что возстаніе Ваифера произошло лишь немного позднѣе, и если спасеніе франкскаго государства могло когда-нибудь служить предметомъ обсужденія на собраніи (*placitum*), то именно на томъ, которое было созвано нѣсколько мѣсяцевъ спустя на Луарѣ. Слова «pro salute patriae» были установленнымъ условнымъ выраженіемъ для общаго обозначенія государственнаго интереса. Такъ, тотъ же писатель говорилъ въ гл. 123: «Pippinus legationem mittens Constantinopolim pro salutem patrie».

[5] Вотъ все мѣсто у продолжателя Фредегарія, гл. 125: «Pippinus omnes obtimates Francorum ad Dura ad campo pro salutem patrie et utilitatem Francorum tractandum, placito instituto, ad se venire praecepit».

группу людей; значитъ, это—*conventus generalis*, какъ и говоритъ Эйнгардъ, и въ извѣстномъ смыслѣ можно утверждать, что народъ на немъ былъ. Но когда рѣчь идетъ объ обсужденіи государственныхъ дѣлъ, хроникеръ имѣетъ въ виду лишь знатныхъ и видитъ только ихъ.—Ту же мысль выражаетъ другой лѣтописецъ, когда говоритъ: „Въ 761 году король созвалъ *conventus* франковъ въ королевскомъ городѣ Дюренѣ, и, обсуждая дѣла королевства, собралъ всѣхъ знатныхъ" [1]. Здѣсь ужъ просвѣчиваетъ фактъ, который сдѣлается постепенно болѣе яснымъ, а именно, что если и происходило общее собраніе народа, то совѣщался король только съ знатными.

Хроникеры упоминаютъ *conventus* или *placitum generale* въ Неверѣ въ 763 году, другой *conventus* въ Вормсѣ въ 764 году, но они не говорятъ о томъ, что происходило на нихъ [2].

Относительно *placitum* или *conventus generalis* въ Аттиньи 765 года [3] находимъ характерный раз-

[1] *Annales Mettenses*, a. 761, Bouquet, V, 358: «Rex conventum Francorum habuit in Duria villa publica, et de utilitate regni Francorum tractans, suos ibi optimates adunavit».

[2] 763 годъ: «Rex habuit placitum suum in Nivernis et iter fecit in Aquitaniam» (*Annales Tiliani*).—«Conventu in Nivernis habito» (*Einhardi Annales*).—«Habuit placitum suum in Nivernis» (*Annales Laurissenses maiores*).—«Habuit placitum generale Francorum in Nivernis» (*Annales Mettenses*).—764 годъ: «Populi sui generalem conventum habuit in Wormatia» (*Annales Einhardi*).—«Habuit placitum suum ad Wormatiam et nihil aliud fecit nisi in Francia resedit» (*Annales Laurissenses maiores*).

[3] 765 годъ: «Generalem populi sui conventum in Attiniaco villa habuit» (*Einhardi Annales*). «Placitum suum habuit ad Attiniacum» (*Annales Laurissenses maiores*).

сказъ у автора житія святого Гоара [1]. За нѣсколько мѣсяцевъ передъ тѣмъ аббатъ прюмскаго монастыря по имени Ассуэръ, подалъ королю жалобу на нѣкоего Эрпинга, захватившаго монастырь Сенъ-Гоара; король отвѣтилъ ему, что своевременно дастъ ему удовлетвореніе [2]. Потомъ созвано было общее собраніе въ Аттиньи, и аббатъ отправился туда [3]. „Тогда, говоритъ авторъ, король, пребывавшій во дворцѣ своемъ, въ Аттиньи, вытребовалъ къ себѣ аббата и, напомнивъ ему прежнюю его жалобу, пожаловалъ ему этотъ самый монастырь святого Гоара“ [4].—Изъ приведеннаго маленькаго разсказа мы извлекаемъ нѣсколько данныхъ. Во первыхъ, жалоба была принесена королю, когда небыло *conventus*, и король отложилъ рѣшеніе до болѣе удобнаго времени, то-есть, до того времени, когда созоветъ *conventus*. Такая подробность встрѣчается не разъ, и она указываетъ, что короли любили заниматься дѣлами именно во время общихъ собраній. Затѣмъ, когда былъ созванъ *conventus*, мы видимъ, что аббатъ прюмскаго монастыря прибылъ туда; на аббатахъ и на епископахъ лежала обязанность являться на такія собранія такъ же,

[1] *Vita S. Goaris*, c. 44; Mabillon, Acta Sanctorum, II, 298; Bouquet, V, 454.

[2] «Pollicetur rex fore haec emendanda cum temporis opportunitas arrisisset».

[3] «Cum ad generalem populi conventum abba Assuerus venisset».

[4] «Rex positus in palatio Attiniaco, cum ad generalem populi conventum abba Assuerus venisset, evocat eum ad se, super his quae de cella beati viri dicta ab eo fuerant commonefacit, eique regendam committit».

какъ на графахъ и на воинахъ. Потомъ агіографъ показываетъ, что въ то время какъ *conventus populi* происходилъ въ окрестной долинѣ, самъ король не находился среди собранія; онъ пребывалъ во дворцѣ, *positus in palatio*. Наконецъ дѣйствуетъ здѣсь одинъ король. Онъ вызываетъ къ себѣ заинтересованное лицо, и, ни въ чемъ не совѣщаясь съ собраніемъ, рѣшаетъ дѣло въ своемъ дворцѣ [1].

Въ царствованіе Карла Великаго у насъ есть упоминанія о многихъ общихъ собраніяхъ; но лѣтописцы довольно рѣдко сообщаютъ намъ, что происходило на нихъ. Общія собранія отмѣчены: въ 770 году въ Вормсѣ, въ 771 въ Валансьенѣ, въ 772 въ Вормсѣ, въ 773 въ Женевѣ по случаю войны съ лонгобардами, въ 775 году въ Дюренѣ, въ 776 въ Вормсѣ, въ 777 въ Падерборнѣ, въ 779 въ Дюренѣ, въ 780 въ Саксоніи, въ 774, 778, 781 годахъ лѣтописцы не упоминаютъ о собраніяхъ, потому ли, что ихъ не было, или потому, что о нихъ не сохранилось воспоминаній.

Въ собраніи 782 года вскрывается черта, которую надо отмѣтить. Съ одной стороны, лѣтописцы согласны въ указаніи, что здѣсь созвано было войско; они называютъ собраніе — *exercitus* [2],

[1] Въ 766 году собраніе было въ Орлеанѣ; это было военное собраніе, *exercitus*; продолжатель Фредегарія (гл. 131) употребляетъ термины *exercitus* и *campus madius*. Кромѣ того тотъ же хроникеръ отмѣчаетъ подробность, къ которой будемъ имѣть случай вернуться (гл. 13 § 1): «Rex multa munera a Francis vel proceris suis ditatus est».

[2] *Annales Laureshamenses*, Pertz, I, 32, a. 782: «Rex habuit conventum magnum exercitus».—*Einhardi Annales*, eodem anno: «Cum omni Francorum exercitu».

потому оно и назначено было въ саксонской землѣ. Но они называютъ его въ то же время *conventus* [1]. Въ самомъ дѣлѣ, достаточно было войску остановиться на нѣсколько дней и расположиться лагеремъ, и подобный фактъ могъ уже быть помянутъ въ источникахъ, какъ *placitum* короля [2]. Король „разобралъ нѣсколько дѣлъ" [3], а именно принялъ посольства одного датскаго вождя и нѣсколькихъ аварскихъ вождей [4]. Справедливо, значитъ, сказать, что король могъ собирать *placitum* среди войска во время похода и заниматься въ такой обстановкѣ дѣлами государства [5].

Надо замѣтить, какъ именно изображаетъ Эйнгардъ собраніе 787 года: „Король, проведя зиму въ Италіи, вернулся во Францію и рѣшилъ, что общее собраніе народа соберется въ Вормсѣ. Тамъ онъ изложилъ передъ знатными, что сдѣлалъ

[1] «Conventum exercitus» (*Chronic. Moissiacense*). «Conventu completo» (*Einhard.* ibidem),

[2] *Einhardi Annales,* ibidem: «Castris ibi positis per dies non paucos ibidem (rex) moratus est».

[3] *Ibidem*: «Inter cetera negotia». Ср. *Poeta Saxo*, II, 20:

Conventum fieri procerum iussit generalem,
Illic disponens complura negotia regni.

[4] *Ibidem*: «Ubi inter cetera negotia etiam legatos Sigifridi regis Danorum et quos ad se Kaganus et Iugurrus principes Hunnorum et audivit et absolvit».

[5] То же можно замѣтить о *placitum* 780 года, также происходившемъ въ Саксоніи: «Ad fontem Lippiae castra metatus, per aliquot dies moratus est» (*Einhardus*). «Ibi synodum tenens» (*Annales Laurissenses maiores*).—То же было и на *placitum* 785 года въ Падерборнѣ: «Peractis his quae ad illius conventus rationem pertinebant» (*Einhardi Annales).*

во время пребыванія въ Италіи, и закончилъ сообщеніемъ о данныхъ ему въ Римѣ герцогомъ баварскимъ обѣщаніяхъ вѣрности [1].—Здѣсь обнаруживается одна изъ привычекъ короля пользоваться собраніемъ *conventus* для того, чтобы оповѣщать о своихъ дѣйствіяхъ, а равно и о намѣреніяхъ. Впрочемъ, мы и здѣсь видимъ, что король при этомъ обращался не къ общему собранію, а лишь къ своимъ „знатнымъ". Король совѣщался также съ ними о томъ, какъ надо поступать, и несомнѣнно, что по совѣту тѣхъ же знатныхъ Карлъ Великій „рѣшилъ испытать цѣну обѣщаній герцога баварскаго, двинувшись съ войскомъ въ Баварію [2].

О собраніи 790 года лѣтописецъ выражается такъ: „Король созвалъ собраніе въ Вормсѣ и установилъ все, что ему казалось полезнымъ для королевства" [3].—Здѣсь также выясняется, что время общаго собранія является тѣмъ временемъ, когда король по преимуществу занимается государственными дѣлами и принимаетъ рѣшенія; но мы не

[1] *Einhardi Annales,* a. 787: «In Franciam reversus est et generalem populi sui conventum Wormatiae habere statuit. In quo cum omnia quae in Italia gesserat, coram optimatibus suis narrando commemoravisset, et ad extremum de legatis Tassilonis qui ad se Romae venerant mentio facta fuisset». Ср. *Annales Laurissenses maiores*: «Synodum congregavit ad Wormatiam. Et sacerdotibus et aliis optimatibus nuntiavit qualiter omnia in itinere suo peragebantur».

[2] *Einhardi Annales,* a. 787: «Iniit consilium ut experiretur quid Tassilo de promissa sibi fidelitate facere vellet, congregatoque exercitu...»

[3] *Annales Mettenses,* a. 790: «Conventum Francorum habuit in Wormatia, disposuitque ea quae videbantur utilia esse in regno suo».

замѣчаемъ, чтобы онъ совѣщался съ собраніемъ объ этихъ дѣлахъ [1].

Относительно *conventus*, имѣвшаго мѣсто во Франкфуртѣ въ 794 году [2], мы знаемъ лишь, что епископы образовали тамъ отдѣльное совѣщаніе, чтобы заняться исключительно церковными дѣлами [3]. Впрочемъ, предсѣдательствовалъ на этомъ соборѣ король [4].

Собраніе спеціально военнаго характера происходило въ 795 году на границахъ Саксоніи [5].—

[1] Мы говорили выше о *conventus* 792 года. Въ 793 году былъ *conventus* въ Регенсбургѣ, о которомъ знаемъ лишь слѣдующее: «Fecit conventum ad Ragenesburg, et cum cognovisset fideles suos episcopos, abbates, vel comites qui cum ipso aderant et reliquum populum fidelem, qui cum Pippino (который возсталъ въ предыдущемъ году) non fuissent, multipliciter eos honoravit in auro, argento, et serico, et donis plurimis» (муассакская хроника, 793 годъ).—*Annales Laureshamenses*, Pertz, I, 35.

[2] *Einhardi Annales*, a. 794: «Quando et generali populi sui conventum habuit».

[3] См. *Einhardi Annales*, 794 годъ. *Annales Tiliani*, *Laurissenses maiores*, *Fuldenses*, *Mettenses*, *Chronicon Moissiacense*, подъ тѣмъ же годомъ. Всѣ эти анналисты, за исключеніемъ Эйнгарда, говорятъ лишь о соборѣ епископовъ, потому что онъ единственно остановилъ ихъ вниманіе; тѣмъ не менѣе соборъ былъ лишь частью *conventus generalis*.

[4] Въ капитуляріи 794 года (Boretius, p. 73) только сказано: «Ipse sancto interfuit conventui».—Въ соборныхъ постановленіяхъ (*Mansi*, XIII, 884) сказано: «Praesidente piissimo et gloriosissimo domno nostro Carolo rege».

[5] *Einhardi annales*, a. 795: «Conventum generalem trans Rhenum in villa Cuffestein more solemni habuit, atque inde cum exercitu Saxoniam ingressus est».—Мы говорили выше, что «more solemni» значитъ—«согласно обыкновенію».—Въ 799 году король, идя на Саксонію, имѣлъ *placitum* въ Фремерсгеймѣ на Рейнѣ (Астрономъ, гл. 9, Bouquet, VI, 91),

Другое такое же собраніе имѣло мѣсто въ Саксоніи въ 797 году [1].—Въ 800-мъ году Эйнгардъ упоминаетъ лишь одинъ *conventus generalis*, созванный Карломъ Великимъ въ августѣ мѣсяцѣ въ Майнцѣ [2]. Но муассакская хроника, болѣе подробная, называетъ въ томъ же году два собранія: первое было весною въ Турѣ, такъ какъ король находился тогда въ этомъ городѣ [3]; второе — лѣтомъ въ Ахенѣ; но, согласно лѣтописцу, оно состояло, лишь „изъ знатныхъ короля и изъ его вѣрныхъ“ [4]. На этомъ собраніи рѣшено путешествіе въ Италію, которое должно было привести къ коронованію Карла Великаго императоромъ.

Въ 801 году весною не было *conventus*, потому что Карлъ Великій находился въ Италіи и оставался тамъ до конца іюня; лѣтописцы не упоминаютъ о таковомъ и во второй половинѣ лѣта.

Большинство лѣтописцевъ обошли молчаніемъ важный *conventus* 802 года [5]. Мы знаемъ, однако,

[1] Это не высказано прямо Эйнгардомъ, но вытекаетъ изъ всего его повѣствованія о 797 годѣ.

[2] *Einhardi Annales*, a. 800: «Aquasgrani reversus est et, mense augusto inchoante, Moguntiacum veniens, generalem conventum ibidem habuit».

[3] Муассакская хроника, 800 годъ: «Rex post Pascha venit Turonis... et habuit ibi magnum concilium et conventum populi».

[4] *Ibidem*: «Et in aestivo tempore congregavit optimates et fideles suos ad Moguntiam civitatem... et direxit faciem suam ut iret in partibus Romae».

[5] Онъ не упомянутъ ни въ Анналахъ Эйнгарда, ни въ *Tiliani*, ни въ *Laurissenses*, ни въ *Fuldenses*, ни въ *Mettenses*. Онъ указанъ лишь въ *Annales Laureshamenses* и въ *Chronicon Moissiacense*, которыя высказываются въ одних выраженіяхъ. Алькуинъ также упоминаетъ о немъ (*Epist.* ed. Wattenbach, № 191, p. 673).

что въ октябрѣ мѣсяцѣ въ Ахенѣ былъ созванъ *conventus generalis*[1]. Въ описаніи его особенно замѣчательно, что мы видимъ раздѣленіе *conventus* на два совѣщанія. Одно состоитъ „изъ епископовъ, священниковъ и діаконовъ"; другое „изъ герцоговъ, графовъ и остальнаго христіанскаго народа". На этомъ *conventus* совершены два акта самаго высокаго значенія: реформа церковной дисциплины и пересмотръ всего гражданскаго законодательства. Происходили ли при этомъ продолжительныя пренія? Каково было участіе въ этомъ важномъ дѣлѣ государя, участіе знатныхъ, народа? Мы можемъ объ этомъ узнать лишь изъ разсказа двухъ лѣтописцевъ.

Вотъ, какъ высказываются они о первой реформѣ: „Императоръ собралъ въ Ахенѣ общій соборъ епископовъ, священниковъ, діаконовъ и велѣлъ имъ прочитать церковные каноны и папскіе декреты. На томъ же соборѣ онъ соединилъ всѣхъ аббатовъ своего государства и всѣхъ прибывшихъ туда монаховъ; они образовали собраніе между собою; имъ былъ прочитанъ уставъ святого Бенедикта, сняты копіи съ него, приготовленныя свѣдущими людьми, и вручены аббатамъ и монахамъ[1]. По совершеніи этого императоръ отдалъ приказъ всѣмъ епископамъ, всѣмъ аббатамъ, священникамъ, діаконамъ, духовенству всѣхъ званій пещись о томъ, чтобы въ епархіяхъ, въ монастыряхъ и во всѣхъ церквахъ всѣ сообразовались съ установленіями церкви, чтобы каноники жили согласно канонамъ, чтобы недостатки духовенства или мірянъ исправлялись, а въ монастыряхъ былъ бы возстановленъ уставъ святого Бенедикта"[2]. — Таковъ былъ, по словамъ лѣтописцевъ, церковный *conventus*. Очевидно, здѣсь необходимо было, чтобы желанія большинства были согласны съ желаніями короля; но королю принадлежитъ иниціатива, король руководитъ всѣмъ и отдаетъ приказанія.

Вотъ что говорятъ тѣ же лѣтописцы о пересмотрѣ гражданскихъ законовъ: „Пока это происходило, императоръ собралъ герцоговъ, графовъ, христіанскій народъ и всѣхъ, знавшихъ за-

[1] Это ясно видно, если сравнить слѣдующія двѣ фразы изъ *Annales Laureshamenses*: 1) «Mense octimbrio congregavit universalem synodum, et ibi fecit episcopos»; 2) двѣнадцатью строками ниже: «Interim quod ipsum synodum factum est, congregavit duces, comites et reliquo christiano populo».—Происходило, стало быть, одновременно собраніе двухъ сословій, духовнаго и свѣтскаго, то-есть, именно *conventus generalis*.—То же въ муассакской хроникѣ.

[1] *Annales Laureshamenses*, a. 802, Boretius, p. 105: «Fecit relegi universos canones quod sanctus synodus recepit et decreta pontificum, et pleniter iussit eos tradi coram omnibus episcopis, presbyteris et diaconibus. Similiter in ipso synodo congregavit universos abbates et monachos qui ibi aderant, et ipsi inter se conventum faciebant, et legerunt regulam sancti Benedicti, et eam tradiderunt sapientes in conspectu abbatum et monachorum».—Тѣ же выраженія въ муассакской хроникѣ, Bouquet, V, 80.

[2] *Annales Laureshamenses*: «Et tunc iussio eius generaliter super omnes episcopos, abbates, presbyteros, diacones seu universo clero facta est, ut unusquisque in loco iuxta constitutionem sanctorum patrum sive in episcopatibus seu in monasteriis aut per universas ecclesias, ut canonici iuxta canones viverent et quicquid in clero aut in populo de culpis aut de neglegentiis apparuerit, iuxta canonum uctoritate emendassent, et quicquid in monasteriis...»

коны[1]. Онъ повелѣлъ прочитать законы, примѣнявшіеся въ его государствѣ, и вручить каждому человѣку его законъ. Онъ приказалъ внести исправленіе тамъ, гдѣ оно требовалось, и исправленный текстъ записать. Онъ повелѣлъ, чтобы всякій судья судилъ согласно писанной редакціи[2]. Онъ воспретилъ судьямъ принимать подарки и выразилъ свою волю, чтобы бѣдные пользовались въ его государствѣ правосудіемъ наравнѣ съ богатыми"[3]. — Намъ кажется, что здѣсь выступаетъ взаимное отношеніе между дѣйствіями короля, знатныхъ и народа съ достаточной очевидностью. Даже несовершенный пересмотръ такого большого количества законовъ требовалъ, безъ сомнѣнія, весьма долгаго труда; трудъ этотъ могъ производиться въ тиши канцеляріи центральнаго управленія Карла Великаго; затѣмъ на нѣсколько дней, быть можетъ, на нѣсколько недѣль, былъ собранъ *conventus*, и государь повелѣлъ лишь прочитать ему результаты такого долгаго труда, съ требованіемъ, чтобы отнынѣ всѣ соблюдали новые законы[4].

[1] *Annales Laureshamenses*: «Ipse imperator interim quod ipsum synodum factum est, congregavit duces, comites, et reliquo christiano populo cum legislatoribus».—Тѣ же выраженія въ муассакской хроникѣ.

[2] *Ibidem*: «Et fecit omnes leges in regno suo legi et tradi unicuique homini legem suam et emendare ubicumque necesse fuit et emendatam legem scribere, et ut iudices per scriptum iudicassent».

[3] *Ibidem*: «Et ut iudices munera non accepissent, sed omnes homines, pauperes et divites, in regno suo iustitiam habuissent».

[4] Въ *Annales S. Amandi* (Pertz, I, 14; Bouquet, V, 29, 30) добавлено, что на этомъ собраніи Карлъ Великій заставилъ всѣхъ присутствующихъ принести ему клятву въ вѣрности: «Carlus imperator ad Aquis consilium habuit ut ei omnes generaliter fidelitatem iurarent, monachi, canonici; ita et fecerunt».

Лѣтописцы довольно подробно описываютъ *conventus* 806 года[1]. Онъ происходилъ въ первыхъ числахъ февраля[2]. Главнымъ предметомъ былъ раздѣлъ государства Карла Великаго между его тремя находившимися тогда въ живыхъ сыновьями. Но лѣтописцы ни разу не произносятъ слова „народъ" и говорятъ лишь о знатныхъ[3]. Судя по ихъ разсказамъ, знатнымъ не принадлежало право инициативы; нѣтъ упоминанія и о преніяхъ. Они говорятъ: „Карлъ держалъ *conventus* съ знатными королевства франковъ въ цѣляхъ утвержденія мира между сыновьями и для раздѣла между ними королевства". „По совершеніи раздѣла онъ скрѣпилъ актъ о немъ клятвою знатныхъ"[4].—Такимъ образомъ, не указано даже, чтобы происходило совѣщаніе съ знатными. Повидимому, государь собралъ ихъ лишь для того, чтобы объявить имъ свою волю и потребовать отъ нихъ присяги, что они въ будущемъ будутъ соблюдать ее.

[1] *Einhardi Annales*, *Annales Tiliani*, *Laurissenses*, *Mettenses*.

[2] Капитулярій помѣченъ шестымъ днемъ до февральскихъ идъ.

[3] «Conventum habuit imperator cum primoribus et optimatibus Francorum», говоритъ Эйнгардъ (Annales, 806 годъ); тѣ же выраженія встрѣчаются у всѣхъ другихъ лѣтописцевъ, когда они говорятъ объ этомъ *conventus*.

[4] *Annales Laurissenses*: «Conventum habuit imperator cum primoribus et optimatibus Francorum de pace constituenda (Эйнгардъ говоритъ: et conservanda) inter filios suos et divisione regni facienda in tres partes; ut sciret unusquisque illorum quam partem tueri et regere debuisset. De hac partitione est testamentum factum et iureiurando ab optimatibus Francorum confirmatum».

Такое впечатлѣніе подтверждается дошедшимъ до насъ оффиціальнымъ актомъ [1]. Въ немъ говоритъ король, и видно, что онъ обращается къ людямъ, которые его слушаютъ. Онъ не говоритъ имъ, что спрашиваетъ ихъ мнѣнія. Онъ говоритъ: „Мы хотимъ, чтобы вамъ было извѣстно наше желаніе, чтобы три нашихъ сына раздѣлили съ нами данную намъ Богомъ королевскую власть и, если Господь позволитъ, унаслѣдовали ее послѣ нашей смерти [2]. Дабы не оставлять имъ повода къ спору послѣ насъ, мы повелѣли описать и отмѣтить, въ какой части будетъ царствовать каждый изъ нихъ" [3]. Дальше слѣдуютъ двадцать статей, въ которыхъ король говоритъ лишь отъ своего имени: „Мы назначаемъ Карлу... мы назначаемъ Людовику... мы постановляемъ... намъ было угодно... мы повелѣваемъ и предписываемъ" [4]... На этихъ длинныхъ страницахъ нѣтъ ни одного слова, которое бы указывало на то, что король спрашивалъ со-

[1] *Divisio regnorum*, 806 года, Baluze, I, 439; Pertz, I. 140; Boretius, 126.

[2] *Ibidem*: «...Et hoc vobis notum fieri volumus quod filios nostros regni a Deo nobis concessi consortes habere et post nostrum discessum heredes relinquere, si ita divina maiestas adnuerit, optamus».—Замѣтьте, что глаголъ «optare» не вполнѣ однозначенъ съ «cupere»; онъ выражаетъ въ латинскомъ языкѣ не просто хотѣніе или желаніе, а выборъ, рѣшеніе, волю.

[3] «Totum regni corpus dividentes, quam quisque illorum tueri vel regere debeat porcionem describere et designare fecimus».

[4] Ст. 1: «Ludovico consignamus»; ст. 3: «Ludovico dedimus... Pippino ascripsimus... Karolo concessimus»; ст. 4: «Haec tali ordine disponimus»; ст. 5: «Volumus»; ст. 8: «Praecipimus»; ст. 9: «Praecipiendum nobis videtur»; ст. 15: «Super omnia iubemus atque praecipimus»; ст. 17: «De filiabus nostris iubemus».

вѣта у знатныхъ, еще менѣе того обнаруживается здѣсь воля народа.

Въ 807 году Карлъ „держалъ *conventus* въ ингельгеймскомъ дворцѣ съ епископами, графами и другими вѣрными" [1]. О томъ, что на немъ происходило, мы знаемъ лишь одно, „что король повелѣлъ епископамъ, графамъ и вѣрнымъ справедливо отправлять въ его государствѣ правосудіе" [2]. Такимъ образомъ онъ созвалъ къ себѣ, повидимому, должностныхъ лицъ государства лишь для того, чтобы дать имъ наставленіе.

Въ Ахенѣ происходило три *conventus* въ 811 [3], 812 [4] и 813 годахъ. Мы ничего не знаемъ о двухъ первыхъ. Предметомъ третьяго было обезпечить наслѣдство Карла Великаго за единственнымъ сыномъ, который у него остался. Карлъ хотѣлъ короновать Людовика королемъ и императоромъ. „Карлъ больнымъ возвратился въ Ахенъ и, созвавъ въ этомъ городѣ общее собраніе, возложилъ вѣнецъ на голову сына своего Людовика и пріобщилъ его къ императорскому званію" [5]. Эйнгардъ не

[1] *Chronicon Moissiacense*, a. 807: «Karolus perrexit ad Ingelaim palatium, et ibi habuit conventum suum cum episcopis et comitibus et aliis fidelibus».

[2] *Ibidem*: «Et mandavit eis ut iustitias facerent in regno eius».

[3] «Imperator, placito generali secundum consuetudinem habito in tres partes regni sui totidem exercitus misit» (*Annales Laurissenses maiores*, a. 811). *Annales Einhardi*.

[4] *Annales Einhardi*, a. 812: «Generali conventu Aquis solennite habito».

[5] *Annales Einhardi*: «Convalescens Aquasgrani reversus est ac deinde habito generali conventu, evocatum ad se apud Aquasgrani filium suum Hludovicum, coronam illi imposuit et imperialis no-

прибавляетъ ничего болѣе [1]. Теганъ описываетъ собраніе „епископовъ, аббатовъ, графовъ, викаріевъ или намѣстниковъ“ [2], и показываетъ Карла Великаго держащимъ имъ рѣчь, чтобы представить имъ сына своего Людовика, какъ государя [3]. Онъ даже обращается къ каждому изъ нихъ съ вопросомъ, прося сказать, „угодно ли имъ“, чтобы Людовикъ былъ королемъ и императоромъ [4]. Каждый отвѣчалъ утвердительно, и, нѣсколько дней спустя, въ церкви „въ присутствіи множества епископовъ и знатныхъ короля“ [5] произошло коронованіе. Муассакская лѣтопись упоминаетъ также „совѣтъ, который Карлъ Великій держалъ съ епископами, аббатами, графами и со всѣми знатными королевства“ [6]; тутъ же добавлено, что „это понравилось народу“ [7]. „Весь народъ, какой тамъ былъ, изъявилъ согласіе и издалъ привѣтственные возгласы въ то время, какъ Карлъ

minis sibi consortem fecit, Bernardumque nepotem Italiae praefecit».—Такъ же выражаются *Annales Laurissenses*.

[1] Ничего другого не говоритъ и Астрономъ, гл. 20.

[2] *Thegan*. 6: «Vocavit Ludovicum filium suum ad se cum omni exercitu, episcopis, abbatibus, comitibus, locopositis».

[3] *Ibidem*: «Habuit grande colloquium cum eis Aquisgrani palatio, ammonens ut fidem erga filium suum ostenderent».

[4] *Ibidem*: «Interrogans omnes a maximo usque ad minimum, si eis placuisset ut nomen imperatoris filio suo Ludovico traderet».

[5] *Ibidem*: «Coram omni multitudine pontificum et optimatum suorum».

[6] *Chronicon Moissiacense*, a. 813, Bouquet, V, 83; Pertz, I, 310: «Habuit consilium cum episcopis, abbatibus, comitibus et maioribus natu Francorum ut constituerent Ludovicum suum regem et imperatorem. Qui omnes pariter consenserunt dicentes hoc dignum esse».

[7] *Ibidem*: «Omnique populo placuit».

сдѣлалъ сына своего Людовика императоромъ и возложилъ ему на голову корону, причемъ весь народъ воскликнулъ единогласно: „да здравствуетъ императоръ Людовикъ!“ [1] Много надо было бы прибавить къ этимъ разсказамъ такого, чего въ нихъ нѣтъ, чтобы изъ нихъ оказалось возможно вывести образъ народа, съ которымъ монархъ совѣщался, и который постановилъ свое рѣшеніе [2].

[Если возьмемъ одно за другимъ собранія, которыя созывалъ Людовикъ Благочестивый, мы не откроемъ въ нихъ новаго характера. Самое большее, можно установить], что военный характеръ нѣсколько сгладился: [войны въ самомъ дѣлѣ стали болѣе рѣдки и менѣе значительны].

Я долженъ сначала отмѣтить, что въ 814 году Людовикъ вступаетъ во власть безъ созыва собранія. Эйнгардъ говоритъ, что онъ принимаетъ чужестранныхъ пословъ и заключаетъ договоръ съ византійскимъ императоромъ до созыва *conventus*. Собраніе имѣетъ мѣсто лишь позднѣе. Относительно самаго собранія, сравнивъ Эйнгарда и муассакскаго лѣтописца, я долженъ замѣтить, что первый называетъ его *generalis populi conventus* [3], а

[1] *Ibidem*: «Et cum consensu et acclamatione omnium populorum Ludovicum filium suum constituit imperatorem secum, ac per coronam auream tradidit ei imperium, populis acclamantibus et dicentibus: «Vivat imperator Ludovicus!»

[2] Теганъ не называетъ ни одного вопроса, который, хотя бы для формы, былъ обращенъ къ народу.—Слѣдуетъ замѣтить, что Эйнгардъ, въ Анналахъ называющій это собраніе *generalis conventus*, въ «Исторіи Карла Великаго» обозначаетъ его словами «*primoribus* congregatis de toto regno Francorum» (*Vita Caroli*, c. 30).

[3] *Annales Einhardi*, anno 814: «Habitoque Aquisgrani generali

второй видитъ лишь съѣздъ „епископовъ, аббатовъ, герцоговъ и графовъ, съ которыми императоръ говорилъ о предметахъ необходимыхъ для государства и о нуждахъ церкви“ [1].

Относительно *conventus* 815 года знаемъ лишь то, что онъ происходилъ въ Саксоніи [2] и главнымъ образомъ являлся военнымъ сборомъ, *exercitus* [3].

Въ 816 году не упоминается никакого собранія [4]. Собраніе 817 года описано очень ясно. Оно происходило въ іюлѣ мѣсяцѣ, въ Ахенѣ [5]. Гри лѣтописца называютъ его *conventus generalis* или *conventus populi*; но одинъ изъ нихъ опредѣляетъ слово *populus*. „Императоръ, говоритъ онъ, назначилъ въ ахенскомъ дворцѣ собраніе всего народа своего государства, то-есть, епископовъ, аббатовъ, графовъ и всѣхъ высокопоставленныхъ людей

populi sui conventu, ad iustitias faciendas et oppressiones popularium levandas legatos in omnes partes regni sui dimisit».—*Astronom.* c. 23: «Generalem conventum Aquisgrani habuit, ac per universas regni sui partes fideles ac creditarios a latere suo misit».

[1] *Chronicon Moissiacense*, a. 814, Bouquet, VI, 171: «Resedit Aquis palatium, et in ipso anno venerunt ad eum episcopi, abbates, comites, duces, et locutus est cum eis de causis necessariis et ad utilitatem ecclesiae».—Ни Теганъ, ни Эрмольдъ не говорятъ о немъ.

[2] *Annales Einhardi*, a. 815; *Thegan.* 14; *Astronom.* 25.

[3] *Chronicon Moissiacense*, a. 815: «Imperator collecto magno exercitu... introivit Saxoniam... et habuit ibi placitum... et misit scaras ubi necesse fuit».

[4] Муассакская хроника отмѣчаетъ только, что императоръ имѣлъ въ Компьени «consilium cum episcopis, abbatibus et comitibus suis».

[5] «Mense iulio, Aquisgrani palatio nostro» (капитулярій 817 года, Boretius, 270).

франкскаго королевства“ [1]. Это опредѣленіе заслуживаетъ того, чтобы на немъ остановиться.

Было бы одинаковой ошибкой представлять себѣ здѣсь только собраніе епископовъ и знатныхъ, но также и народное собраніе. Въ каждомъ изъ такихъ двухъ крайнихъ мнѣній заключалась бы и истина, и заблужденіе. Съ одной стороны, это было не только собраніе какой-нибудь сотни епископовъ и аббатовъ, нѣсколькихъ сотъ графовъ, викаріевъ и королевскихъ вассаловъ; *conventus* этотъ не былъ похожъ на современный сенатъ или на палату лордовъ. Въ самомъ дѣлѣ, каждый изъ епископовъ, графовъ, вассаловъ прибывалъ не одинъ. Онъ приводилъ съ собой свиту, небольшой отрядъ, нѣсколько десятковъ или сотенъ повиновавшихся ему людей. Такъ общее собраніе пріобрѣтало видимость народнаго. И тѣмъ не менѣе на него не сходился народъ въ современномъ значеніи слова. Это не былъ народъ, непосредственно созванный; это не былъ народъ политически равныхъ людей, собранныхъ въ комиціи. Тутъ были тысячи людей; но каждый изъ нихъ приходилъ со своимъ начальникомъ; то было механическое соединеніе рядомъ небольшихъ группъ, одна изъ которыхъ повиновалась епископу или аббату, другая королевскому чиновнику или вассалу короля. Итакъ, одинаково можно было сказать, съ одной стороны, что это было собраніе народа, съ другой, что это было собраніе епископовъ и графовъ.

[1] *Chronicon Moissiacense*, a. 817: «Iussit esse conventum populi de omni regno vel imperio suo, id est, episcopos, abbates, sive comites et maiores natu Francorum».

[Намъ нѣтъ надобности возвращаться къ тому, что происходило на собраніи 817 года. Мы видѣли выше, какъ Людовикъ Благочестивый установилъ на немъ порядокъ наслѣдованія. Распоряженіе сдѣлано имъ собственной властью]. Въ это время имѣло мѣсто, безъ сомнѣнія, общее собраніе знатныхъ и ихъ свитъ, то-есть, народа. Государь совѣщался только со знатными, но подчинялъ ихъ своей волѣ. Онъ принялъ рѣшеніе самъ. Онъ самъ постановилъ нераздѣльность имперіи. Знатные приняли его рѣшеніе и народъ выразилъ одобреніе возгласами.

[Въ собраніяхъ послѣдующихъ лѣтъ нельзя отмѣтить ничего новаго]. Но *conventus* 822 года заслуживаетъ внимательнаго изученія. Онъ былъ собранъ въ августѣ, въ Аттиньи, по приказу императора [1]. Лѣтописцы упоминаютъ, что присутствовалъ *populus* [2], но говорятъ также, что „императоръ призвалъ къ себѣ на совѣтъ епископовъ, аббатовъ, людей духовныхъ и знатныхъ своего королевства“ [3]. Главнымъ предметомъ обсужденія было безпокойство совѣсти, испытывавшееся Людовикомъ Благочестивымъ по случаю смерти Бернарда итальянскаго, за которую онъ считалъ себя отвѣтственнымъ, и изъ-за нѣкоторыхъ другихъ суровыхъ мѣръ, принятыхъ въ началѣ царство-

[1] Астрономъ, 35: «Conventum generalem in Attiniaco coire iussit».—Эйнгардъ, *Annales*, 822 годъ. Теганъ, гл. 29.

[2] *Annales Einhardi:* «In praesentia totius populi sui».

[3] Астрономъ, 35: «Convocatis ad consilium episcopis, abbatibus, spiritualibusque viris, et regni sui proceribus».—Эйнгардъ: «Consilio cum episcopis et optimatibus suis habito».

ванія [1]. Совѣтъ, въ которомъ большинство состояло, повидимому, изъ духовенства, высказалъ мнѣніе, что Людовикъ долженъ принести публичное покаяніе. Это было согласно съ понятіями эпохи, и мы бы ошиблись, если бы предположили, что такое мнѣніе могло посрамить и унизить и самого государя въ глазахъ подданныхъ [2]. Покаяніе, рекомендованное на тайномъ совѣтѣ, произошло публично „въ присутствіи всего народа“ [3].

По совершеніи покаянія совѣщанія возобновились, и императоръ продолжалъ держать при себѣ совѣтъ и заниматься дѣлами. Тутъ у насъ есть письмо епископа Агобарда, вводящее въ подробности обычной процедуры такихъ собраній. Епископъ пишетъ одному другу [4]: „Въ эти дни, когда священный повелитель нашъ, императоръ, созвавшій *conventus* въ Аттиньи, усердно трудился, радѣя о благѣ ввѣреныхъ ему народовъ, онъ дошелъ до разбирательства крайне нужнаго предположенія: онъ хотѣлъ найти способъ, какой реко-

[1] *Annales Einhardi*, a. 822: «Fratribus suis (рѣчь идетъ о побочныхъ сыновьяхъ Карла Великаго), quos invitos tondere iussit, reconciliatus est, et tam de hoc facto quam et de his quae erga Bernardum, et de iis quae circa Adelardum et Walachum gesta sunt, publicam confessionem fecit».—*Astronom.* 35: «Divinitatem sibi placare curabat quasi haec sua gesta fuerint crudelitate».

[2] Астрономъ сравниваетъ здѣсь Людовика Благочестиваго съ Ѳеодосіемъ Великимъ. Онъ добавляетъ, что покаяніе было совершенно добровольное.

[3] *Annales Einhardi*: «Et penitentiam egit... in praesentia totius populi».—Ср. *Vita Adalhardi*, c. 51, Mabillon, IV, 313, Bouquet, VI, 278. *Vita Walae*, Mabillon, IV, 490 и слѣд.

[4] *Agobardi epistolae*, № 4, edit. Baluze, I, 268; Bouquet, VI, 361.

мендовать епископамъ и своимъ чиновникамъ для содѣйствія росту религіозности и уничтоженію грѣховъ".—Вѣроятно, рѣчь шла о крупныхъ преобразованіяхъ въ нравственной области, которыя Людовикъ Благочестивый мечталъ осуществить во всю первую половину своего царствованія, и отъ которыхъ отказался лишь послѣ жестокаго опыта, показавшаго ему ихъ тщету, даже опасность. „Онъ размышлялъ надъ этимъ, вдохновляемый Богомъ, онъ ясно разсудилъ, что надо дѣлать, и собственными устами сообщилъ намъ свои намѣренія. Это было, впрочемъ, записано и распредѣлено по главамъ и всѣмъ должно быть извѣстно".

Вся приведенная первая часть разсказа находитъ себѣ поясненіе въ одномъ отрывкѣ Гинкмара. „Чтобы занять знатныхъ во время *conventus*, было въ обычаѣ, говоритъ онъ, вручать имъ отъ имени короля текстъ статей, созрѣвшихъ въ умѣ государя подъ внушеніемъ Бога, чтобы они обсудили и изучили ихъ" [1]. Гинкмаръ добавляетъ, что обыкновенно государь не присутствовалъ при обсужденіяхъ, а посылалъ собранію свои проекты и получалъ отвѣты черезъ дворцовыхъ сановниковъ [2].

Епископъ Агобардъ продолжаетъ: „Проектъ, составленный по данному вопросу, принесли намъ наши господа".—Вотъ выраженіе, которое удивляетъ насъ по первому впечатлѣнію. Кто же, спра-

[1] *Hincmar*. De ordine palatii, c. 34: «Senatores regni ne quasi sine causa convocari viderentur, mox auctoritate regia per ordinata capitula quae ab ipso per inspirationem Dei inventa... eis ad conferendum et considerandum patefacta sunt».

[2] *Ibidem*: «Domesticis palatii missis intercurrentibus...»

шивается, эти люди, которыхъ могъ называть своими начальниками или господами архіепископъ ліонскій. Но при близкомъ знакомствѣ съ современнымъ языкомъ, а главное съ обычнымъ въ императорскомъ дворцѣ словоупотребленіемъ, не остается сомнѣнія въ томъ, что „начальники"—это высшіе сановники дворца. Въ самомъ дѣлѣ въ продолженіи письма находимъ имена двухъ этихъ лицъ: Адальгарда, всесильнаго при дворѣ Людовика, и канцлера Элизахара. Одинъ дворцовый графъ и апокрисіарій также были въ числѣ этихъ „начальниковъ" или „владыкъ". Архіепископу ліонскому приходилось называть начальникомъ аббата Адальгарда потому, что онъ, самъ будучи выше его въ церковной іерархіи, оказывался ниже его во дворцѣ. Такъ какъ императоръ возвышался надъ всѣмъ, то и любимцы императора и его уполномоченные были для всѣхъ „господами". Такіе люди и принесли отъ имени государя на собраніе императорскій проектъ. Одинъ изъ нихъ, Адальгардъ, произнесъ рѣчь въ поддержку предложенія; въ ней онъ говорилъ, что „не видѣлъ ничего болѣе прекраснаго, болѣе славнаго, болѣе полезнаго со времени короля Пиппина и до сего дня". Онъ закончилъ, обращаясь къ собранію: „Съ полнымъ довѣріемъ говорите все, что мудрость ваша сможетъ найти полезнаго для искорененія грѣховъ, для отвращенія опасностей душевныхъ, для возвышенія религіи, укрѣпленія вѣры, и будьте увѣрены, что императоръ исполнитъ все, что вы предложите добраго, если такова будетъ воля Божія".

Послѣ этой „весьма изысканной и пріятной"

рѣчи со стороны представителей власти [1] началось разсмотрѣніе вопроса. Агобардъ буквально принялъ разрѣшеніе производить перемѣны или поправки въ текстѣ императорскаго предложенія. „И я, хотя и наиболѣе смиренный и послѣдній изъ всѣхъ, осмѣлился высказать правителямъ государя мнѣніе со всей подобающей въ разговорѣ съ такими высокими лицами скромностью". Совѣтъ епископа состоялъ въ томъ, что слѣдовало возвратить церквамъ и монастырямъ отнятыя у нихъ и удержанныя мірянами земли: вопросъ важный, который въ одинъ день не могъ быть разрѣшенъ императорскимъ правительствомъ. Потому епископъ добавляетъ: „Когда я кончилъ свою рѣчь, достопочтенные Адальгардъ и Элизахаръ отвѣтили мнѣ очень учтиво; но передали ли они мое предложеніе императору, этого я не знаю". — На томъ кончается разсказъ епископа, и самый такой конецъ заслуживаетъ вниманія. На собраніи епископовъ и знатныхъ императорскіе комиссары внесли проектъ государя и предложили высказаться о немъ. Повидимому, словомъ воспользовался только одинъ членъ собранія. Предложеніе его даже не обсуждалось, не происходило никакого голосованія. Правительственные комиссары дали вѣжливый отвѣтъ и по своему произволу могли доложить о происходившемъ императору или ничего не говорить ему. Такимъ образомъ предложенія члена собранія могли получить нѣкоторую силу лишь тогда, когда ихъ принималъ и одобрялъ императоръ. Что касается собранія, то настоящаго обсужденія оно не производило.

[1] «Haec et his similia cum primores nostri iucundissima loquerentur».

Другое письмо того же духовнаго сановника показываетъ намъ, каково было положеніе даже архіепископа, не говорю передъ императоромъ, но и передъ уполномоченными императора. Оно адресовано къ нѣкоторымъ изъ нихъ [1]. „Достопочтеннѣйшимъ господамъ моимъ и повелителямъ, Адальгарду, Валѣ, Элизахару. Въ концѣ послѣдняго *placitum*, по полученіи нами разрѣшенія оставить дворецъ, вы соблаговолили остановиться на минуту, чтобы выслушать смиренныя слова мои относительно евреевъ моей епархіи. Обмѣнявшись со мной словами, вы отправились къ императору. Я послѣдовалъ за вами и сталъ у двери. Вы употребили нѣкоторое усиліе для того, чтобы я могъ войти въ самый покой государя; но я не услышалъ ничего, кромѣ повелѣнія удалиться. Что говорили вы нашему превосходнѣйшему императору, и что онъ отвѣтилъ вамъ, не знаю; я не посмѣлъ приблизиться къ вамъ и возвратился домой въ сильномъ смущеніи". — Таковы были обычаи большихъ королевскихъ собраній; ясно видно, насколько они были подчинены императору; и по зависимому положенію даже архіепископа передъ главными сановниками дворца можно судить, какъ малозначащи были собранія передъ государемъ.

[Мы могли бы разсмотрѣть такъ одно за другимъ всѣ собранія, созывавшіяся по повелѣнію императора Людовика, но и тогда не пришлось бы установить перемѣны въ характерѣ или работѣ

[1] *Agobardi epistolae*, Baluze, I, 98; Bouquet, VI, 358.

учрежденія. Все останется неизмѣннымъ еше и въ царствованіе Карла Лысаго. Гинкмаръ, излагающій, какъ бы теорію его въ своемъ *De ordine palatii*, резюмируетъ лишь административныя правила, примѣнявшіяся въ эпоху Карла Великаго. Онъ позволяетъ намъ предположить, что они не измѣнились ни при его сынѣ, ни при внукѣ [1]. Намъ особенно хорошо извѣстно въ малѣйшихъ подробностяхъ наиболѣе знаменитое изъ общихъ собраній Карла Лысаго, *conventus* въ Кьерси на Уазѣ 877 года, за нѣсколько недѣль до его смерти. Но тамъ не произошло ничего такого, чего бы мы не находили въ предыдущія царствованія. Государь спрашиваетъ и получаетъ совѣтъ, но рѣшаетъ дѣло и возвѣщаетъ свою волю народу онъ самъ [2].

4.

Заключеніе [3].

На основаніи вышесказаннаго мы можемъ установить слѣдующіе выводы:

1. Можно прежде всего замѣтить, что не существуетъ никакого законодательнаго текста по данному предмету. Мы не читаемъ о немъ ничего

[1] Надо добавить, что Гинкмаръ не всегда вполнѣ точенъ; онъ слишкомъ кратко пишетъ и потому становится неясенъ.

[2] [См. *Nouvelles recherches sur quelques problèmes d'histoire*, стр. 440 и слѣд. и дальше стр. 480 и слѣд. стр. 489 и слѣд.].

[3] [Ср. *Compte rendu des séances de l'Académie des Sciences Morales et Politiques*, т. CV, 1876, стр. 612 и слѣд. *Revue des Deux Mondes*, 1 января 1876, стр. 134 и слѣд.].

ни въ одной изъ варварскихъ правдъ, ни въ капитуляріяхъ. Итакъ, это во всякомъ случаѣ не учрежденіе, установленное закономъ. Это — практика, ставшая мало-по-малу обычаемъ и институтомъ.

2. При Хлодовехѣ, при его сыновьяхъ и внукахъ мы находимъ лишь военныя собранія. При Хлотарѣ II, Дагобертѣ I, Хлодовехѣ II [встрѣчается] нѣчто [похожее на собранія]: но это собранія знатныхъ, каждаго изъ которыхъ сопровождаютъ его люди, и тогда устанавливаются совѣщанія. При Пиппинѣ Геристальскомъ [происходятъ одновременно] собранія войска и опросъ вождей, [если, по крайней мѣрѣ, довѣрять метцской лѣтописи, вѣроятно, передающей скорѣе то, что происходило въ IX вѣкѣ]. При Пиппинѣ Короткомъ собранія главнымъ образомъ военныя. Почти то же при Карлѣ Великомъ. Военный характеръ немного стирается при Людовикѣ Благочестивомъ и Карлѣ Лысомъ.

3. Военное собраніе—первый зародышъ, и онъ остается главнымъ элементомъ изученнаго института.

4. *Conventus* происходилъ ежегодно; если таково не было абсолютное правило, то таковъ, по крайней мѣрѣ, былъ обычай [1]; что не было такого правила—это ясно обнаруживается рядомъ лѣтъ, когда *conventus* не собирался.

5. *Conventus*, какъ и самое войско, никогда не собирается безъ повелѣнія короля. Обычными выраженіями были: *rex habuit placitum*, *rex tenuit con-*

[1] Отсюда такъ часто встрѣчающіяся выраженія «ut mos erat, secundum consuetudinem, more solemni, solemniter».

ventum. *Conventus* никогда не собирается самъ по себѣ. Эти выраженія означаютъ не только, что король предсѣдательствуетъ на собраніяхъ: онъ именно созываетъ ихъ. Потому такія выраженія замѣняются иногда слѣдующими: король повелѣлъ всѣмъ явиться къ нему, *ad se venire praecepit*, *adesse iussit*, *coire iussit* [1]. Ни разу [не приходится читать] выраженія, которое бы обозначало добровольно, по праву сходящееся собраніе.

6. Собраніе не происходитъ въ установленное время; король рѣшаетъ, въ какой мѣсяцъ года и въ какой день оно соберется. Время каждаго *conventus*—опредѣленный королемъ день.

7. Собраніе не имѣетъ постояннаго мѣста. Король каждый разъ опредѣляетъ пунктъ сбора. Оно всегда бываетъ тамъ, гдѣ король, близъ него и при немъ. Никогда не встрѣчается ни одного собранія безъ короля.

8. Собраніе всегда происходитъ [2] близъ дворца или королевской виллы. Аттиньи, Вормсъ, Франкфуртъ, Тіонвиль, Дюренъ, Ахенъ, Ингельгеймъ, Кьерси, все это—*villae* короля. Такимъ образомъ, собраніе происходитъ на территоріи, составляющей личную собственность государя [3]. Ничто не указываетъ на существованіе какого-нибудь національ-

[1] Говорится еще: «Rex conventum habere statuit». Иногда говорится: «Rex placitum condixit».

[2] За нѣкоторыми исключеніями, когда они собираются во вражеской странѣ, какъ въ 782 и въ 785 годахъ.

[3] Есть рѣдкія исключенія, напримѣръ, собраніе въ Неверѣ, бывшее, впрочемъ, лишь военнымъ сборомъ, собраніе въ Турѣ, происходившее, повидимому, на земляхъ аббатства.

наго центра, гдѣ бы народъ имѣлъ свои засѣданія. Тотъ, кто сдѣлалъ бы такое предположеніе, противорѣчилъ бы текстамъ.

9. Собраніе располагается въ окрестностяхъ дворца. Король пребываетъ обыкновенно во дворцѣ. Начальники также находятся съ нимъ во дворцѣ [1].

10. Являться на *conventus* было для созываемыхъ не правомъ, а обязанностью: „adesse iussi sunt“. Присутствовать на немъ значитъ изъявить покорность, почитаніе, вѣрность. Поэтому чужестранцы и побѣжденные должныя вляться туда такъ же, какъ и франки.

11. Всѣ знатные должны являться на собраніе, епископы и аббаты такъ же, какъ сеньеры и графы, потому что духовные не менѣе свѣтскихъ обязаны нести военную службу и службу совѣтомъ.

12. Люди являются на *conventus* группами, то-есть, люди епископа съ своимъ епископомъ и такъ далѣе, свободные люди съ своимъ начальникомъ—графомъ.

13. Во дворцѣ король занимается государственными дѣлами, всѣмъ, что касается нуждъ государства, *de salute patriae et de utilitate regni*. Онъ судитъ, постановляетъ приговоры. Онъ принимаетъ пословъ, даетъ инструкціи своимъ уполномоченнымъ. Онъ выслушиваетъ также ихъ совѣты и обсуждаетъ соотвѣтственные вопросы съ своими епископами и вельможами. Эти епископы и аббаты — это тоже назначенные имъ чиновники, которыми онъ пользуется какъ орудіемъ управ-

[1] Можно напомнить примѣръ Гильдуина, изгнаннаго изъ дворца по случаю недовольства имъ императора и принужденнаго жить въ палаткѣ.

ленія. Эти герцоги и графы были также имъ выбраны и имъ же могутъ быть всегда отставлены отъ должности; за ними стоятъ его вассалы, занимающіе его помѣстья, всѣ особенно тѣсно связанные съ нимъ вѣрностью; они должны давать ему свой совѣтъ и принимать его приказанія. Что касается толпы, которую приводитъ за собою каждый изъ знатныхъ, она можетъ казаться народомъ, но къ ней никто не обращается: она не обсуждаетъ, не принимаетъ участія въ преніяхъ, не голосуетъ. Иногда развѣ король узнаетъ, если хочетъ, о ея согласіи, которое она можетъ выразить лишь въ видѣ возгласовъ. [Случалось также, и это стало чаще повторяться въ IX вѣкѣ, что король обращался къ народу съ рѣчью[1]. Онъ давалъ ему совѣты, выражалъ ему свое неудовольствіе, такъ что рѣчь его принимала иногда тонъ проповѣди. Но народу никогда не надлежало отвѣчать на рѣчь короля].

14. [Наконецъ, созванное королемъ собраніе королемъ и распускалось], *populus ad sua ire dimissus*. Народъ пришелъ по приказу короля и могъ уйти лишь по новому приказу. Если была война, король повелѣвалъ выступить на непріятеля; въ противномъ случаѣ давалъ разрѣшеніе вернуться на свои мѣста.

[Замѣтно сходство, существующее между этимъ *conventus generalis* и общимъ собраніемъ конца меровингской эпохи. То же названіе, тѣ же формулы. Собраніе всегда должно заниматься *de salute patriae et de utilitate regni*. Оно во власти короля, созывающаго его, притомъ созывающаго къ себѣ. Какъ и въ VII вѣкѣ, *conventus* не что иное, какъ собраніе знатныхъ должностныхъ лицъ короля; если есть тутъ народъ, то онъ составляетъ многочисленную свиту знатныхъ[1]].

Но *conventus* не постановляетъ рѣшеній, не дѣйствуетъ самостоятельно. Повидимому, онъ созывается лишь для принятія приказаній короля и выслушанія его *annuntiatio*. Это было, навѣрно, такъ, ибо ни у кого не являлось на мысль, что могло быть иначе. [Ни знатные, ни народъ не совѣщаются между собою отдѣльно отъ короля, не объявляютъ ему своей воли. Король совѣщается со знатными; онъ пользуется присутствіемъ народа, чтобы показаться ему, чтобы объявить ему принятыя имъ рѣшенія, скорѣе, чтобы потребовать его повиновенія, выслушать знаки его преданности. Впослѣдствіи собраніе могло стать, какъ было и при Меровингахъ, элементомъ волненій, и слабость королей могла увеличить въ немъ силу знатныхъ. Государь тогда долженъ будетъ меньше говорить, а больше слушать. Но при нормальномъ положеніи вещей, при Пиппинѣ, при Карлѣ Великомъ, даже при Людовикѣ Благочестивомъ, при Карлѣ Лысомъ, *conventus* не что иное, какъ съѣздъ всѣхъ тѣхъ, кто помогаетъ королю въ управленіи и слѣдуетъ за нимъ на войнѣ].

[1] [См. дальше, гл. 11, § 2 и 4].

[1] [Значительность этой свиты опредѣляетъ опять же король. На *conventus* 830 года Людовикъ повелѣлъ знатнымъ запала притти «безъ многочисленной свиты». Аббатъ Гильдуинъ, приведшій съ собою много людей *hostiliter*, получилъ выговоръ, былъ наказанъ и изгнанъ изъ дворца].

Быть можетъ, народъ могъ оказаться всесиленъ, благодаря одному факту своего присутствія. Но надо было, чтобы онъ захотѣлъ быть таковымъ, чтобы сначала подумалъ стать таковымъ. На дѣлѣ большія сборища выражали только повиновеніе: тотъ, кто не былъ вѣрнымъ подданнымъ, скорѣе не приходилъ на *conventus*. Собраніе могло бы оказывать сопротивленіе королевской власти; но по понятіямъ людей эпохи, сопротивленіе скорѣе сказалось бы въ отказѣ явиться. Общія собранія не служили гарантіею свободы: люди увидѣли бы скорѣе свободу въ фактѣ ихъ устраненія или отмѣны.

Ясно, что такія собранія сдѣлаются враждебны королевской власти въ тотъ день, когда епископы и графы станутъ независимы отъ нея. Но до тѣхъ поръ, пока эти люди остаются первыми королевскими слугами, собранія не должны быть ни чѣмъ инымъ, какъ орудіемъ управленія. Общія собранія были удобнымъ способомъ доводить до центральной власти силы и средства подданныхъ и передавать подданнымъ волю и внушенія центральной власти. Они были органомъ централизаціи въ самой строгой и рѣзкой ея формѣ, такъ какъ всѣ свободные люди имперіи ежегодно лично должны были являться къ своему повелителю.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ.

Областное управленіе.

[Изучивъ центральное управленіе въ монархіи Каролинговъ — королевскую власть, дворецъ, совѣтъ, собранія, надо изслѣдовать, какъ осуществлялась эта власть надъ населеніемъ, то-есть, какъ она управляла имъ]. Изъ того, что у Каролинговъ не было столицы въ настоящемъ смыслѣ слова, изъ того, что короли и ихъ дворецъ безпрестанно перемѣщались, не слѣдуетъ дѣлать вывода, что они управляли населеніемъ непосредственно. Если они перемѣщались, то не для того, чтобы вступать въ прямое соприкосновеніе съ подданными, не для того, чтобы самолично судить ихъ или взимать налоги. Хотя дворецъ ихъ передвигался, онъ оставался тѣмъ не менѣе центромъ, къ которому все тяготѣло. Королевская администрація была централизованною; короли правили подданными при помощи ряда посредниковъ и повсюду дѣйствовали черезъ назначенныхъ агентовъ.

I.

Административныя дѣленія.

Чтобы хорошо понять это управленіе, надо сначала разсмотрѣть, какова была система территоріальныхъ дѣленій государства.

Обширная имперія Карла Великаго и Людовика Благочестиваго простиралась отъ Эбро до Одера. Вся ея территорія, если оставить въ сторонѣ Италію, называлась *regnum Francorum* [1]. Хотя слово *Francia* имѣло болѣе узкое значеніе, но оно иногда примѣ-

[1] Карлъ Великій называетъ себя «rex Francorum et Longobardorum». Титулъ «rex Longobardorum» относится лишь къ Италіи; титулъ «rex Francorum» — ко всему остальному. Карлъ Великій не называетъ себя королемъ саксовъ или испанцевъ; выраженіе «rex Francorum» охватываетъ все.

нялось къ обозначенію всей совокупности входившихъ въ имперію государствъ [1]. Видно, что съ этими выраженіями не связывался признакъ расовый: они имѣли чисто политическое значеніе.

Внутри имперіи Каролинговъ намѣчались дѣленія нѣскольких родовъ. Прежде всего, она распадалась на большія географическія области. Люди продолжали тогда различать Галлію и Германію. Эти два слова по прежнему часто употреблялись. Они встрѣчаются не только въ церковномъ языкѣ соборныхъ постановленій, но также и у лѣтописцевъ [2]. Обѣ называвшіяся такъ страны раздѣлялись Рейномъ. „Императоръ переходитъ черезъ Рейнъ и вступаетъ въ Германію“ [3], говоритъ лѣтописецъ.

[1] Такъ Нитгардъ употребляетъ слово «Francia» въ слѣдующей фразѣ (II, 10): «Ludhovicus et Karolus Lothario mandaverunt ut... universam Franciam aequa lance dividerent».—Италія всегда исключалась.—Точно также и сенъ-галенскій монахъ говоритъ, что онъ называетъ «Francia» все, что не есть Италія: «Franciam vero cum nominavero, omnes Cisalpinas provincias significo» (I, 10).

[2] *Annales Laureshamensenses*, a. 794: «Synodus episcoporum Galliarum, Germanorum, Italorum». *Ibidem*, a. 801, Bouquet, V, 53. *Ibidem*, a. 809. *Annales Einhardi*, a. 809 et 818.—*Astronom.* 29. *Annales Bertinenses*, a. 839. *Lup. Ferr.* Epistolae, 41 (Bouquet, VI, 404). *Miracula S. Wandregisili*, 2. *Annales Mettenses*, a 803. *Adonis Chronicon*, a. 801.—*Annales S. Bertiniani*, a. 864. p. 139: «Episcopos Galliarum, Germaniarum et Belgicae provinciae».—«Germaniae populos, Saxones videlicet, Thoringos, Baisarios atque Alamannos (*Adrevald.* Miracula S. Benedicti, 27).

[3] Бертинская лѣтопись, годъ 840: «Germaniam transposito Rheno ingreditur».—Лоршскіе анналы, годъ 801: «Loca quaedam circa Rhenum in Gallia et in Germania tremuerunt».—«Rheni qui Gallis cingit Germanica terris» (Bouquet, V, 405).

Итакъ, старое дѣленіе, не уничтоженное германскими вторженіями V-го вѣка, сохранялось еще въ умахъ людей IX-го вѣка. Но оба термина, Галлія и Германія, были лишь географическими [1].

Терминъ *Francia* примѣнялся также иногда къ Галліи; такимъ образомъ, онъ противопоставлялся термину Германія, какъ „франки“ противопоставлялись „германцамъ“ [2].

Дальше находимъ дѣленіе на большія области, которыя можно назвать племенными. Въ Германіи различали Баварію, Аламаннію, Тюрингію, Саксонію, Фризію. Въ Галліи различали—собственно Францію,

[1] Замѣтьте, что оба слова рѣдко встрѣчаются въ капитуляріяхъ.

[2] У Астронома, 45, видимъ, какъ враги Людовика хотѣли, чтобы собраніе созвано было во Франціи, «in Francia conventum fieri volebant». Но Людовику удалось созвать его въ Германіи. Нимвегенъ не находился во *Francia*. Дальше писатель говоритъ: «Omnis Germania Neumagum confluxit». *Ibidem*, 49: «Populi Franciae et Germaniae».—Отличали также «Franci» отъ «Germani». Астрономъ, 20: «Monitus est tam a Francis quam a Germanis»; гл. 45: «Diffidens Francis magisque se credens Germanis».—*Vita Hiltrudis*, 1 (Bouquet, V, 442): «Pippinus Francorum et Germanorum monarchiam obtinuit».—«Franci» были въ этомъ смыслѣ синонимомъ съ «Galli», «Francia» синонимомъ съ «Gallia»; см. длинный отрывокъ у ангулемскаго монаха, 787 годъ, Bouquet, V, 185, гдѣ слова «Galli» и «Franci» употребляются нѣсколько разъ, какъ синонимы, противопоставляясь оба итальянцамъ. То же у сенъ-галленскаго монаха, II, 1: «Franci vel Galli, reges Gallorum vel Francorum».—Во всякомъ случаѣ, въ извѣстномъ смыслѣ терминъ «Francia» примѣнялся также къ западной части Германіи, то-есть, къ той части Германіи, которая первою была подчинена франкскому государству. *Vita Caroli*, 15, стр. 48; 18, стр. 60. *Annales Einhardi*, a. 823 и *Annales Fuldenses* a. 838 и 351. Ср. Bouquet, VI, 331 d.

Аквитанію, Бургундію, Септиманію или Готію, и Провансъ [1]; во Франціи въ собственномъ смыслѣ различали еще Нейстрію и Австразію [2]. Всѣ эти названія опять не носили чисто политическаго характера, и было бы неправильно думать, что они обозначали сохранявшіяся національности. Но они происходили отъ обычаевъ и традицій трехъ вѣковъ и крѣпко укоренились въ привычкахъ и образѣ мыслей людей.

Въ этомъ болѣе узкомъ значеніи слова *Francia* простиралась на югъ лишь до Луары, на востокѣ доходила до Рейна [3].

[1] См. объ этомъ въ *divisio imperii* 806 года (Boretius, стр. 127). Карлъ Великій, производя раздѣлъ своихъ государствъ, перечисляетъ ихъ. Въ статьѣ 1-й онъ называетъ Аквитанію, Васконію, Испанію, часть Бургундіи, Провансъ, Септиманію или Готію; во 2 и 3 статьяхъ—Баварію, Аламаннію, Тюрингію, Саксонію, Фризію; между обѣими группами въ статьѣ 3-й стоитъ «Francia».—Замѣтьте еще слѣдующую фразу въ капитуляріи 817 года (Boretius, стр. 272): «Rectores ecclesiarum de Francia talem potestatem habeant rerum ad illas pertinentium, sive in Aquitania sive in Italia sive in aliis regionibus ac provintiis huic imperio subiectis».—Въ бертинскихъ анналахъ, 858 годъ, стр. 96, ясно различаются Аквитанія, Нейстрія и Бургундія.—Ср. Астрономъ, 49: «Populi tam Franciae quam Burgundiae, necnon Aquitaniae et Germaniae».

[2] Капитулярій 806 года, ст. 3.—Дипломъ 762 года, Bouquet, V, 747. Лоршская лѣтопись, 779 годъ, *Tardif*, № 81. Эйнгардъ, Письма, 63 [25, Jaffe].—Дипломъ 817 года, Bouquet, VI, 50; ср. VI, 649.—Встрѣчается также выраженіе «in Ripuaria» (*Annales Einhardi*, 782 годъ). Въ капитуляріи 835 года упоминается также страна подъ названіемъ «Ripuarius», но, кажется, здѣсь разумѣется простой pagus (Baluze, I, 690).

[3] Это вытекаетъ изъ капитулярія 806 года, ст. 1, въ которомъ видно, что Карлъ Великій опредѣленно исключаетъ изъ Аквитаніи турскій *pagus*; безъ этого онъ разумѣлся бы принадлежащимъ къ Аквитаніи. Астрономъ (гл. 17) говоритъ, что Людовикъ, находясь въ Аквитаніи, перешелъ черезъ Луару, чтобы вступить во Францію. См. *Mühlbacher*, стр. 747.—Что *Francia* простиралась до Рейна, видно еще изъ того, что Лотаръ II, бывшій королемъ страны между Маасомъ и Рейномъ, именуется «rex Franciae». См. бертинскую лѣтопись, 855 годъ, стр. 87 и 90). Альзасское герцогство находилось въ части Лотара (*ibidem*, 867 годъ, стр. 166).—Прибавьте, что на обыденномъ языкѣ Рейнъ, съ одной стороны, Луара, съ другой, представляются двумя большими естественными границами. Отсюда столь употребительное выраженіе: «Tam ultra Ligerem quam citra Ligerem, tam citra quam ultra Rhenum» (*Tardif*, № 81; *Mühlbacher*, 747; *Bouquet*, V, 727).

Существовало еще дѣленіе на *pagi*, болѣе мелкое, чѣмъ дѣленіе на большія области. Оно велось съ давняго времени. *Pagus* соотвѣтствовалъ прежней римской *civitas* и всей территоріи, причислявшейся къ ней. Слово *pagus* часто встрѣчается въ каролингскихъ текстахъ, въ хроникахъ, даже въ частныхъ актахъ. Не будучи въ строгомъ смыслѣ оффиціальнымъ административнымъ дѣленіемъ, *pagus* являлся единицею, всего болѣе извѣстной людямъ, съ которой привычка связывала ихъ всего болѣе [1].

Мы только мелькомъ упоминаемъ въ настоящей связи церковныя области. Здѣсь сохранилась старая римская система раздѣленія. Архіепископства и епископства представляли древнія *provinciae* и *civitates*. Небольшія измѣненія довели число архіепископствъ до 18, число епископствъ до 127 [2].

[1] На современномъ языкѣ употребляли также слово *pagus* для обозначенія менѣе крупныхъ дѣленій, чѣмъ старая *civitas*: говорили, напримѣръ, *pagus Perticus*.

[2] *Guérard*, Prolégomènes au polyptyque de l'abbé Irminon стр. 41. [См. теперь *Longnon*, Atlas historique, находящійся при немъ текстъ].

Настоящимъ оффиціальнымъ и административнымъ дѣленіемъ были графства, *comitatus*. Такое дѣленіе приспособлялось, впрочемъ, по большей части, къ дѣленію на *pagi* и на *civitates*. Каролинги нашли это дѣленіе уже установленнымъ и сохранили его. Единственное различіе, которое можно уловить здѣсь, то, что слово *comitatus* въ меровингскую эпоху скорѣе означавшее должность графа, въ VIII вѣкѣ сдѣлалось географическимъ терминомъ и стало означать территорію, которою управлялъ графъ [1]. Предѣлы округовъ, называвшихся графствами, мало измѣнялись со временъ Меровинговъ въ эпоху Каролинговъ.

Надо замѣтить, что графство являлось общимъ учрежденіемъ во всей имперіи Карла Великаго. Дѣлилась на графства Аквитанія такъ же, какъ Франція въ собственномъ смыслѣ, или Фризія и Саксонія, какъ Баварія и Аламаннія.

Герцогство, *ducatus*, не было постояннымъ и установленнымъ административнымъ дѣленіемъ, подобно графству [2]. Терминъ пріобрѣтаетъ такое

[1] См. напримѣръ, капитулярій 792 года, Boretius, 67: «Fugiendo de comitatu ad alium comitatum»; капитулярій 807 года, стр. 135: «De singulis comitatibus»; капитулярій 823 года, стр. 305: «In qualibet provincia aut in aliquo comitatu».

[2] *Ducatus* въ смыслѣ административнаго дѣленія встрѣчается въ капитуляріи Пиппина Короткаго. См. Boretius, стр. 41, ст. 9 (Baluze, I, 164): «Si quis in alium ducatum seu provinciam fugerit».— Въ *Lex Ripuariorum* рипуарская страна названа словомъ *ducatus*, ст. XXX, XXXIII, LXXII. Такъ называемая Хамавская Правда, въ ст. XLIV (у Baluze, XLII, col. 614) говоритъ о *ducatus*, какъ объ области, обнимающей нѣсколько *comitatus*; таково, обыкновенно, понятіе, связывавшееся съ отношеніемъ между обоими тер-

значеніе лишь въ концѣ каролингскаго періода, почти въ то время, когда герцогства становятся наслѣдственными. Въ VIII и IX вѣкѣ *ducatus* скорѣе означаетъ начальствованіе, временно ввѣрявшееся одному сановнику надъ нѣсколькими графами, въ виду пользы или надобности данной минуты. Не слѣдуетъ представлять себѣ каролингское государство правильно раздѣленнымъ на герцогства, которыя въ свою очередь подраздѣлялись на графства. Такого правильнаго дѣленія территоріи никогда не существовало [1].

Дѣленіемъ, возникшимъ спеціально въ каролингскую эпоху была марка, *marca*. Этотъ терминъ означалъ первоначально всякаго рода границу. Такъ назывались границы имперіи; Карлъ Великій говоритъ, что всѣ люди должны быть готовы защищать границу, *marcam* [2]. Въ силу расширенія

минами; такъ, мы читаемъ въ лѣтописи Эйнгарда, годъ 749: «Pippinus Grifonem more ducum duodecim comitatibus donavit».

[1] «Adiudicatur conclamante exercitu ut Willelmus totius Aquitaniae investiatur ducatu; non differt Carolus consilii effectum et de consule (id est comite) sublimatur in ducem» (*Vita Willelmi*, c. 5, y Mabillon, IV, 74).—«Baldricus dux Foroiuliensis... pulsus est ducatu et inter quatuor comites eius potestas dissecta» (Astronom. 42, стихъ 828).—Повидимому, герцогство не отличали очень ясно отъ графства: говорятъ, «ducatus Lugdunensis» (бертинская лѣтопись, стр. 90) и «comitatus Lugdunensis».—Эрмольдъ Черный на разстояніи двадцати строкъ называетъ Вилельма «dux» и «comes» (I, 137 и 172).

[2] Капитулярій 808 года, Boretius, стр. 139. Ср. стр. 206 и 300).—То же самое у писателей. Въ лоршской лѣтописи говорится, что такъ какъ граница со стороны Саксоніи плохо охранялась, «dimissa marca contra Saxones», то саксы произвели нападеніе (774 годъ). Ср. муассакскую хронику, годы 809 и

значенія, тотъ же терминъ сталъ примѣняться къ окраиннымъ провинціямъ имперіи, такъ какъ на каждую изъ нихъ смотрѣли, какъ на границу по отношенію къ чужимъ странамъ. Такъ получилась испанская марка [1], беневентская марка, фріульская, бретанская [2], септиманская марка [3].

За исключеніемъ нѣсколькихъ герцогствъ и нѣсколькихъ марокъ, нормальнымъ являлось дѣленіе государства на графства. Въ величинѣ графствъ не было никакого единообразія. Одно могло быть очень большимъ, какъ графство Овернь, другое очень малымъ (графство Санлисъ). Вообще, каждое графство заключало въ себѣ болѣе или менѣе значительный городъ и всю сельскую территорію, главнымъ центромъ которой онъ оказывался. Число каролингскихъ графствъ въ теперешней Франціи было около ста [сто десять] [4].

812.—Слово «marca» совершенно соотвѣтствуетъ одинаково употреблявшемуся латинскому «limes». Такъ говорятъ «custodes limitis» (лѣтопись Эйнгарда, 793, 826 года) и «comites marcae» (*ibidem*, 822 годъ). Ср. фульдскую лѣтопись, 849 годъ: «Dux limitis».

[1] Hispanicus limes» (*Annales Einhardi*, a. 810, p. 286, a. 826, p. 380) и «Hispanica marca» (*ibidem*, anni 788, 821, 822, 827, 828).

[2] «Britannicus limes» (*Annales Einhardi*, 779, 826); «Britannica marca» (Нитгардъ, I, 5. Бертинская лѣтопись, 839 годъ. Въ лоршской лѣтописи, (799 годъ), «marca Britanniae» означаетъ франкскую территорію, граничащую съ Бретанью.

[3] Бертинская лѣтопись, 835 годъ: «Dispositis markis Hispaniae, Septimaniae, sive Provinciae».—*Ibidem*, годъ 865, стр. 143: «Marchia Gothiae».—Людовикъ Благочестивый говоритъ въ дипломѣ 817 года «marka Tolosana» (Boretius, стр. 271).

[4] *Comitatus* почти всегда носитъ то же названіе, что *civitas*. Отсюда происходитъ, что въ документахъ слово «comitatus» замѣняется иногда словомъ «civitas». [Ср. изслѣдованія *Longnon* въ текстѣ его Atlas historique].

Графства въ свою очередь подраздѣлялись на округи, называвшіеся сотнями, *centenae*. Это названіе, встрѣчаемое въ предшествующей эпохѣ всего лишь два или три раза и съ неопредѣленнымъ значеніемъ, становится общеупотребительнымъ со времени Карла Великаго и принимаетъ опредѣленное значеніе территоріальнаго дѣленія. Въ капитуляріи 786 года король говоритъ, что списокъ людей, которые принесутъ присягу, долженъ быть составленъ въ каждомъ графствѣ по сотнямъ [1]. Затѣмъ слѣдующая статья капитулярія 818 года показываетъ, что сотня была дѣйствительно не группою лицъ, а территоріею: „Въ тяжбахъ свидѣтели должны быть изъ того графства, въ которомъ расположены спорныя имущества; если же предметъ спора находится на границѣ двухъ графствъ, то можно брать свидѣтелей изъ ближайшей сотни сосѣдняго графства“ [2]. Въ капитуляріи 829 года читаемъ, что графъ долженъ производить перепись свободнымъ людямъ своего графства и осуществлять ее именно по сотнямъ [3].

Ничто не доказываетъ, чтобы дѣленіе на сотни

[1] Капитулярій 786 и 792 года, Boretius, стр. 67, ст. 4: «Nomina de ipsis qui iuraverunt... Comites similiter de singulis centenis semotis».

[2] Капитулярій 818 года, гл. 10, Boretius, 283: «Si contentio quae inter eos exorta est in confinio duorum comitatum fuerit, liceat eis de vicina centena adiacentis comitatus ad causam suam testes habere».

[3] «Quanti liberi homines in singulis comitatibus maneant ratio examinetur per singulas centenas». *Pertz*, Leges, 354 [*Krause*, 19].

было введено Карломъ Великимъ или Пиппиномъ Короткимъ. Возможно, что оно образовалось совершенно естественно въ силу испытанной населеніемъ нужды въ общественномъ порядкѣ, или въ силу необходимости подраздѣлить свои области, какую почувствовали графы. Повидимому, сотни были введены почти повсемѣстно въ предшествующее Карлу Великому столѣтіе. То было дѣленіе, принимавшееся не только административнымъ обычаемъ, но и ежедневною практикою частныхъ лицъ. Формулы это доказываютъ. Когда продаютъ или дарятъ землю, не обходятся безъ обозначенія ея положенія путемъ указанія на *pagus* и *centena* [1].

Наряду съ сотнями, довольно часто находимъ викаріи, *vicariae*. Нѣсколько запродажныхъ актовъ и нѣсколько формулъ обозначаютъ мѣсто нахожденія помѣстья указаніемъ на *pagus* и *vicaria*. Формулы ясно показываютъ, что въ каждомъ графствѣ было нѣсколько такихъ „викарій“ [2].

[1] *Formulae Merkelianae*, Zeumer, p. 241, № 1, Rozière, № 194: «Res meas in pago illo, in centena illa».—То же самое въ этомъ сборникѣ №№ 2, 5, 7, 8, 10, 11, 16, 17, 19, 20, Rozière, №№ 206, 321, 343, 272, 278, 252, 244, 303.—То же самое въ судебныхъ приговорахъ, *ibidem*, № 29, Rozière, № 462. Тѣ же выраженія повторяются въ *Bignonianae*, № 19, Zeumer, p. 235, Rozière, № 126; и въ *Formulae imperiales*, № 34, Zeumer, p. 312. — Слово *centuria* съ тѣмъ же значеніемъ встрѣчается въ альзасской формулѣ, Rozière, № 150, Zeumer, стр. 435: «In comitia Durgerve, in centuria illa».

[2] *Formulae Bituricenses*, № 15, Zeumer, p. 175, Rozière, № 221: «Res proprietatis meae sitas in pago Biturico, in vicarias illas et illas, in villa illa». — *Formulae imperiales*, № 3, Zeumer, p. 289, Rozière, № 317: «Mansos tantos qui sunt in pagis illis et illis, in vicariis illis et illis, in villis illis et illis».—*Libellus dotis*, Zeumer, № 9, p. 539: «In pago Aurelianensi, in vicaria Pervei, alodum de Sociaco».—*Libellus dotis*, № 10, Zeumer, стр. 539: «In pago Floriacensi, in vicaria Reinense, in villa Noriont, alodem meum».—*Ibidem*, № 11, стр. 540: «De rebus proprietatis meae in pago illo, in vicaria illa, in villa illa, mansum indominicatum unum...»—Дипломъ 939 года, Tardif, № 231: «In pago Biturico, in vicaria Brivense, in villa Petri».

Быть можетъ, онѣ соотвѣтствовали сотнямъ, и оба названія были однозначащими. Есть однако нѣсколько хартій IX вѣка, въ которыхъ викаріи соотвѣтствуютъ, повидимому, нѣсколькимъ сотнямъ [1]. Не думаемъ, впрочемъ, чтобы надо было искать здѣсь полнаго единообразія. Такъ какъ викаріи и сотни не были учреждены актомъ верховной власти, такъ какъ онѣ учредились въ томъ или другомъ мѣстѣ безъ предварительнаго плана и системы, то въ нихъ могло наблюдаться много мѣстныхъ различій. Что было сотнею въ одномъ мѣстѣ, могло быть викаріею въ другомъ; и тѣ, и другія могли иногда совмѣщаться въ одномъ и томъ же графствѣ; ничего опредѣленнаго не было также установлено относительно ихъ величины.

Дѣленія на деревни или сельскія общины не существовало; деревня входила въ сферу частнаго права, а не въ государственное управленіе.

2.

Графы.

Системѣ административныхъ дѣленій соотвѣтствовала цѣлая сѣть должностныхъ лицъ. То были

[1] См. двѣ хартіи, цитированныя у *Guérard*, Prolégomènes au polyptyque de l'abbé Irminon, 43, note 5 et 44, note 6.

герцоги, начальники марокъ или маркизы, графы, (*comites, comtes*) викаріи и сотники [1].

За исключеніемъ маркиза [2], все это старыя названія. Управленіе не было создано Карломъ Великимъ. Оно шло отъ Меровинговъ. Оно сохра-

[1] Дипломъ 755 года, Tardif, № 55: «Pippinus rex Francorum, vir inluster, omnibus ducibus, comitibus, graffionibus, domesticis, vicariis, centenariis, vel omnes agentes tam praesentibus quam futuris. Cognoscat Utilitas seu Magnitudo Vestra...» Въ этомъ вступленіи всѣ названныя лица—*agentes*, то-есть, королевскіе чиновники.—*Grafio* терминъ равносильный *comes*. Каролингскій *grafio* не есть начальникъ небольшого кантона, это начальникъ крупной области; тождественность словъ *grafio* и *comes* вытекаетъ изъ нѣсколькихъ текстовъ; такъ капитулярій 742 года, ст. 5, ставитъ *grafio* рядомъ съ епископомъ во всей епархіи; то же въ капитуляріи 769 года, ст. 6, Boretius, стр. 45. См. еще одну изъ *formulae imperiales*, № 29, Zeumer, стр. 307, и нѣсколько дипломовъ въ *Acta Caroli*, Mühlbacher, №№ 733, 747, 748, 763, и въ *Acta Ludovici*, №№ 506 и 567.—*Domestici* не входили, собственно, въ составъ государственной администраціи; они управляли фискальными помѣстьями.—Ср. дипломъ 769 года, № 64; *Formulae Senonicae*, № 36; дипломъ 775 года, № 77; дипломъ 814 года, № 104; дипломъ 846 года, № 153: «Notum sit episcopis, abbatibus, ducibus, comitibus, vicariis, centenariis, telonariis, actionariis, vel omnibus rempublicam administrantibus».—Такая формула становится рѣдкою при Карлѣ Лысомъ и наконецъ исчезаетъ. Феодальный строй не терпитъ ея.

[2] Говорилось «praefectus marchae» (*Annales Einhardi*, a. 818), «praefectus limitis» (*ibidem*, a. 799, 819, 821); «comes marcae» (ibidem, a. 822), «custos limitis» (*ibidem*, a. 826); «comitem et marcae praefectum» (*ibidem*, a. 818); «comes et praefectus limitis» (*ibidem*, anno 799); «comes et marchio» (*Vaissette*, I, 98, III, 117); «a marchionibus nostris» (капитулярій 807 года, гл. 5, Boretius, 206); «a nostris marchionibus» (капитулярій 815 года, *pro Hispanis*, ibidem, 261). «Marchio» часто встрѣчаемъ въ бертинской лѣтописи; «marchisus»—у Гинкмара, «De Ordine palatii, гл. 30.

няетъ свой старый характеръ до конца царствованія Карла Лысаго. Обратимъ сначала вниманіе на графа, который былъ главнымъ лицомъ въ іерархіи областного управленія и какъ бы основою ея системы.

Настоящій, существенный смыслъ слова *comes*—это „спутникъ государя“ *comes*—оффиціальное званіе среди чиновъ каролингскаго двора. Существовали причисленные къ дворцу графы, *comites palatini* [1]. Можно было быть *comes*, не неся опредѣленныхъ обязанностей и не имѣя *comitatus*. Эйнгардъ пишетъ одному лицу, которое называетъ „славнымъ графомъ“, не прибавляя названія графства [2]. Левъ III въ письмѣ къ Карлу Великому говоритъ о „славныхъ графахъ Гельменгодѣ и Гунфридѣ“; это не начальники графствъ: это „спутники государя“, которыхъ онъ послалъ съ порученіемъ къ папѣ [3]. Графы, находившіеся „при государѣ“ [4], могли быть облекаемы военными командованіями [5].

Другіе графы пребывали въ областяхъ [6], и

[1] *Thegan*. 45.—*Acta Ludovici*, 454.—*Capitulare de disciplina palatii*, c. 6, Boretius, 298.

[2] *Einhardi epistolae*, edit. Jaffe, № 25, Teulet, № 63. То же въ двухъ дипломахъ, Tardif, №№ 96 и 97.

[3] Письмо Льва III, 808 годъ, *Liber Carolinus*, edit. Jaffe, p. 310.—То же самое въ бертинской лѣтописи, 870 годъ, стр. 204.

[4] *Astronom*. 41: «Missos a latere Hugonem et Matfridum comites».

[5] Одинъ графъ Бонифацій командуетъ флотомъ (Астрономъ, 42).

[6] Отсюда выраженіе *comites provinciales*. См. капитулярій 802 года, ст. 1, Boretius, 92.

округа, которыми долженъ былъ править каждый изъ нихъ, назывались по ихъ имени графствами [1].

Такимъ образомъ графъ, *comes*, былъ по существу и въ принципѣ спутникомъ государя; государь могъ ввѣрять ему должность при дворцѣ, дипломатическую миссію или командованіе войскомъ такъ же, какъ управленіе графствомъ. Графы — приближенные короля, дѣйствующіе во всѣхъ частяхъ территоріи и исполняющіе всѣ порученія, какія хочетъ на нихъ возложить король.

Титулъ графа не связанъ еще съ рожденіемъ: онъ не соединенъ также съ владѣніемъ такою-то землею. Не графство создаетъ графа. Графъ не правитель страны по происхожденію, онъ приближенный, спутникъ государя. Онъ связанъ не со страной, а съ дворцомъ. Онъ изъ дворца посылается въ графство.

Графъ, по большей части, человѣкъ, съ дѣтства воспитанный во дворцѣ. Онъ обучался въ дворцовой школѣ. Затѣмъ онъ въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ проходилъ своего рода искусъ при какомъ-нибудь вельможѣ. Въ возрастѣ двадцати лѣтъ онъ получалъ такую должность, какъ кравчій, камергеръ, или служилъ чиновникомъ въ канцеляріяхъ. Если представлялся случай, онъ продѣлывалъ одинъ или два похода. Когда онъ достигалъ двадцати восьми или тридцати лѣтъ, король назначалъ его графомъ и указывалъ ему графство.

Никто не становился графомъ иначе, какъ по

[1] Въ обыденной рѣчи графъ обозначался именемъ той области, которою управлялъ.

волѣ короля и въ силу королевскаго назначенія [1]. Одинъ писатель того времени, Адревальдъ, приводитъ поразительный примѣръ широты правъ короля [2]. Случилось такъ, что не оказалось свободныхъ придворныхъ, изъ числа которыхъ король назначалъ графовъ. Это было послѣ завоеванія Аквитаніи и Лонгобардіи. Персоналъ дворца изсякъ, онъ былъ „опустошенъ" назначеніемъ графовъ въ новыя провинціи [3]. Карлу Великому пришлось искать чиновниковъ въ низшихъ слояхъ населенія дворца. Обращался онъ при этомъ даже къ рабамъ своихъ помѣстій говоритъ Адревальдъ, отпуская ихъ предварительно на свободу [4]. Авторъ называетъ имена. Таковы были: Рагонъ, сдѣланный имъ графомъ въ Орлеанѣ, Стурминій, котораго онъ назначилъ графомъ въ Буржъ, Берт-

[1] «Ludovicus Ramnulfum comitem Pictavis praefecit, Turpionem comitem constituit Egolismae» (*Bouquet*, VI, 224).

[2] Адревальдъ былъ современникъ Людовика Благочестиваго и Карла Лысаго, умеръ въ 878 году.

[3] *Adrevald*. Miracula S. Benedicti, I, 18, edit. Certain, 43: «Ampliata regia potestate, necesse erat duces subiugatae genti praeficere... Qua de re primatibus populi ducibusque contigit palatium vacuari, eo quod multos ex Francorum nobili genere filio (сыну своему Пипину, королю Италіи) contulerit qui cum eo regnum noviter susceptum tuerentur et regerent».—Такой же случай повторился нѣсколько лѣтъ спустя по другой причинѣ: въ 786 и 792 годахъ совершилось два возстанія, и въ нихъ замѣшано много графовъ; вслѣдствіе этого многіе изъ нихъ были отставлены, потребовалось замѣстить много должностей и обнаружился недостатокъ обычнаго состава чиновниковъ. *Adrevald*. ibidem: «Ob Francorum suspectam fidem semel in coniuratione dum bellum inchoaretur Saxonicum, iterum autem in coniuratione Pippini naturalis filii».

[4] *Ibidem*: «Quibusdam servorum suorum, fisci debito sublevatis, curam regni tradidit».

мундъ, поставленный во главѣ Оверни[1]. Были и другіе „которыхъ онъ назначилъ, куда пожелалъ“[2]. Итакъ, король выбиралъ графовъ по своему произволу. Онъ не долженъ былъ непремѣнно брать ихъ изъ извѣстныхъ категорій или классовъ лицъ. Онъ не былъ подчиненъ въ этомъ отношеніи никакому обязательному правилу.

Какъ король назначалъ графовъ, такъ онъ по своему желанію и перемѣщалъ ихъ, онъ могъ ихъ и увольнять. Сенъ-галленскій монахъ устанавливаетъ слѣдующее различіе между Карломъ Великимъ и его преемниками: „Карлъ Великій никогда не возвращалъ на прежнія мѣста лицъ, отрѣшенныхъ имъ отъ ихъ должностей“[3]; онъ намекаетъ здѣсь на практику Людовика Благочестиваго и Карла Лысаго, которые часто отставляли отъ должностей, но затѣмъ снова назначали тѣхъ же графовъ только требуя отъ нихъ обѣщаніе вѣрности. Замѣчаніе сенъ-галленскаго монаха доказываетъ, что всѣ короли имѣли право отставлять графовъ. У насъ есть на то много примѣровъ при Карлѣ

[1] *Ibidem*: «In primis Rahonem Aurelianensibus comitem praefecit, Bituricensibus Sturminium, Arvernis Bertmundum». — Мы должны понимать, что эти сервы помѣстій или скорѣе, быть можетъ, колоны, не были взяты, такъ сказать, отъ сохи, чтобы прямо попасть въ графы большихъ областей. Вѣроятно, они провели свою молодость во дворцѣ, на низшихъ должностяхъ, быть можетъ, были писцами въ канцеляріяхъ, и Карлъ Великій сдѣлалъ ихъ графами, только убѣдившись въ ихъ служебной опытности на низшихъ мѣстахъ.

[2] *Ibidem*: «Aliisque alios praefecit, ut ei visum est».

[3] Сенъ-галленскій монахъ, II, 11: «Honoribus privatos nulla occasione ad pristinum gradum conscendere passus est».

Великомъ. Умирая, онъ внушалъ своему сыну „осторожно выбирать должностныхъ лицъ, но безъ справедливой причины не отставлять ихъ“[1]. Значитъ, онъ признавалъ за своимъ преемникомъ неограниченное право ихъ отозванія, если совѣтовалъ не злоупотреблять такимъ правомъ.

Есть примѣры увольненія графовъ отъ должности Людовикомъ Благочестивымъ. Гуго и Матфридъ были отставлены за то, что плохо предводительствовали во время похода[2]; Бернардъ—за то, что былъ заподозрѣнъ въ интригахъ противъ императора[3]. Находимъ принудительныя отставки даже при Карлѣ Лысомъ, который не былъ тѣмъ слабымъ и мягкимъ королемъ, какимъ

[1] *Thegan.*, 6: «Ut fideles ministros constitueret, nullum ab honore suo sine causa reiceret».

[2] *Astronom.* 42: «Hos autem, honoribus ademptis, luere iussit imperator culpam huius ignaviae». — Историкъ замѣчаетъ, что императоръ постановилъ отставленіе лишь послѣ того, какъ произвелъ серьезное слѣдствіе, и сдѣлалъ это даже на *conventus*.— *Miracula S. Benedicti*, c. 20, Bouquet, VI, 392: «Matfrido comite Aurelianensi ob culpam inertiae honoribus privato, Odo in eius locum substituitur».

[3] Бернардъ скорѣе былъ заподозрѣнъ, чѣмъ уличенъ. *Astronom*, 47: «Conventum publicum Aurelianis fieri iussit... Quo ventilata causa, Bernardus quidem cum insimularetur infidelitatis, nec tamen usque ad congressionem probator procedere vellet, honoribus est privatus».— Отказъ выйти на судебный поединокъ свидѣтельствуетъ, что обвиняемымъ не было найдено и другого доказательства.—Другіе примѣры см. въ метцской лѣтописи, 830 годъ (Bouquet, VI, 212); у Гинкмара, De villa Noviliaco (Bouquet, VI, 216). Въ общихъ выраженіяхъ: «Honores qui habuerant, amittebant (*Vita Walae*, II, 7, Bouquet, VI, 282). Можно добавить *Miracula S. Benedicti*, гл. 20 (*ibidem*, VI, 312).

его нарисовала легенда. У нѣкоего Бернарда „онъ отобралъ всѣ данныя ему должности и ввѣрилъ ихъ Роберту“ [1]. Въ 865 году онъ обвинялъ трехъ графовъ, Адальгарда, Гуго и Беренгара, въ томъ, что они не защитили страны отъ норманновъ; „онъ отнялъ у нихъ графства и передалъ другимъ“ [2]. Два года спустя, видимъ, что тотъ же государь смѣстилъ графа буржскаго, по имени Герара, притомъ даже „безъ всякой причины“ [3].

Итакъ, нѣтъ сомнѣнія, что до конца царствованія Карла Лысаго, графъ, назначавшійся королемъ, имъ же и отставлялся. Никто не думалъ, что графъ несмѣняемъ. Еще меньше того думали, что графство могло быть наслѣдственнымъ. Правда, часто замѣчаемъ уже тогда, что сынъ становился графомъ такъ же, какъ отецъ. Во дворцѣ всегда оставались на службѣ короля тѣ же фамиліи, и такъ какъ сынъ проходилъ ту же служебную карьеру, какъ отецъ, то онъ достигалъ тѣхъ же должностей. Но мы не замѣчалмъ, чтобы сынъ становился графомъ въ томъ же графствѣ, гдѣ былъ отецъ [4]. Значитъ, графства не были наслѣдственны ни по праву, ни фактически. Когда Робертъ Сильный былъ убитъ въ 866 году, сынъ его

[1] Бертинская лѣтопись, годъ 864, стр. 138.

[2] *Ibidem*, годъ 865, стр. 152.

[3] *Ibidem*, годъ 867, стр. 171.—Правда, Герарь не подчинился отставкѣ, вѣроятно, потому, что ему не вмѣнялось никакое преступленіе, и что король не позволилъ ему явиться для оправданія, «sine praesentia illius».

[4] Герарь былъ графомъ въ Оверни; сынъ его Рамнульфъ графомъ въ Пуатье (Bouquet, VI, 224).—Противоположные примѣры рѣдки и составляютъ исключеніе.

не унаслѣдовалъ бывшихъ у него въ управленіи земель [1]. Сынъ Рамнульфа не былъ его преемникомъ въ графствѣ Пуатье [2].

Слѣдовательно, графы находились въ зависимости отъ короля. Они были графами только благодаря ему и только до тѣхъ поръ, пока онъ хотѣлъ. Они были его уполномоченными, стоявшими въ первомъ ряду среди тѣхъ, кого король называлъ своими *agentes*. Они назывались также на языкѣ того времени его слугами, *ministri regis*, или слугами государства, *ministri reipublicae*. Гинкмаръ называетъ ихъ „сотрудниками королевскаго служенія“, *cooperatores regii ministerii*[3].

Графство не составляло собственности, а являлось службою и должностью, *ministerium*. Оно было въ то же время и важнымъ саномъ, *honor*; но этотъ санъ оставался эманацією королевской власти; онъ не былъ ни наслѣдственнымъ, ни пожизненнымъ, ни независимымъ. Этотъ—*honor* не переходилъ въ собственность, даже условную: онъ былъ не болѣе, какъ делегаціею верховной власти [4].

[1] Бертинская лѣтопись, 868 годъ, стр. 172: «Ablatis a Rotberti filio his quae post mortem patris de honoribus ipsius ei concesserat, et per alios divisis».—Робертъ былъ графомъ въ Анжу, Оксеррѣ и Неверѣ.

[2] *Ibidem*: «Et a filiis Ramnulfi toltis paternis honoribus».

[3] *Hincmar*. Capitula in synodo apud S. Macram promulgata, 6, Migne, I, col. 1077.

[4] *Honor*—старый римскій терминъ, обозначавшій или ввѣренную народомъ магистратуру, или должность, данную императоромъ (*Lamprid*. Alexander, 49: «Honores iuris gladii»). Слово *honor* въ IX вѣкѣ употребляется въ трехъ смыслахъ: оно означаетъ данную королемъ должность, или должность церковную, или еще

Аттрибуты графа были многоразличны.

Онъ былъ, во-первыхъ, тѣмъ, что на нашемъ современномъ языкѣ называется передаточнымъ органомъ. Черезъ его посредство государь передавалъ подданнымъ свои рѣшенія. Потому королевскія грамоты адресовались обыкновенно не населенію, а графу и другимъ чиновникамъ [1]. Издавая законодательный актъ, король посылалъ его текстъ каждому графу, чтобы тотъ обнародовалъ его, собравъ людей каждаго изъ уѣздовъ своей области [2]. А такъ какъ графы ежегодно являлись во дворецъ, то еще чаще они сами брали съ собою тексты новыхъ законодательныхъ актовъ, когда возвращались въ свои графства, и должны были объявлять ихъ людямъ, находившимся у нихъ въ управленіи [3]. Графъ же приводилъ, какъ мы указывали выше, населеніе области къ присягѣ королю и составлялъ списки всѣхъ, кто ее принесъ.

Во-вторыхъ, графъ былъ облеченъ властью исполненія законовъ и всѣхъ повелѣній монарха [4]. На немъ лежало также попеченіе объ общественномъ порядкѣ, *pax*, вся мѣстная полиція противъ преступниковъ, забота объ охранѣ страны отъ всякаго возстанія, даже отъ внѣшняго нападенія.

земли, временно данныя королемъ въ видѣ бенефиція. Ни въ одномъ изъ трехъ случаевъ обладатель *honor* не являлся собственникомъ. Идея собственности исключена изъ слова *honor*.

[1] Таковъ смыслъ приведенныхъ выше вступленій.

[2] *Capitularia*, edit. Boretius, 112, Baluze, I, 391: «Haec capitula facta sunt et consignata Stephano comiti ut haec manifesta fecisset in civitate Parisius in mallo publico, et ipsa legere fecisset».

[3] *Capitularia*, edit. Boretius, 141: «Capitula quae volumus ut... comites qui modo ad casam redeunt per singula loca eorum nota faciant et observare studeant». — Дальше увидимъ, что ту же обязанность несли епископы.

[4] *Boretius*, 141: «Capitula... observare studeant».

Въ-третьихъ, графъ совершалъ въ своемъ графствѣ все, что совершалъ бы самъ король, если бы онъ тамъ присутствовалъ. Такъ какъ онъ былъ уполномоченнымъ короля, то осуществлялъ всѣ королевскія права. Ниже увидимъ, что самою обычною его функціею былъ судъ надъ преступленіями и разбирательство тяжбъ [1]. Такъ какъ королю еще принадлежали нѣкоторыя подати, то графъ взималъ ихъ отъ его имени, или надзиралъ за ихъ взиманіемъ. Такъ какъ король требовалъ отъ подданныхъ воинской службы, то графъ производилъ вербовку войска; но производилъ ее не иначе, какъ по предписанію короля [2]. Одной изъ его функцій было руководить общественными работами, поддерживать дороги, чинить мосты и шлюзы [3].

[1] Отсюда слѣдующія королевскія инструкціи: «Si comis in suo ministerio iustitias non fecerit, etc. (капитулярій 779 года, ст. 21, Boretius, стр. 51); ut comites pupillorum et orfanorum causas primum audiant» (капитулярій 789 года, ст. 17, Boretius, стр. 63).

[2] Или для зашиты своей границы: «In marcha nostra, iuxta rationabilem comitis ordinationem atque admonitionem, explorationes et excubias quod usitato vocabulo wactas dicunt, facere non negligant» (*Praeceptum pro Hispanis*, 815, Boretius, 261).

[3] Сенъ-галленскій монахъ, I, 30: «Fuit consuetudo in illis temporibus ut, ubicumque opus ex imperiali praecepto faciendum esset, siquidem pontes vel naves aut traiecti sive purgatio seu striamentum vel impletio coenosorum itinerum, ea comites per vicarios et officiales suos exequerentur».—*Capitulare Mantuanum*, c. 7, Boretius, 197: «De pontibus vero vel reliquis similibus operibus... si

При исполненіи всѣхъ обязанностей графъ не встрѣчалъ около себя никакой контролировавшей его власти. Провинціальныхъ собраній не было. Въ многочисленныхъ памятникахъ эпохи напрасно стали бы искать упоминанія о такого рода собраніяхъ или малѣйшаго указанія на учрежденіе съ подобной природой. Капитуляріи Карла Великаго и его сына часто говорятъ о злоупотребленіяхъ, о совершенныхъ графами превышеніяхъ власти и о жалобахъ на графовъ. Эти превышенія власти и самый способъ возникновенія протестовъ доказываютъ, что внутри графства не было никакого законнаго контроля, рядомъ съ графомъ не было никакого собранія. Графъ въ своей области являлся неограниченнымъ повелителемъ.

Но онъ былъ неограниченнымъ повелителемъ отъ имени короля. Вся его власть исходила отъ короля. Онъ получалъ инструкціи короля, исполналъ ихъ и отдавалъ ему отчетъ въ томъ, какъ исполнялъ. Сборникъ капитуляріевъ до конца царствованія Карла Лысаго полонъ королевскихъ приказовъ, обращенныхъ къ графамъ. „Если кто изъ васъ небреженъ въ исполненіи моихъ предписаній и уклоняется отъ моего капитулярія, пишетъ Карлъ Великій, пусть онъ знаетъ, что будетъ призванъ къ намъ, чтобы дать намъ отчетъ въ своемъ поведеніи“ [1]. Вотъ, что говоритъ имъ Людовикъ Благочестивый: „Что касается васъ, графы, мы говоримъ вамъ и предупреждаемъ васъ, что въ обязанность вашу входитъ поддерживать общественный порядокъ и правосудіе въ вашей области, и вы должны прилагать все стараніе къ исполненію данныхъ вамъ нашею властью повелѣній. Итакъ, предупреждаемъ вашу вѣрность, что надобно твердо помнить объ обѣщанной намъ покорности; мы поручили вамъ часть собственнаго нашего служенія; выкажите себя дѣйствительными нашими помощниками“ [2].

Даже Карлъ Лысый до конца смотрѣлъ на графовъ, какъ на своихъ уполномоченныхъ, и посылалъ имъ свои указы. „Если какой-нибудь графъ

opus completum non habuerit, liceat comiti pro pena prepositum operis pignerare; comis autem si neglexerit, a rege iudicandus est».— *Lex dicta Chamavorum*, c. XXXVIII: «Si quis sclusam dimiserit, quando suus comes ei commendat facere»; c. XXXIX: «Si quis ad pontem publicum bannitus fuerit et ibi non venerit». *Capitulare*, a. 818, c. 8, Boretius, 288: «Volumus ut missi nostri per singulas civitates una cum comite homines eligant quorum curae sit pontes emendare».—*Capit*. a. 829, c. 11, Pertz, I, 352 [Krause, 16]: «De pontibus publicis placuit nobis... ut comites reddant rationem de eorum pagensibus, cur eos non constrinxerunt ut hoc facerent».

[1] *Capitularia*, edit. Boretius, 203—204: «Si ullus ex vobis... neglegens apparuerit, et de his sicut in capitulare continetur, contradicere praesumpserit, sciat se procul dubio, nisi se cito correxerit, in conspectu nostro exinde deducere rationem».

[2] *Ludovici admonitio ad omnes regni ordines*, c. 7 et 8, Boretius, 304: «Vobis vero comitibus dicimus vosque admonemus quia ad vestrum ministerium maxime pertinet ut reverentiam et honorem sanctae Dei ecclesiae exhibeatis... et pacem et iustitiam faciatis, et quae nostra auctoritas publice (publica?) fieri decernit, ut studiose meperficiantur attendite. Proinde monemus Vestram Fidelitatem ut memores sitis fidei nobis promissae et in parte ministerii nostri vobis commissi... vos ipsos tales exhibeatis ut nostri veri adiutores iuste dici possitis».—Въ обращеніи къ другому онъ заключаетъ: «Videte ut omnino impleatis et nullam exinde habeatis negligentiam si gratiam nostram vultis habere» (*Chronicon S. Benigni*, a. 838, Bouquet, VI, 236).

не исполнитъ настоящихъ предписаній, говоритъ онъ, наши *missi* дадутъ намъ о томъ знать, дабы онъ былъ наказанъ согласно постановленіямъ капитуляріевъ нашихъ предшественниковъ"[1]. — „Да будетъ извѣстно нашимъ графамъ, говоритъ онъ еще въ другомъ мѣстѣ, что мы принимаемъ мѣры къ тому, чтобы знать, ревностно ли они исполняютъ наши приказы[2]; всякаго изъ нихъ, кто впадетъ въ нерадѣніе, мы вызовемъ къ себѣ, и онъ долженъ будетъ сказать, по худой волѣ или по невозможности не были выполнены наши приказанія; если по нежеланію, то мы сумѣемъ найти другого человѣка, который на его мѣстѣ лучше будетъ исполнять нашу волю"[3]. До 877 года, до послѣдняго, такъ сказать, дня Карлъ Лысый говорилъ съ графами, какъ господинъ съ своими слугами[4].

[1] *Edictum Pistense*, 864 года, ст. 1, Walter, III, 139: «Quicunque comitum vel ministrorum reipublicae haec quae mandamus observare neglexerit... volumus ut neglegentia comitis ad nostram notitiam per episcopos et per missos nostros deferatur... ut nostra auctoritate quod in capitulari praedecessorum nostrorum continetur subire cogantur».—Ср. капитуляріи 862 года, Walter, 126; 864 года, ст. 17.

[2] *Edictum Pistense*, c. 35: «Sciant comites nostri quia per singulos comitatus missos nostros dirigemus qui de his quae nunc constituimus inquirant, qualiter in his nostram iussionem adimplere certaverint».

[3] *Ibidem*: «Et quicumque neglegens inde inventus fuerit, praecipiemus ut ante nostram praesentiam venire iubeatur, et rationem reddat utrum hoc quod iussimus facere noluerit aut non potuerit... Si non voluit, aut suae neglegentiae causa non potuit, nos talem invenire volumus qui hoc quod iubemus servare velit aut possit».

[4] См. знаменитый кьерсійскій капитулярій, который ученые безъ всякаго основанія вообразили хартіей, устанавливающей феодализмъ, ст. 18: «Comites de raptoribus et malis hominibus praevideant qualiter pax fiat et malla teneant, et omnibus qui hostem debent denuntient ut in *nostrum* servitium pergere valeant». [Ср. Nouvelles Recherches, стр. 431 и 461].

Наконецъ, еще одно характеризуетъ графовъ во всю изучаемую эпоху. Они обязаны, по крайней мѣрѣ, одинъ разъ въ годъ, въ заранѣе указанное время являться на королю. Выйдя изъ дворца, они ежегодно и возвращаются туда. Они живутъ тамъ нѣсколько недѣль, отдавая отчетъ лично королю или его совѣтникамъ, получая новыя инструкціи, подавая также свои мнѣнія относительно дѣлъ своего графства или всего королевства. Итакъ, отъ нихъ не только требуется, чтобы изъ своихъ графствъ они находились въ постоянныхъ сношеніяхъ съ верховной властью, за поведеніемъ ихъ не только наблюдаютъ королевскіе миссы, но въ извѣстный моментъ года требуется еще и личное ихъ прибытіе во дворецъ. Они находились въ правильномъ общеніи съ монархомъ. Дворецъ былъ для нихъ центромъ и какъ бы отправнымъ пунктомъ.

Но рядомъ съ указанными фактами и описанными обычаями существовали другіе, которые слѣдуетъ также разсмотрѣть, и которые могли обнаружить нѣкоторое вліяніе на дальнѣйшее развитіе учрежденій. Графы, при всей ихъ зависимости отъ короля, не получали отъ него содержанія. Правило платить чиновникамъ жалованіе изъ государственной казны исчезло со временъ римской имперіи.

Изслѣдуемъ, каковы были доходы графа, что замѣняло ему жалованіе. Во-первыхъ, онъ бралъ въ свою пользу третью часть суммы, получавшейся отъ судебныхъ штрафовъ. Это правило высказано въ капитуляріи 793 года. „Изъ приходящейся королю части композиціи, если графъ производилъ слѣдствіе и разбиралъ дѣло, ему поступала одна треть, а королю двѣ трети“ [1]. Кажется, графъ получалъ также и другія пошлины за совершеніе судебныхъ актовъ [2]. Такъ какъ онъ былъ представителемъ короля, то осуществлялъ въ личную свою пользу всѣ права короля, и мы не должны сомнѣваться въ томъ, что онъ завладѣлъ и правомъ постоя [3]. Одинъ капитулярій Людовика Благочестиваго показываетъ даже, что многіе графы

[1] *Capitulare Italicum*, c. 5, Baluze, I, 259, Boretius, 201: «De compositionibus quae ad palatium pertinent (это *fredum*). Si comites ipsas causas commoverint ad requirendum, illam tertiam ad eorum recipiant opus, duas vero ad palatium. Et si per quam negligentiam remanserint, et missus dominicus ipsas causas coeperit requirere, comites illam tertiam partem non habeant, sed cum integritate ad palatium veniant».

[2] Это выясняется, если не какъ законъ, то, по крайней мѣрѣ, какъ обычай изъ одного *responsum misso cuidam datum* (801—814), Boretius, 145, Pertz, I, 121, ст. 2: «De secundo unde me interrogasti si comes de notitia solidum unum accipere deberet et scabinii sive cancellarius». Отвѣтъ короля неопредѣлененъ; онъ говоритъ, что поставитъ вопросъ на ближайшемъ общемъ собраніи. Отсюда видно, однако, что существовала тенденція къ установленію такого обычая.

[3] Это можно подтвердить, если нужно, иммунитетными хартіями. Если графу воспрещается требовать на землѣ владѣльца иммунитета жилища и продовольствія «mansionem et paratas», значитъ, онъ имѣетъ такое право на другихъ земляхъ.

злоупотребляли такимъ правомъ, требуя для себя продовольствія и доставки лошадей [1].

Но главнымъ преимуществомъ графа было то, что съ его должностью связывались извѣстныя земли, и онъ получалъ съ нихъ всѣ доходы. Въ каждомъ графствѣ было много казенныхъ земель. Онѣ раздѣлялись на три группы. Однѣ прямо эксплуатировались въ пользу короля [2]. Другія отдавались, какъ бенефиціи, королевскимъ вассаламъ [3]. Наконецъ, третьи находились въ распоряженіи графа [4]. Онъ являлся господиномъ не только

[1] *Praeceptum pro Hispanis*, a. 815, c. 5: «Neque eos sibi mansionaticos parare aut veredos dare cogant».

[2] Это тѣ, о которыхъ говорится въ ст. 1 *capitulare de villis*,
Boretius, 83, Baluze, I, 331: «Ut villae nostrae quas ad opus no-
strum serviendi institutas habemus, sub integritate partibus nostris
deserviant et non aliis hominibus».—Тѣ же земли называются въ
другомъ мѣстѣ «villae indominicatae» (пистскій указъ 864 года,
ст. 8; бертинская лѣтопись, изд. Dehaisnes, 212).

[3] Это тѣ, что въ бертинской лѣтописи, стр. 212, на-
званы «villae vassallorum», въ пистскомъ указѣ, ст. 8, «villae
hominum nostrorum»; часто встрѣчаемъ «beneficia, villae benefi-
ciales».

[4] Пистскій указъ, 864 годъ, ст. 8: «In omnibus villis tam
nostris indominicatis quam et in his quae sunt de comitatibus».—«Co-
mites qui nostra beneficia habere videntur», капитулярій 806 года,
6, стр. 131.—Въ бертинской лѣтописи говорится, что въ
869 году Карлъ Лысый предписалъ своимъ графамъ составить
списокъ бенефицієвъ его вассаловъ, а вассаламъ (vassi) составить
списокъ бенефицієвъ графовъ: «ut vassali dominici comitum bene-
ficia inbreviarent» (бертинская лѣтопись, 869 годъ, стр. 185).—
Три рода помѣстій упомянуто въ *praeceptum* Людовика Благоче-
стиваго 817 года, Bouquet, VI, 509: 1) «De proprio fisco nostro
perticas LXXXIV»; 2) «de fisco nostro quem Werinfredus in bene-
ficium habet perticas XCIX»; 3) «De fisco nostro quem Ruoculfus

доходовъ, но и всѣхъ живущихъ на этихъ земляхъ людей.

Для государственнаго чиновника не одно и то же, получаетъ ли онъ опредѣленное содержаніе отъ своего правительства, или самъ беретъ часть доходовъ этого правительства. Въ первомъ случаѣ зависимость его проявляется въ самомъ актѣ его вознагражденія. Во второмъ, онъ какъ бы ускользаетъ отъ такой зависимости. Земли, которыми онъ пользуется, какъ бы его земли. Осуществляя право постоя (*droit de gîte*), онъ дѣйствуетъ, какъ монархъ. Когда имъ взимаются штрафы, ни другіе люди, ни самъ онъ не различаютъ ясно, что одна часть представляетъ его жалованіе. Въ теоріи, ему платитъ король; въ реальной дѣйствительности кажется, что онъ приноситъ деньги королю. Видимымъ слѣдствіемъ такого способа вознагражденія было то, будто графы оказывались откупщиками. Конечно, такой порядокъ былъ далекъ отъ мысли Карла Великаго; но учрежденія не всегда совсѣмъ таковы, какими хотѣлось бы ихъ считать. Съ точки

comes in ministerium habet perticas XXXII».—Земли графа отмѣчены еще въ слѣдующей формулѣ каролингскаго времени (Zeumer, 289, Rozière, № 317): «Dedit ille episcopus de rebus ecclesiae suae, aut abbas ex rebus monasterii sui, aut comes ille ex comitatu suo aut beneficio suo».—*Codex Laureshamensis*, № 6, p. 16: «Hanc villam habuerunt in beneficio Wegelenzo pater Warini, et post eum Warinus comes filius eius in ministerium habuit ad opus regis, et post eum Bugolfus comes, quousque eam rex Carolus Sancto Nazario tradidit» (актъ 795 года).—«Berengarius comes dedit res ex beneficio suo, id est mansos centum» (дипломъ 825 года, Bouquet, VI, 547). Замѣтимъ, что графъ предоставляетъ свое пожалованіе на утвержденіе короля.

зрѣнія интересовъ, наиболѣе затрагивавшихъ его личность, графъ былъ родомъ арендатора, управлявшимъ графствомъ для короля и для себя. Отсюда не особенно далеко было до того, чтобы графъ превратился въ феодала.

3.

Викаріи, сотники, десятники.

Ниже графа, имѣвшаго, какъ мы видѣли, разнородныя обязанности и правившаго обширною областью, стояла цѣлая іерархія другихъ уполномоченныхъ и чиновниковъ. Документы IX вѣка обозначаютъ ихъ общими названіями *iudices* или *agentes publici* [1]. Они также, стоя ниже графа, представляли государственную власть, то-есть, власть короля.

Первыми среди нихъ были викаріи и сотники (*centenarii*). Трудно сказать, выдѣляютъ ли эти два термина двѣ категоріи должностныхъ лицъ. Нѣсколько текстовъ устанавливаютъ между ними пол-

[1] Въ каролингскую эпоху слово *iudices* обозначаетъ иногда всю совокупность должностныхъ лицъ, включая и графовъ: «Reclament ad nos vel nostros iudices» (письмо Карла Великаго къ Оффѣ, у Jaffe, 357). «A iudicibus nostris vindicentur» (капитулярій 789 года, ст. 67. Boretius, стр. 357). Но въ другихъ случаяхъ тотъ же терминъ *iudices* примѣняется болѣе спеціально къ чиновникамъ второго разряда, исключая графа. См. капитулярій 869 года, ст. 7, Boretius, стр. 149: «Neque comes neque iudex neque scabinus». *Capitulare Italicum*, 12, Boretius, 210: «Volumus ut comites et eorum iudices». Капитулярій 779 года, ст. 19, Boretius, 51: «Iudex comitis». Капитулярій 789 года, ст. 62, Boretius, 58: «Inter episcopos, abbates, comites, iudices».

ное сходство. Они употребляются то вмѣстѣ, какъ синонимы [1], то отдѣльно, но въ совершенно аналогичныхъ случаяхъ, точно ихъ можно было брать одинъ вмѣсто другого [2]. Не утверждая ничего, такъ какъ абсолютныхъ правилъ не было, скажемъ, что, по всей вѣроятности, викаріи и сотники были одними и тѣми же должностными лицами. Быть можетъ, ихъ называли въ одномъ мѣстѣ викаріями, въ другомъ сотниками. Быть можетъ, даже они носили въ нѣкоторыхъ мѣстахъ оба названія одновременно, при чемъ слово „сотникъ" указывало на территоріальный кругъ ихъ дѣйствія, а слово „викарій" на основной характеръ этого дѣйствія, состоявшій въ томъ, чтобы замѣнять графа [3].

[1] *Walafrid. Strabo*, De exordiis ecclesiae, c. 31: «Centenarii qui et centenariones vel vicarii». Капитулярій 805 года, ст. 12, Boretius, 124: «Vicarii et centenarii tollantur».—Капитулярій 810 года, ст. 3, Boretius, 153: «Ut ante vicarium et centenariam de proprietate aut libertate iudicium non terminetur».

[2] «Ut comites et centenarii ad omnem iustitiam faciendam...» (капитулярій 802 года, ст. 25, Boretius, 96). Ср. «ut comites et vicarii eorum legem sciant» (*capitulare incerti anni*, Boretius, 144, ст. 4).—Замѣтьте также, что предѣлы юрисдикціи сотника совершенно таковы, какъ у викарія; сравните капитуляріи у Boretius, 210 и 315.—Тождественность словъ *vicarius* и *centenarius* особенно ясно указана въ текстѣ *Walafrid. Strabo*: «Centenarii vel vicarii presbyteris plebium conferri queunt».—Дальше онъ говоритъ, что «decani» поставлены «sub ipsis vicariis», а въ слѣдующей фразѣ говоритъ о тѣхъ же «decani», что они «ministri centenariorum».

[3] Можно предположить, что въ наиболѣе значительныхъ сотняхъ *centenarius* прибавлялъ къ своему титулу терминъ *vicarius*. Всѣ подобныя предположенія одинаково вѣроятны. Достовѣрно одно, что въ документахъ не отмѣчено никакой существенной разницы между *vicarii* и *centenarii*.

Прежде всего можно установить, что въ каждомъ графствѣ было обыкновенно нѣсколько викаріевъ [1].

Затѣмъ можно установить, что викаріи не проживали около графа, какъ родъ совѣта. Каждый изъ нихъ имѣлъ свой округъ для управленія. Такъ какъ округомъ графа была территорія *civitas*, то этотъ округъ дѣлился на участки, сходные съ французскими кантонами, и въ каждомъ изъ нихъ жилъ викарій или сотникъ [2].

[1] Капитулярій 822 года, ст. 5, Boretius, 302: «Ante comitem vel vicarios eius». Мы не хотимъ сказать, чтобы это было безусловнымъ правиломъ. Были очень небольшія графства, особенно на сѣверо-востокѣ; въ нихъ могло быть по одному *vicarius*, даже не быть ихъ вовсе. Но въ такихъ графствахъ, какъ Овернь, Анжу, Буржъ, было по нѣсколько *vicarii*.

[2] Это видно изъ двухъ текстовъ, которые надо привести и пояснить: 1) *Hincmar*. Ad regem de coercendo raptu, c. 3, изд. Sirmond, II, 227, изд. Патрологіи, I, 1019: «Zelari debent, reges in regnis suis, regum comites in civitatibus suis, comitum vicarii in plebibus suis». Видно, что Гинкмаръ ставитъ здѣсь *vicarius* въ его *plebes*, какъ графа въ *civitas*, какъ короля въ королевствѣ. То, что на церковномъ языкѣ IX вѣка называлось *plebes*, было промежуточной единицей между епархіей и приходомъ; надъ церковной *plebes* стоялъ архипресвитеръ и крестильная церковь; соборъ 904 г., ст. 12: «Ut singulae plebes archipresbyterum qui sollicitudinem gerat eorum presbyterorum qui per minores titulos habitant».—Понтіонскій соборъ 876 года, ст. 11: «Ecclesiae baptismales quas plebes vocant».—2) *Walafrid. Strabo*, De exordiis ecclesiae, c. 31 устанавливаетъ длинную параллель между свѣтскими и духовными должностями. Онъ говоритъ сначала, что герцогъ соотвѣтствуетъ митрополиту, то-есть, что въ его округѣ есть нѣсколько епархій, графъ соотвѣтствуетъ епископу, то-есть, графство имѣетъ, по большей части, тотъ же размѣръ, какъ епархія и прежняя *civitas*. Затѣмъ, дойдя до *vicarii*, онъ выражается такъ: «Centenarii vel vicarii qui per pagos statuti sunt

Съ викаріями не слѣдуетъ смѣшивать виконта, *vicecomes*. Въ графствѣ былъ, по большей части, одинъ *vicecomes* [1]. Онъ не имѣлъ спеціальнаго округа. Онъ жилъ обыкновенно при графѣ и въ случаѣ его отсутствія замѣнялъ его [2]. Когда графъ отпра-

possunt conferri presbyteris plebium, qui baptismales ecclesias tenent et minoribus presbyteris praesunt» (*Patrologia*, CXIV, 964; ср. изд. Knoepfer). — Оба текста — Гинкмара и Валафрида — совершенно согласны; церковная *plebes* была территоріальнымъ дѣленіемъ, сходнымъ съ нынѣшнимъ «doyenné» во Франціи; это довольно большой округъ. Викарій или сотникъ былъ административнымъ главою этого округа, подобно тому, какъ архипресвитеръ духовнымъ его главою.

[1] Могутъ попадаться примѣры двухъ или трехъ *vicecomites* въ одномъ графствѣ; въ X вѣкѣ находимъ трехъ виконтовъ въ графствѣ Пуатье; но это рѣдкіе случаи, особенно въ IX вѣкѣ, тогда какъ многочисленность викаріевъ была обычнымъ правиломъ.—Различіе между *vicecomites* и *vicarii* хорошо указалъ *Sohm*, 513—519; ср. примѣчаніе *Molinier* у *Vaissette*, Hist. du Languedoc, I, 867 (нов. изд.).

[2] *Archives nationales*, Tardif, № 107: «Statuimus ut nullus comes vel vicecomes, aut vicarius vel centenarius, sive iudex publicus».— Капитулярій 864 года, ст. 14, Baluze, II, 179: «Habeat unusquisque comes vicecomitem suum cum duobus aliis hominibus».— Капитулярій 844 года, *pro Hispanis*, ст. 5, Baluze, II, 28: «Comitis aut vicecomitis, aut vicarii». — Судебный приговоръ 933 года въ Нарбоннѣ, *Vaissette*, изд. 1875 г. V, документы, 160: «Resonabat in ipso privilegio quod nullus comes, seu vicecomes, nec vicarius, nec centenarius»; въ грамотѣ стоитъ «signum Richildis vicecomitessae».—Слѣдующая грамота, *ibidem*, стр. 161, упоминаетъ о двухъ *vicecomites*, но неизвѣстно, къ какимъ графствамъ они принадлежатъ.—Судебный приговоръ 834 года въ Нарбоннѣ, Vaissette, II, preuves, col. 187: «Beneficio comitis vel vicecomitis».— Капитулярій 884 года, ст. 9, Pertz, I, 552: «Placuit nobis ut comes praecipiat suo vicecomiti suisque vicariis et centenariis».— Актъ 828 года, совершенный въ Дижонѣ (*Pérard*, 17): «Convenit inter Leotgis vicecomitem et Albericum episcopum».—Су-

влялся на войну или во дворецъ, или когда его задерживала за предѣлами области какая-нибудь важная обязанность [1], онъ оставлялъ въ графствѣ своего *vicecomes*. Даже въ обычное время онъ перелагалъ на него обязанность судить мелкія дѣла [2], либо посылалъ его для исполненія того или другого порученія въ графствѣ или внѣ графства [3].

дебный приговоръ въ Отенѣ, 816 года (*Perard*. 35—36): «Cum resedisset Theodericus comes in mallo publico... Signum Eligario vicecomite Gerbaudus vicarius subscripsit».— *Vicecomes* часто зовется *vicedominus*, особенно на югѣ. *Vaissette*, II, preuves, col. 64: «In iudicio Cixiliani vicedomini». Актъ 791 года, *ibidem*, col. 57—58: «Conditiones sacramentorum ex ordinatione Magnarii comitis de Narbona... Testes ostenderunt coram vicedomino a Magnario comite misso».

[1] Напримѣръ, въ письмахъ Агобарда, Bouquet, VI, 364: «Qui pagum Lugdunensem vice comitis regit».

[2] Два судебныхъ приговора въ Лангедокѣ, 834 и 858 года, совершены «ex ordinatione Stephani vicedomini, et ex ordinatione Richelmi vicecomitis»; трибуналъ состоялъ изъ восьми или девяти *iudices* подъ предсѣдательствомъ *vicecomes*, бывшаго, очевидно, представителемъ графа (*Vaissette*, II, preuves, col. 185 et 306).— *Walafrid. Strabo*, De exordiis, 31: «Minores causas determinant».— Судебный приговоръ въ Отенѣ, 816 года (Pérard, 36): «In Augustoduno civitate in mallo publico ante Blitgario vicecomite et plures scabinos».—Судебный приговоръ въ Вьеннѣ, 863 года (*d'Achery*, Spicilegium, XII, 154): «Veniens Witfradus ecclesiae S. Mauricii advocatus in praesentia domni Adonis Viennensis ecclesiae archiepiscopi et Erlulfi vicecomitis missi illustris Bosonis comitis vel iudicum qui ibi aderant». Дальше упоминаются два *vicarii*.

[3] Потому-то онъ и называется иногда «missus comitis».— *Capitulare Longobardorum*, 782, c. 6, Boretius, 192: «Illum distringat comis aut per missum suum aut per epistolam».—*Capitulare Aquisgranense*, 810, c. 2, Boretius, p. 153: «Ut... comites illorum missos transmittant». *Wallafrid. Strabo*, De exordiis, 31: «Comites quidam missos suos praeponunt secularibus qui minores causas de-

Ниже викаріевъ и сотниковъ стояли еще другіе государственные чиновники. Ихъ называли десятниками, *decani*[1]. Каждый изъ нихъ имѣлъ подъ собою небольшой округъ. Названія сотниковъ и десятниковъ не должны заставлять насъ предполагать численно точной группировки населенія по сто или по десяти семей. Ничего подобнаго правильно не существовало въ ту эпоху. Эти слова были лишь условными выраженіями и обозначали признакъ территоріальный, а не численный. Ничто не подтверждаетъ также, чтобы каждая сотня всегда содержала десять десятенъ. Сотникъ былъ начальникомъ довольно большого края. Ниже его нѣсколько десятниковъ управляли болѣе мелкими округами, состоявшими изъ крупнаго мѣстечка и нѣсколькихъ деревень[2].

terminant, ipsis maiora reservent».—Хартулярій св. Виктора марсельскаго № 291, около 814 года: «Descriptio mancipiorum villae quae facta est temporibus viri illustris Eldeberto comite per suo misso Nortaldo vicedomino».—*Sohm* напрасно отождествляетъ всегда *missus comitis* съ *vicecomes*; что бы онъ ни говорилъ, одинъ графъ могъ имѣть нѣсколько *missi*: «Tam cum comite suo quam cum missis eius» (*praeceptum pro Hispanis*, 815, c. 5).

[1] *Walafrid. Strabo*, De exordiis, 31: «Decuriones vel decani qui sub ipsis vicariis quaedam minora exercent».—Писатель сравниваетъ ихъ съ приходскими священниками, «presbyteris titulorum possunt comparari».

[2] *Formulae Senonenses*, 11, Zeumer, 217, Rozière, № 667: «Ducibus, comitibus, vigariis, centenariis et decanis». *Formulae Lindenbrogianae*, 17, Zeumer, 278.—См. еще формулы испытанія раскаленнымъ желѣзомъ у Zeumer, 616: «Sigillet decanus manum eius», а въ другой подобной формулѣ (Zeumer, 614), говорится: «Fiat involuta manus sub sigillo iudicis». Слѣдовательно, *decanus* считался въ числѣ *iudices*.—Не слѣдуетъ смѣшивать *decani*—государственныхъ чиновниковъ, съ *decani* большихъ частныхъ помѣстій (см. *capitulare de villis*, 10 и 58), или съ монастырскими *decani* (формулы Rozière, №№ 330 § 2, 351, 361 § 2, 397 etc.).—*Decani*—государственные чиновники рѣдко встрѣчаются въ капитуляріяхъ; а именно, нахожу ихъ въ *capitulare Italicum* 793 года (Baluze, I, 543), но они подразумѣваются въ общемъ названіи «vel ceteris agentibus» или «ministerialibus nostris».

Въ самыхъ деревняхъ не было представителей государственной власти, такъ какъ деревни являлись тогда, по большей части, частнымъ владѣніемъ; онѣ подчинялись помѣщику или его прикащику.

Существовали мелкія должностныя лица и ниже десятниковъ. Ихъ упоминаетъ одинъ писатель, современникъ Людовика Благочестиваго. Но они не имѣли достаточнаго значенія, чтобы о нихъ говорилось въ оффиціальныхъ актахъ[1].

Виконты, викаріи, сотники, десятники не имѣли отдѣльныхъ и опредѣленныхъ функцій; имъ принадлежали всѣ функціи графа, но въ меньшемъ округѣ. Каждый изъ нихъ былъ правителемъ, судьей, главой полиціи[2], и, въ случаѣ надобности, начальникомъ надъ военнымъ отрядомъ. Чаще всего упо-

[1] *Walafrid. Strabo*, De exordiis, 31: «Sub ipsis ministris centenariorum sunt adhuc minores qui collectarii, quaterniones, duumviri possint appellari, quia colligunt populum et ipso numero ostendunt se decani minores». Онъ сравниваетъ ихъ съ діаконами и подъ-діаконами. Онъ называетъ еще «questionarii, id est qui reos examinant», затѣмъ «veredarii», «commentarienses», «exhibitores».—Замѣтьте, что терминъ «capitanei», встрѣчающійся въ IX вѣкѣ, не есть названіе должностного лица, а просто прилагательное: «Omnes fideles nostri capitanei», Boretius, 135; Ср. лоршскіе анналы у Bouquet, V, 44.

[2] Капитулярій 801—813 годовъ, Boretius, 173: «Ut comites in suo comitatu carcerem habeant et... vicarii patibulos habeant».

минаются въ документахъ судебныя ихъ функціи [1]. Видно, что суды въ округахъ (или *mall*) производятся ими, но судъ ведется такъ, какъ бы въ немъ предсѣдательствовалъ графъ. Видно, что они разбираютъ гражданскія тяжбы такъ же, какъ уголовные процессы. Но надо замѣтить, что имъ не подсудны наиболѣе значительныя дѣла. Въ гражданской области ихъ вѣдѣнію не подлежатъ вопросы земельной собственности или состоянія личностей, въ уголовной—они не судятъ ни за убійство, ни за поджогъ [2]. Здѣсь уже замѣтно различіе между высшей и средней юстиціей, которое будетъ наблюдаться въ теченіе всего средневѣковья.

[1] Капитулярій 805 года, Boretius, 124, ст. 12: «Vicedomini, vicarii et centenarii sciant et velint iuste causas discernere et terminare». —*Hincmar*. Epistolae, IV, 15: «Comites et vicarii vel etiam decani plurima placita constituunt».—*Formulae codicis S. Emmerammi*, Zeumer, 463: «In illa civitate, in mallo publico, ante illo vicario».—*Formulae Bignonianae*, Zeumer, 230, Rozière, № 46c: «Cum resedisset inluster vir ille vicarius illo comite (illius comitis)».—Хартулярій св. Виктора въ Марсели, № 26, судебный приговоръ, постановленный въ 845 году «ante Ratbertum vicarium».—Капитулярій 811 года, с. 4, Boretius, 176: «In placito centenarii».—*Ibidem*, Boretius. 171, с. 8: «De placito comitis vel vicarii».

[2] Капитулярій 814 года, Boretius, 315: «Omnis controversia coram centenario definiri potest, excepto redditione terrae et mancipiorum quae nonnisi coram comite fieri potest».—*Boretius*, 210, с. 14: «Ut ante vicarios nulla criminalis actio diffiniatur nisi tantum leviores causae».—Замѣтимъ однако, что нѣсколько упомянутыхъ въ предыдущемъ примѣчаніи судебныхъ приговоровъ расходятся съ этими капитуляріями. Законъ и практика не вполнѣ совпадали. Это противорѣчитъ также, повидимому, слѣдующей статьѣ капитулярія: «Ut comites, unusquisque in suo comitatu, carcerem habeant, et iudices et vicarii patibulos habeant» (*Boretius*, 171, с. 11).

Сдѣланный нами перечень всѣхъ разрядовъ королевскихъ чиновниковъ показываетъ, что въ каролингскую эпоху составъ служащихъ въ администраціи былъ многочисленнѣе, чѣмъ въ какую-либо изъ предшествовавшихъ эпохъ, и іерархія королевскихъ чиновниковъ глубоко проникала въ населеніе. Любопытно, что это развитіе сѣти чиновниковъ произошло именно наканунѣ того дня, когда восторжествуетъ надъ государствомъ феодальный строй.

Близко изучая административную систему каролингской монархіи, замѣчаемъ въ ней нѣкоторыя особенности или нѣкоторыя подробности ея устройства, которыя отчасти объясняютъ торжество феодализма, или которыя, по крайней мѣрѣ, ему способствовали.

Прежде всего, бросается въ глаза при чтеніи документовъ, что внутри каждаго графства длинная іерархія низшихъ чиновниковъ, повидимому, больше зависитъ отъ графа, чѣмъ отъ короля. Правда, въ оффиціальныхъ актахъ король считаетъ ихъ всѣхъ своими чиновниками: *comitibus, vicariis, centenariis et reliquis agentibus nostris*. Онъ относитъ ихъ къ числу *ministri reipublicae* [1]. Служба ихъ, безъ всякаго сомнѣнія,—королевская служба [2]. Но вмѣстѣ съ тѣмъ они почти всегда характеризуются такъ, будто они не слуги короля, а слуги графа.

[1] «Vicariis atque centenariis ac reliquis ministris reipublicae», капитулярій Карломана, ст. 9, 884, Pertz, I, 552.

[2] «Ministerium nostrum amittant», говоритъ король о викаріяхъ. См. вормсскій капитулярій 829 года, часть 2, ст. 15, Walter, II, 384 [Krause, 17].

Они именуются подчиненными графа, *iuniores comitis*, чиновниками графа, *ministri comitis* [1]. Они дѣйствуютъ не какъ викаріи или сотники короля, а какъ викаріи или сотники графа [2]. Графъ отдаетъ имъ приказанія; черезъ графа до нихъ доходятъ королевскія инструкціи [3]. Они лишь

[1] «Sive ad vos ipsos», говоритъ Карлъ Великій, обращаясь къ графамъ, «sive ad iuniores vestros» (*capitula ad comites directa*, Boretius, 184, c. 2). Замѣтимъ, что терминъ *iuniores* не обозначаетъ людей, находящихся подъ управленіемъ графа; о нихъ говорили *pagenses*.—*Iuniores* значитъ низшіе чиновники; *iunior* на языкѣ эпохи—низшій, какъ *senior*—высшій.—«Neque a comite neque a iunioribus et ministerialibus eius» (*praeceptum pro Hispanis*, 815, c. 1, Boretius, 262).—«Per comitem ac ministros eius», капитуляій 818 года, ст. 11, Boretius, 282).—«A comite aut a ministris eius» (*capitulare Lotharii*, 822 г. c. 18, Boretius, 319).—Шалонскій соборъ 813 года (Sirmond, II 312): «Ministros comitum quos vicarios et centenarios vocant».—Капитулярій 818 года, ст. 6, стр. 281: «Per comitem aut per missum eius».

[2] «Vicarii comitum» (*Hincmar*. l. c.).—«Iussione comitis vel vicarii aut centenarii sui» (капитулярій у Boretius, 137).—«Ut comites et vicarii eorum» (капитулярій 814 года, ст. 4, Boretius, 144). — «Comites et eorum centenarii» (капитулярій 811 года, ст. 2, Boretius, 165).—«Centenarium comitis» (капитулярій 819 года, ст. 19, 290).—«Ante comitem vel vicarios eius» (капитулярій 822 года, ст. 5, Boretius, 302).—«Comites per vicarios et officiales suos» (сенъ-галленскій монахъ, I, 30).—«Ante Ratbertum vicarium de Adalberto comite» (вмѣсто «Adalberti comitis»); см. хартулярій монастыря Св. Виктора, № 26.—«Habeat unusquisque comes vicarios et centenarios suos secum» (капитулярій 825 года, ст. 4, Pertz, I, 247).—«Dum Sturmio comes cum suos iudices» (актъ 834 года у *dom Vaissette*, II, preuves, col. 186).

[3] Капитулярій 814 года, ст. 9, Pertz, I, 552: «Ut comes praecipiat suo vicecomiti suisque vicariis atque centenariis». — *Ibidem*: «Ut ministri comitis habeant auctoritatem nostram et sui comitis».

какъ бы опосредствованнымъ образомъ чиновники короля [1].

Еще замѣтнѣе такое положеніе выдвигалось потому, что рядомъ съ ними стояли другіе люди съ такими же званіями викаріевъ, видамовъ, сотниковъ, которые были въ самомъ дѣлѣ повѣренными епископовъ или аббатовъ, какъ частныхъ лицъ [2]. На практикѣ, повидимому, не очень хорошо отличали однихъ отъ другихъ. Въ однихъ видѣли уполномоченныхъ графа, въ другихъ—уполномоченныхъ епископа. Въ фигурѣ этихъ низшихъ чиновниковъ стирался характеръ представителей государственной власти.

У насъ есть формула письма графа къ викарію, и мы можемъ въ ней видѣть, какимъ тономъ старшій говорилъ младшему [3]. „Знай, что мы требуемъ отъ тебя, чтобы къ ввѣренной тебѣ нами должности ты относился съ полнымъ усердіемъ и съ большимъ вниманіемъ... Въ судебныхъ дѣлахъ, которыя будутъ поступать къ тебѣ въ твоемъ округѣ, производи слѣдствіе и разбирай ихъ, какъ бы то дѣлалъ я самъ, не смущаясь и не останавливаясь ничѣмъ, и не принимай подарковъ. Блюди

[1] Это не абсолютное правило. Мы видимъ, что въ 807 году Карлъ Великій даетъ викаріямъ инструкціи, если не непосредственно, то, по крайней мѣрѣ, черезъ *missi*: «Hoc unusquisque vicarius in suo ministerio una cum missis nostris praevideat» (*Boretius*, 136, ст. 4).

[2] Капитулярій 802 года, ст. 12, Boretius, 93: «Ut episcopi, abbates, abbatissae advocatos atque vicedominos centenariosque legem scientes et iustitiam diligentes habeant».

[3] *Formulae Merkelianae*, 51 (Zeumer, 259, Rozière, № 886). Вайтцъ думаетъ, что это формула эпохи Карла Великаго.

о томъ, чтобы не выказать нерадѣнія, и прояви усердіе, если хочешь заслужить нашу благосклонность"[1]. Это языкъ начальника, держащаго подчиненнаго въ полномъ своемъ распоряженіи.

Важно было бы достовѣрно знать, кѣмъ назначались сотники и десятники. Нѣкоторые новѣйшіе ученые, увлеченные мыслью, что народныя вольности должны были быть очень сильны въ ту эпоху, утверждали, что ихъ выбирало населеніе. Имъ казалось, что сотника должно было назначать собраніе свободныхъ людей сотни, десятника такая же сходка въ десятнѣ.

Но въ документахъ нѣтъ упоминанія о такого рода собраніяхъ. Если въ нихъ часто говорится объ общихъ собраніяхъ, то нѣтъ никакихъ указаній на мѣстныя. Капитуляріи, устанавливающіе порядки, практиковавшіеся въ различныхъ сферахъ администраціи, не содержатъ никакихъ постановленій относительно такихъ собраній, не даютъ миссамъ никакихъ инструкцій, которыя бы ихъ касались, не намекаютъ нигдѣ на то, чтобы они созывались, на права, какими они бы пользовались.

Мнѣніе, о которомъ мы говоримъ, опирается лишь на два поверхностно наблюденныхъ текста.

Первый изъ нихъ—слова Карла Великаго. Онъ говоритъ въ одномъ мѣстѣ, что „тамъ, гдѣ окажутся плохіе видамы, викаріи или сотники, ихъ надо будетъ

[1] Послѣднія слова письма, «si gratiam nostram velis habere», тѣ самыя, которыми пользовался, говоря съ своими чиновниками, король (*Marculf.* I, 11). Любопытно, что графъ не говоритъ—«если хотите заслужить благосклонность короля», а—«если хотите заслужить мою благосклонность».

отставить и выбрать лучшихъ"[1]. Такъ какъ Карлъ Великій употребляетъ въ этой фразѣ слово *eligantur*, то отсюда сейчасъ же былъ сдѣланъ выводъ, что рѣчь идетъ объ избраніи его голосами созваннаго народа. Но не обратили вниманія, что слово *eligere* вовсе не значило „избирать" (какъ французское *élire*). Возьмите и классическую латынь, вы не найдете въ ея авторахъ такого значенія этого слова. Когда Цицеронъ употребляетъ слово *eligere*, онъ хочетъ говорить о личномъ выборѣ, а не о коллективномъ избраніи[2]; когда онъ хочетъ говорить объ избраніи, онъ употребляетъ другія выраженія. То же самое наблюдается и въ средневѣковомъ языкѣ. Слово *eligere* встрѣчается чрезвычайно часто; но присмотритесь къ его употребленію, и вы признаете, что тогда не вкладывали въ это слово того понятія, какое мы теперь связываемъ со словомъ *élire*, со словомъ *élection*[3]. Мы много

[1] Тіонвильскій капитулярій 805 года, ст. 12, Boretius, 124: «Ut pravi advocati, vicedomini, vicarii et centenarii tollantur, et tales eligantur quales et sciant et velint iuste causas discernere». Сравните съ этимъ статью другого капитулярія неизвѣстнаго года (Boretius, 141): «Ubicumque inveniuntur vicarii aliquid mali consentientes vel facientes, ipsos eicere et meliores ponere iubemus».

[2] Примѣры: «Facere alicui potestatem optionemque ut eligat utrum velit» (*Divinatio in Caecilium*, c. 14).—«Permitto ut de tribus Antoniis eligas quem velis» (*Philippic.* X, 2).—«Ex malis eligere minime oportet» (*De officiis*, III, 1).—«Sunt firm iet constantes amici eligendi» (*De amicitia*, 17).

[3] Когда въ тѣ времена хотѣли говорить объ избраніи, прибавляли *a populo*. Такъ, напримѣръ, епископовъ избирали по настоящему и о нихъ говорили: *eligantur a clero et a populo*. Но слово «eligere» въ отдѣльности не имѣло того значенія. Чтобы въ подобныхъ терминахъ выражалась идея избранія, было необходимо ря-

разъ читаемъ, что епископъ назначаетъ архидіакона или архіпресвитера, *eligit*. Самъ епископъ назначенъ королемъ, *a rege electus* [1]. Когда какой-нибудь человѣкъ мѣняетъ мірскую жизнь на монашескую, говорится — *eligit monachum fieri*; это выраженіе встрѣчается почти во всѣхъ житіяхъ святыхъ [2]. Самъ Карлъ Великій двадцать разъ употребляетъ его въ такихъ случаяхъ, когда видно, что не происходило никакого избранія [3], когда, напримѣръ, онъ говоритъ, что въ тяжбѣ обвинитель долженъ выбирать себѣ свидѣтелей, *testes eligere* [4]. Онъ

домъ ставить слово *populus*: «Episcopi per electionem cleri et populi» (капитулярій 818 года, ст. 2, Boretius, 276). Ясно, что когда читаемъ,—«monachi eligunt abbatem, populus eligit episcopum», мы можемъ перевести *eligere*—«избирать»; въ сущности оно и тутъ значитъ въ болѣе общемъ смыслѣ «вы-брать» (предпочесть, отличить), и мы равнымъ образомъ могли бы перевести: монахи намѣтили, выбрали себѣ аббата и т. д.; но можемъ также сказать—«избрали», потому что здѣсь обнаруживается коллективно дѣйствующая группа людей.

[1] «Leobinum a rege electum», *Vita S. Leobini*, 14, Bouquet, III, 431.—«Per electionem reginae ad episcopatum accessit Dinifius» (*Gregor. Turonensis*, Historia Francorum, X, 31, § 11).

[2] Добавьте слѣдующую статью капитулярія, гдѣ самъ Карлъ Великій говоритъ объ оставляющихъ міръ: «De relinquentibus seculum, ut unum e duobus eligant, aut secundum canonicam aut secundum regularem institutionem vivere» (*Boretius*, 122); немного дальше: «Ut puellulae non velentur antequam elegere sciant quid velint».—Ср. капитулярій 819 года, ст. 21, 278: «Feminae id quod eligere debent eligant».

[3] Капитулярій 794 года, ст. 9, Boretius, 75: «Episcopus elegit ut suus homo ad Dei iudicium iret».—Рѣчь идетъ о епископѣ, который, будучи обвиненъ въ преступленіи, предпочитаетъ судебный поединокъ клятвѣ.

[4] Капитулярій 805 года, ст. 11, Boretius, 124: «Accusatorem liceat testes eligere... De ipso pago testes elegantur».

употребляетъ его, чтобы назвать актъ назначенія, сдѣланнаго однимъ человѣкомъ, высшимъ начальникомъ, государемъ. Онъ употребляетъ его, когда миссы сами выбираютъ и назначаютъ другихъ низшихъ должностныхъ лицъ [1]. Та самая статья въ капитуляріяхъ, въ которой Карлъ Великій говоритъ, что „дурные сотники должны быть отставлены и на ихъ мѣсто выбраны лучшіе“, составляетъ часть инструкціи, обращенной не къ народу, а къ *missi* [2].

Второй текстъ, на который ссылаются по данному вопросу, это статья капитулярія 809 года, въ которой также стоитъ слово *eligere* [3]. Здѣсь упускаютъ изъ вида, что рѣчь идетъ о „видамахъ“, о *praepositi*, *advocati* или о повѣренныхъ, то-есть, о чиновникахъ епископовъ или аббатовъ, а не о королевскихъ чиновникахъ, которыхъ называли викаріями, сотниками или десятниками [4]. Эта статья, обнародованная въ 809 году, повторяетъ подобную же, написанную въ 802 году, въ которой Карлъ Великій предписалъ, „чтобы епископы,

[1] Капитулярій 803 года, ст. 3, Boretius, стр. 115: «Ut missi nostri scabinos, advocatos, notarios per singula loca elegant».— Капитулярій 819 года, ст. 8, стр. 288. «Volumus ut missi nostri homines eligant quorum curae sit pontes emendare».

[2] *Capitulare missorum in Theodonis villa datum*, Boretius, 120—122.

[3] Капитулярій 809 года, ст. 22, Boretius, 151: «Ut vicedomini, prepositi advocati, boni et veraces et mansueti cum comite et populo eligentur».

[4] Правда, въ двухъ рукописяхъ, именно въ № 9654 (парижская рукопись folio 22), добавлены два слова: *iudices* и *centenarii*. Но уполномоченные епископовъ назывались также *iudices*; у епископовъ были даже *centenarii*.

аббаты и аббатиссы выбирали такихъ видамовъ, адвокатовъ и сотниковъ, которые обладали бы знаніемъ законовъ и любовью къ правосудію" [1].—Итакъ, когда императоръ пользуется здѣсь словомъ *eligantur*, то быть не можетъ, чтобы онъ думалъ о народномъ избраніи; ибо намъ хорошо извѣстно, что въ церковныхъ помѣстьяхъ, въ которыхъ нормы зависимости носили частноправовой характеръ, населеніемъ не производилось никакихъ выборовъ, и видамы, повѣренные или *praepositi* „выбирались" епископомъ, аббатомъ или аббатиссой. Капитулярій Карла Великаго никоимъ образомъ не мѣняетъ такого способа назначенія. Король только рекомендуетъ духовнымъ сановникамъ дѣлать хорошій выборъ. Онъ добавляетъ еще предосторожность, что назначенія, которыя будетъ осуществлять епископъ, аббаты, или аббатассы, должны будутъ совершаться при графѣ и публично *cum comite et populo* [2]. Но онъ вовсе не хочетъ сказать, что видамы и *praepositi* должны избираться „графомъ и народомъ", ибо это не имѣло бы никакого смысла [1]. Точно такъ же, когда Гинкмаръ говоритъ о совѣтникахъ Карла Великаго *eligebantur* [2], онъ не хочетъ сказать, что они избирались народомъ: они выбирались императоромъ.

[1] Капитулярій 802 года, ст. 13, Boretius, 93: «Ut episcopi, abbates atque abbatissae advocatos atque vicedominos centenariosque legem scientes et iustitiam diligentes et mansuetos habeant».—Дальше онъ добавляетъ *praepositi*: «Neque praepositos neque advocatos damnosos et cupidos in monasteria habere volumus».—Замѣтьте, что въ послѣдней фразѣ слово «habere» употреблено въ томъ смыслѣ, какой мы придаемъ выраженію «имѣется», и фраза должна быть переведена такъ: «Мы не хотимъ, чтобы въ аббатствахъ имѣлись злонамѣренные или продажные управители или повѣренные».

[2] На языкѣ VIII и IX вѣковъ *cum* часто имѣетъ значеніе *coram*.—То же предписаніе Карла Великаго выражено въ другомъ капитуляріи такъ: «Volumus ut advocati in presentia comitis eligantur» (*capitulare Italicum*, Boretius, 210, c. 11); и еще: «Volumus ut episcopus una cum comite suo advocatum eligat» (*ibidem*, 822, стр. 319, ст. 9).

Можно быть увѣреннымъ, что нѣтъ ни одного текста VIII или IX вѣка, изъ котораго бы выяснялось, что викаріи, сотники и десятники были выбираемыми населеніемъ должностными лицами. Если бы они были выборными, короли не называли бы ихъ „нашими повѣренными" или „повѣренными гра-

[1] У *Beauchet*, стр. 222, нахожу еще другой текстъ, который будто бы защищаетъ опровергаемую теорію, а именно слѣдующій: «Ut iudices, advocati, praepositi, centenarii, scabinii, quales meliores inveniri possunt et Deum timentes, constituantur ad sua munera exercenda cum comite et populo elegantur mansueti et boni» (капитулярій 809 года, ст. 11, Pertz, I, 156, ср. Boretius, 149).—Но слѣдовало бы замѣтить, что во всѣхъ рукописяхъ, за исключеніемъ одной, фраза останавливается на словѣ *exercenda*, и поэтому въ ней нѣтъ рѣчи ни о графѣ, ни о народѣ, ни о какомъ-нибудь родѣ избранія. Единственная рукопись, въ которой читаются слѣдующія дальше слова, это парижская рукопись № 4995, folio 35; но надо замѣтить, что въ этой рукописи соединено два капитулярія, стоящія въ изданіи Boretius подъ №№ 61 62; въ ней смѣшаны въ одной статьѣ, статья 11-я перваго капитулярія и 12-я второго.—Вся система *Beauchet*, построенная на этомъ текстѣ, ошибочна. Когда онъ присовокупляетъ, что «участіе народа въ избраніи сотниковъ кажется ему согласнымъ съ духомъ каролингскаго законодательства, стремившимся къ возстановленію старыхъ франкскихъ учрежденій», онъ высказываетъ гипотезу, въ подтвержденіе которой ему было бы трудно представить какой-нибудь текстъ или фактъ.

[2] *Hincmar*. De ordine palatii, 31.

фовъ“ [1]. Если бы они были выборными, то капитуляріи упоминали бы о мѣстныхъ собраніяхъ. Въ нихъ говорится о гораздо менѣе важныхъ предметахъ, чѣмъ созваніе такихъ собраній или злоупотребленія, которыя могли на нихъ происходить.

Впрочемъ, если нельзя допустить, чтобы викаріи и сотники избирались народомъ, то не подтверждается и то, чтобы они назначались королемъ. Не говоря о томъ, что писатели и формулы не даютъ ни одного положительнаго примѣра назначенія королемъ сотника, приведенные нами капитуляріи показываютъ обратно, что эти чиновники не выбирались королемъ.

Назначеніе ихъ принадлежало графу. Это выясняется изъ нѣсколькихъ документовъ. Когда графъ пишетъ своему викарію, онъ напоминаетъ ему, что это онъ „ввѣрилъ ему такую должность“ [2]. На соборѣ 813 года епископы рекомендуютъ графамъ не только быть самимъ справедливыми, но и „назначать себѣ въ повѣренные, то-есть, въ викаріи и сотники, также лишь справедливыхъ людей“. Это совѣтъ, который бы они не стали давать графамъ, если бы графы не сами выбирали своихъ чиновниковъ [3]. Въ 858 году Гинкмаръ

[1] Не говорили бы «сотникъ графа», *centenarius comitis*, какъ въ капитуляріи 819 года, ст. 19, стр. 290, или какъ въ капитуляріи 811 года, ст. 2, стр. 165: *comites et eorum centenarii*.

[2] *Formulae Merkelianae*, 51: «Mandamus tibi de tuo ministerio quod tibi commendavimus».

[3] Шалонскій соборъ 813 года, ст. 21; Mansi, 98; Sirmond, II, 312: «Comitibus hoc summopere observandum est ut iuste iudicent et nequaquam in iudicio munera seu personas accipiant. Sed

пишетъ одному изъ королей отъ имени нѣсколькихъ епископовъ: „Ставьте такихъ графовъ и такихъ государственныхъ чиновниковъ, которые бы не искали подарковъ и не притѣсняли людей управляемыхъ. Пусть графы въ свою очередь назначаютъ любящихъ правосудіе и слѣдующихъ ихъ собственному примѣру чиновниковъ“ [1]. Тутъ ясно видно, что выборъ низшихъ служащихъ принадлежалъ графу, такъ же какъ выборъ графа — королю [2].

Итакъ, можно принять за достовѣрное, что виконты, викаріи, сотники и десятники не избирались населеніемъ и не выбирались королемъ. Ихъ назначалъ графъ. Но это не значитъ, что

et ministros, quos vicarios et centenarios vocant, iustos habere debent; ne forte eorum avaritia aut rapacitate populus gravetur».

[1] *Hincmar*. Epistola ad regem Ludovicum, edit. Sirmond, II, 137, Patrologia, II, col. 19—20: «Constituite ministros palatii qui Deum cognoscant, qui maximam curam gerant... Constituite comites et ministros reipublicae qui non diligant munera, qui odiant avaritiam, qui detestentur superbiam, qui non opprimant neque dehonestent pagenses, qui messes et vineas et prata ac silvas eorum nequaquam devastent, qui eorum pecora vel friskingas non praedentur... Ipsi comites similiter, quantum potuerint, similes sibi timentes Deum et iustitiam diligentes per se ministros constituant, qui, sicut seniores suos benignos et affabiles pagensibus suis viderint, et ipsi pro modulo suo illos imitari certent».

[2] Добавимъ капитулярій 802 года, ст. 25, Boretius, 96: «Ut comites et centenarii... iuniores tales in ministeriis suis habeant in quibus securi confident, qui legem atque iustitiam observent» etc.—Относительно *vicecomes* одно письмо Агобарда доказываетъ, что онъ выбирался графомъ; архіепископъ ліонскій хвалитъ «своего графа Бертмунда» «qui bene *habeat ordinatum* de iustitiis comitatum suum et qui *talem virum pro se constituerit* qui propter amorem et timorem senioris sui haec strenue gerat» (Bouquet, VI, 360).

въ теоріи они не были настоящими королевскими чиновниками. Не подлежитъ сомнѣнію, что король имѣлъ власть назначать ихъ. Но онъ сложилъ съ себя эту заботу, не думая о послѣдствіяхъ, или же графы безъ труда захватили эту прерогативу.

Такъ становятся понятны инструкціи, которыя Карлъ Великій давалъ миссамъ въ 805 и 809 годахъ. Разъ король имѣетъ полное право надзора за всѣми этими чиновниками, онъ хочетъ, чтобы его *missi* убѣждались въ ихъ способностяхъ и поведеніи. „Тамъ, гдѣ ихъ найдутъ неспособными и худыми, мы хотимъ, чтобы они были отставлены (*tollantur*) и на ихъ мѣсто были выбраны лучшіе (*eligantur*) [1]. Отставлены, кѣмъ? Очевидно „посланцемъ“ (*a misso*). Выбраны, кѣмъ? Вѣроятно, имъ же; это даже опредѣленно высказано въ двухъ рукописяхъ: „Наши *missi* должны поставить на ихъ мѣсто лучшихъ“ [2]. Было бы ошибкою дѣлать отсюда выводъ, что назначеніе сотниковъ нормально принадлежало королевскому *missus*. Оно принадлежало ему лишь въ исключительныхъ случаяхъ. Подобно тому, какъ онъ могъ отмѣнять дѣйствія графовъ, онъ могъ также отставлять назначенныхъ ими чиновниковъ, и, если они не соглашались выбрать лучшаго, то сдѣлать этотъ выборъ самому.

Обыкновенно всѣхъ низшихъ чиновниковъ выбиралъ графъ, одинъ онъ только назначался ко-

[1] *Capitularia*, edit. Boretius, 124, ст. 12.

[2] «Ubi mali inventi fuerint, a missis nostris mittantur meliores». Такъ гласитъ парижскій манускриптъ № 9654 и *Vaticanus* 582.—Ср. капитулярій 803 года, ст. 3, Boretius, 115: «Ut missi nostri scabinios, advocatos, notarios per singula loca elegant».

ролемъ. Повидимому, графъ имѣлъ даже право отставлять ихъ отъ должностей. Когда онъ пишетъ своему викарію: „ревностно исполняй ввѣренную тебѣ нами службу... и остерегайся выказать въ ней нерадѣніе, если хочешь заслужить нашу благосклонность“,—такъ и кажется, что въ этихъ словахъ заключается угроза отставкою.

Итакъ, графъ являлся повелителемъ надъ всѣми государственными чиновниками въ области. Его всемогущество ограничивалось лишь ежегоднымъ контролемъ королевскаго *missus*. Но если придетъ день, что институтъ *missi* упразднится или станетъ безсильнымъ, то, очевидно, графъ сдѣлается неограниченнымъ распорядителемъ въ своемъ графствѣ. Рядомъ съ нимъ нѣтъ мѣстнаго собранія, которое бы контролировало его дѣйствія. Нѣтъ ничего похожаго на провинціальный совѣтъ римской имперіи, на современный французскій *conseil général*. Власть графа, не ограниченная по закону мѣстными собраніями, не ослаблялась даже на практикѣ присутствіемъ низшихъ чиновниковъ, которыхъ бы назначала верховная власть непосредственно. Всѣ, и населеніе, и чиновники, зависѣли отъ него одного и находились въ его власти. Графъ зависѣлъ отъ короля, но въ своемъ графствѣ онъ самъ оказывался королемъ.

Запомнимъ эти факты въ интересахъ будущихъ нашихъ изслѣдованій. Въ самомъ дѣлѣ, довольно будетъ того, чтобы узы, связывавшія графа съ королемъ порвались, или только ослабѣли, и графъ сдѣлается независимымъ феодаломъ, причемъ въ графствѣ ничто не измѣнится. Ни мѣстное насе-

леніе, ни персоналъ чиновниковъ не послужатъ препятствіемъ для совершенія такого процесса.

Итакъ, каролингская администрація, при всемъ монархизмѣ ея принциповъ, заключала въ себѣ задатки, которые будутъ способствовать образованію феодальнаго строя. Іерархія герцоговъ, графовъ, виконтовъ, викаріевъ, сотниковъ и десятниковъ будетъ наблюдаться какъ основа этого строя. Правда, нѣкоторыя изъ указанныхъ званій, какъ слишкомъ скромныя, исчезнутъ, но останутся герцоги, графы, виконты, появятся „шателэны“, бароны. Такой іерархіи чиновъ будетъ соотвѣтствовать цѣлая лѣстница фьефовъ и арьеръ-фьефовъ. Ученые, говорившіе, что феодализмъ былъ войскомъ, которое водворилось въ странѣ и подѣлило территорію, сохраняя своихъ „генераловъ“, своихъ „полковниковъ“, „капитановъ“ и „солдатъ“, высказали чистый домыселъ, то-есть, отвлеченную идею, никогда не обладавшую никакою реальностью. Феодальная іерархія не что иное, какъ административная іерархія Карла Великаго съ нѣкоторыми, лишь небольшими измѣненіями. При Карлѣ Великомъ она повиновалась королю, потомъ она перестала повиноваться, и такъ установилась феодальная система. Административная іерархія явилась какъ бы основой или остовомъ этой системы.

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ.

Законодательная власть и составленіе законовъ [1].

[Таковы были органы, при помощи которыхъ управлялъ каролингскій король. Разсмотримъ теперь, какова была широта принадлежавшихъ ему правъ, какъ онъ осуществлялъ ихъ, и какія повинности лежали на населеніи.

Прежде всего, возникаетъ вопросъ, въ какой мѣрѣ обладали Каролинги законодательною властью всецѣло принадлежавшей меровингскимъ королямъ такъ же, какъ римскимъ императорамъ?]

Внукъ Карла Великаго какъ бы формулировалъ въ одномъ изъ своихъ капитуляріевъ слѣдующій тезисъ: „*Lex consensu populi fit et constitutione regis*“ [2]. Означаютъ ли эти слова Карла Лысаго, какъ можетъ казаться по первому впечатлѣнію, что право творить законы принадлежало въ IX вѣкѣ народу? Означаютъ ли они, по крайней мѣрѣ, что это право раздѣлялось между королемъ и народомъ? Таковъ вопросъ, который мы здѣсь задаемся цѣлью выяснить. Ясно, что для его рѣшенія недостаточно будетъ изслѣдовать приведенную фразу въ ея отдѣльности; ее надо будетъ изучить въ контекстѣ. Недостаточно будетъ и этого: необходимо предварительно пересмотрѣть различные документы каролингской эпохи, которые могутъ освѣдомить насъ относи-

[1] [См. «Revue historique», III, 3 и слѣд.].

[2] Пистскій указъ, 864 года, гл. 6, Pertz, Leges, I, 489, и *Baluze*, Capitulaires, II, col. 177.

тельно того, какъ составлялись законы и какова была природа законодательной власти въ VIII и IX вѣкахъ.

I.

Законодательная власть принадлежитъ только королю.

Для того, кто читалъ цѣликомъ и послѣдовательно капитуляріи Пиппина, Карла Великаго, даже Людовика Благочестиваго, не можетъ быть сомнѣнія что законодательная власть принадлежала всецѣло монарху. Въ нихъ никогда не встрѣчается отраженія легальной и опредѣленной воли народнаго собранія. Если въ нихъ часто попадается выраженіе „общее согласіе", то на эти туманныя слова нельзя смотрѣть, какъ на признакъ необходимо происходившихъ преній или голосованія. Что касается вѣрныхъ и вельможъ, согласіе которыхъ часто упоминается, то они не были избраны народомъ, не являлись его представителями. Истинный законодатель—всегда государь. Мотивируя свои акты, онъ ссылается не на волю собранія, но, обыкновенно, на долгъ короля или на его желаніе угодить Богу. Изъявляетъ волю не нація, а король. Онъ говоритъ: „мы повелѣваемъ, предписываемъ, мы воспрещаемъ, намъ угодно" [1],

[1] «Carolus gratia Dei rex... Statuimus... Omnino prohibemus... Decrevimus» (капитулярій 769 года [Boretius, 45].—«Placuit nobis ut comites nostri...» (капитулярій 793 года [или 791], ст. 13, Boretius, 74). — «Curavimus, sancimus, promulgavimus» (*capitula addita ad legem Longobardorum*, годъ 801, Boretius, 205).—«Praecipimus omnibus ditioni nostrae subiectis» (капитулярій 803 года, ст. 3).—«Placet nobis de teloneis... De heribanno volumus ut missi

и это множественное число, безъ всякаго сомнѣнія, указываетъ на единую особу государя. Въ теченіе всѣхъ трехъ названныхъ царствованій нельзя найти ни одного закона, который былъ бы навязанъ королю народомъ, ни одного и такого закона, который, будучи предложенъ королемъ, былъ бы отвергнутъ народомъ. Карлъ Великій былъ неутомимымъ законодателемъ, и никакой законодатель не налагалъ на свое дѣло болѣе сильно своей личной печати: всюду сквозитъ его мысль, его воля.

Есть примѣры обращенныхъ къ королю прошеній; но и они не составлялись сошедшимся въ правильное собраніе народомъ [1]. Обращеніе 803 года, текстъ котораго у насъ сохранился, особенно поучительно въ такомъ смыслѣ. Оно носитъ слѣдующее заглавіе: *Petitio populi ad imperatorem*. Ошибочно было бы предположить, что петиція была составлена народнымъ собраніемъ, ибо въ отвѣтѣ своемъ императоръ именно говоритъ, что онъ подождетъ времени собранія, *quando ad generale placitum venerimus*. Трудно также допустить, что слова *petitio populi* надо понимать буквально, что собрана была просьба отъ всего народа. По настоящему, дѣло идетъ лишь объ интересахъ епископовъ, и просьба была, вѣроятно, внушена и продиктована ими, хотя она и подана группой свѣтскихъ сеньоровъ [2]. Разсматри-

nostri...» (3-й капитулярій 805 года, ст. 13 и 19; Boretius, 124—125).—«Volumus firmiter omnibus in imperio nostro notum fieri ut...» (капитулярій 820 года Boretius, 294).

[1] Въ 803 году (*Baluze*, Capitulaires, I, 405—408).—Въ 828 году (*Peertz*, Leges, I, 326, 332).—Въ 855 году (*Pertz*, ibidem, 435).

[2] Что то были сеньоры, вытекаетъ изъ словъ: «Fidelibus

ваемый документъ начинается такъ: „Преклоняя колѣна, мы обращаемся къ Вашему Величеству съ просьбой о томъ, чтобы въ будущемъ епископы не отягощались, какъ нынѣ, обязанностью ходить на войну“ [1]. Понятно, что не такъ выражались бы люди, раздѣляющіе законодательную власть. Во всей остальной части длиннаго документа нѣтъ также ни единаго слова, которое бы намекало на наличность собранія, обсуждавшаго вопросъ. Съ просьбой о новомъ законѣ обращаются къ одному императору, потому что въ немъ видятъ единственный источникъ закона. И императоръ тотчасъ же отвѣчаетъ отъ своего имени, что онъ даруетъ то, о чемъ его просятъ.

Существуетъ, конечно, различіе между простыми капитуляріями и между законами въ собственномъ смыслѣ слова. Въ нѣсколькихъ текстахъ указано, что эти два ряда актовъ не вполнѣ сливались [2]. Трудно, во всякомъ случаѣ, замѣтить раздѣляющую ихъ границу. Капитуляріи касались тѣхъ же предметовъ, что̀ и законы; они одинаково относились и къ гражданскому, и къ уголовному праву; они

nostris... nostros homines cum eorum hominibus... nos et nostri» (*Baluze*, col. 408). Что они были свѣтскіе люди, выясняется съ полною очевидностью изъ всего текста. Но во всемъ чувствуется и рука епископата.

[1] «Flexis omnes precamur poplitibus Maiestatem Vestram ut episcopi deinceps, sicut hactenus, non vexentur hostibus; sed quando vos nosque in hostem pergimus, ipsi propriis resideant in parrochiis» (*Baluze*, 405).

[2] См. введеніе къ капитулярію 817 года (818—819, ср. Boretius, 266), Pertz, 205 [Boretius, 275], и *Hincmar*. De institutione Carolomanni (De ordine palatii), c. 8.

разрѣшали вопросы наслѣдованія, брака, отпущенія на волю, равно какъ карали за убійство, кровосмѣшеніе, клятвопреступленіе, воровство, грабежъ и т. д. На практикѣ они имѣли не меньше значенія, чѣмъ законы, и народъ долженъ былъ также строго и обязательно повиноваться имъ. Можно замѣтить, что Карлъ Великій не позволялъ нарушать своихъ капитуляріевъ. Людовикъ Благочестивый и Карлъ Лысый нѣсколько разъ настойчиво требовали, чтобы капитуляріи ихъ соблюдались всѣми постоянно, на вѣчныя времена [1].

Однако же эту разницу, которую часто склонны предполагать между капитуляріями и законами, удивительно умаляетъ то обстоятельство, что часто приходится видѣть, какъ государи по своей волѣ преобразуютъ капитуляріи въ законы, или повелѣваютъ вводить ихъ въ законы, или же предписываютъ, чтобы имъ повиновались, какъ законамъ [2].

[1] «Haec capitula... ut sive nostris sive successorum temporibus rata forent» (капитулярій 817 года, Pertz, 205, Boretius, 275).—«Quae capitula propter utilitatem imperii a cunctis inviolabiliter conserventur» (*Charta divisionis*, 817 годъ, Boretius, 271).—«Illud capitulum per regnum nostrum observari regia auctoritate praecipimus» (36-й капитулярій Карла Лысаго, ст. 34, Baluze, II, col. 193, Pertz, 498).—«Haec capitula permanere inconvulsa decernimus (40-й капитулярій Карла Лысаго, Baluze, col. 210).

[2] «Capitula quae in Lege Salica mittenda sunt» (капитулярій 803 года, Pertz, 112, Boretius, 112).—«Capitula qua domnus Karolus imperator iussit ponere inter alias leges» (капитулярій 803 года, Pertz, 113, Baluze, 390, Boretius, 113).—«Capitula quae ad Legem Baiuariorum Karolus imperator addere iussit» (Pertz, 126, Boretius, 157).—«Quaedam capitula quae in lege scribi iussimus» (письмо Карла Великаго къ королю Италіи Пиппину, Pertz, 150, Boretius, 212).—«Capitula domni imperatoris quae pro lege tenenda

Современники мало отдѣляли одни отъ другихъ, и новѣйшему историку очень трудно ясно уловить различіе между ними. Но какъ бы то ни было, безспорно, что капитуляріи были произведеніемъ однихъ только королей и ихъ ближайшаго совѣта; они походили на *edicta*, *decreta*, *constitutiones*, за четыре вѣка до того исходившія изъ дворца римскихъ императоровъ [1].

Труднѣе разрѣшить вопросъ, касающійся законовъ въ собственномъ смыслѣ слова, и изучая его надобно обращаться къ текстамъ съ особымъ вниманіемъ.

Эйнгардъ разсказываетъ, что Карлъ Великій повелѣлъ составить сборники законовъ для разныхъ народовъ имперіи; онъ не прибавляетъ, что эти своды были обсуждены и приняты самими народами [2]. Подводя итоги законодательной работѣ, сдѣланной за это царствованіе, авторъ приписываетъ ее всю императору: „Императоръ, говоритъ онъ,

constituit» (3-й капитулярій 819 года, ст. 12, Baluze, I, 610, Boretius, 293).—«Iam non ulterius capitula, sed tantum lex dicantur, imo pro lege teneantur» (капитулярій 821 года).—«Capitula quae pro lege habenda sunt» (капитулярій 829 года, Krause, 17).—«Capitula quaedam legibus addidit» (*Vita Ludovici ab Anonymo*, c. 32).—«Capitula avi et patris nostri quae Franci pro lege tenenda iudicaverunt» (кьерсійскій капитулярій, 873 года, ст. 8).—«Capitula triginta et septem Karolus constituit et ut legalia per omne regnum suum observari praecepit» (Бертинская лѣтопись, 864 годъ).

[1] Каролингскіе государи часто употребляютъ такія чисто римскія выраженія, какъ *edictum*, *decretum*, *constitutio*; они постоянно замѣняютъ слово *capitula* или присоединяются къ нему.

[2] «Omnium nationum iura quae scripta non erant describere ac litteris mandari fecit» (*Einhardus*, Vita Caroli, 29).

задумалъ реформировать законы своего народа, добавить то, чего не доставало, уничтожить противорѣчія, исправить промахи, которые въ нихъ были; но онъ сдѣлалъ въ нихъ мало измѣненій и ограничился прибавкою немногихъ главъ“ [1].—Здѣсь нѣтъ никакого указанія на вмѣшательство подданныхъ.

Въ *Lex Salica emendata* не видно слѣда народнаго принятія ея или обсужденія на собраніи. Въ 803 году Карлъ Великій прибавляетъ къ Салической Правдѣ нѣсколько новыхъ главъ; нѣтъ никакого упоминанія о народномъ голосованіи; въ текстахъ, какіе у насъ сохранились, читаемъ лишь слѣдующее: „Здѣсь начинаются главы, которыя на третьемъ году своей императорской власти повелѣлъ прибавить къ Салической Правдѣ государь августъ Карлъ“ [2]. Въ одной рукописи находимъ такое, нѣсколько отличное введеніе: „Вотъ главы, которыя государь императоръ Карлъ повелѣлъ написать на своемъ совѣтѣ и предписалъ помѣстить среди другихъ законовъ“ [3].

За два года передъ тѣмъ Карлъ Великій, въ

[1] «Cum adverteret multa legibus populi sui deesse... cogitavit quae deerant addere et discrepantia unire, prava quoque corrigere... pauca capitula legibus addidit».

[2] «Incipiunt capitula que in Lege Salica domnus augustus Karolus... praeponendo addere iussit» (2-й капитулярій 803 года, Baluze, I, 387, Boretius, 112).

[3] «Haec sunt capitula quae domnus Karolus Magnus imperator iussit scribere in consilio suo et iussit eas ponere inter alias leges» (*Baluze*, I, col. 390, *Boretius*, 113). Въ третьей рукописи стоитъ лишь: «Incipiunt capitula Legi Salicae quos constituit Karolus imperator» (*Pertz*, I, 112, *Boretius*, 112).

качествѣ короля лонгобардовъ, добавилъ нѣсколько главъ къ своду законовъ этого народа, и вотъ какъ онъ выразился: „Карлъ Великій, коронованный Богомъ императоръ, августъ—герцогамъ, графамъ и другимъ государственнымъ должностнымъ лицамъ, поставленнымъ нами въ провинціяхъ Италіи. Когда мы прибыли въ Италію и по мѣрѣ того, какъ проѣзжали черезъ различные города, къ намъ поступало большое количество тяжбъ, касающихся интересовъ церквей, государства и частныхъ лицъ; мы разобрали большинство изъ нихъ справедливымъ судомъ на основаніи соотвѣтствующихъ статей Римскаго закона или Лонгобардской Правды, которыя мы повелѣли прочитать; разсмотрѣніе другихъ тяжбъ мы отложили до другого времени, ибо самые случаи были упущены законодателями или же ихъ рѣшеніе было забыто. Съ тѣхъ поръ, имѣя въ виду нашу пользу и пользу ввѣреннаго намъ Богомъ народа, добавляя то, что было пропущено въ Лонгобардской Правдѣ нашими предшественниками, королями Италіи, принимая во вниманіе обстоятельства и время, мы повелѣли прибавить новыя статьи, которыхъ не доставало въ законѣ, дабы сомнительные случаи разрѣшались не по произволу судей, а согласно высказаннымъ нашею королевскою властью правиламъ; итакъ, вотъ главы, которыя намъ угодно было добавить“ [1].—Позволяетъ ли такой языкъ

[1] «Karolus. serenissimus augustus... Quocirca nos considerantes utilitatem nostram et populi a Deo nobis concessi, ea quae ab antecessoribus nostris regibus Italiae in edictis Legis Langobardicae ab ipsis editae praetermissa sunt, iuxta rerum et temporis considerationem, addere curavimus, scilicet ut necessaria quae legi defuerant supplerentur, et in rebus dubiis non quorumlibet iudicum arbitrium, set nostrae regiae auctoritatis sanctio praevaleret» (капитулярій 801 года, Pertz, I, 83 и Baluze, I, 346, Boretius, 205).—Карлъ Великій добавилъ также нѣсколько статей къ Баварской Правдѣ; послѣднія и не носятъ иного заглавія, кромѣ слѣдующаго: «Capitula quae domnus Karolus addere iussit» (Baluze, I, 207, Boretius, 157).—Всѣ такія формулы сходны съ тѣми, которыя мы нашли примѣненными тѣмъ же государемъ въ прибавленіяхъ къ Салической Правдѣ.

предполагать, чтобы здѣсь происходило въ самомъ дѣлѣ совѣщаніе съ народомъ?

Гинкмаръ, въ трактатѣ, гдѣ онъ изображаетъ учрежденія и административные пріемы царствованія Карла Великаго, опредѣленно приписываетъ государю право творить новые законы и даже упразднять существующіе. „Когда представлялся случай, говоритъ онъ, по поводу котораго свѣтскими законами ничего не было установлено, или по поводу котораго ихъ рѣшеніе было болѣе строго, чѣмъ того требовало христіанское правосудіе и авторитетъ церкви, государю, окруженному совѣтниками, одинаково знающими, какъ свѣтскій, такъ и церковный законъ, надлежало постановить рѣшеніе самому и постановить такъ, чтобы были примирены оба закона, если то оказывалось возможнымъ; въ противномъ же случаѣ свѣтскій законъ долженъ быть вычеркнутъ, чтобы уступить мѣсто закону Божьему“ [1].

[1] *Hincmar*. De Ordine palatii, c. 21: «Si quid tale esset quod leges mundanae statutum non haberent... hoc ad regis moderationem perduceretur ut ipse cum his qui utramque legem nossent.. ita decerneret, ita statueret ut, ubi utrumque servari posset, utrumque servaretur, sin autem, lex saeculi merito comprimeretur, iustitia Dei conservaretur».

Введеніе къ капитулярію 802 года выражетъ въ слѣдующихъ словахъ широту законодательной власти государя: „Свѣтлѣйшій императоръ послалъ въ различныя части своего королевства наиболѣе мудрыхъ изъ своихъ вельможъ; вездѣ, гдѣ найдется въ законахъ нѣчто противное собственности и порядку онъ повелѣлъ ему доложить, такъ какъ онъ хочетъ самъ, по внушенію Бога, исправить это“ [1].

Ни въ одномъ изъ сводовъ, редактированныхъ въ ту эпоху, не находимъ ни одной статьи, которая бы налагала на короля обязательство совѣщаться съ народомъ или прибѣгать къ голосованію собранія. Ничего подобнаго, даже въ видѣ простого намека, не видно и въ хроникахъ или въ дошедшихъ до насъ отъ эпохи письмахъ.

Правда, государь въ тѣхъ самыхъ вступленіяхъ, гдѣ возвѣщаетъ о томъ, что онъ нѣчто „издаетъ и постановляетъ“, почти всегда добавляетъ, что онъ „совѣщался со своими вѣрными“, что дѣйствуетъ съ согласія всѣхъ“, что онъ находится „на общемъ собраніи, окруженный епископами, графами, всѣми знатными“ [2]. Эти формулы повторяются безпрестанно, онѣ вполнѣ были привычны въ каролингской канцеляріи. Значитъ ли

[1] «Serenissimus imperator Karolus... ubi aliter quam recte et iuste in lege esset constitutum, hoc diligentissimo animo exquirere iussit et sibi innotescere, quod ipse donante Deo meliorare cupit (1-й капитулярій 802 года, ст. 1, Boretius, 92).

[2] «Visum est nobis una cum consultu fidelium nostrorum statuere... Cum fidelibus nostris tam spiritualibus quam saecularibus tractantes, cum consensu et pari consilio invenimus... Per consensum pontificum et procerum» (капитуляріи, passim).

это, что законъ творило общее собраніе или собраніе знатныхъ? Тексты не говорятъ ничего подобнаго. Законъ былъ изданъ на общемъ собраніи, но не общимъ собраніемъ. Авторъ его всегда король. „Мы сохраняемъ, говоритъ Карлъ Великій, капитуляріи, которые отецъ нашъ Пиппинъ постановилъ на своихъ общихъ собраніяхъ“ [1]. Въ муассакской лѣтописи, подъ 813 годомъ, читаемъ: „Императоръ созвалъ большое собраніе народа, то-есть, епископовъ, аббатовъ, графовъ и всѣхъ сеньоровъ королевства франковъ и постановилъ свои капитуляріи“ [2]. Въ другомъ мѣстѣ видимъ: „Императоръ августъ Карлъ съ епископами, графами, герцогами и всѣми вѣрными постановилъ въ дворцѣ своемъ, въ Аахенѣ, слѣдующіе капитуляріи“ [3]. „Императоръ Людовикъ собралъ большое собраніе своего народа и добавилъ къ законамъ все, что счелъ полезнымъ добавить“. — Тотъ же императоръ „на общемъ своемъ собраніи издалъ, согласно своему обычаю, много постановленій“ [4].—

[1] «Capitula quae genitor noster Pippinus rex in sua placita constituit» (капитулярій 779 года, ст. 12). «Capitula vero quae bonae memoriae genitor noster in sua placita constituit et (in) synodis, conservare volumus» (*Fertz*, Leges, I, 37, *Boretius*, 50).

[2] «Fecit conventum magnum populi, et ibidem convenerunt episcopi, abbates, comites et senatus Francorum ad imperatorem, et ibidem constituit capitula» (муассакская лѣтопись, 813 годъ).

[3] 2-й капитулярій 813 года (Baluze, II, 506, Boretius, 170).

[4] «Habuit imperator consilium magnum in Aquis et decrevit in ipsa synodo ut...» (Муассакская лѣтопись, 815 годъ).—«Imperator conventum publicum populi sui celebravit et quidquid utile iudicavit superaddidit... et capitula quaedam legibus addidit» (*Vita Ludovici ab Anonymo*, c. 32).—«In eodem placito, secundum morem suum, multa admonuit, statuit et definivit» (*ibidem*, c 40).

Среди столькихъ текстовъ нѣтъ ни одного, гдѣ былъ бы указанъ народъ, который обсуждалъ и дѣлалъ постановленія [1].

Было въ обычаѣ, чтобы государь совѣщался съ „своими знатными", то-есть, съ епископами и графами. Тѣ и другіе, одинаково назначенные государемъ, одинаково зависѣли отъ него, по крайней мѣрѣ, въ эпоху Карла Великаго. Они вовсе не были представителями народа, они были скорѣе агентами власти; они были, главное, ея естественными совѣтниками. Нѣсколько капитуляріевъ Карла Великаго, Людовика Благочестиваго, Карла Лысаго дошли до насъ въ формѣ вопросовъ съ отвѣтами, которые давались знатными на каждую статью [2]. Они высказывали свое мнѣніе потому,

[1] Муассакская лѣтопись въ 802 году выражается такъ: «Congregavit duces et comites et reliquum populum christianum cum legislatoribus (это слово, не слѣдуетъ, навѣрно, переводить какъ «законодатели», оно скорѣе имѣетъ значеніе *legum periti*, *legum magistri*, *iuris doctores*, встрѣчаемое въ другихъ текстахъ; см. *Waitz*, Deutsche Verfassungsgeschichte, IV, 327) et fecit omnes leges legere et tradere unicuique legem suam et emendare ubicunque necesse fuit».—Въ этихъ выраженіяхъ ничто не указываетъ на народное обсужденіе. Карлъ Великій собралъ около себя знатныхъ и то, что называли тогда народомъ, заботясь главнымъ образомъ о томъ, чтобы собрать свѣдущихъ въ законахъ людей; онъ повелѣлъ пересмотрѣть различные своды, вручилъ каждому народу соотвѣтствующій сводъ и исправилъ то, что надлежало исправить. Лѣтописецъ обнаруживаетъ во всемъ иниціативу государя и его совѣтниковъ, а вовсе не постановленіе народнаго собранія.—Относительно характера собраній сошлемся на статью, помѣщенную нами въ «Séances et travaux de l'Académie des sciences morales», 1876 годъ, 619.

[2] Капитулярій 789 года, Baluze, I, 210 и слѣд. (Boretius, 52 и слѣд.).—Капитулярій 811 года, ibidem, 478 и слѣд. (Boretius, 161 и слѣд.).—3-й капитулярій 819 года, ibidem, 607 (Boretius, 292 и слѣд.).—Кьерсійскій капитулярій, 877 года.

что его спрашивалъ у нихъ государь; но не ихъ мнѣніе дѣлало законъ; законодательный актъ черпалъ силу не въ ихъ волѣ, а въ волѣ государя.

Гинкмаръ поясняетъ съ полной отчетливостью, каковы были у Карла Великаго обычные пріемы при составленіи законовъ. „Когда знатные были въ сборѣ, имъ представляли по волѣ государя капитуляріи, созрѣвшіе въ его умѣ по вдохновенію отъ Бога, или которыхъ необходимость выяснилась для него въ промежуткѣ между собраніями. Получивъ эти проекты, они обсуждали ихъ постатейно; результатъ обсужденія представлялся затѣмъ славному государю, который, съ данной ему отъ Бога мудростью, принималъ рѣшеніе, которому всѣ должны были повиноваться" [1]. Ничто не можетъ быть яснѣе этого отрывка; король совѣщается съ главными своими совѣтниками; онъ требуетъ, чтобы они разсмотрѣли его проекты и дали ему свое мнѣніе о нихъ; но законъ творитъ онъ одинъ.

Нѣтъ сомнѣнія, что въ 881 году еще прекрасно помнили, какъ составлялись законы въ эпоху

[1] «Proceres et primi senatores regni, ne quasi sine causa convocari viderentur (послѣднія слова ясно показываютъ, какъ замѣтилъ Гизо, что участіе въ собраніи было не правомъ, а обязанностью для знатныхъ), mox auctoritate regia per denominata et ordinata capitula quae vel ab ipso per inspirationem Dei inventa vel undique sibi nuntiata post eorum abcessum praecipue fuerant, eis ad conferendum vel ad considerandum patefacta sunt... donec res singulae ad effectum perductae gloriosi principis auditui in sacris eius obtutibus exponerentur, et quidquid data a Deo sapientia eius eligeret, omnes sequerentur» (*Hincmar*. De Ordine palatii, c. 34). Ср. *Guizot*, Essais sur l'histoire de France, изд. 1844, стр. 221.

Карла Великаго. Вотъ какъ выражались по этому поводу отцы церковные на соборѣ, бывшемъ въ этомъ году въ реймсской провинціи: „Великій императоръ Карлъ, какъ то слышалъ одинъ изъ насъ отъ знавшихъ его людей, всегда хотѣлъ имѣть при себѣ троихъ изъ главныхъ и мудрѣйшихъ своихъ совѣтниковъ; они по-очереди смѣнялись при его особѣ. Онъ же всегда имѣлъ подъ рукою, а ночью у своего изголовья, дощечки для записыванія, и, какъ только ему приходила мысль о чемъ-нибудь полезномъ для блага церкви или для успѣха государства, онъ записывалъ ее и, неоткладывая обсуждалъ съ тремя бывшими при немъ совѣтниками. Затѣмъ, когда наступало время общаго собранія, тѣ же, зрѣло обработанныя имъ, статьи онъ представлялъ всѣмъ своимъ совѣтникамъ; наконецъ, онъ ихъ преобразовывалъ въ постановленія и смотрѣлъ за тѣмъ, чтобы онѣ входили въ силу“ [1].

Итакъ, въ 881 году ясно хранилось въ памяти что Карлъ Великій никогда не устанавливалъ закона безъ того, чтобы онъ дважды былъ разсмотрѣнъ и обсужденъ, сначала тремя ближайшими очередными его совѣтниками, потомъ всѣми совѣтниками вмѣстѣ, *plenitudo consiliariorum*, то-есть, миссами и большинствомъ прелатовъ и графовъ. Что касается голосованія этихъ законовъ народомъ или независимымъ собраніемъ, то объ этомъ никто не помнилъ. Никто не думалъ, что законодательная власть раздѣлялась между государемъ и еще кѣмъ-нибудь. Карлу Великому одному принадлежала иниціатива и подготовленіе законовъ, какъ ему одному принадлежало и окончательное рѣшеніе.

[1] «Carolus Magnus imperator, sicut quidam nostrum ab illis audivit qui interfuerunt, nunquam sine tribus de sapientioribus consiliariis suis esse patiebatur, sed vicissim per successiones secum habebat. Et ad capitium lecti sui tabulas habebat, et quae sive in die sive in nocte de utilitate ecclesiae et de profectu regni sui meditabatur, adnotabat, et cum eisdem consiliariis quos secum habebat inde tractabat. Et quando ad placitum suum veniebat, omnia subtiliter tractata plenitudini consiliariorum suorum monstrabat et communi consilio illa ad effectum perducere procurabat». См. *Synodus apud S. Macram*, a. 881, Labbe, t. IX, col. 353—354 (Migne, CXXV, col. 1084).

2.

Обнародованіе законовъ и общее согласіе.

Не надо смѣшивать двухъ весьма различныхъ вещей: составленія закона и его обнародованія. Послѣ того, какъ законодательный актъ былъ подготовленъ и установленъ государемъ на совѣтѣ, оставалось объявить его народу и обезпечить ему повиновеніе людей. Въ такомъ обществѣ, гдѣ законъ исходилъ отъ государя, обнародованіе имѣло гораздо больше значенія, чѣмъ въ нашихъ современныхъ обществахъ, которыя творятъ законы сами чрезъ своихъ представителей. Потому оно и совершалось согласно такимъ правиламъ и посредствомъ такихъ пріемовъ, какіе намъ сначала нѣсколько трудно даже уловить, настолько они далеки отъ нашихъ теперешнихъ обычаевъ. Нѣсколько текстовъ покажутъ намъ эти особенности.

Въ 803 году къ императору была обращена

упомянутая нами выше петиція, объ измѣненіи обязанностей воинской службы для духовенства. Его просили не о временной мѣрѣ, а хотѣли законодательнаго акта, который бы навсегда урегулировалъ этотъ вопросъ: „Дабы все, о чемъ мы просимъ васъ, всегда соблюдалось въ будущемъ вашими и нашими преемниками, мы молимъ васъ внести это въ ваши капитуляріи“ [1]. Карлъ Великій отвѣчаетъ безъ всякаго промедленія, не совѣщаясь ни съ какимъ собраніемъ: „Мы сейчасъ же даруемъ все, о чемъ вы просите“. Но онъ добавляетъ, что не можетъ немедленно объявить законъ, который бы имѣлъ силу навсегда. Надо подождать, пока онъ прибудетъ на общее собраніе, „гдѣ будетъ находиться большинство епископовъ и графовъ“; тамъ онъ издастъ законодательный актъ, который сообщитъ его милости характеръ постояннаго закона. Значитъ ли это, что собраніе будетъ обсуждать и рѣшать, какъ обладающее верховною властью? Карлъ Великій ограничивается словами, что будетъ совѣщаться съ своими вѣрными, *consultu omnium fidelium*. Но явится ли общее собраніе творцомъ закона? Никоимъ образомъ: „Когда мы будемъ находиться на нашемъ общемъ собраніи, мы письменно подтвердимъ то, что даровали вамъ, дабы это осталось нерушимымъ на будущее время“ [2].

[1] «Postulata concedite; ut ergo haec omnia a vobis et a nobis, sive a successoribus vestris ac nostris futuris temporibus absque ulla dissimulatione conserventur... inter vestra capitula interpolare praecipite» (8-й капитулярій 803 года, *Baluze*, Capitularia, I, col. 408; *Walter*, Corpus iuris germanici, II, 192).

[2] «Quando ad generale placitum venerimus, scriptis firmare irrefragabiliter manenda firmissime cupimus... ad proximum synodalem nostrum conventum ac generale placitum, ubi plures episcopi et comites convenerint, ista sicut postulatis firmabimus» (*Baluze*, I, 408, 409).

Итакъ, всякій актъ, имѣющій характеръ закона, не могъ быть совершенъ государемъ иначе, какъ во время общаго собранія и въ его присутствіи. Внѣ собранія, государь могъ изъявить свою волю, какъ видно въ приведенномъ нами примѣрѣ, и эта воля сейчасъ же пріобрѣтала исполнительную силу безъ обращенія къ какому-либо собранію; но это не гарантировало будущее, и государь всегда могъ отмѣнить свое рѣшеніе. Чтобы воля государя изъ состоянія какъ бы неустойчиваго равновѣсія, перешла въ составъ постояннаго права и сдѣлалась „капитуляріемъ, который долженъ считаться закономъ“, необходимо было присутствіе общаго собранія.

Должны ли мы думать, что собраніе правильно обсуждало предложенія государя? Указаній на это не встрѣчается ни въ одномъ документѣ; приведенные нами выше отрывки изъ Гинкмара показываютъ, что, если король и совѣщался со знатными, то, по крайней мѣрѣ, народъ не долженъ былъ ни обсуждать вопросъ, ни дѣлать о немъ постановленія. Со времени Пиппина Короткаго до конца царствованія Карла Лысаго нѣтъ примѣра, чтобы народъ отвергъ когда-нибудь или измѣнилъ предложеніе государя; не встрѣчается даже ни одного слова, которое бы указывало, что ему принадлежало такое право. Въ текстахъ видно одно, что онъ давалъ свое согласіе на законъ, который пе-

редъ нимъ оглашался; на оффиціальномъ языкѣ это называлось *consensus omnium*.

Термины политическаго языка не всегда должны толковаться согласно буквальному, кажущемуся смыслу; истинное ихъ значеніе и силу можно узнать изъ фактовъ и реальной практики. У насъ есть письмо Карла Великаго, которое показываетъ, что такое былъ *consensus* въ дѣйствительности. Въ 809 году онъ писалъ сыну своему Пиппину, правившему въ Италіи: „Намъ передавали, что есть мѣстности, гдѣ относительно нѣсколькихъ капитуляріевъ, которые мы повелѣли вписать въ законъ, люди говорятъ, что мы не довели ихъ до ихъ свѣдѣнія, и на этомъ основаніи отказываются повиноваться имъ, согласиться на нихъ, считать ихъ закономъ. Ты знаешь однако, что я говорилъ тебѣ по этому поводу: напоминаю тебѣ, что во всемъ, ввѣренномъ твоему попеченію, королевствѣ ты долженъ доводить новые капитуляріи до свѣдѣнія народа и требовать, чтобы имъ повиновались“ [1]. — Отсюда видно, какъ мало правительство спрашивало мнѣнія народа. Ему надо было объявить законъ и требовать, „чтобы онъ на него согласился и повиновался ему“; но никто не

[1] «Audivimus quod quedam capitula quae in lege scribi iussimus, aliqui dicant quod nos nequaquam illis hanc causam ad notitiam per nosmetipsos condictam habeamus, et ideo nolunt eis oboedire nec consentire neque pro lege tenere. Tu autem nosti quomodo tecum locuti fuimus de ipsis capitulis. Et ideo monemus Tuam Dilectionem ut per universum regnum tibi a Deo commissum ea nota facias et oboedire atque inplere praecipias» (*Baluze*, Capitularia, I, col. 462; *Pertz*, Leges, I, 150, *Boretius*, 212).

думалъ о предоставленіи народу права обсуждать законъ или объ обязанности спрашивать по поводу закона его волю.

Такая формальность исполнялась иногда на майскихъ поляхъ или общихъ собраніяхъ, въ присутствіи свободнаго населенія края. Потому-то въ большей части капитуляріевъ, по крайней мѣрѣ, въ тѣхъ изъ нихъ, какіе имѣютъ силу закона, упоминается общее собраніе, на которомъ они были установлены и провозглашены [1]. Потому въ хроникахъ часто повторяется, что государь собираетъ общее собраніе и издаетъ на немъ указы. Потому, наконецъ, встрѣчаемъ въ законодательныхъ актахъ Людовика Благочестиваго такое своеобразное упоминаніе: „Вотъ статьи, которыя были отложены до общаго собранія для того, чтобы быть доведенными до свѣдѣнія большинства“ [2].

На этихъ большихъ собраніяхъ народъ выражалъ свое согласіе [3] въ такихъ формахъ, которыя

[1] «Datum in plena synodo» (капитулярій 794 года, Boretius, 73).—«Hoc fuit datum ad Aquis tertio anno imperii Karoli Augusti, quando synodus ibi magna fuit» (3-й капитулярій 803 года, ст. 29).—«Datum Aquisgrani in generali episcoporum et optimatum conventu» (капитулярій 797 года).—«Data Wormaie in generali populi conventu» (8-й капитулярій 803 года).—«Capitula addita ad Legem Salicam in generali populi conventu habito apud Aquisgranum» (1-й капитулярій 819 года).

[2] «Haec sunt capitula quae ad plurimorum notitiam ad generale placitum sunt reservata» (капитулярій 829 года, Pertz, 329 Krause, 11).

[3] «Statuit domnus rex consentiente synodo» (капитулярій 794 года, гл. 4, Boretius, 74).—«Capitula que Legis Salicae per omnium consensum addenda esse censuimus» (капитулярій 820 года, гл. 5, Boretius, 295).

намъ чужды, и въ нихъ, конечно, не было ничего похожаго на вотированіе закона. Странно, что среди множества капитуляріевъ, хроникъ, писемъ и всякаго рода письменныхъ памятниковъ не находимъ ни одной строки, которая показала бы намъ, какъ проявлялся *consensus*, и былъ ли онъ чѣмъ-нибудь инымъ, какъ пустой формальностью.

Признакъ независимости не связывается непремѣнно съ понятіемъ *consensus*. Дѣйствительно, мы видимъ, что въ 797 году Карлъ Великій издалъ капитулярій для саксовъ. Онъ вовсе не считалъ ихъ свободнымъ народомъ. Однако онъ счелъ нужнымъ призвать къ себѣ саксовъ изъ разныхъ селеній и потребовалъ отъ нихъ акта, которымъ они обязывались „согласиться" и „согласоваться" съ новымъ закономъ [1]. Такого рода согласіе гораздо больше походило на принятіе обязательства соблюдать законъ государя, чѣмъ на дѣйствительное участіе народа въ законодательствованіи.

Представленіе на общее собраніе новыхъ капитуляріевъ было не безусловно необходимо. Иногда король ограничивался врученіемъ копій чиновникамъ разнаго разряда, герцогамъ, графамъ, епископамъ, миссамъ, и каждый изъ нихъ, возвратившись въ свою область, собиралъ свободное населеніе для объявленія королевскаго акта. Такъ, у насъ есть капитулярій 805 года съ подобнымъ заглавіемъ: „Капитулярій, который мы хотимъ, чтобы

[1] «Congregatis Saxonibus de diversis pagis, omnes unanimiter consenserunt et aptificaverunt ut... Omnes statuerunt et aptificaverunt ut... Placuit omnibus Saxonibus» (*Capitulare Saxonicum*, 797 годъ, Boretius, 71).

графы и епископы по возвращеніи въ свои провинціи довели до свѣдѣнія народа, и которому бы заставили повиноваться" [1]. А вотъ текстъ еще того яснѣе: „Повелѣваемъ, чтобы капитуляріи, установленные нами, по совѣту нашихъ вѣрныхъ, были переписаны трудами нашего канцлера, чтобы епископы и графы получили ихъ копіи, и чтобы каждый изъ нихъ распорядился публичнымъ ихъ оглашеніемъ, дабы воля наша была всѣмъ извѣстна" [2].— Точно также Карлъ Лысый заканчиваетъ одинъ изъ своихъ законовъ слѣдующей формулой: „Мы устанавливаемъ эту конституцію и хотимъ, чтобы въ областяхъ, на судахъ и рынкахъ она была прочитана, признана и соблюдаема" [3].

[1] «Capitula quae volumus ut episcopi, abbates et comites qui modo ad casam redeunt, per singula loca nota faciant et observare studeant» (капитулярій 805 года, взятый изъ одной рукописи Національной Библіотеки, № 4995, помѣщенный у Pertz, Leges, I, 130, Boretius, 141, и въ латинской патрологіи у Migne, XCVII, 281).—«Excarpsum capituli domni imperatoris quem Iesse episcopus ex ordinatione ipsius augusti secum detulit ad omnibus hominibus notum faciendum» (4-й капитулярій 805 года, Walter, II, 212, Boretius, 120).—«Haec capitula missi nostri cognita faciant omnibus (3-й капитулярій 806 года, Boretius, 156).

[2] «Volumus ut capitula quae consultu fidelium nostrorum a nobis constituta sunt, a cancellario nostro archiepiscopi et comites eorum accipiant et unusquisque ea transcribi faciant et in suis comitatibus coram omnibus relegant, ut cunctis nostra voluntas nota fieri possit» (капитулярій 824 года, ст. 26, Boretius, 307).

[3] «Hanc nostram constitutionem et in palatio nostro et in civitatibus et in mallis atque in placitis seu in mercatis relegi, adcognitari, et observari mandamus» (капитулярій 861 года, Baluze, II, col. 154, Pertz, 477).—Въ 860 году тотъ же государь повелѣваетъ своимъ *missi*, «ut capitula nostra adcognitent et omnibus innotescant» (Walter, III, 115—116, ст. 3, Pertz, 473).

Правда, въ день, когда законодательный актъ оглашался собравшимся людямъ, у нихъ спрашивали ихъ согласія, *consensus*; имъ предлагали вопросъ: *an consentirent*? Но идетъ ли здѣсь дѣло о принятіи или непринятіи закона? Вовсе нѣтъ; въ текстахъ никогда не говорится ничего такого. Смыслъ вопроса ясно указанъ въ одномъ документѣ 803 года, въ протоколѣ одного изъ небольшихъ мѣстныхъ собраній. Онъ составленъ такъ: „Въ третій годъ царствованія господина нашего Карла, августа, были изданы эти главы закона (*capitula legis*); копія ихъ была вручена графу Стефану, дабы онъ обнародовалъ ихъ въ городѣ Парижѣ на публичномъ засѣданіи суда и произвелъ ихъ оглашеніе въ присутствіи скабиновъ, что онъ и сдѣлалъ; и всѣ въ единодушномъ согласіи заявили, что хотятъ соблюдать эти капитуляріи на вѣчныя времена въ будущемъ; и всѣ, скабины епископа, скабины аббата, скабины графа приложили свои подписи“ [1].

[1] «Incipiunt capitula legis imperatoris Karoli nuper inventa anno tertio domni nostri Karoli augusti. Sub ipso anno haec capitula facta sunt et consignata Stephano comiti ut haec manifesta fecisset in civitate Parisius mallo pubplico et ipsa legere fecisset coram illis scabineis, quod ita et fecit; et omnes in uno consenserunt quod ipsi voluissent omni tempore observare usque in posterum, etiam omnes scabinei episcopi, abbatis, comitis manu propria subter firmaverunt» (*Pertz*, Leges, I, 112, *Boretius*, 112, въ рукописи Національной Библіотеки, № 4995, *Patrologia*, XCVII, 255).—Тотъ же текстъ приведенъ у *Baluze*, Capitulaires, I, col. 391, со слѣдующимъ различіемъ: «Omnes scabini, episcopi, abbates, comites»; но нельзя допустить, чтобы на маленькомъ мѣстномъ собраніи парижской области, предсѣдательствуемомъ графомъ Стефаномъ, который, согласно свидѣтельству нѣсколькихъ грамотъ, дѣйствительно былъ

Здѣсь можно замѣтить, что собраніе, которое будто бы представляетъ все свободное населеніе графства и дѣйствуетъ отъ его имени, составлено лишь изъ скабиновъ. Между тѣмъ люди, носившіе это названіе, не были избранниками народа; въ то время они были чиновниками низшаго разряда, помогавшими графу или епископу при отправленіи правосудія и выбиравшимися графомъ или епископомъ.

Въ приведенномъ документѣ можно еще замѣтить, что оглашеніе закона производилось графомъ, королевскимъ чиновникомъ; при этомъ не происходило ни обсужденія, ни голосованія; никто не спрашивалъ будетъ ли законъ существовать, или нѣтъ; ни для одного члена собранія не было сомнѣнія, что законъ уже изданъ въ окончательномъ видѣ до его созыва; у присутствующихъ просто спрашивалось, обязуются ли они всегда ему повиноваться; они приняли, наконецъ, это обязательство безъ всякаго обсужденія и засвидѣтельствовали о томъ своею подписью. Ихъ спросили, обѣщаютъ ли они соблюдать законъ, и они обѣщали; ихъ не просили обсуждать его, и они не обсуждали.

Такою формальностью власть хотѣла лишь достигнуть удостовѣренія отъ мѣстныхъ жителей, что

графомъ парижскимъ въ 803 году, находилось нѣсколько епископовъ, нѣсколько аббатовъ и графовъ. Было бы странно, если бы епископы и графы стояли послѣ скабиновъ. Рѣчь идетъ о скабинахъ графа парижскаго, о скабинахъ епископа того же города и, наконецъ, о скабинахъ сенъ-жерменскаго аббата.

[1] Скабины графа часто выбирались императорскимъ *missus* (3-й капитулярій 803 года, гл. 3, Boretius, 115).

они получили объявленіе объ указѣ государя; оно требовало также публичнаго доказательства ихъ готовности всегда соблюдать его. Не забудемъ, что вопросъ заключался въ томъ, чтобы придать указу постоянный характеръ, то-есть, силу закона. Значитъ, здѣсь необходимо было, какъ обѣщаніе государя никогда не мѣнять своего рѣшенія, такъ и обязательство подданныхъ никогда его не нарушать [1].

Поэтому законъ долженъ былъ носить подписи сначала государя, потомъ самого населенія, или, по крайней мѣрѣ, наиболѣе вліятельныхъ въ немъ лицъ. Въ заголовкѣ ряда капитуляріевъ 813 года читаемъ: „Карлъ, свѣтлѣйшій императоръ, августъ, постановилъ эти капитуляріи во дворцѣ своемъ, въ Аахенѣ; онъ закрѣпилъ ихъ своей подписью, съ тѣмъ, чтобы всѣ вѣрные также закрѣпили ихъ своими" [2]. Это почти то же, что самъ Карлъ Ве-

[1] Выраженіе такого двойного обязательства встрѣчается въ текстахъ нѣсколько разъ: «Volumus ut, sicut nos omnibus legem observamus, ita et omnes nobis legem conservare faciant» (*capitulare ex Lege Longobardorum*, 801 годъ, ст. 28, Boretius, 210, ст. 15).—«Haec capitula... reges subscripserunt manibus propriis et inter se ac fideles suos perpetuo se conservaturos promiserunt» (851 годъ, Baluze, II, 45, Pertz, 408).

[2] «Karolus serenissimus imperator augustus constituit capitula ista in palatio Aquis... quae et ipse manu propria firmavit ut omnes fideles manu roborare studuissent» (2-й капитулярій 813 года, Walter, II, 260, Boretius, 170).—«Capitula quae subscriptione principis et episcoporum ac ceterorum fidelium Dei confirmata fuere, consensu Warini et aliorum optimatum» (капитулярій Карла Лысаго, 843 годъ, Walter, III, 1, Pertz, 376).—«Hoc ut ab omnibus fidelibus ecclesiae et nostris firmum esse credatur, firmiusque per secula ventura custodiatur, propriae manus signaculo et episcoporum vel optimatum nostrorum sub iureiurando et subscriptionibus, pactum istud roboravimus» (указъ Людовика Благочестиваго, Walter, II, 328, Boretius, 355).

ликій говоритъ въ инструкціи 803 года: „Пусть народъ будетъ опрошенъ относительно вновь прибавленныхъ къ закону капитуляріевъ и, послѣ того, какъ всѣ согласятся, пусть приложатъ свои подписи" [1].

Будемъ остерегаться усматривать въ такомъ актѣ обсуждающую законъ націю; законъ уже изданъ и установленъ раньше, чѣмъ было опрошено населеніе; капитуляріи были уже „прибавлены къ закону". У народа не спрашиваютъ, хочетъ ли онъ, чтобы были эти капитуляріи, или чтобы ихъ не было: у него спрашиваютъ, хочетъ ли онъ соблюдать ихъ,—*an velint in perpetuum observare*; только на этотъ вопросъ присутствующіе отвѣчаютъ, какъ мы и видимъ въ отчетѣ собранія парижскаго графства за тотъ же 803 годъ; и самый вопросъ этотъ простая форма, не оставляющая сомнѣнія относительно того, каковъ будетъ отвѣтъ. Потомъ, по полученіи утвердительнаго отвѣта, требуютъ, чтобы люди удостовѣрили и закрѣпили данное ими обѣщаніе подписью [2]. Ихъ подпись не означаетъ, что

[1] «Ut populus interrogetur de capitulis quae in lege noviter addita sunt; et postquam omnes consenserint, subscriptiones et manufirmationes suas in ipsis capitulis faciant» (3-й капитулярій 803 года, ст. 19; Boretius, 116).—Сравните съ тѣмъ, что стоитъ въ заголовкѣ Бургундской Правды: «Constitutionis nostrae seriem placuit etiam adiecta comitum subscriptione firmari ut... per posteros custodita perpetuae pactionis teneat firmitatem. Nomina eorum qui leges signaturi sunt vel (et) in posterum cum prole servaturi» (Walter, I, 304; Pertz, 527).

[2] Точно такъ же въ письмѣ Агобарда ліонскаго (dom

законъ издали они; она означаетъ только, что они поклялись соблюдать его. Подпись не есть доказательство политической свободы. Это знакъ обязательства.

Не слѣдуетъ, конечно, отрицать важности такого рода народнаго согласія. Легко видѣть, насколько отличается провозглашеніе закона, совершенное такимъ образомъ въ присутствіи собравшихся людей, въ формѣ вопроса, при требованіи ихъ клятвы или ихъ подписи, отъ простого провозглашенія путемъ публичнаго прочтенія или вывѣшиванія объявленія. Такой пріемъ не позволялъ абсолютному государю издавать законовъ, явно противорѣчащихъ общественной пользѣ. Онъ обезпечивалъ народу способъ обнаруживать свои желанія или жалобы; онъ отводилъ ему извѣстную роль въ составленіи законовъ, онъ непосредственнымъ образомъ заинтересовывалъ его въ этомъ дѣлѣ. Но историкъ не долженъ впадать въ ошибку. Опросъ, согласіе и подпись не имѣли ничего общаго съ обсужденіемъ или народнымъ голосованіемъ. Въ этомъ не только не заключалось идеи свободы, но люди скорѣе усматривали здѣсь форму повиновенія.

Поэтому слово *consentire* часто употреблялось на языкѣ эпохи въ смыслѣ „повиноваться“, какъ доказываютъ нѣсколько совершенно ясныхъ текстовъ. Оно обозначало такое состояніе души,

Bouquet, VI, 367) читаемъ, что въ 817 году Людовикъ Благочестивый, собственной властью назначившій своимъ преемникомъ Лотара, повелѣлъ написать актъ и заставилъ всѣхъ знатныхъ подписать его и поклясться его соблюдать.

чрезъ которое воля согласуется съ закономъ государя, то-есть, подчиняется ему. Въ такомъ смыслѣ пишетъ Карлъ Великій въ одномъ капитуляріи: „Да повинуются всѣ и да соглашаются съ императорскими повелѣніями (*obediant et consentiant*). Въ томъ же смыслѣ онъ жалуется въ 807 году, что сынъ его Пиппинъ не принудилъ еще людей повиноваться и соглашаться на нѣкоторые капитуляріи“. Точно такъ же въ 806 году, нѣсколько мѣсяцевъ спустя послѣ того, какъ онъ собственной властью опредѣлилъ раздѣлъ своего государства между тремя сыновьями, онъ предписываетъ своимъ миссамъ требовать, „чтобы всѣ вполнѣ согласились съ установленнымъ имъ раздѣломъ“ [1].

Въ сущности, главной цѣлью этихъ формальностей было придать закону больше силы; законодатель черпалъ силу въ общемъ согласіи, чтобы обезпечить прочность своему дѣлу. Государь любилъ ссылаться на „общее согласіе“, будто единогласное рѣшеніе было высказано всѣмъ народомъ.

[1] «Unusquisque suos iuniores distringat ut melius oboediant et consentiant mandatis imperialibus» (1-й капитулярій 810 года, ст. 17; Boretius, 153).—«Capitulis nolunt oboedire nec consentire neque pro lege tenere» (*epistola ad Pippinum*, Pertz, Leges, I, 150; Boretius, 212).—«Ut ea quae statuimus, pleniter omnes consentire debeant» (5-й капитулярій 806 года, ст. 2; Boretius, 131).—Въ томъ же смыслѣ говоритъ онъ въ 797 году, что саксы «consenserunt et aptificaverunt ut... solidos sexaginta solvent» (Walter, II, 126; Boretius, 71).—Мы не хотимъ сказать, что слово *consentire* всегда имѣло такое значеніе; но вещь извѣстная, какъ часто въ средневѣковомъ языкѣ одно слово получало нѣсколько значеній.

Такъ въ 821 году Людовикъ Благочестивый, утверждая капитуляріи предыдущаго года, не преминулъ сказать, что всѣ дали свое согласіе, хотя ни одинъ изъ его біографовъ не упоминаетъ ни въ этотъ, ни въ какой другой годъ о такомъ необычайномъ обстоятельствѣ, какъ голосованіе всего народа. Также и Карлъ Лысый, упоминая въ 873 году о капитуляріяхъ двухъ своихъ предшественниковъ, говоритъ: „франки рѣшили, что они должны считаться законами". Было бы большою ошибкою принимать эти выраженія буквально.

3.

Законодательная власть при Людовикѣ Благочестивомъ.

Если, выходя изъ царствованія Карла Великаго, перейдемъ къ царствованію Людовика Благочестиваго, то не встрѣтимъ ни одного текста, который бы указалъ на право народа обсуждать законы. Законодательные акты всегда исходятъ отъ одного государя, и никакое народное собраніе не разсматриваетъ ихъ. Гинкмаръ, вкратцѣ изложившій при Карлѣ Лысомъ трактатъ, написанный Адальгардомъ объ установленныхъ Карломъ Великимъ административныхъ порядкахъ, не позволяетъ предположить, чтобы какое-нибудь изъ выработанныхъ правилъ было измѣненно при его сынѣ. Ни въ капитуляріяхъ, ни въ лѣтописныхъ памятникахъ, ни въ письмахъ современниковъ нѣтъ ни малѣйшаго указанія на то, чтобы рѣшенія государя подвергались принятію или голосованію народа [1].

Среди капитуляріевъ Людовика можно различить простыя инструкціи, обращенныя къ *missi*, или къ графамъ, *capitula missis data*, и настоящіе законодательные акты, *capitula quae pro lege habenda sunt*; ни въ тѣхъ, ни въ другихъ нѣтъ также упоминанія о волѣ народа: и тѣ, и другіе исходятъ отъ одного государя [2]. Людовикъ провозглашалъ, обыкновенно, свои капитуляріи на общихъ собраніяхъ, повелѣвалъ, напримѣръ, „прибавить ихъ къ Салической Правдѣ" [3]. Для наиболѣе важныхъ актовъ онъ требовалъ, чтобы къ нимъ прилагали свою подпись наиболѣе значительныя лица и клялись соблюдать ихъ [4]. Это тѣ самыя правила и формальности, какія практиковались въ эпоху Карла Великаго, и они указываютъ, что законодательная власть всецѣло оставалась въ рукахъ государя.

Изъ письма архіепископа ліонскаго Агобарда видно, какъ и кѣмъ подготовлялись и обсуждались

[1] См. предисловіе къ капитулярію 816 года (Boretius, 273, относитъ это предисловіе къ 818 и 819 году); въ немъ ясно видно, что государь можетъ призвать къ себѣ епископовъ и совѣщаться съ ними, но что законъ исходитъ отъ него одного.

[2] См. напримѣръ, *Pertz*, Leges, 353, и *Walter*, II, 384.

[3] «Capitula quae domnus Hludovicus imperator cum universo coetu populi in Aquisgrani palatio promulgavit atque Legis Salicae addere praecepit» (1-й капитулярій 819 года, Walter, II, 329; Boretius, 280).—«Imperator conventum publicum celebravit et... capitula quaedam legibus addidit» (*Vita Ludovici ab Anonymo*, c. 32).

[4] Такъ, относительно раздѣла 817 года Агобардъ писалъ потомъ императору: «Gesta scribere mandastis, *scripta signare et roborare*, ac deinde *iurare* omnes *iussistis* ut talem electionem ac di-

законы въ эпоху Людовика Благочестиваго. Прелатъ, пишущій одному своему другу, разсказываетъ, что императоръ созвалъ въ Аттиньи *conventus*, то-есть, собраніе графовъ и епископовъ. Тамъ, когда знатные были въ сборѣ, чиновники государя представили имъ проектъ закона, инціатива котораго принадлежала императору, и который былъ редактированъ его ближними совѣтниками. Одинъ изъ чиновниковъ прочиталъ его и спросилъ согласія собранія. Собраніе состояло изъ графовъ, назначаемыхъ и смѣняемыхъ королемъ чиновниковъ и изъ духовныхъ сановниковъ, обязанныхъ ему своими епархіями и аббатствами. Относительно выслушаннаго проекта закона не возникло обсужденія, не произошло никакого голосованія. Одинъ только Агобардъ, независимый характеръ котораго извѣстенъ, воспользовался словомъ; чрезвычайно скромнымъ тономъ, со смиреніемъ, „подобающимъ, при обращеніи къ такимъ высокимъ лицамъ, какъ правители государя", онъ попытался не отвергнуть проектъ, а внести въ него измѣненіе и добавленіе. Правители ограничились отвѣтомъ, что поговорятъ съ императоромъ, и просьба прелата была оставлена безъ всякихъ послѣдствій; она даже не подвергалась обсужденію.

Письмо Агобарда ясно описываетъ намъ это засѣданіе; мы видимъ здѣсь собраніе, обыкно-

visionem cuncti *servarent*» (dom Bouquet, VI, 367).— Анонимный писатель (гл. 34) также говоритъ: «Conventum habuit in quo partitionem regni quam iamdudum fecerat *coram recitari* fecit et ab omnibus proceribus qui tunc affuere *confirmari*».

венно, безгласное, непремѣнно, послушное; оно получаетъ законы, которые ему посылаетъ императоръ; оно бы ихъ обсуждало, если бы императоръ пожелалъ, чтобы оно ихъ обсуждало; но оно ограничивается здѣсь ихъ одобреніемъ и не имѣетъ ни права отверженія, ни права измѣненія закона; знаменательнѣе же всего, что въ длинномъ письмѣ, гдѣ все подробно описано, мы не видимъ никакого указанія на народъ, который имѣлъ бы право контроля надъ рѣшеніями государя, и раздѣлялъ съ нимъ власть творить законы [1].

Другой современникъ Людовика Благочестиваго, епископъ орлеанскій Іонасъ, говоритъ объ уваженіи подданныхъ къ законамъ государя въ слѣдующихъ словахъ: „Когда король или императоръ издаетъ какой-нибудь указъ, который онъ объявляетъ своимъ поданнымъ, и которому требуетъ повиновенія, то кто же, спрашивается, не слушаетъ это объявленіе съ величайшимъ вниманіемъ, кто думаетъ о чемъ-нибудь другомъ кромѣ того, чтобы сообразоваться со всѣми повелѣніями короля" [2].

[1] *Agobardi opera*, edit. Baluze, I, 268, Bouquet, VI, 361. Балюзъ относитъ это засѣданіе къ концу 822 года и полагаетъ, что капитулярій, который здѣсь оглашался, помѣченъ 823 годомъ. Достаточно прочитать его, чтобы убѣдиться, что это—созданіе одного императора и его ближайшихъ совѣтниковъ; государь говоритъ въ немъ отъ своего имени и какъ неограниченный монархъ.

[2] «Cum quispiam regiae aut imperialis dignitatis apicem tenens, ceteris mortalibus imperans, aliquod edictum proponit quod a sibi subiectis et audiri diligenter et impleri fideliter velit, quis, rogo, subditorum non inhianter obaudit illiusque iussionibus obtemperare sa-

4.

Законодательная власть при Карлѣ Лысомъ; указы пистскій и кьерсійскій.

Переходя къ царствованію Карла Лысаго, не видимъ, чтобы природа законодательной власти подверглась измѣненію. Какъ извѣстно, этотъ государь часто находился въ борьбѣ съ сеньорами и нѣсколько разъ долженъ былъ подчиняться ихъ требованіямъ. Въ числѣ его капитуляріевъ встрѣчаются такіе, которые явнымъ образомъ были исторгнуты у него силою. Но мы никогда не видимъ, чтобы народъ, или собраніе представителей народа, какимъ бы то ни было образомъ вмѣшивались въ законодательство. Въ тѣхъ даже случаяхъ, когда знатные требуютъ уступокъ, они требуютъ ихъ отъ него, какъ отъ единой законодательной власти. Они не думаютъ утверждать ихъ другою властью. Въ самыхъ уступкахъ, которыя они навязываютъ, они хотятъ, чтобы государь говорилъ, какъ неограниченный властелинъ.

Къ тому же, не слѣдуетъ ошибаться относительно характера царствованія Карла Лысаго. Ни капитуляріи, ни лѣтописи не изображаютъ его всегда безсильнымъ. Если онъ часто сгибался, то часто также выпрямлялся и поднимался. Онъ всегда помнилъ о власти Карла Великаго, и иногда ему удавалось осуществлять ее. Доказательствомъ тому,

tagit?» (*Ionas*, Aurelianensis episcopus, De institutione regia, c. 11, Patrologia, CVI, 301).

въ числѣ многихъ другихъ фактовъ, служитъ пистскій указъ 864 года [1].

Раньше, чѣмъ представить разборъ этого знаменитаго указа, посмотримъ, что говоритъ современный лѣтописецъ о собраніи, на которомъ онъ былъ обнародованъ. „Король Карлъ, въ іюльскія календы, держалъ общее свое собраніе въ мѣстѣ, именуемомъ Писты; тамъ онъ получилъ ежегодные дары, а также подати, привезенныя ему герцогомъ бретонцевъ; онъ повелѣлъ также построить въ этомъ мѣстѣ крѣпости на Сенѣ, чтобы воспрепятствовать норманнамъ подниматься по рѣкѣ; онъ установилъ, наконецъ, по совѣту своихъ вѣрныхъ и согласно обычаю своихъ предшественниковъ, тридцать семь капитуляріевъ и повелѣлъ, чтобы они соблюдались какъ законъ во всемъ его королевствѣ". — Ничто въ этомъ разсказѣ не обнаруживаетъ образъ короля, подчиненнаго верховному собранію [2].

Указу была предпослана *annuntiatio*, то-есть, нѣсколько словъ, обращенныхъ государемъ къ общему собранію: „Благодаримъ васъ за вѣрность и за усердіе, говоритъ онъ, которыя вы проявили на нашей службѣ, подражая здѣсь тому, какъ

[1] «Sequuntur capitula quae in mense novembrio domnus Karolus consultu fidelium suorum in Silvaco edidit et per regnum suum a missis suis adnuntiari et observari praecepit» (капитулярій Карла Лысаго 14-й; Pertz, 423).—«Haec capitula dedit missis suis domnus Karolus ut illa unusquisque missus in suo missatico exsequi procuret» (кап. 15-й; Pertz, 428).—«Capitula quae Karolus fecit apud Carisiacum palatium» (23-й, Pertz, 451).

[2] Бертинская лѣтопись, изд. «Société de l'Histoire de France», 136.—Эта часть лѣтописи написана Гинкмаромъ.

поступали ваши предшественники по отношенію къ нашимъ; благодаримъ васъ за то, что всѣ вы явились и явились съ добрымъ намѣреніемъ на наше собраніе... Постановленія, три года тому назадъ сдѣланныя нами по совѣту и съ согласія нашихъ вѣрныхъ, были вами приняты и соблюдаеы ревностно; такъ же и нынѣ, ради общаго нашего благополучія, ради порядка и славы королевства, издаемъ мы новыя постановленія съ согласія и по совѣту нашихъ вѣрныхъ: мы хотимъ объявить ихъ вамъ и даемъ ихъ вамъ въ написанномъ видѣ, дабы вы лучше могли услышать ихъ и дабы, прочитывая впослѣдствіи записанное, огласить и хранить списокъ котораго въ каждомъ графствѣ мы повелѣваемъ, вы соблюдали ихъ постоянно и безъ колебанія. Списокъ будетъ также врученъ епископамъ, дабы каждый изъ нихъ огласилъ въ своей епархіи наши постановленія и объяснилъ ихъ народу"[1].

Таково предисловіе; изъ него достаточно ясно видно, что законъ создавалъ лишь король съ ближайшими своими совѣтниками, что никакое собраніе народнаго характера не обсуждало его, что, наконецъ, населеніе должно было принимать его только къ свѣдѣнію и подчиняться ему.

[1] «Quae nunc constituimus, vobis per scriptum nota facere volumus, ut illa plenius audire et ad illud scriptum recurrendo, quod in singulis comitatibus dari et relegi atque haberi praecipimus, firmius retinere et certius observare possitis. Quae etiam ab episcopis aperto sermone, ut ab omnibus possint intelligi, tradi volumus» (*Edictum Pistense*, *adnuntiatio domni Karoli*, Baluze, II, 173; Pertz, 488; Krause, 311).

Послѣ *adnuntiatio* королевскій чиновникъ огласилъ текстъ законодательнаго акта: „Мы, Карлъ, король Божьей милостью, объявляемъ, что на этомъ собраніи съ согласія и по совѣту нашихъ вѣрныхъ, мы постановили слѣдующія статьи и повелѣваемъ всѣмъ соблюдать ихъ безъ всякаго возраженія"[1].

Дальше слѣдуютъ тридцать четыре статьи. 1-я предписываетъ графамъ охранять церковныя земли. 2-я и 3-я предлагаютъ графамъ и *missi* имѣть попеченіе о сиротахъ, о вдовахъ и слабыхъ, а равно и о поддержаніи порядка. Въ 5-й государь говоритъ, что онъ сумѣетъ вознаградить за службу графовъ и *missi*, равно какъ и наказать ихъ за нерадѣніе; 6-й и 7-й статьями преслѣдуется разбой строже, чѣмъ прежде. Двѣнадцать слѣдующихъ статей относятся къ деньгамъ: съ одной стороны государь велитъ строго наказывать фальшивыхъ монетчиковъ; съ другой, онъ сохраняетъ за однимъ королемъ и его чиновниками право чеканить монету, и видно, что онъ опредѣляетъ ея вѣсъ и достоинство по собственному усмотрѣнію, не совѣщаясь въ такомъ важномъ вопросѣ съ народомъ. Статьи 20—22 опредѣляютъ вѣсъ и мѣры, какіе должны употребляться во всемъ королевствѣ; государственные чиновники, *ministri reipublicae*, обязаны наблюдать за тѣмъ, чтобы они всюду совпадали съ „присланными изъ дворца" нормами. Статья 25-я воспрещаетъ продажу оружія чужестранцамъ безъ разрѣшенія короля; 26-я обязываетъ къ воинской

[1] «Haec quae sequuntur capitula una cum fidelium nostrorum consensu atque consilio constituimus et cunctis sine ulla refragatione observanda mandamus».

службѣ всякаго свободнаго человѣка „который владѣетъ или можетъ владѣть лошадьми". Кто не можетъ идти на непріятеля, долженъ нести караульную или обозную службу. Статьи 28-я и двѣ слѣдующихъ устанавливаютъ обязанности свободныхъ людей, церковныхъ и королевскихъ колоновъ. Статья 32 воспрещаетъ двумъ сосѣднимъ графамъ назначать судебныя засѣданія въ одинъ и тотъ же день.

Особаго вниманія заслуживаетъ 34-я статья. „Нѣсколько нашихъ графовъ, говоритъ король, совѣщались съ нами относительно свободныхъ людей, которые, побуждаемые голодомъ, продались въ рабство. Мы спрашивали себя съ епископами и другими нашими вѣрными, что слѣдуетъ намъ сдѣлать въ данномъ случаѣ. Въ Салической Правдѣ мы не нашли ничего, относящагося къ этому вопросу. Въ третьей книгѣ сборника капитуляріевъ говорится лишь о человѣкѣ, отдающемъ себя въ залогъ. Мы смотрѣли въ Священномъ Писаніи; въ немъ говорится, что человѣкъ, отдавшійся въ рабство, будетъ рабомъ въ теченіе шести лѣтъ, а на седьмой годъ снова станетъ свободнымъ. Мы обратились затѣмъ къ закону, установленному нашими предшественниками, знаменитыми римскими императорами [1], и нашли въ

[1] «In lege etiam quam praedecessores nostri et nominatissimi imperatores constituerunt» (ст. 34). Здѣсь не можетъ говориться ни о Карлѣ Великомъ, ни о Людовикѣ Благочестивомъ, такъ какъ онъ раньше говорилъ о капитуляріяхъ обоихъ этихъ императоровъ.—Карлъ Великій также говоритъ иногда о «своихъ предшественникахъ императорахъ»; см. 2-й капитулярій 805 года, ст. 22 и 3-й капитулярій того же года, ст. 24 (Boretius, 126).

немъ нѣсколько статей, относящихся къ свободнымъ людямъ, по причинѣ голода или по другой какой-либо нуждѣ продающихъ своихъ дѣтей. Мы сочли нужнымъ привести здѣсь одну изъ этихъ статей; въ ней говорится (это 32-я новелла Валентиніана III)[1], что если свободный человѣкъ, побуждаемый голодомъ, продалъ своихъ дѣтей, то послѣдніе получаютъ обратно свободу при условіи уплаты покупной цѣны, увеличенной на одну пятую. Намъ угодно, чтобы то же правило примѣнялось къ родителямъ, которые продали себя сами". Въ подкрѣпленіе своего толкованія Карлъ Лысый приводитъ одно мѣсто изъ святого Григорія и кончаетъ такими словами: „Вотъ что, съ согласія и по совѣту нашихъ вѣрныхъ, въ силу нашей королевской власти требуемъ мы, чтобы соблюдалось во всемъ нашемъ королевствѣ" [2].—Ничего не можетъ быть яснѣе этой главы: въ ней, видно, что въ такомъ важномъ вопросѣ правительство къ народу не обращалось; король рѣшилъ одинъ; въ этомъ особенно трудномъ правовомъ пунктѣ онъ искалъ разъясненій вездѣ, въ прежнихъ законахъ, въ капитуляріяхъ, въ римскомъ правѣ, въ Ветхомъ Завѣтѣ, вездѣ, кромѣ только мнѣнія собранія.

Законъ, въ собственномъ смыслѣ, останавливается на этомъ; видно, что онъ не обсуждался и не будетъ обсуждаться никакимъ народнымъ со-

[1] *Novellae*, edit. Haenel, 237—239.

[2] «Quod et nos per regnum nostrum, una cum consensu et fidelium nostrorum consilio, observari regia auctoritate praecipimus».

браніемъ: онъ — созданіе одного государя, окруженнаго его совѣтниками. Карлъ Лысый прибавляетъ еще: „Да будетъ извѣстно нашимъ графамъ, что въ каждое графство мы пришлемъ нашихъ *missi*, чтобы освѣдомиться, заставляютъ ли они соблюдать вводимыя нами нынѣ постановленія, и до конца ли исполняютъ они наши приказанія; если графъ нерадивъ или безсиленъ въ ихъ исполненіи, то мы сумѣемъ найти другого, который захочетъ и сможетъ заставить соблюдать то, что мы повелѣваемъ“ [1].

Это еще не все: надо, чтобы все населеніе знало новые указы и повиновалось имъ. „Мы требуемъ, говоритъ государь, чтобы, согласно главѣ 24-й второй книги капитуляріевъ, статьи эти, установленныя нами съ согласія нашихъ вѣрныхъ, были вручены нашимъ канцлеромъ епископамъ и графамъ, и чтобы каждый изъ нихъ распорядился публичнымъ ихъ прочтеніемъ въ своей епархіи и въ своемъ графствѣ, дабы приказъ нашъ и наша воля были объявлены всѣмъ“ [2].

Послѣ оглашенія на собраніи отъ имени короля длиннаго текста закона [3], Карлъ Лысый продолжалъ рѣчь. Онъ добавилъ одно распоряженіе, которое было пропущено: „Желаемъ, говоритъ онъ, и повелѣваемъ, чтобы всякая крѣпость, возведенная въ нашемъ королевствѣ безъ нашего разрѣшенія, была снесена, и исполненіе нашего повелѣнія возлагаемъ на графовъ, подъ угрозою отставленія“.

[1] Ст. 35.
[2] Ст. 36.
[3] «Post haec omnia lecta» (Baluze, col. 195; Pertz, 499).

Когда, наконецъ, собраніемъ молча, безъ преній, безъ всякаго вида голосованія все было выслушано, король распустилъ его въ слѣдующихъ выраженіяхъ: „Пусть тѣ изъ васъ, кто вызванъ во дворецъ по какому-нибудь судебному дѣлу, остаются, пока дѣло будетъ разобрано. Пусть тѣ, кому по тяжбамъ, въ которыхъ они состоятъ истцами, нужно остаться около насъ, остаются до тѣхъ поръ, пока это имъ нужно. Пусть остаются также вассалы наши съ ихъ людьми и идутъ съ нами [1]. Что касается остальныхъ, то возвращайтесь къ себѣ, и въ пути вашемъ, дома и когда вы снова придете къ намъ, соблюдая установленный нами на этомъ общемъ собраніи порядокъ, да будетъ съ вами милость Божья и наша. Да даруетъ намъ Господь, чтобы послѣ краткаго перерыва, а затѣмъ въ теченіе долгаго ряда лѣтъ, мы встрѣчались въ добромъ здравіи и радости, и чтобы милосердіе и благодать Божьи пребыли съ нами“.

Таковъ пистскій указъ. Его надо было привести цѣликомъ, чтобы дать понятіе о томъ, какъ законодательные акты составлялись, какъ издавались и обнародовывались еще въ эпоху Карла Лысаго.

Въ сдѣланномъ нами разборѣ мы сознательно пропустили и отложили одну статью, ту самую, которую привели въ началѣ этой главы, и гдѣ встрѣчаются слова—*lex consensu populi fit et constitutione*

[1] *Vassali* не должны смѣшиваться съ графами и другими *ministri reipublicae*; здѣсь идетъ рѣчь о начальникахъ отрядовъ, лично привязанныхъ къ королю, которые всюду должны слѣдовать за нимъ.

regis. Нѣсколько ученыхъ новаго времени, увлеченные, быть можетъ, идеею, что тогда должна была царить широкая система политической свободы, переводили эти слова такъ, будто Карлъ Лысый хотѣлъ сказать, что законъ творила общая воля народа, а король лишь опубликовывалъ его [1]. Такое утвержденіе было бы единичнымъ среди всего множества каролингскихъ текстовъ; оно находилось бы въ явномъ несогласіи съ весьма точными свѣдѣніями, показывающими намъ, какъ составлялись законодательные акты, какъ они издавались и опубликовывались; оно оказалась бы, особенно, въ противорѣчіи съ пистскимъ указомъ, несомнѣнно, не подвергавщимся обсужденію со стороны народа.

Чтобы понять истинное значеніе словъ Карла Лысаго, надо прочитать всю статью, въ которой она находится. Это шестая статья указа, и предметъ ея составляетъ измѣненіе прежняго порядка судопроизводства. Согласно старому праву франковъ, никто не могъ быть потребованъ къ суду иначе, какъ въ силу вызова, сдѣланнаго въ его собственномъ домѣ, и никакой судъ „франковъ“ [2]

[1] *Pardessus*, Loi Salique, dissertation première, 421.—*Waitz*, Deutsche Verfassungsgeschichte, IV, 506.—Вайтцъ сближаетъ текстъ со слѣдующей фразой: «Iudici discenda lex est a sapientibus populi composita»; но въ рукописяхъ стоитъ слово «populo», а не «populi» (*Boretius*, 58), что придаетъ мѣсту совсѣмъ другой смыслъ; надо прочитать ту же фразу въ статьѣ 61-й капитулярія 789 года, и вы увидите, что она не имѣетъ приписываемаго ей Вайтцемъ значенія.

[2] Относительно ««franci homines» и «iudicium francorum» см. 1-й капитулярій 809 года, ст. 30 (Boretius, 14`, с. 1); 2-й капитулярій того же года, ст. 1 (Boretius, ibidem) пистскій указъ, ст. 32 и 3-й капитулярій Карломана, 884 годъ, ст. 9 (Pertz, 552). Выраженія «coram francis hominibus» и «secundum iudicium francorum» часто встрѣчаются въ грамотахъ IX вѣка. Нѣтъ надобности предупреждать, что слово «franci» не означаетъ здѣсь особой расы.

не могъ произносить заочнаго осужденія, если клятвенно не было засвидѣтельствовано, что обвиняемый получилъ вызовъ въ своемъ жилищѣ. Государь хочетъ отмѣнить это старое правило, ставшее непригоднымъ. Вотъ какъ онъ выражается: „До слуха нашего дошло, что нѣсколько человѣкъ изъ опустошенныхъ норманнами графствъ, обладавшіе прежде домами, а нынѣ ихъ больще не имѣющіе, думаютъ, что имъ дозволено предаваться всякимъ безчинствамъ; они полагаютъ, что такъ какъ у нихъ нѣтъ больше домовъ, гдѣ ихъ могли бы вызвать на судъ, то и потребованы къ суду они быть не могутъ, и никакой законный приговоръ надъ нимъ постановленъ быть не можетъ [1]. Принимая во вниманіе лукавство этихъ людей, съ согласія и по совѣту нашихъ вѣрныхъ, мы постановляемъ на этотъ случай, чтобы графъ посылалъ своего довѣреннаго на мѣсто, гдѣ имѣлъ прежде домъ виновный, и чтобы въ этомъ мѣстѣ онъ потребовалъ его явки на судъ“.

Тутъ Карлъ Лысый замѣчаетъ, что исполненіе его распоряженій встрѣтитъ препятствіе въ одномъ соблюдавшемся въ судахъ обычаѣ, согласно которому, въ случаѣ неявки обвиняемаго, полагалось

[1] «Quia non habent domos ad quas secundum legem manniri et banniri possint, dicunt quod de mannitione vel bannitione legibus comprobari et legaliter iudicari non possunt».

„франкамъ" приноситъ клятву, что онъ былъ вызванъ въ собственномъ домѣ. Эта формальность сдѣлала бы примѣненіе новаго закона затруднительнымъ для суда, такъ какъ она помѣшала бы постановленію приговора; но Карлъ Лысый уничтожилъ затрудненіе, потребовавъ, „чтобы франки клялись, что виновный былъ вызванъ и приглашенъ дать удовлетвореніе на судѣ согласно новому приказу короля, и что вызовъ этотъ законный"[1]. Приведеная формула объявлялась на будущія времена достаточною для того, чтобы можно было приступить къ суду, и скабины при такомъ условіи получали право постановить конфискацію имущества виновнаго и его задержаніе, въ какомъ бы графствѣ онъ ни находился.

Таковъ языкъ Карла Лысаго. Мы видимъ, что клятва, которую онъ требуетъ отъ „франковъ", представляетъ важное нововведеніе; и для установленія такого новаго правила онъ не спрашиваетъ одобренія какого-нибудь собранія: онъ предписываетъ, дѣлаетъ постановленія, какъ самодержецъ, и именно для учрежденія порядка, очень отличающагося отъ прежней процедуры, произноситъ онъ слѣдующія слова—„такъ какъ законъ черпаетъ силу въ согласіи народа и постановленіи государя", *quoniam lex consensu populi fit et constitutione regis.*— Надо вникнуть въ послѣдовательность мысли во всемъ текстѣ: король не только не хочетъ сказать, что законъ существуетъ лишь по волѣ народа, но онъ даетъ понять, что народъ долженъ повиноваться закону, какъ только король установитъ его, и это простирается до замѣны старыхъ формъ процесса на судѣ[1].

Другіе законодательные акты Карла Лысаго носятъ тотъ же характеръ, какъ пистскій указъ: никогда не видно, чтобы они подвергались обсужденію или голосованію народнаго собранія[2].

Какъ примѣръ, приведемъ лишь знаменитый

[1] «Franci iurare debeant quia secundum regium mandatum nostrum, ad iustitiam reddendam vel faciendam, legibus bannitus vel mannitus fuit» (Baluze, II, 177; Pertz, 490). «Франки», которые приносятъ присягу передъ трибуналомъ графа и скабиновъ, это, вѣроятно, тѣ самые люди, о которыхъ говорится въ 32-й статьѣ пистскаго указа, «francos homines et advocatos», и въ капитуляріи 884 года, «francis hominibus mundanae legis documentis eruditis» (*Walter*, Corpus iuris germanici, III, 230; *Pertz*, p. 522, c. 9). Этотъ терминъ обозначалъ категорію людей, игравшихъ въ процедурѣ мѣстныхъ судовъ важную роль, въ качествѣ свидѣтелей и присяжныхъ (sacramentales, coniuratores), а также, быть можетъ, адвокатовъ и законовѣдовъ. Возможно, что это тѣ же люди, которые въ другихъ текстахъ обозначены словами «legales viri», «probi et legales homines».

[1] Не безполезно замѣтить, что выраженіе *lex fit* или *facere legem* никогда не встрѣчается въ смыслѣ «творить законъ». Наоборотъ, *facere legem* употребляется въ смыслѣ—отправлять правосудіе, то-есть, примѣнять законъ. *Facere legem* относится къ судопроизводству, а не къ законодательству; точно также въ интересующемъ насъ отрывкѣ рѣчь идетъ о примѣненіи закона на судѣ, а не о составленіи закона.—Что касается слова *consensus*, то и здѣсь, какъ во многихъ другихъ текстахъ, оно означаетъ обязательное согласіе, то-есть, повиновеніе.—Наконецъ, слово *constitutio*, которое мы понимаемъ въ этомъ мѣстѣ, какъ простое обнародованіе, всегда означало произвольный актъ государя, законодательствующаго отъ собственнаго имени.

[2] Капитуляріи, passim. Ср. бертинскую лѣтопись, 873 годъ: «Regio ministerio, cum consilio fidelium suorum, secundum morem praedecessorum suorum leges paci ecclesiae et regni soliditati congruas promulgavit et ab omnibus observari decrevit».

капитулярій 877 года, изданный въ Кьерси на Уазѣ. Его слишкомъ часто приводятъ, какъ свидѣтельство крайней слабости Карла Лысаго; не будемъ здѣсь заниматься отношеніями между государемъ и знатными, которыя изъ него вскрываются: поищемъ только, даетъ ли онъ какое-нибудь указаніе, что законодательная власть принадлежала не государю [1].

Въ заголовкѣ указа читаемъ: „Капитуляріи эти установлены господиномъ Карломъ, славнымъ императоромъ, съ согласія его вѣрныхъ, въ Кьерси, во второй годъ его императорской власти; изъ числа этихъ капитуляріевъ, одни составилъ онъ самъ; относительно другихъ онъ совѣщался съ своими вѣрными и повелѣлъ имъ отвѣтить ему“.

Въ длинномъ указѣ мы, въ самомъ дѣлѣ, различаемъ два ряда несходныхъ между собою статей. Восемь первыхъ составлены въ формѣ вопросовъ [2], и за каждымъ изъ нихъ слѣдуетъ отвѣтъ знатныхъ, отвѣтъ всегда, впрочемъ, согласный съ мыслью и волею короля; это не что иное, какъ формальное одобреніе каждой статьи или, скорѣе, обязательство знатныхъ исполнять ее. — „Первую вашу статью, говорятъ они, какъ вы постановили ее по внушенію Бога, мы всѣ одобряемъ и хотимъ соблюдать ее“ [3].—„Тотъ же отвѣтъ даемъ мы на

[1] См. подробное изслѣдованіе о немъ въ *Nouvelles Recherches*.

[2] [Можетъ быть, скорѣе, рубрикъ; ср. *Nouvelles Recherches*, 420 и слѣд.]. Такой пріемъ былъ старымъ обычаемъ; примѣры находимъ при Карлѣ Великомъ въ 789, 799 и 811 годахъ и еще одинъ при Людовикѣ Благочестивомъ въ 819 году.

[3] «Primum capitulum, sicut Deo inspirante decrevistis, omnes conlaudamus et conservare volumus».

вторую статью“.—„Третьей статьей, согласно внушеннымъ вамъ Богомъ намѣреніямъ, установили вы оборону вашего королевства и охрану вашего сына; мы не можемъ и не должны нарушать установленнаго вами порядка и не знаемъ ничего лучшаго“ [1]. — „Вы спрашиваете насъ въ четвертой статьѣ, что можетъ дать намъ спокойную увѣренность относительно вашего сына, а ему относительно насъ; мы отвѣчаемъ на первый вопросъ, что не просимъ у вашего сына никакого другого благополучія, кромѣ того, чтобы онъ оставилъ каждаго изъ насъ въ его положеніи, согласно установленнымъ и изданнымъ вами раньше распоряженіямъ; на второй вопросъ мы отвѣчаемъ, что хотимъ быть вѣрными ему, какъ подобаетъ быть вѣрными своему государю“. — Подобные же отвѣты даны на 5-ю, 6-ю, 7-ю и 8-ю статьи; эти отвѣты всегда таковы, какими желалъ получить ихъ король; знатные говорятъ, что они „готовы исполнять то, что постановилъ государь“; — 9-я статья и двадцать четыре слѣдующихъ за нею не изложены уже въ формѣ вопросовъ; потому знатные и не давали отвѣтовъ, а ограничились тѣмъ, что высказали: „Слѣдующія статьи въ отвѣтѣ не нуждаются, такъ какъ онѣ были составлены и постановлены вашею мудростью“. Дальше дѣйствительно слѣдуетъ двадцать пять статей, въ которыхъ государь постановляетъ все одинъ, отъ собственнаго имени, самодержавно. Не всѣ эти статьи направлены къ пользѣ знатныхъ, но знатные

[1] «Cetera capitula responsione non egent, quoniam a vestra sapientia sunt disposita et diffinita» (ст. 9).

не предъявляютъ, однако, никакого протеста. Что касается собранія, которое бы предварительно обсуждало этотъ указъ, то на него нѣтъ никакого намека. Высказана только одна воля государя.

Эти тридцать три статьи были объявлены знатнымъ 14 іюня 877 года [1]; черезъ два дня послѣ того Карлъ Лысый повелѣлъ совершить торжественное провозглашеніе новаго закона передъ собравшимся „народомъ". Но такъ какъ большая часть статей касалась только графовъ, миссовъ и другихъ чиновниковъ, то онъ ограничился объявленіемъ народу такихъ лишь статей, которыя могли быть ему интересны. „Въ 16 день до іюльскихъ календъ государь императоръ Карлъ, на общемъ собраніи, объявилъ народу объ отъѣздѣ своемъ въ Римъ; онъ сообщилъ, какія распоряженія далъ сыну на время своего отсутствія, какія онъ установилъ правила (сдѣланъ былъ краткій перечень тридцати трехъ предшествующихъ статей); потомъ король добавилъ, что въ этомъ указѣ есть нѣсколько такихъ статей, которыя онъ бы хотѣлъ, чтобы знали всѣ, и онъ повелѣлъ канцлеру Гозлину огласить ихъ" [2].

Наконецъ, послѣ оглашенія онъ немедленно объявилъ закрытіе собранія согласно обычной формѣ: „Каждый изъ васъ, произнесъ государь [3], может ъ возвращаться домой съ милостью Божіею и нашею, за исключеніемъ тѣхъ, у кого есть причина остаться около насъ, или кто не принесъ еще ежегодныхъ даровъ, которые должны быть переданы намъ" [1].—Видно, что всѣ указанные пріемы совершенно противоположны тѣмъ, какіе имѣли бы мѣсто, если бы законодательная власть принадлежала самому народу или собранію. Въ кьерсійскомъ указѣ, послѣднемъ изъ своихъ актовъ, Карлъ Лысый говоритъ, какъ самодержавный государь.

Таковы тексты и факты. Можно, конечно, усмотрѣть въ нихъ воспоминаніе и какъ бы слѣды былыхъ исчезнувшихъ вольностей, особенно если толковать нѣкоторыя выраженія въ томъ смыслѣ, какого они, во всякомъ случаѣ, не имѣли въ IX вѣкѣ. Можно также допустить, что открывались здѣсь и зародыши будущей свободы. Но если ограничить свой взоръ IX вѣкомъ, если придавать словамъ тотъ смыслъ, какой они имѣли въ языкѣ того времени, если разсматривать обычаи и факты такими, какъ они описаны въ многочисленныхъ и ясныхъ документахъ той эпохи, то мы нигдѣ не

[1] См. о датѣ въ «Nouvelles Recherches», стр. 417 и слѣд.

[2] «Quia de ipsis capitulis quaedam capitula excerpta habebat quae in illorum omnium notitiam recitari volebat. Et tunc iussit Gauzlenum cancellarium ut haec sequentia capitula in populum recitaret».

[3] «Post haec lecta capitula, dedit omnibus licentiam cum Dei gratia et sua redeundi ad patriam exceptis his quos specialiter pro specialibus causis considerandis vel pro dona liberanda secum aliquantis diebus manere praecepit». Кьерсійскій указъ, in fine (Baluze, II, col. 270; Pertz. 542).

[1] Ср. съ этой формулой распущенія собранія пистскій указъ 869 года, кончающійся такъ: «Gratias vobis agimus quia fideliter secundum nostram commendationem in nostro venistis servitio. Et ite cum Dei gratia sani et salvi, et Deus nobis concedat ut iterum cum sanitate et gaudio ad suam voluntatem reconiungamur».—См. также приведенныя выше послѣднія строки указа 864 года.

увидимъ, чтобы при первыхъ четырехъ Каролингахъ народъ обладалъ законодательною властью или хотя бы раздѣлялъ ее съ королями.

[Итакъ, законодательство оставалось одною изъ главныхъ прерогативъ королевской власти во франкскомъ государствѣ, какъ было и въ римской монархіи. Карлъ Великій прежде всего законодатель, какъ римскіе императоры всѣхъ временъ; онъ не переставалъ законодательствовать въ теченіе всего своего царствованія]. Онъ озаботился составленіемъ сводовъ для подчиненныхъ ему германскихъ племенъ; но было бы большой ошибкой думать, что эти своды были созданіемъ самихъ племенъ: государь единолично, собственною властью измѣнилъ законы лонгобардовъ и франковъ, установилъ законы для тюринговъ, фризовъ и саксовъ. А потому ихъ законы отражаютъ самую неограниченную монархическую власть и чужды идеи политической свободы. Карлъ Великій издалъ кромѣ того значительное количество капитуляріевъ, обязательныхъ для примѣненія во всей имперіи.

Онъ походитъ на римскихъ императоровъ, посылавшихъ изъ своихъ дворцовъ указы и рескрипты всѣмъ провинціямъ. Воспоминаніе о Римѣ дѣйствительно наполняло умъ Карла Великаго. Онъ называетъ римское законодательство „матерью всѣхъ человѣческихъ законовъ“ [1]. Онъ выражаетъ мысль, которая главнымъ образомъ руководила имъ во всемъ его законодательномъ дѣлѣ, когда

[1] «Lex Romana quae est omnium humanarum mater legum» (*Capitularia*, additio quarta, c. 160; Baluze, I, 1226).

говоритъ: „Мы имѣли попеченіе о томъ, чтобы распорядиться составленіемъ сборниковъ капитуляріевъ, заимствованныхъ изъ постановленій святыхъ епископовъ или изъ указовъ императоровъ“ [1].

ГЛАВА ДВѢНАДЦАТАЯ.

Судоустройство [2].

[Право судить, какъ и право творить законы, было главнымъ] аттрибутомъ всемогущей королевской власти. Въ документахъ никогда не указанъ народъ, который собирался бы для суда, или народъ, который избиралъ бы судей. Они рисуютъ, наоборотъ, судей людьми, зависящими отъ короля, получающими его инструкціи, назначаемыми и смѣняемыми королемъ. „Мы желаемъ, говоритъ Карлъ Великій, чтобы ни одно преступленіе не оставлялось нашими судьями безнаказаннымъ“, *a iudicibus nostris*; „чтобы ни одинъ судья не позволялъ преступнику откупаться, подъ угрозой отставленія отъ должности“.—Алькуинъ пишетъ королю: „Не позволяй судьямъ, которые находятся въ твоей

[1] «Sequentia quaedam capitula ex sanctorum patrum decretis et imperatorum edictis colligere curavimus atque inter nostra capitula lege firmissima tenenda, generali consultu, Erchembaldo cancellario nostro inserere iussimus». *Capitularia*, additio quarta (Baluze, I, 1181).

[2] *Académie des Sciences Morales*, Compte rendu, CVI, 701—708; *Revue des Deux Mondes*, 1 janvier 1876, 146—148).

власти, продавать правосудіе". Развѣ такъ говорили бы о народномъ судѣ присяжныхъ [1].

Капитуляріи полны статей, показывающихъ королевскихъ чиновниковъ, *missi*, графовъ и сотниковъ облеченными обязанностью карать преступленія, рѣшать тяжбы. Карлъ Великій непрестанно предписываетъ своимъ чиновникамъ творить справедливый судъ. Онъ особенно поручаетъ ихъ заботамъ бѣдныхъ и слабыхъ, что было бы, конечно, безполезно, если бы существовали народные суды присяжныхъ [2]. Онъ хочетъ, чтобы графы знали законы; онъ повелѣваетъ имъ выбирать викаріями и сотниками также лишь знающихъ законы людей [3]. Онъ предписываетъ давать ему отчетъ о томъ, какъ они судятъ. Людовикъ Благочестивый пишетъ: „Пусть наши *missi* и наши графы судятъ правильно, дабы къ намъ не возносились на нихъ жалобы бѣдныхъ". Императоръ прибавляетъ: „Да будетъ извѣстно народу, что онъ не долженъ обращаться къ намъ ни съ какими другими тяжбами, кромѣ

[1] Капитулярій 789 года, ст. 67 (Boretius, 59); 779 года, in fine (Boretius, ст. 21, стр. 51). *Alcuini*, Epist. № 120. Выраженіе *iudices publici* не должно вводить въ заблужденіе; оно противупоставляется выраженію *iudices ecclesiastici* (см. капитулярій 755 года, ст. 27; Boretius, 37) и всегда означаетъ королевскихъ судей. Таково же значеніе слова *publicus* въ выраженіяхъ *functiones publicae*, *ministri reipublicae* и во многихъ другихъ сочетаніяхъ въ языкѣ IX вѣка.

[2] Капитулярій 3-й 789 года, ст. 1 (Boretius, 63, § 17); капитулярій 801 года, ст. 19 (Boretius, 209, ст. 4).

[3] Капитулярій 779 года, ст. 11 (Boretius, 49); 3-й капитулярій 803 года [?], часть 2-я, ст. 4 (Boretius, 114); 2-й капитулярій 805 года, ст. 12 (Boretius, 124); капитулярій 829 года, ст. 14 (Krause, 16).

тѣхъ, разрѣшить которыя отказались наши *missi* или графы [1]. Развѣ не представляются такія слова несовмѣстимыми съ существованіемъ народнаго суда?

Судилище, на которомъ графъ постановлялъ свои приговоры, называлось *mall* или *placitum* графа [2]. Представлять себѣ *mall* народнымъ собраніемъ было бы ошибкой; *mall* не происходилъ на открытомъ воздухѣ, а всегда въ закрытомъ помѣщеніи, и у насъ есть нѣсколько капитуляріевъ, предписывающихъ графу наблюдать за тѣмъ, чтобы это помѣщеніе всегда находилось въ хорошемъ состояніи [3]. Графъ собиралъ *placitum*, то-есть, свои судебныя засѣданія, когда хотѣлъ. Онъ не держалъ себя на *placitum*, какъ чиновникъ среди независимаго населе-

[1] *Baluze*, Capitul., I, 668—669 (Krause, 14—20).

[2] «Mallus comitis, placitum comitis, mallus centenarii» (капитулярій 769 года, ст. 12, Boretius, 46; 2-й капитулярій 809 года, ст. 5, Boretius, 148; *praeceptum Ludovici pro Hispanis*, ст. 2 (Boretius, 262).—Выраженіе «mallus publicus» часто употребляется какъ синонимъ предшествующихъ и вовсе не имѣетъ значенія народнаго собранія; «publicus» говорится на языкѣ IX вѣка обо всемъ, что принадлежитъ государству и противопоставляется тому, что принадлежитъ церкви; «mallus publicus» противопоставляется «mallus episcopi» или «abbatis» (см. грамоты, passim, и соборныя постановленія, называющія свѣтскіе суды «placita publica et secularia»; *Labbe*, VII, 1232).—*Mallus* происходилъ на помѣстьѣ графа; таковъ смыслъ словъ «intra suam potestatem» въ капитуляріи 819 года, Baluze, I, 603 (Boretius, 284, ст. 14).

[3] 1-й капитулярій 809 года, ст. 25 (Boretius, 151).—«Ut in locis ubi mallos publicos habere solent tectum tale constituantur quod in hiberno et in aestate observandos usus esse possit» (2-й капитулярій 809 года, ст. 13, Boretius, 149).

нія; онъ былъ тамъ главою: „Мы желаемъ, говорится въ одномъ капитуляріи, чтобы графъ былъ на *placitum* всевластенъ, чтобы никто не противорѣчилъ ему; если онъ совершитъ что-нибудь противное правосудію, жалоба должна быть направлена къ намъ“ [1].

Правда, графъ долженъ былъ совѣщаться съ окружавшими его людьми. Это было очень старое правило; въ древней Германіи, какъ и въ римской имперіи, судья имѣлъ при себѣ „совѣтъ“, безъ котораго не могъ постановлять приговоровъ. При Меровингахъ [2] значеніе этого совѣта, повидимому, даже возросло. Такъ какъ рѣдко случалось, чтобы чиновники того времени были знатоками законовъ, то приходилось возлагать на такихъ засѣдателей заботу допрашивать стороны, производить дознаніе, говорить, какой надо примѣнять законъ. Графу оставалось въ большинствѣ случаевъ лишь постановить продиктованный этими людьми приговоръ. Въ капитуляріяхъ есть текстъ, воспрещающій ему

[1] 2-й капитулярій 819 года, ст. 5 (Boretius, 296): «Volumus ut comes potestatem habeat in placito suo facere quae debet, nemine contra dicente; et si aliter fecerit quam iuste, ad quem factum illud pertinet veniat in praesentiam nostram, et nos illi de eodem comite faciamus iustitiam».—Надо замѣтить, что существовалъ видъ народнаго суда, который называли судомъ *vicini* или *pagenses*; о немъ упоминается въ *capitulare Saxonicum* 797 года, ст. 4 (Boretius, 262) и въ *praeceptum pro Hispanis* 815 года, ст. 2 (Boretius, 262); но эти народные суды судили лишь *causae minores*: въ нихъ не предсѣдательствуетъ ни графъ, ни даже сотникъ, и особенно достойно замѣчанія, что эти народные суды никогда не называются словомъ «mallus».

[2] См. Франкскую Монархію, обѣ главы о судѣ, гл. 13 и 14.

постановлять иначе, чѣмъ присудили эти люди [1]. Но есть и другой, предписывающій графу препятствовать, „чтобы кто-либо дурно при немъ судилъ“; это значитъ, что онъ не долженъ былъ обязательно сообразоваться съ мнѣніемъ окружавшихъ его людей [2]. Отношенія между графомъ и засѣдавшими на *placitum* людьми ясно не опредѣлены, и было бы одинаково неправильно, какъ считать графа единственнымъ судьей среди безсильнаго совѣта, такъ и считать совѣтъ верховнымъ судилищемъ подъ безсильнымъ предсѣдательствомъ графа.

Было бы особенно важно хорошо знать составъ такого совѣта; но законы не даютъ объ этомъ никакихъ свѣдѣній; они не утверждаютъ ни того, что *placitum* долженъ былъ состоять изъ всѣхъ свободныхъ людей графства или изъ опредѣленнаго ихъ числа, ни того, выбирались ли эти люди по жребію, или выбирались графомъ, или народомъ. Члены суда называются рахинбургами или *boni homines* въ текстѣ VII вѣка, „франками“, *franci homines*, въ текстахъ VIII и IX [3]. Всѣ эти названія

[1] 2-й капитулярій 813 года, ст. 13 (Boretius, 172): «Postquam scabini eum diiudicaverint, non est licentia comitis ei vitam concedere».

[2] 3-й капитулярій 803 года, 2-я часть, ст. 4 (Boretius, 144): «Ut comites et vicarii eorum legem sciant, ut ante eos iniuste neminem quis iudicare possit vel ipsam legem mutare».

[3] Выраженія «secundum iudicium Francorum» или «coram francis hominibus» часто встрѣчаются въ грамотахъ и капитуляріяхъ для обозначенія людей, принимающихъ участіе въ судахъ графовъ; см. 1-й капитулярій 809 года, ст. 30; 2-й капитулярій 809 года, ст. 1 (Boretius, 148, ст. 1); пистскій указъ 864 года, ст. 32; капитулярій 884 года, ст. 9 (Pertz, 552):

одинаково неопредѣленны; можно однако сказать, что они примѣнялись къ категоріямъ людей, не особенно многочисленнымъ въ обществѣ, гдѣ большинство людей составляли рабы, вольноотпущенники и колоны. А потому и статьи закона, въ которыхъ упомянуто судебное засѣданіе, не содержатъ въ себѣ никакихъ подробностей, которыя бы указывали на многолюдность собранія. Оно вовсе не походило на толпу. Что касается предположенія, что эти люди избирались остальнымъ населеніемъ, то оно не основавано ни на какомъ документѣ. Надо примириться съ незнаніемъ того, по какимъ правиламъ набиралъ графъ членовъ *placitum*.

Изъ документовъ обнаруживается только одно, что эти люди являлись на засѣданіе суда не иначе, какъ по приказу графа; между графомъ и ими шла непрерывная борьба, и это была не та борьба, которая имѣла бы мѣсто между чиновникомъ, стремящимся судить единолично, и присяжными, которые бы навязывали ему свое присутствіе; наоборотъ, графъ принуждалъ являться на засѣданіе суда, тогда какъ люди только и хотѣли освободиться отъ этого обязательства. Графу приходилось налагать штрафъ на тѣхъ, кто отказывался повиноваться его приказу, и населеніе даже жаловалось, что онъ созывалъ людей только для того, чтобы получить лишній разъ штрафы. Карлъ Великій положилъ конецъ такой странной борьбѣ, освобо-

«Franci homines mundanae legis documentis eruditi».—Ср. *Recherches*, 423 и слѣд.

дивъ людей отъ обязанности являться на судебныя засѣданія для участія въ юстиціи [1].

Съ того времени суды состояли только изъ двухъ категорій членовъ; однихъ называли слугами графа, *vassi comitis*, другихъ *scabini* [2]. Скабины не были выборными отъ народа: ихъ выбиралъ графъ или *missi* [3]. Они были подчинены графу, имѣвшему надъ ними право надзора и отвѣчавшему за ихъ поведеніе. Они были государственными чиновниками, помогавшими сотникамъ и графамъ отправлять правосудіе [4].

Приговоры графа могли пересматриваться миссами во время ихъ объѣздовъ [5]. На всѣ судебныя

[1] Капитулярій 809 года, ст. 5, Boretius, 148: «Ut nullus alius de liberis hominibus ad placitum vel ad mallum venire cogatur, exceptis scabinis et vassis comitum, nisi qui causam suam aut quaerere debet aut respondere».—Капитулярій 803 года, ст. 20, Boretius, 116: «Ut nullus ad placitum banniatur, nisi qui causam suam quaerere, aut si alter ei querere debet, exceptis scabineis septem qui ad omnia placita praeesse debent».

[2] «Ut nullus ad placitum venire cogatur exceptis scabinis et vassalis comitum» (1-й капитулярій 809 года, ст. 13; 2-й капитулярій того же года, ст. 5; Boretius, 148 и 150).

[3] «Ut missi nostri scabinios per singula loca elegant» (3-й капитулярій 803 года, ст. 3; Boretius, 115).—Капитулярій 873 года, ст. 9 и 11 (Pertz, 521). См. *Guizot*, Essais sur l'histoire de France, 4-e essai, c. 3.

[4] 1-й капитулярій 809 года, ст. 22 (Boretius, 151): «Ut vicedomini prepositi, advocati (centenarii, scabinei, добавляютъ рукописи *Vaticanus* 582 и № 9654 изъ Bibliothèque Nationale) boni et veraces et mansueti eligantur» (тѣ же двѣ рукописи добавляютъ «et constituantur ad sua ministeria exercenda»).—*Ibidem*, 149, ст. 11. Скабины всегда считаются въ числѣ *ministeriales* или *iuniores* графа.

[5] *Flodoard*. Historia Remensis ecclesiae, II, 18.

приговоры можно было апеллировать къ государю, который являлся такимъ образомъ верховнымъ судьей въ имперіи [1].

Засѣданія королевскаго суда происходили во дворцѣ. Объявленіе рѣшеній начиналось обыкновенно слѣдующей формулой: „Карлъ императоръ, августъ... Когда мы засѣдали въ нашемъ дворцѣ, чтобы выслушивать тяжбы и разрѣшать ихъ справедливымъ судомъ, предъ нами предстали такія-то лица.... И мы среди нашихъ вѣрныхъ и согласно ихъ совѣту постановили" [2].

Вѣрные, съ которыми совѣщался король, ни въ чемъ не походили на народный судъ присяжныхъ; одни изъ нихъ были выбранные королемъ епископы и аббаты; другіе—придворные, *domestici*, герцоги, графы, всѣхъ разрядовъ *ministeriales*, однимъ словомъ, чиновники [3]. Описаніе этихъ собраній, данное Гинкмаромъ, доказываетъ, что въ нихъ участвовать не могъ никто, кто не былъ угоденъ королю [4]. На засѣданіи предсѣдательство-

[1] 4-й капитулярій 806 [?] года, ст. 7: «Ut si aliquis voluerit dicere quod iuste ei non iudicetur, tunc in praesentia nostra veniant» (Boretius, 159).—Капитулярій 829 года, ст. 14: «Populo autem dicatur, ut caveat de aliis causis se ad nos reclamare, nisi de quibus aut missi nostri aut comites eis iustitias facere noluerint».

[2] Грамоты 775 и 802 года у dom Bouquet, V, 734 и 767.

[3] Въ судебномъ приговорѣ 838 года встрѣчаются имена архикапеллана, 2 дворцовыхъ графовъ, 17 епископовъ, 26 графовъ, 17 аббатовъ и 25 прочихъ лицъ, каждое изъ которыхъ называется «vassus dominicus» (Bouquet, VI, 301).

[4] *Hincmar*. De Ordine palatii, 31—33.—Есть другое описаніе обычаевъ, относящихся къ королевскому суду, въ предисловіи къ майнцскимъ соборнымъ постановленіямъ 813 года.

валъ обыкновенно дворцовый графъ; король въ важныхъ случаяхъ принималъ предсѣдательство самъ. Онъ не постановлялъ приговора, не допросивъ каждаго изъ членовъ судебнаго засѣданія; но есть примѣры, доказывающіе, что онъ не долженъ былъ сообразовываться съ мнѣніемъ большинства [2]. Капитуляріи не разъ провозглашаютъ, что король имѣетъ право судить лишь согласно своей совѣсти и своему знанію и можетъ наказывать по своей волѣ [3].

Итакъ, ни на одной ступени судебнаго управленія не обнаруживается ни настоящаго суда присяжныхъ, ни независимыхъ судей. Правосудіе исходило отъ короля и отправлялось или имъ, или его уполномоченными. Карательныя мѣры оставались тѣ же, что въ предшествующія эпохи. Смерть, отсѣченіе членовъ, тюрьма присуждались часто [4]. Встрѣчаемъ людей самаго высокаго положенія,

[1] 3-й капитулярій 812 года, ст. 2, (Boretius, 176): «Neque comes palatii nostri potentiores causas sine nostra iussione finire praesumat, sed tantum ad pauperum et minus potentium iustitias faciendas sibi sciat esse vacandum». Ср. *Einhardus*, Vita Caroli, 24.

[2] Муассакская лѣтопись, 785 годъ.—Луазельская лѣтопись, 792 годъ.—Теганъ, гл. 22. Эйнгардъ, Лѣтопись, 820 годъ, Астрономъ, гл. 45.

[3] 2-й капитулярій 813 года, ст. 12 (Boretius, 171): «Rex super eos districtionem faciat carcerandi, exiliandi usque ad emendationem illorum».—1-й капитулярій 819 года, ст. 9 (Boretius, 281): «Quanto tempore nobis placuerit».—См. еще грамоту 775 года въ *Patrologia latina*, XCVII, 955.

[4] Капитулярій 744 года, ст. 4; 1-й капитулярій 809 года, ст. 30 (Boretius, 148, ст. 1); капитулярій 873 года, ст. 12 (Pertz, 521).—*Annales Einhardi*, 792 годъ. Сенъ-Галленскій монахъ, II, 31.

приговоренныхъ къ смерти отъ меча или на висѣлицѣ. Графамъ, викаріямъ и всѣмъ королевскимъ судьямъ предписывалось устраивать тюрьму и висѣлицу [1]. Графскіе суды часто приговаривали къ смертной казни [2]; но нерѣдко осужденному разрѣшалось выкупать жизнь цѣной потери всего имущества [3].

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ.

Повинности населенія.

I.

Налоги [4].

Не легко вычислить, каковы были при порядкахъ, установившихся въ каролингской монархіи, повинности населенія; ни лѣтописи, ни законодательные акты не производятъ ихъ подсчета. По многочисленнымъ указаніямъ можно однако усмотрѣть, что населеніе еще платило тогда подати государству. Въ грамотахъ и въ капитуляріяхъ онѣ часто упоминаются подъ общимъ названіемъ *publicae functiones*; это выраженіе обозначало совокупность весьма различныхъ тягостей [5].

[1] 2-й капитулярій 813 года, ст. 11 (Boretius, 171).

[2] 2-й капитулярій 813 года, ст. 13.

[3] 1-й капитулярій 809 года, ст. 30 (Boretius, 149); 2-й кап. 813 года, ст. 13.

[4] См. «*Académie des Sciences Morales et Politiques*», Compte rendu, CVI, 708—715.

[5] *Baluze*, Capitul. I, 547, 622 (ср. Boretius, 294); II, 324. Выраженіе «functio regalis» употребляется, какъ совершенно то-

1.—Документы въ самыхъ формальныхъ терминахъ отмѣчаютъ государственный налогъ, который, подъ названіемъ *donum publicum* или *donum generale*, ежегодно вручался королю.

Обычай шелъ отъ меровингской эпохи: „Это былъ старый обычай, говорится въ лѣтописяхъ, что на мартовскомъ полѣ народомъ приносились королю дары“ [1]. Обычай сохранился при Пиппинѣ Короткомъ, при Карлѣ Великомъ, при Людовикѣ Благочестивомъ и Карлѣ Лысомъ. Въ трактатѣ *De Odrine palatii* Гинкмаръ свидѣтельствуетъ, что главной цѣлью одного изъ двухъ годичныхъ собраній было взиманіе общественныхъ даровъ [2]. Бертинская и сенъ-вандрильская лѣтописи упоминаютъ объ уплатѣ даровъ на каждомъ общемъ собраніи [3]. Слово даръ, употреблявшееся въ VIII и въ IX вѣкахъ, не должно насъ вводить въ заблужденіе, какъ и слово *octroi*, которое будетъ

ждественное, *ibidem*, I, 726.—Ср. многочисленныя иммунитетныя грамоты, въ которыхъ постоянно повторяются слова «functiones publicae».

[1] *Annales Laurissenses minores* (751 годъ).—*Annales Fuldenses*, (751 годъ): «In martii campo secundum antiquam consuetudinem dona regibus a populo offerebantur».

[2] *Hincmar.* Ad proceres pro institutione Carolomanni (De Ordine palatii) c. 30: «Aliud placitum propter dona generalia danda». *Ibidem*, c. 35: «In suscipiendis muneribus»—Въ письмѣ епископа Фротарія упоминается также о «dona regalia», которыя надо было посылать въ императорскій дворецъ.

[3] «Imperator conventum habuit... in quo annualia dona suscepit» (*Einhard.* Annales, 829 годъ).—«Ibi dona annualia more solito suscipiens» (*Annal. Bertin.* 832 годъ).—«Carolus placitum tenuit et dona annua suscepit» *Chron. Fontanell.* a. 851.—«Imperator annua suscipiens dona» (*Vita Ludovici ab Anonymo*, c. 41, 43).

употребляться на французскомъ языкѣ впослѣдствіи: оно означало обязательный сборъ.

Размѣръ его, повидимому, не былъ опредѣленъ разъ навсегда; вѣроятно, онъ видоизмѣнялся въ зависимости отъ нуждъ и желаній государя. Такъ, одинъ лѣтописецъ, повѣствуя о большомъ походѣ Пиппина Короткаго въ Аквитанію, даетъ замѣтить, что въ этотъ годъ дары были значительнѣе обыкновеннаго [1]. Повидимому, сумма указывалась плательщикомъ за нѣсколько недѣль посредствомъ письма изъ дворца; по крайней мѣрѣ, такое заключеніе можно сдѣлать изъ того, что пишетъ въ 845 году одному королевскому совѣтнику Лупъ феррьерскій: „Направляю вамъ должные дары (*debita dona*), которые согласно вашему письму мнѣ повелѣлъ прислать король" [2]. Епископъ Фротарій также говоритъ въ одномъ изъ своихъ писемъ о посланныхъ имъ во дворецъ королевскихъ дарахъ.

Эти дары вносились еще Карлу Лысому въ послѣдній годъ его царствованія; ибо вслѣдъ за протоколомъ знаменитаго собранія въ Кьерси на Уазѣ въ 877 году читаемъ слѣдующее: „Послѣ того, какъ эти капитуляріи были прочитаны публично, король далъ всѣмъ разрѣшеніе возвратиться домой, за исключеніемъ тѣхъ, кто не уплатилъ еще своихъ даровъ; ихъ онъ задержалъ на нѣсколько дней для того, чтобы они уплатили ихъ".

За рѣдкими исключеніями не были свободны отъ платежа этой подати даже монастыри. Въ

[1] *Continuator Fredegarii*, c. 131: «Multa munera a Francis vel proceris suis ditatus est».

[2] Письма Лупа феррьерскаго, № 43 (Bouquet, VII, 492).

капитуляріяхъ Людовика Благочестиваго можно видѣть списокъ изъ сорока восьми монастырей, изъ которыхъ тридцать „должны платить ежегодный даръ" (*debent dona*), восемнадцать освобождены отъ него [1]. Наконецъ, въ грамотѣ Людовика Благочестиваго, помѣченной 830 годомъ, читаемъ слѣдующую фразу: „Такъ какъ до настоящей хартіи монастырь этотъ платилъ намъ ежегодный даръ, то мы постановляемъ, что на будущее время онъ будетъ посылать намъ ежегодно шесть ливровъ серебра, за что и получитъ освобожденіе отъ всякаго дальнѣйшаго дара и отъ всякой службы" [2].

Судя по приведеннымъ текстамъ, намъ кажется, что эти „ежегодные дары" были настоящимъ налогомъ. Но они представляли характерную особенность: вмѣсто того, чтобы взиматься находящимися въ провинціяхъ королевскими чиновниками, самъ плательщикъ отвозилъ или отсылалъ ихъ государю и вручалъ ихъ непосредственно. Итакъ, въ VIII вѣкѣ исчезли не прямые налоги, а прежняя система ихъ сбора, то-есть, изчезли посредники между правительствомъ и плательщиками.

Иммунитетныя грамоты, освобождавшія отъ поборовъ, платившихся графамъ и другимъ государственнымъ чиновникамъ, не всегда освобождали отъ „дара" королю. Такъ, напримѣръ, извѣстно, что сенъ-денисское аббатство, съ давнихъ поръ

[1] «Quae monasteria in regno vel imperio suo dona et militiam facere possunt, quae sola dona sine militia, quae vero nec dona nec militiam» (*Boretius*, 350).

[2] *Dom Bouquet*, VI, 564.

пользовавшееся иммунитетомъ, должно было ежегодно доставлять королю двѣсти бочекъ вина; реймсская церковь должна была также посылать ежегодный даръ въ аахенскій дворецъ [1].

2. — На ряду съ охарактеризованною общею податью капитуляріи упоминаютъ и другую, которую называютъ *tributum, censui regalis* или *inferenda* [2]. „Повелѣваемъ нашимъ *missi*, пишетъ Карлъ Великій въ 812 году, взыскать всѣ издревле платимые королю цензы", *qui census antiquitus ad partem regis venire solebant*. Онъ пишетъ въ другомъ мѣстѣ: „Мы желаемъ, чтобы королевскій цензъ уплачивался повсюду, откуда онъ долженъ поступать, съ лица или имущества", *sive de persona, sive de rebus*. Эта подать являлась, слѣдовательно, въ одно и то же время личною и земельною. Точно также въ капитуляріи Карла Лысаго есть упоминаніе о „вольныхъ людяхъ, *franci homines*, которые обязаны платить королю цензъ, либо съ лицъ, либо съ земель", *de suo capite vel de rebus* [3].

[1] См. одну грамоту у dom Bouquet, VI, 541.—*Flodoard*. Historia Remensis ecclessiae, II, 19 и III, 4.—Эти «дары» платились королю до эпохи Людовика Благочестиваго.

[2] Главные тексты, касающіеся inferenda: капитулярій 829 г., ст. 15 (Krause, 17); *Gesta Dagoberti*, гл. 37, и грамоты 814 и 842 годовъ у dom Bouquet, VI, 460, и VIII, 433.

[3] 3-й капитулярій 812 года, ст. 10 (Boretius, 177).—2-й капитулярій 805 года, ст. 20 (Boretius, 125). Капитуляріи, кн. III, гл. 86 (Boretius, 434); кн. IV, гл. 37 (Boretius, 442).—4-й капитулярій 819 года, ст. 2 (Boretius, 287). Пистскій эдиктъ 864 года, ст. 28 и 34 (Pertz, 495 и 497); капитулярій 865 года ст. 8 (Pertz, 502).—См. еще грамоту 820 года (Bouquet, VI, 525).

Легюеру, ученый, слишкомъ рано умершій для науки, предполагалъ, что этотъ налогъ былъ не чѣмъ инымъ, какъ родомъ доманіальной ренты, и что король взималъ его лишь съ той земли, собственникомъ которой былъ онъ самъ [1]. Такое предположеніе не согласно съ текстами, такъ какъ тѣ же капитуляріи, которые упоминаютъ о королевскомъ налогѣ, платимомъ вольными людьми съ ихъ земель, показываютъ, что эти люди могли продавать или завѣщать ихъ, чего бы они не могли дѣлать, если бы не имѣли на нихъ полнаго права собственности.

Этотъ земельный налогъ раскладывался и взимался королевскими чиновниками. Раскладочные списки составляли *missi dominici* Карла Великаго; капитулярій Людовика Благочестиваго воспретилъ дѣлать въ немъ какія-либо измѣненія, угрожая отставкой всякому чиновнику, который будетъ требовать съ населенія больше, чѣмъ было установлено. Въ другомъ капитуляріи указаны отсрочки подати, дарованныя государемъ „провинціаламъ", и упомянуты по этому случаю сборщики, называемые *exactores* [2].

Иммунитетныхъ грамотъ всего больше осталось намъ отъ каролингской канцеляріи. Мы безпрестанно видимъ, какъ Карлъ Великій, Людовикъ Благочестивый, Карлъ Лысый даруютъ епископамъ

[1] *Lehuërou*, Institutions carolingiennes, 480.

[2] Капитулярій 829 года, ст. 15 (Krause, 17): «Quicumque vicarii vel alii ministri comitum tributum, quod inferenda vocatur, maioris pretii a populo exigere praesumpsit... ministerium omittat» (*Capitularia*, V, c. 359).

и аббатамъ, иногда и свѣтскимъ лицамъ, освобожденіе отъ налоговъ на ихъ земли. Очевидно, государи не имѣли бы случая жаловать такое освобожденіе, и никто не вздумалъ бы просить о немъ, если-бы налоги не существовали въ видѣ общаго правила. Когда Карлъ Великій или Карлъ Лысый пишетъ: „Мы желаемъ, чтобы ни одинъ государственный чиновникъ не вступалъ на земли такого-то аббатства для взиманія съ нихъ ценза, подати или *inferenda*, то мы должны думать, что государственный чиновникъ взималъ тѣ же повинности съ не принадлежащихъ данному аббатству земель. Какъ бы ни были многочисленны иммунитетныя грамоты, онѣ оставляли еще много земель обложенными податью.

Изъ указанныхъ фактовъ и текстовъ не слѣдуетъ дѣлать вывода, что сохранялась очень правильная система налоговъ; но изъ нихъ можно установить, что государственные налоги не вполнѣ были упразднены. Свободные люди и земельные собственники платили еще прямыя подати.

Мы не находимъ въ документахъ достаточно цифръ, чтобы судить, были ли онѣ тяжелы. *Donum* являлось, повидимому, податью знатныхъ, епископовъ, аббатовъ, особенно иммунистовъ; *census*, *tributum* или *inferenda* подъ разными названіями были, повидимому, одною и тою же податью и, вѣроятно, распространялась лишь на мелкихъ владѣльцевъ. Первая отвозилась плательщикомъ непосредственно королю при случаѣ собранія майскаго поля; вторая взималась отъ имени короля графами и другими чиновниками. Первая должна была

исчезнуть въ день, когда король перестанетъ созывать майскія поля и не сможетъ больше собирать около себя народъ; вторая должна была остаться въ рукахъ графовъ, когда они сдѣлаются независимыми отъ короля.

Что касается косвенныхъ налоговъ, то они существовали въ трехъ видахъ: дорожныя пошлины, право постоя и обязательныя работы.

3.—Дорожныя или таможенныя пошлины, которыя назывались *telonea* отъ греческаго слова, употреблявшагося и на западѣ въ послѣдніе вѣка римской имперіи, были установлены на дорогахъ, мостахъ, при вступленіи въ гавани, при переходѣ черезъ границы [1]. Лѣтописецъ упоминаетъ таможенныхъ чиновниковъ, *telonarii*, въ городѣ Орлеанѣ и по всей линіи Луары въ эпоху Карла Великаго. Въ грамотахъ Карла Лысаго упомянуты таможни на Луарѣ, Ронѣ, Сенѣ и Шельдѣ и у воротъ городовъ; тѣ же грамоты показываютъ, что такія таможенныя пошлины взимались въ пользу короля государственными чиновниками [2].

4.—Постой, *mansio* или *parata*, былъ повинностью каждаго владѣльца помѣщать на всемъ готовомъ у себя посланцовъ короля, проѣзжавшихъ чиновниковъ и вообще всѣхъ, кто ѣхалъ съ коро-

[1] Ихъ называли также множествомъ латинскихъ названій, какъ *pulveraticum*, *rotaticum*, *portaticum*, *ripaticum*, *pontaticum*, etc.

[2] Капитуляріи 755 года, ст. 26 (Boretius, 32, ст. 4); 805 года, ст. 13 (Boretius, 124); 809 года, ст. 8 (ср. Boretius, 149, ст. 9).—*Mirac. S. Benedicti*, I, 19 (стр. 46 въ изд. Société de l'histoire de France).—*Flodoard*. Historia Remensis ecclesiae, II, 18.—Грамоты, 775, 800, 822, 840, 855 годовъ (*dom Bouquet*, V, 732; V, 764; VI, 532; VI, 634; VIII, 367, 538).

левской грамотой *evectoria* или *tractoria* [1]. Установленный тарифъ опредѣлялъ, чего могъ требовать каждый согласно своему положенію; напримѣръ, графъ со своей свитой имѣлъ право получать ежедневно тридцать хлѣбовъ, два боченка вина (32 sextarii), свиную тушу и трехъ цыплятъ; кромѣ того ему надо было поставлять лошадей [2].

Письмо Карла Великаго къ сыну его, Пиппину, показываетъ, что эта натуральная повинность давала поводъ къ многочисленнымъ злоупотребленіямъ [3]. Королевскія земли и большинство пользующихся иммунитетомъ аббатствъ были освобождены отъ нея; тѣмъ тяжелѣе ложилась она на мелкихъ владѣльцевъ.

5.—Наконецъ, на населеніе налагалась еще обязанность работать по сооруженію дорогъ, мостовъ и общественныхъ зданій. Видно, что въ эпоху Каролинговъ много путешествовали, причемъ ѣздили даже съ извѣстной быстротой; въ грамотахъ много разъ упоминаются торговые обозы, въ капитуляріяхъ указываются также военныя подводы. Изъ всего этого мы вправѣ заключить, что существовали постоянныя дороги, и въ мѣстахъ переправы черезъ рѣки строились и поддерживались мосты. А такъ какъ мы никогда не слышимъ, чтобы государство несло издержки по такимъ сооруженіямъ и ихъ постоянному содержанію, то должно думать, что подобныя работы лежали на обязанности и производились на средства мѣстнаго населенія. Это вытекаетъ и изъ нѣсколькихъ капитуляріевъ; прямо убѣждаемся изъ нихъ, что въ каждомъ округѣ жители должны были работать по поддержанію дорогъ, мостовъ, даже по ремонтированію церквей и королевскихъ домовъ [1'].

[1] Капитулярій 802 года, ст. 27 (Boretius, 96); *praeceptum pro Hispanis*, 815 годъ (Boretius, 262, ст. 5); капитулярій 855 года, ст. 4 (ср. Pertz, 434). Ср. письмо Агобарда, упоминающее *tractoria stipendialis* (Bouquet, VI, 364); см. также множество грамотъ, дарующихъ освобожденіе отъ *mansiones* и *paratae*.—Ср. *Guérard*, Polyptyque de l'abbé Irminon, I, 804—812.

[2] 5-й капитулярій 819 года, ст. 29 (Baluze, I, стр. 619, Pertz, Leges, III, 218; Boretius, 291).

[3] *Dom Bouquet*, V, 629.

2.

Воинская служба.

Самымъ тяжкимъ бременемъ населенія была воинская служба. Нѣтъ исторической эпохи, которая была бы наполнена войнами больше, чѣмъ эпоха Пиппина и Карла Великаго. У лѣтописцевъ рѣдко читаемъ: „этотъ годъ прошелъ безъ войны“, „страна отдыхала“ [2']. Постоянныхъ войскъ однако тогда не существовало. Существовало только нѣсколько отрядовъ для охраны особы государя [3'].

[1'] Капитулярій 793 года, ст. 20 (Baluze, I, 546); 817 года ст. 8 (Boretius, 149, ст. 9); 821 года, ст 11 (Boretius, 301); 855 года, ст. 4 (ср. Pertz, 434).—Ср. Сенъ-галленскій монахъ, I, 30.

[2'] «Duobus annis cum terra cessasset a preliis» (*Continuatio Fredegarii*, 124).—«Ipse annus transiit sine hoste» (Муассакская хроника, 790 годъ).

[3'] Они называются въ документахъ *satellites* или *custodes*.—*Vita Caroli*, 19, 22; *Gesta abbatum Fontanellensium*, c. 11, 12, 15.—*Annales Fuldenses*, a. 866.—Но нѣтъ указанія на то, чтобы *satellites* были многочисленны.

Внутри страны совсѣмъ не было гарнизоновъ, только въ видѣ исключенія снабжены были вооруженными отрядами нѣсколько *castella* на особенно угрожаемыхъ границахъ [1]. Въ памятникахъ никогда не упоминается войско, которое содержалось бы постоянно въ сборѣ. Войска набирались для каждаго похода, а послѣ каждаго похода распускались.

Не существовало также въ ту эпоху спеціальнаго воинскаго класса. Представлять себѣ тогда особую категорію людей, посвященныхъ военной профессіи или обязанности, было бы большой ошибкой. Памятники никогда не отмѣчаютъ такого класса. Они не содержатъ даже ни одного намека, который допускалъ бы возможность предположить о его существованіи. Нѣтъ людей, которыхъ бы они спеціально называли *bellatores* или *milites* [2].

Каролингскія войска состояли изъ людей всякаго положенія и всякой профессіи, изъ землевладѣльцевъ, земледѣльцевъ, купцовъ. Люди эти оставляли мирныя занятія, чтобы итти въ походъ и, по окончаніи похода, возвращались къ своимъ мирнымъ занятіямъ. Точно такъ же ихъ начальники—графы, командуютъ ими въ военное время, а въ мирное являются гражданскими правителями и судьями.

[1] Такъ продолжатель Фредегарія, гл. 129, говоритъ о гарнизонахъ, расположенныхъ въ Аквитаніи въ моментъ ея завоеванія.—То же отмѣчается и во время завоеванія Саксоніи (Лоршская лѣтопись, 776 годъ).—*Annales Einhardi*, 755, 785, 802, 809 годы; *Vita Caroli*, 9.—Лоршская лѣтопись, 774, 788 годы.—Астрономъ, гл. 13 и 8; Муассакская лѣтопись, 803 годъ.

[2] Терминъ *milites* появляется часто, но въ другомъ смыслѣ. Онъ означаетъ слугъ короля, придворныхъ: «Aulae regiae milites» (*Vita S. Benedicti*, 41). Ср. *Hincmar*. De Ordine palatii, 27.—Сенъ-галленскій монахъ, I, 26; I, 30. Также о слугахъ графа говорится *milites comitis*; въ этомъ смыслѣ *miles* почти уже синонимъ съ *vassus*. *Militares viri* значитъ—придворные (Астрономъ, 7 и Сенъ-галленскій монахъ, I, 11). Иногда *militaris ordo* противопоставляется *ordo ecclesiasticus* (*Agobard*. II, 48).—Нѣтъ надобности, конечно, прибавлять, что *milites* говорится о людяхъ, которые въ настоящее время служатъ въ войскѣ. Но нигдѣ не устанавливается понятія о классѣ или кастѣ *milites*.

Не существовало особеннаго военнаго класса, потому что всѣ являлись воинами. Всѣ люди должны были нести военную службу, по крайней мѣрѣ, всѣ свободные люди, всѣ, кто были не рабами или сервами. „Когда государь императоръ отдаетъ приказъ о походѣ, никто не долженъ смѣть ослушаться его“ [1]. Графъ, бывшій главою населенія, былъ также лицомъ, вербовавшимъ войско [2]. „Всѣ люди должны быть въ полной готовности, говорится еще въ капитуляріяхъ, чтобы выступить, какъ только они получатъ на то приказъ. Если по полученіи приказа кто-нибудь скажетъ, что не готовъ къ выступленію, онъ долженъ быть приведенъ къ нашему трибуналу для суда надъ нимъ и наказанія“ [3]. „Пусть каждый графъ имѣетъ попеченіе о томъ, чтобы заставлять людей итти въ войско подъ угрозою штрафа въ 60 солидовъ съ

[1] Капитулярій 802 года, ст, 7. стр. 93 (Boretius): «Ut ostilo bannum domni imperatori nemo pretermittere presumat».

[2] *Ibidem*: «Nullus comes tam presumptuosus sit ut ullum de his qui hostem facere debiti sunt exinde dimittere audeant».

[3] Капитулярій 802 года, ст. 7, стр. 93 (Boretius): «Ut omnes pleniter bene parati sunt, quandocunque iussio nostra vel annuntiatio advenerit. Si quis autem tunc se imperatum esse dixerit, et praeterierit mandatum, ad palatium perducatur».

каждаго, дабы каждый явился въ назначенный день на мѣсто, куда мы имъ повелимъ явиться"[1].

Это правило, распространявшееся на всѣхъ свободныхъ людей королевства, случайно упоминается въ приказѣ, относящемся къ группѣ земледѣльцевъ, принятыхъ въ число подданныхъ имперіи. „Они принуждены будутъ итти въ войско, какъ всѣ другіе свободные люди", говоритъ императоръ[2]. „По всякому востребованію графа они должны будутъ нести еще охранную службу на границахъ"[3]. Военная служба настолько тяжело ложилась на всѣхъ свободныхъ людей, что многіе изъ нихъ вступали въ духовное сословіе только для того, чтобы освободиться отъ нея[4].

[1] *Capitulare Aquisgranense*, incerti anni (Boretius, 171, Baluze, I, 506, c. 9): «De hoste pergendi, ut comiti in suo comitatu per bannum unumquemque hominem per LX solidos in hostem pergere bannire studeat, ut ad placitum denuntiatum ad illum locum ubi iubetur, veniant».

[2] *Praeceptum pro Hispanis*, a. 815 (Boretius, 261): «Eo videlicet modo ut, sicut caeteri liberi homines, cum comite suo in exercitum pergant».

[3] «Et in marcha nostra, iuxta rationabilem eiusdem comitis ordinationem, atque admonitionem, explorationes et excubias quod usitato vocabulo wactos dicunt, facere non negligant».—Тѣ же распоряженія возобновлены Карломъ Лысымъ въ 844 году.

[4] Капитулярій 805 года, ст. 15, стр. 125: «De liberis hominibus qui ad servitium Dei se tradere volunt, ut prius hoc non fatiant quam a nobis licentiam postulent. Hoc ideo, quia audivimus aliquos non tam causa devotionis quam exercitu fugiendo». — *Lex dicta Chamavorum* также говоритъ о сторожевой службѣ, *wacta*, *warda* (гл. XXXVI) и о военной службѣ, которую долженъ нести всякій свободный человѣкъ по требованію графа (гл. XXXIV, XXXV, XXXVII).

Въ воинской службѣ расы не различались, и сомнѣнія нѣтъ, что потомокъ франковъ, если предположить, что онъ могъ признавать себя за таковаго, сталкивался въ войскѣ съ потомкомъ галловъ. Профессіи не различались, и мы скоро увидимъ, что земледѣлецъ и ремесленникъ встрѣчались рядомъ въ военной службѣ. Не различали также провинцій, и населеніе Аквитаніи должно было нести такую же службу, какъ населеніе Австразіи. Покоренные народы, какъ бавары и аламанны, должны были нести ее на тѣхъ же условіяхъ. Какъ только была завоевана Саксонія, она оказалась подчинена военной службѣ[1]. То, что называлось у современныхъ лѣтописцевъ войскомъ франковъ, *exercitus Francorum*, не состояло изъ воиновъ только франкской расы: то было общеимперское войско.

Освобождены были только члены духовенства. Внимательно всмотрѣвшись въ законы, мы даже замѣтимъ, что и они были освобождены не столько отъ военной службы съ различными ея тяготами, сколько отъ обязанности лично сражаться и проливать кровь[2].

[1] Капитулярій 807 года, Boretius, 136, с. 2.

[2] Капитулярій 742 года, ст. 2, Boretius, 25.—Капитулярій 769 года, ст. 1 и 2, стр. 45: «Servis Dei omnibus armaturam portare vel pugnare aut in exercitum et in hostem pergere omnino prohibemus, nisi illi qui propter divinum ministerium, missarum solemnia adimplenda et sanctorum patrocinia portanda ad hoc electi sunt... Ut sacerdotes neque christianorum neque paganorum sanguinem fundant».—То же основаніе воспрещаетъ имъ носить оружіе: «Presbyteri et diaconi ut arma non portent», капитулярій 789 года, ст. 68 (70) Baluze, I, 236, Boretius, 59.—То же въ *capitulare*

Военная служба была безвозмездная. Даже въ походѣ, находясь передъ непріятелемъ, человѣкъ не получалъ никакого вознагражденія. Цѣна его времени и опасности не возмѣщалась ему. Въ документахъ не упоминается ничего, что бы походило на воинское жалованье, и въ языкѣ не видно даже ни одного слова, которое передавало бы такое понятіе. Государство даже не кормило войско. Когда воинъ вступалъ въ непріятельскую страну, онъ долженъ былъ имѣть въ запасѣ провіантъ и самъ перевозить его. Требовалось, чтобы, выступая въ походъ, каждый снабдилъ себя продовольствіемъ на три мѣсяца [1]; и эти три мѣсяца считались не съ того дня, когда онъ покидалъ свой домъ, а со дня, когда переходилъ границу, причемъ граница могла быть удалена на двадцать дней пути отъ его дома [2].

episcoporum, 802, Baluze, I, 360, Boretius, 107, ст. 18: «Nemo ex sacerdotum numero arma pugnantium umquam portet». Мы увидимъ дальше, что священники, епископы и аббаты извѣстнымъ образомъ принуждены были нести военную службу. Въ одномъ документѣ говорится даже, что они были отягощены ею: «Flexis precamur poplitibus Maiestatem Vestram ut episcopi deinceps sicut hactenus non vexentur hostibus» (капитулярій 803 года, изъ коллекціи Бенедикта Левиты, VI, 370, Baluze, I, 987).

[1] Капитулярій 811 года, ст. 8, Boretius, 167: «Constitutum est ut, secundum antiquam consuetudinem, praeparatio ad hostem servaretur, id est victualia de marca ad tres menses...» *De marca*—значитъ—«отъ границы».

[2] Капитулярій 811 года: «Ita observari placuit ut his qui de Reno ad Ligerem pergunt, de Ligere initium victus sui conputetur (говорится, конечно, о войнѣ въ Аквитаніи...) Qui autem trans Renum sunt et per Saxoniam pergunt, ad Albiam marcam esse sciant...»

Государство не снабжало войско ни оружіемъ, ни одеждой. Каждый долженъ былъ пріобрѣсти копье, щитъ, лукъ и стрѣлы [1], а если онъ оказывался болѣе состоятеленъ, то шлемъ и латы [2]. Надобно было взять съ собою кромѣ того запасное оружіе и обезпечить себя одеждою на шесть мѣсяцевъ [3]. Въ одномъ указѣ Людовика Благочестиваго читаемъ: „Мы желаемъ и предписываемъ, чтобы всѣ люди нашего королевства, которые должны итти въ походъ, были хорошо снабжены лошадьми, оружіемъ, одеждой, повозками, провіантомъ, дабы, какъ только получится нашъ приказъ, они безъ замедленія выступали въ указанную имъ страну“ [4]. Законъ не устанавливалъ никакого предѣльнаго возраста.

Такая частая и разорительная военная служба могла согласоваться съ общей структурой общества того времени. Большая часть земель воздѣлывалась руками сервовъ, на которыхъ не лежала обязанность

[1] *Capitulare Aquisgranense*, Boretius, 171, ст. 9: «Comis praevideat quomodo sint parati, id est lanceam, scutum, arcum cum duas cordas, sagittas duodecim».

[2] *Ibidem*: «Habeant loricas vel galeas».—Капитулярій 805 года, ст. 6, 123: «De armatura in exercitu... Omnis homo de duodecim mansis bruneam habeat; qui vero bruniam habens eteam secum non tullerit, omne beneficium cum brunia perdat».

[3] Капитулярій 811 года, ст. 8, стр. 167: «Arma atque vestimenta ad dimidium annum».

[4] *Epistola Ludovici et Lotharii encyclica* у Bouquet, VI, 343 (и у Krause, 5), годъ 828: «Praecipimus atque iubemus ut omnes homines per totum regnum nostrum qui exercitalis itineris debitores sunt, bene sint praeparati cum equis, armis, vestimentis, carris et victualibus, ut quocumque tempore eis a nobis denuntiatum fuerit, sine ulla mora exire et in quamcunque partem necessitas postulaverit pergere possint, et tamdiu ibi esse quamdiu necessitas postulaverit».

воинской службы. Когда свободное населеніе находилось въ походѣ, земля могла все-таки обрабатываться, жатва могла сниматься. Но, наряду съ крупными владѣльцами, были и очень мелкіе, имѣвшіе очень немного сервовъ и даже собственноручно воздѣлывавшіе землю. Были совсѣмъ даже несостоятельные свободные люди, которые не могли нести расходовъ по воинской службѣ. Необходимо было имѣть нѣкоторое обезпеченіе, чтобы безъ заработка прожить шесть мѣсяцевъ и снабдить себя провіантомъ, одеждой, оружіемъ. Отсюда выработанъ былъ рядъ правилъ, которыя мы найдемъ формулированными въ капитуляріяхъ.

Различалось нѣсколько разрядовъ людей, неодинаково обязанныхъ нести воинскую службу въ зависимости не отъ ихъ племенного происхожденія, а отъ состоянія.

Первый разрядъ состоялъ изъ тѣхъ, кто владѣлъ королевскими бенефиціями; эти люди всѣ, безъ исключенія должны были нести тяжесть военной службы на собственныя средства [1]. Бенефиціи были обыкновенно большими помѣстьями съ прикрѣпленнымъ къ нимъ довольно значительнымъ земледѣльческимъ населеніемъ. Люди владѣли бенефиціями на время, такъ какъ собственникомъ оставался король. Казалось бы, что разъ королевское пожалованіе составляло особую милость, съ нимъ должна была быть связана болѣе

[1] *Capitulare de exercitu praeparando*, anno 807, 134: «In primis quicumque beneficia habere videntur, omnes in hostem veniant».— Думаемъ, что хотя слово «nostra» и не сказано, здѣсь подразумѣваются королевскіе бенефиціи.

широкая военная повинность. Мы увидимъ дальше, что это было не такъ. Если всѣ обладатели бенефиціевъ должны были нести военную службу, то не потому, что король ставилъ такое условіе своему пожалованію: они должны были ее нести лишь потому, что были людьми свободными и владѣли достаточными количествами земли, чтобы покрыть расходы на походъ.

Послѣ бенефиціаріевъ дѣйствительно шелъ разрядъ земельныхъ собственниковъ. Не надо было обладать большимъ помѣстьемъ, чтобы оказаться обязаннымъ нести воинскую службу. „Всякій человѣкъ, которому принадлежитъ въ собственность пять мансовъ земли, долженъ итти на войну на собственныя средства“ [1]. Мы видѣли въ другомъ мѣстѣ [2], что мансъ, небольшая часть *villae*, являлся единицей земледѣльческаго хозяйства. Размѣръ манса мѣнялся въ зависимости отъ характера почвы. Обыкновенно, онъ представлялъ пространство, которое можетъ воздѣлать одна семья сервовъ, и котораго хватаетъ для прокормленія этой семьи, за вычетомъ платившагося владѣльцу оброка. Нашъ капитулярій добавляетъ: „То же самое относится къ собственнику четырехъ мансовъ и даже къ тому, кто владѣетъ только тремя

[1] Капитулярій 807 года, ст. 2: «Quicumque liber mansos quinque de proprietite habere videtur, similiter in hostem veniat».— Добавляю «на свои средства; это вытекаетъ изъ слѣдующихъ дальше статей, къ тому же это опредѣленно сказано въ капитуляріи 808 года, ст. 1: «Ipse se praeparet et in hostem pergat».— *Praeparare se* означаетъ запастись продовольствіемъ, оружіемъ, одеждой, лошадьми для похода.

[2] Въ книгѣ «Аллодъ и сельское помѣстье».

мансами“ [1]. Можно заключить, что собственникъ трехъ мансовъ былъ уже въ сущности бѣдный человѣкъ, такъ какъ получалъ въ видѣ дохода лишь небольшіе сравнительно оброки отъ трехъ семей сервовъ.

Что касается только того, кто обладалъ лишь двумя мансами, то законъ признаетъ его неспособнымъ самостоятельно нести воинскую службу и постановляетъ, чтобы онъ соединялся съ другимъ человѣкомъ, которому принадлежитъ одинъ или два манса, и чтобы одинъ изъ двухъ отправился въ походъ, другой же несъ издержки [2]. Соединяются такимъ же образомъ три человѣка, каждый изъ которыхъ обладаетъ однимъ мансомъ, и которые сами, быть можетъ, воздѣлываютъ землю: одинъ изъ нихъ идетъ въ походъ; двое другихъ снабжаютъ его оружіемъ и провіантомъ [3]. Были даже такіе люди, которымъ принадлежалъ полу-мансъ; тѣ соединялись по шести [4]. Можно думать, что воинская повинность, даже раздѣленная такимъ образомъ, оставалась все-таки тяжкою для каждаго, тѣмъ болѣе, что она почти каждый годъ возобновлялась и длилась почти всю жизнь.

[1] Капитулярій 807 года: «Et qui quattuor mansos habet, similiter faciat, qui tres habere videtur, similiter agat».

[2] *Ibidem*: «Ubicumque inventi fuerint duo quorum unusquisque duos mansos habere videtur, unus alium praeparare faciat, et qui melius ex ipsis potuerit in hostem veniat... Et si alter habet unum mansum, similiter...»

[3] *Ibidem*, ст. 2: «Ubicumque tres fuerint inventi quorum unusquisque mansum unum habeat, duo tercium praeparare faciant».

[4] *Ibidem*: «Illi qui dimidium mansum habent, quinque sextum praeparare faciant».

Другой капитулярій смягчаетъ нѣсколько строгость вышеприведеннаго, опредѣляя для полной службы минимумъ въ четыре манса земли; принимались во вниманіе къ тому же только „одѣтые“ мансы, то-есть, занятые необходимымъ для обработки земледѣльческимъ людомъ [1]. При распредѣленіи повинности, какъ сказано, не различалось, принадлежатъ ли облагаемому лицу эти четыре манса въ собственность, или въ качествѣ бенефиція [2]. Воинская служба являлась такимъ образомъ повинностью, неразрывною съ владѣніемъ землею [3].

Но были еще люди, которые не владѣли землею, не были ни землевладѣльцами, ни землепашцами, а купцами или ремесленниками. Законъ не забываетъ и ихъ. Онъ добавляетъ: „Люди, не обладающіе землями, но обладающіе движимымъ иму-

[1] *Capitulare de exercitu promovendo*, a. 808 p. 137: «Ut omnis liber homo qui quatuor mansos vestitos de proprio suo sive de alicuius beneficio habet, ipse se praeparet et per se in hostem pergat... Qui tres mansos habuerit, huic adiungatur qui unum mansum habeat et det illi adiutorium... Qui unum mansum de proprio habet, adiungatur ei tres qui similiter habeant et dent ei adiutorium et ille pergat tantum, tres vero domi remaneant».—Это смягченіе, внесенное въ капитулярій предшествующаго года, внушено, мнѣ кажется, Карлу Великому возраставшею бѣдностью мелкихъ собственниковъ.

[2] *Ibidem*: «Qui quatuor mansos vestitos de proprio suo sive de alicuius beneficio habet».—Въ первомъ случаѣ человѣкъ идетъ подъ началомъ графа; во второмъ—подъ началомъ своего сеньора «cum seniore suo».

[3] Отсюда слѣдующее выраженіе капитулярія 825 года: «Liberi homines qui tantum proprietatis habent unde hostem bene facere possunt» (*Boretius*, 329).

ществомъ, цѣнностью въ двадцать солидовъ серебромъ, должны соединяться по шести такъ, чтобы одинъ изъ нихъ шелъ въ походъ, а пять остальныхъ несли расходы" [1]. Изъ другого капитулярія можно вывести заключеніе, что человѣкъ, владѣвшій имуществомъ, цѣнностью въ шесть ливровъ серебра, въ видѣ драгоцѣннаго ли металла, или движимости, одежды, или лошадей долженъ былъ нести полную службу, лично и на свои средства; изъ того же капитулярія явствуетъ, что достаточно было обладать движимымъ имуществомъ стоимостью въ одинъ ливръ, чтобы быть обязаннымъ нести шестую часть такой службы [2]. Итакъ, не исключались и сколько-нибудь достаточные купцы

[1] Капитулярій 807 года, с. 2, стр. 135: «Qui nec propriam possessionem terrarum habeat, tamen in praecio valente... solidos, quinque sextum praeparent».—Балюзъ пишетъ «quinque solidos» (I, 458); такъ дѣйствительно стоитъ въ парижской рукописи № 9654, folio 20; но въ *Vaticanus* цифра пропущена. Борецiусъ справедливо замѣчаетъ, что «quinque» должно быть ошибкою переписчика. Дѣйствительную цифру можно вывести изъ тіонвильскаго капитулярія 809 года, ст. 19, о которомъ говоримъ дальше.

[2] Тіонвильскій капитулярій, 809 годъ, ст. 19, стр. 125. Этотъ капитулярій устанавливаетъ штрафы для уклонявшихся отъ воинской службы, согласно состоянію каждаго; отсюда можно вывести, каковъ былъ для каждаго объемъ службы. Обладающій цѣнностью въ шесть ливровъ серебра, «in auro, in argento, bruneis, ceramento, pannis integris, caballis, boves, vaccis vel alio peculio», будетъ платить полный штрафъ, то-есть, «60 solidi».—Обладающій цѣнностью лишь въ три ливра серебра будетъ платить половину штрафа, «30 solidi». Обладающій всего однимъ ливромъ будетъ платить только 5 солидовъ, что составляетъ меньшую пропорцію.

или ремесленники [1]. Если считать, что ливръ серебра въ 807 году имѣлъ приблизительно такую же цѣнность, какъ нынѣ 560 франковъ, то окажется, что достаточно было обладать именно движимостью такою цѣнности, чтобы быть обязаннымъ почти ежегодно либо итти на войну самому, либо, по крайней мѣрѣ, доставлять пятую часть нужнаго для отдѣльнаго воина оружія, одежды, провіанта и всѣхъ вообще предметовъ или цѣнностей, входившихъ въ понятіе воинской службы [2].

Ниже или рядомъ съ свободными людьми, непосредственными подданными короля, существовали разряды людей, зависѣвшихъ отъ епископовъ, аббатовъ или свѣтскихъ сеньоровъ. Всѣ эти люди не были свободны отъ воинской службы [3]. Они не должны были нести ее непосредственно королю. Король ихъ не созывалъ. Ихъ не вербовалъ и не велъ въ походъ королевскій чиновникъ. Но такъ какъ существовало правило, что каждый долженъ нести воинскую службу сообразно своему состоянію, то отсюда вытекало, что сеньоръ, собственникъ одного или нѣсколькихъ крупныхъ помѣстій, епископъ, обладатель большихъ земель,

[1] *Guérard*, Prolégomènes au Polyptyque d'Irminon, 158, считаетъ ливръ серебра, цѣнность относительную, равнымъ теперешнимъ 563 франкамъ.

[2] Тѣ же правила въ пистскомъ указѣ 864 года, ст. 26 и 27.

[3] Изъ одного письма Эйнгарда видимъ, что «его люди» въ силу повелѣнія короля должны были охранять побережную страну. *Einhard*. Epist. ed. Jaffe, № 18, ed. Teulet, № 22.—Другое письмо, № 57 изд. Jaffe, № 33 изд. Teulet, ясно намекаетъ опять на службу, которую должны нести «люди» Эйнгарда.

богатый аббатъ, монастырь котораго владѣлъ тысячами мансовъ, должны были доставлять для войны соотвѣтственное ихъ земельному состоянію количество вооруженныхъ людей. Въ такомъ порядкѣ обнаруживаются факты большой важности для будущаго. Съ этихъ поръ можно уже сказать, что всякій духовный или свѣтскій сеньоръ, получавшій отъ короля приказъ явиться на войну, долженъ былъ передавать этотъ приказъ „своимъ людямъ“ и доставлять ихъ къ королю вполнѣ вооруженными и снаряженными для похода.

Ясно, что подъ этими людьми мы не должны подразумѣвать обрабатывавшихъ мансы сервовъ. Рѣчь идетъ о свободныхъ людяхъ, самое большее о вольноотпущенникахъ [1]; только эти свободные люди находились въ вассальной зависимости и занимали землю какого-нибудь епископа, аббата или крупнаго собственника [2]. Положеніе дѣла прекрасно объясняется слѣдующимъ капитуляріемъ: „Всякій, кто, будучи свободенъ, занимаетъ

[1] Что вольноотпущенники или литы должны были нести воинскую службу, видно изъ письма Людовика Благочестиваго отъ 824 года. Онъ пишетъ корвейскому аббату, чтобы обезпечить за нимъ полный иммунитетъ, и говоритъ ему, что отнынѣ его графы не будутъ вступать больше на монастырскія земли, чтобы забирать «свободныхъ людей или литовъ и принуждать ихъ итти на войну»: «in eo quod homines tam liberos quam litos qui super terram monasterii consistunt in hostem ire compellant» (Bouquet, VI, 337). Ср. *Traditiones Corbeienses*, № 104, p. 115, иммунитетную хартію: «ut neque abbates illius loci neque homines eorum cuiuscunque conditionis in expeditionem ire debeant».

[2] «Vassi episcoporum, abbatum, abbatissarum et comitum qui anno praesente in hoste non fuerunt» (капитулярій 819 года, ст. 27, стр. 29).

четыре манса въ качествѣ бенефиція отъ сеньора, долженъ нести личную и полную воинскую службу и долженъ итти на войну за своимъ сеньоромъ“ [1]. Точно такъ же и тѣ, кто занималъ два манса или одинъ мансъ, должны были нести пропорціональную часть службы [2]. Епископы и аббаты производили наборъ изъ своихъ людей такъ же, какъ графъ производилъ наборъ изъ непосредственныхъ подданныхъ короля [3]. Духовныя лица избавлялись отъ обязанности сражаться лично, но они должны были замѣщать себя кѣмъ-нибудь во главѣ своихъ ратниковъ [4]. Аббатиссы были подчиненны совершенно тѣмъ же обязательствамъ, какъ аббаты и епископы.

Разсмотримъ одинъ указъ о войнѣ, адресованный Карломъ Великимъ одному аббату [5]. Рѣчь идетъ о Фульрадѣ, аббатѣ сенъ-кантенскаго монастыря въ Вермандуа. „Карлъ, свѣтлѣйшій августъ, коронованный Богомъ, великій и миролюбивый императоръ, милостью Божіею король франковъ аббату Фульраду.—Мы объявляемъ тебѣ, что назна-

[1] Капитулярій 808 года, ст. 1, стр. 137: «Liber homo qui quatuor mansos vestitos de alicuius beneficio habet, ipse se praeparet et per se in hostem pergat cum seniore suo».

[2] Капитулярій 808 года.

[3] *Capitulare Aquisgranense*, anni incerti, 171, 9: «Episcopi, comites, abbates, hos homines habeant qui hoc bene praevident et ad diem denuntiati placiti veniant et ibi ostendant quomodo sint parati».

[4] Капитулярій Пиппина, 744 годъ, Boretius, 29: «Abbates hostem non faciant, homines eorum transmittant».

[5] *Karoli ad Fulradum epistola*, у Jaffe, Liber Carolinus, 387, Boretius, 168.

чили въ настоящемъ году мѣсто общаго военнаго сбора въ Саксоніи, въ восточной ея части, близъ рѣки Боды въ мѣстѣ, именуемомъ Старасфуртъ [1]. А посему повелѣваемъ тебѣ явиться въ данное мѣсто въ полной готовности съ людьми твоими, хорошо вооруженными и всѣмъ снабженными и находиться тамъ въ 14-й день до іюльскихъ календъ [2]. Ты и твои люди должны быть хорошо снаряжены всѣмъ необходимымъ, чтобы вы могли сейчасъ же итти на войну въ томъ направленіи, куда получите приказъ двинуться, то-есть, вы должны имѣть съ собою все, что надобно изъ оружія, одежды, провіанта, утвари и всякихъ орудій [3]. Каждый всадникъ долженъ имѣть щитъ, копье, длинный и короткій мечъ, лукъ, колчанъ, стрѣлы. Въ повозкахъ вы должны имѣть сѣкиры, топоры, кирки,

[1] «Notum sit tibi quia placitum nostrum generale anno presenti condictum habemus infra Saxoniam in orientali parte super fluvium Bota, in loco qui dicitur Starasfurt».—Бода притокъ впадающей въ Эльбу Заалы; Страссфуртъ—близъ Магдебурга. Все это очень далеко отъ сенъ-кантенскаго монастыря.

[2] «Quapropter precipimus tibi ut pleniter cum hominibus tuis bene armatis ac preparatis ad predictum locum venire debeas XIV kalendas iulii» (18 іюня).

[3] «Ita vero preparatus cum hominibus tuis ad predictum locum venies ut inde in quamcumque partem nostra fuerit iussio, et exercitaliter ire possis; id est cum armis, utensilibus et cetero instrumento bellico, in victualibus et vestimentis».—Тонъ письма указываетъ, повидимому, что аббатъ долженъ явиться на мѣсто сбора лично; но надо обратить вниманіе, что грамота была циркуляромъ, написаннымъ какъ для свѣтскихъ, такъ и для духовныхъ лицъ. Къ тому же можно было писать аббату—«ты явишься въ войско», подразумѣвая, что онъ могъ послать вмѣсто себя своего представителя.

желѣзныя лопаты и все необходимое для войска. Повозки ваши должны везти продовольствіе на три мѣсяца, одежду и оружіе на шесть мѣсяцевъ [1], считая съ дня встрѣчи въ Старасфуртѣ... Если хочешь заслужить наше благоволеніе, имѣй попеченіе о томъ, какъ бы не отнестись ко всему этому съ небрежностью“ [2].

У насъ есть грамота, написанная епископу тульскому Фротарію архіепископомъ трирскимъ, для передачи ему указа Людовика Благочестиваго. „Знай, что я получилъ отъ нашего государя императора указъ, не терпящій ослушанія: объявить всѣмъ людямъ нашего округа, чтобы они приготовились выступить на войну въ Италію [3]. А посему мы извѣщаемъ тебя и повелѣваемъ тебѣ отъ имени императора съ великимъ усердіемъ заботиться о томъ, чтобы всѣ аббаты, аббатиссы, графы, вассалы и все населеніе твоей епархіи, какое должно

[1] Unusquisque caballarius habeat suctum et lanceam et spatam et semispatum, arcum et pharetras cum sagittis, et in carris vestris utensilia diversi generis, id est cunioda et dolaturia, tarratros, assias, fosorios, palas ferreas et cetera utensilia que in hostem sunt necessaria. Utensilia vero ciborum in carris de illo placito in futurum ad tres menses, arma et vestimenta ad dimidium annum».

[2] «...Vide ut nullam negligentiam exinde habeas sicut gratiam nostram velis habere».

[3] *Frotharii seu ad Frotharium epistolae*, № 25, Bouquet, VI, 395: «Notum sit tibi quia terribile imperium ad nos pervenit domni imperatoris ut omnibus notum faceremus qui in nostra legatione manere videntur, quatenus universi se praeparent qualiter proficisci valean ad bellum in Italiam».—Архіепископъ трирскій Гетти пишетъ это письмо не въ качествѣ архіепископа, а въ качествѣ *missus* или *legatus* императора; отсюда слова «omnibus qui in nostra legatione manere videntur». Письмо написанно въ 817 году.

нести воинскую службу, находилось въ готовности выступить, такъ что, если приказъ выступленія придетъ къ нимъ вечеромъ, они бы выступили назавтра утромъ, если приказъ придетъ утромъ, они бы безъ промедленія выступили въ Италію вечеромъ" [1].

Такъ была организована воинская служба въ эпоху Каролинговъ. За исключеніемъ сервовъ ее должны были нести всѣ, всю свою жизнь, всякій разъ, какъ королю будетъ угодно объявить войну [2]. Каждый шелъ подъ предводительствомъ графа, если былъ прямымъ подданнымъ короля, если же онъ былъ подчиненнымъ сеньора, аббата или епископа, то шелъ подъ предводительствомъ сеньора или замѣстителя аббата и епископа [3].

[1] «Propterea tibi mandamus atque praecipimus de verbo domni imperatoris, ut solerti sagacitate studeas cum summa festinatione omnibus abbatibus, abbatissis, comitibus, vassis dominicis, vel cuncto populo parrochiae tuae quibus convenit militiam regiae potestati exhibere, omnes praeparati sint; ut si vespere eis adnuntiatum fuerit, mane; et si mane, vesperi absque ulla tarditate proficiscantur in partes Italiae».

[2] Существовали нѣкоторыя изъятія не по закону, а по усмотрѣнію графовъ или сеньоровъ. Капитулярій 819 года, ст. 27, стр. 291: «Exceptis his qui domi dimissi fuerunt, id est qui a comite propter pacem conservandam et propter coniugem ac domum custodiendam, et ab episcopo vel abbate vel abbatissa similiter propter pacem conservandam, et ab episcopo vel abbate vel abbatissa similiter propter pacem conservandam et propter fruges colligendas et familiam constringendam et missos recipiendos, dimissi fuerunt».—См. еще капитулярій 808 года, ст. 4, стр. 137.

[3] Въ письмѣ Эйнгарда мы видимъ, что нѣкій Гундгартъ, «человѣкъ фульдскаго аббата», получилъ отъ своего аббата приказъ явиться въ войско «ad iter exercitale»; онъ проситъ своего аббата освободить его (изд. Jaffé, № 42).—Въ *Miracula S. Wandregisili* видимъ нѣкого Сигенанда, «miles monasterii Fontanellae», который участвуетъ въ войнѣ съ саксами въ эпоху Карла Великаго (*Mabillon*, Acta, II, 547).

Таковы были повинности населенія. Надо составить о нихъ отчетливое представленіе, чтобы понять, что они истощали населеніе, и оно быстро проникалось нелюбовью къ установившемуся строю. Полезно также замѣтить, что повинности главнымъ образомъ тяготѣли надъ среднимъ классомъ свободныхъ людей и землевладѣльцевъ. Податная и воинская системы одинаково способствовали разоренію этого класса. А потому случилось такъ, что онъ незамѣтно исчезъ; всѣ люди постепенно бѣжали изъ его рядовъ, одни падали въ разрядъ колоновъ и сервовъ, другіе подымались на степень вассаловъ сеньоровъ. Чтобы избавиться отъ тяготъ свободы, люди отказывались отъ свободы, отъ самой собственности и искали убѣжища въ серважѣ или въ феодальныхъ отношеніяхъ.

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ.

Отношенія Государства съ Церковью [1].

Ставился вопросъ: королевская власть Каролинговъ, такая гордая и высокомѣрная по отношенію къ населенію, не принуждена ли она была въ видѣ какъ бы компенсаціи сама подчиниться церкви? Изъ того, что Карлъ Великій и Людовикъ Благочестивый проявляли большое уваженіе къ

[1] *Académie des Sciences Morales et Politiques*, Compte rendu, CVI, 717—727; *Revue des Deux Mondes*, 1 janvier, 1876, 148—152.

христіанской вѣрѣ и епископату, дѣлали иногда выводъ, что ихъ политика вдохновлялась и руководилась духовенствомъ; ихъ правленіе называли даже правленіемъ священниковъ. Обобщенія всегда опасны; надо изслѣдовать факты въ подробностяхъ

Въ эпоху Карла Великаго и Людовика Благочестиваго, какъ и въ эпоху римскихъ императоровъ, церковные соборы могли собираться не иначе, какъ съ разрѣшенія или по приказу государя [1]. Государь имѣлъ право на нихъ засѣдать; онъ нерѣдко предсѣдательствовалъ на нихъ и руководилъ преніями, даже когда они обсуждали вопросы вѣроученія [2]. Пиппинъ Короткій созвалъ въ 767 году соборъ епископовъ по вопросу о Троицѣ и объ иконахъ святыхъ [3]; Карлъ Великій предсѣдательствовалъ на соборѣ 794 года для осужденія ереси Феликса уржельскаго [4], и на соборѣ 809 года, гдѣ обсуждалось нисхожденіе Святого Духа [5]. Право королей на предсѣдательствованіе и руководительство соборами признавалось еще въ эпоху Карла Лысаго, какъ то можно видѣть въ предисловіи къ суассонскимъ соборнымъ постановленіямъ 853 года [1].

[1] «In conventu a domino Carolo caesare, more priscorum imperatorum, congregato» (реймсскій соборъ, 813 годъ, *Labbe*, VII, 1254).—«Iussu imperatoris congregati» (франкфуртскій соборъ, 791; арльскій, 813; майнцскій, 813).

[2] «Statuimus per annos singulos synodum congregari ut, *nobis praesentibus*, relegio christiana emendetur» (капитулярій 742 года, ст. 1 Boretius, 25).

[3] Хроника, называмая луазельской, dom Bouquet, V, 36.

[4] *Vita Alcuini ab auctore fere aequali* (Bouquet, V, 446). Ср. хронику Регинона, 794 годъ.

[5] *Annales Einhardi*, a. 809. Ср. *Flodoard.* Historia Remensis ecclesiae, III, 11.

Рѣшенія сошедшихся на соборъ епископовъ всегда подчинялись свѣтской власти; они получали законную силу и приводились въ исполненіе лишь тогда, когда принимались и обнародовывались государемъ. Онъ не только имѣлъ право отвергнуть, но и измѣнить ихъ. Такой принципъ формально признавался самими епископами. Вслѣдъ за соборными постановленіями всегда читается такая формула: „Вотъ статьи, составленныя нами, епископами и аббатами; мы постановляемъ, чтобы онѣ были представлены государю императору, дабы мудрость его добавила въ нихъ недостающее и измѣнила противное разуму, и дабы то, что будетъ ею признано въ нихъ за благо, было обнародовано ею и получило силу исполненія“ [2].—Итакъ, соборы имѣли лишь право предложенія; законодательная власть и здѣсь принадлежала императору даже въ области церковной дисциплины и вѣры.

Гражданская власть имѣла право надзора за церковью; королевскіе комиссары посѣщали епархіи, проникали въ монастыри, представляли государю доклады о поведеніи епископовъ, священниковъ, монаховъ и монахинь [3].

[1] Ср. бертинскую лѣтопись, 69, 156, 244 изд. «Société de l'histoire de France».

[2] Арльскія соборныя постановленія, 813 года и майнцскія того же года, Labbe, VII, 1239, 1241. См. еще посланіе епископовъ къ Людовику Благочестивому, 825 года, Bouquet, VI, 338 (ср. Boretius, 358).

[3] 5-й капитулярій 806 года, ст. 4 (Boretius, 131); капитулярій 793 года (у Boretius, 787), ст. 11 (Boretius, 199); капиту-

Церковь обладала, правда, своею особою юрисдикціею, и Каролинги много разъ подтверждали привилегію ея членовъ быть свободными отъ графскихъ судовъ; но апелляціи на приговоры епископовъ подавались королю, который являлся такимъ образомъ верховнымъ судьей для духовенства, какъ и для мірянъ [1].

Епископы были независимы отъ графовъ и герцоговъ и въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ являлись болѣе могущественными, чѣмъ тѣ; но они были подчинены королевскимъ комиссарамъ; послѣдніе вызывали ихъ къ себѣ, требовали отъ нихъ отчета, заставляли присутствовать на своихъ засѣданіяхъ, наконецъ, докладывали государю, ревностно ли проводилъ каждый изъ нихъ въ своей епархіи королевскія повелѣнія [2].

Члены духовенства не могли оставлять королевства, даже для путешествія въ Римъ, иначе, какъ по спеціальному разрѣшенію государя [3].

Они не были освобождены отъ государственныхъ повинностей всѣ, какъ сословіе; если они были избавлены отъ большинства налоговъ, то въ силу спеціальныхъ пожалованій. Они не освобождались отъ воинской службы: они должны были участвовать въ войнѣ, если не лично, то чрезъ посредство зависѣвшихъ отъ нихъ людей. Они вооружали своихъ подданныхъ, несли всѣ расходы по ихъ экипировкѣ и содержанію и посылали ихъ или вели ихъ сами на мѣсто военнаго сбора [3].

лярiи Ансегиза, I, 116; II, 26 и 28. *Flodoard.* Historia Remensis ecclesiae, II, 18. Посѣщавшіе монастыри *missi* были обыкновенно духовными лицами (ср. дальше, гл. 15); но они посѣщали ихъ въ качествѣ комиссаровъ короля.

[1] Капитулярій 789 года, ст. 10 (Boretius, ст. 27, стр. 64). 3-й капитулярій 812 года, ст. 2 (Boretius, 176). 5-й 819 года, ст. 23 (Boretius, 291).—Ср. письмо Алькуина и письмо Карла Великаго къ Алькуину (Bouquet, V, 610, 628).—Капитулярій 869 года, ст. 7 (Pertz, 510).

[2] См. *capitula misso cuidam data*, 803 годъ ст. 5 (Boretius, 145); 1-й капитулярій 802 года, ст. 40 (Boretius, 98); 5-й капитулярій 819 года, ст. 28 (Boretius, 291).

[3] *Flodoard.* Historia Remensis ecclesiae, II, 18.

Пиппинъ, Карлъ Великій и Людовикъ Благочестивый любили принимать званіе „защитниковъ церквей". Мы не должны ошибаться въ смыслѣ этого выраженія; оно имѣло тогда совсѣмъ другое значеніе, чѣмъ имѣло бы въ наши дни. Держать церкви подъ своей защитой или „мундебурдомъ", согласно языку и понятіямъ того времени, значило оказывать имъ покровительство и въ то же время обладать надъ ними властью. „Защита" или „мундебурдъ"—то былъ настоящій договоръ о патронатѣ, неибѣжно влекшій за собой зависимость покровительствуемаго. Епископъ или аббатъ подъ мундебурдомъ походилъ на мірянина въ вассальной зависимости. Онъ былъ подчиненъ всякаго рода обязательствамъ, которыя объединялись на языкѣ эпохи въ одномъ словѣ, „вѣрность". Онъ долженъ былъ также приносить присягу государю. Онъ

[3] См. капитуляріи 742, 744, 769, 803 годовъ; *Notitia monasteriorum quae regi militiam debent*, 817 года (Boretius, 348).— Письмо Карла Великаго къ аббату Фульраду у *Pertz*, Leges, I, 145—146; три письма Лупа феррьерскаго, № 18, 24, 113. Ср. капитулярій 845 года, ст. 8, Baluze, II, 17, и то, что говоритъ Карлъ Лысый противъ Венилона, архіепископа сансскаго, въ 859 году, ст. 6 и 13 (Pertz, 463). См. еще бертинскую лѣтопись, 866 годъ.

говорилъ ему, вкладывая руки въ его руки: „Я буду вамъ вѣренъ и послушенъ, какъ человѣкъ долженъ быть вѣренъ и послушенъ сеньору своему, а епископъ королю“ [1].

Для назначенія епископовъ и начальниковъ монастырей старыя правила формально отмѣнены не были: въ принципѣ допускалось еще, чтобы епископъ избирался духовенствомъ, съ согласія народа, а аббатъ—монашескою братіею [2]. Но предварительно нужно было, чтобы король далъ разрѣшеніе приступить къ избранію [3]. Затѣмъ было необходимо, чтобы выборъ священниковъ или монаховъ предоставлялся ему, и онъ могъ его отмѣнить [4]; такъ что невозможно было сдѣлаться епископомъ или аббатомъ безъ утвержденія со стороны короля [5]. Чаще всего обходились и безъ этого призрака свободнаго избранія, и король непосредственно и откровенно назначалъ епископа или аббата. Изъ разсказовъ сенъ-галленскаго монаха можно видѣть, какими просьбами осаждали короля,

[1] См. разныя формулы присяги у *Baluze*, Clpitulaires, II, 225 и въ бертинской лѣтописи, 870 годъ.—Ср. формулы, изд. Rozière, № 6.

[2] 1-й капитулярій 803 года, ст. 2; 816 года (818—819?), ст. 5 (Boretius, 276).

[3] *Flodoard*. Historia Remensis ecclesiae, III, 25; III, 28; письма Лупа феррьерскаго, № 81; *Vita Aegili abbatis*, у dom Bouquet, VI, 275; *allocutio missorum*, Baluze, капитуляріи, II, 601.

[4] Примѣръ видимъ въ письмѣ Эйнгарда, изд. Teulet, II; 174; другой находимъ въ письмѣ епископа Фротарія (Bouquet, VI, 392, 393).

[5] Поэтому папа Іоаннъ X писалъ еще въ 921 году: «Prisca consuetudo et regni nobilitas censuit ut nullus episcopum ordinari debuisset absque regis iussione» (*Bouquet*, IX, 216).

когда становилась вакантной епархія. По словамъ того же хроникера, Карлъ Великій обыкновенно говорилъ: „Посредствомъ этой церкви или этого аббатства я могу пріобрѣсти вѣрнаго“ [1]. Онъ дѣйствительно раздавалъ церкви и монастыри въ качествѣ „бенефиціевъ“ почти такъ же, какъ раздавалъ графства и казенныя земли [2].

Для людей, стремившихся къ церковнымъ должностямъ, самымъ вѣрнымъ путемъ ихъ достиженія была служба при особѣ короля. Они съ молодости вступали во дворецъ и входили въ составъ такъ называемой „дворцовой милиціи“. Пробывъ нѣсколько лѣтъ клириками государя, они получали отъ него епархію или богатое аббатство [3]. Нерѣдко случалось, что даже люди свѣтскіе пріобрѣтали отъ государя управленіе монастыремъ съ пользованіемъ зависѣвшими отъ него землями [2].

До насъ дошло много писемъ епископовъ или аббатовъ, жившихъ при Карлѣ Великомъ и его

[1] Сенъ-галленскій монахъ, I, 13: «Cum illo fisco vel curte, illa abbatiola vel aecclesia, aeque bonum vel meliorem vassallum, quam ille comes aut episcopus sit, fidelem mihi facio». Ср. гл. 3, 4, 14; это вполнѣ подтверждается письмами Эйнгарда, passim, и бертинской лѣтописью, 866 годъ.

[2] «Ecclesias tam nostras a nobis in beneficio datas quam et aliorum» (2-й капитулярій 813 года ст. 1; Boretius, 170)—Капитулярій 793 года, ст. 6 (Boretius, 201) упоминаетъ «monasteria regalia», которыя можно получить «per beneficium regis».

[3] «Militiam clericorum in palatio... qui non ob aliud serviunt nisi ob honores ecclesiarum» (*Vita Walae*, II, 15).—Письмо Эда, аббата феррьерскаго (Bouquet, VII, 482).—*Libellus proclamationis Caroli*, 859 годъ ст. 1 (Pertz, 462).

[4] «Abbatibus et *laicis* specialiter iubemus ut in monasteriis quae ex nostra largitate habent» (*Boretius*, p. 416, c. 8).

двухъ преемникахъ, направленныхъ не самому государю, а его совѣтникамъ. Удивляетъ скромный и почтительный тонъ, какой должны были принимать эти главы духовенства по отношенію къ людямъ, стоявшимъ у власти. Прелатъ становился въ смиренную позу передъ дворцовымъ графомъ; архіепископъ преклонялся передъ простымъ священникомъ, котораго государь почтилъ своею милостью.

Одною изъ главныхъ особъ въ центральной администраціи былъ такъ называемый апокрисіарій или капелланъ короля; въ церковной іерархіи онъ являлся обыкновенно однимъ изъ послѣднихъ; но его положеніе ближайшаго слуги государя поднимало его надъ всѣмъ сословіемъ, ставило его выше всѣхъ [1]. Всѣ духовные сановники имперіи обращались къ нему со своими ходатайствами и просьбами; епископы должны были писать ему по поводу самыхъ ничтожныхъ вопросовъ епархіи; къ нему надо было обращаться по вопросу о налогахъ или о воинской службѣ, о церковной дисциплинѣ или о тяжбѣ. Все зависѣло отъ его благоусмотрѣнія, все рѣшала его воля; въ его рукахъ находились, повидимому, всѣ интересы прелатовъ [2].

Въ сборникѣ капитуляріевъ бросается въ глаза, до какой степени епископы находились въ подчиненіи государству. Государь безпрестанно требуетъ ихъ къ себѣ; онъ безпрестанно посылаетъ имъ свои инструкціи; въ почтительныхъ формахъ, но даетъ имъ приказанія; онъ говоритъ съ ними,

[1] *Hincmar*. De Ordine palatii, c. 20.

[2] См. письма Агобарда, Фротарія, аббатовъ феррьерскихъ.

какъ съ подданными, больше того, какъ съ чиновниками. Онъ возлагаетъ на нихъ исполненіе своихъ указовъ, онъ черезъ нихъ проводитъ вездѣ свою волю. Въ смыслѣ подчиненія королю епископы были поставлены на ряду съ графами; какъ послѣдніе, они являлись орудіями мысли государя. Онъ пользуется ими въ цѣляхъ управленія; онъ правитъ при ихъ посредствѣ; онъ выбираетъ изъ ихъ среды часть своихъ *missi*; онъ дѣлаетъ ихъ своими первыми слугами и уполномоченными.

Всѣ такіе факты не вызываютъ картины королевской власти, подчиненной церкви. Карлъ Великій одинаково управляетъ такъ же духовнымъ, какъ и свѣтскимъ обществомъ. Здѣсь не приходится разбирать его отношеній съ римскимъ престоломъ. Но что касается духовенства Франціи, то, конечно, оно не представляло при этомъ государѣ силы, которая диктовала бы законы гражданской власти [1]. Быть можетъ, церковь оказалась бы достаточно могущественна, чтобы освободиться отъ власти государства, если бы она дѣйствовала противъ ея интересовъ; но такъ какъ повиновеніе не тяготило духовенство, то оно повиновалось. Духовенство жило въ полномъ согласіи съ гражданской властью. Оно готово было служить ей, такъ какъ мнѣнія обоихъ совпадали. Впрочемъ, духовное состояніе общества было таково, что умы не различали ясно, что относилось къ церкви, что къ го-

[1] Потому Карлъ Лысый могъ писать папѣ Адріану II: «Nos reges Francorum ex regio genere orti, non episcoporum vicedomini, sed terrae domini hactenus fuimus computati» (*Hincmar*. Opera, II col. 706).

сударству. Никто не замѣчалъ еще, что это двѣ разныя власти, которыя должны дѣйствовать каждая въ отдѣльной области, и которыя могутъ притти въ столкновеніе.

Карлу Великому даже не приходится препятствовать церкви вторгаться въ область государства; наоборотъ, онъ самъ поминутно вмѣшивается во внутреннюю жизнь церкви. Онъ самодержавно распоряжается ея дисциплиною, нравами, ея просвѣщеніемъ, даже религіозными догматами. Въ предшествующемъ вѣкѣ церковь пережила большія неустройства; та же анархія, которая дезорганизовала гражданское общество, посѣяла глубокую смуту и въ духовенствѣ. Каролингскіе короли присвоили себѣ никѣмъ, впрочемъ, не оспаривавшееся у нихъ право возстановлять въ церкви порядокъ. Капитуляріи одинаково прилагались къ духовенству, какъ къ мірянамъ и не менѣе касаются каноническаго, чѣмъ гражданскаго права. Короли захотѣли принудить все духовенство вести правильную и строгую жизнь. Мы видимъ, что они не только запрещаютъ епископамъ носить оружіе, проливать кровь, забавляться охотой; они надзираютъ даже за ихъ догматическими взглядами, часто напоминаютъ имъ объ обязанности согласоваться съ католической вѣрой; они повелѣваютъ имъ соблюдать церковные уставы, посѣщать свои епархіи, проповѣдывать и обучать. Также и мірянамъ они предписываютъ благочестіе, постъ, воскресный отдыхъ, присутствіе на проповѣдяхъ.

Тѣмъ же государямъ слѣдуетъ приписать учрежденіе устава канониковъ. Это преобразованіе свѣт-

скаго духовенства, начатое племянникомъ Пиппина Короткаго, епископомъ Хродегангомъ [1], было продолжено Карломъ Великимъ и закончено Людовикомъ Благочестивымъ, который утвердилъ его указомъ 826 года. Монастырская реформа, съ которою связано имя Бенедикта Аніанскаго, была введена лишь по волѣ Людовика Благочестиваго послѣ того, какъ Карлъ Великій уже подготовилъ ея успѣхъ нѣсколькими капитуляріями [2]. Видно, что и въ томъ, и въ другомъ случаѣ государи не были орудіемъ духовенства, а, наоборотъ, подчиняли духовенство своей мысли и своей волѣ, не безъ сопротивленія съ его стороны. Эйнгардъ и сенъ-галленскій монахъ показываютъ, какъ много занимался Карлъ Великій литургіей, культомъ, церковнымъ пѣніемъ, профессіональнымъ обученіемъ духовенства. Во всѣхъ этихъ областяхъ касаться, которыхъ не рѣшилась бы теперь гражданская власть, его сила давала себя чувствовать, и отъ него исходила иниціатива.

То, что называется въ нашихъ современныхъ обществахъ, порядкомъ и понимается нами, какъ нѣчто, охватывающее лишь матеріальную и исключительно политическую жизнь, представлялось людямъ того времени подъ видомъ мира и согласія, то-есть, начала духовнаго, относящагося къ поли-

[1] См. у Сигиберта гемблусскаго подъ 760 годомъ.—Св. Ригобертъ реймсскій далъ первый образецъ устава канониковъ (*Flodoard.* Historia Remensis ecclesiae, II, 11).

[2] *Chron. Moissiacense*, a. 815.—*Vita Ludovici ab Anonymo*, c. 19.—*Vita sancti Benedicti Anianensis*, y dom Bouquet, VI, 274. Капитулярій 817 года. Письма Людовика Благочестиваго у dom Bouquet, VI, 333—335.

тической, но въ то же время и къ религіозной сферѣ [1]. Правительство Каролинговъ брало на себя миссію не только заботиться о мірскихъ интересахъ и вносить матеріальный порядокъ въ общество, но еще какъ бы улучшать души и укрѣплять на свѣтѣ господство нравственнаго блага. Оно считало себя поставленнымъ Богомъ для того, чтобы препятствовать „возстанію грѣха на землѣ", предупреждать людей „не попадаться въ сѣти сатаны", „способствовать произрастанію плодовъ добраго ученія и уничтоженію пороковъ" [2]. Оно брало на себя попеченіе объ общественной нравственности, о религіи, какъ бы объ интересахъ Бога. Оно считало, что его права и обязанности простираются на управленіе мыслью и совѣстью. Когда все это находилось въ рукахъ человѣка, обладавшаго крупнымъ умомъ и сильнымъ характеромъ, становится ясно, что совершалось чрезвычайное расширеніе королевской власти; даже трудно представить себѣ

[1] Карлъ Великій говоритъ: «Ut *pax* sit et *concordia* et *unanimitas* cum omni populo christiano inter episcopos abbates, comites, iudices, et omnes ubique seu maiores seu minores personas, quia nihil Deo sine pace placet... Est in Lege: «*Diliges* proximum tuum sicut te ipsum». «Beati pacifici quoniam filii Dei vocabantur» (Капитулярій 789 года, ст. 62, Boretius, 58).—Правда, это *capitulare episcoporum*, но слово держитъ Карлъ Великій.

[2] «Ne peccatum adcrescat» (1-й капитулярій 802 года, ст. 32; Boretius, 97). «Quis sit satanas» (2-й капитулярій 811 года, ст. 9. Boretius, 163). — «Ad vitanda peccata, ad corroborandam fidem» (письмо Агобарда, у dom Bouquet, VI, 361). Ср. главу 2-ю капитулярія 802 года (Boretius, 93 и слѣд.) и письмо Алькуина отъ того же года.—Можно еще видѣть, каково было представленіе людей о долгѣ короля, въ капитуляріяхъ, *additio secunda*, гл. 24, 25, 26 (*Walter*, Corpus iuris germanici, II, 789—792).

королевскую власть болѣе неограниченною, чѣмъ она была тогда.

ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ.

Институтъ missi.

[Королевская власть не только была неограниченною; она спеціально стремилась это показать и заявить о томъ, какъ чиновникамъ своимъ, такъ и подданнымъ. Она была всемогуща, и она вмѣстѣ съ тѣмъ любила всегда стоять на виду. Кромѣ графовъ и епископовъ она была еще представлена постоянно функціонирующими посланцами, которые усиливали ея прямое воздѣйствіе и быстрѣе доводили слова монарха до чиновниковъ и подданныхъ]. Чтобы держать административное тѣло въ подчиненіи, главнымъ средствомъ королей являлся институтъ *missi* [1].

[1] «*Missi dominici*», «посланцы властелина», то-есть, короля, такъ же какъ говорятъ «vassali dominici», «fiscus dominicus». Таково было самое обычное названіе должности на языкѣ подданныхъ. Текстъ одного *mandatum* гласитъ: «Ante vicarios, comites, missos dominicos» (Формулы, Zeumer, 216); затѣмъ читаемъ судебный приговоръ: «Ab ipsis missis dominicis» (*Formulae Senonenses*, № 4), «ante ipsos missos dominicos» (*ibidem*, № 7); «abbas ille et ille comes, missi dominici» (*Zeumer*, 464).—Выраженіе «missi dominici» употреблялось тогда и въ письмахъ: «Misso dominico Einhartus» (письма Эйнгарда, изд. Jaffe, № 18); «missis dominicis impedientibus» (письмо Фротарія, № 15, Bouquet, VI, 392).—Капитуляріи и исходящіе отъ королей оффиціальные акты чаще говорятъ «missi nostri»; но и тутъ находимъ иногда «missi dominici», выраженіе въ устахъ королей нелогичное, но, вѣроятно, сдѣлавшееся въ языкѣ ходячимъ, и короли употребляли его не-

[Непосредственный носитель воли короля, *missus* соединялъ въ своихъ многочисленныхъ функціяхъ всѣ права и всѣ притязанія королевской власти Каролинговъ].

I.

Правила дѣятельности миссовъ.

Институтъ „миссовъ" не цѣликомъ созданъ былъ Карломъ Великимъ. Меровингскіе короли часто посылали „изъ своего дворца", *a palatio*, или „отъ своего ближайшаго окруженія", *a latere regis*, слугъ, обязанныхъ объѣхать провинціи, наблюсти за исполненіемъ королевскихъ указовъ, или исполнить какое-нибудь спеціальное порученіе. Первая

чаянно (примѣры: *capitulare italicum* Пиппина, у Boretius, 201, ст. 5 и 8; *capitulare Legi Ripuariae additum*, 803 годъ, с. 8, Boretius, ст. 118; заголовокъ капитулярія 808 г. стр. 137). Можно бы также привести *Lex dicta Chamavorum*, VIII: «Si quis missum dominicum occiderit»; но извѣстно, что этотъ памятникъ не исходитъ отъ королевской власти.—Часто встрѣчается также выраженіе «missi regis» (*Traditiones Sangallenses*, № 120, etc.), «missi domni regis» (*Formulae Senonenses*, 7, Zeumer, 214, Rozière, № 461), «missi regales» (капитулярій 797 года, ст. 4, Boretius, 71), «iussu missorum imperatoris» (*Zeumer*, 384), «missi a latere regis legati» (капитулярій 844 года, ст. 2; Pertz, 384).—Короли обозначаютъ также этихъ людей выраженіемъ «missi discurrentes» (*Formulae imperiales*, №№ 21 и 35; грамота Людовика Благочестиваго, Bouquet, VI, 464) или «missi a palatio» (Boretius, 207, с. 13), «a palatio directi» (*Formulae imperiales*, №№ 14. 53) иногда, «legati» («decrevimus ut per omnes provincias regni legatos mitteremus» (*Formulae imperiales*, № 14, *Formulae Sangallenses*, 9); «legatos regios qui tunc ad iustitias faciendas apud eos conversabantur» (Лоршская лѣтопись, 798 годъ).—Эрмольдъ (II, 508—509) называетъ ихъ то «legati», то «missi».

грамота, какую имѣемъ отъ Пиппина Короткаго, адресована одновременно „герцогамъ, графамъ, намѣстникамъ, сотникамъ и всѣмъ объѣзжающимъ провинціи миссамъ" [1].

Карлу Великому можно приписать превращеніе миссовъ изъ случайной практики въ правильный институтъ. При немъ и при первыхъ его преемникахъ миссіи или ревизіи повторялись ежегодно въ установленное время; онѣ преслѣдовали опредѣленную задачу и придерживались извѣстныхъ правилъ.

Хотя миссіи происходили ежегодно, но *missi* не были постоянными должностными лицами, какъ французскіе генеральные инспекторы. Они были временными уполномоченными, назначавшимися королемъ ежегодно, и полномочія ихъ длились лишь нѣсколько недѣль.

Нововведеніемъ, какое можно приписать Карлу Великому, было пополненіе *missi* изъ самыхъ высокихъ слоевъ общества. Меровинги брали для такого назначенія слугъ своего дворца [2]. Карлъ Великій бралъ ихъ среди графовъ, среди первыхъ епископовъ. Мотивомъ тутъ, вѣроятно, служило желаніе центральной власти, чтобы личное положеніе миссовъ обезпечивало имъ авторитетъ въ глазахъ дру-

[1] Національный архивъ, Tardif, № 55: «Et omnes missos nostros de palatio ubique discurrentes». Ср. *Cartae Senonicae*, № 19: «Illo comite seu missos nostros discurrentes».—*Formulae imperiales*, 35: «Episcopis, ducibus, comitibus, vicariis, centenariis, actionariis, clusariis, seu missis nostris discurrentibus».—*Ibidem*: № 21: «Missorum per imperium a Deo nobis collatum discurrentium».

[2] «De infra palatio pauperiores vassos suos» (*Annales Laureshamenses*, a. 802).

гихъ графовъ и другихъ епископовъ, къ которымъ они отправлялись. Но лѣтописецъ указываетъ еще другой мотивъ, заслуживающій быть отмѣченнымъ. „Карлъ, охваченный жалостью къ слабымъ и малымъ людямъ, обитавшимъ въ его королевствѣ, часто оказывавшимся лишенными правосудія, рѣшилъ не посылать изъ дворца въ качествѣ миссовъ слугъ второго разряда, опасаясь подарковъ, которыми легко соблазняли ихъ бѣдность [1]. Онъ выбиралъ архіепископовъ, епископовъ, аббатовъ, герцоговъ и графовъ. Такъ какъ люди эти были сами по себѣ состоятельны, то они не нуждались въ полученіи подарковъ, которые бы заставляли ихъ осуждать бѣдныхъ. Такимъ образомъ, онъ посылалъ ихъ въ различныя части королевства, чтобы они оказывали правосудіе церквамъ, вдовамъ, сиротамъ, бѣднымъ и всему народу“ [2]. Правильно ли объясненіе лѣтописца или нѣтъ, но оно, по крайней мѣрѣ, показываетъ мнѣніе современника о разсматриваемомъ институтѣ. Оно даетъ намъ также понятіе о злоупотребленіяхъ, за которыми надо было смотрѣть, и о главной цѣли, къ которой было направлено учрежденіе *missi*.

[1] *Annales Laureshamenses*, Pertz, I, 38—39. — *Chronicon Moissiacense*, Bouquet, V, 79—80: «Recordatus misericordiae suae de pauperibus qui in regno suo erant et iustitias suas pleniter habere non poterant, noluit de infra palatio pauperiores vassos suos transmittere ad iustitias faciendum, propter munera...»

[2] *Annales Laureshamenses*: «Sed elegit in regno suo archiepiscopos et episcopos et abbates, cum ducibus et comitibus, qui iam opus non habebant super innocentes munera accipere, et ipsos misit per universum regnum suum ut ecclesiis, viduis, orphanis et pauperibus et omni populo iustitiam facerent».

Каролингамъ можно еще приписать въ разработкѣ института миссовъ практику постояннаго соединенія въ одну группу по двое посланцовъ [1]. Было принято, чтобы одинъ изъ нихъ былъ лицомъ духовнымъ. Это было необходимымъ слѣдствіемъ новаго взгляда на задачу правленія. Государь одинаково правилъ и церковью, и государствомъ. По праву коронованія и во имя Бога онъ долженъ былъ одинаково наблюдать за епископами и монахами, какъ за мірянами. Два его посланца, отправляясь вмѣстѣ, представляли такую двойную власть [2].

Государь назначалъ ежегодно *missi* и въ то же время дѣлилъ всю территорію на *missatica*,

[1] Число это, впрочемъ, колебалось. Въ одномъ памятникѣ видимъ (Boretius, 183), что Карль Великій назначилъ однажды трехъ *missi*, которые должны были дѣйствовать вмѣстѣ; когда одинъ изъ нихъ заболѣлъ, онъ замѣнилъ его еще двумя, такъ что получилась группа изъ четырехъ *missi*. Но значительно чаще они дѣйствовали именно по двое.

[2] Раздѣляли ли *missi* между собою функціи во время объѣзда? Ревизовалъ ли одинъ изъ нихъ церковь, другой свѣтское управленіе? Такое предположеніе высказывалось, но въ документахъ не отмѣчено подобное распредѣленіе, и я склоненъ думать, что такого правила не существовало. Въ рядѣ различныхъ актовъ, въ формулахъ оба *missi* всегда называются вмѣстѣ. Понятно, что если духовный *missus* стремился ревизовать дѣла и людей свѣтскаго управленія, то было бы мало вѣроятно, чтобы его товарищъ отдѣлялся отъ него при ревизіи церковной области. Правительство, повидимому, хотѣло, чтобы они всегда дѣйствовали вмѣстѣ, то ли для взаимнаго наблюденія другъ за другомъ, то ли для взаимной помощи. Припомнимъ, наконецъ, что принципомъ каролингскаго управленія былъ постоянный взаимный надзоръ другъ за другомъ епископа и графа и нахожденіе ихъ «въ согласіи». Тотъ же принципъ могъ примѣняться и къ посланцамъ.

то-есть, на ревизіонные округа. Каждая группа изъ двухъ *missi* получала отъ короля указаніе того округа, какой она должна была объѣхать [1].

До насъ дошло нѣсколько королевскихъ постановленій на этотъ счетъ. Напримѣръ, въ 802 году Карлъ Великій опредѣляетъ, что сенъ-денисскій аббатъ Фредульфъ и графъ парижскій Этьенъ должны будутъ посѣтить области Парижа, Бри, и земли Мелена, Провенса, Этампа, Шартра и Пуасси [2]. Точно также архіепископъ руанскій Магенардъ и графъ Мадельгардъ должны будутъ обревизовать Мэнъ, Гіемуа, Лизье, Байе, Кутансъ, Авраншъ, Эвре, Руанъ [3]. Другіе также получали заранѣе намѣченный маршрутъ; архіепископъ сансскій Магнъ и графъ Годефредъ должны были отправиться изъ Орлеана прямо къ Сенѣ, осмотрѣть область Труа,

[1] Такъ какъ «missus» именовался также «legatus», то и должность его называлась «missaticum» или «legatio» безъ различія.— «De ipso pago istam legationem perficiant missi nostri» (капитулярій 792 года, ст. 5, стр. 67); «missi nostri qui hac legatione fungi debent» (капитулярій 808 года, ст. 7, стр. 138); «imperator in istis partibus iniunctam habuit legationem suam»(письмо миссовъ къ нѣкому графу, Boretius, 183); «missi omnibus notum faciant qualis sit eorum legatio»(капитулярій 825 года, ст. 2, 308); «capitula ad legationem missorum nostrorum pertinentia» (капитулярій 819 года, 289).—«Missaticum» означаетъ иногда то же самое: «Si quis missaticum illi iniunctum contradixerit» (капитулярій 810 года, ст. 1, 160).—Но въ то же время «legatio» и особенно «missaticum» примѣняется къ территоріи округа, который должна ревизовать каждая группа *missi*. «Ut unusquisque in suo missatico» (капитулярій 806 года, ст. 1, 131); «quicquid missus in illo missatico invenerit» (капитулярій 811 года, ст. 9, 177); «comitibus qui ad eius missaticum pertinent» (*ibidem*, ст. 12).

[2] *Capitulare missorum*, 802 годъ, Boretius, 100.

[3] *Ibidem*.

направиться къ Лангру, изъ Лангра въ Безансонъ, потомъ возвратиться изъ Безансона въ Отенъ, изъ Отена въ Орлеанъ [1].

У насъ есть подобный же документъ, исходящій отъ Людовика Благочестиваго. Въ 825 году императоръ постановляетъ, что округъ безансонскій будетъ ревизоваться епископомъ Гейминомъ и графомъ Моногольдомъ, округъ трирскій—архіепископомъ Гетти и графомъ Адальбертомъ. Шесть графствъ, реймсское, шалонское, суассонское, санлисское, бовесское и ланское, посѣтятъ архіепископъ Эббонъ и графъ Ротфридъ; графства Нуайонъ, Аміенъ, Теруанъ и Камбрэ—епископъ нуайонскій Рагнарій и графъ Беренгаръ [2]. Въ этомъ спискѣ, только одну часть котораго мы здѣсь приводимъ, замѣтно, что подлежащіе ревизіи округа почти всегда соотвѣтствовали церковнымъ провинціямъ [3].

[1] *Capitulare missorum Aurelianense* (согласно парижской рукописи 9654, folio 10 v°): «In primis de Aurelianense civitate ad Segonnam quomodo rectum est (тутъ говорится видимо не о Сонѣ: «Segonnam» стоитъ вмѣсто «Sequanam», или переписчикъ не разобралъ «Senonicum», т.-е. территорію города Санса; въ самомъ дѣлѣ, надо замѣтить, что сансскій край пропущенъ при перечисленіи, тогда какъ онъ, несомнѣнно, составлялъ часть даннаго округа; одинъ взглядъ на карту покажетъ, что «Senonicum» именно должно было находиться на томъ мѣстѣ, которое занимаетъ слово «Segonnam»), deinde ad Trecas, cum Tricassino toto, inde ad Lingonis, de Lingonis ad Bissancion in villam parte Burgundiae, inde vero ad Augustidunum, postea ad Ligerem usque ad Aurelianis, sunt missi Magnus archiepiscopus et Godefredus comes».

[2] *Commemoratio missis data*, 825 годъ, Boretius, 308.

[3] Одна только церковная провинція, именно реймсская, была раздѣлена на два округа, конечно, по причинѣ ея большихъ размѣровъ.

Почти всегда также однимъ изъ двухъ *missi* является архіепископъ данной провинціи [1]. Что касается графовъ, то, наоборотъ, не видно, чтобы ихъ графство находилось именно въ той области, какую они должны были ревизовать [2].

Имѣемъ такой же списокъ, составленный въ 853 году Карломъ Лысымъ. Онъ дѣлитъ сѣверную Францію на двѣнадцать ревизіонныхъ округовъ и назначаетъ *missi* для каждаго изъ нихъ [3]. Отмѣчается единственное нововведеніе, что каждая группа *missi* состоитъ, по большей части, изъ четырехъ лицъ; обыкноненно они составлены изъ одного епископа, одного аббата и двухъ графовъ. Области многихъ изъ этихъ графовъ находятся въ томъ же округѣ, откуда вытекаетъ, что графамъ довольно часто приходится контролировать другъ друга.

Необходимо особенно обратить вниманіе, что королевская казна не несла расходовъ по ревизіямъ; расходы несли ревизуемыя области. *Missi* помѣщались у жителей на всемъ готовомъ во время путешествія или во время ихъ пребыванія

[1] Гетти — архіепископъ трирскій, Гадальбольдъ — кельнскій, Эббонъ — реймсскій, Іеремія — санскій, Виллибертъ — руанскій, Ландрамнъ — турскій. Исключеніе составляетъ лишь область безансонская. Ротадъ, который долженъ будетъ замѣнить въ случаѣ надобности Эббона реймсскаго, служилъ въ той же области: онъ былъ епископомъ суассонскимъ.

[2] Безусловнаго правила тутъ не существовало; мы видѣли выше, что *missus*, облеченный въ 802 году ревизіей (*missaticum*) Парижа и его округа, былъ Этьенъ графъ парижскій.

[3] Документъ этотъ находится у Baluze, II, 68, у Walter, III, 54 (и у Pertz, 426).

въ провинціи [1]. Выѣзжая изъ дворца, они везли съ собой грамоту, указывавшую поставки, на какія они имѣли право [2]. Дошедшее до насъ постановленіе Людовика Благочестиваго показываетъ, что ежедневный расходъ хлѣба, мяса, вина, фуража, требовавшійся для нихъ, былъ значителенъ, и мы видимъ изъ этого постановленія, что каждаго мисса сопровождала довольно многочисленная свита [3].

[1] Общее правило упомянуто въ актѣ, написанномъ для нѣсколькихъ переселенцевъ изъ Испаніи, которымъ разрѣшено сѣсть на югѣ Франціи. Людовикъ Благочестивый говоритъ, что они будутъ обязаны «sicut caeteri liberi homines» доставлять его миссамъ, или миссамъ короля-сына «paratos et veredos», то-есть, продовольствіе и лошадей.—*Praeceptum pro Hispanis*, 815 годъ, ст. 1 (Boretius, 261—262). См. кромѣ того *capitulare missorum* 802 года, ст. 28 (стр. 96) и другой *capitulare missorum* 803 года, ст. 17 (стр. 116): «De missis nostris discurrentibus, ut nullus mansionem contradicere praesumat».

[2] Формулы этихъ грамотъ уже имѣются въ сборникѣ Маркульфа, I, 11, затѣмъ въ сборникѣ, который Цеймеръ называетъ *Formulae Marculfinae aevi carolini*, № 20 стр. 121. Обѣ формулы относятся къ группѣ дѣйствовавшихъ вмѣстѣ двухъ *missi*, одинъ изъ которыхъ епископъ, *vir apostolicus*, другой—графъ, *inluster vir*. Онѣ имѣютъ цѣлью избавить его отъ всякихъ расходовъ на пути туда и назадъ. Изъ нихъ видно, что тамъ, гдѣ миссы появлялись, имъ должны были доставляться всякаго рода съѣстные припасы, лошади и всякія средства для передвиженія.

[3] Капитуларій 819 года, ст. 29, 291: «Panes XL, friskingas III, de potu modii III, porcellus unus, pulli III, annona ad caballos modii IV». Все это требовалось для каждаго *missus* каждодневно. Графъ получалъ нѣсколько меньше епископа. Если свѣтскій *missus* былъ лишь *vassalus* короля, что случалось довольно рѣдко, то онъ имѣлъ право только на семнадцать хлѣбовъ. на одинъ *modius* вина, на двѣ курицы и т. д.—См. нѣсколько иныя цифры въ *Formulae imperiales*, № 7.—Замѣтимъ, что миссы должны были давать королю отчетъ о времени ихъ пребыванія въ каждомъ

Они имѣли право останавливаться у обывателей и останавливались главнымъ образомъ у тѣхъ людей, дѣйствія которыхъ должны были подвергнуть контролю, то-есть, у епископовъ и у аббатовъ [1], у графовъ и у сотниковъ. Тотъ, кто отказался бы принять ихъ, подвергся бы потерѣ должности и бенефиціевъ [2], по меньшей мѣрѣ, ихъ пребываніе у него затянулось бы принудительно [3]. Отсюда проистекали слѣдующія странныя постановленія каролингскихъ капитуляріевъ: „Если графъ не исполнитъ одной изъ своихъ обязанностей, онъ долженъ будетъ содержать миссовъ въ своемъ домѣ до исправленія зла" [4]. Тѣ же строгости постановлены

мѣстѣ и о числѣ сопровождавшихъ ихъ людей (капитулярій 803 года, ст. 26, 116).—Замѣтимъ еще, что миссамъ было предписано, если они находились вблизи отъ одной изъ своихъ земель, помѣщаться и кормиться тамъ; капитулярій 819 года, ст. 26, 291.

[1] Такъ архіепископъ Агобардъ пишетъ, что онъ видѣлъ, какъ прибыли императорскіе *missi* «habentes in manibus tractoriam stipendialem», имѣя въ рукахъ проѣздную грамоту, опредѣлявшую количество поставокъ (Bouquet, VI, 364).

[2] Капитулярій 818 года, ст. 16, Boretius, 284: «Si quis litteras nostras dispexerit, id est tractoriam quae propter recipiendos dirigitur, aut honores quos habet amittat... honorem qualemcumque habuerit sive beneficium amittat».

[3] Капитулярій 818 года, ст. 16, Boretius, 284: «Aut in eo loco ubi missos suscipere debuit tamdiu resideat et de suis rebus legationes illuc venientes suscipiat quousque animo nostro satisfactum habeat».

[4] Капитулярій 779 года, ст. 21, стр. 51: «Si comis in suo ministerio iustitias non fecerit, misso nostro (missum nostrum) de sua casa soniare faciat usque dum iustitiae ibidem factae fuerint, et si vassus noster iustitiam non fecerit, tunc et comis et missus ad ipsius casa sedeant et de suo vivant».—Слово *iustitia* имѣетъ болѣе широкое значеніе, чѣмъ французское слово «justice».

Людовикомъ Благочестивымъ противъ епископовъ и аббатовъ [1]. Наоборотъ, у безупречныхъ чиновниковъ пребываніе миссовъ должно было быть коротко [2].

2.

Функціи миссовъ.

Относительно функцій *missi* у насъ есть совершенно точные документы; это самыя инструкціи, какія имъ давали короли. Въ самомъ дѣлѣ, эти люди, ежегодно выѣзжавшіе изъ дворца, увозили съ собою составленный королемъ списокъ главныхъ предметовъ, которыми они должны были заниматься [3]. До насъ дошли многія изъ такихъ инструкцій. Есть инструкціи, данныя Карломъ Великимъ въ 789, 792, 802, 803, 805, 806, 808, 810 годахъ; есть инструкціи Людовика Благочестиваго отъ 819, 821, 825, 826 годовъ; Карла Лысаго отъ 853, 854, 860, 865 годовъ. Въ самыхъ полныхъ изъ

[1] Капитулярій 819 года, ст. 23, стр. 291: «Ubicumque ipsi missi episcopum aut abbatem invenerint qui iustitiam facere vel nolluit vel prohibuit, de ipsius rebus vivant quamdiu in eo loco iustitias facere debent».

[2] *Ibidem*, ст. 24: «Ut in illius comitis ministerio qui bene iustitias factas habet, missi diutius non morentur, sed ibi moras faciant ubi iustitia vel minus vel neglegenter facta est».

[3] Такъ въ 826 году Людовикъ Благочестивый напоминаетъ своимъ *missi* инструкціи, полученныя ими отъ него въ предыдущемъ году, «anno praeterito quando capitula legationes vestrae vobis dedimus» (*Botetius*, 309).—Точно также Агобардъ пишетъ, что *missi* прибыли къ нему, имѣя въ рукахъ, кромѣ *tractoria stipendialis*, еще и *capitula sanctionum*, то-есть, статьи, содержащія различныя приказанія короля (*Bouquet*, VI, 364).

нихъ насчитывается до сорока статей, и онѣ касаются самыхъ различныхъ вопросовъ. Нѣкоторыя же гораздо болѣе кратки, такъ какъ въ нихъ вниманіе миссовъ обращаатся на отдѣльные спеціальные пункты [1].

Прежде всего бросается въ глаза, что эти инструкціи столько же касаются церкви, сколько свѣтскаго общества. Предписанія, относящіяся къ церкви, стоятъ обыкновенно въ началѣ. Въ инструкціяхъ 789 года шестнадцать первыхъ статей относятся къ монастырямъ, а изъ слѣдующихъ двадцати одной еще девять касаются церкви. Почти такъ же обстояло дѣло до конца царствованія Карла Лысаго. Въ самомъ дѣлѣ, церковь была одною изъ частей общества, на которую дѣйствіе королевской власти распространялось наиболѣе сильно.

Первая обязанность миссовъ повсюду объявлять королевскую волю. Ту же обязанность несли, конечно, и графы, но верховная власть больше полагалась на миссовъ, отправлявшихся непосредственно изъ дворца. Такъ мы видимъ, что Карлъ Великій вручаетъ своимъ *missi* капитуляріи, „которые они должны будутъ объявить всѣмъ во всѣхъ провинціяхъ“ [1]. Такъ же поступаетъ Людовикъ Благочестивый [2]. При Карлѣ Лысомъ королевская воля всегда передавалась народу черезъ миссовъ, и только черезъ нихъ: въ ту эпоху графы почти перестали исполнять роль передаточныхъ органовъ [3].

Иногда короли черезъ посредство миссовъ заставляютъ народъ присягать имъ на вѣрность [4]. Это понятно потому, что *missi* являются въ глазахъ подданныхъ какъ бы болѣе прямыми представителями короля, чѣмъ графы. Если къ присягѣ приводитъ графъ, присягающій можетъ сомнѣваться, приноситъ ли онъ ее графу или королю. Когда то же дѣлаетъ *missus*, не остается никакихъ сомнѣній. Къ тому же *missi* должны передавать королю списокъ всѣхъ тѣхъ, кто принесъ присягу, а также списокъ тѣхъ, кто укрылся отъ этой обязанности.

Иногда король предпочтительно передъ графами

[1] Вотъ заглавіе инструкцій 789 года: «Anno dominicae incarnationis DCCLXXXIX, anno XXI regni nostri, actum est huius legationis edictum in Aquis palatio publico. Data est haec carta die decima Kalendas aprilis» (*Boretius*, 62). — Слѣдуетъ тридцать семь статей, но отъ многихъ изъ нихъ сохраняются только заглавія, вѣроятно, потому, что достаточно было напомнить самые пункты, о которыхъ королемъ были даны устныя наставленія.—Инструкціи 819 года начинаются такъ: «Haec sunt capitula ad legationem missorum nostrorum ob memoriae causam pertinentia, de quibus videlicet causis agere debent» (*Boretius*, 289).—Въ 825 году (*Boretius*, 308) читаемъ только: «Commemoratio missis data».—Въ 853 году: «Capitula quae per regnum suum a missis suis adnuntiari praecepit» (*Walter*, III, 42; *Pertz*, 423).—Въ 865 году (*Pertz*, 501): «Haec capitula misit per...»

[1] *Capitulare incerti anni* (803—813), № 67; у Boretius, 156, Baluze, I, 449: «Haec capitula missi nostri cognita faciant omnibus in omnes partes».

[2] Капитулярій 818 года, № 136 у Boretius, 281: «Incipiunt capitula quae legibus addenda sunt, quae et missi et comites habere et ceteris nota facere debent».

[3] Капитулярій 860 года, 853, ст. 7, 8, 9, 10, 12; капитулярій 853 года; кьерсійскій капитулярій 857 года.

[4] Капитулярій 792 года, 66. Капитулярій 806 года, 2, стр. 131.—Капитулярій 865 года, *apud Tusciacum*, Walter, III, 157 (Pertz, 501).

поручаетъ миссамъ производить воинскіе наборы[1], поддерживать дороги или сооружать мосты[2].

Вообще же *missi* должны были удостовѣряться, что всѣ законы и указы, всѣ королевскія повелѣнія исполнялись въ провинціяхъ[3]. „Черезъ нашихъ миссовъ мы желаемъ знать, пишетъ король, всѣ ли духовные, епископы, аббаты, священники, монахи и монахини хорошо исполнили нашъ баннъ и нашъ указъ; мы желаемъ также знать, во всемъ ли повинуются нашимъ приказамъ и нашей волѣ міряне, и какъ они соблюдаютъ нашъ баннъ, дабы мы вознаградили тѣхъ, кто поступаетъ хорошо, и наказали тѣхъ, кто поступаетъ дурно“[4].

Людовикъ Благочестивый говоритъ точно такъ же: „Наши миссы поставлены для того, чтобы доводить до свѣдѣнія всего народа обо всемъ, что̀ мы постановили нашими капитуляріями, и для того, чтобы пещись объ исполненіи нашихъ постановленій всѣми во всей полнотѣ“[5].

¹ Капитулярій 808 года, 137, Baluze, I, 489: «Brevis capitulorum quam missi dominici habere debent ad exercitum promovendum».—Слѣдуетъ девять статей относительно людей, обязанныхъ нести службу, и о случаяхъ освобожденія отъ нея.

² Капитулярій 821 года, ст. 10 и 11, 301.

³ *Capitulare missorum*, 802 годъ, ст. 8, 93: «Ut nullum bannum, vel preceptum domni imperatori nullus in nullo marrire praesumat, neque opus eius tricare vel inpedire vel minuere vel in alia contrarius fieri voluntati vel praeceptis eius».

⁴ *Capitulare missorum*, 802 годъ, ст. 40, стр. 98, Baluze, I, 374.

⁵ Капитулярій 825 года, ст. 3, стр. 309: «Volumus, ut omnibus notum sit, quia ad hoc constituti sunt, ut ea quae per capitula nostra generaliter de quibuscumque causis statuimus per illos nota fiant omnibus et in eorum procuratione consistant, ut ab omnibus

Они должны были также смотрѣть за всѣмъ, что касалось интересовъ или правъ государя[1]. Охрана королевскихъ доменовъ естественно была одною изъ ихъ первыхъ заботъ. Въ инструкціяхъ рѣдко опускался этотъ пунктъ. „Наши миссы, говоритъ Карлъ Великій въ 789 году, должны убѣждаться, хорошо ли обрабатываются отдаваемыя нами въ бенефиціальное пользованіе фискальныя земли, и должны доносить намъ объ этомъ“[2]. Людовикъ Благочестивый приказываетъ имъ разыскивать всякую принадлежавшую фиску отторгнутую у него землю, а равно и скрывавшихся сервовъ фиска[3]. Однимъ изъ самыхъ большихъ преступленій, какое можно было совершить противъ вѣрности королю, было „завладѣніе его землею или его сервомъ, или его бѣглымъ колономъ“[4]. Могло быть, что самъ

adimpleantur». Ср. капитулярій 819 года, ст. 8, стр. 289: «De observatione praeceptorum nostrorum et immunitatum».

¹ *De regalibus iustitiis*, *capitulare missorum* 853 года, ст. 2, Walter, 51 (Pertz, 424).—«Ut regales iustitiae cum omni diligentia perficiantur» (въ 857 году, *admonitio missorum*, c. 6, Walter, III, 75, (Pertz, 455).

² Капитулярій 789 года, ст. 35, стр. 64: «Ut missi nostri provideant beneficia nostra quomodo sunt condricta, et nobis renunciare sciant».—Относительно смысла слова «condrigere» или «condirgere» см. капитулярій Пиппина 768 года, ст. 5, стр. 43: «Qui nostrum beneficium habet, bene ibi laboret et condirgat».—Ср. капитулярій 809 года, ст. 9, стр. 150: «De beneficiis nostris non bene condrictis».

³ Капитулярій 821 года, ст. 2, стр. 300: «De rebus sive mancipiis quae dicuntur a fisco nostro esse occupata, volumus ut missi nostri inquisitionem faciant... per veraciores homines pagi illius circummanentes».

⁴ *Capitulare missorum*, 802 г. ст. 4 (стр. 92) «Ut nullus homo

бенефиціалъ плохо обрабатывалъ землю и уменьшалъ цѣнность бенефиція. Могло быть, что бенефиціалъ истощалъ бенефицій и вмѣсто того, чтобы употреблять доходы на постройки и улучшенія, употреблялъ ихъ на пріобрѣтеніе личной собственности [1]. Могло быть и такъ, что, какъ только онъ пріобрѣталъ себѣ землю въ полную собственность, тотчасъ переводилъ на нее сервовъ съ бенефиція, обнажая такимъ образомъ землю короля, чтобы обогатить свою [2]. Таковъ былъ обманъ, часто практиковавшійся самими графами, за которыми должны были слѣдить миссы [3]. Другой видъ злоупотребленій выражался въ слѣдующемъ: владѣлецъ бенефиція совершалъ фиктивную продажу казенной земли и потомъ заставлялъ вновь перепродать ее себѣ, какъ аллодъ [4]; такъ какъ вторая продажа совершалась съ соблюденіемъ всѣхъ формальностей, то послѣ нея въ рукахъ у него оказывался подлинный документъ, свидѣтельствую-

neque cum periuri neque ullo ingenio vel fraude neque servum domni imperatoris neque terminum neque terram abstrahere audeat, et ut nemo fugitivos fiscales suos qui se iniuste liberos celare dicunt presumat».

[1] *Ibidem*, a. 806, c. 6 (p. 131): «Auditum habemus qualiter et comites et alii homines qui nostra beneficia habere videntur, conparant sibi proprietates de ipso nostro beneficio».

[2] *Ibidem*, 806: «Et faciant servire ad ipsas proprietates servientes nostros de eorum beneficio, et curtes nostrae remanent desertae» (то-есть, лишенными людей, земледѣльцевъ).

[3] *Capitulare missorum*, 802, c. 6: «Ut beneficium domni imperatoris desertare nemo audeat, propriam suam exinde construere».

[4] *Ibidem*, 806, c. 7: «Audivimus quod aliqui reddunt beneficium nostrum ad alios homines in proprietatem, et in ipso placito, dato pretio, conparant ipsas res iterum sibi in alodem».

щій, что данная земля являлась не королевскимъ бенефиціемъ, а его личною собственностью. Карлъ Великій, Людовикъ Благочестивый и Карлъ Лысый непрестанно предостерегаютъ миссовъ противъ всѣхъ такихъ обмановъ [1].

Королевскіе лѣса также должны были служить предметомъ заботъ миссовъ; они обязывались охранять ихъ отъ захватовъ, отъ злоупотребленій правами пользованія, отъ охоты частныхъ лицъ [2]. Они брали въ свои руки всѣ имущественныя права короля и заботились о томъ, чтобы не исчезъ или не уменьшился ни одинъ источникъ его доходовъ [3].

На нихъ лежалъ также общій надзоръ за безопасностью общества. Они должны были убѣждаться, что полиція вездѣ хорошо организована,

[1] *Capitulare missorum*, 819 года, ст. 11, ср. съ *capitula per se scribenda*, c. 3 (Boretius, 290, 287).

[2] *Capitulare missorum*, 819 года, c. 22 (стр. 291): «De forestibus nostris ut, ubicumque fuerint, diligentissime inquirant quomodo salvae sint et defensae».—Ср. *capitulare missorum*, 802, c. 39 (p. 98): «Ut in forestes nostras feramina nostra nemo furare audeat, quod iam multis vicibus fieri contradiximus».

[3] *Ibidem*, 802, c. 19, (p. 101): «Undecumque necesse fuerit, tam de iustitiis nostris quam et iustitias ecclesiarum, viduaram, orfanorum, inquirant et perficiant».—Капитулярій 811 года, ст. 10, стр. 177: «Ut missi nostri census nostros perquirant diligenter, undecunque antiquitus ad partem regis exire solebant, similiter et freda».—Подъ словомъ «iustitiae» надо понимать всякаго рода доходныя права, подъ словомъ «census» — денежные сборы, «freda»—доходы отъ судебныхъ штрафовъ.—Капитулярій 805 года, 122, ст. 3: «De iustitiis regalibus ut pleniter fiant inquisitae». *Ibidem*, c. 20 (p. 125): «Census regalis, undecumque legitime exiebat, volumus ut inde solvatur, sive de propria persona hominis sive de rebus».—Капитулярій 806 года, ст. 10, стр. 132: «De teloneis et cespitaticis, ubi antiqua consuetudo fuit, exigantur».

что разбойники преслѣдуются, задерживаются и наказываются [1], что даже бродяги извѣстны администраціи и находятся подъ присмотромъ [2], что не составляется противозаконныхъ сообществъ [3], что королевскіе приказы относительно мѣръ и вѣсовъ соблюдаются [4]. Они должны были, съ одной стороны, преслѣдовать фальшивыхъ монетчиковъ [5], съ другой—тѣхъ, кто отказывался принимать королевскую монету [6]. Они слѣдили за тѣмъ, чтобы никто не укрывался отъ воинской службы [7].

[1] *Capitulare missorum*, 802, c. 25, p. 96; *ibidem*, c. 32.—*Ibidem*, a. 808, c. 8 (p. 140). *Ibidem*, a. 810, c. 11 (p. 153).

[2] *Capitulare missorum*, a. 803, c. 6 (p. 115): «De fugitivis ac peregrinis ut distringatur, ut scire possimus qui sint aut unde venerint».—*Capit.* a. 809, c. 5—6, p. 150.

[3] *Capitulare missorum Aquitanicum*, 789 годъ, ст. 15, стр. 66: «De truste non faciendo».—*Capitulare missorum*, 805 годъ, ст. 10, стр. 124: «De conspirationibus, ut triplici ratione iudicentur. Ubi aliquid mali perpetratum fuit, auctores facti interficientur. Ubi nihil mali perpetratum est, inter se flagellentur... Si vero per dextros aliqua conspiratio firmata fuerit, aut iurent hoc pro malo non fecisse aut suam legem conponant; si vero servi sunt flagellentur».

[4] *Ibidem*, 803 годъ, ст. 8, стр. 115: «De mensuris ut secundum iussionem nostram aequales fiant».—*Ibidem*, 809 годъ, ст. 8, стр. 150: «De monetis et mensuris modiorum».

[5] *Capitulare missorum*, a. 803, c. 28, p. 116: «De falsis monetariis requirendum».—*Capitulare* a. 805, c. 18, p. 125.

[6] *Capitulare missorum Aquisgranense*, c. 7, p. 152: «De monetis statutum est et nullus audeat denarium merum et bene pensantem reiectare, et qui hoc facere praesumpserit, bannum componat».—Ср. капитулярій 823 года, стр. 306, ст. 20.

[7] Капитулярій 792 года, ст. 6, стр. 67.—*Capitulare missorum*, 802, ст. 7, стр. 93: «Ut hostile bannum domni imperatoris nemo pretermittere presumat».—Ср. капитулярій 805 года, ст. 19, стр. 125: «De heribanno volumus ut missi nostri fideliter exactare

Итакъ, *missi* были, прежде всего, орудіями королевской воли, и первая изъ ихъ обязанностей состояла въ наблюденіи за тѣмъ, чтобы эта воля исполнялась населеніемъ. Если они находили гдѣ-нибудь графа, которому препятствовали въ исполненіи его долга какія-нибудь мѣстныя несогласія, они должны были поддержать его и упрочить его власть [1]. Такъ же поступали они по отношенію къ епископамъ [2]. Они должны были оказывать поддержку всякой мѣстной власти, которая оказывалась слабою.

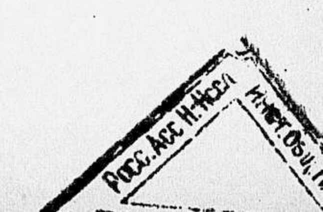
Но чаще всего должны они были наблюдать за этой самой властью, должны были ее сдерживать, а иногда противиться ей, исправлять ее. Отъ ихъ контроля не ускользали высшіе сановники церкви. „Миссы будутъ слѣдить за тѣмъ, говоритъ Карлъ Великій, не поднимается ли какой-нибудь жалобы на епископа или аббата, и доносить намъ объ этомъ“ [3]. „Они должны заботиться, чтобы епископы,

debeant».—Капитулярій 810 года, ст. 12, стр. 153: «De heribanno ut diligenter inquirant missi», etc.

[1] Капитулярій 825 года, ст. 2, Boretius, 308: «Si quilibet comes ministerium suum per quodlibet impedimentum implere non possit, ad eos (missos) recurrat, et cum eorum adiutorio ministerium adimpleat».—Ср. письмо миссовъ къ графу (Boretius, 184, ст. 3): «Quicumque vobis rebelles aut inobedientes fuerint, remandate nobis ipsis ut secundum quod dominus noster commendatum habet, faciamus».

[2] Тотъ же капитулярій 825 года, ibidem: «Si quilibet episcopus», etc.—Ср. письмо Людовика Благочестиваго къ одному архіепископу (Baluze, I, 555—556, Boretius, 34): «Missos nostros ad Tuam Sanctitatem ideo direximus... ut tibi opem in caeteris commonendis ferrent».

[3] Капитулярій 789 года, ст. 27, стр. 64: «Missi nostri providere debent ne forte aliquis clamor super episcopum vel abbatem

аббаты и аббатиссы умѣли управлять своими подчиненными съ уваженіемъ и любовью, чтобы они не угнетали ихъ тираннической властью, чтобы они относились къ нимъ съ благостью и милосердіемъ, охраняли ввѣренное имъ стадо посредствомъ добрыхъ примѣровъ“ [1]. Миссы должны будутъ смотрѣть, точно ли соблюдаютъ епископъ и священники приказы короля и заставляютъ ли ихъ исполнять [2]. Правительство не терпитъ даже излишествъ религіознаго рвенія, если оно идетъ въ разрѣзъ съ его повелѣніями. Людовикъ Благочестивый стремился дать евреямъ почти полную свободу въ его государствѣ; одинъ архіепископъ ліонскій пошелъ противъ терпимости; Людовикъ посылаетъ къ нему своихъ миссовъ, и архіепископъ смиренно подчиняется [3].

seu abbatissam vel comitem seu super qualemcumque gradum sit et nobis renuntiare».

[1] *Capitulare missorum*, 802, ст. 11, стр. 93: «Ut episcopi, abbates atque abbatissae qui ceteris prelati sunt, cum summa veneratione ac diligentia subiectis sibi praeesse studeant, non potentiva dominatione vel tyrannide sibi subiectos premant, sed simplici dilectione cum mansuetudine et caritate vel exemplis bonorum operum commissam sibi gregem custodiant».

[2] Письмо Людовика Благочестиваго къ одному архіепископу (Baluze, I, 556, Boretius, 341): «Missos nostros ad Tuam Sanctitatem direximus ut tuum caeterorumque ecclesiasticorum diligenter in hoc negotio intuerentur studium».

[3] Агобардъ пишетъ въ одномъ письмѣ (Bouquet, VI, 363): «Magister Iudeorum nobis comminatur se missos a palatio adducturum qui pro istis rebus nos iudicent et distringant».—Затѣмъ, въ другомъ (Bouquet, VI, 364): «Venerunt missi habentes in manibus capitularia sanctionum... Direxi ad illos ut praeciperent quidquid vellent et nos obediremus».—И то онъ не легко получаетъ прощеніе, и съ его духовенствомъ миссы сурово обращаются въ его отсутствіе: «Nihil veniae adepti sumus, ita ut etiam aliqui ex sacerdotibus nostris, quibus nominatim minabantur, non auderent praesentiam suam eis exhibere».

Расслѣдованія миссовъ направлялись особенно на дѣйствіе чиновниковъ, которымъ передавали свою судебную власть епископы, аббаты и аббатиссы. Они провѣряли, какъ соблюдалось ими правосудіе по отношенію къ подчиненному населенію [1]. Они могли требовать ихъ отставленія и замѣщенія ихъ новыми [2].

Съ тѣмъ большимъ основаніемъ наблюдали миссы за свѣтскими чиновниками. Они должны были ревизовать дѣйствіе каждаго герцога и каждаго графа [3]. Они напоминали имъ объ ихъ обязанностяхъ: „Графы должны судить людей согласно писанному закону, а не согласно личному своему усмотрѣнію“ [4]. Они не должны ходить на охоту въ дни засѣданія [5]. Они должны строго охранять порядокъ, „задерживать воровъ, разбойниковъ,

[1] *Capitulare missorum*, 802, c. 13, p. 93: «Ut episcopi, abbates atque abbatissae advocatos atque vicedominos centenariosque legem scientes et iustitiam diligentes pacificosque et mansuetos habeant... neque praepositos neque advocatos damnosos et cupidos in monasteria habere volumus».

[2] *Ibidem*: «Et si se emendare noluerit... removeantur et qui digni sunt in loca eorum subrogentur».

[3] Пистскій указъ, 864, ст. 35, Pertz, 498: «Sciant comites nostri, quia per singulos comitatus missos nostros dirigemus, qui specialiter de his quae nunc constituimus inquirant, qualiter...»

[4] *Capitulare missorum*, 802, c. 26, p. 96: «Ut iudices secundum scriptam legem iuste iudicent, non secundum arbitrium suum».

[5] *Legationis edictum*, a. 789, c. 17, p. 63: «Et in venationem non vadant illo die quando placitum debent custodire nec ad pastum».

убійцъ, прелюбодѣевъ, колдуновъ, святотатцевъ, ни подъ какимъ видомъ не позволять имъ ускользать отъ правосудія и наказывать ихъ по закону [1]. Они не должны брать денегъ за избавленіе людей отъ воинской службы [2].

У насъ есть одна изъ формулъ грамоты, которую *missi* адресовали графу, извѣщая его о своемъ прибытіи [3]. „Мы пишемъ вамъ, чтобы отъ имени императора приказать вамъ отнестись къ исправленію вашей должности со всѣмъ вашимъ рвеніемъ. Ибо императоръ повелѣлъ намъ донести ему въ срединѣ апрѣля мѣсяца, какъ исполняются всѣ его приказанія. Тѣмъ, кто поступаетъ хорошо, онъ дастъ награды; тѣмъ, кто не исполняетъ его воли, онъ выскажетъ заслуженные ими укоры [4].

[1] *Capitulare Aquitanicum*, 789, c. 13, p. 65.—*Capitulare missorum*, 802, c. 25, p. 96: «Fures latronesque et homicidas, adulteros, maleficos adque incantatores vel auguriatrices omnesque sacrilegos nulla adulatione vel praemio celare audeat, sed magis prodere ut castigentur secundum legem».

[2] *Capitulare missorum*, 802, c. 7, p. 93: «Nullus comis tam praesumptuosus sit ut ullum de his qui hostem facere debiti sunt exinde vel aliqua propinquitatis defensione vel cuius muneris adulatione demittere audeant».

[3] *Liber Carolinus*, edit. Jaffe, 417—419.—*Capitularia*, Boretius, 183—184; *Pertz*, Leges, I, 137.

[4] «Nos igitur in ipsa legatione positi, idcirco ad vos hanc direximus epistolam ut vobis ex parte domni imperatoris iuberemus... ut de omni re quantum ad ministerium vestrum pertinet... totis viribus agere studeatis. Praeceptum est enim nobis ut medio aprili ei veraciter renuntiemus quid in regno suo ex his quae ipse fieri iussit factum sit vel quid dimissum sit, ut facientibus gratias condignas reddat, et non facientibus secundum quod ei placet, increpationes meritas rependat».

Перечтите внимательно присланныя вамъ раньше инструкціи, припомните также полученныя вами устныя наставленія и старайтесь, какъ можно лучше, дабы получить награду отъ Бога и отъ нашего государя, великаго императора [1]. Не относитесь небрежно къ охраненію всѣхъ правъ государя. Охраняйте также права церквей, права вдовъ, сиротъ и всѣхъ вообще безъ обмана и мздоимства [2]. А главное, ради задержки въ отправленіи правосудія, не говорите сторонамъ: „Молчите, пока проѣдутъ миссы, мы поладимъ послѣ между собой"; ибо если вы совершите такого рода обманъ, будьте увѣрены, что мы составимъ противъ васъ строгое донесеніе [3]. Перечтите нѣсколько разъ настоящее письмо и храните его, чтобы оно служило свидѣтельствомъ между нами и вами" [4]. Этотъ языкъ

[1] *Liber Carolinus*, c. 1: «Admonemus, ut capitularia vestra relegatis et quaeque vobis per verba commendata sunt recolatis, pro quo et apud Deum mercedem et apud ipsum magnum dominum nostrum condignam retributionem suscipiatis».

[2] *Ibidem*, c. 2, 3: «Obedientes sitis et nullam negligentiam habeatis... De iustitiis domni imperatoris tale certamen habeatis sicut vos debitores esse cognoscitis... Iustitias ecclesiarum, viduarum, orfanorum et reliquorum omnium sine ullo malo ingenio et sine ullo iusto pretio».

[3] *Ibidem*, c. 5: «Observate valde ne... dicatis: «Tacete donec illi missi transeant et postea faciamus nobis invicem iustitias». Si tale aliquod malum ingenium inter vos factum fuerit aut si ipsae iustitiae quas sine nobis facere potestis, aut per negligentiam aut per malitiam tamdiu retractae fuerint donec nos veniamus, sciatis certissime quod grandem exinde contra vos rationem habebimus».

[4] *Ibidem*, c. 7: «Ut istam epistolam saepius relegatis et bene salvam faciatis ut ipsa inter nos et vos testimonium sit utrum sic factum habeatis sicut ibi scriptum est, aut non habeatis».

достаточно показываетъ, насколько уполномоченный посланецъ государя считалъ себя выше графа.

Всѣ, включая графовъ и епископовъ, обязаны были оказывать миссамъ повиновеніе [1]. „Мы учреждаемъ нашихъ миссовъ, говоритъ еще Людовикъ Благочестивый, чтобы они удостовѣрялись, исполняетъ ли ввѣренную нами должность каждый изъ тѣхъ, кто нами поставленъ для управленія нашимъ народомъ, согласно волѣ Божіей, для нашей королевской славы и на пользу нашему народу" [2].

Еще ближе надзирали они за чиновниками графовъ, за низшими служащими, о которыхъ капитуляріи даютъ неблагопріятное представленіе. Они должны были смотрѣть, „знали ли законы" vicecomites, викаріи, сотники [3], „не принимали ли они подарковъ для того, чтобы поколебать правосудіе" [4], „не способствовали ли они за деньги бѣгству ви-

[1] Письмо Карла Лысаго епископамъ и графамъ въ Бургундіи, Walter, III, 158: «Ut istis missis nostris obedientes et adiutores in omnibus existatis».

[2] *Legationis capitulum*, 826, Boretius, 309—310: «Volumus ut missi nostri quos ad hoc constitutos habemus ut curam habeant quatinus unusquisque qui rector a nobis populi nostri constitutus est, officium sibi commissum iuste ac Deo placite ad honorem nostrum ac populi nostri utilitatem administret... secundum voluntatem Dei et iussionem nostram».

[3] *Capitulare missorum*, 802, c. 25: «Ut iuniores tales in ministeriis suis (comites) habeant qui legem atque iustitiam fideliter observent».—Капитулярій 805 года, ст. 12, стр. 124: «Qui sciant et velint iudicandi, iuste causas discernere».

[4] Капитулярій 802 года, ст. 38, стр. 103: «Ut quibus data est potestas iuste iudicent, non muneribus».

новныхъ" [1], „не напивались ли они передъ засѣданіемъ своего суда" [2]. Права миссовъ не простирались до смѣщенія графовъ; они лишь указывали въ докладѣ королю на ихъ проступки или преступленія; но они могли отставлять викаріевъ и сотниковъ. Въ такомъ случаѣ они побуждали графа произвести лучшій выборъ или дѣлали выборъ сами [3].

Missi были не только контролерами, они имѣли право дѣйствовать активно [4]. Имъ предписывалось даже быть энергичными: „Наши миссы должны дѣйствовать всегда и во всемъ мужественно", говоритъ Карлъ Великій [5]. Людовикъ Благочестивый повторяетъ то же самое: „Исправляйте все, что будетъ подлежать исправленію, преобразуйте все, что будетъ подлежать преобразованію" [6]. Имъ

[1] *Capitulare missorum*, a. 819, c. 20, p. 290: «Ut vicarii et centenarii qui fures et latrones vel celaverint vel defenderint, secundum sibi datam sententiam diiudicentur».

[2] Капитулярій 802 года, с. 38, p. 103: «Et ut iudices ieiuni causas iudicent».

[3] *Capit.* a. 805, c. 12, 124: «Ut pravi advocati, vicedomini, vicarii et centenarii tollantur, et tales eligantur quales et sciant et velint iuste causas discernere».

[4] Капитулярій 810 года, ст. 2, стр. 155: «Quicquid de imperatoris iussione commendare debent, potestative praecipiant».

[5] *Capitulare missorum*, a. 809, c. 15, p. 150: «Ut missi nostri viriliter in omnibus agant».—Капитулярій 802 года, ст. 59, стр. 104: «Quodcunque ad emendandum invenerint, emendare studeant in quantum melius potuerint».—Капитулярій 811 года, ст. 9, стр. 177: «Quicquid ille missus in illo missatico aliter factum invenerit quam nostra sit iussio... illud emendare iubeat».

[6] Капитулярій 825 года, ст. 2, стр. 308: «Si episcopus aut comes aliquid negligentius in suo ministerio egerit, per istorum

была дана полная власть. Они только должны были отдавать королю отчетъ во всемъ, что постановили отъ его имени [1]. Въ случаяхъ, когда они не чувствовали себя достаточно сильными, чтобы произвести самостоятельно полезную реформу, они докладывали о ней королю [2].

Въ трудныхъ или сомнительныхъ вопросахъ *missi* спѣшили писать королю, чтобы спросить его инструкцій. До насъ не дошло ни одно изъ такихъ писемъ, имѣть которыя было бы такъ любопытно; но у насъ есть отвѣтъ Карла Великаго на вопросы, съ которыми къ нему обратился одинъ изъ *missi* [3].

admonitionem corrigatur».—Капитулярій 819 года, ст. 13: «Quicquid emendare potuerint, emendent».

[1] Капитулярій 819 года, ст. 13, стр. 290: «Ea quae emendaverint, diligenter scriptis notent... De omnibus quae illic peregerint nobis rationem reddere valeant».

[2] Капитулярій 802 года, ст. 59, стр. 104: «Quod per se emendare nequiverint, in praesentiam nostram adduci faciant».—*Capitulare missorum*, a. 810, c. 1, p. 155: «Notum faciant quae difficultas eis resistat». —Капитулярій 823 года, ст. 15, стр. 305: «Si talis causa (*causa*, предметъ, какое-нибудь дѣло) in aliquo comitatu horta fuerit quae aut ad inhonorationem regni aut ad commune damnum pertineat, quae sine nostra potestate corrigi non possit, nos diu latere non permittatis qui omnia corrigere debemus».—Капитулярій 825 года, ст. 3, стр. 309: «Eorum relatu nobis indicetur ut per nos corrigatur quod per eos corrigi non potuit».

[3] *Responsa misso cuidam data*, Baluze, I, 401; Boretius, 145.—Отвѣтъ состоитъ изъ восьми статей; было предложено восемь вопросовъ. Статьи 1 и 8 относятся къ вопросамъ гражданскаго права; статьи 3, 4, 7—къ судопроизводству; статьи 2 и 5 къ административнымъ вопросамъ; статья 6—къ таможеннымъ пошлинамъ. Въ статьѣ 2 императоръ не даетъ опредѣленнаго рѣшенія и говоритъ, что посовѣтуется съ ближайшимъ *placitum generale*.

Мы видимъ изъ этого отвѣта, что *missus* совѣщался съ королемъ по вопросамъ гражданскаго права, администраціи, налоговъ, и это показываетъ намъ, что королевскіе уполномоченные касались всякаго рода предметовъ. Они могли „все предписать и всѣмъ распорядиться по своему усмотрѣнію", лишь бы ихъ дѣйствія „согласовались съ волей Бога и съ повелѣніями государя" [1].

Главнымъ оружіемъ миссовъ было правосудіе. Предоставлявшіяся имъ судебныя права дѣлали ихъ сами по себѣ представителями короля, давали имъ всю широту власти. Апелляціонныя жалобы, восходившія къ королю, весьма, повидимому, многочисленныя, не могли всѣ разсматриваться дворцовымъ судомъ. Обязанность разбирать ихъ ввѣрялась, по большей части, также миссамъ, и это было выгодно для судившихся [2]. Кромѣ того, всякое частное лицо, не апеллируя къ королю, могло

[1] *Capitulare missorum*, a. 806, c. 1, p. 131: «Ut unusquisque in suo missatico maximam habeat curam ad praevidendum et ordinandum ac disponendum secundum Dei voluntatem et iussionem nostram».—Одна статья изъ капитулярія Пиппина говоритъ, что они могли издавать постановленія, почти законы, лишь бы они согласовались съ главными законами страны: «Quicquid missi nostri cum illis senioribus patriae ad nostrum profectum melius consenserint, nullus contendere hoc praesumat» (капитулярій 768 года, ст. 12, стр. 43); но надо обратить вниманіе, что это *capitulare Aquitanicum*, что онъ составленъ въ моментъ завоеванія края и относится къ особому положенію.

[2] Капитулярій 825 года, ст. 5, стр. 309: «Ut, quando aliquis ad nos reclamaverit, ad eos (missos) possimus relatorum querelas ad definiendum remittere».—*Formulae imperiales*, № 55, Zeumer, p. 327: «In nostra aut in missorum nostrorum praesentia».

обращаться къ нимъ непосредственно. Людовикъ Благочестивый пишетъ: „Наши миссы должны объявить населенію, что они посланы нами для того, чтобы всякій человѣкъ, который не сможетъ добиться правосудія и возстановить своихъ правъ, могъ бы прибѣгнуть къ нимъ и получить правосудіе при ихъ помощи“ [1].

Они должны были итти даже навстрѣчу исправленію несправедливостей. „Вы должны, такъ внушаетъ инструкція, тщательно разыскивать, нѣтъ ли человѣка, который могъ бы пожаловаться на другого человѣка“ [2]. Они могли возобновить всякое дѣло, разобранное до нихъ. Они провѣряли рѣшенія, постановленныя епископами, аббатами или чиновниками епископовъ и аббатовъ [3]. Они измѣ-

[1] Капитулярій 825 года, ст. 2, стр. 308—309: «Omnis populus sciat ad hoc eos esse constitutos ut quicumque per neglegentiam aut incuriam vel impossibilitatem comitis iustitiam suam adquirere non potuerit, ad eos primum querelam suam possit deferre, et per eorum auxilium iustitiam adquirere».—Карлъ Великій сказалъ за тридцать пять лѣтъ до этого: «Explicare debent ipsi missi qualiter domno regi dictum est quod multi se conplangunt legem non habere conservatam, et quia voluntas regis est ut unusquisque homo suam legem pleniter habeat conservatam» (*Capitulare missorum* a. 792, c. 5, Boretius, 67).—Точно также выражается Карлъ Лысый въ 853 году: «De missis directis per regnum ut populus pacem et iustitiam habeat» (Walter, III, 49, c. 1; Pertz, 422).

[2] *Capitulare missorum*, a. 802, c. 1, p. 92: «Missi diligenter perquirere (debent) ubicumque aliquis homo sibi iniustitiam factam ab aliquo reclamasset».

[3] *Capitulare missorum*, a. 819, c. 1, p. 289, Baluze, I, 613: «Primo ut, sicut aliis missis iniunctum fuit... si episcopus aut abbas aut vicarius aut advocatus hoc fecisse inventus fuerit, statim restituatur».

няли также приговоры графовъ и другихъ королевскихъ чиновниковъ [1].

Ихъ рѣшенія касались главнымъ образомъ споровъ, относившихся къ земельной собственности или къ гражданской свободѣ [2]. Эти два великихъ блага человѣка были очень необезпечены въ ту эпоху и находили самую вѣрную гарантію въ рвеніи и безпристрастіи миссовъ. „Въ 815 году, говоритъ одинъ хроникеръ, Людовикъ Благочестивый повелѣлъ своимъ посланцамъ отправлять правосудіе во всемъ королевствѣ; если они находили кого-нибудь, по алчности графа или какого-нибудь богатаго человѣка, лишеннымъ его наслѣдства, они должны были заставить вернуть то, что ему принадлежало; если по несправедливому приговору кто-нибудь былъ обращенъ въ рабство, они должны были вернуть ему свободу“ [3].—Капитуляріи полны такого рода предписаній. Кромѣ того у насъ есть и подлинные постановленные миссами судебные приговоры, и мы можемъ изъ нихъ видѣть, какими тяжбами имъ приходилось заниматься. Въ одномъ изъ нихъ дѣло идетъ о человѣкѣ, который называетъ себя свободнымъ, но котораго землевладѣлецъ требуетъ какъ своего

[1] *Ibidem*: «Si vero vel comes... hoc perpetravit...»

[2] *Ibidem*: «Iustitiam faciant de rebus et libertatibus iniuste ablatis».

[3] *Chronicon Moissiacense*, 815, Bouquet, VI, 171: «Mandavit missis et comitibus suis ut iustitias facerent in regno suo et si aliqui homines iniuste privati fuissent de hereditate parentum per cupiditatem comitum aut divitum, ut reddere facerent: et si aliqui homines iniuste in servitium redacti erant, ut iterum acciperent libertatem».

колона [1]. Въ другомъ споръ идетъ о земельной собственности [2]. Третій касается уголовнаго права: одинъ человѣкъ обвиненъ въ кровосмѣсительствѣ, графъ объявилъ его виновнымъ и постановилъ конфискацію его имущества; но онъ обратился съ жалобой къ миссамъ, и они, постановляя рѣшеніе отъ имени и „по повелѣнію императора", отмѣняютъ предыдущій приговоръ и возвращаютъ обвиняемому его имущество" [3].

Такъ *missi* большую часть своего времени проводили въ отправленіи правосудія. Народъ не столько видѣлъ въ нихъ простыхъ ревизоровъ, сколько настоящихъ судей. Одинъ посланецъ Карла Великаго, Теодульфъ Орлеанскій, въ дошедшей до насъ небольшой поэмѣ описываетъ свою миссію въ Септиманію: онъ почти не говоритъ въ ней ни о чемъ другомъ, кромѣ своихъ судебныхъ функцій [1]. Миссы были какъ бы передвигающимися судьями. Они представляли объѣзжающую провинціи королевскую юстицію. Иногда въ сомнительныхъ или особо важныхъ случаяхъ они воздерживались рѣшать дѣла сами; они докладывали тогда государю, постановлявшему приговоръ согласно ихъ разслѣдованію [2]. У насъ есть рядъ отвѣтовъ, адресованныхъ Людовикомъ Благочестивымъ миссамъ, въ которыхъ онъ разрѣшаетъ трудные правовые вопросы [3].

Графъ обязанъ былъ присутствовать на судебныхъ засѣданіяхъ миссовъ; точно также и епископъ данной епархіи [4]. Не принимались никакія отговорки, кромѣ болѣзни или королевскаго порученія въ другомъ мѣстѣ [5]. Но и въ такихъ слу-

[1] *Formulae Senonenses recentiores*, № 4, Zeumer, 213, Rozière, № 438: «Cum resedissent venerabilis ille abbas et inlustris vir ille per iussionem domni et gloriosi illius regis ad universorum causas audiendum vel recta iudicia terminandum... Taliter ab ipsis missis dominicis... fuit iudicatum».

[2] *Ibidem*, № 7, Zeumer, 214, Rozière, № 461: «Ante inlustribus viris illis, missis gloriosissimi illius regis... Ante ipsos missos dominicos...» Очевидно слово «iubemus», которымъ кончается актъ, произнесено миссами.

[3] *Formulae Augienses*, № 22, Zeumer, p. 357, Rozière, № 476 (Страсбургскія формулы, № 14): «Notum sit... qualiter ille comes, placito habito, divestivit illum de proprio alode propter crimen incesti. Postquam autem missi dominici in illas partes convenissent ad iussionem domni imperatoris explendam et iusta iudicia terminanda, reclamavit se praedictus ille... Missi iusserunt homines testimoniare quod veritatem scirent.. Tunc missi iudicaverunt iussione imperatoris quod pro tali incesto non debuisset proprias res perdere, et reddiderunt ei praedictas res pro proprio».

[1] *Theodulfi Aurelianensis episcopi Paraenesis*, edit. Migne, CV, 283—300; edit. Dümmler, 493 ss.

[2] Такъ въ *Formulae imperiales*, № 5, находимъ рѣшеніе императора, измѣняющее приговоръ графа, согласно донесенію миссовъ.—Другое подобное постановленіе по вопросу о гражданской свободѣ см. подъ № 9 въ томъ же сборникѣ. Въ № 50 приговоръ аббата пересмотрѣнъ императоромъ по донесенію миссовъ, которыми были тогда два графа.—Въ другомъ случаѣ, № 51, судебное рѣшеніе прежняго *missus* отмѣнено государемъ по донесенію двухъ новыхъ *missi*. У насъ есть еще въ *Formulae Bituricenses*, № 14, Zeumer, p. 174, Rozière, № 419, жалоба, обращенная къ Карлу Великому, противъ судебнаго рѣшенія миссовъ.

[3] *Responsa missis data*, Boretius, 314.—Мы видимъ тутъ десять отвѣтовъ на частныя, очень разнообразныя тяжбы.

[4] *Capitulare missorum*, 819 годъ, 291: «Ut omnis episcopus, abbas et comes, nullam excusationem habeat quin ad placitum missorum nostrorum veniat».

[5] *Ibidem*: «Nullam excusationem, excepta infirmitate vel nostra iussione».

чаяхъ они должны были, по крайней мѣрѣ, прислать своихъ представителей, чтобы отъ ихъ имени „дать отчетъ" обо всякомъ дѣлѣ [1]. Такъ какъ постановленія ихъ могли быть измѣнены, то считалось справедливымъ, чтобы они присутствовали сами. Съ другой стороны, миссамъ воспрещалось открывать судебныя засѣданія, даже производить ревизію, когда графъ отсутствовалъ изъ графства по дѣламъ королевской службы [2].

При отправленіи судебной функціи *missi* должны были являться защитниками слабыхъ отъ имени государя. Не думаю, чтобы это положеніе было только показною формулою; монархія была заинтересована въ поддержаніи слабыхъ и хорошо сознавала такой интересъ. Миссамъ предписывалось объявлять населенію, что къ нимъ могли прибѣгать самые маленькіе люди. Въ ихъ инструкціяхъ подчеркивалась обязанность заставлять графовъ разсматривать дѣла сиротъ, вдовъ и бѣдняковъ раньше, чѣмъ дѣла богатыхъ и знатныхъ [3]. На нихъ лежалъ долгъ препятствовать графамъ

[1] *Ibidem*: «Aut talem vicarium suum mittat qui in omni causa pro illo rationem reddere possit».

[2] *Capitulare missorum*, a, 792, c. 5, p. 67: «Nullatenus sine comite de ipso pago legationem perficiant, excepto si ille comis in alia utilitate regis non fuerit». *Capitulare missorum*, a. 819, c. 25, p. 291: «Ut missi nostri placitum non teneant in illius comitis ministerio qui in aliquod missaticum directus est, donec ipse fuerit reversus».

[3] Капитулярій 789 года (*legationis edictum*, c. 17, p. 63): «Ut comites pupillorum et orfanorum causas primum audiant».—*Capitulare missorum*, a. 802, c. 1, p. 92: «Ita ut pauperibus, pupillis, et viduis legem pleniter atque iustitiam exhiberent».

„притѣснять бѣдныхъ" [1]. Людовикъ Благочестивый спеціально предписывалъ имъ „оказывать помощь и поддержку слабымъ, вдовамъ, малолѣтнимъ, всѣмъ несправедливо угнетеннымъ" [2]. Императоръ былъ „послѣ Бога защитникомъ вдовъ и сиротъ" [3].

Задача миссовъ шла еще дальше. Королевская власть Каролинговъ несла не только, какъ всякая королевская власть, общія обязанности огражденія общественнаго порядка и правосудія и спеціальную обязанность покровительства слабымъ. Она возложила на себя еще обязанности моральныя, которыя большинство монархій новаго времени охотно предоставляютъ церкви. Она стремилась надзирать за совѣстью, за вѣрованіями, поведеніемъ, хотѣла вести борьбу съ порокомъ, даже съ грѣхомъ, принуждать людей къ соблюденію всѣхъ религіозныхъ правилъ [4]. Ей казалось недостаточнымъ устанавливать порядокъ и правосудіе: она считала своимъ долгомъ вести населеніе въ иной міръ, къ вѣчному спасенію [5].

[1] *Capitulare missorum*, 802, c. 25: «Pauperes nequaquam oppriment».—*Ibidem*, 104, c. 51: «Ut liberi pauperes a nullo iniuste opprimantur».—*Ibidem*, 805, c. 16, p. 125: «De oppressione pauperum liberorum hominum, ut non fiant a potentioribus oppressi».—*Ibidem*, 809, c. 12, p. 150: «Ut nullus absque iusticia pauperem expoliare presumat».

[2] *Capitalare missorum*, 819, c. 3, p. 289: «De pauperibus et viduis et pupillis iniuste oppressis, ut adiuventur et releventur».

[3] Капитулярій 802 года, ст. 5. стр. 93: «Quia domnus imperator post Dominum et sanctos eius, eorum protector et defensor esse constitutus est».

[4] *Capitulare missorum*, a. 802, c. 1, p. 92: «Omnes omnino secundum Dei praeceptum viverent».

[5] «Ad christiani populi salvationem» (*epistola missorum ad co-*

Отсюда вытекалъ для миссовъ, которые во всемъ представляли короля [1], цѣлый рядъ особыхъ аттрибутовъ. Они должны были „распоряжаться всѣмъ согласно волѣ Божьей" [2]. „Повелѣваемъ нашимъ посланцамъ, говоритъ Карлъ Великій, чтобы они исправляли все, исполняя служеніе Богу на пользу всѣхъ христіанъ" [3]. „Они заслужатъ такимъ образомъ милость Божью и нашу", добавляетъ онъ [4].

Потому-то они, прежде всего, должны были разслѣдовать личное поведеніе епископовъ и священниковъ [5]. Они старались убѣдиться, что эти духовныя лица „жили согласно канонамъ" [6], избѣгали долгихъ пировъ и игръ" [7], „не держали ни охотничьихъ собакъ, ни соколовъ" [8],

mites, Boretius, 184).—*Capitulare missorum*, 802, p. 94, c. 14: «Ut et nos per eorum bonam voluntatem magis vitae premium eternae quam supplicium mereamur».

[1] «Missos nostros ad vicem nostram mittimus» (капитулярій 809 года, ст. 11, стр. 152).

[2] *Capitulare missorum*, a. 806, 1, p. 131: «Unusquisque in suo missatico maximam habeat curam ad praevidendum et ordinandum ac disponendum secundum Dei voluntatem».

[3] *Capitulare missorum, anni incerti*, Boretius, c. 4, p. 147: «Praecipimus missis nostris... ut ad servitium Dei et ad utilitatem nostram et ad omnium christianorum profectum innovare studeant».

[4] *Capitulare missorum, anni incerti*, Boretius, c. 4, p. 147: «Ut a Deo et a nobis gratum habeant».

[5] *Capitulare missorum*, a. 806, c. 3, p. 131: «Ut missi per singulas civitates... praevideant quomodo ecclesiae... et diligenter inquirant de conversatione singularum».

[6] *Capitulare missorum*, a. 802, c. 10, p. 93: «Ut episcopi et presbiteri secundum canones vivant et ita caeteros doceant».

[7] *Ibidem*, c. 23: «Non inanis lusibus vel conviviis secularibus usum habeant».

[8] Капитулярій 789 года, ст. 31, стр. 64: «Ut episcopi et

„знали и хорошо понимали догматы" [1], „помощью проповѣди умѣли ихъ пояснять другимъ" [2]. Въ инструкціи миссамъ входило указаніе, что они должны смотрѣть за правильнымъ отправленіемъ литургіи [3], благолѣпіемъ церковнаго пѣнія [4], за тѣмъ, чтобы крещеніе совершалось по римскому обряду [5]. Они посѣщали сокровищницу каждой церкви и составляли ея инвентарь изъ опасенія, чтобы епископъ не продалъ нѣкоторой части драгоцѣнной утвари [6]. Они разсматривали также церковныя книги и убѣждались, не слишкомъ ли много попадается въ нихъ ошибокъ [7].

abbates et abbatissae cupplas canum non habeant nec falcones nec accipitres nec ioculatores».—Капитулярій 802 года, ст. 19, стр. 96: «Ut episcopi, abbates, presbyteri canes ad venandum habere non presumant».

[1] Капитулярій 802 года, ст. 2, стр. 100: «Si canones bene intellegant et adimpleant».

[2] *Capitulare missorum*, a. 810, c. 6, p. 153: «Ut sacerdotes praedicare et docere studeant plebem sibi commissam». Ср. сенъ-галленскаго монаха, I, 18.

[3] *Ibidem*, c. 28, p. 103: «Ut episcopi diligenter discutiant per suas parochias presbyteros eorum fidem, baptisma, et missarum celebrationes et ut fidem rectam teneant et baptisma catholicum observent et missarum preces bene intelligant».

[4] *Ibidem*: «Et ut psalmi secundum modulationes versuum modulentur».—*Capitulare missorum*, a. 805, c. 2, p. 121: «De cantu».—*Ibidem*, 806, c. 3, p. 131: «De lectione et canto». Ср. хронику ангулемскаго монаха.

[5] Капитулярій 789 года, ст. 23, стр. 64: «Ut secundum morem romanum baptizent».

[6] *Capitulare missorum*, a. 806, c. 3 и 4, p. 131.

[7] *Capitulare missorum, anni incerti*, c. 1, p. 147: «Ita missis mandare praecipimus ut... in ecclesiis libri canonici veraces habeantur».—Ср. *Capitulare missorum*, a. 805, c. 3, p. 121: «De scribis ut

Имъ были открыты всѣ монастыри, даже женскіе [1]. Они должны были смотрѣть за тѣмъ, хорошо ли знаютъ аббаты или аббатиссы уставъ своего ордена и совершенно ли согласно съ нимъ ихъ поведеніе [2]. Они должны были наблюдать за тѣмъ, чтобы начальники пользовались полнымъ повиновеніемъ [3], воспрещая имъ въ то же время злоупотреблять наказаніями [4]. Ихъ надзору было подчинено поведеніе всѣхъ монаховъ и всѣхъ монахинь [5]. Извѣстно, что широкая монастырская реформа, задуманная Бенедиктомъ Аніанскимъ и предписанная Людовикомъ Благочестивымъ, была

non vitiose scribant».—Капитулярій 819 года, ст. 28, стр. 279: «Presbyteri libellos bene correctos habeant».

[1] *Capitulare missorum*, a. 806, c. 3, p. 131: «Ut missi... per monasteria virorum et puellarum... inquirant de conversatione singulorum».—Капитулярій 802 года, ст. 18, стр. 95: «Monasteria puellarum firmiter observata sint».

[2] Капитулярій 802 года, ст. 3, стр. 100: «De abbaribus si regulam bene intellegant».—*Ibidem*, ст. 35: «Ut abbatissae regulam intelligant et regulariter vivant».

[3] *Capitulare missorum*, a. 789, c. 4, p. 63: «De obaedientia quae abbati exhiberi debet et ut absque murmuratione fiat».

[4] *Ibidem*, c. 16; 22.

[5] Капитулярій 789 года, ст. 1, стр. 63: «De monachis gyrovagis et sarabaitis».—*Ibidem*, c. 10: «De vestimentis monachorum». Особенно см. длинную 17-ю статью капитулярія 802 года, стр. 94.—Капитулярій 802 года, ст. 1, стр. 92: «Ut sanctemoniales sub diligenti custodia vitam suam custodirent».—Эрмольдъ Черный резюмируетъ инструкціи, которыя давались миссамъ, слѣдующимъ образомъ (II, 511 и слѣд.):

Canonicumque gregem sexumque probate virilem
Femineum necnon quae pia castra colunt.
Qualis vita, decor, qualis doctrina, modusque,
Quantaque religio, quod pietatis opus...

главнымъ образомъ проведена при помощи миссовъ.

Миссы имѣли такое же право надзора за поведеніемъ мірянъ. Они должны были слѣдить за тѣмъ, чтобы „весь христіанскій народъ зналъ на память католическій Символъ вѣры и молитву Господню“ [1], чтобы свято соблюдался воскресный отдыхъ [2], чтобы въ тотъ день не происходило ни торга, ни судебныхъ засѣданій, ни зрѣлищъ [3], чтобы „воскресенье посвящалось молитвѣ“ [4]. Они должны были воспрещать мірянамъ обращаться къ колдунамъ, слѣдовать толкованію сновъ, поклоняться деревьямъ или источникамъ [5]. Имъ надлежало способствовать господству мира и согласія между всѣми, „ибо ничто не угодно Богу больше мира“ [6]. Имъ надо было добиваться, „чтобы міряне

[1] *Capitulare missorum*, 802, c. 30, p. 103: «Ut omnis populus christianus fidem catholicam et dominicam orationem memoriter teneat».—*Capitulare missorum*, incerti anni, c. 2, p. 147: «Ut laici symbolum et orationem dominicam pleniter discant».

[2] Капитулярій 802 года, ст. 46, стр. 104: «Ut opera servilia diebus dominicis non agantur. Et ut dies dominica a vespera ad vesperam celebretur».

[3] *Capitulare missorum*, a. 813, c. 2: «Ut in ullo loco diebus dominicis expectacula neque publica mercata seu placita non fiant».

[4] *Ibidem*, c. 1, p. 181: «Admonendum est ut populi christiani diebus dominicis vacent orationi».

[5] *Ibidem*, a. 802, c. 40—41, p. 104: «Ut nemo sit qui ariolos sciscitatur, vel somnia observet, vel ad auguria intendat... Ut observationes quas stulti faciunt ad arbores vel petras vel fontes, tollantur et destruantur».

[6] *Ibidem*, a. 802, c. 31, p. 103: «Ut inter episcopos, abbates, comites, iudices, et omnes ubique seu maiores, seu minores personas pax sit et concordia et unanimitas, quia nihil Deo sine pace placet».

жили въ полной любви другъ къ другу [1]. Они должны были заставлять всѣхъ платить въ церковь десятину [2], соблюдать посты [3], подавать милостыню [4]. Они насаждали добродѣтель гостепріимства [5] и воспрещали порокъ пьянства [6]. Они вели борьбу съ ростовщичествомъ, и ихъ инструкціи пространно поясняли имъ, что всякая ссуда подъ проценты, являясь ростовщичествомъ, всегда должна воспрещаться [7].

Чтобы осуществлять наблюденіе за нравами и проводить всюду то религіозное настроеніе, при помощи котораго короли хотѣли управлять, *missi* должны были собирать людей въ различныхъ мѣстностяхъ своего округа и изъ собственныхъ устъ преподавать имъ указанныя моральныя истины. Такого рода собранія назывались *conventus missorum*. Самое лучшее, что можно сдѣлать для поясненія этого обычая, будетъ привести одну инструкцію, врученную миссамъ Людовикомъ Благочестивымъ [8]. „Въ techединѣ мая мѣсяца каждый

[1] *Ibidem*, a. 802, c. 1, p. 92: «Laici omnem in caritate et pace perfecte viverent».

[2] *Capitulare missorum Aquitanicum*, a. 789, c. 11, p. 65: «Ut decima de omnia secundum iussionem episcopi dispensetur, et omnes dent».

[3] *Ibidem*, a. 802, c. 23, p. 103: «Ut ecclesiastica ieiunia sine necessitate rationabili non solvantur».

[4] *Capitulare missorum Aquitanicum*, a. 810, c. 5, p. 153: «Ut sacerdotes admoneant populum ut aelemosinam dent».

[5] *Capitulare missorum*, a. 802, c. 27, p. 96.

[6] *Ibidem*, a. 789, c. 26, p. 64;—*ibidem*, a. 810, c. 7, p. 153.

[7] См. статьи 11—17 въ *capitulare missorum*, a. 806, Boretius 132.

[8] *Capitulare missorum*, a. 826, Boretius, p. 309—310.

изъ нашихъ посланцевъ долженъ будетъ держать въ своемъ округѣ *conventus* съ епископами, аббатами, графами, королевскими вассалами, уполномоченными аббатиссъ и представителями тѣхъ, кто не сможетъ явиться лично [1]. Ради общаго удобства, они будутъ собирать *conventus* поочередно въ двухъ или трехъ различныхъ мѣстахъ. На эти собранія прибудутъ графы, совмѣстно со своими викаріями и сотниками съ тремя или четырьмя скабинами [2]. На этомъ собраніи должно быть прежде всего произведено разслѣдованіе того, какъ соблюдается религія, и каково поведеніе всего духовенства [3]. Во-вторыхъ, наши миссы произведутъ дознаніе, какъ исполняютъ ввѣренныя имъ обязанности всѣ поставленныя нами должностныя лица; исправляетъ ли каждый изъ нихъ свою службу среди народа согласно волѣ Бога и нашей [4], живутъ ли всѣ облеченныя властью лица

[1] *Ibidem*: «Volumus ut medio mense maio, conveniant idem missi, unusquisque in sua legatione, cum omnibus episcopis, abbatibus, comitibus ac vassis nostris, advocatis nostris ac vicedominis abbatissarum necnon et eorum qui propter aliquam necessitatem ipsi venire non possunt ad locum unum».

[2] *Capitulare missorum*, a. 826, Boretius, 309, 310: «Et habeat unusquisque comes vicarios et centenarios suos secum, necnon et de primis scabinis suis tres aut quattuor».—Ср. капитулярій 820 года, ст. 2, стр. 295: «Vult domnus imperator ut in tale placitum veniat unusquisque comes et adducat secum duodecim scabinos, si tanti fuerint, sin autem de melioribus hominibus illius comitatus suppleat numerum duodenarium; et advocati tam episcoporum abbatum et abbatissarum, cum eis veniant».

[3] *Capitulare missorum*, a. 826, p. 310: «Et in eo conventu primum christianae religionis et ecclesiastici ordinis conlatio fiat».

[4] *Ibidem*: «Deinde inquirant missi nostri ab universis qualiter

въ согласіи между собой и помогаютъ ли другъ другу въ исполненіи обязанностей“ [1].

Такіе *conventus* являлись собраніями чиновниковъ и духовенства даннаго округа подъ предсѣдательствомъ обоихъ *missi*. Послѣдніе излагали свои инструкціи, сообщали повелѣнія короля, узнавали о поведеніи каждаго, высказывали одобреніе или порицаніе, объявляли награды государя или его немилость [2]. Мы можемъ также предположить, что на такихъ совѣщаніяхъ представлялись и обсуждались нужды области, миссы выслушивали желанія или вопросы, которые по возвращеніи своемъ во дворецъ они должны были передать государю.

Кромѣ указанныхъ собесѣдованій съ духовенствомъ и королевскими чиновниками, видимъ, что миссы имѣли еще обыкновеніе собирать народъ и держать къ нему рѣчь [3]. Но не слѣдуетъ, перенося на эту эпоху наши современныя понятія,

unusquisque illorum qui ad hoc a nobis constituti sunt, officium sibi commissum secundum Dei voluntatem ac iussionem nostram administret in populo».

[1] *Ibidem*: «Quam concordes atque unanimes ad hoc sint vel qualiter vicissim sibi auxilium ferant ad ministeria sua peragenda».

[2] Капитулярій 811 года, ст. 12, стр. 177: «Ut unusquisque missorum nostrorum in placito suo notum faciat comitibus qui ad eius missaticum pertinent». — *Capitulare missorum*, a. 819, c. 21, p. 291: «Ut comites et centenarii de constitutione legis ammoneantur qua iubetur ut propter iustitiam pervertendam munera non accipiant».

[3] *Capitulare missorum*, a. 813, 182: «Admonendum est ut populi christiani...» — *Ibidem*, a. 825, c. 2, p. 308: «Ut conventum congregent ubi omnes convenire possint, et omnibus generaliter notum faciant... Et omnis populus sciat...»

представлять себѣ здѣсь народныя собранія, большіе митинги, на которыхъ миссамъ приходилось говорить почтительно и выслушивать желанія или предписанія державнаго народа. На собраніяхъ, о которыхъ идетъ здѣсь рѣчь, толпѣ не предоставлялось говорить, она должна была только слушать. Рѣчь мисса называлась на языкѣ того времени *admonitio*, то-есть, наставленіемъ, увѣщаніемъ, почти проповѣдью. И дѣйствительно, дѣло шло лишь о томъ, чтобы преподать собравшимся совѣты, внушить имъ правила поведенія, дать тѣ или иныя предписанія. „Миссы должны объявить всѣмъ, что повелѣнія государя, выраженныя въ его капитуляріяхъ, должны быть исполняемы всѣми“ [1].

У насъ сохранились нѣкоторыя инструкціи Карла Великаго и его сына относительно такихъ рѣчей: „Вы предупредите все населеніе, говоритъ Карлъ, что, согласно ученію Евангелія, дѣла каждаго должны блистать передъ людьми, прославляя Отца нашего, сущаго на небесахъ“ [2]. Въ другомъ мѣстѣ читаемъ: „Вы объявите людямъ, что христіанскій народъ долженъ употреблять воскресный день на молитву, что онъ долженъ воздерживаться отъ зрѣлищъ и отдавать десятину церкви“ [3]. Еще въ другой разъ императоръ при-

[1] *Capitulare missorum*, a. 825, c. 3, p. 309: «Ut omnibus notum sit quia ad hoc (missi) constituti sunt ut ea quae per capitula nostra statuimus, ab omnibus adimpleantur».

[2] *Ibidem*, a. 810, c. 8, p. 153: «Admonendi sunt omnes generaliter secundum evangelicam auctoritatem ut sic luceant opera vestra coram hominibus ut glorificent Patrem vestrum qui in coelis est».

[3] *Ibidem*, a. 813, p. 181—183: «Admonendum est ut populi

казалъ заранѣе составить образецъ *admonitio*, спеціально относящейся къ священникамъ [1]. „Имъ рекомендуется хранить правую вѣру" [2], обучать прихожанъ, заставлять ихъ произносить молитву Господню и Символъ вѣры путемъ исповѣди хорошо узнавать поведеніе каждаго мужчины и каждой женщины, „такъ какъ они отдадутъ въ этомъ отчетъ Богу [3], остерегаться самимъ грѣха алчности или сластолюбія, употреблять свои деньги на покупку священныхъ книгъ и нужныхъ для богослуженія предметовъ" [4].

До насъ дошла очень поучительная рѣчь одного мисса Карла Великаго. Приводимъ ее, потому что она даетъ понятіе объ образѣ мыслей той эпохи и о заботахъ правительства [5]. „Слушайте,

christiani diebus dominicis vacent orationi.. ut in ullo loco diebus dominicis expectacula non fiant... ut populi christiani decimas donent».—Ср. еще объясненіе, которое *missi* должны были давать народу о значеніи приносимой всѣми королю клятвы, *Boretius*, Capit. ст. 13, стр. 177 и ст. 1, стр, 66

[1] *Capitula de presbyteris admonendis*, Baluze, I, 351, Boretius, стр. 237—238.

[2] *Ibidem*: «Primo admonendi sunt de rectitudine fidei suae ut eam intelligant».

[3] *Ibidem*: «Et unusquisque eos quos habet in suo ministerio cognoscat, sive viros sive feminas, ut noverit singulorum confessiones et conversationem, quia pro omnibus redditurus est rationem Deo».

[4] Статья 6-я направлена противъ священниковъ «qui neque in sua lectione aliquid profecerunt neque libros congregaverunt aut ea quae pertinent ad cultum augmentaverunt».

[5] *Missi cuiusdam admonitio*, Boretius, 238—239.—Baluze, I, 375, гл. 41, даетъ лишь первую ея часть, которая только и содержится въ парижской рукописи 4613; вся рѣчь находится въ рукописи, происходящей изъ аббатства la-Cava.

любезнѣйшіе братья, поученіе, которое нашими устами говоритъ вамъ нашъ государь, императоръ Карлъ. Мы посланы сюда ради вашего вѣчнаго спасенія и обязаны увѣщевать васъ, чтобы вы жили добродѣтельно, согласно закону Божьему и справедливо, согласно закону мірскому. Объявляемъ вамъ прежде всего, что вы должны вѣрить въ единаго Бога, Отца, Сына и Святого Духа, истинную троицу, и истинное нераздѣльное единство, въ творца всего, въ которомъ наше спасеніе... Вѣруйте въ Сына Божія, для спасенія міра ставшаго человѣкомъ... Вѣруйте, что настанетъ день, когда онъ придетъ судить живыхъ и мертвыхъ и воздастъ каждому по дѣламъ его. Вѣруйте, что церковь едина, что она есть соединеніе всѣхъ благочестивыхъ людей на землѣ, и что спасутся тѣ, кто до конца пребудетъ въ вѣрѣ и согласіи съ этой церковью... Любите Бога всѣмъ сердцемъ вашимъ. Любите ближнихъ вашихъ, какъ самихъ себя; по мѣрѣ средствъ вашихъ подавайте милостыню бѣднымъ. Принимайте путниковъ въ дома ваши, навѣщайте больныхъ, имѣйте состраданіе къ узникамъ. Прощайте долги ваши другъ другу, какъ вы хотите, чтобы Господь простилъ вамъ ваши грѣхи. Выкупайте плѣнныхъ, оказывайте помощь угнетеннымъ, защищайте вдовъ и сиротъ. Избѣгайте пьянства и долгихъ пиршествъ. Ненависть и зависть удаляютъ отъ царствія Божьяго... Жены да будутъ покорны мужьямъ своимъ. Мужья да не говорятъ никогда обидныхъ словъ женамъ. Сыновья да почитаютъ своихъ родителей и достигнувъ возмужалости, да соче-

таются законнымъ бракомъ, если они не предпочитаютъ посвятить себя Богу. Клирики да повинуются своему епископу. Монахи да соблюдаютъ правильно свой уставъ. Герцоги, графы и другіе государственные чиновники да отправляютъ правосудіе народу и да будутъ милосердны къ бѣднымъ; пусть деньги не отвращаютъ ихъ отъ справедливости. Ничто не скрыто отъ Господа. Жизнь коротка и время смерти неизвѣстно. Будемъ всегда готовы".

Въ документахъ не говорится о томъ, въ какихъ мѣстахъ происходили такого рода собранія. Можно предполагать съ нѣкоторымъ вѣроятіемъ, что они происходили въ церквахъ.

Мы видимъ, насколько обширны и разнообразны были функціи миссовъ. Обязанные защищать права короля, они наблюдали за графами и королевскими чиновниками, наблюдали также за епископами и аббатами, отправляли правосудіе, должны были защищать слабыхъ и въ то же время наставлять народъ въ его религіозныхъ и моральныхъ обязанностяхъ. Они дѣлали все то, что бы дѣлалъ король, если бы обладалъ даромъ вездѣприсутствія.

Институтъ миссовъ ярко отражаетъ въ себѣ характеръ каролингскаго правленія. Оно не отличалось чистымъ безкорыстіемъ: оно стремилось ничего не утратить изъ своихъ правъ и требовало повиновенія. Оно держитъ повелительный тонъ по отношенію къ епископамъ не менѣе, чѣмъ по отношенію къ графамъ. Оно признаетъ за собою обязанности и права по отношенію къ свѣтскому

обществу, къ церкви, къ индивидуальному поведенію и индивидуальной совѣсти. Поставленный Богомъ, король-Каролингъ хочетъ въ одно и то же время обезпечить государственный порядокъ въ этомъ мірѣ и вѣчное спасеніе душъ въ другомъ. Графы и епископы — его орудія для достиженія этой двоякой цѣли; но непосредственно на народъ вліяетъ онъ черезъ миссовъ. При ихъ посредствѣ онъ какъ бы посѣщаетъ каждый годъ всѣхъ своихъ подданныхъ и каждый годъ повторяетъ имъ, что имѣетъ право ими управлять и воля его желаетъ ихъ спасти.

КНИГА ЧЕТВЕРТАЯ.

Торжество феодализма.

[Предыдущіе томы настоящаго сочиненія показали намъ, что въ меровингскую эпоху сосуществовали двѣ системы учрежденій, которыя мы констатировали также и въ римскомъ обществѣ. Монархія управляла въ сферѣ государственной: власть франкскихъ королей, происшедшая отъ власти императоровъ, охватывала, какъ и ихъ власть, гражданскую и военную сферу. Внѣ королевской власти не существовало верховнаго государственнаго авторитета; государство и королевская власть срослись въ одно цѣлое [1]. Въ соціальномъ строѣ преобладала земельная аристократія, какъ въ IV вѣкѣ [2]. Но кромѣ того изъ долгой практики бенефиція и патроната въ области частнаго права образовалась обширная іерархія вѣрныхъ и сеньоровъ. Самъ король занялъ мѣсто въ этой іерархіи: онъ принималъ вѣрныхъ и раздавалъ бенефиціи [3].]

[1] «Франкская монархія».
[2] «Аллодъ и сельское помѣстье».
[3] «Начала феодальнаго строя».

Въ началѣ средневѣковья обѣ системы институтовъ существовали какъ бы рядомъ. Внутри одной люди повиновались государственной власти, общимъ законамъ, общей администраціи: то была монархія. Внутри другой они повиновались индивидуально другъ другу, въ силу личнаго и добровольнаго договора: то былъ феодализмъ.

Оба эти порядка дѣлили между собою и оспаривали другъ у друга людей въ теченіе четырехъ столѣтій, живя въ соперничествѣ и выростая на одной почвѣ. Каждый человѣкъ могъ свободно выбирать между ними и сообразно своему интересу или прихоти примыкать къ одному или другому. Галлы и германцы, мелкіе и знатные люди, всѣ пользовались въ такомъ отношеніи однимъ и тѣмъ же правомъ. Вступившій сначала въ рамки одного порядка имѣлъ еще возможность вернуться къ другому; изъ вассала онъ могъ сдѣлаться свободнымъ человѣкомъ; изъ свободнаго человѣка могъ стать вассаломъ. Земля также колебалась между обоими состояніями; бенефицій безпрестанно превращался въ аллодъ, аллодъ въ бенефицій.

Такимъ образомъ происходило, что двѣ системы управленія съ различною природою, изъ которыхъ каждая подчинялась своимъ правиламъ и собственному порядку, распространяли свою сѣть на всѣ части территоріи, всюду встрѣчаясь и сталкиваясь, проникая, такъ сказать, каждая въ каждую мѣстность, въ каждую семью, въ каждое человѣческое существованіе.

Такая отличительная особенность не была спеціально присуща Галліи: она встрѣчалась во всѣхъ

странахъ того времени. Она наблюдается у вестготовъ Испаніи, даже у англо-саксовъ, такъ же какъ и у галло-франкскихъ народностей. Отъ VII до IX вѣка вся Европа колебалась между государственнымъ или монархическимъ строемъ и отношеніями патроната или феодализмомъ.

[Въ настоящемъ томѣ было показано, какъ въ VII и VIII вѣкахъ оба порядка учрежденій проникали одинъ въ другой, какъ они сочетались, какъ при послѣднихъ Меровингахъ отношенія „вѣрности" медленно воздѣйствовали на государственную власть, понемногу устраняя или ослабляя ее [1], какъ при Пиппинѣ и Карлѣ Великомъ [2], обѣ системы институтовъ на время примирились, какъ бы объединяясь въ особѣ королей, являвшихся одновременно монархами и сеньорами. Мы остановились на началѣ IX вѣка, когда равновѣсіе не было еще нарушено, когда принципъ вѣрности еще не восторжествовалъ на долгіе вѣка надъ монархическимъ правомъ.

О томъ, какъ осуществилось такое торжество, мы и должны теперь разсказать].

[1] См. выше, книги I и II.

[2] Выше книга III, глава 3. См. и ниже главы 3 и 4.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Почему патронатный порядокъ одержалъ верхъ при послѣднихъ Меровингахъ [1].

[Прежде всего возникаетъ вопросъ], почему [патронатный строй] одержалъ верхъ [при послѣднихъ Меровингахъ? Чтобы его разрѣшить, надо было вернуться нѣсколько назадъ].

Оборотъ, который, приняли событія, нельзя, конечно, приписать опредѣленно выраженной населеніемъ волѣ. Дѣйствительно не видно, чтобы оно пришло къ какому-нибудь соглашенію, обсуждало и взвѣшивало преимущества обоихъ порядковъ, или чтобы послѣ зрѣлаго совѣщанія люди рѣшились предпочесть одинъ изъ нихъ. Но нельзя обнаружить и обратнаго, чтобы событія слагались противъ опредѣленнаго желанія населенія. Установленіе феодализма не есть результатъ рѣзкаго переворота, великаго акта насилія. Сеньоры не были завоевателями; среди нихъ было столько же галловъ, сколько германцевъ. Предположить, что эти люди изъ разныхъ племенъ соединились вмѣстѣ сразу на всѣхъ частяхъ территоріи, чтобы сломить королевскую власть и поработить массу, это значитъ представить себѣ вещь невозможную, на которую и нѣтъ никакого указанія въ документахъ [2].

[1] Ср. *Revue des Deux Mondes*, 1 августа 1874, стр. 564 и слѣд. *Académie des Sciences Morales et Politiques*, Compte rendu des séances, т. CIII, 1875, стр. 376 и слѣд.

[2] Нѣкоторые новѣйшіе историки изображаютъ вещи такъ,

Феодальный строй явился естественнымъ развитіемъ и, такъ сказать, расцвѣтомъ древнихъ институтовъ патроната и вѣрности. Въ зародышѣ онъ существовалъ въ первобытной Галліи; онъ развивался и въ послѣдніе вѣка римской имперіи; онъ пріобрѣлъ силу послѣ паденія императорской власти [1]. Римскіе законы боролись съ нимъ, относились къ нему, какъ къ врагу; меровингскіе законы перестали его преслѣдовать, и франкскіе короли стали покровительствовать ему. Въ теченіе нѣсколькихъ поколѣній онъ дѣйствовалъ рядомъ съ монархическими институтами; подъ конецъ онъ ниспровергъ ихъ и пріобрѣлъ исключительное господство.

Побѣда совершилась не сразу; она не была даже слѣдствіемъ большого коллективнаго усилія. Представлять себѣ, что надъ нею работала послѣдовательно и сознательно особая, сознательно организованная сила, было бы ошибочно. То было дѣло не группы или класса, а безчисленнаго количества людей, работавшихъ въ извѣстномъ направленіи по одиночкѣ. Изучаемое явленіе отличается больше всего одною своеобразною особенностью: оно не совершалось какъ общій переворотъ, который распространялся на отдѣльныхъ людей; оно происходило сначала въ отдѣльныхъ людяхъ и потомъ распространялось на общество. До того времени, какъ мы видимъ, что феодальный строй утвердился въ законахъ, онъ въ теченіе нѣсколькихъ уже поколѣній проникалъ почти всѣ существованія; уже два или три столѣтія, какъ люди одинъ за другимъ стали согласовать съ нимъ свои интересы, свои привычки, свое внутреннее сознаніе. До перерожденія государства и закона, произошло безчисленное множество индивидуальныхъ, частичныхъ перерожденій. Отношенія между людьми незамѣтнымъ образомъ измѣнились, и когда перерожденіе почти всѣхъ личныхъ отношеній закончилось, феодальный строй оказался установленнымъ.

будто классъ знатныхъ составилъ заговоръ противъ королей; хроникеры и агіографы не говорятъ ничего подобнаго.

[1] Ср. «Начала феодальнаго строя», гл. 8 и 9.

Если изслѣдовать, каковы были причины, заставившія каждаго человѣка измѣнить порядокъ его отношеній съ другими людьми и притянуться къ системѣ патроната и вѣрности, окажется, что главною причиною была общественная неурядица той эпохи и безсиліе государственныхъ институтовъ управлять людьми.

Въ самомъ дѣлѣ, надо представить себѣ то крайнее разстройство, въ которомъ жило общество, начиная съ германскихъ вторженій. Вступленіе германцевъ въ Галлію не было завоеваніемъ, но оно причинило больше безпорядка, чѣмъ сдѣлало бы завоеваніе [1]. Вооруженныя толпы жадныхъ чужестранцевъ, распространившихся по всѣмъ частямъ территоріи, внесли смуту въ интересы и соціальныя отношенія, какъ и въ понятія и сознанія. Новопришельцы не были ни лучше, ни хуже прежнихъ жителей; но у нихъ были иныя качества и иные пороки, иныя привычки, иной языкъ, и почти во всемъ иной образъ мыслей. А главное,

[1] См. «Германское вторженіе», кн. II.

они должны были удовлетворить своимъ интересамъ, насытить алчность.

Они не постановили массоваго отобранія имущества, но лѣтописи показываютъ, что было безчисленное множество отдѣльныхъ насилій. Неурядицы были мѣстныя, но возникали онѣ повсюду, то здѣсь, то тамъ, ежедневно. Дѣло слагалось такъ, что каждый актъ насилія затягивался, продолжаясь въ безконечномъ рядѣ отраженныхъ толчковъ, такъ какъ каждый ставшій жертвою ограбленія стремился въ свою очередь стать грабителемъ. Лишенный имущества галлъ тотчасъ же усваивалъ всю алчность, все насильничество, всѣ хитрости варвара; онъ грабилъ такъ, какъ грабили его, и каждый грабежъ развивался такимъ образомъ все дальше и дальше.

Завоеваніе внесло бы менѣе глубокое, а главное, менѣе продолжительное разстройство. Вышло такъ, что не было порабощеннаго и поработившаго племени; но во всѣхъ существованіяхъ воцарилась неустойчивость: не было права, которое ежеминутно бы не нарушалось, не было интересовъ, которые не находились бы постоянно въ опасности, не было человѣческой жизни, которая знала бы прочность и спокойствіе.

Если бы наплывъ чужестранцевъ произошелъ сразу, однимъ ударомъ, соціальная жизнь скоро приняла бы правильное теченіе, но такого рода вторженіе продолжалось четыре столѣтія. То было непрерывное, длительное переселеніе въ теченіе пятнадцати людскихъ поколѣній. Никакой порядокъ не могъ устоять противъ такого притока все

новыхъ аппетитовъ и все возраждавшихся вожделѣній.

Передъ такого рода трудностями и передъ такимъ упорствомъ королевская власть была безсильна. У нея не доставало столько же моральной, сколько и матеріальной силы. Отличительной чертой королевской власти Меровинговъ было то, что она потеряла повиновеніе подданныхъ.

[Королевская власть ослабѣла и истощилась сама собою, такъ какъ она утратила пониманіе своихъ обязанностей, потеряла сознаніе своихъ правъ: цѣлью всей политики Меровинговъ, неправосудныхъ, жестокихъ и, главное, жадныхъ, составляло накопленіе сокровищъ [1]. Они не сумѣли себя вести, какъ вожди государства, заботящіеся объ общественномъ благѣ; они думали лишь о личныхъ интересахъ, эксплуатируя страну, которою должны были управлять. Ни правители, ни населеніе не понимали больше той идеи „общаго дѣла", которая царила во времена римской имперіи надъ надеждами народовъ и надъ честолюбіемъ монарховъ, какъ нѣчто святое и почитаемое.

На налоги перестали смотрѣть, какъ на законную повинность: они превратились въ организованный грабежъ, отъ котораго всякій стремился отдѣлаться, и сами короли въ минуты слабости освобождали отъ нихъ болѣе ловкихъ или болѣе сильныхъ, то-есть, болѣе богатыхъ слугъ. Должностныя лица превратились въ чистое орудіе деспотизма: отъ ихъ суда и власти люди стремились укрыться, и получавшіяся знатными отъ королей

[1] См. выше, кн. I, гл. 1—4.

иммунитетныя грамоты лишали государей подданныхъ и плательщиковъ податей.

Въ то же время религіозные мотивы дѣйствовали съ каждымъ днемъ болѣе могущественно, значеніе епископата росло, и благодаря обоюдному вліянію благочестія и церкви, стали разсматривать то, что исходило отъ земныхъ королей, то-есть, налоги, юстицію, администрацію, какъ бичъ, какъ людское бѣдствіе. Неспособность королей и религіозное рвеніе выработали въ населеніи отношеніе къ государству, какъ къ врагу].

Какъ ни были дурны эти государи, ихъ чиновники и уполномоченные оказывались еще хуже и пользовались еще меньшимъ повиновеніемъ. Разъ, послѣ того, какъ войско было постыднымъ образомъ обращено въ бѣгство, когда оно сумѣло лишь грабить собственную страну, начальники были призваны къ королю и оправдывались въ слѣдующихъ словахъ: „Что прикажете намъ дѣлать? Народъ предается всякаго рода порокамъ, всѣ коснѣютъ во злѣ; никто не боится короля, никто не уважаетъ королевскихъ чиновниковъ; если кто-нибудь изъ насъ хочетъ карать за преступленіе, поднимается возстаніе“ [1]. Итакъ, соціальная дисциплина совершенно исчезла. Лѣтописецъ разсказываетъ, что одинъ человѣкъ, которому общественное уваженіе ввѣряло верховную власть, не принялъ ея по той причинѣ, что пришлось бы постановить слишкомъ много смертныхъ приговоровъ [2]. Разъ произошла ссора между двумя

[1] Григорій Турскій, VIII, 30.
[2] Фредегарій, Epitomata, 58.

обывателями изъ города Турнэ; они и ихъ свита настолько взаимно истребили другъ друга, что изъ двухъ отрядовъ остался въ живыхъ лишь одинъ человѣкъ; родственники обоихъ въ свою очередь пошли другъ на друга. Ни законы, ни правосудіе, ни королевская власть не имѣли силы положить конецъ этой цѣпи убійствъ; королева Фредегунда нашла одно только средство: пригласить на пиръ оставшихся отъ обоихъ родовъ и перерѣзать ихъ всѣхъ [1]. Современныя хроники полны подобныхъ случаевъ. Всякій разъ, какъ Фредегарій упоминаетъ о мартовскомъ полѣ, онъ разсказываетъ о кровавыхъ столкновеніяхъ какихъ-нибудь начальниковъ вооруженныхъ отрядовъ въ присутствіи самого короля, который не могъ ихъ остановить. Слабость королевской власти очевидна; она не могла обезпечить общественнаго мира.

Замѣчательно, что при такомъ отсутствіи всякаго авторитета власти народъ никогда не производилъ возстаній. Повидимому, галло-римлянамъ представлялось не мало случаевъ стряхнуть иго франкскихъ королей; но это не приходило имъ въ голову. Иногда видимъ, что какой-нибудь городъ возстаетъ противъ королевскаго чиновника; но не видимъ, чтобы онъ отказывался признавать королевскую власть [2]. Между городами также не было никакого согласія: Орлеанъ воюетъ съ Шартромъ, Блуа съ Шатоденомъ, Буржъ съ Туромъ, Туръ съ Пуатье [3]. Даже внутри стѣнъ

[1] Григорій Турскій, X, 27.
[2] Выше, кн. I, гл. 1.
[3] Григорій Турскій, VII, 2, 12, 13 и т. д.

каждаго города происходятъ постоянныя стычки. Невозможно однако тогда признать существованіе того, что называется въ наши дни партіями. Люди сталкиваются не за какія-нибудь общіе принципы. Если два города воюютъ другъ съ другомъ, то для того, чтобы разграбить одинъ территорію другого. Двѣ группы гражданъ убиваютъ другъ друга безъ иной причины, кромѣ мести или алчности. Дѣйствуютъ самые эгоистическіе интересы и самыя личныя страсти. Среди соціальнаго разстройства каждый преслѣдуетъ свое благополучіе и стремится къ удовлетворенію своихъ вожделѣній.

Главнымъ образомъ люди борются между собою за землю. Мы читаемъ въ хроникахъ и въ житіяхъ святыхъ, что самое большое число тяжбъ велось о захваченныхъ и узурпированныхъ помѣстьяхъ. Воровство и разбой, распространяющіеся въ современныхъ намъ обществахъ лишь на движимости, направлялись тогда на земельную собственность. Въ современныхъ актахъ постоянно говорится о „злыхъ людяхъ", завладѣвшихъ землями и домами, и множество разсказовъ обнаруживаетъ, какъ трудно было сохранить имущество какой-нибудь вдовѣ, несовершеннолѣтнему или мелкому собственнику [1].

[1] «Quasdam quoque res quas pravi quidam pervaserant, apud regiam maiestatem repetitas et obtentas ecclesiae restituit», говоритъ Флодоардъ (въ своей исторіи реймсской церкви, II, 5) о епископѣ Соннаціи (около 600 года).—«Perpetuo anathemate feriatur qui res ecclesiae competere et pervadere praesumpserit» (3-й парижскій соборъ, гл. 2).—Если такъ захватывали церковныя земли, то гораздо еще легче было захватить земли свѣтскихъ собственниковъ.

Мы были бы склонны предположить, что въ обществѣ, гдѣ права были такъ мало обезпечены, въ низшихъ классахъ должно было произойти большое движеніе, и именно бѣдные должны были отобрать имѣнья у богатыхъ. Случилось совсѣмъ иначе. Пролетаріи рѣшительно ничего не выиграли отъ соціальнаго безпорядка. Имъ воспользовались, наоборотъ, богатые, и жертвами его сдѣлались главнымъ образомъ мелкіе собственники. Факты показали здѣсь, что государственная власть была благодѣтельнѣе для низшихъ классовъ, чѣмъ для высшихъ, и если эта власть исчезаетъ, то больше всего страдаютъ бѣдные и слабые. Въ самомъ дѣлѣ, во время анархіи, продолжавшейся въ теченіе нѣсколькихъ поколѣній, шло непрерывное отобраніе собственности не у богатыхъ бѣдными, а у бѣдныхъ богатыми.

Споліаторами, о которыхъ такъ часто говорятъ лѣтописи, являлись франки или галлы, безъ различія, міряне или духовные; но это всегда были сильные люди и почти всегда уже богатые. Григорій Турскій говоритъ о двухъ епископахъ, по имени Каутинѣ и Бодегизилѣ, одинъ изъ которыхъ былъ, повидимому, галломъ, другой германцемъ, и которые оба были одинаково склонны завладѣвать чужимъ имуществомъ [1]. Никто не оставался въ безопасности вблизи Каутина: „Онъ налагалъ руку на всѣ земли, которыя соприкасались съ его землями; помѣстья, сколько-нибудь значительныя, онъ присваивалъ при помощи суда; болѣе мелкія бралъ силою и заставлялъ несчастныхъ владѣльцевъ пе-

[1] Григорій Турскій, IV, 12; cz. VIII, 39.

редавать ему ихъ права на собственность". Если таково было поведеніе епископа, то судите о поведеніи мірянъ. Тотъ же историкъ упоминаетъ о нѣкоемъ Пелагіи, жителѣ Тура, который, пользуясь вліяніемъ, какое ему давала высокая административная должность, „не переставая грабить, завладѣвалъ помѣстьями, убивалъ тѣхъ, кто хотѣлъ защищать свое имущество" [1].

Повсемѣстно, главнымъ образомъ, одинъ способъ отобранія имущества практиковался у галлоримлянъ, равно какъ и у германцевъ. Именно издавна установился такой порядокъ, что къ извѣстной группѣ сосѣднихъ частныхъ владѣній принадлежали общія угодья въ пастбищахъ, лѣсахъ и пустошахъ. Это служило большою поддержкою для мелкихъ собственниковъ, которые могли такимъ образомъ прокормить небольшое стадо и получать дрова. Эти общія угодья почти повсемѣстно оказались захвачены собственниками крупныхъ помѣстій; мелкіе же собственники были поставлены въ невозможность пользоваться своими правами въ лѣсахъ и пастбищахъ. Въ результатѣ, эксплуатація ихъ маленькаго поля сдѣлалась для нихъ все болѣе и болѣе затруднительною и тяжкою. Отнять у нихъ участіе въ общей землѣ было косвеннымъ образомъ равносильно тому, чтобы лишить ихъ маленькаго аллода, или принудить ихъ самихъ отъ него отказаться. Итакъ, социальная неурядица не только не вызвала

[1] Григорій Турскій, VIII, 40.—Фредегарій (Chronicon, 90) говоритъ объ одномъ франкѣ, по имени Виллибадѣ, который при неизмѣримомъ уже богатствѣ постоянно увеличивалъ свой избытокъ, завладѣвая чужими помѣстьями.

перехода къ общинному владѣнію землею, а наоборотъ почти повсемѣстно уничтожила и то, что оставалось нѣкоторымъ образомъ въ общемъ владѣніи; причемъ такое уничтоженіе произошло не въ пользу пролетаріевъ или бѣдныхъ, а въ пользу самыхъ богатыхъ владѣльцевъ.

Анархія вовсе не благопріятствовала свободѣ. Казалось бы, что открывалась удобная обстановка для того, чтобы освобождаться рабамъ. Они были многочисленны они не находились подъ крѣпкимъ игомъ государственной власти, и можно было бы предположить, что имъ легко было выйти въ то время изъ ихъ рабскаго состоянія. Но они даже не попытались это сдѣлать; возстанія сервовъ относятся къ гораздо болѣе позднему времени. Въ эпоху королей-Меровинговъ число рабовъ не только не уменьшилось, а наоборотъ увеличилось въ сильной степени. Въ дарственныхъ актахъ и завѣщаніяхъ упоминается о многочисленныхъ покупкахъ рабовъ. Извѣстно, что многіе продавали себя добровольно. Другихъ похищали силою и обращали въ рабство. Люди порабощались тогда не только въ силу права войны; не только короли обрекали на рабство плѣнниковъ во время своихъ междоусобій: помимо того каждодневно и повсемѣстно и на всѣхъ пунктахъ территоріи происходила масса похищеній человѣческихъ существъ, такъ сказать, частною инициативою, и практиковался родъ разбоя, направленный противъ свободы. Мы читаемъ въ Салической Правдѣ [1]: „Если кто-нибудь похитилъ свободнаго человѣка и продалъ его", и въ Рипуар-

[1] *Lex Salica*, XLII.

ской Правдѣ: [2] „Если свободный человѣкъ продалъ за рубежъ другого свободнаго человѣка...“ Итакъ, въ общей неурядицѣ не рабъ возвращалъ себѣ свободу, а свободный человѣкъ ежеминутно находился въ опасности впасть въ рабство.

Отсутствіе безопасности было преобладающимъ фактомъ этой печальной эпохи, наполнявшимъ всѣ существованія и всѣхъ волновавшимъ. Защищать свое имущество, свою свободу, свою жизнь было великимъ дѣломъ, великой трудностью, высшей задачей человѣческаго существованія. Но для ея достиженія не приходилось тогда разсчитывать ни на королей, ни на ихъ чиновниковъ, ни на судей. Администрація и правосудіе были безсильны.

Тогда произошло то, что случается во всѣ времена, и что всегда будетъ повторяться при подобномъ сочетаніи обстоятельствъ: слабый, не чувствовавшій себя защищеннымъ государственною властью, сталъ просить покровительства у сильнаго частнаго человѣка и пошелъ къ нему въ зависимость. Патронатъ былъ прибѣжищемъ для всѣхъ, кто хотѣлъ мирно жить.

Таковъ неизбѣжный законъ: соціальныя неравенства всегда находятся въ отношеніи обратной пропорціональности съ силою государственной власти. Между малымъ и большимъ человѣкомъ, между бѣднымъ и богатымъ равновѣсіе устанавливается государственною властью. Если ея нѣтъ, то слабый по необходимости повинуется сильному, бѣдный подчиняется богатому.

Почему же слабые мужественно не защищали

[2] *Lex Ripuar.* XVI.

своей независимости и собственности? Ихъ было много; законъ позволялъ имъ соединяться въ союзы; у нихъ было оружіе: почему они не воспротивились торжеству аристократическихъ институтовъ? [1]

Это зависѣло отъ состоянія сознаній тѣхъ поколѣній. На разстояніи, какое отдѣляетъ насъ отъ нихъ, мы склонны думать, что они были очень храбры; кажется, что люди, которые такъ часто любили прибѣгать къ мечу, должны были обладать большою силою характера, и многіе историки приписываютъ безпорядки той эпохи избытку личной энергіи населенія? Изъ чтенія современныхъ ей документовъ выступаетъ обратная истина. Лѣтописцы вовсе не рисуютъ намъ современниковъ очень мужественными. Они даютъ больше примѣровъ трусости, чѣмъ храбрости. Они показываютъ, что эти люди шли на войну противъ своего желанія; они обращались въ бѣгство, какъ только видѣли себя въ меньшинствѣ; они часто отказывались сражаться; надо было поманить ихъ надеждою на добычу, чтобы заставить подвергнуться какой-нибудь опасности.

Нельзя себѣ представить болѣе печальнаго и отталкивающаго зрѣлища, чѣмъ меровингское войско; это было, по большей части, сборище оборванцевъ, которые грабятъ, жгутъ, убиваютъ беззащитное

[1] Ссора Эброина съ святымъ Леодегаріемъ представляется иногда новѣйшими историками, какъ борьба низшихъ классовъ съ аристократіей; но ни одинъ изъ современныхъ лѣтописцевъ не приписываетъ ей такого характера. Ни Фредегарій, ни житія святыхъ, ни грамоты не даютъ ни малѣйшихъ указаній на образованіе такихъ союзовъ, или на согласное общее усиліе свободныхъ людей.

населеніе, и при первой встрѣчѣ съ непріятелемъ, часто разбѣгаются [1]. Они возстаютъ противъ своихъ начальниковъ, когда тѣ отказываются вести ихъ на легкую добычу, они возстаютъ также, когда ихъ ведутъ противъ слишкомъ многочисленнаго или слишкомъ храбраго противника.

Въ этомъ отношеніи не наблюдается никакого различія между франками и галлами; документы, показывающіе ихъ нераздѣльно смѣшанными въ войскахъ, никогда не отмѣчаютъ, чтобы первые были болѣе дисциплинированы или болѣе храбры, чѣмъ вторые [2]. Тюринги, аламанны, саксы не были лучше; они много разъ представлены трусливо молящими врага о пощадѣ. Современное воображеніе надѣлило всѣхъ ихъ храбростью, которая далеко не подтверждается документами. Описанія сраженій, сохранившіяся отъ всей эпохи, показываютъ, что чаще боролись хитростью и обманомъ, чѣмъ храбростью. Исходъ битвы почти всегда опредѣлялся съ перваго момента: болѣе многочисленной сторонѣ тотчасъ же принадлежала побѣда; съ другой стороны, наблюдаемъ растерянное бѣгство. Мы никогда не видимъ тѣхъ славныхъ сопротивленій, которыя дѣлаютъ почетнымъ даже пораженіе, а иногда возвращаютъ счастье.

Истинная храбрость вообще не присуща раз-

[1] Григорій Турскій, V, 14; VI, 31; VI, 45; VII, 24; VII, 38 и 39; X, 3.—Фредегарій, passim.

[2] Существовали, правда, въ видѣ исключенія, отборные отряды, какъ, напримѣръ, нейстрійскіе, о которыхъ говорится въ *Gesta Dagoberti*, и которые были лучшимъ элементомъ въ войскѣ австразійскаго короля.

строеннымъ обществамъ; она не уживается съ алчностью и эгоистическими страстями; для нея нужны спокойныя, безкорыстныя доблести; возможно даже, что воинская храбрость одно изъ внѣшнихъ обнаруженій господства соціальной дисциплины.

Ослабленіе характеровъ раскрывается во всей исторіи того времени. Много видимъ интригъ, лжи, насилій и преступленій; наоборотъ, никакой душевной силы, ничего гордаго, благороднаго. Никому, повидимому, даже непонятенъ самый образъ моральной высоты. Мы проходимъ черезъ одну изъ тѣхъ эпохъ, когда общество проявляетъ наибольшую слабость, личность—наибольшую трусость. Всѣ испытываютъ страхъ. Посмотрите въ документахъ, какимъ униженнымъ тономъ говорятъ люди съ королемъ [1]; такъ же говорятъ они съ самымъ мелкимъ чиновникомъ, со всякимъ, кто сильнѣе или богаче. Такого человѣка называютъ господиномъ, а себя его рабами. Постоянно подписываются акты, въ которыхъ люди говорятъ, что они, не имѣя возможности кормить и одѣвать себя, ввѣряются милосердію другого [2]. Люди трепещутъ, сгибаются, просятъ объ одномъ—принять ихъ въ услуженіе. Не слѣдуетъ думать, что соціальный безпорядокъ и исчезновеніе государственной власти вернули силу человѣческой душѣ; она, наоборотъ,

[1] Двѣ цитаты, которыя всегда повторяютъ, и которыя относятся къ воинамъ Теодериха и Хлотара, не должны вводить въ заблужденіе: надо разсмотрѣть всѣ документы, хроники, письма того времени.

[2] См. «Начала феодальнаго строя», гл. 12, § 1.

опустилась, разслабѣла, сломилась и утратила достоинства и энергію, какія у нея еще оставались.

При такомъ всеобщемъ разслабленіи, при одинаковомъ отсутствіи соціальнаго порядка и личной силы, каждый искалъ безопасности, гдѣ могъ. Вѣрное убѣжище представлялъ одинъ патронатъ, къ нему люди и бросились. Прочною основою такого покровительства являлось то обстоятельство, что оно пріобрѣталось куплею; оно осталось бы пустымъ словомъ, какъ то, какое обѣщали законы и государственная власть, если бы покровительствуемый не платилъ за него реальною, осязаемою цѣною. Онъ обѣщалъ покровителю оброкъ, услуги, повиновеніе; онъ дѣлалъ больше: отдавалъ свою землю, ввѣрялъ себя самого. Изъ собственника и свободнаго человѣка онъ становился бенефиціаломъ и вассаломъ. Чѣмъ больше была его жертва, тѣмъ больше ему обезпечивалось покровительство. Патронъ былъ для него заинтересованнымъ защитникомъ. Какъ было ему не защищать, по мѣрѣ силъ, землю, которая стала его собственностью, человѣка, который сдѣлался его человѣкомъ? Отдавая себя, люди находили наиболѣе вѣрный способъ получить защиту.

Будемъ остерегаться представлять себѣ, что патронатъ или сеніоратъ—второй терминъ замѣняетъ первый съ VIII вѣка—былъ навязанъ населенію силою. Населеніе шло, по большей части, навстрѣчу ему. Чтеніе документовъ и наблюденіе надъ фактами позволяютъ думать, что слабый искалъ защиты сильнаго чаще, чѣмъ сильный самъ распространялъ свою власть на слабаго.

Особенно безспорно, что эти узы установились въ силу множества личныхъ договоровъ. Каждый человѣкъ могъ выбирать между независимостью и вассалитетомъ [1]. Лѣтописи не даютъ ни одного примѣра какого-нибудь края, гдѣ бы люди были обращены въ состояніе вассаловъ насильно. Ясно, что они предпочли бы остаться людьми свободными и собственниками; сомнѣнія нѣтъ, что они желали бы получить покровительство безъ зависимости; но такъ какъ перваго нельзя было пріобрѣсти безъ второго, то люди, не колеблясь, становились вассалами и подчиненными. Подчиненіе устанавливалось правильнымъ договоромъ: то былъ настоящій торгъ между двумя людьми, изъ которыхъ одинъ продавалъ свое покровительство, другой—свое повиновеніе.

Договоръ былъ личный и никогда не связывалъ наслѣдниковъ договаривающихся; онъ порывался въ силу смерти одной или другой изъ двухъ сторонъ. При каждой смѣнѣ поколѣній, возобновлялась свобода выбора. Если бы отъ VI-го до XI-го вѣка нашелся хоть одинъ моментъ, когда большинство людей было бы заинтересовано въ томъ, чтобы вернуть свою свободу, оно бы могло ее вернуть. Но, наоборотъ, неурядица изъ вѣка въ вѣкъ возрастала. Люди горячѣе всего желали тогда не быть свободными, а жить въ безопасности.

Представимъ себѣ мелкаго собственника того времени. Ему было бы достаточно его земли, онъ

[1] Не говоримъ здѣсь о серважѣ: это отдѣльный вопросъ; мы показали въ другомъ мѣстѣ, что серважъ не имѣетъ никакого отношенія къ феодализму (Аллодъ, гл. 9 и 14).

жилъ бы на ней въ довольствѣ; но, одинокій и плохо оберегаемый государственной властью, онъ не сумѣлъ бы защитить себя отъ алчности и насилія. Онъ видѣлъ, что рядомъ съ нимъ крупный владѣлецъ, человѣкъ богатый, хорошо вооруженный и окруженный многочисленными слугами, умѣетъ отражать нападенія, что на этомъ помѣстьѣ пашутъ и жнутъ въ мирѣ. Какъ могло не прійти ему въ голову, что тѣмъ же спокойствіемъ будетъ пользоваться и его маленькая земля, если она войдетъ въ составъ большого помѣстья? Онъ отдавалъ ее; ему возвращали ее въ качествѣ бенефиція, онъ жилъ на ней съ тѣхъ поръ беззаботно и, отбывая условленныя повинности и службы, могъ разсчитывать благополучно собирать ежегодную жатву.

Если богатымъ сосѣдомъ былъ монастырь, искушеніе отдать себя ощущалось еще сильнѣе, ибо на церковной землѣ миръ обезпеченъ былъ лучше, чѣмъ на всякой другой, и святой монастыря защищалъ свою землю, по меньшей мѣрѣ, столь же энергично, какъ воинъ. Мелкій владѣлецъ отказывался отъ своего права собственности въ пользу святого и, сдѣлавшись простымъ бенефиціаломъ, начиналъ жить и работать въ мирѣ [1].

Другихъ побуждали еще иныя причины. Собственность обременена была сборами или различными обязательствами. Богатый антрустіонъ или монастырь добивались освобожденія отъ нихъ; въ грамотѣ объ освобожденіи говорилось даже, что иммунитетъ будетъ распространяться на всѣ земли, какія онъ пріобрѣтетъ впослѣдствіи. Въ такихъ случаяхъ мелкій владѣлецъ передавалъ свою пашню, чтобы освободить ее отъ подати; онъ бралъ ее обратно въ бенефиціальное пользованіе и предпочиталъ платить небольшой оброкъ новому сеньору, чѣмъ подать королю. Другой имѣлъ землю, которою владѣлъ на полномъ аллодіальномъ правѣ; но законъ требовалъ, чтобы всякій собственникъ всю свою жизнь служилъ воиномъ на собственныя издержки. А война происходила почти ежегодно и ежегодно составляла разореніе земледѣльца; такой человѣкъ отдавалъ свою землю и самого себя монастырю во избѣжаніе опасностей, а, главное, расходовъ военной службы [1].

[1] «Ни буря, ни градъ не наносятъ вреда въ его помѣстьѣ, и гроза, разражающаяся на сосѣднихъ земляхъ, не смѣетъ переступить его границы» (*Flodoard.* Historia ecclesiae Remensis, II, 11).

По мѣрѣ того, какъ патронатъ распространялся, все труднѣе становилось жить внѣ его рамокъ. Съ каждымъ новымъ поколѣніемъ увеличивалась опасность оставаться свободнымъ. Такъ какъ соціальное неравенство все возрастало и государственная власть больше и больше ослабѣвала, то поневолѣ приходилось прибѣгать къ патронату. Если богатый сосѣдъ не являлся покровителемъ, онъ могъ стать врагомъ и ему легко будетъ отнять землю силою. Если не сдѣлаешься „человѣкомъ" монастыря, надо опасаться гнѣва святого. Взвѣсивъ все, мелкій владѣлецъ отдавалъ свою землю и шелъ въ вассальную зависимость. Ре-

[1] См. объ этомъ *Polyptyque de l'abbé Irminon*, стр. 31, № 61.—Ср. 2-й капитулярій 805 года, ст. 15; и 3-й капитулярій 811 года, ст. 4 (Boretius, №№ 44; 73).

лигія была лишнею силою для сильныхъ скорѣе, чѣмъ защитою для слабыхъ.

Вотъ почему съ каждымъ новымъ поколѣніемъ все большее число людей становилось подвластнымъ, все большее число аллодовъ превращалось въ бенефиціи. Образовалось постоянное, все болѣе быстрое движеніе къ вассалитету. Государственная власть съ каждымъ днемъ утрачивала почву; патронатъ съ каждымъ днемъ пріобрѣталъ ее. Незамѣтнымъ образомъ онъ завладѣлъ почти всѣми землями и почти всѣми человѣческими личностями. Онъ притягивалъ къ себѣ все.

Къ нему прибѣгали не только слабые и бѣдные: не было такого сильнаго человѣка, который бы могъ надѣяться избѣгнуть его узъ, такъ какъ сильный всегда встрѣчалъ рядомъ еще болѣе сильнаго, чѣмъ онъ. Какъ болѣе низко стоявшіе люди искали его покровительства, такъ и онъ въ свою очередь искалъ покровительства болѣе высокаго. Ему коммендировались одни, онъ коммендировалъ себя другому. У него были вассалы, и онъ становился вассаломъ. Ему ввѣряли землю, онъ ввѣрялъ свою. По отношенію къ нему люди становились бенефиціалами, онъ въ свою очередь становился бенефиціаломъ. Всѣ узы зависимости, заключавшіяся съ нимъ другими, и онъ заключалъ съ другимъ. Съ одной стороны его звали господиномъ и сеньоромъ, съ другой—было лицо, которое онъ также называлъ своимъ господиномъ и сеньоромъ, а самъ называлъ себя „его человѣкомъ". Такъ выростала цѣлая цѣпь союзовъ подчиненія, среди звеньевъ которой нашли свое мѣсто всѣ классы людей.

Договоръ покровительства и вѣрности повторялся на каждой ступени соціальной лѣстницы. Между королемъ и графомъ, между графомъ и простымъ сеньоромъ, между сеньоромъ и тѣмъ, кого звали „питомцемъ", условія и законы патроната примѣнялись одни и тѣ же; всегдашнимъ ихъ дѣйствіемъ было изъятіе человѣка изъ вѣдѣнія государственной власти и подчиненіе его тѣломъ и душой другому человѣку.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Восшествіе Каролинговъ было слѣдствіемъ развитія союзовъ вѣрности.

Ослабленіе государственной власти, развитіе патроната и вѣрности,—вотъ два нераздѣльныхъ факта, какіе намъ показала исторія послѣднихъ Меровинговъ. Государство, почти всегда сохраняя свои права, теряло своихъ подданныхъ, которые переходили къ знати. Престижъ государства уменьшался въ то время, какъ могущество знатныхъ возрастало. Благодаря системѣ патроната, общество постепенно организовывалось по новому, внѣ государства. За два вѣка Галлія оказалась перерожденною. Около 700-го года королевская власть, не утратившая ничего по праву, фактически стала ничѣмъ.

Дѣйствительная власть принадлежитъ нѣсколькимъ сотнямъ крупныхъ собственниковъ, аббатовъ,

епископовъ или свѣтскихъ сеньоровъ, богатыхъ землями и вѣрными. Посредствомъ иммунитетныхъ грамотъ они достигли того, что никакой представитель короля не проникаетъ больше на ихъ помѣстья для набора войска, для отправленія правосудія или для сбора податей. Они сами отправляютъ на своихъ земляхъ правосудіе, взимаютъ налоги, а собраніе 614 года показало, что въ случаѣ надобности ихъ слуги или вѣрные могли выступать въ качествѣ ихъ воиновъ.

Почти всѣ эти знатные составляютъ часть правительства. Они принадлежатъ къ дворцу: они образуютъ служилую знать, и эта знать замѣняетъ древнюю знать римскихъ сенаторовъ (тоже бывшихъ, впрочемъ, сановниками государства). Но эти знатные болѣе могущественны, какъ землевладѣльцы, чѣмъ какъ графы, и вліяніе ихъ не столько зависитъ отъ званія, которое они получаютъ отъ монархіи, сколько отъ земель, которыми они обладаютъ, и отъ иммунитета, который она имъ даетъ, не столько отъ правъ, какія они осуществляютъ отъ ея имени, сколько отъ тѣхъ правъ, какія она уступаетъ въ ихъ пользу.

Знатные соединяются, вступаютъ въ союзы и въ теченіе всего VII вѣка группы ихъ сражаются безпрерывно, какъ сражались въ предшествующемъ вѣкѣ короли. Какъ и прежде, войны не носятъ политическаго или національнаго характера: это скорѣе даже частная борьба, чѣмъ гражданскія междоусобія. Не аристократія борется съ королевской властью, не германская раса съ галло-римлянами, не Австразія противъ Нейстріи. Группы сеньоровъ сражаются съ другими группами сеньоровъ ради пріобрѣтенія мѣстъ, земель, епархій. Если аристократія и пыталась иногда сдѣлать свои должности наслѣдственными и диктовать королю свою волю, то для того, чтобы править отъ его имени, но не вмѣсто него. Когда короли уступили свои права въ пользу знатныхъ, вмѣстѣ съ своей властью они передали имъ свою алчность и свои страсти, и Галлія раздиралась злымъ соперничествомъ лейдовъ, какъ нѣкогда злымъ соперничествомъ королей.

Въ то время и выростало одно государственное учрежденіе, которое стало какъ бы соединительнымъ звеномъ между монархіей и аристократіей, должность палатнаго мэра. Мэръ—глава королевскихъ должностныхъ лицъ: благодаря этому, онъ становится естественнымъ сеньоромъ знатныхъ. Къ тому же онъ самъ походитъ на знатныхъ, подчиненныхъ ему въ качествѣ чиновниковъ. Онъ принадлежитъ къ той же аристократіи, какъ они. Какъ и у нихъ, у него есть земли, вѣрные. Король осуществляетъ свой патронатъ черезъ его посредство, и „вѣрные“ королевской власти—вѣрные мэра. Почти всѣ знатные коммендируются ему, такъ какъ при случаѣ онъ можетъ отставить ихъ отъ должности.

Наступилъ день, когда у короля не стало больше подданныхъ или, скорѣе, у него оставался одинъ лишь подданный, болѣе могущественный, чѣмъ онъ, палатный мэръ, глава аристократіи вѣрныхъ. Понятно, что королевская династія, происшедшая отъ мэровъ, введетъ феодальные институты въ строй государственный.

Среди аристократіи выдѣляется одинъ австразійскій родъ, незамѣтнымъ образомъ подчинившій себѣ всѣ другіе роды. Низшіе сгруппировались вокругъ знатныхъ. Знатные группируются вокругъ того изъ нихъ, кто кажется имъ болѣе сильнымъ.

Первый въ Австразіи по своему земельному богатству и по числу своихъ вѣрныхъ родъ Пиппина держалъ въ рукахъ еще другое орудіе господства, религіозное вліяніе. Очень набожный, родъ его поставлялъ церкви святыхъ и епископовъ. Онъ обладалъ моральнымъ престижемъ, равно какъ и матерьяльною властью. Онъ опирался на двѣ силы того времени, на землю и на вѣру.

Наконецъ, онъ завладѣлъ единственною должностью, имѣвшею еще нѣкоторую силу въ государственномъ строѣ, должностью палатнаго мэра. Ее получилъ первый изъ Пиппиновъ, и сынъ его попытался сдѣлать ее наслѣдственною въ своемъ родѣ, подобно тому какъ другіе знатные старались сдѣлать то же съ своими должностями. Пиппинъ II, истинный глава Австразіи, благодаря окружавшему его многочисленному міру вассаловъ, снова захватилъ должность мэра, и его потомки сохранили ее. Съ сильнымъ войскомъ своихъ вѣрныхъ онъ завоевалъ Нейстрію, и съ тѣхъ поръ въ Галліи сохранился только одинъ союзъ вѣрныхъ, его вѣрныхъ. Пиппинъ II, Карлъ Мартеллъ, Пиппинъ III сдѣлались такимъ образомъ дѣйствительными повелителями страны во имя трехъ принциповъ, раздѣлявшихъ между собой управленіе людьми: имъ принадлежала самая высокая въ монархіи должность, они были главарями вѣрныхъ, они были союзниками церкви.

Родъ Пиппина получилъ, наконецъ, верховную власть, которую давалъ титулъ короля. Поднятіе къ власти новой династіи произошло безъ волненія и потрясенія, путемъ соглашенія знатныхъ, главою которыхъ она была, и санкціи церкви, другомъ которой она была. Это не былъ аристократическій переворотъ и, еще меньше, торжество новаго вторженія германцевъ. То было главнымъ образомъ вступленіе въ сферу государственную двухъ явленій, которыя съ давнихъ поръ росли внѣ государства, — церковной, религіозной идеи, жившей въ сердцахъ, и феодальныхъ нравовъ, утвердившихся въ обществѣ].

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Карлъ Великій поднимаетъ государственную власть.

[Способъ, какимъ вошли на престолъ Каролинги, объясняетъ способъ, какъ они управляли. Являясь уже по Меровингамъ наслѣдниками римской монархіи, они еще усилили королевскую власть двумя принципами, во имя которыхъ сами сдѣлались королями, принципами религіознымъ и феодальнымъ. Преобразованная такимъ образомъ, королевская власть стала самымъ могущественнымъ институтомъ, какой былъ извѣстенъ міру. Въ ея рукахъ сосредоточатся всѣ средства, какими можно было тогда располагать, чтобы повелѣвать людьми.

Возьмемъ того изъ государей этой династіи, кто

сумѣлъ управлять всего лучше, кто, благодаря своему уму и волѣ, всего больше воспользовался средствами, какія ему давали его титулы и тенденціи его времени. Никогда, повидимому, не пріобрѣталъ никакой государь большаго повиновенія, не имѣлъ болѣе широкой власти, чѣмъ Карлъ Великій, въ одно и то же время глава государства, глава церкви и глава вѣрныхъ.

I.—Какъ глава государства [1], онъ осуществлялъ гражданскую и военную власть, завѣщанную франкской монархіи римской имперіей. Были возстановлены административныя правила древнихъ августовъ и первыхъ Меровинговъ. Королевское достоинство вернуло себѣ весь престижъ. Карлъ Великій пользуется формулами и носитъ титулы, употреблявшіеся его предшественниками первой династіи. Римское законодательство, такъ, по крайней мѣрѣ, говоритъ онъ самъ, вдохновляетъ его капитуляріи и руководитъ его дѣйствіями. Отъ государя исходитъ законъ и правосудіе. По своему усмотрѣнію взимаетъ онъ налоги, едва отличающіеся отъ тѣхъ, какіе платили предшествующія поколѣнія. Всѣ должны нести ему воинскую службу. Карлъ Великій, какъ императоры прежняго времени, прежде всего былъ военачальникомъ. Если онъ выработалъ правильно дѣйствующій институтъ изъ общихъ собраній, которыя часто уже созывались при послѣднихъ Меровингахъ, то вовсе не для того, чтобы уменьшить права королевской власти и обезпечить народу больше свободы, чѣмъ та, какою онъ

[1] См. выше, кн. III, гл. 1, 5, 9, 11, 12, 13.

обладалъ по римскому закону: на этихъ собраніяхъ король говоритъ, какъ повелитель; онъ спрашиваетъ совѣтовъ, но диктуетъ свою волю.

Передъ нимъ [1] не стоитъ никакая наслѣдственная аристократія крови или расы, которая бы служила противовѣсомъ монархической власти. Существуетъ аристократія вельможъ, но вельможи—чиновники короля; существуетъ совѣтъ, но совѣтъ скорѣе присутствуетъ при работѣ монарха, чѣмъ сотрудничаетъ съ нимъ; есть собраніе, но оно служитъ орудіемъ управленія, и, если король созываетъ къ себѣ людей, то для того, чтобы скорѣе и удобнѣе объявить свою волю слугамъ и подданнымъ.

Устройство государственной администраціи [2] не измѣнилось нисколько. Дворецъ остается центральнымъ учрежденіемъ государства. Онъ даже внутренно окрѣпъ гораздо лучше, чѣмъ при предшествующей династіи: члены этой корпораціи болѣе объединены другъ съ другомъ, болѣе прочно связаны съ особою короля. Они служатъ ему, какъ государю, потому что служатъ ему, какъ человѣку, они въ одно и то же время и слуги его, и его чиновники. Это смѣшеніе частной и государственной службы дѣлаетъ въ то время изъ дворца болѣе могущественное, быть можетъ, орудіе централизаціи, чѣмъ были различныя канцеляріи поздней римской имперіи. Дѣленія страны, званія чиновниковъ тѣ же, что и въ предыдущія эпохи. Какъ и въ послѣднія времена имперіи, какъ и при Меровингахъ, главный чиновникъ королевской власти—графъ, и,

[1] См. выше, кн. III, гл. 7 и 8.
[2] См. выше, кн. III, гл. 6 и 10.

какъ прежде, графы—„спутники государя“, приближенные короля, управляющіе отъ его имени, при немъ, или вдали отъ него на территоріи. Они осуществляютъ всѣ права королевской власти: королевская власть делегируетъ имъ свои функціи подобно тому, какъ римскій *imperator* делегировалъ свое *imperium* правителямъ провинцій.

Монархія Карла Великаго дѣйствительно сохраняетъ принципъ римской централизаціи [1]. Повидимому, она даже усиливаетъ его, ибо подъ графами въ болѣе тѣсныхъ округахъ, даже въ сельскихъ группахъ назначаются новые представители государственной власти. Она глубоко проникаетъ во всѣ уголки страны, болѣе замѣтная, болѣе слитая съ жизнью людей, чѣмъ въ эпоху римскаго императорскаго абсолютизма. Графы ежегодно должны являться во дворецъ, получать тамъ приказанія центральной власти и вступать въ прямое соприкосновеніе съ нею. Чтобы довершить, наконецъ, централизацію, чтобы крѣпче еще связать съ своей волей разныхъ представителей государства, король безпрестанно посылаетъ въ провинціи уполномоченныхъ, *missi*, которые, властно и твердо обращаясь къ графамъ и епископамъ, постоянно напоминаютъ слугамъ королевской власти, что отъ нея одной зависитъ ихъ всемогущество.

Добавьте еще одинъ фактъ, который приблизительно даетъ формулу королингскаго правленія, [когда государство и король составляли нѣчто единое]: столицы въ имперіи не существовало; истиннымъ

[1] См. выше, кн. III, гл. 10 и 15.

центромъ правленія былъ не тотъ или иной городъ, а сама особа государя.

Итакъ, если обратить вниманіе на іерархію чиновниковъ, распространявшуюся, какъ сѣть по всей имперіи, на королевскихъ уполномоченныхъ, ежегодно объѣзжавшихъ ее, на главныхъ сановниковъ, къ которымъ стекались всѣ дѣла, на инструкціи, безпрестанно исходившія отъ государя, на донесенія, безпрестанно къ нему возвращавшіяся, то надо будетъ признать, что такой строй являлся самою полною централизаціею. [Посмотрите на Карла Великаго, какъ на наслѣдника Меровинговъ и Рима: никогда еще монархическое единство не было сильнѣе въ Галліи, администрація централизованнѣе, государство единообразнѣе. Благодаря такому управленію скорѣе, чѣмъ благодаря принятію титула императора, и скорѣе въ качествѣ короля, чѣмъ августа, возстановилъ Карлъ Великій римскую монархію. Такъ какъ старыя формулы и прежнія понятія появляются вновь, когда возстановляется или укрѣпляется правленіе, то и терминъ *respublica*, такъ плохо понятый и такъ мало употреблявшійся при Меровингахъ, постоянно повторяется въ актахъ Каролинговъ. Снова есть, значитъ, „общее дѣло“, государство, управляемое однимъ императоромъ.

2.—Такой же всемогущій, какъ римскіе императоры, Карлъ Великій, какъ и они, былъ особою священною [1]. Христіанство сообщило личности Каролинговъ тотъ священный характеръ, какой языческій титулъ августа давалъ императорамъ. Святость

[1] См. выше, кн. III, гл. 2 и 14.

королевской власти, исчезнувшая при Меровингахъ, появляется опять съ новой династіей. Въ тѣ времена, когда религія—главное дѣло людей, а церковь ихъ истинная властительница, Каролинги соединяются съ церковью и съ религіей всѣми способами. Карлъ Великій принадлежитъ къ роду святыхъ и епископовъ. Этотъ родъ былъ поднятъ къ власти аристократіей епископовъ. Король получаетъ отъ нихъ посвященіе. Онъ коронованъ и, благодаря коронованію, занимаетъ мѣсто въ духовномъ обществѣ, какъ глава признанной Богомъ церкви. Онъ можетъ предсѣдательствовать на соборахъ; онъ санкціонируетъ ихъ постановленія. Его уполномоченные контролируютъ управленіе епископовъ. Епископы и аббаты столько же его чиновники и слуги, сколько руководители вѣрующихъ и слуги Бога. При ихъ посредствѣ онъ повелѣваетъ духовенствомъ; при посредствѣ графовъ—мірянами. Богъ возвелъ его на престолъ, чтобы помѣшать возрастанію зла на землѣ. Онъ, какъ римскіе императоры, повелитель людей, и, какъ епископы, хранитель душъ.

3.—Мы видѣли, что рядомъ съ монархическимъ и религіознымъ строемъ, государствомъ и церковью, въ строѣ соціальномъ образовалась феодальная аристократія. Родъ Каролинговъ произошелъ отъ этой аристократіи. Они были главами вѣрныхъ раньше, чѣмъ стали королями. Пиппинъ и Карлъ Великій станутъ и тѣмъ, и другимъ; королевская власть сдѣлается при нихъ сюзеренной властью феодальнаго міра.]

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

Карлъ Великій санкціонируетъ и развиваетъ систему патроната; феодализмъ при Карлѣ Великомъ.

Исторія изслѣдуемыхъ нами вѣковъ полна противорѣчій. Надо изучить крайнее ея разнообразіе и послѣдовательно разсмотрѣть всѣ ея стороны. Только путемъ анализа и различенія фактовъ можно дойти до ея пониманія.

Карлъ Великій пытался поднять государственную власть; онъ возстановлялъ ее со всѣми прерогативами древней имперіи, съ ея титулами, ея правами и традиціями. Но если онъ могъ, не встрѣчая препятствія и не вызывая ропота, возрождать такимъ образомъ монархію въ институтахъ политическихъ, то онъ ничего не могъ измѣнить въ существовавшихъ до него институтахъ соціальныхъ.

Крупная собственность, серважъ и колонатъ [1], почти неизбѣжное закрѣпощеніе всѣхъ не собственниковъ, власть земли въ формѣ бенефиція; коммендація, патронатъ и вассалитетъ, всѣ эти соціальныя явленія, зародыши которыхъ мы видѣли уже во времена римской имперіи, и которыя развились въ меровингскій періодъ [2], сохранили свою силу въ эпоху Карла Великаго: [онъ долженъ былъ признать ихъ; больше того: онъ сообразовался съ ними, онъ даже

[1] См. весь томъ объ «Аллодѣ».

[2] См. весь томъ о «Началахъ феодальнаго строя».

санкціонировалъ ихъ и пожелалъ укрѣпить силою законовъ].

I.

Карлъ Великій узаконяетъ правила патроната.

Обычай отдавать куски земли въ бенефиціальное владѣніе продолжался. Такъ раздавалъ большую часть своихъ помѣстѣй самъ король [1]. Въ капитуляріяхъ можно видѣть, каковы были правила и какова сила этого рода пожалованія. То, что называлось бенефиціемъ, было, какъ и въ меровингское время, простымъ пользованіемъ. Бенефицій никогда не былъ наслѣдственнымъ по праву; чтобы онъ перешелъ къ сыну, нужно было новое пожалованіе. Онъ прекращался даже со смертью жалователя, такъ что нельзя вполнѣ сказать, что онъ былъ пожизненнымъ [2]. Пользованіе было притомъ условное: оно предполагало денежный сборъ или службу [1], а, главное, личное подчиненіе получающаго пожалованіе жалователю, и такое подчиненіе называлось вѣрностью [2]. Бенефицію всегда соотвѣтствовала коммендація, то-есть, обязательство личное [3].

Эти правила Карлъ Великій начерталъ въ своихъ капитуляріяхъ самъ, но не онъ придумалъ ихъ: они были гораздо древнѣе его. Не слѣдуетъ также думать, что они примѣнялись только къ бенефиціямъ, даровавшимся государемъ. То, что говоритъ Карлъ Великій о своихъ земляхъ, можетъ говориться обо всѣхъ земляхъ. Его подданные жалуютъ,

[1] «De illis qui nostra *beneficia* habent distructa et *alodes* eorum restauratas» (2-й капитулярій 802 года, ст. 10, Boretius, 100).—«Qui *beneficium* domini imperatoris et aecclesiarum Dei habet, nihil exinde ducat in suam *hereditatem*» (7-й капитулярій 803 года, ст. 3, стр. 146).—«Auditum habemus qualiter et comites et alii homines qui nostra *beneficia* habere videntur conparant sibi *proprietates de ipso nostro beneficio*» (5-й капитулярій 806 года, ст. 6, стр. 130). — «*Beneficia nostri fisci* describantur» (3-й капитулярій 812 года, ст. 7, Boretius, p. 177).—«Ut missi inquirant diligenter quid unusquisque *de beneficio* habeat vel quot homines casatos *in ipso beneficio*» (капитулярій, 812 года, ст. 5, Boretius, 177).

[2] См. письма Эйнгарда, № 53 и № 2 (Jaffe, №№ 19 и 22): «Postquam eum domno Lothario commendavi, impetravi a domno imperatore ut ei confirmationem faceret de eodem beneficio ad dies vitae suae».—Такъ же обстояло дѣло съ бенефиціями, уступленными частными лицами: «Wolfgarius episcopus, me petente, beneficiavit homini nostro Gerberto mansos tres; sed quia hoc diutius manere non potuit nisi dum ille (Wolfgarius) in corpore vixit, precor benignitatem vestram ut Gerbertum illud beneficium habere permittatis sicut habuit» (*ibidem*, № 6, ed. Jaffe, № 17).—Ср. №№ 26 и 27 (Jaffe, 1 и 2).—*Nithard*. II, 1.

[1] «Sciat se de illo (beneficio) tale obsequium seniori suo exhibere debere quale nostrates homines de simili beneficio senioribus suis exhibere debent». *Praeceptum pro Hispanis*, 815 годъ, ст. 6 (Boretius, 262).

[2] 48-е письмо Эйнгарда показываетъ, что бенефиціи могли отмѣняться по волѣ дающаго (Jaffe, № 34).

[3] «Si quisquam eorum (aliquid beneficium) ab eo cui se commendavit fuerit consecutus...» (*Praeceptum pro Hispanis*, ст. 6, Boretius, 262). — Коммендація не всегда влекла за собою пожалованіе бенефиція; но пожалованіе бенефиція всегда предполагало извѣстнаго рода коммендацію, такъ что въ случаѣ смерти жалователя бенефиція надо было возобновлять актъ комендаціи. «Postulat ut sibi liceat beneficium suum habere quod ei domnus Karolus dedit, usque dum ille ad praesentiam imperatoris venerit ac se in manus eius commendaverit» (письма Эйнгарда, 27, Jaffe, № 2).—Ср. письма Эйнгарда, 52: «Eum suscipere dignemini et quando in vestras manus se commendaverit, aliquam consolationem ei faciatis de beneficiis».

какъ и онъ, бенефиціи и на тѣхъ же условіяхъ, какъ онъ. Епископъ и аббатъ, графъ и богатый владѣлецъ имѣютъ бенефиціаловъ, которые занимаютъ ихъ помѣстья, платятъ имъ цензъ или несутъ службу, которые — это главное — являются ихъ вѣрными и подданными.

Документы той эпохи часто указываютъ людей, которые, не будучи ни рабами, ни колонами, были „людьми другого человѣка“ [1]; ихъ считали свободными, и въ то же время они кому-то принадлежали. Одинъ изъ нихъ былъ человѣкомъ короля, другой человѣкомъ епископа, третій — знатнаго; всѣ они „во власти“ кого-нибудь, кого называютъ „своимъ господиномъ“ [2]. Духовный, какъ и мірянинъ, можетъ быть человѣкомъ другого [3]. Епископъ имѣетъ „своихъ людей“, графъ—своихъ; достаточно быть богатымъ владѣльцемъ, чтобы, независимо отъ рабовъ, имѣть своихъ людей.

[1] Эйнгардъ имѣетъ принадлежащихъ ему людей: «Homines nostri» (Jaffe, № 57); «homo noster» (письмо 11, Jaffe, № 31); «fidelibus nostris» (письмо 12-е, Jaffe, № 54).—«Cuiuslibet homo sit, sive domni imperatoris sive ceterorum potentium hominum» (3-й капитулярій 810 года, ст. 5, Boretius, 155).—«Suos homines dirigat» (капитулярій 803 года, alias 808, ср. Boretius, 137, ст. 4).— «Homines tam nostros quam episcoporum vel abbatum et abbatissarum» (капитулярій 873 года, ст. 2, Pertz, 519).

[2] «Nullus alterius hominem recipiat in sua potestate (7-й капитулярій 803 года, ст. 4, Boretius, 146).—«Praecipimus ut quemlibet liberum hominem, qui dominum suum dimiserit» (*Carta divisionis*, a. 806, c. 8, Boretius, p. 127).

[3] «De clericis laicorum» (капитулярій 825 года, ст. 15). — «Si senior ignorat ubi suum requirere debet clericum» (капитулярій 794 года, ст. 27, Boretius, 76).—«Ut presbyteri parochiani suis senioribus debitam reverentiam atque obsequium impendant; quod si non fecerint, seniores illorum episcopis innotescere studeant» (капитулярій 869 года, ст. 8 Pertz, 510). — Одинъ аббатъ былъ вѣрнымъ Эйнгарда, который ему пишетъ: «Memorem te esse non dubito qualiter tam te quam tuos mihi commisisti» (письмо 58-е, Jaffe, № 61).

Эти свободные слуги называются вѣрными, вассалами, кліентами [1]. Ихъ обозначаютъ также терминомъ *iuniores* [2], словомъ, которое ужъ нѣсколько вѣковъ столько же означало низшую степень соціальнаго положенія, сколько и юношескій возрастъ. Этому слову соотвѣтствуетъ слово *senior*, которое давалось высшему. Это терминъ очень древняго употребленія, но въ оффиціальныхъ актахъ онъ встрѣчается главнымъ образомъ въ эпоху Карла Великаго. Онъ часто примѣняется къ крупнымъ владѣльцамъ, какъ, напримѣръ, въ слѣдующей статьѣ закона: „Пусть каждый *senior*, обязанный явиться на войну со своими людьми, имѣетъ право оставить дома двоихъ изъ нихъ“ [3]; но тутъ съ нимъ соединяется главнымъ образомъ идея власти. Сеньоромъ человѣкъ является по отношенію къ другимъ людямъ, которые сами оказываются слугами.

Объ обычаяхъ того времени можно судить по письму, которое одинъ современникъ Карла Великаго писалъ одному епископу: „Вассалъ, котораго я направляю къ вамъ, и который носитъ имя Иртео, состоялъ нѣкоторое время на моей службѣ; онъ

[1] Письма Эйнгарда, 68, 69, 70.

[2] «Devoto iuniore vestro» (Эйнгардъ, письмо 45, Jaffe, № 12).—«Unusquisque suos iuniores distringat» (1-й капитулярій 810 года, ст. 17, Boretius, 153).

[3] «Unicuique seniori duos homines quos domi dimitteret concessimus» (2-й капитулярій 812 года, ст. 9, Boretius, 167).

желаетъ отнынѣ жить подъ вашей властью; я рекомендую его вамъ и прошу васъ соблаговолить принять его подъ ваше покровительство и кормить его, какъ вашего вассала"[1].

Вотъ, въ какихъ выраженіяхъ говорили съ своимъ патрономъ кліенты: „Ваши почтительнѣйшіе кліенты спѣшатъ повергнуть прекраснѣйшему своему господину свидѣтельство полнаго своего повиновенія: они увѣряютъ васъ, что преданность ихъ не будетъ имѣть иныхъ предѣловъ кромѣ слабости ихъ силъ всякій разъ какъ величество ваше соблаговолитъ имъ отдать приказанія. Вѣрные во всемъ и навсегда вамъ и вашимъ, они счастливы обѣщать повиновеніе вашимъ милостивымъ повелѣніямъ"[2].

Капитуляріи напоминаютъ обязанности вассаловъ или кліентовъ по отношенію къ ихъ патронамъ. „Тотъ, кто получитъ бенефицій отъ человѣка, которому онъ коммендируетъ себя, долженъ будетъ оказывать ему все то повиновеніе, которое подобаетъ отъ людей ихъ сеньорамъ"[3]. Совокупность этихъ обязанностей выражалась обыкновенно словомъ вѣрность, *fides*. Она состояла изъ ряда весьма опредѣленныхъ обязательствъ. Одно изъ

[1] «Vassalus iste, nomine Irtheo, fuit per aliquantum tempus in nostro servitio; sed quia nunc desiderat sub vestro dominatu dies suos ducere, ideo has commendatorias litteras ei dare decrevi; precor igitur ut eum suscipere et sicut vassalum vestrum nutrire dignemini» (Эйнгардъ, письмо 59, изд. Teulet).

[2] Письмо, написанное «in persona quorumdam clientum», въ письмахъ Эйнгарда, № 66 (Jaffe № 67).

[3] *Praeceptum pro Hispanis*, a 815, c. 6 (Boretius, 262): «Sciat se de illo tale obsequium seniori suo exhibere debere, quale nostrates homines de simili beneficio senioribus suis exhibere solent».

нихъ выражалось въ томъ, чтобы слѣдовать за своимъ господиномъ всюду, куда тотъ пожелаетъ взять съ собой своего вѣрнаго[1]. Подъ его командой надо было итти на войну[2], надо было сражаться за него, защищать его во всѣхъ его столкновеніяхъ съ кѣмъ-нибудь. Тотъ, кто отказывался вступать въ битву съ противникомъ своего сеньора, утрачивалъ свой бенефицій[3].

Такія правила, сложившіяся внѣ монархіи, теперь признаются и санкціонируются самой монархической властью. Они существовали до Карла Великаго, но не были приняты въ законы. Съ Карломъ Великимъ сеньорія и вассалитетъ начинаютъ становиться правильными и закоными институтами. Они уже не только существуютъ въ практикѣ и въ обычаяхъ, но занимаютъ мѣсто и въ правѣ. Любопытно, что такой большой успѣхъ феодализма достигнутъ въ тотъ самый моментъ, когда монархическій строй находился, казалось, въ своемъ апогеѣ.

[1] «Si quis seniorem suum, cui fidem mentiri non poterit, in alium ducatum secutus fuerit, et uxor eius eum sequi noluerit» (капитулярій 752 года, ст. 9, *decretum Vermeriense*, Boretius, 41). Жена не должна была слѣдовать за мужемъ, но вассалъ обязанъ былъ слѣдовать за сеньоромъ.

[2] 1-й капитулярій 812 года (808, Boretius, 137), ст. 1: «Sive cum seniore suo si senior eius perrexerit sive cum comite suo» Ср. 3-й капитулярій 811 года, ст. 8 (Boretius, 165).

[3] «Si quis contra adversarium suum pugnam aut aliquod certamen agere voluit et convocavit ad se aliquem de conparis suis, et ille noluit et exinde neglegens permansit, ipsum beneficium quod habuit auferatur ab eo et detur ei qui in fidelitate sua permansit» (2-й капитулярій 813 года, ст. 20, изд. Pertz, 189; Boretius, 172).

Больше того. Узы патроната считались до тѣхъ поръ совершенно добровольными и могли порываться одною или другою стороной. Карлъ Великій старается, повидимому, сдѣлать ихъ обязательными, неразрывными, почти наслѣдственными. Онъ говоритъ въ одномъ капитуляріи: „Никто не долженъ оставлять своего сеньора противъ его воли съ того времени, какъ получитъ отъ него стоимость одного золотого".—„Человѣкъ, покинувшій своего сеньора, говоритъ онъ еще, не долженъ приниматься никѣмъ". — Свобода возвращается вассалу лишь въ трехъ случаяхъ: если сеньоръ хотѣлъ убить его или ударить палкой; если онъ обезчестилъ его жену или дочь; если онъ отнялъ его наслѣдство [1]. Подобно тому, какъ почти неразрывною становилась вѣрность, такъ и бенефицій становился почти неотъемлемымъ; сеньоръ могъ взять его назадъ лишь въ томъ случаѣ, если вассалъ не исполнилъ своихъ обязательствъ [2].

[1] «Precipimus ut quemlibet liberum hominem qui dominum suum contra voluntatem eius dimiserit, neque ipse rex suscipiat neque hominibus suis consentiat ut recipiant» (*Charta divisionis*, a. 806, c. 8, Boretius, 128).—«Nullus seniorem suum dimittat postquam ab eo acciperit solido uno, excepto si eum vult occidere aut cum baculo caedere vel uxorem aut filiam maculare aut hereditatem ei tollere» (2-й капитулярій 813 года, ст. 16, Boretius, 172).

[2] Это правило упоминается Теганомъ (гл. 6), анонимнымъ біографомъ Людовика Благочестиваго (гл. 42), Эйнгардомъ (Annales, 828 годъ), бертинской хроникой (864 годъ).—Бенефицій всегда могъ быть отобранъ въ случаѣ невѣрности, или когда держалецъ уклонялся отъ военной службы (2-й капитулярій 805 года, ст. 6, Boretius, 123; 2-й капитулярій 812 года [октября 811-го?], ст. 5, Boretius, 167; капитулярій 819 года, ст. 27, Boretius, 291).

Итакъ, въ то самое время, когда Карлъ Великій пытался вернуть къ жизни монархію императоровъ, онъ укрѣплялъ и упрочивалъ, собственно говоря, патронатъ и вассальность. Кажется, что государь подчинялся непреодолимой необходимости. Не только онъ не боролся противъ роста феодальныхъ порядковъ, но какъ бы самъ служилъ имъ, работалъ для нихъ, помогалъ ихъ торжеству. Онъ позволялъ каждому свободному человѣку брать сеньора и приносить частному господину клятву, какъ государю [1].

2.

Карлъ Великій управлялъ по правиламъ патроната.

Самъ Карлъ являлся въ одно время и сеньоромъ, и государемъ. Онъ владѣлъ многочисленными помѣстьями и раздавалъ ихъ въ качествѣ бенефиціевъ людямъ, которые „коммендировались" ему. Эти люди съ того момента принимали по отношенію къ нему специальныя обязательства. У него появились, стало быть, подданные двоякаго рода: какъ императоръ, онъ былъ главою государства; какъ сеньоръ и патронъ — главою группы вассаловъ. Онъ управлялъ частью населенія въ силу древнихъ принциповъ общественной власти; другою—въ силу правилъ патроната.

Повиновеніе государю мало-по-малу принимало форму коммендаціи. Когда хроники разсказываютъ,

[1] См. 2-й капитулярій 805 года, ст. 9 (Boretius, стр. 124): «Ut nulli alteri fidelitas promittatur nisi nobis et unicuique proprio seniori». Ср. 3-й капитулярій 806 года, ст. 4 (Boretius, 157).

что какой-нибудь правитель приходитъ покориться Пиппину Короткому или Карлу Великому, онѣ изображаютъ его приносящимъ клятву на вѣрность и „коммендирующимся“ государю [1]. То же самое дѣлали подданные государства: крупнѣйшіе изъ нихъ, при каждой смѣнѣ царствованія, собирались къ новому государю, чтобы „коммендироваться“ ему [2]. Карлъ Великій требовалъ отъ всѣхъ свободныхъ людей личной клятвы на вѣрность. [3] [Такая клятва не являлась нововведеніемъ Каролинговъ; но при нихъ очень выросла ея важность, и она приняла иной характеръ, чѣмъ прежде]. Ясно замѣтно, что [въ томъ видѣ, какъ она стала практиковаться], она вступила въ противорѣчіе съ монархическимъ принципомъ, такъ какъ въ ней кроется предположеніе, что повиновеніе не является ни обязательнымъ, ни наслѣдственнымъ, ни всеобщимъ. Она тянетъ къ тому, чтобы замѣнить феодальными обычаями монархическіе законы. Можетъ показаться, что изъ умовъ людей того времени исчезло понятіе подчиненія государственной власти, и личная вѣр-

[1] Хроника Региноны, гг. 756, 787, 810. Теганъ, гл. 12: «Bernardus tradidit semetipsum ei ad procerem et fidelitatem ei cum iuramento promisit; suscepit eum dominus Ludovicus».—*Vita Ludovici ab Anonymo*, c. 59: «Et praesentes Neustriae primores Karolo manus dederunt et fidelitatem sacramento obstrinxerunt; absentium autem quisque postea idem fecit» (a, 838).—«Ibi fideles suos sibi occurrentes benigne iuxta morem solitum suscepit et suo filio Karolo cum solitis sacramentis commendari fecit» (*Astronom.* c. 61, въ 869 г.),

[2] «Wala ad Ludovicum venit et humillima subiectione se eius nutui commendans subdidit; post eum omnes Francorum proceres certatim ei obviam ire certabant» (*Vita Ludovici ab Anonymo*, c. 21).

[3] См. выше кн. III, всю главу 3-ю.

ность стала единственнымъ принципомъ соціальной дисциплины [1].

Хотя Карлъ называетъ себя императоромъ и августомъ, но самый сборникъ капитуляріевъ обнаруживаетъ, что онъ чаще дѣйствуетъ какъ сеньоръ, чѣмъ какъ глава государства. Изъ законовъ, напримѣръ, ясно выводится, что ему трудно добиться воинской службы отъ свободныхъ людей, и онъ разсчитываетъ только на своихъ личныхъ вассаловъ, тоесть, тѣхъ, малѣйшая вина которыхъ можетъ быть наказана отобраніемъ бенефиція [2]. Въ своихъ капитуляріяхъ онъ чаще всего обращается именно къ вѣрнымъ и вассаламъ. Вся исторія его царствованія показываетъ, что ему безукоризненно повиновались, но скорѣе въ силу правилъ вассальности, чѣмъ въ силу его государственной власти.

Тѣ, для которыхъ былъ сеньоромъ Карлъ Великій, сами являлись въ свою очередь сеньорами другихъ вѣрныхъ. Отсюда—постоянно повторяющіяся государемъ въ его законодательныхъ актахъ выраженія: „наши люди и люди другихъ“ [3]. Всею

[1] Даже кровныя узы семьи кажутся менѣе крѣпкими, чѣмъ феодальная зависимость. Людовикъ Благочестивый пишетъ своимъ мятежнымъ сыновьямъ и при этомъ, прежде всего напоминая имъ, что они его сыновья, прибавляетъ: «Mementote et iam quod mei vassali estis mihique cum iuramento fidem firmastis» (*Vita Walae*, Bouquet, VI, 289).

[2] Свободный человѣкъ, аллодіальный собственникъ обязанъ воинской службой, только если онъ владѣетъ четырьмя мансами земли; наоборотъ, «quicumque beneficia habere videntur omnes in hostem veniant» (капитулярій 807 года, Boretius, p. 132).

[3] «Nostri et aliorum homines.... Vassi nostri et vassi episcoporum et aliorum hominum... Cuiuslibet homo sit, sive imperatoris,

властью, которою обладалъ Карлъ надъ своими вассалами, они пользовались надъ своими. Онъ самъ признавалъ права сеньоровъ надъ такими людьми. Вмѣсто того, чтобы чинить надъ ними судъ, онъ много разъ указываетъ, что именно сеньорамъ надлежитъ давать имъ правосудіе. Далеко отъ того, чтобы отрицать такую сеньоріальную юстицію, онъ наоборотъ постоянно убѣждаетъ ихъ быть добрыми судьями и избирать низшихъ уполномоченныхъ, которые знали бы законы [1]. Онъ также отказывается отъ непосредственнаго управленія населеніемъ: онъ удовлетворяется дѣйствованіемъ черезъ посредство сеньоровъ. „Пусть каждый, говоритъ онъ, заставляетъ повиноваться себѣ всѣхъ, кто подъ нимъ, чтобы эти послѣдніе лучше повиновались указамъ, идущимъ отъ насъ“ [2]. Карлъ Великій уже не разсчитываетъ на прямое подчиненіе низшихъ классовъ.

Общество казалось устроеннымъ монархически, но оно уже становилась феодальнымъ. Церковью государь также управлялъ по правиламъ патроната. Епископства находились подъ его *mundeburdis* и защитою [3]. Каждый епископъ приносилъ королю

sive caeterorum potentium hominum» (3-й капитулярій 810 года, ст. 5, Boretius, p. 155).

[1] 1-й капитулярій 802 года, ст 13 (Boretius, 93) и т. д.

[2] 1-й капитулярій 810 года, ст. 17 (Boretius, 155): «De vulgari populo, ut unusquisque suos iuniores distringat, ut melius oboediant mandatis imperialibus».

[3] *De mundeburde ecclesiarum* (2-й капитулярій 802 года, ст. 18, Boretius, 101); 7-й капитулярій 803 года, ст. 1 (Boretius, 146).—«Karolus rex sanctae ecclesiae defensor humilisque adiutor» (1-й капит. 789 г. Boretius, 53).—«Ecclesiae quae sub ditione

клятву въ вѣрности; онъ говорилъ ему: „Я буду вѣренъ, какъ долженъ быть вѣренъ человѣкъ своему сеньору“ [1]. Онъ „коммендировался“ королю и въ то же время коммендировалъ свою церковь, то-есть, всѣхъ людей, зависѣвшихъ отъ него [2]. Такой *homagium* походилъ, за небольшимъ различіемъ, на тотъ который давался ему свѣтскими бенефиціалами. Договоръ заключался въ тѣхъ же терминахъ и приводилъ, примѣрно, къ одинаковымъ послѣдствіямъ.

Епископъ, являвшійся вассаломъ государя, оказывался въ то же время самъ главою вассаловъ. Онъ отправлялъ права патроната, прежде всего, надъ клириками своей церкви, которымъ запрещалось коммендироваться кому-нибудь иному кромѣ ихъ епископа [3], а далѣе надъ всѣмъ населеніемъ,

et tuitione regiminis nostri consistunt» (капитулярій 877 года, Pertz, p. 537.

[1] «Fidelis et obediens ero sicut homo suo seniori» (бертинскіе анналы, 870 годъ).

[2] «Metropolim Senonum, Weniloni qui se mihi commendaverat et fidelitatem sacramento promiserat, ad gubernandum commisi» (*Libellus proclamationis Caroli regis*, a. 859; Pertz, 462).—«Veniens Viridunum, Hattonem civitatis episcopum et Arnulphum Tullensis urbis episcopum sibi se commendantes suscepit... Adventium episcopum in sua commendatione suscepit» (*Hincmar*. Annal. a. 869).—«Ecclesiam mihi commissam vobis commendo» (*Commendatio Ansegisi*, a. 877; Pertz, 542).—Поэтому епископъ являлся человѣкомъ государя. Онъ подчинялся приказамъ его и его миссовъ: «De episcopis vel ceteris nostris hominibus» (6-й капитулярій 803 г. ст. 5, Boretius, p. 145).

[3] «Sint sacerdotes subiecti proprio episcopo nec ab eorum *potestate* dissiliant, neque seculari potestati eis commendare se liceat» (капит. 876 г. ст. 8; Pertz 531).

обрабатывавшимъ церковныя имѣнья. Для всѣхъ этихъ людей онъ былъ сеньоромъ, господиномъ; онъ собиралъ съ нихъ подати; онъ судилъ ихъ; онъ держалъ для управленія ими рядъ должностныхъ лицъ, которыя именовались его *centenarii, advocati, scabini* [1].

Что касается графовъ, они прежде всего, конечно, являлись королевскими чиновниками; но въ то же время они носили и другой характеръ. Эти люди начинали всегда свою карьеру службою во дворцѣ, которая называлась *militia palatina*. Но для вступленія въ такую службу требовалось, прежде всего, коммендироваться государю, стать его вѣрнымъ. Они, конечно, не отказывались отъ такой вѣрности въ день, когда тотъ же государь поручалъ имъ управленіе областью [2]. Они даже гораздо скорѣе разсматривали себя въ такихъ случаяхъ какъ королевскихъ вассаловъ и бенефиціаловъ, чѣмъ какъ представителей государственной власти. Впрочемъ, всѣ эти различныя понятія до такой степени смѣшались, что въ языкѣ того времени графство даже считалось бенефиціемъ [3].

[1] «Ut episcopi, abbates, atque abbatissae advocatos atque vicedominos centenariosque legem scientes habeant» (капит. 803 г. ст. 13, Pertz, 93); 2-й 813 г. ст. 14 (Boretius, 172).—«Scabini episcopi, abbates» (актъ 803 г. въ *Patrologia latina*, t. XCVII, p. 255).

[2] Людовикъ Благочестивый въ одномъ посланіи, обращенномъ къ графамъ, говоритъ имъ: «Memores sitis fidei nobis promissae» (*Walter*, II, 358; *Boretius*, 304, ст. 8).

[3] «Comites nostra beneficia habere videntur» (5-й капитулярій 806 года, ст. 7; Boretius, 131, ст. 6).—Слово *honor* въ теченіе всего IX вѣка прилагалось одинаково къ должностямъ и къ бенефиціямъ.

Разъ графы являлись вассалами по отношенію къ государю, становилось естественнымъ, чтобы и у нихъ оказывались особые вассалы [1]. Низшія должностныя лица, которыхъ называли ихъ видамами, викаріями, центенаріями, деканами, скабинами, обыкновенно назначались и отзывались ими [2]. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что связь, которая соединяла съ начальникомъ этихъ подчиненныхъ была связью вѣрности. Извѣстно, въ самомъ дѣлѣ, что каждый графъ оплачивалъ своихъ подчиненныхъ, уступая имъ бенефиціи [3]. Окружавшіе графа приближенные уже со временъ Карла Великаго, должны были мало-по-малу принимать видъ феодальнаго двора.

Зависимость многихъ элементовъ населенія отъ такихъ должностныхъ лицъ также начинала принимать форму вассалитета. Люди обнаруживали склонность коммендироваться имъ, потому что они обладали могуществомъ. Отъ нихъ получались бенефиціальныя земли; съ ними многіе связывали себя чисто личною связью, и по отношенію къ нимъ принимали всѣ обязательства вассала по отношенію къ сеньору [4]. Они

[1] «Vassi nostri et vassi comitum» (5-й капитулярій 819 года, ст. 27; Boretius, 291).

[2] Графъ былъ отвѣтственъ за поведеніе своихъ подчиненныхъ: «Ut comites et centenarii iuniores tales habeant in quibus securi confident» (капитулярій 802 года, ст. 25; Boretius, 86).

[3] «Et si ministerialis comitis hoc fecerit, honorem, qualemcunque habuerit, sive beneficium amittat» (капитулярій 819 года, ст. 16; Boetius, 284).

[4] «Noverint iidem Hispani sibi licentiam a nobis esse concessam ut se in vassaticum comitibus nostris *more solito* commendent.

должны были управлять населеніемъ въ силу правъ публичной власти; они управляли имъ въ силу правилъ патроната.

3.

Имперія Карла Великаго была уже феодальнымъ государствомъ.

Такъ, подъ оболочкою монархіи, феодальный порядокъ выигрывалъ пространство: онъ выигрывалъ его даже подъ покровительствомъ самой монархіи. Институты сеньоріи и вассилитета, исходившіе отъ государя и лучившіеся во всѣ стороны отъ его собственныхъ должностныхъ лицъ, графовъ, которыхъ онъ назначалъ, епископовъ, которыхъ онъ выбиралъ, распростирали свою сѣть на всѣ существованія; они глубоко проникали въ привычки каждаго дня, въ интересы, въ нравы населенія. Общество уже образовало цѣпь вассальныхъ отношеній, въ которыхъ подчиненіе распредѣлялось по ступенямъ и поднималось вверхъ отъ человѣка къ человѣку, доходя до короля.

[Выше былъ отмѣченъ уже этотъ фактъ. Никогда въ рукахъ монархической власти не было столько органовъ, какъ именно въ этотъ моментъ, когда

Et si beneficium aliquod quisquam ab eo cui se commendaverit fuerit consecutus, sciat se de illo tale obsequium *seniori suo* exhibere debere quale nostrates homines de simili beneficio senioribus suis exhibere solent» (*Praeceptum pro Hispanis*, c. 6; Boretius, 262).—«Qui se aut comitibus aut vassis nostris se commendaverunt et ab eis terras ad habitandum acceperunt» (*Sec. praeceptum pro Hispanis*, Boretius, 264).

она должна была исчезнуть. Именно такая множественность агентовъ облегчитъ торжество феодальнаго строя. Если бы было меньше должностныхъ лицъ, меньше бы оказалось людей, зависѣвшихъ другъ отъ друга: подданные больше бы остались въ распоряженіи государя; правительственная власть доходила бы болѣе непосредственно отъ государя къ подданному, какъ во времена римской имперіи. Она не разбросалась бы, не ослабѣла бы, не переродилась бы, переходя изъ рукъ въ руки; она лучше сохранила бы свою природу. Такая чрезмѣрность монархической централизаціи привела именно къ феодальному крошенію, и такъ оказалось, что монархія Карла Великаго дала новой политической системѣ ея кадры и ея іерархію].

Вглядитесь, въ самомъ дѣлѣ, въ войско эпохи Карла Великаго: оно не походитъ на армію римской имперіи или современныхъ государствъ. Государь созвалъ своихъ вѣрныхъ; каждый изъ нихъ созвалъ своихъ. Отрядъ каждаго епископа находится подъ начальствомъ его видама [1]; за каждымъ графомъ слѣдуютъ его викаріи, центенаріи, сеньоры его области; каждый сеньоръ, наконецъ, окруженъ своими людьми [2]. Воинъ повинуется не королю;

[1] *Capitulare Aquisgranense*, c. 9 (Boretius, p 171).—Ср. *Annales Bertinenses*, a. 866 (p. 160).

[2] «Pergat in hostem cum seniore suo» (1-й капитулярій 812 года, Boretius, 131, c. 1).—Ср. капитулярій 811 года, ст. 8 (Boretius, 165): «Sunt qui remanent et dicunt quod seniores eorum domi resideant et debeant cum eorum senioribus pergere... Alii vero sunt qui ideo se commendant ad aliquos seniores quos sciant in

онъ повинуется своему сеньору. Передъ нами почти феодальное войско.

Вглядитесь въ дворъ Карла Великаго во время мира. Вокругъ короля находятся его вѣрные, которые составляютъ его свиту, служатъ ему, наполняютъ его трибуналъ. Каждый изъ нихъ въ свою очередь окруженъ собственными вѣрными, которые какъ бы ему принадлежатъ. Каждый набираетъ столько вѣрныхъ, сколько можетъ прокормить, сколькими въ силахъ управлять, и они служатъ ему, какъ онъ государю [1]. Дворецъ— средоточіе королевскихъ придворныхъ, изъ которыхъ каждый держитъ собственный маленькій дворъ.

Вглядитесь, наконецъ, въ общія собранія [2]. Громадное множество людей сошлось на равнинѣ; они укрываются въ палаткахъ; они раздѣлены на опредѣленныя группы. Начальники этихъ группъ собираются кругомъ короля и обсуждаютъ съ нимъ поставленные вопросы. Потомъ каждый оповѣщаетъ своихъ о состоявшихся рѣшеніяхъ, можетъ быть, спрашиваетъ ихъ мнѣнія, во всякомъ случаѣ, получаетъ ихъ одобреніе и съ такою же легкостью, съ какою король достигъ его одобренія, ибо его люди настолько же зависятъ отъ него, какъ

hostem non esse profecturos».—См. еще капитулярій 823 года, ст. 15 (Walter, p. 360).

[1] *Hincmar*. De ord. pal. c. 28: «Tertius ordo erat... in vassalis quos unusquisque, prout gubernare et sustentare poterat, studiose habere procurabant».—Ср. капитулярій 809 года, *de disciplina palatii*, c. 1 (Boretius, 298): «Unusquisque ministerialis palatinus discutiat homines suos».

[2] См. выше кн. III, гл. 9.

онъ отъ короля. Общее собраніе такимъ образомъ является суммою тысячи малыхъ собраній, которыя только чрезъ ихъ вождей соединяются кругомъ государя. [Замѣтьте еще, что такія собранія, которыя существовали уже до Каролинговъ, пріобрѣтаютъ въ каролингскую эпоху значительную важность. Въ этомъ также обнаруживается именно послѣдствіе развитія феодальныхъ порядковъ. Созывая собранія, король находитъ въ такой группировкѣ подданныхъ въ союзы вѣрныхъ средство быстрѣе объявить свою волю. Онъ говоритъ съ магнатами, магнаты съ своими вассалами, и чрезъ послѣдовательныя звенья іерархіи „коммендировавшихся“ быстро устанавливаются отношенія между главою и членами, королемъ и народомъ. Эти вооруженныя собранія являются отображеніемъ современнаго имъ общества, аристократическаго и военнаго. Если король еще часто говоритъ голосомъ монарха, то все же приказы его принимаются міромъ, уже феодализировавшимся].

Поверхъ всего этого поднимается во весь ростъ фигура Карла Великаго. Онъ—верховный глава всѣхъ образовавшихся группъ. Цѣпью колецъ все связывается съ нимъ. Всякая бенефиціальная земля исходитъ въ конечномъ счетѣ отъ него. Отъ него, хотя бы косвенно, проистекаетъ всякая должность. Онъ—центръ всѣхъ интересовъ. Онъ— сердце всей громадной системы кровообращенія. Онъ отличается отъ королей, которые придутъ послѣ него, тѣмъ, что весь міръ вассаловъ еще повинуется ему и тяготѣетъ къ его особѣ. Имперія Карла Великаго есть централизованный феодализмъ.

Сущностью политики Карла Великаго было не бороться съ феодализмомъ, но объединить его и подчинить государю. Онъ отдалъ всю свою энергію и все свое искусство, чтобы подвести подъ себя всю іерархію вассаловъ. Онъ требовалъ, чтобы люди становились вѣрными только вѣрнаго короля. Онъ добился того, чтобы самые высокіе сеньоры стали только графами, то-есть, королевскими должностными лицами, или епископами, которые находились подъ его патронатомъ. Онъ надѣялся, что вѣрные короля, будутъ и дальше сами ему повиноваться и принуждать собственныхъ вѣрныхъ также повиноваться имъ, и что тѣмъ обезпечены будутъ общее повиновеніе и государственная дисциплина, передаваясь со ступени на ступень и достигая самыхъ глубокихъ слоевъ населенія.

Такъ и происходило на самомъ дѣлѣ, пока живъ былъ Карлъ Великій, и отсюда выросло огромное его могущество. Никогда правительство не требовало такъ много отъ подданныхъ, какъ при немъ, и никогда оно такъ легко не добивалось того, что требовало. Каждый годъ велись войны, призывалось всеобщее ополченіе, налагались подати, натуральные сборы продовольствія, дорожныя работы, ни въ чемъ власть не встрѣчала отказа. Не поднималось никакихъ протестовъ во имя мѣстныхъ, національныхъ или церковныхъ вольностей.—Дѣло въ томъ, что подданничество покоилось для большинства людей на договорахъ чрезвычайной суровости. Люди были не только подданными, но и вѣрными. Ихъ имущества и ихъ личности принадлежали вождю. Они обязаны

были службою, почти рабскимъ подчиненіемъ. Они прилѣплены были къ королю присягою, которая, формулируясь въ неопредѣленныхъ выраженіяхъ, не ставила никакихъ предѣловъ ихъ подчиненію. Они, что особенно важно, зависѣли отъ него въ силу своихъ интересовъ, такъ какъ король являлся собственникомъ или патрономъ почти всѣхъ земель. Никогда общество не было сковано болѣе крѣпкою связью. Никогда государь не держалъ людей такъ полно въ своей рукѣ. Обширная система всеобщаго патроната сдѣлала Карла Великаго однимъ изъ самыхъ могущественныхъ монарховъ въ исторіи.

[Въ теченіе всего средневѣковья онъ сдѣлался также самымъ великимъ изъ государей въ легендѣ, и преданіе тѣмъ больше возвысило его, чѣмъ скорѣе рухнуло послѣ него созданіе его рукъ]. Людямъ, не создавшимъ ничего прочнаго, часто выпадаетъ на долю преимущество послѣ смерти становиться объектомъ народнаго творчества. Такъ какъ они оставили общество въ неустойчивомъ состояніи, то общество, много терпѣвшее уже при нихъ, послѣ нихъ терпитъ еще больше, и потому жалѣетъ о нихъ. Несчастья слѣдующихъ за ними поколѣній какъ бы приводятъ къ возвеличенію ихъ образа. Если бы они создали прочное дѣло, болѣе счастливый народъ, быть можетъ, забылъ бы о нихъ скорѣе].

Предположимъ, что дѣло Карла Великаго укрѣпилось бы; Европа получила бы такое устройство, которое соединило бы въ себѣ государственную власть, даваемую монархіею, личную власть, давае-

мую патронатомъ [религіозную власть, даваемую священнымъ коронованіемъ], получила бы эти силы какъ нѣчто абсолютное, неограниченное. Монархъ [особа священная уже сама по себѣ какъ хранительница душъ] сталъ бы [кромѣ того] главою всего государства, сеньоромъ всѣхъ людей, собственникомъ почти всей земли. Европа получила бы правленіе, самое деспотическое, какое можно себѣ представить. [Такимъ и было правленіе Карла Великаго,—и потому этотъ человѣкъ, преемникъ римскихъ императоровъ, самодержавный монархъ обширной имперіи, сеньоръ самаго крупнаго союза вѣрныхъ, какой когда-либо существовалъ, помазанникъ церкви и стражъ надъ совѣстью людей, сдѣлался въ умѣ послѣдующихъ поколѣній идеальнымъ типомъ величія и святости].

ГЛАВА ПЯТАЯ.

Распаденіе каролингской имперіи; вѣрные распредѣляются между нѣсколькими вождями.

Чтобы такое величіе могло пріобрѣсти непрерывность, преемники Карла Великаго должны были остаться сильными и сумѣть примирять, какъ дѣлалъ онъ, и держать въ равновѣсіи власть абсолютнаго монарха и сюзеренитетъ надъ вассалами. Слѣдовало было, чтобы цѣпь сеньоровъ и вѣрныхъ сохранила единство и оставалась въ рукахъ королей.

[Слабость государей, усталость подданныхъ и, еще больше, невозможность согласовать надолго двѣ противоположныя системы, налагать на общество обширной имперіи требованіе чрезмѣрно сильной союзности и черезчуръ высокаго напряженія силъ,—все это порвало цѣпь вѣрныхъ и разрушило дѣло Карла Великаго]: наступалъ моментъ, когда монархическіе институты должны были пасть, когда феодальные институты должны были одни пріобрѣсти самостоятельность.

I.

Расчлененіе каролингской имперіи не зависѣло отъ племенныхъ различій.

Карлъ Великій собралъ въ одно цѣлое всѣ христіанскія народности отъ Эбро и Гарильяно до Одера. Германцевъ сѣвера и германцевъ юга, галловъ и итальянцевъ, всѣхъ соединилъ онъ въ одно государство. Онъ умеръ въ 814 году; черезъ двадцать девять лѣтъ послѣ его смерти единство уже нарушено, и, на мѣстѣ одной имперіи, возникли три королевства. Еще сорокъ лѣтъ спустя, одно изъ этихъ королевствъ превратилось въ семь. Прошло еще одно столѣтіе, и въ одной Франціи можно было насчитать больше пятидесяти почти независимыхъ государствъ.

Нѣкоторые современные историки приписывали раздробленіе карловой имперіи разнообразію составлявшихъ ее племенъ. Это гипотеза, которая не подтверждается чтеніемъ документовъ. Никогда племена не смѣшивались такъ легко и не чувствовали такъ мало антипатіи другъ къ другу, какъ въ ту эпоху. Вчитайтесь въ письма, дошедшія до

насъ отъ современниковъ, васъ поразитъ, что расовое различіе никогда не выставляется въ нихъ основаніемъ для вражды. Вы замѣтите въ нихъ, что люди охотно перемѣщались, переселялись съ одного конца имперіи на другой, нигдѣ не ощущая себя чужими, и различіе происхожденія не являлось поводомъ къ несогласіямъ. Были въ Галліи саксы и испанцы, равно какъ галло-франки въ Саксоніи и Италіи. Народности постоянно смѣшивались путемъ браковъ [1].

Надо остерегаться вносить въ историческія изслѣдованія предвзятые взгляды. Современные намъ умы очень заняты различіемъ расъ и ихъ борьбой; но было бы большой ошибкой переносить нѣчто подобное въ умъ людей прошлыхъ временъ. Въ письменныхъ памятникахъ IX вѣка не отмѣчено никакой разницы между чувствомъ или понятіями австразійца или итальянца, аквитанца или бавара. Возражаютъ, что каждый изъ этихъ народовъ жилъ по собственному особому закону; это, конечно, такъ, но надо присмотрѣться, насколько эти законы походили одинъ на другой. Римское законодательство, которое одно только отличалось отъ другихъ, скорѣе было закономъ церкви и всѣхъ повиновавшихся ей, чѣмъ какой-нибудь отдѣльной расы. Отъ Пиренеевъ до Эльбы правосудіе отправлялось одинаково. Сравните ка-

[1] Это видно не только изъ хроникъ и изъ грамотъ, но даже и изъ законовъ. См. капитулярій 787 года, ст. 10 [Boretius, 199]; 806 года, ст. 12 [Boretius, стр. 129]. Законъ долженъ былъ предвидѣть случай, когда человѣкъ, женившійся въ одной странѣ, принужденъ былъ поселиться въ другой.

питуляріи, издававшіеся Карломъ Великимъ для лонгобардовъ, для баваровъ, для аквитанцевъ: вы найдете въ нихъ лишь слабыя различія. Соціальный строй былъ вездѣ одинъ и тотъ же; тѣ же классы и тѣ же званія, тѣ же серважъ и колонатъ, тѣ же коммендація и вассалитетъ, тѣ же аллодіальная собственность и бенефиціальное владѣніе. Италія, Галлія и Германія имѣли одну религію; у нихъ дѣйствовалъ также одинъ оффиціальный языкъ, латинскій. Каждый могъ говорить въ то же время на своемъ „вульгарномъ“ языкѣ, но никто не думалъ въ то время, что языкъ могъ явиться мотивомъ для непріязни.

Другіе историки утверждали, что имперія Карла Великаго была создана путемъ завоеванія, и распаденіе этой имперіи вытекало изъ стремленія народовъ освободиться. И это мнѣніе также не находитъ основанія въ свидѣтельствахъ современниковъ. Карлъ Великій не былъ племеннымъ предводителемъ; его воины были не только франками, франки не пользовались при немъ никакимъ господствомъ, не получали отъ него никакой привилегіи. Ни въ одномъ документѣ не выдвигается понятіе племени-побѣдителя, обладавшаго господствомъ. Въ капитуляріяхъ отношеніе ко всѣмъ племенамъ одинаковое, они стоятъ на одномъ уровнѣ. Дѣйствительно покорены были лишь саксы, покорены они были воинами, принадлежавшими ко всѣмъ племенамъ имперіи.

Говорили, наконецъ, что въ ту эпоху именно первоначально зародилось національное сознаніе. Италія, Галлія и Германія будто разрушили

каролингское единство для того, чтобы сложиться въ отдѣльныя національности. Но это значитъ влагать въ людей IX вѣка такія чувства, которыя появились въ человѣческой душѣ лишь четыре вѣка спустя. Въ то время ни у кого еще не появляется мысли создавать націи; внутреннія распри не образовали ни одной изъ нихъ. Мы видимъ, что если міровое единство и было нарушено, то не національности стали на его мѣсто.

Тотъ, кто изучаетъ событія того времени по разсказамъ, оставленнымъ намъ современниками, кто старается составить о нихъ мнѣніе, какое выражали о нихъ современники, замѣтитъ прежде всего двѣ вещи: первое, что расовая вражда и любовь къ родинѣ были чуждыми людямъ той эпохи чувствами, второе, что эти люди, такъ часто воевавшіе другъ съ другомъ, не раздѣлялись ни по расамъ, ни по національностямъ. Въ войскѣ Людовика Благочестиваго сражались нейстрійцы и бургундцы такъ же какъ и германцы; въ то же время люди изъ этихъ же трехъ народностей открываются въ возставшихъ противъ него отрядахъ. Германцы то свергаютъ его, то возстановляютъ во власти. Когда, послѣ его смерти, три его сына ведутъ между собой борьбу, мы видимъ въ войскѣ Лотара нейстрійцевъ и саксовъ такъ же какъ и австразійцевъ; за Людовика Германскаго стоятъ и австразійцы, и саксы; половина аквитанцевъ за Карла Лысаго, другая половина за Лотара. Въ

[1] *Vita Ludovici ab Anonymo*, 49, 50. *Nithard*. I, 4.

этихъ долгихъ войнахъ поражаетъ больше всего, что тѣ же народности, тѣ же люди одинъ день находятся въ одномъ войскѣ, другой день въ противоположномъ. У Нитгарда, бывшаго свидѣтелемъ и дѣйствующимъ лицомъ въ происходившихъ столкновеніяхъ и знавшаго всѣ ихъ тайны, нѣтъ ни единаго слова, которое бы показало, что каждая нація вела особую политику, питала свои особыя стремленія. Въ драмѣ, о которой онъ повѣтствуетъ, дѣйствующія лица—не націи, а отдѣльныя личности, явно борющіяся лишь за свои индивидуальные интересы [1].

Мы попытались выше отмѣтить истинный характеръ каролингскаго единства. Геристальская фамилія выросла благодаря патронату. Пиппинъ Ланденскій, Пиппинъ Геристальскій, Карлъ Мартеллъ силою узъ коммендаціи и вассалитета собрали вокругъ себя почти всѣ земли и почти всѣхъ людей. Пиппинъ Короткій и Карлъ Великій унаслѣдовали могущественную функцію всеобщихъ патроновъ и распространили ея дѣйствіе на Италію и Германію. Правда, эти государи приняли также королевскую и императорскую корону; но управляла тогда людьми главнымъ образомъ связь вѣрности.

Истинное единство того времени, одно, что способно было воспринять большинство умовъ, съ чѣмъ были связаны привычки и интересы, то было не единство законовъ, родины, расы или языка, а

[1] Исключеніе составляли нѣкоторыя изъ духовныхъ лицъ. См. *Himly*, Wala et Louis le Débonnaire.

просто вѣрность одному верховному сеньору. Такого рода единство было въ силѣ при Карлѣ Великомъ; оно же исчезло послѣ него.

2.

Раздѣлы при Карлѣ Великомъ.

Не надо упускать изъ вида, что между вѣрностью и государственной властью не было никакой связи. Карлъ Великій былъ въ одно и то же время главою вѣрныхъ и императоромъ; но люди становились его вѣрными не потому, что онъ былъ императоромъ, а потому, что онъ былъ собственникомъ огромнаго количества бенефиціальныхъ земель, патрономъ всѣхъ церквей, патрономъ множества коммендированныхъ, сеньоромъ толпы вассаловъ.

Это родовое достояніе было наслѣдственно; германскіе законы такъ же какъ и римскіе, требовали, чтобы помѣстья передавались отъ отца къ сыну и дѣлились между братьями. Сознаніе людей той эпохи могло понять нераздѣльность государственной власти; но совсѣмъ была бы непонятна недѣлимость вотчинной собственности или отчаго наслѣдья. Послѣднее состояло изъ бенефиціальныхъ земель и изъ патронатныхъ правъ. Съ ними былъ связанъ весь рядъ бенефиціаловъ, кліентовъ, покровительствуемыхъ, и вся эта совокупность людей должна была дѣлиться вмѣстѣ съ землями.

Такое очень простое правило подразумѣвалось во всѣхъ сводахъ и было запечатлѣно во всѣхъ

умахъ. Со времени Хлодовеха всегда производился раздѣлъ родового имущества и „трусты“. Карлъ Мартеллъ и Пиппинъ Короткій раздѣлили свое наслѣдство между тремя сыновьями. Самъ Карлъ Великій произвелъ раздѣлъ, когда были еще живы его три сына [1].

Карлъ Великій дѣлилъ не государственную власть; ее онъ сохранилъ въ своихъ рукахъ всецѣло: „Мы постановляемъ, говорилъ онъ [2], что, доколѣ будемъ живы, мы будемъ пользоваться властью во всѣхъ данныхъ намъ Богомъ государствахъ, что она останется такою, какою была понынѣ, неограниченной королевской и императорской властью, что сыновья наши будутъ намъ повиноваться и народъ останется у насъ въ подчиненіи“.—Онъ не думалъ точно также объ отдѣленіи другъ отъ друга народностей; въ актахъ раздѣловъ нѣтъ ни одного слова, которое указывало бы, что народности желали обособленія, или что императоръ заботился о такомъ желаніи; рядъ точныхъ постановленій указываетъ въ нихъ, наоборотъ, что различныя части имперіи будутъ по прежнему составлять одно политическое общество.

[1] Дочери не участвовали въ раздѣлахъ, вѣроятно, потому, что не могли осуществлять *mundium* и ни одно изъ правъ патроната.

[2] «Decrevimus ut, quandiu divinae maiestati placuerit nos hanc corporalem agere vitam, potestas nostra sit super a Deo conservatum regnum istud, sicut hactenus fuit, in regimine et omni dominatu regali atque imperiali et ut obedientes habeamus filios nostros atque populum nostrum cum omni subiectione». *Charta divisionis* a. 806, c. 23 [Boretius, 130].

дѣлилась совокупность бенефиціевъ, должностей и связанная съ каждымъ изъ нихъ вѣрность.

Таковъ истинный смыслъ раздѣловъ. Въ этомъ можно будетъ убѣдиться, внимательно изучивъ каждый изъ нихъ.

Первый раздѣлъ Карлъ Великій произвелъ между тремя своими сыновьями въ 781 году; біографъ одного изъ нихъ, Людовика аквитанскаго, показываетъ намъ, что этотъ король вовсе не пользовался въ своемъ королевствѣ политической верховной властью: онъ долженъ былъ повиноваться всѣмъ повелѣніямъ своего отца, являться на его общія собранія [1], слѣдовать за нимъ въ его походахъ. Больше того: назначенные Карломъ Великимъ уполномоченные, его *missi*, объѣзжали Аквитанію такъ же, какъ другія провинціи и примѣняли тамъ свою власть [2]. За то король Аквитаніи раздавалъ по своему желанію должности, епархіи, аббатства, бенефиціальныя земли; свобода его въ этомъ отношеніи была такъ велика, что насталъ день когда Карлъ Великій замѣтилъ, что молодой Людовикъ злоупотребилъ ею и роздалъ всѣ свои домены [3].

Хартія раздѣла, составленная Карломъ Великимъ въ 806 году, также не дѣлитъ государственной власти, ибо она всецѣло остается за императоромъ; но онъ съ особенной заботой постановляетъ, что „вѣрные" должны будутъ „коммендироваться" тому или другому изъ его трехъ сыновей [1]. Повидимому, императора главнымъ образомъ заботило опасеніе, какъ бы послѣ его смерти сыновья не подняли спора другъ съ другомъ изъ за вѣрныхъ, какъ всегда случалось при Меровингахъ; онъ боится также, чтобы вѣрные не волновались и не переходили отъ одного къ другому по своей прихоти [2].

[1] *Vita Ludovici ab Anonymo* c. 6, 7, 8: «Accepit ab eo mandatum... Cui obediens... Misit ad illum pater» etc.

[2] *Ibidem*, c. 7: «Habuit secum missum sibi a patre...» *Ibid.* c. 15: «Misit ei missum suum...» Cfr. c. 17, etc.

[3] *Ibidem*, c. 6: «Didicit (Карлъ) ab illo (о Людовикѣ) quia privatis studens quisque primorum negligens publicorum, *dum publica vertuntur in privata*, nomine tenus dominus factus sit omnium pene indigus».

3.

Раздѣлы при Людовикѣ Благочестивомъ.

Тотъ же характеръ носитъ раздѣлъ 817 года. Людовикъ Благочестивый объявляетъ здѣсь въ самыхъ опредѣленныхъ выраженіяхъ, что онъ не только сохранитъ до конца жизни всю высшую власть, но что и послѣ его смерти будетъ только одинъ императоръ, одинъ верховный вождь; оба младшихъ брата будутъ повиноваться старшему; они должны будутъ присутствовать на его общихъ

[1] «Homines uniuscuiusque eorum accipiant beneficia unusquique in regno domini sui et non in alterius» (*ibidem*, c. 9).—Тутъ говорится исключительно о бенефиціяхъ; что касается аллодіальной собственности, то одинъ и тотъ же человѣкъ могъ ею владѣть въ трехъ королевствахъ: «Hereditatem suam habeat in quocunque regno» (*charta divisionis*, a. 806).

[2] Карлъ Великій запрещаетъ также сыновьямъ не только переманивать вѣрныхъ другого, но и принимать ихъ (ст. 7 и 8).

собраніяхъ, отдавать ему отчетъ въ управленіи, слѣдовать за нимъ во время войнъ; они не могутъ ни заключать союзовъ, ни отправлять или принимать пословъ; они не могутъ даже вступать въ бракъ безъ разрѣшенія императора [1]. Но въ то же время каждый изъ трехъ братьевъ въ назначенной ему области имѣетъ право свободнаго распоряженія бенефиціальными землями, право раздавать должности, оказывать покровительство церквамъ, назначать епископовъ и аббатовъ [2]. Благодаря этому, всѣ вѣрные дѣлятся между ними, коммендируются имъ и связываются съ однимъ изъ нихъ клятвой. Такимъ образомъ, каждый изъ трехъ сыновей становится не монархомъ въ современномъ значеніи слова, а главою вѣрныхъ.

[1] «Nequaquam nobis nec his qui sanum sapiunt visum fuit ut unitas imperii a Deo nobis conservati divisione humana scinderetur. Itaque placuit nobis... Hlotarium successorem imperii constitui... Pippinus et Hludowicus, sub seniore fratre, regali potestate potiantur... Volumus ut semel in anno ad seniorem fratrem cum donis suis veniant... Volumus ut nec pacem nec bellum contra exteras nationes absque consensu senioris fratris suscipere praesumant... De legatis vero, si ab exteris nationibus directi fuerint, nullatenus sine senioris fratris conscientia eis respondeant... Volumus etiam ut si alicui illorum tempus nubendi venerit, cum consilio et consensu senioris fratris uxorem ducat». *Charta divisionis*, a. 817 (Boretius, № 136, p. 270—273).—Нѣтъ сомнѣнія, что главной цѣлью акта 817 года было короновать Лотара императоромъ, чтобы обезпечить единство; это показываетъ въ своихъ анналахъ Эйнгардъ и муассакская лѣтопись. Хроникеры видѣли въ этомъ актѣ дѣло объединенія, а не раздѣленія (см *Patrologia*, XCVII, 375).

[2] «Volumus ut in cunctis honoribus intra suam potestatem distribuendis propria potestate potiantur; tantum ut in episcopatibus et abbatiis ecclesiasticus ordo teneatur, et in ceteris honoribus dandis honestas et utilitas servetur» (*ibidem*, c. 3).

Новый раздѣлъ былъ совершенъ въ 837 году; въ немъ проявились тѣ же принципы. Лѣтописецъ, желая обозначить часть, опредѣленную Карлу Лысому, говоритъ, что тотъ получилъ все, что находится между Сеной, Рейномъ и Океаномъ, „то-есть, епархіи, аббатства, графства, казенные домены и всѣ земли, расположенныя въ этихъ границахъ, со всѣми ихъ угодьями“ [1]. Онъ добавляетъ, что „епископы, аббаты, графы, королевскіе вассалы, всѣ, пользовавшіеся бенефиціями въ странѣ, должны были явиться, чтобы коммендироваться новому сеньору и принести ему клятву въ вѣрности“ [2].

Изъ всего этого видно, въ чемъ заключалась суть раздѣловъ; понятно также, почему государи ихъ совершали. Если Карлъ Великій раздѣлилъ свое наслѣдство при жизни, если такъ же поступилъ Людовикъ Благочестивый, они должны были имѣть на то серьезныя основанія. Не надо забывать, что бенефицій былъ пожизненнымъ и прекращался со смертью жалователя или пожалованнаго; такъ же обстояло дѣло съ патронатомъ и вѣрностью. Предположимъ тотъ случай, когда одинъ изъ могущественныхъ государей умеръ бы не произведя раздѣла: его смерть сейчасъ же нарушила бы тысячи договоровъ вѣрности и ком-

[1] «Omnes videlicet episcopatus, abbatias, comitatus, fiscos, et omnia intra praedictos fines consistentia cum omnibus ad se pertinentibus» (Бертинская лѣтопись, изд. Dehaisnes, 26).

[2] «Episcopi, abbates, comites et vassalli dominici in memoratis locis beneficia habentes Karolo se commendaverunt et fidelitatem sacramento firmaverunt» (*Ibidem*).

мендаціи, которые были заключены съ нимъ лично. Каждый бенефиціалъ тотчасъ же утратилъ бы свой бенефицій, каждый графъ — свое графство; точно также каждый епископъ и каждый аббатъ, сохраняя свою духовную должность въ неприкосновенности, утратилъ бы королевскій патронатъ, который обезпечивалъ ему его помѣстья и его свѣтскую власть. Это было бы рѣзкимъ и полнымъ нарушеніемъ всякой собственности, подрывомъ всѣхъ интересовъ, всѣхъ правъ, всѣхъ властей. Трудно себѣ представить ту великую неурядицу, какая бы охватила всю обширную имперію. Потому то и былъ необходимъ предварительный раздѣлъ; если бы государь не пожелалъ его самъ во имя общественнаго блага, его бы потребовали вѣрные во имя интересовъ каждаго [1].

Въ актахъ раздѣла находимъ еще одинъ пунктъ, на который не достаточно было обращено вниманіе. Лѣтописцы, повѣствующіе о нихъ, никогда не забываютъ упомянуть, что они были совершены въ присутствіи вѣрныхъ и съ ихъ согласія. Было бы ошибкой видѣть въ этомъ родѣ избранія новыхъ королей. Королевская власть была наслѣдственной [въ томъ смыслѣ, что ее считали въ то время неотдѣлимой отъ каролингской династіи] [2]. Людовикъ Благочестивый былъ помазанъ королемъ въ трехлѣтнемъ возрастѣ и назывался „ко-

[1] Такъ въ предисловіи къ акту 817 года можно видѣть, что тогда вѣрные обращались съ просьбой къ императору: «Actum est ut nos fideles nostri admonerent».

[2] См. выше, кн. III, гл. 4.

ролемъ и императоромъ Божьей милостью“ [1]. Безъ оспариванія было допущено, что титулъ и власть короля связаны съ рожденіемъ. Относительно раздѣла бенефиціальныхъ земель и должностей государи, наоборотъ, совѣщались съ вѣрными, и нужно было ихъ согласіе. Въ самомъ дѣлѣ, съ этими землями и должностями была связана „вѣрность“ занимавшихъ ихъ людей. Вѣрность же, чисто личная и установившаяся путемъ добровольнаго договора, не могла быть завѣщаема и дѣлима безъ согласія вѣрныхъ. Потому то, когда государь хотѣлъ распредѣлить между своими сыновьями наслѣдство, состоявшее изъ обширной суммы бенефиціевъ и правъ патроната, онъ долженъ былъ созывать всѣхъ бенефиціаловъ и всѣхъ вѣрныхъ и спрашивать каждаго изъ нихъ, хочетъ ли онъ заключить съ однимъ изъ его сыновей тотъ же договоръ, какой раньше заключалъ съ нимъ. Узы патроната и вѣрности возобновлялись тогда лично между сыномъ каждаго государя и каждымъ вассаломъ [2].

Всѣ указанныя правила не зависѣли отъ при-

[1] «Ludovicus divina ordinante providentia imperator Augustus». См. *Capitul.* passim. — Ансегизъ въ предисловіи къ нимъ называетъ Людовика Августомъ, а Лотара Цезаремъ и объ обоихъ говоритъ «divina ordinante providentia».

[2] Поэтому при каждомъ раздѣлѣ находимъ *consensus fidelium*, *sacramentum fidelitatis*, и *testamentum* или грамоту съ подписью главныхъ вѣрныхъ. См. *Annales Einhardi*, a. 806; *Vita Caroli*, c. 30; *Annales*, a. 817; *Nithard.* I, 6; *Thegan.* c. 6. *Annales Bertin.* a. 837. Эйнгардъ прибавляетъ, что *testamentum* 817 года былъ отвезенъ папѣ; ибо епископъ римскій одинъ изъ главныхъ вѣрныхъ; его, какъ и другихъ, просили приложить свою подпись къ акту, измѣнявшему его мундебурдъ.

мендаціи, которые были заключены съ нимъ лично. Каждый бенефиціалъ тотчасъ же утратилъ бы свой бенефицій, каждый графъ — свое графство; точно также каждый епископъ и каждый аббатъ, сохраняя свою духовную должность въ неприкосновенности, утратилъ бы королевскій патронатъ, который обезпечивалъ ему его помѣстья и его свѣтскую власть. Это было бы рѣзкимъ и полнымъ нарушеніемъ всякой собственности, подрывомъ всѣхъ интересовъ, всѣхъ правъ, всѣхъ властей. Трудно себѣ представить ту великую неурядицу, какая бы охватила всю обширную имперію. Потому то и былъ необходимъ предварительный раздѣлъ; если бы государь не пожелалъ его самъ во имя общественнаго блага, его бы потребовали вѣрные во имя интересовъ каждаго [1].

Въ актахъ раздѣла находимъ еще одинъ пунктъ, на который не достаточно было обращено вниманіе. Лѣтописцы, повѣствующіе о нихъ, никогда не забываютъ упомянуть, что они были совершены въ присутствіи вѣрныхъ и съ ихъ согласія. Было бы ошибкой видѣть въ этомъ родъ избранія новыхъ королей. Королевская власть была наслѣдственной [въ томъ смыслѣ, что ее считали въ то время неотдѣлимой отъ каролингской династіи] [2]. Людовикъ Благочестивый былъ помазанъ королемъ въ трехлѣтнемъ возрастѣ и назывался „королемъ и императоромъ Божьей милостью“ [1]. Безъ оспариванія было допущено, что титулъ и власть короля связаны съ рожденіемъ. Относительно раздѣла бенефиціальныхъ земель и должностей государи, наоборотъ, совѣщались съ вѣрными, и нужно было ихъ согласіе. Въ самомъ дѣлѣ, съ этими землями и должностями была связана „вѣрность“ занимавшихъ ихъ людей. Вѣрность же, чисто личная и установившаяся путемъ добровольнаго договора, не могла быть завѣщаема и дѣлима безъ согласія вѣрныхъ. Потому то, когда государь хотѣлъ распредѣлить между своими сыновьями наслѣдство, состоявшее изъ обширной суммы бенефиціевъ и правъ патроната, онъ долженъ былъ созывать всѣхъ бенефиціаловъ и всѣхъ вѣрныхъ и спрашивать каждаго изъ нихъ, хочетъ ли онъ заключить съ однимъ изъ его сыновей тотъ же договоръ, какой раньше заключалъ съ нимъ. Узы патроната и вѣрности возобновлялись тогда лично между сыномъ каждаго государя и каждымъ вассаломъ [2].

Всѣ указанныя правила не зависѣли отъ при-

[1] Такъ въ предисловіи къ акту 817 года можно видѣть, что тогда вѣрные обращались съ просьбой къ императору: «Actum est ut nos fideles nostri admonerent».

[2] См. выше, кн. III, гл. 4.

[1] «Ludovicus divina ordinante providentia imperator Augustus». См. *Capitul.* passim. — Ансегизъ въ предисловіи къ нимъ называетъ Людовика Августомъ, а Лотара Цезаремъ и объ обоихъ говоритъ «divina ordinante providentia».

[2] Поэтому при каждомъ раздѣлѣ находимъ *consensus fidelium*, *sacramentum fidelitatis*, и *testamentum* или грамоту съ подписью главныхъ вѣрныхъ. См. *Annales Einhardi*, a. 806; *Vita Caroli*, c. 30; *Annales*, a. 817; *Nithard.* I, 6; *Thegan.* c. 6. *Annales Bertin.* a. 837. Эйнгардъ прибавляетъ, что *testamentum* 817 года былъ отвезенъ папѣ; ибо епископъ римскій одинъ изъ главныхъ вѣрныхъ; его, какъ и другихъ, просили приложить свою подпись къ акту, измѣнявшему его мундебурдъ.

хоти людей; они происходили отъ понятій, господствовавшихъ во всѣхъ умахъ. Однако они создавали большія трудности и могли служить поводомъ къ столкновеніямъ и къ междоусобіямъ.

Дѣйствительно, существовало противорѣчіе между нераздѣльностью имперіи и раздѣломъ вѣрныхъ. Единство государства понималось слишкомъ немногими и касалось слишкомъ немногихъ интересовъ, чтобы оно могло сохраняться если бы было нарушено единство вѣрныхъ.

Это стало замѣтно со времени царствованія Людовика Благочестиваго. Единый монархъ и истинный императоръ, онъ былъ во власти вѣрныхъ, главами которыхъ были его три сына. Онъ былъ свергаемъ съ престола и снова возстановляемъ въ зависимости отъ того, хотѣло ли большинство вѣрныхъ, чтобы онъ пересталъ царствовать, или чтобы снова сдѣлался королемъ. Государственная власть была въ его рукахъ оружіемъ, не имѣющимъ силы, и нельзя утверждать, навѣрно, что она сохранила бы больше цѣны даже въ рукахъ Карла Великаго.

Поводомъ къ раздорамъ послужило рожденіе у Людовика четвертаго сына. Никому не приходило въ голову, что юный Карлъ долженъ былъ быть лишенъ наслѣдства; новый раздѣлъ былъ, значитъ, необходимъ; но новый раздѣлъ создавалъ особое затрудненіе: онъ не только уменьшалъ долю каждаго изъ трехъ государей отъ перваго брака; онъ измѣнялъ также положеніе трехъ образовавшихся за ними цѣпей вѣрныхъ. Жизнь каждаго бенефиціала разстраивалась; надо было мѣнять сеньора, возо-

бновлять клятву, заключать новый союзъ. Если случайности раздѣла приводили къ тому, что земля, которою владѣли данныя лица, мѣняла государя, то приходилось выбирать между тѣмъ, чтобы потерять ее, или, во всякомъ случаѣ, просить ее вторично. Могло случиться, что бенефиціалъ былъ врагомъ одного изъ трехъ государей и по раздѣлу оказывался въ его части. Тогда надо было коммендироваться нелюбимому патрону или утратить землю и пытаться создавать себѣ новое положеніе въ другой странѣ.

Это не все. Быть вассаломъ двухъ сеньоровъ заразъ, имѣть бенефиціи отъ двухъ государей, противорѣчило принципу вѣрности и самымъ выраженіямъ клятвы. Но населеніе за послѣднія нѣсколько поколѣній до такой степени перемѣшалось, что одинъ и тотъ же человѣкъ часто владѣлъ бенефиціями въ нѣсколькихъ странахъ имперіи; когда доля одного государя уменьшалась, то многіе изъ его вѣрныхъ вынуждались отказаться отъ части своихъ бенефиціевъ и своихъ должностей. Каждый новый раздѣлъ вносилъ смятеніе и неустойчивость во всѣ интересы [1].

[1] Добавьте другое неудобство. Церкви владѣли часто помѣстьями, очень удаленными отъ резиденціи епископа или аббата. Церкви Галліи имѣли земли въ Аквитаніи и Италіи. Но мы видѣли, что всѣ или почти всѣ такія земли были «коммендированы»; это нѣсколько уподобляло ихъ бенефиціальнымъ землямъ и позволяло государямъ распоряжаться ими въ качествѣ патроновъ. Случалось, что епархія или аббатство, расположенныя въ домѣ и подъ покровительствомъ одного государя, владѣли землями, расположенными въ части и подъ покровительствомъ другого. Можно угадать, какія это порождало трудности; на нихъ есть

Такъ объясняются долгія междоусобныя войны, наполнившія царствованіе Людовика Благочестиваго. Первый его раздѣлъ былъ уже нелегкимъ дѣломъ [1]; второй и третій вызвали самые горячіе протесты. Одинъ епископъ былъ въ правѣ сказать королю: „Вы все разстроили; вы заставляете народъ роптать по поводу всѣхъ этихъ разныхъ клятвъ, которыхъ требуете отъ него". Тотъ же епископъ добавилъ: „Сначала принесли присягу императору-отцу; затѣмъ императору-сыну (Лотару); затѣмъ королямъ-сыновьямъ; теперь ее надо приносить ребенку (Карлу Лысому)". Людовикъ Благочестивый во время публичнаго своего покаянія обвинялъ себя самъ въ томъ, „что нарушилъ миръ, требуя отъ людей противорѣчивыхъ клятвъ" [2]. Вѣрность по существу своему была достаточно неустойчивой и непостоянной связью; но она особенно расшатывалась, если тотъ, кто долженъ былъ стоять во главѣ ея, какъ бы училъ вѣрныхъ перемѣщаться отъ одного вождя къ другому по волѣ страстей и интересовъ каждаго.

Большіе раздоры эти современные историки хотѣли вывести изъ причинъ, сходныхъ съ тѣми, какія обусловливаютъ подобныя событія въ наше

ясный намекъ въ бертинской лѣтописи (стр. 21), въ жизнеописаніи Людовика Благочестиваго анонимнаго автора (гл. 55). Церкви способствовали вообще единству имперіи по указанной выше причинѣ; единство совпадало съ ихъ интересами.

[1] Это видно изъ предисловія къ акту 817 года.

[2] «Murmuratio est nunc inter homines propter contraria et diversa iuramenta», *Agobard*, Epistola de divisione imperii (Bouquet, VI, 367—368; Himly, 155, 170, 175).

время. Думали, что въ нихъ выражалась борьба классовъ; но каждая изъ боровшихся сторонъ состояла изъ однихъ и тѣхъ же элементовъ; въ обоихъ лагеряхъ были одновременно и лейды и епископы [1]. Другіе думали, что тутъ происходила борьба національностей: но документы показываютъ, что въ каждомъ войскѣ были люди всѣхъ народностей; они показываютъ, что каждая народность поочереди стояла то за ту, то за другую сторону. Историкъ Нитгардъ, бывшій очевидцемъ событій, не отмѣчаетъ ни борьбы классовъ, ни борьбы народностей; онъ просто говоритъ, „что каждый человѣкъ думалъ только о личномъ интересѣ, а о государственномъ не думалъ никто" [2]. Такъ происходило потому, что узы вѣрности порывались, образовывалось нѣсколько разрядовъ вѣрныхъ: одни были связаны съ отцомъ, другіе съ каждымъ изъ сыновей; они оспаривали другъ у друга должности, бенефиціи, графства, епархіи, аббатства, земли, дорожныя заставы, однимъ словомъ, всѣ преимущества, какими оплачивалась вѣрность. Отобранія имуществъ, лишенія мѣстъ, захватъ церквей или бенефиціальныхъ земель, потомъ возвращеніе старыхъ владѣльцевъ и новыя изгнанія,— вотъ результатъ каждаго переворота и каждой

[1] Были епископы, требовавшіе возстановленія акта 817 года; довольно много и такихъ, которые противились ему (*Vita Ludovici ab Anonymo*, c. 48). Ср. *Nithard*. II, 9.

[2] «Quoniam quisque eorum propria quaerebat, rempublicam penitus negligebant» (*Nithard*. I, 4). «Respublica, quoniam quisque cupiditate illectus sua quaerebat, quotidie deterius ibat» (*ibidem*, I, 3).— [См. также въ эпоху Меровинговъ, выше, кн. I, гл. 7].

побѣды. Союзы „вѣрныхъ“ разрывались и кроваво сталкивались между собой.

Но такъ какъ „вѣрность“ охватывала въ ту эпоху почти все населеніе, то вездѣ и происходила междоусобная война. Историки разсказываютъ главнымъ образомъ о распряхъ сыновей съ отцомъ или сыновей между собой; но надо представить себѣ, что за каждымъ изъ нихъ стоялъ рядъ вѣрныхъ, которые толкали его на бой, чтобы онъ удовлетворилъ ихъ аппетитамъ, ихъ алчности; надо также подумать, что страшный раздоръ между членами королевской династіи являлся лишь какъ бы обобщеніемъ множества болѣе мелкихъ подобныхъ конфликтовъ, повторявшихся на всѣхъ частяхъ территорій [1].

[1] См. бертинскую лѣтопись, изд. Dehaisnes, стр. 21; *Vita Ludovici ab Anonymo*, c. 55.—*Vita Walae*, 498: «Quem (Walam) secuti sunt iam *expulsi et deiecti rectores et primi palatii*, flentes et lugentes quod ab uno impudico violarentur omnia iura imperii, pellerentur optimi quique et opprimerentur ubique clarissimi viri». Въ этой фразѣ лѣтописецъ показываетъ въ одно и то же время интересы, двигавшіе людьми, и оправданія, которыми они украшали свои дѣйствія. Если отставленные графы и совѣтники представляли свое увольненіе ниспроверженіемъ всѣхъ правъ имперіи, то, вѣроятно, тѣ правители и графы, которые занимали ихъ мѣсто, представляли свою побѣду спасеніемъ этихъ правъ. Наряду съ столкновеніями эгоистическихъ честолюбій безпрестанно встрѣчаются общія формулы «pro utilitate patriae», «pro communi salvamento». Эти выраженія, встрѣчаемыя уже въ предшествующіе вѣка, не должны вводить въ заблужденіе историка; въ гражданскихъ войнахъ часто всего меньше думаютъ о принципахъ, о которыхъ говорятъ всего больше. И здѣсь, въ частности, всмотрѣвшись въ подробности фактовъ и въ постоянную смѣну лицъ, можно видѣть, что общія формулы не соотвѣтствовали наполнявшимъ души чувствамъ.

4.

Верденскій договоръ 843 года.

Истинный характеръ событій, приведшихъ къ Верденскому договору, и самый договоръ ясно описаны современными писателями.

По полученіи извѣстія о смерти отца, говоритъ историкъ Нитгардъ, Лотаръ объявилъ повсюду, что онъ оставитъ бенефиціи и должности за всѣми тѣми, кто уже владѣлъ ими раньше, если они сдѣлаются его вѣрными [1]. Многіе „изъ желанія пріобрѣсти или изъ страха потерять“ отдались ему. Что касается тѣхъ, кто принесъ раньше присягу одному изъ его братьевъ, то онъ предоставилъ имъ на выборъ или лишиться бенефиціевъ, или принести присягу ему самому [2].

Цѣль, какую преслѣдовалъ Лотаръ, очевидна. Ему принадлежалъ титулъ императора и безспорное главенство надъ двумя братьями; но не довольствуясь этимъ, онъ хотѣлъ быть единымъ главой вѣрныхъ и возстановить въ свою пользу единство патроната.

Его два брата, съ своей стороны, не оспари-

[1] «Audiens Lotharius patrem suum obisse, confestim nuntios ubique mittit, promittens unicuique honores a patre concessos se concedere et eosdem augere velle. Dubios quoque fidei sacramento firmari praecepit» (*Nithard*. II, 1).

[2] «Quoniam ad ipsum se vertere frustrata fide noluerunt, honoribus quos pater illis dederat, privavit» (*ibidem*, II, 2).—«Elegerunt potius fidem omittere, iuramenta contemnere, quam facultates relinquere» (*ibidem*, II, 3).

вали у него ни титула императора, ни обезпеченнаго ему политическаго главенства, но хотѣли, чтобы были раздѣлены вѣрные. Карлъ Лысый съ перваго дня жаловался, что старшій братъ „отнималъ у него людей“ [1]. Тогда каждый изъ трехъ братьевъ поспѣшилъ „привязать къ себѣ вѣрныхъ насиліемъ или угрозой, а также путемъ раздачи бенефицієвъ или частныхъ соглашеній“ [2].

Національное сознаніе такъ мало вліяло на выборъ людей, что много нейстрійскихъ сеньоровъ, сенъ-денисскій аббатъ, графъ парижскій, знатные шартрской области сдѣлались вѣрными Лотара [3], тогда какъ знатные Бургундіи и Аквитаніи оказались вѣрными Карла Лысаго [4]. То же самое происхо-

[1] «Suos sibi subtrahens» (*Nithard.* II, 3).—«Nam suorum hominum sollicitatos quosdam suo iuri Lotharius adiecit» (*ibidem*, II, 8).

[2] «Hludowicus et Karolus, alter ultra, alter circa Rhenum, partim vi, partim minis, partim *honoribus*, partim quibusdam conditionibus, omnes sibi vel subdunt vel conciliant» (Бертинская лѣтопись, 841 годъ).

[3] «Hilduinus abbas Sancti Dionysii et Gerardus comes Parisii civitatis, a Karolo deficientes, fide frustrata, ad Lotharium venerunt» (*Nithard.* II, 3). — «Lotharius Sequanam excessit praemittens qui inter Sequanam et Ligerim degentes partim minis partim blanditiis subducerent. Ipse Carnutenam civitatem tendebat; quumque Theodericum, Ericum et nos qui illum sequi deliberaverant ad se venturos didicisset...» (*ibidem*, II, 3).

[4] «Interea Karolus Teotbaldum et Warinum cum quibusdam e Burgundia ad se venientes excepit» (*Nthard.* II, 5). — «Omnes Aquitanos qui suae parti favebant post se venire praecepit; insuper quicunque e Burgundia sui iuris esse vellent» (*ibidem*, II, 6).—Хроника Адемара относитъ аквитанцевъ къ сторонѣ Карла Лысаго: «Lotharius ex una parte cum exercitu Italiae, Carolus et Ludovicus ex altera cum Germanis, Francis et Aquitanis» (*Chronicon Ademari Chabannensis monachi S. Eparchii Engolismensis*, Bouquet,

дило въ Германіи, гдѣ часть воиновъ оставила Людовика Германскаго, чтобы перейти къ Лотару [1]. Вообще каждый выбиралъ себѣ главу согласно личному интересу; люди высказывались за того изъ трехъ государей, отъ котораго надѣялись получить должности или земли; наиболѣе осторожные ждали, кто изъ трехъ окажется самымъ сильнымъ [2].

Послѣ безполезныхъ переговоровъ три брата встрѣтились на фонтанетской долинѣ. Каждый изъ нихъ велъ за собой войско вѣрныхъ, то-есть, герцоговъ, графовъ, епископовъ, аббатовъ и вассаловъ [3], которые связали себя съ его судьбой. Итальянцы и большинство австразійцевъ находились съ Лотаромъ, у котораго было также много нейстрійцевъ, аквитанцевъ, аламанновъ и саксовъ [4]. Нейстрійцы, аквитанцы и саксы были также

VII, 225). Онъ добавляетъ даже одну опредѣленную и знаменательную подробность: въ фонтанетскомъ сраженіи Лотаръ былъ сначала побѣдителемъ; неожиданное прибытіе воиновъ изъ Прованса и графа тулузскаго заставило возобновить битву и было причиной пораженія Лотара: «Victor extitit Lotharius, sed subito Warinus dux cum Provincianis et Tolosanis superveniens, super Lotharium irruit fugatusque est et victus Lotharius» (*ibidem*, a 841).

[1] *Nithard.* II, 7.—*Annales Fuldenses*, a. 841: «Hlotarius Moguntiacum veniens, Saxones cum filio suo Lottario obviam, sibi venire, praecepit».

[2] «Qui adhuc causa timoris neutri se copulaverant» (Нитгардъ, II, 9).

[3] «Comites, abbates, episcopos» (Нитгардъ, II, 6).

[4] См. Бертинскую лѣтопись, стр. 47. Ср. Нитгардъ, IV, 2: «Nobilitas Saxonum in duabus partibus divisa, una Lotharium, altera Ludovicum secuta est». *Ibidem*, III, 3: «Lotharius habebat tam Saxonum quam et Austrasiorum necnon et de Alamanis

во вражескомъ войскѣ. Ни тѣ, ни другіе не двигались патріотическимъ чувствомъ или племенной враждой; по крайней мѣрѣ, въ документахъ нѣтъ слѣдовъ ничего подобнаго. Изъ разсказовъ Нитгарда и бертинскаго лѣтописца видно, что эти войска не были народнымъ ополченіемъ; то были отряды вассалловъ [1]. Каждый изъ воиновъ, свѣтскій или духовный, былъ вѣрнымъ, который прямо

partem haud modicam secum». Съ другой стороны, съ Карломъ и Людовикомъ шли саксы, гасконцы, австразійцы, бретанцы (Нитгардъ, III, 6).

[1] Нѣкоторыхъ новѣйшихъ историковъ ввело въ заблужденіе, что при повѣствованіи объ этихъ событіяхъ лѣтописи употребляютъ слово *populus*; но извѣстно, что слова мѣняютъ значеніе съ теченіемъ временъ, особенно вмѣстѣ съ измѣненіями соціальнаго строя. Слово *populus* употреблялось послѣдніе три вѣка для обозначенія войска; оно было синонимомъ *exercitus*. См. *Greg. Tur.* II, 31 и 40; VII, 33; *Gesta regum Francorum*, 17; *Vita Ludovici ab Anonymo* гл. 48: «Quum paene omnis populus (войско Людовика Благочестиваго) ad eos more torrentis deflueret».—Бертинская лѣтопись, 833 годъ: «Pravis persuasionibus populum qui cum imperatore venerat deceperunt ita ut omnes eum dimitterent».—Нитгардъ, I, 4: «Iuxta montem Sigwldai castra ponunt ac variis affectionibus populum ut a patre desiceret filii compellunt».—Точно также бертинскій лѣтописецъ называетъ оба собравшіяся близъ Страсбурга войска Карла и Людовика «fideles populi». См. еще Нитгардъ, IV, 2. Во всѣхъ этихъ примѣрахъ *populus* не обозначаетъ ни національности, ни класса общества, а только войско.—Лишь при хорошемъ знакомствѣ съ средневѣковыми памятниками можно понять, какъ часто одно и то же слово могло имѣть въ одно и то же время разныя значенія. «Populus» обозначало и народъ, и войско; «virtus»—и добродѣтель, и силу; «francus»—человѣка изъ франкской страны и свободнаго человѣка; «hostis»—врага и войско; «plebs» говорилось о церковномъ приходѣ, но также о всемъ народѣ; «consuetudo»—объ обычаѣ и также о подати.

или косвенно „держалъ" отъ одного изъ трехъ государей; защищая этого государя, онъ сражался въ сущности за сохраненіе своей должности или своей земли.

Что касается самихъ трехъ государей, то ихъ побуждали къ войнѣ сами вѣрные, ибо каждая изъ трехъ группъ хотѣла, чтобы ея вождь обладалъ возможно бо̀льшимъ количествомъ земель, графствъ, епархій для удовлетворенія всѣхъ ихъ желаній. Ни одинъ изъ трехъ братьевъ не могъ свободно отказаться отъ борьбы, и лѣтописецъ указываетъ причину этого: „Уступить—значило бы обмануть тѣхъ, кто вступилъ въ вѣрность къ нему" [1]. Ставился вопросъ, будутъ ли пользоваться всѣми бенефиціальными землями и всѣми доходами имперіи только сторонники Лотара, или сохранятъ также свои доли сторонники Карла и Людовика. Изъ-за этого люди цѣлый день рѣзали другъ друга на фонтанетской равнинѣ [2].

Это сраженіе, въ которомъ погибло, какъ говорятъ, 80.000 человѣкъ [3] и изсякла кровь воиновъ, не рѣшило дѣла [4]. Три союза сохранились и послѣ

[1] «Cum tanta nobilitas illum secuta esset, quos in sua fide deceptos esse minime oporteret» (*Nithard.* III, 3).

[2] «Magna caede christiani in invicem debacchati sunt» (*Annales Xantenses*, Pertz, II, 227).

[3] Преувеличеніе, по нашему мнѣнію, очевидно: невѣроятно, чтобы при Фонтанетѣ собралось столько сражавшихся. Войска при Каролингахъ были вообще малочислены. Число воиновъ всегда опредѣляется пропорціонально свободному населенію; а въ то время большинство состояло въ положеніи сервовъ или колоновъ.

[4] Обѣ стороны приписали себѣ побѣду. Согласно Нит-

нея—и продолжали побуждать своихъ предводителей къ дальнѣйшей борьбѣ. Карлъ Лысый и Людовикъ Германскій принуждены были принести публично близъ Страсбурга клятву, не другъ другу, а каждый своимъ вѣрнымъ и вѣрнымъ брата. Лѣтописецъ передалъ текстъ рѣчей и клятвъ обоихъ государей; въ нихъ нѣтъ ни одного слова, которое бы обнаружило чувство національной независимости или стремленіе образовать отдѣльныя національности. Изъ нихъ видно только, что каждый государь принималъ обязательство по отношенію къ своимъ вѣрнымъ продолжать войну съ Лотаромъ, заранѣе освобождая ихъ отъ присяги въ томъ случаѣ, если онъ откажется отъ борьбы. Вѣрные объявили съ своей стороны, что они останутся вѣрными своему сеньору, если борьба будетъ продолжена совмѣстно двумя братьями противъ третьяго. Такимъ образомъ, оба войска, опасаясь, вѣроятно, какъ бы соглашеніе не было заключено въ ущербъ имъ, принимали мѣры предосторожности противъ собственныхъ вождей [1].

На новое сраженіе противники, однако, не от-

гарду, стороннику Карла Лысаго, побѣдителями были Карлъ и союзный ему братъ. Точно также согласно Регинонской лѣтописи. Согласно поэмѣ Ангильберта, одержалъ верхъ Лотаръ. Изъ Нитгарда (III, 2) видно, что населеніе долго не знало, кому принадлежала побѣда, быть можетъ, потому, что оно безразлично относилось къ борьбѣ, которая мало его касалась.

[1] Страсбургскій актъ состоитъ изъ трехъ частей, которыя недостаточно выдѣлялись изслѣдователями: 1) каждый изъ двухъ королей произнесъ рѣчь собственному войску, Карлъ на романскомъ, то-есть, на простонародномъ языкѣ (sermo vulgaris), Людовикъ на тевтонскомъ. Сущность обѣихъ рѣчей указана. Каждый государь говорилъ своимъ. «Quoniam vos de nostra stabili fide ac firma fraternitate dubitare credimus, hoc sacramentum inter nos in conspectu vestro iurare decrevimus». Потомъ они добавили слѣдующія знаменательныя слова: «Si sacramentum quod fratri meo iuravero violare praesumpsero, a subditione mea et a iuramento quod mihi iurastis unumquemque vestrum absolvo» (*Nithard.* III, 5).—2) Оба короля принесли затѣмъ клятву. Если бы вопросъ сводился лишь къ тому, чтобы принять обязательство по отношенію другъ къ другу, клятва была бы произнесена по-латыни; но такъ какъ это былъ родъ договора между двумя королями, съ одной стороны, и двумя войсками, съ другой, то братья сочли нужнымъ произнести эти двѣ клятвы на простонародныхъ языкахъ. Такъ какъ Карлъ Лысый говорилъ въ первой своей рѣчи, въ которой принималъ обязательство передъ своими, на романскомъ языкѣ, то въ клятвѣ, въ которой онъ принималъ обязательство по отношенію къ другому войску, онъ говорилъ на тевтонскомъ,—Людовикъ поступилъ обратно.—3) Наконецъ, входящіе въ каждые изъ двухъ войскъ устами главныхъ своихъ начальниковъ связали себя въ слѣдующихъ выраженіяхъ: «Если господинъ мой Карлъ, или господинъ мой Людовикъ, нарушитъ свою клятву, я не буду помогать ему» (что означало отказъ въ вѣрности). Все это ясно описано Нитгардомъ и бертинскимъ лѣтописцемъ. Никто изъ нихъ не указываетъ, что дѣйствовали германская или франкская народность; Нитгардъ замѣчаетъ, наоборотъ, что въ войскахъ господствовало смѣшеніе всѣхъ племенъ, «саксовъ, гасконцевъ, австразійцевъ, бретонцевъ» (III, 6).

важились, и рѣшено было произвести полюбовный раздѣлъ. Всѣ три государя и ихъ вѣрные пришли къ соглашенію раздѣлить на три части отцовское наслѣдіе, то-есть, „епископства, аббатства, графскія должности, казенные домены“ [1]. Первый проектъ раздѣла былъ отвергнутъ Лотаромъ, возража-

[1] «Omnes videlicet episcopatus, abbatias, comitatus, fisca» (*Nithard.* IV, 3).

вшимъ отъ имени своихъ вѣрныхъ, что предоставлявшаяся ему доля „не позволяла ему наградить всѣхъ и возмѣстить утрату земель, расположенныхъ въ двухъ другихъ частяхъ“ [1].

Переговоры длились около года. Раздѣлъ былъ такъ затруднителенъ потому, что не существовало точнаго списка королевскихъ владѣній. Если бы вопросъ шелъ о томъ, чтобы раздѣлить народности, племена, языки, колебаній бы не было. Если хотѣли создать три равныхъ королевства, то всѣмъ былъ достаточно извѣстенъ размѣръ провинцій, число графствъ, городовъ, епархій [2]. Но неизвѣстно было количество бенефиціальныхъ земель, доходы отъ разныхъ должностей, матеріальное богатство епархій, то-есть, именно то, что̀ надлежало дѣлить.

[1] «Querebatur suorum qui se secuti sunt causam, quod in parte illi offerebatur non haberet unde illis ea quae amittebant restituere posset» (*Nithard.* IV, 3) Это характерная черта: за Лотара стояли жители Германіи и Франціи, которые, теряя свои бенефиціи, расположенные въ этихъ двухъ странахъ, должны были быть вознаграждены имъ въ Австразіи или Италіи. Отсюда далеко до національной борьбы, которую вообразили нѣкоторые современные историки. Партійность и предвзятые взгляды исказили за послѣднія шестьдесятъ лѣтъ всю эту исторію. Въ 1835 году ученый *Guérard* въ «Bulletin de la Sociéte de l'histoire de France», доказалъ наперекоръ теоріи Ог. Тьерри, что противоположность племенъ и національная антипатія не оказали почти никакого вліянія на расчлененіе имперіи Карла Великаго.

[2] Церковь прекрасно знала число и точные предѣлы своихъ владѣній. При Пиппинѣ, при Карлѣ Великомъ и Людовикѣ Благочестивомъ государство обладало полными описями графствъ и *pagi*, какъ доказываютъ списки *missatica*, сохранившіеся отъ эпохи Карла Великаго и Карла Лысаго.

На особыхъ посланцовъ было возложено порученіе объѣхать всю имперію и составить точные списки, которые могли бы служить основаніемъ для справедливаго раздѣла. Уполномоченные привезли опись помѣстій, виллъ и мансовъ [1]. Согласно этой описи и подсчитывая владѣнія, расположенныя въ каждой странѣ, главнѣйшіе вѣрные приступили къ раздѣлу [2]. Каждый изъ трехъ братьевъ получилъ долю въ южной части имперіи: Лотаръ—Италію, Карлъ—Аквитанію, Людовикъ—Баварію. Каждый получилъ также долю въ сѣверной части: Лотаръ—области между Шельдой, Соной и Рейномъ, Карлъ—страну, лежащую къ западу, Людовикъ — все, что было по ту сторону Рейна [3].

[1] «Tres reges miserunt legatos suos proceres unusquisque ex parte sua ut per descriptas mansas aeque tripartirent regnum Francorum» (*Annales Xantenses*, apud Pertz, II, 227).

[2] «Seniores et regni primores in tres partes regnum diviserunt» (*Hincmar.* Opera II, 181).—Раздѣлъ указанъ въ отрывкѣ *ex libro monasterii S. Wandregisili*; Bouquet, VII, 44. Ср. *Annales Fuldenses*, a. 842—843.

[3] Всѣ эти факты хорошо намъ извѣстны. О нихъ повѣствуютъ современные хроникеры, какъ Теганъ, Анонимъ, Эрмольдъ, лѣтописцы фонтенельскій, бертинскій, сенърикьесскій, анжуйскій. Они описаны принимавшими въ нихъ участіе людьми, какъ Нитгардъ, Вала, Агобардъ; у насъ есть рѣчи или манифесты обѣихъ сторонъ; мы можемъ выслушать самого Людовика Благочестиваго, Лотара, Карла Лысаго; у насъ есть текстъ клятвъ, принесенныхъ въ Страсбургѣ; есть письма епископовъ или вельможъ изъ различныхъ группъ; мы знаемъ, въ чемъ они обвиняютъ другъ друга, знаемъ, какъ каждый оправдывается. Эти люди, глубоко замѣшанные въ борьбѣ, полны страсти и ожесточенія; мы можемъ видѣть въ нихъ чувства, одушевлявшія обѣ стороны, скрытые и признанные мотивы,

Было бы долго и чрезвычайно трудно разъяснять, совпадали ли границы раздѣла съ естественными дѣленіями. Достовѣрно и изъ разсказовъ лѣтописцевъ очевидно только то, что никто не думалъ о соблюденіи дѣленій по народностямъ, племенамъ или языкамъ. „Вѣрность" не знала ни языка, ни племени, ни родины. Верденскій раздѣлъ совершенъ не народностями, а группами вассаловъ, и побѣду одержалъ тогда не національный, а феодальный принципъ [1].

основанія и предлоги, на которые ссылался каждый. Тѣ же событія вспоминаются людьми слѣдующаго поколѣнія, напримѣръ, Гинкмаромъ, Флодоардомъ, епископами собора въ Труа 867 года (*Concilia*, VIII, 870); вспоминаются они въ эпоху, когда страсти улеглись, когда можно было ясно судить и оцѣнивать факты, относившіеся уже къ довольно отдаленному прошлому. Всѣ эти разнообразныя свидѣтельства позволяютъ намъ разсмотрѣть событіе со всѣхъ точекъ зрѣнія. Мы видимъ разныя его стороны, разбираемъ всѣ его элементы, охватываемъ его въ цѣломъ, какъ оно происходило, какъ его понимали люди, бывшіе его свидѣтелями или дѣйствующими лицами. И мы никогда не замѣчаемъ признака чего-либо, что бы походило на борьбу народностей или на племенную вражду, или на борьбу партій и политическихъ принциповъ.

[1] Нѣкоторые люди хотѣли сохраненія великаго каролингскаго единства. «Wala voluit ut unitas totius imperii maneret ob defensionem patriae et ecclesiarum liberationem» (*Vita Walae*, p. 504). Нѣкоторые другіе, какъ, напримѣръ, діаконъ Флоръ, огорчались раздѣломъ. Но историкъ бы удалился отъ истины, если бы думалъ, что такія чувства раздѣлялись многими. Современные документы и дальнѣйшіе факты достаточно показываютъ, что то были лишь исключенія.—Стихотворенія діакона Флора изъ Ліона заслуживаютъ вниманія, какъ показатель уровня, достигнутаго въ серединѣ IX вѣка искусствомъ писать латинскіе стихи. Но было бы ошибочно искать въ нихъ исторіи фактовъ или указанія на политическія идеи того времени. Искусный стихотворецъ, воспитанный на Вергиліи, онъ высказываетъ чисто литературное сожалѣніе о павшемъ величіи. Великая имперія Карла Великаго поражала его воображеніе; онъ хотѣлъ бы, чтобы она удержалась. Не спрашивайте у него, что думалъ народъ, что самъ онъ думалъ о народѣ, какіе интересы раздѣлили имперію, существовалъ ли интересъ высшаго порядка, выражавшійся въ ея единствѣ; онъ ничего не знаетъ обо всемъ этомъ. Онъ замѣчаетъ, что вокругъ него волновалась неспокойная, больная жизнь, и сожалѣетъ о прошломъ, которое представляетъ себѣ «мирнымъ и счастливымъ»: «Montes et colles silvaeque» etc... Онъ оплакиваетъ дальше церкви, лишенныя епископовъ, аббатства, которыми управляютъ міряне, аббатовъ, которые носятъ оружіе, и съ грустью вспоминаетъ тогда о великой Имперіи, которой не существуетъ больше: «Floruit egregium claro diademate regnum» etc.

ГЛАВА ШЕСТАЯ.

Какъ короли утратили власть надъ вѣрными?

Преемники Карла Великаго продолжали царствовать въ Галліи въ теченіе полутора вѣка. Если обратиться къ посланіямъ, какія они писали, и къ формуламъ ихъ канцеляріи, то окажется, что они были настоящими монархами.

[Они принимали самые торжественные титулы и называли себя самыми пышными эпитетами [1].] Они говорили о своей королевской власти, какъ о власти независимой и верховной. Но если посмотрѣть на ихъ поведеніе и на поведеніе людей по отношенію къ нимъ, если всмотрѣться, какимъ способомъ они повелѣвали и какъ имъ повинова-

[1] «Gloriorissimo et a Deo coronato, magno et pacifico imperatori, domino nostro Karolo, perpetuo augusto» (капитулярій 876 года; Walter, III, 189, Pertz, 528).—«Excelentia Nostra, Serenitas Nostra» (Baluze, II, 1500).

лись, то обнаружится, что скорѣе они были главами вѣрныхъ, чѣмъ монархами.

Никогда не видно, чтобы они собирали войско, которое состояло бы изъ какихъ-нибудь другихъ людей, кромѣ вѣрныхъ, пожелавшихъ слѣдовать за ними. Не видно, чтобы они издавали законы, которые относились бы къ націи. Они еще носятъ титулъ королей, иногда даже императоровъ, но обычай называть ихъ сеньорами прививается все больше и больше [1]. Мы видимъ даже на дѣлѣ, что государи эти заботятся единственно о томъ, чтобы привязать къ себѣ вѣрныхъ. Добиться отъ людей клятвы въ вѣрности и заставить ихъ соблюдать эту клятву было ихъ главной заботой и сущностью ихъ политики. Королевская власть все больше и больше сливается съ сеньоратомъ, подданство съ вѣрностью.

По первому взгляду кажется, что власть, основанная на договорѣ о вѣрности, должна была быть особенно прочной. Казалось бы, что человѣкъ, принесшій присягу, связавшій не только свои руки, но и совѣсть и самую волю, отдавшій въ полное распоряженіе свою личность, объявившій себя вѣрнымъ своего сеньора, его вѣчнымъ слугой, получавшій за это къ тому же прекрасное помѣстье, богатство, почести—казалось бы, говоримъ мы, такой человѣкъ долженъ былъ становиться послушнымъ

[1] *Walter*, III, 37, et alias passim.—«Si ad Caroli senioratum et fidelitatem reverti voluerit» (капитулярій 856 года, Walter, 67, Pertz, 449).—Въ 897 году сторонники Карла Простого объясняютъ свою вѣрность, говоря «quod senior eorum filius esset sui quondam senioris» (лѣтопись св. Вааста изд. Dehaisnes, 354).

подданнымъ и думать лишь о повиновеніи. Но дѣла человѣческія не подчинены такой логикѣ. Подобно тому, какъ иногда наименьшей реальной свободой пользуется человѣкъ при государственномъ строѣ, гдѣ наиболѣе громко провозглашена свобода, такъ можетъ случиться и то, что люди, отъ которыхъ повиновеніе требуется особенно строго, повинуются однако всего меньше. Всякій принципъ, доведенный до крайности, сталкивается съ комплексомъ человѣческихъ чувствъ и интересовъ болѣе сильныхъ, чѣмъ онъ, и приводящихъ его къ противоположности того, что онъ провозглашалъ.

Вѣрные [1] были людьми, на которыхъ можно было всего менѣе полагаться. То очень преданные, то очень требовательные, они переходили отъ крайней покорности къ крайнему неповиновенію. На то было двѣ причины.

Первая выражалась въ томъ, что каждый изъ этихъ людей былъ могуществененъ самъ по себѣ. Неестественно, чтобы человѣкъ, чувствующій себя сильнымъ, примирялся съ необходимостью повиноваться. Тотъ, кто видитъ себя окруженнымъ многочисленными слугами, съ трудомъ бываетъ слугой самъ или бываетъ имъ лишь постольку, поскольку самъ хочетъ. Монарху легче царствовать надъ милліонами равныхъ между собой и одинаково слабыхъ людей, чѣмъ надъ нѣсколькими сотнями вождей,

[1] *Fideles* понимается здѣсь въ тѣсномъ смыслѣ слова: мы видѣли выше, что начиная съ царствованія Людовика Благочестиваго, оно начинаетъ замѣнять имъ терминъ «знатные» или «оптиматы». Въ широкомъ смыслѣ слово «вѣрные» означало также всѣхъ подданныхъ короля.

каждый изъ которыхъ подобенъ ему по могуществу.

Другая причина та, что при господствѣ патронатнаго строя интересы низшаго слишкомъ зависѣли отъ руки высшаго. Всѣмъ правительствамъ присуща ошибка считать, что чѣмъ больше они могутъ давать, тѣмъ больше они удерживаютъ подъ собою людей изъ-за выгоды, тѣмъ больше могутъ разсчитывать на ихъ повиновеніе. Наоборотъ, тотъ, кто становится центромъ всѣхъ желаній, всѣхъ честолюбій, всѣхъ алчныхъ вожделѣній, подвергаетъ себя большому риску. Правда, вѣрные получали отъ государя бенефиціи, высшія должности, довольство и блескъ жизни; дѣйствительно они жили лишь имъ, согласно яркому выраженію эпохи, они были его „питомцами". Но благодаря этому самому они всегда должны были опасаться, что онъ лишитъ ихъ всего; они чувствовали, что по мановенію его воли они могутъ оказаться ввергнутыми въ ничтожество. Потому глаза ихъ всегда были обращены на главу, отъ котораго они могли на все надѣяться и всего бояться. Единственная забота ихъ жизни состояла въ двухъ вещахъ: получать отъ него и препятствовать ему брать обратно. Ихъ владѣнія, ихъ богатство, настоящее ихъ благополучіе и ихъ надежды на будущее, все было въ его рукахъ; это не являлось достаточною причиной для того, чтобы они всегда оставались преданы ему; но это приводило естественно къ тому, чтобы они всегда чувствовали къ нему недовѣріе. Возможность отбирать бенефиціи, не представляя вовсе силы для

власти, приводила ее къ постоянному конфликту съ тѣми, кто хотѣлъ ихъ получить, и съ тѣми, кто опасался ихъ потерять. Подъ видомъ всеобщей преданности слагалась всеобщая борьба.

Монархію Каролинговъ надо представлять себѣ огромною вотчиною, собственникомъ которой былъ король, а доходы раздѣляли вѣрные. Можно ли себѣ представить, чтобы они позволили государю управлять по его усмотрѣнію тѣмъ, на что они смотрѣли, какъ на общее достояніе? Какъ могли они не приписать себѣ права надзирать за управленіемъ и руководить жизнью того, что принадлежало, казалось, имъ? Государство являлось совокупностью ихъ земель, ихъ должностей, ихъ званій, всѣхъ ихъ интересовъ. Государство было—они сами. Какъ могли они не захотѣть управлять сами отъ имени короля? Могли ли они потерпѣть, чтобы у короля опредѣлились другіе интересы и другія желанія, чѣмъ ихъ интересы и ихъ желанія?

Во всѣ времена монарху оказывалось необходимо совѣщаться съ вѣрными. Когда Пиппинъ Короткій пожелалъ предпринять походъ въ Италію, онъ спросилъ ихъ мнѣніе, „и многіе изъ нихъ воспротивились его волѣ, даже высказали вслухъ, что если онъ будетъ настаивать на этомъ, они покинутъ его и возвратятся къ себѣ" [1]. Впослѣдствіи Карлъ Великій рѣшился перейти черезъ

[1] «Quidam e primoribus Francorum cum quibus consultare solebat, adeo voluntati eius renisi sunt ut se regem deserturos domumque redituros libera voce pronuntiarent» (*Einhard.* Vita Caroli, 6).

Альпы не иначе, какъ съ опредѣленнаго согласія своихъ вѣрныхъ [1].

Подобнаго рода факты неисчислимы. Ихъ не надо приписывать ни старымъ германскимъ обычаямъ, о которыхъ никто не помнилъ, ни высокой любви къ политической свободѣ, о которой никто не имѣлъ понятія въ тѣ времена. На самомъ дѣлѣ, такъ какъ вѣрные были связаны съ королемъ всѣми своими интересами, то всякое дѣйствіе короля касалось ихъ слишкомъ чувствительно, и невозможно было не спрашивать ихъ мнѣнія. Съ ними совѣщались не во имя общественнаго, а во имя ихъ частнаго интереса. Если вопросъ шелъ о войнѣ, то, помимо издержекъ, какія они несли, было извѣстно, что успѣхъ увеличивалъ общее состояніе вѣрныхъ, а пораженіе его уменьшало; слѣдовательно, союзъ былъ въ правѣ рѣшать, хочетъ или не хочетъ онъ данной войны.

Карлъ Лысый [2] былъ главою вѣрныхъ, которому вѣрные предписывали законъ. Онъ могъ управлять

[1] «Fideles consuluit utrum petitionibus apostolicis assensum praeberet» (*Regino*, Chronicon, a. 773).—Такъ же обстояло дѣло съ законами: «De quarto capitulo exspectandum censuimus donec cum plurioribus fidelibus nostris inde consideremus» (2-й капитулярій 819 года, гл. 9, Boretius, 297).

[2] Это не значитъ, что онъ всегда былъ тѣмъ слабымъ и безсильнымъ королемъ, какимъ его рисуетъ легенда. Онъ часто долженъ былъ уступать, особенно въ первые годы царствованія. Но онъ часто также и поднимался; иногда онъ могъ съ твердостью проводить традиціи Карла Великаго и никогда, даже въ послѣдніе годы жизни, не забывалъ, что графы являлись лишь его уполномоченными, что только отъ королевской власти исходилъ всякій законъ, всякая власть. Онъ всегда говорилъ съ ними то-

лишь такъ, какъ они хотѣли. Насколько они должны были зависѣть отъ него въ силу своей клятвы, настолько онъ зависѣлъ отъ нихъ въ силу ихъ интересовъ. Образовался союзъ всѣхъ бенефиціаловъ противъ собственника бенефиціальныхъ земель, всѣхъ должностныхъ лицъ противъ распредѣлителя должностей, всѣхъ слугъ противъ господина. Въ этой борьбѣ не было ничего національнаго, и низы общества въ ней не участвовали. Она велась не изъ-за принциповъ: ея единственной цѣлью былъ матеріальный и личный интересъ каждаго изъ членовъ королевскаго вассалитета.

Изъ одного капитулярія 844 года видно, что послѣ произведеннаго въ Верденѣ раздѣла и примиренія трехъ братьевъ Карлу Лысому приходилось выдерживать столкновенія въ собственномъ королевствѣ [1]. Дѣйствительно, нелегко было распредѣлить между вѣрными выпавшую ему по договору долю, раздать графства, прелатства, бенефиціи, возмѣстить убытки вѣрнымъ, которые потеряли свои владѣнія, расположенныя въ частяхъ, доставшихся двумъ другимъ братьямъ, вознаградить чужихъ вѣрныхъ, не нарушая интересовъ своихъ, принять во вниманіе пріобрѣтенныя права

номъ повелителя, даже когда дѣйствовалъ сообразно съ ихъ желаніемъ. Два знаменитыхъ указа, пистскій и кьерсійскій, 864 и 877 года, въ особенности показываютъ, что у него всегда было сознаніе правъ королевской власти, даже въ то время, когда онъ не имѣлъ силъ ихъ осуществлять.

[1] «Restiterunt in nobis et in viris ecclesiasticis necnon et in reipublicae nostrae solatiatoribus (послѣднія слова означаютъ графовъ и *vassi*) materiae et fomites dissensionum» (капитулярій 844 года, praefatio).

и въ то же время сдержать всѣ данныя обѣщанія. Поднялись неудовольствія, даже волненія. Вѣрные заключили другъ съ другомъ союзы; прелаты и воины собрались на *conventus* [1]; послѣ долгихъ переговоровъ они составили родъ хартіи и заставили короля подписать ее [2].

Въ этой хартіи 844 года, текстъ которой дошелъ до насъ, король имѣетъ дѣло не съ народомъ, а съ вѣрными, съ епископами, съ графами, съ бенефиціалами [3] всѣхъ разрядовъ. Королевская власть формально признается въ немъ [4], но зато король обязывается оставить во владѣніи вѣрныхъ ихъ бенефиціи и должности [5]. Онъ добав-

[1] «Venientes in unum fideles nostri, tam in venerabili ordine clericali quam et inlustres viri in nobili laicali habitu constituti» (*ibidem*).

[2] «Hortatus est alter alterum, immo omnes se invicem monuerunt ut... de regni utilitate possent tractare et suum atque totius populi profectum obtinerent» (*ibidem*, praefatio).—«Omnes sicut in vestra convenientia pepigistis» (c. 4).

[3] «Capitula quae acta sunt in conventu habito in villa quae dicitur Colonia; quae etiam subscriptione eiusdem principis et episcoporum confirmata fuere, consensu Warini et aliorum optimatum» (Baluze, II, 2; Pertz, 376). Въ этомъ актѣ Карлъ Лысый говоритъ отъ своего имени, согласно обычаю, который найдемъ постоянно примѣнявшимся въ теченіе всего средневѣковья и во Франціи, и въ Англіи; но изъ всего акта вытекаетъ, что онъ былъ продиктованъ королю. Карлъ Лысый обращается не къ народу, а къ вѣрнымъ (см. ст. 4).

[4] «Honor regius et potestas regali dignitati competens atque obtemperantia seniori debita nobis ab omnibus exhibeatur» (c. 2).

[5] «Volumus ut omnes fideles nostri certissimum teneant nemiem cuiuslibet ordinis aut dignitatis nostro inconvenienti libitu promerito honore debere privari, nisi iustitiae iudicio et ratione atque aequitate dictante» (c. 3).

ляетъ, что вѣрные будутъ имѣть право контроля надъ всѣми его дѣйствіями: „Вы будете слѣдить за тѣмъ, чтобы никто не внушилъ намъ дѣйствовать противъ справедливости и разума; если обманнымъ образомъ или вслѣдствіе слабости человѣческой отъ насъ будетъ исторгнута какая-нибудь дурная мѣра, ваша вѣрная преданность предостережетъ насъ, дабы мы исправили ее“ [1]. Прежде было въ обычаѣ, чтобы судьей своихъ вѣрныхъ былъ сеньоръ; здѣсь же Карлъ Лысый пишетъ, что если одинъ изъ его вѣрныхъ нарушилъ соглашеніе, его будутъ судить всѣ остальные. Король отказывается отъ своего права суда надъ ними [2].

Группа вѣрныхъ распадалась на духовныхъ и мірянъ. Прелаты были не больше расположены къ повиновенію, чѣмъ воины. Въ 844 году епископы, собравшіеся въ Тіонвиль, написали постановленіе, въ которомъ упрекали короля за дурное распредѣленіе церковныхъ земель и раздачу ихъ мірянамъ [3]. Притязаніе было основательное, даже если

[1] «Quod ut facilius atque obnixius nostra auctoritas valeat observare, omnes sicut in vestra convenientia pepigistis, conservare studebitis. Immo etiam cuncti sollicita praecaverunt ne aliquis nobis immoderatius suggerat ut contra iustitiam agamus. Et si forte subreptum nobis quippiam, ut homini, fuerit, competenter et fideliter ut hoc corrigatur vestra fidelis devotio ammonere curabit» (c. 4, 5).

[2] «Si quis hoc foedus inruperit, tunc pontificalis auctoritas et regalis sublimitas atque in caritatis connexione persistentium magnanimitas...» (c. 6).—Слова «pontificalis auctoritas» означаютъ вѣрныхъ духовнаго сословія, епископовъ; «magnanimitas» прилагается къ знатнымъ свѣтскаго сословія, «viri inlustres in nobili laicali habitu constituti»; терминъ «magnanimitas» употребляется оффиціально въ примѣненіи къ графамъ.

[3] Тьонвильское соборное постановленіе у *Walter*, Corpus iuris

на него смотрѣть только съ точки зрѣнія религіи; но онъ касался въ то же время одного изъ правилъ патроната. Въ самомъ дѣлѣ, какъ патроны церквей и аббатствъ, Карлъ Мартеллъ, Пиппинъ Короткій, Карлъ Великій и Людовикъ Благочестивый имѣли право раздавать свѣтскимъ людямъ церковныя земли въ качествѣ бенефиціевъ и подъ условіемъ оброка церквамъ и аббатствамъ [1]. Согласно обычаямъ и образу мыслей того времени, церкви такою цѣною получили покровительство могущественныхъ государей Австразіи. При Карлѣ Лысомъ онѣ освободились отъ этого обязательства и, сохраняя преимущества королевскаго патроната, отвергли то, что было расплатой за него [2]. Послѣдствіемъ этого стараго патроната было ограниченіе для нихъ въ извѣстной степени верховнаго права владѣнія надъ землями; духовенство постаралось вернуть утраченную прерогативу, поступая, стало-быть, подобно тому, какъ воины поступали со своими бенефиціями.

По отношенію къ послѣднимъ королевская власть являла себя все болѣе и болѣе слабой. Напрасно пыталась она проявить стойкость: въ 847 году Карлъ Лысый обѣщалъ „никогда не по-

germanici, стр. 6—8 (и у Krause, 112). Можно замѣтить высокомѣрный тонъ прелатовъ: «Единый государь нашъ—Богъ, говорятъ они, и онъ пожелалъ, чтобы его церковь управлялась епископскимъ авторитетомъ и королевской властью».

[1] Ср. выше, кн. III, гл. 14.

[2] Читая капитуляріи, можно сдѣлать замѣчаніе, что духовные, которые, согласно обычаямъ патроната, должны бы были называться вѣрными короля, начиная со времени Людовика Благочестиваго, приняли обычай называться вѣрными Бога.

ступать со своими вѣрными противно разуму“ [1]. Въ 851 году онъ выражался такъ: „Намъ угодно, чтобы всѣ наши вѣрные были спокойны, ибо въ будущемъ мы не осудимъ никого изъ нихъ и не лишимъ бенефиціевъ и должностей иначе, какъ по закону и согласно правосудію, и будемъ сообразоваться съ высказанными ими намъ сообща мнѣніями“ [2].

Въ 856 году часть вѣрныхъ Карла оставила его; другая осталась связанною съ нимъ только на извѣстныхъ условіяхъ [3]. У насъ нѣтъ текста заключеннаго въ то время соглашенія, но мы можемъ его угадать по оффиціальному обращенію, адресованному другой сторонѣ составившими его сторонниками короля. „Знайте, заявляли они, что король Карлъ соединился съ нами, своими вѣрными, подъ условіемъ, что, если онъ нарушитъ въ какомъ-нибудь отношеніи связывающій насъ договоръ, то мы почтительно попросимъ его испра-

[1] Капитулярій 847 года, Walter, III, 35; Pertz, 395, с. 4.

[2] «Ut nostri fideles sint de nobis securi quia nullum contra legem et iustitiam aut damnabimus aut dehonorabimus» (капитулярій 851 года, ст. 6). «Dehonorare» значитъ «лишить *honor*»; какъ извѣстно, «honor» на языкѣ той эпохи обозначалъ бенефицій.—«Illorum communi consilio, secundum Dei voluntatem et commune salvamentum, adsensum praebebimus», *ibidem*). Ср. бертинскую лѣтопись, изд. Dehaisnes, стр. 75—76.

[3] См. *Walter*, III, 63 (*Pertz*, 445): «Senior noster (Carolus) rogavit fideles suos ut de illius iracundia aut animi commotione communiter quaerant et inveniant atque describant hoc quod ille secundum suum ministerium facere debet et quae facere illum non condeceant. Et ubicumque inventum fuerit quod fecit quod facere non debuit, paratus est ut emendet et corrigat» (ст. 8). Подъ этой смягченной формой, угадываются настойчивыя требованія вѣрныхъ.

виться и сохранить каждаго изъ насъ въ его правѣ и положеніи. Если онъ откажется, то знайте, что всѣ мы такъ тѣсно связаны между собой съ согласія и признанія самого короля, что каждый изъ насъ обязался никогда не оставлять своего равнаго и союзника, дабы король нашъ ничего не могъ сдѣлать никому изъ насъ противъ закона и разума, еслибы даже, чего пусть не будетъ, онъ того захотѣлъ"[1]. Дальше они увѣщевали знатныхъ противной стороны соединиться съ ними и подписать такое же соглашеніе. „Вернитесь, говорили они, къ вѣрности и сеньорату короля Карла; онъ обѣщаетъ оставить каждаго изъ васъ, равно какъ и каждаго изъ насъ, въ обладаніи всѣми его правами, соедините свои усилія съ нашими, дабы сообща создать наиболѣе подходящія къ нашему союзу установленія; король созвалъ на 24 іюля въ верберійскомъ своемъ дворцѣ всѣхъ своихъ вѣрныхъ для утвержденія предъ лицомъ Бога нашихъ соглашеній, которыя будутъ соблюдаться вѣчно его преемниками и нашими"[2].

[1] «Sciatis quia sic est adunatus cum suis fidelibus et nos omnes sui fideles de omni ordine ut si ille aliquid contra tale pactum fecerit, illum cum reverentia ammonemus ut ille hoc corrigat et emendet et unicuique in suo ordine debitam legem conservet... Et si ammonitus a suis fidelibus suam intentionem emendare non voluerit, sciatis quia sic est ille nobiscum et nos cum illo adunati et sic sumus omnes per illius voluntatem et consensum confirmati, episcopi atque abbates cum laicis, et laici cum viris ecclesiasticis, ut nullus suum parem dimittat, ut contra suam legem et rectam rationem et iustum iudicium, etiamsi voluerit, quod absit, rex noster alicui facere non possit» (cap. 10; *Walter*, 64; *Pertz*, 446).

[2] «Et habet VII kalendas augusti ad palatium Vermeriam omnes fideles suos convocatos... ut ista convenientia, quam teste Deo confirmabimus, inante diebus vitae nostrae conservetur... et nos nostris successoribus suis successoribus conservandam relinquamus» (c. 11).—«Si volueritis ad illius fidelitatem atque servitium venire et nobiscum in ista societate esse, et ipse et nos volemus ut cum nobis hoc quaeratis et inveniatis et statuatis et confirmetis atque conservetis...» (c. 12).

Такимъ образомъ, королевская власть подписывала новую хартію. Достойно вниманія, что эта хартія была ей продиктована не народомъ, а вѣрными[1]. Противъ Каролинговъ никогда не поднимался народъ; ихъ единственными противниками были ихъ вѣрные.

[1] Это вытекаетъ почти изъ каждой строки любопытнаго письма; люди, которые его составляютъ, называютъ себя «fideles»; Карла Лысаго они именуютъ «senior noster». Тѣ, къ которымъ они обращаются, — это также вѣрные, жалующіеся на то, что служба ихъ недостаточно оплачивалась (с. 6), и думающіе о томъ, чтобы перейти къ другому сеньору: «Mandat noster senior (Карлъ Лысый) quia si aliquis de vobis est cui suus senioratus non placet et illi simulat ut ad alium seniorem melius quam ad illum acaptare possit» (c. 13). Что эти люди дѣйствительно лишь вѣрные видно изъ того, что Карлъ имъ пишетъ: «Ut memores sitis nutrimenti genitoris eius et sui»; они были «питомцами» Людовика Благочестиваго и Карла (*Walter*, 66; *Pertz*, 448). Онъ говоритъ еще въ другомъ письмѣ: «Et si aliqua pars ex vobis ad eius senioratum et fidelitatem reverti voluerit» (*Walter*, 67; *Pertz*, 449).—Впрочемъ, все это касалось лишь вопроса о раздачѣ земель и должностей и объ удовлетвореніи вожделѣній. Тѣ же вѣрные Нейстріи и Австразіи, примиренные на время хартіей 856 года, снова оставили Карла Лысаго въ 858 году и призвали Людовика Германскаго, настолько мало было развито въ нихъ національное сознаніе; Людовикъ дошелъ до Труа, «ibique distribuit invitatoribus suis comitatus, monasteria, villas regias atque proprietates» (бертинская лѣтопись, 96).—Позже, въ 801 году: «Ad Karolum revertuntur et ab eo honoribus redonantur» (*ibidem*, 106).

Первоначально патронатъ или сеньоратъ связывался только съ одностороннею клятвою: она налагала обязательства на вѣрнаго; сеньоръ не обязывалъ себя. Но потомъ отношенія настолько измѣнились, что въ 858 году мы находимъ въ капитуляріяхъ текстъ уже обоюдной клятвы, которая приносилась королемъ такъ же, какъ и вѣрными. Вѣрные говорили: „По мѣрѣ силъ моихъ съ помощью Божіей, безъ обмана и хитрости я буду вѣренъ вамъ и буду содѣйствовать вамъ совѣтомъ и помощью, чтобы вы сохранили данную вамъ Богомъ королевскую корону и могли управлять согласно волѣ Бога и интересамъ вашихъ вѣрныхъ". Король отвѣчалъ: „И я, по мѣрѣ силъ моихъ, съ помощью Божьею обѣщаю каждому изъ васъ бенефиціи и покровительство, безъ обмана и несправедливости, и сохраню за каждымъ изъ васъ его право, какъ подобаетъ вѣрному королю обезпечивать своимъ вѣрнымъ бенефиціи, покровительство и права; если по слабости человѣческой я уклонюсь отъ своего долга, то постараюсь исправиться" [1]. Такимъ образомъ, обязательство было взаимное, и вѣрность становилась, въ противоположность прежнимъ правиламъ, двустороннимъ (синаллагматическимъ) договоромъ.

Еще важнѣе было, можетъ быть, то, что король отказывался отъ самостоятельной раздачи бенефиціевъ и должностей, которые являлись платой за вѣрность. Въ самомъ дѣлѣ, въ актахъ Карла Лысаго мы замѣчаемъ два часто повторяющихся

[1] *Walter*, Corpus iuris germanici, III, 78 (*Pertz*, 457).

заявленія: первое, что онъ не будетъ отбирать бенефиціевъ иначе, какъ съ согласія и по суду другихъ вѣрныхъ; второе, что онъ будетъ отдавать эти самые бенефиціи не иначе, какъ согласно совѣту вѣрныхъ [1]. Итакъ, послѣдніе образуютъ между собою настоящую ассоціацію, которая сама управляетъ общимъ имуществомъ.

Такъ утратили короли свободное распоряженіе своими доменами [2]. Бенефиціи въ теоріи всегда были отбираемы и пользованіе ими лишь пожизненно. Но короли могли отбирать ихъ лишь по суду самихъ бенефиціаловъ и уступать ихъ новымъ владѣльцамъ лишь съ согласія всего союза. Естественно, что этотъ союзъ пришелъ къ соглашенію, чтобы владѣніе землями сохранялось наслѣдственно въ рукахъ фамилій, изъ которыхъ онъ составлялся. Бенефиціальное владѣніе стало обыкновенно переходить отъ отца къ сыну. Правда, сынъ долженъ былъ получить отъ короля возобновленіе пожалованія; но король уже не могъ отказать въ немъ. Король оставался верховнымъ собственникомъ огромнаго домена; но онъ не имѣлъ права ни пользоваться имъ, ни выбирать тѣхъ, кто

[1] См. *Walter*, стр. 62, 63, 209.

[2] Надо прибавить, что многія земли раздавались королями какъ аллоды, то-есть, въ полную собственность: «In tantum largus ut villas regias tradidit in possessionem sempiternam» (*Thegan*, c. 19).—См. о томъ же *Formulae* éd. Rozière, №№ 141—142: «Perpetuo in proprium concedimus... de nostro iure in illorum ius more solemni transferimus... villas iure proprietario eis ad proprium concedimus».—Много другихъ земель было захвачено владѣльцами и преобразовано въ частную собственность, «in alode adsumptum» (см. капитуляріи 846 года, ст. 20, Walter, III, 23, Pertz, 389).

имъ пользовался. Всѣ пользователи этого домена оставались въ теоріи его вѣрными; но они стали независимы отъ него.

Съ тѣхъ поръ вѣрность, оставаясь теоретически принципомъ повиновенія и дисциплины, почти не приносила дѣйствительнаго повиновенія, по крайней мѣрѣ, во Франціи и при преемникахъ Карла Великаго. Феодализмъ не является уже достаточнымъ средствомъ для управленія. Узы, казавшіяся наиболѣе крѣпкими, порываются; повиновеніе исчезаетъ въ особенности у тѣхъ, которые казались наиболѣе преданными. Каролинги становятся королями безъ подданныхъ, и вся ихъ сила уничтожается.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ.

Какъ короли утратили верховную власть.

Мы видѣли, что Карлъ Великій былъ въ одно и то же время вождемъ вѣрныхъ и монархомъ. Какъ глава вѣрныхъ, онъ держалъ въ рукахъ силу, вытекавшую изъ сеньората; какъ король и императоръ, онъ обладалъ силой государственной верховной власти. Мы говорили, какъ его преемники утратили первую изъ двухъ властей; остается посмотрѣть, какъ отъ нихъ ускользнула вторая.

Аттрибуты верховной власти, называвшіеся на языкѣ X вѣка *regia vel reipublicae potestas* [1], составляли то, что называлось у римлянъ словомъ *imperium*, и что послѣдующія поколѣнія называли регаліями. Они обнимали:

1. Право издавать законы, капитуляріи, декреты или ордонансы [1];

2. Уголовную юрисдикцію; судъ за грабежи, убійства, поджоги, право присуждать къ смертной казни; распоряженіе тюрьмой и висѣлицей [2]; наконецъ, разборъ апелляцій на мѣстные суды [3];

3. Общую полицію въ странѣ и то, что называлось правомъ банна [4].

4. Взиманіе прямыхъ налоговъ, таможенныхъ и дорожныхъ пошлинъ [5].

5. Право мира и войны и сношеніе съ чужими странами, верховное начальствованіе надъ всей военной силой, и привилегію возводить укрѣпленія и крѣпости [6].

6. Право чеканить монету [7].

7. Попеченіе о церкви, то-есть, право созывать соборы, объявлять ихъ постановленія, утверждать выборы [8].

[1] Капитулярій 869 года, ст. 10 (Pertz, 511): «Episcopus regiam nostram vel reipublicae nostrae potestatem adeat».

[1] Ср. выше кн. III, гл. 11.

[2] «Ut comites unusquisque in suo comitatu carcerem habeant et iudices atque vicarii patibulos habeant»; 2-й капитулярій 813 года, ст. 11 (Boretius, 171). Ср. выше, кн. III, гл. 12.

[3] Капитулярій 869 года, ст. 7 (Pertz, 510); капитулярій 884 года (Pertz, 551—553).

[4] Капитулярій 819 года, ст. 1, 2, 4, 5, 9 (Boretius № 136):

[5] Ср. выше, кн. III, гл. 13, § 1.

[6] Запрещеніе имѣть крѣпости, Пистскій указъ 864 года [ср. выше кн. III, гл. 13, § 2].

[7] Пистскій указъ 864 года, ст. 12, Walter, 142 (Pertz, 490), «Constituimus, ut in nullo loco alio in omni regno nostro moneta fiat, nisi..» ст. 14, стр. 143.

[8] Ср. выше, кн. III, гл. 14.

Все это стояло внѣ сеньоріальной власти и выше ея. Ни одинъ изъ этихъ аттрибутовъ не заключался въ той власти, какую давалъ патронатъ сеньору надъ его вѣрнымъ. Онѣ не имѣли никакого отношенія къ вассальству. Онѣ принадлежали нѣкогда римскимъ императорамъ и перешли къ меровингскимъ и каролингскимъ королямъ.

Король осуществлялъ ихъ лично или чрезъ уполномоченныхъ. Лично онъ составлялъ указы; онъ судилъ, онъ командовалъ войскомъ, онъ наблюдалъ за церковными постановленіями.

Его уполномоченными были герцоги и графы. Они осуществляли всѣ королевскія права, каждый въ своей области. Они объявляли указы, требовали исполненія королевскаго банна, отправляли правосудіе, исполняли приговоры, взимали налоги и таможенныя пошлины, руководили чеканкой монеты, командовали войскомъ и охраняли крѣпости [1].

Они обладали этими правами не въ качествѣ сеньоровъ, не въ силу личнаго права, а какъ представители государства. На оффиціальномъ языкѣ IX вѣка они назывались *ministri reipublicae*, то-есть, государственными чиновниками.

Король, для котораго они служили не болѣе какъ орудіями, назначалъ, перемѣщалъ, отставлялъ ихъ; онъ требовалъ отчета обо всѣхъ актахъ ихъ управленія; онъ надзиралъ за ними при помощи особыхъ странствующихъ уполномоченныхъ [2].

[1] См. выше, кн. III, гл. 10.

[2] См. выше, кн. III, гл. 15.

При Карлѣ Лысомъ на графовъ оффиціально смотрѣли еще, какъ на чиновниковъ. Этотъ государь посылалъ еще имъ свои инструкціи, отдавалъ имъ приказанія [1], заставлялъ еще своихъ уполномоченныхъ объѣзжать ихъ провинціи... [2] [До конца своего царствованія онъ не переставалъ на нихъ смотрѣть, какъ на чиновниковъ, отставляемыхъ по его волѣ].

Однако, въ концѣ царствованія Карла Лысаго замѣчаемъ, что въ положеніи графовъ происходила перемѣна. Король не могъ больше ни отставлять, ни даже перемѣщать ихъ; если одинъ изъ нихъ умиралъ, графство надлежало отдать его сыну, какъ наслѣдственное. [Кажется даже, королевская власть усматривала въ такой перемѣнѣ скорѣе преимущество, чѣмъ угрозу ослабленія].

По первому впечатлѣнію рисуется удивительнымъ, что государственныя должности сдѣлались наслѣдственными. Причину этого однако легко усмотрѣть. Графъ не только былъ представителемъ государственной власти, онъ былъ также главою вѣрныхъ, притомъ двоякимъ образомъ.

[1] Пистскій указъ 869 года, ст. 11, Pertz, 511: «Ut comites et missi nostri pacem in suis ministeriis faciant».—Капитулярій 873 года, ст. 2, 5, 6 и др.; Pertz, 519—521.

[2] «*Missi dominici* упоминаются во многихъ капитуляріяхъ Карла Лысаго, въ 853 году (Walter, 42. Ср. Pertz, 423), въ 857 году, (стр. 69; ср. Pertz, 452), въ 860 году (стр. 115; ср. Pertz, 473), въ 862 году, гдѣ они названы «missi reipublicae» (стр. 121; ср. Pertz, 477), въ 864 году (стр. 139; ср. Pertz, 498, ст. 35), въ 865 году, гдѣ видно, что они имѣли право отдавать приказанія графамъ (стр. 160; ср. Pertz, 501), въ 873 году (стр. 181 ср. Pertz, 599), въ 877 году (стр. 212; ср. Pertz, 536), въ 884 году (стр. 230; ср. Pertz, 551—553) и т. д.

Во-первыхъ, ему принадлежало право производить назначенія на всѣ низшія должности; онъ выбиралъ своихъ адвокатовъ, сотниковъ, скабиновъ, судей [1]. Въ то же время, въ качествѣ вознагражденія за должность, онъ владѣлъ многими землями, участки которыхъ раздавалъ низшимъ должностнымъ лицамъ и своимъ агентамъ. По понятіямъ того времени это владѣніе весьма походило на бенефицій, полученный имъ отъ короля [2], точно также и земли, раздававшіяся имъ низшимъ должностнымъ лицамъ, походили на полученные отъ него бенефиціи. Слѣдовательно, онъ могъ себя считать вѣрнымъ по отношенію къ королю, а всѣ

[1] «Ut comes praecipiat suo vicecomiti suisque centenariis» (капитулярій 884 года, ст. 9, Walter, 230, Pertz, 552)—«Ministri comitis» (*ibidem*).—«Ut pravi advocati, vicedomini, vicarii et centenarii tollantur» (2-й капитулярій 805 года, ст. 12, Boretius, № 44, p. 124).—«De advocatis et iudicibus comitum et omnibus publicis actoribus, tales eligantur quales et sciant et velint iuste causas terminare» (3-й капитулярій 805 года, ст. 14; то же ст. 12 у Boretius, то же № 44).—Изъ послѣднихъ двухъ текстовъ вытекаетъ, что всѣ низшія должностныя лица назначались графомъ. Ср. капитулярій 802 года: «Ut comitis... iuniores tales in ministeriis suis habeant in quibus securi confident qui legem adque iustitiam observent» (Boretius, 96, c. 25).

[2] Доходы графа были совершенно той же природы, какъ доходы бенефиціала. Онъ не получалъ жалованья отъ государства; обогащать его должно было его графство и его должность; онъ получалъ долю отъ сбора налоговъ или штрафовъ (обыкновенно одну треть); слѣдовательно, онъ могъ смотрѣть на свою должность, какъ бенефиціалъ на свою землю, то-есть, какъ на подлежащее эксплуатаціи имущество, собственность на которое принадлежала королю, а доходъ, по крайней мѣрѣ часть его, принадлежалъ ему.

должностныя лица его графства были вѣрными по отношенію къ нему [1].

Во-вторыхъ, тѣ же узы патроната устанавливались между графомъ, и населеніемъ графства. Со времени Карла Великаго было разрѣшено, даже предписано, свободнымъ людямъ коммендироваться ему. Онъ жаловалъ бенефиціальныя земли тѣмъ, кто ему коммендировался [2]. Итакъ, съ нимъ заключали договоры вассальной зависимости, и много людей подчинялось ему не какъ представителю государства, а какъ сеньору.

Стало быть, графъ, будучи королевскимъ слугой, являлся въ то же время личнымъ главой многочисленныхъ слугъ, связанныхъ съ нимъ всѣми узами феодализма, державшихъ отъ него должности и бенефиціи, занимавшихъ тѣ и другіе въ силу пожалованія, сдѣланнаго имъ графомъ отъ собственнаго имени.

Предположимъ, что графъ отставлялся королемъ: тогда вся многочисленная группа вѣрныхъ одной провинціи оказывалась отставленною отъ должностей, лишенною средствъ, разоренною. Если король прибѣгалъ даже только къ перемѣщенію графа, и тутъ цѣлой группѣ приходилось искать счастья въ другой мѣстности. Ни одно правительство не могло не отступить передъ смутой, какую бы внесло во все государство перемѣщеніе

[1] Повидимому, графство даже управлялось, нѣкоторымъ образомъ, сообща графомъ и его министеріалами. Кьерсійскій капитулярій 877 года гласитъ: «Qui cum ministerialibus ipsius comitatus comitatum praevideat» (ст. 9, Pertz, 539).

[2] *Praeceptum pro Hispanis* a. 815 (c. 6, Boretius, 262).

нѣсколькихъ сановниковъ. Что касается увольненія графа, то оно являлось неизбѣжнымъ поводомъ къ внутренней войнѣ, такъ какъ почти все населеніе графства было связано съ графомъ самыми крѣпкими узами, санкціонированными клятвой и основанными на матерьяльныхъ интересахъ [1].

Когда графъ умиралъ, къ сыну естественно переходили его богатства, связи съ людьми, ихъ присяжная вѣрность. Онъ получалъ вѣрныхъ, интересы которыхъ были связаны съ его интересами. Населеніе не хотѣло иного графа, чѣмъ онъ, зная, что другой, пришедшій издалека, привелъ бы съ собой своихъ вѣрныхъ и роздалъ бы имъ должности и земли въ данной области [2].

Трудно предположить, чтобы герцоги и графы могли захватить верховную власть въ своихъ герцогствахъ и графствахъ и преобразовать свою должность въ родъ монархіи, если бы общественное мнѣніе не поддерживало ихъ, если бы воля большинства населенія не давала имъ права на захватъ. Причина этого ясна.

Надо вспомнить, что между тѣмъ временемъ, когда люди видѣли въ своемъ графѣ послушнаго королевскаго чиновника, надъ которымъ былъ установленъ контроль, и который могъ быть отставляемъ отъ должности,—и тѣмъ временемъ, когда они уже

[1] Бертинская лѣтопись, 867 года (дѣло Герарда и Егфрида), стр. 171: «Comitatum Bituricum a Gerardo comite abstulit et praefato Acfrido dedit. Sed isdem Acfridus super Gerardum eumdem comitatum evindicare non valuit».

[2] Все это видно изъ средневѣковыхъ романовъ, содержаніе которыхъ, если не форма, относится къ этому времени, особенно изъ «le Garin».

признавали въ немъ государя, лежитъ промежутокъ въ два или три поколѣнія, въ теченіе котораго каждое графство оспаривалось между различными графами; каждый изъ нихъ имѣлъ своихъ подчиненныхъ, свою группу чиновниковъ, бенефиціаловъ, слугъ; въ графствахъ шла тогда война между этими соперничающими сановниками, между различными административными персоналами, вырывавшими другъ у друга выгоды управленія. Такая борьба перевертывала всѣ существованія, истощала силы областей. Скоро у населенія такого графства не должно было остаться другого желанія, кромѣ мира; ему было безразлично, какой у него будетъ господинъ, лишь бы всегда сохранялся одинъ и тотъ же. Ничего оно такъ не боялось, какъ перемѣны. Все его желаніе сводилось къ постоянству власти; при устраненіи возможности соперничества между претендентами по управленію ею, области возвращался миръ и благоденствіе.

Само населеніе пожелало, чтобы графы стали несмѣняемы; по той же причинѣ оно допустило установиться наслѣдственности должностей.

Не вполнѣ вѣрно, что наслѣдственность должностей была насильственно и неожиданно исторгнута у слабости Карла Лысаго. [Она была принята королевской властью, быть можетъ, даже входила въ ея желаніе, какъ показываетъ капитулярій, изданный Карломъ Лысымъ въ 877 году въ Кьерси на Уазѣ. Наслѣдственность должностей дѣйствительно стала неизбѣжной съ того дня, какъ идея государства исчезла изъ умовъ населенія и

изъ умовъ правительства. Даже больше. Дѣло дошло до того, что королевская власть не могла найти этой перемѣны ни дурною, ни опасною. Если Карлъ Лысый цринялъ и призналъ ее] на практикѣ, то ему невозможно было поступить иначе [1]. Графство было устроено такъ, что больше соціальнаго безпорядка открывалось бы отъ подчиненія его непостоянству королевской воли, чѣмъ отъ допущенія его сдѣлаться наслѣдственнымъ достояніемъ особаго правителя. Принципы государственной администраціи не могли долго примиряться съ принципами личной вѣрности. По мѣрѣ того, какъ одержали верхъ послѣдніе, первые должны были затушеваться и исчезнуть.

Съ тѣхъ поръ, какъ король оказался не въ силахъ отставлять графовъ, они стали по отношенію къ нему только вѣрными. Онъ продолжалъ назначать ихъ, но такъ, какъ назначалъ вассаловъ, не выбирая ихъ. Сынъ умершаго графа принужденъ былъ итти къ королю просить графства; король, съ своей стороны, принужденъ былъ соглашаться отдать его.

То же самое происходило внутри каждаго графства: то же независимое положеніе, какое графъ занималъ по отношенію къ королю, приняли по отношенію къ нему его виконты, викаріи, сотники. Онъ продолжалъ ихъ назначать, но послѣ смерти отца онъ принужденъ былъ назначать сына.

[1] См. кьерсійскій капитулярій, ст. 9, 10, и въ *Annuntiatio*, ст. 3; Walter, стр. 210, 211, 215. Съ этой точки зрѣнія были изслѣдованы нами двѣ статьи этого капитулярія въ *Nouvelles Recherches*, 460 и слѣд.

Старая административная лѣстница сохранилась; только всякое назначеніе совершалось въ формѣ коммендаціи и инвеституры; единственною связью между жалователемъ и жалуемымъ, между высшимъ и низшимъ оставались узы вѣрности. Вмѣсто іерархіи должностныхъ лицъ сложилась іерархія сеньоровъ и вассаловъ.

Такимъ то образомъ произошло, что государственная власть, то-есть, совокупность правъ короны сосредоточилась въ рукахъ прежнихъ чиновниковъ какъ наслѣдственныя, патримоніальныя привилегіи. Не смѣшиваясь съ сеньоріей, политическая власть соединилась съ нею. Въ принципѣ она продолжала исходить отъ короля; фактически она осуществлялась людьми независѣвшими отъ короля, на которыхъ онъ не оказывалъ никакого вліянія. Она присвоена была сеньорами, не всѣми, а тѣми, которые происходили отъ старыхъ королевскихъ сановниковъ и продолжали носить званія своихъ прежнихъ должностей. Теперь уже не короли, а герцоги, графы, виконты судили безапелляціонно, чеканили монету, охраняли крѣпости.

Епископы и нѣкоторые аббаты пріобрѣли такую же власть. Уже со времени Меровинговъ они обладали иммунитетомъ, въ силу котораго ихъ помѣстья, ихъ церкви, ихъ люди были освобождены отъ податей и отъ государственнаго суда. Иммунитетныя хартіи возобновлены были каролингскими государями. Карлъ Великій пожаловалъ ихъ многимъ церквамъ [1]. Людовикъ Благочестивый поло-

[1] «Et nullam potestatem iudex publicus fisci nostri super praefatas villas et facultates Sancti Martini habere se recognoscat, sed

жительно расточалъ ихъ. Такія хартіи были составлены въ выраженіяхъ, которыя указывали на формальную уступку государственныхъ правъ [1]. „Мы повелѣваемъ, читается въ нихъ, чтобы никакой чиновникъ не вступалъ въ такія-то помѣстья, разбирать тяжбы, или взимать налоги; мы приносимъ въ даръ этой церкви все, что получала наша казна".

Такое отреченіе отъ власти не ограничивалось одними духовными лицами. Оно распространялось на всѣхъ людей, на рабовъ, колоновъ, зависимыхъ и свободныхъ людей, жившихъ на земляхъ церкви [2]. По отношенію къ цѣлымъ селамъ и округамъ, къ многочисленному населенію, отказывался государь отъ своихъ правъ и передавалъ ихъ епископу или аббату.

de rebus Sancti Martini semper extraneus et remotus sit» (*Praeceptum Caroli Magni pro Turonensi Sancti Martini monasterio*).

[1] «Iubemus ergo ut nullus iudex publicus vel quislibet ex iudiciaria potestate in ecclesias aut loca vel agros memoratae ecclesiae, ad causas iudiciario more audiendas vel discutiendas, vel freda exigenda, aut mansiones vel paratas faciendas, aut fideiussores tollendos, aut homines ipsius ecclesiae distringendos, nec ullas redibitiones requirendas, ullo unquam tempore ingredi audeat... Quidquid vero fiscus exinde sperare poterit, totum nos praedictae ecclesiae concedimus». *Rozière*, № 17 (*Imperiales*, 11, изъ изд. *Zeumer*). Ср. *Rozière*, № 21 (*Imperiales*, 28); послѣдняя формула подтверждаетъ иммунитетъ, дарованный Карломъ Великимъ, первая— Людовикомъ Благочестивымъ.

[2] «Cum rebus et hominibus ad se pertinentibus vel aspicientibus» (*Rozière*, 21 и 22; *Imperiales*, 28 и 13).—«Aut homines ipsorum tam litos quam et ingenuos super terram eorum manentes». (*Praeceptum Ludovici*, apud Walter, II, 396, годъ 834).—Ср. *Rozière*, № 18.—«Tam ingenuos quam et servos super terram ipsius commanentes» (*Rozière*, № 21).

Церковь часто владѣла помѣстьями въ самыхъ отдаленныхъ провинціяхъ; эти помѣстья, равно какъ и всѣ ихъ жители, ускользали изъ подъ власти правителя провинціи; они платили свои подати епископу, какъ бы далеко отъ нихъ онъ ни находился, и отъ него они получали правителей и судей [1].

Иногда даже случалось, что короли приносили въ даръ церкви государственные налоги, платившіеся до тѣхъ поръ областью государю. Есть формула [2], по которой Людовикъ Благочестивый уступилъ епископу дорожную и таможенную пошлину въ цѣлой территоріи. Точно также Карлъ Лысый пожаловалъ сенъ-денисскому аббатству „девять льё вдоль Сены подрядъ, сполна и безъ остатка, такъ что никому, кромѣ аббата, не принадлежитъ тамъ ни высшая, ни низшая юстиція" [3]. Уже Карлъ Великій даровалъ епископу города Плаценціи „всѣ судебныя и другія пошлины, какъ съ вассаловъ, такъ и съ другихъ свободныхъ людей" [4].

Къ еще болѣе важнымъ послѣдствіямъ приводило обыкновеніе каролингскихъ государей пользо-

[1] «In quibuslibet pagis vel territoriis infra ditionem nostri imperii...», *Rozière*, № 18.—Ср. *Rozière*, № 25 (*Imperiales*, 15): «Omnibus comitibus, vicariis... notum sit vobis quia vir venerabilis ille abbas indicavit quod homines memorati monasterii *per diversa loca consistentes in ministeriis vestris* multa praeiudicia et infestationes patiuntur...» (*Rozière*, № 25).

[2] *Rozière*, № 36 (*Imperiales*, 19).

[3] Хроника Сенъ-Дени, III, 65.

[4] «Omnem iudiciariam vel omne teloneum de curte Gusiano tam de arimannia quam de aliis liberis hominibus» (*Muratori*, I, 741); *Savigny*, I, 135.

ваться епископами и аббатами, какъ государственными должностными лицами. Они поручали имъ управлять, судить, надзирать за провинціями. Такіе церковные сановники были уже подобны графамъ. Они и стали дѣйствовать, какъ тѣ. Получивъ государственную власть, какъ представители короля, они сохранили ее для самихъ себя. Они часто заставляли преемниковъ Карла Великаго давать имъ даже титулъ графовъ со всѣми связанными съ нимъ правами. Есть грамота 924 года, по которой одной церкви жалуется „все, что было раньше во власти графа, юстиція, пошлины, монета". Архіепископъ реймсскій, благодаря грамотѣ Людовика IV, сталъ графомъ реймсскимъ. Графская должность въ Пюи пожалована Раулемъ мѣстному епископу. Позднѣе епископъ ланскій получилъ отъ Гуго Капета графство въ этомъ городѣ. Епископъ бовесскій сдѣланъ въ 1015 году графомъ бовесскимъ [1].

Стало быть, епископы, такъ же какъ и прежніе королевскіе чиновники, пріобрѣли права короны, то-есть, все, что принадлежало раньше государственной власти: они разбирали уголовныя дѣла, взимали подати, собирали таможенныя и дорожныя пошлины, чеканили монету, командовали войскомъ вели войны.

Такъ ушла отъ королей государственная власть и распредѣлилась между знатными, слилась со свѣтской или съ духовной сеньоріей.

[1] «Omnia quae ibidem ad dominium et potestatem comitis hactenus pertinuisse visa sunt, forum scilicet, teloneum, monetam» (*Histoire du Languedoc*, II, diplôme 48).—Ср. грамоту короля Рауля 924 года въ пользу епископа пюисскаго (*Championnière*, 168).

Тутъ полезно будетъ замѣтить, что сильная власть, которою обладали сеньоры въ средніе вѣка, происходила отъ королевской власти; она была не чѣмъ инымъ, какъ королевскою властью, раздробившеюся и оставшеюся въ ихъ рукахъ. Такъ феодальная іерархія стала продолженіемъ іерархіи административной.

Но надо, равнымъ образомъ, отмѣтить, что такъ какъ права короны никогда не были формально отняты у королей или упразднены какимъ-нибудь королевскимъ актомъ, такъ какъ они были лишь продолженіемъ королевской власти, такъ какъ въ принципѣ они никогда не переставали принадлежать королямъ и сеньорамъ принадлежали лишь по передачѣ,—то впослѣдствіи королямъ не очень было трудно вернуть ихъ себѣ. Когда они взяли ихъ отъ графовъ и епископовъ обратно, они нашли ихъ неприкосновенными, точно сеньоры въ теченіе четырехъ вѣковъ были лишь вѣрными ихъ блюстителями.

[Надо сдѣлать еще третье замѣчаніе, припомнивъ, какъ государственная власть попала въ руки сеньоровъ. Избытокъ силы государства повлекъ за собою его паденіе]. Одною изъ причинъ торжества феодализма было чрезмѣрное напряженіе монархической власти и исчезновеніе мѣстныхъ вольностей.

Во время римской имперіи центральная власть уже была очень сильна; но она распространялась только на сферу государственнаго управленія: въ области внѣшней политики, финансовъ, высшей юстиціи она обладала полнымъ господствомъ. Въ то

же время однако она сохранила существованіе провинціальныхъ собраній, муниципальныхъ мірковъ, корпорацій купцовъ, церкви, и всѣ эти общества обладали правами самоуправленія. Установилась скорѣе централизація правительства, чѣмъ администраціи.

Паденіе римской имперіи нисколько не способствовало развитію свободъ; наоборотъ, эти независимыя ассоціаціи погибли. Меровингскіе короли были болѣе самодержавны, чѣмъ римскіе императоры; они сохраняли централизацію въ болѣе тѣсныхъ предѣлахъ своего королевства. Провинціальныхъ собраній больше нѣтъ; куріи существуютъ лишь по имени, онѣ теряютъ самоуправленіе; корпораціи уничтожаются или затериваются въ бѣдности и темнотѣ; церкви попадаютъ все больше и больше въ руки власти.

Историческіе памятники не показываютъ, чтобы германцы принесли новыя вольности; мы видимъ въ франкской Галліи не больше народныхъ собраній, чѣмъ во время имперіи; что касается мѣстныхъ *malli*, о которыхъ говорится въ законахъ, то это были судилища королевскаго чиновника, окруженнаго засѣдателями, а не свободныя собранія народа.

Централизація, которую безсильны были удержать Меровинги, была возвращена и возстановлена первыми Каролингами. При Карлѣ Великомъ королевская власть была всемогуща; она не ограничивалась властью народа; не было никакого контроля надъ нею. Она имѣла право на все и дѣлала все. Меровинги не довольствовались ролью верховныхъ правителей, они руководили активно администраціею. Королевскій чиновникъ, герцогъ, графъ, виконтъ, сотникъ, скабинъ, находился вездѣ, вездѣ былъ могущественъ и рядомъ съ нимъ не было ничего. Никакого независимаго учрежденія не существовало. Прочтите капитуляріи, вы не увидите въ нихъ ни народа, ни провинціи, ни муниципія. Существуетъ лишь монархъ, чиновники и населеніе, *populus*; населеніе никогда не собирается иначе, какъ въ присутствіи чиновника, и созывается имъ для полученія его приказовъ или инструкцій. Даже церковь больше не была независимой.

При Людовикѣ Благочестивомъ и Карлѣ Лысомъ вы встрѣчаете тоже всемогущество короля и королевскихъ чиновниковъ. Монархія разбилась въ самый моментъ достиженія ею избытка власти, когда она все, казалось, поставила подъ собою.

Ее разрушили сами ея чиновники. Только они и епископы обладали силою. Они обратили ее противъ королевской власти. Королевская власть была уничтожена не народомъ, не путемъ усилія провинцій и муниципіевъ, ее подорвали только собственные чиновники и уполномоченные ими епископы, которыхъ она также сдѣлала своими органами, и которыхъ пріучила быть политическими вождями.

Чиновникамъ и епископамъ не было даже надобности вести съ нею борьбу; имъ было достаточно перестать повиноваться; монархіи нечего было противопоставить имъ, не было населенія

которое могло бы служить поддержкой; чиновники и епископы стали господами.

Когда мѣстными вольностями пользуется народъ, чиновникъ въ повиновенiи; но когда въ повиновенiи народъ — свободой пользуется чиновникъ.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ.

Почему низшiе классы признали феодальный порядокъ. [1]

Феодальный порядокъ не установился бы, если бы большинство людей хотѣло, чтобы онъ не установился. Королевская власть не лишилась бы управленiя обществомъ, если бы низшiе классы хотѣли продолжать ей повиноваться.

Но въ то время, какъ графы, епископы и всѣ знатные заботились о прiобрѣтенiи подданныхъ для себя, малые и слабые сами шли на-встрѣчу къ такому подчиненiю; они лишали своего повиновенiя королей и отдавали его сеньорамъ.

Движенiе было уже очень замѣтно во время царствованiя Карла Великаго. Этотъ государь указываетъ самъ въ одномъ изъ своихъ капитулярiевъ, что многiе добровольно отказывались отъ положенiя свободныхъ людей, то-есть, подданныхъ короля, чтобы вступить въ духовное сословiе или сдѣлаться вассалами епископа либо аббата [2]. По-

[1] Ср. «Revue des deux mondes», 1874, t. IV.

[2] 2-й капитулярiй 805 года, ст. 15 Boretius, 125): «De liberis hominibus, qui ad servitium Dei se tradere volent... non tam causa devotionis quam exercitu fugiendo».— Ср. *Polyptyque d'Irminon*, 31, № 61.—Ср. капитулярiй 811 года, ст. 4 (Boretius, 164: «Episcopi et abbates dimittunt eorum liberos homines»).

будительной причиной было для нихъ не благочестiе, а желанiе избѣжать воинской службы и всѣхъ другихъ повинностей, налагавшихся государствомъ на свободнаго подданнаго.

Въ другомъ капитулярiи тотъ же государь даетъ замѣтить, какъ опасно было для простыхъ свободныхъ людей оставаться его подданными, и какiе интересы побуждали ихъ стать вассалами сеньоровъ. Въ первомъ случаѣ они оказывались обременены натуральными повинностями, постоемъ, особенно воинской службой; становясь вассалами, они прiобрѣтали, наоборотъ, сильнаго покровителя, защищавшаго ихъ на судѣ и избавлявшаго ихъ отъ государственныхъ повинностей [1].

Карлъ Лысый жаловался на большое число свободныхъ людей, добровольно покидавшихъ положенiе подданныхъ короля и отказывавшихся отъ свободы, чтобы вступить въ число слугъ церкви или сеньора [2].

Иногда самъ графъ, епископъ или аббатъ принуждалъ бѣдныхъ людей отдаваться ему подъ руку. Безъ сомнѣнiя, въ ихъ числѣ встрѣчались люди, силившiеся не попасть въ вассальную зависимость.

[1] 3-й капитулярiй 811 года, ст. 3 (Boretius, 163): «Dicunt etiam, quod quicumque proprium suum episcopo, abbati vel comiti vel iudici vel centenario dare noluerit, occasiones quaerunt super illum pauperem, quomodo eum condempnare possint et illum semper in hostem faciant ire, usque dum pauper factus volens nolens suum proprium tradat aut vendat; alii vero qui traditum habent absque ullius inquietudine domi resideant».

[2] Пистскiй указъ, ст. 28, Walter, 150 (Pertz, 495): «Illi franci qui censum de suo capite ad partem regiam debent, sive ad casam Dei vel ad alterius cuiuscumque servitium se tradunt».

Но ихъ сопротивленіе было безсильно, потому что оно являлось исключеніемъ; большинство или уступало въ концѣ концовъ или съ самаго начала безъ колебаній предпочитало сеньоріальное господство.

Въ предшествующіе вѣка монархія являлась обыкновенно опорою слабыхъ; и въ нихъ она также находила опору. Въ древней Греціи мелкіе монархи, называвшіеся τύραννοι, получали власть отъ низшихъ классовъ и осуществляли ее въ ихъ интересахъ. Въ древней Галліи власть князей также носила демократическій характеръ. Римская имперія не произвела уравненія классовъ, но установила, по крайней мѣрѣ, одинаковое для всѣхъ законодательство и одинаковый судъ. Она признала наличность въ обществѣ нѣсколькихъ слоевъ, но не позволила высшимъ классамъ захватить власть и угнетать низшіе. Она требовала, чтобы всѣ свободные люди, на какой бы ступени соціальной лѣстницы они ни стояли, были непосредственно и исключительно подданными государя.

Политика Римской Имперіи всегда направлялась двумя главными началами: во-первыхъ, покровительствовать слабымъ; во-вторыхъ, дѣйствовать на нихъ непосредственно.

Несомнѣнно, при соціальномъ строѣ Имперіи и при развившемся уже въ ней большомъ неравенствѣ состояній, бѣдные попадали въ зависимость къ знатнымъ, что втягивало ихъ въ рамки патроната. Потому императоры спеціально предписывали своимъ чиновникамъ защищать ихъ. „Оказывать

препятствіе сильнымъ причинять зло слабымъ— долгъ совѣсти правителя провинціи“, говоритъ Ульпіанъ [1]. Константинъ провозглашаетъ впослѣдствіи, что слѣдуетъ особенно пещись объ интересахъ наиболѣе слабыхъ [2]. Въ Дигестахъ можемъ видѣть, отъ какихъ опасностей слѣдовало предохранять ихъ: „Правитель провинціи, говорится тамъ, долженъ бороться противъ незаконно установленныхъ сборовъ, противъ насильственно исторгаемыхъ актовъ продажи, противъ вынуждаемыхъ изъ страха обязательствъ“ [3]. Мы узнаемъ здѣсь три ряда явленій, которыя такъ распространились послѣ Римской Имперіи и толкали слабыхъ и бѣдныхъ къ коммендаціи и вассалитету. Имперія защищала ихъ, пока могла.

Стараясь обезпечить для слабыхъ покровительство государственной власти, законы императоровъ воспрещали и имъ подчиняться личному патронату сильныхъ людей. Они не хотѣли, чтобы знатные брали низшихъ „подъ свою защиту“. „Мы повелѣваемъ отказываться отъ патроната, предписывали нѣкоторые императоры. Земледѣльцы, которые пойдутъ въ кліентелу, будутъ наказаны смертной казнью, а тѣ, кто приметъ ихъ, заплатятъ за каждую уступленную имъ землю штрафъ въ 25 фунтовъ золота“. Они особенно слѣдили за

[1] «Ne potentiores viri humiliores iniuriis adficiant, ad religionem praesidis pertinet» (*Ulpian*. Dig. I, 18, 6).

[2] «Laesis tenuioribus consulatur» (*Cod. Iust*. I, 40, 2, годъ 322).

[3] «Praeses provinciae... illicitas exactiones et violentias factas et extortas metu venditiones et cautiones prohibeat» (*Ulpian*. Dig. I. 18, 6).

тѣмъ, чтобы не отдавалась въ частныя руки сильныхъ земля, и объявляли, что всякая такая земля будетъ конфисковываться. Словомъ, они хотѣли, чтобы слабые не становились подданными сильныхъ и старались сохранить надъ ними покровительство и въ то же время власть государства [1].

То, что было уже трудно при послѣднихъ императорахъ, сдѣлалось невозможнымъ при франкскихъ короляхъ. При Меровингахъ низшіе классы не чувствовали больше ни покровительства, ни власти государства и добровольно искали или насильственно находили убѣжище въ патронатѣ [2].

Каролинги, вообще любившіе подражать и списывать съ римской имперіи, отошли отъ императорской политики въ томъ основномъ пунктѣ, что они не только не воспрещали патроната и кліентелы, называемыхъ въ ихъ время сеньоратомъ и вѣрностью, но, наоборотъ, формально разрѣшали ихъ. Самъ Карлъ Великій призналъ законность личнаго договора, ставившаго одного человѣка во власть другого. Онъ разрѣшилъ свободнымъ людямъ коммендироваться, то-есть, отдавать свое имущество и свою личность и приносить клятву въ вѣрности частному лицу [3].

Этотъ обычай продолжалъ практиковаться при Людовикѣ Благочестивомъ. Карлъ Лысый пошелъ

[1] Ср. Начала феодальнаго строя, гл. 4, § 5.

[2] Ср. выше, кн. IV, гл. 1.

[3] 2-й капитулярій 805 года, ст. 9 (Boretius, 121).—1-й капитулярій 811 года, ст. 4 (Boretius, 161).—2-й капитулярій 813 года, ст. 16 (Boretius, 172).

дальше; онъ потребовалъ, чтобы каждый человѣкъ въ его королевствѣ имѣлъ сеньора и сдѣлался бы вассаломъ [1]. Это не доказываетъ, чтобы государи были ослѣплены и не видѣли, что подобные порядки должны были разрушить ихъ власть; но передъ ними стояли соціальные факты, съ которыми они не могли бороться.

Правда, Карлъ Великій ставилъ свою власть выше сеньоріальной. Онъ требовалъ, чтобы каждый свободный человѣкъ, принося клятву въ вѣрности сеньору, приносилъ такую же клятву королю [2]. Только тутъ скрывалось противорѣчіе. Обязанности вѣрности были настолько суровы, настолько неограничены, онѣ устанавливали такое полное подчиненіе всего человѣка, что было внутренно невозможно являться одновременно вѣрнымъ государя и вѣрнымъ сеньора. Надо было выбирать то или другое.

[1] «Volumus ut unusquisque liber homo in nostro regno seniorem qualem voluerit in nobis et in nostris fidelibus accipiat» (капитулярій 847 года, ст. 2, Pertz, 395).—«Ut nullus (eorum) qui liberi homines sunt in nostro regno immorari vel proprietatem habere permittatur nisi fidelitatem nobis promiserit et noster aut nostri fidelis homo deveniat» (капитулярій 865 года, ст. 4, Pertz, 501).—Ср. капитулярій 873 года, ст. 5 и 6 (Pertz, 520).

[2] 2-й капитулярій 805 года, ст. 9 (Boretius, 124). Ср. капитулярій 873 года, ст. 6 (Walter, III, 56, Pertz, 520).—Карлъ какъ будто думалъ, что чѣмъ лучше вассалъ будетъ повиноваться своему сеньору, тѣмъ лучше онъ будетъ повиноваться и королю. «Ut unusquisque suos iuniores distringat ut melius ac melius obaediant et consentiant mandatis imperialibus». Такъ гласитъ 1-й капитулярій 810 года, ст. 17 (Boretius, 153). Это было возможно лишь постольку, поскольку бы продолжали оказывать королю повиновеніе сами сеньоры.

Нельзя сомнѣваться, что низшіе классы предпочли бы повиноваться государю, если бы они чувствовали себя защищаемыми имъ. Они не подпали бы сеньоріальной власти, если бы королевская могла поддерживать ихъ простирая до нихъ руки. Карлъ Великій понималъ это, потому онъ много разъ повторяетъ въ своихъ капитуляріяхъ, что хочетъ защищать слабыхъ: „Пусть вдовы, сироты и всѣ слабые люди живутъ въ мирѣ подъ нашей защитой и пусть права ихъ не нарушаются", говоритъ онъ [1]. Онъ предписываетъ императорскимъ посланцамъ защищать особеннымъ образомъ бѣдныхъ [2]. Онъ разрѣшаетъ имъ вмѣшиваться въ отношенія сеньора къ его вѣрнымъ. „Если они узнаютъ, говоритъ онъ имъ въ своихъ инструкціяхъ, что не было оказано правосудія бѣдному, они должны обратиться къ сильному человѣку и дважды потребовать отъ него оказанія правосудія; если оба вызова безрезультатны, они силою добьются, чтобы бѣдный получилъ принадлежащее ему по праву" [3]. Всякому понятно, какъ рѣдко должно было осуществляться

[1] «Ut ecclesiae, viduae, orfani, vel minus potentes pacem rectam habeant», ст. I въ *capitula ad Legem Baiuvariorum addita* (Boretius, 157).—«Ut viduae, pupilli per bannum regis pacem habeant» (2-й капитулярій 813 года, ст. 2, Boretius, 171.

[2] 3-й капитулярій 810 года, ст. 3, Boretius, 155.

[3] «Quando iustitiam pauperibus facere iusserint, semel aut bis praecipiant ut iustitia fiat. Tertia vice, si nondum factum est, ipsi pergant ad locum et ad hominem qui iustitiam facere noluit et cum virtute tollant ab eo quod iniuste alteri tulit et reddant illi cuius per iustitiam esse debuit». 3-й капитулярій 810 года, ст. 3 (Boretius, 155).

подобное вмѣшательство, какъ оно оказывалось недѣйствительно, безсильно. Такія инструкціи только раскрываютъ глубину зла, но врядъ ли могли онѣ его излѣчивать.

Другой капитулярій показываетъ, какъ мало надеженъ былъ для слабаго судъ королевскихъ чиновниковъ. „Сильный человѣкъ, читаемъ мы въ немъ, которому противится отдать себя и свою землю бѣдный, всегда находитъ способъ заставить осудить его" [1].

Относительно эпохи Карла Великаго легко впасть въ заблужденіе. Такъ какъ слѣдующія за нею поколѣнія были безмѣрно несчастливы, то они представили себѣ его царствованіе эпохой внутренняго мира, порядка и благополучія [2]. Но есть законодательные акты Карла Великаго, въ которыхъ онъ самъ позволяетъ замѣтить, съ какими безпорядками онъ долженъ былъ бороться. Въ одномъ капитуляріи говорится: „Свободные люди не должны быть принуждаемы графами работать на ихъ лугахъ, убирать ихъ хлѣбъ, пахать или собирать для нихъ виноградъ" [3]. „Ни одинъ человѣкъ не долженъ осмѣливаться собственной властью устанавливать новыя проѣздныя пошлины

[1] 3-й капитулярій 811 года, ст. 3 (Boretius, 165).

[2] «Temporibus bonae recordationis Magni Caroli pax atque concordia ubique erat, ubique abundantia atque laetitia» (*Nithard*. IV, 7). Однако въ капитуляріяхъ Карла Великаго часто упоминается о голодѣ, говорится объ общественной нищетѣ.

[2] «Ut liberi homines nullum obsequium comitibus faciant nec vicariis neque in prato neque in messe neque in aratura aut vinea, excepto servitio quod ad regem pertinet». 5-й капитулярій 803 года, ст. 17 (Boretius, стр. 144, № 57, ст. 2).

на дорогахъ или рѣкахъ", пишетъ онъ въ другомъ мѣстѣ [1].

Происходили и другого рода несправедливости. „Мы не желаемъ, пишетъ Карлъ Великій, чтобы свободные бѣдные люди были угнетаемы сильными; мы не желаемъ, чтобы въ силу обмана или несправедливости они были принуждаемы продавать или отдавать свои небольшія владѣнія" [2]. Здѣсь видимъ, что мелкому собственнику часто приходилось уступать свои права болѣе богатому или болѣе сильному человѣку; онъ продолжалъ жить на своей прежней землѣ, но лишь какъ пользователь, и тогда, какъ говоритъ Карлъ Великій, „лишеннымъ наслѣдства сыновьямъ его не оставалось иного выхода, какъ стать нищими или ворами" [3].

Въ 811 году до слуха государя достигло множество жалобъ со стороны того класса людей, который называли „бѣдными". Мы должны понимать, что это не тѣ бѣдные люди, которымъ даютъ это названіе въ современныхъ обществахъ. Эти бѣдные стояли выше рабовъ, выше пролетаріевъ и колоновъ, они являлись мелкими собственниками; они владѣли однимъ или нѣсколькими мансами, нѣсколькими рабами для ихъ обработки;

[1] 5-й капитулярій 803 года, ст. 22 (Boretius, № 57, ст. 7).

[2] «De oppressione pauperum liberorum hominum, ut non fiant a potentioribus per aliquod malum ingenium contra iustitiam oppressi ita ut coacti res eorum vendant aut tradant». 2-й капитулярій 805 года, ст. 16 (Boretius, 125).

[3] «Ideo haec de liberis hominibus diximus ne forte ipsi heredes propter indigentiam mendici vel latrones efficiantur». 2-й капитулярій 805 года, ст. 16 (Boretius, 125).

эти люди, которые оказались бы почти состоятельными въ нашихъ демократическихъ обществахъ, были въ самомъ дѣлѣ бѣдны и слабы при соціальномъ строѣ того времени. Всего больше терпѣли они; они не обладали обезпеченіемъ колона и серва, которыхъ охранялъ ихъ могущественный господинъ. Ихъ свобода и ихъ имущество подвергались ежедневной опасности. „Бѣдные вопіютъ къ намъ, что у нихъ отбираютъ ихъ владѣнія, говоритъ Карлъ Великій. Если кто изъ нихъ отказывается отдать свою землицу, то сильные находятъ тысячу способовъ, чтобы притѣснить его судомъ, или разорить его, отягощая его свыше мѣры воинской службой такъ, что волей-неволей заставляютъ его продать или отдать то, что онъ имѣетъ" [1].

Государственная власть должна бы была защищать этихъ людей, но, наоборотъ, именно носителей власти, то-есть, графовъ, викаріевъ, сотниковъ, епископовъ и аббатовъ эти люди постоянно обвиняли въ томъ, что они грабятъ ихъ [2]. Карлу Великому пришлось издать слѣдующій странно звучащій приказъ: „Воспрещаемъ нашимъ

[1] «Pauperes se reclament expoliatos esse de eorum proprietate... Dicunt etiam quod quicumque proprium suum episcopo, abbati, vel comiti aut iudici vel centenario dare noluerit, occasiones quaerunt super illum pauperum quando eum condempnare possint et illum semper in hostem faciant ire usque dum pauper factus volens noens suum proprium tradat aut vendat». 3-й капитулярій 811 года (Boretius, 165).

[2] «Et hoc aequaliter clamant super episcopos et abbates et eorum advocatos et super comites et eorum centenarios». 3-й капитулярій 811 года (Boretius, 165).

должностнымъ лицамъ обманнымъ образомъ покупать земли бѣдныхъ или силою отнимать ихъ" [1]. Вступая на престолъ, Людовикъ Благочестивый повелѣлъ произвести общiй обзоръ положенiя государства, и тогда было установлено, „что невѣроятное множество людей угнетено, лишено имѣнiй, лишено свободы" [2]. Итакъ, монархiя Карла Великаго, при всемъ ея кажущемся могуществѣ, неспособна была защитить слабыхъ. При преемникахъ Карла Великаго мы не встрѣчаемъ такихъ жалобъ потому, что люди перестали просить, такъ какъ потеряли надежду быть услышанными.

[1] «Ut comites vel vicarii seu iudices aut centenarii sub mala occasione vel ingenio res pauperum non emant nec vi tollant». 1-й капитулярiй 813 года, ст. 22 (Boretius, 174). Ср. *Lehuerou*, стр. 509, № 3.

[2] «Qui egressi invenerunt innumeram multitudinem oppressorum aut ablatione patrimonii aut exspoliatione libertatis; quod iniqui ministri, comites et locopositi per malum ingenium exercebant. Omnia princeps destruere iussit acta quae impie in diebus patris sui per iniquorum ministrorum ingenia facta fuerant. Patrimonia oppressis reddidit, iniuste ad servitium inclinatos absolvit» (*Thegan.* 13).—Ср. что пишетъ императору Алькуинъ (*Gérard*, II, 336).— Людовикъ Благочестивый въ актѣ 816 года, составленномъ для Испанiи, указываетъ на безпорядки, два раза повторявшiеся, вѣроятно, по всей имперiи. Онъ говоритъ, что ему жалуются на двѣ вещи: «Hi qui inter eos maiores et potentiores erant... eos qui inter illos minores et infirmiores erant, loca tamen sua bene excoluisse videbantur, aut penitus ab eisdem locis depellere aut sibi ad servitium subiicere conati sunt... Alterum est quod... ad comites sive vassos nostros vel etiam ad vassos comitum se commendaverunt, et ad habitandum atque excolendum deserta loca acceperunt: quae ubi ab eis exculta sunt, ex quibuslibet occasionibus eos inde expellere et ad opus proprium retinere aut aliis propter praemium dare voluerunt». См. второе *praeceptum pro Hispanis*, 816 (Boretius, 263).

Всѣ безпорядки усилились. „Въ то время", говоритъ лѣтописецъ о царствованiи Людовика Благочестиваго, „королевство франковъ было покрыто разоренiемъ, и нищета людей со дня на день увеличивалась" [1]. Нѣсколько хроникеровъ показываютъ, что шайки разбойниковъ наводняли страну [2]. Большинство знатныхъ, игравшихъ роль въ исторiи Каролинговъ, являлись предводителями вооруженныхъ отрядовъ [3]. Каждый изъ нихъ имѣлъ свое войско, а король оставался безъ вооруженныхъ силъ. Они обладали могуществомъ, которое, смотря по желанiю, могло угнетать или оказывать покровительство, а король не располагалъ никакими средствами, чтобы требовать повиновенiя или оказывать покровительство.

Тогда произошло то, что происходило при подобныхъ обстоятельствахъ всегда и повсемѣстно. Слабый человѣкъ, не находившiй поддержки государственной власти, просилъ поддержки сильнаго, частнаго сеньора и, какъ указывалъ еще Цезарь о гал-

[1] «Eo tempore regnum Francorum infra semetipsum valde desolatum est et infelicitas hominum multipliciter quotidie augebatur (*Annales Xantenses*, a. 834, Pertz, II, 226) ...et multis modis miseria et calamitas hominum quotidie augebantur» (*ibidem*, a. 838).

[2] «Praecepit ut missi per singulos comitatus irent qui immanitatem praedonum et latronum quae inaudita emerserat cohiberent». *Vita Ludovici*, 53.—«Ubique rapinae et omnigena mala se inserebant». *Nithard*. IV, 7.—«Vastante passim cuncta raptore». Бертинская лѣтопись, 843 годъ, стр. 54.

[3] «Quia iam paene nullus qui suis iustisque stipendiis ducat post se milites, sed de rapinis et violentiis, quod Naso ille (Бернардъ изъ Септиманiи) spurcissimus omnium primus docuit et ad finem usque semper publicus praedo vixit». *Vita Walae*, Mabillon, Acta ordinis sancti Benedicti, IV, 510 (Himly, 150).

лахъ, отдавалъ себя одному изъ знатныхъ, чтобы не быть во власти ихъ всѣхъ. Договоры патроната, коммендаціи или вѣрности умножились. Чтобы жить въ мирѣ, люди становились кліентами, вѣрными, вассалами. Люди чувствовали себя брошенными королевской властью, и они сами оставляли ее и ввѣряли себя графу или епископу, котораго дѣлали своимъ сеньоромъ, то-есть, своимъ покровителемъ и господиномъ.

Потомъ начались набѣги норманновъ. Норманны, прогоняемые изъ сѣверныхъ странъ голодомъ и усобицами, представляли изъ себя жалкія шайки пиратовъ. Ихъ малочисленность и зло, какое они нанесли, удивляютъ насъ. Какимъ образомъ, спрашиваемъ мы себя, галло-римское общество могло стать сразу настолько слабымъ, чтобы не сумѣть дать отпора подобнымъ врагамъ. Нѣкоторые хроникеры той эпохи приписывали такое крайнее безсиліе фонтанетскому сраженію, во время котораго была какъ бы выточена вся кровь воиновъ. Вѣроятно, гораздо больше ослабила общество утрата всякой соціальной дисциплины и царившій въ немъ постоянный раздоръ.

Оно было тогда безсильно защищаться отъ давленія бѣдныхъ и мелкихъ племенъ. Норвежцы, датчане, венгры, сарацины, всѣ, искавшіе добычи, всѣ, кто были алчны и сколько-нибудь храбры, бросились на него. И это большое дезорганизованное тѣло не сумѣло ни дать отпора ничтожнымъ противникамъ на границахъ, ни выставить противъ нихъ войска. Враги нападали со всѣхъ сторонъ сразу. Ихъ было немного; но такъ какъ они передвигались съ мѣста на мѣсто, то казались многочисленными; ихъ встрѣчали повсюду, и они выростали какъ бы въ большія массы [1]. Африканцы разграбили Римъ, Италію, Провансъ. Славяне и венгры опустошили Германію, дошли до Бургундіи. Норвежцы и датчане разорили Францію. Они пріѣзжали на лодкахъ, поднимались по Рейну, по Сенѣ или Луарѣ, сжигали города, увозили золото, уничтожали жатвы, убивали крестьянъ или уводили ихъ рабами. „Въ это время“, говоритъ лѣтописецъ, „норманны не переставали убивать или обращать въ рабство христіанскій народъ, разрушать церкви, уничтожать города, сжигать селенія. Повсюду лежали трупы духовныхъ и міранъ, благородныхъ и неблагородныхъ, женщинъ и дѣтей. Нѣтъ ни одного мѣста, ни одной дороги, гдѣ бы не было мертвыхъ. Горько было видѣть, какъ истребляютъ христіанскій народъ“ [2]. „Одинъ разъ норманны покинули Францію, говоритъ лѣтописецъ, потому что не находили тамъ больше, чѣмъ жить“.

Дѣло было не въ томъ, чтобы населеніемъ овладѣло малодушіе. Хроникеры часто упоминаютъ объ актахъ храбрости во всѣхъ классахъ. Короли, тѣ самые короли Каролинги, которыхъ предста-

[1] Даже греческіе пираты разграбили въ 848 году Марсель и безнаказанно удалились. Бертинская лѣтопись, 848 годъ.

[2] «Nortmanni non cessant captivari atque interfici populum christianum atque ecclesias subrui, destructis moeniis et villis crematis. Per omnes plateas iacebant cadavera clericorum, laicorum, nobilium atque aliorum, mulierum, iuvenum et lactentium. Non erat via vel locus quo non iacerent mortui. Et erat tribulatio omnibus et dolor, videntes populum christianum usque ad internecionem devastari». Лѣтопись св. Вааста, 884 годъ, стр. 318.

вляютъ себѣ беззаботными, забывающими свой долгъ, были, наоборотъ, очень дѣятельны, очень быстро готовы сражаться. Мы всегда ихъ видимъ въ движенiи, спѣшащими отъ одной границы къ другой, чтобы отразить непрiятеля; они не знаютъ отдыха; Карлъ Лысый самъ всегда былъ съ мечомъ въ рукѣ [1]. Знатные также проявляли храбрость; въ лѣтописяхъ можно перечесть всѣхъ тѣхъ, кто пытался бороться, кто защищалъ города, кто нападалъ врасплохъ на непрiятеля, обращалъ его въ бѣгство или самъ отдавалъ свою жизнь [2]. За оружiе берутся даже крестьяне. Они мужественно защищютъ свою землю. Населенiе Пуату обращаетъ въ бѣгство норманновъ; населенiе территорiи между Сеной и Луарой поклялось отразить датчанъ; но когда на нихъ нападаютъ лучше вооруженные люди, они могутъ лишь дать убить себя [3].

[1] Бертинская лѣтопись, стр. 67, 95, 109, 149, 234, 286.

[2] Герцогъ Бургундiи Рихардъ освобождаетъ осажденный городъ Шартръ; *Bouquet*, VIII, 302.—Графъ Гиссилульфъ, *advocatus* флерiйскаго монастыря, разбиваетъ норманновъ близъ Луары при Карлѣ Простомъ. *Bouquet*, VIII, 301.—«Robertum Andegavensium comitem et Raynulphum Pictavensium et alios multos generosae stirpis viros qui patriae terminos armis tuebantur» (875 годъ, *ex Chronico Namnetensi*, Bouquet, VII, 220).—Въ 863 году «Turpio comes, miles fortissimus defensorque optimus, cum Normannis congreditur» (*ex Chronico Engolismensi*, Bouquet, VII, 222).—«Vulgrinus comes Egolismae multis praeliis laboravit cum Normannis» (*Chronicon Ademari*, Bouquet, VII, 227).—«Dux Arnaldus saepius cum barbaris certaverat multos interficiens» (*Historia translationis Sanctae Faustae*, Bouquet, VII, 344).

[3] Бертинская лѣтопись, стр. 97—98: «Vulgus promiscuum («простонародье страны») inter se coniurans adversus Danos fortiter resistit; sed quia incaute sumpta est eorum coniuratio (собравшееся множество, которымъ руководили безъ искусства, безъ осторожности, быть можетъ, которое осталось безъ предводителей, безъ хорошаго оружiя), a potentioribus nostri facile interficiuntur» (наши крестьяне перебиты лучше вооруженными и болѣе сильными, чѣмъ они, завоевателями).—Въ рукописяхъ стоитъ «a potentioribus nostris interficiuntur», что заставило переводчиковъ предположить, что эти крестьяне были истреблены соотечественниками, сеньорами. Ученый издатель аббатъ *Dehaisnes* полагаетъ, что слѣдуетъ читать «nostri». Дѣйствительно, это единственное возможное толкованiе; слово «potentiores» никогда не употребляется бертинскимъ лѣтописцемъ для обозначенiя знатныхъ страны, и это слово можетъ лишь обозначать завоевателей; впрочемъ, достаточно прочитать весь отрывокъ, чтобы убѣдиться, что здѣсь не можетъ быть рѣчи о борьбѣ между крестьянами и сеньорами. Это было бы настолько важнымъ событiемъ, что лѣтописецъ разсказалъ бы о немъ опредѣленнѣе.

Итакъ въ храбрости недостатка нѣтъ, каждый дѣлаетъ, что можетъ. Но общество можетъ себя отстоять не храбростью, а единенiемъ и дисциплиной. Частныя силы должны быть сгруппированы для того, чтобы образовать силу государственную. Этого то и недоставало въ IX вѣкѣ всего болѣе. Королевская власть существовала лишь по имени; не имѣя ни собственныхъ регулярныхъ войскъ, ни своихъ крѣпостей, ни правильной администрацiи, ни обезпеченнаго повиновѣнiя, она была неспособна защитить населенiе.

Главнымъ послѣдствiемъ норманнскихъ набѣговъ было то, что слабость королевской власти стала для всѣхъ очевидной. Они оказались той пробой, по которой стали судить о ней [1]. Люди не спраши-

[1] «Expediam summatim quantum tempora nostra sunt moestifica; regna, olim gloriosa, nunc ingloria; principum virtus ac po-

вали, кто виновенъ въ этой слабости. Они не подумали о томъ, что должны бы были соединиться вокругъ королевской власти и вернуть ей силу. Не въ моментъ опасности и не передъ лицомъ непріятеля мѣняется соціальный строй. Люди чувствовали одно, что королевская власть не защищаетъ ихъ. Они бы хотѣли видѣть ее вездѣ,—такъ какъ враги показывались вездѣ,—но не замѣчали ее почти нигдѣ. Они упрекали ее за то, что она не защищаетъ ихъ, почти обвиняли ее въ измѣнѣ.

Такое чувство, испытанное поколѣніями IX вѣка, оставило глубокіе слѣды въ преданіяхъ и предубѣжденіяхъ послѣдующихъ поколѣній. Они запечатлены въ поэзіи XII вѣка. Робертъ Васъ въ *Roman de Rou*, безъ сомнѣнія, передаетъ мысли людей, угнетенныхъ и разоренныхъ норманнами, когда заставляетъ ихъ говорить королю Франціи:

Que faiz tu? que demures? que penses, que atenz?
Ne tu ne nus quiers paiz, ne tu ne nus defenz [1].

Королевская власть была такъ могущественна въ эпоху Карла Великаго, она такъ сильно поразила воображеніе людей, что люди не могли понять, почему она не защищаетъ ихъ больше и приписывали ей свои несчастья:

Virent le gentil regne a grant hunte aturné;
Al rei Challun le Simple en unt merci crié
Que il prenge cunrei de Crestienté;

tentia quam infirma». *Vita S. Faronis,* auctore Hildegario Mildensi episcopo regnante Carolo Calvo (Bouquet, VII, 356).

[1] *Roman de Rou*, v. 4215 [édit. Andresen].

Veient les mustiers ars è le pueple tué
Par defalte del rei è par sa fiebleté [1].

Напрасно возражалъ имъ король, что онъ одинъ:

Ne ne puis par mei sul Rou ne Normanz chacier;
Jeo ne sui qu'uns suls hom a beiure è a mangier;
Jeo ne puis d'un sul cors cuntre tuz esforcier,
Que puet faire uns suls hom è que puet espleitier,
Se li hume li faillent ki li deivent aidier?

Всего меньше прощаютъ люди королямъ слабость. Отсюда такъ явно обнаружившееся нерасположеніе къ Каролингамъ. Такъ какъ они не являлись больше защитниками, то ихъ перестали любить и въ то же время бояться.

Въ природѣ человѣческой живетъ инстинктивная потребность повиноваться. Когда власть исчезаетъ, человѣкъ прежде всего ищетъ, какой другой власти ему подчиниться. Когда перестали повиноваться королю, показалось естественнымъ повиноваться тому, отъ кого держали землю.

Взоры и надежды всѣхъ обратились къ сеньорамъ. Относительно ихъ были увѣрены, что ихъ можно найти въ минуту опасности. Не надо было ожидать, когда они придутъ издалека, или опасаться, что они заняты въ другомъ мѣстѣ, ибо они жили въ той самой области или въ томъ самомъ округѣ, которому грозила опасность. Интересы очевиднымъ образомъ соединяли графа и населеніе графства; нива земледѣльца была собственностью графа; онъ защищалъ ее, какъ собственное свое имущество; какъ бы ни были люди

[1] *Ibidem*, v. 1068 ss.

недовѣрчивы въ своихъ бѣдствіяхъ, имъ не могло притти въ голову обвинить своего непосредственнаго сеньора въ беззаботности или въ измѣнѣ. Когда онъ побѣждалъ, ему были благодарны; когда онъ былъ побѣжденъ, знали, что онъ самъ страдалъ больше, чѣмъ кто либо. Онъ одинъ былъ хорошо вооруженъ и имѣлъ сколько нибудь хорошихъ воиновъ; онъ одинъ заботился обо всѣхъ; былъ ли онъ сильнымъ или слабымъ, онъ былъ единственнымъ защитникомъ, единственной надеждой. Жатва, виноградникъ, хижина, все погибало съ нимъ или было спасено благодаря ему.

Въ эту именно эпоху были главнымъ образомъ сооружены первые замки. Они всегда появлялись во времена смуты и соціальной опасности. Новыя укрѣпленія возникли въ концѣ римской имперіи; при Меровингахъ города были обнесены стѣнами. Долгій внутренній миръ, которымъ пользовались при Пиппинѣ Короткомъ и при Карлѣ Великомъ, заставилъ исчезнуть стѣны и укрѣпленные замки [1]. Королевская власть, взявшая на себя заботу защищать территорію, была въ правѣ воспретить укрѣпляться частнымъ лицамъ и городамъ. Это запрещеніе встрѣчается еше въ капитуляріяхъ Карла Лысаго [2]; но видно, что люди перестали съ

[1] Были однако замки при Пиппинѣ Короткомъ: «In castellis ab avo nostro conquisitis», говоритъ Людовикъ Благочестивый въ капитуляріи 819 (или 820 года), ст. 7 (Boretius, ст. 2, стр. 296).

[2] «Et volumus et expresse mandamus ut quicumque istis temporibus castella et firmitates et haias sine nostro verbo fecerunt, omnes tales firmitates disfactas habeant»; Пистскій указъ 864 года. Онъ поручилъ графу уничтожить крѣпости: «Comites in quorum comitatibus factae sunt, eos disfaciant» (*Pertz*, 499).

нимъ считаться. Города возстановили стѣны; аббатства укрѣпились; сеньоры выстроили крѣпкія башни [1].

Спустя шесть вѣковъ сеньорьяльныя укрѣпленія вызывали лишь ненависть у людей. Въ моментъ ихъ возникновенія люди относились къ нимъ съ любовью и благодарностью. Укрѣпленія были созданы для нихъ, а не противъ нихъ. Они были тѣмъ возвышеннымъ постомъ, съ котораго наблюдалъ и подстерегалъ непріятеля ихъ защитникъ. Они были надежнымъ складочнымъ мѣстомъ для ихъ урожая и имущества; въ случаѣ набѣговъ они служили убѣжищемъ для ихъ женъ, дѣтей, для нихъ самихъ. Всякій замокъ былъ спасеніемъ для окружающаго края.

Современныя поколѣнія уже не знаютъ, что такое опасность. Они не знаютъ, что значитъ каждый день дрожать за свою жатву, за годовой запасъ, за хижину, за жизнь, за жену и дѣтей. Они не знаютъ, въ какое состояніе погружается душа подъ гнетомъ такого страха, и когда страхъ длится восемьдесятъ лѣтъ подрядъ. Они не знаютъ, что значитъ потребность быть спасеннымъ.

Сеньорамъ было отдано все. Для нихъ было все забыто. Населеніе не думало ни о короляхъ, которыхъ не видѣло, ни о вольностяхъ, съ которыми бы не знало, что дѣлать. Повиновались тѣмъ, кто защищалъ. За безопасность шли въ подчиненіе. Образовались тысячи и милліоны договоровъ между каждымъ участкомъ поля и вооруженнымъ

[1] См. цитаты у *Lehuërou*, стр. 613.

вождемъ, который его защищалъ, между каждой человѣческой жизнью и воиномъ, которому люди были обязаны ея охраною.

Тогда установилось то, что люди называли „правомъ спасенія", „правомъ охраны", *droit de sauvement, droit de garde* [1]. Мелкіе собственники, земледѣльцы, всѣ, кто былъ еще свободенъ, но нуждался въ защитѣ отъ чужестраннаго захватчика или сосѣдняго притѣснителя, обратились къ „воину" и заключили съ нимъ договоръ. Условились, что онъ будетъ „спасать" и „охранять" земледѣльца, его семью, его домъ, его урожай и имущество, а съ другой стороны земледѣлецъ будетъ оплачивать это покровительство денежнымъ поборомъ и повиновеніемъ [2].

„Мы добросовѣстно обѣщаемъ, охранять васъ и ваше имущество, какъ надлежитъ дѣлать до-

[1] См. еще *tutela terrae*, въ «Cartulaire de Saint-Père» p. 252.— *Duodecim denarios de garda* (L. Delisle, p. 61).

[2] «Свободные люди изъ Волена (въ нынѣшнемъ швейцарскомъ кантонѣ Ааргау), полагая, что Гонтранъ, человѣкъ могущественный и богатый, будетъ для нихъ добрымъ и милостивымъ господиномъ, отдали ему свои земли подъ условіемъ, что они будутъ мирно пользоваться имъ подъ его покровительствомъ и защитой, платя ему законную повинность». *Guérard*, Polyptique d'Irminon, 218.—Церковь оказывала иногда такое же покровительство, какъ сеньоры. Значитъ, можно было отдаваться подъ покровительство церкви: «Tali conditione ut, si ibi fieret salvatio, omnes qui ibi ad manendum venirent, ceterique qui se sub ditione ipsius salvationis ponerent, quisque pro domo sua sive cellario censum sancto Petro, tres aut duos denarios singulis annis redderent». См. исторію Кондомскаго аббатства, *Ducange*, VI, стр. 47, 2.—«In festo Sancti Bartholomaei persolvunt homines salvamentum suum»; *Tabularium S. Germani Fratensis*, *Ducange*, VI, стр. 49, 2.

брому хранителю и сеньору" [1], говорилъ воинъ. „Мы принимаемъ васъ подъ наше спасеніе и защиту" [2]. Земледѣлецъ съ своей стороны признавалъ „что онъ былъ подъ покровительствомъ и опекой сеньора [3]. Первый становился „спасителемъ" (такое названіе давали ему въ нѣкоторыхъ провинціяхъ [4]), второй „спасаемымъ" и покровительствуемымъ [5]. Территорія или округъ, который подлежалъ защитѣ сеньора, назывался *salvamentum* [6] и такъ же называлась повинность, платимая ему за его защиту [7].

Денежный сборъ опредѣлялся, обыкновенно,

[1] «Promittimus bona fide vos et vestra temporalia rationabiliter et benigne gardare tanquam bonus garderius et superior vester dominus» (грамота 1283 года, *Baluze*, Histoire de la maison d'Auvergne, II, 300; *Ducange*, VI, стр. 907, 2).

[2] «Recipimus in nostra salvatoria et securitate (et) protectione» (хартія 1202 года, *Ducange*, VI, стр. 49, 2).—«Recipimus in defensione nostra et salvosa» (*Ducange*, VI, стр. 51, 1).

[3] «Confitetur esse sub protectione et garda domini de Franchelins» (*Ducange*, III, стр. 580, 2).

[4] «Hugo qui pro salvamento Crilliacensis villae salvator dicebatur». *Chronicon Besuense*, Ducange, VI, p. 49, 1.—«In terris et nemoribus Sancti Hilarii de quibus Gibaudus tunc salvator erat» (хартія 1166 года, *Ducange*, VI, стр. 49, 2).

[5] Они назывались еще *munborati*. Въ полиптихѣ аббата Ирминона читаемъ, что нѣкій Адальбертъ, человѣкъ свободный, сдѣлался *munboratus* аббатства; его жена и дѣти стали, благодаря этому, подданными аббата. XII, 9, стр. 124.

[6] *Ducange*, VI, 47, 2.—«Salvamentum hominum Sancti Petri qui sunt in castro illo vel in villis in circuitu castri» (*Hugues de Flavigny*, Ducange, VI, p. 46, 3).

[7] «Ex causa protectionis seu salvesio constituo domino Raymundo comiti annuum censum, videlicet sex solidos». Хартія 1240 года, *Ducange*, VI, p. 49, 3.

договоромъ. „Благородный мужъ Гумбертъ обязанъ охранять и защищать людей сенъ-жерменской шателеніи; мы же обязываемся уплачивать за эту защиту ему и его наслѣдникамъ по сто солидовъ ежегодно“ [1]. „Деревня (такая-то) должна уплачивать виконту пять солидовъ по поводу коммендаціи; за эту сумму виконтъ обязывается защищать людей этой деревни всегда и вездѣ, въ ихъ домахъ, и когда они будутъ находиться въ пути“ [2].

Подъ „коммендаціей“ разумѣлось то же, что „спасеніе“ или „защита“ [3]. „Аббатъ Робертъ, же-

[1] «Idem nobilis vir Humbertus castrum praedictum Sancti Germani et homines de castellania dicti castri tenetur gardare et defendere bona fide; pro qua bona garda promittimus bona fide et stipulatione eidem Humberto pro se et haeredibus suis dare et solvere quolibet anno centum solidos». Хартія 1270 года, *Ducange*, III, p. 580, 2.—Не думаю, чтобы у насъ были такого рода договоры, относящіеся къ IX вѣку; но не подлежитъ, кажется, сомнѣнію, что договоры, сохранившіеся отъ XII и XIII вѣковъ, не что иное, какъ продолженіе и возобновленіе гораздо болѣе раннихъ сдѣлокъ.

[2] «1. Dabit per singulos annos ad Pascha quinque solidos de commendatione vicecomiti; pro hac re promisit vicecomes supradictam villam et homines ipsius villae se ubique servaturum, et etiam homines de Brocaco custodiet euntes et redeuntes» (*Tabularium Sancti Albini Andegavensis*, Ducange, II, 473, 3.

[3] «Neque alium debitum ab illis hominibus qui habitaverint exigant, solummodo *commendationem salvum faciendi*». См. *Tabularium Sancti Cypriani Pictavensis* (Ducange, II, 473, 3).—«Guardam quam commendationem vocant» (*Ibidem*).—«Salvamentum sive commendationem quam in Nerontis villa accipiebant» (*Ibidem*).—Это называлось также *custodia* и *tensamentum*.—«Homines in tensamentum nostrum et custodiam recepimus». Слова «Tensare» и французское «tenser» означали—защищать. См. *Ducange*, VI, 541, 2, и *Brussel*, Usage des fiefs, II, 150, 184, 203.

лая избѣжать насилій и грабежей злыхъ людей“, пишетъ одинъ сеньоръ въ 1148 году, отдалъ два своихъ помѣстья подъ защиту (commendatio) и обязался платить мнѣ ежегодно по десять солидовъ въ день св. Іоанна“ [1]. Въ другомъ случаѣ видимъ, что аббатъ сенъ-бенинскаго монастыря въ Дижонѣ, не имѣя возможности охранять одну изъ своихъ деревень, коммендировалъ ее герпогу бургундскому; онъ уплачивалъ ему за покровительство по сто солидовъ ежегодно, и нѣтъ сомнѣнія, что эту сумму доставляли крестьяне [2]. Въ другомъ мѣстѣ земледѣльцы заключили договоръ по слѣдующей формѣ: „На сеньорѣ лежитъ охрана всѣхъ жителей и каждаго изъ нихъ въ отдѣльности: съ каждаго дома, въ которомъ есть плугъ, онъ будетъ взимать одинъ секстарій овса; съ каждаго дома, въ которомъ есть два вола, онъ будетъ взимать одну мину овса; съ дома, въ которомъ нѣтъ ни плуга, ни воловъ, онъ будетъ взимать одинъ лишь кварталъ“ [3]. Въ другомъ селеніи съ каждаго дыма полагается покровителю одна мина овса, два

[1] «Robertus abbas volens devitare iniurias et infestatianes malefactorum posuit in commendatione mea duas villas... decem solidos mihi reddendo ad festum Sancti Joannis Baptistae». Хартія 1148 года, *Ducange*, II, 473, 3.

[2] «Philippus abbas ecclesiae Sancti Benigni villam... Hugoni duci Burgundiae in commendationem posuit pro centum solidis annuatim solvendis». *Ducange*, ibidem.

[3] «Habet dominus in parochia de Loco Dei in omnibus et singulis habitatoribus dicti loci gardam, quae garda levatur in hunc modum: videlicet de quolibet hospitio habente carrucam levatur unum sextarium avenae; in hospitio non habente carrucam neque boves, levatur tantum unum quartale avenae». Хартія 1309 года, *Ducange*, VI, 909, 1.

динарія и одинъ хлѣбъ [1]. Еще въ другомъ мѣстѣ деревенскіе жители должны ежегодно давать своему защитнику три рабочихъ дня со своими волами [2]. Въ полосѣ винодѣлія сеньоръ обязывается охранять виноградники, и каждый виноградарь долженъ давать ему извѣстную мѣру вина. Иногда онъ обязывается еще защищать въ пути возчиковъ вина, за что тѣ вносятъ ему налогъ за покровительство [3].

[1] «Salvamentum habet dominus Bucardus in ochiis illis in quibus focus est... Salvamentum est mina avenae in ochia et duo denarii et unus panis ivernagii». Хартія Гильома графа неверскаго, 1165; *Ducange*, VI, стр. 47, 1.—«Modium horrei habitatores dictae villae solvere tenentur pro salvatoria». *Ducange*, VI, 48, 2.—«Homines debent comiti pro garda V sextarios avenae». *Ducange*, III, 580, 2.—«Quatuor sextarios avenae annuos de garda». Хартія 1229 года, *Ducange*, VI, 909, 1.—«Videlicet ut unusquisque qui in ea terra bordam vel domum haberet, minam avenae redderet illi ob tutamentum» (*Tabularium Vindocinense*, Ducange, VI, стр. 541, 3).—«Salvamentum quod comes habebat in potestatibus de Porreno et Chichiriaco, tam in avena quam trossis, panibus et denariis». *Ducange*, VI, 47, 1.—Люди, платившіе сборъ за «защиту» пшеницей, курами и динаріями, показаны въ хартіи 1285 года, у *Ducange*, VI, 47, 2.

[2] *Cartulaire de St. Père*, хартія 1086 года, I, 248: «Pro defensione hominum rusticorum boves ter in anno ad exercendam terram».

[3] «Commendatio vinearum... comendatio asinariorum vinum deferentium». *Ducange*, II, 473, 3.—«Tensamentum vini». *Ibidem*, VI, 542, 1.—«Li sauveniez du vin». Хартія 1281 года у *Ducange*, VI, 47, 2.—«Salvamentum de vino». *Ibidem*, VI, 47, 1.—Въ другомъ мѣстѣ сеньоръ продаетъ людямъ изъ Сенъ-Вандрилла «adiutorium», «consilium» и «advocotianem». Хартія 1157 года, *Léopold Delisle*, 61.—Едва ли нужно прибавлять, что здѣсь совершались злоупотребленія именно съ той стороны, съ которой была сила. Часто случалось, что сеньоры требовали много платы, а оказывали мало покровительства; постепенно дошло до того, что они продолжали требовать плату, не оказывая его совсѣмъ: «Exactores pessimi, capiendi specie salvamenti, pene vernaculos Beati Dionysii devastantes, populabantur»; *Ducange*, VI, 46, 3.—«Tensator», что значило раньше «защитникъ», сдѣлался синонимомъ съ «praedator»: «Tensator, sive spoliator, consuetus homines tenseare» (*Ducange*, VI, 542, 2). Надо также полагать, что въ послѣдующіе вѣка, по мѣрѣ того, какъ люди начали меньше нуждаться въ покровительствѣ, они стали находить болѣе тяжкимъ и несправедливымъ сборъ, который они навсегда обязались платить за него.

Въ нѣкоторыхъ областяхъ позднѣе повинность, платившаяся за защиту, называлась „*le vingtain*“; то былъ въ самомъ дѣлѣ двадцатый снопъ или двадцатая доля плодовъ и вина [1]. Начало этому сеньорьяльному праву положено было цѣлымъ рядомъ частныхъ соглашеній между каждымъ сеньоромъ и населеніемъ данной земли; оно было цѣною, каковую населеніе обязывалось платить за покровительство, которое ему обязывался обезпечить сеньоръ. Въ договорѣ часто постановлялось, что сумма этого сбора „двадцатой части“ будетъ всецѣло употреблена на укрѣпленіе замка, бывшаго оплотомъ деревни [2]. Иногда добавлялось, что крестьяне обязаны давать ежегодно по два дня барщины для работы по укрѣпленію [3].

[1] «Le vintain est un droit acquis par convention entre le seigneur et les habitants de sa terre, par laquelle le seigneur s'est obligé de faire construire et maintenir à ses dépens les murailles du bourg de l'enclos du château pour la sûreté des habitants et la conservation de leurs biens mobiliers, moyennant la vingtième partie des blés et du vin qu'ils recueillent» (*Salvaing*, Usage des fiefs, c. 46).

[2] «Dominus clausuram debet facere et reficere pro vicesima fructuum quam levabit». Хартія 1256 года, *Ducange*, VI, 841, 2.—«In pluribus castris et territoriis... pro muris seu moeniis construendis (*Salvaing*, 279).

[3] «Vintenum quod mihi dederunt ipsi homines... pro clausur

„Защита“ была не единственнымъ источникомъ, а только однимъ изъ источниковъ сеньорьяльныхъ финансовыхъ правъ. Покровительство повлекло за собой подчиненіе. „Спасаемый“ сталъ слугою [1], спаситель неизбѣжно дѣлался господиномъ, судьею, верховнымъ главою. Опека и господство слились. Чтобы получить защиту, люди вступали въ зависимость [2]. Они слишкомъ страдали и слишкомъ боялись, чтобы думать о своей свободѣ. Они не колеблясь сдѣлали выборъ между вассальной зависимостью и разореніемъ.

Подчиненіе не было имъ навязано вопреки ихъ волѣ; они приняли его по договору. Сеньорьяльная власть не насильно захватила ихъ; они шли ей навстрѣчу. Такъ какъ тогда было время, когда покровительства искали больше, чѣмъ власти, то покровительствуемый платилъ, и казалось справедливымъ, чтобы онъ вознаграждалъ сеньора за заботы и трудъ. Свободные люди исчезли, за исключеніемъ развѣ жителей нѣсколькихъ хорошо огражденныхъ стѣнами городовъ. Люди перестали

ipsius castri vel alia iusta causa et necessaria de voluntate ipsorum hominum». Хартія 1277 года, *Ducange*, VI, 841, 2.—«Corveias bis in anno *haias* vulgus appelat». Хартія 1168 года, *Ducange*, VI, 541, 3.

[1] «Sauvatier»—синонимъ слуги; см. *Ducange*, VI, 50, 3.

[2] «Dicebat Theobaldus quod tensaret homines sed ipse faceret iustitiam de hominibus». Хартулярій аббатства Сенъ-Жерменъ дэ Прэ, *Ducange*, VI, 542, 2.—«Qui se sub ditione salvationis ponerent» (см. исторію кондомскаго аббатства у *Ducange*, VI, 47, 2).—Защита не всегда соединялась съ правомъ суда. «Между защитой и юстиціей существуетъ большая разница», говоритъ *Beaumanoir* (с. 46), ибо судъ чинитъ въ нѣкоторыхъ земляхъ тотъ, кто не несетъ ихъ защиты».

подчиняться государственной власти: они оказались подчинены другъ другу; они образовали нѣсколько степеней вассалитета.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ.

Королевская власть становится избирательной.

Въ принципѣ королевская власть была наслѣдственной. При Меровингахъ она всегда передавалась по праву рожденія; самъ Пиппинъ Короткій считалъ, что онъ происходитъ отъ царствующей династіи и послѣ него власть всегда переходила отъ отца къ сыну. Въ документахъ этихъ четырехъ вѣковъ нѣтъ никакого указанія, чтобы народъ считалъ себя въ правѣ избирать своихъ королей [1].

Но такъ какъ договоръ вѣрности не заключался за наслѣдниковъ, то вѣрные, значитъ, обладали такимъ правомъ, какого не имѣлъ народъ: они имѣли право выбирать, если не короля, то, по крайней мѣрѣ, своего сеньора [2].

[1] См. выше, кн. III, гл. 4.—Карлъ Лысый, будучи при смерти, посылаетъ королевскіе знаки своему сыну; *Annales Bertiniani*, p. 260.—Карлъ и Людовикъ пишутъ въ оффиціальномъ актѣ, что ихъ дѣти «regnum paternum iure hereditario tenere possint» (*Ibidem*, p. 275).—Такъ Людовикъ II, чувствуя близость своего конца, послалъ своему сыну королевскіе знаки, повелѣвъ тѣмъ, кто находился при немъ, чтобы было совершено помазаніе и коронованіе его королемъ (*Ibidem*, 278).

[2] Таково, если не ошибаемся, значеніе нѣкоторыхъ формулъ, которыя указываютъ на право избранія, и которыя встрѣчаются въ капитуляріяхъ 806 года (гл. 10) и 817 года (гл. 14 и 18). *Boretius*, p. 128 и 272—273.

Когда король умиралъ, всѣ договоры вѣрности прекращались. Такъ открывался моментъ, когда новый король оставался еще безъ вѣрныхъ, а вѣрные прежняго короля оказывались безъ бенефиціевъ и должностей. Этотъ моментъ длился, правда, недолго; всѣ вѣрные являлись къ новому королю, коммендировались ему и возобновляли присягу; новый король въ свою очередь возобновлялъ пожалованія.

Это правило примѣнялось въ теченіе всего меровингскаго періода; оно лежало въ основаніи института вѣрности.

Оно могло быть благопріятно или неблагопріятно для власти короля въ зависимости отъ того, былъ ли послѣдній сильнѣе или слабѣе своихъ вѣрныхъ. Если король былъ достаточно могущественъ, чтобы оказаться въ силахъ отобрать бенефиціи и должности, вѣрные оказывались смиренными и покорными, и церемонія присяги являлась для нихъ не чѣмъ инымъ, какъ актомъ подчиненія и изъявленія покорности. Если же, наоборотъ, было видно, что королевская власть безсильна отобрать должности и земли, то собраніе тѣхъ, кто ихъ держалъ, могло продиктовать королевской власти законъ, а церемонія присяги превратиться въ родъ избранія.

Взглядъ эпохи на королевскую власть ясно выраженъ въ разсказѣ бертинской лѣтописи. Въ 869 году, когда король Лотаръ умеръ, знатные Лотарингіи пригласили Карла Лысаго отправиться въ Метцъ, и большинство ихъ явилось лично коммендироваться ему [1]. Правда, епископы и сеньоры захотѣли придать извѣстную торжественность и какъ бы характеръ публичнаго признанія договору, который каждый отдѣльно уже раньше заключилъ. Въ соборѣ города Метца состоялось собраніе, которое называется въ памятникѣ народомъ, то-есть, собственно, состоявшее изъ прелатовъ и знатныхъ, сопровождаемыхъ или окруженныхъ собственными вѣрными. Епископъ метцскій при этомъ говорилъ такъ: „Вы знаете, какъ горестно поразила насъ смерть короля Лотара. Лишенные нашего короля и оставшись послѣ его утраты безъ поддержки, мы искали другого короля, дабы онъ управлялъ нами по закону, сохранялъ каждаго изъ насъ подъ своимъ покровительствомъ, и давалъ намъ безопасность и защиту“ [2]. Согласно понятіямъ и обычаямъ эпохи, такой языкъ означалъ, что вслѣдствіе смерти предшествующаго короля, естественно нарушившей всѣ договоры бенефиціевъ или патроната, бенефиціалы и вѣрные искали вождя, который бы возобновилъ договоры и обезпечилъ сохраненіе бенефиціевъ и должностей [3]. Епископъ добавилъ: „Мы собрались и молили Бога, чтобы онъ даро-

[1] «Plurimos de regno et Hattonem episcopum et Arnulphum sibi se commendantes suscepit. Deinde Mettis veniens, Adventium ipsius civitatis praesulem et Franconem Tungrensem episcopum cum multis aliis in sua commendatione suscepit». Бертинская лѣтопись, 869 годъ.

[2] Бертинская лѣтопись, стр. 191.

[3] «Volumus ut ecclesiae et casae Dei et episcopi et monachi talem *mundeburdem* et honorem habeant, sicut tempore antecessorum nostrorum habuerunt». *Adnuntiatio Ludovici regis*, 860 годъ (*Krause*, p. 157, c. 4).

валъ намъ угоднаго ему короля на благо намъ и на преуспѣяніе. Королемъ избранъ Карлъ. Мы отдаемъ себя въ его руки по собственному побужденію, дабы онъ былъ надъ нами и за насъ, служилъ намъ помощью и защитой и мы жили въ мирѣ и спокойствіи".

Итакъ, эти люди разсматривали королевскую власть лишь съ точки зрѣнія ея полезности. Ихъ повиновеніе ей обусловливалось пользой, какую они извлекали изъ нея, и было пропорціонально такой пользѣ.

Потому то отъ короля потребовали обѣщанія или формальнаго обязательства. Раньше, чѣмъ собраніе провозгласило его королемъ, и чѣмъ онъ могъ назвать себя, въ самомъ дѣлѣ, королемъ этой страны, онъ долженъ былъ высказаться слѣдующимъ образомъ: „Такъ какъ согласно словамъ епископовъ и высказанному вами единодушію я призванъ сюда для того, чтобы защищать васъ и охранять, руководить вами и управлять, то знайте, что съ помощью божіей я буду блюсти славу святой церкви и богослуженія, буду охранять и надѣлять должностями каждаго изъ васъ сообразно его положенію, возстановлю каждаго въ его правѣ, дабы каждый изъ васъ воздавалъ мнѣ также королевскія почести и помогалъ защищать королевство".

Таково было соглашеніе. Но было бы большой ошибкой считать его за народное избраніе, за опредѣленіе правъ между государемъ и народомъ. Это договоръ патроната и вѣрности.

А потому это соглашеніе было личнымъ. Оно

связывало лишь тѣхъ, кто приносилъ присягу собственными устами. Многіе изъ знатныхъ Лотарингіи не присутствовали на собраніи въ Метцѣ; они не стали себя считать подданными новаго короля. Мы видимъ также дальше изъ разсказа лѣтописца, что Карлъ Лысый, принужденный временно оставить страну, вернулся туда позднѣе спеціально для того, чтобы „принять подъ свое покровительство и въ свое подданство" людей, которые не отдались ему раньше. Онъ назначилъ имъ мѣсто встрѣчи близъ Туля, но никто не явился и такимъ образомъ во всей Лотаргиніи у него не оказалось другихъ подданныхъ, кромѣ тѣхъ, какіе сдѣлались его вѣрными на собраніи въ Метцѣ [1].

То же повторялось при восшествіи на престолъ каждаго изъ каролингскихъ королей. Карлъ Лысый умираетъ въ 877 году. Сынъ его, Людовикъ Косноязычный, раньше, чѣмъ объявить себя королемъ, спѣшитъ привязать къ себѣ вѣрныхъ, *quos potuit conciliavit sibi*, „раздавая имъ аббатства, графства, помѣстья, согласно желанію каждаго" [2]. Но, создавая себѣ столько вѣрныхъ, сколько онъ раздаетъ помѣстій, онъ создаетъ въ то же время столько же враговъ, сколько было людей, ходатайствовавшихъ о тѣхъ же помѣстьяхъ и не получившихъ ихъ [3]. Недовольные, оказавшіеся въ

[1] Бертинская лѣтопись, стр. 200.

[2] «Quos potuit conciliavit sibi, dans eis abbatias, comitatus ac villas, secundum uniuscuiusque postulationem» (*Ibid.* p. 254).

[3] «Regni primores, tam abbates quam comites, indignatos quia honores dederat... adversus se conspiratos» (*Ibid.* p. 259).

большинствѣ, сошлись на собраніе. Переговоры между собраніемъ, происходившимъ на горѣ Вимарѣ, и Людовикомъ, находившимся въ Компьени, длилось нѣсколько недѣль. Въ концѣ концовъ пришли къ соглашенію; каждый поставилъ свои условія, каждый получилъ бенефицій или должность, какую требовалъ [1]. Когда состоялось соглашеніе, когда всѣ личные договоры были заключены, тогда, говоритъ лѣтописецъ, „съ общаго согласія“ [2], какъ епископовъ и аббатовъ, такъ и знатныхъ королевства и всѣхъ присутствовавшихъ, Людовикъ былъ коронованъ королемъ.

Присяга была принесена въ Компьени. Каждый епископъ произнесъ формулу, выражавшую, что онъ отдаетъ въ руки короля себя и свою церковь „для того, чтобы имѣть должное покровительство“ и сохранить каноническія правила и привилегіи, равно какъ и церковныя имущества [3]. „Я отдаюсь въ ваши руки для того, говоритъ онъ, чтобы за мною остались мои права и все подобающее мнѣ, и чтобы вы обезпечили мнѣ покровительство; я буду зато вашимъ вѣрнымъ и буду вамъ помогать совѣтомъ и рукою сообразно моей силѣ и моему служенію и буду исполнять все, что долженъ своему сеньору епископъ“. Потомъ коммендировались аббаты, графы, королевскіе вассалы и скрѣпили свою вѣрность присягой [4].

[1] «Pactis honoribus singulis quos petierunt».

[2] «Consensu omnium tam episcoporum et abbatum quam regni primorum ceterorumque qui adfuerunt».

[3] «Episcopi se suasque ecclesias illi ad debitam defensionem et canonica privilegia sibi servanda commendaverunt». *Ibidem*, 261.

[4] «Regni primores ac vassali regii se illi commendaverunt et sacramentis fidelitatem promiserunt».

Новый король отвѣтилъ всѣмъ слѣдующей торжественно произнесенной формулой: „Я, Людовикъ, по милосердію Божію и выбору народа поставленный королемъ, обѣщаю всѣмъ разрядамъ духовенства, а именно епископамъ, священникамъ, монахамъ и каноникамъ сохранить всѣ ихъ каноническія установленія; обѣщаю также сохранить за порученнымъ мнѣ Богомъ народомъ его права и законоположенія, съ общаго совѣта моихъ вѣрныхъ“.

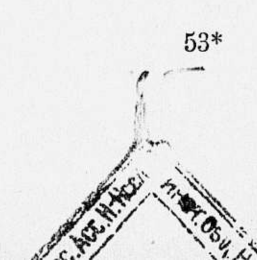
Два года спустя и этотъ король умеръ. Узнавъ о томъ, многіе знатные страны собрались въ Мо, „обсудить, что дѣлать“ [1]. Въ то же время другіе знатные, сенъ-денисскій аббатъ, графъ парижскій, много „епископовъ, аббатовъ, людей могущественныхъ“ собрались въ Крейли, „чтобы въ виду смерти короля распорядиться обо всемъ, что касалось мира и блага королевства“ [2].

Собравшіеся въ Крейли выбрали королемъ Людовика Германскаго, „разсчитывая, что онъ дастъ имъ больше бенефиціевъ и должностей, чѣмъ они держали отъ предшествующаго короля“ [3].

[1] «Mandaverunt primoribus ut apud Meldis convenirent et ibi tractarent quid de cetero agere deberent». Бертинская лѣтопись, стр. 279, 879 годъ.

[2] «Gozlenus abbas... Conradus Parisiaci comes... quoscunque potuerunt episcopos, abbates atque potentes homines ad conventum vocare eo sub obtentu ut, quia rex defunctus erat, unanimiter tractarent de regni pace atque utilitate». Бертинская лѣтопись, 280.

[3] «His autem qui convenerant persuaserunt ut Hludowicum Germaniae regem, in hoc regno convocarent et eius largitione honores quos hactenus obtinere non potuerunt sine ulla dubitatione haberent». *Ibidem*, 280.

Но германскій король обманулъ ихъ и предпочелъ завладѣть Лотарингіей, чѣмъ царствовать во Франціи. Что касается знатныхъ, бывшихъ на собраніи въ Мо, то они высказались за двухъ сыновей покойнаго короля, Людовика III и Карломана. Они заставили помазать ихъ на царство и короновать [1], потомъ сами назначили, какъ будетъ распредѣлено королевство между двумя братьями и „затѣмъ каждый коммендировался тому изъ двухъ, въ части котораго находились его бенефиціи и должности“ [2].

Такимъ образомъ королевская власть становилась избирательною. Она явилась избирательной не по праву, а фактически, и была избирательной не для народа, а для вѣрныхъ. Договоръ вѣрности всегда основывался на свободномъ и добровольномъ выборѣ, но положеніе въ нѣкоторомъ смыслѣ измѣнилось; а именно вмѣсто того, чтобы король выбиралъ себѣ вѣрныхъ и бенефиціаловъ, они стали выбирать короля.

Въ 884 году, когда умерли Людовикъ III и Карломанъ, молодые государи, отличавшіеся большой храбростью, „франки, собравшись на совѣтъ, рѣшили послать къ императору Карлу, чтобы звать его во Францію царствовать“ [3]. Если бы

[1] «Eos consecrari et coronari in reges fecerunt», *Ibidem*, 282.

[2] «Reges reversi sunt Ambianis, et sicut *fideles illorum invenerunt*, regnum paternum inter se diviserunt... et quique de proceribus secundum convenientiam, in cuius divisione honores haberent, illi se commendarent». *Ibidem*, 284.

[3] «Franci capiunt consilium et... dirigunt ad imperatorem Karolum uti veniat in Franciam». Лѣтопись св. Вааста 884 годъ, стр. 320.

ихъ повиновеніе обусловливалось наслѣдственнымъ правомъ, они взяли бы въ короли сына Людовика II, Карла Простого; они предпочли короля Германіи и, „отправившись къ нему, вступили въ его подданство“ [1].

Здѣсь можно отмѣтить, что въ политику знатныхъ, если можно сказать, что они преслѣдовали опредѣленную политику, не входилъ выборъ слабаго короля, такъ какъ они предпочли бы въ такомъ случаѣ Карла Простого, въ то время пятилѣтняго ребенка [2]. Въ ихъ политику входило, наоборотъ, искать короля, достаточно сильнаго, чтобы защищать ихъ, оказывать имъ покровительство и охранять ихъ имущество. Итакъ, они приняли рѣшеніе въ пользу Карла Толстаго, казавшагося весьма могущественнымъ.

По прошествіи двухъ лѣтъ было замѣчено, что онъ никого не защищалъ и никому не оказывалъ покровительства; тогда всѣ бросили его „и при императорѣ, говоритъ лѣтописецъ, не осталось ни одного вѣрнаго“ [3]. Сначала знатные не могли притти къ соглашенію относительно выбора его преемника; одни выбрали Эда, другіе Гвидо итальянскаго [4], нѣсколько человѣкъ высказалось даже за

[1] «Ad eum venerunt eiusque se subdidere imperio». *Ibidem*.

[2] «Puer Carolus, de quo cum Franci desperassent». *Chartularium Sithiense*, p. 130.

[3] «Franci videntes imperatoris vires ad regendum imperium invalidas, eiecto eo de regno»... Лѣтопись св. Вааста, 887 годъ, стр. 329.—Метцская лѣтопись, 887 годъ.

[4] «Franci inter se divisi, quidam Widonem ab Italia, quidam Odonem in regno statuere volunt».—Лѣтопись св. Вааста, 329.

Арнульфа германскаго [1]. Въ концѣ концовъ Эдъ одержалъ верхъ, благодаря ореолу, которымъ его окружала побѣда надъ норманнами. Но едва прошло пять лѣтъ, какъ большая часть вѣрныхъ покинула его и перенесла свое корыстное предпочтеніе на Карла Простого, котораго сдѣлала королемъ [2].

Изложенные факты ясно отражаютъ публичное право той эпохи. Всякій общій принципъ исчезалъ; люди не понимали больше монархію, какъ подчинявшую ихъ наслѣдственную власть; они не понимали также идеи національнаго права, которая стала бы надъ королевской властью. Единственное, что они понимали, былъ личный и добровольный договоръ между вѣрнымъ и сеньоромъ. Вѣрные выбирали своего главу; они выбирали его, по своему желанію, руководствуясь не высшими и общими принципами, а ожидаемыми отъ него матерьяльными выгодами. Избраніе не было коллективнымъ актомъ, оно не было результатомъ голосованія, подсчетъ голосовъ не производился, и рѣшеніе большинства не связывало меньшинства. Избраніе было рядомъ индивидуальныхъ актовъ и связывало лишь тѣхъ, кто принималъ въ немъ участіе. Въ подданство вступали лично и по договору.

Въ такихъ условіяхъ королевская власть неизбѣжно становилась слабою. Она лишена была всего того, что принуждало бы подчиняться. У нея не было матерьяльной силы, равно какъ и моральной власти. Она не имѣла возможности содержать постоянное войско, даже организовать для себя воинскую охрану, которая не состояла бы изъ собранія сеньоровъ, или владѣть крѣпостями, которыя бы не принадлежали тѣмъ же сеньорамъ. Она утеряла налоги. Земельная подать не уплачивалась ей больше свободными людьми; косвенные налоги взимались графами и епископами; ежегодные дары бенефиціаловъ перестали поступать съ тѣхъ поръ, какъ бенефиціалы перестали опасаться отобранія бенефиціевъ; что касается доходовъ съ королевскихъ земель, то они уничтожились потому, что почти не оставалось больше королевскихъ земель.

[1] «Contulerunt se ad Arnulfum regem ut veniret in Franciam et regnum sibi debitum reciperet». *Ibidem*, 331.

[2] «Remis adunati consilium inierunt adversus Odonem... Et Carolum, regis Hludowici filium, in paterno solio collocant». Лѣтопись св. Вааста, 345.

Начиная съ конца царствованія Карла Лысаго, короли больше не управляютъ; они не издаютъ больше капитуляріевъ, то-есть, законодательныхъ актовъ; юстиція имъ больше не принадлежитъ. Ихъ царствованіе проходитъ въ принятіи клятвъ на вѣрность, въ возобновленіи пожалованій графствъ или бенефиціевъ, въ сношеніяхъ съ сеньорами. Они не оказываютъ больше никакого общаго воздѣйствія на населеніе. Принципъ вѣрности окончательно побѣдилъ принципъ государственной власти.

То, что утрачивала королевская власть, не пошло въ выигрышъ свободѣ народа. Надо замѣтить, что въ ту эпоху не возникло ни одно свободное учрежденіе. Не видно ни общегосударственныхъ,

ни областныхъ собраній. Повидимому, самая идея политической свободы была чужда всѣмъ умамъ; на нее не встрѣчается никакого указанія.

Установившійся въ то время строй былъ такъ же далекъ отъ того, что обыкновенно подразумѣвается подъ монархіей, какъ и отъ того, что подразумѣвается подъ республикой: это былъ феодальный строй.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ.

Паденіе каролингской династіи [побѣда начала вѣрности].

Мы бы составили себѣ очень неточную картину объ исторіи X-го вѣка, если бы вообразили себѣ ее, полною всеобщей и постоянной борьбы знати съ королевской властью. Знатные не составляютъ организованнаго цѣлаго. Они не объединяются никакою политическою идеею или направленіемъ. Они не испытываютъ никакого чувства вражды къ монархіи или любви къ свободѣ. Они ничего не хотятъ уничтожать, не стремятся создавать ничего новаго. Каждымъ человѣкомъ руководитъ только личный интересъ. Получать и сохранять— вотъ вся ихъ политика. Одинъ и тотъ же человѣкъ попеременно является то слугою, то врагомъ короля, въ зависимости отъ того, что ему подсказываетъ его выгода, служить или бороться. У короля всегда есть въ одно и то же время и вѣрные, и враги, враги, которые сдѣлаются вѣрными, когда онъ найдетъ, что дать имъ, вѣрные, которые, быть

можетъ, накануне были врагами, могутъ сдѣлаться врагами и на слѣдующій день. Обстоятельства иногда слагаются такъ, что совпадаютъ очень многочисленные отдѣльные интересы и создается общій союзъ; но даже тогда не обнаруживается общей идеи, нѣтъ даже общихъ тенденцій, послѣдовательной политики.

Непостоянство—отличительная черта X-го вѣка. Знатные мѣняютъ королей по произволу, въ зависимости отъ злобы или страстей настоящаго дня. Они даютъ свою вѣрность и берутъ ее назадъ, когда хотятъ, вѣрность создаетъ и свергаетъ королей.

Среди такихъ безпрестанныхъ перемѣнъ не могло развиться ни наслѣдственной привязаьности къ каролингской династіи, ни стремленія во что бы то ни стало свергнуть ее. Отъ этой династіи сеньоры переходили къ другой, чтобы снова вернуться къ ней. Карлу Простому оставались вѣрны довольно долго; потомъ нашли поводъ къ недовольству имъ и объявили ему, „что не станутъ больше повиноваться ему, если онъ не измѣнитъ поведенія“. Два года спустя, угроза была приведена въ исполненіе; въ 922 году люди, бывшіе вѣрными Карла, „явились къ нему и, бросивъ на землю пучки соломы, возвѣстили такимъ образомъ, что не хотятъ больше имѣть его сеньоромъ; отдѣлившись отъ него, они оставили его совсѣмъ одного“. Они выбрали въ короли одного изъ своихъ, Роберта [1].

Никто не думалъ объ уничтоженіи королев-

[1] *Flodoard*. Annales, a.a. 920—922.—*Ademari Cabannensis Chronicon* (Bouquet, VIII, 233).

ской власти. Королевская власть была на самомъ дѣлѣ необходимымъ для сеньоровъ институтомъ. Она давала имъ инвеституру ихъ бенефиціевъ, епархій и графствъ. Безъ нея не было бы законнымъ и прочнымъ никакое владѣніе, никакая должность. А потому каждый хотѣлъ имѣть королемъ того, отъ кого получалъ или отъ кого надѣялся получить всего больше выгоды.

Гериберть изъ Вермандуа разсчитывалъ для себя на графство Ланъ, король Рауль отказывалъ ему; въ своемъ замкѣ онъ держалъ плѣнникомъ прежняго короля, Карла Простого; тогда онъ извлекъ его оттуда и провозгласилъ снова королемъ, чтобы получить отъ него инвеституру на это графство, но Рауль чувствовалъ опасность и извѣстилъ Гериберта, что дастъ ему графство Ланъ. Герибертъ нашелъ болѣе надежнымъ получить его изъ рукъ Рауля, чѣмъ изъ рукъ Карла Простого, и несчастный государь снова возвращенъ былъ въ заточеніе.

Немного спустя престолъ становится вакантнымъ. Знатные собираются, и наиболѣе могущественный изъ нихъ, Гуго Великій, склоняетъ ихъ остановить выборъ на Каролингѣ. Онъ выписываетъ изъ Англіи Людовика Заморскаго и дѣлается его вѣрнымъ; Людовикъ Заморскій даетъ ему за это герцогство бургундское. Впослѣдствіи онъ также способствовалъ выбору Лотара и заставилъ его дать ему герцогство аквитанское.

Въ 987 году нужно было приступить къ новому избранію. Умершій король не оставилъ дѣтей, и оставался только одинъ отпрыскъ изъ рода Карла

Великаго, Карлъ Лотарингскій. Такое званіе не дѣлало его чуждымъ для Франціи: ни національное сознаніе, ни расовая вражда не вліяли на рѣшенія людей, не привыкшихъ различать національности и питать племенную вражду; многіе изъ сеньоровъ призывали раньше во Францію Оттона II [1]. Санлисское собраніе предпочло Гуго Капета Карлу Лотарингскому потому, что первый нашелъ вѣрныхъ, а второй ихъ не имѣлъ. Вопросъ шелъ не о двухъ династіяхъ разнаго происхожденія, а о двухъ людяхъ, изъ которыхъ одинъ былъ неизвѣстенъ или непріятенъ, а другой популяренъ, одинъ отсутствовалъ, а другой предсѣдательствовалъ на собраніи; одинъ былъ слабъ, находился далеко, другой всемогущъ и связанъ интересами или родствомъ почти со всѣми присутствовавшими.

Поставился вопросъ о наслѣдственномъ правѣ; Карлъ Лотарингскій заявлялъ, что его рожденіе давало ему право на престолъ; архіепископъ Адальберонъ возражалъ „что престолъ не пріобрѣтается по наслѣдственному праву“ [2].

Если бы въ стремленія знати входила задача ослабить или уничтожить королевскую власть, то, вѣроятно, они выбрали бы слабѣйшаго изъ двухъ претендентовъ. Современный лѣтописецъ показываетъ, что на нихъ повліяло противоположное со-

[1] Тотъ самый Адальберонъ, архіепископъ реймсскій, который явился самымъ горячимъ сторонникомъ избранія Гуго Капета, былъ раньше приверженцемъ Оттона II. *Richer*. IV, 2.

[2] «Non ignoramus Carolum fautores suos habere qui eum dignum regno ex parentum collatione contendant. Sed si de hoc agitur, non regnum iure hereditario adquiritur». Рѣчь Адальберона у *Richer*. IV, 11, p. 156.

ображеніе. Архіепископъ Адальберонъ доказалъ имъ, что имъ не слѣдуетъ выбирать Карла Лотарингскаго, ибо онъ человѣкъ безсильный; они должны, наоборотъ, остановиться на Гуго Капетѣ, „который стоитъ на первомъ мѣстѣ по энергіи, по благородству, по могуществу, въ которомъ они не только найдутъ защитника для государства, но и для частныхъ своихъ интересовъ, который будетъ могущественнымъ покровителемъ, какъ и раньше никогда не оставлялъ въ безпомощномъ положеніи ни одного изъ своихъ вѣрныхъ“ [1]. Избраніе, которое возвело на престолъ династію Капетинговъ, было побѣдою принциповъ вѣрности надъ монархическими традиціми.

Каролинги были главами вѣрныхъ и въ то же время наслѣдственными королями; Гуго Капетъ явился только главою вѣрныхъ.

ЗАКЛЮЧЕНІЕ.

Какъ сложился феодальный порядокъ?

Съ средины существованія римской ммперіи до X-го вѣка наблюдалось непрерывное развитіе двухъ явленій: во-первыхъ, постепеннаго ослабленія политической власти, во-вторыхъ—роста крупной собственности и патроната. Незамѣтно дѣло пришло

[1] «Promovete igitur vobis ducem, actu, nobilitate, copiis clarissimum, quem non solum reipublicae, sed et privatorum rerum tutorem invenietis. Quis enim ad eum confugit et patrocinium non invenit? quis suorum auxiliis destitutus, per illum suis non restitutus fuit» (*Ibidem*).

къ тому, что помѣстье и патронатъ стали единственными крѣпкими институтами; они заняли мѣсто, принадлежавшее въ предшествующіе вѣка государственной власти.

Когда эволюція была закончена, оказалось, что общество управлялось не государственными законами, а началомъ, которому была подчинена собственность, и обычаями, которые руководили отношеніями между личностями.

Это и принято называть феодальнымъ порядкомъ. Названіе это не вполнѣ правильно, такъ какъ въ средніе вѣка далеко не все сводилось къ феодализму; но феодализмъ составлялъ одну изъ выдающихся чертъ средневѣкового строя, и не удивительно, что онъ далъ послѣднему свое названіе. Если читатель слѣдилъ за послѣдовательностью изложенныхъ въ настоящей книгѣ фактовъ, то онъ присутствовалъ при долгомъ и незамѣтномъ зарожденіи феодальнаго порядка.

Этотъ порядокъ установился не сразу: для его образованія потребовалось нѣсколько столѣтій. Онъ не былъ результатомъ завоеванія или акта насилія; онъ явился естественнымъ слѣдствіемъ устройства земельной собственности, связанныхъ съ нею интересовъ, возникшихъ на ней обычаевъ.

Можно на нѣсколькихъ страницахъ резюмировать различныя фазы, черезъ которыя прошелъ феодализмъ раньше, чѣмъ достигъ полнаго развитія.

Его началомъ и главнымъ источникомъ зарожденія было право собственности въ томъ видѣ, какъ его понимало римское и въ то же время гер-

манское общество, подъ названіями *dominium*, *proprietas*, *allodis:* то было право неограниченное, безусловное, связывавшее землю съ человѣкомъ и передававшееся или по кровному родству, или сообразно волѣ собственника на сторону, право, распространявшееся не только на неодушевленную землю, но также и на населявшія ее человѣческія существа, составлявшія ея *instrumentum*, воздѣлывавшія ее и населявшія.

Въ нѣдрахъ этой собственности развивается зерно, повидимому, весьма отличное отъ нея, но которое, однако было связано съ нею, какъ отводокъ съ растеніемъ, какъ зародышъ съ матерью: это—бенефиціальное владѣніе или пользованіе. Собственникъ земли уступаетъ ее другому человѣку такъ, что ничего не утрачиваетъ отъ своего права, онъ ее даетъ изъ милости и въ отвѣтъ на просьбу; онъ беретъ ее назадъ, когда захочетъ; онъ передаетъ ее сыну пожалованнаго лишь путемъ формальнаго возобновленія милости. Если онъ и выпускалъ ее изъ рукъ въ теченіе нѣсколькихъ поколѣній, тѣмъ не менѣе онъ оставался настоящимъ и единственнымъ ея собственникомъ.

Такое могущее быть взятымъ назадъ пожалованіе, не вытекавшее изъ договора и не дававшее пожалованному никакого права, ставило его въ положеніе каждодневной зависимости по отношенію къ собственнику земли; между ними устанавливались отношенія кліента къ патрону, благодѣтельствуемаго къ благодѣтелю; онъ долженъ былъ исполнять все, чего тотъ потребуетъ отъ него, вручать ему ежегодный оброкъ или нести службу, главное же, на немъ ложилось обязательство личной преданности, повиновенія, вѣрности.

Состояніе кліента или вѣрнаго было уже извѣстно въ обществѣ римской имперіи, но оно не признавалось законами; оно даже противорѣчило имъ.

Вопреки усиліямъ государственной власти теченіе понемногу разрасталось, либо благодаря бенефиціальнымъ пожалованіямъ, въ формѣ которыхъ крупные собственники уступали пользованіе своими землями, благодаря отказу отъ права собственности мелкихъ. Бенефицій и кліентела развивались одновременно и нарождалась уже аристократія крупныхъ землевладѣльцевъ, которые оказались окружены бенефиціалами или прекаристами, кліентами или вѣрными.

Безпорядки, послѣдовавшія за вторженіями германцевъ, ослабили государственную власть. Зародышъ, о которомъ только-что говорилось, усилился въ соотвѣтственной пропорціи.

Съ одной стороны, право собственности не пошатнулось; оно сохранило всю свою силу, даже увеличило ее. Земельный налогъ, въ которомъ воплощался единственный видъ зависимости собственности по отношенію къ государству, незамѣтно оказался упраздненъ долгою практикою иммунитета, и собственность предстала такимъ образомъ освобожденною отъ государственной власти.

Бенефиціальное землепользованіе возросло въ той же самой степени. Чѣмъ болѣе независимою становилась крупная собственность, чѣмъ боль-

шаго процвѣтанія она достигала, тѣмъ больше пріобрѣли силы владѣльцы предписывать, такъ сказать, законы занимавшимъ ихъ имѣнья земледѣльцамъ. Арендный договоръ исчезъ и его мѣсто заняла уступка земли изъ милости, прекарій.

Бѣдственное положеніе той эпохи, отражавшееся, какъ всегда бываетъ, главнымъ образомъ на низшихъ классахъ, препятствовало неимущимъ подниматься мало-по-малу до пріобрѣтенія права собственности; даже для мелкихъ владѣльцевъ оказалось непосильно сохранить земли; крупныя же помѣстья прогрессивно увеличивались съ каждымъ поколѣніемъ.

Неурядица царила вездѣ. Чѣмъ меньше было безопасности, тѣмъ больше надобно было искать патроната; чѣмъ меньше находили люди защиты въ законахъ, тѣмъ больше группировались около сильныхъ. Мелкій собственникъ коммендировалъ свою землю; свободный человѣкъ коммендировалъ себя; это значитъ, что онъ отдавалъ свою землю и свою свободу во власть другого человѣка. Такимъ образомъ распространилось личное подчиненіе. Оно обозначалось словами мундебурдъ или кліентела, *trustis* или вѣрность.

Римскіе императоры запрещали подобное подчиненіе; меровингскіе короли перестали его запрещать. Оно не вошло еще въ законъ, но законъ уже не возражалъ противъ него.

Во времена римской имперіи въ обществѣ, обыкновенно мирномъ, подчиненіе выражалось главнымъ образомъ въ податяхъ, въ работахъ на господина или въ домашней службѣ. При франкскихъ короляхъ когда война стала непрерывной и всеобщей, оно выражалось [подъ конецъ] главнымъ образомъ въ обязанности нести воинскую службу. Мечъ получилъ бо́льшую цѣну, чѣмъ деньги или трудъ человѣка. „Вѣрность“ пріобрѣла постепенно военный характеръ.

Меровингскіе короли не считали нужнымъ бороться съ институтомъ вѣрности. Развѣ не были они, благодаря землямъ императорскаго фиска, самыми богатыми собственниками страны? Развѣ не должны они были являться вождями всѣхъ вѣрныхъ? Они дѣйствительно были ими въ теченіе четырехъ или пяти поколѣній. Но мало-по-малу, [благодаря своей неспособности или непониманію они допустили знатныхъ сгруппироваться независимо отъ королевской власти. Рядомъ съ королевской властью, попрежнему почитавшеюся, но безсильною, выросла аристократія крупныхъ собственниковъ; эта аристократія не знала иного повиновенія кромѣ повиновенія избираемымъ ею сеньорамъ, и населеніе могло повиноваться только ей].

[Вскорѣ] у королей [почти] не стало вѣрныхъ. [У нихъ даже не оказалось больше подданныхъ]. Когда цѣпь вѣрныхъ ускользнула изъ рукъ королей, у нихъ осталась голая государственная власть, то-есть, пустое слово; они больше не управляли людьми.

Цѣпь вѣрныхъ, потерявшая единаго главу, послѣ междоусобій VII вѣка распалась на куски, и на пространствѣ Галліи образовалось двѣсти или триста мелкихъ независимыхъ государствъ, въ каждомъ изъ которыхъ епископъ, аббатъ, графъ, герцогъ

крупный собственникъ объединяли около себя людей узами вѣрности.

[Такъ продолжалось при трехъ первыхъ поколѣніяхъ VII вѣка. Но въ то же время подъ королевской властью выросталъ на благо и пользу патроната институтъ, который долженъ былъ возстановить единство трусты. То была должность палатнаго мэра. Палатный мэръ, глава королевскихъ чиновниковъ, сдѣлался также сеньоромъ своихъ вѣрныхъ. Король осуществлялъ свой патронатъ при посредствѣ мэра; мэръ распоряжался государственными землями. Насталъ день, когда у короля оказался въ сущности одинъ только вѣрный, палатный мэръ, бывшій сеньоромъ всѣхъ остальныхъ.

Но въ то же время мэръ, благодаря своему богатству или личному вліянію, могъ пріобрѣтать собственныхъ вѣрныхъ и также раздавать бенефиціи. Если должность мэра принадлежала самому богатому и землей, и вѣрными роду въ королевствѣ, то мэръ становился сильнѣе короля, сильнѣе самой аристократіи; съ могуществомъ, какое ему сообщала королевская труста, онъ соединялъ силу, какую ему давали его вѣрные и обширныя его земли.

Такъ и случилось, когда должность мэра перешла въ руки рода Пиппиновъ.

Этотъ австразійскій родъ, болѣе богатый землями, чѣмъ всѣ остальные, постепенно подчинилъ ихъ себѣ. Какъ низшіе группировались около знатныхъ, такъ эти послѣдніе въ свою очередь объединились около сильнаго сеньора, который [по своему званію палатнаго мэра и по личному значенію] былъ, безспорно, выше остальныхъ. Коммендація и вассальная зависимость стали постепенно переноситься на домъ Пиппиновъ; земли, люди, даже церкви постепенно стали отдаваться въ ихъ власть; большинство земель стало ихъ собственностью и находились въ пользованіи изъ милости; люди стали ихъ вѣрными или вассалами ихъ вѣрныхъ; церкви оказались подъ ихъ покровительствомъ и, слѣдовательно, въ ихъ власти. [Вскорѣ этотъ родъ смогъ завладѣть королевской властью, существовавшей въ дѣйствительности лишь благодаря ему].

Такимъ образомъ возстановилось единство трусты или вѣрности. Возстановленное сначала въ Австразіи, оно распространилось вскорѣ на Нейстрію, Аквитанію, даже на Германію. Отъ Пиренеевъ до Эльбы вѣрные сосредоточились вокругъ единаго главы, Карла Великаго.

Этотъ могучій вождь попытался поднять государственную власть, онъ заставилъ короновать себя, объявилъ себя наслѣдникомъ римскихъ императоровъ, назвалъ себя цезаремъ и августомъ, захотѣлъ царствовать и управлять, какъ императоры. Его современники и не подумали бороться съ этими притязаніями, но они сохранили свой соціальный строй, свои привычки, свои прежніе интересы, свою жизнь; подъ видомъ императорской власти общество на всѣхъ ступеняхъ управлялось вѣрностью.

Въ то время институтъ вѣрности достигъ даже наибольшаго своего развитія, ибо онъ былъ признанъ тогда законами и сдѣлался установленнымъ и легализованнымъ институтомъ.

Централизація, создавшаяся вокругъ Геристальскаго рода, разбилась въ царствованіе Людовика Благочестиваго. Вѣрные раздѣлились; съ вѣрными и бенефиціальныя земли, то-есть, почти всѣ земли; съ землями государство и общество.

Междоусобія, наполнившія всю середину IX вѣка, унесли и то, что оставалось еще отъ государственной власти. Такъ какъ вездѣ верхъ одержала вѣрность, то государство стало бездѣятельно. Не существовало больше ни общихъ законовъ, ни управленія, ни налоговъ, ни государственнаго войска. Титулы короля и императора сохранились, но съ ними не соединялось никакой власти. Вѣрность оказалась единственнымъ институтомъ, державшимъ власть надъ людьми.

